ВОЙНА

РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЮ

1877—1878 ГОДА.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ

военныхъ подвиговъ русскихъ войскъ на обоихъ театрахъ войны за вѣру и свободу.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ БОГАТЫРЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ,

ИХЪ БІОГРАФІИ, ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ, СЦЕНЫ И ПРОЧ.

СОСТАВИЛЪ

по достовѣрнымъ официальнымъ источникамъ, корреспонденціямъ участвовавшихъ и по словамъ очевидцевъ

П. Гарковенко.

МОСКВА.
Типографія К. Индриха, Срѣтенка, д. Карлони.
1879.

ВОЙНА
РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЮ
1877—1878 ГОДА.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ

военныхъ подвиговъ русскихъ войскъ на обоихъ театрахъ войны за вѣру и свободу.

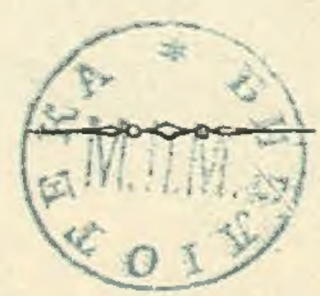
ПОДВИГИ РУССКИХЪ БОГАТЫРЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ,

ИХЪ БІОГРАФІИ, ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ, СЦЕНЫ И ПРОЧ.

СОСТАВИЛЪ

по достовѣрнымъ официальнымъ источникамъ, корреспонденціямъ участвовавшихъ и по словамъ очевидцевъ

П. ГАРКОВЕНКО.

МОСКВА.

Типографія К. Индриха, Срѣтенка, д. Карлони.

1879.

2007096095

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія.

Кровь лилась, стоны страданія раздавались повсюду; это были стоны мучениковъ—нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ рѣзали, мучили, казнили и насиловали враги христіанства—мусульмане.

Было много безуспѣшныхъ попытокъ къ примѣненію въ средѣ Славянъ равноправности, общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ; но все это, благодаря враждебному взгляду мусульманства, оказывалось не только непримѣнимымъ, но и немыслимымъ.

Но вотъ, внявъ своимъ сострадательнымъ ухомъ къ плачу Славянъ, Императоръ Александръ II извлекъ мечъ и за нимъ понеслисъ русскіе богатыри выручать изъ рабства погибавшія подъ турецкимъ игомъ славянскія населенія Турціи и въ 1877 году вспыхнула жестокая война Россіи съ Турціей—война за вѣру, за свободу человѣчества!... Это было не мщéніе за безчеловѣчный деспотизмъ турокъ, не стремленіе наказать за безчеловѣчное эксплоатированіе православныхъ христіанъ на востокѣ и частое кровопролитіе въ средѣ безоружныхъ, безотвѣтныхъ христіанъ Балканскаго полуострова,—а просто стремленіе вооруженною рукою понудить турокъ къ тому, чтобы, однажды навсегда, они положили предѣлъ пятивѣковому безчеловѣчному обращенію съ людьми, которые виноваты только тѣмъ, что они Славяне и христіане.

Императоръ Александръ II разомъ покончилъ съ турками тѣмъ, что, одержавъ полную побѣду надъ ними въ Европѣ и Азіи, освободилъ Болгарію отъ ненавистнаго, тяжелаго рабства, давъ ей значеніе «княжества» и право избирать изъ среды своей князя.

Если война, вообще говоря, принадлежитъ исторіи, то война 1877—78 годовъ всецѣло принадлежитъ исторіи Славянства и служитъ краеугольнымъ камнемъ прочной самостоятельности и независимости нѣкоторыхъ княжествъ Балканскаго полуострова; но для Болгаръ побѣда наша надъ турками открыла новую страницу въ исторіи Болгарскаго народа, съ которой начнется его новая, самостоятельная жизнь подъ управленіемъ своего собственнаго князя въ предѣлахъ родной земли, которая въ те-

ченіи нѣсколькихъ вѣковъ обливалась кровью предковъ и родичей и оглашалась воплями страдальцевъ.

Русскіе, сбросивъ оковы съ порабощенныхъ, доказали Турціи, что славянскія племена имѣютъ сильныхъ защитниковъ, защитниковъ безкорыстныхъ и великодушныхъ. Съ побѣдой, одержанной надъ турками, сопряжено было важное значеніе Россіи въ глазахъ всей Европы, потому что русскіе, въ борьбѣ съ неменѣе сильнымъ врагомъ умѣли поддержать свою нравственную честь и прежнюю военную славу.—И теперь, какъ всегда, Россія не покраснѣетъ предъ памятью предковъ-героевъ, побѣдами которыхъ славна и сильна и которыхъ именами—гордится.

Съ войны 1877—78 годовъ вѣнокъ побѣдной славы принадлежитъ всему русскому воинству безразлично. Если руководившіе войной вожди-полководцы имѣютъ право на лавры за умѣнье вести войну и одерживать побѣды, то неменьшее право имѣютъ на это наши простые воины за то, что стой костью, выносливостью и безпримѣрною храбростью во всякое время дня и ночи давали возможность своимъ начальникамъ приводить стратегическія идеи въ исполненіе и одерживать побѣды. Въ страшные жары, въ сильную вьюгу и холодъ, наши воины шли на встрѣчу опасности, безропотно выполняя команду своего начальника. Выдерживая сильные натиски непріятеля и страшную пальбу, храбрые успѣвали тамъ, гдѣ окончательно было невозможно надѣяться. Вообще—русскій солдатъ въ эту войну, предъ лицомъ всей Европы и ея военныхъ представителей, показалъ себя до такой степени «солдатомъ», что нашей русской арміи позавидовали всѣ европейскіе военные агенты, бывшіе на войнѣ. Русскій воинъ, будучи хорошимъ исполнителемъ дисциплины, одаренъ хладнокровіемъ, смѣлостью, выносливостью въ тяжелыя минуты битвы; въ тоже время религіозенъ, добръ и ласковъ даже съ такими врагами, какъ турки и—прекрасный товарищъ!

Можно ли послѣ этого отказать русскому солдату въ томъ, что онъ обладаетъ такими совершенствами, какія дѣйствительно можно позавидовать любой Европейской арміи.

Весьма понятно что Государь Императоръ, зная добрыя качества нашихъ русскихъ солдатъ, жалѣлъ ихъ, отпуская на войну, исходъ которой былъ тогда неизвѣстенъ. Но надежды Его оправдались, хотя было не мало погибшихъ на полѣ битвы... Что дѣлать! Вѣчная память и мученическій вѣнецъ погибшимъ за святое и правое дѣло!

Отдавъ должное храброму воинству за побѣды, оказанныя на обоихъ театрахъ войны, находимъ не менѣе нужнымъ сказать, что вся Россія сочуственно отнеслась къ дѣлу войны—не словомъ, а дѣломъ.

Кромѣ добровольцевъ, рѣшившихся промѣнять мирныя занятія на бранный мечъ, кромѣ лицъ, посвятившихъ себя дѣлу ухода за страждущими и ранеными на полѣ брани, всѣ остальные русскіе безъ различія пола, отъ мала до велика, кто чѣмъ могъ, приносили свою посильную лепту нуждамъ войны.

Теплое участіе слышалось повсюду. Извѣстіе о неудачѣ—наводило полное уныніе; побѣда вызывала съ устъ каждаго «Слава Богу!» крестное знаменіе, молебны, общій восторгъ и взаимныя поздравленія.

Вообще такое событіе, какъ минувшая война, не скоро забудется; слишкомъ много свидѣтелей войны, слишкомъ много участниковъ этой горячей эпохи. Еще до сихъ поръ не изгладились изъ народной памяти тѣ живыя впечатлѣнія славныхъ боевъ подъ Плевной, подъ Карсомъ и проч. и изъ устъ въ уста переходятъ характиристическія сцены и разсказы изъ боевой жизни героевъ. Весьма часто, а особенно послѣ Санъ-Стефанскаго мира, стали требовать книгъ съ изложеніемъ полнаго хода событій изъ войны 1877—78 годовъ. Каждому патріоту желательно и хочется имѣть болѣе подробную лѣтопись событій, интересную особенно по счастливому окончанію и по завиднымъ лучамъ военной славы, озарившей Россію.

Частыя требованія на эту книгу побудили насъ прибѣгнуть къ составленію сборника, содержащаго всѣ замѣчательныя и достовѣрныя военныя событія, совершившіяся, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Турціи. Поспѣшность, съ которою была составлена книга, по требованію читающей публики, не помѣшала намъ издать нашъ сборникъ довольно подробно.

Эту книгу, хотя неможемъ предложить, какъ «исторію войны»—послѣдняя всегда требуетъ для своей разработки многолѣтняго труда и должна содержать болѣе одного тома,—но можемъ думать, что она можетъ быть прекраснымъ матеріаломъ для составителя исторіи войны, а для каждаго читателя—любителя серьезнаго чтенія—справочной книгой.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что нашъ сборникъ, если можетъ занять видное мѣсто на библіотечной полкѣ, то найдетъ также мѣстечко въ скромномъ убѣжищѣ небогатаго патріота; также по значенію содержанія можно быть увѣреннымъ, что она найдетъ много читателей въ военныхъ госпиталяхъ и библіотекахъ.

Кромѣ описанія полнаго хода той или другой битвы, книга наша обогащена разнаго рода эпизодами, анекдотами, сценами изъ бытовой, боевой жизни нашего воина, съ типичными подробностями, чтобы лучше развернуть картину военныхъ дѣйствій предъ читателями, и смягчить

этими аксесуарами, тяжелый, суровый видъ войны. Въ ней читатель увидитъ солдата въ бою и на отдыхѣ.

Такъ какъ вымыселъ тамъ не позволителенъ, гдѣ требуется истина, хотя иногда печальная или суровая, мы, благодаря богатству матеріала, все содержаніе сборника составили по сообщеніямъ корреспондентовъ и свѣдѣніямъ собраннымъ изъ правительственныхъ газетъ и журналовъ, и изъ офиціальныхъ источниковъ — въ чемъ конечно просимъ извиненія гг. редакторовъ и корреспондентовъ.

Война съ ея событіями принадлежитъ вѣку и исторіи, а не намъ; мы только свидѣтели — очевидцы или участники совершавшагося акта, и требуетъ соблюденія полной правды. Нужно отдать въ этомъ отношеніи полную благодарность писателямъ-корреспондентамъ за ту правду и чувство, которые они вносилы въ свои разсказы о войнѣ. Нужно благодарить за ту тонкую наблюдательность, которая не оставляла ихъ даже въ самыя тяжелыя минуты ихъ походной жизни.

Книга украшена портретами героевъ и многими рисунками изъ замѣчательныхъ военныхъ подвиговъ и мы были бы очень счастливы, если бы старый ветеранъ минувшихъ битвъ, читая о славѣ русскаго оружія; могъ сказать съ нами вмѣстѣ: «богатыри не выведутся на Руси»; а молодой воинъ, читая нашу книгу, вспоминалъ бы недавное минувшее, и питалъ въ себѣ надежду, что онъ въ рядахъ славныхъ героевъ не будетъ послѣднимъ и увлекался бы желаніемъ подражать доблестнымъ подвигамъ.

Составитель.

Начало Славянскаго Возстанія.

Дѣло началось въ расплохъ, внезапно, безъ всякихъ дипломатическихъ подготовокъ.

Гдѣ то въ Баньянахъ, въ гористомъ уголкѣ Герцеговины, о существованіи котораго едва ли кто подозрѣвалъ въ цивилизованномъ мірѣ, горсти Славянъ надоѣло вѣчно платить подати Портѣ и въ замѣнъ ихъ вѣчно выносить оскорбленія, насилія и терзанія отъ оттоманскихъ чиновниковъ.

Когда чиновники Порты, по заведенному обычаю, въ началѣ лѣта 1875 года явились къ Герцеговинцамъ обобрать у нихъ весь годичный заработокъ, наши братья по крови прогнали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ—и вскорѣ міръ узналъ, что какіе-то Славяне, гдѣ-то бунтуютъ.

Положеніе, въ которомъ Славяне находились, было тѣсное, объ этомъ и говорить нечего, если горсть слабыхъ вооруженно искала своей защиты и билась не на животъ, а на смерть, предпочтя конечно мирную пастушескую жизнь трудному боевому положенію въ войнѣ съ войсками блистательной Порты.

Положеніе Славянъ, Босняковъ и Болгаръ искони было рабское, и хотя они много разъ приносили жалобы, но ихъ справедливыя просьбы о защитѣ были «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Россія была занята своими дѣлами и немогла удѣлить на ихъ долю большаго вниманія, а западная Европа и того менѣе, можетъ быть соглащаясь съ Турціею во взглядахъ, что Сербы и прочіе Славяне отъ природы—рабы, и Славяне—страдали! Не видя себѣ защиты ни съ запада ни съ востока, они рѣшились на отчаянное рѣшительное намѣреніе—отстаивать свою свободу или—погибнуть.

Въ нѣсколько недѣль вся южная Герцеговина, опираясь на Черногорцевъ, уцѣлѣвшихъ, какъ бы чудомъ отъ посторонней зависимости, возстала, въ страшномъ видѣ, разжигаемая новыми насиліями Турокъ и уже въ половинѣ Іюля образовался комитетъ для освобожденія раи.

Предстояла большая работа: здѣсь шло дѣло не объ освобожденіи горсти Герцеговинцевъ, которымъ за то, что они прогнали сборщиковъ податей, угрожала смерть, а объ освобожденіи раи, всего славянскаго населенія Турціи, отъ Адріатическаго моря, Дуная до моря Эгейскаго. Какъ ни интересно было бы прослѣдить первыя стычки Герцеговинцевъ съ Турками подъ предводительствомъ Пеко Павловича, Любобратича, Лазаря Сочицы, и другихъ вождей, распространенія возстанія въ Босніи и отчасти въ Старой Сербіи, но имѣя въ виду внести краткій очеркъ славянскаго возстанія, какъ причину русской-турецкой

войны, мы не позволяемъ себѣ останавливаться на подробностяхъ. Достаточно упомянуть, что Славяне, отлично знакомые съ мѣсностью, почти всюду побѣждали войска Порты, не смотря на ихъ численное превосходство.

Въ Европѣ зашумѣли, заговорили въ Россіи о братьяхъ Славянахъ; прежде и энергичнѣе всѣхъ заговорила дипломатія: при первыхъ же вѣстяхъ о движеніи въ Герцеговинѣ, она подала Портѣ совѣтъ, какъ можно скорѣе и рѣшительнѣе подавить возстаніе въ зародышѣ. Легко было дипломатамъ подавать хорошіе совѣты, но она спросила-бы Турцію, могла-ли та исполнить благую мысль, когда небольшіе славянскихъ Горцевъ отряды въ какую нибудь тысячу и много въ двѣ тысячи побѣждали турецкія полчища и прогоняли ихъ.

Впродолженіе осеннихъ мѣсяцевъ Порта сосредоточила въ возставшихъ мѣстностяхъ регулярную армію въ 30 тысячь человѣкъ. Тѣмъ не менѣе втрое меньшее число славянъ наносило ей ударъ за ударомъ.

Въ августѣ представители пяти великихъ державъ въ Константинополѣ предложили Портѣ свое посредничество; оно состояло въ томъ, что консулы великихъ державъ будутъ на театрѣ возстанія внушать непокорнымъ Славянамъ о томъ, что «они, Славяне, должны оставить свое намѣреніе и не надѣясь на поддержку Европы, вступивъ съ коммисарами въ переговоры, ограничиться развѣ тѣмъ, и подать жалобы на притѣсненія.» При этомъ Европа, чего и слѣдовало ожидать, требовала отъ Славянъ положить мечь въ ножны, подъ предлогомъ перемирія.

Но видно Славянамъ было убѣжденія недостаточно, хотя на это дѣло были присланы консулы самые краснорѣчивые и ловкіе. Цѣлый мѣсяцъ и на всевозможныя манеры увѣщевали Славянъ не шумѣть. Славяне благосклонно слушали, благодарили за совѣтъ и расположеніе, но оружіе изъ рукъ не выпускали и покупали патроны на послѣднія деньги.

Между тѣмъ къ Турціи приступалъ кризисъ. 25 сентября (6 октября 1875 г.), съ Портой случилось наконецъ то, чего и слѣдовало ожидать: она объявила себя несостоятельною по уплатѣ процентовъ какъ по иностраннымъ, такъ и по внутреннимъ займамъ, хотя обѣщала платить одну половину наличными деньгами, а другую процентными бумагами.

Тутъ стало видно, что силы Турціи истощены въ высшей степени, если мѣстное возстаніе отозвалось такъ скоро и такъ рѣшительно на ея государственномъ хозяйствѣ.

На лондонской, парижской и вѣнской биржахъ сотни милліоновъ турецкихъ бумагъ повалились съ грохотомъ, если бумаги могутъ издавать грохотъ, а главнымъ образомъ грохотъ этотъ происходилъ отъ громкихъ проклятій, произносимыхъ ихъ обладателями. На эти бумаги не было ни одного покупателя.

Пока стонали милліоны Славянъ подъ гнетомъ турецкихъ властителей, пока лилась одна славянская кровь въ неравной борьбѣ, Турція была исправною плательщицею европейскихъ государствъ. Но когда небольшое число европейскихъ капиталистовъ и бережливыхъ буржуа, падкихъ на большіе проценты, потеряли часть своего состоянія отъ турецкихъ денежныхъ бумагъ, обществен-

ное мнѣніе зашевелилось на западѣ, и покровительствуемое ими дѣтище впало въ немилость.

Прежде всего заговорила о турецкихъ безпорядкахъ англійская газета «*Times*», а потомъ уже и всѣ прочіе за исключеніемъ немногихъ начали сочувственно относиться къ славянскому возстанію. Повстанцы въ этомъ видѣли большое одобреніе Европы, можетъ быть даже больше, чѣмъ думали писавшіе.

Въ одномъ не было разногласій: всѣ признали необходимость реформъ въ государственномъ строѣ державы, возрожденіе которой было провозглашено на развалинахъ Севастополя и которая чрезъ двадцать лѣтъ оказалась на краю пропасти, готовая ежеминутно свалиться въ нее отъ славянскаго натиска. Реформы для славянъ были начертаны рукой Андраши, рукою австрійскаго государственнаго дѣятеля и мадьяра—слѣдовательно врага Славянъ вдвойнѣ, ненавистника Россіи по крови, по воспоминаніямъ 1848 года, по настоящему своему положенію, какъ руководителя государства, весь строй котораго заключается въ мадьяро-турецкой гегемоніи надъ Славянами, въ подавленіи малѣйшаго ихъ поползновенія къ политической равноправности.

Какъ и слѣдовало ожидать, реформы, сочиненныя графомъ Андраши для Славянъ, вышли старой погудкой на новый ладъ. Заключались они въ слѣдующихъ пяти пунктахъ: 1) Полная свобода совѣсти. 2) Отмѣна отдачи податей на откупъ. 3) Порта издастъ законъ объ употребленіи прямыхъ налоговъ, собираемыхъ въ Босніи и Герцеговинѣ, на пользу этихъ провинцій. 4) Учрежденіе смѣшанной коммисіи изъ мусульманъ и христіанъ для надзора за приведеніемъ въ дѣйствіе обѣщанныхъ Портою реформъ. 5) Улучшеніе въ хозяйственномъ положеніи жителей Босніи и Герцеговины.

Всѣ эти реформы лишь передавали въ новой редакціи давнишнія неоднократныя обѣщанія Порты и не затрогивали корня зла, отъ котораго страдали Славяне.—Невыносимо высокаго размѣра податей и земельныхъ отношеній раи къ мусульманамъ бегамъ, беямъ и спахіямъ, овладѣвшими всей землей и наконецъ самое согласіе Порты на требовавшіе по нотѣ гр. Андраши реформы не представляли никакого ручательства въ ихъ исполненіи на дѣлѣ.

Но и это скромное по формѣ, ничтожное по сущности, отношеніе Европы къ Турціи, должно было пройти огнь и воду, прежде чѣмъ достигло мѣста своего назначенія.

Составленная въ октябрѣ нота Андраши, благодаря уловкамъ Порты и Англіи, была предъявлена въ Константинополѣ лишь въ январѣ 1876 года. Сначала Англія сдѣлала нѣсколько возраженій, но потомъ согласилась на предъявленіе ноты, замѣтивъ однако, что нота эта неможетъ имѣть въ глазахъ англійскаго правительства никакого значенія.

По совѣту Эліота, Порта воспользовалось этимъ длиннымъ промежуткомъ, чтобы по собственному почину издать фирманъ съ обѣщаніемъ всѣхъ тѣхъ же преобразованій, какія требовались австрійскимъ правительствомъ въ его нотѣ.

Когда наконецъ 18 (31) января графъ Зичи, посланникъ Австро-Венгріи при Портѣ, вручилъ ноту турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, Решиду-Пашѣ

и представители прочихъ державъ—покровительницъ въ тотъ же день, по одиночкѣ явились къ нему съ просьбой обратить свое благосклонное вниманіе на нее, всѣ въ Константинополѣ знали, что эта церемонія совершилась лишь для очистки совѣсти западной дипломатіи передъ общественнымъ мнѣніемъ и отчасти передъ Россіей; Турки знали также, что Англія держитъ ихъ сторону. Но съ другой стороны въ продолженіи 2 мѣсяцевъ между составленіемъ и предъявленіемъ ноты, Славяне и всѣ, кто сочувствовалъ освобожденію ихъ отъ турецкаго ига, успѣли вдоволь посмѣяться надъ этимъ канцелярскимъ палліативомъ, надъ этой новой заплатой на вѣковыя раны Славянства.

Въ отвѣтной нотѣ Решидъ-Паша благодарилъ Австро-Венгерскаго посла за добрыя намѣренія и обѣщалъ приступить къ осуществленію требованій гр. Андраши, какъ скоро позволятъ обстоятельства. Сама Порта прибавила новую надсмѣшку.

Консулы европейскихъ державъ, засѣдавшіе въ Мостарѣ, обратились къ вождямъ Герцеговинцевъ и Боснійцевъ съ увѣщаніями принять ноту графа Андраши, какъ доказательство попеченій Европы о ихъ бытѣ и заключить миръ съ Портой. Отвѣтъ не освѣжилъ воздухъ, сгущенный въ теченіи зимы дипломатическими словопреніями, въ которыхъ юные побѣги славянскаго возрожденія грозили совершенно завянуть и окоченѣть.

Въ протестѣ ихъ противъ реформъ гр. Андраши, обнародованномъ въ Суторинѣ 14 (26) февраля за подписью воеводъ Лазаря Сочицы, архимандрита Мелентія, Луки Павловича и попа Богдана сказано было:

«Мы сознаемся въ томъ, что ничего не понимаемъ въ придуманныхъ нѣкоторыми Европейскими державами реформахъ, долженствующихъ установить равноправность между христіанами и мусульманами. Подобная равноправность неосуществима. И, наконецъ, желательная для насъ реформа заключается въ нашей полной независимости и свободѣ. Мы ничего не хотимъ, если намъ отказываютъ въ независимости. Если мы не можемъ достигнуть этой свободы, пусть приготовятъ намъ могилы, куда мы готовы лечь, чѣмъ положить оружіе. Только свобода и независимость могутъ насъ обезоружить и чтобы истребить насъ, нужна сила значительнѣе турецкой. Но если и насъ не будетъ, то останутся жены и дѣти, чтобы мстить за насъ».

«Сегодня мы взываемъ къ Европѣ: помогите намъ, защитите насъ; завтра будетъ поздно».

«Политическія комбинаціи—не наше дѣло. Европейская пресса можетъ имъ заниматься всласть, но мы зашли слишкомъ далеко, чтобы остановиться; мы должны продолжать сражаться, жечь и побѣждать. Мы можемъ положить оружіе только тогда, когда намъ представятъ такую же независимость, какою пользуется Черногорія. Мы надѣемся, мы ждемъ, мы увѣрены, что могущественная, сильная и славная Россія придетъ спасти свободу Славяно-Сербовъ. Теперь или никогда!»

Этотъ манифестъ высказывалъ безъ прикрасъ, что возставшіе Сербы желаютъ свободы, а не мусульманскаго владычества на новый ладъ. Онъ не оставлялъ

никакихъ сомнѣній на счетъ рѣшимости возставшихъ побѣдить или умереть. Однако Австро-Венгрія рѣшилась усмирить непокорныхъ. Она поручила это дѣло далматинскому Генералъ-Губернатору Родичу.

Нѣкоторые вожди Герцеговинцевъ пріѣхали къ нему въ Рагузу 20 февраля (4 Марта). Самъ Сербъ по происхожденію, баронъ говорилъ мягко и вкрадчиво; но какъ австрійскій чиновникъ, не поскупился и на угрозы въ случаѣ, если повстанцы не положатъ оружіе. То были слова вопіющаго въ пустынѣ—Герцоговинцы увѣщанія пропустили мимо ушей, а на угрозы, что Австрія начнетъ притѣснять ихъ, не будетъ пропускать военныхъ припасовъ, не дастъ хлѣба семействамъ повстанцевъ, укрывавшимся въ сосѣднихъ славянскихъ провинціяхъ Цислейтаніи и Венгріи, отвѣчали, что онѣ надѣются на Россію, которая не дастъ ихъ женамъ и дѣтямъ умерѣть съ голода. Такой рѣшительный и не совсѣмъ почтительный отказъ отъ благодѣтельныхъ реформъ гр. Андраши, раздражилъ и австрійское и англійское правительства; онъ въ то же время напугалъ ихъ, потому что, какъ недавній протестъ, такъ и послѣднія рѣчи герцоговинскихъ вождей открыли имъ глаза на то, что вопреки Севастопольскому погрому и Парижскому трактату, обаяніе Россіи въ славянскихъ земляхъ не только не уничтожено, а напротивъ окрѣпло и выросло по той самой причинѣ, что дипломатія западныхъ державъ постоянно поддерживала Турцію, а Славянамъ предлагала камень, когда они вопили о хлѣбѣ. Англія свой прежній отвѣтъ повторила въ Константинополѣ.—Дѣло трудное всегда для Англичанъ, когда оно соприкосновенно съ интересами Турціи, или, что одно и тоже, съ ихъ собственными. Англія рѣшила что двинетъ побольше войска турецкаго въ возставшія провинціи и разомъ покончитъ съ славянскимъ движеніемъ; мысль эту и предложила Турціи. Австрія-же приступила къ дѣлу и начала съ того, что усилила по всей границѣ военные кордоны, не пропускала семейства борцовъ за свободу на свою территорію, самихъ-же повстанцевъ, если они искали убѣжища отъ преслѣдовавшихъ ихъ турецкихъ войскъ, стала задерживать.

26 февраля (10 марта) австрійскій патруль арестовалъ одного изъ вождей возстанія, Любобратича, при переходѣ его въ Австрію со всѣмъ его штабомъ и волонтеркой госпожею Маркусъ.

Австрія первая враждебно отнеслась къ славянскому возстанію, хотя въ началѣ мирволила и заискивала даже чего то. Но арестъ Любобратича разомъ озарилъ двусмысленность ея политики.

Съ устъ австрійской дипломатіи не сходили то и дѣло соболѣзнованія относительно участи Славянъ и обѣщанія защитить ихъ отъ турецкаго фанатизма; на дѣлѣ-же Австрія дѣйствовала совершенно по своему. Пока Австрія вѣрила, что Турція сама найдется, управится съ повстанцами, она относилась одинаково дружески и съ врагами и съ друзьями славянъ. Но коль скоро обнаружилось полное безсиліе мусульманъ и славянское волненіе стало возрастать, то Австро-Венгрія стала открыто дѣйствовать за Турцію и накинулась на Герцоговинцевъ съ тылу.

Протестъ вождей возставшей Герцеговины заключалъ также воззваніе къ Сербамъ княжества, не лишенное укоризнъ въ мягкой такъ сказать формѣ.

«Почему», говорили они, «наши внутренніе раздоры между членами одной и тойже семьи до сихъ поръ не прекратились? Почему необходимо, чтобы эти несогласія продолжали существовать? Отрицать ихъ, — было-бы опасно, наша сестра Сербія еще не расположена стать на нашу сторону».

«Для насъ тяжело въ этомъ сознаться, но мы должны засвидѣтельствовать эту горькую истину; еслибъ сербскій тронъ былъ теперь занятъ однимъ изъ потомковъ Карагеоргіевича или прямымъ наслѣдникомъ Милоша, наши крики отчаянія были-бы услышаны, а наши мученики—отомщены. Высокій умъ князя Милоша, еслибъ этотъ князь былъ живъ, не сталъ бы въ такую критическую минуту исчислять глубину моря, высоту небесъ; не сталъ бы оглядываться кругомъ, на право и на лѣво, но двинулся бы кратчайшимъ путемъ въ Боснію и Герцеговину».

«Мы будемъ говорить просто, безъ краснобайства, пользуясь нашими національными выраженіями, въ отвѣтъ на многія сообщенія и заявленія, какъ нашихъ друзей такъ и нашихъ враговъ».

«Но увы! князь Милошъ умеръ!»

Народъ въ Сербіи съ самаго начала движенія въ Герцеговинѣ волновался; преданія объ изгнаніи турокъ изъ княжества были еще живы; къ нимъ присоединились надежды объ освобожденіи всѣхъ сербовъ—а Герцеговинцы, Босняки, жители старой Сербіи—также Сербы, что и жители княжества—и возстановленіе сербскаго царства славной памяти Душана. Мечты эти особенно горячо воспламеняли образованную молодежь и не чужды были государственнымъ людямъ княжества.

Правительство осенью 1875 года приступило было къ вооруженіямъ, но подъ давленіемъ западной дипломатіи и по совѣту Россіи, пріостановило ихъ. Обращеніе Герцеговинцевъ къ сербскому народу дало новую пищу этимъ мечтамъ и усилило волненіе. Партія войны въ Бѣлградѣ снова выдвинулась впередъ и Мариновичъ долженъ былъ настоять передъ княземъ Миланомъ на мобилизаціи части милиціи. Въ виду того, что и турки стягивали свои войска къ границамъ княжества, дипломатическіе представители Россіи, Австріи и Англіи сдѣлали внушеніе князю Милану; князь простодушно и откровенно сознался предъ ними, что при всемъ желаніи сохранить миръ, онъ внѣ всякихъ обѣщаній, такъ какъ не можетъ возстановить порядка въ своемъ министерствѣ, котораго дѣйствія были направлены противно.

Князю Милану приходилось трепетать за свой престолъ, такъ какъ Кара Георгіевичъ, пользуясь послушностью Милана западной дипломатіи, прилагалъ всѣ старанія, чтобы возбудить къ себѣ расположеніе Сербовъ, возбуждая ихъ къ войнѣ съ Турціей, и обѣщая стать во главѣ ихъ. Народное возбужденіе росло. Тогда былъ изданъ приказъ всѣмъ Сербамъ, числящимся въ милиціи, поспѣшить окончаніемъ полевыхъ трудовъ въ теченіи марта мѣсяца и приготовиться къ выступленію въ походъ.

Въ это время возбужденіе народа достигло того напряженія, что остановить его было невозможно.

Какъ не желала Европейская дипломатія уладить славянскія смуты съ одной стороны и какъ не мечтали съ другой стороны горячія головы въ Сербіи возстановить царство Душана, вопросъ о мирѣ и войнѣ всецѣло лежалъ въ рукахъ горсти Герцеговинцевъ. И Герцеговинцы рѣшили этотъ вопросъ. Но Боже сохрани, если-бы они пали въ борьбѣ съ турецкими полчищами, если-бы уступили увѣщаніямъ дипломатовъ! Западная Европа успѣла бы усмирить и Сербію и задержать въ дальнѣйшемъ славянское движеніе на многіе годы, какъ сугубою дѣятельностью такъ равно и никуда негодными полуреформами и надзоромъ. Народный инстинктъ или вѣрнѣе характеръ, духъ народа чутко понялъ важность минуты дѣйствія: Герцоговинцы не поддались ни въ ту, ни въ другую сторону, рѣшившись жить и умереть за свободу.

Порта, слѣдуя добрымъ совѣтамъ Австріи и Англіи—поскорѣе подавить возстаніе Герцеговины, поторопилась снарядить нѣсколько десятковъ батальоновъ для отправки на театръ военныхъ дѣйствій.

Чтобы выиграть время, главнокомандующему надъ турецкимъ войскомъ въ Герцоговинѣ было поручено вступить при посредствѣ барона Родича въ переговоры съ Славянами относительно перемирія и реформъ, и вотъ 6 (18) Марта Мухтаръ-Паша и баронъ Родичъ имѣли свиданіе въ Кастель Нуово, на которомъ турецкій генералъ просилъ австрійскаго выхлопотать перемиріе на двѣнадцать дней, именно на тотъ срокъ, въ который могли прибыть свѣжія турецкія войска, поджидаемыя Мухтаромъ.

Герцеговинцы отказали на отрѣзъ и когда Мухтаръ выступилъ изъ Гацко въ Никшичъ, для снабженія этой крѣпости провіантомъ, разбили его при дорогѣ близь Крестаца и заставили его ночью уйти обратно въ Гацко съ сильнымъ урономъ.

Черезъ недѣлю 14 (26 марта) послѣдовало новое свиданіе Мухтара-паши съ барономъ Родичемъ въ Рагузѣ съ тѣми же послѣдствіями; на этотъ разъ самъ Родичъ прекратилъ переговоры съ уполномоченнымъ Порты, замѣтивъ, что онъ тянетъ ихъ только для проволочки времени и не представляетъ никакихъ гарантій осуществленія обѣщанныхъ реформъ.

Однако между ними состоялось соглашеніе о перемиріи съ 16 по 29 Марта. Перемиріе было фиктивное, Герцеговинцы не приняли его, но Мухтаръ-Паша не дѣйствовалъ наступательно, въ ожиданіи подкрѣпленій. Главнымъ образомъ оно ознаменовалось тѣмъ, что баронъ Родичъ явился вторично на свиданіе съ вождями Герцеговинцевъ съ вторичными убѣжденіями ихъ положить оружіе. Но убѣжденія остались тщетными.

Свиданіе происходило 25 марта (6 апрѣля) въ Кастельнуово; пріѣхало на него пятьдесятъ Герцоговинцевъ, въ томъ числѣ и нѣкоторые вожди, но не было главнаго—Пеко Павловича. Наканунѣ съ ними повидался г. Веселицкій-Божидаровичъ, проходившійся вокругъ и около возстанія, въ надеждѣ получить изъ рукъ западной дипломатіи княжеское званіе въ Герцеговинѣ и Босніи и очень желавшій носить это званіе, какъ вассалъ султана.

Онъ предсталъ предъ простыми бойцами за свободу въ мишурномъ блескѣ лица, посвященнаго въ виды дипломатіи, но никакою впечатлѣнія не произвелъ. Надъ нимъ подсмѣивались и считали его за агента, подосланнаго турками. Онъ роздалъ Герцеговинцамъ золотыя и серебряныя бездѣлушки, присовѣтовалъ имъ быть миролюбивыми и принять реформы графа Андраши. Вожди приняли серебряные портъ-сигары, пистолеты и ружья съ богатыми рукоятками, но совѣтовъ этого паразита славянскаго движенія не приняли.

Затѣмъ выступилъ самъ Родичъ, произнесъ длинную рѣчь, въ которой совѣтовалъ принять реформы графа Андраши и положить оружіе, заключивъ ее слѣдующими словами: «Такъ какъ настоящее возстаніе грозитъ всеобщему миру, то великія державы согласились и рѣшили отрѣзать вамъ всякую помощь».

Слова эти произвели негодованіе въ средѣ Герцоговинцевъ и въ особенности въ средѣ ихъ вождей; они зароптали.

На офиціальныхъ переговорахъ, происходившихъ на слѣдующій день 26 марта (7 апрѣля), Герцеговинцы не всѣ убѣжденія Родича имѣли одинъ отвѣтъ:

«Не вѣримъ Туркамъ; мы ищемъ свои права; да, права свои ищемъ; пусть Австрія и Россія гарантируютъ намъ безопасное существованіе».

На увѣщаніе положить оружіе, приправленное угрозой притѣсненія бѣжавшихъ въ Австрію семействъ, всѣ отвѣтили въ одинъ голосъ:

«Пускай скорѣе наши семейства умрутъ, а пока мы не получимъ нашихъ правъ, до тѣхъ поръ не хотимъ вернуться къ Туркамъ.»

Битвы возобновились.

Мѣстнымъ перемиріемъ турки воспользовались для того, чтобы сосредоточить большую армію близъ Гацко, мѣстечка, отстоявшаго отъ Никшича приблизительно въ 30 верстахъ. Чтобы изъ Гацко попасть въ Никшичъ надо пройти чрезъ узкое горное ущелье, такъ называемое *«Дужскій проходъ»*. Тутъ то въ гористой мѣстности, отлично знакомой и Сочицѣ съ его дружиной и Черногорцамъ, подоспѣвшимъ къ нему на помощь, Герцеговинцы сосредоточивали свои силы каждый разъ, когда Мухтаръ намѣревался пробраться въ Никшичъ.

До мнимаго перемирія Турки были разбиты на голову не доходя Дужскаго прохода на протяженіи отъ Муратовицъ до Крестца. Оправившись отъ этого пораженія, собравъ 28 батальоновъ низама (пѣхоты), Мухтаръ Паша въ четвергъ на страстной недѣлѣ выступилъ изъ Гацко по направленію къ Никшичу; славяне допустили ихъ до форта Пресѣки; здѣсь въ страстную субботу произошло кровопролитное сраженіе: 4000 герцеговинскихъ храбрецовъ одержали верхъ надъ арміею Мухтара Паши, заняли турецкій укрѣпленный лагерь, и обратили турокъ въ бѣгство. Три батальона Мухтара Паши истреблены, часть провіанта отбита... Словомъ, Славяне побѣдоносно встрѣтили Пасху, было чѣмъ разговѣться. Сраженіе продолжалось на Свѣтлое Воскресеніе. Въ этотъ-же день Никшичскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, чтобы соединиться съ арміею Мухтара, но торжественно былъ препровожденъ Герцеговинцами вспять, за стѣны фортицы.

Въ понедѣльникъ Турки были оцѣплены Славянами между фортами Пресѣкой и Ноздрями, на обратномъ пути въ Гацко. Тутъ бой происходилъ въ рукопаш-

ную Герцеговинцы дѣйствовали преимущественно кинжалами и камнями. Турецкая армія прорвалась, начала поспѣшно отступать, а къ вечеру обратилась въ бѣгство и бѣжала, преслѣдуемая Герцоговинцами всю ночь, и на третій день Пасхи 6 (18) апрѣля въ безпорядкѣ прибыла въ Метохію.

Такимъ образомъ съ 1-го по 6 апрѣля Турки были со всѣхъ сторонъ окружены славянами, были разбиваемы изо дня въ день, потеряли пятую часть своей арміи; до Никшича такъ и не дошли.

Въ это время Мухтаръ-паша посылалъ въ Константинополь реляціи о побѣдоносныхъ сраженіяхъ по направленію къ Никшичу и Гацко; не преминулъ также сообщить, что онъ побѣдоносно вступилъ въ Гацко, въ свой городъ, который никѣмъ не осаждался, а Никшичъ все-таки оставался безъ хлѣба и подкрѣпленій.

Настала однакожъ минута, когда этого нельзя было скрывать въ Константинополѣ болѣе. Тогда сераскиръ, то есть военный министръ блистательной Порты поддѣлалъ телеграмму Мухтара, вставивъ въ нее фразу, что въ сраженіяхъ въ Дужскомъ ущельѣ участвовало 7000 Герцеговинцевъ, свалилъ всю вину неудачи на вмѣшательство Черногоріи, получилъ отъ султана согласіе на объявленіе войны Черногоріи.

Извѣстно, что Россія, которую спѣшили поддержать всѣ державы, заставила Порту взять назадъ свой вызовъ.

Впрочемъ, Порта сдѣлала шагъ назадъ лишь для того, чтобъ сдѣлать тотчасъ же два шага впередъ; она сосредоточивала въ это время войска на границахъ Черногоріи.

Разбитую армію Мухтара усилили десятью тысячами пѣхоты. Мухтаръ-паша послѣ десятидневнаго отдыха вновь выступилъ въ пятницу 16 (28) апрѣля изъ Гацко и пробрался до окрестностей Никшича.

Герцеговинцы дали ему сраженіе въ Дужскомъ ущельѣ и другое въ субботу, на равнинѣ подъ самой крѣпостью; тутъ бой былъ ожесточенный: «отъ густаго пороховаго дыма не было возможности распознавать равнины» такъ говорила телеграмма изъ Цетинья. На долю Турокъ разъ выпалъ успѣхъ, послѣ цѣлаго ряда пораженій. Сердца турокъ были исполнены чувствами благодарности къ Австріи, которая въ то время имѣла предупредительность разставить войска въ тылъ Герцеговинцамъ по всей Далмаціи,—и зорко слѣдила, чтобы къ нимъ не провозилось ни одной порошинки, ни одного зерна хлѣба.

Недостатокъ хлѣба и боевыхъ снарядовъ и заставили славянскія племена разбрестись въ теченіи девяти-дневнаго перерыва военныхъ дѣйствій, съ 7 по 16 апрѣля, и только въ послѣднюю минуту они подоспѣли въ Дугу и рѣшили сраженіе въ пользу славянскаго оружія; въ густомъ пороховомъ дымѣ въ Никшичской долинѣ появились Черногорцы на помощь братьямъ Герцеговинцамъ, и армія Мухтара вновь была разбита.

Геройство Герцеговинцевъ спасло славянское движеніе; побѣда ихъ была встрѣчена съ полною радостью во всемъ славянскомъ мірѣ; напротивъ, враги славянства, ссылаясь на лживыя донесенія Мухтара-паши, выдавали эту побѣду

за турецкую. Однакоже долго-ли, коротко-ли, а утаить правды было нельзя: между Турецкой арміей и Никшичемъ оставалась полоса свободной славянской земли.

Побѣда тяжело досталась славянамъ, они напрягли всѣ свои силы, чуть не до изнеможенія. Взоры ихъ обратились къ Черногоріи и Сербіи, все подвластное Портѣ Сербство взывало о помощи и находило сочувствіе въ сердцахъ свободныхъ Сербовъ. Нерѣшительные князья Черногоріи и Сербіи невольно втягивались въ дѣйствіе, рискуя, въ противномъ случаѣ, потерять всякое расположеніе у славянъ Турціи и даже своихъ подданныхъ; они заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ, переговоры о которомъ велись задолго передъ Дужскими битвами безъ всякаго результата.

И въ Россіи эта непосильная, но въ полномъ смыслѣ геройская борьба вольныхъ отрядовъ славянскихъ горцевъ съ хорошо вооруженной и устроенной на европейскій образецъ турецкой арміей, замѣтно взволновала общество; выходка барона Родича оскорбила національное чувство и показала, что Австрія приняла руководительство въ дипломатическомъ заступничествѣ за славянъ съ заднею мыслью потушить славянское волненіе и противудѣйствовать вліянію Россіи на востокѣ. Оказалось необходимымъ разъяснить Европѣ дѣйствительное положеніе дѣлъ и заново роздать роли.

По приглашенію нашего канцлера, князя Горчакова, министры иностранныхъ дѣлъ Россіи, Германіи и Австро-Венгріи собрались въ Берлинѣ на конференцію для обсужденія новой программы реформъ въ Турціи. Умѣренная, какъ программа гр. Андраши, онѣ все-таки обнимали болѣе широкую область, такъ какъ въ число турецкихъ провинцій, для которыхъ предполагался новый порядокъ, кромѣ Босніи и Герцеговины, была включена и Болгарія. И кромѣ того послѣдній пунктъ берлинской меморіи предъусматривалъ мѣры понужденія на случай, еслибъ Порта отказалась исполнить предложенныя реформы, или замедлила ихъ осуществленіемъ.

Графъ Андраши неохотно подписался подъ берлинской меморіей; представители Франціи и Италіи одобрили ее, повидимому только изъ вѣжливости и потому, что въ расчеты этихъ двухъ державъ въ то время не входило принимать какое-либо особое положеніе. За то Англія, въ лицѣ своего премьера Дизраели, отвѣтила отказомъ на приглашеніе присоединиться къ представленію берлинской меморіи въ Константинополѣ; истинныя намѣренія Англіи обнаружились воочію, она была на сторонѣ Порты и отстаивала неприкосновенность турецкой имперіи, мало заботясь о томъ, какая участь ожидаетъ славянъ.

Для этой державы турецкое владычество надъ славянами, какъ бы варварски оно не проявлялось, казалось самымъ надежнымъ средствомъ обезпечить себѣ Балканскій полуостровъ, какъ рынокъ для сбыта своихъ мануфактурныхъ произведеній и сохранить въ безопасности Босфоръ и другіе проливы, составлявшіе на югъ главный соединительный путь Россіи съ остальнымъ свѣтомъ.

Эта безопасность нѣсколько страннаго свойства: Россія не имѣетъ сильнаго военнаго флота на Черномъ морѣ и дѣйствительно съ ея стороны Босфоръ находится внѣ опасности; Англія же, какъ самая могущественная морская держа-

ва, имѣетъ полную возможность въ военное время поставить свой флотъ въ качествѣ стража Босфора; другими словами—запереть Россію въ Черномъ морѣ.

Это тотчасъ же обнаружилось. За нѣсколько дней до собранія Берлинской конференціи, фанатизированная улемами мусульманская чернь въ Салоникахъ убила германскаго и французскаго консуловъ Аббота и Мулена въ мечети, за то, что они спасли болгарскую дѣвушку, насильственно увезенную изъ родительскаго дома для водворенія въ гаремѣ. Предварительно предполагалось обратить православную дѣвушку въ исламъ; консулы помѣшали этому и поплатились жизнью. Мученическая смерть ихъ встревожила всю Европу, до сихъ поръ равнодушно смотрѣвшую на избіеніе славянъ, она стала опасаться поголовнаго вырѣзыванія европейскихъ колоній въ Салоникахъ, въ Константинополѣ, откуда также приходили вѣсти о религіозномъ броженіи мусульманъ и въ другихъ городахъ Турціи. Для защиты ихъ, на Берлинской конференціи было рѣшено отправить эскадры всѣхъ державъ на Салоникскій рейдъ для того, чтобы внушить туркамъ страхъ. Военныя суда одинъ за другимъ поплыли въ южныя воды Европы, но когда дѣло дошло до счета, то оказалось, что Россія, Германія, Австрія и Франція отрядили по нѣскольку второстепенныхъ военныхъ судовъ, тогда какъ Англія поставила съ своей стороны сильный флотъ у входа въ турецкіе проливы, въ Безикской бухтѣ.

Разсчитывая на исконное соперничество европейскихъ державъ въ Турціи, блистательная Порта нисколько не испугалась разноцвѣтныхъ флаговъ въ Салоникской бухтѣ, а на англійскій флагъ въ близкомъ сосѣдствѣ возложила всѣ свои упованія, какъ на надежнаго защитника. Такъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ народное волненіе въ Сербіи и Черногоріи росло и росло. Европейская дипломатія побуждала князя Милана унять партію войны. Князь хотя и увѣрялъ всѣхъ въ томъ, что онъ будетъ миролюбивъ, а между тѣмъ нехотя подписывалъ декреты о сборѣ призывовъ милиціи одинъ за другимъ.

Представителю Австро-Венгріи въ Бѣлградѣ, который выказывалъ особое усердіе въ производствѣ дипломатическаго давленія на «юнаго» сербскаго князя, устроили кошачью музыку съ битьемъ стеколъ въ его окнахъ.

Австрійское правительство получило удовлетвореніе за обиду, нанесенную его представителю. Миланъ снова поклялся въ своемъ миролюбіи, однако долженъ былъ распустить консервативное министерство и передать бразды правленія Ристичу, политическому вождю сербской омладины, партіи дѣйствія, жаждавшей войны съ Турками, освобожденія всѣхъ Сербовъ и присоединенія ихъ къ Сербіи.

Князь растерялся, сталъ колебаться то въ ту, то въ другую сторону. Ристичъ тоже медлилъ, да и были двѣ важныя причины медлить началомъ войны: у Сербіи не было ни благоустроенной арміи, ни денегъ. Горячее сочувствіе въ Россіи къ славянскому дѣлу и наконецъ появленіе генерала Черняева въ Бѣлградѣ ускорили рѣшеніе Сербскаго правительства.

Еще съ самаго возстанія въ Герцеговинѣ въ Славянскіе комитеты и редакціи русскихъ газетъ стекались пожертвованія; весною въ 1876 году, когда возобновились военныя дѣйствія, пожертвованія усилились, а когда стало извѣстнымъ,

что сербскій національный заемъ неудался, раздались голоса, настаивавшіе на необходимости помѣстить Сербскій заемъ въ Россіи; посыпались также мелкія пожертвованія со спеціальною цѣлью доставить Сербіи возможность и средства на войну съ Турціею. Кромѣ того въ Сербію отправились по одиночкѣ нѣсколько медиковъ, офицеровъ и добровольцевъ; въ числѣ первыхъ русскихъ добровольцевъ былъ и генералъ Черняевъ. Отъѣздъ въ Сербію русскаго генерала, стяжавшаго лавры въ войнѣ съ мусульманами въ Средней Азіи, произвелъ радостное впечатлѣніе во всемъ русскомъ обществѣ и примирилъ съ нимъ искренно его русскихъ противниковъ, которыхъ было у него много въ первые годы изданія газеты: «Русскій міръ.» Вся Россія напутствовала Черняева своими задушевными благословеніями. За нимъ пошли и другіе и—славянское дѣло, благодаря этимъ личнымъ узамъ, сдѣлалось роднымъ русскимъ дѣломъ.

. . . .

И побѣды Черногорцевъ и пораженіе сербской арміи подъ начальствомъ генерала Черняева, сослужили одинаковую службу дѣлу освобожденія Славянъ.

Неравная борьба двухъ маленькихъ славянскихъ княжествъ съ военными силами Порты, которая восполняла свою убыль новыми наборами въ Малой Азіи и вспомогательными силами изъ Египта, убѣдили Европу въ томъ, что Славяне не намѣрены останавливаться ни передъ какими жертвами, чтобы достигнуть давно желанной свободы; оно выдвинуло впередъ Россію, какъ главную славянскую державу, искони покровительствующую южнымъ Славянамъ.

Звѣрское избіеніе болгаръ *баши-бузуками*, опустошеніе и грабительства въ самой плодородной и производительной части Балканскаго полуострова, (говорятъ до 60000 человѣкъ), въ свою очередь взволновали умы всей Европы и Россіи. Всюду лучшіе люди открыто стали на сторону Славянъ, всѣ извѣрились въ какой-бы то не было успѣхъ дипломатическаго воздѣйствія на Порту.

Появленіе русской арміи въ Турціи было принято сочувственно, исключая Турціи и туркофиловъ.

Поэтическіе отголоски.

Сочувствіе къ Сербамъ и вообще Славянамъ начало мало по малу высказываться не только прозою, но и стихами и мы находимъ не лишнимъ представить на выдержку нѣсколько замѣчательныхъ изъ этихъ стихотвореній, чтобы видѣть на сколько прочувствовано положеніе угнетенныхъ — славянскихъ племенъ, а также, какая страшная крайность положенія принудила бѣдное Славянство на борьбу съ сильнымъ и опаснымъ врагомъ.

Дѣти-Мстители.

Чудомъ какимъ-то ребята спаслись—
Марко съ сестрою Еленой,
Крѣпко напуганы были они
Страшной кровавою сценой.
Тамъ, гдѣ родная деревня была—
Теплый лишь пепелъ остался....
Мальчикъ оружье успѣлъ захватить,
На гору съ ними взобрался.
Дышитъ порывисто Марко; глаза
Гнѣвомъ недѣтскимъ сіяютъ;
Плачетъ Елена.... «Ахъ, въ лѣсъ убѣжимъ!
Тамъ они насъ не поймаютъ!...
— Нѣтъ Елена! Мы отсюда
Будемъ въ нихъ стрѣлять.
Стыдно—въ лѣсъ! Всегда успѣемъ
Въ лѣсъ то убѣжать.
Горы эти мнѣ знакомы,
Рыскалъ я по нимъ!
Тамъ внизу пройдутъ черкесы—
Мы имъ зададимъ!
Бѣдный нашъ отецъ повѣшенъ,
Хата сожжена...
Мать связали и въ телѣгу
Брошена она....
Не во снѣ все это было!...
Чтожъ, спустить все имъ?
Скоро явятся злодѣи—
Мы имъ зададимъ!
Что ты плачешь? жалко маму?
Ну, не плачь.... Постой!
Что бояться—порохъ, пули
И ружье со мной;
Если маму ты любила
Мстить должна врагамъ!....
Вотъ они! тамъ пыль клубится....
Зададимъ мы вамъ!....
Бровки сдвинула Елена,

Слезъ ужъ нѣтъ слѣда....
Значитъ, больше не увижу
Маму никогда?...
Хорошо же!.... Слышишь Марко,
Конскій топотъ тамъ?...
Подъѣзжайте-ка поближе—
Будетъ праздникъ вамъ!...

Щ. (Нива 1876 г. № 40.)

Маленькій Мститель.

Онъ идетъ, идетъ тропинкой горной;
Солнце сжетъ малютку горячо;
Ночь темна и карабинъ тяжелый
Отдавилъ усталое плечо.

Не на праздникъ онъ спѣшитъ веселый,
Ужасъ, мракъ царитъ кругомъ давно—
И не дѣтской скорбію, а гнѣвомъ
Это сердце юное полно.

Онъ спѣшитъ туда, гдѣ пули свищутъ,
Турокъ злой, доспѣхами звеня,
Давитъ тамъ родныхъ его, копытомъ
Своего арабскаго коня.

За отца, сестру отмстить онъ хочетъ,
Вспомнилъ онъ, какъ пламенемъ объятъ,
Пошатнулся, рухнулъ домъ родимый
И мрачнѣй глаза его горятъ.

Помнитъ онъ: проклятья, вопль и стоны....
Тамъ стрѣляютъ, здѣсь кричатъ, бѣгутъ...
Вотъ съ отцемъ его въ свирѣпой схваткѣ
Съ грудью грудь сцѣпился арнаутъ....

Палъ отецъ его, облитый кровью;
Врагъ и съ трупа голову сорвалъ
И, схвативъ за волосы сѣдые,
Надъ собой высоко приподнялъ....

Мальчикъ плачетъ; онъ къ сестрѣ прижался.
«Мила», шепчетъ, «встань ты, будетъ спать!

«Спой мнѣ пѣсню ту, что прежде пѣла....
«Въ церковь мы пойдемъ съ тобой опять!»

Крѣпко спитъ, не слышитъ брата Мила—
Распустилась черная коса,
И изъ сердца юнаго на землю
Тихо каплетъ алая роса.

Онъ идетъ, идетъ тропинкой горной
Вонъ огни завидѣлись вдали—
Слышенъ ружей трескъ, и громъ, и ржанье....
Вонъ на приступъ родичи пошли!

Видитъ онъ, какъ идутъ рать за ратью.
Вотъ чуть слышно раздался сигналъ...
Видитъ онъ, какъ на конѣ среди дыма
Въ бой ведетъ отряды генералъ.

Чуть дыша, за камнями припалъ онъ.
Карабинъ дрожитъ въ его рукахъ—
Вотъ въ пыли отрядъ турецкій мчится
На горячихъ взмыленныхъ коняхъ.

Впереди, весь золотомъ облитый
Арнаутъ несется, какъ гроза...
Мальчикъ вдругъ узналъ усмѣшку злую,
Вдругъ узналъ усталые глаза!

Задрожалъ онъ, цѣлитъ, гнѣвно плачетъ...
Выстрѣлъ грянулъ, пуля догнала:
И на землю всадникъ покатился
Съ своего высокаго сѣдла.

Ѳ. Бергъ. (Баевъ.)

I.

За вѣру.

«Куда ты? куда ты? мой другъ молодой!
«Куда моя радость? веселье!.....
«Забудешь меня ты въ отчизнѣ чужой
«Оставишь въ удѣлъ—сокрушенье!—

Красотка сказала, потупивъ свой взоръ—
Въ слезахъ и ревнивомъ мученьи;

Въ глазахъ ея видны безмолвный укоръ
Въ рѣчахъ ея—смыслъ сожалѣнья.

Онъ юную дѣвушку обнялъ рукой
И тутъ-же сказалъ въ утѣшенье:
— Оставь свои слезы, мой другъ дорогой
— Оставь и свои ты сомнѣнья:

— Отзываетъ меня не—дѣвица краса
— Я стремлюсь не—къ любви наслажденьямъ,
— Увлекаетъ меня Славянина слеза—
— Брата кровь, его стонъ и мученья.

II.

«Куда ты? куда ты? мой сынъ дорогой!
«Куда ты?—мое утѣшенье!
«Оставишь ты кости въ отчизнѣ чужой
«Мнѣ на вѣкъ—печаль, сокрушенье!

Такъ мать говорила и слезы рукой—
Она отирала въ печали;
Старушка страдала въ печали такой,—
Устами молитву шептала.

Сынъ палъ на колѣна и ей на отвѣтъ:
— Мамаша! не плачьте напрасно!»
— Отъ смерти нигдѣ намъ защитника нѣтъ,
— За вѣру же смерть такъ прекрасна!» —

III.

«Куда ты? куда ты? мой сынъ дорогой!
«Въ защиту, знать, вѣры гонимой?
«Спѣши же туда, ненаглядный ты мой
«Вотъ мечь мой въ дорогу... родимый!

«Симъ самымъ мечомъ я враговъ поражалъ.
«Иззубрилъ его тамъ я прекрасно;
«Возлюби тебя Богъ! чтобъ ты славу стяжалъ —
Пролилъ кровь свою тамъ не напрасно.»

Такъ отецъ говорилъ и мечомъ-кладенцомъ
Опоясалъ онъ сына на битву;
Тихо слезу отеръ, но съ веселымъ лицомъ
Осѣнилъ онъ крестомъ и молитвой.

М. Евстигнѣевъ.

Переговоры о перемиріи.

Нашъ посолъ при Константинопольскомъ дворѣ, генералъ Игнатьевъ, въ 1876 г. 13 октября султану Гамиду II, при врученіи своихъ довѣрительныхъ грамотъ, высказалъ слѣдующее:»

«*Императоръ Александръ* понимаетъ затруднительное положеніе и не скрываетъ своихъ симпатій къ Славянамъ Турціи. Онъ желаетъ, чтобы нынѣшнее затрудненіе было устранено и чтобы султанъ приступилъ къ улучшенію участи своихъ славянскихъ подданныхъ. Султанъ на это отвѣчалъ, что сожалѣетъ о событіяхъ, затрудняющихъ его реформатскіе проэкты, что разсчитываетъ на поддержку Провидѣнія въ достиженіи новой эры мира, которая дозволяетъ ему сдѣлать свой народъ счастливымъ и что надѣется на помощь со стороны Императора Александра въ дѣлѣ осуществленія своихъ задачь.»

18 октября Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы генералъ-адьютантъ Игнатьевъ объявилъ Портѣ, что въ случаѣ, если она въ двухдневный срокъ не приметъ перемирія на 6 недѣль или на два мѣсяца, и если не дастъ немедленно приказанія остановить военныя дѣйствія, то онъ со всѣмъ посольствомъ выѣдетъ изъ Константинополя и дипломатическія дѣйствія будутъ прерваны.

Отвѣтъ Порты въ смыслѣ принятія перемирія, послѣдовалъ 21 октября. Судя по тому, что предложенный Россіей срокъ ультиматума истекалъ 20 октября (1) ноября а Порта доставила свой отвѣтъ (21 октября) (2 ноября), въ часъ ночи, нужно заключить, что это согласіе было дано неохотно, послѣ разныхъ бурныхъ сценъ, споровъ и пререканій въ турецкомъ совѣтѣ министровъ.

Трудность положенія Турціи увеличивалась еще тѣмъ, что около этого времени открытъ былъ въ Константинополѣ заговоръ, грозившій перевернуть вверхъ дномъ все турецкое государственное устройство. Софты постарались было остановить коляску султана Гамида, чтобы вынудить у него обѣщаніе отвергнуть ультиматумъ.

При обсужденіи русскаго ультиматума представителями туркофильскихъ кабинетовъ Англіи и Австро-Венгріи были знаменитый серъ Генри Эліотъ и графъ Зичи. Имъ, говорятъ, стоило не мало усилій склонить Порту избрать «благую часть», то есть покориться русскимъ требованіямъ. Англія и Австро-Венгрія тотчасъ присоединились къ русскому ультиматуму.

Для Сербовъ и другихъ балканскихъ Славянъ ультиматумъ Россіи послѣдовалъ какъ нельзя болѣе своевременно.

Масса турецкихъ войскъ стала одолѣвать борцовъ, которые по сравнительной малочисленности могли назваться горстью.

Послѣдніе десять дней предъ ультиматумомъ были тяжелыми днями упорныхъ битвъ.

Слово Государя Императора.

Государь Императоръ при пріемѣ московскаго дворянства и городскаго общества въ Георгіевской залѣ Кремлевскаго дворца въ Москвѣ 29 октября 1876 г. изволилъ сказать слѣдующее:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по поводу настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Онѣ теперь болѣе разъяснились и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ».

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію нельзя того сказать про Сербовъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ которыхъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло.

«Я знаю, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны состояться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ, для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы Мы могли придти къ общему соглашенію; если же оно не состоится и Я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы вправѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ; увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

Всеподданнѣйшіе адресы, уже поднесенные Государю Императору въ древней и новой столицѣ, выражали готовность на жертвы, если война дѣйствительно начнется.

Въ виду прямо и ясно поставленнаго вопроса о войнѣ, нѣкоторые изъ заграничныхъ капиталистовъ сдѣлали Россіи предложеніе о внѣшнемъ займѣ. Но эти предложенія были отвергнуты министромъ финансовъ, какъ несогласныя съ достоинствомъ кредита такой стороны, какъ Россія.

Общее мнѣніе было вообще такое, что деньги для веденія войны найдутся внутри Россіи.

Переговоры.

Россія готова была на жертвы, что доказывается тѣмъ, что русская кровь уже три мѣсяца назадъ проливалась за свободу братьевъ Славянъ лучшими сынами воинственной Россіи.

По вопросу о предполагавшейся въ Константинополѣ конференціи представителей 6-ти великихъ державъ, Порта долго медлила, считая для себя конференцію униженіемъ и возраженіе противъ конференціи сдѣлала, какъ Англіи, такъ и другимъ державамъ.

Въ виду важности дѣла, 4 декабря, (по нов. стилю), *) былъ приглашенъ изъ мѣста постояннаго своего пребыванія, Бирмингема, въ Лондонъ лордъ Биконсфильдъ (Дизраели). Но еще ранѣе, — когда отношенія державъ къ восточному вопросу представлялись далеко не ясными, Англія въ лицѣ своего премьера Дизраели успѣла высказаться въ пользу Турціи, ея независимости и цѣлости. Дизраели (Биконсфильдъ) въ рѣчи своей, сказанной на банкетѣ, намекнулъ, что Турція имѣетъ свои права, а за правое дѣло можетъ постоять Англія, чтобы воспрепятствовать Россіи въ ея завоевательныхъ стремленіяхъ, направленныхъ на Константинополь, а можетъ быть и на Индію. Тутъ же между прочимъ было упомянуто о Парижскомъ трактатѣ, заключенномъ послѣ Крымской войны; но все, что сказано было почтеннымъ лордомъ, касалось личныхъ интересовъ Англіи и ея политическихъ взглядовъ.

Въ тотъ же самый день произнесенія рѣчи премьеръ-министромъ, турецкій посолъ въ Лондонѣ, Музерусъ-Паша, получилъ отъ Порты приказаніе заявить Сенъ-Джемскому кабинету, что Турція отказывается отъ конференціи и убѣдительно проситъ Англію взять назадъ свое предложеніе, а вмѣсто того формулировать какую-нибудь программу мира.

Отъ 7 ноября нашъ государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, отправилъ нашему послу въ Лондонѣ, графу Шувалову, депешу; въ депешѣ этой было между прочимъ сказано, что:—еще въ августѣ прошлаго года князь Горчаковъ, предвидя опасности зарождавшагося тогда возстанія, поручилъ графу Дерби обратить на балканское движеніе вниманіе англійскаго кабинета.

Но Британское правительство не придало тогда надлежащаго значенія, какъ самому факту начинавшагося тогда возстанія, такъ и замѣчанію русскаго государственнаго канцлера. Но Австрія, болѣе заинтересованная положеніемъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, условилась съ Русскимъ правительствомъ на счетъ мѣропріятій къ умиротворенію и плодомъ этого былъ извѣстный проэктъ графа Андраши, который былъ одобренъ англійскимъ кабинетомъ.

Но опытъ доказывалъ, что проэктъ этотъ невыполнимъ по недостатку практическихъ средствъ осуществленія.

Въ виду этого *три императорскіе Двора* (Россія, Пруссія и Австрія) про-

*) 22 ноября по нашему календ.

сятъ великія державы развить и пополнить программу графа Андраши съ установленіемъ гарантій изложенныхъ потомъ въ извѣстномъ Берлинскомъ меморандумѣ.

Но Лондонскій кабинетъ, какъ извѣстно, отвергъ эти предложенія, не входя въ ихъ разсмотрѣніе и обсужденіе и даже не замѣнивъ ихъ никакимъ другимъ предложеніемъ.

Итакъ трудъ умиротворенія былъ прерванъ, Петербургскій и Лондонскій кабинеты расходились въ мнѣніи относительно средствъ умиротворенія на востокѣ. Что-же касается до Парижскаго трактата, за который такъ горячо стояла Англія, то вмѣшательства великихъ державъ въ дѣла Сиріи и Кандіи фактически доказали неизбѣжность отступленія отъ предписаній вышесказаннаго трактата. Къ тому же цѣль Россіи и ея виды такъ просты и ясны и желаніе ея улучшить славянское положеніе, такъ понятно общечеловѣческому чувству, а христіанину въ особенности, что не нужно никакихъ истолкованій, никакихъ объясненій.

Спустя нѣсколько времени послѣ обнародованія депеши и частнаго письма государственнаго канцлера стало извѣстно, что Англія вооружается, что корабли, которые назначены къ отплытію въ Остъ-Индію, приказано остановить въ Гибралтарѣ и на островѣ Мальтѣ. Что въ Великобританіи мобилизированъ 1 корпусъ ея арміи изъ 22 батальоновъ пѣхоты, 7 полковъ кавалеріи и 80 орудій.

Явились у всѣхъ вопросы: что это значитъ? Рѣшить было пока трудно; нѣкоторыя англійскія газеты стали говорить, «что» молъ «по дорогѣ въ Константинополь русскія войска встрѣтятся съ англійскими солдатами».

Что касается до Россіи по въ теченіи этого времени Государь Императоръ получилъ со всѣхъ концовъ Россіи множество всеподданнѣйшихъ адресовъ отъ дворянства и городскихъ обществъ, исполненныхъ выраженій вѣрно-подданнѣйшихъ чувствъ и готовности на всякія жертвы: за вѣру, царя и отечество.

Европейское волненіе.

Въ дѣйствующую армію назначенъ Главнокомандующимъ Его Императорское Высочество Николай Николаевичь Старшій. Энтузіазмъ обществъ Петербургскаго, Московскаго и другихъ городовъ былъ общій и неописанный. Всѣ говорили въ одинъ голосъ: «Наконецъ то!» Этимъ словомъ много сказано, потому собственно, что никто не вѣрилъ искренности Англіи, и въ промедленіи каждый видѣлъ простую затяжку серьезнаго общечеловѣческаго, христіанскаго благаго намѣренія.

Съ этимъ многозначущимъ фактомъ дѣла востока вступаютъ въ новый фазисъ. Святое дѣло освобожденія балканскихъ христіанъ, нашихъ соплеменниковъ, получило вѣрный залогъ обезпеченія въ его благопріятномъ исходѣ.

Часть арміи русской была уже мобилизована; однакоже эта мобилизація вызвала на толки западныхъ репортеровъ, которые насмѣшливо отзывались о нашемъ безденежьѣ и неподготовкѣ къ войнѣ. Однакоже на западѣ еще только говорили, а у насъ дѣлали свое дѣло. Наши русскіе капиталисты съ полною

готовностью помѣщали свои капиталы подъ вновь выпущенные пятипроцентные билеты (выпускъ былъ сдѣланъ на 100 милл.) Кромѣ того вновь совершилось одно весьма отрадное событіе: С.-Петербургскій биржевой комитетъ и общее собраніе гласныхъ С.-Петербургской биржи, вслѣдствіе выраженной готовности оказать съ своей стороны содѣйствіе осуществленію тѣхъ мѣръ, какія благоугодно будетъ принять Государю Императору при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ, постановили:

Войти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи взимать, въ видѣ добровольныхъ сборовъ, для образованія спеціальнаго на случай войны фонда, въ размѣрѣ нынѣ взимаемаго съ купечества по свидѣтельствамъ государственнаго сбора, а именно: по 265 руб. купцевъ I гильдіи, 65 рублей по свидѣтельствамъ II гильдіи, при обязательствѣ платежа этихъ сборовъ, и если правительство признаетъ необходимымъ, въ теченіи 5 лѣтъ, на основаніи, подробности которыхъ будутъ утверждены министромъ финансовъ.

Такое ходатайство министръ финансовъ повергъ на Высочайшее разсмотрѣніе. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: «Благодарить купечество и передать оному, что когда сочтетъ это нужнымъ, Его Величество выразитъ Монаршую волю къ призванію всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и купечества, споспѣшествовать видамъ Его Императорскаго Величества.»

Слѣдовательно всѣ западные толки о безденежьѣ Россіи разлетаются въ прахъ отъ того уже только, что въ Россіи съ самаго начала войны отъ стараго до малаго, всѣ прочувствовались великимъ дѣломъ и сознательно поняли его значеніе. И отъ перваго богача до послѣдняго труженика фабричнаго всѣ готовы принести свою посильную помощь; Государь Императоръ знаетъ свой народъ и не боится финансоваго кризиса.

Политику Англіи порицали даже сами Англичане; такъ напримѣръ на одномъ митингѣ Джонъ Брайтъ, Форстеръ и историкъ Карлейль произнесли почти торжественныя по общему духу и характеру рѣчи, въ которыхъ энергически порицалась политика настоящаго англійскаго кабинета. Гладстонъ также очень рѣзко протестовалъ противъ англійской политики.

Отъѣздъ Главнокомандующаго.

Высочайшимъ приказомъ отъ 1 ноября 1866 г. даннымъ въ Царскомъ Селѣ, Его Высочество Николай Николаевичъ старшій назначенъ Главнокомандующимъ дѣйствующей арміи со всѣми правами, властью и преимуществами, Главнокомандующему въ военное время предоставленными и съ оставленіемъ во всѣхъ настоящихъ должностяхъ и званіяхъ. Въ тотъ же самый день, то есть 1 ноября, на основаніи того-же приказа, изъ дивизій, находящихся въ кіевскомъ, одесскомъ, харьковскомъ военныхъ округахъ, образовано 6 армейскихъ корпусовъ съ № 7 по № 12 включительно, изъ которыхъ 8, 9, 11 и 12 должны составить дѣйствующую армію.

Его Императорское Высочество В. Князь Николай Николаевичъ, на котораго Государь Императоръ возложилъ свои упованія, какъ на Главнокомандующаго, страстно любитъ военное дѣло. Съ раннихъ лѣтъ онъ отдался ему всего душою и благодаря любви по долгомъ опытѣ строеваго прохожденія службы, усвоилъ себѣ трудности настойчиваго и прочнаго способа усовершенствованія Высочайше ввѣренныхъ ему частей, какъ по строевому образованію войскъ, такъ и по инженерному вѣдомству, котораго состоитъ Инспекторомъ съ 1852 г. 15 августа 1864 г. Его Высочество назначенъ былъ Генералъ-Инспекторомъ кавалеріи. Съ этого времени Великій Князь вступилъ въ образованіе конницы, чтобы создать изъ этого рода оружія сокрушающую все-видящую силу.

Мы впослѣдствіи увидимъ съ какимъ блестящимъ успѣхомъ Его Высочество Вел. князь исполнилъ свое дѣло и оправдалъ надежды своего Вѣнценоснаго Брата, а съ нимъ Россіи и Славянъ.

19 ноября Петербургъ проводилъ самымъ торжественнымъ образомъ Главнокомандующаго дѣйствующею арміею. Краса и цвѣтъ нашего военнаго общества явилось на проводы и наполнили всѣ залы и корридоры вокзала Николаевской дороги. Благословеніямъ и пожеланіямъ не было конца и громогласное «Ура!» краснорѣчиво выражало искренность провожающихъ. Сказано было нѣсколько напутственныхъ рѣчей. Государь Наслѣдникъ встрѣтилъ Главнокомандующаго еще при входѣ въ вокзалъ съ дорогимъ золотымъ *складнемъ* (створами) отъ войскъ гвардіи и сопровождалъ свое подношеніе теплыми задушевными словами.

Главнокомандующій, приложившись къ образу, принялъ его.

Затѣмъ начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи, генералъ Риманъ, поднесъ походной образъ армейскихъ частей Петербургскаго округа.

Сцена прощанія Главнокомандующаго съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и съ другими особами Царствующаго дома, пожаловавшими на праводы, была трогательна. И въ массѣ народа неумолкало «ура!» до самаго отъѣзда поѣзда. Многіе изъ публики плакали и крестились и было о чемъ: На Великаго князя возлагалось тяжелое бремя военныхъ заботъ, въ войнѣ за освобожденіе. Великому князю предстоялъ великій трудъ, который нужно было выдержать!

Внѣ Россіи.

Въ засѣданіи Германскаго Рейхстага отъ 24 ноября (15 декабря) Германскій канцлеръ довольно ясно высказалъ, что во главѣ всего принципомъ Германіи служитъ дружба ея къ Россіи.

Палата при этомъ воспользовавшись случаемъ откровенности канцлера и сдѣлала ему вопросъ: «Какъ думаетъ Бисмаркъ о таможенной политикѣ? (то-есть объ оплатѣ пошлины золотомъ.) Вопросъ былъ предложенъ депутатомъ. Князь отвѣтилъ на это, что по его мнѣнію можетъ быть эта политика и ошибочна, но что никакое правительство на нее повліять не можетъ, причемъ замѣтилъ де-

путату, что вопросъ этотъ далеко не современенъ; наконецъ высказалъ свое мнѣніе, что Англія легко можетъ войти въ соглашеніе съ Россіей:

Работы предварительной конференціи начались 29 ноября (11 декабря). Въ этотъ самый день у генерала Игнатьева было первое совѣщательное засѣданіе уполномоченныхъ великихъ державъ. Затѣмъ 2 (14 декабря) снова происходило засѣданіе предварительной конференціи. Общее впечатлѣніе, полученное отъ результатовъ этихъ засѣданій, было такое, какое можно назвать хорошимъ и много обѣщающимъ. Великій визирь посѣтилъ англійскаго уполномоченнаго, маркиза Салисбюри и имѣлъ съ нимъ продолжительнѣе совѣщаніе. Съ другой стороны телеграфъ сообщилъ намъ, что члены конференціи признали необходимость назначенія въ возставшихъ провинціяхъ Турціи губернаторовъ изъ христіанъ. Что касается отношенія конференціи къ вопросу о демаркаціонныхъ работахъ на театрѣ войны, то нашъ посолъ, генералъ Игнатьевъ, уже увѣдомилъ по телеграфу русскаго члена демаркаціонной коммисіи о томъ, что по вопросу о демаркаціонной линіи для Босніи, ведутся въ Константинополѣ непосредственныя письменныя сношенія съ Портою. Въ виду этого задача демаркаціонной коммисіи по отношеніи къ черногорскому театру военныхъ дѣйствій представляется исчерпанною.

Коммисія работала ежедневно и представители великихъ державъ ежедневно вносили въ свои проэкты новыя статьи.

Наконецъ окончены работы по предварительной конференціи; общій результатъ этихъ работъ вообще удовлетворителенъ. 11 декабря назначено 1-е засѣданіе оффиціальной конференціи. Предметы обсужденія дѣлились на 3 категоріи: 1) Обсужденіе вопросовъ, на которыхъ имѣетъ быть заключенъ миръ между Портою, Сербіею и Черногоріею. 2) Опредѣленіе реформъ для возставшихъ провинцій. 3) Установленіе гарантій въ дѣйствительномъ приведеніи къ исполненію реформъ. Третій пунктъ былъ по существу своему самымъ важнымъ и существеннымъ; при несогласіи въ немъ, конференція недостигаетъ цѣли.

Если заблаговременно нельзя было предсказывать, то можно предполагать, что въ дѣлѣ конференціи явятся тормоза, если только сообразить о нѣкоторыхъ препятствіяхъ, явившихся во время конференціи.

Накакунѣ настоящихъ совѣщаній въ Константинополѣ совершилось событіе: Великій визирь Махметъ-Руджи паша былъ отрѣшенъ отъ должности и на мѣсто ею назначенъ Мидхадъ паша, извѣстный авторъ турецкой конституціи, а по мнѣнію англійскихъ газетъ будущій реформаторъ Турціи.

Лишь только визирь былъ смѣненъ, какъ Турція тотчасъ-же начала возвышать свой голосъ. Телеграфъ отъ 8 (20) декабря принесъ извѣстіе, что Митхадъ-паша высказывается въ весьма воинственномъ духѣ и ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ занятія турецкой территоріи.

Нужно замѣтить, что Мидхадъ-паша заклятый врагъ Россіи, энергически сопротивляющійся всякимъ уступкамъ и настаивающій на томъ, чтобы все осуществленіе реформъ было предоставлено единственно Портѣ. Нѣкоторыя газеты ви-

дѣли въ Митхадѣ-пашѣ вызовъ всей Европѣ со стороны Турціи. Хотя это было и преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ дѣло значительно усложнилось.

Между тѣмъ инсургенты Босніи и Герцеговины представили членамъ конференціи меморію, въ которой изложены всѣ жалобы, выставленныя ими въ разныя періоды великимъ державамъ со времени военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этой меморіи, составленной отъ имени Босніи и Герцеговины, излагаются желанія райи въ 6-ти пунктахъ. Что касается Сербіи и Черногоріи, то въ виду того что конференція не согласилась на допущеніе къ совѣщаніямъ спеціальныхъ представителей этихъ княжествъ—князь Миланъ и Николай прислали свои меморіи, въ которыхъ излагаютъ свои желанія, требованія и условія.

Со стороны болгаръ была представлена записка, и всѣ эти документы были представлены на обсужденіе конференціи нашимъ посломъ генераломъ Игнатьевымъ.

Неудачный исходъ конференціи можно видѣть изъ циркуляра князя Горчакова.

Циркуляръ Государственнаго Канцлера россійскимъ посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 7 апрѣля 1877 г.

Императорскій Кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго начала Восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства, для того, чтобы при содѣйствіи Великихъ державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ по установившемуся соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивленіе.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19 (31-го) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

Императорскій кабинетъ предложилъ его какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ декларацією отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи приняты и исполнены Оттоманскимъ Правительствомъ, могли установить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ.

Это обстоятельство не было принято въ соображеніе лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился только постановленіемъ условія, что въ случаѣ, еслибы Великія Державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выполненіе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя признаютъ наиболѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира.

Такимъ образомъ кабинеты предъусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ правительство Ея Величества королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и неимѣющимъ значенія въ томъ случаѣ, если бы предложенная цѣль, а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціей, не была бы достигнута.

Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не составляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въуваженіе желаніе и совѣты Европы и не даетъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены. Они дѣлаютъ невозможными миръ съ Черногоріей и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію.

При такихъ обстоятельствахъ попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ—или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаннаго державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя усилія кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія.

Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на Себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго вмѣстѣ съ Нимъ приглашалъ Великія Державы.

Онъ далъ Своимъ войскамъ повелѣніе перейти границы Турціи.

Благоволите донести объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія того Правительства, при которомъ Вы акредитованы.

Возлагая на себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы.

Примите и пр.

(Подписано): *Горчаковъ.*

Нота Государственнаго канцлера Тефтикъ-Бею, турецкому повѣренному въ дѣлахъ, въ С.-Петербургѣ, отъ 12 апрѣля 1877 г.

Такъ какъ переговоры особой важности, которые Императорскій кабинетъ велъ съ Портою Оттоманскою въ видахъ прочнаго умиротворенія Востока, не привели къ желаемому соглашенію, то вслѣдствіе сего Его Императорское Величество, мой Августѣйшій Повелитель, съ сожалѣніемъ признаетъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Благоволите увѣдомить ваше правительство, что Россія отнынѣ считаетъ себя въ войнѣ съ Турціею.

Первымъ послѣдствіемъ этого является прекращеніе дипломатическихъ сношеній между обоими государствами.

Покорнѣйше прошу васъ доставить свѣдѣнія о числѣ и званіяхъ лицъ, составляющихъ Оттоманское посольство въ С.-Петербургѣ, для того, чтобы мы могли препроводить къ вамъ надлежащіе паспорты.

Что касается до проживающихъ въ Россіи оттоманскихъ подданныхъ, то тѣ изъ нихъ, которые того пожелаютъ, вольны оставить страну; тѣ же, которые предпочтутъ остаться въ ней, могутъ съ полною увѣренностью положиться на покровительство законовъ.

(Пер. съ француз.)

Высочайшій Манифестъ

О ВСТУПЛЕНІИ РОССІЙСКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ПРЕДѢЛЫ ТУРЦІИ.

Божіею Милостію

Мы, Александръ Вторый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣляетъ съ Нами и весь Русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранить Россіи благословеніе мира. Эта заботливость оставалась намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили себѣ цѣлію достигнуть улучшеній въ положеніи христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными и дружественными съ Нами державами. Мы не переставали стремиться въ продолженіи двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которые могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцоговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы.

Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ Правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ соста-

вить особый протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи и пригласить Турецкое правительство присоединиться къ этому между народному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши неоправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуетъ и чувство справедливости и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція своимъ отказомъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, Мы въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ, что наступило время предъусмотренное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія.

Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.

Данъ въ Кишеневѣ, апрѣля 12 дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемсотъ семдесятъ седьмое, Царствованія же Нашего въ двадцать третье.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Александръ.“

Этотъ манифестъ, 13 апрѣля (на другой день) былъ прочитанъ въ соборахъ и приходскихъ церквахъ какъ въ Петербургѣ такъ и въ Москвѣ послѣ обѣдни, при чемъ совершено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ въ каждой изъ церквей.

Тогоже числа въ засѣданіи Московской Городской Думы, городскимъ головою былъ прочитанъ Манифестъ, который собраніе слушало стоя. По окончаніи чтенія, залъ оглашился криками „ура! Да здравствуетъ Государь; да здравствуютъ наши воины!“ Затѣмъ прочитанъ заготовленный заранѣе приговоръ, которымъ Дума въ виду Высочайшаго Манифеста, возвѣстившаго войну съ цѣлью оказать помощь нашимъ братьямъ по вѣрѣ и племени, положила: Принять на средства города устройство и содержаніе въ Москвѣ въ продолженіе всего времени войны до тысячи кроватей для раненыхъ, по соглашенію съ «обществомъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.» Сверхъ того дума рѣшила назначить изъ средствъ города милліонъ рублей для употребленія на санитарныя нужды арміи по указанію *Августѣйшей Покровительницы общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.* Постановленіе это принято единогласно, причемъ положено представить о пожертвованіи Государю Императору и отправить коммисію для поднесенія всеподданнѣйшаго адреса. Въ составъ этой коммисіи были избраны г. г. Аксаковъ, Самаринъ, Найденовъ, Горбовъ и Аксеновъ.

Такимъ благотворительнымъ дѣломъ былъ встрѣченъ Манифестъ представителями городскаго общества.

Народъ не менѣе того выразилъ въ Москвѣ, по московски, свою радость, услышавъ Царское милостивое слово. Между кремлевскими соборами и на Кремлевской площади собралось до 50000 человѣкъ. Кремлевскія колокольни были унизаны головами зрителей; народъ толпился на лѣстницахъ и тамъ, гдѣ только можно было повыше стать. По всей Москвѣ раздается гулъ колоколовъ и народъ словно воспрянулъ отъ сна. Восторгъ былъ всеобщій.

Московскіе мѣщане пожертвовали на санитарныя нужды 25000 рублей.

Слѣдовательно нынѣ хорошо сознало Русское общество что для раненаго воина прежде всего нужно медицинское пособіе, и въ этомъ случаѣ предупредительно заявило свою готовность этимъ важнымъ благодѣяніемъ.

Высочайшій рескриптъ.

Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ благоугодно было обратиться къ главному управленію Общества о больныхъ и раненыхъ воинахъ съ слѣдующимъ рескриптомъ:

«Не смотря на всѣ усилія сохранить миръ, война оказалась неизбѣжной по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія. Съ объявленіемъ войны настало время обществу о больныхъ и раненыхъ—исполнить святое призваніе и обратить всѣ силы и всѣ средства, какими оно располагать можетъ, на служеніе нуждамъ и болѣзнямъ воиновъ, подвизавшихся на полѣ брани.

Не сомнѣваюсь, что главное управленіе, равно какъ и всѣ мѣстные комитеты и всѣ члены общества въ разныхъ краяхъ Нашего отечества, соединятъ свои усилія къ достиженію священной своей цѣли.

Нужды больныхъ и раненыхъ будутъ велики и многообразны; я знаю какъ великъ духъ братской любви и благотворительности, искони живущій въ Русскомъ народѣ. Я увѣрена, что и теперь, когда Наше храброе войско идетъ стать грудью противъ врага за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ собратій, не оскудѣетъ дающая рука и горячее чувство народное не ослабѣетъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ краяхъ Нашего обширнаго отечества. Всякое даяніе будетъ благо, всякое приношеніе, и великое, и малое, равно цѣнно передъ Богомъ, какъ жертва любви, всѣхъ насъ связующей во имя Христово.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, но съ твердымъ упованіемъ на помощь Божію, встрѣчая грядущія событія, молю Бога да благословитъ онъ труды и жертвы всѣхъ и каждаго на благое и великое дѣло.»

Наши въ Кишиневѣ.

7 апрѣля Государь Императоръ съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изволили изъ С.-Петербурга отправиться въ Кишиневъ. На ст. Жмеринкѣ Кіево-брестской желѣзной дороги, куда прибыли *Августѣйшія особы*, они изволили произвести смотръ войскамъ и въ 10 съ 1/2 часовъ отправились въ Бирзулу, а оттуда послѣ смотра войскъ въ Тирасполь.

Тирасполь 11 апрѣля. Государь Императоръ вчера (10 апрѣля) изволилъ производить два смотра войскамъ, частямъ 9-го корпуса. Въ 9 часовъ утра въ Жмеринкѣ представлялась 5 пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріей и обозомъ; по окончаніи смотра, Его Императорское Величество изволилъ собрать къ Себѣ офицеровъ и произнести имъ напутственное предъ походомъ слово, а 17, пѣхотному Архангелогородскому полку, по случаю дня рожденія его Августѣйшаго шефа, Великаго князя Владиміра Александровича, выразилъ увѣренность, что полкъ поддержитъ свою прежнюю боевую славу. Въ 5 1/2 часовъ на станціи Бирзула представлялась 15-ая пѣхотная дивизія и 9-ая кавалерійская дивизія, съ ихъ артиллеріей и обозами; послѣ смотра Государь изволилъ сказать собраннымъ офицерамъ осмотрѣнныхъ частей слѣдующія слова:

«Предъ отправленіемъ вашимъ въ походъ, Я хочу васъ напутствовать: если придется вамъ сразиться со врагомъ—покажите себя на дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу своихъ полковъ. Есть между вами молодыя части, еще небывалыя въ огнѣ; но Я надѣюсь, что онѣ неотстанутъ отъ старыхъ и постараются сравняться съ ними въ боевыхъ отличіяхъ. Желаю вамъ возвратиться поскорѣе и со славою. „Прощайте Господа!“ Затѣмъ, обращаясь къ войскамъ, Государь произнесъ: „Прощайте ребята!“ Отвѣтомъ было громкое долгонепрерывающееся «ура!»

Офицерамъ 9-ой кавалерійской дивизіи Его Императорское Величество выразилъ надежду, что полки дивизіи покажутъ себя столь же блистательно и въ военное время, какъ всегда представлялись Ему и въ мирные дни.

Повсюду величайшій восторгъ со стороны войскъ и восторженныя встрѣчи народа. Ночлегъ Государя назначенъ въ Тираснолѣ, гдѣ утромъ будетъ смотръ, послѣ котораго Его Величество прослѣдуетъ въ Унгены для осмотра-же, а къ полуночи прибудетъ обратно въ Кишиневъ.

Сопровождали Государя Императора, Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій князь Николай Николаевичъ младшій, князь Сергѣй Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, министры: двора, военный, путей сообщенія, шефъ жандармовъ, и посолъ Константинопольскій генералъ Игнатьевъ.

Августѣйшій Главнокомандующій арміею съ генераломъ Непокойчицкимъ встрѣтили Его Императорское Величество въ Тирасполѣ.

Кишиневъ 11 апрѣля. Въ 9 часовъ утра въ Тирасполѣ, Его Величество изволилъ смотрѣть части восьмаго корпуса, а именно: 9-ю пѣхотную дивизію и пер-

вую бригаду 32-й дивизіи, съ ихъ артиллеріею. По окончаніи смотра Государь Императоръ, въ своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ, изволилъ сказать: — «Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло и потому я медлилъ доколѣ было возможно; мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для меня кровь; но разъ, что честь Россіи затронута, я убѣжденъ, мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія!»

Его Величество Государь Императоръ, 11 апрѣля въ 5 часовъ пополудни, изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ Молдавскимъ и въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румынскаго духовенства, а также депутаціею ясскихъ гражданъ, съ ясскимъ префектомъ во главѣ. Митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, на которое Его Величество отвѣчалъ, что, поручая себя и русское воинство святымъ молитвамъ православнаго духовенства, онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства. Смотръ 6-го сапернаго и 3-го желѣзнодорожнаго баталіоновъ 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизіи съ ихъ артиллеріею, состоялся въ началѣ 6 часа на пограничномъ полѣ близь р. Прута. Не смотря на самую неблагопріятную погоду, войска представились въ блистательномъ видѣ и порядкѣ. Смыслъ напутственныхъ словъ Государя Императора былъ таковъ же, какъ и въ предшествовавшихъ смотрахъ. Восторгъ войскъ безпредѣленъ, неудержимъ; народъ русскій и румынскій, пришедшій изъ за Прута, привѣтствовалъ Его Величество съ громкимъ восторгомъ. По окончаніи смотра, коляску Государя Императора сопровождала громадная масса конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несмолкаемыхъ кликахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, Государь въ послѣдній разъ, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Храни васъ Богъ. Поддержите честь русскаго оружія!» Вначалѣ двѣнадцатаго часа, Его Величество прибылъ въ Кишиневъ и былъ встрѣченъ на станціи городскою депутаціей съ хлѣбомъ, солью. Пребываніе Государь Императоръ изволилъ имѣть въ губернаторскомъ домѣ. Городъ иллюминованъ. Общій восторгъ народа. Его Величество, прибывъ сегодня *) въ началѣ десятаго часа на полѣ близь Кишинева, объѣхалъ войска, и за тѣмъ остановился въ виду всего фронта, на мѣстѣ гдѣ былъ приготовленъ аналой и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Преосвященный Павелъ, епископъ Кишиневскій и Хотинскій, громогласно прочелъ врученный ему манифестъ, объявляющій войну Оттоманской Портѣ, послѣ чего былъ соборнѣ отслуженъ молебенъ съ колѣно-преклоненіемъ. Преосвященный сказалъ глубоко прочувствованное напутственное слово и благословилъ Его Высочество главнокомандующаго иконою Спаса, а войска иконою Богоматери въ лицѣ ихъ представителя, свиты генералъ-майора Драгомирова, какъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи, представлявшейся на смотръ и квартировавшей постоянно въ Кишиневѣ. Минута была въ высшей степени торжественная. Затѣмъ войска были пропущены церемоніальнымъ маршемъ, по окончаніи котораго Его Величество, подъѣхавъ

* Телегр. Кишиневъ 12 апрѣля.

*) Такъ начинала телеграмма изъ Кишинева отъ 12 апрѣля. Прав. Вѣст. 1877 г.

къ собраннымъ офицерамъ кавалеріи, пѣхоты, артиллеріи и собственнаго конвоя, изволилъ обратиться къ нимъ съ напутственными словами и пожеланіями совершить доблестно предстоящее святое дѣло. На смотру впервые участвовали два болгарскіе баталіона, сформированные въ Кишиневѣ изъ добровольцевъ, прибывшихъ сюда изъ за Дуная. Восторгъ войскъ и народа выше описанія. Кавалерія прямо съ плаца двинулась въ походъ за границу.

Примѣч. Замѣчательная рѣчь Преосвященнаго Павла помѣщена на слѣдующихъ страницахъ.

Утромъ наши войска перешли границу въ трехъ пунктахъ: Унгенахъ, Бештанахъ, и противъ Кубея. Къ вечеру вступили въ Яссы, Леово, Галацъ и заняли Барбошскій мостъ на рѣкѣ Серетѣ, причемъ казаки сдѣлали около 100 верстъ, а пѣхота 70 верстъ до Рени.

11 апрѣля русское посольство выѣхало изъ Константинополя. Оставшіеся въ Турціи русскіе подданные поставлены подъ покровительство германскихъ консуловъ.

Конвенція *) заключенная между Румыніей и Россіей.

28 апрѣля (16 апр. 1877 г. по нашему ст.) министръ иностранныхъ дѣлъ Когольчанино внесъ въ палату депутатовъ конвенцію, заключенную 16 апрѣля между Румыніею и Россіею. Князь Румынскій обѣщаетъ въ конвенціи свободный пропускъ русской арміи и дружественный пріемъ ей со стороны румынскихъ властей и населенія. Императоръ Всероссійскій принимаетъ на себя обязательство соблюдать, согласно договорамъ, права и неприкосновенность Румыніи. Подробности, касающіяся пропуска войскъ и сношеній послѣднихъ съ мѣстными властями, составляютъ предметъ особой конвенціи. Князь Румыніи обязывается испросить требуемую румынскими законами ратификацію конвенціи палатами.

Изъ приложенной къ конвенціи объяснительной записки видно, что первая имѣетъ цѣлью обезпечить индивидуальность Румыніи согласно парижскимъ додогорамъ. Отъ Румыніи не требуется ни измѣненія ея международныхъ отношеній, ни содѣйствія ея арміи, которая обязана только защищать по возможности границы отечества. Единственная цѣль конвенціи обезпечить за Румыніею то, чѣмъ она владѣетъ.

Съ Портой не было заключено такой конвенціи на томъ основаніи, что въ противномъ случаѣ Румынія сдѣлалась бы театромъ войны. При томъ же Порта постоянно отказывалась отъ рѣшенія различныхъ вопросовъ, въ которыхъ заинтересована была Румынія. Что касается содержанія добавочныхъ статей въ конвенціи, то оно заключается въ слѣдующемъ:

---

* Кишиневская телеграмма отъ 13 апрѣля. 1877 г. Пр. Вѣст.

*) Телеграфное агентство Вольфа 1877 г. Прав. Вѣст.

Первая добавочная статья говоритъ объ исполненіи 3-й статьи конвенціи, согласно которой русскимъ предоставляется пользованіе желѣзными дорогами, почтами, телеграфами, равно какъ рѣчными и шоссейными сообщеніями, а также обезпечивается продовольствіе войскъ. Состоящіе при русской арміи румынскіе коммисары снабжены инструкціями о порядкѣ удовлетворенія потребностей арміи. Румынскія власти оказываютъ содѣйствіе русскимъ по устройству лагерей, отправленія посылокъ, военныхъ снарядовъ и снабженіе госпиталей необходимыми для нихъ предметами. Перевозка русской арміи по желѣзнымъ дорогамъ совершается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и румынской.

Во второй дополнительной статьѣ изложена инструкція министру публичныхъ работъ касательно ускоренія перевозки русскихъ войскъ. Русскіе военные поѣзды пользуются преимуществомъ предъ всѣми другими, за исключеніемъ почтовыхъ и румынскихъ военныхъ поѣздовъ. Число пассажирскихъ поѣздовъ можетъ быть уменьшено, сообразно обстоятельствамъ, а товарное движеніе пріостановлено. Изъ делегатовъ *) желѣзнодорожныхъ обществъ учреждается особый комитетъ, подчиненный министру публичныхъ работъ. Перевозкою русской арміи завѣдуетъ начальникъ русскихъ военныхъ сообщеній. Онъ можетъ съ разрѣшенія министра увольнять служащихъ. Русскимъ предоставляется достраивать недоконченные желѣзнодорожные участки, для чего отводится въ ихъ распоряженіе потребное количество земли. Въ третьей дополнительной статьѣ сказано, что русскія официальныя депеши пользуются преимуществомъ передъ частными депешами. Русскіе раненые и больные размѣщаются, за исключеніемъ Бухареста и наиболѣе населенныхъ городовъ, въ русскихъ госпиталяхъ. За недостаткомъ послѣднихъ русскіе раненые и больные принимаются за извѣстное вознагражденіе въ румынскіе госпитали. Въ случаѣ надобности Румынія доставляетъ русскимъ матеріалъ для постройки мостовъ и необходимыя для того барки и суда.

Расходы сопряженные съ переходомъ русскихъ войскъ, должны быть уплачены наличными деньгами въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Предметы, предназначенные для русской арміи, пользуются правомъ безпошлиннаго ввоза и транзита. Румынскія власти оказываютъ свое содѣйствіе при поимкѣ русскихъ дезертировъ. Въ объяснительной запискѣ къ конвенціи сказано между прочимъ слѣдующее: Россія вмѣстѣ съ другими державами старалась объ улучшеніи положенія христіанъ въ Турціи. Но поведеніе Турціи не подавало никакой надежды въ этомъ отношеніи. Такъ какъ вслѣдствіе того неизбѣжно было вмѣшательство и Россія обязалась уважать неприкосновенность Румыніи, то и заключена была настоящая конвенція. 29 апрѣля палата депутатовъ утвердила конвенцію большинствомъ 79 голосовъ противъ 25. Министръ-президентъ объявилъ, что конвенція— единственное средство обезпечить существованіе румынскихъ учрежденій. Сенатъ утвердилъ конвенцію большинствомъ 41 голоса противъ 10. Когольчанино сообщилъ, что Румынія допуститъ занятіе Калафата но будетъ противудѣйствовать дальнѣйшему движенію турецкой арміи. *(Прав. Вѣсти.)*

---

*) Представители, выборные.

Напутственное слово Преосвященнаго Павла. *)

Пріѣздъ Государя Императора въ Кишиневъ встрѣченъ былъ торжественнымъ звономъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ города. Весь путь отъ станціи до губернаторскаго дома, гдѣ Его Величество изволилъ основать свое пребываніе, былъ иллюминованъ огнями, транспарантами, гирляндами и флагами.

Наутро, отправляясь къ осмотру войскъ, собранныхъ на скаковомъ полѣ, Государь Императоръ вмѣстѣ съ Государемъ Цесаревичемъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ и В. Кн. Николаемъ Николаевичемъ младшимъ изволилъ заѣхать въ городской соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ въ облаченіи со крестомъ и святою водою, причемъ Преосвященный Павелъ, епископъ Кишиневскій и Хотинской, произнесъ привѣтственное слово.

На скаковомъ полѣ собраны были слѣдующія части войскъ: Дивизіонъ собственнаго Его Величества конвоя, составленный изъ эскадрона Кубанскаго и эскадрона терскихъ казачьихъ войскъ и командированный со льготы по волѣ Государя Императора въ конвой Главнокомандующаго: Жандармская команда 8-го корпуса, 7-ой саперный баталіонъ, 14-ая пѣхотная дивизія, два баталіона болгарскихъ добровольцевъ, 11-ая кавалерійская дивизія, полусотня донскаго казачьяго № 35-го полка, 14-ая артиллерійская бригада, 18 конная и донская № 4-й баттарея.

Все свободное пространство поля было покрыто громадными толпами народа и множествомъ экипажей. Погода, хмурая и прохладная съ самаго утра, къ началу смотра совершенно прояснилась, такъ что пріѣздъ Государя Императора, въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, въ сопровожденіи дежурной части конвоя, былъ озаряемъ уже полнымъ блескомъ теплыхъ лучей солнца. Объѣхавъ фронтъ войскъ, выстроенныхъ въ двѣ линіи (кавалерія съ артиллеріей во второй) Его Величество съ многочисленною свитою изволилъ отъѣхать на средину поля, въ виду всего фронта войскъ, и сошелъ съ лошади. При этомъ спѣшились и всѣ остальныя лица свиты.

Тогда выступилъ впередъ преосвященный Павелъ въ полномъ епископскомъ облаченіи и вскрылъ врученный ему пакетъ. Войска ударили бой „на молитву" и по командѣ обнажили головы. Толпа народа сдѣлала тоже. Обратясь лицомъ къ войскамъ, преосвященный во всеуслышаніе, отчетливо и яснымъ голосомъ началъ чтеніе *Высочайшаго* манифеста по писанному тексту.

Торжественныя слова этого государственнаго акта были выслушаны въ благоговѣйномъ молчаніи, которое не прерывалось и по окончаніи чтенія. Здѣсь въ Кишеневѣ до послѣдней минуты всѣ почему то были убѣждены, что объявленіе манифеста послѣдуетъ не раньше, какъ спустя еще нѣсколько дней и не

*) Корреспонденція изъ Кишинева отъ 12 апрѣля, излагающая подробности встрѣчи и молебствія. *Пр. Вѣстн.*

иначе, какъ въ Москвѣ и потому то неожиданность событія, при столь торжественной, исключительной обстановкѣ, произвела на всѣхъ глубокое, сильное впечатлѣніе. Подъ подавляющимъ вліяніемъ высоко-торжественной всемірно-исторической минуты благоговѣйно приступлено было къ слушанію молебна. Раздался ликующій хоръ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...» Послѣ чего троекратно пропѣто было: «съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Когда въ теченіи службы произнесены были слова: «Преклоньше колѣна, Господу помолимся», Его Императорское Величество громко произнести изволилъ: «Батальоны, на колѣни!» и по слову Монарха войска его тихо склонились къ землѣ. Одни лишь знамена высоко виднѣлись надъ ними. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ съ ихъ Августѣйшимъ сыномъ, Великому Князю Николаю Николаевичу и всему Царствующему Дому было возглашено таковое же русскому воинству, и затѣмъ, при пѣніи: «Спаси, Господи, люди твоя» Преосвященный, вышедши впередъ съ напутственнымъ благословеніемъ, на три стороны окропилъ войска святою водою. Его Величество, обратясь къ Августѣйшему брату своему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ облобызалъ Его. Главнокомандующій благоговѣйно и въ трогательномъ волненіи приникъ устами къ рукѣ Монарха.

Предъ торжественнымъ служеніемъ молебна было произнесено преосвященнымъ слѣдующее слово, обращенное къ Главнокомандующему, начальникамъ и войскамъ:

«Вожди и воины Христолюбивые!

«Благочестивѣйшій Государь нашъ Императоръ призываетъ васъ на великій, святой подвигъ! Вамъ предлежитъ по истинѣ великій и святой подвигъ — положить конецъ тѣмъ невыразимымъ жестокостямъ и неистовствамъ, которыя варваръ-турокъ уже нѣсколько вѣковъ совершаетъ надъ злосчастными братьями нашими Христіанами; спасти ихъ жизнь, вѣру, семью, собственность, гражданственность отъ произвола и насилія жестокаго поработителя и дать имъ возможность пользоваться правами человѣческими. Вамъ выпадаетъ великій жребій—и за Дунаемъ и за Балканами водрузить Христовъ крестъ надъ полумѣсяцемъ, какъ предки наши водрузили крестъ надъ полумѣсяцемъ въ землѣ русской и надъ серпомъ полумѣсяца, пожинающимъ только, какъ колосья, жизни человѣческія, и надъ губительною гражданственностью мусульманскою, воздвигнуть древо жизни, знаменіе побѣды надъ смертію—крестъ и съ нимъ жизненную животворную гражданственность христіанскую. На какое великое, святое дѣло призываетъ васъ благочестивѣйшій Государь!

«Мужественно, дерзновенно идите на предлежащій вамъ подвигъ!

«Предлежащій вамъ путь хорошо извѣстенъ, какъ русскому воинству: онъ утоптанъ русскою ногою, усѣянъ костями и напоенъ кровью защитниковъ и враговъ русскаго народа, Христова имени. Повсюду на своемъ пути вы встрѣтите села, города, крѣпости, рѣки, горы и долы, напоминающіе великія русскія имена, доблестные подвиги, славныя побѣды русскихъ воиновъ. Кагулъ, Ларга, Рымникъ, Измаилъ, искони родной русскому народу Дунай съ вражескими на немъ твер-

дынями, Балканы, Адріанополь, Константинополь и неисчислимое множество другихъ мѣстностей—все это, свидѣтели главныхъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ дружинъ, русскихъ войскъ. Предъ вами будутъ возставать, какъ живые, то величавые лики древнихъ князей витязей русскихъ: Олега, Игоря, Святослава; то величавые образы великихъ царей и царицъ:—Великаго Петра, Великой Екатерины, Благословеннаго Александра, доблестнаго Николая, то величавые лики великихъ вождей—Румянцева, Суворова, Кутузова и другихъ, съ ихъ чудо-богатырями. Эти и многіе другіе славные мужи Россіи неоднократно заставляли трепетать Царь-градъ—Стамбулъ предъ силою ихъ оружія; прославили своими подвигами, возвеличили Россію, расширили ея предѣлы присоединеніемъ къ ней отъ Турціи обширныхъ и богатыхъ областей. Какія славныя воспоминанія будутъ вдохновлять васъ къ подвигамъ и побѣдамъ!

«На васъ будутъ взирать съ любовью и надеждою дѣлъ славныхъ Царь-Отецъ съ Царицею и Августѣйшимъ домомъ своимъ и Россія — мать; на васъ обращены будутъ взоры братій нашихъ—страждущихъ народовъ Христіанскихъ, съ чаяніемъ избавленія отъ жестокаго поработителя; на васъ будетъ взирать и съ вами дѣлить труды, подвиги и опасности вашъ любимый, исполненный воинскаго обаянія Августѣйшій вождь.

«Какая великая честь и слава совершать свой подвигъ предъ такими свидѣтелями его, когда на васъ устремлено столько и такихъ взоровъ!

«Св. Церковь будетъ молиться за васъ, будетъ благословлять васъ и просить Господа Бога, да поможетъ вамъ оградить святую вѣру Христову и христіанскую гражданственность среди народовъ, отъ которыхъ мы сами унаслѣдовали и вѣру Христову и гражданственность Христіанскую. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, положившій душу Свою за други Своя, съ любовью будетъ *призирать* нашу готовность положить души наши за други наша и благословитъ васъ.... Какіе подвиги не будутъ для васъ возможны подъ осѣненіемъ такихъ благословеній!

«Явите же себя достойными своего высокаго призванія и славнаго имени русскаго воина. Молитесь, любите Господа Бога, Царя, отечество, ближнихъ, честно подвизайтесь, и вы будете увѣнчаны славою!»

За симъ, взявъ отъ протоіерея икону и обращаясь къ Его Высочеству Главнокомандующему, Преосвященный произнесъ:

«Благовѣрный Государь, Архистратигъ воинства Русскаго! Въ твоемъ лицѣ благословляю предводимое тобою Христолюбивое воинство святымъ образомъ Господа Вседержителя. Христосъ да пребудетъ неразлучно съ Вами, защитниками дѣла Христова, и да вѣнчаетъ Ваши подвиги славными побѣдами.»

Благословивъ иконою Великаго Князя и взявъ другую, Преосвященный обратился къ начальнику 15-й пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-майору М. И. Драгомирову, со слѣдующими словами:

«Христолюбивый вождь пребывшаго въ нашихъ предѣлахъ воинства! Благословляю тебя и всѣхъ твоихъ сподвижниковъ Святою Гербовецкою иконою Взбранной Воеводы-Царицы небесной, покровительницы града и страны нашей; пору-

чаю всѣхъ васъ могущественному покровительству Ея и молю и буду молить Ее, да ведетъ она васъ отъ подвига къ подвигу, отъ побѣды къ побѣдѣ.

«Да возвратитъ васъ Господь къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами.»

Тихо сѣли всѣ на коней, тихо отъѣхали вслѣдъ за монархомъ въ сторону, очиствивъ мѣсто войскамъ для предстоявшаго церемоніальнаго марша.

Торжественное впечатлѣніе великой минуты все еще не прерывалось, все еще было слишкомъ сильно для того, чтобы нашлось у какого-либо подобающее слово къ выраженію этого чувства въ эти незабвенныя минуты.

Раздался трубный звукъ кавалерійскаго «похода;» это собственный Его Величества конвой съ наклоненными впередъ винтовками по-эскадронно, въ развернутомъ фронтѣ, тихо и стройно приближался по линіи церемоніальнаго марша, къ мѣсту, гдѣ впереди громадной свиты сидѣлъ на конѣ Императоръ.

Далѣе за конвоемъ рокотали барабаны безъ всякихъ звуковъ музыки; это— стройно приближались вольнымъ шагомъ, сверкая щетиною безчисленныхъ штыковъ, боевые, комплектные баталіоны пѣхоты во взводныхъ баталіонныхъ колоннахъ. 14-ая пѣхотная дивизія давно уже принадлежитъ къ числу самыхъ доблестныхъ нашихъ войскъ, неоднократно покрывавшихъ себя военною славою на поляхъ сраженій. Достаточно напомнить, что съ именемъ перваго ея полка (51 пѣхотнаго волынскаго) связано безсмертное имя Севастополя. Эти храбрые историческіе полки имѣютъ и Георгіевскіе знамена и серебряныя трубы, которыя украшаютъ также и 14-ую артиллерійскую бригаду. Полки 11 кавалерійской дивизіи: рижскій драгунскій, чугуевскіе полки имени Государыни Цесаревны, уланскій и изюмскій гусарскій точно также принадлежатъ къ числу старѣйшихъ полковъ русскаго войска и полны славныхъ преданій боеваго прошлаго. Сознаніе торжествественнаго величія переживаемой минуты ясно выражалось на лицахъ этихъ воиновъ, когда они стройными и грозными рядами величаво проходили мимо своего Императора. Всѣ части войскъ показали себя на смотру въ самомъ блистательномъ видѣ и порядкѣ и каждая изъ нихъ удостоилась Царской похвалою—«Спасибо»!

За четвертымъ полкомъ 14 дивизіи слѣдовали два батальона болгарскихъ добровольцевъ, появленіе коихъ въ строю оказалось полнѣйшею и пріятной неожиданностью для присутствовавшихъ. Государь Императоръ остался очень доволенъ молодецкимъ, бодрымъ, веселымъ и воинственнымъ видомъ этихъ батальоновъ, пропарадировавшихъ мимо Его Величества съ такою стройностью и порядкомъ какіе сдѣлали бы честь любому регулярному баталіону. Люди, вступившіе въ ряды болгарскихъ дружинъ, пришли къ намъ изъ-за Дуная. Иные изъ нихъ дрались въ Сербіи и украшены медалями; другіе, потерявъ семью и родной кровъ въ Болгаріи, бѣжали подъ сѣнь Россіи отъ неистовства Турокъ, унося въ душѣ непримиримую ненависть и мщеніе врагу ихъ вѣры и племени. Между ними есть не мало людей интелигентныхъ: студентовъ, гимназистовъ, учениковъ разныхъ школъ и надо было видѣть, какой восторгъ надежды, вѣры и благодарности написанъ былъ на лицахъ этой молодежи и на солидныхъ усатыхъ фи-

зіогноміяхъ старыхъ Болгаръ, когда они лихо, молодецки проходили мѣрнымъ шагомъ и стройными рядами мимо Монарха пріютившей ихъ страны. Болгарскіе баталіоны вооружены ружьями системы Шаспо со штыками—саблями и однообразно обмундированы: на нихъ красуются сдвинутыя на бекрень мѣховыя шапки съ зеленымъ верхомъ, черные суконные пиджаки, въ родѣ нашихъ матросскихъ, съ алыми погонами, ранцы съ принадлежностью, желтой кожи патронныя сумки, черныя суконныя шаравары и сапоги съ высокими голенищами. Все это снаряженіе и вооруженіе сдѣлано на счетъ суммъ нашихъ благотворительныхъ славянскихъ комитетовъ. Кадромъ для этихъ первыхъ двухъ батальоновъ послужили офицеры и люди пѣшаго конвоя Его Высочества Главнокомандующаго, составленнаго изъ лучшихъ образцовыхъ людей разныхъ полковъ и части русской пѣхоты. Организація добровольческихъ частей поручена состоявшему при Главнокомандующемъ генералъ-майору Столѣтову, совершилась въ самый короткій срокъ, когда здѣсь стало уже ясно, что война неизбѣжна и надо удивляться тѣмъ замѣчательнымъ результатамъ, которые достигнуты при этомъ въ столь малое время. Это только и могло быть сдѣлано при содѣйствіи того рвенія, тѣхъ чувствъ и доброй воли, какія воодушевляютъ теперь, какъ нашихъ болгарскихъ охотниковъ, такъ и русскихъ кадровыхъ учителей и организаторовъ-офицеровъ. Между тѣми и другими сразу же установились самыя теплыя, братскія отношенія и можно надѣяться, что эти первыя добровольческія части, въ случаѣ надобности послужатъ прекраснымъ кадромъ для дальнѣйшаго формированія добровольческихъ дружинъ славянскихъ. Государь Императоръ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ оба батальона царственнымъ словомъ своего одобренія и выразилъ благодарность генералу Столѣтову.

По окончаніи церемоніальнаго марша, Его Императорское Величество изволилъ подъѣзжать ко всѣмъ частямъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и высказалъ собраннымъ вокругъ себя офицерамъ тѣ пожеланія напутствія, общій смыслъ коихъ уже извѣщенъ своевременно особыми телеграммами Правительственнаго Вѣстника. Только въ ту минуту, когда Государь произнесъ войскамъ: «прощайте! до свиданія! возвращайтесь поскорѣе со славою.... Поддержите честь русскаго оружія, и да хранитъ васъ Всевышній!»—только послѣ этихъ, съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразились громовыми криками, но что это были за крики! Что за мощная сила вырывала ихъ изъ груди каждаго! какой восторгъ, какая любовь сіяла въ лицахъ, когда вся эта масса въ невольномъ порывѣ восторженно ринулась къ монарху съ поднятыми вверхъ шапками, саблями, штыками!... Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми роями въ воздухъ. Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ. Надъ ними тоже мелькало множество шапокъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. «Ура! за братій! за святое дѣло! за вѣру Христову! за свободу Славянъ!» раздавались всюду мощные крики. Казалось, самый воздухъ гремитъ надъ этими слившимися воедино и сплотившимися вокругъ своего Царя

массами войска и народа. Но описать этого не возможно. Такія минуты народныхъ порывовъ, во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ неподдаются никакому описанію. Онѣ только глубоко чувствуются и никогда потомъ незабываются; они всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи (*Прав. Вѣстн.*)

Наши въ Румыніи.

12 апрѣля *) Галацъ и Барбошскій мостъ были заняты передовыми отрядами нашей кавалеріи. 13 апрѣля два означенные пункта, а также Браиловъ были заняты пѣхотою, артиллеріею и кавалеріею изъ состава войскъ одиннадцатаго корпуса подъ общимъ начальствомъ полковника Бискупскаго.

20 апрѣля. **) Наше движеніе впередъ продолжается безпрепятственно. Жители Румыніи встрѣчаютъ войска сочувственно. Турецкія войска ничего не предпринимаютъ противъ нашихъ войскъ, занимающихъ прибрежные пункты на нижнемъ Дунаѣ и по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ нигдѣ не дѣлаютъ попытокъ переправляться.

22 апрѣля. ***) Переправа нашихъ войскъ у Леова задержана необыкновеннымъ разлитіемъ Прута. Мѣры къ устраненію препятствія приняты; на сосредоточеніе войскъ эта задержка вліянія имѣть не будетъ. Ночью къ Браилову подошли два броненосца. Наши пѣшія батареи открыли по нимъ огонь 21 апрѣля утромъ. Броненосцы отвѣчали нѣсколькими выстрѣлами и потомъ удалились.

Движеніе къ Галацу и Браилову продолжается ****) безпрепятственно. Вчерашнюю перестрѣлку съ броненосцами вели четыре орудія 5 баттареи 11 артиллерійской бригады; нашими выстрѣлами поврежденъ бортъ одного изъ броненосцевъ и убитъ одинъ Турокъ. Три турецкія бомбы упали въ Браиловъ не причинивъ никому вреда. У насъ потерь нѣтъ; къ вечеру присоединился третій броненосецъ и всѣ вмѣстѣ отошли въ Мачинскій рукавъ верстъ на пять.

Великодушное сочувствіе.

Въ то время когда наше воинство шло проливать кровь свою за Дунай и Балканы, мирные обитатели Россіи, проникнутые убѣжденіемъ, что какъ мысль освобожденія Славянъ, такъ и предпринятый трудъ—дѣло великое,—предпріятіе трудное, опасное, сопряжено съ многочисленными расходами, потерями и другими неблагопріятными затрудненіями,—со всѣхъ концевъ Россіи вызвались принести свою посильную жертву, какъ содѣйствіе намѣреніямъ своего великаго Госу-

*) Телегр. Е. Им. Глав. д. а. изъ Кишинева отъ 14 апр. 1877. Пр. Вѣст.
**) Телегр. Его Им. Выс. Гл. д. а. изъ Кишинева отъ 20 апр. 1877 г.
***) Телегр. Е. Им. В. Гл. д. ар. изъ Кишинева отъ 22 апрѣля 1877 г.
****) Тел. Е. И. В. Глав. Ком. Дѣйст. Арміей отъ 25 апр. 1877 г.

даря, который уже много сдѣлалъ добра для своего народа и обѣщаетъ многое сдѣлать и раздѣлить единодушно посильный трудъ бремени войны.

И вотъ жертвы великія и малыя потекли со всѣхъ концевъ Россіи. 23 апрѣля 1878 года въ большемъ Кремлевскомъ дворцѣ были поднесены Государю Императору слѣдующіе адресы:

Отъ Московскаго дворянства:

«Всемилостивѣйшій Государь! съ молитвою въ сердцѣ и на устахъ, встаетъ по слову Вашему земля русская; она встаетъ во имя Христа на великое, правое дѣло; настало время доказать, что дворянство вѣрно своему призванію. Сыны и братья наши, по примѣру предковъ, стоятъ уже въ рядахъ доблестнаго воинства Вашего. Не всѣмъ намъ выпала завидная и славная доля въ первыхъ рядахъ сразиться съ вѣковымъ врагомъ Россіи за освобожденіе порабощенныхъ собратій, но на всѣхъ насъ лежитъ другой, болѣе смиренный долгъ: по мѣрѣ силъ нашихъ, въ духѣ братской любви, будемъ мы служить болящимъ и раненымъ воинамъ нашимъ. Господь да поддержитъ Васъ, возлюбленный Государь въ святомъ, высокомъ подвигѣ.

Отъ Городскаго Общества.

«Всемилостивѣйшій Государь! Ты призвалъ къ брани—и возликовала Русь! Ты возвѣстилъ ей трудъ грозный и скорбный—и на Руси праздникъ! Двинувъ войска свои на бой, Ты явился народу въ стѣнахъ его древней столицы—и воздухъ всколыхался отъ кликовъ признательности и благословенія! Никогда не срѣталъ Тебя Твой смиренномудрый народъ съ такимъ умиленіемъ и благодарностью, какъ именно нынѣ, внявъ бранному Твоему призыву, ибо важно и свято настоящее мгновеніе; и отъ слова Твоего, Царь, совѣсть и честь Россіи вздохнула свободно, ибо вѣдаетъ Твой народъ, что мечь Россіи обнаженъ Тобою, миролюбивѣйшій изъ Царей, не суетной славы ради, а во имя Христово за нашихъ многострадальныхъ Славянъ-братьевъ, ибо не порабощать и губить устремилъ ты доблестные полки свои за Дунай, а насаждать свободу и благоденствіе призвать единовѣрныя и единоутробныя намъ племена къ новой жизни и благоустроенному бытію. Нѣтъ войны праведнѣе сей, и славя Господа, призвавшаго ее на такой чистый и святой подвигъ, святая Русь молитъ Его лишь о томъ: да сподобитъ Онъ ее явиться достойною призванія и свершить его до конца, вопреки кознямъ враговъ и лукавымъ внушеніямъ мнимой мудрости. Ты медлилъ бранью, милосердуя о жертвахъ брани, щадя дорогую Тебѣ русскую кровь. Въ этихъ любвеобильныхъ словахъ Твоихъ видится намъ залогъ грядущихъ успѣховъ: Русская кровь не прольется напрасно. Голосъ Москвы—голосъ Россіи; вѣрь же въ свою Россію, Державный Царь, радуйся въ наступившіе часы испытанія подъемомъ ея духа; какъ доспѣхамъ одѣнься ея любовью; въ ея любви сила и истина, ея любовь творитъ чудеса.»

«По принятіи этихъ адресовъ Его Величество изволилъ произнести: «Шесть

мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго роднаго Кремля, я выразилъ Вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до нельзя щадить дорогую русскую кровь; но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ въ Государыней Императрицей благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами но и дѣломъ. Могу сказать, по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли Мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ на бой за Вѣру, Царя и Отечество.» (*Прав. Вѣст.*)

Посильныя жертвы.

Кишиневская Городская Дума постановила, въ ознаменованіе посѣщеніе Государемъ Императоромъ Кишинева и изданія Манифеста 12 апрѣля воздвигнуть обелискъ въ городскомъ саду на средства города; на скаковомъ полѣ, гдѣ впервые былъ прочтенъ манифестъ и гдѣ Царь преклонилъ колѣна, молясь за успѣхъ войны, построить инвалидный домъ для призрѣнія увѣчныхъ воиновъ настоящей компаніи, въ виду же недостатка средствъ на постройку дома открыть повсемѣстную въ Россіи подписку. Московскую улицу и городской садъ наименовать «Александровскими». Постановленіе это вчера получило Высочайшее утвержденіе.

На этой же приснопамятной недѣлѣ, нѣкоторые землевладѣльцы Петербургской губерніи изъявили желаніе обложить себя налогомъ съ лѣса продавшагося на срубъ и съ каждой обработываемой десятины. Налогъ долженъ поступить на военныя надобности.

---

16 апрѣля. Въ чрезвычайномъ собраніи Московскаго дворянства постановлено: пожертвовить 80000 рублей на устройство санитарнаго отряда въ 100 коекъ солдатскихъ и соотвѣтствующее число офицерскихъ для кавказской арміи и 15000 рублей въ пособіе военнымъ госпиталямъ губерніи.

Въ управленіе С.-Петербургскаго градоначальника. Въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ между прочимъ поступило отъ поэта и издателя Н. В. Гербеля и супруги его 10000 руб.

Служащіе по министерству Государственныхъ имуществъ, во временномъ отдѣлѣ и департаментѣ Земледѣлія, а равно и *артисты* петерб. русской драматической труппы постановили жертвовать на санитарныя нужды арміи по одному проценту съ рубля, получаемаго ими содержанія.

Муромская Дума постановила отчислить изъ доходовъ города *три тысячи* рублей на санитарныя нужды арміи, устроить на все время войны лазаретъ на 20 кроватей и открыть добровольную подписку для сбора пожертвованій на содержаніе вдовъ и сиротъ бѣдныхъ гражданъ, поступившихъ въ военную службу.

Кронштатскій коммерческій клубъ для сформированія временныхъ госпиталей пожертвовалъ болѣе двухъ сотъ томовъ книгъ разнаго содержанія.

Въ Пензѣ дума рѣшила: израсходовать весь запасный капиталъ въ 31000 руб., изъ которыхъ 25 тысячъ рублей должны идти на санитарныя нужды арміи а 6000 рублей на призрѣніе нуждающихся семействъ воиновъ; тамошнее ремесленное общество пожертвовало 1600 рублей; мѣстное же управленіе «Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ" въ теченіи одной недѣли собрало 2452 рубля.

Въ Харьковѣ земельный банкъ отчислилъ отъ своихъ средствъ 5000 рублей въ распоряженіе Харьковскаго управленія «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ»; поселяне-собственники Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, Мнифельдской волости заявили желаніе пожертвовать на нужды арміи *тысячу пудовъ ржаной муки* и *десять пароконныхъ* подводъ для усиленія военнаго транспорта.

Прихожане Московскаго Преображенскаго богодѣленнаго дома, безпоповщинскаго согласія, представили десять тысячъ рублей на нужды военнаго дѣла.

Профессора и прочіе служащіе въ Петербургской Духовной академіи положили жертвовать на нужды арміи по два процента съ получаемаго мѣсячнаго жалованья, служащіе въ семинаріи по 5%, а духовнаго училища по 3%. Братія Александровскаго монастыря въ Петербургѣ изъявила готовность жертвовать въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ по 10% съ получаемыхъ ими доходовъ.

Чины Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка просили ходатайства командира полка передъ Ея Величествомъ, Августѣйшей покровительницей Общества Краснаго Креста, какъ всемилостивѣйшаго шефа полка, принять полкъ номинальнымъ постояннымъ членомъ общества,—съ ежемѣсячно добровольнымъ взносомъ офицерами и нижними чинами,—на что послѣдовало всемилостивѣйшее Ея Величества разрѣшеніе.

Многіе изъ *петербургскихъ аптекарей* и торговцевъ аптекарскими товарами (дрогисты) заявили готовность снабжать во все продолженіе войны походные госпитали извѣстнымъ количествомъ медикамента безвозмездно.

Въ Москвѣ открылся *Центральный складъ* Общества „*попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ.*" Въ первый же день П. П. Дурново принесъ въ

даръ этого склада 10000 руб. Московское уѣздное земство ассигновало на устройство госпиталя для раненыхъ въ дер. „*Черныя грязи*" 12000 руб. и для раздачи пособій семействамъ раненыхъ воиновъ тоже десять тысячъ рублей.

Московская дума ассигновала на устройство больницъ и содержаніе больныхъ восемьдесять пять тысячъ рублей. При этомъ Московское Городское Общество предложило въ распоряженіе управы на все время войны свой домъ въ *Сущевѣ*, братья Морозовы свое фабричное заведеніе до іюня безвозмездно, а послѣ іюня, съ платою по 3000 въ годъ; товарищество суконной фабрики Ганешиныхъ— свой фабричный корпусъ. Нѣкоторые доктора изъявили готовность безвозмездно пользовать больныхъ въ означенной больницѣ.

Дворянство и *Земство* Бессарабской губерніи предложили на помощь земскимъ обозамъ и интендантскимъ транспортамъ всѣ, имѣющіяся у нихъ въ наличности перевозочныя средства: подводы, волы, лошади, не только въ самомъ Кишиневѣ но вообще на главныхъ путяхъ передвиженія войскъ и транспортовъ по Бессарабской губерніи до рѣки Прута; Дворянство предложило свои средства безвозмездно, земство же—за самую умѣренную плату, которая имѣетъ быть установлена по обоюдному соглашенію его съ военнымъ вѣдомствомъ.

Самарская дума на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ поднесла Государынѣ Императрицѣ при особомъ адресѣ 25000 рублей.

Черниговской эпархіи въ Нѣжинскомъ Введенскомъ монастырѣ 60 сестеръ изъявили желаніе ухаживать за больными.

Въ Гамалѣевскомъ м. 10 сестеръ, уже достаточно подготовленные для ухода за больными; изъ *Каменскаго Успенскаго* изъявили желаніе 8 сестеръ; а изъ *Троицко-единовѣрческаго*—три лица.

Петербургское купеческое общество пожертвовало 500000 руб. Русское биржевое купечество предлагаетъ своимъ сочленамъ оцѣнить по совѣсти свое движимое и недвижимое имущество и, начиная съ $^1/_{100}$ доли всего капитала, дать столько долей, сколько понадобится для военныхъ расходовъ.

Орловская дума освободила на время войны отъ городскихъ налоговъ недвижимости лицъ чиновъ, призванныхъ въ дѣйствующія войска и, сложить съ нихъ даже недоимки по городскимъ сборамъ прежнихъ лѣтъ и внести въ казначейство за тѣ имущества недоимки казны; кромѣ этого съ 12 апрѣля, по окончаніи войны, принять подъ покровительство городской думы всѣ оставшіяся семейства нижнихъ чиновъ, выдавая имъ ежемѣсячно пособія въ слѣдующихъ размѣрахъ: женамъ по 3 рубли и на каждаго ребенка по 1 рублю; далѣе дѣтей жителей города Орла, родители и попечители которыхъ будутъ убиты на войнѣ, или вслѣдствіе ранъ или увѣчья, окажутся неспособными къ труду, считать *дѣтьми города Орла* и впредь до совершеннолѣтія принять на счетъ го-

рода попеченіе о нихъ и образованіи ихъ; наконецъ на все время военныхъ дѣйствій устроить больницу на сто коекъ для раненыхъ.

Въ Бѣжецкѣ, въ пользу у комитета Краснаго Креста, по случаю объявленія войны съ Турціей, въ одинъ день было собрано 2445 рублей. Кромѣ того городское общество приготовляетъ сто кроватей для раненыхъ.

Въ Кронштадтѣ пожертвованія въ пользу раненыхъ съ каждымъ днемъ увеличиваются. Въ портовыхъ и другихъ учрежденіяхъ Кронштадта открыта подписка: многіе изъ служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ изъявили желаніе жертвовать, во все время войны, по нѣскольку процентовъ изъ получаемаго ими содержанія.

Курскій Общественный Клубъ отчислилъ 6000 рублей, изъ которыхъ 2000 рублей для раздачи ежемѣсячнаго пособія проживающимъ въ Курскѣ нуждающимся семействамъ нижнихъ чиновъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, а остальныя тысячи въ пользу общества Краснаго *Креста.*

Брестъ-Литовскъ вскорѣ послѣ Высочайшаго Манифеста устроилъ маскарадъ съ лоттереею—аллегри въ пользу комитета Общества о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Въ теченіи одной недѣли, считая отъ 15 до 22 числа, во дворцѣ В. Кн. Николая Николаевича, въ Петербургѣ, работало въ мастерской добровольныхъ труженицъ и тружениковъ 1453 лица обоего пола.

Описаніе занятыхъ нами городовъ и позицій.

ГОРОДЪ ГАЛАЦЪ.

Городъ Галацъ представляется однимъ изъ лучшихъ городовъ Молдавіи. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу Дуная, не подалеко отъ впаденія въ Дунай рѣки Серета близь озера Братица.

Послѣ Бухареста и Яссъ, первое мѣсто занимаетъ между городами Румыніи—Галацъ. Этотъ городъ очень хорошо обстроенъ и окруженъ стѣною. Онъ имѣетъ монастырь, много православныхъ церквей, госпиталь, большой и богатый базаръ и много магазиновъ, переполненныхъ товарами разнаго рода. Главныя улицы украшаются преимущественно фасадами каменныхъ домовъ.

Городъ Галацъ считается одною изъ важнѣйшихъ пристаней на Дунаѣ и играетъ серьезную роль въ торговыхъ отношеніяхъ между Востокомъ и Западомъ.

Весь привозъ товаровъ, необходимыхъ для жителей Молдавіи и Валахіи, производится черезъ Галацъ, который такимъ образомъ служитъ центромъ торговли соединенныхъ княжествъ. Сюда привозятся изъ Россіи кожи и табакъ, изъ

Германіи бумажныя ткани, фаянсъ, фарфоръ, стеклянныя вещи и мѣха. Турецкіе купцы доставляютъ превосходный сафьянъ, пряности, ароматы; между послѣдними извѣстенъ, такъ называемый *одогачь*—(родъ смолы, цѣнимый слишкомъ высоко).

Евреи и Греки привозятъ въ большемъ количествѣ: драгоцѣнные камни, золотыя издѣлія, сукна, шелковыя ткани и разную мягкую рухлядь. Предметами ввоза служатъ, кромѣ того: сахаръ, кофе, ромъ, масло, сушеные плоды, рисъ, хлопчатая бумага. Между товарами, которые въ Румыніи отправляются за границу черезъ Галацъ, въ наибольшемъ количествѣ вывозятся слѣдующіе: зерновые хлѣба, соль, сало, масло, орѣхи, сыръ, бѣлое вино, табакъ, льняное сѣмя, строевой лѣсъ, воловая кожа, овечій мѣхъ и наконецъ простая шерсть.

Гавань города постоянно наполнена множествомъ русскихъ, англійскихъ, турецкихъ, греческихъ, сардинскихъ и сицилійскихъ судовъ. Ярмарки въ городѣ бываютъ очень часто.

Окрестности Галаца отличаются плодородіемъ; жители округа, принадлежащаго Галацу, разводятъ табачныя плантаціи.

ЯССЫ.

Яссы— главный городъ княжества Молдавіи; до соединенія послѣдняго съ Валахіей въ немъ было мѣстопребываніе молдавскаго господаря и митрополита, высшихъ сановниковъ княжества и европейскихъ консуловъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, оба княжества находятся подъ управленіемъ одного князя, резиденціей которому служитъ Бухарестъ въ Валахіи.

Городъ Яссы лежитъ въ 340 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Бухарешта, въ 158 французскихъ миляхъ отъ Константинополя и въ 59 миляхъ отъ Одессы. Онъ выстроенъ правильно на возвышенности, омываемой р. Бахлуи, скорѣе походящей на рядъ болотистыхъ озеръ, чѣмъ на рѣку.

Въ Яссахъ считается до 90000 жителей. Массу населенія составляютъ евреи, поляки, нѣмцы, греки, армяне; Молдаване здѣсь только чиновники, небольшое число лавочниковъ и простонародіе. Словомъ Яссы—такой же молдавскій городъ, какъ напримѣръ Вильно—русскій. А все-таки, само по себѣ, Яссы—городокъ чистенькій и красивый на видъ.

Нижняя старая часть города заселена преимущественно евреями и потому грязновата; но остальныя части блещутъ чистотою, изящною архитектурою и миловидностью домовъ, почти всегда одноэтажныхъ, рѣдко двухъ-этажныхъ, крытыхъ листовою жестью, что очень красиво, особенно въ солнечный день. Городъ издали кажется всегда серебрянымъ. Строенія въ городѣ не скучены, а раскинуты на большомъ пространствѣ. Почти каждый домъ окруженъ группами деревьевъ или цвѣтистымъ палисадникомъ. Улицы и тротуары здѣсь вымощены асфальтомъ на манеръ европейскихъ столицъ. Главная улица «*Strada mapa*» очень длинна; она идетъ отъ центра въ гору и мало по малу переходитъ въ длинную тѣнистую аллею. Это самая аристократическая улица города, кото-

рая служитъ мѣстомъ прогулокъ молдаванской знати. Одно изъ лучшихъ зданій въ Яссахъ—древній дворецъ Господаря,—было уничтожено пожаромъ; на мѣстѣ стараго дворца былъ воздвигнутъ новый, значительно уступавшій первому; пожаромъ 1827 года разрушена была лучшая часть и этого новаго дворца. Однако церкви и монастыри, прочно устроенные изъ камня и кирпича, пережили всѣ пожары, которымъ подвергался городъ и почти всѣ остались неповрежденными. Замѣчательнѣйшими изъ этихъ зданій нужно считать: Монастырь *Тросвитичь,* гдѣ погребены всѣ молдавскіе Митрополиты; монастырь *Голикъ*—съ громадными башнями; монастыри: *Сокола,* Четезуй, Галатъ; а также церкви: Св. *Николая,* Св. *Георгія,* Св. Спиридонія и др. Вообще въ Яссахъ насчитывается до 50 церквей и болѣе 25 монастырей. Каѳедральною церковью считается храмъ св. Николая; близь него помѣщается прекрасный дворецъ митрополита. Кромѣ того, въ городѣ имѣются: валахская типографія, помѣщающаяся въ огромномъ зданіи, лицей, семинарія, много первоначальныхъ школъ, госпиталь, хорошія общественныя бани и пр. Окрестности Яссъ очень красивы. Въ историческомъ отношеніи Яссы замѣчательны, какъ городъ древній, имѣвшій 80000 жителей еще во времена римской имперіи. Яссы не однажды были въ русскихъ рукахъ, которые возвращали этотъ городъ каждый разъ при заключеніи мира. Въ 1788 году ясскія укрѣпленія были разрушены, за исключеніемъ небольшой крѣпости существующей донынѣ. Въ 1791 году здѣсь былъ заключенъ извѣстный мирный договоръ между Россіею и Турціею, по которому Россія пріобрѣла отъ Турціи страну, лежащую между Днѣстромъ и Днѣпромъ и удержала за собою городъ Очаковъ.

Яссы часто подвергались пожарамъ; самымъ ужаснымъ изъ нихъ былъ пожаръ въ 1723 году, уничтожившій почти весь городъ; въ 1772 году здѣсь свирѣпствовала сильная чума; въ 1827 году городъ былъ преданъ янычарами огню и снова опустѣлъ. Послѣ пожара 1827 года, въ Яссахъ насчитывалось не болѣе 25 тысячь жителей; раззоренный городъ пришелъ въ совершенный упадокъ и лишился послѣдней торговой и мануфактурной дѣятельности.

Впрочемъ во 2-й половинѣ текущаго столѣтія, Яссы возвратили утраченное значеніе и вновь достигли прежняго благостоянія. Торговля города, въ настоящее время, довольно обширна, но сосредоточена въ рукахъ Армянъ, Грековъ и Евреевъ.

Біографія

Генералъ-адъютанта А. А. Непокойчицкаго.

Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій, сынъ уѣзднаго предводителя дворянства, родился 8 декабря 1813 года въ Минской губерніи. Онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ кончилъ курсъ съ отличіемъ. Началъ онъ свою военную карьеру въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку, куда вступилъ офицеромъ и въ томъ же году поступилъ въ военную академію. По окончаніи курса въ по-

слѣдней въ 1835 году, былъ назначенъ офицеромъ главнаго штаба въ пятый пѣхотный корпусъ, гдѣ служилъ при Н. Н. Муравьевѣ, и графѣ Лидерсѣ; съ послѣднимъ раздѣлялъ онъ трудныя минуты проведенныя въ южной арміи и въ Крыму.

Боевая дѣятельность Артура Адамовича началась на Кавказѣ въ 1841 году. Онъ участвовалъ въ трехъ компаніяхъ противъ горцевъ. Во время первой изъ этихъ компаній онъ отличался при взятіи и разрушеніи нѣсколькихъ ауловъ и при вторженіи нашихъ войскъ въ землю Голашевцевъ, за что получилъ два ордена и чинъ подполковника.

Во вторую компанію въ 1843 году, Артуръ Адамовичъ состоялъ въ Дагестанскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ графа Лидерса, и на этотъ разъ выказалъ необыкновенное мужество при овладѣніи Ахтынской переправою и при переходѣ чрезъ рѣку Судакъ подъ огнемъ непріятеля; а также отличился въ происходившей вслѣдъ за тѣмъ жаркой битвѣ въ аулѣ Гертмѣ противъ многочисленныхъ скопищъ горцевъ, обращенныхъ въ бѣгство, за что получилъ нѣсколько наградъ. Наконецъ въ третьей изъ этихъ компаній, участвуя въ составѣ чеченскаго отряда, онъ сражался нѣсколько разъ противъ знаменитаго Шамиля, укрѣплявшагося по большей части на высотахъ Лапъ. За свою необыкновенную храбрость, кавказскій герой былъ награжденъ въ эту компанію тремя орденами и удостоился именнаго Монаршаго благоволенія.

Будучи полковникомъ, Артуръ Адамовичъ участвовалъ въ венгерскомъ походѣ. Занимая должность начальника штаба отряда войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, онъ выступилъ изъ Бухареста въ Трансильванію противъ Венгровъ. Здѣсь онъ отличился при взятіи съ боя непріятельскихъ укрѣпленій въ Телишскомъ и Ротертумскомъ ущельяхъ, при занятіи городовъ: Кронштадта и Германштадта и въ битвѣ при Сегезварѣ, окончившейся совершеннымъ пораженіемъ Венгровъ.

За венгерскую компанію полковникъ Непокойчицкій былъ произведенъ въ генералы, получилъ отъ Государя орденъ Станислава первой степени. Кромѣ того австрійскій Императоръ пожаловалъ его орденомъ Желѣзной Короны 2-й степени. Въ лѣтописяхъ славнаго подвига пятаго корпуса на Кавказѣ и въ Трансильваніи, имя генерала Непокойчицкаго, какъ ближайшаго сподвижника графа Лидерса, красуется рядомъ съ именемъ послѣдняго.

Второй періодъ боевой дѣятельности доблестнаго генерала наступилъ, когда началась война съ Турціей въ 1853 году. Въ составѣ 5-го корпуса (пѣхотнаго) онъ участвовалъ въ этой войнѣ подъ начальствомъ графа Лидерса и отличился въ ней: при канонадѣ у селенія Сатулова, при переправѣ чрезъ рѣку Прутъ, при занятіи острова Бындая, при дѣйствіи противъ Браиловскаго редута и противъ укрѣпленій, возведенныхъ на правомъ берегу Дуная у Браилова, при движеніи подъ выстрѣлами непріятеля къ Гарвану, при устройствѣ мостовъ у Браилова и Галаца, при взятіи города Мачина, при занятіи высотъ, окружающихъ островъ Горлицъ, въ кавалерійской стычкѣ близь этой крѣпости и при ея осадѣ, наконецъ въ особенности подъ Силистріей.

Генералъ Непокойчицкій отбилъ отличную непріятельскую вылазку, произведя

рекогносцировку вблизи этой крѣпости подъ сильнымъ и постояннымъ огнемъ крѣпости и передовыхъ укрѣпленій.

За военные подвиги, совершенные Артуромъ Адамовичемъ въ теченіи этой компаніи, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени съ мечами, а также золотой саблей, украшенной брильянтами. Послѣ того въ званіи начальника главаго-штаба, онъ сражался въ Крыму противъ союзныхъ войскъ Турціи, Англіи, Австріи и Сардиніи. Впродолженіи всей своей боевой дѣятельности онъ не былъ ни разу раненъ. Въ 1877 году наступилъ 64 годъ, но онъ бодръ и пользуется полнымъ здоровьемъ.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ генералъ Непокойчицкій состоялъ въ должности предсѣдателя военно-кодификаціонной коммисіи, въ которую поступилъ еще въ 1859 году. Кромѣ того онъ былъ съ 1864 года членомъ военнаго совѣта, а въ 1868 году произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Въ настоящую описываемую нами войну онъ состоитъ начальникамъ штаба дѣйствующей Южно-Дунайской арміи.

Телеграмы.

Кишиневъ, 20 апрѣля. Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, изволилъ сегодня въ 5-ть часовъ утра выѣхать изъ Кишинева въ Одессу.

Одесса, станція Куликово 20 апрѣля. Государь Императоръ прибылъ въ Одессу въ $11^1/_2$ часу, и осмотрѣвъ находящіяся тамъ войска, береговыя укрѣпленія и флотилію, изволилъ выѣхать въ 2 часа пополудни по Одесской желѣзной дорогѣ въ Кіевъ.

Прав. Вѣстн. № 86, 1877 г.

Высочайшій рескриптъ.

Данный на Имя Его *Императорскаго Высочества* Главнокомандующую дѣйствующаю Арміею.

Ваше Императорское Высочество.

Осмотрѣвъ большую часть войскъ дѣйствующей арміи, я къ величайшему Моему удовольствію нашелъ ихъ въ томъ отличнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи, которое служитъ залогомъ успѣха въ святомъ дѣлѣ, къ которому они нынѣ призваны. Бодрый и здоровый видъ людей, отличный боевой духъ и превосходное санитарное состояніе арміи свидѣтельствуютъ о неусыпныхъ трудахъ и просвѣщенной заботливости ея доблестнаго Главнокомандующаго, и даютъ Мнѣ полную увѣренность, что отличныя войска эти въ настоящую компанію поддержатъ славу Нашего оружія.

Желая вновь выразить *Вашему Императорскому Высочеству Мою* сердечную признательность за *Вашу* постоянную примѣрную, отлично усердную службу Престолу и Отечеству и труды по доведенію ввѣренной *Вамъ* дѣйствующей арміи до настоящаго блестящаго состоянія, я назначилъ *Васъ* Шефомъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка.

Пребываю къ Вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Искренно Васъ любящій

Александръ.

17 апрѣля 1877 года.
Въ Кишиневѣ.

Внутреннія (отрадныя) извѣстія.

Въ засѣданіи экстра-одинарнаго Московскаго Губернскаго земскаго собранія 18-го апрѣля выслушано было слѣдующее предложеніе губернской земской управы:

«Московское губернское земское собраніе еще въ январѣ настоящаго года приняло всѣ необходимыя мѣры ко тому, чтобы вполнѣ обезпечить исполненіе важныхъ обязанностей, какія ложатся на земство въ случаѣ объявленія войны. Оно ни минуты неостановилось ни передъ цифрою предстоящихъ затратъ на формированіе ополченія при его созывѣ и на удовлетвореніе другихъ воинскихъ потребностей, простирающейся до одного милліона рублей на губернію, ни передъ тѣми значительными трудами, какіе должны пасть на него.

Проникнутое лишь чувствомъ долга и важности лежащихъ на немъ обязанностей, Московское губернское земство приняло на себя и расходы и труды. Но какъ ни велики тѣ жертвы, которыя предстоятъ ему можетъ быть не въ весьма далекомъ будущемъ, губернская управа полагаетъ, что въ виду наступившихъ событій, земство Московской губерніи не остановится на этихъ жертвахъ, но съ такимъ же горячимъ участіемъ, какъ и всегда, отнесется къ нуждамъ нашихъ воиновъ, идущихъ на освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ собратій. Нужды эти намѣчены въ *Высочайшемъ рескриптѣ*, данномъ 12 сего апрѣля главному управленію общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ Августѣйшею его покровительницею, и заключаются въ удовлетвореніи потребностей больныхъ и раненыхъ воиновъ. Потребности эти будутъ многочисленны и разнообразны, опредѣлить, и предвидѣть ихъ въ настоящее время было бы трудно. При тѣхъ затратахъ, которыя предстоятъ Московскому губернскому земству, участіе его въ этомъ дѣлѣ можетъ быть лишь соразмѣрное тѣмъ средствамъ, которыми оно располагаетъ, но, говоря словами *Высочайшаго рескрипта*: «Всякое даяніе будетъ благо, всякое приношеніе, и великое и малое, равно цѣнно предъ Богомъ, какъ жертва любви всѣхъ насъ связующей во едино во имя Христово.»

Съ полнымъ сочувствіемъ въ сочувствіе губернскихъ гласныхъ, Губернская управа рѣшается предложить Губернскому собранію принять посильное участіе къ удовлетворенію нуждъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, назначивъ изъ средствъ губернскаго земства *сто тысячъ рублей* для расходованія оныхъ по указанію *Августѣйшей покровительницы* «общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.»

Губернское земское собраніе единогласно приняло предложеніе Губернской земской управы и постановило: назначить изъ средствъ земства *сто тысячъ рублей* для расходованія на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ по указанію Августѣйшей покровительницы «общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.»

По доведеніи Московскимъ генералъ-губернаторомъ о вышеизложенномъ постановленіи земскаго собранія до свѣдѣнія *Государя Императора* и *Государыни Императрицы*, ихъ Императорскія Величества *Всемилостивѣйше* соизволили удостоить генералъ-адъютанта князя Долгорукова слѣдующими отвѣтными телеграммами.

Его Величество: «Прошу объявить *мою искреннюю благодарность* московскому земству за пожертвованіе въ пользу больныхъ и раненыхъ.»

Ея Величество: «Москва продолжаетъ утѣшать и радовать меня. Всѣ сословія, движимыя однимъ общимъ чувствомъ, съ предъусмотрительною заботливостью спѣшать устроить помощь больнымъ и раненымъ нашимъ воинамъ. Хвала и честь первопрестольной любвеобильной столицѣ. Сердечно благодарю московское губернское земское собраніе за щедрое приношеніе.»

На имя ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы отправлена была 19 апрѣля московскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ слѣдующая депеша:

Ея Императорскому Величеству.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше донести *Вашему Императорскому Величеству*, что чрезвычайное московское уѣздное земское собраніе по случаю объявленія войны съ Турціею, постановило устроить госпиталь для раненыхъ на пятьдесятъ кроватей, ассигновавъ на это до десяти тысячъ; назначить до десяти тысячъ пособія бѣднѣйшимъ семействамъ чиновъ запаса призываемыхъ на службу и ходатайствовать передъ *Вашимъ Императорскимъ Величествомъ* о принятіи помянутаго госпиталя подъ *Высочайше Вашего Величества* покровительство.

Послѣдовавшій отъ *Ея Величества* отзывъ:

Московскому генералъ-губернатору.

Живое участіе Московскаго уѣзднаго земскаго собранія въ призрѣніи нашихъ раненыхъ воиновъ и попеченія о семействахъ чиновъ запаса, призываемыхъ на службу, Меня сердечно радуетъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ принимая

подъ свое покровительство учреждаемый земскимъ собраніемъ госпиталь на пятьдесятъ кроватей, я прошу васъ выразить достопочтенному собранію мою душевную признательность.

На подлинномъ собственною Ея Величества рукою подписано: *«Марія»*.

20 апрѣля 1877 г.
въ Зимнемъ Дворцѣ.

Отъ Московскаго генералъ-губернатора:

Ея Императорскому Величеству.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше донести *Вашему Императорскому Величеству*, что французское благотворительное общество, доставивъ мнѣ пять тысячъ рублей въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ, ходотайствуетъ предъ *Вашимъ Императорскимъ Величествомъ* о принятіи этого пожертвованія.

Послѣдовавшій отъ *Ея Величества* отзывъ.

Московскому генералъ-губернатору.

Приношеніе французскаго благотворительнаго общества въ Москвѣ меня сердечно тронуло. Усердное это даяніе Я принимаю съ искреннею признательностью, во имя тѣхъ прекрасныхъ чувствъ, которыя вызвали это пожертвованіе. Прошу васъ высказать французскому благотворительному обществу, что я цѣню его добрыя побужденія и благодарю его вдвойнѣ и за Себя и за раненыхъ нашихъ воиновъ, о которыхъ оно позаботилось съ такою христіанскою любовью.

На подлинномъ собственною Ея Величества рукою написано:

«Марія».

(Прав. Вѣст. 1877 г. № 87.)

Телеграмма Его Императорскаго Высочества

Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 20 апрѣля, изъ Кишинева.

Наше движеніе впередъ продолжается безпрепятственно. Жители Румыніи встрѣчаютъ войска сочувственно. Турецкія войска ничего не предпринимаютъ противъ нашихъ войскъ, занимающихъ прибрежные пункты на Нижнемъ Дунаѣ, и по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ нигдѣ не дѣлаютъ попытокъ переправиться.

Телеграмма Военнаго Министра,

полученная 21 сего апрѣля со Ст. Раздѣльной.

Съ Кавказско-турецкой границы получены по 19 число слѣдующія телеграфическія извѣстія: кавалерія главныхъ силъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе въ числѣ 27-ми эскадро-

новъ и сотенъ при 16-ти конныхъ орудіяхъ, совершило 16, 17 и 18 апрѣля поискъ чрезъ Каньчевъ, Владикарсъ, Тикма, Санебутифъ и Базыгракъ; отрядъ генералъ-маіора Лорисъ Меликова дошелъ до Лашгирта, гдѣ ему удалось уничтожить телеграфную линію Карсо-Эрзерумскую на протяженіи 10 верстъ. Другой отрядъ, изъ дивизіи генералъ-маіора Свиты Его Величества Шереметева, дошелъ до Варимопа подъ Сагаплугомъ. Восемь турецкихъ баталіоновъ съ батареею, вышедшіе изъ Карса къ Эрзеруму, были долго преслѣдуемы частью нашей конницы, вслѣдствіе чего движеніе Турокъ имѣло видъ бѣгства; они потеряли вьюки и патронные ящики. По показанію плѣнныхъ и жителей съ этою колонною слѣдовалъ въ Эрзерумъ муширъ Мухтаръ-паша. Дабы поддержать далеко и молодецки ушедшую впередъ кавалерію, и вмѣстѣ съ тѣмъ усилить впечатлѣніе, произведенное на противника и край, генералъ-адъютантъ Лорисъ Меликовъ, 17-го числа послѣ молебствія выступилъ изъ Заимскаго лагеря съ 12 батальонами гренадеръ съ 40 орудіями и 5 сотнями, безъ ранцевъ и обоза. Онъ прошелъ чрезъ Халифъ-Оглу до Визинкева. 18 апрѣля вечеромъ кавалерія имѣла двухъ-часовую артиллерійскую канонаду съ непріятелемъ, вышедшимъ изъ крѣпости въ числѣ осьми батальоновъ съ полевой артиллеріей и занявшимъ позицію подъ прикрытіемъ крѣпостныхъ верковъ; причемъ терскою казачьею батареею подбито непріятельское орудіе. 19 числа генералъ адъютантъ Лорисъ Меликовъ оставивъ кавалерію у Визинкева, и остальными силами занялъ прежній лагерь у Заима. Вся наша потеря нижнихъ чиновъ: убитъ одинъ и ранено пять. Плѣнныхъ взято болѣе 100 человѣкъ низама; здоровье и настроеніе нашихъ войскъ превосходны. Населеніе занятаго края выказываетъ самое лучшее къ намъ расположеніе и выражаетъ готовность служить намъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ Меликовъ, получая безчисленныя просьбы жителей о принятіи въ нашу службу, приступаетъ къ формированію изъ нихъ коннаго полка.

Телеграмма

Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующаго арміею, отъ 22 апрѣля, изъ Кишинева.

Переправа нашихъ войскъ у Леова задержана необыкновеннымъ разлитіемъ Прута. Мѣры же къ устраненію препятствій приняты; на сосредоточеніе войскъ эта задержка вліянія имѣть не будетъ. Ночью къ Браилову подошли два броненосца. Наши пѣшія батареи открыли по нимъ 21 апрѣля утромъ огонь; броненосцы отвѣчали по нимъ нѣсколькими выстрѣлами, а затѣмъ удалились. Потерь никакихъ нѣтъ.

Прав. Вѣст. № 88, 1877 г.

Нижнедунайскія крѣпости въ Болгаріи.

Въ русскомъ Инвалидѣ пишутъ: Въ австрійскомъ артиллерійскомъ журналѣ (*Mittheil. über Gegenstände des Artill. und Genie Wes. № 1. 1877*) былъ помѣщенъ слѣдующій очеркъ Дунайской оборонительной линіи, нелишенный интереса:

Крѣпость *Силистрія* расположена на правомъ берегу Дуная. Плоская возвышенность, имѣющая до 200 футовъ превышенія, приближаясь къ Дунаю, спускается къ рѣкѣ въ разстояніи отъ 700 до 1500 шаговъ отъ главной крѣпостной ограды, на столько отлого, что способствуетъ расположенію на этой мѣстности осадныхъ батарей, что и подтвердилось осадою 1829 года. Высоты, окружающіе Силистрію, перерѣзаны глубокими оврагами, по которымъ пролегаютъ дороги, сообщающія крѣпость съ окружающею мѣстностью. По этому для усиленія оборонительнаго значенія Силистріи необходимо было занять командующія высоты отдѣльными фортами. Кромѣ того занятъ лѣвый берегъ Дуная предмѣстнымъ укрѣпленіемъ; по устройству здѣсь мостоваго прикрытія препятствуютъ существующіе трактаты, по этому только въ военное время Турки могутъ замѣнить его временными постройками. Что-же касается до передовыхъ фортовъ, то уже ко времени восточной войны Турки позаботились занять командующія крѣпость и высоты отдѣльными укрѣпленіями, при устройствѣ которыхъ они воспользовались указаніями графа Мольтке, посѣтившаго въ 1837 году два раза Силистрію по порученію Султана Махмуда. Въ настоящее время Силистрія окружена двумя линіями отдѣльныхъ укрѣпленій.

Вторая линія, заключающая въ себѣ главнѣйшія передовыя укрѣпленія, состоитъ изъ нижеслѣдующихъ фортовъ:

1) *Тагиръ-Табія* или *луговой фортъ,* въ низменности, по дорогѣ въ Туртукай къ западу отъ главной крѣпостной ограды. Капиталь форта направляется къ западу.

2) *Мустафа-Табія* на отлогости высоты, спускающейся южнѣе Тагиръ-Табія. Капиталь форта направляется къ сѣверо-западу.

3) *Кючукъ-Табія* на той же отлогости. Къ сѣверу отъ этого укрѣпленія расположенъ небольшой редутъ, для усиленія дѣйствій Кючукъ-Табіи съ западной стороны. Капиталь форта направлена къ юго-западу.

4) *Меджидіе-Табія,* или, какъ называли въ 1854 году, *фортъ «Абдулъ-Меджида»* занимаетъ главнѣйшую изъ высотъ, окружающихъ Силистрію. По оврагу между укрѣпленіями Меджидіе и Кючукъ-Табія пролегаетъ дорога въ Шумлу. Капиталь форта направлена къ югу.

5) *Орду Табія,* къ востоку отъ Меджидіе. Капиталь направлена тоже къ югу.

6) *Гиланли-Табія* еще восточнѣе Орду-Табіи. Въ промежуткахъ между этимъ фортомъ и Орду-Табіей пролегаетъ дорога въ Базарджикъ (капиталь направлена къ востоку). Въ войну 1854 это укрѣпленіе называлось «песчанымъ люнетомъ.»

7) *Джерменъ-Табія.* Къ сѣверу отъ Гиланли-Табія въ низменности по дорогѣ въ Черноводы. (Капиталь форта направлена къ востоку). Укрѣпленіе это въ 1854 г. называлось мельничнымъ или змѣинымъ люнетомъ.

Въ первой линіи находятся по редуту: 1) Впереди Кючукъ-Табіи; 2) впереди Меджидіе; 3) впереди Орду-Табіи, затѣмъ 4) впереди Гиланли-Табіи ***Большой Арабъ-Табія*** (капиталь форта направлена къ югу) и 5) редутъ, выдвинутый вдоль южнаго рукава Дуная, между Джерменъ и Гиланли-Табіи.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь укрѣпленій заслуживаютъ особеннаго вниманія только: Кючукъ-Табія, Меджидіе, Орду и Арабъ-Табія. Всѣ прочіе форты представляютъ собою пятиугольные земляные люнеты съ редюитомъ въ видѣ блокгауза; рвы не имѣютъ обороны, но укрѣпленія усилены прикрытымъ путемъ и гласисомъ.

Форты Кючукъ-Табія и Орду-Табія, также пятиугольные люнеты, но размѣрами больше и выше перечисленныхъ укрѣпленій, и усилины, кромѣ того капонирами во рвахъ. Фортъ Меджидіе имѣетъ вполнѣ долговременный характеръ; онъ снабженъ тремя сводчатыми кофрами во рву, отдѣльной оборонительной стѣнкой и казематированнымъ редюйтомъ. *) Этотъ фортъ сильнѣйшій изъ всѣхъ силистрійскихъ верковъ.

Главная крѣпостная ограда осталась безъ измѣненія и, по прежнему, состоитъ изъ десяти бастіонныхъ фронтовъ съ куртинами отъ 150 до 200 саженъ. Бастіоны имѣютъ весьма короткіе фланки; четыре крѣпостныхъ фронта обращены къ сторонѣ Дуная, остальные шесть огибаютъ городъ полукругомъ съ сухопутной стороны.

Главная ограда не имѣетъ наружныхъ пристроекъ, за исключеніемъ трехъ незначительныхъ земляныхъ люнетовъ безъ рвовъ, прикрывающихъ собою крѣпостныя ворота. Непосредственно у Дуная, съ верховой и низовой стороны крѣпости, близъ прирѣчныхъ бастіоновъ расположены два незначительныхъ укрѣпленія существовавшія уже въ 1829 г.: Лиманъ-Табія и редутъ Чаичель-Табія.

Въ 1854 вооруженіе Силистріи состояло изъ 124-хъ орудій, а по другимъ свѣденіямъ изъ 170 орудій. Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, Турки снабдили Силистрію для предстоящей компаніи круповскими орудіями.

Ширина Дуная противъ прирѣчныхъ фронтовъ крѣпости видоизмѣняется отъ 250 до 400 саженъ ниже Силистріи, у острова Большаго Благо, гдѣ нами были устроены мосты въ 1854 году. Ширина сѣвернаго рукава 275 саженъ; а южнаго 175 саженъ.

По словамъ автора, на лѣвомъ берегу Дуная встрѣчаются слѣды предмостнаго укрѣпленія, устроеннаго здѣсь Турками въ послѣднюю войну. Если нѣчто подобное и существуетъ, то оно было бы можетъ быть выполнено въ 1854 году, по очищеніи нашими войсками княжествъ и занятія Турками Бухареста.

Рассова (*Рассовата*), окруженная каменной стѣной, не имѣетъ значенія.

Черноводы образуетъ на Дунаѣ крайній опорный пунктъ Траянова вала, вдоль

*) Двухъ-этажная сводчатая казарма.

котораго проложена желѣзная дорога въ *Кистенджи*, придающая ему большую важность. Мѣстность благопріятствуетъ устройству здѣсь укрѣпленій.

Гирсовъ расположенъ къ сѣверу отъ Черноводъ, въ одномъ изъ наиболѣе благопріятныхъ мѣстъ для переправы черезъ Дунай. Во всѣхъ русско-турецкихъ войнахъ этотъ пунктъ игралъ весьма важную роль. По мнѣнію графа Мольтке, онъ представляетъ собою естественное предмостное укрѣпленіе, какъ бы самою природою возведенное противъ Турокъ. Князь Варшавскій также считалъ Гирсовъ лучшимъ пунктомъ для переправы черезъ Дунай. Старинныя укрѣпленія Гирсова занимаютъ скалистую высоту, спускающуюся круто съ окружающей мѣстности и отлого къ сторонѣ Дуная; крѣпостная ограда состоитъ изъ пяти короткихъ бастіонныхъ фронтовъ безъ наружныхъ пристроекъ, съ сухимъ рвомъ въ 14 футовъ глубиною, при каменномъ эскарпѣ и контръ-эскарпѣ. Со стороны Дуная укрѣпленія замыкаются брустверомъ въ 700 шаговъ длиною, съ незначительнымъ рвомъ.

Мачинъ служилъ въ прежнее время какъ бы предмостнымъ укрѣпленіемъ браиловской крѣпости, занимавшей лѣвый берегъ Дуная. Крѣпостные верки Мачина были срыты Русскими въ 1829 г. По этому въ 1854 году Турки ограничились здѣсь только устройствомъ береговыхъ батарей.

Что-же касается прочихъ крѣпостей Нижняго Дуная въ Добруджѣ, а именно: *Исакчи* и *Тульчи,* то верки ихъ также срыты въ компанію 1829 года; потому и здѣсь Туркамъ придется обратиться къ устройству береговыхъ батарей и полевыхъ укрѣпленій для обороны пунктовъ выгодныхъ для переправы.

Отказъ Румыніи.

Когда Порта въ циркулярѣ *) своемъ, съ гордостью отказываясь отъ принятія протокола и деклараціи (объявленія) гр. Шувалова, выразила готовность прислать чрезвычайнаго посла въ Петербургъ для переговоровъ о взаимномъ разоруженіи, если Россія возвратитъ своего посла въ Константинополь, то на этотъ циркуляръ русское Правительство отвѣтило, что такъ какъ Порта не приняла протокола и деклараціи гр. Шувалова, то предложеніе ея о присылкѣ въ Петербургъ посла не соотвѣтствуетъ видамъ императорскаго кабинета.

И такъ, давно ожидаемое рѣшеніе англо-турецкой съ христіанскими народами балканскаго полуострова тяжбы приближалось къ концу. Турція не только отказывается принять предложенія Европы касательно гарантій **) въ обезпеченіи реформъ, но воинственно идетъ на Россію. Она, въ то время, какъ передавали слухи, наводила мостъ у Калафата противъ Виддина, чтобы пресѣчь русскимъ войскамъ желѣзно-дорожный путь къ Кладову (въ Сербіи), занявъ своими войсками

*) Циркуляръ—документъ въ нѣсколькихъ частяхъ одного и того-же содержанія, назначенный для извѣщенія.

**) Порука, залогъ.

Бухарештъ и Кладову; потому что у Турокъ было предположеніе, что 1-я линія русскихъ войскъ подвинется къ Дунаю по направленію къ Силистріи и Рущуку, гдѣ была сосредоточена главная масса турецкихъ войскъ, около 87000, 2-я же по желѣзной дорогѣ, по предположенію ихъ, преслѣдуетъ прямо къ Кладову, чтобы чрезъ Сербію зайти въ тылъ турецкой арміи—къ Софіи, Филиппополю и т. д. Порта потребовала отъ Румыніи, какъ своего вассала, присоединить къ турецкимъ свои войска.

Румынія отвѣтила, что она желаетъ остаться нейтральною, что находится въ соглашеніи съ Россіей по перевозкѣ войскъ желѣзными дорогами и приготовила 10-ти тысячный корпусъ для огражденія отъ Турокъ Букарешта и желѣзнаго пути. При всякомъ насиліи со стороны ли Порты или со стороны Россіи, она выступитъ противъ насилователя ея нейтралитета.

Сербія конечно ждала только переходъ русскихъ войскъ за Дунай, чтобы разорвать миръ съ Турціей и Порта заранѣе грозила занять ея задунайскія земли своими войсками, какъ своего вассала. По этому Сербія назначила свои войска къ Нѣготину и Кладову. Турки тронулись уже противъ Черногоріи къ Дужскому ущелью, для снабженія провіантомъ Никшича и имѣли уже нѣсколько стычекъ съ Герцеговинцаами.

Свѣдѣніе о числѣ турецкихъ войскъ по линіи Дуная.

12 апрѣля утромъ, какъ уже было выше говорено, Русскіе перешли предѣлы Румыніи въ трехъ пунктахъ: въ Унгенахъ, Бештамакѣ, и противъ Кубея и заняли къ вечеру того-же дня Барбошскій мостъ, Леово, Галацъ, Яссы, Рени и Браиловъ и такимъ образомъ въ первый день вступленія въ Румынію наши войска заняли важнѣйшіе пункты румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, узелъ которыхъ въ Галацѣ и Букарештѣ, изъ состава 11-го корпуса, подъ начальствомъ полковника Бискупскаго, состоящихъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. *)

Между тѣмъ, румынскія войска были придвинуты къ Дунаю, Турки, отложивъ намѣреніе держаться по ею сторону Дуная, очистили Румынію.

Между тѣмъ вдоль всей линіи Дуная со стороны турецкой границы было расположено турецкаго войска: въ Виддинѣ около двадцатипяти тысячъ низама **) въ крѣпости и въ городѣ и иррегулярныхъ войскъ въ его окрестностяхъ. Въ Систовѣ находилось около 6000 ч.; въ Рущукѣ—9000 регулярныхъ войскъ, а въ его окрестностяхъ 6000 иррегулярнаго войска, Туртукаѣ—8000 ч. въ Силистріи—12000, а въ окрестностяхъ ея 6000. Въ Тульчѣ—6000. Въ Сулинѣ 6000; въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Шумлою 20000, изъ чего видно, что Турки по всему протяженію Дуная отъ самаго устья вдоль турецкихъ имѣли въ общемъ итогѣ до 120000 чел.

---

*) Первые перешли Прутъ 53 Виленской пѣх. полкъ, 54 Минской пѣх. полкъ, 14 артил. бригада, 14 сотенъ Донскихъ Терскихъ казаковъ, 2 баталіона понтонной команды, два саперные баталіона и 2 роты матросовъ черноморскихъ.

**) Низамъ—регулярное войско.

Прокламація Султана.

На циркуляръ Порты, приглашающій державы, согласно 8 пункту парижскаго трактата *) вступить въ посредничество между ей и Россіей, державы отвѣтили, что это обращеніе Порты запоздало, что согласно 8 пункту договора, державы сдѣлали все, что могли, а что съ той минуты, когда необъяснимое упорство Порты вовлекло Россію въ войну, Турція должна подчиниться послѣдствіямъ своего образа дѣйствія. Этими словами высказано было, что державы будутъ послѣ отказа въ посредничествѣ зрителями, не болѣе.

Турціи необходимо было начать войну. Султану предлагали министры отправиться въ армію, чтобы лично руководить войсками, но военныя дѣйствія начались въ такую пору, когда въ Турціи образовались партіи революціоннаго характера въ пользу Мурада или Юсуфа Иззедина, и онъ остался въ Константинополѣ. Султанъ непремянулъ издать прокламацію къ народу и арміи, обнаруживающей взглядъ и характеръ Турціи.

«Россія, этотъ вѣчный врагъ нашей чести, вторгнулась въ наше отечество, на перекоръ праву, справедливости и уваженію къ трактатамъ. Воспоминанія нашихъ предковъ и законъ пророка предписываютъ намъ отразить непріятеля и сохранить незапятнанною честь знамени нашего отечества. Отечество въ опасности! Итакъ, мой долгъ взять въ руки знамя Пророка и идти въ среду моихъ солдатъ, дабы пожертвовать, въ случаѣ надобности, моею жизнью за независимость Имперіи, за честь и жизнь нашихъ женъ и дѣтей. Явимъ націямъ примѣръ умѣренности и соблюденія долга. Да будутъ неприкосновенны повсюду и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и собственность всѣхъ жителей нашей Имперіи, какова бы ни была ихъ религія и національность. Горе тѣмъ изъ нашихъ подданныхъ, которые наружатъ нашу волю.

Турецкія подготовленія.

Султанъ хотѣлъ даже придать войнѣ характеръ *войны священной*, но западные державы отклонили его отъ этого. Въ случаѣ необходимости Султанъ избралъ себѣ даже постоянною главною квартирою крѣпость Шумлу; но, какъ извѣстно, этого непотребовалось.

Когда Султанъ потребовалъ отъ Хедифа Египетскаго **) войска, то Хедифъ отвѣтилъ, что, согласно обѣщанію, войска готовы, но такъ какъ онъ обязался своимъ французскимъ и англійскимъ кредиторамъ не брать ничего изъ доходовъ, поступающихъ въ видѣ залога, то объявляетъ Султану, что денежныхъ средствъ

*) Договора.

**) Египетскій Хедифъ „Его Высочество" наслѣдственный титулъ и право наслѣдія въ семействѣ Махмеда и Али съ 1841 г. Вассальное государство Турціи.

у него въ наличности не имѣется и послалъ въ Константинополь своего старшаго сына Гассана (18 апрѣля).

Керимъ паша, Эюбъ паша и Гобартъ съѣхались въ Рущукѣ на военный совѣтъ. Въ устьѣ р. Серетъ заложены были торпеды. Замѣтно было большое движеніе турецкихъ войскъ у Силистріи. Отъ Виддина войска повидимому (въ первое время наблюденія) стягивались на востокъ. Подъ Калафатомъ Турки заняли два румынскихъ острова, но отъ занятія Калафата отказались.

Какъ встрѣтили Сербы и Черногорцы извѣстіе о войнѣ Россіи съ Турціей.

Лишь только Сербія узнала, что Россія подняла оружіе противъ Турціи, то эта вѣсть радостно отозвалось въ сердцахъ всѣхъ Сербовъ. Наступило 17 апрѣля, день рожденія Государя Императора, и въ Бѣлградѣ совершено было по этому случаю торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовалъ князь Миланъ и министры. По всей Сербіи быстро распространилось извѣстіе, что Русскій Императоръ направилъ войско въ Турцію въ защиту угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова и молебствіямъ о дарованіи побѣды русскому оружію не было конца. Сербы не иначе называли Императора Александра, какъ *«Славянскимъ Царемъ»*.

Сербское правительство въ виду того, что Австрія стремится занять Сербію своими войсками, приняла нейтральное положеніе до тѣхъ поръ, пока Турки не перейдутъ сербскую границу. Сербское правительство въ тоже время успѣло во Франціи сдѣлать на выгодныхъ условіяхъ заемъ въ 20 милліоновъ франковъ. Сербія собрала милицію, добровольцы были сосредоточены въ Кладовѣ, а войска выступили къ границамъ Сербіи.

Насколько восторженно приняла Сербія вѣсть о манифестѣ Русскаго Государя по разрывѣ дружественныхъ сношеній Россіи съ Турціей, настолько-же, если не болѣе, эта вѣсть возбудила всеобщій восторгъ въ землѣ Черногорцевъ: *«живіо русскій Царь!»* былъ единодушный возгласъ всѣхъ отъ мала до велика.

Отношеніе прочихъ европейскихъ державъ къ русско-турецкой войнѣ.

Хотя война и была объявлена Россіей Турціи, но отношенія государствъ мало, чѣмъ измѣнились.

Франція объявила свой нейтралитетъ въ отношеніи войны Россіи къ Турціи; *Англія* также формально опубликовала, что она будетъ соблюдать строгій и безпристрастный нейтралитетъ, но для охраненія *своихъ интересовъ* усиливаетъ эскадру въ Средиземномъ морѣ и готовитъ послать туда *70000* войска. Эскадра ея отъ Мальты была передвинута къ острову Кипру, чтобы съ одной сто-

роны, оберегать нейтральность дорогаго для нея Суэцкаго канала, чрезъ который она можетъ скоро доставлять свои войска въ Индію и изъ Индіи, съ другой беречь Константинополь, въ случаѣ, если русскія войска, вздумаютъ занять его;—словомъ: англійскія газеты утверждали, что русскимъ войскамъ въ случаѣ ихъ успѣха, дозволено будетъ занять Болгарію, но занять Константинополь ихъ никто недопуститъ, что въ этомъ согласны всѣ первенствующія европейскія державы.

Италія также объявила себя нейтральною, но оговорилась, что въ случаѣ занятія Россіи Константинополя предоставляетъ себѣ свободу дѣйствій и стала вооружать свой флотъ.

Германія тоже осталась нейтральною.

Австрія тоже, съ нѣкоторыми, впрочемъ, оговорками, относящимися къ тому чтобы воспрепятствовать Россіи въ случаѣ, если послѣдняя будетъ стремиться къ расширенію своихъ предѣловъ или владычества на Балканскомъ полуостровѣ измѣнитъ свою програму дѣйствій.

Греція сочувствовала цѣлямъ и стремленіямъ Россіи. Тамъ въ день объявленія войны совершены были молебствія.

Сербія, въ виду угрозъ Австріи занять ее австрійскими войсками, сохраняла нейтралитетъ. Народъ сербскій сильно сочуствовалъ цѣлямъ Россіи и готовъ былъ всенародно идти на помощь.

Въ это время, когда Россія, уступая просьбѣ Англіи, въ виду сохраненія Британскихъ интересовъ на Средиземномъ морѣ, не распространяла своихъ дѣйствій на турецкія владѣнія въ Африкѣ, Египетскій Хедивъ, пользуясь интимной симпатіей Англіи и нейтральностью моря, безпрепятственно выслалъ въ Европейскую Турцію 12000 войска, назначеннаго въ помощь Оттоманской порты. Но ему нѣсколько помѣшалъ императоръ Абиссиніи Іоаннъ своими враждебными дѣйствіями, вмѣсто содѣйствія, котораго у него просили.

Румынскій князь Карлъ, принявъ адресъ сената, въ которомъ были перечислены совершенныя Турками непріязненныя дѣйствія противъ румынскихъ гаваней, судовъ, открытыхъ городовъ и мирныхъ жителей, въ виду чего обѣ палаты высказались, что онѣ будутъ настолько осторожны на столько и энергичны, выразилъ свое мнѣніе, что—вся умѣренность его правительства не принесетъ пользы тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать на силу силою, чтобы защищать отечество, и 4-го мая *Румынія объявила себя независимою.*

Таковы были отношенія европейскихъ державъ со стороны политики правительства. Между тѣмъ австрійская печать на первыхъ же порахъ начала бранить Россію, говоря, что всѣ избіенія въ Болгаріи—муха превращенная въ слона, и проч. Австрія чрезвычайно боялась потерять свои интересы и всячески старалась на первыхъ порахъ возбудить въ Европѣ злобное настроеніе на предпринятую Россіей наступательную войну.

Персидскій шахъ, узнавъ о войнѣ Россіи съ Турціей, предложилъ Портѣ,

чтобы она отказалась отъ намѣренія возбуждать между мусульманскими народами на Кавказѣ возстаніе, но Порта отклонила этотъ совѣтъ. Константинополь былъ объявленъ на военномъ положеніи.

Взрывъ турецкаго броненосца Лютфли-Джелиль.

29 апрѣля, въ пятницу, въ 3 часа по полудни, въ Браиловѣ большой турецкій паровой броненосецъ взорванъ нашими выстрѣлами и пошелъ ко дну. Великій Князь пожаловалъ орудійнаго наводчика Георгіевскимъ крестомъ. *)

Взорванный у Браилова **) броненосецъ назывался Лютфли-Джелиль; это тотъ самый, который бомбардировалъ Браиловъ въ бытность тамъ главнокомандующаго. Погибли капитанъ броненосца Недхидъ-бей и 200 человѣкъ экипажа отъ нашей бомбы, взорвавшей пороховую камеру. Броненосецъ пошелъ ко дну мгновенно. Полковникъ Струковъ и капитанъ 1-го ранга Рогуля съ тремя шлюбками, бросились спасать погибавшихъ, но успѣли спасти только одного. Лейтенантъ гвардейскаго экипажа Дубасовъ снялъ съ потопленнаго броненосца флагъ. Броненосецъ былъ башенный, съ неблиндированной палубой.

Артиллеріи поручикъ Самойло награжденъ орденомъ св. Владиміра съ мечами. Сапернаго баталіона поручикъ Романовъ—ордена св. Анны 3 ст. а двухъ наводчиковъ: Романа Давилюка и Ивана Помпора—знаками военнаго ордена.

Подробности о взрывѣ перваго монитора. ***) Въ Барбошѣ (въ Румыніи) встрѣтили Его Высочество главнокомандующаго командиръ 11-го корпуса князь Шаховской, два адъютанта главнокомандующаго полковникъ Струковъ и капитанъ Пановъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля и многія другія начальствующія лица.

Здѣсь Его Высочество впервые, изъ устныхъ разсказовъ очевидцевъ, узналъ интересные подробности взрыва турецкаго броненоснаго корвета *Лютфли Джелиль*, что означаетъ: «подъ милостью Божіей».

Въ тотъ день уже хотѣли прекратить пальбу противъ этого судна, подошедшаго на 4 версты разстоянія и неотвѣчавшаго на всѣ наши выстрѣлы. Генералъ Саловъ намѣревался уже дать «отбой», когда къ нему подошли два офицера: начальникъ орудій на баттареѣ № 3 артиллеріи поручикъ Самойло и одинъ изъ офицеровъ 7-го сапернаго батальона, поручикъ Романовъ, съ просьбой разрѣшить имъ сдѣлать по одному выстрѣлу; генералъ Саловъ согласился; офицеры распорядились навести орудія какъ можно вѣрнѣе и одновременно дали команду «огонь».

Въ одно и тоже мгновеніе раздались два выстрѣла, и снаряды полетѣли... Офицеры, наблюдавшіе въ бинокли за ихъ полетомъ, ясно видѣли, какъ послѣ это-

*) Прав. Вѣстн. 1877 г. № 94.—**) Турки, не предпринимая ничего серьезнаго, обстрѣливали румынскія берега съ мониторовъ безнаказано: но съ 26 апрѣля дѣло измѣнилось. Мы успѣли соорудить осадную баттарею, которая 29 апрѣля успѣла заявить себя блистательнымъ подвигомъ.—***) Корресп. Московскихъ Вѣдомостей.

ло, спустя двѣ, три секунды, произошло на корветѣ нѣчто такое, чего нельзя уловить взоромъ и изобразить какими бы то ни было словами,—и это нѣчто продолжалось одно только мгновеніе, вслѣдъ за которымъ вдругъ мелькнулъ большой темно-красный огонь, и опять какой-то хаосъ.... Очевидцы думали было, что это наши бомбы разорвались на палубѣ; но прошло еще менѣе двухъ секундъ, какъ вдругъ высоко къ небу поднялся клубъ густаго чернаго дыма, и до берега долетѣлъ страшный потрясающій землю и человѣческія нервы ревъ ужаснаго взрыва. Это ужъ былъ несомнѣнный взрывъ непріятельскаго судна. Въ бинокли можно было видѣть двѣ мачты, доски и какія то черныя точки, улетѣвшія въ небо.

Минуты чрезъ три, когда весь этотъ дымъ отнесло въ сторону, предъ глазами разстилалась только гладкая поверхность Дуная, изъ которой торчала одна третья мачта и на ней тихо развѣвался адмиральскій флагъ.

Громкое «ура!» огласило обѣ наши баттареи и берегъ, покрытый сбѣжавшимися толпами браиловскихъ жителей. Три наши паровыя шлюбки отдѣлились отъ берега и на полныхъ парахъ направились къ мѣсту катастрофы спасать оставшихся въ живыхъ, но послѣ нѣкоторыхъ поисковъ успѣли найти одного только обозженнаго Турка, оказавшагося кашеваромъ, котораго выбросило на берегъ; онъ отъ страха сначало совсѣмъ было онѣмѣлъ, а потомъ сталъ умолять, чтобы его не сажали на колъ.

Лейтенантъ Дубасовъ снялъ съ мачты флагъ и привезъ его вмѣстѣ съ плѣннымъ Туркомъ, котораго уложили въ госпиталь и стали лечить; Турокъ поправился и увѣрялъ, что дѣтямъ и всему своему дальнѣйшему потомству закажетъ не воевать противъ русскихъ, которые не посадили его на колъ, и оказали человѣческую помощь. Вмѣстѣ съ корветомъ взлетѣло на воздухъ болѣе 200 человѣкъ.

Въ Барбошѣ князь Шаховскій передалъ Его Высочеству, какъ трофей, турецкій вице-адмиральскій флагъ, снятый лейтенантомъ Дубасовымъ.

Почти въ тоже время какъ турецкіе броненосцы обстрѣливались съ Дуная, 26 апрѣля Турки обстрѣливали изъ Исакчи близь Сатуновы Ѳерапонтовскій монастырь, воздвигнутый въ воспоминаніе перехода черезъ Дунай въ 1828 г. Монастырь разрушенъ и принадлежащія къ нему постройки сожжены. У русскихъ подбита одна пушка и убитъ часовой изъ Галаца. Тоже своевременно передали, что 27 апрѣля баттареи устроенныя у Калафата бомбардировали Виддинъ; городъ этотъ загорѣлся во многихъ частяхъ, разрушена турками также Бешетъгавань при устьѣ рѣки Жіула, къ югу отъ Крайовы; въ тоже время они начали бомбардировать Журжево.

Наши успѣхи въ Азіатской Турціи.

(Отъ 24 по 27 апрѣля.) *)

24 апрѣля одновременнымъ движеніемъ летучихъ отрядовъ графа Граббе близь Кульпъ **), при шести сотняхъ казаковъ, и отъ Визинкева ***) Нижегородскій полкъ генералъ-маіора Лорисъ Меликова и шесть сотенъ казаковъ заняли городъ Кагызманъ ****) безъ боя. Въ немъ и въ санджакѣ *****) введено наше управленіе. Старшины окрестныхъ деревень явились съ изъявленіемъ покорности; жители выдавали нашимъ солдатамъ порохъ, когда отрядъ Лорисъ Меликова возвращался обратно, чтобы сдѣлать поискъ къ Тихнису и Берна ******) и возвратиться чрезъ Хаджи-Хамиль *******). На встрѣчу высланъ былъ сѣверскій полкъ.

********) Между тѣмъ часть артиллеріи главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса произвела рекогносцировку на Меликъ-Кей (по дорогѣ изъ Карса въ Ардаганъ), Тападжикъ и Чахмауръ. При обратномъ слѣдованіи, колонна эта имѣла у Бердыкъ-Чая жаркую перестрѣлку съ непріятелемъ, выславшимъ изъ Карса конницу и баттарею съ 4 баталіонами съ цѣлью отрѣзать нашей кавалеріи отступленіе. Третій батальонъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ, спѣшившись, мѣткою стрѣльбою отбросили массу непріятельской конницы за гребень Бердыкъ-Чая. При дальнѣйшемъ движеніи къ лагерю, отрядъ былъ встрѣченъ скрытно расположенною баттарееіо и 4 батальонами. Огнемъ этой баттареи раненъ только одинъ драгунъ, убито 8 лошадей; затѣмъ, при ружейной перестрѣлкѣ съ непріятельскою пѣхотою, ранены два офицера Тверскаго драгунскаго полка: маіоръ графъ Лотрекъ, поручикъ Выпиловъ, 7 нижнихъ чиновъ и одна казачья лошадь. Со стороны же непріятеля, если судить по тѣмъ тѣламъ людей и лошадей, которыя можно было видѣть, уронъ долженъ быть весьма значителенъ. Генералъ Шереметевъ свидѣтельствуетъ о спокойствіи и мѣткости, съ которыми спѣшившіеся драгуны и казаки вели перестрѣлку. При этой рекогносцировкѣ, смѣлымъ налетомъ пяти конноиррегулярныхъ всадниковъ, отбита турецкая почта, отправлявшаяся изъ Ардагана въ Карсъ; слѣдовавшіе съ почтою пять турецкихъ солдатъ взяты въ плѣнъ.

27 апрѣля, партія охотниковъ въ 25 человѣкъ, подъ командою князя Нахашидзе, переправясь близь селенія Уръ вплавь чрезъ рѣку Куру, бросилась въ

---

*) № 92 Правит. Вѣстника.—**) Селеніе въ долинѣ Аракса близь гр., на соединеніи дороги изъ Александрополя и Эривани.—***) Въ 20 верстахъ отъ Карса на югъ и отъ Ходжевали.—****) Кагызманъ—городъ на р. Араксѣ, въ 80 верст. къ югу отъ Карса.—*****) Уѣздѣ.—****** Селеніе въ 45 верст. на югъ отъ Карса.—*******) Селеніе въ 25 верст. къ югу отъ Карса.—********) Тел. изъ Александроп. отъ 25 апрѣля.

шашки на баши-бузуковъ, *) которые немедленно разбѣжались. Наши охотники взяли въ плѣнъ одного турецкаго инженернаго офицера и трехъ баши-бузуковъ. 26 апрѣля, когда наши летучіе отряды заняли Кагызманъ, горожане и окрестные жители, въ знакъ изъявленія покорности, выдали между прочимъ казенныя ружья, присланныя изъ Карса для вооруженія мѣстнаго населенія.

Воззваніе Намѣстника Кавказа къ населенію Турецкой Азіи. **)

Жители Аджаріи и Кабулета!

«По волѣ Государя Императора Всероссійскаго войска ввѣренной мнѣ Кавказской арміи вступаютъ въ предѣлы вашей стороны.

Не для обиды мирныхъ жителей обнажилъ мечь Свой благодушный и человѣколюбивый Монархъ, не въ угнетеніи безоружныхъ ищетъ онъ славы Своего оружія. Онъ направляетъ его въ защиту угнетенныхъ и въ обузданіе угнетателей. Онъ хочетъ огражденія правды и человѣческаго права.

Поэтому не угрозой вамъ, мирнымъ жителямъ, являются въ ваши предѣлы воины русскаго Государя, нѣтъ, всякаго изъ васъ, кто самъ поступками своими не выкажетъ себя врагомъ нашимъ, будемъ мы считать другомъ и будемъ ограждать его семью и состояніе.

И да послужитъ пребываніе русскихъ войскъ въ странѣ вашей не ко взаимной враждѣ и озлобленію, а къ установленію духовной связи и сближенію вашему съ нами, сыны благороднаго Картвельскаго племени, братья по крови всегда вѣрныхъ и любимыхъ подданныхъ русскаго Императора».

Жители Эрзерумскаго валлайета!

«Войска ввѣренной мнѣ Кавказской арміи вступаютъ въ ваши предѣлы.

«Именемъ Государя Императора Всероссійскаго, какъ главнокомандующій арміей и намѣстникъ его Величества на Кавказѣ, объявляю вамъ:

«Русскія войска идутъ, не для раззоренія мирныхъ подданныхъ турецкой державы, а для того, чтобы подать руку помощи безвинно страждующимъ и угнетеннымъ.

«Не опасайтесь за вашъ покой и за цѣлость имущества. Волосъ съ головы вашей не упадетъ отъ насилія, ежели вы съ довѣріемъ къ нашимъ войскамъ останетесь мирно въ своихъ жилищахъ. Начальнику войскъ, генералъ-адъютанту, генералу отъ кавалеріи Лорисъ-Меликову, Мною дано повелѣніе строжайше преслѣдовать виновныхъ во всякой причиненной вамъ несправедливости и обидѣ, если бы то, вопреки ожиданію, случилось. За то каждый, кто окажетъ противудѣй-

---

*) Баши-бузуки, отъ башъ—голова и бузукъ—портить, тур., слово, равняющееся нашему „головорѣзы", иррегулярное войско въ родѣ ополченія, собранное посредствомъ вербованія.—

**) 1877 г. Прав. Вѣстн. № 92.

ствіе нашимъ войскамъ, а особенно съ оружіемъ въ рукахъ станетъ противъ насъ, будетъ намъ врагъ и пусть онъ считаетъ себя самаго виновнымъ въ бѣдствіяхъ, которыя могутъ его постигнуть.

Подписано: Главнокомандующій Кавказскою арміей, Намѣстникъ Кавказскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ *Михаилъ.*

Подробности о вступленіи нашихъ войскъ въ Румынію. *) Переправа чрезъ Прутъ.

Городъ Яссы съ 13 апрѣля представилъ интересное зрѣлище. Улицы города до такой степени оживились, какъ будто въ теченіи ночи населеніе города умножилось во сто кратъ. Уже съ самой зари на всѣхъ улицахъ и площадяхъ закипѣло движеніе. Русскія войска проходили и отходили безпрерывно. Молдаване высыпали на улицы, чтобы привѣтствовать гостей и предложить имъ свои товары.

Первый переходъ русскихъ войскъ черезъ Прутъ совершился 24 (12) апрѣля, въ 4 часа утра, при Унгенахъ, откуда два эскадрона донскихъ казаковъ, при звукахъ извѣстнаго марша «за Дунай», двинулись по направленію къ Яссамъ. За казаками, въ небольшихъ интервалахъ, послѣдовали два полка гусаръ и два уланъ, а за ними пѣхота, составлявшая часть 8-го корпуса. Въ Яссы заходили лишь небольшіе отряды этихъ войскъ, главныя силы направились южнѣе Яссъ на Берладъ, при рѣкѣ того же имени. Въ Берладѣ, какъ говорили, будетъ черезъ три дня сосредоточенъ весь 8-й корпусъ.

Одновременно съ прежде указанными войсками при мѣстечкѣ Леовѣ переправился черезъ Прутъ отрядъ генерала Скобелева 2-го и быстро направился къ Галацу и къ Барбожскому мосту, который составляетъ важный стратегическій пунктъ. Генералу Скобелеву было поручено, какъ можно скорѣе занять этотъ мостъ. Генералъ Скобелевъ—офицеръ, пріобрѣтшій большую извѣстность во время своей службы въ войскахъ центральной Азіи. Подъ его командою находится въ южной арміи такъ называемый «Гулевой отрядъ», который изъ 80 процентовъ состоитъ изъ Азіатовъ; потомокъ крымскихъ хановъ, Гирей ханъ, служитъ въ этомъ отрядѣ въ чинѣ полковника. «Гулевые» всѣ на лошадяхъ и образуютъ отдѣльную часть.

Генералъ Скобелевъ уже показалъ на какую энергію способенъ этотъ отрядъ; въ 14 часовъ прошелъ онъ съ своими «Гулевыми» 160 верстъ и успѣлъ занять упомянутый мостъ и прикрывающіе оный шансы, которые были сооружены русскими инженерами еще до объявленія войны. Артиллерія спѣшитъ во слѣдъ генералу Скобелеву 2-му.

Въ Галацъ, Браиловъ и Измаилъ были направлены пушки самаго тяжелаго калибра, которыя могли вполнѣ помѣряться силами съ турецкими броненосцами.

---

*) Со словъ „Norddeutsche Allg. Zeit."

Для наблюденія и содѣйствія скорѣйшей отправкѣ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ артиллеріи, военныхъ припасовъ, на всѣхъ станціяхъ отъ Унгенъ до Галаца были назначены русскіе офицеры съ значительными пикетами. Управленіе дорогой оставалось пока въ рукахъ румынскихъ чиновниковъ; только телеграфъ вдоль всей линіи былъ переданъ въ руки русскихъ властей.

Съ 13 (25) апрѣля *) по желѣзной дорогѣ изъ Унгенъ движеніе Русскихъ войскъ происходило безпрерывно. Всѣ эти войска направлялись на Браиловъ и Журжу и шли форсированнымъ маршемъ. Къ Галацу и Браилову отправлены были мостовыя принадлежности. Въ Браиловѣ и около этого города были сосредоточены 4 полка пѣхоты, 6 баттарей, 5 сотенъ кубанскихъ казаковъ и 4 полка кавалеріи (всего 17 тыс. человѣкъ). Въ Галацѣ и окрестностяхъ 10000. При Кими 12000, въ Измаилѣ 18000 и при Рени 10500. Начальствовалъ артиллеріей князь Масальскій; онъ проѣхалъ со своимъ штабомъ, состоящимъ изъ 14 человѣкъ офицеровъ, чрезъ Галацъ. Большая часть генеральнаго штаба, съ ген.-ад. Непокойчицкимъ во главѣ, 16 проѣхали чрезъ Яссы въ Галацъ. Прошли чрезъ Яссы два отряда болгарскихъ добровольцевъ по 850 человѣкъ; они отлично вооружены и составятъ кадры **) будущаго корпуса болгарскихъ добровольцевъ въ Болгаріи въ 10—15 батальоновъ для охраненія внутренняго порядка. Съ Дунайскаго побережья Молдавіи жители стекались внутрь страны толпами. Румынскія войска стягивались къ Молдавіи. Въ жизненныхъ припасахъ этой страны была крайняя нужда.

Русскіе начали свое движеніе чрезъ Барбожъ. Въ Фальчу вступили 15000 черкесовъ русской службы. Русскіе начальники вообще остались недовольны перевозочными средствами румынскихъ желѣзныхъ дорогъ. Для ускоренія перевозки присланы были 50 локомотивовъ и 300 вагоновъ.

Къ 15 апрѣля отъ Измаила до Браилова было сосредоточено до 60000 войска.

14 апрѣля послѣ полудня два турецкіе монитора поддерживаемые турецкими прибрежными баттареями въ Хіяцетѣ (противъ Браилова) открыли убійственный огонь противъ русскихъ баттарей въ Браиловѣ; русскія баттареи отвѣчали энергически. Бой продолжался три часа. Городъ не пострадалъ отъ выстрѣловъ. Съ разсвѣтомъ русскія баттареи возобновили огонь противъ турецкихъ баттарей въ Хіяцетѣ.

Свиданіе Великаго Князя Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміею съ Княземъ Карломъ Румынскимъ произошло въ Плоэшти, куда прибылъ Его Высочество. Плоэшти находится близь Яссъ. По пути высокому стратигу русскаго воинства были торжественныя встрѣчи; городскія власти, духовенство и народъ привѣтствовали громкимъ «ура», подносили хлѣбъ—соль.

На квартирѣ Главнокомандующаго былъ поставленъ почетный караулъ изъ болгарскихъ дружинъ. Въ два часа пріѣхалъ привѣтствовать Великаго Князя князь Карлъ, который былъ встрѣченъ на станціи Его Высочествомъ со свитою,

*) Корр. Polit correspond.—**) Запасъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для обученія рядовыхъ предстоящихъ полковъ.

почетнымъ карауломъ и эскадрономъ конвоя. Пробывъ здѣсь два часа, князь Карлъ вернулся въ Бухарештъ. 4-го мая Великій Князь ѣздилъ отдавать ему визитъ.

Перечень военныхъ дѣйствій.

На Дунаѣ. Въ Добруджѣ, куда послѣ перехода чрезъ Дунай у Потбаши, проникъ русскій корпусъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи происходило сраженіе.

Въ Малой Азіи *) генералъ Оклобжіо (командующій Ріонскимъ отрядомъ), окончивъ устройство Мухастатинской позиціи, выдвинулъ впередъ два авангарда на высоты Хадубони вдоль рѣчки Хинтримо **) и эта весьма сильная укрѣпленная позиція была взята приступомъ. Всѣ части войскъ штурмовали завалы и выказали себя молодцами. Артиллерія дѣйствовали превосходно. У насъ убито 12 нижнихъ чиновъ; ранено и контужено: 9 офицеровъ и 107 нижнихъ чиновъ. Потери Турокъ громадны.

30 апрѣля вечеромъ ***) турецкая эскадра подошла къ Гудаутамъ, обстрѣливала это селеніе и высадила, какъ говорятъ, 1000 человѣкъ прежнихъ переселенцевъ съ Кавказа.

Изъ Сухума было выслано за рѣку Гумысту нѣсколько сотенъ казаковъ и милиціи. Генералъ-майоръ Кравченко съ пѣхотой и орудіями расположился у Сухума.

На другой день отъ 3 до 6 часовъ вечера непріятельскія суда бомбардировали Очамчиры и повредили въ этомъ селеніи нѣсколько домовъ, 2-го мая турецкая эскадра изъ шести судовъ продолжала держаться противъ Сухума. Между тѣмъ наши моряки рѣшились на отважный, хотя и не вполнѣ удавшійся поискъ.

Пароходъ Константинъ вышелъ изъ Севастополя и подошелъ 1-го мая, около 10 часовъ вечера, къ Батуму; остановившись въ 7 миляхъ отъ берега, онъ выслалъ на рейдъ *) четыре миноносные катера, которые, встрѣтивъ турецкій пароходъ-фрегатъ, аттаковали его. Мина была подведена удачно, но къ сожалѣнію не взорвалась. Во фрегатѣ и рейдѣ поднялась тревога и былъ открытъ Турками ружейный и картечный огонь съ береговыхъ баттарей. Среди общаго замѣшательства наши катеры ушли въ разныя стороны, и два изъ нихъ, Чесма и Синопъ, возвратились благополучно въ Поти 2-го мая, а пароходъ Константинъ съ 2-мя катерами въ Севастополь. Убитыхъ и раненыхъ не было.

Мачинской рукавъ загражденъ для турецкой флотиліи заложенными торпедами.—2 мая три русскіе паровые баркаса, имѣя на буксирѣ рѣчную баржу, вышли изъ Браилова и переправились чрезъ Дунай къ Мачинскому каналу, завладѣли безъ сопротивленія на островѣ Гечепли турецкими запасами угля.

Изъ *Яссъ* извѣщаютъ, что Румыны 2-го мая захватили турецкій броненосецъ.

---

*) Прав. Вѣст. № 95. **) Впадающей въ Черное море близь Чурукъ-су. ***) Телегр. Главнок. Кавказск. ар. отъ 1 и 2 мая 1877 г. Пр. Вѣст. № 96.

*) *Рейдомъ* называется мѣсто стоянки для кораблей, защищенное отъ вліянія непогодъ.

Внутреннія событія.

Въ Одессѣ дума назначила 3000 рублей на пособіе оставшимся семействамъ солдатъ, и 120 рублей ежегодной пенсіи наводчику орудія, взорвавшему турецкій броненосецъ.

Въ Пензѣ: 3-го мая провожали жители своего губернскаго предводителя дворянства, г. Охотникова, поступившаго рядовымъ въ драгунскій полкъ Кавказской арміи.

Петербургъ: 3-го мая отправился изъ Петербурга санитарный отдѣлъ Крестовоздвиженской общины съ 32-ми сестрами милосердія.

Съ политическаго горизонта.

Пока русскія войска подвигались къ берегамъ Дуная, наша Кавказская армія производила рекогносцировку въ окрестностяхъ Карса. Въ Турціи вообще всѣ пришли въ уныніе, а въ Константинополѣ всѣ упали духомъ. Порта рѣшилась конфисковать часть имущества мечетей и всѣ накопленныя богатства христіанскихъ монастырей и патріарха.

Нѣкоторые органы турецкой печати призывали мусульманъ къ избіенію христіанъ. Турецкія власти въ Тульчѣ объявили консуламъ, что Порта приказала сжечь и уничтожить всякое жилое мѣсто въ Болгаріи, дабы русскіе не могли имъ воспользоваться. Въ Болгаріи началось уже обѣщанное Мидхатомъ истребленіе безоружнаго христіанскаго населенія; села горятъ, Болгаръ рѣжутъ башибузуки и войска, гдѣ успѣли истребить 16-ть болгарскихъ деревень. Такъ исполняется угроза Султана, данная въ его манифестѣ, что переходъ русскими войсками Дуная принесетъ христіанскому населенію Оттоманской имперіи во сто разъ болѣе бѣдствій чѣмъ самое худшее турецкое управленіе.

На греческомъ горизонтѣ собирались грозныя тучи: образовавшійся революціонный комитетъ обнародовалъ манифестъ, которымъ призывалъ къ возстанію всѣхъ Грековъ, находящихся въ подданствѣ Турціи. На собраніи кандіотскихъ эмигрантовъ въ Циреѣ по поводу манифестаціи 1-го мая была произнесена присяга: «Клянемся, какъ одна душа и одно сердце, ускорить появленіе воззванія къ отечеству, освободить родину и сдѣлать ее счастливою или умерѣть!» На островѣ Паросѣ и ост. Гидрѣ происходитъ волненіе.

Теперь посмотримъ какое воззрѣніе имѣлъ покойный папа Пій на бывшую войну; это можно видѣть изъ слѣдующей рѣчи, произнесенной имъ на аудіенціи савойскимъ пилигримамъ:

«Въ это самое время выставила *еретическая* великая держава многочисленное войско для наказанія невѣрной державы, жалуясь на то, что эта послѣдняя несправедливо управляетъ и притѣсняетъ многочисленныхъ своихъ подданныхъ,

исповѣдующихъ ученіе православное. Война уже началась. Незнаю, которая изъ нихъ побѣдитъ, но знаю, что надъ одной изъ этихъ державъ, которая называетъ себя православною, но есть на самомъ дѣлѣ схизматическая, тяготѣетъ рука правосуднаго Бога за безчеловѣчныя преслѣдованія католиковъ, начатыя ею много лѣтъ тому назадъ и доселѣ не прекращаемыя.»

Такое выраженіе идей покойнаго папы, совершенно противухристіанскихъ, вызвало протестъ со стороны Славянъ—католиковъ преимущественно Чеховъ. Вотъ что пишетъ по этому издаваемая въ Прагѣ газета *«Politik.»*

«Вслѣдствіе папскаго заявленія, католицизмъ въ великомъ вопросѣ дня, для рѣшенія коего великая держава славянская выступила на поле битвы, становится на сторону враждебную славянству. *Это фактъ, который мы Чехи, какъ Славяне, съ этихъ поръ будемъ имѣть въ виду. И тѣмъ болѣе намъ приходится подумать о томъ, какъ намъ раздѣлаться съ католицизмомъ, что этотъ послѣдній начинаетъ принимать не только во внѣшней, но и во внутренней нашей политикѣ такое положеніе, которое оказывается несогласнымъ съ нашими политико-національными интересами.»*

Государь Императоръ пожаловалъ Черногорскому князю Николаю орденъ св. Георгія 3 ст. Е. И. В. Государыня Императрица изволила пожертвовать находящемуся подъ предсѣдательствомъ Милены Черногорской благотворительному комитету 25000 руб. Е. В. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ 4-го мая отправился за границу, откуда прямо проѣхалъ въ Дунайскую армію.

Описаніе города Эрзерума. *)

Эрзерумъ, главный городъ турецкой Арменіи, имѣющій до 90000 жителей, расположенъ на вершинѣ армянскаго плоскогорья въ центрѣ всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ Трапезундъ, Тифлисъ, Эривань, Тегеранъ, Антіохію и т. д. Такое положеніе обезпечиваетъ ему господство надъ всею Арменіею. Окружающіе его горы—самыя высокія въ Малой Азіи, расположены четырьмя параллельными цѣпями, тянущимися отъ Чернаго моря до Арарата въ видѣ постепенно поднимающихся террасъ; вышина ихъ простирается отъ 1500 до 4000 метровъ. Орошающія это пространство рѣки отличаются крутизною своихъ береговъ; главнѣйшими изъ этихъ рѣкъ *Чорокъ*, впадающій въ Черное море у Батума, съ главнымъ своимъ протокомъ *Эти*, текущимъ по долинѣ въ 1500 метровъ вышины. *Кура* беретъ свое начало къ сѣверу отъ Карса и къ востоку отъ Эрзерума на горѣ Челдырѣ. Она протекаетъ по турецко-русской границѣ, касается Гори и Тифлиса, отличается своимъ извилистымъ теченіемъ и впадаетъ въ Каспійское море. Р. *Араксъ*, берущая свое начало въ окрестностяхъ Эрзерума, направляется къ русской границѣ, гдѣ въ него впадаетъ р. Арпа-Чай замѣчательная тѣмъ, что своимъ пограничнымъ притокомъ омываетъ стѣны Александрополя; въ него впадаетъ также р. *Карсъ*, протекающая отъ Карса.

*) Прав. Вѣст. № 97.

Араксъ, принявъ въ себя два притока, одинъ у Эривани, а другой у Баязета, затѣмъ впадаетъ въ Куру. *Кара-су* и *Муратъ*, два притока Евфрата, тоже берутъ начало вблизи Эрзерума. Р. *Ріонъ* течетъ по направленію желѣзной дороги, положенной отъ Поти въ Тифлисъ.

Таковъ характеръ мѣстности, по которой должны двигаться войска противниковъ. Отъ русской границы въ Константинополь ведутъ четыре пути: береговой путь, идущій изъ Поти чрезъ фортъ св. Николая въ Батумъ и Трапезундъ удобенъ лишь до Батума, съ этого же пункта движеніе обоза по немъ невозможно. Дорога перерѣзана многочисленными рѣками и усѣяна укрѣпленіями. Этотъ путь пригоденъ лишь для Турокъ, которые могутъ имъ воспользоваться для своихъ наступательныхъ дѣйствій съ цѣлью перехватить желѣзную дорогу изъ Поти въ Тифлисъ. Остальныя три пути, идущіе изъ Грузіи, сходятся въ Эрзерумѣ, откуда равнымъ образомъ идутъ также три дороги въ Константинополь. Первый Грузинскій путь проходитъ: въ Россіи изъ Тифлиса черезъ Гори, Сурамъ и Борджомское ущелье, въ Турціи—чрезъ Ардаганъ, Ольти и Нариманъ. Этотъ путь, за исключеніемъ Ардаганской крутизны, хорошъ. Второй путь идетъ изъ Тифлиса черезъ Цалки Годехаурское ущелье, Ахалкалака и Ардаганъ. Переходъ чрезъ Годехаурское ущелье — самой трудный. Третій путь ведетъ изъ Александрополя въ Эрзерумъ чрезъ Карсъ. Начиная отъ Карса до Эрзерума,— онъ раздѣляется на двѣ дороги, тоже ведущія къ этому пункту, одна черезъ Кизиль-Келиссу. Два хорошихъ пути, идущіе также изъ Эривани въ Карсъ черезъ Сарда Рени и Измаиломъ, исправлены въ послѣднее время.

И вотъ Эриванскій отрядъ продолжалъ наступать къ сторонѣ Эрзерума и достигъ Сарнъ-Агинеса. Генералъ Лорисъ-Меликовъ изъ лагеря при Займѣ выступилъ къ Ардагану, и 30 апрѣля расположился близь Хевасхяра, лежащаго на югъ отъ Ардагана.

Интересъ—овладѣть намъ Ардаганомъ заключался въ томъ, чтобы захватить узелъ дорогъ, на которомъ онъ находится; дороги отъ Ардагана идутъ къ Батуму, Эрзеруму, Карсу, Ахальциху и Ахалхалаки.

Непріятельскія дѣйствія близь Сухума.

Турецкій флотъ, приступая къ дѣйствію на Черномъ морѣ, прежде всего напалъ на селенія лежащія близь Сухума, что случилось 30 и 31 апрѣля. Послѣ нападенія на Очимчиръ и Гудаутъ они высадили въ этой мѣстности до 1000 человѣкъ прежнихъ поселенцевъ Кавказа.

Свѣдавъ объ этомъ приняты Русскими слѣдующія мѣры: за рѣку Гумысъ выслано нѣсколько сотенъ казаковъ и милиція, а у Сухума расположился отрядъ генерала Кравченко съ пѣхотой и орудіями. Послѣ бомбардированія Очимчира, турецкій флотъ расположился въ виду Сухума и 2 мая бомбардировалъ этотъ городъ, причемъ часть города значительно пострадала. Во время этого бомбардированія, Турки пытались высадить десантъ и овладѣть Сухумомъ, но попытка

эта молодецки отражена нашими войсками въ числѣ пяти ротъ при двухъ орудіяхъ.

Въ этомъ дѣлѣ мы не потеряли ни одного человѣка убитыми и ранеными, кромѣ шести человѣкъ пропавшихъ безъ вѣсти. Турки же покрыли улицы Сухума своими тѣлами.

Схватка отряда ген.-маіора Комарова съ турецкими драгунами. *)

4 мая ген.-м. Комаровъ произвелъ рекогносцировку подъ Карсомъ съ 4 батальонами и 2 батареями, дагестанскою конно-иррегулярною бригадой и Карапахскою милиціей. Послѣднія двѣ части, шедшія впередъ на нашемъ лѣвомъ флотѣ, были сильно аттакованы турецкими драгунами въ числѣ 1000 человѣкъ, поддержанными 8-ми батальонами турецкой пѣхоты и баттареей. На выручку были посланы 6 сотенъ Дагестанцевъ. Произошло жаркое дѣло. Дагестанцы дрались молодецки. Бросившійся въ шашки непріятель оставилъ на мѣстѣ 64 тѣла. Кромѣ раненыхъ, взято въ плѣнъ еще два человѣка, много орудія и лошадей. У насъ убито 1 офицдръ и 20 всадниковъ. Ранено 5 офицевовъ и 54 всадника, въ томъ числѣ, къ общему сожалѣнію, командующій дагестанскою бригадою Челокаевъ. Въ регулярныхъ нашихъ войскахъ потери не было.

Знамя Магомета.

Священное знамя, столь уважаемое до боготворенія мусульманскими народами, имѣетъ свою довольно занимательную исторію:

Оно имѣетъ два аршина въ длину и полтора аршина въ ширину, темнозеленаго цвѣта. Ткань сдѣлана по образцу той, которой была завѣшена дверь палатки, гдѣ жила любимая супруга Магомета Аише.

Когда Магометъ лежалъ на смертномъ одрѣ, то къ нему явились отправлявшіеся на войну вожди и султанша отцѣпила отъ дверей занавѣсь, прося сохранить ее въ знакъ дружескихъ дѣйствій войска въ битвахъ за вѣру.

Послѣ Солимана II знамя это не рѣдко сопровождало турецкія войска въ походахъ. Оно находилось въ 1683 году подъ стѣнами Вѣны. Его развертывалъ самъ Султанъ и вручилъ Шейхъ-Юль-Исламу, который ѣздилъ верхомъ на богато-убранномъ конѣ рядомъ съ Султаномъ, держащимъ въ рукахъ обнаженную саблю. Ихъ должна сопровождать цѣлая толпа улемовъ, провозглашавшихъ священную войну.

---

*) Тел. В. К. Главнокомандующаго Кавказской арміей отъ 5-го мая.

Стрекоза и Муравей.

Пародія.

Г. Де Вестенъ, корреспондетъ «Фигаро» при главномъ штабѣ Русской Арміи, въ послѣднемъ своемъ письмѣ сообщаетъ пародію на извѣстную басню Лафонтена: *La Cigale et la Fourmi* (Стрекоза и Муравей); онъ говоритъ, что эта пародія пользуется большимъ успѣхомъ въ Кишиневѣ.

L'Angleterre ayant chanté
Tout l'été

Le trouva fort d'epourvue
Quand la guerre fût venue,
Pas le moindre troupier
A mettre sur pied.

Elle alla crier famine
Cher la France, sa voisine,
La priant de lui prêter
Les soldats pour le porter
Sur les côtes de Dardanelle
«Se vous paierai, lui dit elle,
Ce service amical
En papier oriental!»
La France n'est plus belliquensse,
Elle a l'esprit trop prudente
«—M'aviez—vous aidee â Sedan?
Dit—elle á son empruntense.
«—Je dormais, ne vous en deplaise.»
«—Ah! vous dormiez, j'en suis bien aise,
«—Eh bien! ronflez maintenant.»

въ вольномъ переводѣ:

Стрекоза и Муравей.

Англія пропѣла лѣто
Вдругъ въ расплохъ война!
Не прискорбно-ль дѣло это—
Безъ солдатъ—она!

Постучалась по сосѣдству...
Скорбно говоритъ:
— «Помоги сосѣдка бѣдству
—«Рада заплатить

—«Въ Дарданеллы дай, какъ другу
—«Мнѣ своихъ ребятъ,
—«Заплачу я за услугу
—«Награжу солдатъ.

—«Фондовъ Порты не жалѣя
—«Щедро заплачу...
Но Француженка, краснѣя,
Тотчасъ: «не хочу!

Помогли-ль мнѣ при Седанѣ?
Мнѣ была нужда!.» —
«Ахъ, уснула на диванѣ
«Крѣпко я тогда.»

И прекрасно! я не спорю,
Хорошо—уснуть...
Мой совѣтъ:—при вашемъ горѣ
И сейчасъ всхрапнуть.

М. Евстигнѣевъ.

Взятіе Ардагана.

Русскіе привѣтствовали первую побѣду—взятіе Ардагана.

Ардаганъ со всѣми окружающими фортами взятъ штурмомъ послѣ пятичасовой бомбардировки. Это произошло въ 8 часовъ вечера 5-го мая.

Турки защищались отчаянно, но не выдержали удара въ штыки и бѣжали. Потеря Турокъ болѣе 3 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными; *генералъ*, много офицеровъ и нѣсколько сотъ человѣкъ взяты въ плѣнъ. Взяты склады оружія и припасовъ, лагерь, около 90 оружій. Наша пѣхота дралась превосходно. Потеря наша отъ 250 до 300 человѣкъ убитыми и ранеными.

Главныя силы наши расположились лагеремъ подъ городомъ.

Подробности штурма Ардагана *).

Городъ Ардаганъ лежитъ въ долинѣ р. Куры, цитатель примыкаетъ къ нему съ восточной стороны, а самъ онъ примыкаетъ къ тѣсному ущелью. Надъ нимъ господствуютъ бугры и высоты, на большей ихъ части Турками возведены форты, загромозженые множествомъ орудій. Еще по-запрошлою зимою сюда привезено было изъ Карса 12 круповскихъ большихъ пушекъ.

Важнѣйшимъ укрѣпленіемъ нужно было считать фортъ Рамазанъ, на горѣ Могласѣ, господствующій не только надъ городомъ, но и надъ большею частію

*) Корреспонд. Тифлисс. Вѣстника, изъ лагеря у с. Хевискари.

Ардаганскихъ укрѣпленій. Этотъ фортъ неприступенъ. Гора Могласе—почти отвѣсная скала. Единственный доступъ къ Рамазану со стороны горы Гюргуна, еще и тогда покрытый снѣгомъ, прегражденъ тѣмъ, что фронтъ укрѣпленій обращенъ именно въ эту сторону. У подножія Могласе возведено укрѣпленіе Кара-Ташъ-Чухуръ. На правомъ берегу Куры постороены укрѣпленія Ахали-Табіе, Казъ-Тапаси и Сингеръ; на лѣвомъ Кая-Баши № 1 и 2. Всѣ эти форты и укрѣпленія оберегаютъ Ардаганъ съ сѣвера востока, и юга.

Кромѣ того въ долинѣ р. Куры на низменности находятся три укрѣпленія; дальше, съ восточной стороны, возвышаются Чума-Кеиъ и чрезвычайно важный фортъ Гюла-Верди, построенный на громадной высотѣ, видной за 15 верстъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ своемъ положеніи, Ардаганъ представлялся сильнѣйшимъ образомъ укрѣпленной позиціей.

Наши войска подступили къ Ардагану около 20 апрѣля и вмѣстѣ съ подошедшею 1 мая частію главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса расположились такъ, что отрѣзали Ардаганъ отъ Карса. Командующій корпусомъ ген. М. Т. Лорисъ-Меликовъ предпринялъ тотчасъ же рекогносцировку Ардаганскихъ укрѣпленій. Корреспондентъ разсказываетъ, что во время этой первой рекогносцировки Турки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Жертвою одного изъ нихъ чуть не сталъ генералъ Гейманъ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ корреспондентъ: «Я стоялъ шагахъ въ 15 отъ приближающагося къ намъ ген. Геймана, какъ вдругъ послышался глухой гулъ какого-то взрыва. Прошло нѣсколько секундъ и въ ушахъ у меня раздался шипящій свистъ, точно самъ звукъ шолъ по спирали. Я поднялъ голову, чтобы разглядѣть гранату, но, конечно, ничего неувидалъ въ воздухѣ. За то въ 15 или въ 20 шагахъ отъ Геймана, почти у хвоста лошади послѣдняго казака его свиты, послышался другой взрывъ, и вдругъ изъ земли поднялся громадный букетъ осколковъ гранаты, кусковъ земли и испуганныхъ птичекъ. Желтоватый дымъ служилъ фономъ этого букета.... Мы поняли что вся свита Геймана послужила жертвою этого выстрѣла и обратили все свое вниманіе на нее. Но я пораженъ былъ видомъ самого Геймана. Какъ ни внимательно я слѣдилъ за его физіономіей, я не замѣтилъ на ней ни малѣйшаго измѣненія. Ни одна фибра недрогнула на этомъ спокойномъ лицѣ. Генералъ даже не повернулся назадъ, чтобы увидѣть результаты взрыва.

Предъ началомъ штурма наши войска подошли къ Ардагану съ двухъ сторонъ... На высотахъ, доступныхъ огню непріятельскихъ фортовъ, ночью, съ замѣчательною ловкостью, при непонятномъ невниманіи непріятеля, были установлены наши баттареи. Турки не тревожили насъ и пропускали мимо фортовъ наши колонны. Можетъ быть, Турки въ темнотѣ не замѣтили насъ.... Около 7 часовъ утра командующій корпусомъ объѣхалъ алагезскія баттареи, а ровно въ 8 ч. была пущена первая сигнальная ракета. Всѣ наши баттареи и всѣ укрѣпленія Ардагана открыли пальбу одновременно. Особенно громки были выстрѣлы нашихъ двухъ пудовыхъ мортиръ. Тогда въ отвѣтъ не только посыпались выстрѣлы изъ фортовъ Сингеръ, Казъ-Тапаси и Гюля-Верды, но даже и самъ Рамазанъ пустилъ въ пространство нѣсколько гранатъ, очевидно для очи-

щенія совѣсти—такъ какъ его выстрѣлы недоступны были въ наши баттареи.

Часовъ 11 командующій корпусомъ двинулся къ главной баттареѣ, возведенной на возвышенности надъ Бурдостаномъ. Тутъ гранаты лѣтали, какъ градъ. Нужно отдать справедливость турецкой артиллеріи, она стрѣляетъ мѣтко. Но рѣшительно нечѣмъ было объяснить себѣ того, что гранаты ложились не подалеку отъ насъ, иногда въ 4, 5 шагахъ и—разрывались, непричиняя никакого вреда.

Между тѣмъ, со стороны Ахалцыхскаго отряда была аттака противъ передовыхъ эполементовъ *) защищавшихъ лагерь, расположенный къ сѣверо-востоку отъ Гюля-Верди.

Солдаты шли со стройностью изумительною въ людяхъ въ первый разъ видѣвшихъ огонь. Молодые мало чѣмъ отличались отъ ветерановъ; одинъ изъ молодыхъ солдатъ Елизаветпольскаго полка, почти еще ребенокъ, выскочилъ передъ рядами, увидя направленныя къ нимъ ружья турецкихъ солдатъ и закричалъ:

— За мной ребята, я этому вотъ Турку въ ротъ пулю всажу! И что же всадилъ, увлекши вслѣдъ затѣмъ всю роту.

По окончаніи штурма этого солдатика командиръ его полка, князь Амиради-жиби, привелъ къ командующему корпусомъ; М. Т. Лорисъ-Меликовъ обнялъ солдата предъ цѣлымъ полкомъ, три раза поцѣловалъ его и навѣсилъ ему на грудь, отъ имени Великаго Князя, знакъ отличія военнаго ордена. (Солдатскій Георгіевскій крестъ.)

Чрезвычайно интересно было наблюдать фигуры солдатъ 2-го батальона Эриванскаго полка (кн. Путятина), въ то время когда они собирались перейти чрезъ гребень горы и начать штурмъ. Всѣ физіономіи были оживленныя, довольныя, глаза сіяли и въ рядахъ слышались слова:—«Наконецъ-то доберемся до нихъ.»

«Мнѣ,» говорилъ корреспондентъ, «показывали старика-знаменоносца этого баталіона, 73-хъ лѣтняго ветерана, Василья Колесова, который еще въ 1876 г. ѣздилъ добровольцемъ въ Сербію, и, вернувшись, записался вновь въ службу. Онъ шелъ съ первымъ батальономъ, но дряхлыя кости отказались служить и онъ отсталъ отъ своей части. Тогда онъ упросилъ Христомъ Богомъ командира 2 баталіона взять его въ штурмъ и онъ шелъ впередъ, какъ могъ, еле передвигая ноги, поддерживаемый кучею солдатъ, восторженно смотрѣвшихъ на него.»

Далѣе корреспондентъ приводитъ еще нѣсколько любопытныхъ примѣровъ отваги русскаго человѣка, напримѣръ говоритъ:

Докторъ Я. П. Малининъ разсказывалъ, что больные отказывались казаться больными, чтобы только *«не прозѣвать штурма.»* Вотъ примѣръ:

На перевязочный пунктъ привезли раненаго, которому еще за четыре дня слѣдовало записаться въ госпиталь. «Отчего ты до сихъ поръ не пришелъ въ госпиталь?» спросилъ докторъ.—«Да ваше благородіе я этаго дня давно ждалъ!»

---

*) Выдающихся частей крѣпости или укрѣпленій.

О подобныхъ фактахъ разсказывали очень много очевидцы; но всѣхъ случаевъ подобнаго молодечества перомъ не описать. Интересно также поведеніе раненыхъ. Стоновъ почти не слыхать, не смотря на тяжкость ранъ.—Раненъ?—«Раненъ!» —Куда?—«въ ногу,» или «въ руку» и покуриваетъ себѣ солдатикъ трубку, какъ и въ чемъ небывало.

Одному солдату осколокъ гранаты оторвалъ нѣсколько реберъ, обнаживъ съ лѣвой стороны грудную полость. Его перевязываютъ.

— Нѣтъ, ты лучше лечи, кто легче раненъ,—говоритъ тяжело раненый,—а мнѣ видно умирать надо... Безъ костей, безъ мяса, безъ груди, какъ тутъ жить! И ни вздоха, ни слова болѣе.

Такое равнодушіе къ жизни, такое хладнокровіе предъ смертью трудно представить себѣ. Понятно, что съ такими солдатами чудеса можно дѣлать!

Елизаветпольцы съ своимъ храбрымъ командиромъ (подъ предводительствомъ кн. Амираджиби) брали штурмомъ одну укрѣпленную позицію за другою; съ южной стороны наши баттареи *«жарили»,* какъ говорили солдаты, фортъ Гюля-Верди, осыпая его метчайшими выстрѣлами. Наконецъ, около часу по полудни, къ командующему корпусомъ прискакалъ ординарецъ генерала Девеля съ извѣстіемъ, что слѣдуетъ подкрѣпить его колонны аттакою съ южной стороны.

Наши колонны давно ждали этого момента.

Генералъ Гейманъ сѣлъ на коня и повелъ эриванцевъ и бакинцевъ на штурмъ. Приходилось пройти подъ выстрѣлами непріятельскихъ баттарей $2^1/_4$ версты и между тѣмъ вмѣсто гранатъ съ баттарей во всякую минуту могли шаркнуть картечью.

Я смотрѣлъ этотъ штурмъ, пробравшись на сѣверную сторону нашихъ баттарей, чтобъ не пропустить ни одного эпизода атаки.

Физіономія ея, то есть атаки, заслуживаетъ опять вниманія. Войска бодро шагали, разсыпавшись въ розницу, и только одна группа ѣхала сомкнутымъ строемъ, вызывая выстрѣлы и своею численностью и значкомъ, гордо развѣвавшимся за начальникомъ пѣхоты, генераломъ Гейманомъ.

Съ Гюля-Верди, впрочемъ, продолжали стрѣлять въ нашу баттарею, но когда штурмующіе дошли до основанія высоты, выстрѣлы прекратились.

Наши баттареи тоже замолчали, чтобы не попасть на своихъ. Сердце у всѣхъ насъ билось, словно въ лихорадкѣ и мнѣ казалось, что выстрѣлы турокъ пріостановлены только для того, чтобы гранатные снаряды смѣнить на картечные.

Но въ дѣйствительности, наблюдательность моя ошиблась. Въ это время, какъ то узнали уже въ послѣдствіи, Елизаветпольцы подходили штурмомъ къ форту и, понятно, что осаждаемымъ Туркамъ было не до нашей баттареи. Елизаветпольцы уже вломились въ укрѣпленіе, когда эриванцы и бакинцы подошли къ нему съ юга.

Непріятель же бѣжалъ, какъ только наши солдаты подошли ко рвамъ, не успѣвъ взять съ собою ни снарядовъ, ни орудій, ни даже заклепать пушки; держались до послѣдней крайности и бились до смерти одни лишь артиллеристы

Нужно отдать справедливость и нашимъ противникамъ. Хоть безсознательно, но понимаютъ что они отстаиваютъ честь отечества хотя и не понимаютъ вполнѣ того, за что они бьются и проливаютъ кровь. Они усѣяли своими трупами рвы крѣпости и платформы своихъ баттарей.

Вскорѣ послѣ этого М. Т. Лорисъ-Меликовъ двинулся со своимъ штабомъ въ укрѣпленіе. Войска встрѣтили его восторженно, оглашая воздухъ несмолкаемыми криками *ура*. Командующій корпусомъ поблагодарилъ ихъ за службу, сказалъ, что они «первые обрадовали царя и матушку Россію», что вызвало трудно вообразимый энтузіазмъ. На многихъ глазахъ, какъ солдатъ, такъ и выше видны были слезы.

Но отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ: въ строю Елизаветпольскаго полка стоялъ турецкій плѣнный низамъ, который въ тактъ съ нашими солдатами кричалъ «ура!» будучи блѣденъ, какъ полотно, и тоже въ тактъ съ ними подбрасывалъ свою красную феску.

При осмотрѣ укрѣпленій Гюля-Верди нельзя было не поражаться мѣткостью и силою нашихъ выстрѣловъ. Почти всѣ снаряды попали въ баттареи или въ переднія ихъ прикрытія. Вся крѣпость изрыта или изрѣшечена была гранатами. Земляной блиндажъ казематовъ на половину свалился. Трупы валялись искалеченные, обезображенные, обезглавленные, посинѣлые. У входа въ казематъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, сложивъ на грудь руки и свѣсивъ голову, закрытую башлыкомъ, раненый турецкій солдатъ, весь истекавшій кровью. Другіе раненые лежали или валялись тамъ и сямъ. Солдаты наши съ любопытствомъ осматривали военно-плѣнныхъ; по лицамъ убитыхъ или плѣнныхъ и бѣглыхъ видно, что турецкія войска въ Азіатской Турціи терпятъ всевозможныя лишенія, и страданія; они блѣдны, тощи, съ очень впалыми глазами и апатическимъ выраженіемъ лица, оборваны, общипаны, босы и наги. По собраннымъ послѣ взятія Ардагана (4-го и 5-го мая) свѣдѣніямъ, оказалось, что въ оба дня боя, какъ въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, такъ равно и въ самой крѣпости взято 82 орудія въ томъ числѣ много крупповскихъ орудій и два осьмидюймовыхъ. Число погребенныхъ турецкихъ тѣлъ доходитъ до 800. Затѣмъ у Ардагана собрано еще 300 турецкихъ тѣлъ, въ числѣ которыхъ опознанъ плѣнными турецкій начальникъ штаба. Потери наши убито 7, ранено 9 офицеревъ и нижнихъ чиновъ 385.

Опасность, угрожавшая Великому Князю Николаю Николаевичу старшему. *)

Когда Великій Князь Николай Николаевичъ ѣздилъ въ Браиловъ и Галацъ то одинъ армянинъ далъ знать Туркамъ о времени прибытія поѣзда въ Браиловъ и Турки послали въ поѣздъ три разрывныхъ снаряда 50 сантиметровъ длины, изъ которыхъ одинъ упалъ во дворъ дома, гдѣ помѣщался полевой штабъ, другой въ артиллерійскій паркъ, третій у самаго поѣзда. По счастью, ни одинъ

*) Корр. Сѣвернаго Вѣстника.

снарядъ неразорвался и такимъ образомъ угрожавшая опасность Великому Князю миновала. Армянинъ разстрѣлянъ.

Въ Браиловѣ *) Великому Князю предъявили первую упавшую на станцію 24-го апрѣля бомбу, разряженную потомъ уже нашими солдатами. Главнокомандующій пожелалъ оставить ее у себя на память.

Съ Кавказа.

7-го мая Русскіе аттаковали Турокъ, занятыхъ оборонительными работами подъ Карсомъ. 6 мая генералъ Тергукасовъ выслалъ изъ Сурпъ-Оганеса къ Баязиду отрядъ подъ начальствомъ Амилахварова, такъ какъ получилъ свѣдѣнія о намѣреніи Турокъ дѣйствовать на Баязидъ. Отрядъ въ тотъ-же день прибылъ въ городъ, пройдя 60 верстъ. 8 мая непріятель въ числѣ 350 Курдовъ, 12000 башибузуковъ, 5 батальоновъ и 7 орудій намѣревался перейти изъ долинъ сѣверной стороны озера Ванъ на Хамуръ въ Каракилисѣ, для присоединенія къ войскамъ расположенныхъ уже тамъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ числѣ семи баталіоновъ при 9 орудіяхъ. Узнавъ о движеніи русскихъ, турецкій отрядъ отступилъ опять къ Вану.

Изъ Тифлиса въ свое время писали, что между горцами съ отъѣздомъ въ армію генерала Геймана, имѣвшаго сильное вліяніе на горцевъ, началось возстаніе, такъ что съ половины апрѣля, въ округѣ Асавюртъ, Чеченцы угнали у казаковъ скотъ; погоня отбила похищенное. Слышно что при этомъ похищеніи скота были вырѣзаны казачьи семьи. Около 25 апрѣля, во Владикавказѣ, на нашъ отрядъ изъ 300 человѣкъ подъ начальствомъ маіора Мылова напала шайка Черкесовъ-Чеченцевъ изъ 3000 человѣкъ, вооруженныхъ кремневыми ружьями, по случаю сырой погоды недѣйствовавшими; наша картечь разсѣяла шайку.

Сухумъ заняли Турки. Множество селъ было сожжено и разорено, телеграфная станція въ Сухумѣ и Очемчирѣ уничтожена, а также разрушена станція Инди-европейскаго телеграфнаго общества.

Русское усердіе.

Кажется нѣтъ страны, гдѣ такъ горячо и такъ сочувственно относятся ко всякому отечественному событію и нуждамъ, какъ Россія. Это доказано исторіей, доказано и въ нашемъ вѣкѣ тысячью примѣровъ. Пусть говорятъ что хотятъ, но факты не шутя доказываютъ, что мы готовы во время и на дѣло всегда принести свою посильную жертву, какъ умѣемъ и что можемъ. Вотъ и сейчасъ: война только-что начиналась, исхода еще никто не предвидѣлъ, а уже усердныя приношенія на великое дѣло отовсюду были.

Члены Курскаго клуба, Правленіе Харьковскаго банка, Рыбинская городская дума, Тверская дума, Дерптскіе студенты, Саратовская городская дума, Собраніе

*) Корр. Москов. Вѣд.

Нѣм. мос. клуба, Частная церковная нѣм. касса, Костр. городс. дума, Харьковская город. дума, Муромская дума, Ранепб. гор. дума, поэтъ Гербель. Служащіе при Брестъ-Граев. ж. д., Шуйская гор. дума Москов. кред. общ., Пензен. гор. дума, Москов. куп. банкъ, Великая Кн. Марія Александровна, Ростовс. дума, Кронш. гор. дума, изъ Тюмени Рижское гор. общество, Общ. прикащ., Орловс. общ., Новгор. гор. дума, Таганрогс. земство, Калуж. гор. дума, Акціон. Москов. Ряз. жел. дор., Псков. городская дума, гр. Арнфельдъ, Сарат. куп. Общество, Валд. и Боровическ. управы, Шлиссельб. гор. дума, С.-П-бургское благор. собраніе, Англійскій негоц. Бустросъ, члены русской колоніи въ Дрезденѣ—пожертвовали всего на санитарныя нужды 725000 рублей. Кромѣ того изъ доходовъ и жалованія на все время: учители Казанскаго училища 3% изъ жалованія, служа. при Сарат. гимназіи 5% съ жалованія, служащіе при Брестъ-Граевской д. 5% служ. на Невскомъ механич. заводѣ отъ 1—до 3% жалованія, Пензен. дворян. собраніе по 3 коп. съ десятины дворянскихъ земель. Потомъ:

Дерптскіе студенты уступили подъ мастерскую помѣщеніе клуба. Сар. гор. дума устроила лазаретъ на 100 кров. Костромская дума тоже—на 100 кров. Харьковская гор. дума тоже — на 100 кр. Муромская гор. дума тоже — на 20 кр. Бѣжецкъ помѣщ. отъ города на 100 кров. Депутація Московскихъ содержателей меблиров. квартиръ помѣщеніе въ 67 нумеровъ для раненыхъ офицеровъ. Рыбин. дума лазаретъ на 20 кров. Дума въ Ростовѣ на Д. лазаретъ на 20 кров. Калуж. дума на 20 кров. Англійс. негоц. Бустросъ—на распоряженіе правительства—три парохода. Русская колонія въ Дрезденѣ помѣщеніе въ 200 кроватей. Въ залахъ дворца Вел. Кн. Александры Іосифовны къ 10 мая работали до 500 женщинъ и въ теченіи мѣсяца выработано 27 тысячъ различныхъ вещей.

Подвиги лейтенантовъ Дубасова и Шестакова.

Телеграммой отъ 14-го мая Е. И. В. Главнокомандующаго было извѣщено, что въ 2 часа 55 минутъ пополудни того же числа лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ и съ ними лейтенантъ Петровъ минными шлюпками взорвали турецкій мониторъ безъ потерь и ущерба.

Вотъ подробности этого молодецкаго дѣла, сопряженнаго съ необыкновеннымъ рискомъ. *)

Равно въ 4 минуты перваго часа ночи съ 13-го на 14-го мая, когда шелъ проливной дождь, Дубасовъ, испросивъ согласіе Рогули и разрѣшеніе генерала Солова, отвалилъ отъ Браиловской пристани и съ четырьмя паровыми катерами направился въ Мачинскій рукавъ, съ цѣлью отыскать мѣсто стоянки турецкихъ судовъ и попытаться взорвать посредствомъ мины хотя одно изъ нихъ. Въ составѣ рисковавшей экспедиціи участвовали катеры, взятые у румынскаго правительства: *«Цесаревичъ»* на немъ Дубасовъ, Мужреско и 14 матросовъ; на разстояніи 20 сажень отъ него—*Ксенія* съ лейтенантомъ Шестаковымъ и 9 мат-

*) Правит. Вѣстникъ.

росами; на такомъ же разстояніи отъ нея *Джигитъ* съ мичманомъ Персинымъ съ 8 матросами и *Царевна* съ Балемъ и 9 матросами.

Всѣ катеры въ половинѣ третьяго часа вышли на видъ трехъ мониторовъ, занимавшихъ слѣдующую позицію: въ срединѣ мачинскаго рукава стоялъ одинъ мониторъ, вправо, впереди его, во мглѣ ненастной ночи, обрисовалась темная масса другаго монитора, влѣво отъ средняго—двухъ трубный военный пароходъ.

Дубасовъ, рѣшившись атаковать средній, какъ самый большой, приказалъ Шестакову быть готовымъ къ нападенію, остальнымъ же шлюпкамъ поддерживать нападеніе. Взявъ направленіе въ лѣвую кормовую раковину монитора, Дубасовъ сталъ приближаться къ нему. На окликъ часоваго на мониторѣ, Дубасовъ отвѣтилъ извѣстный ему турецкій отзывъ: *«сызынадамъ»*, что значитъ *вашъ человѣкъ*, но произнесъ неправильно; непріятель тотчасъ понялъ, что отзывъ фальшивый и далъ по шлюпкѣ ружейный выстрѣлъ, что сдѣлали и остальныя суда; но ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ цѣль. Тогда часовой средняго судна хватился за ударный шнуръ девятидюймоваго орудія.... осѣчка. Второй, третій разъ тоже. На палубахъ трехъ судовъ, встревоженныхъ выстрѣлами поднялась суматоха. Въ это время Дубасовъ нанесъ монитору ударъ правою носовой миной въ лѣвый бортъ, выше правой кормовой части раковины. Отъ взрыва поднялся большой водяной столбъ, вода наполнила катеръ Дубасова. Онъ приказалъ машинисту дать задній ходъ, а командѣ выкачивать воду, крикнулъ: «Шестаковъ подходи!» послѣдній подъ убійственнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ со всѣхъ трехъ судовъ, подойдя къ монитору сильно осѣвшему кормой, но державшемуся еще на поверхности, нанесъ второй ударъ, въ тотъ же лѣвый бортъ; судно окончательно погрузилось. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ ударами минъ, продолжавшагося десять минутъ, всѣ шлюпки оставались подъ самымъ большимъ огнемъ. Шестаковъ послѣ взрыва, запутавъ свой винтъ въ обломкахъ монитора, очищалъ его у самаго непріятельскаго борта, отстрѣливаясь изъ револьвера съ помощію четырехъ матросовъ отъ штуцернаго огня, направленнаго изъ башни погружавшагося монитора. Катеръ Персина получилъ пробоину въ кормѣ ядромъ и всплескомъ другаго снаряда былъ залитъ.

Принужденный отправиться къ берегу для того, чтобы заткнуть пробоину, катеръ этотъ запуталъ винтъ въ кустахъ и долго не могъ высвободиться. Востокъ сталъ быстро заниматься зарею, можно было различить предметы вблизи и вдали, почему огонь турецкихъ судовъ усилился. Дубасовъ приказалъ шлюпкамъ отступать; всѣ они вмѣстѣ двинулись въ Браиловъ. Ни убитыхъ, ни раненыхъ не было. «Только волею Всемогущаго Провидѣнія,» говоритъ Дубасовъ, могу объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ неистоваго огня, который Турки открыли по насъ и поддерживали покрайней мѣрѣ двѣнадцать минутъ.» Во все время боя, офицеры и команда выказали полное самообладаніе и истинно геройское мужество. Во время боя не слышно было даже ни одного громкаго возгласа, только дружное, торжественное *«ура»* вырвалось у всѣхъ одновременно, когда мониторъ окончательно погрузился въ воды Дуная.

15 мая за завтракомъ у Великаго Князя присутствовалъ Рогуля, пріѣхавшій изъ Плоэшти. Князь провозгласилъ при этомъ тосты за здоровье—моряковъ, за того, кто устроилъ такія лодки и за здоровье капитана Рогуля. Къ обѣду князя прибыли вызванные по телеграфу Дубасовъ и Шестаковъ, которые по волѣ Государя, приславшаго телеграмму, были украшены знаками ордена 4 степени. Князь лично повѣсилъ тому и другому свои Георгіевскіе кресты и за обѣдомъ предложилъ тостъ въ честь этихъ первыхъ въ настоящую войну Георгіевскихъ кавалеровъ офицерскаго ранга и за здоровье всего русскаго флота. *)

Вслѣдъ затѣмъ лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ получили множество поздравленій съ успѣхомъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ отвѣтъ на это получена отъ гг. Дубасова и Шестакова слѣдующая депеша:

«Мы удостоились высокой чести получить отъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ поздравленія съ успѣхомъ въ дѣлѣ, въ которомъ лишь исполнили свой долгъ Приносимъ горячую благодарность всѣмъ лицамъ и обществамъ за выраженное намъ сочувствіе и просимъ извинить насъ въ томъ, что при всемъ желаніи не можемъ отвѣчать каждому отдѣльно. Просимъ всѣ газеты перепечатать эту телеграмму.»

Движеніе Кавказской арміи **).

По свѣдѣніямъ, дошедшимъ съ Адлера, турецкія суда высадили тамъ 11 мая до 3 тысячь Горцевъ. Находившійся въ Адлерѣ пластунскій батальонъ Кубанскаго казачьяго войска отошелъ чрезъ Охтшыръ; въ нашихъ войскахъ было 13 убитыхъ, 7 раненыхъ. ***) Изъ Кубанской области направлены войска для занятія горныхъ переваловъ въ Абхазіи. Отрядъ генералъ-маіора Кравченка занималъ позицію у Ольгинскаго. 10 мая отражена имъ колонна изъ двухъ ротъ, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ горныхъ орудій; она имѣла жаркое удачное дѣло съ непріятелемъ, который понесъ значительный ущербъ. Въ отрядѣ генералъ-маіора Кравченка до сихъ поръ было всего 30 раненыхъ. Подкрѣпленія изъ Ріонскаго края въ это время приближались.

Въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Оклобжіо производилась рекогносцировка къ рѣчкѣ Кинтримъ и разработывались дороги. Вдоль прибрежья въ это время крейсировали непріятельскія суда, которыя по временамъ стрѣляли безвредно для Русскихъ.

Отправленная изъ подъ Ардагана къ Пеняку колонна генерала Шереметева не нашла непріятеля, который скрылся въ Ольтъ. Городъ Ардаганъ и санджакъ того же имени были заняты отрядомъ полковника Комарова, войска же бывшаго Ахалцыхскаго отряда генералъ-лейтенанта Девеля вошли въ составъ главныхъ

---

*) Маіоръ Румынской службы Муржеско былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра IV степени. *Золотое оружіе* маіору Струкову и капитану 1-го ранга Рогулѣ.—**) Оффиц. Деп. *Главнок.* Кав. арміи отъ 14 мая 1877 г.—***) Въ дѣлѣ при Адлерѣ принималиучастіе пластунскій батальонъ стрѣлковъ, и рота 2 стрѣлковаго батальона. Предполагаютъ что десанта было отъ 2 до 3 тыс. иррегул. войска.

силъ, сосредоточившихся въ лагерѣ подъ Заимомъ; оставшіяся тамъ до взятія Ардагана войска произвели рекогносцировку подъ самыя укрѣпленія Карса, не встрѣтивъ непріятеля.

Изъ Баязидскаго отряда, отъ 11 мая получено было извѣстіе, что колонна генералъ-майора князя Амилохварова, ходившая на поискъ къ сторонѣ озера Вана, вернулась къ отряду. Встрѣчавшіяся ей на пути скопища Курдовъ разсѣялись при видѣ Русскихъ войскъ.

Въ Терской области спокойствіе было возстановлено вскорѣ, благодаря небольшимъ отрядамъ, которые успѣли захватить виновныхъ въ мятежѣ, скрывшихся въ нѣкоторыхъ горныхъ ущельяхъ. Въ Дагестанѣ все спокойно.

Выступившій изъ Адлера 3-й пластунскій батальонъ прибылъ на Сочу, гдѣ сосредоточился отрядъ полковника Шелковникова; къ нему были посланы на помощь подкрѣпленія съ сѣвернаго склона горъ.

Въ это же время устроилась переправа чрезъ Богадскій мостъ и на лѣвомъ берегу Кодора уже собрался отрядъ ген.-майора Алхазова. Турецкія войска, составлявшія гарнизонъ Ардагана, разбѣжались. Лишь небольшая часть съ пашой бросилась въ Батумъ; Баязидскій отрядъ пока стоялъ у Сурпъ-Оганеса для устройства продовольственной части.

Вскорѣ послѣ того изъ частной телеграммы узнали, что главныя силы съ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ выступили изъ лагеря подъ Заимомъ и пройдя 24 версты стали лагеремъ у Визинкева, въ виду Карса.

Газета *Times*, говоря объ отступленіи Мухтара, дополняла, что Мухтаръ вынужденъ былъ стянуть войска за Эрзерумомъ, въ виду того, что Русскіе угрожаютъ отрѣзать ему отступленіе. И тутже извѣщаетъ что Карсъ бомбардируется.

Константинопольскія хлопоты и волненія.

Мы уже ранѣе упоминали, что Константинопольскіе жители чрезвычайно испугались войны, какъ общаго разстройства и безъ того разстроенныхъ, расшатанныхъ дѣлъ Турціи. Въ высшихъ и духовныхъ сферахъ началось волненіе и броженіе умовъ.

Въ Константинополь прибыли послы Германскій и Австрійскій; сдержанный образъ дѣйствій принца Рейса (Германскаго посла) чрезвычайно непонравился Леярду. Оборонительныя работы пошли быстро; насильно отбирали лошадей, деньги и сгоняли рабочихъ. Газеты проповѣдывали поголовное избіеніе христіанъ.

Болгарскій Экзархъ, преосвященный Анфимъ, былъ смѣщенъ за несогласіе содѣйствовать Портѣ своимъ вліяніемъ на Болгаръ. Церковные доходы Болгарскаго экзархата предположено отдать на откупъ банкирамъ.—Лондонскіе банкиры вступили съ Портой въ переговоры о помѣщеніи займа въ три съ половиной милліона ливровъ, гарантированнаго Англійскимъ правительствомъ.

Леярдъ предложилъ Портѣ уволить неспособнаго военнаго министра.—Ожидали вызова въ Турцію изгнаннаго Мидхата-паши, который тогда былъ въ Парижѣ. Противники Мидхата заволновались.

Тамъ же начали формировать польскій и венгерскій легіонъ. Къ нему хотѣли присоединить благословляемые покойнымъ Папой на борьбу за правую вѣру и магометанство, папскіе зуавы, предводительствуемые генер. Шаретомъ.

13 мая болѣе двухъ тысячъ софтъ *) двинулось къ палатѣ. Когда президентъ впустилъ въ залу делегатовъ, **) въ палату явилось пять софтъ изъ Ардагана, которые, описывая волненіе, произведенное потерей этого города, стали требовать принятія мѣръ къ предотвращенію дальнѣйшихъ несчастій.

Въ числѣ мѣръ указывали на перемѣну министерства.

Президентъ отправился на совѣщаніе къ визирю, а софты, собравъ вокругъ себя многочисленныя толпы мусульманскаго населенія, направились къ дворцу Султана. Тамъ они съ угрозами требовали возвращенія Мидхата и назначенія его Великимъ визиремъ.

Это была формальная революція.

Султанъ испугался и бѣжалъ въ загородный дворецъ. Противъ мятежниковъ были двинуты войска и много кромѣ раненыхъ было также убито.

Въ тотъ же день Константинополь былъ, объявленъ въ осадномъ положеніи.

Результатомъ всѣхъ этихъ безпорядковъ была отставка министровъ. Въ Константинополѣ былъ открытъ военный судъ по преступленіямъ противъ общественной безопасности.

Вскорѣ послѣ того пошли горячіе толки: одни говорили, что объявленіе священной войны неизбѣжно, что означало призывъ всѣхъ въ свѣтѣ мусульманъ подъ одно знамя Пророка, чего хотѣлось и Шейхъ Уль-Исламу ***) и турецкимъ Улемамъ; ****) но такъ какъ магометане находятся въ подданствѣ разныхъ державъ, то въ виду общаго тревожнаго волненія политика Европы съумѣла во время пріостановить эту фанатическую попытку. Были и такіе толки, что будто бы хотѣли возвести на мѣсто Султана брата его Магомета Рашада, по другимъ толкамъ, что и самъ Султанъ непрочь отказаться, и назначить своимъ наслѣдникомъ сына Абдулъ-Азиса. Толки, а можетъ быть и дѣйствительныя намѣренія, какъ въ послѣдствіи увидимъ, оказались несправедливыми.

Ко всему вышесказанному прибавимъ, что въ Эпирѣ и Ѳессаліи было довольно сильное движеніе. Аѳинскіе комитеты неустанно снаряжали и отправляли туда отряды добровольцевъ, при чемъ греческое правительство смотрѣло на это сквозь пальцы. Мало того: 11 мая греческія палаты большинствомъ голосовъ высказались за объявленіе немедленной войны Турціи. Тутъ же Румынія 11 мая, отказавъ въ платимой Портѣ дани, собрала войско, надъ которымъ принялъ обязанности Главнокомандующаго князь Карлъ къ общему удовольствію своихъ подданныхъ. Князь съ своей арміею вступилъ въ Малую Валахію, на западъ отъ р. Алуты. Въ помощь Румынской арміи была назначена часть русскимъ войскъ, расположенныхъ близь турецкаго Никополя.

Сербія, не смотря на истощеніе послѣдней войной средствъ, также высказала

---

*) Ученыхъ магометанъ.—**) Выборныхъ представителей. — ***) Шейхъ-Уль-Исламъ—глава турецкаго духовенства.—****) Улемъ—законовѣдъ.

желаніе воевать, на что, какъ Россія, такъ и Австрія возразила, что нейтралитетъ для нея въ настоящее время полезнѣе.

Вообще положеніе Турціи становилось шаткимъ, если принять въ соображеніе грозившіе ей перуны. Но вліяніе софтовъ на Порту подѣйствовало; Порта послала на Кавказъ сына Шамиля.

Извѣстно, что Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана былъ князь владѣтельный. Въ 1859 г. со взятіемъ Гуниба княземъ Барятинскимъ и въ плѣнъ Шамиля, мы Русскіе къ 1864 году прикончили всякую вражду на кавказскихъ горахъ и мало по малу водворили спокойствіе. Но у Шамиля былъ сынъ, а тотъ состоялъ въ русской службѣ и даже чуть ли не въ Петербургѣ учился. *) Въ чинѣ полковника конвоя Его Императорскаго Величества, онъ отправляется въ дѣйствующую армію, но какъ то очутился въ Константинополѣ, его отправляютъ оттуда не въ лагерь къ своему законному Императору, а на Кавказъ... вопросъ зачѣмъ? Конечно и нельзя иначе думать, что сыну Шамиля хотѣлось возстановить свои упавшія права на владѣніе Кавказомъ, и такъ какъ тамъ были еще люди хорошо помнившіе грознаго Шамиля и уважавшіе въ его лицѣ и храбрость, и силу, и умъ, то надѣялся, что и предъ сыномъ его тоже сдѣлаютъ. Шамиль—сынъ дѣйствительно, какъ увидимъ въ послѣдствіи, успѣлъ нѣсколько помѣшать Русскимъ дѣйствіямъ, возмущая Черкесовъ.

Султанъ Абдулъ Гамидъ II.

(Біографія.)

Принцъ Абдулъ-Гамидъ-Эфенди вступилъ 19 (31) августа на престолъ Турціи, взамѣнъ старшаго своего брата Мурада V.

Онъ родился 22-го сентября 1842 г. второй сынъ покойнаго Султана Абдулъ Меджида.

Говорятъ, при обыкновенномъ ходѣ событій, врядъ ли бы пришлось ему препоясаться саблей Османа. Дѣло было такъ: Какъ только Мурадъ V вступилъ на престолъ, то чрезъ 10 дней его воцаренія врачи нашли, что онъ одержимъ душевною болѣзнію, которыя по его вступленіи на престолъ приняла болѣе дурной оборотъ и выздоровленіе отъ этой болѣзни было до такой степени, по мнѣнію врачей, невѣроятнымъ, что государственные люди, управлявшіе Турціей, съ 18 (20) августа нашли необходимыхъ задать вопросъ о регентствѣ и фактической передачѣ власти въ руки принца Гамида—эфенди, считавшагося съ воцаренія Мурада V законнымъ наслѣдникомъ престола. Съ этою цѣлью принцъ допущенъ былъ къ дѣламъ; но вскорѣ однакоже оказалась, что Турецкіе государственные законы не допускаютъ учрежденія регентства ни въ какомъ случаѣ, кромѣ несовершеннолѣтія царствующаго султана и требуютъ низложенія султана, почему либо оказывающагося неспособнымъ управлять страною.

---

*) Авторъ думаетъ, что онъ учился въ Горномъ корпусѣ.

Въ силу такого закона нѣкоторые изъ министровъ потребовали превозглашенія Гамида Эфенди султаномъ. Митхату-пашѣ это было вовсе не по сердцу, потому что фиктивное царствованіе Мурада V давало ему полную возможность управлять страною, но тѣмъ не менѣе ему должно было уступить настояніямъ Шейха-уль-ислама, и Гамидъ былъ провозглашенъ султаномъ.

Европейскія правительства многаго надѣялись на новаго повелителя Правовѣрныхъ, но событія показали на сколько были ошиботны эти предположенія. Абдулъ-Гамидъ вскорѣ послѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ; наслажденія гарема вредятъ его умственнымъ и физическимъ силамъ.

Абдулъ-Гамида дѣйствительно никто не любилъ и не любитъ, причина этой неприязни заключается въ обстоятествахъ, при которыхъ нынѣшній Падищахъ вступилъ на престолъ, и въ возникшемъ оттуда политическомъ и военномъ положеніи имперіи Османовъ. Значительная часть мусульманъ и въ томъ числѣ большинство софтъ, смотрятъ и по сіе время на Гамида какъ на узурпатора *), а не какъ на настоящаго калифа.

Наконецъ, ко врагамъ Абдулъ-Гамида II-го принадлежатъ всѣ тѣ, которые при его царствованіи лишились своихъ мѣстъ, а вслѣдствіе того остались безъ дѣла, вліянія и хлѣба.

Предъ такимъ громаднымъ числомъ враговъ, у султана лишь весьма ничтожное число приверженцевъ. При такой обстановкѣ дворцовая революція представляется не очень трудной. Но трудно будетъ рѣшить слѣдующій вопросъ:—кого возвести на престолъ?

Всѣми любимый Мурадъ, страсть котораго къ крѣпкимъ напиткамъ не только возрасла послѣ низложенія его съ престола, но постоянно встрѣчаетъ поощреніе со стороны его стражей, – обезумѣлъ въ полномъ смыслѣ слова, а другой кандидатъ на престолъ, Решадъ-эфенди—до того невѣжливый, грубый и порочный человѣкъ, что о его возведеніи на престолъ едва ли могутъ помышлять люди мало-мальски имѣющіе въ виду улучшеніе дѣлъ въ Турціи. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что благоразумные и образованные Турки въ послѣднее время съ любовью остановились на мысли о республикѣ подъ президентствомъ Мидхата-паши, доказывая, что такое правленіе было бы идеаломъ государственнаго устройства для Турціи. Но такъ думая горсть передовыхъ Турокъ, неужели не видитъ, что она ничего не можетъ сдѣлать при всѣхъ такъ сказать осязательныхъ недостаткахъ нынѣшняго государства въ Европѣ, если не позаботится о главномъ: о водвореніи свободы христіанской миссіи въ своемъ отечествѣ. Практическое исполненіе такой идеи встрѣчаетъ чрезвычайныя затрудненія: уничтоженіе сана калифа для народныхъ (турецкихъ) массъ будетъ равнозначущее отрѣченію отъ вѣры и отъ священнѣйшихъ традицій. **)

И то правда, что мусульманинъ смотритъ на дурнаго калифа, какъ на зло, но на зло необходимое, которое можетъ быть устранено чрезъ перемѣну особы повелителя.

---

*) Узуртаторъ—похититель, незаконный владѣтель.—**) Преданій.

Дѣйствительно, несчастіе Абдулъ Гамида въ томъ, что онъ вступилъ на престолъ при грозномъ положеніи дѣлъ извнѣ и—при печальномъ – внутри государства; при всякихъ другихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы хорошимъ государемъ, особенно сравнительно съ его предшественниками. Говоря даже съ турецкой точки зрѣнія, уже давно Турція не видала у себя падишаховъ, одаренныхъ всѣми нужными для ихъ сана качествами; по этому Турки оставались бы довольны, если бы царствующій султанъ имѣлъ хотъ нѣкоторыя изъ хорошихъ человѣческихъ свойствъ. Если имѣть это въ виду, то нельзя не согласиться, что Абдулъ Гамидъ, вступи онъ на престолъ при счастливыхъ обстоятельствахъ, былъ бы любимѣйшимъ повелителемъ на тронѣ Османовъ. Настоящій султанъ—флегематическій, умѣренный въ наслажденіяхъ и вполнѣ благодушный человѣкъ, пользовавшійся любовью всеобщею въ то время, когда былъ принцемъ. Не имѣя ни какихъ видовъ попасть когда нибудь на престолъ, Абдулъ Гамидъ долгіе годы жилъ, какъ отецъ семейства, въ своемъ имѣніи Кіахтъ-Гане. Свои досуги онъ посвящалъ садоводству и никогда не задавалъ себѣ головоломной работы. Въ то время его особенно хвалили за то, что онъ не имѣлъ долговъ. Но возсѣвъ на престолъ, онъ оказался неспособнымъ исполнять всѣ требованія, которыя страна вправѣ была предъявить своему повелителю, въ столь смутное время; запутанныя обстоятельства, въ которыхъ очутился султанъ, повліяли на него въ дурномъ смыслѣ, и Абдулъ Гамидъ продолжалъ мѣняться къ худшему. Онъ узналъ какія чувства питаетъ къ нему народъ и боится вспышки заговора; онъ сдѣлался, что весьма естественно, недовѣрчивъ, суровъ къ окружающимъ его лицамъ, и во всемъ видитъ измѣнническіе планы, направленные противъ его власти и жизни. Вслѣдствіе этого онъ уклоняется въ дни селамлыковъ отъ обязанности отправится въ дальнія мечети, окружилъ себя исключительно одними черкесами-адъютантами, братьями и родственниками придворныхъ дамъ. Но «спасетъ-ли это султана отъ его судьбы?» вотъ общій вопросъ, вызванный настоящимъ сложившимся затруднительнымъ положеніемъ Турціи. На престолъ вступилъ человѣкъ, которому природа дала совсѣмъ не дипломатическія и не стратегическія способности. По этому случаю одинъ изъ европейскихъ дипломатовъ чрезвычайно умно выразился; «Абдулъ-Гамидъ хорошій человѣкъ, но плохой музыкантъ.» Послѣднее сказано въ смыслѣ политики.

Однажды Абдулъ-Гамидъ захворалъ рвотою, такъ многіе думали, что онъ былъ отравленъ и даже разсчитывали на его скорую кончину.

Рекогносцировка и занятіе высотъ на Кавказѣ 13, 16 и 19 мая.

Въ главныхъ силахъ 13-го мая сводная казачья дивизія генералъ-маіора Лорисъ-Меликова имѣла у Магарджиха перестрѣлку съ вышедшими изъ Карса войсками всѣхъ родовъ оружія, причемъ часть казаковъ дѣйствовала въ пѣшемъ строю.

Благодаря превосходству оружія, у насъ потеря въ этомъ дѣлѣ состояла изъ

одного убитаго и шести раненыхъ нижнихъ чиновъ; противникъ же оставилъ до 40 тѣлъ на мѣстѣ.

16 числа мая генералъ-лейтенантъ Оклобжіо направилъ авангардъ свой подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина на лѣвый берегъ р. Кинтриши для занятія высотъ Самеба на лѣвомъ флангѣ расположенія непріятеля.

Предпріятіе это исполнено успѣшно и непріятель, занимавшій означенныя высоты, отступилъ въ Цихидзири. Въ тоже время направлена была вверхъ по рѣчкѣ Кинтриши небольшая колонна подъ начальствомъ маіора князя Меликова, чтобы отдѣлить мѣстное населеніе Кабулетъ отъ расположенія турецкихъ войскъ. Колонна эта, не смотря на крайне пересѣченную мѣстность, способствующую оборонѣ, достигла вполнѣ цѣли, занявъ означенную ей позицію верстахъ въ 6 отъ Хацубани.

Потеря наша въ этотъ день въ обѣихъ колоннахъ состояла изъ 4-хъ убитыхъ и 3 раненыхъ, въ числѣ которыхъ одинъ офицеръ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, поручикъ Нахичеванскій.

Затѣмъ отъ 19 мая получено было слѣдующее донесеніе изъ Азіи отъ ген.-лейт. Оклобжіо:

Въ населеніи Кабулетъ замѣтно болѣе миролюбивое настроеніе; нѣкоторыя селенія добровольно выдали оружіе, розданное Турками; другія посылаютъ почетныхъ лицъ съ изъявленіемъ покорности; но продолжающіеся дожди и распутица крайне затрудняютъ движеніе войскъ въ этой гористой и пересѣченной мѣстности.

Отъ главныхъ силъ подъ Карсомъ направлена колонна къ юго-западу отъ крѣпости для наблюденія за непріятелемъ, появившимся въ Саганлугѣ. На прочихъ пунктахъ театра войны не произошло ничего новаго.

Что-же касается до Терской области, то тамъ волненіе, о которомъ было сказано выше, подавлено. Въ Чечнѣ волненіе появилось снова въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Салатавіи и Гумбета. Для прекращенія мятежа были направлены колонны войскъ съ разныхъ сторонъ: генералъ-адъютантомъ Свистуновымъ со стороны Чечни и Ауха и генералъ-адъютантомъ княземъ Меликовымъ со стороны Андіи.

Мятежники были разсѣяны, поселеніе главнаго предводителя мятежа Алибека разрушено.

Одна изъ колоннъ, слѣдовавшая изъ Андіи въ Гумьетъ въ составѣ двухъ батальоновъ, четырехъ горныхъ орудій и нѣсколькихъ туземныхъ дружинъ, подъ начальствомъ полковника Накашидзе, встрѣтила у селенія Сіухъ толпу человѣкъ въ 500 изъ вооруженныхъ жителей. Въ происшедшемъ здѣсь столкновеніи, мятежники оставили на мѣстѣ 80 тѣлъ и 100 человѣкъ были захвачены съ оружіемъ въ рукахъ.

Мятежные аулы Арелухъ и Данухъ теперь уничтожены и жители выселены въ другія селенія.

Поздравленіе.

Его Императоское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, какъ Главнокомандующій Кавказскою арміею, издалъ слѣдующій приказъ по Кавказскому округу:

«Поздравляю васъ, войска Кавказской арміи, съ первымъ блистательныхъ успѣхомъ вашихъ славныхъ товарищей. Сильно укрѣпленный турецкій городъ Ардаганъ послѣ двухдневнаго, 4-го и 5-го мая, дѣйствія нашей отличной артиллеріи, палъ къ ногамъ Его Величества. Непріятель не выдержалъ дружнаго натиска нашихъ штурмовыхъ колоннъ и бѣжалъ преслѣдуемый до ночи нашею кавалеріею. Трофеями достались намъ 82 орудія, много оружія, военныхъ и жизненныхъ припасовъ и плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ одинъ паша.

Хвала Всевышнему за дарованную намъ побѣду! потери наши, благодаря Бога, не велики, сравнительно съ достигнутымъ успѣхомъ. Вѣчная память товарищамъ, падшимъ во славу Русскаго оружія. Объявляю мою душевную признательность командующему корпусомъ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову и генералъ-лейтенантамъ Гейману и Девелю. Благодарю всѣхъ генераловъ, начальниковъ частей и офицеровъ. Мое задушевное спасибо молодцамъ-солдатамъ.»

Отзывъ корреспондента о Русской Дунайской арміи.

Корреспондентъ *Tagblatt* въ восторгѣ отъ русскихъ, которыхъ видѣлъ въ лагерѣ, въ Баневску.

«Здѣсь все, говоритъ онъ, настолько я могъ видѣть, патентованное, начиная съ сапогъ, сдѣланныхъ изъ мягкой кожи, весьма удобно и красиво, до ноженъ, фуражки, походнаго самовара, до послѣдняго гвоздя въ палаткѣ, приспособлено тщательно къ своему назначенію. Самыя строжайшія военныя требованія соблюдены. Я не преувеличу, если скажу, что наша армія въ практической полевой службѣ, въ полевомъ хозяйствѣ лагерной жизни неравна съ русскою.

Порядокъ, разумное распредѣленіе труда, взаимная готовность помочь, — все это присуще русскимъ, начиная съ генерала, который, въ бѣломъ кителѣ, патріархально, отечески заботливо ходитъ отъ котла къ котлу, изъ палатки въ палатку, до послѣдняго обознаго солдата. Это—не войско, не армія, не корпусъ, это семья, это братская дружина на войнѣ. Здѣшній русскій лагерь можетъ служить образцомъ порядка.

Освященіе знамени въ болгарскомъ лагерѣ. *)

Болгарамъ было прислано г. Самарою знамя. Его Высочество главнокомандующій прибылъ въ $2^1/_2$ часа по полудни; дружины стояли въ густыхъ колоннахъ въ одну линію. Противъ средины расположены были столы для знамени и молебствія.

Служили болгарскій архимандритъ Амфилохій Михайловъ, изъ города Сливны, и священникъ Петръ Дрогановъ, изъ Трково,—оба замѣчательны тѣмъ, что не разъ, съ оружіемъ въ рукахъ, боролись съ Турками, во главѣ своихъ, выведенныхъ наконецъ изъ терпѣнія и возставшихъ прихожанъ. Тотчасъ же послѣ молебна и освященія приступили къ торжественной церемоніи набивки полотна знамени на древко.

Первый гвоздь вбилъ самъ главнокомандующій; за нимъ начальникъ штаба, генералъ Непокойчицкій, затѣмъ начальникъ легіона, оба привезшіе знамя Самарцы и такъ далѣе;—послѣдніе гвозди вбиты были выбранными рядовыми болгарами. Надо было видѣть, съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ приступали эти люди къ своему почетному дѣлу; каждый, крестясь, бралъ молотокъ, цѣловалъ древко, и затѣмъ уже поднималъ руку для удара.

Какое счастье свѣтилось въ этихъ простыхъ, смуглыхъ, типичныхъ лицахъ.

Изъ толпы зрителей вывели старика болгарина въ красномъ, боевомъ національномъ костюмѣ, въ шитой курткѣ, въ широкомъ калакѣ (поясѣ), за которымъ торчали внушительно рукоятки турецкихъ пистолетовъ и отдѣланный въ золото ятаганъ. Это былъ знаменитый болгарскій воевода Цеко Петковичъ, 32 года боровшійся съ Турками, наводившій на нихъ страхъ и ужасъ, гроза Балканскихъ горъ, получившій 28 ранъ и однажды просидѣвшій въ турецкой тюрьмѣ два съ половиною года, прикованный за шею турецкою цѣпью. Слѣды этого страшнаго ошейника до сихъ подъ еще видны на широкомъ загорѣломъ затылкѣ старика.

Теперь онъ явился сюда въ ряды легіона, но его оставили при штабѣ этого отряда въ качествѣ дядьки и пѣстуна молодыхъ волонтеровъ и для указаній во время похода на Балканы, гдѣ ему извѣстны каждый камень, каждая незначительная тропинка. Зарыдалъ старикъ, когда ему дали въ руки молотокъ. Онъ взглянулъ на небо, на знамя, на главнокомандующаго и громко произнесъ:

«Да поможетъ Богъ пройти этому святому знамени изъ конца въ конецъ несчастную землю Болгарскую; да утрутъ этимъ знаменемъ наши матери, жены, и дѣти свои скорбныя очи; да бѣжитъ въ страхѣ все нечистое, поганое, злое передъ нимъ, а за нимъ станетъ прочный миръ и благоденствіе!».

Гробовая тишина стояла въ толпѣ, когда старый Петковичъ произносилъ свои слова и въ этой тишинѣ зазвенѣлъ его молотокъ, ударившій по серебряной го-

*) Корр. Нов. времени 1867 г.

ловкѣ вбитаго гвоздя. Какъ нарочно, славно въ акомпаниментъ этому слову, въ Карпатахъ блеснула молнія и оттуда донеслись глухіе перекаты громоваго удара. «Добрый знакъ, добрый!» загремѣло въ толпѣ.

Сплошною стѣною загораживала эта толпа самый столъ, на которомъ происходила церемонія, и стоявшія въ колоннахъ дружины не видали еще своего знамени. Когда послѣдній гвоздь былъ вбитъ, Его Высочество Главнокомандующій взялся за бревно и поднялъ знамя, высоко развившееся въ воздухѣ. Мгновенно громкое, страшное «ура!» грянуло по рядамъ дружинъ, тысячи черныхъ шапокъ взлетѣли на воздухъ, колонны вздрогнули и рванулись впередъ, но мгновенно все замерло на своемъ мѣстѣ и стихло, когда раздалась команда: «Дружины, смирно!»

Генералъ Столѣтовъ, командиръ дружины, майоръ Калитинъ и знаменщикъ преклонили колѣна. Его Высочество Главнокомандующій собственноручно передалъ имъ знамя, которое и заняло свое мѣсто передъ фронтомъ; затѣмъ колонны прошли церемоніальнымъ маршемъ, прошли смѣло, лихо; какъ старые солдаты, громко и дружно отвѣчая на привѣтствіе Главнокомандующаго. Послѣ этого церемоніала Его Высочество сѣлъ въ экипажъ и проѣхавъ еще разъ мимо остановившихся колоннъ, былъ снова привѣтствованъ криками «ура» и киданіемъ шапокъ къ верху.

Кончилась оффиціальная церемонія, началось живое, искреннее ликованіе въ каждой колоннѣ, въ каждой группѣ распущенныхъ дружинниковъ.

Движеніе Русскихъ войскъ на Дунаѣ *).

Укрѣпленіе всего берега Дуная отъ Рени до Браилова баттареями, вооруженными 24 фунтовыми пушками, окончено, и такимъ образомъ совершенно устранена возможность для Турокъ прорваться въ этомъ мѣстѣ чрезъ Дунай.

Вслѣдствіе этого Русскія, войска сосредоточенныя до сихъ поръ на устье Дуная, стали передвигаться выше по теченію Дуная, оставивъ на пространствѣ между Рени и Браиловымъ 7 полковъ пѣхоты, 3 полка кавалеріи, 11 сотенъ казаковъ, 3 батальона полевой артиллеріи и одинъ саперный баталіонъ.

Движеніе войскъ было направлено на Ольтеницу, Зимницу и Журжу или Журжево.

Войска держались на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ дунайскаго берега.

---

*) Телеграмма изъ Бухареста специальн. корресп. National-Zeitung отъ 20 мая 1877 г.

Громадный капиталъ Мекки.

Туркамъ нужно было чѣмъ-нибудь утѣшаться; при началѣ войны съ Русскими, Турки, пощупавъ свои карманы, нашли что и для собственнаго продовольствія занимать приходится, а вести войну—лишиться насущнаго хлѣба.

Для того, чтобы успокоить взволнованные умы народа, нашлись грамотѣи въ Турціи, которые безъ застѣнчивости стали врать, что имъ помогутъ капиталами и силами всѣ магометане земнаго шара, мало того, дополняли краснобаи: у насъ «де» и своего капитала множество, только стоитъ обратиться въ Мекку въ мечеть Кааба, тамъ съ незапамятныхъ временъ заведена кружка, остающаяся неприкосновенною съ 1415 года. Въ эту кружку каждый правовѣрный опускаетъ по меньшей мѣрѣ до 30 піастровъ (каждый піастръ—5 коп.). или 1 р. 50 к. Ежегодно правовѣрныхъ бываетъ въ Меккѣ 100000, слѣдовательно годичный доходъ кружки—3 мил. піастровъ (150 т. руб. а за 462 года въ ней накопилось 1386 милліоновъ или 69 мил. 300 тыс. р. с.) Но есть правовѣрные, которые жертвуютъ и по 10 и по 100 піастровъ. Слѣдовательно въ кружкѣ по крайней мѣрѣ 10 миллья рдовъ піастровъ, или на русскія деньги 500 мил. рублей.

Адресъ Болгарской Депутаціи, поднесенный Е. Выс. во время пребыванія Его въ Букарештѣ.

«Ваше Императорское Высочество! Народъ Болгарскій, подъ сильнымъ гнетомъ турецкаго господства, всю свою надежду на избавленіе отъ тяжкаго рабства отъ вѣка возлагаетъ на заступничество православнаго Царя Русскаго. Эта надежда, завѣщанная намъ отъ праотцевъ, теперь съ помощью Всемогущаго будетъ осуществлена. Болгары тѣмъ больше вѣрютъ этому, что Его Императорское Величество избралъ своего брата исполнителемъ Его воли о нашемъ избавленіи. Пребывающіе въ Румыніи Болгары считаютъ счастіемъ привѣтствовать Ваше Императорское Высочество на пути къ тому и, какъ члены Болгарскаго народа, вмѣстѣ съ ними отъ души возносимъ молитвы къ Всевышнему Богу, да благословитъ Васъ и предводимое *Вашимъ* Императорскимъ Высочествомъ побѣдоносное христолюбивое воинство для совершенія этого великаго подвига въ честь и славу православнаго Царя, великодушнаго защитника страждущихъ и для величія всего народа Русскаго».

Звѣрства Турокъ.

Въ англійскихъ газетахъ писали въ свое время: «До насъ дошло ужасное свѣдѣніе изъ долины Юпаце. Оттуда сообщаютъ, что близь Габеллы, у Герцоговинской границы, были случаи сажанія на колъ и обжариванія на огнѣ жи-

выхъ людей. Разскасы о жестокостяхъ, совершаемыхъ въ отдаленныхъ частяхъ старой Сербіи, превосходятъ всякое описаніе».

Точно также изъ Букарешта сообщили оффиціально, отъ 4 мая, что турецкій мониторъ открылъ пальбу при Гурѣ Яломицѣ по румынскому сторожевому дому, занятому солдатами милиціи. Когда сторожевой домъ былъ разрушенъ, съ монитора высадился на берегъ отрядъ регулярныхъ солдатъ подъ командою офицера. Турки двинулись къ тому мѣсту, гдѣ находился румынскій сторожевой домъ и нашли тамъ раненаго солдата милиціи.

Офицеръ приказалъ разстрѣлять его, что и было исполнено немедленно. Но когда и послѣ этого солдатъ все еще дышалъ, Турки прикололи его штыками. Румынское правительство поручило своимъ дипломатическимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ довести эти факты и другіе подобные до свѣдѣнія правительствъ.

Молодецкіе подвиги нашихъ на Кавказѣ. *)

Спѣшу порадовать Ваше Величество съ молодецкимъ кавалерійскимъ дѣломъ, бывшимъ 18 мая на разсвѣтѣ у села Бегли-Ахметъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, прибывъ 17 числа съ гренадерскою дивизіею въ Хаджи-Халиль и зная, что непріятельская горская кавалерія Мусы-паши Кондухова спустилась съ Саганлуга по Карской дорогѣ, тотчасъ же вечеромъ отправилъ въ Ардостъ и далѣе 2-ю кавалерійскую дивизію со вторымъ Дагестанскимъ Кумыко-Кабардинскимъ полкомъ и 16 конными орудіями подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора князя Чавчавадзе. Въ полночь усмотрѣны огни конницы Кондухова, остановившейся ночевать у Бегли. Непріятельскій бивуакъ атакованъ съ трехъ сторонъ; противникъ защищался отчаянно, но послѣ продолжительной ружейной и особенно рукопашной битвы, гдѣ главная роль выпала на молодецкій второй дивизіонъ Нижегородцевъ, непріятель обращенъ въ бѣгство **). Трофеи наши: два горныя орудія съ четырьмя зарядными ящиками, взятыя четвертымъ эскадрономъ Нижегородцевъ, два значка, изъ которыхъ одинъ по показанію плѣнныхъ принадлежалъ Кондухову, и разное оружіе. Въ числѣ плѣнныхъ есть одинъ регулярный штабъ-офицеръ. Потеря наша: умершій уже въ лагерѣ отъ полученной тяжелой сабельной раны Нижегородскаго полка прапорщикъ Форжетъ. Нижнихъ чиновъ убито 6, ранено до 30, преимущественно Нижегородцевъ, и притомъ холоднымъ оружіемъ; лошадей убито и ранено 51. Одних непріятельскихъ тѣлъ, оставленныхъ не подобранными, послѣ боя насчитано 83. Вчера корпусный камандиръ расположился на Карсъ-чаѣ, близь Ардоста.

---

*) Телегр. Главнокоманд. Кавказс. арміи. Отъ 20 мая 1877.

**) Муса-паша Кондуховъ бѣжалъ въ Эрзерумъ и умеръ отъ ранъ.

19 мая къ Сочи подошли два монитора и послѣ пяти-часовой бомбардировки спустили десантъ съ орудіями на пяти судахъ. Войска наши, расположенныя скрытно въ траншеяхъ, согласно заранѣе сдѣланнымъ указаніямъ, подпустили гребныя суда на 200 шаговъ къ берегу и только тогда окрыли огонь; немедленно были перебиты всѣ гребцы и рулевые и затѣмъ, находившійся на судахъ десантъ. Мониторы, подоспѣвъ на помощь, забрали баркасы и ушли къ Цицундѣ. Потеря наша: всего одинъ убитый. Бомбардированіемъ повреждены всѣ зданія и церковь.

Генералъ Ламакинъ доносилъ, что 12 мая подъ Кизылъ-Арватомъ *) отрядъ его былъ атакованъ партіей до 6000 Текинцевъ, послѣ четырехъ-часоваго боя Текинцы понесли огромныя потери и бѣжали. Войска наши потеряли одного убитымъ и одиннадцать чел. ранено. Послѣ того начали являться съ покорностью ханы и старшины и съ 15 мая въ отрядѣ все было благополучно.

Послѣ выше сказанной депеши въ отрядѣ подъ Карсомъ, въ Эрзерумскомъ и Ардаганскомъ, не произошло ничего важнаго послѣ кавалерійскаго дѣла 18 мая.

Генералъ Девель производилъ удачныя рекогносцировки у Карса, обложеніе котораго въ то время было почти окончено, такъ что вскорѣ можно было ждать штурма.

Генералъ Оклобжіо занялъ 18 числа Кабулеты (близь поста св. Николая) и взялъ въ плѣнъ 600 Турокъ. 19 мая генералъ-маіоръ Духовской производилъ съ кавалеріей рекогносцировку чрезъ Суло-Котаплы, Кирляхъ и Катарлы и воротился въ Карсъ-чай, гдѣ стоятъ лагеремъ наши главныя силы и куда въ то время ожидали Е. Выс. Главнокомандующаго. Большимъ движеніямъ препятствовали дожди. Въ это время турецкія силы занимали слѣдующія позиціи въ азіатской Турціи: лѣвое крыло, гдѣ главныя силы его находятся въ Ольти, а отрядъ былъ выдвинутъ къ Ардагану для защиты лѣваго крыла; центръ и главная квартира въ Саганлыгѣ; правое крыло —авангардъ въ Топраколе, а главныя силы расположены эшелонами **) отъ Гарфана чрезъ Гулепту, до Дали-Бабы.

Положеніе Эрзерума, какъ писали въ свое время въ *Daily-Telegraph* и *Ind Belge»*—критическое. Тоже писали и о Карсѣ.

Голодъ, болѣзни и упадокъ духа въ этихъ городахъ въ то время достигли крайней степени. Они оба, вѣроятно, долго не продержатся, даже въ самомъ Константинополѣ считаютъ ихъ потерянными; а между тѣмъ, по заключенію безпристрастныхъ корреспондентовъ, потеря эта будетъ пагубна для Турокъ въ Азіи.

По послѣднимъ извѣстіямъ того времени наши войска находились уже на разстояніи 6 часовъ пути отъ Эрзерума. Очевидно, что для этого имъ нужно было бы пройти чрезъ Саганлыгъ.

Константинопольская политика того времени быстрыми, обдуманными дѣйствіями нашей Кавказской арміи будучи поставлена въ тупикъ, только и надѣялась что на возстаніе кавказскихъ горцевъ. Но и эта надежда стала плоха.

---

*) Находится эта мѣстность на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря.

**) Уступами расположенныя части арміи.

Читатель можетъ самъ видѣть, насколько успѣшно обдуманы дѣйствія нашихъ военныхъ силъ: Въ Черноморскомъ округѣ полковникъ Шелковниковъ, находящійся теперь въ Туапсѣ, занятъ препятствованіемъ высадкѣ Черкесовъ.

Отрядъ генерала Кравченко, бывшій въ послѣднее время на р. Кадорѣ, переправился 16 числа чрезъ Багадскій мостъ. Послѣдніе два дня *) онъ имѣлъ постоянныя незначительныя стычки съ непріятелемъ.

18-го мая сотня Эйскаго казачьяго полка и двѣ сотни Кутаисской дружины, отряженныя генераломъ Алхазовымъ на низовья р. Кадоры, имѣли очень жаркое дѣло съ непріятелемъ. Убитъ командиръ дружины Микаладзе и 13 нижнихъ чиновъ, ранено 3 офицера и 22 нижнихъ чиновъ.

Непріятель отступилъ, но отрядъ былъ слишкомъ утомленъ и не преслѣдовалъ его. Волненіе въ Салатавіи подавлено и Салатавцы являются съ повинною.

Изъ помѣщенной выше телеграммы мы видѣли, что 20 мая къ Сочи подходили 2 броненосца, бомбардированіемъ повредили городъ, но отступили. Вообще Турки напрасно тѣшили себя, какъ видимъ изъ послѣдствій, успѣхами побѣдъ въ азіатской Турціи и вліяніемъ своихъ имамовъ и улемовъ на Кавказскихъ горцевъ —Все оказывается пустяками, бредомъ человѣка, находящагося подъ вліяніемъ агоніи. Припомнимъ только, что въ 1854 году не съ 10 ю а съ 50 тысячною арміею, высадился въ Сухумъ-Кале Омеръ паша и—однако-же въ результатѣ, его высадка оказалась никуда негодною и дорого стоющею военною операціею. Вотъ чѣмъ можно пояснить довольно мѣтко и вѣрно неудобства высадки военныхъ транспортовъ на восточный берегъ Чернаго моря.

Восточный берегъ Чернаго моря—почти пустыня, лежащая у подножія кавказскихъ горныхъ цѣпей. Завоевать эту пустыню, снабженную ничтожными гарнизонами, было бы пожалуй и легко, но преодолѣть естественныя препятствія, представляемыя горами – невозможно. Что-же касается до возмущенія Черкесовъ, то это препятствіе оказалось сравнительно ничтожно.

Прибытіе въ Браиловъ перваго русскаго отряда. Первые успѣхи на Дунаѣ.

14 апрѣля **) утромъ, подъ начальствомъ адъютанта Главнокомандующаго, полковника Струкова, прибылъ изъ Борбаша въ Браиловъ первый русскій отрядъ, состоявшій изъ двухъ ротъ Селезгинскаго полка и двухъ сотенъ донскихъ казаковъ. Назначеніе этого отряда состояло въ томъ, чтобы занять станцію желѣзной дороги, обезпечить исправное состояніе полотна между Барбошемъ и Браиловымъ, наблюдать за берегомъ Дуная и собирать какъ можно болѣе вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и его намѣреніяхъ. Не смотря на быстрый походъ, сдѣланный съ 12-го по 14 апрѣля съ русской границы до Браилова, отрядъ проникъ на послѣдній пунктъ въ образцовомъ порядкѣ.

---

*) 17 и 18 мая 1877 г.—**) 1877 г. Прав. Вѣстн. № 100.

Въ первые же часы по прибытіи на мѣсто, по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что на противуположномъ берегу Дуная находится въ Мачинѣ до 1700 человѣкъ и въ Гечетѣ, прибрежной деревнѣ, лежащей противъ Браилова —200 человѣкъ турецкаго войска.

Апрѣля 20 прибыла въ Браиловъ 1-я бригада 11 пѣхоти. дивизіи съ пятою батареею подъ начальствомъ генералъ-маіора Салова, который тотчасъ-же и принялъ главное начальство надъ всѣмъ Браиловскимъ отрядомъ.

21 числа полковникъ Струковъ доложилъ генералу Салову, что два турецкіе монитора, ближе, чѣмъ до сего раза, вышли на фарватеръ и разводятъ пары, а потому весьма можетъ случиться, что они попытаются прорваться въ Галацъ, гдѣ въ то время производились еще на берегу весьма для насъ важныя инженерныя работы.

Получивъ эти свѣдѣнія генералъ Саловъ тотчасъ распорядился, чтобы на берегъ прибыли два орудія пятой баттареи, что и было исполнено въ самомъ скоромъ времени. Орудія эти были поставлены на возвышенномъ берегу противъ Гечета. Мониторы конечно не могли опасаться 4-хъ фунтовыхъ полевыхъ орудій и потому продолжали стоять на своемъ мѣстѣ, не обращая на наши пушки никакого вниманія.

Было уже около $10^1/_4$ часовъ утра, когда прибыли на берегъ генералъ Саловъ и полковникъ Струковъ Осмотрѣвъ предварительно мѣстность и взвѣсивъ разстояніе отъ нашего берега до борта противника, генералъ приказалъ зарядить орудія.

Всякая рѣшимость въ военномъ дѣлѣ, какъ извѣстно по тысячелѣтнимъ историческимъ опытамъ, есть великая вещь и первый залогъ успѣха.

Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ присутствовавшіе на берегу сняли шапки и перекрестились; вслѣдъ за этимъ изъ устъ молодаго офицера раздалась извѣстная артиллерійская команда: «*первое* *)!» Тотчасъ же звучно грянулъ первый выстрѣлъ—притомъ, *первый боевой выстрѣлъ въ эту компанію* и положилъ собою начало военныхъ дѣйствій, начавшихся за минуту до него всеобщимъ крестнымъ знаменіемъ, призывавшимъ на русскій починъ святой войны благословеніе Божіе. Этотъ починъ былъ знаменателенъ тѣмъ, что всѣ наши, отъ высшаго начальника до послѣдняго солдата, хорошо и глубоко знали, каждый въ своемъ сердцѣ, за что и за кого они начинаютъ драться. Выпущенный снарядъ далъ нѣкоторый перелетъ и упалъ въ воду за первымъ мониторомъ; второй мониторъ стоялъ сзади перваго въ небольшомъ разстояніи.

Непрошло и минуты, какъ забѣлѣлъ на рѣкѣ клубъ дыма и тотчасъ же съ визгомъ пролетѣлъ снарядъ надъ головами артиллеристовъ и легъ за батареею, но не разорвался. Вслѣдъ за первымъ, такъ называемымъ «привѣтственнымъ» обмѣномъ выстрѣловъ началась канонада,

Наши артиллеристы по третьему заряду окончили уже пристрѣлку, нашли

*) Значитъ „первое орудіе стрѣляй.“

достодолжный уголъ возвышенія *) и снаряды стали мѣтко попадать въ бортъ броненосца и падать на его полубу. Разумѣется легкій полевой снарядъ отскакивалъ отъ толстой стальной брони, но разрываясь, все-таки причинялъ непріятелю вредъ своими осколками. Турецкіе же снаряды ложились вправо и влѣво отъ баттарей, или же рвались, не долетая до нашихъ орудій и, къ счастью, не наносили никакого вреда ни пушкамъ, ни прислугѣ; это только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что два полевыя орудія представляли собою для мониторовъ съ ихъ разстоянія цѣль слишкомъ малыхъ размѣровъ. Спустя нѣсколько времени къ нашимъ орудіямъ было прибавлено еще два той же батареи, и такимъ образомъ противъ полеваго дивизіона монитора вели канонаду въ теченіи полутора часа, съ половины одиннадцатаго до полудня. Въ продолженіи этого времени снаряды дивизіона 5-ой баттареи были настолько мѣтки, что на первомъ мониторѣ успѣли совершенно сбить трубу и испортить руль, а на второмъ отъ нашего огня загорѣлась полуба. Вслѣдствіе этихъ пораженій второй мониторъ вскорѣ скрылся за островомъ, уйдя въ Мачинскій рукавъ Дуная, а первый, не умѣя управиться безъ руля, поспѣшилъ причалить къ берегу и сталъ поспѣшно выпускать пары. Тогда второй, какъ менѣе пострадавшій, приблизясь къ товарищу, перебросилъ къ нему канатъ и съ помощію этого приспособленія отбуксировалъ его назадъ на порядочное разстояніе. Сдѣлавъ на пути нѣсколько выстрѣловъ по нашимъ орудіямъ, оба броненосца совсѣмъ уже отретировались къ Мачину, откуда они— какъ говорятъ Болгары и Русскіе, пробиравшіеся къ намъ иногда съ того берега въ своихъ утлыхъ рыбачьихъ *душегубкахъ*, будто-бы отправлены въ Рущукъ для необходимыхъ починокъ и исправленій въ существенныхъ частяхъ своей конструкціи.

Во время этой канонады по дунайскимъ отмелямъ были разсыпаны стрѣлки селенгинскаго и охотскаго полковъ, которые стрѣляли по людямъ на мониторахъ и отвѣчали на огонь изъ Гечета, а также и по турецкимъ стрѣлкамъ, находившимся въ это время въ рукавѣ на шлюпкахъ. Во время этого дѣла, на нашей сторонѣ раненъ былъ одинъ Болгаринъ, стоявшій вблизи стрѣлковъ, прострѣлена шинель у одного казака, а у другаго пуля ударилась въ шашку и наконецъ убитъ былъ на берегу одинъ изъ мирныхъ жителей Браилова.

Въ результатѣ этаго дѣла было однако то, что съ этого дня **) мониторы уже не выходили болѣе напротивъ Гечета, ни на главный фарватеръ рѣки, а держались въ отдаленіи.

Въ это время, какъ уже было ранѣе того сказано ***), у насъ строились береговыя батареи для орудій большаго калибра; команды, наряжаемыя отъ пѣхотныхъ частей, при помощи 7-го саперваго баталіона въ два дня возвели прекрасныя земляныя постройки, удовлетворяющія всѣмъ требованіемъ полевой фортификаціи.

---

*) Когда стрѣляютъ изъ пушекъ, то устье пушекъ болѣе или менѣе подпимаютъ, чтобы достигнуть цѣли. Чѣмъ цѣль выстрѣла далѣе, тѣмъ жерло пушки поднимаютъ выше.

) 21 Апрѣля.—*) Стр. 00.

27 апрѣля, въ 2 часа дня, большой трехмачтовый корветъ показался на главномъ фарватерѣ и, подойдя на должное разстояніе, далъ первый выстрѣлъ по нашей баттареѣ. Это было въ 2 часа 35 минутъ, какъ разъ въ то время, когда подходилъ изъ Галаца желѣзно-дорожный поѣздъ, на которомъ слѣдовалъ Великій Князь Главнокомандующій, для осмотра браиловской позиціи. Всѣ начальники частей находились на дебаркадерѣ для встрѣчи Его Высочества, когда раздался этотъ первый выстрѣлъ; за нимъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени послѣдовалъ второй, очевидно направленный въ поѣздъ, но давшій перелетъ надъ вагонами, а по третьему выстрѣлу снарядъ большаго калибра упалъ въ двадцати саженяхъ отъ станціи. Генералъ Салювъ совсѣмъ русскимъ отрядомъ, долженствовавшимъ оставаться для пріема Его Высочества, поручилъ полковнику Струкову отправиться къ баттареямъ и временно принять начальство надъ берегомъ и войсками.

Въ то время на батареѣ противъ Гечета у насъ еще продолжались работы и 800 человѣкъ были заняты ими. Полевая артиллерія, въ числѣ одной четырехфунтовой батареи, стояла на берегу для прикрытія; межь тѣмъ бомбардировка съ корвета не прекращалась; снаряды падали на насыпаемую баттарею и вокругъ оной, и такъ продолжалось около полутора часа.

Полковникъ Струковъ, постоянно переводя воинскія части съ мѣста на мѣсто, тѣмъ самымъ предохранилъ ихъ отъ дѣйствія турецкихъ снарядовъ, которые пускались со стороны Турокъ на удачу, не имѣя предъ собою опредѣленной цѣли, да исключеніемъ, конечно, строющейся батареи.

Его Высочество Главнокомандующій этимъ временемъ изволилъ объѣзжать возстроизводимыя нами инженерныя сооруженія и въ $3^1/_2$ по полудни поѣхалъ на баттарею № 3-й, гдѣ приказалъ, что-бы наши легкія орудія не отвѣчали на выстрѣлы корвета, такъ какъ ихъ дѣйствіе не могло достичь никакой существенной цѣли при данномъ разстояніи, а между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе бомбардировки весьма легко могло бы причинить чувствительный вредъ городу, куда и безъ него попали три бомбы, къ счастію, безъ печальныхъ для жителей послѣдствій.

28 апрѣля были вооружены двѣ наши батареи, *мортирная*, предназначенная для продольнаго обстрѣливанія Мачинскаго рукава и баттарея № 3 передъ городомъ, для дѣйствія изъ 24 фунтовыхъ орудій противъ Гечета и его окрестностей.

Въ тотъ-же день утромъ приказано было открыть съ этихъ батарей пробную пальбу для пристрѣлки, а также и съ цѣлью отодвинуть подалѣе мониторы, дабы прикрыть подошедшій къ Браилову нашъ пароходъ съ четырьмя винтовыми шлюпками, которыя въ этотъ день, на глазахъ у непріятеля, съ двѣнадцати до трехъ часовъ по полудни, благополучно успѣли погрузить передъ Браиловымъ минныя загражденія. Вмѣстѣ съ симъ, такъ какъ Гечетъ представляетъ собою для непріятеля весьма удобный пунктъ закрытія, вызваны были охотники, съ тѣмъ, чтобы въ рыбачьихъ лодкахъ переплыть на ту сторону. Охотники тотчасъ же явились, даже въ числѣ превышавшемъ потребность—и от-

правлены по назначенію. Выплывъ на середину рѣки, они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ за Гечетскихъ окоповъ и изъ оконъ домовъ этого селенія, при чемъ у насъ раненъ въ ногу одинъ рядовой. Чтобы не подвергать людей напраснымъ потерямъ, такъ какъ силы непріятеля въ Гечетѣ оказались болѣе того, сколько ихъ предполагалось, охотникамъ велѣно было остановиться и избрать другую цѣль ниже Гечета съ тѣмъ, чтобы уничтожить всѣ сторожевые кордонные домики Турокъ на пространствѣ противъ Браилова и Галаца, что и было ими исполнено въ точности: помянутые сторожевые пункты въ тотъ же день сожжены всѣ до единаго.

29 апрѣля должна была производиться вторая накладка минъ, а потому полковнику Струкову приказано было сдѣлать высадку въ Гечетъ и выбить оттуда Турокъ, если бы они тамъ оказались, для того чтобы лишить ихъ возможности мѣшать погрузкѣ загражденій. Въ полдень нашъ пароходъ пришелъ въ Браиловъ, стрѣляя по турецкимъ, которые съ своей стороны не отвѣтили ему ни однимъ выстрѣломъ. Поджидали другой пароходъ, чтобы совмѣстно съ первымъ прикрыть работы винтовыхъ шлюпокъ въ линіи загражденій. Въ это время, во 2 часу дня, въ виду Браилова опять появился трехъ-мачтовый броненосный корветъ, тотъ самый, что бомбардировалъ наши инженерныя работы и городъ 27-го числа въ день пріѣзда Его Высочества. Около этого большаго судна расхаживали взадъ и впередъ два другіе броненосца меньшихъ размѣровъ. Въ исходѣ втораго часа вблизи ихъ появилось новое судно, дотолѣ еще незамѣченное русскими въ водахъ Мачинскаго рукава: длинное, бѣлое, оно походило болѣе на пассажирскій пароходъ, чѣмъ на военное судно. Пароходъ этотъ вскорѣ спустилъ шлюпку, которая подошла къ большому корвету и на этомъ послѣднемъ въ туже минуту былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ послѣдствіи, оказалось, будто шлюпка съ парохода доставила на корветъ адмирала Булекъ пашу, который, впрочемъ, какъ извѣстно, не остался на корветѣ, а перебрался съ него на другое судно, минутъ за десять до извѣстной катастрофы. Тѣмъ не менѣе адмиральскій флагъ оставался на мачтѣ. Между тѣмъ корветъ, совмѣстно съ остальными турецкими судами, занялъ въ Мачинскомъ рукавѣ боевую позицію съ видимымъ намѣреніемъ начать бомбардировку, но огня еще не открывалъ. Разстояніе отъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій до корвета равнялось 1700 саженяхъ (около $3^1/_2$ верстъ) или нѣсколько болѣе. Въ бинокль ясно виднѣлись на немъ обращенныя къ намъ орудія, но экипажа на палубѣ не было. Нашимъ баттареямъ, мортирной и № 3 приказано было открыть огонь.

Мортирная дала нѣсколько выстрѣловъ, не долетѣвшихъ до цѣли; баттарея № 3 взяла хорошее направленіе: ея снаряды совсѣмъ близко ложились отъ корвета, но пока еще не задѣвали его; а онъ межъ тѣмъ продолжалъ сохранять положеніе молча.

Всѣ досадовали..... Пальба продолжалась; но слѣдя въ подзорную трубу съ высоты втораго этажа ближней казармы за полетомъ снарядовъ, наблюдавшіе

офицеры видѣли только, какъ чрезъ десять секундъ послѣ каждаго выстрѣла около корвета вставалъ и разсыпался серебряными брызгами столбъ водяной пыли.

Выпущено было до тридцати снарядовъ и уже хотѣли было прекратить пальбу, тѣмъ болѣе, что Турки не отвѣчали, какъ вдругъ, въ 2 часа и 10 минутъ по полудни, въ одно и тоже мгновеніе съ двухъ различныхъ баттарей разомъ грянули два выстрѣла. Эта одномгновенность была дѣло полной, но замѣчательной случайности. Офицеры внимательно слѣдили за полетомъ снарядовъ.... Прошло десять секундъ и на водѣ нѣтъ брызговъ....

Вдругъ весь корветъ закрылся дымомъ, сквозь который, какъ молнія, пробился темный багровый огонь.

Нѣкоторые изъ нашихъ подумали сначала что это непріятель далъ залпъ по нашимъ баттареямъ изо всѣхъ орудій; но чрезъ двѣ, три секунды раздался ужасный громоподобный трескъ, отдавшійся даже на нашемъ берегу сильнымъ потрясеніемъ воздуха и громадный столбъ изъ нѣсколькихъ заплетшихся языковъ огня и чернаго густаго дыма, съ глухимъ гуломъ, взвился къ небу сажень на сорокъ въ высоту и сталъ надъ корветомъ.... Въ бинокли видно было, какъ летѣли вверхъ двѣ мачты, доски, бревна и разныя осколки; замѣтны были даже и люди, падавшіе сверху внизъ, которые, по словамъ очевидцевъ, казались имъ издали словно червячки или рой черныхъ мухъ.

Мертвое молчаніе воцарилось въ этотъ моментъ на нашихъ баттареяхъ и въ войскахъ стоявшихъ на берегу *). Поражающій смыслъ трагическаго факта былъ ясенъ, но неожиданность его невольно ошеломила каждаго въ первую минуту. За то какое же «ура!» понеслось съ нашего берега вдоль и вширь по Дунаю, когда прошла эта первая минута! Турки на своихъ мониторахъ даже и за четыре версты хорошо могли слышать этотъ радостный, долгій кликъ русскаго солдата, въ то время когда вѣтеръ тихо разносилъ тучку дыма надъ мѣстомъ только-что совершившейся катастрофы.

Когда этотъ дымъ только, что разсѣялся на столько, что можно было коечто видѣть, отъ грознаго броненосца остался лишь единственный слѣдъ на гладкой поверхности Дуная: надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пошелъ онъ ко дну, торчала изъ воды одна только мачта съ висящимъ на ней вице-адмиральскимъ флагомъ.

Толпы зрителей, стоявшія на берегу рядомъ съ войсками, какъ то: браиловскіе жители, Болгары, Румыны, Греки, Армяне, Русскіе выходцы—всѣ они, ликуя, бросились другъ къ другу съ поздравленіями... Живѣйшая радость и восторгъ сіяли на всѣхъ лицахъ.

Первая мысль, первое движеніе чувства послѣ минутъ, невольно отданныхъ торжеству побѣды была—забота объ участи погибавшихъ матросовъ взорваннаго судна.

---

*) Моментъ взрыва представленъ на приложенномъ рисункѣ. Если мы повторяетъ этотъ разсказъ, то потому, что встрѣчаемъ нѣкоторыя подробности, упущенныяв предъидущемъ описаніи.

Испросивъ разрѣшеніе генерала Салова, полковникъ Струковъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля, гвардейскаго экипажа лейтенантъ Дубасовъ, есаулъ Дукмасовъ и еще нѣсколько морскихъ офицеровъ бросились на три паровыя шлюпки и на всѣхъ парахъ пустились къ мѣсту катастрофы.

Первою шла шлюпка «Олафъ» съ лейтенантомъ Дубасовымъ и Дукмасовымъ; въ 150 саженяхъ отъ него шелъ лейтенантъ Черноморскаго флота Шестаковъ, а въ третьей шлюбкѣ на такомъ же разстояніи плыли гг. Струковъ, Рогуля, Персинъ и другіе. Всѣ они, держа направленіе къ Гечету, обогнули затопленный островъ и войдя въ Мачинскій рукавъ прослѣдовали мимо гечетскихъ окоповъ, за которыми видна была турецкая пѣхота, не давшая однако по шлюпкамъ ни одного выстрѣла; какъ видно паника Турокъ была слишкомъ велика и они не успѣли еще придти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія взрыва. Пѣхотинцы эти молчали, неподвижно смотрѣли на плывущія мимо ихъ лодки, на которыхъ не развѣвалось даже бѣлаго парламентерскаго флага, такъ какъ за спѣшностью отхода шлюпокъ его неуспѣли захватить съ собою.

Наконецъ наши пришли на мѣсто гибели корвета. Но тамъ, за исключеніемъ мачты, торчавшей изъ воды не было уже ни малѣйшаго слѣда только что совершившихся ужасовъ.

Тихо и плавно текла спокойная рѣка и кротко сіяло надъ нею весеннее солнце, какъ будто ровно ничего не случилось, какъ будто и здѣсь не погибло, сейчасъ, въ одно мгновеніе, болѣе двухсотъ человѣческихъ жизней.... Нигдѣ вокругъ—ни однаго трупа, ни однаго обломка, все исчезло безслѣдно на днѣ Дуная. Турецкіе мониторы были совсѣмъ на виду; отъ нашихъ шлюпокъ оставалось до нихъ не болѣе трехъ кабельтовъ *); но мониторы, также точно какъ турецкая пѣхота, и не подумали дать по своимъ врагамъ ни одного выстрѣла, равно какъ ранѣе нашего прибытія не подумали и о томъ, чтобы опустить шлюпки на помощь утопавшимъ товарищамъ.

Лейтенантъ Дубасовъ подплылъ къ мачтѣ и снялъ съ нея флагъ, доставшійся намъ единственнымъ, но достойнымъ трофеемъ побѣды. Всѣ поиски нашихъ шлюпокъ остались тщетными. Онѣ уже возвращались назадъ, когда съ гечетскаго берега донесся слабый страдальческій стонъ. Тотчасъ же наши причалили къ берегу и высадились изъ одной шлюпки. Здѣсь на берегу нашли матеріалы для телеграфа, который Турки намѣревались проводить въ этомъ мѣстѣ; часть проволоки и фарфоровыя болванки забрали съ собою, а часть потопили; затѣмъ, продолжая поиски, услышали снова тотъ же стонъ и вскорѣ наткнулись въ невысокихъ камышахъ на лежавшаго Турка **). Руки и ноги его были страшно обожжены и опалено все платье. Его подняли и перенесли въ лодку. Сначала онъ былъ ужасно испуганъ, весь дрожалъ и онѣмѣлъ отъ страха; но его тотчасъ же постарались успокоить ласковымъ обращеніемъ и несчастный

*) Кабельтовъ—морское измѣреніе длины, равное 100 саженямъ.

**) Предъупреждаемъ читателя, что актъ событія былъ изложенъ ранѣе, но не въ тѣхъ варіантахъ.

мало по малу пришелъ въ себя, и пріободрился на столько, что по доставкѣ его въ браиловскій военно-временный госпиталь могъ отвѣчать на вопросы. Оказалось, что весь страхъ его происходилъ отъ того, что турецкое начальство распространило между матросами и солдатами убѣжденіе, будто русскіе всѣхъ своихъ плѣнныхъ тотчасъ же сажаютъ по турецки на колъ, и онъ думалъ, что таже участь неизбѣжно предстоитъ и ему; но когда увидѣлъ на дѣлѣ столь заботливый уходъ за собою и такое человѣческое обращеніе, то начиная уже поправляться, съ искреннимъ чувствомъ сознался, на сколько всѣ его собратья заблуждаются въ «Московѣ» и сказалъ что впередъ уже не только самъ не пойдетъ, но и дѣтямъ и роднымъ и всему дальнѣйшему своему будущему потомству закажетъ воевать противъ *«Москова.»*

Отъ этого плѣнника узнали, что взорванный корветъ назывался «Лютфи-Джелиль», что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «подъ милостью Божіей».*) Судно состояло подъ командою Негибъ-бея, на корветѣ было пять пушекъ, изъ коихъ двaорудія 9-ти дюймовыя, два 90 фунтовыя, и одно орудіе въ 40 фунтовъ; все судно по длинѣ равнялось 222 футамъ (около 32 сажень) и машина въ 200 силъ при ходѣ въ 12 узловъ въ часъ.

Когда шлюпки наши подплыли къ Браилову, на берегу ихъ встрѣтила громкая овація жителей, вполнѣ убѣжденныхъ, что отнынѣ Турки, не осмѣлятся уже бомбардировать ихъ городъ, а при видѣ поднятаго вице-адмиральскаго флага, къ оваціямъ народа присоединились и клики русскаго войска.

Всѣ были еще болѣе довольны тѣмъ, что наказанъ тотъ самый броненосецъ, который пускалъ снаряды по поѣзду Великаго Князя.

Тутъ же на берегу между нѣсколькими гражданами было собрано одиннадцать червонцевъ въ пользу наводчиковъ, которые представлены генералу Салову съ просьбою передать ихъ молодцамъ наводчикамъ; явилась депутація отъ города, благодарить русскія войска въ лицѣ ихъ генерала и всѣхъ офицеровъ, и просить послѣднихъ къ обѣду, приготовленному въ честь ихъ въ городскомъ клубѣ. Съ этого дня русское имя, и прежде стоявшее здѣсь столь высоко, стало произноситься съ полнымъ уваженіемъ. Болгаре ободрились.

Краткая біографія первыхъ георгіевскихъ кавалеровъ Русско-Турецкой войны 1877 года.

Славнымъ результатомъ этого дня мы обязаны четыремъ русскимъ воинамъ: командиру батареи № 9-го осадной артиллеріи, поручику *Самойло*, урожденцу Смоленской губерніи, только въ 1875 г. выпущенному изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, подпоручику 7-го сапернаго батальона *Романову*, состоящему при мортирной батареѣ для инженерныхъ работъ и помогавшему коман-

*) Правит. Вѣст. № 109.

дпру оной занепмѣніемъ другаго артиллерійскаго офицера и двумъ наводчикамъ— строеваго отдѣла осадной артиллеріи рядовымъ: Роману Давыдюку и Ивану Помпарю. Первый изъ нихъ подъ наблюденіемъ поручика Самойло, наводилъ 24 фунтовое орудіе, а второй—мортиру подъ руководствомъ подпоручика Романова.

Встрѣча извѣстія о взрывѣ броненосца.

Когда въ Кишеневѣ, часовъ около $7^1/_2$ вечера, получено было Главнокомандующимъ первая вѣсть о взрывѣ броненосца, отправленная по телеграфу тотчасъ же послѣ произшествія, Его Высочество вышелъ изъ кабинета въ пріемную залу, гдѣ оставалось еще послѣ обѣда нѣсколько лицъ главной квартиры, и воскликнувъ: «слушай ребята!» прочелъ телеграмму. *)

Громкое и единодушное «ура.» тотчасъ же огласило весь домъ Великаго Князя и чрезъ минуту было подхвачено на бульварѣ, гдѣ въ бытность В. Кн. постоянно толпился народъ, а не болѣе, какъ чрезъ четверть часа, радостное извѣстіе распространилось по всему городу.

Его Высочество тотчасъ же отправилъ къ командиру 11-го корпуса, князю Шаховскому, слѣдующую отвѣтную телеграмму:

«Отъ всей души поздравляю тебя и войска съ славнымъ результатомъ стрѣльбы нашей артиллеріи. Прикажи объявить наводчику, который вѣрнымъ выстрѣломъ взорвалъ броненосецъ, что я его жалую знакомъ военнаго ордена. Пришли мнѣ его имя и фамилію и фамилію офицера, который командовалъ орудіями, Объявить артиллерійстамъ мое большое спасибо!»

Въ тотъ день еще не было извѣстно подробности дѣла и потому въ Кишиневѣ основываясь на краткомъ извѣщеніи князя Шаховскаго, не знали еще что по монитору сдѣланы были одновременно два выстрѣла. Когда же выяснились всѣ подробности, то оставалось рѣшить: которому изъ двухъ выстрѣловъ принадлежитъ честь взрыва? Фактъ приказалъ что прицѣлъ 24 фунтоваго орудія представлялъ возвышенія $15^0\ 3^1/_2'$, а мортиры=возвышенія 45^0 и отклоненія $25'$. Такъ какъ бомбы въ этотъ день на данномъ разстояніи долетали 10-ю секундами позже снарядовъ 24 фунтовыхъ орудій, и такъ какъ наблюдавшіе офицеры отъ момента обоихъ выстрѣловъ до момента взрыва положительно по видѣли водянаго столба, то есть полное основаніе думать, что выстрѣлъ 24 фунтоваго орудія попалъ въ свою цѣль и вѣроятно нанесъ судну весьма существенное потрясеніе въ его скелетѣ и обшивкѣ, что называется расхлябалъ его; а такъ какъ пробить настолько палубу, чтобы произвести взрывъ крюйтъ-камеры **) могъ только снарядъ, пущенный навѣсно, то ясно, что мортирный выстрѣлъ довершилъ дѣло начатое 24 фунтовымъ орудіемъ.

---

*) Телеграмма о которой упоминается была уже помѣщена на страницѣ 59.

**) Помѣщеніе на кораблѣ, гдѣ хранится порохъ, патроны и др. воспламен. вещества.

На этомъ основаніи пожалованы знаками военнаго ордена оба наводчика и оба офицера были немедленно представлены къ Высочайшимъ наградамъ: поручикъ Самойло къ ордену Св. Владиміра съ мечами, а подпоручикъ Романовъ—Св. Анны 3 ст. съ мечами же. Всѣ прочія свѣдѣнія уже извѣстны читателямъ.

Военныя подготовленія въ Браиловѣ. *)

Работы въ Браиловѣ въ то время были самыя горячія и днемъ и ночью; мониторы, бомбардировки, наблюденіе за Гечетомъ, за берегами, за судами, постройки батарей, минныя загражденія, производимыя почти подъ выстрѣлами, и прочее, все это дѣлало главный пунктъ слишкомъ интереснымъ.

Здѣсь въ то время, почти всѣ ложились спать въ два, три часа ночи, а въ 6 часовъ утра снова были на ногахъ и работали съ увлеченіемъ въ полномъ сознаніи долга.

До 1800 человѣкъ ежедневно работали съ заступами и кирками на баттареяхъ а при этомъ еще постоянные караулы на берегу, въ порту **), на судахъ, разъѣзды на берегу, наблюдательныя экспедиціи къ Гечету и въ другіе пункты, и все это исполнялось хорошо и отчетливо.

Загражденія уже вполнѣ окончены и бывшіе на этихъ работахъ утверждаютъ, что съ Мачинскаго рукава нашихъ береговыхъ батарей и не замѣтно. Было приказано вырубить лѣсъ на затопленномъ островѣ, но потомъ приказаніе было отмѣнено, потому что деревья мѣшали броненосцамъ хорошо насъ видѣть.

Турки съ 29 числа апрѣля не предприняли противъ насъ ничего новаго. Въ тотъ же день было сдѣлано въ Браиловѣ распоряженіе о высылкѣ изъ города на противуположный берегъ всѣхъ Турокъ, безъ всякаго дѣла оставшихся еще въ порту, отъ рѣчныхъ судовъ и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, такъ какъ были основанія предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ безгрѣшны въ передачѣ нашимъ противникамъ кой какихъ свѣдѣній, между прочимъ и о часѣ ожидавшагося прибытія въ Браиловѣ Великаго Князя, чѣмъ только и можетъ быть объяснено то обстоятельство, что корветъ нидо, ни послѣ того дня не стрѣлявшій по желѣзнодорожнымъ поѣздамъ, вдругъ открылъ огонь именно въ одинъ только этотъ разъ по поѣзду Его Высочества. Всѣхъ Турокъ набралось въ Браиловѣ 35 человѣкъ. 30-го апрѣля они были переправлены въ нѣсколькихъ лодкахъ на турецкій берегъ. Въ эту экспедицію вызвались охотниками двѣнадцать Болгаръ и одинъ русскій офицеръ.

Отправляемые Турки заранѣе были предъувѣдомлены, что если ихъ соотечественники въ Гечетѣ вздумаютъ, по ихъ знаку, оказать противъ перевозчиковъ-Болгаръ какое-либо враждебное дѣйствіе, то вооруженные Болгары, непричаливая къ берегу, привезутъ ихъ обратно въ Браиловъ и тотчасъ съ ними немедленно

---

*) См. Прав. Вѣстн. № 109, 1877 г.

**) Портъ—заливъ, куда пристаютъ корабли въ защиту отъ бурь.

будетъ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ; а если-бы послѣ высадки, свои незахотѣли ихъ принять, то отправляемымъ предложено было подать съ того берега извѣстный условный знакъ и тогда за ними были-бы высланы военныя шлюпки, чтобы взять ихъ обратно, но съ тѣмъ, что въ Браиловѣ они уже не останутся ни въ какомъ случаѣ.

Турки благодарили Браиловцевъ за то, что, не смотря на военное время, имъ непричинили никакого вреда, никакой обиды, а по доставкѣ ихъ на тотъ берегъ бросились цѣловать руки въ знакъ благодарности отвозившему ихъ офицеру, такъ какъ они были убѣждены, что русскіе и болгаре, подъ предлогомъ высылки, хотѣли перетопить ихъ па срединѣ Дуная.

Генералъ Гейманъ.

Біографія. *)

Покойный Василій Александровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, благодаря своимъ боевымъ достоинствамъ, выдвинулись впередъ изъ рядовъ арміи и взяли съ бою блестящую служебную карьеру.

Сынъ небогатыхъ родителей, молодой Гейманъ, получивъ образованіе въ Гродненской губернской гимназіи, поступилъ на службу въ 1839 г. унтеръ-офицеромъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ, затѣмъ былъ переведенъ въ Кавказскій линейный № 4 батальонъ, а въ 1844 г. произведенъ за выслугу лѣтъ въ прапорщики съ прикомандированіемъ къ Кабардинскому егерскому, нынѣ генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полку.

Начавъ свою боевую службу въ этомъ славномъ полку, В. А. Гейманъ съ тѣхъ поръ непокидалъ Кавказа, участвуя въ теченіи около 35 лѣтъ во всѣхъ наиболѣе выдающихся дѣлахъ этаго долгаго періода времени. Находясь все время въ строю, сначала субалтернъ-офицеромъ, затѣмъ ротнымъ командиромъ, а въ послѣдствіи начальникомъ стрѣлковъ, В. А. Гейманъ получилъ за отличіе всѣ чины, начиная съ подпоручичьяго и кромѣ того за боевые подвиги награжденъ орденами: св Владиміра 4 ст. св. Анны 4-й, 3-й и 2 ст., св. Станислава 2 степ. и золотою саблею съ надписью «за храбрость!»

Изъ продолжительной строевой службы, ознакомившей его вполнѣ со свойствами и нуждами солдата, Гейманъ вынесъ ту способность къ командованію, то умѣнье напрягать силы массъ до наивысшей степени, наконецъ ту рѣшительность, которыя впослѣдствіи столь ярко отмѣчали его боевыя дѣйствія. Произведенный въ 1861 г. въ полковники, ген Гейманъ тотчасъ-же былъ назначенъ командиромъ 75 Севастопольскаго полка и сталъ уже извѣстенъ на Кавказѣ, какъ выдающійся офицеръ, а въ 1864 году, за блестящее участіе въ покореніи западнаго Кавказа и занятіе морскаго берега отъ Псезуапе до р. Сочи, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степени.

*) Русскій Инвалидъ 1878 г.

Вскорѣ за тѣмъ генералъ-маіоръ Гейманъ былъ назначенъ помощникомъ начальника 21 пѣхотной дивизіи, впослѣдствіи начальникомъ Сухумскаго отдѣла, а въ 1872 г., произведенный въ генералъ-лейтенанты, получилъ въ команду 20-ю пѣхотную дивизію.

Въ теченіи этаго періода своей боевой службы Гейманъ два раза былъ раненъ: въ 1845 г. ружейною пулею въ лѣвое плечо и 1855 г. также ружейными пулями въ правый бокъ и въ правую руку на вылетъ.

Въ началѣ послѣдней описываемой войны генералъ Гейманъ, уже имѣвшій за собою почетную извѣстность, назначенъ былъ въ составъ дѣйствующаго на кавказско-турецкой границѣ корпуса. Послѣдняя боевая дѣятельность генерала Геймана слишкомъ свѣжа въ памяти у каждаго, слѣдившаго заходомъ компаніи, въ теченіи которой имя его такъ часто и съ такого славою повторялось въ реляціяхъ и официальныхъ донесеніяхъ. Съ открытіемъ компаніи генералъ Гейманъ въ составѣ дѣйствующаго корпуса былъ придвинутъ къ Карсу вмѣстѣ съ другими войсками, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими войсками во главѣ отдѣльнаго отряда, состоявшаго изъ частей Кавказской Гренадерской дивизіи, былъ направленъ къ Ардагану для совокупнаго дѣйствія съ колонной генерала Девеля, подошедшей къ тому же пункту со стороны Ахалцыха.

5 мая, (какъ мы видѣли), сильные верки Арадагана были взяты штурмомъ, прославившимъ имя генерала Геймана. Послѣ этаго отрядъ этотъ (какъ увидимъ), былъ присоединенъ къ главнымъ силамъ, расположеннымъ у Карса, а затѣмъ двинутъ на Сагаплугъ для совокупныхъ операцій съ отрядомъ генерала Тергукасова противъ корпуса Мухтара-паши.

13 іюня произошло сраженіе при Зивинѣ, въ которомъ всѣ усилія нашихъ храбрыхъ войскъ разбились о крѣпкія позиціи Турокъ, занятыя многочисленными войсками. Тѣмъ не менѣе вслѣдствіе этого упорнаго сраженія значительная часть войска анатолійскаго корпуса была отвлечена отъ отряда генерала Тергукасова, что дало возможность послѣднему благополучно отойти къ предѣламъ имперіи и освободить Баязетъ. Затѣмъ, во время расположенія войскъ Мухтаръ-паши на Аладжѣ, генералъ Гейманъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, здѣсь происходившихъ, а 3 октября 1877 г. блистательная аттака его на центръ непріятельской позиціи, у Авліара, содѣйствовали полному разгрому турецкихъ войскъ.

Послѣ вторичнаго обложенія Карса, вновь сформированная, сильная колонна генерала Геймана была двинута къ Эрзеруму и, быстро совершивъ трудный осенній походъ, разбила 23 октября войска Мухтара и Измаила-пашей на горахъ Деви-Буюна, а затѣмъ приступила къ обложенію Эрзерума. Наградами за совершенные генераломъ Гейманомъ въ теченіи войны подвиги были: Орденъ св. Георгія 2-й степени, золотая шпага украшенная брильянтами съ надписью «за храбрость» и пожизненная пенсія въ 5000 руб.

Подъ стѣнами Эрзерума закончилась боевая дѣятельность генерала Геймана, вышедшаго невредимымъ изъ многочисленныхъ и кровопролитныхъ боевъ пы-

нѣшней компаніи и затѣмъ безвременно сдѣлавшагося жертвою эпидеміи (тифа.)

Доблестное имя Геймана всегда имѣетъ право занять въ исторіи русско-кавказскихъ войнъ почетное мѣсто между кавказскими героями.

Дѣло идетъ успѣшно.

На берегу Дуная наконецъ почти окончены были приготовленія къ наступательному движенію нашихъ войскъ. Ожидалось только одного, чтобы воды Дуная вступили въ свое русло, такъ какъ по случаю проливныхъ дождей вода въ Дунай прибывала болѣе и болѣе. Русскія баттареи готовы и вооружены. Дунай отъ Измаила до Рени загражденъ нашими минами.

Пока наши занимались военною подготовкою, Турки тоже укрѣпляли Нишъ и Бабину главу, а войска стягивали къ устью рѣки Тимока и Рущука; но преимущественно Турки посвящали свои досуги на шанцевыя укрѣпленія.

Главныя силы наши, равно какъ и Румынскія, стояли на берегахъ р. Алюты; наши у Турнъ-Магурели а Румынъ у—Іслама.

Не менѣе трети нашихъ войскъ въ Румыніи сосредоточено было на высотахъ, тянущихся отъ Александріи къ устью р. Верды. Турнъ-Магурели находится напротивъ мрачной и молчаливой турецкой крѣпости—Никополя. Румынскія баттареи при Сланѣ уже начали бомбардировать ее.

Съ своей стороны Турки 17 мая пытались было высадиться на румынскомъ берегу при Рени; но послѣ жаркаго, двухъ-часоваго боя были отражены. Затѣмъ въ устье Алуты пытался проникнуть турецкой броненосецъ, но тоже былъ отраженъ перекрестнымъ огнемъ румынскихъ баттарей. Самымъ интереснымъ событіемъ послѣднихъ дней былъ форсированный (то есть сопровождавшійся препятствіемъ) входъ въ Дунай трехъ или четырехъ русскихъ мониторовъ. Они прорвались въ Дунай 19 мая, вечеромъ чрезъ Сулинское гирло, не смотря на сильнѣйшій турецкій огонь. Изъ Вѣны телеграфировали въ тоже время что 21 мая, утромъ, между русскими, крѣпко занявшими островъ на Дунаѣ и Турками происходило жаркое дѣло. Наводненіе, залившее островъ, вынудило русскихъ покинуть его.

Во время загражденія Дуная минами, части селенгинскаго и якутскаго полковъ ходили подъ пулями на турецкій берегъ на утлыхъ душегубкахъ.

Взятіе высотъ Хацубани *).

Хацубани находится между Батумомъ и постомъ св. Николая. Вотъ слѣдующія подробности объ этомъ удачномъ для насъ дѣлѣ.

Генералъ-майоръ Денибековъ во главѣ штурмующихъ двинулся впередъ. Батальоны ринулись въ штыки. Природную крѣпость надо было взять, во что бы

*) Тифлисс. Вѣст. 1877 г.

ли стало. Гурійцы и Закатальцы опередили всѣхъ и чрезъ минуту были уже на высотахъ. Бердановская пуля поразила въ грудь главнаго предводителя враговъ, Эдибека, а въ ихъ разстроенныхъ рядахъ послышался протяжный звукъ рога—наши продолжали подниматься все выше и выше, но до штыковаго дѣла не дошло. Враги убѣжали... Другая колонна генералъ-майора Шереметева, двигалась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ р. Ачкуа.

Едва успѣли показаться изъ лѣса боковые патрули и стали вытягиваться въ лѣсистую поляну, лежащую на берегу рѣки Ачкуа, какъ они были встрѣчены залпомъ непріятеля, засѣвшаго въ глубокой, заросшей лѣсомъ канавѣ.

Медлить было нельзя: двѣ наши роты быстро кинулись на стрѣлявшаго непріятеля, который, недождавшись ихъ приближенія, оставилъ канаву и бѣжалъ на ту сторону р. Ачкуа. Находившаяся на лѣвомъ флангѣ цѣпь заняла изгибъ р. Ачкуа и своими выстрѣлами заставила непріятеля значительно ослабить огонь съ одной изъ впереди лежащихъ высотъ. Около 6 часовъ утра, толпы непріятеля, постоянно замѣняемыя другими, начали направляться вдоль своего фланга къ сторонѣ Кабулетъ и Цихидзири, и ружейный бой сталъ особенно силенъ.

Въ этотъ моментъ на первую роту ленкоранскаго полка, которая занимала центръ цѣпи, насѣла масса непріятельскихъ стрѣлковъ, но была отбита удачнымъ огнемъ артиллеріи. Около 7 часовъ утра новая толпа непріятеля, состоявшая изъ мѣстныхъ жителей и регулярныхъ войскъ, перейдя рѣку Ачкуа, верстахъ въ 3 отъ нашей позиціи, показалась изъ лѣса, противъ дивизіона кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, охранявшаго нашъ правый флангъ. Съ крикомъ и гиканіемъ противникъ бросился изъ лѣса, желая очевидно охватить этотъ флангъ, но 5 я сотня, подъ личнымъ начальствомъ своего сотеннаго командира, штабъ-ротмистра князя Дибуадзе, и прапорщика той же сотни князя Дадіани, разсыпалась въ цѣпь по опушкѣ лѣса и открыла огонь по наступавшему противнику; въ это время была направлена изъ резерва на поддержку всадникамъ 1-я рота ленкоранскаго полка. Залпы означенной роты и огонь цѣпи скоро заставили непріятеля броситься опять въ лѣсъ и держаться до конца боя внѣ ружейнаго выстрѣла.

Одновременно съ симъ турецкіе броненосцы, подойдя къ берегу, открыли огонь по нашимъ войскамъ, стрѣляя гранатами значительныхъ калибровъ; три роты стрѣлковаго баталіона, подъ личною командою командира баталіона подполковника Максева, быстро перешли р. Ачкуа и бросились на высоты, занятыя Турками. Непріятель, завидя быстрое наступленіе нашихъ стрѣлковъ, сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ залповъ и бѣжалъ съ занимаемой имъ позиціи по дорогамъ на Кабулеты и Цихидзири. Число войска непріятеля, занимавшаго эту чрезвычайно сильную позицію, въ точности невозможно опредѣлить, но судя по показаніямъ жителей, явившихся къ намъ послѣ дѣла, а также по величинѣ фронта позиціи и по другимъ признакамъ, число ихъ было отъ 4 до 5 тысячъ.

Что такое мины *).

Въ сухопутной войнѣ уже давно стали обращаться къ содѣйствію минъ, именно при аттакѣ и оборонѣ крѣпостей. Первыя примѣненія ихъ относятся чуть ли не ко времени открытія пороха. Обыкновенно осаждавшій крѣпость прибѣгаетъ къ помощи минъ для разрушенія тѣхъ преградъ, которыя ставилъ ему обороняющійся. Подъ крѣпостныя стѣны онъ подводилъ подкопы, клалъ порохъ, проводилъ къ нему фитиль достаточной длины, чтобы самому не пострадать, зажигалъ его съ конца, а затѣмъ огонь дѣлалъ свое дѣло и въ результатѣ была —разрушенная стѣна или зданіе.

Обороняющійся тоже не дремалъ: узнавъ, что осаждающій ведетъ подкопы, и чаще всего и, не ожидая, пока осаждающій брался за это дѣло онъ самъ велъ свои подкопы впереди своихъ укрѣпленій и отойдя сажень на пятьдесять, останавливался и выжидалъ непріятеля. Онъ, какъ паукъ, поджидалъ свою добычу.

Чуть только заслышитъ работы атакующаго, атакуемый сейчасъ же заложитъ камуфлетъ, то есть небольшой зарядъ пороха и выждетъ непріятеля, который—нечуя западни, продолжаетъ подводить мины и — въ концѣ концевъ попадаетъ въ ту яму, которую рылъ другому.

Въ огражденіе себя отъ подобныхъ казусовъ, атакующій обыкновенно велъ дѣло на чистоту: отойдетъ отъ своихъ траншей не очень далеко и заложитъ усиленный горнъ, то есть положилъ такъ много пороха, что отъ взрыванія его не только образуется большая яма, (которую инженеры назыв. воронкою.) и притомъ такое сотрясеніе земли, что на разстояніе нѣсколькихъ сажень разрушатся всѣ галлереи обороняющагося. Пользуясь происшедшимъ смятеніемъ, осаждающій займетъ воронку; «вѣнчаетъ ее» то есть уставитъ края турами, наложитъ земляныхъ мѣшковъ, другими словами засядетъ тамъ крѣпко, и сейчасъ же поведетъ подкопы далѣе, Опять торопится заложить горнъ и взорвать его, если только обороняющійся не успѣетъ дать ему камуфлетъ. Въ концѣ концевъ, атакующій сожжетъ сотни пудовъ пороха, разворотитъ всю землю предъ укрѣпленіями, не оставитъ камня на камнѣ а выживетъ таки обороняющагося.

Но не всегда такъ: вотъ нашихъ инженеровъ подъ Севастополемъ Французы не побороли; подземная война, которая велась тамъ предъ четвертымъ бастіономъ, составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи нашихъ военныхъ инженеровъ! Дѣйствительно, начавъ работы одновременно съ Французами, наши инженеры успѣли вывести свои галлереи далеко впереди укрѣпленій, ловко подкараууливали Французовъ и всегда во время угощали ихъ камуфлетами. При этомъ нерѣдко мы овладѣвали непріятельскими зарядами пороха, ихъ галлереями и при этомъ взрывали Французовъ порохомъ французскаго же издѣлія! Въ ре-

---

*) Подкопъ, нагруженный порохомъ или другимъ составомъ способнымъ производить взрывъ при помощи огня или электрической баттареи.

зультатѣ получилось, что непріятель потратилъ нѣсколько мѣсяцевъ на подземную войну и 23 августа 1855 года только что подошелъ къ тѣмъ мѣстамъ, которыя занималъ въ январѣ, то есть въ самомъ началѣ работъ.

Но нашъ тріумфъ былъ еще полнѣе: мы заставили Французовъ отказаться отъ веденія здѣсь главной аттаки!

Не успѣвъ выжить насъ подземною войною, Французы должны были бросить дальнѣйшее веденіе своихъ работъ на поверхности земли.

Отрезвляющее дѣйствіе, оказываемое минами на слишкомъ горячаго противника, давно подбивало многихъ примѣнить ихъ къ морской войнѣ или къ оборонѣ береговъ. Всѣ попытки не приводили къ успѣху по очень простой причинѣ: фитиль не горѣлъ въ водѣ; но какъ скоро избрали такой составъ, который воспламеняется отъ сильнаго удара—дѣло пошло на ладъ. Примѣнивъ его къ ружьямъ, передѣлывая ихъ изъ кремневыхъ въ ударныя, стали примѣнять этотъ составъ и къ подводнымъ минамъ. Съ изобретеніемъ этого состава дѣло упростилось: сохранить подъ водою порохъ отъ подмочки не трудно: въ разныхъ мѣстахъ ящика съ порохомъ насажаютъ пистоновъ, конечно не ружейныхъ, и мина готова. Плаваетъ мина на водѣ настолько глубоко, что съ корабля ея не видно (мина привязана къ якорю,) и стоитъ только кораблю стукнуться объ нее—какъ взрывъ готовъ. Расположеныя такимъ образомъ мины при входѣ въ гавань заставляютъ корабли непріятеля стоять въ почтительномъ отдаленіи.

Въ настоящее время къ взрыву лишь примѣнили электричество, соединивъ мину проволокою съ электрической батареей построенной на берегу:

Австрійцы придумали остроумный способъ взрыванія минъ, устроенный ими для обороны Венеціи, Тріеста и другихъ портовъ. Они разбили гавань на квадраты, въ углахъ ихъ насадили минъ и провели проволоку для сообщенія электрической искры. На берегу они поставили вертикально доску, раздѣлили ее на квадраты, затѣмъ помощію нѣсколькихъ зеркалъ устроили такъ, что изображеніе корабля въ видѣ небольшаго пятна могло отражаться на доскѣ.

Конечно при этомъ весь приборъ устроили такъ, что когда корабль становится на томъ мѣстѣ, гдѣ заложена мина, то изображеніе его получалось какъ разъ на пересѣченія линіи на доскѣ. Всѣ проволоки отъ минъ свели въ одно мѣсто и перенумеровали ихъ. Многіе изъ читателей пользовались электрическими звонками и знаютъ что достаточно подавить пуговку и звонъ раздается во весь домъ. Такъ сдѣлали и австрійцы. Они устроили клавиши въ родѣ, какъ уфортепіано и занумеровали ихъ. Теперь вообразите себѣ слѣдующее: Сидитъ Австріецъ спиною къ морю, передъ нимъ стоитъ доска съ разбитыми на ней квадратами, и инструментъ съ клавишами, на которыхъ намѣчены нумера. Смотритъ онъ на доску и видитъ, что пятнышко медленно подвигается къ пересѣченію линій, вотъ оно совсѣмъ покрыло пересѣченіе,—значитъ корабль какъ разъ нашелъ на мину; посмотрѣлъ въ которомъ нумерѣ стоитъ пятнышко и подавилъ затѣмъ клавишу съ этимъ нумеромъ. Что дальше будетъ—на доскѣ невидно, но говорятъ корабль взлетитъ на воздухъ. Такъ показали всѣ опыты, а на прак-

тикѣ австрійцамъ примѣнять свое изобрѣтеніе не приходилось. Ночью, разумѣется, дѣйствовать нельзя.

Въ настоящее время вопросъ этотъ относительно разработанъ очень хорошо. Мины примѣняютъ къ аттакѣ и оборонѣ кораблей. Толстую броню монитора пробить прицѣльнымъ выстрѣломъ очень трудно; легче взорвать его миною. Поэтому стали насаживать мины на длинные шесты, прикрѣпляя ихъ къ носу корабля. Этотъ миноносецъ подходитъ къ судну, стараясь ударить его миною, которая взрываетя отъ удара и топитъ непріятельскій корабль.

Желая оградить судно отъ особо устроенныхъ для удара кораблей (тараны), окружаютъ судно минами со всѣхъ сторонъ; эти мины плывутъ на извѣстномъ разстояніи отъ судна и могутъ потопить непріятельскій корабль, направляющійся для удара своимъ тараномъ. Наконецъ устраиваютъ мины, движущіяся подъ водою. Эти мины имѣютъ форму сигары. Внутри ихъ помѣщаютъ механизмъ на подобіе часоваго и онъ то и приводитъ въ движеніе мину, все равно какъ приводится пароходъ винтомъ. Получивъ извѣстное направленіе, мина двигается, ударяется въ корабль и взрывается.

Вѣроятно такія мины были спущены съ парохода «Константинъ» въ Батумѣ.

Не очень давно Американцы испытывали подводную лодку, на носу которой на шестѣ прикрѣплены мины. Лодка эта въ видѣ сигары приводилась въ движеніе электричествомъ и соединялась съ берегомъ нѣсколькими проволоками, съ помощію которыхъ управляли лодкою съ берега.

Надавятъ пуговку, положимъ № 1—лодка идетъ впередъ, № 2—лодка останавливается; у лодки придѣланъ руль, который можно также поворачивать и такимъ образомъ измѣнять направленіе движенія. На лодкѣ двѣ небольшихъ мачты, на которыхъ флаги; по этимъ флагамъ и видно, куда движется лодка; непріятель также видитъ направленіе лодки и можетъ спастись, если успѣетъ уйти, такъ какъ лодки эти ходятъ быстро. Какъ только лодка подойдетъ, то съ берега воспламеняютъ мину. Такія лодки могутъ отходить версты на полторы отъ берега.

Мины положенныя въ водѣ, напримѣръ для обороны входа въ гавань, стараются расположить подъ выстрѣлами своихъ батарей; въ противномъ случаѣ непріятель ихъ выловитъ; дѣлается это просто, сѣтью. Тамъ, гдѣ мины соединены проволокою, стараются перерѣзать ее. Особливо удобно, какъ говорятъ, вынимать мины ночью. Для этого приспособляютъ къ лодкѣ подводной фонарь съ сильнымъ свѣтомъ, который и освѣщаетъ воду до глубины двухъ сажень, то есть, какъ разъ такъ, какъ обыкновенно закладываютъ мины. Лодку съ берега невидно, но сидящимъ на лодкѣ мину увидать можно. Затѣмъ снять мину труда большаго нѣтъ.

Для препятствованія этому, обороняющійся высылаетъ небольшія пароходы и даже лодки.

Устройство минъ не замысловато: боченокъ или продолговатый ящикъ, непроницаемый для воды; въ немъ обыкновенный порохъ, или хлопчатобумажный, или

же динамитъ. Боченокъ прикрѣпляютъ къ якорю, чтобы держался на мѣстѣ и не всплывалъ на поверхность воды. Зарядъ различенъ, напримѣръ: хлопчатобумажнаго пороха или динамитъ около пуда, обыкновеннаго пороха раза въ два болѣе, такъ какъ дѣйствіе его слабѣе. Значитъ хлопчатобумажный порохъ, или динамитъ дѣйствуютъ выгоднѣе, онѣ и вѣсятъ менѣе, слѣдовательно удобнѣе обращаться и дѣйствуютъ сильнѣе.

Какъ разрушитель, динамитъ дѣйствуетъ ужасно. Если положить зарядъ пороха, напр. въ фунтъ вѣсомъ, на доску и сверху ничѣмъ не прикрыть, то порохъ, только сгоритъ, не повредивъ доски; но динамитъ, воспламененный особеннымъ способомъ разобьетъ доску въ щепы. Клали зарядъ динамита въ два фунта съ боку рельса и онъ перебивалъ рельсъ. Вотъ эта то особенность динамита и драгоцѣнна. Благодаря ей, можно зарядъ только прислонить къ предмету и все-таки разрушить его; съ порохомъ такъ сдѣлать нельзя. Порохъ сгараетъ медленнѣе по линіи меньшаго сопротивленія. Такимъ образомъ онъ выброситъ пулю изъ ружья, а если положить вмѣсто пороха въ ружье динамитъ, то онъ и пулю выброситъ и ружье раздробитъ.

Въ Колинѣ производились опыты надъ дѣйствіемъ динамита, подъ водою, на желѣзныя плиты; въ результатѣ выходило, чта не только рвало и выбрасывало плиты, но что даже на мѣстѣ ихъ находили ямы.

Минныя работы,*) и шагъ отъ смерти.

Работы по устройству прикрытія минныхъ загражденій. Работы лейтенанта Дубасова. Занятія саперъ.

Главно-начальствующій надъ браиловскимъ отрядомъ, генералъ-маіоръ Саловъ, въ ночь на 1-е мая поручилъ адъютанту Его Высочества Главнокомандующаго полковнику Струкову, принять начальство надъ сборною ротою, составленною въ количествѣ 14 человѣкъ изъ 10-й линейной и 1-ой стрѣлковой ротъ якутскаго полка и отправиться съ нею на турецкій берегъ къ селенію Гечетъ для прикрытія работъ по заложенію минныхъ загражденій.

Въ четыре часа утра, посадивъ означенныхъ людей на пароходъ «Алфредъ», полковникъ Струковъ высадился съ ними въ означенномъ пунктѣ и, чтобы не терять даромъ времени, приказалъ нѣкоторой части своей команды заняться нагрузкою каменнаго угля изъ турецкаго склада, находящагося въ количествѣ до 8 тысячъ пудовъ въ Гечетѣ.

Начавъ эту работу въ половинѣ пятаго часа, въ виду трехъ турецкихъ паровыхъ судовъ, изъ коихъ два—были мониторы, команда въ продолженіи двухъ часовъ времени успѣла нагрузить до 1000 пудовъ угля на баржу, бывшую на буксирѣ «Алфреда». Убѣдившись послѣ тщательнаго осмотра мѣстности и изъ наблюденій за судами противника, что работы по заложенію минъ свободно могутъ быть начаты, пароходъ «Алфредъ,» окончивъ нагрузку угля, забралъ на-

*) Прав. Вѣст. № 111, 1877 г.

бортъ себѣ сборную роту и въ половинѣ седьмаго часа отплылъ съ баржею обратно къ Браилову.

Онъ успѣлъ уже выйдти на середину Дуная, когда машина его вдругъ перестала дѣйствовать и сильное теченіе понесло пароходъ вмѣстѣ съ баржею внизъ по рѣкѣ, прямо въ минныя загражденія.

Лейтенантъ Дубасовъ поспѣшилъ отдать якорь, но напрасно—якорь неудержитъ парохода. Видя что «Алфредъ» находится уже не далеко отъ загражденій и что такимъ образомъ ему грозитъ неминутая опасность быть взорваннымъ на воздухъ, полковникъ Струковъ съ лейтенантомъ Дубасовымъ рѣшились, не теряя ни минуты, пересадить людей на баржу, съ тѣмъ что три винтовыя шлюпки, которыхъ сигналомъ потребовалъ Дубасовъ, отбуксируютъ ее къ нашему берегу; между тѣмъ генералъ Саловъ, все время наблюдавшій съ баттареи за турецкими мониторами, распорядился выслать на помощь «Алфреду» всѣ, какія только были шлюпки которыя и успѣли подплыть къ его борту.

Люди начали пересаживаться на шлюпки, какъ вдругъ, къ счастію, машина стала дѣйствовать. Причина порчи (и остановки дѣйствія) заключалась въ томъ, что шпонка тяги золотника была не на мѣстѣ.

Въ 8 часовъ утра «Алфредъ» благополучно прибылъ къ Браиловской пристани, гдѣ и снабдилъ наши пароходы углемъ, въ которомъ у самыхъ Турокъ чувствовался большой недостатокъ.

Вслѣдъ за этимъ въ Гечетъ были опять отправлены десять человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ для прикрытія работъ надъ вторымъ рядомъ минныхъ загражденій, такъ какъ опасались, чтобы не помѣшали дѣлу башибузуки, пріѣзжавшіе на канунѣ въ Гечетъ изъ Мачина. Загражденіе однакоже въ тотъ день не могло быть окончено, такъ какъ избранное для сего мѣсто оказалось слишкомъ глубокимъ; но работа была благополучно совершена впослѣдствіи.

3-го мая, полковникъ Струковъ съ ротою Селезгинцевъ снова направленъ былъ въ Гечетъ для прикрытія паровыхъ шлюпокъ, работавшихъ надъ торпедами въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная. Турецкіе мониторы, какъ видно, неожидавшіе этого предпріятія, не приготовились къ отпору и стали поспѣшно разводить пары. Въ это время часть Селезгинцевъ въ Гечетѣ съ помощію ломовъ разрушали стѣну съ устроенными въ ней бойницами, изъ которыхъ Турки неоднократно стрѣляли во все предшествовавшее время.

Начавъ погрузку лишь въ $7^1/_2$ часовъ утра, моряки съ минерами въ половинѣ одиннадцатаго часа того-же утра уже окончили свою работу, когда къ нимъ на всѣхъ парахъ пошелъ турецкій мониторъ. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ предпринять что либо рѣшительное, люди наши уже сидѣли въ шлюпкахъ, спустивъ проводники въ воду и благополучно отплыли къ Браиловской пристани, а въ два часа пополудни снова отправились окончить погрузку послѣднихъ минъ перваго ряда и подобрать проволоку.

На этотъ разъ Турки открыли по нимъ огонь, но безъ малѣйшаго ущерба.

4-го мая рано утромъ, пользуясь густымъ туманомъ лейтенантъ, Дубасовъ от-

правился въ Мачинскій рукавъ положить второй рядъ минныхъ загражденій и окончилъ его подъ выстрѣлами противника.

Въ ночь на 5-го мая произошли взрывы трехъ минъ, но неизвѣстно по какой причинѣ; полагаютъ, впрочемъ, что на нихъ наткнулись плывшія бревна, причемъ гальваническая батарея у насъ оставалась заряженною. Караульная шлюпка, всю ночь стоявшая въ затопленномъ островѣ, не замѣтила ничего. Когда же нашъ паровой катеръ подошелъ къ мѣсту происшествія, съ цѣлью разузнать о причинѣ взрывовъ, изъ Гечета стали по немъ стрѣлять. На мѣсто лопнувшихъ минъ поторопились наши погрузить новыя.

Въ Браиловѣ, какъ въ самомъ бойкомъ пунктѣ къ Дунаю, не проходило ни одного дня безъ ружейной перестрѣлки и обмѣна орудійными выстрѣлами при ежесуточной усиленной работѣ днемъ и ночью, и если не было у насъ существенныхъ потерь, то этимъ мы должны быть обязаны съ одной стороны Туркамъ, не умѣющимъ направлять, какъ слѣдуетъ, свои орудія, а съ другой—энергичному и строго разсудительному дѣйствію браиловскаго военнаго начальства, которое постоянно заботилось о томъ, чтобы при быстромъ и успѣшномъ ходѣ предначертанныхъ операцій отнюдь не подвергать людей излишнимъ потерямъ.

Въ то время, когда 2-го числа пароходу «Алфредъ» угрожала страшная опасность наткнуться на наши собственныя мины, Турки вышли смотрѣть на предстоявшую гибель (нашего) парохода и по мѣсту ея они могли-бы при свѣтѣ дня опредѣлить линію нашихъ загражденій; но это, по счастію, имъ неудалось, ни въ этотъ разъ, ни ночью, при молніеобразномъ блескѣ взрыва трехъ нашихъ минъ, такъ какъ освѣщеніе трехъ этихъ взрывовъ послѣдовало на одно лишь мгновеніе, а ночь была темна, какъ только можетъ быть темна на югѣ, при небѣ сплошь покрытомъ густыми облаками. Но можно съ достаточною достовѣрностью предположить, что бревна были нарочно пущены внизъ по рукаву изъ Мачина, съ цѣлью опредѣленія линій нашихъ загражденій. Попытка эта ни къ чему не повела, благодаря тому, что на мѣсто взорванныхъ были успѣшно погружены новыя мины.

Надо отдать справедливость начальству крѣпостной артиллеріи, которое, при доставкѣ на мѣсто всѣхъ матеріаловъ въ надлежащемъ видѣ, сдѣлало съ своей стороны все возможное хорошо и быстро.

Саперы точно также приложили всѣ усилія, чтобы возвести прочныя баттареи въ теченіи двухъ сутокъ, работая безъ перерыва днемъ и ночью. Всѣ требованія начальства на всѣхъ пунктахъ исполнялись безотлагательно и такимъ образомъ Дунай впродолженіи десяти дней былъ совершенно вооруженъ на пространствѣ отъ Рени до Браилова (что было кратко изложено выше).

Полки Селенгинскій и Якутскій все это время работали прекрасно и части ихъ неоднократно подъ пулями ходили въ утлыхъ душегубкахъ на турецкій берегъ.

Моряки и команда гальванеровъ при кладкѣ минныхъ загражденій, подъ выстрѣлами, вполнѣ доказали себя истинными молодцами.

Въ это же самое время объявляли, что санитарное состояніе войскъ вполнѣ хорошо. Больныхъ въ Браиловѣ отъ 5 мая было только 37 человѣкъ и преимущественно лихорадкою.

Варварства Турокъ. *)

22-го апрѣля въ Іерусалимѣ произошло слѣдующее: Въ храмъ св. Великомученика Георгія, что въ Лидѣ, ворвались магометане и послѣ многихъ неистовствъ, осквернявшихъ священный храмъ, гдѣ находится гробъ Великомученика, избили христіанъ, уничтожили разныя церковныя украшенія, побили всѣ стекла, какъ въ церкви, такъ и въ домѣ игумена. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это покончилось, еслибы не вмѣшались войска.

29 апрѣля магометане опять бросились въ храмъ Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, во время отправленія патріаршаго богослуженія, и опять совершили всякія безчинства, ругаясь надъ святынею и надъ гробомъ Господнимъ. Они угрожали уничтожить все въ храмѣ—и только вмѣшательство иностранныхъ консуловъ положило предѣлъ этому варварству.

Наши моряки.

Біографія Дубасова, Шестакова и другихъ.

Θедоръ Васильевичъ Дубасовъ, лейтенантъ гвардейскаго корпуса и старшій офицеръ на принадлежащей Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу яхтѣ «Славянка,» сынъ капитанъ-лейтенанта, поступилъ въ морское училище въ 1859 г. и выпущенъ въ гардемарины въ 1863 году; произведенъ въ мичманы въ 1865 году, а въ лейтенанты въ 1869 г.

Въ началѣ своей службы Θедоръ Васильевичъ Дубасовъ ходилъ въ кругосвѣтное плаваніе, послѣ чего поступилъ на академическій курсъ морскихъ наукъ, на которомъ кончилъ съ успѣхомъ курсъ въ 1870 г. Онъ имѣетъ ордена св. Станислава 3 ст., св. Анны 3 ст., Георгія 3-й степени и золотую шпагу съ надписью *«за храбрость.»*

А. П. Шестаковъ лейтенантъ флотскаго экипажа, сынъ надворнаго совѣтника, поступилъ въ морское училище въ 1865 г. и выпущенъ въ гардемарины въ 1869 г.; произведенъ въ мичманы въ 1871 г., въ лейтенанты въ 1875 г.

Будучи еще гардемариномъ, Александръ Павловичъ Шестаковъ отправился на клиперѣ «Алмазъ» въ кругосвѣтное плаваніе, изъ котораго вернулся въ 1872 г. Затѣмъ служилъ на судахъ балтійскаго флота и, между прочимъ, въ 1874 г. на учебной эскадрѣ морскаго училища. Имѣетъ крестъ и золотую шпагу съ надписью «за храбрость.»

---

*) Корр. Моск. Вѣд. 1877 г.

И. Л. Петровъ, лейтенантъ гвардейскаго экипажа — поступилъ въ морское училище въ 1867 г. и выпущенъ въ гардемарины въ 1871 г. Произведенъ въ мичманы въ 1873 г. и въ лейтенанты въ 1877 г. Иванъ Ларіоновичъ во время русско-турецкой войны 1877 года состоялъ въ службѣ на яхтѣ «Забава», находящейся въ учебной эскадрѣ морскаго училища.

Митрофанъ Яковлевичъ Биль, мичманъ 1-го черноморскаго экипажа, выпущенъ въ гардемарины въ 1871 г. и произведенъ въ мичманы въ 1873 году. Онъ кончилъ курсъ въ учебномъ артиллерійскомъ отрядѣ.

Конструкція взорваннаго броненосца. *)

1-4го мая взорванный броненосецъ назывался *Хивзи-Рахманъ* и по своей конструкціи совершенно одинаковъ со взорваннымъ 17 апрѣля *Лютфли-Джелилемъ*. Хивзи-Рахманъ принадлежалъ къ числу башенныхъ, покрытыхъ броней мониторовъ. Длина его по ватеръ-линіи 222 фута, водоизмѣненіе 2500 тоннъ, углубленіе 18 футъ, полный ходъ 12 узловъ; комплектъ экипажа 219 человѣкъ. Артиллерійское вооруженіе, состоящее изъ 5 орудій большаго калибра, было размѣщено слѣдующимъ образомъ: въ кормовой башнѣ два девятидюймовыхъ, въ передней два семидюймовыя орудія, и за носовымъ блиндажемъ одно сорокафунтовое орудіе Армстронга. *Хивзи-Рахманъ* былъ покрытъ броней; въ срединѣ 4,62 дюйма, на носовомъ блиндажѣ — 3 дюйма; до высоты главной палубы судовой корпусъ раздѣлялся поперечными переборками на девять водонепроницаемыхъ отдѣленій.

Русскій лагерь подъ Галацомъ на Текучскомъ полѣ **).

Не доѣзжая до города со стороны Текуча, вправо и влѣво отъ дороги, разстилается волнистая нагорная равнина: на этой равнинѣ и располагались въ настоящее время всѣ прибывающія сюда русскія войска. Галацскій лагерь былъ раскинутъ болѣе, чѣмъ на двѣ версты въ длину и на версту въ ширину, лицомъ по направленію Дуная, котораго впрочемъ отсюда невидно.

На другой день послѣ прибытія моего въ Галацъ (говоритъ авторъ) я взялъ экипажъ и поѣхалъ въ лагерь. Вся длинная, грязная, еле мощеная Текучьская улица, вѣдущая къ лагерю, была буквально запружена военными повозками, пѣшими и конными солдатами всѣхъ родовъ оружія. Офицеры, кто пѣшкомъ, кто верхомъ—направлялись въ городъ, чтобы полакомиться послѣ похода порядочнымъ обѣдомъ; ротные артельщики тащились съ своими повозками за провизіей; длинные молдаванскіе возы, запряженные волами и жалкими тощими клячами, везли въ лагерь подстилочную солому и сѣно; казаки, донцы и кубанцы, вскачь шны-

*) Русскій Инвалидъ.—**) Заимс. изъ ст. Н. Каразина.

ряли между возами, обдавая пѣшеходовъ брызгами дорожной грязи; однимъ словомъ: на этой всегда тихой и скучной Текучской улицѣ было бойко и оживлено, какъ и слѣдуетъ въ такое время наплыва сюда значительныхъ вооруженныхъ силъ. . . . .

Не скоро удалось мнѣ выбраться изо всей этой путаницы и выѣхать наконецъ въ обширное поле, пестрѣвшее по всѣмъ направленіямъ, куда только хваталъ глазъ, крохотными палаточками нашихъ пѣхотинцевъ и импровизированными шалашами казачьихъ полковъ. Лагерь расположенъ по обѣимъ сторонамъ дороги; онъ распланированъ правильно и удобно, такъ что отыскать требуемую часть весьма легко.

У самой дороги, какъ разъ въ центрѣ лагеря, помѣщаются лазаретные обозы; надъ ними развѣвается большой бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ; длинные ряды высокихъ лазаретныхъ фуръ перемежаются рядами коновязей и палаточками санитаровъ.

Отсюда къ правому флангу тянутся полковыя колонны пѣхоты, расположенныя тремя линіями. Солдаты укрываются отъ дождя и солнца подъ низенькими палатками Тентабри, французскаго образца, гдѣ въ каждой можетъ помѣститься шесть человѣкъ, а потомъ каждый и носитъ свою палатку раздѣленную на 6 частей.

Разборка и уборка такой палатки не занимаетъ и десяти минутъ времени; стоять въ такой палаткѣ конечно невозможно и сидѣть то въ ней нужно согнувшись; за то лежать удобно, а главно тепло и дождемъ не мочитъ. Чего еще лучше. Люди спятъ не на голой землѣ, а на соломѣ, что въ настоящее время, когда вотъ уже четвертый день льютъ непрерывные дожди, вещь весьма не маловажная. Между линіями палатокъ стоятъ ряды ружейныхъ козелъ; вдоль передней линіи, на довольно значительномъ разстояніи отъ фронтона лагеря, разставлена цѣпь часовыхъ. Далѣе, проѣхавъ пѣхоту, на правомъ флангѣ позиціи раскинулись бивуаки кавалеріи; здѣсь уже не всѣ полки имѣютъ палатки; большинство помѣщается, какъ я уже сказалъ, въ оригинальныхъ импровизированныхъ шалашахъ, устроенныхъ изъ соломы на пикахъ. Лошади въ коновязахъ; длинные ряды пикъ, воткнутыхъ вертикально тупымъ концемъ въ землю, придаютъ бивуакамъ въ высшей степени воинственный, оригинальный характеръ, словно все поле ощетинилось — выраженіе это сюда подходитъ, какъ нельзя болѣе. Въ интервалахъ между казачьими полками нѣсколько впередъ стоитъ ихъ легкая артиллерія, — орудія сняты съ передковъ и за ними два ряда зарядныхъ ящиковъ. Самый правый флангъ занимаютъ Кубанцы и Терцы; ихъ бивуаки только и напоминаютъ иррегулярный характеръ своихъ обитателей. Рослыя фигуры нашихъ кавказцевъ, ихъ смуглыя, горбоносыя бородатыя лица, косматыя бурки, высокія папахи съ краснымъ верхомъ обращаютъ на себя общее вниманіе давно уже не видавшихъ русскихъ, здѣшнихъ жителей. И около этого бивуака можно всегда видѣть толпу зѣвакъ, со страхомъ и любопытствомъ поглядывающихъ на это лихое и грозное воинство.

Влѣво отъ центра позиціи также тянутся пѣхотные батальоны въ колоннахъ, а за ними артиллерія въ походномъ положеніи, т. е. орудія не сняты съ передковъ и стоятъ на тѣсныхъ интервалахъ. Вдоль всей задней линіи лагеря расположены кухни и ротныя повозки, а сзади всего ямы для нечистотъ вырыты на разстояніи довольно изрядномъ, что, можетъ быть, не такъ удобно для солдатъ, за то сохраняетъ чистоту и здоровость лагернаго воздуха.

Солдаты имѣютъ одну горячую варку въ день, но за то въ достаточномъ количествѣ; сухари превосходные, ржаные, съ пріятною кислотою. Общій видъ людей здоровый и веселый. Лошади уже успѣли подтянуться, но это не бѣда: подтянувшаяся лошадь выносливѣе и сильнѣе, что и доказывается наглядно этими небывалыми чуть не стоверстными переходами нашей лихой кавалеріи.

Офицеры всѣхъ родовъ оружія помѣщаются въ палаткахъ такого же образца, какъ и солдатскія—немного только выше и большинство, имѣетъ покрайней мѣрѣ, *желѣзныя* складныя кровати.

Посѣщеніе Е. И. В. Главнокомандующаго Дунайской арміей Князя Карла Румынскаго *).

10 мая Его Высочество Главнокомандующій, въ сопровожденіи большой свиты, изволилъ опять посѣтить Кн. Карла Румынскаго въ Букарештѣ.

Въ этотъ день праздновалась одиннадцатая годовщина вступленія князя Карла на престолъ Румыніи. Во дворцѣ былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ въ городскомъ театрѣ народный спектакль.

Его Высочество Главнокомандующій изволилъ присутствовать въ томъ и другомъ, а ночь провелъ въ домѣ русскаго генеральнаго консульства.

Послѣ обѣда Великій князь пѣшкомъ отправился изъ дворца въ наше консульство и во время пути встрѣчалъ самое сочувственное отношеніе къ Своей особѣ со стороны мѣстнаго населенія.

Вечеромъ передъ дворцомъ преслѣдовала съ музыкой факельная церемонія, въ которой участвовали преимущественно студенты Бухарестскаго университета. Въ театрѣ тоже происходили шумныя манифестаціи въ честь князя и Его Высочества.

Вообще день 10 мая въ Бухарештѣ былъ днемъ самыхъ восторженныхъ оваціи. Общее настроеніе населенія выражалось столь радостнымъ образомъ по той причинѣ, что въ этотъ день палата румынскихъ представителей одобрила актъ о провозглашеніи независимости княжества Румынскаго и объ учрежденіи особаго орденскаго знака. Орденъ этотъ называется «Звѣзда Румыніи» и носится на алой лентѣ съ голубыми каемками.

Въ это же самое время въ Бухарестѣ идетъ ежегодная ярмарка, продолжающаяся въ теченіи одной недѣли. Началась она въ понедѣльникъ 9 мая и обык-

*) Корр. Правит. Вѣст. № 115, 1877 г.—

новенно оканчивается, согласно установленному порядку, 15 мая. Съ этою ярмаркою, происходящею въ ближайшей загородной мѣстности, связаны нѣкоторые народные обычаи, имѣющіе свое начало еще въ древнемъ язычествѣ, и между прочимъ обычай народныхъ танцевъ, къ которому участники приготовляются сорокадневнымъ молчаніемъ.

Обычай этотъ, равно какъ и самая ярмарка, пользуются чрезвычайно большою популярностью во всей Румыніи.

Танцоры и танцорки, одѣтые въ богатые народные костюмы, стекаются къ началу ярмарки въ Бухарестъ со всѣхъ концовъ края, смотря по обѣту и усердію; но преимущественно обряды ярмарочной пляски развиты у подгородныхъ бухарестскихъ поселянъ.

Четвергъ, (12 мая) по установленному обычаю, почитается днемъ наибольшаго разгара ярмарки, которую въ тотъ день непремѣнно посѣщаетъ княжеская чета, дворъ и вообще все высшее румынское общество.

Князь Карлъ пригласилъ Его Высочество посѣтить ярмарку именно въ этотъ день. По этому Великій Князь въ исходѣ третьяго часа дня, съ небольшою свитою, изволилъ отправиться въ Бухарештъ въ общемъ пассажирскомъ поѣздѣ, къ которому были прицѣплены три особые вагона, собственно для Его Высочества и свиты.

Встрѣченный княземъ Карломъ на станціи желѣзной дороги, Великій Князь Главнокомандующій совмѣстно съ Его Высочествомъ княземъ Румынскимъ изволилъ отправиться во дворецъ, гдѣ Высокому Гостю и Ея свитѣ былъ предложенъ обѣденный столъ, по окончаніи котораго, спустя около полутора часа, всѣ отправились на ярмарку по улицамъ, наполненнымъ толпами зрителей и цѣлыми вереницами экипажей, тянувшихся шагомъ, одни за другими.

Ярмарочная площадь представляла очень пестрое и оживленное зрѣлище. Въ густыхъ толпахъ преобладали праздничныя народныя одѣянія; ряды балагановъ и палатокъ съ выставками различныхъ товаровъ, лоттерей, народныхъ ресторановъ и театровъ покрывали всю площадь и дорогу, ведущую къ ней. На довольно большомъ пространствѣ среди площади была устроена красивая палатка, украшенная зеленью растеній и національными румынскими флагами, гдѣ было приготовлено помѣщеніе и угощеніе для Высокаго Гостя и княжеской четы съ ихъ свитами.

Предъ Высокими посѣтителями ярмарки начался народный танецъ однихъ мужчинъ, имѣющій въ своемъ характерѣ нѣчто восточное; затѣмъ послѣдовалъ другой танецъ, въ которомъ приняли участіе и женщины. Составилось два круга рядомъ: въ одномъ участвовали въ танцахъ крестьяне и крестьянки, а въ другомъ, ближайшемъ къ палаткѣ, молодыя придворныя дамы и дѣвицы съ адъютантами Князя Карла и вообще съ военными. Всѣ кавалеры были исключительно военные, преимущественно въ красивой гусарской формѣ, а дамы въ роскошныхъ народныхъ костюмахъ.

Зрѣлище это было очень красиво и оригинально. Толпы зрителей всѣхъ

классовъ и состояній безразлично и совершенно свободно обступили мѣста, гдѣ происходили танцы. Погода вполнѣ благопріятствовала этому празднеству.

Посмотрѣвъ два танца, происходившіе съ участіемъ придворныхъ дамъ, Его Императорское Высочество вмѣстѣ съ княжескою четою изволили оставить ярмарочную площадь въ $8^1/_4$ часовъ вечера и отправились на станцію желѣзной дороги, при шумныхъ оваціяхъ народа, по мѣстности, освѣщаемой бенгальскими огнями.

Въ 9 часовъ князь Карлъ и княгиня Елизавета простились на дебаркадерѣ съ Великимъ княземъ, который отправился обратно въ Плоэшти, куда прибылъ въ исходѣ 11 часа и былъ встрѣченъ привѣтствіями выстроеннаго вдоль станціонной платформы Тамбовскаго пѣхотнаго полка, только что прибывшаго въ этотъ день съ похода.

Его Высочество изволилъ прослѣдовать вдоль фронта всего полка, разспрашивалъ о его состояніи, о количествѣ больныхъ, которыхъ, впрочемъ не оказалось и, поблагодаривъ начальниковъ за бодрое состояніе людей, въ двѣнадцатомъ часу вечера прибылъ въ свое помѣщеніе.

Великій князь Николай Николаевичъ младшій не участвовалъ въ этой поѣздкѣ, такъ какъ изволилъ находиться въ это время на рекогносцировкѣ нѣкоторой части дунайскаго побережья по званію офицера генеральнаго штаба.

Донесеніе посла Украинцева Петру I-му о политикѣ Англіи.

Описывая войну, нельзя умолчать о свидѣтеляхъ, принимающихъ милое участіе и подающихъ совѣты, а также и о сосѣдяхъ, которые желаютъ изъ посторонней борьбы извлечь и себѣ, если не пользу, такъ покрайней мѣрѣ досыта пообѣдать на счетъ побѣдителя, а можетъ быть, что-нибудь и унести не изъ корысти, а на память, конечно.

Представляемъ читателю выписку изъ замѣчательной книги подъ заглавіемъ: «*Древняя и новая Россія*» г. Бѣлова: «*Результаты войны Россіи съ Турціей.*» Сдѣлавъ очеркъ сношеній съ турецкимъ востокомъ послѣ Василія Темнаго, принявшаго гербъ Византіи, авторъ касается Петра I-го Великаго, когда уже начинаются наступательныя войны. Приводимъ выдержку изъ слѣдующаго интереснаго донесенія Петру Великому Украинцева, бывшаго посломъ въ Константинополѣ: «Послы Англійскій и Голландскій во всемъ держатъ крѣпко турецкую сторону и болѣе хотятъ Туркамъ всего добра, нежели тебѣ, Великому Государю. Торговля англійская и голландская корабельная въ турецкомъ государствѣ изстари премногая и пребогатая, и что у тебя Государя завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовомъ и у Архангельскаго города и тому они завидуютъ и того ненавидятъ, чая себѣ отъ того въ морской торговлѣ великой помѣшки.»

Справедливость заключенія посла Украинцева, высказавшагося 200 лѣтъ назадъ, такъ невыгодно объ Англіи оправдывается образомъ дѣйстія англичанъ и нынѣ въ каждомъ политическомъ мотивѣ слышится всего яснѣе интересъ, хотя нынѣшняя русско-турецкая война слишкомъ далека отъ всякой притязательности.

Переписка Лорда Дарби и князя Горчакова о британскихъ интересахъ.

Foreign Office. Мая 6. 1877 г.

Г. Посолъ! Имѣю честь засвидѣтельствовать полученіе письма вашего превосходительства, въ которомъ вы увѣдомляете меня, что вы отправляетесь въ Россію въ кратковременный отпускъ. Такъ какъ вы при этомъ, безъ сомнѣнія, будете имѣть возможность личнаго совѣщанія съ вашимъ правительствомъ, то я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы передать ему нѣкоторыя соображенія, имѣющія важность для будущаго добраго согласія между Великобританіей и Россіей.

Правительство ея величества не предполагаетъ вновь касаться вопроса о справедливости или необходимости настоящей войны; оно уже выразило свои взгляды на этотъ предметъ и дальнѣйшее обсужденіе было бы излишне. Оно приняло обязательства, которыя налагаетъ объявленная война, и, не теряя времени, издало прокламацію о нейтралитетѣ. Оно съ самаго начала предостерегало Порту, что она не должна ожидать отъ него помощи и оно рѣшилось безпристрастно привести въ исполненіе возвѣщанную такимъ образомъ политику, пока будутъ затронуты одни турецкіе интересы. Въ тоже время оно полагаетъ нужнымъ, чтобы не оставалось никакого недоразумѣнія относительно его положенія и намѣренія. Если бы настоящая война, къ несчастію распространилась, то могутъ подвергнуться опасности интересы, которые правительство ея величества обязано и рѣшилось защищать и желательно ясно указать на сколько это возможно сдѣлать при началѣ войны, какіе изъ этихъ интересовъ наиболѣе важны. Главнѣйшія изъ нихъ есть необходимость, чтобы сообщеніе между Европой и востокомъ по Суэцкому каналу оставалось свободнымъ, не покрывалось и не терпѣло ущерба. Попытка блокировать или инымъ образомъ стѣснять каналъ или доступы къ оному была бы сочтена правительствомъ ея величества, какъ угроза Индіи и важный ущербъ для торговли всего міра. По обѣимъ этимъ причинамъ всякая подобная мѣра,—которую, какъ мы надѣемся и вполнѣ увѣрены, ни одна изъ воюющихъ сторонъ неимѣетъ въ своихъ намѣреніяхъ, была бы несогласна съ поддержаніемъ нами положенія пассивнаго нейтралитета. Торговые и финансовые интересы европейскихъ націй также въ такой степени связаны съ Египтомъ, что нападеніе на эту страну, или ее занятіе, даже временное для цѣлей войны, едва ли можетъ быть невозмутимо допущено нейтральными державами и конечно не Англіей. Важное значеніе Константинополя, съ

точки зрѣнія военной, политической и торговой слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы требовать объясненія. По этому, едва ли необходимо указывать, что правительство ея величества нерасположено равнодушно видѣть переходъ столицы, занимающей такое особенное и преимущественное значеніе въ чьи либо другія руки, чѣмъ нынѣшнихъ ея обладателей.

Существующія постановленія, сдѣланныя съ Европейскаго утвержденія, регулирующія судоходство по Босфору и Дарданелламъ, кажутся ему благоразумными и благодѣтельными и, по его мнѣнію, есть серьезныя возраженія противъ замѣненія ихъ въ какомъ либо существенномъ пунктѣ. Правительство ея величества считало такимъ образомъ умѣстнымъ откровенно указать свои взгляды. Ходъ событій можетъ указать, что есть другіе интересы, какъ напримѣръ на Персидскомъ заливѣ, защищать которые было бы его долгомъ; но оно не сомнѣвается, что оно достаточно указало вашему правительству предѣлы въ коихъ оно надѣется, что война, можетъ быть ограничена, или, во всякомъ случаѣ, тѣ предѣлы которые, на сколько въ настоящее время обстоятельства дозволяютъ имѣть мнѣніе, дадутъ ему самому возможность сохранять политику воздержанія и нейтралитета. Оно увѣрено что Императоръ Всероссійскій оцѣнитъ желаніе сдѣлать политику правительства ея величества извѣстною при началѣ войны и такимъ образомъ дать отвѣтъ на увѣренія, данныя Его Императорскимъ Величествомъ въ Ливадіи и обнародованныя по просьбѣ вашего превосходительства, когда онъ ручался Своимъ словомъ, что не имѣетъ намѣренія пріобрѣсти Константинополь, и что если необходимость принудитъ его занять часть Болгаріи, то это будетъ лишь временно и пока не будутъ обезпечены миръ и безопасность христіанскаго населенія. Правительство ея величества не можетъ лучше доказать свое довѣріе къ этимъ заявленіямъ Его Императорскаго Величества, какъ просьбой къ вашему превосходительству передать Императору и Русскому правительству откровенныя объясненія британской политики, которыя я имѣлъ честь изложить вамъ *).

Честь имѣю и пр. Дарби.

Письмо князя Горчакова къ графу Шувалову.

(Сообщенное графомъ Шуваловымъ графу Дарби 8 Іюня)

С.-Петербургъ Мая 18 (30) 1877 г.

Г. графъ!—Вашему превосходительству было вручено письмо Лорда Дарби, излагающаго взгляды Англійскаго кабинета касательно вопросовъ, которые могутъ быть замѣшаны въ настоящей войнѣ и могутъ затронуть интересы, кото-

*) О вымогательствахъ Англійскаго правительства и другихъ было нѣсколько сказано на стран. 57, 58 и 59.

рые Англія должна защищать. Его Величество Государь Императоръ прочелъ это письмо съ глубокимъ интересомъ и оцѣнилъ искренность объясненій, цѣль коихъ устранить недоразумѣнія между обоими правительствами. Нашъ Августѣйшій Государь поручаетъ мнѣ отвѣтить полною взаимностью, поставивъ васъ въ возможность изложить съ такой же искренностью и съ такою же ясностью наши собственные взгляды, какъ касательно пунктовъ указываемыхъ Лордомъ Дарби, такъ и другихъ, имѣющихъ отношеніе къ интересамъ, которые Его Императорское Величество съ своей стороны обязанъ защищать. Императорскій кабинетъ не желаетъ, ни блокировать, ни прерывать судоходства по Суэцкому каналу, ни какимъ либо образомъ угрожать ему. Онъ считаетъ каналъ международнымъ предпріятіемъ, которымъ заинтересована торговля всего свѣта, и который долженъ оставаться свободнымъ отъ всякаго нападенія. Египетъ есть часть турецкой имперіи и его контингенты присутствуютъ въ Турецкой арміи. Россія по этому можетъ считаться въ войнѣ съ Египтомъ. Тѣмъ не менѣе Императорскій кабинетъ не оставляетъ безъ вниманія ни европейскихъ интересовъ, замѣшанныхъ въ этой странѣ, ни въ особенности интересовъ Англіи. Онъ невключитъ Египта въ районъ своихъ военныхъ операцій. Что касается до Константинополя, то Императорскій кабинетъ, не имѣя возможности предрѣшать теченіе или исходъ войны, повторяетъ, что пріобрѣтеніе этой столицы не входитъ во взгляды Его Величества Государя Императора. Императорскій кабинетъ признаетъ, что во всякомъ случаѣ будущая судьба Константинополя есть вопросъ общаго интереса, который не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ всеобщимъ соглашеніемъ и, что если бы былъ поставленъ вопросъ о владѣніи этимъ городомъ, то ему не слѣдовало бы принадлежать ни одному изъ европейскихъ державъ. . . . .

Что касается проливовъ, то хотя оба берега принадлежатъ одному и тому же Государю, они образуютъ единственный выходъ двухъ великихъ морей, въ коихъ весь міръ имѣетъ интересы. По этому въ интересахъ мира и общаго равновѣсія важно, чтобы этотъ вопросъ былъ улаженъ на справедливыхъ и достаточно обезпеченныхъ основаніяхъ.

Лордъ Дарби упомянулъ о другихъ британскихъ интересахъ, которые могли бы быть затронуты возможнымъ расширеніемъ войны, какъ то Персидскій заливъ и путь въ Индію.

Императорскій кабинетъ объявляетъ, что онъ не расширитъ войны далѣе того, что требуется открыто и ясно заявленною цѣлью, для коей Его Величество Государь Императоръ былъ вынужденъ взяться за оружіе. Онъ будетъ уважать британскіе интересы, упоминаемые Лордомъ Дарби до тѣхъ поръ, пока Англія останется нейтральною. Императорскій кабинетъ имѣетъ право ожидать, что Англійское правительство съ своей стороны приметъ въ должное соображеніе особенные интересы, которые Россія имѣетъ въ этой войнѣ и въ виду коихъ она наложила на себя такія пожертвованія. Интересы эти состоятъ въ абсолютной необходимости положить конецъ прискорбному состоянію христіанъ подъ турецкимъ правленіемъ и постояннымъ кризисамъ, которые оно вызываетъ. Это поло-

женіе вещей и насилія, его сопровождающія, возбуждаютъ въ Россіи агитацію по причинѣ столь глубокаго въ Русскомъ народѣ христіанскаго чувства и по причинѣ религіозныхъ и племенныхъ узъ, соединяющихъ его съ большею частью христіанскаго населенія Турціи. Императорское правительство тѣмъ болѣе обязано принимать въ расчетъ это положеніе вещей, что оно отражается, какъ на внутреннемъ, такъ и на внѣшнемъ состояніи имперіи. При каждомъ изъ этихъ кризисовъ политика Россіи подвергается подозрѣніямъ и обвиненіямъ и ея международныя отношенія, ея торговля, финансы, кредитъ страдаютъ.

Его Величество Государь Императоръ не можетъ допустить, чтобы Россія безконечно подвергалась этимъ бѣдственнымъ случайностямъ, которыя задерживаютъ ея мирное развитіе и причиняютъ ей неисчислимый ущербъ. Съ цѣлью пресѣчь ихъ источникъ, Его Императорское Величество и рѣшилъ наложить на свою страну бремя войны.

Цѣль не можетъ быть достигнута, пока христіанскія населенія Турціи не будутъ поставлены въ положеніе, въ которомъ ихъ существованіе и безопасность будутъ дѣйствительнымъ образомъ обезпечены противъ невыносимыхъ злоупотребленій турецкой администраціи. Этотъ жизненный для Россіи интересъ не противорѣчитъ никакимъ изъ интересовъ Европы, которая также съ своей стороны страдаетъ отъ ненадежнаго состоянія востока. Императорскій кабинетъ пытался достигнуть желаемой цѣли при содѣйствіи дружественныхъ и союзныхъ державъ. Вынужденный нынѣ стремиться къ ней одинъ, нашъ Августѣйшій Государь рѣшился не полагать оружія, не обезпечивъ этой цѣли вполнѣ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ способомъ. Благоволите изложить эти взгляды Лорду Дарби, заявивъ ему, что Императорскій кабинетъ имѣетъ право надѣяться, что правительство ея британскаго величества оцѣнитъ ихъ въ томъ же духѣ справедливости, который побуждаетъ насъ уважать интересы Англіи и что оно вынесетъ изъ нихъ такое же убѣжденіе, какъ и наше, а именно, что во взглядахъ, коими оба правительства обмѣнялись со взаимною откровенностью, нѣтъ ничего такого, что не могло бы согласоваться съ поддержаніемъ ихъ дружественныхъ отношеній и мира востока и Европы.

Примите и пр. Горчаковъ. *)

Эта обмѣнъ писемъ указываетъ на то, что Россія уважила всѣ пункты Британскихъ интересовъ, предполагая конечно въ тоже время, что Англія сохранитъ полный нейтралитетъ. Но здѣсь выясняется также и разность во взглядахъ. Англія выразила что будто бы она *единственно одна имѣетъ интересы* въ *Константинополѣ* и *Дарданеллахъ* тогда какъ Россія говорила, что это—пункты *международнаго интереса* и тѣмъ выразила свои надежды на необходимость эти вопросы подчинить регулированію посредствомъ общаго уговора дружественныхъ державъ конгресса.

*) Московскія Вѣдом. № 752. 1877 г. отъ 20 іюня.

Поѣздка Государя Императора и встрѣча Его въ Яссахъ *) Румынами и Болгарами.

Переѣхавъ русскую границу 24-го мая, Его Императорское Величество въ 25 минутъ девятаго часа прибылъ въ городъ Яссы и, еще недоѣзжая онаго, былъ уже привѣтствованъ криками народа. При выходѣ изъ вагона Государь Императоръ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ, съ Ясскимъ митрополитомъ во главѣ, причемъ духовенство запѣло: *«Благословенъ грядый во Имя Господне»* а митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, смыслъ котораго заключался въ томъ, что единовѣрная Россіи земля румынская, и испытавшая на себѣ многовѣковое иго Турокъ, нынѣ почитаетъ себя счастливою, встрѣчая русскаго Монарха, идущаго во главѣ своихъ войскъ освобождать изъ подъ этаго ига христіанскіе народы востока.

Послѣ этого было пропѣто многолѣтіе, а представители города поднесли царственному гостю хлѣбъ—соль, причемъ ученики Ясской гимназіи пропѣли стройнымъ хоромъ на русскомъ языкѣ: «Боже, Царя храни.»

Ясскія дамы усыпали путь Его Величества цвѣтами отъ вагона до залы. Всѣ зданія станціи были роскошно иллюминованы.

По румынской дорогѣ Его Величество изволилъ путешествовать въ особомъ, собственномъ поѣздѣ, котораго ходовой механизмъ приспособленъ такимъ образомъ, что можетъ идти совершенно свободно по какимъ бы то ни было узко- или ширококолейнымъ путямъ.

Излишне говорить, что повсюду на пути Своего слѣдованія Русскій царь былъ встрѣчаемъ самымъ восторженнымъ образомъ русскими войсками и мѣстнымъ населеніемъ.

25-го мая вначалѣ втораго часа дня, при великолѣпной солнечной погодѣ, Императорской поѣздъ прибылъ въ Браиловъ. Здѣсь, на изукрашенной станціи, встрѣтили Государя Императора прибывшіе наканунѣ: Его Императорское Высочество Главнокомандующій, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ младшій и герцоги Лейхтенбергскіе Николай и Сергѣй Максимиліановичи, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, командиръ 11 армейскаго корпуса, князь Шаховской со штабомъ, браиловское начальство русскихъ войскъ, мѣстрыя румынскія власти, городскіе представители, духовенство и громадныя толпы народа. Якутскій пѣхотный полкъ, въ бѣлыхъ гимнастистическихъ сорочкахъ и съ бѣлыми чахлами на шапкахъ, былъ выстроенъ безъ оружія вдоль станціи по обѣимъ сторонамъ пути, а далѣе стояли люди 5 батареи 11-й артиллерійской бригады, тѣ самые, что огнемъ своихъ четырехъ легкихъ пушекъ, 21 апрѣля положили начало военнымъ дѣйствіямъ и заставили два турецкіе броненосца монитора отступить съ урономъ далеко въ Мачинскій рукавъ.

*) Корр. Правит. Вѣстника 26 мая.

За все царствованіе Государя Императора, Якутскій полкъ до сего раза никогда еще не имѣлъ счастія представляться Его Императорскому Величеству. Между прочимъ Его Величеству благоугодно было замѣтить, что Селенгинскому и Якутскому полкамъ—судьба сражаться совмѣстно съ моряками; такъ какъ оба они преимущественно дрались въ Севастополѣ, такимъ же образомъ начали и нынѣ въ дунайскую компанію.

На платформѣ, у входа на станціонную залу, были выстроены матросы гвардейскаго и черногорскаго экипажей, числомъ около 45 человѣкъ, участники взрыва втораго турецкаго монитора а также и четверо гальванеровъ, работавшихъ на шлюпкахъ, при минномъ загражденіи Мачинскаго рукава. Каждый изъ нихъ былъ украшенъ знакомъ отличія военнаго ордена, а впереди нихъ выстроились офицеры, получившіе награды за подвиги подъ Браиловымъ. Здѣсь стояли Георгіевскіе кавалеры, лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ; кавалеры ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами; Румынской службы маіоръ Муржеско и лейтенантъ Петровъ: кавалеры ордена св. Анны 3 степени съ мечами, мичманы: Персинъ и Баль, генералъ-маіоръ Боресковъ, завѣдывающій минными работами въ дѣйствующей арміи, капитанъ I ранга Рогуля и адъютантъ Его Высочества главнокомандующаго полковникъ Струковъ, получившіе золотое оружіе за храбрость и другіе.

Государь Императоръ подошелъ къ нимъ съ радостнымъ лицомъ видимо тронутый изъявленіями того неудержимаго восторга, который проявлялся въ кликахъ войска и народа. Поздоровавшись съ нижними чинами, георгіевскими кавалерами, Его Императорское Величество изволилъ подойти къ награжденнымъ офицерамъ, каждому изъ нихъ по очереди подалъ свою руку и каждому сказалъ по нѣскольку ласковыхъ высокомилостивыхъ словъ, относившихся къ личнымъ заслугамъ этихъ офицеровъ.

Эта минута, когда одинъ изъ могущественнѣйшихъ Императоровъ въ мірѣ, въ виду своихъ воиновъ и чужеземныхъ людей, чающихъ отъ его державной воли своего освобожденія, протягивалъ Царственную руку отличившимся офицерамъ и благодарилъ ихъ за самоотверженные подвиги—эта минута во всей ея простотѣ была исполнена высокой торжественности и глубокаго нравственнаго значенія для настоящаго военнаго времени.

Русскіе люди, живущіе въ Браиловѣ, поднесли Его Императорскому Величеству хлѣбъ—соль, а болгарскія, румынскія, и греческія женщины и дѣвицы бросали къ ногамъ Государя цвѣты и букеты.

Черезъ полчаса Императорскій поѣздъ отошелъ отъ браиловской станціи при восторженныхъ крикахъ войска и народа.

Въ тотъ же день, 26-го мая, съ шести часовъ вечера зала и платформа желѣзнодорожной станціи въ Плоэштахъ быстро начали наполняться массою разнородныхъ посѣтителей. Тутъ присутствовали заранѣе прибывшіе въ главную квартиру лица Императорской свиты адъютанты: Государя Наслѣдника Цесаревича, Главнокомандующаго и великаго князя Владиміра Александровича, полевой штабъ въ то время дѣйствовавшей арміи, генералы и адъютанты, состояв-

шіе при особѣ князя Карла *) префектъ города Плоэшты, съ депутаціею отъ мѣстныхъ жителей и семдесять пять человѣкъ болгарскихъ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ въ Молдо-Валахіи, гдѣ только проживаютъ Болгары съ настоятелемъ Бухарестской болгарской церкви и митрополитомъ всего болгарскаго духовенства въ Румыніи, Панаретомъ Рашевымъ.

Воспитанницы плоэштинскаго городскаго училища съ букетами и наконецъ въ залѣ—мѣстное духовенство въ полномъ облаченіи со крестомъ и св. водою, имѣя во главѣ своей плоэштинскаго соборнаго протоірея Константина Болинтинено, архимандрита келдурошанскаго монастыря, старца Тимофея, и архимандрита тымыдуирскаго монастыря старца, Ювеналія. Тутъ же находились и представители иностранныхъ армій: германской, австрійской, румынской, французской, датской, шведской и пр. Почетный караулъ, выстроенный вдоль платформы, занимала рота 3-й дружины болгарскаго ополченія. Посреди ея строя развивалось красивое знамя, присланное городомъ Самарою въ даръ болгарскому воинству.

На лѣвомъ флангѣ стояли ординарцы отъ почетнаго караула: офицеръ, унтеръ-офицеръ и рядовой-молодецъ болгаринъ, украшенный сербскою серебренною медалью «за храбрость,» а также и хоръ музыки 5 сапернаго батальона. Обѣ депутаціи, какъ румынская, такъ и болгарская, приготовили хлѣбъ—соль на серебряныхъ блюдахъ и слѣдующіе адресы:

1) Адресъ города Плоэшты:

Ваше Императорское Величество!

«Нашъ городъ почитаетъ себя теперь счастливѣе всѣхъ городовъ Румыніи, ибо Провидѣнію угодно было осчастливить его вашимъ посѣщеніемъ. Мы невыразимо счастливы, имѣя величайшую честь привѣтствовать Ваше Императорское Величество посреди румынскаго народа, который вамъ столь преданъ. И когда мы видимъ, что на побѣдоносныхъ вашихъ знаменахъ красуется надпись: «за свободу народовъ Востока» когда мы видимъ ваше безконечное великодушіе и милосердіе—мы усердно молимъ Бога, да поможетъ онъ Вашему Императорскому Величеству сломить общаго врага, на славу Россіи и ради свободы народовъ Востока. Да здравствуетъ Русскій Императоръ! Да здравствуетъ Россія!»

2) Адресъ Болгаръ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Молдо-Валахіи.

«Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь!

«Мы, пребывающіе въ Румыніи Болгаре, имѣвшіе злополучіе покинуть милую свою родину, чтобы въ чужой землѣ искать убѣжища отъ насилія и гоненія нашихъ мучителей,—считаемъ себя нынѣ счастливѣе своихъ единоплеменниковъ,

*) Румынскіе министры Братіано и Когольничано встрѣтили Государя Императора въ Яссахъ и проводили до Плоэштъ.

тѣмъ, что намъ выпалъ жребій первымъ встрѣтить свѣтлое Ваше лицо, Великій Государь, и съ благоговѣніемъ выразить у ногъ Вашего Величества безпредѣльную благодарность, которую чувствуетъ весь болгарской народъ при мысли о высокомъ подвигѣ, предпринятомъ по вашей Державной волѣ Великою Россіею изъ святой лишь любви къ угнетеннымъ и страждущимъ братьямъ, въ осуществленіе надеждъ, которыя Болгары отъ вѣка, по преданію возлагаютъ на Православнаго Русскаго Царя и на братственный русскій народъ для своего избавленія отъ тяжкаго рабства.

На болгарскомъ блюдѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Возвеселимхомся вси уповающіи на Тя и похвалимся о Тебѣ любящіи имя Твое. Великому Господарю Царю Александру В. (II) Дрьжавному заступнику за болгарскій народъ — пребывающи ти въ Ромыніи блъгаре, маія 1877 г.»

Станція и внѣ и внутри была изукрашена русскими и румынскими флагами, гирляндами изъ зелени, цвѣтами и вензелевыми щитами. Городъ также былъ убранъ флагами. На всемъ протяженіи пути отъ желѣзной дороги до дома въ которомъ изволилъ занять помѣщеніе Государь Императоръ стояли шпалерами, безъ оружія, войска: болгарскіе батальоны, пѣшій конвой Главнокомандующаго, набранный нынѣ изо всѣхъ пѣхотныхъ частей дѣйствующей арміи, лейбъ-гвардіи сводный казачій полкъ и часть собственнаго Его Высочества конвоя.

Почетный караулъ у дворца выставленъ былъ со штандартомъ отъ терскаго конвойнаго эскадрона; массы народа покрывали тротуары, занимали окна, балконы, веранды и террасы. На одной изъ улицъ была устроена арка изъ зелени и флаговъ.

Въ 7 часовъ 50 минутъ вечера подошелъ къ станціи Императорскій поѣздъ, доставленный сюда румынскимъ локомотивомъ, въ которомъ былъ укрѣпленъ среди зелени и флаговъ щитъ съ русскимъ государственнымъ гербомъ. Тотчасъ же на обширномъ окрестномъ пространствѣ разлилось «ура!» вмѣстѣ съ звуками Русскаго гимна.

Государь Императоръ по выходѣ изъ вагона изволилъ прослѣдовать по фронту почетнаго караула и принять ординарцевъ, а затѣмъ и депутаціи, причемъ владыка Панаретъ Рашевъ прочелъ болгарскій адресъ и благословилъ Государя иконою св. Константина и матери его Елены, къ которой Его Величество приложился устами, сотворивъ крестное знаменіе.

При поднесеніи хлѣба—соли, Болгары дружно грянули «живіо». Духовенство румынское встрѣтило Государя заздравною литіею и многолѣтіемъ, а воспитанницы городскаго училища поднесли букеты.

При слѣдованіи по улицамъ города, дамы съ изукрашенныхъ балконовъ кидали вѣнки и букеты. Вечеромъ всѣ окна обывательскихъ домовъ были иллюминованы, и долго еще въ разныхъ концахъ города раздавалась музыка и радостныя румынскія и болгарскія пѣсни.

26 мая, ранѣе полудня, Его Императорское Величество изволилъ принимать у себя князя Карла и представлять ему свою свиту, причемъ Государь Импе

раторъ и всѣ присутствовавшія лица Императорской фамиліи имѣли на себѣ цѣпь ордена Гогенцоллернскаго Дома.

Въ началѣ перваго часа дня Его Величество выѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича, Великихъ Князей: Николая Николаевича Старшаго, Владиміра и Сергѣя Александровичей, Николая Николаевича младшаго, Князя Карла, Герцоговъ Лейхтенбергскихъ Николая и Сергѣя Максиміліановичей, министровъ: Двора, военнаго, шефа жандармовъ и многочисленной свиты. Государь Императоръ изволилъ смотрѣть только-что прибывшія въ Плоэшти части конвоя главной Императорской квартиры.

Впереди справа по три, шелъ лейбъ-гвардіи кубанскій казачій эскадронъ, за нимъ по отдѣленіямъ—сводная гвардейская рота, потомъ взводъ гвардейскихъ саперъ, команда пѣшей артиллеріи и наконецъ сводный полуэскадронъ всѣхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ.

Появленіе нашихъ рослыхъ и красивыхъ молодцовъ гвардейцевъ видимо сдѣлало очень пріятное впечатлѣніе на массу горожанъ—зрителей. За симъ въ часъ дня Его Величество изволилъ посѣтить расположенный неподалеку отъ дворца, въ саду одного частнаго владѣльца, бивуакъ сводной гвардейской роты.

Празднованіе дня св. Кирилла и Меѳодія въ Плоэштахъ.

Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе въ развитіи Болгаръ имѣютъ святые Кириллъ и Меѳодій; поэтому, день ихъ памяти 11 мая считается національнымъ праздникомъ.

Въ 1877 году праздникъ этотъ бымъ отпразднованъ съ особымъ торжествомъ, такъ какъ изображенія святителей находятся на первомъ знамени болгарскаго ополченія 3-й дружины.

Съ самаго утра, не смотря на пасмурную погоду *) болгары съ семействами своими въ фаэтонахъ и пѣшкомъ въ болгарскій лагерь (*beareska*), для принятія участія въ національномъ празднествѣ. Въ 12 часовъ было отслужено молебствіе на открытомъ полѣ, подъ развѣвавшимся знаменемъ, на которомъ показывалось изображеніе тѣхъ славянскихъ солуньскихъ братій, которые въ IX вѣкѣ предприняли труднѣйшую задачу освобожденія славянскаго міра отъ язычества и невѣжества, которые проповѣдывали (азовско-таврическимъ, дунайскимъ болгарамъ и моравамамъ) святое Евангеліе и вмѣстѣ съ тѣмъ дали славянскому міру азбуку общеславянскую. Болгары удостоились отпраздновать самымъ торжественнымъ образомъ 11 мая въ центрѣ окруженномъ болгарскимъ войскомъ. Давно Болгары не находились подъ впечатлѣніями такой высоко-торжественной минуты; давно они не молились Богу на открытомъ полѣ безъ страха; давно они не слышали отъ своихъ священниковъ громкой молитвы на эктеніяхъ о своемъ любимомъ Царѣ Освободителѣ, о славномъ русскомъ царственномъ домѣ, о военачальникахъ и объ арміи россійской. Но вотъ русскій народъ—пожелалъ, Го-

*) Корресп. Одесскаго Вѣст.

сударь Императоръ—повелѣлъ, любезный Его братъ—выступилъ со всею арміею—и Болгары славятъ Бога въ день Кирилла и Меѳодія на военномъ полѣ.

Воля Господня, воля Всероссійскаго Императора и сила русскаго народа приготовили Болгарамъ такое высокое торжество, въ которомъ участвовали Болгары изъ Россіи, Румыніи и Турціи. Въ самый моментъ молебствія прибыло до 340 душъ Болгаръ для поступленія въ ополченіе; ожидалось въ то время еще до 400 душъ изъ Галаца.

Послѣ окончанія молебствія болгарскія дружины прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо своего любимаго военачальника генерала, Столѣтова и штабъ-офицеровъ. Дружины выглядывали молодцами, на лицѣ ихъ замѣтно было чувство высоко-торжественнаго самодовольства, радость и горячее желаніе броситься на 500-лѣтняго врага Болгаріи.

Ну, эти сыны растерзанной Болгаріи не убоятся турецкаго Аллаха и не отступятъ передъ всей турецкой арміей. Это свидѣтельствуетъ чета Ботьева, пробравшаяся въ прошломъ году въ Балканы черезъ Дунай и битвы въ Сербіи, особенно подъ Копривницею и Гредетиномъ. Да и самъ генералъ Черняевъ мнѣ лично говорилъ (слова корреспондента), что Болгары выдержали въ Сербіи отлично два сраженія и лучше Сербовъ дерутся и что въ соединеніи съ русскими, болгарскія дружины, по словамъ г. Черняева, покажутъ чудеса храбрости.

Уже Славянамъ не разъ приходилось доходить до воротъ Константинополя Вардара и Дирракіума (со II вѣка) они теперь не посрамятся подъ командою своихъ офицеровъ русской школы. На присутствовавшихъ Болгаръ произвелъ особенно отрадное впечатлѣніе тотъ случай, когда во время молебствія маленькій вѣтерокъ развивалъ знамя, на которомъ всѣ видѣли изображеніе Иверской Божіей матери и св. Кирилла и Меѳодія, къ коимъ каждый возносилъ свою молитву о дарованіи побѣды русскій арміи и болгарскому ополченію и объ освобожденіи Болгаріи.

Послѣ окончанія молебствія Болгары пожелали генералу Столѣтову отпраздновать второй праздникъ этого знамени за побѣду въ скоромъ времени въ Болгаріи.

Послѣ этаго торжество было окончено: пошелъ дождикъ, который помѣшалъ Болгарамъ праздновать цѣлый день первую годовщину своего военнаго праздника на пріятельской территоріи, въ сосѣдней Русскимъ и Болгарамъ Румыніи, сочувствовавшей всегда славянскому прогрессу и свободѣ дунайскихъ народовъ, съ которыми интересы Румыніи тѣсно связаны.

Въ память 11 мая была написана слѣдующая рѣчь, которая читалась въ дружинахъ болгарскаго ополченія:

Болгарскіе войники!

«Сегодня нашъ болгарскій народъ удостоился имѣть своихъ войниковъ, свое войско, зародышъ своей будущей арміи, подъ главною командою Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича, любезнаго брата Августѣйшаго монарха Всероссійскаго Александра II, который Царски повелѣлъ своей храброй южной

дѣйствующей арміи начать освобожденіе нашего, 484 лѣтъ тому назадъ (1393 г.) порабощеннаго Турками, отечества Болгаріи.

«Юнаки! Болгарія теперь въ первый разъ видитъ рѣдовни ое и дисциплинированное россійское войско, составленное изъ ея дѣтей, храбрыхъ и свободолюбивыхъ болгаръ, подъ особою русскаго командою съ своимъ болгарскимъ штабомъ.»

«Въ 1595 г. болгарскій юнакъ *Дебелый-Новакъ*, изъ царскаго дома *Шишмановъ* (тоже: дебелыхъ, толстыхъ) началъ было освобожденіе Болгаріи, которую онъ и освободилъ временно отъ Бѣлграда по Дунаю до Чернаго моря и Днѣстра съ г. Аккерманомъ, въ союзѣ съ Румынами, Славяно-Команами и Малороссійскими казаками.»

«Эти подвиги болгарскаго оружія дали первое начало сближенію Болгаръ съ русскими послѣ татаро-монгольскаго и турецкаго погрома (XIII—XV в.) надъ славянскимъ міромъ; сближеніе не мало способствовало успѣхамъ русскаго оружія на югѣ въ Петровскую эпоху. Столбъ Славянства, Петръ Великій, продолжалъ политику *Дебелаго-Новака* на Дунаѣ; она осуществляется нынѣ.... Вотъ это знамя служитъ тому доказательствомъ, съ болгарскимъ ополченіемъ и всею двигающая къ Болгаріи неутомимою русскую арміею!»

Съ тѣхъ поръ (1602 г.) и по сіе время Болгарія не видали рѣдовнаго войска въ союзѣ съ великимъ, славнымъ и непобѣдимымъ русскимъ народомъ и опять таки вмѣстѣ со старыми нашими друзьями Румынами на ихъ гостепріимной территоріи.

«Воины! Вамъ принадлежитъ первая честь за удостояніе находиться подъ этимъ національнымъ знаменемъ, поднесеннымъ нашими покровителями и защитниками русскими изъ далекихъ странъ, изъ славнаго г. Самары и освященнаго такъ торжественно въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго и всѣхъ военачальниковъ Его арміи. Вы имѣли великое счастіе принять для защиты это знамя изъ Великокняжескихъ рукъ Его Высочества. Это не есть обыкновенное знамя: оно изготовлено русскимъ народомъ и поднесено болгарскому народу, какъ залогъ вѣчной любви и неразрывной связи между Русскими и Болгарами: На этомъ знамени находятся пригвожденные гвозди великихъ князей: отца и сына; тамъ гвозди храбрыхъ генераловъ, тамъ же и гвозди пригвожденные нашими болгарскими руками. На этомъ знамени слилась и производилась славянская взаимность и дружба.»

«Храбрецы! Мы съ вами празднуемъ нынѣ первую годовщину такого знаменательнаго и перваго болгарскаго знамени, которое носитъ изображеніе и славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія, память которыхъ сію минуту чтится и торжественно славится по всей Россіи и въ славянскомъ мірѣ. Русскіе колокола возвѣщаютъ славу и духовенство въ каждой русской церкви говоритъ рѣчи о значеніи проповѣдей и дѣятельности св. апостоловъ Кирилла и Меѳодія для славянскаго могущества и просвѣщенія: Весь славянскій и русскій міръ нынѣ ликуетъ.»

«Наша военная исторія начинаетъ свои торжественныя празднества съ сего дня въ лагерѣ Болгарскаго ополченія, *на военномъ Болгарскомъ полѣ.* Имѣемъ

упованіе на Бога, что какъ въ IX вѣкѣ св. апостолы Кириллъ и Меѳодій освободили славянской міръ вообще и Болгарскій въ особенности отъ язычества и невѣжества, такъ они же и нынѣ будутъ находиться въ болгарскомъ ополченіи, будутъ его воодушевлять въ сраженіяхъ и помолятъ Ему наконецъ избавить Болгарію и отечество св. Кирилла и Меѳодія—Солонъ съ славянскою Македоніею —отъ турецкаго рабства. Непобѣдимая русская армія облегчитъ ваши побѣды: съ вами побѣдахъ Богъ, святые славянскіе апостолы, храбрая армія и весь русскій народъ. Побѣда при такихъ условіяхъ несомнѣнна!»

«Войники! Вы празднуете сегодня праздникъ Святыхъ, изображенныхъ на вашемъ знамени; второй послѣ этаго праздникъ долженъ быть празднуемъ за побѣду, которую вы одержите надъ высокомѣріемъ и упорствомъ азіатскихъ ордъ, которымъ хочется вѣчно и безнаказанно позорить права нашего отечества и священнаго очага. Подъ этимъ знаменемъ вы будете бросаться съ ятаганами и саблями молодецки на Турокъ которые затопили наши человѣческія права, поработили наше отечество; безчеловѣчно избили и отуречили нашихъ царей, князей и боляровъ *); отуречили наши церкви и алтари; ихъ превратили въ бани и конюшни; облили всю Болгарію кровью нашихъ матерей, отцевъ, братьевъ, сестеръ и невинныхъ *голубо* и *черно-глазныхъ* дѣтей; изъ утробъ матерей вырывали дѣтей, подбрасывали и ловили ихъ на ятаганахъ, живыхъ дѣтей и взрослыхъ немилосердно жарили; отуречили молоденькихъ и красивыхъ дѣвицъ, невѣстъ и дѣтей; наполняли ими свои развратные вертепы гаремной жизни; вѣшали нашихъ священниковъ и учителей; все опоганили безбожные агарянцы, неимѣющіе чувствъ человѣколюбія. Въ огнѣ и пламени горитъ милая Болгарія и по сію минуту растерзанная, измученная Болгарія надѣется на храброе и непобѣдимое русское войско, въ рядахъ котораго находитесь и вы, войники, подъ знаменемъ, праздникъ коего нынѣ празднуемъ».

«Болгарія съ плачемъ и рыданіемъ проситъ васъ не отставать отъ своихъ братій по оружію, Русскихъ, въ битвахъ за освобожденіе Болгаріи.»

Если русскіе оставили своихъ женъ, дѣтей, занятія, интересы, спокойствіе и рѣшились умирать за васъ и за насъ въ Болгаріи и на Дунаѣ, то сколько обязываетъ васъ и каждаго Болгарина, войники, патріотизмъ, честолюбіе и личный интересъ умерѣть въ побѣдахъ противъ собственнаго домашняго врага!

«Болгарія надѣется» что вы съ достоинствомъ будете защищать настоящее знамя, увѣковѣчите его побѣдами и геройски будете умирать на бойномъ полѣ, гдѣ слава ожидаетъ каждаго юнака. Будетъ съ насъ и того сколько мы умирали въ запертомъ воздухѣ безъ славы подъ нравственнымъ и физическимъ давленіемъ агарянцевъ, которые не дозволяли намъ даже имѣть становаго, чтобы судить насъ по болгарски, по законамъ нашихъ предковъ и обычнаго права.»

«Войники! Вы знаете, что значитъ турецкая конституція на фетвѣ софтъ мальчугановъ; конституція уничтожаетъ языкъ св. Кирилла и Меѳодія, уничтожаетъ славянскую кирилловскую азбуку; она уже отрубила, юридически, нашъ остествен-

*) Бояръ.

ный языкъ и требуетъ чтобы замолчала славянская рѣчь въ устахъ болгарина предъ турецкимъ кровавымъ ареопагомъ и предъ каждымъ баши-бузукомъ; конституція домогается сдѣлать насъ Турками посредствомъ слiянія Ивана съ Ахмедомъ и настаиваетъ, чтобы мы не славили Бога живаго по славянски. Именно о такомъ насиліи надъ славянскою рѣчью и переносили славянскіе апостолы столько страданій и гоненій отъ враговъ Славянства. На вашу долю палъ жребій подъ этимъ знаменемъ защищать языкъ, азбуку и славянскую книжевность отъ турецкихъ шейховъ и имамовъ, которые собираются окончательно отуречить болгарское населеніе и этимъ фактически заставить заглохнуть славянскую рѣчь на Балканахъ.

«Вы, дорогіе соколы и сыны Болгаріи, идите сражаться за священныя права, языкъ и вѣру Болгаріи подъ этимъ знаменемъ. Будьте юнаками и увѣнчайте это первое знамя побѣдами въ славу и честь Россіи и Болгаріи.»

«Вспомните, что вы находитесь подъ командою храбрыхъ Русскихъ. Старайтесь заслужить хлѣбъ, который вамъ дается.»

Матросы—минеры, взорвавшіе турецкій броненосецъ «Хивзи-Рахманъ.»

Раздѣлявшіе труды подвига Шестакова и Дубасова матросы-минеры: Алексѣй Ботинъ и Василій Степинъ.

Алексѣй Ботинъ находился на паровомъ катерѣ «Цесаревичъ» матросомъ 1 статьи 6 флотскаго экипажа. Ботинъ вступилъ на службу 29 января 1872 г. Прослужилъ въ перемѣнномъ составѣ учебно-артиллерійской команды, изъ которой былъ выпущенъ послѣ экзамена комендоромъ 1-го разряда. Послѣ чего поступилъ въ минную школу, проплавалъ 4 мѣсяца въ минномъ отрядѣ на паровомъ клиперѣ «Изумрудъ» и послѣ экзамена 7 октября 1876 года былъ произведенъ въ минеры. Василій Степинъ находился на катерѣ «Ксенія» подъ командою лейтенанта Шестакова, минеромъ, состоялъ матросомъ I-го флотскаго Великаго князя Генералъ-Адмирала. Степинъ поступилъ на службу 18 го января 1873, былъ назначенъ въ минную школу, плавалъ 4 мѣсяца на двухъ-башенной броненосной лодкѣ «*Чародѣйка*,» занимаясь практически миннымъ дѣломъ и, былъ произведенъ въ минеры 7-го октября 1876 г., послѣ экзамена, выдержаннаго въ минной школѣ.

Удачная Русская приманка. *)

(На Кавказѣ.)

14 и 15 апрѣля, у поста св. Николая, турецкіе броненосцы по одному и по два каждый день подходили подъ самый берегъ и пускали по нѣскольку бомбъ и гранатъ на Николаевскій постъ.

*) Корресп. Тифлис. Вѣстн. 1877 года.

Операцію эту они совершали такимъ образомъ:

Броненосецъ подступаетъ къ берегу на очень близкое разстояніе и останавливается; затѣмъ матросъ вскорабкивается на мачту съ подзорною трубкою и высматриваетъ, нѣтъ-ли кого либо, и затѣмъ начинаютъ стрѣлять.

Это продолжалось до 22 числа. Между тѣмъ въ Николаевскѣ, еще до времени объявленія войны, были устроены два деревянныя орудія для обученія нижнихъ чиновъ артиллерійскимъ пріемамъ, стоявшаго тамъ Александропольскаго полка. Ночью, поручикъ Александропольскаго полка Поповъ, при помощи того же полка писаря Панкратьева, двѣ вышесказанныя деревянныя пушки вытащили на бугоръ, окружающій съ моря Николаевскъ и поставили ихъ по направленію къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ останавливаются броненосцы; окопали кругомъ такъ, что только издали видны были одни тѣла орудій, которыя покрасили разведенной въ водѣ сажей.

Затѣмъ, сзади и по бокамъ этихъ оригинальныхъ боевыхъ орудій поставили нѣсколько плахъ дровъ, на которыя надѣли никуда негодныя солдатскія шапки, и этимъ составили импровизированную артиллерійскую прислугу.

На другой день съ разсвѣтомъ, по обыкновенію, приходитъ въ Николаевскъ турецкій броненосецъ и останавливается на извѣстномъ мѣстѣ; затѣмъ матросъ, по принятому обыкновенію полѣзъ на мачту высматривать; вдругъ матросъ этотъ стремглавъ спускается внизъ, и пароходъ полнымъ ходомъ убирается въ море, откуда, находясь уже внѣ выстрѣла, далъ нѣсколько выстрѣловъ и ушелъ въ Цихдзири,—мѣсто стоянки.

Съ того времени турецкіе мониторы часто подходили къ Николаевску, и останавливались постоянно далеко отъ берега, откуда и пошвыривали снаряды, стоящіе отъ 25 до 150 руб. за снарядъ, чтобы только сбить оригинальныя орудія съ своей стойкой прислугой.

Организація сестеръ общества Краснаго Креста.

Война, поднятая Россіею въ защиту Христіанъ, угнетенныхъ на Балканскомъ полуостровѣ, вызвала во всѣхъ слояхъ нашего общества широкую готовность на жертвы въ пользу великаго дѣла и въ облегченіе страданій тѣхъ, кто прольетъ за него братскую кровь.

Готовность эта выразилась, между прочимъ, и въ чрезвычайномъ наплывѣ въ общество Краснаго Креста лицъ всѣхъ сословій Петербургскаго населенія, желающихъ на время военныхъ дѣйствій посвятить себя дѣятельности сестеръ Краснаго Креста.

Для правильной организаціи ихъ пріема и испытанія ихъ знаній и подготовки къ предстоящимъ трудамъ, Государынѣ Императрицѣ благоугодно было уполномочить Ея Императорское Высочество Евгенію Максиміліановну, Принцессу Ольденбургскую, на принятіе всѣхъ необходимыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ и распоряженій относительно сестеръ Краснаго Креста, подготовляющихся въ С.-Пе-

тербургѣ. Приступивъ къ выполненію возложенной на нее задачи, Принцесса Ольденбургская признала необходимымъ организировать пріемъ и подготовленіе лицъ, желающихъ принять на себя обязанности сестеръ Краснаго Креста на нижеслѣдующихъ главныхъ основаніяхъ, составляющихъ развитіе общихъ правилъ, начертанныхъ обществомъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, по основной мысли которыхъ отъ сестеръ Краснаго Креста требуется безкорыстное стремленіе отдать себя на служеніе страждущимъ воинамъ, умѣнье съ надлежащимъ знаніемъ и навыкомъ, приложить это стремленіе къ дѣлу.

Всѣ, желающія поступить въ сестры Краснаго Креста, по заявленію объ этомъ въ главномъ управленіи Общества Краснаго Креста, распредѣлялись, согласно распоряженіямъ Ея Императорскаго Высочества, по общинамъ сестеръ Милосердія: св. великомученика Георгія, св. Троицы и Покровской и по находившимся въ С. Петербургѣ и его окрестностнымъ больницамъ и госпиталямъ, при чемъ принимались во вниманіе: ихъ мѣсто жительства, свѣдѣнія о предварительной ихъ подготовкѣ и размѣръ комплекта могущаго быть помѣщеннымъ въ каждое изъ упомянутыхъ учрежденій.

Въ учрежденіяхъ этихъ онѣ подвергались надлежащему испытанію и обученію. Въ виду необходимости точнаго удостовѣренія не только въ теоретическихъ знаніяхъ, но и въ практическихъ способностяхъ ихъ къ труднымъ занятіямъ сестры Краснаго Креста и при разнообразіи условій и требованій, при которыхъ выдаются свидѣтельства въ имѣніи соотвѣтствующихъ знаній, было принято за правило: кромѣ слушательницъ IV и V курсовъ медицины, преподаваемыхъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, всѣ остальныя лица подвергаются испытанію и обученію, не смотря на имѣющіеся дипломы и удостовѣренія. Высшій срокъ обученія былъ шестинедѣльный, но доказанныя на практикѣ знанія могутъ служить основаніемъ къ существенному его сокращенію.

Подготовка сестеръ Краснаго Креста состояла, главнымъ образомъ, по обученіи всѣмъ обязанностямъ лежащимъ на сестрахъ милосердія при военныхъ госпиталяхъ и обозначенныхъ преимущественно въ §§ 11—14 и 17 утвержденныхъ военнымъ министромъ правилъ для сихъ сестеръ.

Окончаніе воспитанія и обученія опредѣлялось врачемъ, завѣдывающимъ подготовленіемъ будущихъ сестеръ въ той или другой больницѣ. Пріобрѣтшія настоящія знанія и доказавшія свою пригодность къ уходу за ранеными и больными, получали свидѣтельства, дававшія право быть сестрою Краснаго Креста.

Какъ замѣчено выше, сестры Краснаго Креста должны удовлетворять двумъ требованіямъ: безкорыстнаго стрѣмленія на помощь ближняго и знанія дѣла. Самоотверженная дѣятельность, не опирающаяся на знаніе дѣла и умѣніе, будетъ въ большинствѣ случаевъ безплодною тратою силъ. Познаніе и опытъ не согрѣтые лучами смиренія и безкорыстной любви къ страждущимъ—нерѣдко будутъ лишены силы, которая дѣлаетъ ихъ особенно полезными.

Въ виду сего лица, желающія быть сестрами Краснаго Креста и вошедшія въ группу испытуемыхъ, должны, подготовляясь къ своей трудной дѣятельности, образовать тѣсный кружокъ, проникнутый одной цѣлью и однимъ общимъ созна-

ніемъ важности и святости принимаемыхъ на себя обязанностей, чуждымъ всякихъ посторонних соображеній.

Для направленія испытуемыхъ къ этой цѣли, для внесенія въ нихъ отношеніе къ дѣлу необходимаго единства, во главѣ отдѣльныхъ группъ учащихся поставлены дамы руководительницы, принявшія на себя, по приглашенію Принцессы, Ольденбургской, обязанность ближайшаго руководства и ознакомленія съ нравственными свойствами лицъ, поступающихъ въ сестры Краснаго Креста.

Нравственныя свойства будущихъ сестеръ Краснаго Креста не должны стоять въ противорѣчіи съ предстоящею ихъ дѣятельностью или возбуждать опасенія могущихъ возникнуть въ будущемъ затрудненій. По этому дамы—руководительницы получили право, по соглашенію съ старшимъ врачемъ учрежденія, удалять всякую испытуемую въ немъ, которая по своимъ нравственнымъ свойствамъ окажется несоотвѣтствующею ея будущимъ обязанностямъ.

Матеріальное положеніе сестеръ Краснаго Креста обезпечено: выдачею офицерскихъ порцій натурой или деньгами, по 30 рублей ежемѣсячнаго жалованія и 100 рублей на форменный обязательный костюмъ.

Куда отправленъ флагъ съ броненосца «Хивзи-Рахманъ.»

29 мая *) въ морскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ происходила церемонія принятія флага съ монитора, потопленнаго моряками на Дунаѣ.

Для этого торжества воспитанники были выстроены въ просторной столовой залѣ съ ихъ знаменемъ при взводѣ отъ старшаго класса. Въ полдень, управляющій министерствомъ, генералъ-адъютантъ Лесовскій, вошелъ въ залъ, сопровождаемый высшими чинами флота и многими штабъ и оберъ-офицерами.

Поздоровавшись съ воспитанниками и обойдя по фронту, адмиралъ Лесовскій приказалъ внести турецкій флагъ и прочиталъ передъ собравшимися въ залѣ, между которыми были и немногіе посторонніе посѣтители, рескриптъ генерала-адмирала на имя училища по волѣ Государя Императора. Окончаніе чтенія рескрипта присутсвующіе привѣтствовали криками: «ура!» при звукахъ народнаго гимна, исполненнаго хоромъ музыкантовъ. Вслѣдъ за этимъ начальникъ училища обратился къ своимъ воспитанникамъ съ краткою рѣчью, въ которой указалъ на особое вниманіе Государя къ училищу.

Эти слова юные моряки привѣтствовали криками «ура!»

Торжество окончилось нѣсколькими словами генералъ-адъютанта Лесовскаго, съ которыми онъ обратился къ воспитанникамъ. Указавъ на необходимость для морскаго офицера изучать свое дѣло и теоретически и практически, онъ пожелавъ воспитанникамъ благополучнаго плаванія, такъ какъ тотчасъ послѣ торжества они должны были отправиться на суда своей эскадры, чтобы начать лѣтнее плаваніе.

*) Новое Время.

Полковникъ Сланичано.

(Начальникъ штаба румынской арміи.)

Полковникъ Георгій Сланичано считается однимъ изъ способнѣйшихъ людей румынской арміи. Основательно изучивъ военное искусство, онъ обладаетъ въ тоже время замѣчательнымъ талантомъ организатора. Вступивъ въ завѣдываніе военнымъ министерствомъ въ апрѣлѣ 1876 г., послѣ паденія консервативнаго кабинета, онъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ создалъ изъ румынскаго войска грозную военную силу, снабженную въ изобиліи боевыми снарядами и, которая показала себя въ сраженіяхъ съ Турками. Въ теченіи непродолжительнаго своего управленія военнымъ вѣдомствомъ, полковникъ Сланичано организировалъ восемъ новыхъ пѣхотныхъ полковъ и 35000 милиціи съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи.

При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что такіе результаты достигнуты съ сохраненіемъ значительной экономіи при уменьшеніи военнаго бюджета почти на 7 милліоновъ франковъ.

Краткія извѣстія о дѣйствіяхъ лейтенантовъ Макарова, Рождественскаго и Пущина. *)

Пароходы «Константинъ» и «Владиміръ» 29 мая возвратились въ Одессу съ миноносными катерами за исключеніемъ одного, подъ командою лейтенанта Пущина, котораго искать посланъ былъ пароходъ «Аргонавтъ.»

Дѣло было такъ: пароходъ «Константинъ», подъ командою лейтенанта Макарова имѣлъ на буксирѣ шесть паровыхъ катеровъ. Подойдя къ Сулинѣ на разстояніи пяти миль, въ два часа ночи открылъ четыре непріятельскихъ броненосцевъ, изъ которыхъ три стояли на якорѣ, на которые пустилъ впередъ миноносные катера. Изъ нихъ одинъ, подъ начальствомъ лейтенанта Рождественскаго, смѣло аттаковалъ близь лежащій броненосецъ и у борта его произошелъ минный взрывъ. Результатъ неизвѣстенъ; **) кажется: мина встрѣтила ограждение. Слышенъ былъ еще одинъ взрывъ, вѣроятно съ катера лейтенанта Пущина.

Непріятель открылъ сильный картечный и ружейный огонь, слѣды котораго видны на катерѣ Рождественскаго. Убитыхъ у него нѣтъ, какъ равно и на катерахъ «Константина». Исполненіе дѣла была возложено на лейтенанта Макарова, который своими смѣлыми дѣйствіями и разумными распоряженіями вполнѣ оправдалъ ожиданіе и утромъ, забравши миноносные катера, благополучно возвратился въ Одессу.

---

* Изъ офиц. телег. генерала Аркаса 30 мая 1877 г.

** Болѣе подробная статья будетъ объ этомъ впослѣдствіи.

Лейтенантъ Рождественскій и его команда также оказали себя молодцами. Для розыска катера лейтенанта Пущина посланный Аргонавтъ, безуспѣшно достигнувшій до устья Дуная, не нашелъ искомаго катера.

По показаніямъ казаковъ, стоявшихъ на постахъ по Килійскому рукаву и жителей селенія Жербрини слышны были выстрѣлѣ къ стороны Сулина въ ночь, слѣдовавшую послѣ ночной аттаки нашихъ миноносцевъ.

Генералъ-адъютантъ Аркасъ въ донесеніи своемъ свидѣтельствуетъ объ отважныхъ дѣйствіяхъ какъ лейтенантовъ Макарова и Рождественскаго, такъ и равно лейтенантовъ Давыдова и Писаревскаго, объ отличной распорядительности старшаго механика Павловскаго и вообще о мужествѣ всѣхъ остальныхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

Казацкая ловкость, а Туркамъ убытки.

Партіи нашихъ казаковъ нужно было достигнуть одного пункта на Дунаѣ, для чего слѣдовало прокатиться вдоль берега этой рѣки и чтоже: казаки наткнулись на мониторъ.

Съ берега замѣтили они, что на мониторѣ ихъ увидѣли; суета, бѣготня всѣхъ бывшихъ на мониторѣ показывала очень ясно нашимъ козакамъ, что по нимъ хотять стрѣлять. Разстояніе монитора отъ берега было отъ 300 до 400 сажень.

Тогда наши казаки ухитрились; отъѣхавъ немного въ бокъ, въ прикрытое мѣсто, они стали выпускать оттуда по одному всаднику во весь опоръ: казакъ съ быстротой молніи переносился чрезъ открытое для стрѣльбы пространство и исчезалъ за кустами. Съ монитора раздавался тяжеловѣсный ударъ.... Бомба летѣла далеко на берегъ и не лопалась. Далѣе опять тоже самое: опять одинъ казакъ перескакалъ открытую дистанцію и такимъ образомъ, по одиночкѣ, проскакала вся партія.

Турки послали нѣсколько десятковъ бомбъ въ перерѣзъ нашимъ молодцамъ, но не зацѣпили ни одного. А какъ каждый выстрѣтъ монитора стоитъ на наши деньги не менѣе 50 рублей, то это ухитреніе казаковъ причинило турецкой имперіи убытковъ безъ всякой пользы для нея по крайней мѣрѣ на 1500—2000 руб.

Общій обзоръ военныхъ дѣйствій.

(Съ 22 по 28 мая.)

Сколько можно судить по краткимъ телеграфическимъ извѣстіямъ, полученнымъ въ теченіи вышесказаннаго времени, большая часть нашей *дѣйствующей* арміи окончила первый подготовительный періодъ своихъ операцій, то есть—стратегическое сосредоточеніе на лѣвомъ берегу Дуная. Задача эта требовала много времени и напряженныхъ усилій со стороны войскъ въ виду повсемѣстной порчи въ Румыніи какъ грунтовыхъ, такъ и желѣзно-дорожныхъ путей

сообщенія, вслѣдствіе необычайнаго разлитія водъ. Благодаря энергическимъ мѣрамъ и содѣйствію войскъ, дороги, насколько возможно, были исправлены и временно прерванныя сообщенія—возстановлены; такъ какъ вода въ лѣвыхъ притокахъ начала убывать, то можно было уже легче расчитывать, что движеніе тыловыхъ войскъ и тяжестей арміи будетъ производиться безпрепятственно.

По мѣрѣ занятія нашими передовыми войсками лѣваго берега Дуная, Турки съ своей стороны возводили на противуположномъ берегу рѣки новыя баттареи и открывали артиллерійскій огонь противъ нашихъ и румынскихъ позицій. Мы уже видѣли ранѣе что они 24-го мая бомбардировали Калафатъ и Журжево, а на другихъ пунктахъ Дуная поддерживали незначительныя перестрѣлки, впрочемъ безъ вреда и потерь для насъ; также 26-го мая Турки пытались демаскировать *) свои баттареи у Туртукая, противъ Ольтеницы, но меткимъ огнемъ нашей артиллеріи укрѣпленія ихъ были почти разрушены и непріятель былъ принужденъ снять свои орудія.

Наконецъ мы также видѣли, что къ этому времени 25-го мая вечеромъ прибылъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, въ городъ Плоэшти Государь Императоръ съ Вел. Князьями: Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Сергѣемъ Александровичемъ.

Операція *Кавказскаго дѣйствующаго корпуса* въ турецкой Арменіи отъ 22 по 28 мая сохраняли по прежнему наступательный характеръ. Послѣ разсѣянія 18 мая **) нашею кавалеріею турецкой конницы при с. Бегли-Ахметъ, непріятельскія войска поспѣшно отступили за Саганлугъ, причемъ наша летучая колонна успѣла настигнуть ихъ лагерный транспортъ. Главныя силы генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, очиставъ Карскій санджакъ отъ турецкихъ войскъ, производили подобныя рекогносцировки опоясывающихъ крѣп. Карсъ внѣшнихъ укрѣпленій.

Между тѣмъ оба боковые отряда Кавказскаго корпуса, Ардаганскій и Эриванскій, продолжая наступленіе, далеко опередили фронтъ расположенія главныхъ нашихъ силъ подъ Карсомъ, постоянно угрожая обоимъ флангамъ турецкой арміи, которые и отступали безъ сопротивленія. Такъ высланная 20 мая изъ *Ардагана* колонна, дойдя форсированнымъ маршемъ до Пеняка, подвинулась далѣе до самаго города Ольты, которую и заняла 21 числа вечеромъ безъ боя, при чемъ переходъ отъ Ардагана до Ольты въ 115 верстъ былъ сдѣлалъ нашею кавалеріею въ 36 часовъ, а пѣхотой въ 2-е сутокъ. Если принять въ соображеніе переходъ этотъ, погористой мѣстности, гдѣ пути еще не совсѣмъ обсохли послѣ весенняго таянія снѣговъ, то 60 верстъ въ сутки представляетъ довольно трудный подвигъ для походнаго солдата.

Въ Пенякѣ и Ольтѣ Ардаганская колонна нашли большіе склады зерна, ружей съ патронами и лагерныхъ принадлежностей. Населеніе Ольтенской каты ***) почти исключительно магометанское, радушно встрѣтило наши войска. Находив-

---

*) Открывать баттарею. **) Читатель можетъ припомнить это пробѣжавъ страницу 00.
***) Ката—уѣздъ

шаяся въ Ольтѣ турецкая пѣхота съ артеллеріею, числомъ до 4000 человѣкъ отступила въ Эрзерумъ.

Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова, находившійся тогда въ Сурпъ-Оганесѣ (монастырѣ св. Іоанна Предтечи), выдвинулся точно также впередъ, занявъ 23 мая, безъ боя Кара-Калису (въ 25 верстахъ отъ Алашкерта) и оставленную непріятелемъ укрѣпленную позицію близь этого пункта.

Регулярныя войска, занимавшаго ее, турецкаго отряда отступили по направленію къ Эрзеруму, а иррегулярныя, преимущественно изъ мѣстнаго населенія Курдовъ, разошлись по домамъ.

О дѣйствіяхъ нашихъ войскъ *въ Лазистанскомъ санджакѣ* получены слѣдующія свѣдѣнія: Кабулетскій отрядъ произвелъ съ 22-го мая нѣсколько движеній вверхъ по рѣкѣ Ачкуа, встрѣчая со стороны жителей заявленія о покорности *) Ріонскій отрядъ устроилъ мосты для переправы черезъ р. Кинтриши и продолжалъ разработывать дорогу для дальнѣйшаго движенія; вмѣстѣ съ тѣмъ было приступлено къ укрѣпленію высотъ Самеба, на лѣвомъ берегу названной рѣки, занятыхъ нашимъ рускимъ отрядомъ съ боя 16 мая.

Въ *Сухумскомъ отдѣлѣ* происходили стычки на рѣкѣ Кодорѣ между нашими отрядами и высадившимися горцами. Съ прибытіемъ подкрѣпленія подъ начальствомъ генерала-Алхазова, настроеніе Абхазцевъ измѣнилось къ лучшему, такъ что нѣкоторыя селенія начали выдавать и представлять заложниковъ.

На *Черноморскомъ пребрежьѣ*, къ сѣверу отъ Сухумскаго отдѣла, турецкій флотъ бомбардировалъ беззащитныя поселенія и 20 мая сдѣлалъ попытку десанта съ орудіями у Сочи, отбитую мѣткимъ огнемъ нашихъ войскъ, скрытно расположенныхъ на берегу: находившіяся на гребныхъ судахъ турецкія десантныя **) войска понесли огромныя потери, послѣ чего непріятельскій флотъ ушелъ на югъ къ Пицундѣ (въ 75 вер. отъ Сочи), потеря наша, благодаря траншейнымъ прикрытіямъ, состояла въ одномъ убитомъ.

Русскіе поселенцы, принужденные покинуть свои жилища, разрушенныя бомбардированіемъ турецкихъ броненосцевъ и горцами, находятся подъ охраной нашихъ отрядовъ.

Домъ въ Плоэшти.

(Мѣстопребываніе Государя Императора.)

Домъ, занятый для Его Величества, былъ совершенно новый и весьма удобно расположенный. Подъѣздъ и главный фасадъ какъ и во всемъ городѣ обращены во дворъ. Чрезъ подъѣздъ входъ прямо въ пріемную, которая была установлена мебелью неполированнаго орѣха, обита темно-малиновымъ штофомъ; прямо противъ пріемной, находилась гостиная съ золотыми зеркалами, съ лазуревой

*) Читатель уже могъ читать ранѣе эти подробности.

**) Войска подвозимыя для высадки на берегъ.

обшивкой, съ мраморнымъ овальнымъ столомъ посрединѣ, съ золотыми стульями вокругъ, обшитыми разноцвѣтнымъ штофомъ. Изъ пріемной на право находилась комната дежурнаго флигель-адъютанта, на лѣво комната для камердинеровъ Государя. Изъ гостиной на право находился кабинетъ Его Величества съ рѣзною мебелью и темной обивкой; на лѣво гостиная въ восточномъ вкусѣ, съ поднятымъ поломъ, кушетками, оттоманками и подушками, отдѣланными французской имитаціей *) персидскихъ ковровъ и матеріей. За нею голубая спальня Государя съ роскошной мебелью, украшенная бронзой съ инкрустаціей и небольшая комната для туалета.

Столовая была расположена чрезъ корридоръ отдѣльно и отдѣлена отъ наружной стѣны галлереей. За домомъ былъ расположенъ хорошенькій садикъ съ виноградными шпалерами и тѣнью орѣховаго дерева.

«Тыквы больше.»

(Анекдотъ.)

Офицеръ спрашиваетъ новобранца подъ огнемъ баттарей:

— Что братъ! Велики бомбы?

— Ничего, ваше благородіе, бомбы, какъ бомбы, а все-таки наши тыквы не въ примѣръ больше, отвѣчалъ солдатъ.

Приготовленія и мѣры предпринятыя на Дунаѣ **).

Какъ только послѣдовало объявленіе войны, все вниманіе было направлено къ той цѣли, чтобы употребить всѣ средства для болѣе успѣшной переправы чрезъ Дунай. Переправа была предположена 25 мая. Движеніе колоннъ было расчитано замѣчательно точно и ясно. Но неустранимое препятствіе помѣшало дѣлу.

Вслѣдствіе необыкновеннаго разлитія рѣкъ и продолжительныхъ дождей дороги распустились, а многіе мосты, какъ на этихъ, такъ и на желѣзныхъ дорогахъ, нѣсколько разъ сносило напоромъ воды.

Кромѣ того желѣзныя дороги оказались еще хуже, чѣмъ ожидалъ Его Высочество Главнокомандующій дѣйствующею арміей и притомъ крайне недостаточно снабжены служащими и подвижнымъ составомъ. Дурное состояніе Румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, помѣшавшее сосредоточить главныя силы къ предположенному сроку, заставило отсрочить переправу на промежутокъ времени отъ 8 до 12 Іюня.

---

*) Подраженіе. **) Заимствовано изъ копіи съ рапорта Е. И. В. Главнокомандующаго дѣйств. арміей Государю Императ, Помѣщенной въ „Русскомъ Инвалидѣ" отъ 18 Іюня 1877 г.

Войска уже двинулись къ переправѣ, но оказалось, что понтонные парки *) опоздаютъ на три дня противъ маршрута **) Пунктами для переправы было сначала выбрано два: у Браилова и ниже Никополя.

Первымъ дѣломъ было загражденіе минами средняго Дуная; это было исполнено между 8 и 12 іюня.

Для окончательнаго выбора переправы Его Высочество Главнокомандующій, вмѣстѣ съ генералами Непокойчицкимъ и Радецкимъ, тайно выѣхалъ изъ Плоэшти и лично произвелъ рекогносцировки береговъ Дуная отъ Зимницы до Турна. Отъѣздъ былъ такъ внезапенъ и до того таинственъ, что даже въ главной квартирѣ никто не зналъ, куда и зачѣмъ отправился Его Высочество Главнокомандующій. Турки и не подозрѣвали что самъ Великій Князь будетъ производить личный осмотръ берега.

Убѣдившись, что форсировать переправу въ окрестностяхъ Никополя трудно и опасно, Главнокомандующій распорядился объ избраніи мѣстности для переправы у Зимницы.

Чтобы скрыть избранный путь даже отъ своихъ, 9 дивизію 8 корпуса направили по старому маршруту; а къ Зимницѣ были двинуты только понтонные парки и 14 дивизія генерала Драгомірова съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу на понтонныхъ лодкахъ въ ночь съ 14 на 15 іюня.

Девятому корпусу, съ тою же цѣлью скрытія истиннаго пункта переправы, было объявлено, что онъ пойдетъ въ головѣ на переправу у Фламунды. Мѣсто для главной квартиры деревня Драча было выбрано въ сторонѣ отъ пункта переправы. Затѣмъ отдано приказаніе бомбардировать Рущукъ, а 13 начать бомбардированіе Никополя и продолжать его безостановочно «впредь до приказанія.» Только этими мѣрами и было возможно отклонить вниманіе Турокъ отъ истиннаго избраннаго русскими пункта переправы.

Первоначально бдительность Турокъ была самая возбужденная: по всѣмъ примѣтамъ они за нѣсколько дней знали, что переправа предположена ниже Никополя и кромѣ того видимо ожидали одно временной переправы у Журжева и Ольтеницы. Но ожидая переправы въ нѣсколькихъ пунктахъ, Турки должны были раздробить свои силы и быть слабѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ переправа должна совершится.

Войска назначенныя для переправы и даже понтонные ящики собрались къ Дунаю въ совершенной тишинѣ; также тихо отплыли лодки, благодаря чему первый вышедшій на берегъ эшелонъ былъ встрѣченъ лишь одиночными выстрѣлами сторожевой цѣпи.

Затѣмъ Турки открыли канонаду и сильнѣйшій ружейный огонь, пустивъ ко дну пять понтоновъ ***) съ людьми, двумя орудіями и прислугою. Но какъ понтонеры, такъ казаки и наши русскіе безстрашные моряки продолжали безъ смущенія перевозку.

*) Слово „паркъ" въ военномъ искусствѣ значитъ—запасъ, такъ напр. артиллерійскій паркъ, понтонный паркъ, телеграфный паркъ и прочее.—**) Маршрутъ—росписаніе пути.***) Понтонами называются лодки, служащія для перевоза и для наведенія посредствомъ ихъ моста.

Копія съ рапорта Его Высочества Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею Его Величеству Государю Императору, отъ 18-го іюня 1877 г.

12-го апрѣля. Армія Вашего Величества перешла черезъ границу Имперіи и двинулась:

Правая колонна (8 и 12 кав. дивизія и донскіе полки №№ 21-го 26-го, и 37-го) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена,—черезъ Унгены, Яссы, Романъ, Баксу, Фокшаны, Рымникъ, Бузео, и Плоэшты къ Копачени (въ окрестностяхъ Бухареста.)

Средняя колонна (12 корпусъ, 5 пѣхотная дивизія и донской № 34 полкъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ванновскаго.

21 корпусъ—черезъ Унгены, Яссы, Васлуй, Бырладъ, Текучъ, Фокшаны, и оттуда по пути правой колонны, вслѣдъ за нею до Бонеаза (въ окрестностяхъ Бухареста.)

5 пѣхотная дивизія—чрезъ Бештамакъ, Леово, Фальчи, Ипурени, Бырладъ и оттуда вслѣдъ за 12 корпусомъ.

Лѣвая колонна, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго.

1) Кавказская казачья дивизія, 4 стрѣлковая бригада, двѣ сотни пластуновъ, донской № 23 полкъ и вся горная артиллерія, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева, черезъ Бештамакъ, Фальчи, Галацъ, Браиловъ, Бухарестъ, къ Журжеву и Дайце.

2) 11 кавалерійская дивизія—вслѣдъ закавказскою до Обилешти-Нау и Слободзіи, противъ Силистріи.

3) *8-й корпусъ* по пути генералъ-лейтенанта Скобелева до Плумбулты въ окрестностяхъ Бухареста.

Нижнедунайскій отрядъ 11-й корпусъ безъ кавалерійской дивизіи и одной бригады 32 пѣхотной дивизіи, *) но взамѣнъ того усиленный отрядомъ изъ войскъ 7 корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта кн. Шаховскаго—отъ Кубея въ Галацъ, Браиловъ, Барбошъ, Рени, Килію и Измаилъ.

9-й корпусъ (кромѣ 5 пѣхотной дивизіи) былъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ до Слатины нѣсколько позже.

4-й, 13-й и 14-й корпуса были назначены въ составъ ввѣренной мнѣ арміи дополнительно.

Вслѣдствіе необыкновеннаго разлитія рѣкъ и продолжительныхъ дождей, грунтовыя дороги распустились, а многіе мосты, какъ на этихъ, такъ и на желѣзныхъ дорогахъ нѣсколько разъ сносило напоромъ воды. Румынскія желѣзныя

---

*) Бригада эта была направлена на Ольтеницу. Впослѣдствіи къ ней присоединилась и другая бригада, такъ что на Нижнемъ Дунаѣ остались только 11-я пѣхотная дивизія и отрядъ изъ войскъ 7 корпуса.

дороги оказались устроенными еще хуже, чѣмъ Я ожидалъ и, притомъ, крайне недостаточно снабжены служащими и подвижнымъ составомъ. Дурное устройство этихъ желѣзныхъ дорогъ было также достаточною причиною безпрестаннаго разрушенія мостовъ. *)

Все это, вмѣстѣ взятое, настолько задержало движеніе арміи, а въ особенности перевозку по желѣзной дорогѣ нашей осадной артиллеріи, понтонныхъ парковъ, паровыхъ шлюпокъ и другихъ средствъ для устройства переправы, а также передвиженіе продовольственныхъ припасовъ, что войска прибыли въ назначенные сборные пункты нѣсколькими днями позже, чѣмъ было разсчитано и окончательно сосредоточились:

А) *Передовые отряды по Дунаю:*

8-я Артиллерійская дивизія—на линію отъ р. Ольты до р. Веде. (Штабъ къ Турну-Магурели) къ 7 мая.

Отр. ген.-лейт. Скобелева—на линію отъ р. Веде до озера Гречилоръ, имѣя главныя силы и отрядный штабъ у Журжева—къ 8 мая.

32-я Пѣхотная дивизія съ донскимъ *казачьимъ № 31 полкомъ*—къ 8-му мая (1 бригада) и къ 13 мая (2 бригада) въ Ольтеницу, имѣя главныя силы на линіи Бездешти—Фратешти и наблюдая казачьимъ полкамъ Дунай на протяженіи отъ озера Гречилоръ до рѣки Арджисъ.

11-я Кавалерійская дивизія—къ 9 мая въ Обилешти-Нау и Слободзію (штабъ въ Слободзіи), имѣя авангардъ въ Каралашѣ и наблюдая за Дунаемъ отъ Арджисъ до Гирсова.

Нижнедунайскій отрядъ занялъ къ 22-му числу апрѣля всѣ важнѣйшіе прибрежные пункты отъ Гуры-Яломицы (противъ Гирсова, до Килія) имѣя резервъ въ Бѣлградѣ и штабъ въ Галацѣ.

Б) *Главныя силы.*

9-й корпусъ (безъ 5 пѣхотной дивизіи) къ 18 мая въ Слатинѣ.

Отдѣльная донская казачья бригада—6 мая къ Александріи, гдѣ составила резервъ 8 кавалерійской дивизіи.

12-я кавалерійская дивизія (резервъ отряда генералъ-лейтенанта Скобелева) 3-го мая къ Ковачени (къ югу отъ Бухареста).

12-й корпусъ съ уральскою казачьею сотнею и донскимъ 27 полкомъ, 13-го мая въ окрестности Бухареста по дорогѣ въ Александрію (штабъ въ Михалешти).

8-й корпусъ съ донскимъ № 23 полкомъ, 19 мая въ окрестности Бухареста по дорогѣ въ Журжево (штабъ въ Жилявѣ) выдвинувъ во Фратешти, для под-

*) Эта часть рапорта Е. Выс. В. К. Главнокомандующаго знакомитъ насъ съ силами нашихъ войскъ, съ маршрутомъ и съ начальствующими лицами, которымъ ввѣрено было управленіе частями нашей дѣйствующей арміи на Балканскомъ полуостровѣ; такъ какъ до сего рапорта, мы не знали вполнѣ изъ газетъ характера передвиженія войскъ, то теперь, имѣя подъ рукою карту военныхъ дѣйствій, можемъ прослѣдить всѣ пути.

держанія, въ случаѣ надобности, отрядъ, генералъ-лейтенанта Скобелева, одну бригаду 14 пѣхотной дивизіи.

5-я пѣхотная дивизія съ донскимъ № 34 полкомъ 20-го мая также въ окрестности Бухареста.

Затѣмъ 14, 13 и 4 корпусамъ Я предписалъ: 14-му прибыть къ 1 іюня въ Галацъ, смѣнить находящіяся тамъ части 11-го корпуса (которымъ идти на соединеніе съ 32 пѣхотною дивизіею къ Ольтеницѣ) и составить съ отрядомъ войскъ 7 корпуса нижнедунайскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Циммермана; *13 корпусу*—прибыть къ половинѣ іюня къ Александріи съ тѣмъ, чтобы оттуда двинуть его туда, куда, по обстоятельствамъ, понадобится.

4-му корпусу—прибыть по желѣзнымъ дорогамъ и двинуться вслѣдъ за арміею, согласно особой отъ Меня инструкціи. Сосредоточеніе арміи задержано было среднимъ числомъ на шесть дней: однѣ части больше, другія меньше. Но въ особенности сильно была задержана перевозка по желѣзной дорогѣ понтонныхъ парковъ и осадной артиллеріи. Кромѣ того разливъ Дуная въ нынѣшнемъ году былъ особенно силенъ и продолжителенъ. Вода спадала необычайно медленно: такъ напримѣръ, на нижнемъ Дунаѣ еще въ 1-хъ числахъ іюня она стояла на 15 футовъ выше ординара (обыкновеннаго своего уровня).

Всѣ эти обстоятельства были причиною, что переправу черезъ Дунай, предположенную сперва около 25 мая, приходилось откладывать со дня на день. Борьба съ природою и съ неисправностью Румынскихъ желѣзныхъ дорогъ продолжалась почти до самаго послѣдняго дня. Въ началѣ іюня, когда уже были двинуты войска къ переправѣ и рѣшено было произвести ее къ 12 іюня, оказалось, что, по неисправности желѣзныхъ дорогъ, понтонные парки опоздаютъ на три дня противъ маршрута. По этому пришлось остановить на три дня движеніе всей арміи на линіи рѣки (у Руше де Веде, Александріи и Бею) и, такъ сказать, въ послѣднюю минуту отложить переправу съ 12-го іюня по 15. *)

Приготовленія къ переправѣ были слѣдующія:

Кромѣ четырехъ понтонныхъ парковъ, входящихъ въ составъ арміи, были построены въ Галацѣ и Слатинѣ деревянные понтоны; плоты для настилки моста и прочія мостовыя принадлежности были приготовлены въ одной Слатинѣ, понтоны, построенные въ Галацѣ, перевезены до Слатины по желѣзной дорогѣ. Все это (было) спущено въ р. Ольту.

Пришлось сосредоточивать всѣ средства для переправы къ Слатинѣ, для спуска ихъ, именно на рѣку Ольту и оттуда внизъ по Дунаю, мимо Никопольскихъ укрѣпленій, единственно потому, что не было другаго выбора. Кромѣ Ольты нѣтъ другой сплавной рѣки, впадающей въ Дунай на участкѣ между Никополемъ и Систовымъ. Если бы заготовить средства для переправы на слѣдующей сплавной рѣкѣ Арджисѣ, то слѣдовало бы поднимать ихъ вверхъ по Дунаю мимо еще болѣе сильной крѣпости Рущука и тянуть ихъ на одной бичевѣ до самаго Систова. Это предпріятіе Я призналъ совершенно неисполнимымъ.

---

*) Здѣсь открыты, какъ причины замедленія переправы, такъ и подробности этихъ причинъ.

1) Понтонные парки были перевезены по желѣзной дорогѣ до ст. Бонаса (между Бухарестомъ и Журжево) и оттуда двинуты обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ въ Бею.

2) Паровыя шлюпки съ подводными минами доставлены были также по желѣзной дорогѣ частію въ Слатину, частію до ст. Фратешти (не доѣзжая Журжева); перевезены оттуда сухимъ путемъ на биндюгахъ къ Фламунду (ниже Турну) и къ Мале-де-Жосъ (выше Журжева) и оттуда спущены на Дунай.

3) Пунктовъ для переправы выбрано предварительно два: на нижнемъ Дунаѣ —у Браилова и на среднемъ—ниже Никополя. Первоначальное намѣреніе Мое было переправиться у Систова, такъ какъ мѣсто это въ военномъ отношеніи наиболѣе выгодное; но окрестности Зимницы были такъ наводнены, что о переправѣ тамъ нечего было и думать. Волей-неволей пришлось приготовиться къ переправѣ у Никополя, гдѣ Дунай течетъ въ одномъ руслѣ и не имѣетъ значительныхъ притоковъ и затоковъ.

Сообразно съ этимъ, Я сдѣлалъ всѣ распоряженія для сосредоточенія войскъ и приказалъ преградить минами Дунай въ нѣсколькихъ мѣстахъ *).

На нижнемъ Дунаѣ загражденія были устроены еще въ началѣ компаніи, съ цѣлью преградить турецкимъ судамъ какъ входъ, такъ и выходъ изъ главнаго русла и изъ Мачинскаго рукава. Это предпріятіе удалось вполнѣ; къ концу апрѣля мы, не имѣя флота, отняли у непріятеля Дунай отъ Рени до Браилова; а къ концу мая—весь нижній Дунай отъ Рени до Гирсова былъ свободенъ отъ турецкаго флота и былъ вполнѣ въ нашихъ рукахъ. Благодаря этому мостъ отъ Браилова въ Гечетъ былъ устроенъ совершенно безпрепятственно; но за то вода на нижнемъ Дунаѣ была такъ высока, что генералъ-лейтенантъ Циммерманъ находилъ переправу въ назначенный Мною день 10 іюня невозможною и просилъ разрѣшенія отложить ее до спада воды. Но когда я подтвердилъ приказаніе, сказавъ, что мнѣ совершенно необходимо, чтобы переправа у Браилова состоялась непремѣнно 10 іюня, генералъ Циммерманъ принялъ всѣ мѣры и употребилъ всѣ усилія, для подготовки этой крайне рискованной задачи и выполнилъ ее съ блестящимъ успѣхомъ. 10 іюня, генералъ-майоръ Жуковъ съ рязанскимъ и ряжскимъ полками отплылъ изъ Галаца въ Буджакъ и, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ Буджакскими высотами **).

Послѣ этого Турки отступили по всей линіи нижняго Дуная и наши войска безъ выстрѣла вступили въ Мачинъ, Тульчу, Исакчу и Гирсово. Въ настоящее время (было сказано въ рапортѣ) они продолжаютъ вступать въ Добруджу.

Такимъ образомъ 12 іюня войска наши на нижнемъ Дунаѣ владѣли уже обоими его берегами. Эта переправа куплена цѣною относительно небольшой потери. Убиты три офицера и 41 нижнихъ чиновъ; ранено два офицера и 96 нижнихъ чиновъ.

---

*) Изъ этой части рапорта Е. И. Выс. Главнокомандующаго мы узнаемъ всѣ подробности распоряженій, до сихъ поръ хранившихся въ глубокой тайнѣ.—**) Славная переправа у Галаца съ подробностями отдѣльною статью уже была изложена ранѣе.

Надобно, однакоже, добавить что, несмотря на существовавшіе мосты всѣ войска нижнедунайскаго отряда были переправлены не по мосту, а на пароходахъ баржахъ, и плотахъ, такъ какъ весь берегъ отъ Гечита почти до самаго Мачина еще (въ то время) былъ совершенно затопленъ и мостъ упирается (упирался) у Гечита въ разливъ.

На среднемъ Дунаѣ подготовка сложной операціи переправы была несравненно труднѣе. Какъ сказано, прежде всего время исполненія ея зависѣло отъ желѣзныхъ дорогъ, которыя оказались крайне неисправными. Далѣе, на среднемъ Дунаѣ собрались всѣ турецкіе мониторы, (за исключеніемъ тѣхъ двухъ, которые погибли у Браилова *). По этому устройство загражденій было дѣломъ весьма труднымъ и опаснымъ. Бдительность турокъ была самая возбужденная; по всѣмъ примѣтамъ; они за нѣсколько дней знали, что переправа предположена ниже Никополя и, кромѣ того, они видимо ждали одновременной переправы еще у Журжева и Ольтеницы. По этому непріятель поспѣшно стягивалъ къ этимъ пунктамъ войска и дѣятельно работалъ тамъ надъ постройкою укрѣпленій. Такъ, напримѣръ, у Никополя въ началѣ мая, когда прибыли наши передовыя войска, было только два отдѣльныхъ укрѣпленія; къ началу іюня ихъ было 13. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца турки зорко слѣдили за всѣми движеніями нашихъ войскъ, открывали огонь даже по всякой отплывающей лодкѣ. Но когда приблизилась рѣшительная минута, то вниманіе непріятеля, какъ будетъ видно ниже, было утомлено **) и подготовка всѣхъ средствъ къ перепра вѣ этимъ облегчилась.

Согласно первоначальнаго предположенія, войска были двинуты къ Турну Фламундѣ, по слѣдующимъ Маршрутамъ:

Часть 9 корпуса (31 пѣхотная дивизія и 9 кавалерійская)—изъ Слатины къ Смучѣ.

12-й корпусъ, 5 пѣхотная дивизія (9 корпуса) и болгарское ополченіе – къ Салгѣ, 15 дивизія на присоединеніе къ своему корпусу въ Сегэргѣ) 12-я кавалерійская дивизія должна была остаться позади своего корпуса у Витапешти.

4-я стрѣлковая бригада, 8 корпусъ и понтонные парки (послѣдніе по прибытіи ихъ къ ст. Баняса по желѣзной дорогѣ) къ Сякѣ и Пятрѣ.

Кавказская казачья дивизія—къ Зимницѣ.

11 пѣхотная дивизія, на соединеніе съ остальными частями 11 корпуса къ Ольтеницѣ и Журжеву.

12-й корпусъ—къ Александріи въ видѣ общаго резерва.

4-й корпусъ — къ особо назначенному Мною мѣсту, чтобы можно бы двинуть его туда, куда понадобится; къ 13 іюня войска должны были быть на мѣстѣ. Но Я уже сказалъ, что вслѣдствіе задержки съ перевозкою понтонныхъ парковъ армія была остановлена на линіи р. Веде у Руше де Веде, Алек-

---

*) Лютфи-Джелиль и Хивзи-Рахманъ, О которыхъ было уже выше описано во всѣхъ подробностяхъ.

**) Эта, замѣчательная фраза Великаго Князя Главнокомандующаго была упомянута выше.

сандріи и Бею. Изъ этого расположенія войска могли быть съ одинаковымъ удобствомъ и скоростью двинуты къ Турну, Зимницѣ или Журжеву, смотря по обстоятельствамъ.

Время передвиженія войскъ съ квартиръ на линію рѣки Веде было употреблено на устройство загражденій на Дунаѣ и на окончательную рекогносцировку его, съ цѣлью опредѣлить пунктъ главной переправы.

Загражденія были устроены въ промежутокъ времени между 8—12 іюня.

8 іюня наша минная флотилія изъ 10 паровыхъ шлюпокъ, привезенная на бидюгахъ къ Малу де Жосъ спустилась оттуда въ Дунай и въ 4 часа начала устраивать загражденія у Парапана. Въ 5 часовъ турки замѣтили это, открыли ружейный огонь съ берега и, затѣмъ, выслали противъ нашихъ шлюпокъ блиндированный пароходъ, который началъ стрѣлять по нашимъ работамъ картечью. Капитанъ 1 ранга Новиковъ, выслалъ противъ него лейтенанта Скрыдлова на шлюпкѣ «шутка». Скрыдловъ подошелъ къ монитору въ упоръ и аттаковалъ его миною, но проводникъ былъ перебитъ пулями и «шутка» должна была отступить, потерпѣвъ поврежденія и трехъ матросовъ ранеными. Ранены были также Скрыдловъ и художникъ Веращагинъ, состоявшій на шлюпкѣ охотникомъ. Но и непріятельскій пароходъ также отступилъ, благодаря самоотверженной аттакѣ Скрыдлова *); устройство загражденій удалось кончить **).

Лишь только флотилія расположилась у берега на отдыхъ, какъ прибѣжали со стороны Парапана свиты Вашего Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ, адъютантъ мой маіоръ Струковъ, и генеральнаго штаба капитанъ Сахаровъ съ извѣстіемъ, что противъ шлюпокъ выѣзжаетъ и выстраивается по турецкому берегу цѣлая полевая баттарея. Немедленно шлюпки раздѣлились: пять подъ командою лейтенанта Тудера ушли внизъ, а остальныя пять, подъ личнымъ начальствомъ капитана 1 ранга Новикова,—вверхъ по Дунаю. Такимъ образомъ всѣ наши шлюпки успѣли благополучно уйти изъ подъ огня, но три изъ нихъ были значительно повреждены выстрѣлами Турокъ во время работы.

По устройствѣ загражденій у Парапана, которые отняли у турецкихъ мониторовъ, расположенныхъ въ Рущукѣ и ниже, возможность подыматься вверхъ по Дунаю выше Рущука, необходимо было еще преградить турецкимъ судамъ свободное плаваніе на пространствѣ отъ Парапана до Турну. Для этаго, въ виду первоначальнаго предположенія о переправѣ близь Никополя, необходимо было преградить Дунай выше этой крѣпости, очистивъ сперва отъ мониторовъ все теченіе Дуная отъ Парапана до Никополя.

Послѣднюю задачу невозможно было исполнить иначе, какъ уничтоживъ мониторы; а это могло бы быть исполнено одними паровыми шлюпками лишь при помощи счастливаго случая. Случай этотъ не представился и два монитора остались у Никополя; но задача устройства загражденій удалась вполнѣ.

Паровыя шлюпки къ 12 іюня были почти всѣ сосредоточены у Фламунды,

---

*) Наградой храбраго былъ Георгіевскій крестъ.—**) Подвигъ Скрыдлова былъ уже помѣщенъ ранѣе.

такъ какъ оставшіяся у Малу-де-Жосъ перевезены туда же сухимъ путемъ. Но капитанъ 1-го ранга Новиковъ, имѣя въ виду малочисленность нашихъ паровыхъ шлюпокъ и крайнюю въ нихъ необходимость для переправы, рѣшился поберечь ихъ и взялся за трудную работу по устройству загражденія только одними гребными катерами. Въ ночь съ 11-го по 12-го іюня онъ перевезъ ихъ сухимъ путемъ къ Карабіи, спустилъ тамъ на воду и счастливо уложилъ на назначенномъ мѣстѣ подводныя мины къ 7-ми часамъ вечера 12-го іюня.

Въ этомъ трудномъ и опасномъ дѣлѣ участвовалъ охотникомъ адъютантъ мой, полковникъ Струковъ, прикрывавшій работы со стрѣлками охотниками. Турки обратили вниманіе на эти работы слишкомъ поздно, такъ что, когда они вывели на берегъ своихъ стрѣлковъ, загражденія были уже уложены и катера благополучно удалились.

Почти одновременно съ этимъ моряки наши покрыли себя новою славою. Близь Фламунды 11-го іюня одинъ изъ турецкихъ мониторовъ, стоявшихъ у Никополя, развелъ пары и сталъ опускаться внизъ. Начальникъ Фламундскаго отряда, Генералъ-маіоръ Моповъ, замѣтивъ это, далъ знать нашей минной флотиліи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвинулъ на позицію 4-ре орудія 15-ой баттареи, подъ командою штабсъ-капитана Коломенцова. Минныхъ шлюпокъ было въ то время у Фламунды только пять и изъ нихъ три съ поврежденіями. Остальныя двѣ тотчасъ же двинулись въ аттаку на мониторъ, не смотря на сильный ружейный и картечный огонь. Первымъ аттаковалъ гардемаринъ Арендсъ на шлюпкѣ *«Мина»*, но минный проводникъ былъ перебитъ бомбой, шлюпка повреждена и принуждена была отступить. За Арендсомъ аттаковалъ мичманъ Ниловъ на шлюпкѣ *«Шутка»*. Наткнувшись съ носу монитора на мину съ выстрѣломъ, мичманъ Ниловъ долженъ былъ рѣзать корму его въ разстояніи одной сажени, причемъ три раза стрѣлялъ изъ револьвера въ капитана и получилъ въ правую подводную часть шлюпки пробоину осколкомъ бомбы. Мониторъ положилъ право на бортъ и отвелъ свою корму отъ мины: тогда мичманъ Ниловъ пошелъ по лѣвому борту, но залитый до половины водою, и не имѣя прежняго хода, не успѣлъ ударить мониторъ, который поспѣшно пошелъ въ Никополь.

За этотъ блистательный подвигъ мичманъ Ниловъ и гардемаринъ Арендсъ награждены: первый орденомъ Св. Георгія 4-ой степени, а послѣдній знакомъ отличія военнаго ордена.

Отступленію монитора много способствовалъ огонь четырехъ орудій 15-ой конной баттареи. Только первые три выстрѣла—не попали. Кромѣ того прострѣлена и погнута труба монитора.

22-го іюня вечеромъ изъ Никополя снова вышелъ мониторъ, и на этотъ разъ пошелъ вверхъ по Дунаю; но встрѣченный огнемъ нашей осадной баттареи. вернулся въ Никополь. Съ тѣхъ поръ плаваніе турецкой флотиліи по среднему Дунаю, отъ Никополя до Рущука, совершенно прекратилось; оба оставшіеся на

этомъ протяженіи монитора до сихъ поръ *) стоятъ неподвижно у Никополя. Повреждены ли они, или просто опасаются выйти, неизвѣстно.

Въ тотъ же промежутокъ времени, съ 8—12 іюня, Я, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и помощникомъ его, свиты Вашего Величества генералъ-маіоромъ Левицкимъ, тайно выѣхалъ изъ Плоэшты и произвелъ личную рекогносцировку береговъ Дуная отъ Зимницы до Турну. Убѣдившись лично въ тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, съ которыми сопряжено форсированіе переправы въ окрестностяхъ Никополя и, съ другой стороны, удостовѣрившись Самъ, что у Зимницы состояніе уровня воды дозволяетъ устройство переправы, Я окончательно выбралъ мѣсто у Зимницы, нѣсколько ниже Систова. Благодаря внезапности и скрытности Моего отъѣзда, даже въ главной квартирѣ никто не зналъ куда и зачѣмъ я поѣхалъ. Турки по крайней мѣрѣ, судя потому что они не стрѣляли, и не подозрѣвали о томъ, что я лично осматривалъ берегъ **).

Выбравъ пунктъ переправы, Я немедленно сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) О томъ, что переправа будетъ у Зимницы, объявилъ только командиру 8 корпуса, части котораго должны были начать переправу; ***) при этомъ, чтобы замаскировать избранный пунктъ, даже отъ своихъ, Я приказалъ направить 9-ю пѣхотную дивизію отъ Александріи по прежнему маршруту къ Петрѣ. Только 14-ю пѣхотную дивизію съ гвардійскою сводною ротою, двумя ротами пластуновъ, 4-ю стрѣлковою бригадою, всею горною пѣшею артиллеріею (2 баттареи, 14 орудій), всѣми понтонными парками, двинулъ отъ Бею прямо къ Зимницѣ, съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу на понтонныхъ лодкахъ въ ночь съ 14 по 15 іюня.

2) Кавказской казачьей дивизіи не идти на Зимницу, а оставаться у Бея впредь до приказанія.

4) 12 корпусу идти не на Салчу, а къ Воеводѣ и Крошкѣ, чтобы приблизить его къ Зимницѣ, туда же идти и Дунайскому ополченію.

4) 8 корпусу Я объявилъ, что онъ пойдетъ въ головѣ на переправу у Фламунды и поэтому долженъ, немедлено по прибытіи въ Сегарчу, перейти оттуда къ Слкѣ, оставивъ въ Турну лишь небольшой пѣхотный отрядъ и смѣнивъ по линіи Дуная 8-й кавалерійской дивизіей 9-ю.

5) 13 корпусу двинуться отъ Александріи къ Пятрѣ, имѣя въ головѣ 35-ю пѣхотную дивизію.

6) Начиная съ 13 іюня, осадной артиллеріи у Журжева бомбардировать Рущукъ; а съ вечера 13-го начать бомбардированіе Никополя продолжая его безостановочно впредь до приказанія. Къ 14-му іюня вся армія сосредоточилась въ указанныхъ мѣстахъ. Моя главная квартира была переведена 13 іюня изъ Слатины на бивакъ у д. Драча, на р. Калмацуй; туда же перешла 14 іюня и главная квартира Вашего Величества.

*) То есть до 18-го числа іюня 1877 г. до срока представленія рапорта.

) О внезапности отъѣзда и тайной рекогносцировкѣ В. К. Главнокомандующаго уже было упомянуто.—*) Мы ранѣе упомянули, что тайна военныхъ дѣствій была до того глубоко, что распоряженіе знали только тѣ, кому слѣдовало знать.

12-го іюня начато бомбардированіе Рущука, причемъ Турки открыли огонь первые. Не смотря на массу выпущенныхъ снарядовъ, наши войска въ Журжевѣ и Ольтеницѣ (по которой въ тотъ-же день стрѣляли изъ Туртукая) не понесли въ первый день никакой потери; только самый городъ, изъ котораго, впрочемъ, жители успѣли уйти, сильно пострадалъ. На второй день, 14 іюня, былъ раненъ въ Ольтеницѣ пулею въ шею командующій 11-ю пѣхотною дивизіею генералъ-маіоръ *Эрнротъ*, Объ остальныхъ потеряхъ свѣдѣній еще нѣтъ *).

О дѣйствіи нашей артиллеріи противъ Рущука судить трудно. Можно предполагать, что выстрѣлы были довольно удачны, такъ какъ двѣ баттареи совершенно умолкли, а на нѣкоторыхъ другихъ прекращалась на значительное время стрѣльба.

13-го іюня вечеромъ было начато бомбардированіе Никополя, продолжавшееся непрерывно 15 и 16 іюня, въ присутствіи Вашего Величества. Результатъ стрѣльбы: пять баттарей замолчали; двѣ изъ нихъ совершенно разрушены. 15 іюня загорѣлся отъ нашихъ выстрѣловъ самый Никополь; пожаръ продолжался до утра 16. Наша потеря 3 убитыхъ и 6 раненыхъ (въ томъ числѣ 3 тяжело) нижнихъ чиновъ. **)

14-го іюня, вечеромъ, войска, назначенныя для переправы и при нихъ понтонные парки, въ совершенной тишинѣ собрались на луговомъ берегу Дуная, у подножія Зимницы, выстроились, спустили понтоны на воду и, подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-маіоровъ: командующаго 14 пѣхотной дивизіей, свиты Вашего Величества генерала Драгомирова и начальника 3 саперной бригады Рихтера, приступили къ переправѣ. Въ два часа полуночи 15-го іюня отплылъ первый рейсъ понтонныхъ лодокъ: волынскій пѣхотный имени Моего полкъ, одна сотня пластуновъ, и 60 казаковъ донскаго № 23-го полка подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Іольшина. Въ 2 часа 45 минутъ части эти высадились на непріятельскій берегъ и были встрѣчены одиночными выстрѣлами сторожевой цѣпи, это служитъ доказательствомъ той чрезвычайной тишины, съ которою отплыли лодки, такъ что могли безъ большихъ потерь вскарабкаться на крутой берегъ. Слѣдующіе за тѣмъ рейсы были встрѣчены уже сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ; очевидно было, что находившіяся въ Систовѣ и окрестностяхъ войска собрались по тревогѣ.

Не смотря на это, переправа на понтонахъ продолжалась все время безостановочно; во время переправы непріятелю удалось однако потопить своими выстрѣлами пять понтоновъ (три отдѣльныхъ и два связанные вмѣстѣ плотомъ). Число погибшихъ при этомъ случаѣ еще въ точности (во время составленія рапорта) неизвѣстно; знаю только, что съ этими понтонами утонули: командиръ

---

*) Читателю понятно будетъ. если скажемъ что извѣстіе помѣщено въ газетѣ 1877 года.

**) Ваше Величество изволили наблюдать за бомбардированіемъ 14 и 15 іюня съ кургана Magura de la Grapavi; курганъ этотъ былъ соединенъ военнымъ телеграфомъ съ Зимницей, почему извѣстія о постепенной высадкѣ войскъ близь Систова и о ходѣ боя 15 іюня получались безостановочно.

одной изъ горныхъ баттарей, подполковникъ Стрѣльбицкій, гвардейской пѣшей артиллеріи поручикъ Тюрбертъ и два горныхъ орудія со всею прислугою.

Съ третьимъ рейсомъ переправился на непріятельскій берегъ свиты Вашего Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ и лично началъ руководить ходомъ боя. Сыну моему котораго Я назначилъ на время переправы въ его распоряженіе, онъ поручилъ руководить посадкою и отправкою остальныхъ войскъ 14 пѣхотной дивизіи. Съ послѣднею частью этой дивизіи сынъ Мой переправился вмѣстѣ.

Выйдя на берегъ, генералъ Драгомировъ замѣтилъ, что войска, высадившіяся съ первыми двумя рейсами, успѣли оттѣснить Турокъ отъ берега верстъ на пять. По этому генералъ-маіоръ Драгомировъ направилъ высадившуюся вслѣдъ за нимъ бригаду ген.-маіора Петрушевскаго прямо въ Систово и приказалъ аттаковать; а прибывшей еще позже 4 стрѣлковой бригадѣ велѣлъ наступать на хребетъ, тянувшійся паралельно берега повыше Систова. Упорный и кровопролитный бой продолжался съ 3 часовъ утра до полудня; послѣдніе выстрѣлы замолкли въ 2 часа по полудни.

Турки защищались съ отчаянною храбростью: почти изъ за каждаго закрытія приходилось выбивать ихъ штыками. Два турецкихъ орудія, занимавшихъ командующую высоту у Систова, едва удалось заставить замолчать и сняться, не смотря на непрерывный огонь нѣсколькихъ нашихъ баттарей съ румынскаго берега. Наконецъ Турки отступили по направленію къ Тырнову и Никополю и наши войска утвердились въ Систовѣ и на всѣхъ окружающихъ высотахъ. Потеря наша для такого труднаго дѣла была не велика. Убиты 9 офицеровъ и 291 нижнихъ чиновъ, ранены 22 офицера и 446 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропали 53 человѣка. Нѣкоторые офицеры и нижніе чины имѣютъ по нѣскольку ранъ, какъ огнестрѣльныхъ такъ и штыковыхъ.

Войска Вашего Императорскаго Величества покрыли себя въ этотъ достопамятный день неувядаемой славою. Всѣ безъ исключенія показали, что умѣютъ поддержать блестящія боевыя преданія храброй русской арміи. Не говоря уже о войскахъ штурмовавшихъ послѣдовательно рядъ сильныхъ непріятельскихъ позицій и неудержимо шедшихъ въ стычки тамъ, гдѣ нельзя было выбить непріятеля огнемъ, всѣ безъ исключенія чины исполнили свой долгъ съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Понтонеры, гребцы Уральской казачьей сотни и наши славные моряки спокойно и безостановочно продолжали перевозить войска, не смотря на жестокій огонь, не смущаясь гибелью пяти понтоновъ, пущенныхъ непріятельскихъ *ружейнымъ* огнемъ ко дну на глазахъ у всѣхъ. Артиллерія наша все время боролась съ непріятельскою, расположенною на командующей высотѣ, и наконецъ принудила турецкую баттарею очистить позицію. Доктора, фельдшера и санитары съ покойнымъ безстрашіемъ выносили раненыхъ, подавали имъ первоначальную помощь и отправляли въ подвижной госпиталь подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ...

Доставка къ Зимницѣ всѣхъ средствъ для устройства моста есть также смѣлый подвигъ войскъ Вашего Величества. Всѣ деревянные понтоны и плоты съ

настилкою и мостовыми принадлежностями находились въ устьѣ рѣки Ольты Ихъ надобно было спустить оттуда въ Дунай и провести внизъ до Зимницы подъ выстрѣлами Никопольскихъ укрѣпленій. Это опасное предпріятіе было смѣло исполнено въ три пріема, а именно ночью: на 15, 16 и 17 іюня. Первый отрядъ, 100 деревянныхъ понтоновъ, провелъ капитанъ 1 ранга Новосильскій, слѣдуя самъ въ арьергардѣ на послѣднемъ понтонѣ. Головной понтонъ, на которомъ начальникъ инженеровъ арміи, генералъ-маіоръ Деппъ съ знаменемъ 5 саперпаго баталіона въ рукахъ и командиръ этого баталіона, полковникъ Свищевскій, велъ лейтенантъ Ломенъ. Турки замѣтили это смѣлое движеніе лишь тогда, когда мимо Никополя проходилъ хвостъ отряда, открыли артиллерійскій и ружейный огонь, но вреда не причинили. Понтоны счастливо прошли къ Фламундѣ, и затѣмъ, въ слѣдующую ночь, подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, прибыли отъ Фламунды къ Зимницѣ.

Въ ночь съ 15 на 16 іюня также смѣло прошелъ и 2-й отрядъ, состоявшій изъ 50 понтоновъ и 34 плотовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Зубова, который шелъ самъ въ головномъ понтонѣ; на послѣднемъ понтонѣ былъ лейтенантъ Макаровъ. Непріятель замѣтилъ это движеніе въ $2^1/_2$ часа пополуночи и открылъ огонь со всѣхъ Никопольскихъ баттарей. Одинъ изъ мѣстныхъ лоцмановъ, будучи раненъ, выскочилъ на берегъ, примѣру его послѣдовали и прочіе лоцмана съ пяти ближайшихъ плотовъ. Оставшіеся на плотахъ саперы, по малочисленности своей, не могли справиться одни съ шестью плотами, но не теряя головы, причалили къ берегу подъ сильнымъ огнемъ, связали два плота вмѣстѣ *) и, войдя на нихъ въ линію, спокойно продолжали плыть, куда назначено. На плотахъ былъ личманъ Ивановскій и прапорщикъ Мощинскій.

Наконецъ въ ночь съ 16 на 17 іюня были спущены мимо Никополя остальные 30 плотовъ.

Изъ всего выше изложенною Ваше Величество изволите усмотрѣть, что переправа черезъ Дунай удалась сверхъ всякаго ожиданія, Я счастливъ, что могу поздравить Ваше Величество съ благополучнымъ исходомъ этого столь многотруднаго дѣла.

На подлинномъ подписано:

Главнокомандующій Дѣйствующею арміею, Генералъ-Инспекторъ кавалеріи и по инженерной части, генералъ-адъютантъ *Николай.*

Занятіе высотъ Самеби. Рекогносцировка Карскихъ укрѣпленій **).

Послѣ 29 апрѣля дня взятіе высотъ Хацъ-Убани ***) до 16 мая дѣятельность этаго отряда ограничивалась подготовительными работами, установкой баттарей

---

*) Остальные 4 плота, оставили на берегу, за невозможностью управлять ими.

**) Заимствовано изъ коррес. Тифлискаго Вѣстника, 1877 г. (см. Сов. изв. № 166 1877 г.

***) Хацъ-Убани, иногда Хацувани., см. стр. 65, причемъ эта мѣстность вслѣдствіе опечатки названа Хадубони слѣдуетъ читать: Хацубани. См. стр. 65, и подроб. 104.

для предположеннаго наступленія впередъ къ укрѣпленному лагерю расположенному не далеко отъ Цихисъ-Дзири. Наконецъ 16 мая съ разсвѣтомъ было принято наступленіе, причемъ войска распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 10 баталіоновъ въ авангардъ подъ начальствомъ полковника Гурчина, нѣсколько баталіоновъ въ аріергардъ подъ начальствомъ полковника Принца, нѣсколько же батальоновъ подъ начальствомъ генерала Шереметева въ право отъ Гурчина.

Чуть свѣтъ, войска авангарда перешли рѣку Кинтриши, чрезъ которую былъ переброшенъ мостъ; но какъ оказалось, непріятель не захотѣлъ тревожить насъ при переправѣ, такъ что она совершилась внѣ выстрѣла; но за то въ это время происходило сильное артиллерійское состязаніе, въ которомъ принималъ участіе грозный непріятельскій флотъ. Состязаніе это, впрочемъ, было почти совсѣмъ безвредно для обѣихъ сторонъ, такъ какъ снаряды недостигали. Войска наши тѣмъ временемъ все шли по ущелью Кинтриши въ совершенной безопасности до крутаго подъема, по которому должны были подняться, чтобы сбить непріятеля съ его первой позиціи, на которой были поставлены два горныхъ орудія. Во время этаго наступленія шелъ проливной дождь, понятно, затруднявшій движеніе, но нисколько не ослабившій въ солдатахъ желанія занять трудную позицію на высотахъ *Самеби.* *)

Турки однакоже долго не остались на этихъ высотахъ: забравъ горныя орудія они отошли дальше къ главной своей позиціи. Благодаря проливному дождю наши взяли эти высоты безъ всякаго урона. Нѣтъ сомнѣнія, что въ хорошую погоду мы достигли бы своей цѣли; но дѣло не обошлось безъ урона: Турки, надо сказать правду, не такъ легко сдаютъ свою позицію, какъ думаютъ. Теперь нашлась возможность артиллеріи обстрѣливать ихъ позицію на близкомъ разстояніи, пошла работа на занятыхъ нами мѣстахъ, чтобы проложить дорогу и поднять полевую артиллерію на занятыя высоты.

Дѣйствіе лѣваго крыла авангардной колонны заслуживало въ особенности описанія, потому что оно дѣйствовало самостоятельно подъ начальствомъ князя Меликова, командира 4 кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Какъ говорятъ означенное крыло отправлено было по сговору жителямъ, обѣщавшимъ сдаться намъ; но какъ оказалось вышло совсѣмъ другое.

Какъ только наши вышли къ опредѣленному мѣсту, весьма трудному для наступающей части, сейчасъ-же открылся по нимъ убійственный огонь, долго неумолкавшій и только послѣ отчаяннаго нападка нашихъ, жители принуждены были прекратить огонь и скрыться въ ущельяхъ. Въ этой перепалкѣ они потерпѣли порядочный уронъ: раненъ сынъ Нахичеванскаго хана, четыре убитыхъ и двадцать семь раненыхъ. Это уже не первый разъ, какъ жители вводили русскихъ въ обманъ.

«Возьмите,» говорятъ: «ту гору—Хуцъ-Убани и мы передадимся вамъ; теперь же говорятъ: «возьмите укрѣпленную турецкую позицію и тогда передадимся.»

Впрочемъ, были семейства, которыя и передавались. (Смотр. стр. 85.)

---

*) См. стран. 84. (Общій обзоръ.)

20-го мая, по распоряженію начальника Кабулетскаго отряда, отправлена была колонна со взводомъ горной артиллеріи *«выкуривать»* непокорныхъ жителей изъ ближайшихъ ущелій, гдѣ находились ихъ сакли *). Не успѣла колонна отойти версту отъ нашихъ передовыхъ линій по направленію влѣво и назадъ,—какъ показалась довольно большая партія, состоявшая изъ низама и жителей, которая тотчасъ открыла огонь по нашей колоннѣ. Такимъ образомъ окрылось дѣло, которое продолжалось 20 и 21 числа. Въ этотъ послѣдній день перестрѣлка до самаго вечера происходила почти безпрерывно. Командующій войсками Ріонскаго края генералъ Оклобжіо, узнавъ о завязавшемся упорномъ дѣлѣ, тотчасъ же приказалъ отправить другую колонну, состоявшую изъ трехъ ротъ Закатальскаго полка и 3 сотни 2-й Тифлисской дружины изъ Озургетъ на встрѣчу пѣшей колоннѣ. Тутъ просто вышло не «выкуриваніе» жителей, а весьма серьезное столкновеніе, второе послѣ 29-го апрѣля, тѣмъ болѣе, что противъ насъ дѣйствовалъ, кромѣ жителей, одинъ батальонъ низама подъ начальствомъ Османа-паши. Наши успѣли ихъ отчасти выжать изъ ихъ позицій, нанести имъ большой уронъ; но къ несчастію и мы потерпѣли крайне чувствительный уронъ: убито было 12-ть человѣкъ, ранено 69. Нѣкоторыя части въ особенности сильно пострадали въ этомъ дѣлѣ, именно тѣ, которыя шли изъ Озургетъ. Изъ трехъ ротъ Закатальскаго полка выбыло 35, то-есть убитыхъ и раненыхъ, а изъ 3-й сотни 2-й Тифлисской дружины выбыло 24 человѣка.

Читателямъ хорошо извѣстно о храбрости гурійскихъ дружинъ, при первыхъ же дѣлахъ, привлекшихъ на себя вниманіе всего отряда; но до сихъ поръ не было извѣстно, какъ будетъ дѣйствовать Тифлисская дружина, какъ извѣстно изъ армянъ и дружинъ.

Дѣло 21-го мая показало и ихъ: всѣ единогласно признали, что они вели себя неустрашимо, дрались безупречно-храбро. Во все время дѣла дружина была впереди; она такъ и рвалась впередъ, какъ сказывали очевидцы. Командиръ дѣйствовавшей сотни не могъ безъ слезъ говорить о подвигахъ нѣкоторыхъ героевъ, къ несчастію, убитыхъ въ дѣлѣ:

«Меня просто удивилъ,» говорилъ онъ, «нѣкто Саркисовъ своею храбростью, который успѣлъ убить 4 Турокъ, и все еще гнался за ними; но, увы, въ то время, когда несчастный хотѣлъ убить 5-го Турка, непріятельская пуля тутъ-же сразила неустрашимаго воина. Другой, будучи раненъ въ глазъ предъ моими глазами, бѣжалъ впереди, придерживая одною рукою раненую часть; но я, узнавъ въ чемъ дѣло, остановилъ его.—«Что у тебя, братецъ?»—Ничего! Пустякъ, Эта рана не можетъ задержать меня!—И дѣйствительно, онъ продолжалъ дальше убивать непріятеля!» Такихъ примѣровъ привелъ онъ много.

Изъ подъ Карса, въ частномъ письмѣ, описывали въ свое время одну изъ рекогносцировокъ. Она происходила 27-го мая и предметомъ ея были укрѣпленія Лазъ-Тапа и Мосъ-Табіе.

Для этаго генераломъ Гейманомъ ночью на 27 число были посланы охотничьи команды для занятія одного каменнаго гребня горы и развалины башни въ двухъ

*) Сакли—жилище.

верстахъ отъ этихъ укрѣпленій; охотники исполнили свое дѣло такъ искусно, что Турки до 8 часовъ утра и не предполагали, что передъ ихъ носомъ, за камнями, сидятъ 300 человѣкъ русскихъ отчаянныхъ головъ.

Генералъ Гейманъ, взявъ 2-й и 3-й батальонъ Эриванскаго полка, въ 7 часовъ утра двинулся на рекогносцировку; стрѣлки въ разсыпную заняли продолженіе гребня лѣвѣе охотниковъ. Тутъ пошла потѣха: Турки всполошились, начали стягивать въ эти укрѣпленія и пѣхоту и кавалерію, а ихъ батареи открыли частый огонь изъ 24 фунтовыхъ орудій и мортиръ; но благодаря Бога и выбранной мѣстности, снаряды ихъ разрывались или впереди ротъ, или сзади, и хотя въ очень близкомъ разстояніи (около 5 или 3 шаговъ), но осколками никого не задѣвало. Потомъ Турки въ свою очередь высылали въ ложементы *) до 4 батальоновъ; тогда между нашими охотниками и стрѣлками, и засѣвшими Турками завязалась усиленныя перестрѣлка изъ ружей. Наши стрѣляли изъ ружей метко и вѣрно, но рѣдко. Разстоянія было до 1,200 шаговъ (наши ружья бьютъ до 1500 шаговъ). Перестрѣлка продолжалась два часа, пока топографъ не снялъ подробный планъ мѣстности, а саперы сдѣлали трасировку **) нашихъ будущихъ укрѣпленій; въ промежутокъ этаго времени Турки пытались идти въ наступленіе и, крикнувъ «ура!» (по русски) одинъ батальонъ Турокъ выскочилъ изъ ложемента; но наши участили огонь и Турки опрометью бросились назадъ въ свое закрытіе.

До отступленія у насъ было только двое раненыхъ, когда-же дали приказаніе отступать, то опять посыпались на насъ бомбы и гранаты; солдатики отступили въ порядкѣ, а наши казаки (была одна сотня) успѣли отбить даже скотину въ числѣ 70 штукъ. Раненыхъ у насъ оказалось всего только 9 человѣкъ; изъ нихъ трое контужены и не выходили изъ строя, значитъ раненыхъ только 6 человѣкъ; изъ нихъ двое тяжело, одинъ въ бедро и пуля тамъ засѣла, другой въ ногу съ раздробленіемъ кости.

Однимъ словомъ, быть такъ близко и потерять только 6 человѣкъ, это чисто Богъ спасаетъ.

Какъ смотрятъ на русскихъ въ Карсѣ и какіе идутъ объ нихъ слухи, объ этомъ даетъ понятіе нижеслѣдующій разсказъ, записанный прямо со словъ одного Карскаго жителя, выѣхавшаго оттуда въ Александрополь.

«Между офицерами въ Карсѣ распространено было мнѣніе что русскіе сперва возьмутъ Эрзерумъ, а потомъ придутъ брать самый Карсъ. Офицеры говорили въ городѣ, что русскихъ здѣсь вообще мало: хотя ихъ видно много, но это видны все повозки, арбы, а солдатъ, молъ, очень мало. Про солдатъ русскихъ они говорятъ, что это народъ молодой, необузданный и непослушный, что русское начальство не знаетъ, какъ справиться съ нимъ» и пр.

«Начальники увѣряютъ въ Карсѣ, что не смотря на то, что русскихъ вокругъ Карса «видимо—невидимо», ихъ насчитывается не болѣе 40000 человѣкъ. Ту-

*) Земляные рвы съ окопомъ для прикрытія стрѣлковъ.—**) Разбивку.

рецкіе солдаты и карсскіе жители говорятъ, что на Карсъ идетъ болѣе 100000 русскихъ.

«О русскихъ начальникахъ въ Карсѣ всѣ знаютъ и помнятъ «Лорисъ-Меликова», который былъ «начальникомъ» (правитель области) въ минувшую войну. Жители говорятъ, «что если бы нашъ паша былъ, хотя на десятую часть уменъ, какъ Лорисъ-Меликовъ, то Карсъ никогда бы не былъ взятъ Русскими, и Русскіе были бы разбиты.»

«Изъ прочихъ русскихъ генераловъ въ Карсѣ знаютъ только одного Чавчавадзе (начальника нашей кавалеріи); про него говорятъ всѣ, что онъ очень храбрый и добрый начальникъ. Ни о комъ изъ прочихъ генераловъ въ Карсѣ не знаютъ. Вообще же про русскихъ говорятъ, что они жителей не трогаютъ и за все платятъ хорошія деньги. Такъ говорили въ Карсѣ жители тѣхъ деревень, чрезъ которыя прошли русскія войска».

«Турки въ Карсѣ боялись особенно русскихъ драгунъ, которыхъ они называли «мѣдными головами», потому что на ихъ киверахъ имѣются мѣдныя украшенія (арматура или русскій гербъ въ лучахъ, выбитый изъ латуни.) О драгунахъ они говорили, что они ничего не боятся и лѣзутъ впередъ на орудія, несмотря на огонь и выстрѣлы. Сувари пускаются въ бѣгство, какъ только увидятъ издали мѣдныя головы.»

«Изъ всѣхъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Карсѣ, одинъ только отрядъ разбойника Михрали часто выходитъ изъ укрѣпленія и дѣлаетъ набѣги на селенія. Недавно онъ захватилъ 12 маркитантовъ. Разнесся въ городѣ слухъ, что онъ разбилъ русскихъ, взялъ въ плѣнъ 500 человѣкъ и убилъ столько же. Весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу, но оказалось, что плѣнныхъ только 12 человѣкъ и столько же арбъ. Плѣнныхъ толпа хотѣла побить каменьями, но приказъ по войскамъ не давать ихъ въ обиду, и ихъ спасли отъ смерти. Но передъ тѣмъ взятъ былъ въ плѣнъ одинъ Черкесъ, раненый въ дѣлѣ 16 мая. Его вели отъ паши, который снялъ съ него допросъ, въ какую то казарму, но толпа окружила его и побила каменьями.

«Вообще говоря, на горскую кавалерію, составленную изъ переселившихся Черкесовъ, въ Карсѣ полагались большія надежды. Особенныхъ побѣдъ тогда ждали отъ Мусса паши Кундухова, который былъ русскимъ генераломъ. 17 мая Мусса-паша Кундуховъ пріѣхалъ въ Карсъ изъ Саганлугскихъ укрѣпленій, сопровождаемый пятью Черкесами и сказалъ, что русскіе показались подъ Карсомъ, что онъ ихъ разобьетъ своею кавалеріею, оставленною въ Бегли-Ахметъ и просилъ коменданта дать ему пѣхоту и артиллерію».

«Въ Карсѣ говорили, что комендантъ былъ недоволенъ:— «мы шесть мѣсяцевъ стоимъ здѣсь,» говорилъ паша, а онъ (Кундуховъ) сейчасъ же хочетъ отличиться.» Ему отказали въ просьбѣ, не дали пѣхоты, дали только двѣ маленькія пушки съ несколькими артиллеристами, которые, говорятъ, не умѣли стрѣлять изъ этихъ пушекъ. Кундуховъ былъ разбитъ, бѣжалъ къ Саганлугу и умеръ отъ полученныхъ ранъ *).»

*) О чемъ и было сказано на стран. 90.

Карскіе жители очень опечалились такимъ горестнымъ событіямъ и въ печали своей обвиняли одного пашу, подозрѣвая его въ преданности къ русскимъ, лишили его своего довѣрія.

«Однажды Мехрали сдѣлалъ набѣгъ на селеніе Игназоръ и поймалъ тамъ Хаджи-Вели-Агу, почетнаго и богатаго жителя. Мехрали забралъ себѣ весь скотъ и все имущество Хаджи-Вели-Аги, у котораго въ карманѣ было 90 лиръ. Вели-Агу предлагалъ эти 90 лиръ въ видѣ выкупа. Мехрали взялъ лиры, но Вели-Агу не отпустилъ и привезъ въ Карсъ. Вели-Агу обвиняли въ томъ, что онъ научилъ русскихъ, какою дорогою имъ идти на Ардаганъ. По этому Вели-Агу рѣшили повѣсить. Его повѣсили въ пятницу, двадцатаго мая. Подъ Карадахскими высотами, въ предмѣстьѣ Байрамъ-паши, стоитъ постоянная висѣлица. Туда повезли Вели Агу на бѣломъ катерѣ. Когда его поставили подъ висѣлицею, то чрезъ голову перебросили сперва курицу, потомъ пѣтуха. Если бы пѣтухъ запѣлъ, это, по мнѣнію турецкихъ властей, обозначило бы, что казненный невиненъ, и въ такомъ случаѣ его бы отпустили на свободу. Но пѣтухъ не запѣлъ и Вели-Ага былъ повѣшенъ».

«Въ день выѣзда изъ Карса (разскащика) должны были повѣсить армянина Симона Адамова, жителя селенія Бегли-Ахметъ. Онъ обвинялся въ томъ, будто указалъ дорогу кавалеріи князя Чавчавадзе, когда она дѣлала свой поискъ къ Саганлугу. Жители селенія Бегли-Ахметъ сильно хлопотали о своемъ сосѣдѣ, и власти Карса заключили съ нимъ условіе: Адамовъ долженъ былъ быть освобожденъ, когда Бегли-Ахметцы принесутъ карскимъ властямъ 50 аробъ самановъ и 15 штукъ рогатаго скота. Бегли-Ахметцы пригнали скотъ 16 мая, но въ этотъ день подъ Карсомъ вновь показались русскія войска, ушедшія изъ Визинкева въ концѣ апрѣля. Приготовленный салеакъ взятъ былъ русскою кавалеріей и по этому, а также, чтобы напугать подгородныхъ крестьянъ, паша рѣшилъ повѣсить Адамова. Вообще въ то время, когда въ окрестностяхъ Карса производились русскими поиски и развѣдки, въ Карсѣ шли частыя казни: то и дѣло, что вѣшали и разстрѣливали солдатъ за неповиновеніе и бѣгство, а жителей по подозрѣнію въ шпіонствѣ.

Сраженіе у Зейдекана въ Азіи 3 и 4 іюня.

Жаркое сраженіе. Русскіе побѣждаютъ. Англійскій Генералъ Кембаль и его адъютантъ капитанъ Норманъ, раненый въ руку. Кто такой Кембаль? Злоба Казаковъ.

Въ пятницу, 3 іюня, писалъ корреспондентъ *Daily Telegraph*, сильный отрядъ всѣхъ оружій подступилъ къ Зейдекану и расположился на окрестныхъ высотахъ. Турки заняли деревню Тхаха. Около 6 час. утра, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, русскіе двинулись отъ Зейдекана. Немедленно 6 турецкихъ батарей, вся наличная полевая армія и 3 горныя пушки двинулись на встрѣчу русскимъ. 2 баттареи и 6 батальоновъ были оставлены для защиты дороги, а резервъ

остался въ деревнѣ. Около 9 часовъ Турки встрѣтились съ Русскими миль за 6 до Тхаха. Вскорѣ послѣ этого, тяжелыя русскія орудія съ господствующей позиціи, расположенной на верху высоты, открыли жаркій огонь хорошо, направленный противъ холма занимаемаго турецкими войсками; во время этой канонады генералъ сэръ Арнольдъ Кембаль и капитанъ Норманъ подвергались сильной опасности; послѣдній контуженъ осколкомъ ядра, убившаго турецкаго полковника. Въ субботу 4 іюня въ 6 часовъ утра 6 русскихъ отрядовъ пѣхоты двинулись подъ прикрытіемъ адскаго артиллерійскаго огня; впрочемъ ядра попадали рѣдко. При приближеніи ихъ, Турки открыли частый и убійственный огонь. Русскій отрядъ тѣмъ не менѣе протѣснялся впередъ и успѣшно перешелъ за линію, раздѣляющую обѣ позиціи, отдѣливъ крупный отрядъ, посланный въ обходъ турецкаго праваго фланга.

Въ теченіи четырехъ часовъ, подъ жесточайшимъ огнемъ русской артиллеріи, Турки стояли за своими пушками. При переходѣ русскихъ застрѣльщиковъ въ равнину можно было любоваться быстротою и ловкостью послѣднихъ. Около 9 часовъ Русскіе поставили 4 орудія на холмъ, съ котораго они могли обстрѣливать весь фронтъ турецкой линіи. Съ этой минуты потери послѣдней стали серьезны; люди падали ежеминутно, артиллерія ихъ была сбита, а пѣхота осталась безъ прикрытія.

Въ теченіи 8 минутъ оттоманы выдерживали аттаку, но въ эту критическую минуту палъ Махметъ-паша съ саблею въ рукѣ, командовавшій ими, во глазахъ своихъ солдатъ. Истина требуетъ сказать, что турецкіе офицеры слѣдовали примѣру своихъ начальниковъ и поддерживали товарищей въ ихъ отчаянномъ положеніи.

Къ довершенію затрудненій въ скоромъ времени оказался недостатокъ въ боевыхъ припасовъ. Въ 9 часовъ 45 минутъ огонь русскихъ сильно буравилъ почву и ядра ихъ устилали землю, какъ камни. Ихъ фланговое движеніе началось съ новою энергіей, предшествуемое градомъ бомбъ, которыя, попадая въ центръ турецкой линіи, скоро совершенно разстроили передніе ряды. Невозможно было держаться на высотахъ, занятыхъ Турками въ началѣ сраженія. Тѣла убитыхъ лежали грудами на холмѣ. Пережившіе товарищи ихъ были оттѣснены Русскими въ 11 часовъ 45 минутъ. Кавалерійская аттака довершила пораженіе Турокъ. Турки потеряли 350 человѣкъ плѣнными и 1000 убитыми и ранеными. Генералъ Кембаль (въ другихъ газетахъ называютъ Кемпбелль) спасся благодаря быстротѣ своей лошади; казаки тщетно старались задержать его, полагая, что это англійскій офицеръ, командовавшій непріятелемъ.

Но предчувствіе нашихъ казаковъ оправдалось *), участіе генерала Кембаля въ настоящей войнѣ, въ качествѣ союзника Турокъ, ужъ болѣе не подлежитъ сомнѣнію. Оно засвидѣтельствовано какъ нашими, такъ и иностранными корреспондентами. Впрочемъ, такая двусмысленная роль для него не новость. Посланный еще въ 1876 году въ армію Абдулъ-Керима, подъ предлогомъ наблюденія

---

*) См. Иллюстр. Хроника войны 1877 г. № 29.

войны Турками, онъ въ сущности былъ тайнымъ совѣтникомъ турецкаго главнокомандующаго и не мало способствовалъ пораженію Сербовъ.

Сэръ-Арнольдъ-Борроу Кембаль извѣстенъ какъ ревностный туркофилъ и отличный знатокъ востока. Черезъ два года по выпускѣ изъ военной школы, онъ принималъ участіе въ 1839 г. въ Индійской компаніи, потомъ въ 1842 году былъ назначенъ помощникомъ дипломатическаго агента на берегахъ Персидскаго залива, а впослѣдствіи занималъ мѣсто консула въ Багдадѣ и былъ дипломатическимъ агентомъ въ турецкой Аравіи. Въ 1875 году онъ былъ представителемъ Англіи въ коммисіи для опредѣленія турецко-персидской границы, гдѣ и остался до отправленія въ армію Абдулъ-Керима.

Долгое пребываніе на востокѣ, очевидно, не осталось безъ вліянія на генерала Кембаля и онъ усвоилъ себѣ турецкія понятія о международномъ правѣ. Онъ нисколько не противился, ни въ Сербскую, ни въ Русско-Турецкую войну варварскому способу войны, усвоенному всѣми магометанами; онъ до такой степени забылъ европейскія правила чести, человѣколюбія, состраданія и свой долгъ представителя дружественной державы, что, не удовольствуясь совѣтами, лично руководилъ дѣйствіями нашей непріятельской кавалеріи, въ сраженіи при Даярѣ, причемъ адъютантъ его, капитанъ Норменъ, былъ раненъ въ руку. Казаки наши были раздражены до того, что рѣшили признать достойнымъ того Георгія, кто изъ нихъ захватитъ живымъ его въ плѣнъ. Но при измѣненіи плана компаніи генералъ Кембаль былъ отозванъ въ Константинополь.

Обстрѣливаніе Румынами Туртукая, Рахова, Виддина и др. *)

Городъ Калафатъ; его расположеніе, крѣпости и баттареи. Крѣпость Виддинъ и ея описаніе. Канонада 10 іюня 1877 г.

Изъ Плоэшти до Калафата, пользуясь желѣзною дорогою до Крайовы, можно доѣхать въ 9 часовъ. Дорога ведетъ чрезъ весьма плодородную долину, пересѣкаемую лишь немногими холмами и спускающуюся къ Дунаю. На этой долинѣ расположены мѣстечки подъ названіемъ: Козулатечи, Островени, Браиловичи. На этомъ пути встрѣчаются шелковичныя плантаціи мѣстами, а близь Островени, среди огромныхъ болотистыхъ пространствъ почти незамѣтны.

Калафатъ довольно пріятный городокъ по своей чистотѣ и мѣстности, онъ построенъ на мѣстности природой образованной террасы, которая имѣетъ склоненіе къ берегу. Значеніе мѣстности, какъ сейчасъ, такъ и въ прежнее время уважалось въ стратегическомъ отношеніи. До сихъ поръ еще видны здѣсь остатки прежнихъ укрѣпленій, сооруженныхъ когда-то польскими и французскими офицерами и раскинуты на нѣсколько верстъ. Предъ самымъ Калафатомъ воздвигнутъ шансъ съ ямами, окруженный двойною линіей многочисленныхъ фор-

*) Изъ Плоэшти въ аугсбургскую газету корреспонд. отъ 12 іюня.

товъ, которые въ видѣ дуги достигаютъ Дуная. Нѣкоторые изъ этихъ укрѣпленій еще и по сейчасъ находятся въ довольно хорошемъ видѣ. Также нѣсколько верковъ были назначены для защиты находящагося на рѣкѣ острова, которой въ обыкновенное время сообщается съ берегомъ посредствомъ моста, устроеннаго на понтонахъ.

Въ описываемое время Калафатскими укрѣпленіями были три баттареи, примыкавшіе къ береговой террасѣ, правда были прежнія укрѣпленія, но ими непользовались въ описываемую войну, потому что они были направлены къ сушѣ, между тѣмъ какъ Калафатъ, по своему характеру, можно считать, какъ мостовую голову Виддина, какъ важный форверкъ. Впрочемъ и остатки прежнихъ укрѣпленій могутъ служить пѣхотнымъ и кавалерійскимъ войскамъ защитою отъ виддинскихъ выстрѣловъ, и съ этою цѣлью были, кой гдѣ, возобновлены.

На вышесказанномъ островѣ находится одна изъ семи румынскихъ баттарей; всѣ румынскія баттареи, за исключеніемъ одной, называемой «Мерцея», вооружены обыкновенными полевыми пушками крупповской системы, между тѣмъ какъ баттарея *Мерцея* имѣетъ пятнадцати-сантиметровыя орудія, подаренныя русскими. На полчаса пути отъ Калафата, въ деревнѣ Четате, состоящей изъ одной длинной улицы, Румыны соорудили еще нѣсколько баттарей для защиты своего праваго фланга. Этой позиціей командовалъ румынскій генералъ Лупу. Многочисленные легкіе отряды кавалеріи бивуакировали въ разныхъ параллельныхъ Дунаю улицахъ города, почти совершенно оставленнаго жителями. Пѣхота заняла оба фланга мѣстечка подъ прикрытіемъ вышеописаннымъ верковъ. Ландшафтная физіономія болгарскаго берега Дуная представляетъ пріятный контрастъ въ сравненіи съ румынскимъ, котораго монотонная, пыльная, покрытая безчисленными стадами равнина простирается на безконечное пространство и, прерываясь лишь немногими низкими холмами, исчезаетъ изъ глазъ въ глубинѣ горизонта.

Нынѣшній Виддинъ образуетъ, благодаря благопріятному мѣстоположенію въ срединѣ болотистой, съ трудомъ доступной низменности, одинъ изъ сильнѣйшихъ фольверковъ турецкой сѣверной границы. Починъ заложенія нынѣшнихъ западныхъ укрѣпленій былъ большей частію произведенъ австрійцами, но дальнѣйшее продолженіе ихъ было сдѣлано французами. Сама крѣпость лежитъ на нѣкоторой возвышенности, господствующей надъ широкой болотистой мѣстностью и представляетъ впередъ сильный профиль, сравнительно съ прочими турецкими крѣпостями. Она имѣетъ 8 бастіоновъ съ 7-ми выдающими полигонами, сухой ровъ, загражденную палисадами дорогу, плацъ-д'армъ и гласисъ на обращенной къ суши сторонѣ крѣпости; со стороны же рѣки—стѣну, снабженную контръ-фортами. Рвы передъ бастіонами шириною около 17 метровъ и $5^1/_2$ шириною. Крѣпостныя стѣны снабжены 400 пушками. Вода съ Дуная можетъ быть проведена до рва до глубины $4^3/_4$ метровъ. На Калафатъ направлены тяжелыя орудія. Здѣсь находится также обсерваторія, откуда открывается прелестный видъ на южную цѣпь Балканскихъ горъ, окаймляющую горизонтъ и

тутъ же развѣвается на высокой мачтѣ широкій флагъ падишаха. Крѣпость и городъ окружены землянымъ валомъ. Въ этой линіи Виддинскихъ укрѣпленій, широко раскинувшейся во всѣ стороны, заключается слабая сторона крѣпости, ибо для защиты ея требовалась бы огромная армія. Впрочемъ армія не лишена нѣкоторыхъ стратегическихъ выгодъ. Обширныя болота и легко снабжаемые водою рвы, которые даже и при невысокой температурѣ служатъ постоянными очагами смертоносныхъ міазмовъ и источникомъ лихорадокъ, затрудняютъ всякое приближеніе непріятеля. Трудно было заранѣе опредѣлить, какимъ образомъ румынская армія исполнитъ свою задачу нападенія на Виддинъ.

Утромъ 10-го іюня Турки открыли огонь, сначала слабый, но около 6-ти часовъ сдѣлавшійся очень сильнымъ, съ береговыхъ укрѣпленій. Румыны отвѣчали на него со всѣхъ своихъ баттарей. Вначалѣ турецкія гранаты падали по большей части въ воду, но около 10-ти часовъ онѣ стали уже попадать въ румынскія баттареи и въ расположенныя сзади дома, такъ что генералъ Лупу увидѣлъ себя въ необходимости вывести свои войска за городъ, что было исполнено съ удивительной быстротой. Выстрѣлы съ румынскихъ баттарей были направлены недурно; особенно хорошо расчитаны были разстоянія и казалось, что не пропадало даромъ ни одного выстрѣла. Густой дымъ, поднявшійся въ нѣкоторыхъ пунктахъ крѣпости заставлялъ предполагать что въ Виддинѣ происходило одновременно нѣсколько пожаровъ, которые впрочемъ скоро были потушены. Если не считать нѣсколькихъ раненыхъ, то со стороны Румынъ почти не было потерь; баттареи много пострадали, но въ теченіи ночи всѣ поврежденія были исправлены.

Того же числа Румыны открыли огонь по крѣпостямъ Рахову, Туртукаю и другимъ *). Всѣ эти турецкія крѣпости также сильно пострадали отъ Румынскаго артиллерійскаго огня, который былъ мѣтко направленъ.

Составъ Румынскихъ военныхъ силъ **) во время войны въ 1877 г.

Регулярное войско дѣлится на два корпуса и находится подъ главнымъ начальствомъ князя. Начальникъ штаба полковникъ Сланицеано.

Каждый корпусъ состоитъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій о 2-ъ бригадахъ каждая: изъ одной кавалерійской съ одной артиллерійской. Пѣхотная бригада состоитъ изъ двухъ, а нѣкоторые изъ 3 полковъ, о трехъ батальонахъ каждый; въ мирное время на баталіонъ полагается 500 человѣкъ, кавалерійская бригада дѣлится на два полка, по 1200 человѣкъ въ каждомъ, состоящихъ изъ 6 круповскихъ орудій, заряжающихся съ казенной части; въ каждомъ полку четыре баттаріи № 8 и двѣ № 9. 1-й армейскій корпусъ находится подъ начальствомъ генерала Лупу и стоитъ въ правомъ флангѣ дунайской линіи, почти на австрій-

*) Заимст. изъ корр. Р. В. № 154. 1877 г.—**) Корр. Times. Р. В. № 158, 1877 г.

ской границѣ. Начальникъ штаба полковникъ Ботеанъ, начальникъ артиллеріи— полковникъ Дунка. 2-й корпусъ, подъ начальствовъ генерала Радовица, стоитъ между лѣвымъ крыломъ 1 корпуса и правымъ флангомъ русскихъ войскъ у Турнъ Магурелли; начальникъ штаба полковникъ Пантовица, начальникъ артиллеріи— полковникъ Гергтъ. Въ обѣихъ корпусахъ вь мирное время насчитывается 44000 человѣкъ, въ военное 62300 человѣкъ. Кромѣ того имѣется мѣстная милиція, составляющая контингентъ шести изъ 33 милиціонныхъ округовъ, на которые дѣлится вся страна.

Численность милиціи въ шести упомянутыхъ округахъ простирается до 7300 ч. подъ нач. генерала Хораламба. Все регулярное войско вооружено ружьями Пибоди. Сверхъ того есть 52000 ружей Крнпка, 30000 Дрейзе и 25000 передѣланныхъ изъ старыхъ французскихъ. Въ полевой артиллеріи насчитывается 162 крупповскихъ стальныхъ орудій № 8 и 9, 8 пушекъ прежняго французскаго образца, шесть картечницъ Гартлинга, одна Христофли и Монтиньи и нѣсколько другихъ системъ Гочклея. Повозки очень хороши особенно лазаретныя американской системы. Санитарная часть войска дѣлится на амбулансы военный и краснаго креста, достаточно снабженныхъ людьми и врачами.

Переправа чрезъ Дунай у Галаца.

Командиръ первой бригады 18 пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Жуковъ донесъ военному Министру о благополучной переправѣ у Галаца слѣдующее:

Вь ночь съ 9 на 10 іюня въ присутствій командира 14 корпуса генералъ-лейтенанта Циммермана, были посажены на суда 10 ротъ рязанскаго и ряжскаго полковъ, по пяти отъ каждаго. Первыя причалившія къ берегу рязанскія роты, встрѣченныя сильнымъ огнемъ непріятеля изъ ложементовъ, неустрашимо бросились на высоты и выбили Турокъ, впереди всѣхъ вышли подпоручикъ Эльснеръ и прапорщикъ Сушковъ; непріятельская конница покушалась ударить во флангъ нашей малочисленной пѣхоты, но подоспѣвшія роты ряжскаго полка заставили Турокъ отступить. Къ 7 часамъ утра непріятель, получивъ подкрѣпленіе возобновилъ аттаки на правый нашъ флангъ; ряжскія роты, встрѣченныя огнемъ двухъ орудій и аттакою кавалеріи, выдержали горячій бой, доходившій до рукопашныхъ схватокъ и продолжавшійся до полудня, не имѣя ни артиллеріи, ни кавалеріи, пѣхота наша бросались въ штыки на непріятельскую конницу; съ прибытіемъ же нашего орудія, бой принялъ другой оборотъ; Турки прекратили огонь и отступили.

Наши войска подкрѣпленныя остальною частью бригады, утвердились на высотахъ Буджака. По засвидѣтельствованію генерала Жукова, въ этомъ горячемъ бою десяти ротъ противъ трехъ тысячъ непріятельской пѣхоты и до трехъ сотъ конницы при двухъ орудіяхъ войсками нашими оказаны чудеса храбрости. Особенную распорядительность оказали кромѣ командировъ обоихъ полковъ, полковниковъ Шульгина и Шелковникова и начальника штаба дивизіи, полковника Михѣева, полковникъ ряжскаго полка Акинфіевъ, капитанъ того же полка

Клочепко и поручикъ Ермоловъ. Къ сожалѣнію успѣхъ этотъ стоилъ намъ довольно значительной потери—7 убитыхъ ряжскаго полка, въ числѣ ихъ подпоручики Васильевъ и Никольскій и рязанского полка подпоручикъ Васильевъ и нижнихъ чиновъ 41. Ранены: рязанскаго полка—поручикъ Эльснеръ и ряжскаго Итрашкевичъ и нижнихъ чиновъ 88 человѣкъ.

Въ ночь съ 10 на 11 число Государь Императоръ съ Ихъ Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими князьями: Владиміромъ, Алексѣемъ и Сергѣемъ Александровичами, изволилъ прибыть въ Галацъ, гдѣ посѣтилъ госпиталь и удостоилъ раненыхъ милостивыми словами. Поручику Эльснеру тутъ же лично пожаловалъ орденъ св. Георгія 4-й ст. Того же ордена удостоились получить: генералъ-маіоръ Жуковъ и прапорщикъ Сушковъ; нижнимъ чинамъ были тоже назначены знаки военнаго ордена, а раненымъ, кромѣ того, денежныя пособія.

Осмотрѣвъ лагерь московскаго пѣхотнаго полка, Его Величество изволилъ, на обратномъ пути изъ Галаца, посѣтить въ Браиловѣ бивуакъ расположенныхъ тамъ войскъ и осмотрѣлъ баттарею, построенную противъ Мачинскаго рукава, ту самую, съ которой былъ потопленъ первый турецкій броненосецъ.

Къ $4^1/_2$ часамъ Его Величество изволилъ возвратиться въ Плоэшти.

Въ дополненіе къ извѣстію сего числа о дѣлѣ на Буджакѣ, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ донесъ, что прибылъ сегодня 11 числа въ 3 часа дня въ Мачинъ, съ Бородинскимъ Его Величества полкомъ на пароходахъ, баркахъ и гребныхъ судахъ. Городъ былъ оставленъ Турками и занятъ безъ выстрѣла. Духовенство и жители христіане вышли на встрѣчу съ крестами, иконами, хоругвями и пѣніемъ по русски многолѣтія Русскому Царю; почетные жители поднесли хлѣбъ-соль. Полкъ Его Величества вступилъ въ городъ съ распущенными знаменами при звукахъ гимна: «Боже Царя храни!»

Бородинскій полкъ остался въ Мачинѣ. Бригада генералъ-маіора подвинулась туда же и наконецъ тутъ же было приступлено къ сообщенію между Браиловымъ и Мачиномъ.

Прав. Вѣст. 1877 г. № 130

Подробности перехода черезъ Дунай у Галаца и Браилова *).

Послѣ дѣятельныхъ и тщательныхъ приготовленій, продолжавшихся нѣсколько недѣль (о чемъ было выше сказано) Русскіе перешли Дунай. Переправа ихъ совершалась какъ разъ къ концу втораго мѣсяца со дня объявленія Россіею войны Оттоманской Имперіи. Мы ограничимся подробностями главныхъ моментовъ переправы русской арміи на турецкій берегъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что всѣ подготовленія къ этой переправѣ заклю-

*) Корреспонд. Газеты Wiener Tageblatt. (заимствов.)

чались въ быстромъ занятіи лѣваго берега Дуная отъ Рени до Браилова, въ загражденіи на этомъ мѣстѣ доступа турецкимъ мониторамъ посредствомъ погруженія торпедъ, въ ослабленіи блокированной минными загражденіями турецкой эскадры между Рени и Браиловымъ и наконецъ въ производствѣ техническихъ работъ по устройству сообщенія съ противуположнымъ турецкимъ берегомъ.

О дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, клонившихся къ достиженію первыхъ трехъ цѣлей, было довольно сказано. По этому, въ виду совершившейся переправы, коснемся главнымъ образомъ выполненія въ техническомъ отношеніи послѣдней такъ сказать заключительной цѣли, состоявшей въ переводѣ на турецкій берегъ стоявшихъ подъ Браиловымъ и Галацомъ русскихъ войскъ.

Русскіе перешли Дунай подъ Галацомъ при помощи ими же устроенныхъ барокъ, пріобрѣтенныхъ на мѣстѣ паровыхъ судовъ, а также плотовъ собственной постройки, буксируемыхъ пароходами и, наконецъ, гребныхъ судовъ разнаго размѣра.

Барки съ помѣщеніемъ для 45 человѣкъ были устроены такимъ образомъ, чтобы рулевымъ весломъ ихъ могли управлять до 7 человѣкъ. Внѣшняя конструкція ихъ не представляла никакихъ особенностей и ничѣмъ не отличалась отъ судовъ этаго типа. Килевая часть ихъ сидѣла слегка въ водѣ, а помѣщавшіися въ немъ люди были ограждены съ боковъ высокими бортами, а спереди и сзади—высокимъ носомъ и высокою кормою.

Паровыя суда, служившія для переправы, принадлежали къ разряду обыкновенныхъ мелкихъ рѣчныхъ пароходовъ, какихъ много на Дунаѣ, съ помѣщеніемъ для 6—8 человѣкъ, которыхъ было заготовлено до 120 штукъ въ Галацѣ и 80 въ Браиловѣ.

Плоты были связаны изъ девяти толстыхъ бревенъ, каждый длиною въ 28 метровъ *) и въ 60 или 70 сантиметровъ ширины **). Бревна были скрѣплены въ плоты желѣзными связами и прикрыты были бревенчатою настилкою. Самыя же бревна были расположены такимъ образомъ что на самой серединѣ Дуная могли противустоять напору теченія, разрѣзая волну. Верхнія поперечныя балки были скрѣплены лежнями, пересѣкавшими ихъ по діагональной плоскости. Такимъ образомъ, плоты эти представляли собою трехъ-ярусный гребенчатый срубъ, скрѣпленный со всѣхъ сторонъ болтами.

Въ Галацѣ было 8 плотовъ такой конструкціи, а въ Браиловѣ отъ 60 до 65. Первые спеціально предназначались для перевозки артиллеріи со всей ея упряжью и доставки ея чрезъ затопленныя разливомъ пространства на сухой берегъ Дуная. Плоты же, изготовленные въ Браиловѣ, должны были служить составными частями плавучаго моста и замѣнять собою плашкоуты ***), вслѣдствіе чего они укрѣплялись на якоряхъ; промежутки между ними замѣнялись тесомъ. Этотъ по-

*) Метръ равенъ 1,4 аршина слѣдовательно каждый плотъ былъ длиною 13,12 саженъ.

**) Отъ 3 футовъ до полусажени.

***) Плоскодонное судно, замѣняющее для временнаго моста быки и устои.

мостъ въ тоже время служилъ къ скрѣпленію пловучихъ частей и составлялъ непрерывное полотно, по обѣимъ сторонамъ котораго, во всю его длину, были воткнуты желѣзныя стойки съ проушинами въ верхнихъ частяхъ, сквозь которыя продѣтый канатъ замѣнялъ собою перила.

На срединѣ каждаго плота былъ утвержденъ на столбѣ глухой фонарь во время ночныхъ работъ.

Перекинутый, такимъ образомъ, чрезъ всю рѣку мостъ удовлетворялъ всѣмъ условіямъ прочности и устойчивости. Независимо отъ вышеизложенныхъ приспособленій, мостъ былъ защищенъ съ верхней стороны теченія Дуная пловучими лежнями, связанными цѣпями, цѣль которыхъ заключалась въ огражденіи всего корпуса моста отъ постороннихъ вліяній предметовъ, несомыхъ особенно въ ночное время, напоромъ которыхъ можно-бы было легко разрушить связь составныхъ частей временной рѣчной постройки пловучаго моста.

Для движенія войскъ, по пространствамъ, залитымъ водою, были приспособлены легкіе мостики, а также устроены земляныя дамбы *) прилегавшія къ мостовому полотну.

Вся длина перекинутаго предъ Браиловымъ моста со включеніемъ мостковъ и дамбъ занимала протяженіе на цѣлую версту. Шедшія скорымъ шагомъ войска употребляли не болѣе двадцати минутъ для перехода съ одного берега на другой.

Что касалось до буксирныхъ пароходовъ, то достаточно замѣтить, что они были разныхъ величинъ и по своему наружному виду ничѣмъ особенно не отличались отъ буксирныхъ судовъ Дунайскаго Общества пароваго судоходства. Къ спеціально приспособленнымъ для переправы судамъ можно отнести нѣсколько буксирныхъ пароходовъ, снабженныхъ брезентами, вооруженныхъ пушками, и огражденныхъ съ боковъ блиндажами отъ ружейныхъ пуль.

Въ такомъ видѣ эти приспособленныя суда имѣли сходство съ мониторами и замѣняли собою пловучія батареи. Нельзя также обойти молчаніемъ и флотилію, сформированную Русскими на самомъ Дунаѣ и состоявшую изъ Румынскихъ канонирокъ: «Стефанъ—Сенъ-Маре,» «Фургурулъ,» «Романія» и «Рундуника.» Рѣчныхъ пароходовъ, пріобрѣтенныхъ отъ частныхъ лицъ: «Загражденіе,» «Фосколо» «Фосколини» и шести русскихъ паровыхъ катеровъ.

Всѣ эти приготовленія и приспособленія были задуманы и исполнены ранѣе и Русскіе ожидали только спаденія дунайскихъ водъ до того уровня, при которомъ переправа боевыхъ грузовъ могла бы ничѣмъ ненарушимо быть исполнена.

Многіе разсчитывали, что продолжительность выжидательнаго періода въ полной зависимости отъ высокаго горизонта дунайскихъ водъ и что къ переправѣ будетъ приступлено лишь по возвращеніи этихъ водъ въ ихъ постоянное ложе.

Между тѣмъ факты показали противное, и по всей линіи русской позиціи закипѣла дѣятельность, какъ только вода спала на нѣсколько футовъ. Дальнѣйшаго пониженія нельзя было ожидать, такъ какъ въ такомъ случаѣ затопленныя пространства пришлось бы переходить пѣшкомъ, причемъ люди, животныя

*) Насыпи или укрѣпленія на берегахъ рѣки.

а въ особенности орудія пришлось бы увязить въ трясинѣ. По этому случаю предъ временемъ, какъ нужно было переправляться черезъ Дунай, работа усиленно кипѣла и днемъ и ночью при дѣйствіи сотни рукъ въ мастерской нѣкоего Проватко, гдѣ были изготовляемы приспособленія для дунайской переправы.

9-го (21-го) іюня, рано утромъ, одинъ русскій офицеръ генеральнаго штаба, въ сопровожденіи 8 казаковъ переплылъ Дунай съ восточной стороны Галаца и, достигнувъ турецкаго берега, направился къ юго-востоку, по затопленнымъ низменностямъ къ гребню холмовъ, возвышающихся между Исакчею и Мачиномъ. Приблизившись на ружейный выстрѣлъ къ торчавшему на гребнѣ турецкому блокгаузу *) онъ началъ производить развѣдки, причѣмъ Турки открыли по его катеру ружейный огонь.

Русскій офицеръ, не обративъ на непріятельскій огонь особеннаго вниманія, обогнулъ холмы съ цѣлью отыскать удобный путь для переправы.

Достигнувъ своей цѣли, русская развѣдочная партія вернулась назадъ. Двое изъ казаковъ оказались тяжело ранеными, но задача была рѣшена и требуемый путь былъ найденъ.

Къ вечеру того-же дня съ восточной оконечности Галаца стянулась цѣлая бригада. Съ наступленіемъ ночи засуетились лодки по Дунаю. До 150 гребныхъ судовъ начали перевозить русскихъ солдатъ на турецкій берегъ по тому самому направленію, котораго держалась утромъ развѣдочная партія.

Восемь бѣглыхъ Болгаръ, явившихся въ русскій лагерь, за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль, разумѣется, спасая жизнь свою отъ мусульманской ярости и неистовствъ, съ охотою приняли приглашеніе быть въ качествѣ проводниковъ и указывали рулевымъ путь.

Плоты съ орудіями были прибуксированы въ замки, откуда дальнѣйшій путь пролегали себѣ сами артиллеристы при помощи фашинъ **). Выполненіе этаго очень труднаго предпріятія по всей вѣроятности требовало много усилія, но Русскіе показали себя и въ этомъ случаѣ молодцами.

Переправа длилась до трехъ часовъ ночи и, не взирая на то, что къ тому времени на турецкій берегъ успѣли перебраться только 3000 человѣкъ и 2 орудія; бой начался только при первыхъ отблескахъ утренней зари.

Турки, занимавшіе гребень холмовъ, слышали шумъ и всплески воды и на всякій случай стали стрѣлять въ темнотѣ передъ собою на счастье.

Русскій отрядъ твердо рѣшившійся аттаковать непріятеля, не отвѣчалъ на его пальбу и продолжалъ подвигаться впередъ, не дѣлая, по возможности, ни малѣйшаго шума, чтобы не обнаружить своего присутствія. Около трехъ часовъ утра, при первомъ мерцаніи занявшейся зари, съ одной изъ турецкихъ баттарей раздался первый выстрѣлъ противъ наступавшихъ русскихъ колоннъ. Русская пѣхота, обогнувъ фланговымъ движеніемъ турецкую позицію, бросалась на штурмъ ея и завязался тяжелый бой, продолжавшійся до 11 часовъ утра; опрокинутые

---

*) Укрѣпленіе изъ бревенъ.—**) Фашиной называется пучекъ хворосту, или прутьевъ, связываемыхъ въ видѣ снопа, объемъ фашины вдвое и даже въ трое толще послѣдняго.

съ своихъ позицій Турки отступали сначала къ Цицинѣ, а потомъ къ Горбинѣ; передовые же ихъ посты, отрѣзанные отъ холмовъ фланговымъ движеніемъ Русскихъ должны были сдаться военноплѣнными.

Штурмъ непріятельскихъ позицій стоилъ Русскимъ не мало жертвъ. Тамъ, гдѣ не брала пуля, работалъ русскій штыкъ, производившій въ турецкихъ рядахъ громадныя опустошенія.

Турецкіе ряды были разрушены, нѣкоторыя ихъ орудія подбиты, остальныя же были захвачены аттакующими. Туркамъ стало не въ моготу держаться на своихъ холмахъ и они, какъ испуганное стадо барановъ, шарахнулись по скату внизъ въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ. Густые столбы пыли обозначали направленіе, по которому замѣтно было, что они бѣжали къ Мачину. Русскіе сначала пустились преслѣдовать ихъ, но вскорѣ потомъ остановились и вернулись на высоты, выдвинувъ линію форпостовъ къ югу отъ своей позиціи. Тѣмъ временемъ постепенно подплывали къ берегу остальныя части русской бригады и тотчасъ же направлялись къ отбитымъ у Турокъ высотамъ. Къ полудню на турецкой землѣ находилось уже до 6,000 человѣкъ съ 4-мя орудіями, составлявшіе достаточную силу для того, чтобы противустать непріятелю своими собственными средствами.

Турки между тѣмъ замкнулись въ Мачинѣ и настолько притаились, что казацкіе патрули *) подъѣзжали къ городу ближе чѣмъ на выстрѣлъ и на встрѣчу имъ не было выпущено изъ городскихъ заваловъ ни одной непріятельской пули.

Я слѣдилъ за сраженіемъ изъ Браилова. Очевидно, что съ такого разстоянія я немогъ услѣдить за всѣмъ и многіе эпизоды этой кровавой схватки прошли незамѣченными мною. Послѣ полудня я поспѣшилъ вернуться въ Галацъ и тамъ уже узналъ о всѣхъ подробностяхъ этого достопамятнаго дня. Изъ разсказовъ очевидцевъ я могъ заключить, что предпринятый русскими маневръ имѣлъ главнѣйшею своей цѣлью овладѣть лежащими передъ Мачиномъ холмами съ фронта и съ тыла, чтобы оттуда съ большимъ успѣхомъ аттаковать Мачинскія укрѣпленія по линіи ихъ профили.

Въ остальное время дня русскіе не переставали переправляться на противуположный берегъ по мосту и на судахъ. Русскія канонирскія лодки до вечернихъ сумерекъ ходили по Дунаю взадъ и впередъ между Браиловомъ и Мачиномъ въ виду турецкихъ пароходовъ, которые, скучившись у Гирсова, не осмѣлились придвинуться изъ опасенія наткнуться на мины, которыми положительно засѣяно было русло Дуная.

---

*) Ночные военные обходы.

Крѣпость Рущукъ *).

Мѣстоположеніе крѣпости и устройство. Характеръ города. Значеніе его относительно Дуная.

Крѣпость Рущукъ находится на правомъ берегу Дуная ниже впаденія въ него рѣки Лома. Господствуя надъ теченіемъ Дуная крѣпость эта обстрѣливаетъ водяной путь на рѣкѣ, а также замыкаетъ пути въ Шумлу—Варну и въ Тернову, и служитъ исходнымъ пунктомъ желѣзной дороги въ Европу—черезъ Дунай и Журжево въ Бухарестъ (Букурештъ иначе). Кромѣ того крѣпость Рущукъ составляетъ одинъ изъ опорныхъ пунктовъ стратегической позиціи, образуемой крѣпостями: Рущукъ и Силистрія—на Дунаѣ, Шумла и Варна.

Рущукъ, какъ главный городъ Дунайскаго вилайета, имѣетъ большое значеніе и въ отношеніи матеріальныхъ средствъ находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ чѣмъ другія придунайскія крѣпости. Городъ лежитъ на краю возвышающагося къ югу плато, глиняные обрывы котораго круто спускаются къ Дунаю. Ниже Рущука, на лѣвомъ берегу рѣки, находится румынскій городъ Журжево. Между Рущукомъ и Журжево Дунай раздѣляется островомъ Журжулуй или Чурой на два рукава, изъ которыхъ болѣе широкой протекаетъ мимо Рущука.

Ядро крѣпости состоитъ изъ непрерывной ограды, окружающей городъ со стороны суши, и изъ баттарей на открытомъ водяномъ фронтѣ, обороняющихъ Рущукъ, въ сторонѣ Дуная и Лома; кромѣ того непосредственно впередъ восточной стороны, на пути въ Силистрію, лежитъ большое внѣшнее укрѣпленіе, въ видѣ кронверка, устроенное для защиты находящагося внутри его городскаго предмѣстья.

Главная крѣпостная ограда сухопутной стороны образуется изъ 8-ми бастіонныхъ фронтовъ съ весьма длинными куртинами и перпендикулярными къ нимъ флангами. Эскарпы **) и контръ-эскарпы одѣты каменными плитами. Гласиса***) и другихъ внѣшнихъ верковъ, кромѣ упомянутыхъ выше, на восточной сторонѣ не имѣется. Укрѣпленіе, прикрывающее предмѣстье, построено по одной системѣ съ главною оградою, и состоитъ изъ трехъ фронтовъ съ тремя полными бастіонами и съ однимъ полубастіономъ. Въ сухопутныхъ фронтахъ устроено четыре выхода въ полѣ.

Всѣ сообщенія рѣчныхъ фронтовъ прикрыты небольшими земляными верками ****).

Поясъ отдѣльныхъ верковъ окружаетъ главную сухопутную ограду; укрѣпленія эти возведены на разстояніи около тысячи шаговъ отъ послѣдней. На господствующихъ южныхъ высотахъ находятся штернъ-шанцы: *****) Уюджелеръ и

---

*) Русскій Инвалидъ. 1877. Перепечатка см. № 152. Рус. Вѣд. 1877.—**) Эскарпы и контръ-эскарпы—отлогости крѣпостнаго рва.—***) Насыпь впереди наружнаго рва.—****) Отдѣльная часть укрѣпленія.—*****) Полевое укрѣпленіе, состоящее изъ выходящихъ и входящихъ угловъ такъ, что смотря на него сверху, изображаетъ звѣзду.

Кійякану, восточнѣе—пять земляныхъ верковъ; въ центрѣ расположенія на командующей высотѣ, у дороги въ Шумлу, расположено сильнѣйшее укрѣпленіе Левантъ—штернъ-шанцъ большихъ размѣровъ, а далѣе съ восточной стороны—три четырехстороннихъ редута и одинъ шестисторонній.

Относительно современнаго вооруженія крѣпости ничего положительнаго сказать нельзя; судя по протяженію главной ограды, за исключеніемъ куртинъ и отдѣльныхъ верковъ, оно требуетъ до 200 орудій для вооруженія. Однѣ же куртины, приспособленныя также къ пушечной пальбѣ, допускаютъ постановку на нихъ значительнаго числа орудій. По послѣднимъ извѣстіямъ, на вооруженіе главной ограды находились 85 орудій, изъ которыхъ многія большихъ размѣровъ (калибровъ).

Главнѣйшій фортъ Левантъ, считавшійся ключемъ позиціи, имѣетъ въ своемъ вооруженіи 17-ть орудій большаго калибра.

Гарнизонъ крѣпости по военному времени долженъ простираться до 8000 человѣкъ; но въ послѣднее время численность его доведена до 15000 кромѣ войскъ, расположенныхъ подъ крѣпостью.

Слабая сторона крѣпости заключается въ недостаткѣ прикрытія каменныхъ верковъ главной ограды и внѣшнихъ построекъ, въ близкомъ расположеніи отдѣльныхъ укрѣпленій и въ томъ, что лѣвый берегъ Дуная не занятъ; сила же ея—въ отдѣльныхъ веркахъ южной стороны и въ возможности наступательныхъ дѣйствій на правомъ дунайскомъ берегу по всѣмъ направленіямъ.

Въ виду упомянутой близости отдѣльныхъ верковъ можно предполагать, что Турки постараются отчасти ослабить этотъ недостатокъ, выдвинувъ далѣе впередъ новую линію укрѣпленій, хотя бы и полеваго характера, что и подтверждается новыми извѣстіями.

Южная сторона крѣпости, вслѣдствіе командующей ею впереди мѣстности представляется естественнымъ фронтомъ для аттаки. По овладѣніи аттакующимъ отдѣльныхъ верковъ южной стороны, служащей ключемъ къ Рущуку, всякое сопротивленіе крѣпости почти невозможно.

Рущукъ я успѣлъ хорошо осмотрѣть *) изъ Слободзіи. Турецкая крѣпость отъ этой деревни отстоитъ всего верстахъ въ двухъ по прямому направленію. Раздѣляетъ ихъ лишь затопленный теперь озерокъ. Со стороны Слободзіи городскія постройки Рущука совершенно открыты и, въ случаѣ бомбардированія, несомнѣнно городъ легко можетъ быть обращенъ въ кучу развалинъ. Разстояніе столь невелико, что въ слабый бинокль можно читать надписи на гостинницахъ въ родѣ: *Hôtel d'Europe*, *Hôtel de Victoria*, *Hôtel de Constantinopole* и т. п. Городъ расположенъ небольшимъ амфитеатромъ со склономъ къ рѣкѣ. Всѣ улицы и дома видны, дѣйствительно, какъ на ладони. Извѣстно, что этотъ городъ много обязанъ своимъ украшеніемъ Митхатъ-пашѣ, который нѣкогда былъ генералъ-губернаторомъ Болгаріи. Онъ много построилъ хорошихъ зданій и старался придать городу европейскій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ вы видите въ

---

*) Слова корр. „Сѣвернаго Вѣстника." 1877 г.

городѣ множество двухъ-и трехъ-этажныхъ домовъ европейской архитектуры. На многихъ домахъ теперь развѣваются флаги: это консульскія помѣщенія; надъ какою-то мечетью или минаретомъ видѣнъ вкось поставленный флагъ съ ярко-краснымъ полотнищемъ и бѣлою луною. Это вѣроятно госпиталь. Дома по большой части, разумѣется, восточной архитектуры, съ круглыми арками, галлереями, множествомъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ окнахъ, но бѣлые и опрятные. Все это гнѣздится вдоль узкихъ улицъ, по которымъ замѣтно медленное, лѣнивое движеніе: идетъ вьючный оселъ, женщины подъ бѣлымъ покрываломъ, одиночный всадникъ ѣдетъ. Что составляетъ характеристическую черту города это —множество бѣлыхъ минаретовъ. Высоко, тонко и стройно вытягиваются они къ небу изъ зелени садовъ города или изъ за массивныхъ, тяжелыхъ круглыхъ куполовъ, бѣлыхъ мечетей, и это очень красиво. Форма ихъ всегда такая длинная, тонкая, съ кругленькимъ балкончикомъ вверху и остроконечною кругловатою маковкой; они имѣютъ видъ, если можно сдѣлать такое уподобленіе, большой спаржи, поставленной вертикально на тарелкѣ.

Вдоль Дуная устроена обдѣланная желтымъ камнемъ набережная. Около нея виднѣются мачтовыя суда, пароходы. Я разглядѣлъ явственно одинъ двухтрубный мониторъ и большую канонирку. Они безпечно стояли на рейдѣ, закинувъ далеко якорь. Впрочемъ недавніе несчастные случаи ихъ съ судами на Дунаѣ не сдѣлали ихъ осторожными. Разсказывали, что на ночь всѣ эти суда стягивались въ бухточку, у самаго берега за островомъ, подъ прикрытіе городскихъ баттарей. При внимательномъ всматриваніи можно замѣтить эти двѣ баттареи, въ томъ числѣ одну на островкѣ, обстрѣливавшія Дунай.

Городъ смотритъ теперь какимъ-то мертвецомъ. Несомнѣнно, что многіе изъ жителей покинули его. На улицахъ мало замѣтно движенія. Въ тѣни городскихъ садовъ, окаймляющихъ городъ, можно различить линію каменныхъ бастіоновъ старинной крѣпости. Новая же крѣпость, опора и надежда Рущука, это форты на высотахъ окружающихъ городъ. Грознѣе всѣхъ смотритъ западный фортъ, который на спеціальныхъ картахъ обозначенъ Левентъ-Табіе. *)

Всѣ эти высоты окаймляютъ Рущукъ на югъ и западъ, упираясь крыльями въ Дунай; высота и крутизна ихъ значительны. Они съ поля совершенно заслоняютъ городъ, который, такимъ образомъ, стоитъ позади ихъ надъ Дунаемъ какъ въ котловинѣ. По всѣмъ этимъ высотамъ видны грозные форты съ промежуточными постройками. Большинство изъ нихъ, кажется, сомкнутаго начертанія; посреди форта обыкновенно гордо торчитъ флакштокъ **); но самыхъ флаговъ не видно. Подъемъ изъ города на высоты крутъ, не смотря на то, что онѣ отстоятъ отъ него на нѣсколько верстъ. Широкая шоссейная дорога, ведущая изъ города на югъ или на юго-западъ, видна изъ Слободзіи отлично. Она такъ крута, что кажется изъ Слободзіи стоящею вертикально, какъ бы поднявшейся на дыбы.

Несомнѣнно, что дѣйствіемъ артиллеріи изъ за Дуная въ тылъ города, мож-

---

*) Табіе, Табія—фортъ, крѣпость или укрѣпленіе.—**) Мачта, на которой развѣвается флагъ.

но послѣднему нанести большой вредъ. Но не подлежитъ сомнѣнію также и то, что форты съ западной, южной и восточной сторонъ потребуютъ трудной осады; а въ случаѣ лишь обложенія крѣпости наблюдательнаго корпуса тысячъ въ 40. (Таково было мнѣніе корреспондента.)

Всѣ имѣющіеся здѣсь свѣдѣнія показываютъ что непріятель, понимая важность для него Рущука, какъ одной изъ опорныхъ точекъ параллелограма Рущукъ-Шумла-Варна-Силистрія, укрѣпилъ его сильно и, охраняя гарнизономъ тысячъ въ тридцать, двинулъ остальныя свободныя войска, кромѣ шумлинскихъ резервовъ, на западъ къ Систову, Никополю и Рахову.

Перестрѣлка между Рущукомъ и Журжевомъ*) 12 іюня.

Идя къ генералу (говоритъ господинъ Каразинъ), встрѣтилъ я Н. Даченко и М. Т. Ѳедорова, корреспондета Русскихъ Вѣд. — они шли тоже къ начальнику отряда и съ тою же цѣлью, то есть, выхлопотать себѣ разрѣшеніе наблюдать за артиллерійскимъ боемъ съ самаго удобнаго для этого пункта, именно съ верхней площадки городской каланчи, стоящей посреди площади, какъ разъ въ центрѣ города. Съ этой точки обѣ линіи баттарей, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ, были видны превосходно.; можно было прослѣдить почти каждый выстрѣлъ и дать себѣ полный и точный отчетъ во всемъ происходившемъ передъ глазами.

Генералъ принялъ насъ очень любезно; онъ распорядился приготовить билеты для насъ трехъ и еще два для корреспондентовъ англійскихъ: доктора Карика и корреспондента *Times*, высокаго, тощаго джентльмена, бывшаго артиллериста, крайне интересовавшагося такимъ нагляднымъ сравненіемъ дѣйствій турецкой артиллеріи и нашей.

«И безъ того на половину покинутый жителями городъ, теперь опустѣлъ окончательно; на его длинныхъ улицахъ не видно уже почти никакого движенія; всѣ или бѣжали, или попрятались; на нѣкоторыхъ дворахъ еще торопливо запрягались экипажи; по направленію къ желѣзной дорогѣ тянулись группы мужчинъ и женщинъ съ узлами на плечахъ; паника уже начинала охватывать мирныхъ обитателей Журжева. Это было видно по ихъ, какъ то тупо растеряннымъ выраженіямъ лицъ, по ихъ безтолковой суетѣ. Невольно приходилось улыбаться, глядя, какъ иногда бѣглецы тащили за собою совершенно нестоющіе спасенія предметы, забывая про болѣе цѣнные... Тамъ, глядишь, просто изгибается подъ тяжестью корзины съ пустыми бутылками, тамъ двое тащутъ мягкій, тяжелый диванъ, или большое зеркало; узлы съ платьемъ связаны кое какъ, наскоро; все вываливается оттуда, волочится по пыли... Какой то полиціантъ Румынъ носится по улицамъ на своей тощей рыжей клячѣ, видимо безъ

*) Корр. Нов. Вр. г. Каразина. Заимств. изъ Русс. В. № 161.

всякой опредѣленной цѣли,—«поретъ горячку» что называется; вмѣсто того, чтобы успокоивать перепуганныхъ бѣглецовъ онъ только кричитъ на нихъ, ругается и еще болѣе увеличиваетъ общее смятеніе. Всѣ лавки заперты, на площади открыто только двѣ кофейни; тамъ толпятся немногіе, какъ кажется рѣшившіеся остаться и выдержать бомбардировку; кое-что тамъ бравируютъ слегка и сидятъ у столика съ кружками пива или съ неизбѣжнымъ дульчесомъ; я думаю, что это храбрецы только до перваго выстрѣла; впрочемъ, не стану дѣлать заключенія: начнется—увидимъ.... А ужъ должно скоро начаться; стрѣлка часовъ показываетъ сорокъ пять минутъ третьяго—еще только четверть часа ожидать.

Журжинская каланча стоитъ какъ разъ на центрѣ городской площади. Это —каменное зданіе, довольно высокое, господствующее надъ всѣми остальными постройками; подъ самою коническою крышею идетъ вокругъ всего карниза балкончикъ съ желѣзною рѣшеточкою. Когда мы подошли къ узкой двери каланчи, насъ остановилъ часовой и потребовалъ разрѣшающіе входъ билиты; увидѣвъ ихъ, онъ пропустилъ насъ къ верху безпрепятственно.....

Узкая деревянная лѣстница съ прогнившими ступенями, съ безчисленными провалами, съ перилами самой сомнительной прочности вела насъ на верхъ.... Внутри зданія, въ этой каменной трубѣ царилъ самый неопредѣленный полусвѣтъ... Кто поднимался на верхъ, кто спускался, поминутно слышались предостерегательныя воззванія, то съ той, то съ другой стороны:—осторожнѣй чертъ!... А ты развѣ не видишъ....—Виноватъ ваше благородіе.. Ахъ ты!... Тише, генералъ тамъ... тутъ бѣдная собачка щенится, пришла, покою хочетъ, а онъ прямо претъ.. .. Ишь нашла мѣсто.... Осторожнѣй! Дѣйствительно на какомъ то крайнемъ поворотѣ, у самыхъ ступеней лѣстницы, было сь какое-то живое существо, жалобно взвизгивающее и ласково, усердно тамъ лижущее ноги проходящихъ.

«Два, три нашихъ солдатика, караульныхъ башни, относились къ будущей матери гораздо съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ турецкой бомбардировкѣ, которая вотъ—вотъ должна была начаться и разразиться надъ Журжевомъ.

«Поднялись, наконецъ, и выбрались на балконъ, ярко освѣщенный солнцемъ, Тамъ ужъ былъ и генералъ.

«Господа, лучшаго наблюдательнаго пункта нельзя и выдумать. Смотрите! привѣтствовалъ онъ наше появленіе.

Дѣйствительно, видъ отсюда, какъ на турецкія позиціи, такъ и на линіи нашихъ баттарей превосходенъ. Вы можете отчетливо видѣть каждый мельчайшій эпизодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общее цѣлое.

Непосредственно отъ подножія каланчи съ круглой площади радіусами тянулись улицы города. Передъ нами развертывалась панорама зданій, межъ ними зеленыя группы садовъ, красивый фасадъ городской гимназіи, куполы церквей и колоколенъ, затѣмъ опять сады, сверкающіе на солнцѣ, Дунай и всѣ его острова и отмели.... Влѣво Рущукъ со всѣми его баттареями, вправо—самый обыкновенный, слегка возвышенный, кой-гдѣ поросшій берегъ между Слободзеей и Журжевомъ, тотъ самый берегъ, вдоль котораго въ нѣсколько дней, или, пра-

вильнѣе, въ нѣсколько ночей былъ созданъ рядъ сильныхъ нашихъ баттарей, до сихъ поръ еще незамѣченныхъ Турками. Дѣйствительно, какъ я ни присматривался въ бинокль къ этому берегу, и признака не было какихъ-либо сооруженій; а между тѣмъ они есть, сейчасъ даже дадутъ знать о своемъ существованіи, снимутъ, такъ сказать, маску и снимутъ ее не безъ эффекта.

Вынулъ часы, смотрю... у всѣхъ тоже часы въ рукахъ... Глаза перебѣгаютъ съ циферблата на этотъ, повидимому, мирный берегъ по братно... Стрѣлка ползетъ медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ бы слѣдовало, чѣмъ т. е. хотѣлось.

Я даже вздрогнулъ невольно... На самомъ дальнемъ концѣ линіи нашихъ баттарей, на правомъ флангѣ за Слободзеей, уже вспыхнулъ бѣлый клубъ дыма..... Я его ждалъ, а все-таки вышло какъ будто неожиданно. Другой дымъ вспыхнулъ въ Рущукѣ, это разорвало долетѣвшій снарядъ. Оба звука дошли до насъ въ той же послѣдовательности, но гораздо позже. Вотъ опять дымъ, опять, разрывъ снаряда... еще и еще. Турки не отвѣчаютъ... въ Рущукѣ тревога, канонада для нихъ сюрпризъ совершенно... По скатамъ холмовъ, между отдѣльными фортами, тамъ, гдѣ бѣлѣютъ ряды коническихъ палатокъ, суматоха страшная: носятся всадники, войска выбѣгаютъ и становятся въ ружье, ихъ ведутъ... Куда? Конечно къ берегу, туда, откуда грозитъ врагъ. Нѣтъ. Густыя колонны турецкой пѣхоты скрываются за склонами холмовъ; ихъ просто выводятъ изъ сферы досягаемости выстрѣловъ; это тоже самое что сдѣлали и наши заблаговременно. Бой, значитъ, предполагается исключительно чисто артиллерійскій.

«Вонъ видны какія то части, пробирающіяся гуськомъ по траншеямъ, связывающимъ отдѣльно стоящія баттареи, это—прикрытія къ орудіямъ на всякій случай. Первый дымокъ съ этой стороны... Второй, третій... Турки отвѣчаютъ бѣшено, съ остервененіемъ, они горячатся, снаряды падаютъ безтолково, большинство снарядовъ рикошетируетъ по Дунаю Громадный столбъ бѣлаго дыма взвился надъ домомъ итальянскаго консула и береговою дамбою; это взрывъ очевидно, но что именно взорвало—неизвѣстно. Тамъ не можетъ быть у насъ пороховаго погреба—я знаю это мѣсто очень хорошо, говоритъ Каразинъ; погреба вѣдь подобнаго рода не строютъ на открытыхъ городскихъ улицахъ... Грохотъ страшный! Каррикъ увѣряетъ, что видѣлъ въ свой бинокль обломки чего то... говорятъ что это взорвало на ходу зарядный ящикъ... очень можетъ быть... Во всѣ пять записныхъ книжекъ занесенъ актъ взрыва. Двадцать пять минутъ четвертаго еще ударъ, страшный, долетѣвшій до насъ трескучими перекатами. Это съ баттареи «Самойло,» того самаго офицера, который взорвалъ «Лифтли Джелиль», хватили какъ разъ по брустверу круглой каменной баттареи, особенно выдающейся въ линіи турецкихъ береговыхъ укрѣпленій. Видна цѣлая куча красноватой пыли, тамъ блеснулъ огонь... Опять ударъ, опять туда же... Круглая баттарея не отвѣчаетъ—она замолчала... На долго-ли? Всѣ наши снаряды громятъ теперь другой пунктъ, какой-то длинный глинистый брустверъ, съ котораго идетъ самая оживленная стрѣльба; очевидно, что наши артиллеристы не разбрасываются, они условились, чтобы всѣ баттареи поочередно громили одинъ и тотъ-же пунктъ, пока его не заставятъ замолчать, а затѣмъ уже принимаются за другой. Это

расчетъ вѣрный, система артиллерійскаго боя самая правильная... Вотъ и у Турокъ, какъ кажется, возстановляется что-то въ родѣ порядка, очевидно явилась чья-то властная рука...

«Вокругъ страшный визгъ въ воздухѣ заставилъ всѣхъ насъ обернуться по новому направленію; вслѣдъ за этимъ визгомъ ударъ и взгрывъ; это хватили въ нашу уже сторону. Бомба упала на черепичную крышу дома между зданіемъ гимназіи и гостинницею «Европа»; тамъ въ пыли и дыму ничего не видно... Нѣсколько десятковъ Румынъ стремительно, въ разсыпную бѣгутъ черезъ площадь.

«Это теперь уже въ нашу сторону бьютъ... Огонь открыть по городу и, замѣтьте, городу невооруженному — надъ зданіемъ гимназіи флагъ съ краснымъ крестомъ... Первый выстрѣлъ именно по направленію этаго предохранительнаго флага, вотъ и второй ударъ, какъ разъ по крышѣ у самаго флагъ-штока... Третій ударъ, еще какой то домикъ, выглядывающій своею черепичной крышей и бѣлыми трубами изъ яркой зелени акацій, скрывается въ облакѣ, пыли и смрадѣ.

«Генералъ пошелъ отдать нужныя приказанія... Мы въ пятеромъ остались на каланчѣ.

— Здѣсь очень удобно, господа! замѣтилъ Бракенбери и улыбнулся... Мнѣ даже показалось, что онъ толкнулъ локтемъ Каррика. Отсюда все такъ хорошо видно... и жаль, что вашъ генералъ пошелъ искать болѣе удобнаго для наблюдень мѣста.

«Сказавъ это, онъ спокойно сталъ скручивать себѣ сигаретку.

— «Это вызовъ! шепнулъ мнѣ Ѳедоровъ, и тутъ же добавилъ громко: Жаль что некого послать да и некуда, чтобы намъ принесли сюда обѣдать.

«Вотъ, молъ, тебѣ! получи и роспишись.

«А ей Богу не повѣрю, чтобы свистъ или правильнѣе отвратительно сверлящій воздухъ, металлически звѣняющій звукъ былъ бы особенно пріятенъ... Мнѣ часто на своемъ вѣку приходилось слышать эту адскую музыку и я къ ней относился хладнокровно только тогда, когда было что-нибудь другое, болѣе поглощавшее мое вниманіе. До сихъ поръ мнѣ рѣдко, почти никогда не приходилось быть празднымъ зрителемъ и слушателемъ этихъ прелестей...

«Ба!... громъ взрыва въ воздухѣ, характерный звукъ летящихъ во всѣ стороны осколковъ... Что-то звякнуло внизу у стѣны каланчи... Это шрапнель *)

— «Это уже положительно обстрѣливаютъ нашу группу! замѣтилъ Каррикъ: —иначе зачѣмъ имъ стрѣлять по городу шрапнелями, предназначенныхъ исключительно для стрѣльбы по массамъ войскъ.

Жара невыносимая отъ накалившихся стѣнъ каланчи, особенно отъ ея жестяной крыши пылаетъ какъ отъ натопленной печки... Отъ этой оглушительной трескотни въ воздухѣ начинаетъ болѣть голова. За дымомъ и пылью, поднявшейся на улицахъ отъ разрушенныхъ зданій, плохо видно въ даль... но вотъ махнуло вѣтромъ — позиція Турокъ снова начинаетъ открываться... Ого! Это

---

*) Граната начиненная пулями, которая разрывается не отъ удара, а посредствомъ дистанціонной трубки. Изобрѣтена въ Англіи артиллерійскомъ Шрапнелемъ.

гремятъ Журжево ближнія баттареи праваго фланга, не участвовавшія непосредственно въ артиллерійскомъ бою: они бьютъ зданія беззащитныя, мирныя, безнаказанно и спокойно.

Всѣ выстрѣлы все-таки по линіи Женевскаго флага: кварталъ, въ центрѣ котораго находится это злополучное зданіе, пострадалъ болѣе всего....

«Ура!»

— «Что такое?»

— «Вторая баттарея,—эта длинная, глинистая уже стихаетъ... Она молчитъ... Смотрите, смотрите!

Всѣ пять биноклей направлены въ ту сторону... Въ записныя книжки заносится фактъ: *«пять минутъ пятаго—вторая баттарея Рущука сбита.* Люди бѣгутъ въ баттарей,—линія турецкаго огня разорвана посрединѣ....»

— «Въ церковь!... трахъ!...»

«Дѣйствительно, у церкви видѣнъ взрывъ, тамъ подъ среднимъ карнизомъ большая пробоина. Не то дымъ, не то пыль и песокъ валитъ изъ оконъ; вѣрно и то и другое вмѣстѣ.

«Господа! болѣе стоять здѣсь нечего, спустимся внизъ, предложилъ кто-то.

«Дабы не задѣвать самолюбія ни той ни другой націи, я не назову имени. Кстати и предложеніе это было сдѣлано голосомъ покойнымъ, въ которомъ вовсе не слышалось желанія идти на утекъ.

— «*Теперь* мы можемъ и идти; не утерпѣлъ Федоровъ, чтобы не подчеркнуть слово идти.

— «Господи! осторожнѣе по лѣстницѣ! возвѣстилъ намъ спустившійся впередъ Н. Данченко; не задавите новорожденныхъ...

Пусто въ башнѣ и около; маленькій караулъ, по приказанію генерала, оставилъ свой опасный постъ. Какъ здѣсь хорошо, прохладно, въ этомъ сыромъ, сводчатомъ помѣщеніи нижней части каланчи, да кстати и совершенно безопасно.... Теперь куда же?..

«Я предположилъ сдѣлать маленькую прогулку по городу, именно къ гимназіи, чтобы дорисовать сильно пострадавшій уже фасадъ, затѣмъ заглянуть въ Европейскую гостиницу и побывать на бульварѣ, словомъ обойти средній кварталъ... Теперь уже всѣ рискнувшіе остаться въ городѣ попрятались въ погреба и подвалы; только въ кофейнѣ на площади, подъ ея сводчатымъ куполомъ притаились человѣкъ шесть Румынъ и между ними бравурничалъ тотъ самый полицейскій, только онъ былъ уже пѣшкомъ и жестикулировалъ особенно размашисто; храбрецъ былъ окончательно пьянъ и требовалъ, чтобы ему принесли сейчасъ живаго Турку и что онъ ему покажетъ что-то... Мы пошли...

«По совершенно пустымъ, засореннымъ битыми стеклами, обломками карнизовъ, улицамъ, бродила только маленькая кучка корреспондентовъ.....

— «Посмотрите протянулъ мнѣ свою записную книжку корреспондентъ *Times* и даже подчеркнулъ ногтемъ написаное: «*Журжа 24 іюня подъ выстрѣлами.*» Очень интересно, но ни одного французскаго шута въ родѣ Жана Вестина, и графа Белина и ни одного Нѣмца, только три Русскихъ и два Англичанина, дѣй-

ствительно было немного странно, что ни одинъ корреспонгентъ, кромѣ насъ пяти, не пожаловалъ сюда, тѣмъ болѣе, что ихъ предупреждали о томъ, что на дняхъ должно совершиться нѣчто весьма интересное. На другой день послѣ бомбардировки ихъ впрочемъ появилось таки достаточно и они очень храбро разспрашивали о всемъ вчера случившемся......

Мы начали задуманный обходъ, прошли мимо Европейской гостинницы—тамъ погромъ полный, вся стеклянная галлерея средней части исковеркана, въ стѣнахъ громадныя пробоины и закоптѣлые слѣды разрыва гранатъ, надъ кухнями крыша пробита, груды мусора и битаго стекла. Дальше. Вотъ и зданіе гимназіи: громадный бѣлый флагъ съ краснымъ крѣстомъ развѣвается и полощется въ воздухѣ, во всемъ лицевомъ фасадѣ сіяютъ черныя отверстія пробоинъ. Здѣсь мы остановились на нѣсколько минутъ.

Только окончилъ мой набросокъ, какъ страшный ударъ положительно оглушилъ насъ и въ тоже мгновеніе звукъ разрыва, блескъ красноватаго огня и отвратительный непередаваемый визгъ летящихъ во всѣ стороны осколковъ. Ничего не видно, кромѣ сплошной тучи каменистой пыли, слѣпящей глаза... Что-то металическое звякнуло почти у самаго моего плеча.

— «Охъ Господи!»

«Кто произнесъ это, не знаю, но этотъ призывъ слышалъ я ясно и отчетливо.. Ахъ какое тяжелое, невыносимое мгновеніе; невольно сами собою закрываются глаза, зубы стиснуты.... Ударъ слишкомъ уже близокъ, жертвы должны быть непремѣнно... Кто же?... Все это я пишу, спустя часъ времени, ощущеніе еще живы, и легко воспроизводятся.... Въ эту минуту я слышу еще и звукъ удара, и взрывъ, и визгъ осколковъ. Мнѣ кажется, что эти осколки я даже ощущаю на своемъ собственномъ тѣлѣ.... Теперь мнѣ положительно страшно, я даже взбѣшенъ на самаго себя, мнѣ стыдно за себя.... И къ какой стати я здѣсь, когда имѣю полное право быть внѣ всякой опасности?....

— «Однако хватило? раздается спокойный голосъ Каррика.—Онъ произнесъ эту фразу такимъ же тономъ, какъ бы говорилъ:—«однако холодновато»—или что нибуть въ этомъ робѣ.

Н. Данченко подбираетъ осколки на память; я увлекся примѣромъ и положилъ въ карманъ тоже кусокъ свинцовой оболочки разорвавшагося снаряда—это тотъ самый кусокъ, что ударился въ стѣну въ полуаршинѣ отъ моего плеча.

— А что вашъ рисунокъ конченъ?... вы уронили вашъ альбомъ, вотъ онъ.

«Ахъ какъ мнѣ нехотѣлось струсить въ это проклятое мгновеніе, но ей богу, я струсилъ, да еще какъ!... Мнѣ только досадно, замѣтили ли это мои товарищи или нѣтъ, мнѣ почему то ужасно не хочется, чтобы они замѣтили, я выдумываю, я пытаюсь придумать какую-нибудь маскирующую мой испугъ штуку, произнести какую-нибудь бравную фразу..... Ничего не выходитъ.

Идемъ дальше. Вотъ и бульваръ... Какъ хорошо, тѣнисто—только хорошенькій павильонъ пробитъ насквозь.... Какая-то скамейка расщеплена, опрокинута и лежитъ поперегъ дороги. На бульварѣ я вздохнулъ покойнѣе; я незнаю почему, но мнѣ показалось, что здѣсь опасность несравненно меньшая...... А снаряды

ревутъ и ревутъ въ воздухѣ... Мы уже прошли бульваръ и какъ то не хочется идти дальше въ жаркую улицу, заваленную обломками.... Вотъ въ концѣ ея видна намъ наблюдательная каланча. Мы свернули туда... Въ эту минуту, Богъ вѣсть откуда, вывернулась женщина полураздѣтая, обезумѣвшая отъ ужаса... Она мечется посреди улицы, завидѣла насъ, рванулась къ намъ, что-то говоритъ непонятное.....

— Бѣгите туда! вотъ въ ту сторону, къ станціи желѣзной дороги.... Тамъ безопасно.

«Она ничего не понимаетъ, не понимаетъ ни нашихъ жестовъ, ни мимики, съ помощію которой мы пытались объяснить въ чемъ дѣло.

— «А вѣдь она недурна! неутерпѣлъ таки Н. Данченко.

«Каррикъ и Федоровъ взяли ее подъ руки и повели силою, та упирается и молится Богу: она положительно помѣшалась отъ страху.... А тутъ, какъ на бѣду, опять страшный ударъ, разорвало гранату и очень близко разорвало... Я слышу звонъ стеколъ и лязгъ оборванныхъ телеграфныхъ проволокъ... Несчастная женщина остолбѣнела и опустилась на мостовую.... Хоть на рукахъ неси... Мы такъ и сдѣлали. Приходимъ въ кофейную на площадь; подъ ея сводами относительно безопасно, это какой то странно уцѣлѣвшій уголокъ. Мы туда и втащили бѣдную женщину. Видимъ: не то идетъ, не то ползетъ вдоль стѣны что-то страшное, окровавленное. Кажется человѣкъ. Да это человѣкъ, потому, что можно разобрать слова въ этихъ жалобныхъ стонахъ и причитаніяхъ. Это несчастный кельнеръ нашей гостинницы; ему осколкомъ гранаты пробило черепъ, какъ разъ лобъ выше праваго глаза, пробило сильно и какъ еще онъ можетъ держаться на ногахъ, изумительно!.... Никто не подходитъ къ несчастному, всѣ отъ него даже въ сторону шарахнулись. Эта изуродованная воющая у дверей кофейни фигура видимо всѣхъ пугаетъ.

Каррикъ докторъ, онъ знаетъ свое дѣло; тотчасъ же приступилъ къ осмотру раны и ея перевязкѣ. Какимъ молодцомъ онъ управляется съ своимъ дѣломъ.... Облили несчастнаго водою, обмыли пробоину—глубока страшно, бѣлѣетъ мозгъ.... Рана смертельна.... Перевязали ее носовымъ платкомъ, стащили со стола для той же цѣли цвѣтную салфетку. Хозяинъ-Румынъ протестуетъ и говоритъ что-то о десяти франкахъ. Требуемъ носилокъ—нѣтъ. Полиціантъ, до сихъ поръ бодрившійся, ослабѣлъ уже окончательно и бормочетъ какую-то безсмыслицу... Какъ все это гадко, противно. Мы втроемъ подхватили кое какъ бѣднягу, потащили къ госпиталю, что не очень далеко, не болѣе версты, но турецкіе снаряды достаютъ туда, тамъ, вѣдь, тоже *красный крестъ* на флагѣ, это ихъ исключительная цѣль. Насъ пять—съ нами, какъ я уже сказалъ, двое англичанъ. Шансы почти равны, кстати съ нами представитель газеты *Times*. Мы составимъ протоколъ и попросимъ подписать также и этого представителя, онъ долженъ подписать, потому, что фактъ очевиденъ. Мы такъ и сдѣлали.

На половинѣ дороги къ госпиталю, насъ чуть не сбила съ ногъ какая то тѣлѣга безъ сѣдоковъ. Испуганные кони несутся стремглавъ... Грядки телѣги въ крови, у одной лошади весь задъ въ крови тоже, и она на скаку озлобленно

брыкается.... Вотъ видна у тротуара лужа крови и пятнистые слѣды куда то впутрь двора.... Изъ подвальной отдушины выглянула испуганная блѣдная физіономія и, завидя насъ, моментально спряталась; изъ той же отдушины доносятся женскій голосъ и хныканіе ребенка.

«Мы, наконецъ, добрались до госпиталя. Сюда долѣтаютъ снаряды, но меньше; здѣсь по крайней мѣрѣ они не такъ гремятъ,—мягкая почва луга не благопріятствуетъ разрыву, не то что каменныя стѣны и мостовыя, тамъ почти каждая лопается... Половина седьмаго, солнце еще, впрочемъ, довольно высоко, но свѣтитъ тускло; это потому, что воздухъ надъ городомъ наполненъ пылью и дымомъ; чувствуется сильный запахъ извести и смрада.... Нѣтъ.. Я больше въ городъ не пойду, тамъ нечего дѣлать.... Кстати есть обходная тропинка и по ней можно добраться до рельсовъ желѣзной дороги, а оттуда на станцію.... Такъ я и сдѣлалъ, и не одинъ я—мы всѣ, потому что едва только раненый былъ сданъ, мы всѣ собрались на лужайкѣ около шоссе и молча, не сговариваясь даже, потянулись по одной и той же тропинкѣ....

Нервы ослабли, утомленіе и физическое и нравственное—полное.

Вправо отъ нашей тропинки, за канавою, видно поле; тамъ бивуакируетъ рота нашихъ пѣхотинцевъ, а можетъ быть немного болѣе—это поддержка береговыхъ карауловъ, расположенныхъ слѣва отъ города, по Дунаю. На бивуакъ, на моихъ глазахъ, упали три гранаты: одна лопнула, двѣ другія—нѣтъ..... Слава Богу благополучно, никого незадѣло. Солдаты подбираютъ осколки и ищутъ куда то закатившейся нелопнувшей гранаты.... Ага! а вотъ одна хватила какъ разъ у подъѣзда госпиталя, эта разорвалась; десять минутъ тому назадъ, мы были сами у этаго подъѣзда, опять граната, и опять въ тоже мѣсто.... Положительно въ войнѣ съ Турками выставлять бѣлый флагъ съ краснымъ прямымъ крестомъ не слѣдуетъ, это самое лучшее средство сосредоточить именно сюда, на этотъ флагъ, всѣ выстрѣлы.... Турки распорядились иначе: они прикрыли международнымъ флагомъ свои пороховые погреба.... Надъ каждою баттареею ихъ красуются бѣлыя знамена съ красною луною, замѣняющія женевскій крестъ. Въ этомъ легко убѣдиться: стоитъ только повнимательнѣе смотрѣть въ бинокль—положительно надъ каждою баттареею....

«Пришли на станцію—здѣсь массы народа, все, что бѣжало изъ города задержалось въ этомъ, почти безопасномъ пунктѣ. Я говорю, почти, потому что сюда достигали, и то изрѣдка, снаряды только самыхъ дальнострѣльныхъ орудій, какихъ у Турокъ весьма немного. Да и долетали эти снаряды совершенно случайно. Самое же колосальное зданіе станціи могло служить весьма солиднымъ прикрытіемъ.

Только что ушелъ длинный поѣздъ, увезя тѣхъ счастливцевъ, кто имѣлъ возможность уѣхать. На длинныхъ крытыхъ платформахъ стояла сплошная масса мужчинъ, женщинъ и дѣтей; все свободное пространство было завалено узлами, сундуками и прочимъ, наскоро захваченнымъ скарбомъ; все шумѣло, волновалось, даже плакало и съ безпокойствомъ присматривалось въ сторону несчастнаго города, откуда то и дѣло раздавались удары лопающихся гранатъ; за

угломъ главнаго зданія стояло пять колясокъ четверкою. Въ нихъ сидѣли наши сестры милосердія Крестовоздвиженской общины, въ своихъ сѣренькихъ платьяхъ и бѣлыхъ косыночкахъ на головахъ: онѣ въ составѣ санитарнаго отряда, направляющагося въ Александрію.

Сестры вели себя молодцемъ, бодро, даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ присматривались къ бомбардировкѣ и прислушивались къ громкимъ ея звукамъ, для большинства изъ нихъ слышанныхъ впервые.... Остановка была за укладкою ихъ безчисленнаго багажа- молодыя сестры безпрестанно выскакивали изъ экипажей и выбѣгали изъ за своего прикрытія. Очень ужъ любопытно было, должно быть. Пожилая дама съ почетнымъ крестомъ на груди ворчала и распекала, какъ и слѣдуетъ, за это неумѣстное любопытство.... Наконецъ весь кортежъ тронулся съ мѣста.... Я пожелалъ имъ счастливаго пути, а главное—поменьше дѣла.

— «Ахъ, нѣтъ, напротивъ—побольше.... закричала мнѣ въ отвѣтъ, съ высоты козелъ—совсѣмъ юная, миловидная брюнетка и тотчасъ же спохватилась, что вышло какъ будто бы не ладно.

— «Да, да... вы правы—поменьше, поменьше, поправилась она, и даже привстала на козлахъ, такъ ей хотѣлось посмотрѣть, куда это шлепнется граната, провизжавшая въ саженяхъ полутораста отъ поѣзда.

Кучера хватили по своимъ четверкамъ и въ карьеръ понеслись, желая поскорѣе выбраться изъ обстрѣливаемаго пространства.... Они такъ трусили до сихъ поръ, что пока пассажиры не усѣлись на мѣстахъ, надо было поставить казаковъ стеречь румынскихъ возницъ, иначе они бы всѣ разбѣжались, побросавъ даже своихъ лошадей и экипажей. Подобные факты, случаются здѣсь безпрестанно.

«А канонада начинаетъ какъ будто стихать—тамъ, противъ чего работаютъ наши баттареи, тамъ уже почти тихо.... рѣдко слышенъ выстрѣлъ со стороны Турокъ, ихъ должно быть потрепали порядочно; эти же, что дѣйствуютъ противъ неотвѣчающаго имъ города, еще продолжаютъ неистовствовать..... Часамъ къ 8 вечера однако и тамъ стало тише, а ровно въ восемь перестрѣлка совсѣмъ прекратилась и надъ полуразгромленнымъ городомъ воцарилась наконецъ тишина. .. Тяжелая томительная тишина, производящая совсѣмъ неуспокоительное, а какое то непріятное, тоскливое чувство.

«Жажда страшная, во рту пересохло; спасибо коменданту, пригласилъ къ себѣ пить русскій чай. Вы не понимаете, что значитъ здѣсь русскій чай. Здѣсь вы только понимаете настоящее значеніе его и цѣну.... Столикъ былъ вынесенъ на площадку, на немъ воздвигнулся нашъ родной, настоящій русскій самоваръ, а не эта противная *теймашина*. Что то теперь тамъ, на нашихъ баттареяхъ,—кто убитъ, кто раненъ? Все вопросы такіе жгучіе,—самые волнующіе... посылали на перевязочный пунктъ, онъ довольно далеко отсюда, версты три... Раскинулся докторскій бивуакъ, какъ его здѣсь называютъ—въ прелестномъ лѣску, новенькіе, еще необновленые красивые шатры, чистыя переносныя койки, ампутаціонные и перевязочные столы, еще незапятнанные кровью... Все

это распланировано такъ уютно, комфортабельно, глядитъ такъ празднично.... чуть-чуть не сказалъ привѣтливо.... На всякій случай расчитывали на потерю съ нашей стороны значительную, а потому и приготовлялись, какъ слѣдуетъ Такъ вотъ посылали на этотъ самый пунктъ.

— Тамъ ничего.... Хирурги и медики безъ дѣла — говорятъ: «странно, что это до сихъ поръ никого не волокутъ!» А вотъ и вѣстникъ съ баттарей.

По дорогѣ, прорѣзывающей густой кустарникъ, заслоняющій отсюда линію огня, идетъ пѣшкомъ какой то высокій плотный бородачь въ бѣломъ кителѣ, это одинъ изъ артиллеристовъ... ближе подходитъ—знакомый, такъ и подмыло всѣхъ къ нему на встрѣчу...

— «А здравствуйте, полковникъ.... Ну, что добраго скажете? послышались вопросы—кто убитъ?

— «Слава Богу—никто.... все благополучно.... Ахъ, это у васъ чай.... чай... дали... нельзя ли мнѣ стаканчикъ? Усадили добраго вѣстника.

— «Я, говоритъ онъ,—и голосъ охрипъ со всѣмъ, горло пересохло, я, говоритъ онъ, извините меньше полдюжины стакановъ не въ состояніи выпить.

Пьетъ полковникъ чай, для скорости въ блюдечко льетъ и разсказываетъ.

Наши артиллеристы держали себя молодцами—работали спокойно, спокойнѣе. чѣмъ въ учебномъ полигонѣ и несравненно хладнокровнѣе; причина совершенно понятна: здѣсь гроза впереди и онъ эту грозу бьетъ, чего же тутъ волноваться особенно—тамъ же гроза сзади и онъ ее бить не смѣетъ, а громитъ ни въ чемъ неповинныя, безотвѣтныя мишени, къ которымъ никакого озлобленія не чувствуетъ. Здѣсь дѣло, а тамъ только, молъ, муштра.

«Баттареи всей нашей линіи работали систематично; они не стрѣляли всякая противъ себя, не разбрасывали выстрѣловъ, а гремѣли данныя точки по очередно.... Артиллеристы не тратили лишнихъ зарядовъ, расходовались съ расчетомъ. Наводка орудій была неторопливая, съ точною провѣркою и выдержкою наиудобнѣйшихъ моментовъ..... просто на дымокъ снарядовъ не пускали. Однимъ словомъ, это была словно не молодежь, въ первый разъ находящаяся въ дѣлѣ, а старые бывалые ветераны..... Разскащикъ, опытный, многослуживый боевой офицеръ, съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ, что онъ ни въ офицерахъ, ни въ солдатахъ незамѣтилъ никакого стремленія къ бравадамъ и разнымъ фанфаронадамъ...

Никто не торчалъ зря на видныхъ мѣстахъ, съ традиціоннымъ покуриваніемъ сигары и яко бы хладнокровнымъ крученіемъ папиросъ, ни позволялъ себѣ острить и балаганить, пѣть веселенькіе куплеты, какъ тоже многіе любятъ дѣлать.... всѣ вели себя необыкновенно просто и серьезно. Они дѣлали свое дѣло, строго относясь ко всякой его детали, они отлично сознавали, что каждое мгновенье можетъ принести имъ смерть, и—навѣрное нравственно готовы были къ этой смерти, а въ этой то готовности, въ этой спокойной религіозной рѣшимости умереть и заключается вся стойкость, вся могучая сила нашей арміи.... и это правда. Если вы увидите въ бою джентльмена, напѣвающаго мотивы Офен-

баха—знайте: онъ самъ себя бодритъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и шарлатанитъ.... Помню я одного такого «колонеля» еще въ сербскую войну, когда Турки обстрѣливали Дунишъ. Онъ—стоя, впрочемъ за прикрытіемъ, щурилъ свои подслѣповатые глаза, со стеклами на носу и гнусливымъ голосомъ уродовалъ мадамъ Анго. Такому джентльмену я недовѣрилъ бы вести нашихъ солдатъ на бой.—Нельзя, вѣдь, рядомъ ставить крестъ и погремушку полишинеля.

«И солдатъ нашъ вовсе не любитъ этихъ бравадъ и гораздо симпатичнѣе и довѣрчивѣе относится къ начальнику, который не позволяетъ себѣ подобныхъ выходокъ. Солдатъ отлично чуетъ, гдѣ маскированная трусость, какъ бы искусно ее не маскировали, и гдѣ истинное, простое геройство.

«На баттареяхъ нашихъ положительно совершались чудеса; на этихъ баттареяхъ легло болѣе семисотъ снарядовъ, но падая въ брустверъ, или близко отъ платформъ, сзади снаряды рвались хорошо; у насъ ни одного убитаго и ни одного раненаго. Одна бомба ударилась подъ амбразурою подъ самымъ дуломъ орудія; послѣдовалъ взрывъ. Много земли и осколковъ взвились на воздухъ и закрыли собою и орудіе и артиллеристовъ.

— «Подай голосъ!... крикнулъ офицеръ.

— «Ничего.... Все благополучно! отвѣчали оттуда.

«И дѣйствительно, улеглась пыль, разнесло дымъ вѣтромъ... люди цѣлы, ни одной царапины, орудіе даже не задѣто..... Другая бомба ударилась о крышу пороховаго погреба, духъ занялся у всѣхъ, ждали страшной катастрофы, но бомба рикошетировала, вмѣстѣ съ разрывомъ, ея осколки вынеслись впередъ въ пустое пространство и погребъ остался цѣлъ. Словно чья-то невидимая, но могучая рука простерта надъ нашими героями и отстраняетъ отъ нихъ вражескіе снаряды...

«Съ первою круглою баттареею Рущука наши справились скоро. Но со второю возились долго. Земляной плотно глинистый брустверъ ея оказался устойчивѣе каменнаго; затѣмъ перешли къ судамъ, этимъ большимъ пароходофрегатамъ, что стояли у военной пристани.... Черезъ часъ, даже нѣсколько менѣе, суда эти уведены были тягою въ доки, значитъ имъ таки досталось. Еще за часъ до окончанія канонады, огонь Турокъ сталъ замѣтнее ослабѣвать.... Ассигнованное для сегодняшняго обихода число снарядовъ приходило къ концу. Въ половинѣ осьмаго приказано было забастовать и въ восемь затихло, какъ я уже говорилъ, какъ съ нашей, такъ и съ турецкой стороны.

«Стемнѣло. На разгромленныхъ улицахъ Журжева замелькали огоньки, изъ подваловъ и погребовъ повылѣзли спасавшіеся тамъ во время боя; вернулись и тѣ, которые убѣжали и выжидали гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, не подалеку. Пришелъ я въ свою комнату въ Европейскомъ отелѣ. Тамъ только груды камня и разныхъ обломковъ. Одинъ изъ снарядовъ разорвался въ комнатѣ прислуги, разнесъ эту комнату въ дребезги, осколки хватили въ послѣдній нумеръ, тамъ тоже все исковеркано, дверь моей комнаты преломлена двумя осколками, окно выбито, столъ перевернутъ, все въ полномъ безпорядкѣ, на полу осколки,

одинъ такъ даже на кровать мою взобрался, мѣсто значитъ занято, надо искать себѣ для ночлега другое..... А тутъ слышенъ набатный колоколъ.... что такое?

Говорятъ мнѣ: «фого,» «фого»! значитъ пожаръ. Огонь показался... Дѣйствительно на площади у каланчи горитъ какой то домъ, валятъ густые клубы дыма,—это что нибудь затлѣло отъ разрыва гранаты и теперь только разгорѣлось... Опять тревога, ждутъ, что Турки, завидѣвъ пожаръ и совершенно справедливо полагая массу народа по близости, откроютъ снова огонь; но обошлось благополучно, Турки не стрѣляли. — Они и сами должно быть много работы имѣли, не до того было.... Съ береговыхъ постовъ доносятъ, что на разбитыхъ баттареяхъ слышенъ шумъ работъ, должно быть спѣшатъ за ночь поправить дѣло.... Двухъ дѣтей привели раненыхъ, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати съ разбитою ручонкою и мальчика съ выбитымъ глазомъ и осколкомъ свинца въ плечѣ. У берега завалило погребъ, а въ немъ, говорятъ, были люди. Тутъ прошла партія рабочихъ съ лопатами. По разбитому кварталу бродятъ темные силуэты и мигаютъ фонари; тамъ обыскиваютъ пострадавшіе дворы, не окажется ли еще какой нибудь жертвы?... Петербургская гостинница, пострадавшая менѣе прочихъ, уже приводится въ порядокъ, —сегодня ѣсть не даютъ, какъ ни просимъ, — а завтра утромъ обѣщаютъ, если только впрочемъ Турки не начнутъ снова пострѣливать... Авось не начнутъ!... Завернулся въ бурку, присѣлъ на диванчикъ около воротъ кофейни и задремалъ...

. . . .

13 Іюня.

Какое непріятное впечатлѣніе производятъ эти исковерканныя улицы, особенно наша—Европейская. По ней даже ходить невозможно.... по ней тянется рядъ телеграфныхъ столбовъ, частію поломанныхъ; оборванныя проволоки путаются между ногъ, словно силки вездѣ протянуты, самая станція разбита окончательно. Тамъ былъ нашъ русскій телеграфистъ, онъ также уцѣлѣлъ, успѣлъ во время выбѣжать. Другая половина дома занята почтовымъ отдѣленіемъ,—это пострадало менѣе.

Представьте себѣ какой молодецъ румынскій чиновникъ, бывшій впрочемъ солдатъ; онъ уже, когда команда началась, все привелъ въ порядокъ, перенумеровалъ и отправилъ почту; онъ и теперь сидитъ у своей форточки и записываетъ что-то въ книгу. Зашелъ я туда, спрашиваю:

«Будете что отправлять сегодня?» —Отчего же нѣтъ, только пока ничего, вотъ развѣ вы сдадите что-нибудь....

Въ конторѣ у него темно, горитъ свѣчка.... Окошко выбито осколкомъ и завѣшено одѣяломъ.

А вы бы лучше ушли, а то опять можетъ быть стрѣлять начнутъ—не обойдется, пожалуй, благополучно.

— Въ шесть уйду; я здѣсь обязанъ сидѣть отъ 8 до 6 вечера, отвѣчаетъ.

Крѣпко пожалъ я ему руку и пожелалъ отъ души досидѣть свой срокъ покойно.

«Опять выстрѣлъ. Что такое?.... Это уже у насъ въ городѣ хватило какъ будто орудіе,—что бы это значило? Нѣчто въ родѣ суматохи, бѣгутъ и оттуда.

Оказалось что двое Румынъ нашли гранату не лопнувшую и съ великаго ума начали ее разряжать, та и лопнула; оба изуродованы, одинъ еле дышетъ; побросали ихъ на телѣгу и повезли въ госпиталь; хотя бы прикрыли чѣмъ нибудь. Эти полиціанты везутъ раненыхъ по улицамъ словно говядину какую нибудь; сквозь дно телѣги кровь льется ручьемъ, слѣдъ по мостовой оставляется.... Говорятъ, еще отыскали подъ мусоромъ нѣсколько тѣлъ, одного груднаго ребенка убило осколкомъ гранаты, на рукахъ у матери и поранило послѣдней грудь. Несчастная помѣшалась отъ горячки и страха..... Зашелъ въ «Петербургскую» завтракать, тамъ вѣдь вчера обѣщали дать что-нибудь... Народу собралось здѣсь ужъ достаточно, только все наши, не туземцы. Кто съ бивуаковъ пріѣхалъ, кто съ баттарей. Тутъ и наши товарищи корреспонденты. Сыпятся градомъ перекрестные разсказы о вчерашнемъ днѣ, послушать, такъ у каждой головы лопнуло не менѣе двадцати бомбъ и гранатъ и все на вершковомъ разстояніи. Осколками набиты всѣ карманы.—Одинъ такъ даже таскаетъ съ собою трехъ-пудовой снарядъ, собирается соорудить изъ него подсвѣчникъ на память...

Пришло извѣстіе, что опять хотятъ пострѣлять передъ вечеромъ, мѣшать Туркамъ работать; ресторатор вслѣдствіе этого предлагаетъ ѣсть по больше и грозитъ, что съ полудня никто ничего не получитъ—все будетъ заперто. Жители вернулись сюда захватить, что съ вечера не успѣли, и захватываютъ, торопятся страшно, боязливо оглядываются, прислушиваются,—посмотришь—такъ точно воруютъ, а не свое добро берутъ... на бивуакахъ все прибываютъ новыя войска, откуда—неизвѣстно.... Всѣ проселочныя дороги заперты, всюду посты, никого не пропускаютъ, даже военныхъ, кто бы онъ ни былъ, если при немъ не окажется какой либо спеціальной для проѣзда этой мѣстности записочки. Свободенъ только желѣзнодорожный путь и прогулки по горогу, но отнюдь внѣ черты, особенно на Дунаѣ по берегамъ, выше и ниже... Не сегодня, такъ завтра самое позднее, должно свершиться что-то грандіозное, въ воздухѣ слышится это какъ будто....

Изъ замѣтокъ доктора на театрѣ войны *)

Разсказъ доктора о храбромъ дѣйствіи минцевъ и волынцевъ во время переправы. Перевязочный пунктъ.—Покушеніе монитора на разрушеніе моста.—Посѣщеніе перевязычнаго пункта Царской фамиліей.

13 іюня, равно въ 3 часа послышался первый пушечный выстрѣлъ. Люди и лошади перваго транспорта подняли въ одно мгновеніе головы, обратились глазами и ушами по направленію, откуда грянулъ громъ. Затѣмъ начались разда-

*) „Русскій Міръ" съ 13 до 16 іюня. Профессоръ хирургіи докторъ Бергманъ.

вались выстрѣлы одинъ за другимъ. Мы достигли г. Фонтанешти. Внизу озера, потомъ безконечное покрытое водою полотно, надъ которымъ высовываются кой гдѣ островки, далѣе высокіе берега Вскорѣ мы могли замѣтить облака дыма, которые поднимались при каждомъ выстрѣлѣ и потомъ тянулись вдоль берега. За ними выступалъ городъ Систово, амфитеатрально съ своими возвышающимися тонкими минаретами *). Но вотъ явился гонецъ съ новымъ приказаніемъ—отправиться какъ можно болѣе впередъ на новый перевязочный пунктъ, позади 9-ой дивизіи. Чрезъ нѣсколько минутъ мы были на своихъ мѣстахъ и проѣхали сквозь облако пыли и песку къ облакамъ пороха. Теперь уже мы ясно слышали не только выстрѣлы пушекъ, но и щелканіе ружейной пальбы, которое все становилось чаще и чаще и служило доказательствомъ, что наши достигли противуположнаго берега. Путь или лучше широкій лугъ, называемый дорогою, спускался къ Дунайской долинѣ, Въ 8 часовъ мы достигли первыхъ частей войскъ, которыя преспокойно сидѣли вокругъ своихъ котловъ, ѣли, пили, шутили, точно будто находились въ полномъ мирѣ, а пальба поодаль отъ насъ была бы какимъ нибудь потѣшнымъ огнемъ или фейерверкомъ. Намъ нельзя было идти далѣе, иначе нашъ транспортъ могъ бы помѣшать передвиженіямъ дивизіи.

Мой помощникъ (говоритъ докторъ), который при бомбардированіи Журжева выказалъ свои способности по военному дѣлу и необыкновенное спокойствіе въ минуты, когда вокругъ него лопались гранаты, вскочилъ на казацкую лошадь и поскакалъ въ самую средину боевыхъ частей. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ отыскалъ перевязочный пунктъ; я послѣдовалъ за нимъ. Офицеръ эскортировалъ **) наши вещи и сестеръ милосердія, когда мы проходили чрезъ разныя массы войскъ. Посреди городка Зимницы, который весь состоитъ изъ небольшой группы домиковъ, находится колодезь, точно такой конструкціи, какія попадаются въ деревняхъ Лифляндіи. Вокругъ него были поставлены палатки перевязочнаго пункта. Налѣво находится отдѣлъ ввѣренный петербургскому профессору Корженецкому, а на право (говоритъ профессоръ) былъ мой участокъ. Въ той самой палаткѣ, въ которой я провелъ ночь у гостопріимнаго дивизіоннаго врача, доктора Анергина, были размѣщены мои перевязочные снаряды и операціонные инструменты. Любезный мой коллега собралъ въ этомъ мѣстѣ всѣ предметы послѣднихъ усовершенствовавшій и вмѣсто обыкновеннаго стола былъ поставленъ операціонный столъ точно такой же, какъ у меня въ клиникѣ.

Сперва дѣйствовала одна 14-ая дивизія; но вотъ матеріалъ, какъ мы хирурги выражаемся, сталъ прибывать: повозка за повозкою, носилки за носилками стали быстро появляться одна за другою; едва мнѣ достало времени сбросить съ себя шинель и мундиръ и надѣть на себя одинъ изъ фартуковъ, которыми меня такъ роскошно снабдилъ дерптскій дамскій комитетъ, какъ уже былъ внесенъ истекающій кровью юноша. Нужно было спасти эту молодую жизнь посредствомъ немедленной накладки лигатурки. Въ этотъ моментъ я забылъ о пушечной пальбѣ и громахъ битвы. Моя работа требовала точнаго наблюденія

* Минаретами называются башни, съ которыхъ кричатъ муэдзины, призывая магометанъ къ молитвѣ.—**) Сопровождалъ и охранялъ въ дорогѣ.

и возможно спокойнаго состоянія души и тѣла. Въ такія минуты, встрѣчаются пораненія, которыхъ намъ впродолженіи десятковъ лѣтъ гражданской практики не приходится видѣть. Только во время хлороформированія я имѣлъ время предложить кое какіе вопросы офицерамъ и узналъ, что переходъ во множествѣ барокъ и лодокъ удался. Первыми были гвардейцы, которые незамѣтно подобрались къ берегу; но турецкіе часовые вскорѣ замѣтили ихъ и съ близъ лежащей мельницы былъ данъ сигналъ къ тревогѣ. Баттареи начали покрывать все, наполненное барками пространство, своими гранатами. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ матросы и саперы перевозили солдатъ Минскаго полка, который особенно пострадалъ, три лодки были совсѣмъ разрушены и многіе солдаты получили контузіи отъ летѣвшихъ по воздуху досокъ. Непостижимое уваженіе къ этимъ людямъ останется навсегда въ памяти. Нужно видѣть, что я видѣлъ: это болотное пространство, раздвоенное русломъ рѣчки и за этими препятствіями страшныя отвѣсныя высоты, покрытыя густымъ кустарникомъ въ родѣ спихерискихъ горъ. За кустами, въ приготовленныхъ заранѣе ложементахъ, находилось 5000 турецкихъ гвардейцевъ, отличныхъ стрѣлковъ, вооруженныхъ превосходными ружьями, готовыхъ скосить нашихъ солдатъ поголовно и цѣлыми рядами. Но съ страшнымъ, далеко разнесшимся крикомъ «ура!» Минцы и Волынцы бросились въ кусты на штыки; это мнѣ объяснило множество штыковыхъ ранъ. Напротивъ насъ стояла баттарея изъ крупповскихъ пушекъ; три пушки скоро нами были демонтированы, но четвертая долго и безпрестанно палила па спускавшіеся по Дунаю съ музыкой и пѣснями батальоны, пока въ 11 часовъ удачнымъ выстрѣломъ и эту пушку не заставили замолчать.

Большое число жертвъ выпало па долю Минскаго полка, а изъ 120 гвардейцевъ выбыло изъ строя 40. По трехверстному ущелью эти герои быстро поднимались; но тутъ упалъ ихъ начальникъ Озеровъ, раненый въ ногу. Стойко выдержалъ онъ первыя боли при зондированіи раны въ подбедренной части.

Большую часть раненыхъ намъ доставили въ полдень, когда громъ пушекъ уже замолкъ. Не смотря на помощь всѣхъ хирурговъ главной квартиры и прибывшаго къ намъ врача Главнокомандующаго, доктора Обермиллера, мы едва могли справиться съ работою. Благодаря обстоятельству, что раненыхъ оказалось относительно не очень большое число, я могъ дать себѣ и товарищамъ моимъ отдыхъ на четверть часа, и положилъ послѣднюю повязку въ 11 часовъ вечера. Когда безостановочно въ теченіи 15 часовъ ампутируешь, лигуешь, накладываешь гипсовыя повязки *reservien*, то нервы приходятъ въ такое возбужденное состояніе, что не смотря на свою усталость не чувствуешь даже позыва ко сну. Не могу выразить моей признательности доброму человѣку, который далъ мнѣ кусочекъ хлѣба и кружку краснаго вина, послѣ чего я легъ на дунайскій песокъ, заснулъ и безпрестанно тревожимъ былъ во снѣ видомъ окровавленныхъ людей. Такъ мнѣ и слышались ихъ стоны и крики, пока меня вдругъ не разбудилъ громъ пушечной пальбы съ турецкаго монитора, который хотя и опоздалъ къ переходу нашихъ войскъ, но пришелъ на столько во время, чтобы разрушить вновь построенный мостъ. Но лишь только попалъ подъ перекрестный огонь на-

шей артиллеріи, такъ тотчасъ обратился вспять. За нимъ тотчасъ уложили рядъ торпедъ. И хорошо было, что пушки меня разбудили; оказалась необходимость въ новыхъ перевязкахъ. Поздно вечеромъ былъ найденъ въ кустахъ офицеръ съ раздробленнымъ бедромъ. Нужно было его перевязать, уложить и затѣмъ отправить далѣе въ американскихъ носилкахъ. Дѣло въ томъ, что въ ущельяхъ за плетнями спряталось нѣсколько Турокъ, которые стрѣляли въ нашихъ солдатъ, занятыхъ работою на другомъ берегу. Но вотъ небо занялась зарею и покрыло своимъ кровавымъ отливомъ Систово, надъ минаретами и высокими башнями котораго развивался Русскій двухглавый орелъ. Незабвенная минута! Мы всѣ закричали «ура!» и замахали фуражками проходившимъ батальонамъ. Опять нужно было взяться за работу. Началось перевязываніе раненыхъ и отправка ихъ въ 53 госпиталь въ Піатрѣ. Посреди работы мы было обрадованы привѣтствіемъ Главнокомандующаго, который съ особенной, свойственной Ему одному манерою, утѣшилъ раненыхъ и ободрилъ ихъ.

«Двумя часами позже мы удостоились лицезрѣть высшихъ посѣтителей. То были Государь Императоръ, Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ, со всѣмъ штабомъ. Его Величество, послѣ осмотра мѣста битвы, приказалъ показать ему раненыхъ. Государь оставался особенно у кроватей трехъ паціентовъ, которые были ранены восемью и болѣе пулями. Каждый долженъ былъ подробно разсказать—гдѣ и какъ получилъ раны. Одинъ изъ чухонъ-эстонцевъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, отвѣтилъ: «Ваше Величество, одна Турка я закололъ, потомъ пришела другой и меня закололъ.» Другіе увѣряли, что ихъ раны не велики и просили отослать ихъ въ полки обратно, такъ какъ они еще не кончили своего дѣла. Государь выразилъ собравшимся хирургамъ, что онъ доволенъ нашими трудами и за тѣмъ отправился въ главную квартиру. Еще въ первый день сраженія я воспользовался перевязочными средствами для транспортированія раненыхъ. Каждому тяжело раненому давалась телѣга съ тройкою лошадей. Укладывали мы его въ лубкахъ, на соломенныхъ тюфякахъ. Больныхъ съ раздробленными членами мы привязывали къ носилкамъ и укладывали тоже на соломѣ. Въ полдень все было очищено, остались только раненые въ животъ и грудь. До этой поры я выносилъ работу, но тутъ вдругъ человѣческія потребности голода и жажды меня привели въ весьма непріятное состояніе. Въ такомъ мучительномъ состояніи мы—я и мой коллега, г. Корженевскій—подвигались впередъ пѣшкомъ, утопая въ пескѣ, какъ вдругъ мы увидѣли метлу и пустую бутылку на шестѣ, что указывало на близость маркитанта. Мы удвоили наши шаги, чтобы достигнуть ресторана, и нашли у еврея калбасу и пиво австрійское, которое онъ провезъ контрабандою, причемъ отпустилъ намъ это питіе по цѣнѣ, во сколько обходится шампанское въ Дерптѣ. Пришли и другіе усталые труженики, съ ними и генералъ Косинскій. Я сѣлъ къ нему въ коляску и мы отправились въ госпиталь № 53 въ Піатрѣ. Мои ассистенты и сестры милосердія послѣдовали за нами въ слѣдующую ночь съ тяжело ранеными. И какъ они честно трудились! Какъ утомились! Во всю ночь не дали онѣ себѣ покою ни на одну минуту, эти истинныя сестры. Онѣ стояли на колѣняхъ, около боль-

ныхъ, поправляли тому тюфякъ, другому подушку, у третьихъ отнимали жаръ отъ ранъ компрессами изъ карболовой воды, или утоляли жажду питіями.

«На возвратномъ пути, въ экипажахъ только имъ удалось заснуть, чтобы съ ранняго утра снова заняться своимъ трудомъ на пользу страждущаго человѣчества. Въ данномъ случаѣ я обязанъ былъ отправлять сестеръ на перевязочный пунктъ. Хотя мое предложеніе встрѣтило нѣкоторыя противорѣчія, но скромная дѣятельность ихъ, тихій и деликатный образъ обхожденія съ больными и колоссальная рабочая сила, выказанная сестрами этой общины, уничтожили въ скорое время всякое сомнѣніе о примѣнимости ихъ трудовъ на полѣ битвы. Медицинскій инспекторъ и всѣ провожавшіе меня коллеги подтвердили это мнѣніе и выразили глубокое свое уваженіе и полную признательность за ихъ трудъ. Четверка генерала галопомъ, въ какіе-нибудь полтора часа, доставила насъ на мѣсто работы въ госпиталь Піатры. Помѣщичій домъ, флигеля, сараи и амбары маисовые—все было превращено въ госпиталь. Кромѣ того, находятся здѣсь около 50 киргизскихъ кибитокъ. Въ каждой изъ нихъ помѣщается 8 больнымъ. Деревянный сарай служитъ операціоннымъ заломъ. Въ небольшомъ числѣ парадныхъ комнатъ помѣщено офицерское отдѣленіе. Вокругъ помѣщичьяго дома скучено около ста жалкихъ домиковъ, изъ которыхъ одна половина находится въ землѣ, а верхняя образуетъ родъ веранды *) въ которой нагія дѣти и полунагія женщины заняты работою во время дневной жары. Они на веретенѣ обработываютъ шерсть и толкутъ въ ступахъ кукурузу. Овцеводство и маисоводство составляютъ, кажется, единственный промыселъ этой троглодитской породы людей. Въ такой избѣ, которая, впрочемъ, имѣетъ два покоя надъ землею, я помѣщенъ къ крайнему испугу ея обитателей. Она находится напротивъ госпиталя, открыта впродолженіи всего дня и потому должна находиться подъ постояннымъ присмотромъ двухъ довольно порядочныхъ, честныхъ, но неопрятныхъ слугъ моихъ.»

Загражденіе Мачинскаго рукава. **)

(въ верховьяхъ.)

Его Императорское Высочество Главнокомандующій, призвавъ 22-го мая къ себѣ капитана 1-го ранга Рогулю, отдалъ ему приказаніе заградить Мачинскій рукавъ въ его верховьяхъ, подобно тому какъ нѣсколько времени назадъ онъ былъ загражденъ въ своемъ устьѣ, а также приказалъ погрузить мины и въ большой Дунай близъ Гирсова.

Для исполненія этаго приказанія капитанъ Рогуля началъ готовить эскадру, состоявшую изъ слѣдующихъ судовъ:

1) Румынская лодка *«Фульджеро»*, подъ командою лейтенанта Дубасова; на ней находились мичманъ Ѳедоровъ, докторъ Поплавскій, механикъ, подпоручикъ Синебрюховъ и 30 человѣкъ матросовъ.

*) Веранда—галлерея во кругъ дома.—**) Правит. Вѣст. 1877 г. № 130.

2) Катеръ *«Царевичъ»*, подъ командою лейтенанта Шестакова; на немъ мичманъ Ѳеодосіевъ и 16 человѣкъ матросовъ.

3) Катеръ *«Ксенія»*, мичманъ Персинъ и 16 человѣкъ матросовъ.

4) Катеръ *«Джигитъ»*—мичманъ-Валь и 10 человѣкъ матросовъ.

5) Пароходъ *«Загражденіе»*, подъ командою лейтенанта Туркула; на немъ: мичманъ Аркасъ, механикъ подпоручикъ Огладинъ, румынской морской службы маіоръ Муржеско, приглашенный къ участію въ экспедицію, какъ офицеръ хорошо знакомый съ Дунаемъ и 12 человѣкъ матросовъ.

Пароходъ этотъ служилъ въ качествѣ депо для минъ и велъ на буксирѣ четыре минные баркаса, съ пятью матросами на каждомъ, подъ командою лейтенанта Петрова.

Въ среду 25-го мая всѣ эти суда были изготовлены къ плаванію, а потому на слѣдующій день (26-го мая) съ разсвѣтомъ снялись съ якоря изъ-подъ Браилова и отправились по назначенію.

Чтобы не задерживаться малымъ ходомъ катеровъ «Джигитъ» и «Ксенія» при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, оба эти судна взяты были на буксиръ «Царевичемъ» и лодкою «Фульджеро».

Въ 9 часовъ утра, подойдя къ селенію Гропени, лодки наши увидѣли въ каналѣ Вальтцуно два дыма. Чтобы не быть отрѣзанными отъ Браилова судами, которыя, по весьма вѣроятному предположенію, легко-бы могли находиться въ каналѣ, эскадра стала на якорѣ—и тогда въ устьѣ Вальтцуно было положено минное загражденіе.

Окончивъ эту работу къ полудню, эскадра продолжала плаваніе вверхъ по Дунаю. Не доходя селенія Гура Гирлица, нашимъ судамъ попались на встрѣчу сотники 29-го казачьяго полка Лодочниковъ и Сережниковъ, посланные изъ отряда полковника Рика съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ у Гирсова. Изъ этого краткаго извѣщенія и изъ устныхъ разсказовъ обоихъ посланныхъ офицеровъ оказалось, что въ тотъ же день (26-го мая) въ 9 часовъ утра изъ озера Ротунда вышли на рѣчку Барой два турецкіе монитора и, находясь внѣ выстрѣловъ, спустились въ главное русло съ цѣлью пройти подъ Гирсову гору. Сначала оба парохода стали было плавать взадъ и впередъ, за лѣсомъ, противъ селенія Гура Яломицы, причемъ наша стрѣлковая цѣпь открыла по нимъ огонь, если кто либо изъ Турокъ появлялся на палубахъ. Въ это время изъ за Гирсовой горы показались три непріятельскіе броненосца; два изъ нихъ, прикрываясь лѣсомъ отъ дѣйствія нашихъ баттарей, открыли канонаду по селенію Гура Яломица, а третій началъ стрѣлять по деревнѣ Піа Петри.

Подъ прикрытіемъ этого огня два парохода, пришедшіе изъ озера Ротунда, быстро направились къ Гирсовой горѣ; но чуть лишь вышли изъ за лѣса, какъ были встрѣчены огнемъ нашихъ баттарей. Изрѣдка останавливаясь для отвѣта на выстрѣлы, пароходы эти, равно какъ и прикрывавшіе ихъ суда, прошли предъ нашими баттареями и, прекративъ огонь, удалились подъ Гирсову гору. Во время прохожденія ихъ мимо нашихъ баттарей, у одного изъ нихъ подбита шедшая на буксирѣ лодка, которая опрокинулась, вмѣстѣ съ находившимися въ ней

людьми. Канонада была совершенно для насъ безвредная, прекратилась въ 10 часовъ утра.

Съ извѣстіемъ объ окончаніи этой канонады и о томъ, что за Гирсовою горою стоятъ три непріятельскіе броненосца и два парохода, посланъ былъ урядникъ Чеботаревъ, который пустился отъискивать нашу флотилію безъ проводника въ рыбачьей душегубкѣ.

Капитанъ Рогуля встрѣтилъ Чеботарева, спустя полчаса послѣ полученія извѣстія отъ сотниковъ Лодочникова и Сережникова, когда эскадра миновала уже Гура-Гирлицу, и взялъ на буксиръ его душегубку. Въ $8^{1}/_{4}$ часовъ вечера флотилія капитана Рогули подошла къ Гура-Яломицѣ и расположилась у берега между нашими баттареями, подъ прикрытіемъ здѣсь находящагося пѣхотнаго полка.

27-го мая, съ разсвѣтомъ, лодка «Фульджеро,» катеръ «Царевичъ» и катеръ «Ксенія» вышли изъ подъ Гура Яломицы для рекогносцировокъ. Въ это же самое время три турецкіе монитора и два парохода, стоявшіе подъ Гирсовою горою, начали поднимать пары. Когда наши суда подошли къ нижней оконечности острова Гиспа-маре, то одинъ изъ мониторовъ началъ спускаться на нихъ по теченію, съ намѣреніемъ аттаковать; но наши лодки, замѣтивъ это, дали полный ходъ и смѣло подошли къ нему на встрѣчу, а съ «Фульджеро» былъ даже открытъ по немъ огонь изъ носоваго четырехъ-фунтоваго орудія. Мониторъ видя такую рѣшимость и, вѣроятно, принявъ въ соображеніе печальную судьбу Хывзи-Рахмана, поспѣшилъ поворотить назадъ и быстро пошелъ къ Гирсову.

Наши продолжали его преслѣдовать въ томъ расчетѣ, что Турки вѣроятно откроютъ по нимъ пальбу и такимъ образомъ дадутъ возможность опредѣлить сферу своего береговаго огня. И дѣйствительно вскорѣ раздались выстрѣлы съ круглой баттареи, расположенной на лѣвыхъ возвышенностяхъ Гирсова.

Первое ядро дало перелетъ, второе—недолетъ, а остальныя два легли влѣво, сажень на двадцать. Достигнувъ такимъ образомъ своей цѣли, относительно опредѣленія сферы огня Гирсовскихъ баттарей, и убѣдясь, что турецкія суда стоятъ выше Гирсова, наши лодки вышли изъ подъ выстрѣловъ, и въ 9 часовъ утра возвратились въ Гуръ-Яломицу.

Въ тотъ же день (27-го) съ 9 час. утра до 2 часовъ по полудни капитанъ Рогуля съ маіоромъ Муржеско на гребной шлюпкѣ ѣздили вверхъ по Дунаю, съ цѣлью сдѣлать рекогносцировку устьевъ Яломицы и канала Борча, а въ 2 часа дня всѣ суда нашей эскадры вышли для постановки загражденій въ Большомъ Дунаѣ, противъ средины острова Гиска-Мика.

«Фульджеро» при этомъ стоялъ впереди для охраненія работъ отъ мониторовъ на случай, если-бы они вздумали броситься на эскадру, а также и противъ стрѣлковъ, которыхъ можно было ожидать въ плавняхъ за лѣсомъ, лежащихъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ наши приступили къ работѣ.

Вся гора, на которой были возведены баттареи и расположенъ непріятельскій лагерь, была усѣяна турецкими солдатами свыше трехъ тысячъ человѣкъ — вышедшими смотрѣть на наши работы. Зрители эти толпились на брустверахъ и между баттареями.

Окончивъ загражденіе въ 8 часовъ вечера, суда наши благополучно возвратились къ селенію Гура-Яломица, гдѣ были встрѣчены привѣтственными криками собравшихся къ берегу людей отряда полковника Гука.

28 мая съ разсвѣтомъ, «Фульджеро» и «Царевичъ» были посланы для рекогносцировки въ Мачинскій рукавъ. Войдя въ него, они замѣтили въ плавняхъ непріятельскія шлюпки со стрѣлками. «Фульджеро» далъ по нимъ три картечныя выстрѣла, что и заставило ихъ удалиться; тогда остальныя наши суда приступили къ загражденію верховьевъ Мачинскаго рукава и успѣли благополучно окончить работу къ 9 часамъ утра, послѣ чего вернулись къ Гура-Яломицѣ. Оставивъ здѣсь двѣ большія шлюпки съ тремя матросами на каждой, для охраны минныхъ загражденій, и поручивъ ихъ попеченію командира казачьяго № 40 полка, капитанъ Рогуля съ эскадрой, въ полдень того же 28 числа, направился обратно къ Браилову, куда и прибылъ въ 5 часовъ пополудни.

Николаевскій Вѣстникъ *) сообщаетъ слѣдующія подробности о молодецкой аттакѣ нашими минными катерами турецкихъ броненосцевъ въ Сулинскомъ Гирлѣ.

29 мая пароходъ «Великій Князь Константинъ» имѣя на буксирѣ 4 своихъ и 2 одесскихъ быстроходящихъ миноносныхъ катера, вышелъ изъ Одессы въ крейсерство къ острову Ѳедониси (змѣиный островъ), около котораго, какъ извѣстно, почти каждую ночь крейсировали **) непріятельскія суда.

Не встрѣтивъ никого у острова, «*Константинъ*» направился къ Сулину, приблизившись къ которому на разстояніе 5 миль, отправилъ на рейдъ для аттаки всѣ бывшіе съ нимъ миноносные катеры.

Миноносцы подошли къ рейду въ два часа ночи и застали на немъ четыре броненосца, изъ которыхъ 3 были на якорѣ и 1 въ ходу. Быстро проходящіе катера № 1 лейтенанта Пущина и № 2 лейтенанта Рождественскаго, тотчасъ же смѣло пошли въ аттаку; мало отстававшій отъ нихъ катеръ «Чесма» подъ управленіемъ лейтенанта Зацареннаго, того самаго, который аттаковалъ турецкій фрегатъ въ Батумскомъ рейдѣ. Катеръ этотъ также разсчитывалъ произвести аттаку одновременно съ ними, но, къ сожалѣнію, буксирная мина, которою вооруженъ былъ этотъ катеръ, и на этотъ разъ была причиною неуспѣха нападенія. Лишь только она была выпущена за бортъ, какъ проводники ея попали въ винтъ катера; пришлось остановить машину и заняться очисткою винта.

Въ это время катера Рождественскаго и Пущина шли въ аттаку видя другъ друга. Рождественскій бросился на ближайшаго броненосца, стоявшаго на якорѣ по прямому направленію курса его катера, Пущинъ же подался въ глубину рейда.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ броненосца катеръ Рождественскаго былъ окликнутъ турецкимъ часовымъ и въ тотъ же моментъ по немъ открытъ

---

*) Статья заимст. изъ Правит. Вѣст. 1877 г. № 130.

**) Крейсировать—значитъ плавать для наблюденія надъ дѣйствіями непріятеля или для охраны своихъ береговъ.

былъ штуцерный огонь, а затѣмъ послѣдовала общая тревога на рейдѣ и сильный пушечный и ружейный огонь.

Въ отвѣтъ на окликъ, Рождественскій далъ большой ходъ, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ автоматическій взрывъ его мины, почти въ упоръ къ броненосцу; по соображенію Рождественскаго нѣсколько раньше, чѣмъ произошло столкновеніе: повидимому Турки приняли предосторожности и вѣроятно мина нашего катера вблизи непріятельскаго порта встрѣтила загражденіе.

Въ этотъ моментъ катеръ съ его бравой командой подвергся огромной опасности; благополучно выдити изъ критическаго положенія удалось, только благодаря особенному хладнокровію и распорядительности лейтенанта Рождественскаго, замѣчательному мужеству вольнаго механика Канцерова и бравой катерной командѣ. Осыпаемый частыми выстрѣлами, подъ самымъ бортомъ броненосца, залитый столбами воды, поднятой взрывомъ мины, катеръ оказался съ лопнувшимъ штуръ-троссомъ *) и сломанною осою-штурвала **).

Чтобы сдѣлать возможнымъ управленіе рулемъ, Рождественскому пришлось выдти изъ рубки и при помощи механика Канцерова собственноручно работать нѣсколько минутъ надъ приведеніемъ въ порядокъ верхняго штуръ-вала подъ градомъ пуль и картечи, слѣды которыхъ остались въ корпусѣ катера. Въ тоже время минеръ—матросъ Сокольниковъ спокойно обрубалъ минные проводники и сбрасывалъ за бортъ остатки шеста.

Выйдя изъ подъ выстрѣловъ непріятеля, Рождественскій остановилъ машину и сталъ поджидать катера Пущина, по направленію котораго былъ слышенъ не задолго предъ тѣмъ глухой минный взрывъ; простоявъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ и замѣтивъ, что на него идетъ непріятельскій пароходъ, открывавшій по немъ огонь, Рождественскій приказалъ дать полный ходъ машинѣ и снова увидѣлъ себя въ полной опасности, такъ какъ паръ упалъ и турецкій пароходъ сталъ замѣтно догонять катеръ; но это продолжалось не долго; вмѣстѣ съ топливомъ въ топку подбросили паклю съ саломъ и вскорѣ катеръ быстро удалился въ море. Прочіе же три миноносные катера, хотя и приблизились къ Сулинскому устью, но услышавъ минные взрывы и открывшуюся тревогу и замѣтивъ погоню, возвратились, не дѣлая попытокъ къ нападенію.

Такъ окончилась смѣлая аттака катера лейтенанта Рождественскаго, по осмотрѣ котораго къ Одессѣ, въ подводной части оказались поврежденія, ясно свидѣтельствующія, что катеръ при нападеніи, имѣя быстрый ходъ и большой диферентъ на корму, перескочилъ бонное загражденіе, сорвалъ при этомъ киль, возвращаясь же обратно заднимъ ходомъ, онъ могъ миновать бонъ, благодаря лишь той случайности, что образовавшійся при взрывѣ мины столпъ воды залилъ его носовую часть и приподнялъ корму.

Что касается парохода «Константинъ», то услыша канонаду и желая ближе подойти къ берегу, чтобы во время подхватить катера, онъ, вслѣдствіе теченія и темноты, наткнулся на мишени. Положеніе было крайне опасное, въ виду еже-

---

*) Штуръ-тросъ—веревка, служащая для поворачиванія руля.—**) Рулевая часть.

минутной возможности быть аттакованнымъ несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ; но быстрая, хладнокровная распорядительность капитана и его помощниковъ помогли пароходу во время сняться съ мели, такъ что погнавшійся было за ними броненосецъ, послѣ нѣсколькихъ совершенно безвредныхъ для парохода выстрѣловъ, отсталъ и поворотилъ къ Сулину. «Константинъ» же къ 5 часамъ снова вернулся къ заранѣе условленному мѣсту, гдѣ и принялъ всѣ катера, кромѣ катера Пущина, какъ уже извѣстно не возвратившагося изъ экспедиціи.

Пароходы «Константинъ» и «Владиміръ» опять выходили въ море на поиски, первый къ Анатолійскимъ берегамъ, а послѣдній къ Румелійскимъ, 8 іюня около мыса Керемпе. «Константинъ» утопилъ четыре турецкихъ купеческихъ судна, снявъ съ нихъ команды, которыя свезъ на берегъ на своихъ шлюпкахъ, и затѣмъ возвратился въ Севастополь. Пароходъ «Владиміръ» возвратился 10 числа въ Одессу, привезя съ собою призъ, какъ турецкій купеческій бригъ «Асланъ Бахри» съ 16 человѣками экипажа, взятый въ 13 миляхъ отъ Варны, на пути къ Кюстенджи *).

Подвигъ лейтенанта Скрыдлова.

7 іюня 1877 года **) непріятельскій пароходъ, вышедшій изъ Рущука, открылъ огонь по нашимъ шлюпкамъ. Капитанъ 1 ранга Новиковъ приказалъ лейтенанту Скрыдлову атаковать пароходъ на шлюпкѣ «Шутка», принадлежавшей Наслѣднику Цесаревичу.

Тронувшись въ 8 часовъ утра, шлюпка на полномъ ходу, подъ пушечнымъ и сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ съ берега, ударила носовымъ шестомъ въ бортъ парохода; къ сожалѣнію взрыва непослѣдовало, такъ какъ проводники были перебиты пулею. Скрыдловъ долженъ былъ отступить, тѣмъ болѣе, что въ носовой части шлюпки оказалась пробоина; приходилось все время отливать воду; здѣлавъ большой обходъ внизъ по Дунаю, онъ присоединился къ флотиліи. Самъ лейтенантъ Скрыдловъ былъ раненъ въ обѣ ноги, что не мѣшало ему продолжать до конца командовать шлюпкою; также былъ легко раненъ, находившійся на шлюпкѣ волонтеромъ художникъ Верещагинъ; другихъ потерь небыло. Въ теченіи дня происходила перестрѣлка между нашею батареею и прибывшею непріятельскою полевою артиллеріею, стрѣлявшею по нашимъ катерамъ.

Подробности этаго происшествія, гдѣ еще болѣе высказывается какъ любовь къ дѣлу, такъ равно и безграничная отвага нашихъ русскихъ моряковъ, мы узнаемъ изъ слѣдующаго разсказа одного изъ корреспондентовъ: ***)

Задуманное въ Парапанѣ загражденіе русла Дуная держалось въ строгомъ секретѣ, и мы узнали о немъ только въ моментъ выступленія экспедиціи.

---

*) № 130 Прав. Вѣстн. 1877 г. —**) Офиц. Правит. Вѣст. 1877 г. № 128.

***) Корр. Всемірной Иллюстр. 10-го іюня 1877 г.

Мы должны были выжидать въ Журжевѣ результата предпріятія и почти сутки были въ невѣдѣніи. Только на другой день, вечеромъ, когда насъ самихъ Турки начали бомбардировать, пришли первыя извѣстія.

Бомбардировка Журжева, вызвавшая неизвѣстно какими соображеніями непріятеля, привлекла на берегъ большую толпу горожанъ, которые съ непонятнымъ упорствомъ держались на мѣстѣ, не смотря на уговариваніе офицеровъ разойтись по домамъ. Эта храбрость любопытства мгновенно смѣнилась испугомъ, какъ только показался дымокъ на батареѣ и въ воздухѣ проносилась граната; на лицахъ застывало выраженіе пугливаго ожиданія, тянувшееся иногда секундъ пять, шесть, въ которые граната проносилась надъ Дунаемъ. Многіе прятались за что попало и за однимъ фонарнымъ столбомъ прижималось цѣлыхъ трое.

Вотъ высокій Кубанецъ, наблюдавшій баттарею въ бинокль, внезапно обернулся къ толпѣ, стоявшей сзади его и сдѣлавъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ, крикнулъ:

«Граната сюда! берегись!»

Толпа бросилась за уголъ гостинницы *Belle-vue*, толкаясь и давя другъ друга. Никакой, разумѣется, гранаты не было и линеецъ помиралъ со смѣху, радуясь удачѣ своей выходки.

Несчастный часовой, надъ которымъ гранаты свистѣли, по преимуществу, вытянулся въ струнку, вытянулъ шею и точно выслушивалъ приказаніе начальства.

— Что страшно было? спросили его послѣ.

— Съ начала ужъ очень страшно, отвѣчалъ онъ добродушно,—а потомъ полегче стало.

Только-что бомбардировка (во время который раненъ былъ одинъ мельникъ) притихла, какъ пришли первыя извѣстія изъ Парапана и тяжелая вѣсть о ранѣ Верещагина и Скрыдлова передавалась изъ устъ въ уста.

— Какъ ранены, опасно или нѣтъ?

— Удалось ли предпріятіе?

— Почему и гдѣ раненъ Верещагинъ?

Вотъ вопросы, на которые не было отвѣта, такъ какъ свѣдѣнія черпались изъ маленькой записки, присланной изъ отряда и требовавшей доктора Выводцева. Только на другой день разъяснились всѣ подробности. Вотъ онѣ: Вотъ онѣ *)

Экспедиція въ Парапанѣ началась въ полномъ порядкѣ и тишинѣ; когда первая лодка достигла острова, то расположенный тамъ турецкій пикетъ спалъ сномъ праведниковъ и даже часовой проснулся только тогда, когда наши собирались уже выскочить на берегъ. Разбуженный пикетъ встрѣтилъ лодки залпомъ и отступилъ. Между тѣмъ минныя лодки приступили къ работамъ, не замѣчая, что два турецкихъ баталіона вышли къ берегу.

Тогда генералы Скобелевъ старшій, Скобелевъ младшій, полковникъ Мальскій,

---

*) Такъ передалъ корреспондентъ.

капитанъ Сахаровъ съ командой въ лодкахъ переправившись на ту сторону и выстрѣлами прогнали эти батальоны.

Два минныхъ баркаса перетащили чрезъ отмель, но одинъ изъ нихъ былъ разбитъ артиллерійскими выстрѣлами. Между тѣмъ огонь полевой артиллеріи сильно мѣшалъ работамъ, а тутъ еще приближались пароходо-фрегатъ вооруженный четырьмя маленькими и одиимъ большимъ орудіемъ, а за нимъ, невдалекѣ, еще двухбашенный мониторъ.

Тогда генералъ Скобелевъ отдалъ приказаніе лейтенанту Скрыдлову *) воспрепятствовать приближенію парохода и монитора, такъ какъ артиллерійскими выстрѣлами неудалось помѣшать ихъ приближенію.

Скрыдловъ давно уже обѣщалъ гостившему у нихъ Верещагину показать на дѣлѣ взрывъ торпеда.

Когда пришлось ѣхать, Верещагинъ напомнилъ объ обѣщаніи; его удерживали всѣ, упрашивалъ и Скрыдловъ, но Верещагинъ только выругался.

— Безстыжіе твои глаза, то обѣщалъ, а теперь на попятный?!

— Ну поѣзжай на другомъ катерѣ.

— Убирайся къ.... и Верещагинъ послалъ пріятеля въ совсѣмъ нехорошее мѣсто.

— Ну, коли ужъ непремѣнно хочешь,—сдался Скрыдловъ,—такъ дай хоть передъ смертью капельку хереску глотнуть.

Надѣли спасительные пояса, выпили немного хересу, дали хлебнуть минеру и направились къ пароходу. *«Шутку»* (названіе катера) замѣтили и встрѣтили картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, но онъ шелъ впередъ; матросы, человѣкъ семь жались ко дну, минеръ къ машинѣ, Скрыдловъ стоялъ на рулѣ; блиндажъ **) прикрывалъ ему грудь и голову.

— Держи ближе, аттакуй здѣсь, а то какъ хватитъ насъ, такъ теченіемъ унесетъ къ турецкому берегу! кричалъ Верещагинъ. ***)

— Мнѣ приказано взорвать его, и я найду его, гдѣ можно, отвѣтилъ Скрыдловъ и, прибавивъ скорости, погнался за удиравшимъ пароходомъ. Послѣдній приблизился къ своему берегу, но катеръ настигъ его и Скрыдловъ ударилъ торпедой около праваго колеса.

Дальше привожу, сколько помню, слова Верещагина:

«Еще когда мы летѣли къ пароходу, я вдругъ замѣтилъ, что Скрыдлова передернуло, и догадался, что онъ раненъ, такъ и вздрогнулъ весь; но ничего,—летимъ дальше. Матросы спрятались на дно, а то ихъ всѣхъ перебило бы навѣрно; минеръ сжался, сколько могъ, и все-таки ему пробило фуражку пулей. Наконецъ, мы у самаго парохода, вотъ уже борты надъ нашими головами; какъ теперь вижу испуганныя лица экипажа. Капитанъ, а за нимъ и всѣ стали прыгать съ площадки, метаться по палубѣ и тѣсниться къ боку.

---

*) Здѣсь есть разница, но она извинительна въ разсказѣ, судя по донесенію министра (Пр. Вѣс. № 128 1877 г.) Приказъ былъ отданъ лейтенанту Скрыдлову капитан. 1 ран. Новиковымъ.

) Щитъ, заслонка.—*) Верещагинъ самъ морякъ по образованію и однокашникъ Скрыдлова.

Скрыдловъ ударилъ торпедой около самаго колеса. Хлопъ! приводъ руля порвало.

— Рви по желанію! скомандовалъ онъ; но и запасный приводъ былъ перебитъ пулей. Все было порвано, перебито, изломано. У меня была подъ рукой кормовая мина и еще маленькая мина, на случай нападенія лодокъ; но взорвать первую не было никакой возмоможности, ибо ее теченіемъ подбивало подъ катеръ и взлетѣть могли только мы одни.

Дѣлать нечего, не удалось, а главное—не было втораго катера. Днемъ нельзя съ однимъ катеромъ взрывать.

Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ согласенъ былъ и Скрыдловъ.

На обратномъ пути по катеру открыли огонь еще сильнѣе.

Опомнившійся отъ страха экипажъ просто сыпалъ картечью и пулями. Тутъ пробило катеръ такъ, что онъ сталъ погружаться въ воду; въ это время ранили и Верещагина.

На минуту остановились у берега и, несмотря на рану, Скрыдловъ самъ помогалъ подвести подъ дно катера кусокъ паруса, и только, задѣлавъ течь, присоединились къ своимъ.

Оба героя лежатъ въ Журжевскомъ госпиталѣ *), а завтра ихъ перевезутъ въ Бухарестъ; вотъ отчетъ о состояніи ихъ ранъ, писанный мною со словъ наблюдающаго за ними доктора Пущина.

Лейтенантъ Николай Илларіоновичъ Скрыдловъ оказался раненымъ въ обѣ ноги и въ правую руку. Рана лѣвой стопы, вѣроятно, произведена осколкомъ картечи, прошедшимъ подъ покровами, не затронувъ кости.

Немедля была введена дренажная трубка и наложена повязка. Рана правой ноги пальца на три ниже колѣннаго сустава имѣетъ направленіе сверху внизъ и спереди назадъ, гдѣ легко прощупывалось инородное тѣло, которое было немедленно удалено чрезъ разрѣзъ сдѣланный на кожѣ; операція была произведена докторомъ Выводцевымъ, но по желанію раненаго безъ хлороформа. Скрыдловъ и тутъ показалъ свое мужество, ни разу не пожаловавшись на боль. Кость оказалась не тронутою. Рана на правой рукѣ не можетъ имѣть никакого вліянія на здоровье, такъ какъ она поверхностная.

На другой день послѣ хорошо проведенной ночи, здоровье Скрыдлова не оставляетъ желать ничего лучшаго.

При изслѣдованіи Верещагина нашли сквозную рану, пулевую, на правой ягодичной области. Утомленный переѣздомъ въ экипажѣ, онъ былъ нѣсколько въ нервномъ состояніи и жаловался на боль въ ранѣ. Тотчасъ же по доставкѣ въ госпиталь въ Журжевѣ ему была сдѣлана перевязка, послѣ чего онъ нѣсколько успокоился. Ночь онъ провелъ тревожно, но спалъ достаточно. На слѣдующее утро ему сдѣлана перевязка, причемъ проведеніе дренажа было очень за-

*) Читатель конечно помнитъ, что корреспондентъ „Всемір. Иллюстраціи“ писалъ своевременно въ 1877 году.

трудительно и болѣзненно, но Верещагинъ не заявлялъ жалобы на боль, что еще удивительнѣе, такъ, какъ онъ вообще человѣкъ нервный.

По окончаніи перевязки Верещагинъ чувствуетъ себя на столько мало больнымъ, что только и думаетъ, какъ бы по скорѣе оставить госпиталь и присоединиться къ отряду.

Надѣюсь порадовать всѣхъ извѣстіемъ, что врачи признаютъ здоровье Верещагина внѣ всякой опасности.

Скрыдловъ чувствуетъ себя тоже хорошо; его крѣпкая натура неподдается даже лихорадкѣ, а вчера ночью, увидавъ что то во снѣ, онъ громко скомандовалъ:—«рви по желанію!» *)

Бой монитора съ четырьмя лодками. **)

Въ продолженіи переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай, произошло чрезвычайно интересное дѣло, а именно—бой монитора съ четырьмя русскими миноносными судами. Бой происходилъ близъ устья Алуты. Этотъ мониторъ порядкомъ таки безпокоилъ Русскихъ и выказывалъ вообще необычную для Турокъ дѣятельность и энергію.

Русскіе рѣшили уничтожить мониторъ. Приготовили четыре лодки и послали противъ монитора. Лодки ринулись на него прямо и среди бѣла дня.

Скоро стало очевидно, что этотъ мониторъ управляется нѣсколько инымъ образомъ, чѣмъ тѣ, съ которымъ Русскимъ приходилось имѣть до сихъ поръ дѣло.

Съ замѣчательной быстротой и ловкостью мониторъ изготовлялся къ дѣйствію. Командиръ монитора началъ выдвигать торпеды на длинныхъ палкахъ, угрожая взорвать на воздухъ лодки и въ тоже время открылъ по нимъ страшный огонь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно искусно маневрировалъ своимъ судномъ. Мало того, мониторъ пытался потопить лодки и едва не успѣлъ въ этомъ. Потомъ обнаружилась причина этого сопротивленія. Командиръ монитора былъ европеецъ; Русскіе думаютъ, что былъ англичанинъ. Все время онъ былъ на виду; высокаго роста съ длинною бѣлокурою головою, отпущенною на срединѣ. Онъ стоялъ, заложивъ обѣ руки въ карманы и отдавалъ приказанія самымъ хладнокровнымъ образомъ. Миноносныя лодки продолжали болѣе часа свои попытки, скользя около монитора и изыскивая случай броситься на него, но безуспѣшно.

Былъ моментъ, когда одна лодка при быстрыхъ маневрахъ очутилась между мониторомъ и берегомъ и притомъ въ небольшомъ разстояніи между ними.

Носъ монитора былъ въ это время въ другомъ направленіи, но командиръ его тотчасъ же распорядился дать задній ходъ прямо на миноносную лодку, намѣреваясь раздавить ее о берегъ.

*) Первый взрывъ производится по разсчету времени, а если приводъ испорченъ, то есть еще запасный приводъ и тогда взрываетъ его „по желанію“.

**) Корресп. Анг. газ. Daily News отъ 18-го іюня 1877 г.

Въ этотъ моментъ механикъ лодки получаетъ рану, на ней происходитъ нѣкоторое замѣшательство и остановка въ управленіи машинами, между тѣмъ, какъ теченіе гонитъ лодку кормой къ берегу, такъ что ускользнуть кажется невозможно.

Одинъ изъ матросовъ прыгаетъ въ воду и отталкиваетъ лодку отъ берега, тогда какъ другой приводитъ въ движеніе машину, какъ разъ во время, чтобы съ трудомъ избѣжать опасность; таранъ монитора былъ близокъ. Одинъ Русскій офицеръ выпрыгнулъ на берегъ и видя, что капитанъ монитора хладнокровно стоялъ на палубѣ, заложивъ руки въ карманы, далъ по немъ изъ своего револьвера три выстрѣла на разстояніи не болѣе 40 футовъ. Капитанъ монитора въ отвѣтъ снялъ фуражку, и поклонился, не получивъ даже царапины.

Однако-жъ позднѣе капитанъ былъ убитъ или раненъ, такъ какъ внезапно исчезъ съ палубы. Вслѣдъ затѣмъ мониторъ скоро покинулъ сцену дѣйствія и съ этого времени этотъ мониторъ сталъ держаться въ сторонѣ, подобно другимъ.

Русскіе думали долго, что имъ уже болѣе не командуетъ этотъ капитанъ.

Бой велся съ обѣихъ сторонъ съ замѣчательною ловкостью. Русскими лодками командовалъ капитанъ Ниловъ. Атака ихъ была изъ самыхъ отчаянныхъ и упрямыхъ. Не смотря на безпрерывный ружейный и митральезный огонь, потеря русскихъ состояла изъ четырехъ или пяти раненыхъ. Это обстоятельство лучше всего доказываетъ, какъ хорошо были управляемы лодки.

Командиръ монитора не сдѣлалъ ни одной попытки пустить въ дѣло свои орудія; онъ считалъ, очевидно, невозможнымъ стрѣлять въ такой маленькій и быстро движущійся предметъ. Что лодки понесли такую незначительную потерю въ тетеніи цѣлаго часа боя, показываетъ, какъ трудно мѣтить въ эти суда. Съ тѣхъ поръ мониторъ окруженъ торпедами, такъ что, какъ полагаютъ, ему выхода нѣтъ. Всѣ турецкіе мониторы на Дунаѣ заграждены торпедами. Думаютъ, что тѣ мониторы, которые стоятъ у Никополя, покинуты Турками, такъ какъ въ теченіи двухъ или трехъ дней уже на нихъ нѣтъ и признаковъ жизни.

Такое извѣщеніе было получено въ свое время въ 1877 году. Насъ крайне радовали такіе геройскіе поступки моряковъ нашихъ, удачно практиковавшихъ свои знанія и свою неустрашимось въ борьбѣ съ гигантами моря и морской войны, какими до сихъ поръ считаются мониторы; и мы теперь вполнѣ увѣрены, что имѣя хорошій флотъ, съ нашими русскими, хорошо образованными моряками, мы окажемъ и на морѣ такіе успѣхи, которые заставятъ кой о чемъ подумать промышленныхъ островитянъ.

Переправа у Зимницы.

16 іюня Государь и Великій Князь Главнокомандующій перевели свою главную квартиру въ Зимницу и посѣтили раненыхъ, которые были въ лазаретахъ Пятры и Зимницахъ. Государь Императоръ за оказанныя услуги изволилъ пожаловать Георгія 3 ст: начальнику штаба арміи генералу-лейтенанту Непокой-

чицкому, командиру 8-го корпуса генералу-лейтенанту Радецкому, командиру 14-ой дивизіи свиты Его Величества генералъ маіору Драгомирову и Начальнику 3-ей саперной дивизіи генералу-маіору Рихтеру. Георгія 4 степени: Великому князю Николаю Николаевичу Младшему, бригаднымъ командирамъ 14-ой пѣхотной дивизіи генераламъ- маіорамъ Іолшину и Петрушевскому, и командиру имени Его Высочества Николоя Николаевича Волынскаго полка, полковнику Родіонову.

16 іюня переправился на болгарскій берегъ черезъ Дунай Его Величество при крикахъ *«ура!»* съ того и другаго берега. Тутъ онъ объѣхалъ войска 14-ой и 35-ой дивизіи, милостиво благодарилъ гвардейскую роту и изволилъ взять ее съ собою, поблагодоривъ за блестящую храбрость. Въ Систовѣ Его Величество былъ встрѣченъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ съ восторгомъ; Государь приложился ко кресту и въ соборѣ прослушалъ многолѣтіе. Путь Государя женщины осыпали цвѣтами, бросались къ Государю и цѣловали его руки. Вечеромъ Государь и Великій Князь Главнокомандующій вернулись въ Зимницу.

Между тѣмъ 16-го числа вечеромъ мостъ былъ наведенъ и немедленно приступили къ переправѣ, которая происходила безпрепятственно, такъ какъ Турки отступили еще 15-го числа на Тырново и Рущукъ, а турецкіе мониторы у Никополя были такъ повреждены, что не могли плавать. Когда узнали въ Россіи о переходѣ чрезъ Дунай, то радость оживила всѣ сердца.

Лейтенантъ Пущинъ и его товарищи при нападеніи на турецкіе броненосцы близь Сулины.

Набѣгъ парохода «Константинъ» на турецкую эскадру въ Сулину 29-го мая обратилъ вниманіе общества на этотъ пароходъ и всѣ наши газеты наперерывъ старались біографировать заинтересовавшихъ русское общество лицъ.

Леонидъ Петровичъ Пущинъ, лейтенантъ черноморскаго экипажа, сынъ отставнаго поручика тверской губерніи, родился въ 1843 г. и будучи шести лѣтъ поступилъ въ Александровскій кадетскій корпусъ, откуда перешелъ въ морской кадетскій корпусъ (нынѣ морское училище) въ 1854, выпущенъ гардемариномъ въ 1863 г.

Въ этомъ званіи Леонидъ Петровичъ плавалъ на винтовомъ фрегатѣ «Димитрій Донской» въ Атлантическомъ океанѣ.

Въ мичманы Л. П. Пущинъ произведенъ въ 1865 году, а въ лейтенанты въ 1869 г. Возвратившись изъ заграничнаго плаванія и прослуживъ болѣе 5 лѣтъ на судахъ броненосной эскадры, Л. П. Пущинъ переѣхалъ въ концѣ 1870 г. на югъ и поступилъ на службу въ русское общество пароходства и торговли въ качествѣ помощника капитана, а потомъ и самъ командовалъ пароходами этого общества.

Когда началась нынѣшняя русско-турецкая война, Л. П. Пущинъ въ числѣ другихъ офицеровъ, служившихъ въ русскомъ обществѣ пароходства у торгов-

ли, возвратился на дѣйствительную службу въ одинъ изъ черноморскихъ флотскихъ экипажей. Минный набѣгъ былъ, кажется, первымъ шагомъ Пущина. Къ несчастію катеръ его разбился отъ удара о бонъ, Леонидъ Петровичъ былъ вынутъ изъ воды Турками и представленъ ими турецкому адмиралу Гобарту; послѣдній, какъ Англичанинъ по крови, постарался успокоить его родныхъ телеграммою, а на слѣдующій день и самъ Пущинъ телеграфировалъ къ сестрѣ своей.

Русское правительство, узнавъ о плѣнѣ Пущина, просило Германскаго посла въ Константинополѣ принять его подъ свое покровительство и ассигновало ему ежемѣсячную сумму на расходы на все время плѣна. *)

Степанъ Осиповичъ Макаровъ, лейтенантъ 1-го флотскаго экипажа и командиръ парохода «Константинъ», урожденецъ Восточной Сибири, кончилъ курсъ въ морскомъ училищѣ, откуда выпущенъ въ гардемарины, въ 1867 году произведенъ въ офицеры, въ 1871 году въ лейтенанты. Служитъ преимущественно на судахъ броненосной эскадры; имѣетъ орденъ св. Станислава 3 ст. и св. Анны 3 степ. а также съ 1871 получаетъ добавочное содержаніе въ 1400 р. въ годъ за изобрѣтеніе пластыря, употребляемаго для закрытія пробоинъ затонувшихъ судовъ, при подъемѣ послѣднихъ.

Сергѣй Николаевичъ Давыдовъ, лейтенантъ 1-го черноморскаго экипажа, выпущенъ изъ морскаго училища въ гардемарины въ 1865 г. и въ офицеры въ 1867, а въ лейтенанты въ 1871 году. Будучи на службѣ на два года старше лейтенанта Макарова, онъ тѣмъ не менѣе пошелъ охотникомъ въ старшіе офицеры на пароходѣ «Константинъ».

Сергѣй Петровичъ Писаревскій, лейтенантъ 2-го черноморскаго экипажа, состоитъ въ службѣ съ 1866 года, выпущенъ въ гардемарины въ 1869 г., произведенъ въ офицеры въ 1871 г. въ лейтенанты въ 1874 г., Этотъ офицеръ также старше по службѣ, сравнительно съ лейтенантомъ Макаровымъ и пошелъ служить на пароходѣ «Константинъ» въ качествѣ вахтеннаго офицера.

Владиміръ Олимпіевичъ Рождественскій, лейтенантъ 5-го флотскаго экипажа, выпущенъ изъ морскаго училища въ гардемарины въ 1870 г., произведенъ въ офицеры въ 1872 г. Въ томъ же году онъ кончилъ курсъ въ кронштатской минной школѣ; имѣетъ орденъ св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль съ надписью: «за усердіе».

Генералъ-маіоръ Жуковъ.

(Біографія въ началѣ 1877 г.)

Даніилъ Ефимовичъ Жуковъ принадлежитъ къ боевымъ генераламъ арміи, заявившимъ уже неоднократно свои боевые подвиги въ прежнихъ войнахъ и особенно на Кавказѣ, гдѣ онъ весьма часто отличался при покореніи Чечни и Дагестана въ 1857, 1858 и 1859 годахъ.

Д. Е. Жуковъ родился въ 1823 г. Происходитъ онъ изъ дворянъ московской губерніи. Вѣроисповѣданія православнаго. Воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ

*) Впослѣдствіи будутъ помѣщены письма о плѣнѣ.

и, по окончаніи въ немъ курса, вступилъ въ военную службу прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ егерскій полкъ 30 августа 1841 года, а въ 1849 г., бывъ ротнымъ командиромъ, онъ находился въ походѣ гвардіи въ западныхъ предѣлахъ Имперіи по случаю бывшей тогда войны въ Венгріи. Въ 1855 г. онъ состоялъ въ войскахъ бывшей южной арміи и наконецъ въ 1859 году находился въ походахъ и дѣлахъ противъ горцевъ, въ составѣ главнаго Дагестанскаго отряда подъ личнымъ начальствомъ Главнокомандующаго Кавказской арміею генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, при чемъ особенно отличился, 25 августа, при блокадѣ и взятіи штурмомъ укрѣпленія Гуниба и плѣненіи Шамиля, а также и въ 1861 году, при устройствѣ адагумскимъ отрядомъ адагумской кордонной линіи и въ дѣйствіяхъ въ землѣ шапсуговъ; особенную неустрашимость онъ показалъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 4 іюня 1861 г. въ перестрѣлкѣ во время рекогносцировки, подъ сильнымъ ружейнымъ непріятельскимъ огнемъ, частью отряда между рѣками Шабиномъ и Абиномъ непріятельской позиціи; 8 іюня, при уничтоженіи укрѣпленныхъ ауловъ по рѣкѣ Богандыро, 9-го іюля, при движеніи отряда для уничтоженія ауловъ вверхъ по рѣкѣ Абинъ и при взятіи въ тотъ же самый день съ боя весьма укрѣпленнаго аула Куххако, а вслѣдъ за тѣмъ при уничтоженіи непріятельскихъ ауловъ по р. Коафео.

Д. Е. Жуковъ командовалъ 18 стрѣлковскимъ батальономъ и 8 пѣхотнымъ эстляндскимъ полкомъ, а съ производствомъ въ генералъ-маіоры назначенъ былъ помощникомъ начальника сперва третьей гренадерской дивизіи, потомъ 18 пѣхотной, и наконецъ въ 1873 году командовалъ первой бригадой этой дивизіи. Въ этой то должности онъ и отличился при переходѣ подчиненныхъ ему двухъ полковъ рязанскаго и ряжскаго на правый берегъ Дуная 8 іюня.

Генералъ-маіоръ Жуковъ до переправы чрезъ Дунай имѣлъ слѣдующія знаки отличія: Святаго Владиміра 3 степени (1865 г.), Станислава 1 степени (1871 г.), Анны 1 степени (1874 г.) и Св. Георгія 4 степени (1877 г.).

Генералъ-лейтенантъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ,

НАЧАЛЬНИКЪ ЭРИВАНСКАГО ОТРЯДА КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.

(Біографія.)

Командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ на Азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій генералъ-лейтенантъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, родился въ Тифлисѣ въ 1819 г. Онъ сынъ армянскаго протоіерея и воспитывался въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ въ 1839 году съ чиномъ поручика и поступилъ на дѣйствительную службу въ первую дирекцію желѣзныхъ дорогъ Петербурга.

Въ 1831 году онъ былъ переведенъ въ дирекцію военныхъ сообщеній Кавказскаго края. Въ 1843 году назначенъ начальникомъ одной изъ дистанцій втораго отдѣленія 8 округа и произведенъ въ капитаны, въ 1845 году занялъ мѣсто помощника начальника II отдѣленія 8 округа; въ 1846 году исполнялъ

должность начальника того-же округа, въ 1846 году получилъ орденъ святой Анны 3-й степени, въ 1848 году орденъ св. Анны 2-й степени а въ 1850 года былъ по собственному желанію уволенъ отъ службы съ чиномъ подполковника.

Въ 1852 г. Арзасъ Артемьевичъ вновь опредѣлился на службу и былъ зачисленъ въ Апшеронскій полкъ маіоромъ. Въ 1853 г. онъ командоватъ третьимъ батальономъ вышеназваннаго полка и принималъ въ этомъ году съ 29 апрѣля по 3 декабря участіе въ дѣлахъ съ горцами Дагестана. Въ 1854 году, находясь въ походѣ противъ тѣхъ же горцевъ, онъ былъ при занятіи тѣхъ же заваловъ на хребтѣ Дютъ-Тау и богатаго аула Бургуная; въ 1855 году съ 31 мая по 30 августа въ Салатавіи и др. мѣстахъ; за отличіе онъ получилъ въ этомъ году чинъ подполковника.

Въ 1856 году, въ составѣ чеченскаго отряда, подполковникъ Тергукасовъ находился: со 2 января по 19 марта при раззореніи аула Гертмена и въ движеніи отряда въ большую Чечню для осмотра мѣстности, разчистки просѣкъ и проч. а съ 13 іюня по 13 сентября, на позиціи, въ урочищѣ Горкасѣ съ частью войскъ Дагестанскаго отряда, которая была подъ его командою.

Въ 1857 году съ 15 іюня по 18 ноября, состоя въ Салатавскомъ отрядѣ, собранномъ для возведенія крѣпости Буртуная, онъ отличился между прочимъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: въ пораженіи горцевъ, напавшихъ на нашихъ фуражировъ близь новаго Буртуная; въ разсѣяніи горцевъ, сдѣлавшихъ нападеніе на колонну, слѣдовавшую изъ укрѣпленія Евгеніевскаго на гору Ибрагимъ-Дара, въ дѣлѣ 10-го августа, происходившемъ на этой послѣдней горѣ; въ дѣлѣ 20 августа, у разореннаго аула Черкой; въ ночномъ дѣлѣ у аула Чортау; въ дѣлахъ 17 и 21-го сентября, на Ибрагимъ-Дара, 5-го октября, въ кровопролитномъ штурмѣ новаго Буртуная, за что получилъ Монаршее благоволеніе; въ дѣлѣ 19 октября въ новомъ Буртунаѣ; 31-го числа тогоже мѣсяца въ замѣчательно упорномъ штурмѣ редута, защищаемаго горцами, на пути изъ Буртуная къ Дылыму причемъ было съ обѣихъ сторонъ много убитыхъ. При оттесненіи горцевъ отъ Зубута и Хубарскихъ высотъ; при совершенномъ пореажніи Казы Магомы между Алмакомъ и новымъ Буртунаемъ; наконецъ въ кровопролитномъ штурмѣ заваловъ и редута, близь Дылыма, происходившемъ 13 ноября и окончившемся занятіемъ аула и окрестныхъ деревень; за отличіе въ этомъ дѣлѣ Арзасъ Артемьевичъ награжденъ былъ монаршимъ благоволеніемъ, въ томъ же году, пожалованъ ему чинъ полковника. Въ 1858 и въ 1859 годахъ, при окончательномъ покореніи Дагестана, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ Салатавскаго и Дагестанскаго отрядовъ. Въ 1858 году съ 18 мая по 8 октября, онъ находился въ лѣтней экспедиціи Салатавскаго отряда при окончательной постройкѣ крѣпости Буртуная и обнаружилъ особенное мужество въ дѣлѣ 4 іюня у Ибрагимъ Дара и при штурмѣ мачикальскихъ заваловъ. За эти и другіе подвиги онъ награжденъ саблей съ надписью: «за храбрость.» Въ 1859 году онъ принялъ командованіе апшеронскимъ полкомъ и, будучи въ составѣ Дагестанскаго отряда, отличался главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: съ 25 декабря по 14 марта при занятіи непріятельскаго редута Зандакъ—Капа; при уничтоженіи нѣкоторыхъ хуторовъ; въ

дѣлѣ 5 марта при селеніи Гасанъ-Бекъ-Кентъ; при пораженіи непріятельскихъ скотницъ близь села Башъ-Юртъ; съ 19 марта по 5 апрѣля при истребленіи ауловъ Шалихаль-Берда, Девлетъ-бей и многихъ другихъ; съ 25 мая по 1 сентября при взятіи Мачикальскихъ заваловъ; при переправѣ чрезъ Андійскую койсу у Сагритло. При аттакѣ Бетлинскихъ высотъ; въ дѣлѣ при селеніи Даунухъ; наконецъ, 25 августа, при взятіи штурмомъ Гуниба и плѣненіи Шамиля. За мужество и неустрашимое хладнокровіе въ послѣднемъ дѣлѣ, Главнокомандующій генералъ—фельдмаршалъ князь Барятинскій лично возложилъ орденъ св. Георгія 4 степени на храбраго командира Апшеронскаго полка.

Въ 1860 году Арзасъ Артемьевичъ получилъ Монаршее благоволеніе; въ 1861 году орденъ св. Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ за покореніе восточнаго Кавказа. Въ 1862 году орденъ Владиміра 2-й степени съ мечами надъ орденомъ; въ этомъ году онъ участвовалъ въ движеніяхъ Абадхезкаго отряда. Въ 1865 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командующимъ 19 пѣхотною дивизіей; въ 1867 году пожалованъ орденомъ Станислава 1 степени въ 1868 г. назначенъ былъ начальникомъ средняго отряда Терской области; въ 1869 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени съ мечами надъ орденомъ. Въ 1871 году монаршимъ благоволеніемъ; за отличія по службѣ, въ 1876 году Арзасъ Артемьевичъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и въ прошлую войну командовалъ Эриванскимъ отрядомъ.

Кромѣ поименованныхъ орденовъ генералъ Тергукасовъ имѣетъ крестъ за службу на Кавказѣ, а также три медали: серебряную за покореніе Чечни и Дагестана въ 1857—59 годахъ, а другую серебряную—за покореніе западнаго Кавказа въ 1859—1864 г. и бронзовую въ память войны 1853—1856 годовъ.

Генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.

(Біографія въ началѣ 1877 г.)

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ родился въ Черниговской губерніи 8 ноября 1830 года; воспитаніе получилъ въ дворянскомъ полку (нынѣ 2 военное Константиновское училище).

Службу свою онъ началъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, будучи произведенъ въ офицеры 26 мая 1849 г. Въ 1854 г. онъ поступилъ въ Императорскую военную Академію (нынѣ Николаевская Академія генеральнаго штаба). Генералы Милютинъ (нынѣ военный Министръ) и Карцовъ, тогда профессоры Академіи, имѣли на него рѣшительное вліяніе. Курсъ наукъ Михаилъ Ивановичъ окончилъ первымъ, получилъ золотую медаль и записанъ былъ въ гвардейскій генеральный штабъ.

Скоро онъ былъ командированъ за границу для собранія свѣдѣній по тактикѣ; преимущественно онъ изучалъ военный бытъ Франціи. Во время войны въ Италіи онъ состоялъ при штабѣ Сардинской арміи и дѣлалъ вмѣстѣ по

ходъ до сраженія при Сольферино. Въ 1860 году онъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ тактики въ Николаевскую Академію генеральнаго штаба.

Въ 1861 году, капитану Драгомирову было поручено чтеніе тактики и военной исторіи Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и великому князю Алексѣю Александровичу. Въ томъ же году капитанъ Драгомировъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ 1865 году назначенъ членомъ совѣщательнаго комитета главнаго управленія генеральнаго штаба. Въ 1866 г. онъ былъ командированъ въ Прусскую армію на время компаніи военнымъ агентомъ.

Вернувшись на родину, онъ познакомилъ съ характеровъ этой компаніи своихъ соотечественниковъ. Лекціи его объ этой войнѣ до сихъ поръ памятны по рельефности и живости изложенія. Въ 1866 году Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ подарилъ Драгомирову брильянтовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Высочества.

Въ 1868 году полковникъ Драгомировъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1869 г. назначенъ начальникомъ штаба кіевскаго военнаго округа, гдѣ войсками командовалъ генералъ Дрентельнъ. Въ 1872 году назначенъ въ Свиту Его Величества. Высочайшимъ приказомъ, 14 августа 1873 г. онъ назначенъ былъ командующимъ 14 пѣхотной дивизіей, отличившейся при переправѣ черезъ Дунай у Зимницы въ 1877 г.

Генералъ Драгомировъ большой поклонникъ Суворовской тактики, врагъ безполезныхъ формальностей и требуетъ, какъ отъ нижнихъ чиновъ, такъ и отъ офицеровъ, сознательнаго отношенія къ дѣлу. Дѣятельность генерала Драгомирова отличалась оригинальнымъ характеромъ и его военные взгляды шли въ разрѣзъ съ общепринятою теоріею подготовки войскъ къ бою. Разумѣется, какъ всякій новаторъ, генералъ Драгомировъ имѣлъ кучу враговъ, а съ другой массу друзей. Какъ тѣ, такъ и другіе слѣдили за практическою дѣятельностью рѣзкаго критика. Бывшій профессоръ не отдѣлялъ теорію отъ практики, полагая, что профессоръ не можетъ быть хорошимъ профессоромъ, если не практикъ и не боевой служака. Руководясь этимъ правиломъ, онъ всегда соединялъ теорію съ практикою. Генералъ Драгомировъ имѣетъ слѣдующіе ордена. Св. Владиміра 3 степени (1869 г.), Св. Станислава 1 степени (1871 г.), Св. Анны 1 степени (1875 г.), Св. Георгія 3 кл. (1877 г.), Сардин. орд. Св. Маврикія и Лазаря, Прусской короны 2 степ. и Крестъ на память компаніи 1866 г.

Нѣсколько словъ о доставкѣ продовольственныхъ и санитарныхъ предметовъ. *).

Для наилучшаго продовольствованія русской арміи, русское правительство избрало совершенно новый путь. Прежде въ дѣлѣ продовольствованія все предоставлялось личному усмотрѣнію и распоряженію Главнокомандующаго, съ одной

*) Корр. Norddeutsche Allgemeine Zeit. 1877, 19 іюня.

стороны, и произволу начальниковъ отдѣльныхъ частей—съ другой. Теперь же русское правительство сдало продовольствованіе арміи цѣликомъ на подрядъ и затѣмъ не имѣетъ нужды заботиться о заготовленіи припасовъ; ему остается только опредѣлять количество потребности арміи и контролировать поставку. Этимъ контролемъ исчерпываются обязанности русскаго интендантства.

Интендантство опредѣляетъ количество каждаго предмета продовольствія, имѣющаго быть заготовленнымъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время; органы интендантства, а равно и начальники войскъ обязаны контролировать своевременность и количественную вѣрность поставокъ. Компанія, которой досталась колоссальная задача прокормленія почти 400000 человѣкъ, состояла изъ г. Горвица и Когана.

Предметы продовольствія суть: мука, рисъ крупа, водка и хлѣбъ. Послѣдній предназначался однако только для войскъ, находящихся на походѣ или на позиціяхъ въ приготовленномъ видѣ; въ лагеряхъ люди получали хлѣбъ въ видѣ муки, изъ которой уже сами пекли хлѣбъ. Доставка мяса предоставлялась уже не отъ компаніи, а самимъ войскамъ, которыя совершали сами съ гуртовщиками сдѣлки частнаго рода.

Тоже самое разрѣшеніе простиралось на поставку лука, овощей и т. п; поставка же чая и сахара принадлежала также компаніи.

Дневной раціонъ солдата состоитъ изъ 3 фунтовъ хлѣба, двухъ горячихъ блюдъ въ полдень и одного вечеромъ; кромѣ того каждая рота получаетъ по 7 коп. на человѣка для закупки мяса, овощей и прочаго. Говорятъ, что при расчетливомъ хозяйствѣ, роты умудрились откладывать экономію, чему я могу повѣрить (слова корреспондента) потому, что русскій солдатъ, какимъ я видѣлъ его на походѣ и въ лагерѣ, очень не требователенъ, а довольствуется весьма небольшой порціей мяса, если при томъ имѣетъ достаточное количество хорошаго хлѣба и хорошихъ приправъ. Говядины полагается на каждаго человѣка по 1 фунту; между потребленіемъ водки и чая установлено извѣстное соотношеніе, а именно употребленіе чая увеличивается сообразно съ уменьшеніемъ употребленія водки и обратно; при этомъ въ лагерѣ преимущественно пьется чай, а на походѣ—водка.

Печеніе хлѣба въ лагерѣ имѣетъ двойную выгоду. Во первыхъ—не приходится платить за работу, а во вторыхъ—солдаты предпочитаютъ свѣжій хлѣбъ, какъ черствому, такъ и сухарямъ.

Продовольствіе людей вообще представляетъ менѣе затрудненій, чѣмъ продовольствіе лошадей. На походѣ каждый солдатъ имѣетъ при себѣ трехдневный раціонъ *) и къ тому же вездѣ находитъ говядину въ болѣе, нежели достаточномъ количествѣ; что касается до лошадей, то забота о нихъ была чрезвычайно тяжела. Ни количество, ни качество овса и сѣна въ Румыніи не соотвѣтствовало потребностямъ арміи; подвозить же эти продукты изъ Россіи при недостаткѣ транспортныхъ средствъ было почти невозможно. На первыхъ порахъ

*) Продовольствіе.

приходилось кормить лошадей старымъ сѣномъ и овсомъ, сохраняемымъ, по обычаю страны, въ земляныхъ ямахъ; кормъ этотъ, конечно, приходился не по вкусу русскимъ лошадямъ, привыкшимъ къ хорошей пищѣ; солдаты, любившіе своихъ лошадей, ворчали и бранили своихъ поставщиковъ.

Сдача доставки продовольствія арміи на подрядъ, хотя съ одной стороны— дѣло рискованное при назначеніи нормальныхъ покупныхъ цѣнъ, то—съ другой стороны является гарантіей противъ биржевыхъ и рыночныхъ колебаній.

Что касалось до поставки санитарныхъ средствъ, то она принадлежала по договору одной изъ петербургскихъ фабрикъ. На первыхъ порахъ регулярность, отличающая эту систему, тяжело усвоивалась арміей, какъ дѣло новое и поставщикамъ представлялось много затрудненій, которыхъ побороть было трудно и если можно было, то никакъ не сразу, принимая при этомъ всю затруднительность сообщеній.

Измѣна Абхазцевъ.

Въ газетѣ «*Кавказъ*» находимъ слѣдующія подробности о дѣйствіи отряда полковника князя Микеладзе, павшаго жертвою гнусной измѣны.

Посланный для воспрепятствованія партіи возмутившихся Абхазцевъ переправиться съ праваго берега Кодора на лѣвый, онъ отлично исполнилъ порученіе, нанесъ непріятелю большой уронъ, заставилъ его отступить и сжегъ приготовленныя имъ для переправы каюки. При этомъ былъ убитъ предводитель непріятельской партіи Цимбаевъ.

Окончивъ дѣло, князь Микеладзе собирался возвратиться въ лагерь колонны ген. Алхазова, когда былъ внезапно аттакованъ съ тыла, откуда неожидалъ никакой опасности, новою непріятельскою партіею, пропущенною и поддержанною жителями Абжаба, считавшагося намъ покорнымъ. Внезапность нападенія и смерть начальника въ самомъ началѣ боя достаточно объясняютъ ходъ дѣла, которое продолжалось не болѣе четверти часа. Прибывшіе на помощь изъ Атары двѣ роты Ахалцыхскаго полка, подъ начальствомъ генерала Алхазова, не застали уже Абхазцовъ, воспользовавшихся наступившею темнотой, чтобы скрыться на правый берегъ Кодора. Измѣной объясняются и всѣ столь неожиданныя событія, совершившіяся въ Сухумскомъ отдѣлѣ. Ни мѣстное, ни высшее начальство не сомнѣвались въ вѣрности абхазскаго населенія.

Казацкая находчивость.

Казакамъ нужно въ силу какого-то распоряженія прокатиться по Дунаю, вдоль береговъ, чтобы достигнуть назначеннаго пункта и вдругъ—наткнулись на мониторъ. Казаки съ берега замѣтили, что на мониторѣ, отстоявшемъ отъ берега саженяхъ въ 300 или 400, произошло движеніе и хлопоты. Очевидно было, что съ монитора хотѣли по нимъ стрѣлять.

Казаки пустились на хитрость: отъѣхавъ не много въ сторону въ прикры-

тое мѣсто, они стали выпускать оттуда по одному всаднику во весь опоръ. Казакъ съ быстротой молніи переносился чрезъ открытое для стрѣльбы мѣсто и исчезалъ за кустами. Съ монитора раздавался тяжеловѣсный ударъ... бомба летѣла далеко на берегъ и не лопалась.

Далѣе опять тоже самое; опять одинъ казакъ перескакалъ открытую дистанцію и такимъ образомъ по одиночкѣ проскакала вся партія. Турки послали нѣсколько десятковъ бомбъ на перерѣзъ нашимъ молодцамъ, но не зацѣпили ни одного. А такъ, какъ каждый выстрѣлъ монитора стоитъ 50 рублей на наши деньги, то хитрость казаковъ стоила турецкой имперіи покрайней мѣрѣ отъ 1500 до 2000 руб.

Воззваніе Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссійскаго къ Болгарамъ. *)

«Войска мои, перейдя Дунай, вступаютъ сегодня на вашу территорію, гдѣ уже нѣсколько разъ они сражались за улучшеніе участи христіанскихъ жителей Балканскаго полуострова. Предки мои, вѣрные древнимъ историческимъ преданіямъ, постоянно почерпая новыя силы въ тѣсномъ и вѣковомъ единеніи, связывавшемъ ихъ съ православнымъ народомъ, успѣли вліяніемъ своимъ и силой оружія последовательно обезпечить участь Сербовъ и Румынъ, призвавъ ихъ къ новому политическому существованію. Время и обстоятельства не измѣнили симпатіи Россіи къ ея единовѣрцамъ на востокѣ. Она все еще питаетъ туже любовь, туже заботливость ко всѣмъ членамъ великой христіанской семьи Балканскаго полуострова. Я ввѣрилъ моей арміи, предводимой Моимъ Братомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, дѣла обезпеченія священныхъ правъ вашей народности, составляющихъ главное условіе практическаго правильнаго развитія всякаго гражданскаго существованія. Вы пріобрѣли права эти не силой сопротивленія оружіемъ, но цѣной вѣковыхъ страданій, цѣной мученической крови, которую вы и ваши предки въ теченіи многихъ вѣковъ орошали землю вашей родины.»

Жители земли Болгарской! цѣль Россіи—созиданіе, а не разрушеніе. Изволеніемъ Божественнаго Промысла, она призвана умиротворять, примирять всѣ племена, всѣ вѣроисповѣданія въ отчизнѣ Болгаръ, гдѣ обитаютъ жители различнаго происхожденія и различныхъ вѣрованій. Отнынѣ русскія войска будутъ защищать каждаго христіанина отъ вскаго насилія; никакого ущерба не будетъ безнаказанно нанесено его личности или его достоянію, за каждымъ преступленіемъ послѣдуетъ наказаніе; свобода, честь, собственность каждаго христіанина будутъ обезпечены въ одинаковой степени. Дѣйствіями нашими будутъ руководить одна только строгая справедливость, равно какъ твердая воля постепенно водворить порядокъ и право, тамъ, гдѣ господствуетъ безчинство и своеволіе. И къ вамъ,

*) „Московскія Вѣдомости“ 20 іюня 1877 г. № 152.

болгарскіе мусульмане, обращаю Я спасительное увѣщаніе! Мнѣ тяжело вызывать воспоминанія о преступленіяхъ и насиліяхъ всякаго рода. Многіе изъ васъ были преступны по отношенію къ беззащитнымъ христіанамъ. Ужасы эти немогли быть забыты; но русскія власти не захотятъ сдѣлать всѣхъ мусульманъ отвѣтственными за преступленія нѣсколькихъ. Благоустроенное и безпристрастное правосудіе покараетъ только однихъ преступниковъ, оставшихся ненаказанными.»

«Признайте нынѣ правосудіе Господа Бога, постигающее васъ; преклонитесь предъ Его волею; представьте законныя требованія ваши Моимъ властямъ, которыя будутъ установлены вездѣ, гдѣ появятся войска Мои; сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать вамъ блага правильнаго строя. Ваша вѣра останется неприкосновенною; существованіе ваше, достояніе, жизнь и честь вашихъ семей будутъ священны для насъ.

«Христіане Болгары! Вы переживаете памятные дни. Часъ избавленія отъ своеволія мусульманъ, наконецъ пробилъ. Явите всему міру примѣръ христіанской любви; забудьте прежніе раздоры; уважьте законныя права каждой народности; соединитесь, братья по вѣрѣ, въ чувству согласія и братской любви представляющихъ основы для стойкаго и прочнаго зданія; сомкнитесь тѣсными рядами подъ сѣнію Русскаго знамени, побѣды котораго столько разъ гремѣли на Дунаѣ и въ Балканахъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться впередъ внутрь страны, турецкая власть будетъ замѣщаться правильнымъ устройствомъ; обыватели будутъ тотчасъ же призваны принять въ немъ дѣятельное участіе подъ высшимъ руководствомъ особыхъ и новыхъ властей. Болгарскія дружины составятъ мѣстную вооруженную силу, имѣющую своимъ назначеніемъ охранять порядокъ и безопасность. Готовность честно послужить вашей родинѣ, безпристрастіе, которое вы внесете въ исполненіе этого великаго долга, докажутъ міру, что вы достойны участи, которую Россія уготовала для васъ цѣною столь великихъ жертвъ. Повинуйтесь русскимъ властямъ. Слѣдуйте точно ихъ указаніямъ. Въ этомъ ваша сила и ваше спасеніе.

Смиренно молю Господа даровать намъ побѣду надъ врагомъ христіанъ и ниспослать Его благословеніе нашему правому дѣлу. *)

«Александръ».

Число турецкихъ войскъ при переходѣ нашихъ чрезъ Дунай.

Русскіе заняли Меджидіе въ Добруджѣ, гдѣ былъ большой укрѣпленный лагерь. Число Турокъ на Кюстенджи-Черноводской линіи было сосредоточено до 25 тысячъ изъ Рущука, Никополя и Систова сильно пострадавшихъ отъ бомбардированія. Турки упорно отстрѣливаются. Въ Систовѣ*) Турки оставили до десяти тысячъ человѣкъ. Сгорѣло отъ упорнаго огня Турокъ до половины Журжево.

---

*) Москов. Вѣд. № 152 1877 г. *) Тел. изъ Зимницы въ Голосѣ 1877 г. отъ 17 іюня.

Наши войска овладѣли дорогой отъ Тульчи въ Гирсово. Главная квартира переведена въ Систово.

Во время бомбардированія Турки направляли выстрѣлы въ зданія, находящіяся подъ флагомъ краснаго креста. Въ Турнъ Северинъ въ то время прибылъ князь Карлъ Румынскій, чтобы лично присутствовать при переправѣ своей арміи чрезъ наведенный Румынами мостъ на Дунаѣ у Петросани. Русскіе заняли Тырново. Между Никополемъ и Рущукомъ до 50 тысячъ Русскихъ; оттуда одна бригада отправилась на Сары-Яръ, къ юго-востоку отъ Систова. 18 іюня значительная часть 9 корпуса переправилась черезъ Дунай у Турнъ-Магурели, а часть казаковъ переправилась вплавь.

Усилія Русскихъ въ Болгаріи, между прочимъ, направлены къ скорѣйшему захвату желѣзныхъ дорогъ.

Изъ Бухареста сообщали, отъ 19 іюня, въ газету *Новое Время*, что 18 іюня Государь Императоръ съ Великими Князьями посѣтилъ Систово, гдѣ былъ встрѣченъ русскими войсками и Болгарами съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и восторгомъ. Изъ Журжево извѣщаютъ, что возлѣ Государя Императора упала бомба, которую разорвало, причемъ Государь изволилъ спросить спокойно: «не раненъ ли кто»? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Императоръ дважды перекрестился.

Систово и его окрестности.

Городъ Систово (по болгарски Свищово), занятый русскими войсками, одинъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ Болгаріи, съ пристанью на Дунаѣ.

Отъ него, пишутъ въ *«Русскомъ Инвалидѣ»*, идутъ удобныя дороги къ востоку въ Рущукъ, протяженіемъ около 60 верстъ, къ западу въ Никополь, на югъ въ Тырново двѣ дороги, а также въ Габрово, отсюда въ Казанлыкъ.

Лучшій шоссированный путь къ Рущуку идетъ сначала по тырновской дорогѣ, затѣмъ поворачиваетъ къ р. Янтрѣ, переходитъ чрезъ нея у деревни Бѣла и направляется на сѣверо-востокъ, соединяясь съ вышеупомянутой другою дорогою въ 15 верстахъ отъ Рущука. Къ юго-западу отъ Систова на рѣкѣ Сарьедере, находится деревня Овча-Могила (Овечья могила) населеніе которой занимается вывозкой селитры, поставляемой на турецкій пороховой заводъ въ Разградѣ, въ 70 верстахъ отъ Рущука, по желѣзной дорогѣ.

Турецкія прокламаціи *).

Недалеко отъ Ялты 8 іюня показалось пять турецкихъ судовъ, изъ которыхъ одно. отдѣлившись отъ прочихъ, направилось ближе къ берегу. Сторожевыми казачьими пикетами высланъ былъ на встрѣчу баркасъ съ десятью казаками, который быстро направился къ приближавшемуся турецкому судну, такъ что

*) Петерб. Вѣдомости, 1877 г.

послѣднее не успѣло выдти въ открытое море и взято на абордажъ. При обыскѣ у находившихся на суднѣ 12 Турокъ найдены прокламаціи для возмущенія прибрежнаго татарскаго населенія. Плѣнные отправлены въ Симферополь 9-го іюня.

Лже-казакъ **).

На дорогѣ между городами Грознымъ и Владикавказомъ по Сунженской линіи ѣхалъ казакъ терскаго казачьяго войска. По дорогѣ встрѣтился ему казакъ, одѣтый въ такое же платье, но почему то показавшійся ему подозрительнымъ. Никогда нашъ казакъ не встрѣчалъ его прежде въ станицахъ. Самая встрѣча была какъ то особенно непріятна незнакомцу, который не могъ скрыть своего волненія, когда казакъ заговорилъ съ нимъ, и не отвѣтивъ ни слова, поспѣшилъ проѣхать мимо. Все это показалось казаку очень подозрительнымъ: посмотрѣлъ онъ вслѣдъ за незнакомцемъ и видитъ, что тотъ тревожно оглядывается и озирается по сторонамъ. Не вытерпѣлъ казакъ: мелькнули у него въ головѣ слухи о людяхъ подсылаемыхъ Турками на Кавказъ и не долго думая онъ стрѣляетъ изъ пистолета въ незнакомца. Раздался выстрѣлъ, незнакомецъ упалъ мертвый.

Тогда казакъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что онъ сдѣлалъ; скачетъ въ Ламецу и объявляетъ старшинѣ, что онъ убійца, что напрасно убилъ человѣка. Старшина тотчасъ же его арестуетъ, а самъ съ нѣсколькими людьми отправляется на мѣсто происшествія. Что же оказывается! Убитый, одѣтый въ казачье платье,—магометанинъ и у него подъ бешметомъ вокругъ пояса нашли цѣлую кипу прокламацій на арабскомъ языкѣ.

Какъ жилъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій Дѣйствующею арміей въ Турціи во время войны 1877 г.

Въ обстановкѣ нашего Главнокомандующаго, писалъ въ свое время «Русскій міръ,» —полная простота и невзыскательность помѣщенія: всего двое часовыхъ и одинъ геркулесовскаго роста кавасъ—болгаринъ въ національномъ костюмѣ, одинъ дежурный ординарецъ—вотъ и вся прислуга, вся обстановка. Тоже самое вы замѣтите и въ его костюмѣ: бѣлая фуражка, бѣлый китель и простые походные сапоги. Обѣдалъ Великій Князь вмѣстѣ съ своимъ штабомъ въ особомъ домѣ при самой простой сервировкѣ (все изъ кованнаго желѣза). Нужно видѣть ту спартанскую невзыскательность, которую ввелъ въ свою походную жизнь Великій Князь. О роскоши здѣсь и помину нѣтъ. Это трапеза витязей собравшихся не напиршество, а для подкрѣпленія своихъ силъ. А что за простота обращенія, что за добродушіе, что за теплое участіе, которое ока-

**) „Новое Время" отъ 11 іюня.

зываетъ Великій Князь каждому офицеру изъ прибывающихъ на время въ главной квартирѣ. Каждому скажетъ доброе слово, съ каждымъ пошутитъ, посмѣется своимъ ласковымъ задушевнымъ смѣхомъ.

Объ участіи казаковъ въ занятіи Барбошскаго моста 13 апрѣля.

Эсаулъ Третьяковъ *) разсказывалъ слѣдующія весьма интересныя подробности: двѣсти конныхъ казаковъ должны были на своихъ коняхъ подвезти столько же пѣхотинцевъ, причемъ каждый казакъ правою ногой опирался въ правое стремя, оставляя лѣвою стремя для опоры правою ногой пѣхотинцу; затѣмъ обхвативъ каждый казакъ своего пѣхотинца, казаки проскакали на рысяхъ вплоть до Барбоша разстояніе во 115 верстъ.

Казаки на развѣдкѣ.

Когда отрядъ казаковъ переправился чрезъ Дунай, близь Гирсова, для изслѣдованія мѣстности, то сторожевые Турки, увидѣвъ ихъ, бросились въ бѣгство, не давъ по казакамъ ни одного выстрѣла. Казаки, чтобы не дать времени созвать сосѣдніе посты, перерѣзали Туркамъ дорогу, по которой они направились, окружили ихъ и взяли въ плѣнъ. Такимъ образомъ, казаки произвели нужныя развѣдки вмѣстѣ съ турецкими солдатами; послѣ того казаки возвратились черезъ Дунай съ своими плѣнными, довольные своимъ успѣхомъ.

Геройская попытка лейтенанта Никонова.

Лейтенантъ Никоновъ вздумалъ взорвать турецкій мониторъ самъ лично, безъ помощи всякой посторонней людской помощи и даже безъ посредства лодки, необходимой для плаванія. Онъ ограничился только тѣмъ что, надѣвъ плавательный снарядъ Бейтона, взялъ съ собою буксирную мину и поплылъ. Теченіемъ его пронесло мимо турецкаго судна саженяхъ въ 2 — 3 и подвести мину ему неудалось. Никоновъ проплылъ 20 верстъ по Дунаю и съ разсвѣтомъ засѣлъ въ камыши, гдѣ и скрывался весь день, а ночью благополучно возвратился при помощи рыбаковъ *).

Звѣрства Турокъ въ Болгаріи.

Съ тѣхъ поръ, какъ губернаторъ переѣхалъ въ Шумлу, въ Рущукскомъ округѣ злодѣянія удесятерились, постоянно находили зарѣзанныхъ дѣтей и разорванныхъ самымъ звѣрскимъ образомъ на двое младенцевъ. Около одного горо-

*) Сѣвер. Вѣстн. 1877 г. *) Газета Гатцука 1877 г. № 25.

да въ полѣ нашли убитую беременную женщину со вскрытымъ чревомъ и съ страшно изуродованнымъ младенцемъ. Въ другомъ полѣ нашли 4 малолѣтныхъ пастуховъ болгаръ, которые были также убиты, хотя съ ихъ небольшими силами нельзя было думать, чтобы они могли сопротивляться грабежу и угонкѣ стада.

Понятно, что если у Турокъ не существуетъ страха наказанія за убійства, то они убивали и тамъ, гдѣ можно избѣжать убійства изъ за того только, что убивать—ихъ наслажденіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только Турки узнали, что Россія ополчилась противъ нихъ въ защиту болгарской свободы и общечеловѣческихъ правъ, Турки смотрѣвшіе до того на Болгаръ какъ на рабовъ, не могли уже болѣе удерживаться; если болгаринъ составлялъ для Турка живую рабочую машину, живую силу, поддерживающую жизнь лѣниваго турка, то какъ же онъ долженъ былъ смотрѣть на потерю этой силы, на эту дойную корову, которая у него вырывается изъ рукъ и оставляетъ его безъ надежды на ея вкусное молочко.

И вотъ черкесы злодѣйствовали повсюду въ Болгаріи по селамъ и деревнямъ, не довольствуясь однимъ грабежемъ. Такъ напримѣръ въ одномъ селѣ разбѣжался отъ нападенія черкесовъ весь болгарскій людъ, оставивъ до 40 человѣкъ дѣтей такихъ малолѣтокъ, что самому старшему было не болѣе 6 лѣтъ. Одна сердобольная болгарка привела всѣхъ дѣтей въ сарай и заперлась вмѣстѣ съ ними. Вотъ изъ числа черкесовъ, погнавшихся за бѣжавшими жителями села, остался одинъ, который пошелъ шарить повсюду, переходя изъ дома въ домъ. Наконецъ онъ достигъ и того сарая, гдѣ скрывалась женщина съ сорока малолѣтками. Шаткая дверь неустояла отъ сильнаго напора разбойника, слетѣла съ петель и была отброшена въ сторону. И что же? Звѣрство черкеса не пощадило ни женщины, ни 40 малютокъ; всѣ были перерѣзаны душегубомъ, совершенно безъ всякихъ видовъ корысти, и каждому было перерѣзано горло, какъ барану. Была ли тутъ въ виду какая либо хоть задняя мысль, кромѣ простой безнравственной злобы и ненависти! Даже нельзя видѣть въ этомъ злодѣйскомъ ожесточенномъ поступкѣ фанатической цѣли, кромѣ самой безпощадной злобы и алчности крови.

Занятіе Баязида. Наши успѣхи въ Малой Азіи.

(Отъ 5 по 31 мая).

Послѣ паденія Ардагана генералъ Лорисъ-Меликовъ оставилъ въ немъ гарнизонъ подъ командою генерала Комарова, самъ во главѣ обоихъ отрядовъ двинулся обратно къ Займу; вскорѣ, впрочемъ, онъ пришелъ въ Ардосту, южнѣе Карса, въ виду того, что Ардаганъ уже не представлялъ опасности, такъ что къ 18 мая Карсъ былъ обложенъ. Отряженная генераломъ Лорисъ-Меликовымъ 2-я кавалерійская дивизія, истребивъ у села *Бегли-Ахметъ* 18 мая *) конницу

*) Смотр. стран. 90.

непріятеля, 21 мая успѣла занять безъ боя города Пенякъ и Олту. 28 произведенъ смотръ непріятельскаго укрѣпленія лично Его Высочесвомъ В. К. Главнокомандующимъ Кавказскою арміею. Наконецъ 31 мая отбита большая вылазка Турокъ изъ Карса и приступлено къ его бомбардировкѣ.

Между тѣмъ эриванскій отрядъ, подъ командою Генерала Тергукасова, перейдя границу 18 мая, приступилъ къ *Баязиду.* Начальникъ эриванскаго отряда, генералъ Тергукасовъ, получивъ словесное привѣтствіе Баязидскаго паши съ съ заявленіемъ, что онъ будетъ защищаться до послѣдней крайности, въ ночь съ 17 на 18 апрѣля направилъ къ городу рекогносцировочный отрядъ подъ руководствомъ полковника Филиппова, въ составѣ 2 сотенъ 2-го сунженскаго полка. Какъ только отрядъ занялъ на разсвѣтѣ село Зегентуръ, турецкіе аванпосты немедленно, не открывая огня, отступили за скалистыя высоты, замыкающія городъ Баязидъ съ западной и восточной стороны. Въ тоже время два турецкіе батальона, составлявшіе въ то время весь гарнизонъ Баязида, выступили изъ цидатели и ушли въ горы Ала-Дагъ, находящійся на юго-западѣ отъ Баязида; а чины городскаго управленія (менжлисъ) явились въ отрядъ съ обѣщаніемъ сдать городъ черезъ два часа. Впрочемъ сдача послѣдовала ранѣе назначеннаго срока. Получивъ донесеніе полковника Филиппова, генералъ Тергукасовъ поспѣшилъ въ Баязидъ съ своимъ авангардомъ. Въ селѣ Зангезурѣ его встрѣтили почетнѣйшіе жители города, мусульманское и христіанское духовенство. При этомъ ему было подано письмо паши, въ которомъ этотъ послѣдній предавалъ его великодушію жителей города и оставшихся въ немъ больныхъ солдатъ. Генералъ громко прочелъ письмо и объявилъ, что «русскія» войска сражаются лишь съ вооруженнымъ непріятелемъ, а беззащитнымъ покровительствуютъ.

Изъ собранныхъ въ городѣ свѣдѣній оказалось, что населеніе находилось въ весьма враждебномъ отношеніи относительно турецкаго правительства, что бывшій гарнизонъ города состоялъ изъ одного батальона низама *) (800 человѣкъ) одного батальона редифа (700 человѣкъ) и 500 человѣкъ кавалеріи. Весь этотъ гарнизонъ при первой рекогносцировкѣ отряда полковника Филиппова оставилъ не только всѣ военные и продовольственные запасы, но даже свой лазаретъ съ 16 больными, несмотря на увѣренія турецкаго доктора Гофмана, что войска, имъ видѣнные, только передовые разъѣзды русскихъ, и что, по этому, у гарнизона достаточно времени на то, чтобы вывезти все необходимое заблаговременно до прибытія отряда русскихъ войскъ.

Но лишь турецкіе больные были оставлены бѣжавшимъ гарнизономъ, какъ были ограблены жителями, города въ средѣ которыхъ возникли большіе безпорядки. Грабители не пощадили даже казенныхъ складовъ, не только общественныхъ зданій. Тутъ и домъ паши также не преминулъ подвергнуться раззоренію; всѣ эти безпорядки возникли вслѣдствіе злобы мѣстнаго населенія. Цитадель **) и то можетъ быть была бы разрушена, если бы русскій отрядъ не поспѣшилъ

*) Регулярной пѣхоты.

**) Постоянная крѣпость города вооруженная пушками и гдѣ находится гарнизонъ

занять ее, такъ какъ она уже носила на себѣ слѣды разрушенія. Русскій гарнизонъ цитадели Баязида состоялъ изъ 2-го батальона ставропольскаго полка, 7-й и 8-й ротъ Крымскаго полка, 4-го взвода 4-й баттареи 19-й артиллерійской бригады, сотни 2 хоперскаго, 2 и 5 сотенъ Уманскаго и 26 человѣкъ Кавказскаго казачьяго полковъ и временно военнаго госпиталя № 16. Всего къ 6-му іюня было 4 штабъ-офицера, 26 оберъ-офицеровъ и 1587 нижнихъ чиновъ.

Изъ нихъ, во время осады Турками Баязида, когда русскія войска, оставивъ занятый Баязидъ, отошли убито: 2 штабъ-офицера, 114 нижнихъ чиновъ; ранено 7 оберъ-офицеровъ и 359 нижнихъ чиновъ. Остальные дошли до крайней степени изнуренія отъ лишеній, такъ что требовали продолжительныхъ гигіеническихъ мѣръ, и въ концѣ концевъ имъ приходилось питаться дохлой кониной. Начальникомъ гарнизона былъ оставленъ комендантъ цитатели Тифлисскаго мѣстнаго полка, капитанъ Штоквичъ, долго прежде служившій въ лейбъ-эриванскомъ Его Величества полку. При вступленіи отряда генерала Тергукасова въ Баязидъ городъ этотъ найденъ до такой степени разрушеннымъ и зараженнымъ грудами гніющихъ труповъ, что были слѣды неистовствъ турокъ; дальнѣйшее пребываніе нашихъ войскъ въ этомъ городѣ оказалось невозможнымъ. При осадѣ Баязида турки потеряли до 7000 человѣкъ.

Генералъ-маіоръ И. З. Челокаевъ.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Челокаевъ началъ службу нижнимъ чиномъ, причемъ въ 1842 г. заслужилъ боевую награду—знакъ отличія военнаго ордена и въ 1845 г. произведенъ былъ въ офицеры. Во время прошлой войны въ 1854 г. за оказанныя отличія награжденъ орденами св. Анны 4 ст. за храбрость, св. Анны 3 степени и св. Владиміра 4 степени съ бантомъ и съ мечами. На 28 году службы въ офицерскихъ чинахъ, въ 1872 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, и въ томъ же году, 30 августа назначенъ въ свиту Его Величества. Въ послѣднее время князь Челокаевъ состоялъ при кавказской арміи, а съ открытіемъ военныхъ дѣйствій назначенъ командующимъ дагестанской конно-иррегулярной бригадой. При рекогносцировкѣ окрестностей крѣпости Карса, 4 мая, онъ вмѣстѣ съ дагестанцами участвовалъ въ жаркомъ дѣлѣ съ турецкими драгунами, поддержанными пѣхотой. Дагестанцы произвели блестящую аттаку въ шашки и опрокинули непріятеля, но къ сожалѣнію кн. Челокаевъ получилъ въ этомъ дѣлѣ тяжелую рану, отъ которой скончался 11 мая въ лагерѣ Запма, близъ Карса (въ 15 верстахъ).

Р. Инв. 1877 г.

Занятіе Мачина. *).

Занятіе Мачина мичманомъ Никоновымъ. Вступленіе бородинцевъ въ Мачинъ. Встрѣча русскихъ болгарами съ хлѣбомъ-солью. Старообрядцы. Молебствіе. Генералъ Циммерманъ дѣлаетъ парадъ. Чудо-мостъ, собранный г. Клименко.

Мачинъ былъ занятъ Русскими въ ночь съ 10 на 11 іюня. Вотъ какъ это случилось. Въ Браиловѣ между прочими моряками былъ мичманъ Никоновъ, начальникъ отдѣльнаго отряда пловцовъ, состоявшихъ изъ 10 человѣкъ. Эти пловцы были снабжены бойтоновскими костюмами и плавали по Дунаю отчасти для вывѣдыванія о судахъ Турокъ, отчасти съ спеціальною цѣлью подвести особаго рода мины подъ турецкія суда.

Г. Никоновъ, кромѣ своего спеціальнаго назначенія принялся еще за другое дѣло: онъ набралъ себѣ небольшой отрядъ охотниковъ, съ которымъ дѣлалъ развѣдки о силахъ и движеніи непріятеля. Вотъ съ этимъ отрядомъ состоящимъ, если не ошибаюсь, изъ 14 человѣкъ, Никоновъ и занялъ Мачинъ въ ночь на 11 іюня.

Какіе то Молдаване извѣстили г. Никонова, что Мачинъ покинутъ Турками совершенно; онъ подъѣхалъ съ своимъ отрядомъ на челнокахъ, взошелъ въ городъ и лично убѣдился что дѣйствительно въ немъ нѣтъ ни одного турецкаго солдата. Утромъ 11 іюня лейтенантъ Шестаковъ былъ посланъ на катерѣ «Царевичъ», чтобы, если только можно, провѣдать отрядъ г. Никонова и затѣмъ изслѣдовать рѣчной путь къ Мачину. Носились слухи, что Турками поставлены минныя загражденія вблизи самаго Мачина.

Лейтенантъ Шестаковъ благополучно прибылъ въ Мачинъ и нашелъ въ немъ всю команду г. Никонова съ своимъ начальникомъ въ тѣхъ сильныхъ турецкихъ казармахъ, которыя помѣщались па Мачинскомъ берегу, вблизи баттареи, стрѣлявшей накануне въ «Фульджеро». Водрузивъ русскій флагъ па Мачинскомъ берегу, лейтенантъ Шестаковъ возвратился въ Браиловъ и по приказанію начальства тотчасъ же отправился съ донесеніемъ къ Государю Императору о занятіи Мачина, такъ какъ извѣстно было, что въ эту минуту Императорскій поѣздъ, шедшій въ Галацъ, остановился на Браиловской станціи. Къ сожалѣнію храброму моряку неудалось быть вѣстникомъ радостнаго событія: когда онъ прибылъ на станцію, поѣздъ ужъ отходилъ...

Переправа изъ Браилова, какъ говорятъ, назначена была собственно въ ночь съ 11 на 12 іюня; но извѣстіе г. Никонова о томъ, что Мачинъ оставленъ Турками, измѣнило дѣло; оно началось съ 10 часовъ утра въ субботу. День былъ великолѣпный, ясный. Съ музыкой и лихою солдатскою пѣснею вышли бородинцы къ пристани, гдѣ ужъ ихъ ждали приготовленныя заранѣе лодки, баржи,

*) Кор. „Новаго Времени“ отъ 13 мая, изъ Браилова.

и десантные румынскіе пароходы: «Взрывъ», «Загражденіе», «Романія», и «Св. Стефанъ Чальморе». Возвышенія браиловскаго берега усыпаны были любопытными зрителями, пришедшими смотрѣть на зрѣлище, котораго всѣ такъ давно ждали. На горѣ, гдѣ городской садъ, близъ госпиталя, около баттарей—всюду виднѣлись толпы зрителей. Иные взобрались на крышки домовъ, внизу передъ пристанью, вездѣ, гдѣ только было дозволено стоять народу, тѣснились также многолюдныя группы. Подальше влѣво за массами многоголовной толпы, за полками, подходившими съ музыкой и устанавливавшимися у пристани, видѣнъ былъ длинный мостъ, колоссальный по своему протяженію и изумительный по постройкѣ, собранный нашими саперами въ какіе-нибуть четыре дня!

И столько же, сколько веселъ былъ и оживленъ нашъ берегъ, столько же печаленъ былъ берегъ непріятельскій. Здѣсь музыка, гулъ толпы, крики команды, шумъ снующихъ пароходовъ и челноковъ; тамъ—полное безмолвіе. Нѣсколько полуразрушенныхъ лачужекъ у Гечета, блѣднозеленый тростникъ и отроги горъ, представлявшіеся въ темносинемъ туманѣ на дальнемъ горизонтѣ.

Войска прежде всего размѣщались на лодки, человѣкъ по шести и по девяти на каждой, гребцы держали вверхъ весла. Гребцами были посажены казаки и солдаты, нарочно обучавшіеся на греблѣ за нѣсколько времени до переправы.

Это распоряженіе было очень основательно: на сколько это справедливо, но при переправѣ въ Галацѣ, говорятъ, произошло нѣкоторое замѣшательство отъ неумѣлости неопытныхъ гребцовъ, не могшихъ справиться съ быстрымъ теченіемъ Дуная. Кстатѣ о гребцахъ:

Дня за четыре, сказывалъ мнѣ офицеръ, обученымъ гребцамъ была сдѣлана небольшая репетиція: имъ приказано было прокатиться по Дунаю. Молодцы такъ обрадовались этой примѣрной прогулкѣ, что пустились по Мачинскому рукаву, чуть не подъ турецкія баттареи. Насилу сдержали ихъ рвеніе, насилу созвали лодки и отправили ихъ во свояси....

Бородинцы въ большомъ порядкѣ, безъ всякаго шума, толкотни и замѣшательства усаживались въ лодки. Они были не въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ, а въ суконныхъ мундирахъ. Каждый солдатъ несъ на себѣ продовольствіе на 4 дня въ мѣшкахъ, переброшенныхъ черезъ плечо. Насадкой людей распоряжались офицеры и командиръ полка, полковникъ Маклаковъ.

Солдаты снимали штыки и неторопясь, весело гуторя, усаживались.

— Ну, что братцы, спросилъ я, обратясь къ одной группѣ, отправляетесь?

— Дождались, ваше благородіе, отвѣчалъ молодой, весь красный отъ пота малый, радостно оскаливъ бѣлые зубы. Въ этомъ «дождались» слышалось такое удовольствіе, какъ будто онъ Богъ вѣсть какого благополучія дождался; а вѣдь, между тѣмъ, все благополучіе его заключалось въ томъ, что онъ теперь можетъ быть подвинулся «къ предѣлу своему» такъ близко, что еще день, два, и его совсѣмъ не будетъ на свѣтѣ. Лодки были нагружены и начали отчаливать, растягиваясь длинною цѣпью по Дунаю Между тѣмъ, находившіеся на берегу батальоны стали подходить къ двумъ пристанямъ, у которыхъ стояли два

парохода съ прицѣпленными по сторонамъ баржами. На каждой баржѣ помѣщалось по одной пушкѣ и, кажется, по 300 человѣкъ солдатъ.

Баржа, стоявшая у первой пристани, нагрузилась. Командиръ полка обратился къ батальонному командиру:

— Пожалуйста, полковникъ, если бы что нибудь вышло, чтобы люди не горячились, не стрѣляли прежде времени.... торопливость всегда портитъ дѣло, надо чтобы было все въ порядкѣ: непріятель больше чувствуетъ уваженія.

— Будьте покойны. У меня по бортамъ лучшіе стрѣлки разставлены. Все будетъ, какъ слѣдуетъ.

— Ну, съ Богомъ, отправляйтесь сказалъ командиръ.

Пароходъ отчалилъ, и важно, почти величественно пошелъ вмѣстѣ съ двумя баржами, представляя изъ себя какое то чудовищно-толстое судно, по двумъ концамъ котораго сіяли двѣ мѣдныя пушки, выставляя свои жерла изъ за блиндажа баржъ.

Другая баржа на другой пристани также была готова отойти. Все двигалось. Пора была и намъ, корреспондентамъ, позаботиться о себѣ. Мы обратились къ одному капитанъ-лейтенанту, прося его помѣстить на какое нибудь судно. Онъ сказалъ, что безъ разрѣшенія начальства не можетъ этаго сдѣлать и обратился къ начальнику штаба. Этотъ послѣдній отказалъ въ нашей просьбѣ на основаніи того, что онъ имѣетъ предписаніе не допускать постороннихъ при совершеніи военныхъ операцій. Хотя мы были не совсѣмъ «посторонніе», ибо имѣли и на рукахъ и въ карманѣ законные виды на свободное пребываніе при арміи, но что же было дѣлать? Мы уже начали было впадать въ уныніе, что намъ неудается переѣхать вмѣстѣ съ войскомъ на турецкій берегъ. Однако судьба видно сжалилась надъ нами, да еще какъ сжалилась, представьте себѣ, что три корреспондента были первыми, вступившими на мачинскій берегъ! Наша «переправа» совершилась, благодаря любезному участію капитана 1-го ранга Ив. Гр. Рогулѣ, который доложилъ о нашемъ желаніи корпусному командиру генералу Циммерману, тотчасъ же разрѣшившему допустить насъ участвовать въ десантѣ.

. . . .

Генералъ Циммерманъ сошелъ на берегъ въ сопровожденіи лейтенантовъ Шестакова, Дубасова, мичмана Ѳедорова, капитана Клеменки, строителя Браиловскаго моста, и другихъ офицеровъ. Тутъ же былъ и неразлучный спутникъ моряковъ, докторъ Поплавскій.

Генералъ Циммерманъ, одинъ изъ заслуженныхъ Кавказскихъ бойцовъ, извѣстный, если не ошибаюсь, и въ литературѣ замѣчательными статьями военно-критическаго характера, обладаетъ очень внушительной и типичной наружностью. Онъ пожилой блондинъ высокаго роста, съ широкими, нѣсколько сутуловатыми плечами, съ мужественнымъ лицомъ. Смотритъ очень проницательно и держится съ нѣсколько осмысленной небрежностью и симпатизирующей простотою. Одѣтъ въ китель суроваго цвѣта, какой здѣсь въ походѣ носитъ большинство военныхъ.

Чрезъ одно плечо, на тонкой перевязи, черкесская шашка обдѣланная въ серебро; черезъ другое на ремешкѣ двойная зрительная трубка въ кожаномъ чех-

лѣ. Говоритъ онъ, не замедляя рѣчи, какъ это обыкновенно дѣлаютъ большинство начальниковъ, а коротко, какъ будто роняя слова.

Генерала, при выходѣ на берегъ, встрѣтилъ мичманъ Никоновъ, занявшій наканунѣ Мачинъ съ отрядомъ своихъ охотниковъ. Мичманъ Никоновъ, молодой человѣкъ средняго роста въ очкахъ, съ свѣтлой бородкой, съ лицомъ хранящимъ разсѣянное выраженіе. Онъ одѣтъ въ матросской рубашкѣ, за поясомъ короткій кинжалъ. Какъ и въ большинствѣ моряковъ, въ немъ много простодушія, необходимаго качества русской храбрости.

Пожавъ руку мичману Никонову, генералъ обратился къ депутаціи мѣстныхъ Болгаръ, ожидавшихъ его на берегу; представитель депутацій, какой то рыжеватый малый, похожій на русскаго артельщика въ казинетовомъ сюртукѣ и штанахъ на выпускъ, держалъ на подносѣ хлѣбъ-соль и графинъ съ бѣлымъ виномъ. Онъ сказалъ довольно толково по русски нѣсколько словъ въ родѣ слѣдующаго:

«Мѣстные жители Болгары просятъ принять отъ нихъ привѣтъ и хлѣбъ-соль.»

Генералъ коротко поблагодарилъ и мелькомъ оглянувъ собравшуюся толпу народа, которая стояла безъ шапокъ, пошелъ на гору, къ тому мѣсту, гдѣ стояло мѣстное духовенство съ крестами, хоругвями и образами.

Всѣ остальные русскіе двинулись за генераломъ. Приближаясь мы услышали пѣніе молебна по болгарски, на своеобразный греческій напѣвъ нѣсколько въ носъ. Священникъ стоялъ, держа маленькій деревянный крестикъ, выложенный съ одной стороны перламутромъ; дьяконъ съ кропиломъ и бѣдной жестяной чашей со святою водою.

Генерелъ приложился ко кресту, священникъ окропилъ водою, продолжая пѣть молитву, въ которой слышались слова о побѣдѣ и одоленіи на враговъ Императора Александра. За генераломъ приложились и всѣ присутствовавшіе и затѣмъ прошли мимо иконъ и хоругвій, которые держали благовѣйно старики.

Иконы большаго размѣра, но очень грубаго письма въ родѣ нашего суздальскаго, безъ ризъ и даже безъ металлическихъ вѣнчиковъ. Хоругви тоже старенькія. Вообще отъ всей церковной обстановки вѣяло бѣдностью. Окружающая толпа производила впечатлѣніе: загорѣлыя желтыя лица, съ большими черными и впалыми глазами, съ пугливымъ любопытствомъ озиравшія русскихъ; грубыя, рваныя рубахи, въ прорѣхи видно голое тѣло, всклокоченные волосы, головы у иныхъ прикрыты бараньими шапками, а у нѣкоторыхъ чѣмъ то въ родѣ фесокъ; почти всѣ, и мужчины и женщины, босые.... При взглядѣ на эту бѣдную толпу щемило сердце. И всѣ эти оборванные, худые и забитые люди смотрѣли теперь на насъ, какъ на своихъ избавителей, съ надеждою, что приходъ русскихъ избавитъ ихъ отъ горькихъ страстей и тревогъ....

Генералъ Циммерманъ отправился въ турецкую казарму на берегу, гдѣ его ждали команда охотниковъ. Когда онъ приблизился, команда сдѣлала на караулъ, забили въ барабанъ. Генералъ поблагодарилъ солдатъ, назвалъ ихъ молодцами, и пожелалъ имъ и на будущее время служить такъ же хорошо, какъ теперь. Отвѣтомъ на это было громкое «ура!» подхваченное толпою. Мы вошли

въ казарму. Это небольшое зданіе въ четыре или въ пять комнатъ съ загрязненными стѣнами, съ досчатыми нарами. Весь полъ казармы былъ усыпанъ разстрѣлянными мѣдными патронами.

Депутація Болгаръ принесла вина и просила присутствующихъ выпить, что разумѣется всѣ сдѣлали съ удовольствіемъ. Всѣ офицеры поздравляли генерала Циммермана и другъ друга съ счастливымъ вступленіемъ за Дунай. Въ это время и мы, корресподенты, представились генералу.

Когда я вышелъ на площадку и бросилъ взглядъ съ высоты берега на рѣку, чудная, оживленная картина предстала предо мною; множество лодокъ, наполненныхъ солдатами, обгоняя одна другую, весело подплывали къ берегу. Одинъ пароходъ съ баржами присталъ уже къ берегу, часть пѣхоты выгрузилась и поднималась гуськомъ по два человѣка въ рядъ, на гору по узкой, извилистой дорогѣ. Штыки идущихъ солдатъ, то скрывались за пригорками, то появлялись снова, сверкая на солнцѣ.

Мы пошли посмотрѣть на покинутую баттарею, близъ казармы. Баттарея оказалась самая плохинькая, первобытная; двѣ ямы, окопанныя низенькимъ валомъ и больше ничего. Въ каждой изъ этихъ ямъ помѣщалось по одной пушкѣ, теперь конечно снятыхъ Турками. Въ то время, какъ мы осматривали баттарею, къ намъ приблизилось пять почтенныхъ бародачей въ красныхъ русскихъ рубахахъ и сапогахъ на выпускъ. Достаточно было взглянуть на ихъ чисто русскія «мужицкія» лица, чтобы сразу признать въ нихъ земляковъ. Дѣйствительно это оказались земляки—старообрядцы изъ деревни Каменки, находящейся близь Мачина. Они, увидѣвъ мѣдныя бляхи на нашихъ рукахъ, сочли насъ вѣроятно за старостъ или сотскихъ и обратились къ намъ съ просьбою представить ихъ генералу Циммерману.

— Да вамъ зачѣмъ же генерала?

— «А мы, какъ значитъ, отъ нашихъ плугарей изъ деревни поклониться хлѣбомъ-солью и заступленія просить, чтобы и напредки отъ Турокъ...

— А что-же Турки васъ обижали?

— «Какъ не обижать, обижали.

— Что-же убили кого нибудь?

— «Убить нѣтъ, убивства не было, а раззоръ, притѣсненіе.... Черкесы примѣрно хотя бы теперь: беретъ съ тебя все, да и того мало. Что съ нимъ будешь дѣлать, управы нѣтъ никакой!

— А вотъ теперь Господь дастъ, будетъ, замѣтилъ другой старикъ, съ клочковатою бородою, слезившимися глазами и красной загорѣлой шеей, типъ крестьянина изъ какой нибудь тульской или калужской губерніи:—авось имъ, поганцамъ, предѣлъ положатъ, возьметъ батюшка Царь насъ на спокой..... Очень ждемъ...

Мы проводили земляковъ къ лейтенанту Дубасову, а тотъ отправилъ ихъ къ корпусному командиру. Генералъ Циммерманъ принялъ депутацію каменцевъ очень милостиво и обѣщалъ имъ свое покровительство.

Покуда войска высаживались, мы пошли погулять по городу. Сейчасъ, откуда

онъ взялся, чертъ его знаетъ подвернулся еврей, предложившій намъ свои услуги въ качествѣ проводника, даже и другой выскочилъ съ пейсами и въ козипетовомъ архалукѣ съ «воскрильями» и тоже началъ набиваться съ услугами, но первый его оттѣснилъ. Мы пошли. Городъ былъ почти пустъ. Дома съ затворенными дверями; окна закрыты ставнями; иные ставни и двери выломаны. Дѣло въ томъ, что передъ выходомъ Турокъ имъ было разрѣшено грабить городъ, и они, разумѣется, охулки на руку не положили. Кромѣ грабежа были и случаи страшнаго звѣрства. Въ городѣ теперь оставалось изъ пятитысячнаго населенія Мачина только человѣкъ 700 Болгаръ, Грековъ и старообрядцевъ.

Потомъ мы пошли въ домъ каймакама, лучшій въ городѣ, на живописномъ мѣстѣ берега, довольно обширный, въ два этажа.

Всѣ комнаты были пусты. Въ комнатахъ перваго этажа на полу валялись какія-то бумаги съ печатями, вѣроятно оффиціальные приказы, письма въ пакетахъ, изорванныя, измятыя. Должно быть вся канцелярія каймакама была разбросана тутъ. Мы взяли на память нѣсколько такихъ бумагъ.

Въ верхнихъ комнатахъ дома, гдѣ помѣщался, между прочимъ, гаремъ, мы нашли—вы думаете черноокихъ одалискъ—увы! нѣтъ: Мы нашли груды листоваго турецкаго табаку, груды сора и болѣе ничего.

Когда мы выходили изъ каймакамскаго дома, у его подъѣзда намъ встрѣтилась толпа матросовъ и казаковъ. Мы сказали имъ, что въ домѣ валяется табакъ: Надо было видѣть, какъ они бросились на фуражировку. Чрезъ пять минутъ многіе изъ нихъ шли уже назадъ, нагруженные пачками пріятнаго зелья.

Мы просили указать намъ кафе, гдѣ бы можно было чего нибудь поѣсть или выпить. Проводникъ сказалъ, что покуда кафе всѣ закрыты, но что въ одномъ греческомъ, кажется можно что нибудь достать. Мы направились къ этому кафе. На дорогѣ насъ нагнали старообрядцы, представлявшіеся генералу, и начали благодарить насъ за содѣйствіе имъ въ этомъ и просили принять угощеніе. Мы уклонились отъ послѣдняго, но пригласили ихъ пойти съ нами въ кафе. Они согласились. Кафе оказалось близко—это была просторная комната съ билліардомъ и буфетомъ.

Мы попросили, разумѣется, подать турецкаго кофе и дульчесовъ, *) поставили столики и стулья на улицѣ и расположились около турецкаго дома съ деревянной, широкой выдающейся террасой, прикрытой кровлей характерной восточной формы.

Изъ поворота улицы показались мундиры: это былъ генералъ Циммерманъ и свита офицеровъ, между прочими наши храбрые моряки. Генералъ и всѣ сопровождавшія его лица присѣли къ намъ. Кто то началъ шутить надъ тѣмъ, что корреспонденты уже освоились и хозяйничали въ занятомъ непріятельскомъ городѣ. Мы воспользовались удобнымъ случаемъ и заявили благодарность генералу Циммерману за его обязательное разрѣшеніе участвовать въ дессантѣ.

*) Фруктъ въ сиропѣ.

Генералъ Циммерманъ разговорился и между прочимъ сообщилъ нѣсколько подробностей о Галацкой переправѣ, отзываясь съ большими похвалами о молодецкомъ поведеніи солдатъ въ дѣлѣ, которое, по словамъ генерала, принадлежитъ къ числу безумно геройскихъ.

Посидѣвъ съ полчаса, генералъ отправился дѣлать смотръ высадившемуся бородинскому полку. Войска были расположены у берега. Генералъ приказалъ принести знамена съ парохода и построить войска для парада. Покуда ходили за знаменами, мы всѣ расположились на холодкѣ подъ тѣнью какого то сарая. Генералъ сѣлъ на груду бревенъ. Полковникъ Клименко, лейтенанты: Дубасовъ, Шестаковъ и другіе офицеры расположились на травѣ, около сарая. Мы, корреспонденты, были тутъ-же.

Въ это время подъѣхалъ на лошади полковникъ Шуруповъ, которому было поручено переправить казаковъ по залитой водою болотистой дорогѣ отъ Гечета къ Мачину и доложилъ, что 40 человѣкъ переправлено. Эта переправа тоже въ своемъ родѣ была подвигомъ молодечества: по дорогѣ приходилось, раздѣвшись, идти по водѣ, иногда вплавь, пуская лошадей безъ всадниковъ. И—все обошлось благополучно, утонуло только одно ружье.

Генералъ, выслушавъ докладъ полковника, поблагодарилъ его. Въ это время какіе то Болгары пришли съ просьбой къ генералу: они просили послать солдатъ въ одно изъ окрестныхъ мѣстечекъ, гдѣ мѣстные жители Болгары опасаются нападенія баши-бузуковъ. Генералъ отклонилъ ихъ просьбу и, обратясь къ окружающимъ, началъ говорить, что онъ вообще составилъ себѣ не лестное мнѣніе о Болгарахъ-туземцахъ, что они обыкновенно имѣютъ привычку служить и вашимъ и нашимъ и ужасные лгуны.

Всѣ извѣстія о Туркахъ и ихъ силахъ, говорилъ генералъ,—которыя были доставляемы намъ мѣстными Болгарами, оказывались вздоромъ. Они говорили, что въ Мачинѣ трудно, невозможно о Туркахъ ничего узнать—такъ тутъ строго и бдительно турецкое управленіе! Ну и вся эта чепуха оказалась вздоромъ. Намъ служатъ плохо, трусы, фальшивы, а сами между тѣмъ думаютъ, что все для нихъ мы должны тутъ дѣлать... Вотъ старообрядцы—тѣ сейчасъ видно—народъ честный... А эти въ конецъ испорчены.

— Нельзя было не согласиться, что въ этомъ мнѣніи генерала много правды, хотя, конечно, оправданіемъ трусости и фальшивости—ихъ жалкое положеніе...

Знамена между тѣмъ, достали съ парохода, вынули изъ чехловъ и вынесли къ полку, выстроенному на берегу, фронтомъ къ городу. Священникъ окропилъ знамена св. водой. Генералъ взошелъ на гору, и обратясь къ полку, поздоровался съ нимъ. Раздалось громовое привѣтствіе по рядамъ.

Заиграли маршъ по командѣ полковника Маклакова, батальоны одинъ за другимъ проходили мимо генерала Цыммермана, поднимаясь по тропинкѣ въ гору, на самомъ возвышенномъ пунктѣ которой стояли казаки на коняхъ, поднявъ пики.

Картина была очень красивая, и гористая мѣстность придавала ей большій эффектъ.

Полки шли, то спускаясь по дорогѣ, то поднимаясь выше на горы, и исче-

зали за нихъ гребнемъ. Старыя изстрѣлянныя бородинскія знамена развѣвались, мелькая подъ щетиною штыковъ. Странное чувство охватывало душу въ то время: что-то увлекающее было въ этомъ шествіи солдатъ, въ этихъ вѣющихъ изстрѣлянныхъ знаменахъ; сердце невольно наполнялось сознаніемъ русской народной мощи представителями которой здѣсь, на чуждомъ вражескомъ берегу, были солдаты.

Когда полкъ прошелъ, заиграли гимнъ, команда охотниковъ крикнула «ура», окружающая толпа подхватила. Всѣ сняли шапки и, махая ими, привѣтствовали радостнымъ возгласомъ русскихъ.

Генералъ Циммерманъ простился съ командиромъ полка, полковникомъ Маклаковымъ, на прощанье обнялъ его и затѣмъ взошелъ на «Фульджеро». Мы помѣстились тутже. Судно отчалило. Толпа все еще стояла на берегу и ея одушевленное «ура» неумолчно раскатывалось по прибрежнымъ холмамъ.

Когда мы проплывали мимо моста, устроеннаго подполковникомъ Клименко между Браиловскимъ и Гечетскимъ берегомъ, генералъ Циммерманъ обратилъ наше вниманіе на этотъ мостъ.

— Вамъ, господа корреспонденты, слѣдуетъ сказать объ этой постройкѣ. Видъ моста представляетъ въ своемъ родѣ чудо. Только русскіе могли такой мостъ поставить и въ такое короткое время, въ нѣсколько дней. Я это говорю потому такъ, что въ этомъ дѣлѣ я лично не принималъ никакого участія—это вотъ его работа,—генералъ указалъ на подполковника Клименко—и эта работа дѣлаетъ огромную честь ему, его знаніямъ и его энергіи.... Скажите и Макъ-Гахану, чтобы онъ разсмотрѣлъ этотъ мостъ. На такомъ огромномъ протяженіи выстроить такъ скоро, такъ устойчиво, прочно, при сильномъ теченіи воды Дуная такой мостъ, повторяю вамъ, это чудо. Вы должны оцѣнить эту постройку, должны сказать о ней публикѣ—это ваша обязанность.

Въ Браиловъ мы вернулись около 6 часовъ.

Генералъ-Лейтенантъ А. Э. Циммерманъ.

Командиръ 14-го армейскаго корпуса.

Познакомившись нѣсколько съ дѣйствіями генерала Циммермана въ предпослѣднемъ разсказѣ, находимъ необходимымъ изложить его біографію:

Генералъ-лейтенантъ Аполонъ Эрнестовичъ Циммерманъ, уроженецъ Лифляндской губерніи, родился въ 1825 году и началъ службу юнкеромъ въ гусарскомъ Его Величества Короля Виртембергскаго (нынѣ 14 гусарскій митавскій Его Королевскаго Высочества, Принца Прусскаго Альберта младшаго, полку. 18 лѣтъ отъ роду онъ былъ произведенъ въ корнеты и немедленно началъ готовиться къ поступленію въ Академію генеральнаго штаба. По окончаніи въ ней курса, онъ былъ причисленъ въ 1848 году къ генеральному штабу и отправленъ въ архангельскую и олонецкую губернію для составленія военно-статистическаго обозрѣнія и маршрутной карты. Это дало ему возможность прекрасно ознакомиться съ сѣверомъ Россіи, и нѣтъ уголка отъ Колы до Соловецкаго монастыря,

гдѣ бы онъ не былъ. Въ 1849 году, въ чинѣ штабсъ-капитана, Апполонъ Эрнестовичъ былъ командированъ за границу по случаю войны съ Венгріею, съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи генералъ-адъютанта графа Берга. Это назначеніе дало ему возможность принять дѣятельное участіе въ Венгерской компаніи и быть участникомъ главнѣйшихъ эпизодовъ ея.

Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ 14 по 20 іюня 1849 года при наступательномъ движеніи австрійской дунайской арміи, въ составѣ которой находилась русская сводная дивизія генералъ-адъютанта Панютина, отъ г. Петербурга чрезъ Раабъ и м. Баболька до крѣпости Коморна, занятой 6 тысячами непріятельскимъ корпусомъ подъ командою Гергея. Кромѣ того Циммерманъ принялъ участіе 29-го іюня въ упорномъ бою съ непріятелемъ, слѣдовавшемъ изъ крѣпости Коморна, съ намѣреніемъ пробиться сквозь Австрійскую армію; при усиленной рекогносцировкѣ занимавшихъ передовыя укрѣпленія крѣпости Коморна. Съ 6 по 23 іюня онъ находился при арміи барона Гайнау, наступавшей отъ крѣпости Коморна, чрезъ города Пештъ и Кечкеметъ, къ городу Сегедину,—на лѣвомъ берегу Тейсы, и при переправѣ съ боемъ чрезъ эту рѣку. Затѣмъ былъ при аттакѣ непріятельской позиціи, между городомъ Сегединомъ и с. Серекъ, и выбитіи Венгровъ изъ этой позиціи и совершенномъ пораженіи 50000 корпуса ихъ подъ предводительствомъ Дембинскаго; 28-го іюня былъ въ сраженіи противъ 70000 арміи подъ начальствомъ Бема и Дембинскаго, при селѣ Кишъ-Бечкерекѣ, и обращеніи непріятеля въ бѣгство, за крѣпостью Темешваръ, при этомъ случаѣ освобожденной отъ осады.

Награда слѣдовала за наградою: подъ Коморномъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, подъ Сегединомъ—чиномъ капитана, а подъ Серекомъ и Кишъ-Бечкерекомъ—орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а Императоръ Австрійскій пожаловалъ ему орденъ Леопольда меньшаго креста.

Въ 1851 году Циммерманъ отправился на Кавказъ и находился въ зимнемъ походѣ въ малую Чечню, по сборѣ чеченскаго отряда у Ачковскаго укрѣпленія, участвовалъ въ движеніи по рѣкѣ Гекѣ, расположеніи лагеремъ у бывшаго аула Черкамай, при работахъ по продолженію просѣкъ въ верхней части рѣки Геки, взятіи приступомъ укрѣпленной непріятельской позиціи у Пуринкаевскихъ хуторовъ и пораженіи сильныхъ скопищъ Чеченцевъ; при переходѣ отряда рѣки Ваштрикъ для продолженія работъ по расчисткѣ Гекинскаго лѣса. Въ 1852 г. участвовалъ въ зимнемъ походѣ по большой Чечнѣ и, по сосредоточеніи отряда въ укрѣпленіи Воздвиженскомъ, находился при переправѣ чрезъ рѣку Ареунъ и расположеніи лагеремъ у разореннаго аула Бани-Юртъ, движеніи отряда генералъ-маіора князя Барятинскаго къ аулу Автуру, взятіи штурмомъ и истребленіи Автура и Гельдигена, наступленіи въ ущелье Хулкулай, въ жаркомъ и удачномъ дѣлѣ со сборищемъ Шамиля и истребленіи андійскихъ хуторовъ съ большими запасами хлѣба и сѣна; послѣ чего былъ посланъ съ донесеніемъ объ этихъ дѣлахъ къ Его Императорскому Величеству. За отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ, произведенъ въ подполковники. Въ 1853 году, подполковникъ

Циммерманъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками прикаспійскаго края и, по сборѣ дагестанскаго отряда на Кутишинскихъ высотахъ, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ на Турчидагѣ, при движеніи отряда генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, изъ Кумыка на лезгинскую кордонную линію въ Кусаръ, движеніе части отряда вверхъ по р. Самуру и перевалъ чрезъ Бабуръ-Дагъ на г. Данди и далѣе къ Мосальди-Геру и крѣпостцѣ Закаталы.

Восточная война застала Циммермана въ распоряженіи командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ. По прибытіи въ городъ Александрополь, онъ былъ назначенъ завѣдывавшимъ штабомъ ахалкалакскаго отряда, потомъ временно командовалъ этимъ отрядомъ, молодецки пробрался ночью, во время блокады, въ Ахалцыхъ, вступилъ въ должность начальника штаба тамошняго отряда и участвовалъ въ жаркой перестрѣлкѣ съ турецкою конницею у Карзаха, а когда прибыла пѣхота изъ Богдановки, обратилъ непріятеля въ бѣгство. По раненіи генералъ-маіора Фрейтага, онъ принялъ начальство надъ 1-мъ и 2 батальонами Виленскаго егерскаго полка, перевелъ ихъ чрезъ рѣку Подцоховку, подъ картечнымъ и батальнымъ огнемъ непріятеля, взялъ штурмомъ укрѣпленную завалами непріятельскую позицію, овладѣлъ семью орудіями и ауломъ Суплисъ. Затѣмъ онъ всю ночь преслѣдовалъ непріятеля до Опашп, разбилъ у Вочіана турецкую партію и возвратился въ Ахалкалаки. Турецкій корпусъ, блокировавшій Ахалцыхъ, разбитъ и разсѣянъ войсками, находившимися подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Андроникова. Кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Циммермана, двинулся послѣ этаго къ Дигвери, захватилъ два брошенныя непріятелемъ орудія. За эти доблестныя отличія, полковникъ Циммерманъ, по удостоенію кавалерской Думы, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. великомученика Георгія 4-й степени.

Въ 1854 году участвовалъ въ движеніи Ахалцыхскаго отряда въ Поцховской санджакъ къ с. Чаборія.—Переходѣ черезъ хребетъ Уремъ-Дагъ въ Аджарію, перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, занятіи и истребленіи с. верхняго и нижняго Тхикильванъ и Муксу, Рако, Яйлаговъ. Въ Малой Азіи въ 1855 году подполковникъ Циммерманъ былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе главнокомандующаго военно-сухопутными войсками и морскими силами въ Крыму, гдѣ и находился безотлучно по 28 августа, раздѣляя участь славныхъ защитниковъ Севастополя; тутъ онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ дѣлахъ. Такъ онъ былъ при заложеніи ложементовъ 2-мя батальонами суздальскаго пѣхотнаго полка, при отраженіи непріятеля, отъ ложементовъ впереди редута Шварца, при производствѣ работъ на редутѣ Шварца и пяти отдѣленіяхъ оборонительной линіи, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, нѣсколько разъ покушавшагося вести подступы къ редуту Шварца, подъ огнемъ непріятеля и при усиленномъ бомбардированіи 4-го бастіона и отбитіи непріятельской вылазки въ числѣ 12000 человѣкъ между 5 и 6 бастіонами, генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ, при отраженіи непріятеля отъ волынскаго и селенгинскаго редутовъ, камчатскаго люнета и корниловскаго бастіона, при усиленной бомбардировкѣ

корабельной стороны и передовыхъ редутовъ, при отраженіи непріятеля отъ забайкальской баттареи во время усиленной канонады въ ночь съ 5 на 6 іюня всей оборонительной линіи Севастополя, при отбитіи штурма 24 августа, во время усиленной бомбардировки 1-го и 2-го отдѣленій; 26 числа, при сосредоточеніи огня противъ лѣваго фланга и при штурмѣ Севастополя, съ 27-го на 28-го августа, вмѣстѣ съ войсками Севастопольскаго гарнизона онъ перешелъ съ южной на сѣверную сторону.

Во время третьяго бомбардированія Севастополя полковникъ Циммерманъ былъ контуженъ осколками бомбы и камнями въ правую ногу и въ лѣвый пахъ. Провидѣніе видимо хранило его. Такъ именно,—у него пролетѣвшимъ мимо ядромъ оторвало половину плаща, тогда какъ самаго Циммермана ядро это не задѣло. Случай довольно рѣдкій: одною точкою ближе и его бы не было въ живыхъ.

За отличіе по службѣ, 22 августа 1855 года онъ произведенъ въ полковники. Въ 1860 году по Высочайшему повелѣнію Циммерманъ былъ назначенъ командующимъ войсками Заилійскаго края и получилъ приказаніе двинуться противъ Коканцевъ и, занявъ рядъ кокандскихъ крѣпостей, содѣйствовать соединенію пограничной линіи сибирской съ пограничной линіей оренбургской. Въ то время степные проходы были не легки. Войска наши съ ними не были знакомы; на Коканъ, Хиву и Бухару смотрѣли, какъ на силу, и потому возложенное на Циммермана порученіе считалось весьма труднымъ, да и средства, ему предоставленныя были невелики.

Въ этомъ походѣ онъ взялъ крѣпость Токмахъ и Тептехъ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ орденъ Станислава 1 степени. Въ 1862 году онъ назначенъ начальникомъ штаба и при Назимовѣ и при Муравьевѣ. Послѣдній отнесся сперва къ генералу Циммерману съ недовѣріемъ, но, ознакомившись съ его дѣятельностью и характеромъ, видѣлъ въ немъ потомъ ближайшаго и самаго дѣятельнаго себѣ помощника. Отсутствіе суеты и стойкость, терпимость и превосходное понимание военнаго дѣла, связанные съ врожденнымъ хладнокровіемъ, отличали отъ другихъ генерала Циммермана. Графъ Бергъ весьма цѣнилъ его и, по его представленію, онъ получилъ 5-ую пѣхотную дивизію, стоявшую въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ назначенъ начальникомъ 2-ой Гренадерской дивизіи. Въ 1868 году пожалованъ въ генералъ-лейтенанты, а 19 февраля 1877 года былъ назначенъ командиромъ 14-го армейскаго корпуса въ составѣ дунайской дѣйствующей арміи. Кромѣ упомянутыхъ орденовъ генералъ Циммерманъ имѣетъ: Анны 1-ой степени (1864 г.), съ короною (1867 г.), Владимира 2-ой степени (1871 г.), Бѣлаго орла (1873 г.) и св. Александра Невскаго съ мечами за переправу черезъ Дунай (1877 г.) Иностр. Леопольда меньшаго креста (1849 г.), Вендской короны 1-ой степени (1874 г.), Прусскій краснаго орла 1-ой степени (1874 г.).

Бѣда при плохомъ переводчикѣ *).

(Анекдотъ.)

Какъ то совершенно случайно линейный казакъ, находившійся подъ Карсомъ' выронилъ бумажку изъ кармана. Свидѣтели подхватили и нашли, что эта бумажка была исписана турецкими буквами. Объ этомъ донесли ближайшему начальству, которое имѣло право заподозрить по незнаніи турецкаго языка въ перепискѣ и тотчасъ же пригласило переводчика; вотъ переводчикъ явился и переводитъ содержаніе:

— Любезный Измаилъ, спѣшу къ тебѣ на помощь; съ Божіей помощью мы побьемъ Русскихъ подъ Карсомъ. Подписано будто бы «Мухтаръ».

Товарищи, поймавшіе въ такой перепискѣ казака, повѣрили прочитанному переводчикомъ и сильно вознегодовали; но начальникъ полка заступился за него, какъ за солдата, котораго ревностная служба до сего дня была лично извѣстно.

Начальникъ прямо потребовалъ, чтобы ему нашли другаго, болѣе грамотнаго переводчика, который бы могъ разрѣшить недоразумѣніе. Вотъ и привели.

Второй переводчикъ оказался дѣйствительно толковѣе и принялся за переводъ написаннаго основательнѣе. Онъ прочелъ:

«Полковникъ. Симъ удостовѣряю, что предъявитель сей записки выѣхалъ изъ ввѣреннаго мнѣ селенія (такого то числа) и что находящаяся подъ нимъ лошадь дѣйствительно принадлежитъ ему (подписано) Мухтаръ такой то.

Нужно замѣтить, что на Кавказѣ «мухтарами» называютъ сельскихъ старостъ. Вотъ что значитъ плохой переводчикъ! Въ Мацрѣ до сихъ поръ не могутъ безъ смѣха вспомнить этого происшествія, хотя оно могло бы по первому окончиться для казака печально.

Пѣтухъ-кавалеръ.

Во время послѣдняго селямлыка Абдулъ-Гамида, говоритъ Константинопольскій корреспондентъ *Новаго Времени* случилось удивительное происшествіе:

Великій визирь сидѣлъ въ каретѣ рядомъ съ султаномъ (это было въ первый разъ, когда великій визирь удостоивается этой чести). Чтобы придать еще большую торжественность этой поѣздкѣ, кучеръ султана, знаменитый мосье Бенуа, надѣлъ на себя знаки Меджидіе 2-ой степени. Но еще кучеръ туда—сюда; дать награду тому человѣку, искуству котораго ввѣряется жизнь повелителя правовѣрныхъ—похвальна. Но вотъ что, такъ ужъ не похвально и доступно только по смыслу шалости ребенка, это дать орденъ Меджидіе 1 степени пѣтуху. Да-съ, покойный Султанъ Абдулъ-Азисъ собственноручно наградилъ этимъ орденомъ

*) Газета „Temps" 1877 года.

своего любимаго пѣтуха за неоднократныя побѣды, одержанныя имъ въ бояхъ надъ себѣ подобными пернатыми бойцами. Жалко только одного, что пернатый кавалеръ не долго пользовался такимъ важнымъ отличіемъ. Однажды, будучи побѣжденъ, онъ лишился ордена и былъ сосланъ на одинъ изъ острововъ Мраморнаго моря, гдѣ вѣроятно пѣлъ своей подругѣ жизни о суетѣ придворной жизни.

Посланіе Болгарскаго Экзарха *).

Корреспондентъ газ. *Новое Время* изъ Константинополя приводитъ слѣдующій текстъ окружнаго посланія Григорія, архіепископа болгарскаго, къ своей паствѣ:

«Братіе! Милосердный Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, вознесъ славу и мужество Оттоманской державы, поддерживая ее много вѣковъ для счастія, мира и прогресса народовъ, находящихся въ ея благодѣтельномъ лонѣ. Но чтобы испытать глубину и силу нашей вѣры къ Нему, милосердный Богъ посылаетъ часто испытанія своимъ избраннымъ. Оттоманское царство не въ первый разъ подвергается такимъ испытаніямъ. Но оно всегда выходило изъ нихъ съ достоинствомъ, полное новыхъ силъ для своего процвѣтанія, славы и величія.

«Въ ту минуту, когда его имп. вел. султанъ Абдулъ-Хамидъ-Ханъ, нашъ милостивый повелитель и отецъ (пусть Господь пошлетъ ему долгую жизнь и сдѣлаетъ могущественнымъ его царство) дѣлаетъ всѣ свои усилія, чтобы утвердить начала равенства, братской любви, покоя, счастія расы и религіи, царству угрожаетъ врагъ, который, прикрываясь мотивами, повидимому, великодушными, хочетъ положить препятствія его благороднымъ и высокимъ усиліямъ, хочетъ уничтожить ихъ и довести до конца свои разрушительныя стремленія противъ царства и его народовъ.

«Но теперь, какъ и всегда, Богъ не допуститъ, чтобы правда была попрана ногами, и чтобы беззаконныя попытки торжествовали. Правительство его имп. вел. султана выйдетъ легко изъ этого испытанія съ еще большей силой, во славу царства оттоманскаго и на счастіе и радость его народовъ. Чтобы придти къ этому результату, мы должны всѣ сплотиться около престола его имп. вел., одушевленные чувствами вѣрности и преданности и готовые не щадить никакихъ жертвъ. Народъ болгарскій въ особенности имѣетъ эту святую обязанность: въ своей безпристрастности и милосердіи императоры оттоманскіе удовлетворяли всегда его законнымъ требованіямъ.

«Поэтому мы приглашаемъ васъ, любезные дѣти во Іисусѣ Христѣ, доказать любовь, вѣрность и преданность, которыми вы одушевлены къ вашему повелителю. И прежде всего, какъ христіане и какъ вѣрныя дѣти православной церкви, возносите ваши горячія молитвы къ милосердому Богу, чтобы онъ послалъ здоровье и долгую жизнь его имп. вел. Мы приглашаемъ васъ молиться въ домахъ и церквахъ, чтобъ Богъ далъ силу и побѣду геройскимъ и славнымъ арміямъ

*) 9 іюня № 153 Русс. Вѣд.

оттоманскимъ, чтобы сдѣлавши напрасными усилія и попытки непріятеля, оттоманскія войска возстановили на прочныхъ основаніяхъ миръ и спокойствіе страны, такъ какъ враги царства и его народовъ не упускаютъ средства произвести волненіе въ средѣ Болгаръ, чтобы возбудить холодность и вражду между нами и нашими соотечественниками мусульманами, чтобы ослабить такимъ образомъ императорское къ намъ благоволеніе. Мы приглашаемъ васъ усиленно отвергать наущенія злыхъ и не слушать ихъ льстивыхъ и вредоносныхъ извѣтовъ. Отвергайте точно также всѣ слухи, распространенные съ цѣлью возбудить въ васъ боязнь передъ грядущими событіями и неувѣренность въ полнѣйшей безопасности, которой вы пользуетесь, имѣйте полное довѣріе къ правительству, которое не медлило никогда, несмотря на тяжесть обстоятельствъ, принимать самыя строгія мѣры для сохраненія нашей жизни, имущества и чести.

«Любите одинъ другаго, живите въ мирѣ и согласіи съ вашими сосѣдями-мусульманами, которые суть наши братья и дѣти одного отечества. Вѣрные подданные султана, одушевленные любовью къ славѣ и спокойствію общаго отечества, не жалѣйте никакой жертвы, чтобы сохранить этотъ покой и славу. Исполняя всѣ эти наставленія, мы будемъ достойны отечества и царства, мы дадимъ императорскому правительству возможностъ съ честью и славой пережить тяжелыя обстоятельства и утвердить навсегда и на всемъ пространствѣ царства миръ и спокойствіе, столь необходимые для прогресса и счастія народовъ.

«Пусть Богъ услышитъ наши молитвы и сохранитъ султана и его царство».

Дѣло при Илори.

(въ Азіи, 13 іюня.)

Главнокомандующій вотъ какъ сообщилъ объ этомъ дѣлѣ *).

Три турецкія судна приблизились къ Илори и открыли огонь. Одновременно толпы возвратившихся въ Абхазію кавказскихъ горцевъ сдѣлали попытку нападенія на наши войска. Послѣ четырехъ часовъ бомбардированія и перестрѣлки непріятельскія толпы были отброшены на всѣхъ пунктахъ съ огромнымъ урономъ. Наши потери 7 убитыхъ, 24 раненыхъ нижнихъ чиновъ; въ числѣ послѣднихъ былъ раненъ прапорщикъ Ахалцыхскаго полка Добровольскій. Дѣло это произвело отличное впечатлѣніе на населеніе края.

Отправка плѣнныхъ Турокъ въ Тверь.

На станціи Николаевской желѣзной дороги намъ удалось присутствовать при отправкѣ въ Тверь, на житье, плѣнныхъ Турокъ, взятыхъ нашими войсками въ дѣлѣ подъ Ардаганомъ. Всѣхъ ихъ было 20 человѣкъ: 11 офицеровъ,—всѣ оберъ-

*) 5 іюня. С.-Пбургъ. 1877 года.

офицеры,—и 9 челов. рядовыхъ. Это вторая уже партія пересылаемыхъ изъ Ардагана черезъ Москву турецкихъ плѣнныхъ; наканунѣ, въ пятницу, отправлено по Нижегородской дорогѣ во Владиміръ: 12 офицеровъ (4 штабъ и 8 оберъ-офицеровъ) и 86 челов. рядовыхъ. Отправку этой партіи мы не видали; говорятъ, что въ числѣ штабъ-офицеровъ былъ одинъ инженеръ, второй разъ находящійся въ плѣну въ Россіи. Въ первый разъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1854 году, подъ Севастополемъ. Инженеръ этотъ довольно порядочно, хотя и неохотно, говоритъ по-русски и къ участи своей, а также и самой Турціи, относится вполнѣ апатично. Большая часть плѣнныхъ обѣихъ партій принадлежитъ къ низаму (регулярная пѣхота), но есть и сиворо (драгуны), и артиллеристы. Такъ, въ партіи, которую мы провожали, были два юсъ-баши (поручики), одинъ артиллеристъ, довольно почтенныхъ таки лѣтъ, другой человѣкъ молодой еще. Юсъ-баши — артиллеристъ, сухощавый, небольшаго роста, съ просѣдью, кавалеръ двухъ медалей — одна за Севастопольскую компанію, другая — за усмиреніе критскаго возстанія. Медали эти висятъ на узкихъ малиновыхъ лентахъ, перехваченныхъ двумя золотыми пряжками. На Севастопольской медали съ лицевой стороны изображена многоугольная звѣзда и съ боку полумѣсяцъ: сзади на медали—турецкая, довольно большая надпись; на медали за усмиреніе критскаго возстанія, на лицевой сторонѣ изображены горы, увѣнчанныя крѣпостью, а сзади — опять мелкая и длинная турецкая надпись. Другіе офицеры орденовъ не имѣютъ. Количество нашивокъ на рукавахъ, а также и поперечные узкіе погоны служатъ для отличія чиновъ. У прапорщика, напримѣръ, на рукавѣ одна цвѣтная малиновая нашивка; у подпоручика двѣ—цвѣтная и серебряная; у поручика трехцвѣтная форма, у офицеровъ—французскаго военнаго покроя синій сюртукъ, съ малиновыми кантами и выпушками и металлическими пуговицами; поверхъ сюртука синіе же плащи съ башлыками: панталоны подъ цвѣтъ сюртука. Вмѣсто сапогъ—штиблеты съ калошами. У солдатъ короткія, синяго сукна куртки, высокіе сапоги и сверху нѣчто въ родѣ бурки. Всѣ, офицеры и солдаты, въ одинаковыхъ, красныхъ съ черными кистями, фескахъ. Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, еще совсѣмъ юноша, окончилъ курсъ въ Константинопольской академіи. Всѣ плѣнные, безъ исключенія, кромѣ какъ на своемъ родномъ языкѣ, ни на какомъ другомъ не говорятъ. Подробности, передаваемыя нами, мы добыли такимъ образомъ: что юсъ-баши съ медалями—артиллеристъ, мы узнали потому, что онъ, желая пояснить свою спеціальность, нарисовалъ въ нашей записной книжкѣ, пушку, и при этомъ, указывая на себя, «произнесъ нѣсколько разъ: «бумъ! бумъ!» Указывая на другаго офицера, онъ нарисовалъ намъ всадника и произнесъ «сивори,» а что такое «сивори,» мы знаемъ это изъ газетъ. Про молодаго академика узнали мы изъ словъ этого же юсъ-баши, который, указавъ на него, произнесъ — «академи, Константинополь.» Вотъ и всѣ свѣдѣнія которыя *возможно было собрать.* По-русски плѣнные знаютъ только: казакъ, солдатъ, прапорщикъ и поручикъ, умѣютъ считать до десяти. Произношеніе довольно правильное, на букву *о*. Офицеры помѣщены были въ 2-мъ классѣ, солдаты въ 3-мъ; сопровождаютъ ихъ нѣсколько конвойныхъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. Продо-

вольствіе производится въ размѣрѣ—50 коп. въ день офицеру, и 16 к. солдату. Передъ посадкою плѣнныхъ въ вагоны, содержатель буфета, извѣстный Никита Петровичъ, угостилъ бѣдняковъ хорошимъ обѣдомъ, съ чаемъ, кофеемъ и водкою. Водку пили только офицеры, и то не всѣ, а четверо только, и очень умѣренно. Кофе всѣ выпили съ удовольствіемъ. Нужно было видѣть, какъ искренно, со слезами на глазахъ, благодарили буфетчика проголодавшіеся таки плѣнные, пожимая ему руки и кланяясь.

— Съ какой стати угощали вы ихъ? спрашивали какіе-то франты у Никиты Петровича.

— Отчего же не угостить-съ: вѣдь «несчастные они.» Можетъ, и нашихъ кто на ихъ сторонѣ пожалѣетъ.—Какъ въ этомъ не хитромъ отвѣтѣ сказался простой, добрый русскій человѣкъ.

Тѣснившаяся у вагоновъ публика, за очень немногими исключеніями, держала себя вполнѣ прилично: ни глумленія, никакихъ выразительныхъ жестовъ. Какой-то съ испитой физіономіей франтъ позволилъ было себѣ сорвать, просунувшись въ окно, феску съ одного изъ офицеровъ. Турокъ весь вспыхнулъ, и покачалъ головою, укоризненно взглянувъ на оскорбителя. Этого было вполнѣ довольно, чтобы нахала, предварительно сбросивъ съ него шапку, вытолкали въ шею отъ вагона.

Пожилой юсъ-баши съ медалями, о которомъ мы говорили уже, поманилъ къ себѣ женщину съ ребенкомъ, и хотѣлъ поцѣловать послѣдняго. Женщина, простая баба, говоря «поганый, не дамъ» отошла отъ окна. Вмѣсто нея сейчасъ же подошла другая женщина, тоже съ ребенкомъ, и наклонила его къ окну. Турокъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ поцѣловалъ его, знакомъ объясняя, что и у него есть такой же маленькій. Сцена эта растрогала публику.

— Человѣкъ вѣдь тоже! Глядп, семья осталась на родинѣ. Ждутъ чай къ себѣ, а поди ты—вона гдѣ очутился, и т. д.

Всѣхъ входящихъ въ вагонъ плѣнные офицеры привѣтствовали поклонами и рукопожатіями: когда входили дамы, они вставали и, знаками конечно, предлагали сѣсть. Видъ у всѣхъ очень усталый, что и немудрено, если вспомнить разстояніе отъ Ардагана до Москвы, прослѣдованное плѣнными почти безъ остановокъ. Видъ у большинства плѣнныхъ очень приличный, выраженіе лица довольно таки угрюмое, а у одного, мы говоримъ про офицеровъ, даже совсѣмъ свирѣпое. Онъ ни съ кѣмъ не кланялся и не разговаривалъ, и все время сидѣлъ отвернувшись. Нѣкоторые, два-три человѣка изъ офицеровъ, одѣты были въ неуклюжія куртки сѣраго солдатскаго сукна. Солдаты—здоровый, коренастый народъ, съ энергическими, красивыми лицами; они смотрѣли много веселѣе офицеровъ, смѣялись, пѣли пѣсни. Напѣвъ пѣсенъ монотонный, заунывный, очень схожій съ напѣвомъ татарскихъ пѣсенъ. Несмотря на задорный звонъ маленькихъ мѣдныхъ тарелочекъ, надѣваемыхъ на руку какъ кастаньеты, на хлопанье въ ладоши, и невѣроятно громкое щелканье пальцами, пѣніе ихъ, очень согласное, производитъ грустное, тяжелое впечатлѣніе. *А. Д.*

Военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи.

(Съ 26 мая по 15 іюня.)

Рекогносцировка Карса. Осмотръ В. Кн. Главнокомандующимъ непріятельскихъ расположеній. Принятіе покорности курдовъ. Занятіе Алашкерта. Разбитіе арміи Мухтара-паши въ ущельѣ Аращдага. Дѣло подъ Карсомъ 3, 4, 5 и 6 іюня. Сраженіе при Даярѣ 9 іюня. Сооруженіе баттарей подъ Карсомъ. Битва при Зивинѣ, при Цихидзири и Илори. Возстаніе Дидоевцевъ и усмиреніе ихъ.

Съ 26 мая, войска наши подъ Карсомъ, произвели нѣсколько рекогносцировокъ подъ огнемъ крѣпостныхъ верковъ. 28 мая произведенъ осмотръ непріятельскаго расположенія лично Его Высочествомъ Главнокомандующимъ. Въ эти дни потеря наша состояла изъ 15 раненыхъ. Было слышно, что Мухтаръ-паша подкрѣпилъ свои силы 20 батальонами изъ Трапезунда. Генералъ Тергукасовъ принялъ покорность Хамурскихъ Курдовъ и жителей Алашкерта, 28 онъ *занялъ Алашкертъ* авангардомъ и *вступилъ въ Зейдеканъ* *)

Въ это же время изъ Тифлиса телеграфировали, что Абхазцы начали оказывать сопротивленіе Туркамъ и бѣжали отъ нихъ. Черкесы же, пріѣхавшіе изъ Турціи и высадившіеся въ Сухумѣ, изъявляли желаніе вести переговоры съ Русскими, съ тѣмъ чтобы поселиться на родинѣ и готовы положить оружіе.

4 іюня генералъ Тергукасовъ разбилъ 16 батальоновъ Турокъ, укрѣпившихся въ ущельи Аращдага, на пути къ Дели-Бабѣ подъ командою Мухтара-паши. 5-го числа начато бомбардированіе карскихъ фортовъ Карадага, Араба и Мухлиса, о которыхъ въ подробности еще успѣемъ поговорить. Бомбардировка продолжалась съ осьми баттарей, вооруженныхъ 25 орудіями и мортирами, два дня. Въ это время потеря наша ограничивалась двумя убитыми и 13 ранеными нижними чинами. Тяжело былъ раненъ прапорщикъ осадной артиллеріи Цейдлеръ.

По свѣдѣніямъ изъ Карса уронъ Турокъ въ дѣлѣ 3 іюня простирается до 200 убитыхъ и 250 раненыхъ. Дѣло это произвело на Карскій гарнизонъ сильное впечатлѣніе; генералъ Тергукасовъ выступилъ изъ Зейдекана къ Кеири-Кеву.

Отрядъ генерала Алхазова, производя рекогносцировку Очемчиръ и Моквы, не встрѣтилъ непріятеля. Въ средѣ возмутившихся Абхазцевъ опять возникли раздоры. При рекогносцировкѣ отъ 5 іюня отъ *Баязида* по *ванской дорогѣ*, непріятельскія войска послѣ перестрѣлки съ двумя нашими ротами, были отброшены. Наша потеря состояла изъ 2 убитыхъ и 5 раненыхъ. Бомбардированіе Карса упорно продолжалось. Непріятель отвѣчалъ слабо; у насъ потерь нѣтъ.

6 іюня удачнымъ выстрѣломъ подъ Карсомъ взорванъ турецкій зарядный ящикъ. Начальникъ Курдовъ, Гасанъ-бей, вмѣстѣ съ десяти-тысячнымъ отрядомъ отказалъ турецкому главнокомандующему въ повиновеніи и объявилъ себя независимымъ.

---

*) О сраженіи у Зейдекана было сказано болѣе подробно на стран. 155.

Генералъ Тергукасовъ донесъ что 9 іюня при сел. *Даяра* Турки, въ числѣ 20 батальоновъ при 12 орудіяхъ и 4500 человѣкъ конницы, аттаковали нашъ отрядъ съ цѣлью задержать наше движеніе. Бой длился 10 часовъ. Непріятель былъ отбитъ, но и наши потери были значительны. Нижнихъ чиновъ убито 51, ранено 363, изъ офицеровъ убиты: Переясл. драгунс. пол. капитанъ Васеньковъ, Ставроп. пѣх. полка подпоручикъ Поляковъ, Уманс. каз. полка хорунжій князь Бебутовъ. Ранены: командиръ Крымскаго полка полковникъ Слюсаренко, того же полка штабсъ-кап. Оргенсъ и прапорщикъ Колпаковъ; ставропольскаго полка маіоръ Карпинскій, поручикъ Шленовъ и подпоручики: Осиповъ, Старьевичъ, Бурчевскій; прапорщики Шендлеръ и Мерклевъ, 3-го стрѣлковаго батальона штабсъ-капитанъ Пановъ и хоперскаго полка хорунжій Ажининъ. Въ растянутой позиціи, длиной 5 верстъ, имѣя превосходнаго въ силахъ непріятеля, при чемъ высоты лѣваго фланга переходили изъ рукъ въ руки, но остались за нами. Войска наши оказались въ самомъ блистательномъ видѣ: спѣшенные Сунженцы, и Хоперцы нѣсколько часовъ выдерживали бой противъ четырехъ непріятельскихъ баталіоновъ и отбросили ихъ. Двѣ роты 3-го стрѣлковаго баталіона двумя залпами уничтожили цѣлый эскадронъ турецкой кавалеріи. Артиллерія отличалась искусствомъ стрѣльбы и самоотверженіемъ, сраженіе было вообще замѣчательное, особенно по соразмѣрности силъ. 10 іюня была небольшая перестрѣлка; непріятель допущенъ убирать съ нашихъ позицій убитыхъ товарищей.

Подъ Карсомъ, въ ночь съ 11 по 12 іюня и 12 числа возведено 9 новыхъ баттарей съ 36 орудіями; потеря наша 12 числа состояла изъ 2 убитыхъ и 4 раненыхъ и продолжалась до 15 числа. Въ теченіи 13 и 14 числа съ нашей стороны былъ убитъ 1 и 9 человѣкъ ранены и контужены, между прочимъ раненъ артиллерійскій поручикъ Миролюбовъ.

«Въ то время, какъ на фронтѣ дѣйствій Эриванскаго отряда турецкія силы пытались перейти въ наступленіе, въ тылу отряда появились, со стороны Вана, толпы Курдовъ, подкрѣпленныя, сколько извѣстно, и регулярными турецкими войсками, которыя обложили городъ Баязетъ, занятый небольшимъ нашимъ гарнизономъ. Послѣдній отбилъ уже нѣсколько аттакъ непріятельскихъ скопищъ, въ ожиданіи подкрѣпленія. 13-го іюня передовой отрядъ, двинутый изъ нашихъ предѣловъ къ Баязету, имѣлъ близь этого пункта небольшую стычку съ войсками противника.

«Въ виду значительныхъ подкрѣпленій, полученныхъ арміею Мухтаръ-паши, и затруднительнаго положенія, въ которое могъ быть поставленъ Эриванскій отрядъ, въ случаѣ нападенія не него большихъ турецкихъ массъ, направлена была изъ подъ *Карса,* черезъ *Саганлугъ,* колонна войскъ генерала Геймана, при которой находился и командующій Кавказскимъ дѣйствующимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. 12-го іюня эта колонна подошла къ *Меджингерту*, и узнавъ, что вправо отъ ея пути слѣдованія расположены значительныя турецкія силы, аттаковала ихъ. 13-го числа, въ сильно укрѣпленной пози-

ціи, на *Зивинскихъ* скалистыхъ высотахъ; непріятельскій корпусъ, ее занимавшій, состоялъ изъ 23-хъ батальоновъ, подъ начальствомъ Измаила-паши.

«Бой былъ упорный и продолжался до вечера, окончившись сбитіемъ Турокъ съ ихъ передовыхъ позицій. Но понесенныя отрядомъ генерала Геймана потери, простирающіяся до 30 офицеровъ и 850 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, побудили генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, отойти на прежнюю позицію.

«Въ Лазистанѣ, въ теченіе минувшей недѣли, были также два серьезныя дѣла съ непріятелемъ. 11-го іюня войска Кабулетскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, аттаковали лѣвый флангъ турецкаго расположенія у *Цихи-дзири.* Турки сражались съ большимъ упорствомъ, пользуясь удобною для обороны, крайне пересѣченной мѣстностью, усиленною искусственными препятствіями и содѣйствіемъ броненосца. Послѣ боя, продолжавшагося цѣлый день, войска наши овладѣли частью непріятельской позиціи, лишившись при этомъ 11 офицеровъ и до 400 нижнихъ чиновъ ранеными и убитыми.

«На другой день, 12-го числа Турки, усиленные свѣжими войсками, прибывшими изъ Константинополя, аттаковали, въ свою очередь, подъ предводительствомъ новаго своего начальника, Дервишъ-паши, нашу позицію на *Самебскихъ высотахъ,* *) но, послѣ девяти-часоваго ожесточеннаго боя, были отражены съ большимъ урономъ, оставивъ своихъ убитыхъ въ нашихъ рукахъ. Потеря наша въ этотъ день ограничилась 150 чел., выбывшими изъ строя.

«Въ Сухумскомъ отдѣлѣ, Турки продолжали высаживать новыя силы съ артиллеріею, для поддержанія абхазскаго возстанія. 13-го іюня высадившіяся вновь непріятельскія войска аттаковали отрядъ генералъ-маіора Алхазова, у приморскаго поста *Илори,* но были отброшены артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; отрядъ же нашъ лишился всего одного нижняго чина раненымъ.

«Вспыхнувшіе безпорядки въ Дидоевскомъ обществѣ, лежащемъ въ западной части Средняго Дагестана, по сѣверному склону главнаго Кавказскаго хребта, вынудили также посылку туда небольшаго отряда, на который, 12-го іюня, и произведено дидоевцами нападеніе. Мятежникамъ нанесено при этомъ сильное пораженіе; съ нашей же стороны убито и ранено два офицера и 30 нижнихъ чиновъ».

Отрядъ генералъ-маіора Колобалай-Хана 13-го іюня отбилъ съ урономъ атаковавшее его у Карубулаха подъ Баязидомъ непріятельское скопище; потеря въ 8 убитыхъ и 15 раненыхъ. Затѣмъ онъ отошелъ къ Орсову, въ ожиданіи подкрѣпленій, слѣдовавшихъ отъ Эривани, Акстафы и Александрополя.

---

*) Битва эта была описана ранѣе на стр. 150.

Саганлугская экспедиція *)

8-го іюня генералъ-адъютантъ Лорисъ Меликовъ предпринялъ движеніе отъ Карса по направленіи къ Саганлугу для отраженія идущаго на помощь къ Карсу Измаилу-паши.

«Ночь съ 9-го на 10-е іюня мы провели на бивуакѣ за Бегли-Ахметомъ, расположившись по обоимъ берегамъ Карсчая. Утромъ отрядъ возобновилъ движеніе, но двигался медленно, благодаря обозу, который направленъ былъ сначала по болотистой дорогѣ, такъ что каждую повозку приходилось вытаскивать на людяхъ. Потребовалось личное вмѣшательство командующаго корпусомъ, чтобъ исправить оплошность чиновъ генеральнаго штаба: кое-гдѣ былъ положенъ фашинникъ, а въ одномъ мѣстѣ саперы живо устроили настилку въ видѣ моста. Поджидая обозъ, корпусный штабъ сдѣлалъ привалъ. Подъ палящими лучами солнца мы пролежали на землѣ часа четыре. Вниманіе наше занялъ молодой, красивый Турокъ, явившійся за охраннымъ листомъ къ корпусному командиру и изъявившій желаніе не покидать нашихъ войскъ. Турокъ этотъ—сынъ богатаго помѣщика, имѣніе котораго расположено было не вдалекѣ отъ мѣста движенія отряда. Дѣйствительная ли симпатія къ Русскимъ руководила молодымъ Туркомъ, или просто желаніе предохранить свое имѣніе отъ раззоренія, которое въ турецкихъ понятіяхъ тѣсно связано съ движеніемъ войскъ по непріятельской сторонѣ, но дѣло въ томъ, что съ того дня этотъ красивый молодой человѣкъ не покидалъ отряда и почти всегда слѣдовалъ вмѣстѣ съ штабомъ. На вопросы, которыми мы его засыпали, онъ отвѣчалъ, между прочимъ, что его хотятъ женить въ Эрзерумѣ, но въ Эрзерумѣ женщины не красивы.

— А въ Карсѣ?

— О! въ Карсѣ чудо какія!

— Такъ подождите, заявилъ кто-то, мы возьмемъ Карсъ и женимъ васъ.

«Турчонокъ закачалъ, въ знакъ согласія, головою и улыбнулся, продолжая уписывать холодную баранину, которою мы угощались и которая, кстати сказать, страшно надоѣла.

«На этомъ же привалѣ мы увидѣли князя Чавчавадзе, начальника кавалеріи отряда, и генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, котораго всѣ здѣсь называютъ «маленькимъ Лорисомъ», въ отличіе отъ корпуснаго командира. «Маленькій Лорисъ» также командуетъ какою-то частью въ кавалеріи. Въ этотъ день кавалерія сдѣлала ложное движеніе вправо, чтобъ скрыть истинное направленіе отряда.

Изъ Бегли-Ахмета можно было идти по главной эрзерумской дорогѣ, но командующій корпусомъ предпочелъ направиться южнѣе, на Саракамышъ. Этимъ путемъ мы болѣе сближались съ Эриванскимъ отрядомъ генерала Тергукасова. Наши разъѣзды нигдѣ не встрѣтили Турокъ. Саганлугскіе проходы были, повидимому, свободны и ничто не препятствовало нашему движенію. Эти вѣсти при-

*) См. стр. 229.

водили нѣкоторыхъ въ отчаяніе. «Очевидно, говорили, Мухтарка ушелъ намъ, не поймать его.»

«Подходя къ Саракамышу, мы имѣли удовольствіе увидѣть горныя вершины, щедро покрытыя сосновымъ лѣсомъ. Мѣстность приняла очень живописный видъ. Съ степнаго пригорка, на которомъ мы находились, разстилалась обширная равнина, изобилующая ручьями и густою темнозеленою травою. Налѣво виднѣлся голый, скалистый пикъ, возвышавшійся, въ видѣ пирамиды, между зеленѣющихъ горъ. Всѣ разсѣлины этого пика были покрыты снѣгомъ, ярко освѣщеннымъ склонявшимся къ западу солнцемъ. Прямо передъ нами протянулись предгорья Саганлугскаго хребта, обѣщавшія намъ прекрасный бивуакъ среди сосноваго лѣса.

«Ужъ почти стемнѣло, когда, отставши нѣсколько отъ отряда, г. де-Кутули, корреспондентъ *Le Temps*, и я въѣзжали въ мѣсто расположенія отряда. Войска стали бивуакомъ въ лѣсу, и огромные костры быстро запылали, застилая дымомъ всю окрестность. Солдатики рады были добраться до лѣса. Кругомъ слышался стукъ топора, и смолистая сосна весело трещала на огнѣ. Вотъ одинъ изъ эриванцевъ чуть не цѣлую сосну тащитъ на плечѣ. Тяжело, но на лицѣ написана радость: точно человѣкъ добился давно желаннаго и теперь ему ужъ ничего не нужно.

— Эй, землякъ, надорвешься!

— Ничего, ваше благородіе, штука рѣдкая! и продолжая волочить по землѣ шурчащій иглами обрубокъ сосны, солдатъ радостно улыбается, почти бѣгомъ приближаясь къ своей ротѣ. А оттуда ему вторитъ веселое гоготаніе и слышится упрекъ ротнаго резонера:

— Что маленькую-то выбралъ, не по росту!

Несшій сосну солдатъ былъ небольшаго роста.

— Ишь, вѣдь, турецкаго лѣсу жаль! подсаливаетъ кто-то.

И снова взрывъ общаго хохота.

Изъ темноты и сѣраго дыма выростаетъ, вдругъ передъ костромъ, солдатикъ другаго полка.

— Дайте, братцы, огоньку грузинцамъ.

— Нешто своего нѣтъ?

Не отвѣчая, солдатикъ выхватилъ головешку и пропалъ такъ же быстро, какъ явился.

— Вишь прыткій какой!...

— Держи!...

И опять гоготаніе и веселость не сходитъ съ запыленныхъ и усталыхъ лицъ

«Дѣйствительно, давно мы не видѣли дерева и забыли, что такое хорошій костеръ въ прохладную ночь. Подъ Карсомъ, на склонѣ одного изъ холмовъ, окружающихъ его укрѣпленія, съ юго-западной стороны, какимъ-то чудомъ уцѣлѣло одно дерево. Нѣсколько разъ проходили мы мимо и всякій разъ я удивлялся, что оно не пало жертвою топора, а остается нетронутымъ среди голой степи, гдѣ каждая щепка составляетъ своего рода драгоцѣнность. Здѣсь же на

Саганлугѣ, среди лѣса, расходилась широкая русская натура: топоръ шибко застучалъ, и высокое пламя безчисленныхъ костровъ засвѣтилось на всемъ пространствѣ расположенія отряда. Солдаты раздѣвались и грѣлись возлѣ огня, какъ въ банѣ. Вотъ, сквозь ярко освѣщенную зелень мелкой сосны, видно, какъ одинъ снялъ рубаху и вытряхиваетъ ее надъ пламенемъ; другой выгнулся въ дугу и вертясь, какъ вьюнъ, чуть не подсмаливаетъ себѣ голую спину. Загорѣлыя, разогрѣтыя огнемъ лица кажутся мѣдно-красными. Забывшись, можно подумать, что вы очутились среди дикихъ, справляющихъ какое-нибудь священное дѣйствіе вокругъ огня.

«И въ штабѣ было весело, среди пылающихъ въ сосновомъ лѣсу костровъ, и мы долго не хотѣли отходить отъ огня, съ наслажденіемъ вдыхая здоровый, смолистый воздухъ. Слабогрудые жаловались, впрочемъ, что имъ нечѣмъ дышать. Дѣйствительно, мы находились ужь на высотѣ семи тысячъ футовъ.

«На другой день, 11-го іюня, мы сдѣлали переходъ отъ Саракамыша къ Мелидюзу, поднявшись на перевалѣ на высоту въ 8,000 футовъ и спустившись опять на тысячу футовъ ниже. Движеніе было медленное. Приходилось или подыматься на высокія горы или спускаться съ крутыхъ скатовъ по невыразимо дурной дорогѣ, на каждомъ шагу перерѣзанной громадными выбоинами и усѣянной камнями. Саперы цѣлый день работали, срѣзывая косогоры, засыпая ямы и устраивая гати на топкихъ мѣстахъ, которыми изобилуетъ каждое дно оврага, благодаря многочисленнымъ источникамъ, просачивающимся съ горныхъ вершинъ, покрытыхъ еще во многихъ мѣстахъ снѣгомъ. Однако, несмотря на всѣ старанія саперовъ, орудія, при каждомъ спускѣ, приходилось тормозить на оба колеса и вдобавокъ, придерживать на ремняхъ, прицѣпленныхъ сзади; наоборотъ, на подъемахъ припрягались лошади и часто надобилась еще помощь людей, если крутизна была слишкомъ велика. Тоже самое происходило и съ обозомъ.

«Состояніе дорогъ можетъ служить прекраснымъ мѣриломъ образованности страны. Турецкія дороги наглядно доказываютъ, что такое Турція. Если здѣсь и встрѣчаются прочные мосты, въ видѣ каменныхъ арокъ перекинутые черезъ рѣки, то это лишь памятники древней цивилизаціи края, въ эпоху процвѣтанія Персовъ или господства Римлянъ. Такими же памятниками служатъ развалины замковъ, часто попадающіяся въ этой части Арменіи. Они являются свидѣтелями царившей здѣсь, когда-то, феодальной системы. Турецкое владычество все это разрушило и нивелировало, ничего не давъ взамѣнъ, кромѣ произвола, безправія и полуживотнаго прозябанія, безъ всякихъ надеждъ на лучшее будущее. Во многихъ мѣстахъ мы видѣли слѣды бывшихъ поселеній и печальные остатки разрушенныхъ армянскихъ церквей.

«Одна изъ подобныхъ развалинъ сильно дымилась, когда мы, въ разстояніи версты, проѣзжали мимо. Г. Николадзе, г. де-Кутули и я поскакали узнать, что бы это значило, и вмѣстѣ осмотрѣть развалины. Опередивъ своихъ спутниковъ, я объѣхалъ четырехъугольное, безъ крыши, зданіе и наткнулся на какого-то Турка въ синемъ военнаго покроя пальто. Я ужь собирался вынуть револьверъ, когда изъ глубины подвальнаго этажа вышелъ нашъ драгунъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Котелокъ разогрѣваемъ.

— А это что за Турокъ?

— Кто его знаетъ! Говоритъ, домой пробирается....

— Что жь вы его не представите?

«Драгунъ какъ-то отчаянно махнулъ рукою и скрылся въ подземельи. Пока мы разговаривали, Турокъ исчезъ въ лѣсу. На минуту у меня мелькнула мысль догнать и остановить его, но я вспомнилъ, что въ качествѣ частнаго лица и зрителя, мнѣ не слѣдутъ впутываться въ военныя дѣла, особенно въ присутствіи разъѣзда, который, вѣроятно, имѣетъ свои инструкціи. Въ это время подъѣхали мои спутники, и мы вмѣстѣ, черезъ дыру въ стѣнѣ, вошли въ нижній этажъ бывшей церкви. Надъ нами были полуразрушенные своды, нѣкогда поддерживавшіе верхній этажъ, въ которомъ помѣщалась, вѣроятно, церковь и который въ настоящее время представляетъ разваливающіяся обломки стѣнъ. Повсюду виднѣлись слѣды пребыванія лошадей; у одной изъ стѣнъ оказался родъ камина, гдѣ два драгуна что-то такое варили или жарили. Можно было заключить, что бывшій храмъ служитъ въ обыкновенное время притономъ для пастуховъ и для шаекъ разбойниковъ, которые безнаказанно, какъ извѣстно, рыскаютъ по Малой Азіи. Тщетно поискавъ какой нибудь надписи и, не найдя ничего достойнаго вниманія, мы покинули развалины и медленно присоединились къ отряду. Кстати сказать, еще раньше, намъ указали на дорогѣ продолговатый, отесанный камень, подъ которымъ, по словамъ окольныхъ армянъ, похоронено тѣло одного нашего офицера, убитаго во время войны съ Турціей, въ 1828 году, когда Паскевичъ, идя на Эрзерумъ, разгромилъ Турокъ близь того мѣста, гдѣ мы теперь проходили. Фамиліи этого офицера никто не могъ назвать.»

Побочная подготовка въ Малой Азіи.

Мы хотимъ говорить не о той подготовкѣ, которая состоитъ въ вооруженіи войскъ, въ заготовкѣ провіанта и другихъ интендантскихъ средствъ, нѣтъ! Мы хотимъ сказать о той подготовкѣ, которая должна была дѣйствовать, какъ сила, на массу турецкихъ азіатовъ, не физически, а нравственно. Прошло немного времени *) со времени объявленія войны, а между тѣмъ дѣйствующій корпусъ на турецко-кавказской границѣ успѣлъ уже многое сдѣлать, сдѣлалъ даже больше того что въ прежнія войны достигалось послѣ двухъ—трехъ удачныхъ компаній. Завоевана вся Карская область, за исключеніемъ Карса, и наши войска, наши курьеры, нарочные, разсыльные и т. п., двигаются по ней съ гораздо большею безопасностью, чѣмъ по Тифлисской губерніи. Наши разъѣзды свободно доходятъ до Вана, Ольты, Саганлуга, а главныя силы безпрепятственно располагаются между Карсомъ и Саганлугскими укрѣпленіями. Чѣмъ объяснить себѣ по-

*) Заимств. изъ Тифлисскаго Вѣст. 1877 г. отъ 20 мая. Лагерь Ардосто. Статья подъ назв. *„подготовка почвы"*.

добный успѣхъ, неожиданный для всѣхъ тѣхъ, кто мало-мальски знакомъ съ военною исторіею покоренной области?

Нельзя сказать, чтобы непріятель чувствовалъ недостатокъ въ войскахъ, или чтобы эти войска были плохо вооружены. Орудія и снаряды, взятые у него съ боя, безусловно превосходны, а обиліе и отличное качество доставшихся намъ снарядовъ доказало, что въ чемъ другомъ, а въ отношеніи вооруженія война не застала врасплохъ Турцію. Число палатокъ въ непріятельскихъ лагеряхъ и достовѣрныя свѣдѣнія иностранныхъ газетъ, совпадавшихъ съ увѣреніями нашихъ лазутчиковъ, наглядно свидѣтельствовали, что численность турецкихъ войскъ, противупоставленныхъ нашему корпусу, достигала весьма и весьма почтенной цифры. Спрашивается теперь, почему, несмотря на всѣ эти удовлетворительныя условія обороны, Карская область такъ скоро и такъ легко занята нашими войсками?

Во время войны занять тотъ или другой пунктъ непріятельской территоріи, овладѣть тою или другою позиціею, одержать побѣду, разбить непріятельскія войска—составляетъ лишь одну часть задачи, и притомъ далеко не важнѣйшую. Несравненно болѣе средствъ, усилій, заботъ и расходовъ требуетъ обезпеченіе войскъ, совершающихъ всѣ эти собственно военныя операціи. Ихъ нужно довольствовать провіантомъ, снабжать снарядами, нужно установить постоянное сообщеніе между ними и центральною властью, нужно обезопасить это сообщеніе отъ непріятельскихъ нападеній и т. п. Все это называется «обезпеченіемъ тыла». Когда войска вступаютъ въ непріятельскую территорію, они обязаны почти на каждомъ шагу отдѣлять часть своихъ силъ: цѣлые баталіоны и полки оставляются по деревнямъ, для обезпеченія коммуникаціонной линіи, т. е. пути сообщенія дѣйствующихъ войскъ съ ихъ исходнымъ пунктомъ. Разумѣется, чѣмъ дальше забирается отрядъ, тѣмъ больше такихъ силъ онъ долженъ отдѣлять отъ себя и тѣмъ болѣе долженъ онъ обезсилить себя. Но и кромѣ силъ, оставляемыхъ въ извѣстныхъ пунктахъ, черезъ каждыя 15—20 верстъ, у каждой переправы и почти у каждаго пересѣченія главныхъ дорогъ,—приходится отдѣлять еще другія силы, еще болѣе значительныя, для сопровожденія всякаго транспорта, и всякаго курьера или должностнаго лица. Цѣлые полки сопровождаютъ иногда почту, курьера, транспортъ сухарей, или нѣсколько дополнительныхъ зарядныхъ ящиковъ. И тогда, когда непріятелю достаточно имѣть два-три летучихъ отряда, по сотни другой всадниковъ въ каждомъ, для того, чтобы тревожить сообщеніе наступающей арміи, эта послѣдняя вынуждена отдѣлять отъ себя чуть-ли не половину своихъ силъ, единственно ради обезпеченія своего тыла. Въ добавокъ ко всему этому заботы о томъ, что дѣлается и что можетъ быть сдѣлано въ тылу, для всякаго полководца, едва-ли не обременительнѣе и головоломнѣе помышленій о томъ, какъ справиться съ непріятельскими силами, расположенными впереди.

Въ европейской войнѣ, гдѣ населеніе театра военныхъ дѣйствій уже не принимаетъ почти ни малѣйшаго участія въ борьбѣ, наступающимъ войскамъ приходится обезпечивать свой тылъ лишь отъ наѣздовъ непріятельской кавалеріи

или его летучихъ отрядовъ. Не таково положеніе дѣлъ на азіатскомъ театрѣ войны, гдѣ, независимо отъ регулярныхъ и иррегулярныхъ силъ непріятеля, надобно считаться еще и съ воинственнымъ и хищническимъ населеніемъ, разгулявшійся фанатизмъ котораго во всякую минуту можетъ возбудить, сверхъ обыкновенной, правильной войны, еще и другую, несравненно болѣе тяжелую и затруднительную—малую, партизанскую войну. Самъ Наполеонъ I, съ лучшими своими гренадерами, не могъ справиться съ такою войною въ Испаніи, онъ, —въ однѣ сутки уничтожившій всѣ боевыя силы такихъ государствъ, какъ Пруссія или Австрія.

Нашему дѣйствующему корпусу приходилось внести войну въ территорію, населенную воинственными племенами Аджарцевъ, Курдовъ, Карапапахъ, переселившихся Черкесъ и т. п. Съ этими племенами не могла справиться и сама Турція; фактически эти племена почти не подчинялись ея власти и промышляли разбоемъ передъ самымъ носомъ комендантовъ карской, ардаганской и эрзерумской крѣпостей. Понятное, слѣдовательно, дѣло, что сверхъ регулярныхъ силъ непріятеля приходилось считаться и съ этимъ въ высшей степени опаснымъ населеніемъ, представлявшимъ безчисленное множество препятствій и причинявшимъ огромный ущербъ нашимъ войскамъ во время компаній 1828—1829 и 1853—1856 гг.

Здѣшнее населеніе не связано съ нами ни племенными, ни религіозными узами. Лишь армяне, составляющіе часть населенія Карской области, могутъ быть сочтены отчасти родственными намъ по христіанству, и лишь аджарцы, до сихъ поръ не утратившіе грузинскаго языка, хоть и давнымъ-давно обращенные въ мусульманство, могли представить благопріятную для насъ почву. Но извѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ бились противъ насъ аджарцы въ 1828—1829 и въ 1853—1856 гг. Извѣстно также, что мирное и земледѣльческое армянское населеніе Карской области никогда не могло активно содѣйствовать намъ, и что скорѣе оно само нуждалось въ нашей помощи противъ грабившихъ его курдовъ и горцевъ. Все же остальное населеніе всегда систематически враждебно относилось къ нашимъ войскамъ, вступившимъ въ предѣлы азіатской Турціи. Надобно добавить, что вслѣдствіе отсутствія образованія, какъ въ массахъ, такъ и въ зажиточныхъ слояхъ, и вслѣдствіе чрезмѣрной отдаленности лучшихъ порядковъ политическаго устройства, могущихъ дать пищу сравненіямъ съ собственнымъ безобразіемъ и тѣмъ возбудить политическія стремленія и надежды, въ мѣстномъ населеніи не было и нѣтъ сознательнаго недовольствія турецкими порядками.

Теперь я перейду къ изложенію тѣхъ свѣдѣній, которыя успѣлъ я собрать о мѣрахъ, принятыхъ здѣсь нашими военными властями, съ цѣлью подготовленія туземнаго населенія, если не къ активному содѣйствію намъ, то по крайней мѣрѣ къ безразличному отношенію къ нашимъ войскамъ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи обратиться къ мѣстному населенію съ прокламаціею, возвѣщающею, что мирные жители, ихъ достояніе, могутъ разсчитывать на безусловную неприкосновенность и безопасность съ нашей стороны. Содержаніе прокламаціи Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго извѣстно. При вступленіи нашихъ войскъ въ какое либо селеніе, жителямъ выдавался

переводъ прокламаціи на языкѣ населенія, а старшинѣ деревни вмѣстѣ съ тѣмъ выдается «охранный листъ», въ которомъ прописано, что жители такой-то деревни изъявили покорность нашимъ властямъ, поэтому они лично и ихъ достояніе должны пользоваться покровительствомъ закона, и что всякое посягательство на ихъ права будетъ преслѣдоваться по всей строгости законовъ. Въ деревняхъ, жители которыхъ оказали намъ сопротивленіе, или же удалились въ горы, раззорялись землянки сопротивлявшихся удалившихся, но такихъ случаевъ до взятія Карса было крайне мало.

«Вторая мѣра заключалась въ уплатѣ наличными деньгами, т. е. нашими кредитными билетами, имѣвшими здѣсь совершенно свободный сбытъ, за всѣ предметы, забираемые нашими войсками у мѣстныхъ жителей. Паскевичъ, первый принявшій эту систему въ 1828—1929 гг., оказалъ ею едва ли не больше услугъ распространенію русскаго вліянія въ Малой Азіи, чѣмъ своими смѣлыми и удачными переходами и блестящими побѣдами. Теперь признано было необходимымъ держаться той же системы, не всегда выдержанной въ войну 1853—1855 гг. Еще до перехода нашихъ войскъ черезъ Арпачай собраны были «справочныя цѣны» о всѣхъ предметахъ довольствія войскъ, и установлена такса, по которой войска обязаны платить жителямъ за всѣ забираемые предметы довольствія. При всякомъ такомъ заборѣ необходимо долженъ находиться офицеръ, снабженный на то уполномочіемъ своего начальства. Въ противномъ случаѣ всякій заборъ считается мародерствомъ, или, по-просту говоря, грабежемъ, и наказывается. Въ случаѣ, если населеніе не соглашается продать добровольно имѣющіеся запасы, дозволено прибѣгать къ реквизиціи: обыскиваются амбары и склады, и найденное забирается, по приведеніи его въ извѣстность, съ выдачею хозяевамъ вознагражденія по таксѣ. Но здѣсь еще ни разу не практиковалась реквизиція въ европейскомъ смыслѣ этого слова, то есть ни одно селеніе еще не обязывалось доставить войскамъ опредѣленное количество запасовъ въ опредѣленный же срокъ. Забирается только то, что есть, да и то не все. Цѣны опредѣлены въ высшей степени добросовѣстно. Мѣстные жители прежде бывало привезутъ въ Александрополь самаръ (около 16 пудовъ) ячменя напримѣръ, и продаютъ его по 2 р. 50 к., по 3, много по 4 рубля. Теперь же на мѣстѣ, въ деревнѣ, наши войска платятъ за тотъ же самаръ ячменя по 9 руб. сер. Цѣны на прочіе предметы довольствія опредѣлены въ такомъ же масштабѣ, или около того.

Съ приходомъ нашихъ войскъ въ ту или другую деревню, жители выносятъ для продажи молоко, хлѣбъ, сыръ, куръ, овецъ, гусей, словомъ—все, что только возможно продать. Не успѣютъ войска расположиться лагеремъ, какъ тутъ же, гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ лагеря, открывается цѣлый базаръ. Являются возы съ саманомъ*), сѣномъ и ячменемъ; сгоняются бараны, гуси, куры, свозятся на ослахъ кувшины прѣснаго и кислаго молока, словомъ идетъ торговля не на шутку. Турки очень скоро освоились съ нашими денежными знаками, и считаютъ на наши деньги довольно легко. Торговля идетъ оживленно, и такъ какъ

*) Саманъ—сѣчка, рубленая солома.

спросъ все-таки сильнѣе предложенія, то покупатели, не торгуясь, платили обыкновенно все, что съ нихъ запрашивалось. Продавцы, въ какіе-нибудь полчаса времени, сбываютъ съ рукъ все понавезенное, старательно заворачиваютъ въ грязныя тряпки полученныя деньги, прячутъ ихъ за пазуху, и весело возвращаются къ себѣ домой.

Но все это относится къ жителямъ тѣхъ деревень, чрезъ которыя приходилось двигаться нашимъ войскамъ. Затрудненія слѣдовало ожидать не отъ жителей этихъ деревень, а главнымъ образомъ отъ населенія нагорныхъ частей Карской области и сосѣдняго Курдистана, отъ хищническихъ племенъ курдовъ, карапапахъ и т. п. Эти послѣднія племена живутъ въ недоступныхъ ущельяхъ, и оттуда періодически наѣзжаютъ на мирное земледѣльческое населеніе плоскости. Не могло быть и тѣни сомнѣнія, что они не дадутъ спуска нашей почтѣ, нашимъ разъѣздамъ, курьерамъ и постамъ. Это же самое населеніе постоянно снабжало непріятеля многочисленною кавалеріею, составъ которой въ прежнія войны достигалъ баснословной цифры въ 25—30 и болѣе тысячъ всадниковъ при каждомъ непріятельскомъ отрядѣ. Этимъ населеніемъ и слѣдовало заручиться, а для этого нужно было изыскать совершенно иныя и весьма сложныя средства.

По отношенію къ нему М. Т. Лорисъ-Меликовъ, превосходно знакомый съ мѣстными условіями и нравами, изобрѣлъ преоригинальный способъ обузданія. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ объявленію войны и посвященныхъ на подготовленіе къ ней, онъ велъ дѣятельные переговоры со всѣми вліятельными лицами опасныхъ племенъ. Онъ задабривалъ ихъ широковѣщательными фразами восточной политики, ласкою, обѣщаніями и подарками, въ родѣ часовъ, цѣпочекъ и т. п. Иногда, но очень рѣдко и весьма скупо, пускали въ ходъ и новенькіе полуимперіальчики; но главный элементъ задабриванія состоялъ въ обѣщаніи «опредѣлить ихъ на службу Русскаго Царя» и назначить имъ жалованіе. Такимъ образомъ къ намъ стеклись со всѣхъ сторонъ почти всѣ предводители хищническихъ племенъ, всѣ получили назначеніе по милиціи и сами набрали себѣ изъ своихъ подвластныхъ цѣлыя сотни «вспомогательныхъ войскъ». Зная ихъ нравы, М. Т. Лорисъ-Меликовъ затронулъ за живое самую чувствительную струнку ихъ сердца: онъ дозволилъ имъ составить его личный конвой. Вы не можете вообразить себѣ ничего оригинальнѣе вида нашего штаба, разъѣзжавшаго по покоренной области въ сопровожденіи курдской и карапапахской милиціи; лишь изрѣдка, и скорѣе ради посылокъ, М. Т. Лорисъ-Меликовъ беретъ съ собою полсотни или сотню казаковъ; остальной конвой его состоялъ весь изъ курдовъ, облаченныхъ въ яркіе, разноцвѣтные костюмы и вооруженныхъ допотопными пиками, да изъ карапапахъ, въ ихъ голубыхъ кафтанахъ и коричневыхъ папахъ. Картина штаба европейскаго воинства, разъѣзжавшаго среди чисто азіатскихъ полчищъ дикарей въ турецкихъ костюмахъ, принадлежала къ числу поразительнѣйшихъ контрастовъ, когда-либо видѣнныхъ мною. Но вопросъ идетъ не объ этомъ контрастѣ, и не объ этой картинѣ, а о томъ, что разбойничье населеніе окружавшихъ насъ горъ польщено до нельзя

подобнымъ довѣріемъ къ нему командовавшаго корпусомъ, и оно лѣзетъ изъ шкуры, чтобы заслужить жалованье и удостоиться наградъ.

Въ сущности, полчища предавшейся на нашу сторону иррегулярной кавалеріи не могутъ оказать намъ никакихъ особенныхъ услугъ. Они вооружены такъ плохо и такъ примитивно, что не въ состояніи выдержать ни малѣйшей стычки съ отлично вооруженнымъ войскомъ непріятеля, а вооружить ихъ скорострѣлками разумѣется не приходилось. Вотъ ихъ и употребляли «для проформы», въ видѣ конвоя, когда въ конвоѣ нѣтъ потребности, да на посылки въ окрестныя деревни, для добыванія самана, дровъ, овецъ и т. п. О, на этотъ счетъ они мастера первоклассные: изъ земли выроютъ бывало, но достанутъ куръ, телятъ, овецъ, и вообще всевозможные припасы. Но для того, чтобы они не очень обижали жителей, къ нимъ были приставлены офицеры и довѣренныя лица, и всѣ они вообще, составлявшіе цѣлый полкъ, не знаю какъ называвшійся, подчинены были «полковому командиру», генеральнаго штаба полковнику *С. О. Кишмишеву*, нашему штабъ-офицеру надъ вожатыми. Еслибъ вы знали какъ онъ маялся съ ними, и сколькихъ трудовъ ему стоило сдерживать ихъ въ границахъ приличія и дисциплины. Но, разумѣется, нѣтъ на свѣтѣ силы, которая могла бы установить дисциплину въ этихъ полчищахъ. Разграбленіе Ардагана лучше всего свидѣтельствуетъ въ этомъ смыслѣ. Но, несмотря даже на громадный моральный ущербъ, нанесенный нашимъ силамъ мародерствомъ этихъ нашихъ баши бузуковъ, я все-таки долженъ сказать, что распустить ихъ по домамъ не было ни малѣйшей возможности. Тогда усилилась бы, вопервыхъ, непріятельская кавалерія, которая почти что отсутствовало: во всемъ Карсѣ имѣлось лишь до 700 чел. кавалеріи, и въ томъ числѣ около 400 всадниковъ набрано изъ карскихъ же горожанъ. Тогда въ нашемъ тылу возникъ бы такой разбой, и наши посты и сообщенія подвергались-бы такой опасности, что пришлось бы для ихъ обезпеченія отдѣлить чуть-ли не половину силъ нашего корпуса, т. е. отказаться отъ всякаго рѣшительнаго движенія впередъ. Лучшее доказательство этому представлялъ извѣстный въ здѣшнихъ краяхъ разбойникъ Меграли, *) котораго почему-то не удалось перетянуть на нашу сторону; его наѣзды еще третьяго дня стоили нашимъ маркитантамъ 15 штукъ скота и нѣсколькихъ фургоновъ, не говоря уже о томъ, что онъ тогда плѣнилъ 12 чел. нашихъ маркитантовъ и одного преданнаго намъ бега, Хаджи-Вели-Ага, возвращавшагося къ себѣ домой послѣ секретнаго посѣщенія нашего лагеря у Ардагана, и доставилъ его въ Карсъ, гдѣ несчастный бегъ какъ я узналъ послѣ, уже повѣшенъ. Противъ одного этого Меграли приходилось высылать почти цѣлые казачьи полки. Что же было бы, еслибъ независимо отъ него по области гуляли еще и всѣ эти мансуры, касумы, исмаилы, ровшанъ-оглу, таги-беки, кюрдъ-оглу и т. п., наѣздническая слава которыхъ не безъизвѣстна даже въ тифлисской губерніи, и которые теперь сопровождали въ видѣ конвоя М. Т. Лорисъ-Меликова, обременяя его штабъ не заботами и опасенія-

*) О которомъ было сказано.

ми объ обезпеченіи сообщеній, а барашками да курами, для продовольствія штабныхъ чиновъ, а отчасти и войскъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще и о манерѣ обращенія нашей военной власти съ представителями здѣшняго духовенства, населенія и аристократіи. Нужно вамъ сказать, что М. Т. Лорисъ-Меликовъ свободно объясняется на турецкомъ, персидскомъ, армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Онъ принимаетъ лично всѣхъ вліятельныхъ лицъ покоренной мѣстности, долго и ласково бесѣдуетъ съ ними, ловко распрашивая ихъ о силахъ и движеніяхъ непріятеля. Онъ допрашиваетъ мѣстныхъ крестьянъ, запросто разговаривая съ ними всякій разъ, когда они попадаются ему на дорогѣ. Зная, какъ свои пять пальцевъ, всю подноготную театра войны, онъ безошибочно можетъ опредѣлить степень достовѣрности свѣдѣній, доставляемыхъ лазутчиками, можетъ вытянуть свѣдѣнія у лицъ, которыя быть можетъ и не согласились бы сдѣлаться лазутчиками или продавать извѣстія о силахъ и движеніяхъ непріятеля. Крестьяне, чѣмъ-либо недовольные или кѣмъ-нибудь обиженные, обращаются прямо къ нему почти всегда и имѣютъ свободный доступъ къ нему. Предоставляю вамъ судить, какое впечатлѣніе должно это производить на массы здѣшняго населенія. Я самъ былъ свидѣтелемъ необычайнаго впечатлѣнія, произведеннаго въ Ардаганѣ его рѣчью къ жителямъ ардаганскаго санджака, приглашаемымъ вернуться къ своимъ мирнымъ занятіямъ— «Русскій Царь воюетъ вовсе не съ вами», говорилъ имъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ; «Онъ нисколько не желаетъ притѣснять васъ въ вашей вѣрѣ, въ вашемъ языкѣ и въ вашихъ обычаяхъ. Посмотрите на меня самаго: вы сами знаете, что я не коренной Русскій, что я исповѣдываю армянскую вѣру, говорю на своемъ языкѣ. Все это не помѣшало мнѣ быть сардаромъ войскъ Русскаго Царя, потому что Русскій Царь награждаетъ всякаго по его заслугамъ и способностямъ, не разбирая того, кто мусульманинъ и кто христіанинъ, кто Русскій и кто Армянинъ. Въ нашемъ войскѣ не мало генераловъ-мусульманъ изъ черкесовъ и татаръ. Живите себѣ спокойно, занимайтесь вашими дѣлами, и никто не тронетъ вашей вѣры, вашего языка и вашихъ обычаевъ. Я вамъ оставилъ вашихъ же судей, которые будутъ разбирать ваши тяжбы по вашимъ адатамъ. Отъ васъ требуется только, чтобы вы не оказывали противодѣйствія властямъ и не присоединились къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ нашихъ войскъ».

Согласитесь, что такая рѣчь, сказанная въ простыхъ, общепонятныхъ выраженіяхъ, и усыпанная образными примѣрами, въ видѣ обращенія къ собственной личности и къ личностямъ окружающихъ чиновъ изъ мусульманъ, не могла не произвесть сильнѣйшаго впечатлѣнія на умы ардаганцевъ! А сколько произнесено такихъ рѣчей, и сколько выдержано подобныхъ же разговоровъ съ предводителями многочисленныхъ племенъ покоренной области—это вѣдомо лишь одному Богу.

Къ числу такого-же рода мѣропріятій слѣдуетъ и обращеніе съ плѣнными и ранеными Турками. Не разъ и на моихъ собственныхъ глазахъ, М. Т. Лорисъ-Меликовъ отпускалъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ на волю, на честное слово, что они вернутся въ свои селенія, при чемъ плѣннымъ давалось на до-

рогу по 1 рублю на человѣка и даже больше. Оказывается, что турецкія власти внушили своимъ войскамъ убѣжденіе, будто Русскіе умерщвляютъ всѣхъ плѣнныхъ. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ случаяхъ, когда турецкимъ солдатамъ некуда было бѣжать отъ преслѣдованія, они, говорятъ, дрались съ ожесточеніемъ, и дорого продавали свою свободу. Во всякомъ случаѣ, необходимо было внушить туземному населенію и турецкимъ войскамъ увѣренность въ незлобивости и гуманности нашихъ властей.

По занятіи всякой мѣстности съ значительнымъ населеніемъ, организовалось гражданское управленіе, ввѣряемое большею частью лицамъ, хорошо знакомымъ съ мѣстнымъ языкомъ, правами и понятіями. Члены судовъ (меджлисовъ) не смѣнялись и совѣтниками при нашихъ администраторахъ назначались почетнѣйшія или вліятельнѣйшія личности мѣстности. Администраторы получали подробную словесную инструкцію, предоставить мѣстнымъ жителямъ жить, какъ имъ угодно, и заботиться лишь о томъ, чтобы въ средѣ ихъ не подготовлялось какихъ-либо враждебныхъ намъ движеній, и чтобы абсолютно прерваны были всякія сношенія занятой мѣстности съ непріятельскими властями и войсками.

Вы видите изъ всего сказаннаго, что задача нашей военной власти состояла изъ двухъ разнохарактерныхъ частей, едва ли уступающихъ одна другой по всей важности. Одновременно съ подготовленіемъ нашихъ боевыхъ силъ къ чисто военнымъ операціямъ, нужно было организовать цѣлую систему чисто дипломатическихъ дѣйствій, съ цѣлью подготовленія почвы войны. Результаты наглядно показываютъ, что эта система принесла намъ благотворные плоды и непріятель въ своей же собственной странѣ принужденъ держать себя, какъ во враждебномъ лагерѣ. Онъ лишенъ возможности имѣть кавалерію,—безъ которой немыслимы серьезныя военныя дѣйствія,—и ограниченъ въ средствахъ снабженія и передвиженія своихъ боевыхъ силъ. Лишенный поддержки населенія, и со всѣхъ сторонъ окруженный лишь врагами, онъ легко падалъ духомъ и доставлялъ намъ успѣхи за сравнительно ничтожную цѣну.

Этимъ, по моему мнѣнію, и слѣдуетъ объяснить въ значительной, конечно, степени, блестящіе военные результаты, уже добытые нашимъ дѣйствующимъ корпусомъ еще на пути къ Карсу.

Разсказы и анекдоты изъ военной жизни.

1) Они усѣ такія. 2) Сопѣлка. 3) «Пѣхота подошла». 4) Уловки донцевъ. 5) Отчего турки боятся штыковъ. 6) Куркуль. 7) Находчивый генералъ. 8) Черниговскій дядька. 9) Пластуны на Дунаѣ.

«Они усѣ такія». Граната лопается на баттареѣ. Командиръ приказываетъ солдатамъ лечь въ ложементы: всѣ неохотно идутъ туда.

— «Они усѣ такія», успокоиваетъ солдатъ—малороссъ, не понимая, чего тутъ прятаться, если граната разорвалась да никого не поранила.

(*Кор. «Новаго Времени»*)

—

Сопѣлка. Во время боя подъ Кадыкіойемъ на одной изъ баттарей запасному нумеру нечего было дѣлать. Яковлевъ, такъ звали солдата, по просьбѣ товарищей подносилъ гранаты. Будучи веселымъ отъ природы онъ подаетъ снарядъ и бѣжа за другимъ наигрываетъ на самодѣльной сопѣлкѣ. Такъ до конца боя увеселялъ баттарею.

—

«Пѣхота подошла». Къ одному кавалерійскому пикету стала подъѣзжать партія конныхъ баши-бузуковъ. Унтеръ-офицеръ идетъ въ пѣхотную цѣпь къ офицеру.

— Ваше высокоблагородіе! дайте пѣхоты.

Дали ему звѣно, то есть четыре человѣка; подвелъ онъ ихъ къ пикету и затѣмъ во все горло зѣваетъ (кричитъ) баши-бузукамъ:

— Эй вы, сволочь! отваливайте—пѣхота подошла.

Оборванцы поглядѣли и обратились вспять.

—

Уловки Донцевъ. 12-й донской полкъ, раздосадовавъ на увертливость черкесовъ, которые никакъ не подъѣзжали близко къ нему, сталъ ловить ихъ на слѣдующую штуку: то одинъ, то другой казакъ падаетъ съ лошади, точно раненый и остается въ полѣ, тогда какъ остальные казаки медленно отъѣзжаютъ», только что черкесы начинали подскакивать, чтобы захватить жертву еще живою, но вдругъ развертывался фронтъ и «орду» били на выборъ.

—

Отчего Турки боятся штыковъ. Турки стрѣлять любятъ, хотя всегда съ навѣса, придерживаясь не цѣли, а одного направленія. Но лишь только, бывало, коснется дѣло штыковъ, Турокъ сейчасъ на утекъ и для того, чтобы облегчить свое бѣгство, онъ бросаетъ, въ минуту преслѣдованія, оружіе, сбрасываетъ ранецъ, плащь, феску, наконецъ куртку, лишь бы только избѣжать штыка И надо правду сказать, что Турки такъ легко бѣгаютъ, что нагнать ихъ очень трудно.

Когда пришлось спросить одного Турка, «отчего они боятся штыковъ»? Турокъ отвѣчалъ:

— Тѣ уподобятся свиньямъ, кто изъ нашихъ будетъ заколотъ, не попадетъ въ рай Магомета.

—

Куркуль... «На встрѣчу намъ,» пишетъ г. М. Вл-нъ въ своемъ *«путешествіи по Кавказу»*, попадаются воловьи фуры съ безпорядочно нарубленными древесными плахами, на которыхъ сидятъ или лежатъ лѣниво, въ растяжку, куркули. Куркуль — это насмѣшливое прозвище данное здѣшнимъ казакамъ, и происходящее отъ лимана *Куркуй*, на которомъ поселена Вареннковская станица. Русскій обычай подтрунивать другъ на дружкой и здѣсь есть. Такъ линейныхъ казаковъ дразнятъ: «сорокогрызы»—то есть сорокъ грызутъ—«одной индюшки цѣлая сотня испугалась»

Донцовъ допекають крикомъ «пукъ»! Сему основаніемъ служить слѣдующее: Ѣдетъ донецъ, ночью и везетъ летучку; *) филинъ кричить «пукъ! донецъ трусить и отвѣчаетъ:

— Казакъ.

— «Пукъ!

— Летучку везу!

— «Пукъ!

— Я сказалъ что казакъ! чего ты присталъ?

— «Пукъ! пукъ!

Донецъ трусить окончательно и удираетъ отъ филина во всѣ лопатки.

Забавнѣе всего что эти прозвища, большею частію безсмысленныя, зачастую выводятъ изъ себя тѣхъ, къ кому относятся, или кого ими дразнятъ.

— Сворачивай куркули! кричитъ Кузьма, какъ будто ему стало вдругъ тѣсно посреди степи; тѣ и не думаютъ, даже головъ не поднимаютъ. Кузьма пускаетъ лошадей вскачь и направляетъ ихъ на послѣднюю фуру, такъ чтобы своей желѣзной осью зацѣпить за ея деревянную. Трахъ!

— А! ты бѣсова московска душа, раздаются неистовые голоса, сзади насъ, трясца твоей матери! сто копивъ ей чертивъ! Бѣсова московска душа... Но Кузьма уже удираетъ во всю ивановскую и останавливается не прежде какъ ускакавъ за версту или больше. На мой вопросъ: зачѣмъ это онъ выдѣлываетъ штуку? Кузьма отвѣчаетъ,—что куркулей треба учить! и потомъ добавляетъ:

— И! Боже-жь-мій, Боже-жь-мій милостивый, що я у ихъ осей переломавъ! На совѣтъ же мой бросить эти цивилизаторскія замашки, потому, что если онъ, чего добраго, попадетъ куркулямъ въ руки, такъ будетъ плохо, въ отвѣтъ получается односложное и упрямое, «ни!»

—

Находчивый генералъ. Одинъ кавалерійскій отрядъ былъ назначенъ къ аттакѣ, и на докладъ его командира, что «у насъ сабли на два вершка короче непріятельскихъ», генералъ отдалъ приказаніе: «наскакивать на полъ—аршина ближе».

—

Черниговскіе «дядьки» **) Въ свое время очень много размышляли на ту тему, возьметъ ли нашъ Царь у Турка Іерусалимъ въ свое владѣніе или еще потерпитъ его грѣхамъ.

По селамъ были убѣждены въ томъ, что мы проиграть настоящей войны неможемъ.

«Бо Турокъ не може стати проти нашого війска». При этомъ нѣсколько изумлялися тому, что война началась такъ поздно: «его бъ само у зіму быть, бо кажуть що винъ ходить у однихъ лансердакахъ, або просто трохи не голій.

—

Пластуны на Дунаѣ. ***) Писали о слѣдующей хитрости пластуновъ: Они заготовляли днемъ, гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, мнимыя лодки съ

*) Почту.—**) Корр. Одесскаго Вѣстника. Заимст.—***) „Новое Время" 1877 г.

мнимыми же гребцами. Эти лодки устраивались слѣдующимъ образомъ: брали большую корягу или негодную для употребленія колоду отъ водопоя; въ эту колоду понатыкаютъ сноповъ и фашиннику торчкомъ и пускали такіе снаряды на воду, конечно, когда достаточно стемнѣетъ.

Надобно видѣть самому нѣсколько подобное сооруженіе на водѣ, похожее на лодку съ людьми, особенно при этомъ бѣловатомъ неопредѣленномъ свѣтѣ четверти луны... Эти пластунскія изобрѣтенія почти каждую ночь тревожили турецкіе береговые посты, заставляя ихъ стрѣлять залпами, вызывая даже огонь съ баттарей.

«Когда пробираетесь днемъ по берегу отъ поста къ посту, говоритъ корреспондентъ, вы непремѣнно наткнетесь на шесты съ навѣшенными на нихъ бурками, а сверху прикрытые шапками: это все мнимые часовые. Настоящіе владѣльцы этихъ бурокъ и шапокъ сидятъ себѣ спокойно въ сторонѣ и наблюдаютъ, и какое удовольствіе для нихъ, когда какая нибудь турецкая пуля съ острова щелкнетъ по буркѣ.

У Малороша близъ Журжево былъ расположенъ русскій лагерь, къ которому была прикомандирована пластунская команда. Вотъ что говорилъ въ свое время корреспондентъ газеты «Новое Время» *).

«Лагерь этотъ преимущественно кавалерійскій, его назначеніе—высылать разъѣзды по всему протяженію берега; единственныя пѣхотныя части, расположенныя въ его районѣ, это пластуны, раскинувшіеся по близости самымъ живописнымъ, оригинальнымъ бивуакомъ; каждая группа этого бивуака такъ и просится подъ карандашъ художника. Палатками пластуновъ не снабдили: во-первыхъ, взять этихъ палатокъ не откуда, дѣлать ихъ некогда, да и все равно—жить въ нихъ пластунамъ не приходится, развѣ днемъ покейфовать немного, а ночью пластуны всѣ почти въ расходѣ, шныряютъ подъ берегомъ, лежатъ въ секретахъ, отправляются въ различныя экскурсіи, по ихнему выраженію—«вынюхиванія;» когда же тутъ, да и къ чему заботиться о такихъ пустякахъ, какъ напримѣръ, палатка. Пластуны говорятъ про самихъ себя такъ: «наше дѣло не регулярное, войско мы вольное, ползучее—на счетъ вынюху, да выгляду больше, къ хатѣ непривычное...» За то же и умѣютъ они приспосабливаться, пуская въ ходъ во всѣхъ случаяхъ свою бурку,—вещь, безъ которой пластунъ немыслимъ. Бурка для пластуна все—и постель, и хата. Голый совсѣмъ раздѣнется, когда гдѣ плохо придется и въ воду лѣзть надо, а бурка съ нимъ... Завернувшись съ головою въ бурку, пластунъ всю ночь пролежитъ по горло въ водѣ, и ничего, хины ему послѣ принимать не придется. Они одѣты по-черкески, какъ и наши кавказскіе казаки, только не такъ щеголевато и опрятно;—глядя на эти изорванныя, засаленныя черкески, на эти папахи съ вылѣзшимъ волосомъ, удивляешься просто —до какой степени неопрятности доходитъ пластунъ. Онъ словно щеголяетъ своими лохмотьями; если подарить ему новое платье, онъ его непремѣнно прежде истреплетъ и вываляетъ, а потомъ уже надѣнетъ—имъ чѣмъ грязнѣе тѣмъ лучше,

*) № 149 Русс. Вѣдом. 1877 г.

отъ земли не замѣтнѣе. Вооруженъ пластунъ ружьемъ со штыкомъ, шашкою и кинжаломъ; пистолетъ есть, но не у всякаго. Расположились они здѣсь въ лагерѣ нѣсколько особнякомъ, ружья въ козлахъ и на эти козла понадѣты бурки — вотъ и палатки образовались, а то просто закорузлая, коломъ стоящая бурка, сама безъ подпоры шалашемъ держится. Дѣлаютъ и такъ: протянутъ веревку отъ одного ружейнаго козла къ другому и повѣсятъ на нее бурки. Солнце съ той стороны, они противоположный держатся, переберется солнце — и они переберутся... По всему бивуаку ихъ маленькіе огоньки дымятся, тамъ стряпня идетъ, варятъ, что кому Богъ послалъ за ночь. Тѣ, кто на рѣкѣ секретомъ лежали, ухитрились рыбы наудить на досугѣ, кто на сухомъ пути - другимъ чѣмъ раздобылся... Птичьи перья, подхваченныя вѣтромъ, словно бабочки носятся по всему бивуаку... Есть у нихъ и баранина, посущественнѣе пища... Они весьма изобрѣтательны по части разнообразія своихъ досуговъ... Между ними много удивительныхъ комиковъ — и вы непремѣнно увидите густыя кучки, какъ самихъ пластуновъ, такъ и постороннихъ зрителей, сгруппировавшіяся вокругъ какого-нибудь клоуна въ пластунской буркѣ. Звукоподражательныя способности у нихъ развиты поразительно. Они до такой степени натурально передразниваютъ крики птицъ и животныхъ, что нѣтъ никакой возможности не ошибиться. Это уже способность дѣтей природы. При мнѣ молодой пластунъ подтрунилъ надъ другимъ по-старше; обиженный вскочилъ и погнался за обидчикомъ, послѣдній задѣлъ ногою за что-то и упалъ, преслѣдователь на него и вдругъ раздался, въ высшей степени вѣрный натурѣ, визгъ пойманнаго поросенка и злое рычаніе собаки. У нихъ даже игры всѣ больше зоологическаго характера: напр., въ чеколку, въ глухаря-тетерева... Здѣсь въ лагерѣ, между прочимъ, я видѣлъ ихъ знаменитую игру въ «комара,» — эта игра состоитъ въ томъ, что двое становятся другъ противъ друга, прикрывъ лѣвою рукою свою лѣвую же щеку и держа правыя руки на-отмашь, третій помѣщается между ними и начинаетъ подражать жужжанію комара; этотъ комаръ изрядно-таки щелкаетъ ихъ по прикрытымъ щекамъ, а тѣ должны бить его. Комаръ звенитъ и необыкновенно ловко увертывается отъ ударовъ, а самъ «жалитъ,» да еще какъ! то и дѣло раздается хлопъ да хлопъ. Если комаръ попадается, наконецъ, подъ ударъ, онъ уступаетъ свое мѣсто другому и т. д. Всѣ пластуны, — свойство охотниковъ — страшные вральманы. Они разсказываютъ самыя нелѣпыя небылицы про свои похожденія, юмору въ этихъ разсказахъ бездна и, главное, разсказчикъ умѣетъ при этомъ сохранить внѣшній видъ полнаго спокойствія при разсказѣ, онъ говоритъ серьезно, не улыбнется, въ то время когда слушатели его буквально катаются по землѣ отъ судорожнаго хохота. Вотъ бы гдѣ и у кого поучиться, господа наши великопостные, концертные разсказчики, изо всякихъ, якобы, бытовъ!

«Увлеченные примѣромъ своихъ сосѣдей по бивуаку, Донцы тоже пытаются отличиться на этомъ поприщѣ. Ну куда! дѣло у нихъ не выгораетъ, несмотря на всѣ старанія. На сторожевой, аванпостной службѣ пластуны незамѣнимы, слухъ и зрѣніе въ темнотѣ развиты у нихъ необыкновенно и сонъ-то у нихъ какой-то воровской, волчій: достаточно самаго малѣйшаго звука, чуть слышнаго шелеста и,

повидимому, спавшій до сего времени крѣпко даже прихрапывавшій пластунъ, шевелится и осторожно высовываетъ изъ-подъ бурки свою голову. Стрѣлки они отличные, хотя еще не успѣли какъ слѣдуетъ свыкнуться съ оружіемъ новой, скорострѣльной системы и предпочитаютъ ему свои прежнія, отцовскія винтовки.»

Карсъ.

Полныя стратическія движенія русской арміи противъ Карса.—Топографическое положеніе Карса *).—Уныніе карскихъ жителей.—Приготовленія къ отпору.—Составъ турецкаго войска.—Дороговизна съѣстныхъ и прочихъ предметовъ.—Перехваченная депеша Мухтара-паши.—Турки боятся мѣдныхъ головъ.

По возвращеніи Ардаганскаго отряда въ Заимъ, М. Т. Лорисъ-Меликовъ далъ своимъ войскамъ три дня отдыха, послѣ чего 13 мая выступилъ подъ Карсъ съ частью главныхъ силъ дѣйствовавшаго корпуса, поручивъ эту часть команды генералу Гейману, и оставивъ всѣ прочія части подъ начальствомъ ген.-лейтен. Ф. В. Девеля.

Командующаго корпусомъ сопровождалъ начальникъ его штаба, генералъ-маіоръ Духовской.

Отрядъ направился чрезъ Халифъ-Оглу, Визинкевъ, Орловъ, Хаджи-Халиль и Ардостъ, къ дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ. 18 мая войска расположились на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая между Ардостомъ и Катанлы и, выславъ кавалерію къ Бегли-Ахмету, нашъ орядъ отрѣзалъ Карсъ отъ Эрзерума, покрайней мѣрѣ со стороны главнѣйшихъ путей сообщенія между этими двумя городами. Остальные пути сообщнія отъ Карса въ Эрзерумъ чрезъ Пенякъ и Ольты пр ерваные были 22 мая, когда отрядъ нашъ расположился лагеремъ у сел. Кочалы, а кавалерія его, занявшая посты на всѣхъ дорогахъ радіусами, исходящими изъ Карса, съ тѣмъ вмѣстѣ установила правильное и постоянное сообщеніе нашего отряда съ тѣмъ, который остался въ Заимѣ. Съ 23 мая уже считали Карсъ вполнѣ отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра.

Карсъ издали очень красивъ. Онъ расположенъ по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, и раскинутъ отчасти на плоскости праваго берега, отчасти же амфитеатромъ, на отлогости холмовъ, усѣевающихъ лѣвый берегъ рѣки. Невооруженный глазъ ясно различаетъ издали массу здоровенныхъ каменныхъ построекъ, нѣсколько высокихъ минаретовъ и множество мелкихъ зданій, въ серединѣ которыхъ отчетливо отдѣляются бѣлыя строенія, съ виду похожія на геометрическія фигуры изъ папьемаше: это—старинная карская цитадель, скромно слившаяся теперь съ остальнымъ городомъ. Человѣкъ, не имѣющій понятія о современныхъ крѣпостяхъ, долго будетъ стоять въ виду этого города, и задавать себѣ и другимъ вопросъ:—«а гдѣ же пресловутая, грозная карская крѣпость? Ея вѣдь не видно! Ужь не выдумка ли это нашихъ журналистовъ?»

*) Тифлисскій Вѣст. корр. изъ лаг. Качалы отъ 24 мая 1877 г.

Ее дѣйствительно не видно. Но на холмикахъ и на возвышенностяхъ, окружающихъ Карсъ съ сѣвера, съ запада и съ юга, вы увидите едва замѣтныя черныя ленточки на зеленомъ фонѣ. Эти черныя ленточки то представляютъ подковообразную фигуру, то составляютъ четверо-угольники, либо замысловатые зигзаги съ выдающимися во всѣ стороны углами. Такія же ленточки замѣтны и на плоскости, къ востоку отъ Карса. Это-то и есть укрѣпленія, совокупность которыхъ образуетъ крѣпость Карсъ.

Карсъ лежитъ ровно въ шестидесяти верстахъ отъ Александрополя, и точь въ точь въ такомъ-же разстояніи отъ Ардагана и Сагаллугскаго укрѣпленнаго лагеря. Всякому, я думаю, извѣтно, что стратегическое значеніе Карса не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ служитъ ключемъ къ Эрзеруму и къ цѣлой Малой Азіи, потому что замыкаетъ важнѣйшій путь изъ Закавказья въ центральную долину Анатоліи. Карсъ выстроенъ у подножія террасъ, составляющихъ послѣдніе восточные отроги Чалгаурскихъ горъ: предъ нимъ къ востоку простирается плоская возвышенность, скатертью разстилающаяся вплоть до нашей границы, и мѣстами усѣянная отдѣльными возвышенностями, которыя съ Чалгаурскихъ горъ похожи на сахарныя головы, разставленныя на полу, съ большими промежутками. За то западная сторона имѣетъ видъ чисто гористый. Рядъ высотъ полукругомъ возвышается надъ самою террасою, у подножія которой стоитъ Карсъ. Эти высоты значительно болѣе возвышенныя, чѣмъ сама терраса, спускаются во всѣ стороны довольно обрывистыми склонами, образуя нѣсколько отдѣльныхъ столовыхъ горъ. За этимъ первымъ рядомъ возвышенностей, тянутся также полукругомъ, параллельно съ ними, другія, гораздо менѣе высокія, тамъ и сямъ точно нарочно разставленныя на довольно широкой плоскости, отдѣляющей первыя возвышенности отъ главныхъ отроговъ Чалгаурскихъ горъ. Эти второстепенныя возвышенности почти всѣ имѣютъ видъ генеральской (продолговатой) палатки, и хребты почти всѣхъ ихъ тянутся радіусами отъ высотъ перваго ряда. Затѣмъ, еще далѣе къ западу и къ с.-з., верстахъ въ 9 отъ этого ряда, начинаются отроги главныхъ Чалгаурскихъ горъ, хребетъ которыхъ отстаетъ верстъ на 12 отъ Карса.

Рѣка Карсъ-чай дѣлитъ городъ на двѣ части. Она протекаетъ тутъ по глубокой трещинѣ, имѣющей почти совершенно отвѣсные спуски, и въ чертѣ самаго города извивается въ формѣ французской буквы *S*. Терраса лѣваго берега переходитъ отчасти и на правый, восточный берегъ Карсъ-чая. Она образуетъ тутъ «языкъ земли», отвѣстно спускающійся къ плоскости съ трехъ своихъ сторонъ, съ востока, юга и запада (съ послѣдней стороны она спускается, впрочемъ, къ рѣкѣ). Эта правобережная терраса прикрываетъ городъ съ сѣверной стороны. Главнѣйшая же часть города, расположенная на плоскости праваго берега, и у подножія террасъ обоихъ береговъ Карсъ-чая, прикрывается къ западу и с.-з. обрывами лѣвобережной террасы. Такимъ образомъ, городъ Карсъ закрытъ съ сѣвера и запада отвѣсомъ террасъ, сходящихся прямымъ угомъ. Во входящемъ углѣ, у изгиба рѣки на ея лѣвомъ берегу, красуетя бѣлая цитадель, возвышающаяся высоко надъ городомъ. Самый же городъ расположенъ на право

и на лѣво отъ цитадели такъ, что обѣ стороны города сходятся къ цитадели, тоже подъ прямымъ угломъ. Добавьте къ этому, что обѣ эти стороны, расположенныя, какъ я уже сказалъ въ началѣ этого письма, амфитеатромъ, у подножія террасъ, сверхъ того еще подымаются по мѣрѣ приближенія къ цитадели, что передъ городомъ разстилается необозримая равнина, и вы, надѣюсь, составите себѣ довольно сносное представленіе о городѣ.

На террасѣ, прикрывающей городъ съ сѣвера, возведено весьма значительное укрѣпленіе Карадахъ, обстрѣливающее плоскость къ сѣверо-востоку отъ Карса. Оно имѣетъ два ряда валовъ и рвовъ, первая линія которыхъ возведена надъ восточнымъ обрывомъ террасы. Эта терраса носитъ названіе Карадахской горы. Къ с.-з. отъ Карадахскаго укрѣпленія она образуетъ возвышеніе, господствующее надъ нимъ. На этомъ возвышеніи, надъ западнымъ обрывомъ террасы, возведено укрѣпленіе Арабъ, обращенное къ сѣверу. Оба эти укрѣпленія возведены съ небольшимъ въ верстѣ отъ цитадели.

Рядомъ съ Арабомъ, но уже на лѣвомъ берегу Карсъ-Чая, и тоже надъ самымъ обрывомъ лѣвобережной террасы, выстроено укрѣпленіе Мухлисъ, направленное противъ сѣвера. Оно съ трехъ своихъ сторонъ защищено, независимо отъ своихъ собственныхъ валовъ, отвѣсными обрывами террасы, образующей тутъ небольшой выступъ. Съ этого мѣста терраса ровно и отлого спускается къ западу, образуя плоскость въ $1^1/_2$ версты шириною. Она называется Чахмахскими горами. Такъ какъ на этой плоскости нѣтъ выдающихся возвышенностей, то Турки укрѣпили небольшой бугорокъ, лежащій очень близко отъ города; укрѣпленіе это называется Инглисъ. Если я не ошибаюсь, оно прежде называлось Вильямсъ-паша-Табіэ. На другомъ, такомъ-же бугрѣ, тоже недалеко отъ города, расположено болѣе значительное укрѣпленіе Вели-паша-Табіэ, обращенное своимъ фронтомъ уже къ западу. Въ сѣдловинѣ между двумя этими буграми недавно выстроено небольшое укрѣпленіе Блюмъ-паша-Табіэ, направленное къ западу. Въ одномъ кругѣ съ этими тремя ближайшими къ городу укрѣпленіями находится, у самаго входа Карсъ-Чая въ городъ, укрѣпленіе Чимъ, обращенное лицемъ къ ю.-з., а противъ него, уже на правомъ берегу рѣки, строится укрѣпленіе Суварн. Всѣ эти мелкія укрѣпленія: Инглисъ, Блюмъ-паша, Вели-паша, Чимъ и Суварн составляютъ первую, ближайшую линію карскихъ укрѣпленій.

Вторая, несравненно болѣе важная и отдаленная линія карскихъ укрѣпленій, состоитъ, на ряду съ Карадахомъ, Арабомъ и Мухлисомъ, изъ фортовъ, возведенныхъ на Шорахскихъ горахъ, примыкающихъ къ Карсу съ ю.-з. стороны. Вотъ названіе этихъ фортовъ, начиная съ с.-з. стороны: Лазъ-Тапаси (направлено къ с.-з.), Ай-Габіэ, Тихъ-Тапаси (направленные къ западу) и Гохмасъ (обращенное къ юго-западу). Это тѣ самыя Шорахскія высоты, которыя Паскевичъ занялъ въ 1828 г. безъ сопротивленія, и откуда онъ разгромилъ стѣны Карса. Съ этой же стороны подступилъ къ Карсу въ 1855 г. и Н. Н. Муравьевъ, но уже далеко не съ тѣмъ успѣхомъ... Передъ ними, въ $1^1/_2$ верстѣ, и даже ближе, отъ стѣнъ укрѣпленій, возвышаются холмы, оставленные непріятелемъ безъ всякихъ укрѣпленій, потому, вѣроятно, что они обстрѣливаются всѣми шорах-

скими фортами... Нашъ лагерь былъ расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этихъ холмовъ.

Далѣе, съ восточной стороны Карса, на плоскости, расположены укрѣпленія Каплы и Хафисъ-паша, обстрѣливающія всѣ дороги, ведущія къ Карсу съ юго-востока и съ востока. Изъ этихъ послѣднихъ укрѣпленій Хафисъ-Паша имѣетъ громадные размѣры. Онъ, какъ и рѣшительно всѣ укрѣпленія второй, отдаленной линіи, имѣетъ весьма значительные профили, и сверхъ главныхъ своихъ валовъ, снабженъ, опять таки какъ и всѣ прочіе форты, большимъ количествомъ передовыхъ укрѣпленій, ложементовъ для стрѣлковъ, траншей и т. п.

Названныя укрѣпленія образовали вокругъ Карса площадь, имѣвшую около 5 верстъ въ діаметрѣ, которая была вооружена дальнострѣльными орудіями, выстрѣламъ которыхъ доступна обширная площадь въ 20 верстъ въ діаметрѣ Хотя разумѣется, неизвѣстно было, какого вооруженіе фортовъ, но можно догадываться что брустверы ихъ имѣютъ огромные размѣры, и что на нихъ явственно рисовались громадныя пушки, направленныя во всѣ стороны горизонта. Валы фортовъ, какъ вездѣ, казались черными. Но основаніе ихъ, чутьли не до половины ихъ высоты, въ биноклѣ казалось бѣлымъ. Вѣроятно это происходитъ отъ того, что рвы укрѣпленій, и здѣсь, какъ въ Ардаганѣ, высѣчены въ скалистомъ грунтѣ.

До паденія Ардагана въ Карсѣ возлагались чрезвычайныя надежды на гарнизонъ и вооруженіе этой твердыни. Какъ карскія власти, такъ войска и населеніе этого города совершенно убѣждены были, что Русскіе никогда не овладѣютъ ардаганскими укрѣпленіями, возведеніе которыхъ стоило громадныхъ денегъ и производилось «важными иностранными инженерами.» Кромѣ того, въ Карсѣ всѣ лично знали одного изъ защитниковъ Ардагана, миралая, т. е, полковника Кафтаръ-Бека, родомъ черкеса. Онъ извѣстенъ былъ въ Карсѣ какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ турецкихъ офицеровъ, а личная его храбрость. энергія и распорядительность заслужили ему довѣріе войскъ и населенія. Поэтому, когда въ пятницу, 6-го мая, въ Карсъ пришло извѣстіе о взятіи Ардагана Русскими, никто рѣшительно не повѣрилъ этой новости. Но въ воскресенье, 8-го мая, въ Карсъ пріѣхали ардаганскіе жители, разсказавшіе подробности о взятіи русскими Ардагана. Они говорили, что русскіе поставили пушки на горахъ, и оттуда стрѣляли въ укрѣпленія и въ самый городъ, что многіе изъ жителей погибли отъ русскихъ бомбъ и что войска не въ состояніи были удержаться, такъ много было у Русскихъ пушекъ и войскъ. Жителей много убили, дома ихъ разграбили карапапахи; но когда пришли русскія власти, онѣ пригласили жителей и увѣрили ихъ, что никто ихъ трогать не будетъ. Карское населеніе пришло отъ этого извѣстія въ такое уныніе, что многіе громко говорили: «дай Богъ, чтобы русскіе поскорѣе взяли Карсъ, кончивъ дѣло однимъ ударомъ; по крайней мѣрѣ меньше будемъ страдать отъ лишеній.» Начальствующія лица, видя, что народъ упалъ духомъ, созвали войска и объявили имъ, что «правда, Русскіе взяли Ардаганъ, но за то и мы, Турки, овладѣли Ахалцыхомъ. Здѣсь же, въ Карсѣ, мы будемъ держаться крѣпко и храбро, разобьемъ Русскихъ.» Но ихъ словамъ по-

что никто не повѣрилъ. Всѣ понимали, что взятіе Алалцыха выдумано въ Карсѣ, потому что гонца съ такимъ извѣстіемъ никто не видѣлъ. Въ городѣ сейчасъ начали толковать, что если палъ Ардаганъ, гдѣ находились лучшія войска, арабистанцы, то Карсъ не долго можетъ держаться. Съ этихъ поръ почти все населеніе Карса было убѣждено, что Русскіе не сегодня, такъ завтра, непремѣнно возьмутъ Карсъ.

«Турецкія власти дѣятельно занимались подготовленіемъ обороны. Не говоря о прежнихъ работахъ по сооруженіи карскихъ укрѣпленій, съ марта мѣсяца нынѣшняго года вокругъ города шла работа «днемъ и ночью.» Вырывались рвы, возводили валы, копали ямы, и т. п. Въ апрѣлѣ пріѣзжали въ Карсъ англійскіе инженеры, осмотрѣвшіе всѣ укрѣпленія. Они сказали, что только два укрѣпленія вообще хорошо устроены, — Тохмасъ и Карадагъ; не одобрили остальныхъ; а объ укрѣпленіи Инглисъ они сказали, что это—«врагъ Карса что Русскіе легко могутъ взять его, а если они возьмутъ Инглисъ, то другія укрѣпленія имъ взять будетъ весьма легко.» Съ пріѣзда этихъ инженеровъ работы пошли еще дѣятельнѣе. Они оставались въ Карсѣ не болѣе 4—5 дней, а потомъ уѣхали въ Ардаганъ, и болѣе въ Карсъ уже не возвращались.

«Когда русскія войска показывались съ какой либо стороны, то всѣ турецкія войска, разставленныя гарнизономъ въ укрѣпленіяхъ Карса, переводились въ тотъ фортъ, со стороны котораго показались Русскіе. Въ прочихъ же фортахъ оставались одни лишь, артиллеристы. Орудія, размѣщенныя въ фортахъ, постоянно перевозились изъ форта въ фортъ, неизвѣстно съ какою цѣлью. Передвиженіе ихъ происходило большею частью по ночамъ. Въ укрѣпленіяхъ много новыхъ и большихъ орудій, привезенныхъ въ Карсъ зимою 1866 года. Между ними были и мѣдныя, и стальныя. Ихъ подводили на волахъ и буйволахъ, и въ каждое орудіе запряжено было по 20 и 40 паръ рогатаго скота.

«Несмотря на постоянныя хлопоты турецкихъ властей, все населеніе Карса было убѣждено, что «паши преданы Русскимъ», и что они только поэтому не дерутся съ русскими войсками, прохаживающимися вокругъ Карса. Главнаго пашу, ферика или генералъ-лейтенанта, обвиняли въ трусости; онъ даже въ городѣ выходитъ не иначе какъ сопровождаемый стражею изъ 25 и болѣе человѣкъ. Народъ, и особенно женщины, не даютъ ему прохода. Его осаждали упреками, отчего онъ не выходитъ съ войскомъ сражаться противъ Русскихъ. Толпы народа часто осаждаютъ его домъ и бросаютъ въ окна камни, крича, чтобы онъ вывелъ войска противъ Русскихъ. Эти толпы преимущественно состоятъ изъ женщинъ, которыя и ругаются на чемъ свѣтъ стоитъ. Оскорбительныя ругательства этихъ женщинъ заставили Мухтаръ-пашу выйдти изъ Карса, когда кавалерія кн. Чевчавадзе производила свой извѣстный дальный поискъ къ Саганлугскимъ горамъ.

«Что касается до войскъ, то они состояли большею частью изъ редифовъ. Регулярныхъ войскъ низама въ Карсѣ было не болѣе 9—10 тысячъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ кавалеріею, редифами и нестроевыми, въ Карсѣ имѣлось около 20,000 чел. войска; такова, по крайней мѣрѣ, цифра людей, продовольствуемыхъ кар-

скимъ интендантствомъ. Всей кавалеріи въ Карсѣ было отъ 800 до 1,000 человѣкъ. Въ томъ числѣ регулярной кавалеріи, сувари, было лишь 400 чел., остальная кавалерія состояла изъ горцевъ переселенцевъ, отъ 200 до 300 всадниковъ, и изъ городскихъ жителей, записавшихся на службу послѣ объявленія войны. Ни арабистанскихъ баталіоновъ, ни заптій, т. е. жандармеріи, въ Карсѣ вовсе не имѣлось.

«Солдаты низама жаловались, что ихъ штыки и сабли до сихъ поръ еще не отточены, и что имъ не приказываютъ точить оружіе. Но солдаты вообще неохотно идутъ на службу, особенно, когда ихъ посылаютъ противъ Русскихъ, внѣ укрѣпленій. Когда русскія войска проходили вблизи укрѣпленій и когда начальство созывало турецкія войска, то приходилось розыскивать солдатъ по лавкамъ и кофейнямъ, гдѣ они любятъ прятаться отъ необходимости идти на сраженіе. Проходитъ много времени, пока соберутъ по одиночкѣ большинство войска; многіе такъ и остаются неотысканными, до минованія опасности. Солдаты быть можетъ и охотно пошли бы на бой, но ихъ развращаетъ примѣръ начальства, которое само остается позади войска, командуя солдатамъ идти впередъ. При малѣйшей опасности офицеры, оставшіеся позади, пускаются въ бѣгство. Солдаты, видя это, разумѣется, въ свою очередь спасаются, кто куда сможетъ.

«Ни солдаты, ни офицеры не получали жалованья вотъ уже болѣе 10-ти мѣсяцевъ. Чиновники, врачи и начальствующіе получали жалованье бумажными деньгами, которыхъ никто не бралъ по курсу. Приходилось терять при размѣнѣ болѣе половины въ цѣнности, да и то, когда находились охотники брать бумажки. Только одни телеграфисты, да врачи изъ иностранцевъ, могли еще получать жалованье золотомъ.

«Личный составъ офицеровъ не отличался ничѣмъ особеннымъ; учившихся въ Константинополѣ офицеровъ почти вовсе не было въ войскахъ. Но почти всѣ начальники «табіе», т. е. укрѣпленій, получили образованіе не только въ Константинополѣ, но и въ «Марселіи» — сирѣчь за границею. Они считаются учеными, числятся въ генеральномъ штабѣ и рѣдко приходятъ въ городъ. Между медиками было нѣсколько человѣкъ французовъ. Одинъ изъ нихъ получали по 80 лиръ, или болѣе 500 руб. сер. въ мѣсяцъ. Большинство медиковъ состояло изъ Грековъ и Армянъ. Артиллеристовъ офицеровъ въ Карсѣ тоже считали учеными, но такихъ, кажется, немного или вѣрнѣе, ихъ въ Карсѣ мало видѣли, такъ какъ артиллеристы находились въ «табіяхъ».

— Корреспондентъ вѣнской *Presse* передаетъ изъ Плоэшти слѣдующее о положеніи Мухтаръ-паши: одному казацкому отряду удалось пробраться изъ Ольты на Эрзерумо-Карскую дорогу и перехватить депешу Мухтаръ-паши изъ его главной квартиры въ Эрзерумъ, въ которой послѣдній жаловался на недостатокъ одушевленія въ войскѣ и населеніи, а также на крайнюю нужду въ деньгахъ и съѣстныхъ припасахъ. И дѣйствительно, плѣнные, забираемые на рекогносцировкахъ, вполнѣ подтверждаютъ печальное положеніе войска. Одинъ плѣнный маіоръ жаловался, что не получалъ жалованья въ теченіе двухъ лѣтъ и 4-хъ

мѣсяцевъ. Взятые въ плѣнъ офицеры имѣютъ такой же истощенный и унылый видъ, какъ и плѣнные солдаты.

«Съ тѣхъ поръ какъ подъ Карсомъ показались Русскіе, всѣ предметы продовольствія поднялись въ цѣнѣ.

«Подвозъ припасовъ и товаровъ изъ Эрзерума или же Батума прекратился вовсе, потому что купцы и аробщики боятся попасться Русскимъ, которые разъѣзжаютъ по обѣимъ дорогамъ. Иногда, разъ въ двѣ недѣли, приходитъ транспортъ съ предметами довольствія. Такихъ транспортовъ, со времени первой экспедиціи кн. Чавчавадзе подъ Сагаплугъ, пришло въ Карсъ ровнымъ счетомъ пять.

Рекогносцировка Карскихъ укрѣпленій.

Отъ 27 и 28 мая. *)

Карсъ тщательно обложенъ пѣхотою и артиллеріею съ трехъ сторонъ: западной, сѣверной и восточной, а также съ юга кавалерійскими летучими отрядами, которые, въ свою очередь, поддерживаются дѣйствіями эриванскаго отряда, зашедшаго впередъ уже на столько, что сообщенія карскаго гарнизона съ южной стороны должны считаться тоже совершенно прерванными.

Лагерь генерала Ореуса подъ Мелюкъ-кіой отстоитъ отъ лагеря подъ Мацра на 4 версты и отдѣляется отъ него рѣчкой Карсъ-чай, текущей въ глубокой лощинѣ. Рѣчка эта, выбѣжавъ изъ-за стѣнъ Карса, первоначально забѣгаетъ на лѣво, къ западу, потомъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и, не доходя до лагеря подъ Мелюкъ-кіой, снова загибаетъ налѣво. Окружающія ее возвышенности, примѣняясь къ направленію Карсъ-чая, болѣе или менѣе дѣлаютъ тѣ же изгибы, вслѣдствіе чего движенія, совершаемыя на берегу рѣки, или по лощинѣ, служащей русломъ для нея, не всегда видны для тѣхъ, кто стоитъ за гребнемъ этихъ возвышенностей.

28-го мая, Его Высочество Главнокомандующій, въ сопровожденіи сильнаго конвоя, изволилъ отправиться для осмотра лагерей и войскъ генерала Геймана. Въ то же время изъ лагеря подъ Мацра выступила небольшая колонна для рекогносцировки сѣверо-восточныхъ мѣстностей подъ стѣнами Карса. Около 10 часовъ утра въ лагерѣ подъ Мацра послышались пушечные выстрѣлы, раздававшіеся изъ укрѣпленій Карса и какъ будто на западъ отъ насъ. Изъ нашего лагеря былъ выведенъ взводъ артиллеріи и батальонъ пѣхоты по направленію къ Карсу, или, говоря правильнѣе, по направленію къ ближайшему его укрѣпленію Арабъ-табіэ. Спустя полчаса послѣ того въ воздухѣ послышалось то особенное жужжаніе, которое всегда сопровождаетъ полетъ гранатъ. Оказалось, что турецкіе снаряды начинаютъ падать слишкомъ недалеко отъ нашего лагеря. Многіе

*) Сообщено: Тифлис. Вѣстн. и Правит. Вѣстникъ № 136; одно заимст. частнымъ письмомъ, другое Корр. газ. „Кавказъ“.

офицеры заинтересовались узнать дѣло ближе и, сѣвъ на лошадей, поскакали къ позиціи, передъ тѣмъ занятой взводомъ нашей артиллеріи. Мѣстность отъ нашего лагеря къ сторонѣ Карса постепенно возвышается до гребня, лежащаго въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря. Поднимаясь по ней, мы уже издали замѣтили, что артиллерія снимается съ позиціи и начинаетъ съѣзжать, а пѣхота медленно отступаетъ, за ними же скачутъ всадники во всѣ стороны. Почти всѣ офицеры, полагая дѣло конченнымъ, повернули назадъ, кромѣ одного, который вмѣстѣ со мною отправился дальше къ конному разъѣзду и даже впередъ его. На самомъ гребнѣ мы остановились. Передъ нами открывалась панорама укрѣпленій Карса. Крайнимъ слѣва было *Карадахъ*. Изъ-за стѣнъ его и у подошвы этихъ стѣнъ, находящихся на довольно большой высотѣ, показывались клубы дыма, за которыми немедленно слѣдовалъ гулъ выстрѣловъ. Справа отъ Карадаха лежитъ укрѣпленіе Арабъ-табіэ, гдѣ также виднѣлись клубы дыма. Кромѣ того впереди укрѣпленія, въ нашу сторону, примѣрно за версту отъ него, показывались тоже новые клубы дыма, доказывавшіе присутствіе въ этомъ мѣстѣ полевой турецкой батареи, выдвинутой за укрѣпленіе впередъ. Что́ дѣлалось въ лощинѣ рѣки Карсъ-чая—мы не могли видѣть, потому что и самая рѣка скрывалась отъ насъ за гребнями новыхъ, отдѣлявшихъ насъ отъ нея возвышенностей, между тѣмъ какъ турецкіе пушечные снаряды густо ложились вокругъ насъ. Одинъ изъ нихъ упалъ тутъ же за нами и врылся глубоко въ землю, не разорвавшись и не причинивъ намъ никакого вреда. Мы находились отъ укрѣпленія Карса верстахъ въ пяти; а падавшіе около насъ снаряды были девяти-фунтовые, значитъ—вылетали они изъ батареи, стоявшей отъ насъ несравненно ближе тѣхъ, которыя мы видѣли. Подъѣхавшій къ намъ артиллерійскій фельдфебель опредѣлилъ, что снаряды эти выпускаются на насъ изъ-за 900 саженъ, не больше. Гулъ выстрѣловъ усилился и сталъ уже ясно доноситься изъ лагеря Ореуса. Едва мы прибыли въ нашъ лагерь, какъ три пушечные холостые выстрѣла и трескъ барабановъ произвели тревогу. Было ровно часъ и все движеніе доказывало, что начинается дѣло, быть можетъ, весьма нешуточное. Изъ нашего лагеря скорымъ шагомъ и, выпуская впередъ себя стрѣлковъ, двигались солдаты бакинскаго и части дербентскаго полковъ; изъ средины ихъ выѣхала 1-я батарея 39 артиллерійской бригады и рысью побѣжала на то же мѣсто, гдѣ недавно передъ этимъ занималъ позицію ея же взводъ. Съ лѣваго фланга карьеромъ понесся взводъ 3-й батареи. Вслѣдъ за нимъ, развернутымъ фронтомъ, вылетѣла изъ лагеря вся 5-я батарея и поскакала на лѣвый флангъ нашей позиціи предъ Карсомъ. Спустя минутъ пять, не больше, показалась скачущею остальная часть 3-й батареи; за нею бѣглымъ шагомъ новыя колонны пѣхоты, и даже въ одной изъ нихъ слышались звуки музыки, боевой маршъ. Наконецъ, показались доктора и санитары съ носилками, все съ краснымъ крестомъ на рукахъ. Не прошло получаса времени отъ момента тревоги, какъ всѣ части войскъ были уже выдвинуты и заняли указанныя имъ мѣста. Артиллерія наша уже дѣйствовала и залпъ за залпомъ потрясали воздухъ. Все дѣло было чисто артиллерійское, за исключеніемъ ружейной пальбы, начавшейся на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ

и продолжавшейся всего нѣсколько минутъ. Дѣло продолжалось до 4 часовъ. Въ концѣ-концовъ, когда войска наши возвратились въ лагерь, выяснилось, что Турки, вышедши изъ укрѣпленій Карадаха и Арабъ-табіэ и развернувшись въ длинную линію, почти на 3 версты по дорогѣ изъ Карса въ Александрополь, дѣлали на нашъ лагерь правымъ плечомъ наступленіе, въ предположеніи, что застали насъ врасплохъ. Своевременный выходъ противъ нихъ нашей пѣхоты и быстрое появленіе 5-й батареи на нашемъ лѣвомъ флангѣ, заставили ихъ отступить. Но въ ту минуту никто изъ насъ еще не зналъ, что Турки въ одно и то же время затѣяли-было и нѣчто другое, что, гонясь почти по пятамъ за нашей рекогносцировавшей колонной и пользуясь скрытымъ ложемъ Карсъ-чая, они по лощинѣ, по которой течетъ эта рѣка, частью своихъ войскъ приблизились было къ лагерю генерала Ореуса, съ цѣлью смять этотъ лагерь. Это происходило въ тотъ самый моментъ, когда я стоялъ на гребнѣ возвышенности и смотрѣлъ впередъ себя, на укрѣпленія Карса, не замѣчая того, что дѣлается почти подъ нашими ногами. Если-бы мы подвинулись тогда шаговъ на двѣсти впередъ, то навѣрно попались бы къ Туркамъ въ плѣнъ, или же подверглись бы ихъ ружейнымъ выстрѣламъ,—столь близко тогда Турки подходили къ намъ. Отвлекая вниманіе наше на крайній свой правый флангъ, они направили часть своей пѣхоты съ двумя горными мортирами и съ частью кавалеріи прямо на лагерь генерала Ореуса, который въ то время подвергся было серьезной опасности.

Благодаря только распорядительности командировъ лагеря генерала Ореуса, а равно мѣстности и быстротѣ въ движеніяхъ артиллеріи нашего лагеря, заѣхавшей Туркамъ во флангъ и почти въ тылъ, они должны было оставить свою затѣю безъ осуществленія. Полевая ихъ артиллерія перемѣняла нѣсколько разъ свои позиціи, пока не спрятались за укрѣпленія. У насъ было выпущено около 300, у Турокъ 500 снарядовъ, изъ коихъ на долю одной 2-й батареи въ лагерѣ Ореуса пришлось слишкомъ 150 гранатъ и бомбъ. Мѣстность, занятая въ лагерѣ этою батареею, положительно была усыпана осколками гранатъ, или цѣлыми, не разорвавшимися гранатами. Надо удивляться, что, кромѣ одного солдата изъ этой батареи и другого изъ кубанскаго полка, легко раненыхъ, да нѣсколькихъ убитыхъ лошадей, разбитыхъ ранцевъ, котловъ и т. п., никто больше не пострадалъ и ничего больше не повреждено. Въ нашемъ-же лагерѣ положительно никакихъ не было потерь. На позиціяхъ солдатъ нашего лагеря большинство турецкихъ снарядовъ, весьма мѣтко направленныхъ, ложилось на рыхлую землю и потому, быть можетъ, не принесло намъ никакого ущерба; но въ лагерѣ генерала Ореуса изумительные произошли случаи. Одинъ изъ нихъ былъ слѣдующій: градъ бомбъ и гранатъ навелъ панику на деньщиковъ и маркитантовъ. Первые, безъ всякаго распоряженія, стали укладывать вещи своихъ господъ и запрягать лошадей; вторые бросились бѣжать изъ лагеря. Во время запряжки лошадей въ коляску командира 2-й батареи, когда коренникъ и лѣвая пристяжная были запряжены, прилетѣвшая бомба проскользаетъ подъ брюхомъ коренной, между ногами ея, ногами пристяжной и колесомъ экипажа, сбиваетъ съ ногъ

обѣихъ лошадей и, сдѣлавъ рикошетъ, перескакиваетъ на 15 шаговъ дальше и разрывается, не причинивъ никому вреда. Деньщики разбѣжались. Другая бомба падаетъ въ толпу строившихся пѣхотинцевъ и зарывается въ землю. Всѣ валятся вокругъ нея, потомъ встаютъ, встряхиваются, и дѣло кончается для всѣхъ благополучно. Третья падаетъ въ разстояніи одного шага передъ г. Новиковымъ, командиромъ 2-й батареи, напоромъ воздуха сбиваетъ его съ ногъ и обдаетъ землей. Всѣ думаютъ, что онъ убитъ, но командиръ, встаетъ, преспокойно поглаживаетъ бороду и продолжаетъ команду, какъ ни въ чемъ не бывало.

31-го мая повторилось точь въ точь дѣло 38-го числа, съ тою лишь разницею, что Турки тою же дорогою, которою прежде шли къ лагерю генерала Ореуса, вздумали было напасть на осадную батарею, устроенную наканунѣ. Но это имъ не удалось. Противъ ихъ батареи, заѣхавшей и дѣйствовавшей во флангъ нашей осадной, была выдвинута въ свою очередь наша 3-я полевая батарея, вынудившая турокъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ удалиться. Разница между обоими дѣлами заключается еще въ томъ, что противъ Турокъ, дѣйствовавшихъ противъ нашего лѣваго фланга 31-го мая, были высланы 2 эскадрона тверскаго драгунскаго полка, которые было заскакали подъ самые крѣпостные выстрѣлы и потомъ, отступая, потеряли плѣннымъ одного изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, находившагося на вторичной службѣ.

31-го мая у насъ ранено всего три солдата, исключительно изъ артиллеристовъ осадной батареи. Когда ихъ уносили съ поля въ лагерь, къ нимъ изволилъ подъѣхать Его Высочество Великій Князь Главнокомандующій и поздравилъ ихъ съ заслуженнымъ орденомъ св. Георгія.

Протоколъ корреспондентовъ о неуваженіи къ привиллегіи Краснаго Креста.

— Въ *Новомъ Времени* напечатанъ слѣдующій протоколъ, удостовѣряющій, что при бомбардированіи Журжева турки стрѣляли по госпиталю и другимъ зданіямъ, прикрытымъ флагами Краснаго Креста:

24-го іюня, во время артиллерійскаго боя между русскими баттареями, расположенными внѣ черты города, и турецкими береговыми баттареями Рущука, двѣ турецкія баттареи, не участвовавшія непосредственно въ этомъ бою, начали обстрѣливать беззащитный городъ, причемъ прицѣльными пунктами были избраны именно зданія, прикрытыя флагомъ Краснаго Креста—какъ-то: городская гимназія, гдѣ назначенъ былъ мѣстный перевязочный пунктъ и городской госпиталь. Доказательствомъ этого служатъ слѣды, оставленные турецкими снарядами: въ зданіи гимназіи, въ фасадѣ, обращенномъ къ Дунаю, насчитано нами двадцать пробоинъ, изъ остальныхъ строеній наиболѣе пострадавшими оказались тѣ только, которыя находились въ томъ же направленіи выстрѣловъ. По другому направленію снаряды ложились всѣ около госпиталя.

Наблюдая лично бомбардировку во все время ея продолженія, мы считаемъ

себя обязанными занести все это въ протоколъ и скрѣпляемъ его своими подписями.

Николай Каразинъ, корреспондентъ *Новаго Времени,* Михаилъ Федоровъ, корреспондентъ *Русск. Вѣд.*, В. И. Немировичъ-Данченко, корреспондентъ газ. *Нашъ Вѣкъ*, Д. А. Карикъ, корреспондентъ Эдинбургской газеты, *Scotsman*, С. В. *Brackenbury, correspondant militaire du Times.*

Журжево, 12-го (24-го) іюня 1877 г.

Съ Болгарскаго берега *).

Удача переправы.—Смерть полковника Стрѣльбицкаго и другихъ.—Посѣщеніе Государемъ Императоромъ перевязочныхъ пунктовъ и теплое участіе къ страдальцамъ. Главная квартира Государя въ Зимницѣ.—Награды. анекдоты.

Лишь только мы переправились на болгарской берегъ, какъ все было позабыто и безсовѣстное обиравшіе насъ Румыны, и злость ,которую мы испытывали въ теченіи цѣлаго мѣсяца отъ непріятельской бомбардировки на которую не имѣли права отвѣчать, и недоразумѣнія, въ которыя мы были поставлены замедленіемъ переправы и товарищество, заставлявшее иногда несвоевременною доставкою жить въ проголодь. Все забыто, повторяю, потому, что тайна передвиженій обманула непріятеля и переходъ главныхъ силъ нашихъ обошелся сравнительно весьма недорого, если вспомнитъ, что въ 1828 году переправа обошлась потерею 11 тысячь человѣкъ, въ 1854 г. 15 тысячь а въ прошломъ 1877 году съ чѣмъ-нибудь 1000 ч. убитыхъ и раненыхъ.

Непозабыть, какъ погибнулъ несчастный Стрѣльбицкій, полковникъ и командиръ баттареи.

Дѣло было такъ: шелъ второй рейсъ, съ которымъ должна была переправиться горная баттарея и рота сводныхъ гвардейцевъ конвоя Государя, состоявшая изъ выбранныхъ отъ всѣхъ полковъ, подъ командою флигель-адъютанта, полковника Озерова. Вотъ, насколько помню, разсказъ участника въ этомъ дѣлѣ. Только-что отплыли отъ берега, какъ съ турецкой баттареи, расположенной лѣвѣе Систова, начали обстрѣливать понтоны гранатами; гранаты падали около самыхъ понтоновъ и морякамъ пришлось лавировать. На каждомъ понтонѣ было по 8 матросовъ гребцовъ и по одному морскому офицеру. Дессантъ распредѣлялся по 45 ч. на понтонъ и садился внутрь. Моряки же офицеры должны были стоять и держали себя молодцами. Ширина Дуная въ этомъ мѣстѣ 650 саженъ. Вдругъ одна граната ударила въ понтонъ съ платформой для горныхъ орудій, и прямо въ связь; лошади рванулись въ сторону, опрокинули понтонъ и оба орудія и прислуга потонули. Съ берега видѣли, какъ боролся съ теченіемъ несчастный командиръ баттареи, подполковникъ Стрѣльбицкій, видѣли, какъ онъ силился удержаться на водѣ, хватаясь за шею лошади, какъ осла-

*) Заимст. изъ корр. г. Федорова въ Рус. Вѣдом. 1877 г.

бѣли его руки и онъ пошелъ ко дну. Только двое артиллеристовъ спаслись при этомъ, одинъ уже на этомъ берегу,—высокій сильный, настоящій голіаѳъ; о другомъ только слышно, что онъ гдѣ-то выплылъ.

На этомъ же понтонѣ находился откомандированный отъ гвардейской роты артиллеріи офицеръ Тюрбергъ. Ему совѣтовали взять съ собою гуттаперчевую подушку, на случай если разобьютъ понтонъ; онъ послушался совѣта, но сѣлъ не не платформу, а въ понтонъ и утонулъ изъ первыхъ, и 33 полевой артил. бригады шт. капитанъ Кобіевъ.

Когда прибылъ въ Зимницу Государь Императоръ, то прямо изъ коляски весь въ пыли отправился на перевязочные пункты. Онъ былъ сильно взволнованъ и говорилъ съ ранеными такъ тепло, что нужно ихъ видѣть было послѣ обхода, чтобы понять, какъ освѣжающе подѣйствовало на нихъ это посѣщеніе. Раненые солдаты разсказывали мнѣ съ восторгомъ, что Государь благодарилъ ихъ по нѣсколько разъ и раздалъ нѣсколько крестовъ.

— Государь былъ тутъ и спрашивалъ меня, разсказывалъ мнѣ послѣ гвардеецъ съ пробитыми пулей обѣими погами, и пять разъ сказалъ спасибо!

— А какъ же ты раненъ? спросилъ я.

— А чортовъ сынъ изъ-за куста огрѣлъ; мы какъ бросились на нихъ, а онѣ сейчасъ бѣгомъ назадъ, ну тутъ мы прикалывали встрѣчныхъ и я троихъ зазакололъ, а онъ какъ хватитъ меня, сначала я сгоряча не остановился и погнался за нимъ; только черезъ десять шаговъ прямо лицомъ внизъ упалъ, не хватило силъ.

Одного раненаго Государь спросилъ что ему удалось сдѣлать?

— Одну Турку, Ваше Императорско Величество, заколылъ,—отвѣчалъ онъ добродушно.

Но были и такіе, которые прикололи нѣсколько больше, а одинъ гвардеецъ, говорятъ, уложилъ ихъ 9-ть человѣкъ.

Главный перевязочный пунктъ былъ устроенъ прекрасно, палатки просторныя и новыя, раненымъ лежать очень хорошо, ибо они оставались на носилкахъ, которыя ставились на ножки. Изъ Александріи прибыли тотчасъ же сестры милосердія Крестовоздвиженской и Георгіевской общинъ. Какъ онѣ работали и сколько приносили пользы, могли судить только раненые, да видѣвшіе ихъ въ дѣлѣ; доктора не нахвалятся ими и говорили мнѣ, что успѣли перевязать всѣхъ раненыхъ въ одни сутки, только благодаря ихъ помощи. А когда слышишь, бывало, по палаткамъ ихъ ласковыя голоса:

— А, ты, голубчикъ, еще не обѣдалъ?

— А тебѣ, милый, можетъ пить хочется?

— Вотъ тебѣ, винца; выпей немного, легче будетъ.

— Погоди, я поправлю тебѣ подушку, она сбилась.

— Потерпи, потерпи немного, Богъ поможетъ, скоро поправишься!.. и т. п. то на душѣ дѣлается какъ-то легко.

Но госпитали и перевязочные пункты лишены многаго самаго необходимаго:

табаку, сигаръ, чаю, сахару, вина, ликеровъ и дезинфекціонныхъ средствъ, которыхъ не присылали или задерживали при пересылкѣ.

Запасы табаку и чаю, забранные изъ Россіи, вышли, здѣшній табакъ отвратителенъ и страшно дорогъ. Солдатъ безъ табаку не можетъ жить, пропадаетъ его добродушная веселость, умолкаютъ пѣсенки и начинаетъ развиваться скука и болѣзни. Мнѣ приходилось видѣть, какъ въ Туркестанѣ солдаты, захваченные неожиданно долгимъ походомъ, оставались безъ табаку. Страстное желаніе покурить заставляло разрѣзывать деревянные чубучки трубокъ, вырѣзать табачный нагаръ и смѣшивать его съ травой; за затяжку такимъ импровизированнымъ куревомъ платили по двѣ копѣйки, и когда я имѣлъ возможность раздобыть для несчастной безтабачной роты нѣсколько пудовъ листоваго табаку, то день прибытія этого транспорта былъ для роты настоящимъ праздникомъ.

Раненые цѣловали меня за одну папироску, такъ хотѣлось имъ покурить, а запасовъ вовсе нѣтъ.

Заговоривъ о частной помощи, не могу не упомянуть о примѣрѣ ея, который у меня передъ глазами. Студентъ петербургской медико-хирургической академіи Рыжовъ снарядилъ на свои средства отдѣльный санитарный отрядъ, который будетъ слѣдовать за арміей въ видѣ перевязочнаго пункта. Прекрасная просторная палатка вмѣщаетъ въ себѣ 25 кроватей, бока палатки внутри обтянуты сукномъ. Въ главномъ перевязочномъ пунктѣ есть киргизскія кибитки и джюломѣйки, которые считаются лучшимъ помѣщеніемъ для раненыхъ. Во главѣ отряда стоитъ доцентъ петербургской медико-хирургической академіи Поповъ, при немъ семь студентовъ-фельдшеровъ—Лангъ, Бехтеревъ, Кривопоговъ, Рыжовъ, на средства котораго устроенъ и содержится весь отрядъ, Токаревъ, Авдуевскій и Крыловскій—студенты, большею частью товарищи Рыжова.

Отрядъ Рыжова теперь соединился съ отрядомъ Краснаго Креста, во главѣ котораго стоитъ профессоръ кіевскаго университета Ринекъ (хирургъ) и при немъ профессоръ Чудковскій (терапевтъ), докторша Марія Ѳедоровна Зибольдъ, уже извѣстная по ея дѣятельности въ Сербіи, докторъ Посѣцкій, путешественникъ по Китаю, врачи Модестовъ, Альбицкій и Андреевъ и 12 человѣкъ студентовъ. Оба отряда будутъ слѣдовать за арміей въ видѣ летучихъ перевязочныхъ отрядовъ.

Я обошелъ раненыхъ въ отрядѣ Рыжова и вотъ нѣкоторыя замѣтки изъ моей записной книжки.

№ 3-й. Пластунъ—раненъ въ спину; по его соображеніямъ, онъ раненъ своими, ибо мѣстность страшно пересѣченная, а костюмъ пластуновъ ничѣмъ не напоминаетъ солдатскій и ихъ легко можно принять за черкесовъ. Онъ очень добродушно относится къ несчастной случайности, жертвой которой пришлось сдѣлаться ему самому.

— А кабы нашихъ пластуновъ не били наши же, то ничего бы было, а то винъ не распознае, чи свои, чи чужой,—говоритъ онъ безъ всякой злобы, а словно высказывая только свои соображенія. Вообще пластуны потеряли человѣкъ 20-ть изъ сотни.

№ 4-й. Волынскъ, т. е. Волынскаго полка, по фамиліи Ракъ, разсказывалъ, что ихъ въ одномъ мѣстѣ было человѣкъ шестьдесятъ, по 30 отъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ. Они нарвались на большую массу турокъ, которые почти всѣхъ ихъ положили на мѣстѣ. Ему пришлось лежать подъ 4 трупами и притомъ въ полной памяти. Турки два раза возвращались къ нимъ и докалывали раненыхъ оба раза. Доколовъ раненыхъ, они прежде всего стаскивали съ нихъ сапоги, а съ офицера сорвали часы. Оба раза онъ спасся и наконецъ попробовалъ вылѣзть.

— Хочу вылѣзть, разсказывалъ онъ, а сухарная сумка мѣшаетъ и убитыя дюже тяжелы; только наконецъ вылѣзъ и кликнулъ: «Отзовитесь братцы, неужто здѣ нѣтъ никого»? А Сидѣнко и Кучерябенко и отозвались изъ подъ мертвыхъ, а Черкесъ, тоже нашей роты, выскочилъ изъ-за камней. Сосчитались мы, а насъ только четверо живыхъ да трое ранены и только Сидѣнко совсѣмъ здоровъ; онъ притворился мертвымъ, его и не тронули, такъ совсѣмъ здоровый остался.

№ 7-й. Молибоженко, 6-й роты Минскаго полка, веселый, добродушный хохолъ, переколовшій 8 Турокъ, нарвался наконецъ на засаду; пуля пробила ему одну ногу выше колѣна и ударившись о другую, свалилась въ сапогъ. Кровь сильно наполняла ему сапогъ, а онъ все еще гнался за удиравшими турками и, когда его привели на перевязочный пунктъ, то онъ просилъ только, чтобы ему мокро въ сапогѣ не было, и не хотѣлось оставаться на томъ основаніи, что онъ не раненъ, такъ какъ пуля все равно выскочила.

По разсказу одного офицера, ему хорошо помнится комическій эпизодъ во время лѣснаго дѣла:

— Знаете, мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть, какъ закалываютъ людей, и впечатлѣніе было скверное, такъ что я старался не смотрѣть. Но это мнѣ отлично помнится: смотрю одинъ волынецъ маленькаго роста наскочилъ на Турка еще меньше его; вотъ онъ подскочилъ къ нему и слегка пырнетъ штыкомъ, тотъ тоже, и оба отскочатъ. Видно, что они ничего другъ противъ друга не имѣютъ. Я ушелъ впередъ, а они все еще прыгали.

Привели двухъ раненыхъ гвардейцевъ; у одного изъ нихъ мундиръ былъ прорванъ и зашитъ.

— Когда зашилъ мундиръ? спросилъ его докторъ послѣ осмотра раны.

— Это пулей прорвали, а нынче мы на молебствіе собирались, ну такъ нужно было исправить.

Съ такими солдатами можно идти куда хочешь.

И дѣйствительно, всѣ офицеры отзываются съ восторгомъ о солдатахъ, особенно о Волынцахъ.

По извѣстіямъ, полученнымъ нѣмецкими газетами, главная квартира Императора Александра находится въ настоящую минуту въ Зимницѣ, гдѣ Государь поселился въ домѣ князя Ипсиланти. Въ Зимницѣ находится теперь также и англійскій военный агентъ, полковникъ Уэллеслей; онъ былъ благосклонно принятъ, какъ Государемъ, такъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

Императоръ отправился въ свою главную квартиру, небольшой домикъ, окру-

женный фруктовымъ садомъ и расположенный на самомъ берегу. Въ саду свита разбила палатки въ очень живописномъ порядкѣ. Государь пробылъ не болѣе часу въ главной квартирѣ, затѣмъ поѣхалъ на пристань, взошелъ на пароходъ и переправился черезъ Дунай. На болгарскомъ берегу Его Величество съ восторгомъ былъ встрѣченъ войсками и христіанскимъ населеніемъ. Государь проѣхалъ на поле битвы и изъѣздилъ его во всѣхъ направленіяхъ. Санитарные отряды еще заняты были подбираніемъ мертвыхъ тѣлъ, и какъ разъ въ ту минуту, какъ подъѣхалъ Государь, нашли въ одномъ кустарникѣ пятерыхъ турокъ и двухъ русскихъ гвардейскихъ солдатъ. Съ глубокимъ состраданіемъ смотрѣлъ Императоръ на неизбѣжныя жертвы войны. Затѣмъ онъ отправился на смотръ войскъ. Въ присутствіи всего корпуса Императоръ благодарилъ генераловъ Драгомирова и Рихтера, похвалилъ Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго и поблагодарилъ всю армію. Генералы Драгомировъ, Рихтеръ и Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій получили на полѣ битвы георгіевскіе кресты. Затѣмъ Императоръ поѣхалъ въ Систово, которое нисколько не пострадало отъ бомбардировки, но тѣмъ не менѣе оставлено турецкимъ населеніемъ, и выказалъ живѣйшее участіе къ положенію Систова. Болгарскій легіонъ уже находится здѣсь, чтобы тотчасъ же, какъ дойдетъ до него чередъ, быть переправленнымъ на тотъ берегъ *) Всѣ русскіе консулы, которые когда-либо служили въ Болгаріи, вице-консулы и другіе чиновники консульствъ назначены въ распоряженіе князя Черкасскаго. Каждый изъ нихъ, по возможности, будетъ назначенъ въ то мѣсто, гдѣ онъ уже дѣйствовалъ раньше, и такимъ образомъ у администраціи явятся съ самаго начала опытные и знающіе туземный языкъ чиновники, хорошо знакомые съ мѣстными лицами и условіями. Въ главной квартирѣ въ Зимницѣ вечеромъ снова слышны были громкое «ура!», которымъ былъ встрѣченъ Государь по возвращеніи изъ Систова. Но пребываніе въ Зимницѣ крайне неудобно: нельзя достать ни приличной квартиры, ни сносной пищи, и, что всего хуже, вода почти невозможная для питья, а между тѣмъ приходится ее пить. Фильтръ для очищенія воды—совершенно необходимая вещь, и у кого его нѣтъ, тому приходится глотать мутную воду или страдать отъ жажды; ни вина, ни пива достать нельзя. Даже солдаты, которые, какъ я вывелъ изъ личнаго наблюденія, необыкновенно покладистый и нетребовательный народъ, включая сюда и казаковъ, говорятъ, что вода никуда не годится, и радуются, что выберутся наконецъ въ Болгарію изъ этой болотистой низины. Не смотря на эти неудобства, санитарное состояніе войскъ очень удовлетворительное и эпидемическихъ болѣзней совсѣмъ нѣтъ.

Систовскій корреспондентъ «Голоса» сообщаетъ: «Государь Императоръ продол-

*) Прежде, чѣмъ болгарскій легіонъ переправился въ Систово, генералъ Столѣтовъ обратился къ нему съ рѣчью, въ которой, по словамъ „Presse", указывалъ на то, что этотъ легіонъ призванъ участвовать въ бояхъ, а не дѣйствовать въ качествѣ полевой жандармеріи. Генералъ Столѣтовъ высказалъ надежду, что численность легіона возростетъ съ дальнѣйшимъ наступленіемъ. Для вооруженія и военной организаціи вновь поступающихъ болгаръ были приняты мѣры.

жаетъ посѣщать лазареты, утѣшая раненыхъ и цѣлые часы посвящая дѣламъ благотворенія. Вчера Его Величество, въ сопрожденіи англійскаго военнаго агента, полковника Уэллеслея, навѣстилъ двухъ несчастныхъ Болгаръ, которые сегодня въ ночь уже умерли; одному пуля пробила черепъ и засѣла въ груди, у другого черепъ былъ раскроенъ двумя сабельными ударами накрестъ. Онъ объяснилъ, какъ могъ, Его Величеству, что турокъ, замахиваясь, приговаривалъ: «Вотъ тебѣ, христіанская собака, твой крестъ!» Государь Императоръ едва сдерживалъ слезы, слушая эти слова. Когда же Его Величество узналъ причину этихъ истязаній, лицо его выразило внутреннюю боль, какъ бы самимъ Имъ испытываемую: оба эти болгарина пострадали за то, что не хотѣли или не могли указать, гдѣ они спрятали свои деньги. Взявъ подъ руки полковника Уэллеслея, Государь Императоръ сказалъ ему, указывая на болгаръ: «*Voyez l'ouvrage de vos protégés.*» («Посмотрите — это дѣло людей, вами покровительствуемыхъ»).

«Въ одномъ изъ отдѣленій лазарета помѣщаются до 20 турокъ. Государь Императоръ посѣтилъ сегодня это отдѣленіе совершенно одинъ, въ сопровожденіи только переводчика. Когда Его Величество спросилъ, довольны ли они уходомъ за ними, турки отвѣчали, что они давно уже молятъ Аллаха о дарованіи побѣды русскому Царю, который избавитъ ихъ отъ дурной администраціи. Полагая, что турки не поняли вопроса, Государь Императоръ приказалъ вновь спросить ихъ, довольны ли они, но отвѣтъ турокъ былъ неизмѣнно тотъ же. Его Величество улыбнулся и приказалъ дать имъ по червонцу.

Около 11 часовъ пріѣхалъ Государь Императоръ, остановился у госпиталя и пошелъ по палаткамъ, причемъ спрашивалъ каждаго раненаго чѣмъ и какъ онъ раненъ. Выходя, Государь благодарилъ людей: «Спасибо вамъ! молодцы!» «Рады стараться, Ваше Императорское Величество,» отвѣчали солдатики. «Богъ съ вами, поправляйтесь!» «Постараемся, Ваше Императорское Величество.» «Да ужь вы, кажется, постарались!—Они говорятъ: «постараемся,» обратился Государь къ окружавшимъ Его лицамъ, «а ужь, кажется, они постарались!» Одинъ раненый л.-гв. Павловскаго полка спалъ; проснувшись и увидѣвъ Государя, онъ заговорилъ: «Я шестерыхъ закололъ, Ваше Императорское Величество, а на седьмомъ меня ранили и ужь не могъ.» Другой солдатикъ Волынскаго полка показывалъ, что у него всѣ 30 патроновъ остались. «Это ты показываешь, что у тебя патроны остались, какъ Драгомировъ приказалъ?» *) Многіе особенно офицеры были тяжело ранены, нѣкоторымъ изъ раненыхъ дѣлали перевязки,—доктора говорили что нельзя довольно удивляться терпѣнію людей. Ужасно смотрѣть на раненыхъ въ голову: двоихъ безпрестанно сводили судороги. Волынскаго полка штабсъ-капитанъ Бряновъ былъ поднятъ на штыки и изувѣченъ 7-ю ранами, онъ страшно страдалъ, до него нельзя даже было прикоснуться. Когда его посѣтилъ, еще до пріѣзда Государя, Его Императорское Высочество Главнокоман-

---

*) Въ своемъ приказѣ генералъ Драгомировъ, между прочимъ, говоритъ, чтобы солдаты кололи штыкомъ, и меньше стрѣляли, а если у кого, послѣ дѣла, окажется меньше 30 патроновъ, изъ 90, то онъ останется тѣмъ солдатомъ весьма недоволенъ.

дующій, онъ жестоко, мучился, но былъ въ памяти и просилъ руку у Его Высочества. «Что, Бряновъ, ты очень страдаешь?» «Да, Ваше Высочество, дайте руку поцѣловать!» былъ отвѣтъ. «Нѣтъ! Дай Я тебя поцѣлую!» сказалъ Его Высочество, и поцѣловалъ этого героя и мученика. Онъ кончилъ страдать на другія сутки. Вообще страданія ужасны!... и здѣсь лучшая школа научиться уважать людей посвятившихъ себя или призванныхъ въ военную службу.

Спеціальный корреспондентъ *Standard*, разсказывая о своей аудіенціи у Великаго Князя Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміей, передаетъ отъ 7 іюля: «Великій Князь сообщилъ мнѣ объ ужасающихъ жестокостяхъ совершенныхъ турками въ Добруджѣ. Одинъ христіанинъ, руки котораго были связаны ремнями, вырѣзанными изъ его же кожи и которому затѣмъ былъ отрѣзанъ языкъ, былъ принесенъ предъ Государя Императора и испустилъ духъ на Его глазахъ. Его Величество обратился тогда къ полковнику Уэллеслею и просилъ его извѣстить свое правительство о томъ что онъ видѣлъ своими глазами. Съ начала войны я слышалъ много такихъ исторій, но очевидцемъ не былъ. Послѣ личныхъ увѣреній Великаго Князя нельзя болѣе сомнѣваться что турецкіе офицеры не въ состояніи контролировать злодѣевъ допущенныхъ ими въ свои иррегулярныя войска. Русскіе солдаты чрезвычайно возбуждены этими разсказами. Великій Князь коснулся также прибытія англійскаго флота въ Безику и повторительно замѣтилъ: «Это не очень любезно со стороны вашего правительства.»

«Мнѣ сообщили, что султанъ всѣми силами старается распускать слухи, что онъ обѣщаетъ всякому русскому офицеру, который перейдетъ въ турецкую службу и явится въ Константинополь, двойное содержаніе и повышеніе двумя чинами. Когда передали этотъ слухъ Государю Императору, Его Величество расхохотался и сказалъ: «Что жь, Я буду первый русскій офицеръ, который придетъ къ султану; но Я приду къ нему, сохраняя мой чинъ!»

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

и высокое назначеніе его въ предѣлахъ Болгаріи.

Князю Владиміру Александровичу волею Русскаго Государя Императора было назначено ввести въ Болгаріи новый порядокъ управленія, и преобразовать тотъ гражданскій строй, который могъ бы обезпечить внутреннее благосостояніе края во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ порядка.

Временный губернаторъ Болгаріи, Кн. Владиміръ Александровичъ родился въ 1824 году, образованіе свое онъ получилъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Въ 1858 г. какъ мѣстный помѣщикъ былъ приглашенъ въ члены тульскаго Губернскаго Комитета, по устройству быта крестьянъ, а въ мартѣ слѣдующаго года былъ назначенъ членомъ экспертомъ въ редакціонную коммиссію для составленія *«положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.* Въ 1863 году В. А.

перенесъ свою дѣятельность въ Царство Польское, гдѣ состоялъ членомъ и даже предсѣдателемъ въ различныхъ комитетахъ по устройству духовенства Римско-католическаго исповѣданія и Греко-уніатскаго, по надѣлу безземельныхъ крестьянъ и прочее. Участвовалъ также впослѣдствіи въ составленіи окончательнаго проэкта административнаго раздѣленія Царства Польскаго. За многотрудную дѣятельность свою въ западномъ краѣ кн. Черкасскій произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степени.

Повыходѣ въ отставку, кн. Черкасскій жилъ въ Москвѣ, уѣзжая на лѣто въ свое имѣніе въ Веневскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Въ 1869 году Москва почтила князя Черкасскаго избраніемъ въ городскіе головы. Прослуживъ недолго въ этой почетной должности, онъ съ тѣхъ поръ постоянно избирался въ гласные московской Городской думы и въ губернскіе гласные Тульскаго Земскаго собранья.

На долю этой почтенной личности пала многотрудная и почетная роль водворенія обще-европейскаго порядка въ Болгарской средѣ; его роль въ Болгаріи должна была состоять въ томъ, чтобы дать болгарамъ систему самоуправленія и поставить этотъ народъ такъ, чтобы могли уже потомъ сами двинуться впередъ на пути абсолютнаго развитія.

Князь имѣлъ невысокій ростъ, голова его покрыта сѣдиною, онъ выглядѣлъ уже лѣтъ 60-ти, держалъ себя просто. Какъ на героя шестидесятыхъ годовъ, на него можно было вполнѣ надѣяться, что онъ исполнитъ свое дѣло Болгарской культуры наилучшимъ образомъ.

Еще до переправы чрезъ Дунай, болгары знали назначеніе Владиміра Александровича, хотя это держалось тайно; они очень интересовались знать о князѣ по болѣе подробныхъ свѣдѣній и безпрестанно обращались съ распросами къ Русскимъ.

Уже ранѣе, чѣмъ слѣдовало, Болгары называли князя *своимъ отцомъ и благодѣтелемъ,* и съ нетерпѣніемъ ожидали административной катастрофы.

Русская организація началась въ широкихъ размѣрахъ *). По свѣдѣніямъ, заслуживающимъ довѣрія, задача князя Черкасскаго и его комитета была двойная—аграрная **) и политическая. Для разрѣшенія первой задачи—нужно было отчуждать земельную собственность у всего магометанскаго феодальнаго дворянства, которое въ Болгаріи, впрочемъ, не очень многочисленно и состоитъ изъ семействъ ренегатовъ. ***) Семейства эти полагалось, кромѣ отнятія у нихъ владѣній, изгнать изъ Болгаріи, причемъ за мусульманами будетъ обезпечена личная безопасность. Можно вообразить только, каково положеніе каждаго землевладѣльца, который всегда содѣйствовалъ туркамъ, въ угнетеніи бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, и соотечественниковъ, и пользовался за это всякаго рода матеріальными выгодами. Другіе изъ этихъ ренегатовъ состояли по большой части арен-

*) „National-Zeitung" отъ 22-го іюня.—**) Касающаяся земли вообще, то есть хозяйственному касательно полей, надѣловъ, межеванія и установленія порядка землевладѣнія.

***) Потурченцевъ, отступниковъ.

даторами казенныхъ земель или имуществъ вакуфовъ, то есть мечетей и этимъ путемъ сколотили себѣ громадныя состоянія. По новому проэкту отчужденныя земли будутъ распредѣлены между Болгарами.

Изъ этого можно заключить, что русское правительство по отношенію къ аграрному или хозяйственному вопросу въ Болгаріи ограничивалось одной точкой зрѣнія съ нотой Андраши; и еще основательнѣе приступало къ дѣлу съ увѣренностью, что эта работа осуществится скоро и успѣшно.

Кромѣ того русское правительство имѣло въ виду ввести въ Болгаріи новый административный порядокъ во всемъ и для того удаляло всѣхъ чиновниковъ мутесарифовъ и сельскихъ старостъ магометанскаго вѣроисповѣданія изъ турецкой службы по мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ вступать во вновь покоренный край.

Профессоръ Богишичъ, помощникъ князя Черкасскаго, къ тому же извѣстный авторъ Черногорскаго законодательства, принялъ на себя роль руководителя въ первоначальныхъ законодательныхъ трудахъ. Весьма благое предначертаніе плана.

Такое дѣло, какъ введеніе новаго законодательства, требовало много сотрудниковъ. Въ свое время *) извѣщали, что въ числѣ членовъ коммисіи состояли подъ предсѣдательствомъ полковника Соболева, гг. Ивепюковъ, Лисѣвичъ, и болгары Н. Геровъ, С. Бурмовъ и Х. Стогановъ. Говорили, что предварительными ихъ работами были: переводъ существовавшихъ до сего времени въ Болгаріи турецкихъ законовъ. Предварительно переведенные на болгарскій, ихъ потомъ перевели на русскій, для того, чтобы ближе ознакомиться съ характеромъ законовъ существующихъ и взглядомъ на нихъ болгаръ; такъ какъ законы каждой страны гармонируются и регулируются нравами и обычаями.

«Повидимому, говорила газета, существующія законы будутъ приняты въ Болгаріи, но впослѣдствіи ихъ конечно измѣнятъ на болѣе подходящія къ нуждамъ страны; налоги вообще велики и распредѣлены по волѣ властей неправильно: она была и на скотъ и на произведенія земли. Эти турецкіе налоги до того велики, что болгаринъ отказывался отъ скотоводства, такъ какъ оно не приносило прибыли, а напротивъ, въ досталь разоряло его. На этомъ убѣжденіи бѣднякъ бросалъ земледѣліе, поля оставались необработанными, развѣ только и оставлялъ себѣ такой клокъ, который могъ дать ему средства насущнаго пропитанія. Такая благодатная страна, какъ страна Болгарія, съ ея небомъ, почвой и географическимъ положеніемъ, не можетъ не дать благопріятнаго результата въ агрономическомъ отношеніи при самостоятельной и умно расчитанной обстановкѣ.

До сихъ поръ въ Болгаріи была введена десятинная подать,—это сборъ десятой доли дохода съ произведеній; какъ бы то ни было, но лучше-бы было взимать, какъ принято во Франціи такъ и въ Румыніи, десятую часть съ количества земли; здѣсь играетъ роль—внушительная сторона дѣла; каждый землевладѣлецъ будетъ стараться хорошенько обработать свой участокъ, чтобы имѣть

*) Корресп. „Русскаго міра“ 1877. 12. іюня.

большую прибыль; а между тѣмъ существовавшіе до сихъ поръ законы Болгаріи вели только къ тому, что громадныя мѣста пустовали внѣ всякой обработки и производительности, или же были обработываемы крайне небрежно, не смотря на благодарную почву.

Коммисія, назначенная для перевода законовъ, занималась также и статистикой Болгаріи, что понятно представляетъ одну изъ первыхъ необходимостей вновь образуемой державы. Но къ несчастію статистика Турціи еще во младенческомъ состояніи, да и нельзя было ввести строгаго контроля въ отношеніи къ числу жителей Болгаріи, такъ какъ турецкіе сборщики податей, въ видахъ собственнаго интереса, то уменьшали, то увеличивали число обитателей и обманывали правительство и это имъ было тѣмъ болѣе удобно, что списки касались одного мужескаго пола.

Для поправки и провѣрки статистическихъ соображеній коммиссіи хорошо-бы было руководствоваться документами, хранящимися въ архивахъ греческихъ патріарховъ или болгарскихъ экзарховъ *). Но по строгому изслѣдованію и эти источники оказались невѣрными. Управленія митрополитовъ восточныхъ церквей находили выгоднымъ скрывать правду, тоже съ цѣлью, чтобы меньше платить въ патріаршую кассу. Такимъ образомъ эпархіи, имѣющія отъ 30 до 40 тыс. семействъ, выставляли своему начальству таблицы, гдѣ значилось отъ 20 до 30 тыс. семействъ, сберегая сумму отъ налога на 10 тысячъ. При этомъ нужно помнить, что каждое семейство платило отъ 5 до 6 піатровъ, слѣдовательно подлежащія власти клали въ карманъ ежегодно отъ 50 до 60 тыс. піатровъ сверхъ полученнаго содержанія. Какія же тутъ статистическія свѣдѣнія? Конечно они возможны, но повѣрочной работы пропасть!

«Вслѣдствіе прибытія въ Мачинъ войскъ Его Императорскаго Величества Государя Всероссійскаго, г. Бѣлоцерковскій, уполномоченный императорскимъ правительствомъ для организаціи гражданскихъ и судебныхъ властей, сегодня, 13 текущаго іюня, созвалъ населеніе Мачина въ помѣщеніе мѣстной полиціи, гдѣ лично засвидѣтельстовавъ, что населеніе состоитъ изъ Болгаръ и Румыновъ, предложилъ приступить къ выбору административнаго совѣта, составленнаго изъ 7 членовъ, также, какъ и къ выбору главы полиціи. Собраніе жителей Мачина, сообразуясь съ законами и справедливостью, приступило, посредствомъ тайнаго голосованія, къ выборамъ, и изъ десяти предложенныхъ кандидатовъ на предсѣдательство въадминистративномъ совѣтѣ, избраны слѣдующіе горожане: Ст. Іоневъ—призидентъ; Ст. Топовъ — вице-президентъ; Друми Вырбановъ, Марко Теодоровъ, Іоникъ Мирикъ, Константинъ Георгіевъ, Дмитрій Каровъ—совѣтники; Григорій Владіевъ — секретарь, и С. Габровскій— глава полиціи.

«14 іюня вновь созвано было населеніе и, послѣ того, какъ оно еще разъ выразило свою благодарность за правильный образъ дѣйствій при выборахъ,

---

*) Блюстителей порядка духовныхъ дѣлъ по порученію Патріарха; тоже что митрополиты въ Россіи.

приступлено было къ освященію зданія, въ которомъ будутъ засѣдать административный совѣтъ и всѣ власти. Освященіе совершено было въ присутствіи генерала Жукова, г. Бѣлоцерковскаго и другихъ; оно сопровождалось благодарственнымъ молебствіемъ за здоровье Его Императорскаго Величества, Августѣйшей Фамиліи и храбрыхъ русскихъ войскъ.

«По окончаніи молебствія, г. Владіевъ, секретарь административнаго совѣта, исчисливъ всѣ страданія, перенесенныя болгарскимъ народомъ со стороны варварскихъ его тирановъ, въ теплой, задушевной рѣчи выразилъ вѣчную благодарность населенія Мачина за облегченіе участи христіанъ на Востокѣ — цѣль, къ которой Россія уже такъ давно стремилась. Когда г. Владіевъ окончилъ свою рѣчь, были поднесены, въ знакъ благодарности, хлѣбъ—соль генералу Жукову, который, будучи тронутъ такимъ пріемомъ мачинцевъ, въ короткой рѣчи совѣтовалъ имъ жить въ любви и согласіи, прибавивъ, что главная причина уже минувшихъ теперь страданій, состояла въ несогласіи и соперничествѣ между тѣми, которые должны были защищать одни и тѣже интересы. Затѣмъ генералъ Жуковъ привѣтствовалъ избирателей и членовъ совѣта. Среди рукоплесканій, восторженныхъ пожеланій здравія Его Величеству и раздававшихся пѣсень, исполненныхъ учениками болгарской школы Мачина, толпа мало по малу разошлась, и административный совѣтъ вступилъ въ исправленіе своей должности, составивъ тогда же и этотъ протоколъ.» *)

4 іюля **) было введено новое гражданское управленіе въ Систовѣ, первомъ болгарскомъ городѣ, занятомъ русскими войсками. Такъ какъ князь Черкасскій находится въ Тырновѣ, то торжественное введеніе новаго управленія было совершенно его помощникомъ, генералъ-маіоромъ Анучинымъ.

«Въ 9 часовъ утра военные и гражданскіе чины собрались въ церкви Преображенія. Множество народа, почти весь городъ, тѣснилось въ церкви и вокругъ нея. Было отслужено молебствіе соборомъ восьми мѣстныхъ священниковъ съ хорошимъ хоромъ русскихъ пѣвчихъ-солдатъ. Послѣ молебствія одинъ изъ священниковъ прочелъ по-болгарски воззваніе Государя Императора къ болгарскому народу, а новый губернаторъ, г. Геровъ, возвѣстилъ народу объ уничтоженіи беделя—подати, которую турецкое правительство взимало вмѣсто военной повинности,—и о замѣнѣ съ 1878 года десятины съ продуктовъ поземельнымъ налогомъ. За симъ было провозглашено многолѣтіе русскому Царю, войску и всему народу. Изъ церкви торжественная процессія съ пѣніемъ «спаси Господи люди Твоя» отправилась въ конакъ городскаго управленія. Тамъ въ двухъ залахъ собрались, кромѣ русскихъ властей, всѣ члены административнаго совѣта, муниципалитета, представители финансоваго управленія и именитые горожане. Было совершено водосвятіе, послѣ котораго помощникъ завѣдующаго гражданскими дѣлами при Его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей, генералъ-маіоръ Анучинъ, произнесъ слѣдующую рѣчь по-русски:

*) Сѣверный Вѣстн. № 65. 1877 г.—**) Кор. Моск. Вѣд. отъ 4 іюля.

«Болгары! Государь Императоръ приказалъ Своимъ войскамъ вступить въ Болгарію, чтобъ освободить васъ отъ вѣковаго турецкаго гнета. Богъ да поможетъ! Воля Русскаго Царя и горячія желанія русскаго народа исполнятся. Болгары, вы будете свободны. Но получивъ свободу, вы должны доказать, что достойны ея. Вы докажете это, твердо соблюдая установленный порядокъ и оказывая полное повиновеніе распоряженіямъ властей. Государь Императоръ даруетъ вамъ самоуправленіе въ лицѣ административныхъ совѣтовъ, городскихъ совѣтовъ и выборныхъ судовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначаетъ центральную администрацію въ лицѣ губернаторовъ».

«За симъ генералъ-маіоръ Анучинъ представилъ собранію вновь назначеннаго для западной части Рущукскаго санджака, состоящаго изъ округовъ Систовскаго, Никопольскаго и Плевненскаго,—губернатора, г. Ивдена Герова, болгарина родомъ, защищавшаго въ теченіи 22 лѣтъ интересы христіанъ въ качествѣ русскаго консула въ Филиппополѣ, вице-губернатора Драгана Цанкова, свищевскаго уроженца, пользующагося большою популярностью во всей Болгаріи; начальника Систовскаго уѣзда, подполковника Михайлова, и полиціймейстера, маіора Подгурскаго. Рѣчь генерала Анучина была встрѣчена громкимъ «ура».

«Прилагаю копію съ весьма важнаго документа: это первый законъ, обнародованный русскимъ правительствомъ въ Болгаріи. Проэктъ его былъ Высочайше утвержденъ въ Плоэшти 5-го іюня. Сегодня, какъ сказано, содержаніе этого закона было возвѣщено народу въ церкви.

Проэктъ главныхъ основаній объявленія по дѣламъ казеннаго управленія, составленный, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго, завѣдующимъ гражданскими дѣлами.

Во всѣхъ земляхъ Болгарскихъ:

1. Въ виду допущенія коренныхъ жителей края къ отправленію военной повинности, отмѣняется подать (бедель), взимавшаяся турецкимъ правительствомъ за изъятіе отъ военной службы, и всѣ вообще жители, безъ различія вѣроисповѣданія, освобождаются навсегда отъ уплаты этой подати.

2. Съ наступающаго 1878 года отмѣняется навсегда взиманіе десятины съ произведеній земли. Въ замѣнъ десятины, съ наступающаго 1878 года будетъ введена поземельная подать, взимаемая на правильныхъ основаніяхъ.

3. Тѣмъ не менѣе, въ виду совершенно исключительныхъ и неотложныхъ потребностей, порождаемыхъ войною, десятина будетъ еще взимаема въ текущемъ 1877 году:

а) *деньгами*, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбныя произведенія не будутъ необходимы для продовольствія войска.

б) *натурою*—лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска.

4. Откупщикамъ, взявшимъ уже у турецкаго правительства на откупъ деся-

тины на нынѣшній 1877 годъ, воспрещается взимать сіи десятины съ жителей подъ страхомъ личной и имущественной отвѣтственности. Во внесенныхъ и вносимыхъ ими за 1877 годъ въ турецкія казначейства платежахъ, они считаются съ турецкимъ правительствомъ.

5. Подъ страхомъ личной и имущественной отвѣтственности, воспрещается кому бы-то ни было покупать или инымъ образомъ пріобрѣтать у откупщиковъ и вывозить изъ селеній и мѣстечекъ тѣ произведенія земли, которыя поступаютъ или поступили уже отъ мѣстнаго народонаселенія къ откупщику, гдѣ бы эти произведенія ни были сложены. Всѣ таковые склады имѣютъ быть сданы мухтарами русскимъ властямъ, по мѣрѣ ихъ появленія.

6. Турецкія ассигнаціи каиме не принимаются въ уплату слѣдующихъ съ народонаселенія податей.

7. Подати уплачиваются населеніемъ какъ металлическими деньгами, такъ и русскими государственными кредитными билетами. Курсъ металлическихъ денегъ на русскіе кредитные билеты устанавливается Главнокомандующимъ.

Подлинный подписалъ: князь Черкасскій.

4-го іюля 1877 года.

Работа Русскихъ на дунайскомъ берегу Болгаріи.

Журжево. Какъ намъ уже извѣстно, у Галаца совершился переходъ въ ночь съ 9 на 10 Іюня при участіи двухъ полковъ Ряжскаго и Рязанскаго, гдѣ заняли всѣ укрѣпленія Буджакскихъ высотъ на полупути отъ Галаца къ Мачину. Кромѣ того наведеніе моста у Браилова, начатое 8 іюня, было окончено очень быстро; переправа продолжалась безостановочно. 12 числа Государь Императоръ изволилъ лично осматривать всѣ приспособленія къ переправѣ. Такимъ образомъ главныя силы наши были всѣ на турецкомъ берегу.

10 іюня между *Виддиномъ* и *Калафатомъ* была артиллерійская перестрѣлка.

13 іюня произошла перестрѣлка между *Журжевымъ* и *Рущукомъ*, который горѣлъ.

14 іюня Русскіе заняли *Гирсову.*

15 іюня телеграмма Его Императорскаго Выс. В. Кн. Главн. гласила такъ: русскія войска 8 корпуса, имѣя 14-ю дивизію впереди, переправились на разсвѣтѣ черезъ Дунай близь Зимницы. Непріятель сбитъ съ первыхъ позицій; переправа на лодкахъ продолжалась безпрепятственно. Городъ *Никополь* загорѣлся отъ бомбардированія. Войска Циммермана переправились всѣ и заняли *Тульчу, Исакчу* и *Гирсово* *).

16 іюня. (Изъ Драчи.) Многотрудная задача разрѣшена. *Систово* и окружающія высоты въ нашихъ рукахъ. Первою переправилась дивизія Свиты Вашего Величества, генералъ-майора Драгомирова, съ горною баттареею, имѣя во главѣ Волынскій Моего имени полкъ. Въ настоящее время вечеромъ 15 іюня

---

*) Краткое описаніе крѣпостей читать на страницахъ 53 и 54.

на той сторонѣ уже находится весь 8 корпусъ и 4-я стрѣлковая бригада. Теперь переправляется 35 дивизія.

Всѣ вышесказанныя телеграммы были переданы отъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Главнокомандующаго дѣйствующей арміи, Николая Николаевича.

По частнымъ извѣстіямъ было видно, что:

Виддинъ, подвергавшійся 13 и 14 іюня сильной бомбардировкѣ, загорѣлся; румынская армія готовилась перейти Дунай у Радужда и обложить Виддинъ. Въ Добруджѣ было въ то время болѣе 4000 Русскихъ. Бабадагъ тоже былъ занятъ Русскими. Въ это время турецкая артиллерія сосредоточивалась въ Черноводахъ и Кюстенджи. Близь Кюстенджи уже появились русскіе передовые отряды.

У Систова 15 числа перешло 35000 русскихъ.

Вотъ нѣкоторыя подробности нашихъ дѣйствительно наступающихъ дѣйствій:

— «*Журжево,* писалъ отъ 29-го іюня бухарестскій корреспондентъ аугсбургской «Всеобщей Газеты», почти совершенно разрушено. Всѣ его главныя зданія обращены въ развалины; тѣмъ не менѣе Румыны должны считать себя счастливыми. Съ переходомъ Русскихъ миновала опасность для румынскихъ придунайскихъ городовъ, самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ во всей странѣ. Калафатъ, Бехетъ, Ольтеница и Каларашъ мало пострадали; Браиловъ же и Галацъ, самые важные для Румыніи пункты, остались невредимы.—Русскіе безъ выстрѣла заняли Тульчу, населеніе которой вышло къ нимъ навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью. Жители Болгаріи съ нетерпѣніемъ дожидались вступленія Русскихъ. Во многихъ мѣстностяхъ уже обнаруживался голодъ. Турецкая армія потребила всѣ жизненные припасы. Жатва 1877-го года частію была уничтожена баши-бузуками, частію еще не созрѣла. Вслѣдъ за переходомъ у Систова, русское интендантство телеграфировало во всѣ пункты Румыніи о высылкѣ муки и хлѣба, необходимыхъ не только для продовольствія солдатъ, но и для предохраненія болгарскаго населенія отъ голодной смерти».

— Въ газ. *Temps* телеграфировали изъ Черновицы отъ 12-го іюня: «Изъ Браилова сообщали, что Русскими совершенъ вчера подвигъ, необычайный по своей смѣлости. Русскіе, высадившись на турецкій берегъ, должны были пройти нѣсколько километровъ по болотамъ и по колѣна въ водѣ, чтобы выбраться на дорогу, лежащую по ту сторону возвышенностей. Мачинъ стоитъ на узкой косѣ, вдающейся въ Дунай; за нимъ подымаются, почти отвѣсно, высокія горы, самаго угрюмаго вида и обнаженныя отъ всякой растительности, вполнѣ доминирующія надъ рѣкой и городомъ. Туркамъ и въ голову не приходило, что Русскіе осмѣлятся аттаковать ихъ на такихъ недоступныхъ позиціяхъ. Сраженіе было упорное и кровопролитное. Русскіе нѣсколько разъ шли на приступъ на эти отвѣсныя скалы; русскіе и турецкіе стрѣлки по временамъ бились почти въ упоръ. Говорятъ, что баши-бузуки, подъ самыми непріятельскими штыками, отрѣзали уши и носы у павшихъ русскихъ офицеровъ.»

«Турецкіе стратеги, повидимому, *) часто сами мѣняли свои взгляды касательно

*) Politische Correspondenz отъ 6 іюня 1877 г.

настоящей кампаніи. Сначала у Софіи былъ сосредоточенъ резервный корпусъ. Казалось, что линіи Софія-Тернова-Татарбазарджикъ придавали очень большое значеніе. Объ укрѣпленіи города подумали также серьезно. Но вскорѣ здѣшнія войска были отозваны въ дунайскую Болгарію, и здѣсь наступила тишина, составлявшая сильный контрастъ съ положеніемъ дѣлъ. Офицеры турецкаго генеральнаго штаба заявляли, что адріанопольскому вилайету не грозитъ никакой опасности и что Русскіе, очевидно, обратили свое вниманіе на Шумлу и верхніе балканскіе проходы. Но едва начали было свыкаться съ такимъ мирнымъ взглядомъ на положеніе вещей, какъ снова были встревожены военными мѣропріятіями. Вотъ ужъ три недѣли, работали надъ внушительнымъ вооруженіемъ нашей крѣпости, чѣмъ занято не менѣе 2,400 рабочихъ. Укрѣпленія состояли изъ земляныхъ насыпей, снабженныхъ частоколомъ, и нѣсколькихъ бастіоновъ. Всѣ сооруженія уже были снабжены орудіями. Гарнизонъ пока состоялъ только изъ 3 баталіоновъ, но на этихъ дняхъ ожидаютъ прибытія 4,500 низамовъ. Одновременно съ этимъ укрѣплялись проходы въ среднихъ Балканахъ. Работами управляютъ инженерные офицеры. Особенное вниманіе было обращено на *Терново*, старую болгарскую столицу; оно сильно укрѣплялось. Равнымъ образомъ всѣ мало-мальски хорошія позиціи занимались ландверомъ. Пока въ нашемъ санджакѣ былъ сосредоточенъ одинъ отрядъ, численностью въ 6,400 чел. Съ болгаръ предписано собравъ выкупныя суммы за освобожденіе отъ военной службы. Такса опредѣлена въ 50 меджидіе; но турецкія власти брали произвольную сумму, оставляя излишекъ въ свою пользу. Было собрано такимъ образомъ около 5,000 меджидіе, которые были употреблены на заготовленіе провіанта. Сердаръ-экремъ приказалъ образовать изъ мустехафиза въ Софіи два эскадрона кавалеріи и послать ихъ въ Шумлу. Сераскиръ вообще не оказалъ особенныхъ услугъ въ организаціи кавалеріи. Турки непростительнымъ образомъ пренебрегали этой частію войска, а потомъ спѣшили поправить.

«16-го іюня, генералъ-адъютантъ *Шамшевъ* занялъ безъ боя *Бабадагъ*.*) Во всѣхъ христіанскихъ деревняхъ по пути и въ самомъ Бабадагѣ отрядъ нашъ былъ встрѣченъ населеніемъ съ восторгомъ. Духовенство вышло на встрѣчу въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и пѣніемъ многолѣтія нашему Государю, при неумолкаемыхъ «ура!» мѣстныхъ жителей. Воззваніе Государя Императора къ болгарамъ, прочитанное собравшемуся народу, было принято со слезами умиленія. Кромѣ христіанъ, на встрѣчу генералъ-адъютанту *Шамшеву* вышло и мѣстное еврейское общество, во главѣ котораго привѣтствовалъ нашего генерала раввинъ. Немедленно по прибытіи отряда въ Бабадагъ, начали стекаться представители болгарскихъ и русскихъ обществъ изъ окрестныхъ деревень, съ хлѣбомъ-солью. Черкесскія деревни, а также черкесскіе и турецкіе дворы были всѣ покинуты и все имущество вывезено; нѣкоторые мусульмане удалились внутрь страны еще полтора мѣсяца тому назадъ.

«Еще по пути въ Бабадагъ, генерала-адъютанту *Шамшеву* приходилось все

---

*) *„Русскій Инвалидъ“* 1877 за № 146.

время выслушивать горькія жалобы христіанъ на невыносимыя притѣсненія и лютую жестокость черкесовъ. По прибытіи въ Бабадагъ, онъ получилъ уже точное указаніе, что черкесы и баши-бузуки неистовствуютъ въ деревняхъ Кацапкіой, Карапасуфъ, Сарыюртъ и Хаманджи *): убиваютъ тамъ болгаръ, насилуютъ женщинъ и оскверняютъ православные храмы; такъ что болгарскія семейства, спасаясь отъ этихъ разбойниковъ, уже нѣсколько дней сидятъ въ плавняхъ безъ пищи.

Въ виду этого, генералъ-адъютантъ *Шамшевъ* послалъ, 17-го іюня, утромъ, полковника *Измайлова* съ небольшимъ отрядомъ казаковъ на поискъ. Полковникъ *Измайловъ* настигъ двѣ черкесскія шайки, числомъ около 100 человѣкъ, разбилъ ихъ и отнялъ 70 штукъ оружія, 50 лошадей и до 20.000 головъ разнаго скота. Черкесы оставили на мѣстѣ стычки 38 тѣлъ, не считая тѣхъ, которые погибли въ плавняхъ въ то время, когда бѣжали туда отъ спѣшенныхъ козаковъ. Въ плѣнъ взяты семь человѣкъ, въ томъ числѣ извѣстные разбойники и заклятые враги христіанъ *Кара-Мустафа* (турокъ) и арабъ *Аадемъ;* первый свирѣпствовалъ въ краѣ цѣлыхъ 12 лѣтъ, наводилъ ужасъ своими злодѣйствами, а въ послѣднее время состоялъ на службѣ турецкаго правительства въ качествѣ лазутчика.

«Послѣ помянутой стычки, которая сразу заставила всѣхъ баши-бузуковъ и черкесовъ скрыться изъ окрестностей, полковникъ *Измайловъ* вернулся въ Бабадагъ, выдавъ предварительно мѣстнымъ жителямъ христіанамъ отобранное у черкесовъ оружіе и скотъ. Потеря наша: два раненыхъ казака, одна убитая и пять раненыхъ лошадей. Въ продолженіи времени съ 17-го до 18-го іюня отрядъ полковника *Измайлова* прошелъ всего 100 верстъ.

«Другой отрядъ, высланный изъ Бабадага на поискъ къ сторонѣ деревень Татаръ-Рымникъ и Татаръ-Ирымникъ **), подъ начальствомъ полковника *Слюсарева*, нигдѣ черкесовъ не нашелъ, но видѣлъ кровавые слѣды, ими оставленные. На улицахъ деревни Сарыюртъ лежало 15 труповъ, страшно обезображенныхъ. Жителей не было: они всѣ укрылись въ лѣса. Впослѣдствіи оказалось, что черкесы свирѣпствовали въ деревнѣ Сарыюртъ 17-го іюня, въ то самое время, когда полковникъ *Измайловъ* имѣлъ вышеупомянутую стычку съ двумя другими ихъ шайками.

«Изъ разспросовъ по дорогѣ получены слѣдующія свѣдѣнія:

«Турки отступили къ Меджидіэ и далѣе за Трояновъ валъ. 17-го же іюня приходилъ изъ Меджидіэ въ деревню Кучкіой турецкій регулярный эскадронъ, но узнавъ о присутствіи нашего отряда въ дер. Кацапкіой—немедленно ушелъ обратно. Въ Меджидіэ стоитъ отъ 1.500—2.000 человѣкъ пѣхоты и около 100 человѣкъ кавалеріи. На береговой дорогѣ стоитъ у дер. Мамакіой, ***) около ба-

*) Первыя два селенія находятся въ 35—40 в. южнѣе Бабадага, близъ берега Синяго лимана. Селенія Сарыюртъ и Хаманджи лежатъ близъ большой дороги изъ Бабадага, верстахъ въ 25—30 юго-западнѣе города.

**) Пункты эти находятся близъ большой дороги изъ Бабадага въ Меджидіэ и Кюстенджи верстахъ въ 35-ти южнѣе Бабадага.

***) С. Мамакіой—въ 5 верстахъ сѣвернѣе Кюстенджи.

тальона пѣхоты. Въ самомъ Кюстенджи войскъ нѣтъ: они переведены въ Чернаводы, а артиллерія вывезена на пароходѣ въ Варну. На линіи Чернаводы-Кюстенджи, за Трояновымъ валомъ, турки укрѣпляются и намѣрены обороняться. О числѣ собранныхъ тамъ войскъ и о намѣреніяхъ непріятеля свѣдѣнія еще противорѣчивы: по однимъ свѣдѣніямъ—турки были намѣрены ограничиться обороною, по другимъ — ожидали прибытія Гассана-паши египетскаго съ подкрѣпленіями, и тогда, имѣя всего до 25 000, намѣрены сами перейти въ наступленіе.

«19-го іюня въ Бабадагѣ разнесся слухъ, будто наши войска намѣрены уйти оттуда. Это произвело ужасное смятеніе: толпы народа окружили генералъ-адъютанта *Шамшева*, возвращавшагося съ рекогносцировки, и молили не оставлять городъ на жертву лютому мщенію турокъ. Затѣмъ, явилось духовенство съ той же мольбою—не покидать христіанъ, уже ограбленныхъ почти до-нага, на вѣрную мученическую смерть. Генералъ-адъютантъ *Шамшевъ* поспѣшилъ успокоить встревоженное населеніе.»

Канонада между Рущукомъ и Журжевомъ.

«Разстояніе между Журжевомъ и Рущукомъ, говоритъ корреспондентъ, *) до четырехъ верстъ, такъ какъ Рущукъ лежитъ по Дунаю нѣсколько выше; оба города должны были, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, сдѣлаться жертвами батарей расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, но положеніе Рущука оказывалось болѣе невыгоднымъ, потому что турецкія батареи находятся предъ самымъ городомъ и, слѣдовательно, послѣдній долженъ былъ страдать отъ выстрѣловъ нашихъ орудій, направленныхъ противъ турецкихъ пушекъ. Русскія батареи расположены не въ самомъ Журжевѣ, а въ трехъ верстахъ выше по Дунаю, у небольшой деревни Слободзіи, слѣдовательно, городъ собственно не долженъ бы былъ пострадать отъ перестрѣлки между батареями; но не таковы пріемы веденія войны у Турокъ...

«Вооруженіе нашихъ батарей было произведено быстро, въ теченіе одной ночи, не взирая на тяжеловѣсность осадныхъ орудій. Накапунѣ, то-есть 11 іюня, послѣднія были подвезены къ батареямъ и скрытно расположены по близости, а въ ночь на 12 число всѣ орудія разомъ появились на батареяхъ, готовые по первому приказанію открыть канонаду». Вооруженіе батарей представляло значительныя трудности. «Достаточно сказать, что требовалось установить орудія вѣсомъ около 150 пудовъ, при помощи подъемныхъ машинъ что работа производилась ночью, наконецъ что работа должна была производиться поспѣшно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, со всѣми предосторожностями, потому что всякія упущенія въ подобныхъ случаяхъ весьма опасны. Ночь посвященная вооруженію батарей была тихая, при слабомъ вѣтрѣ съ турецкаго берега, что было для насъ весьма полезно, такъ какъ до непріятеля не доносился скрипъ подъемныхъ машинъ и домкратовъ, которыми поднимались орудія.

*) Первый день бомбардированія Рущука. Рус. Инв. 1877 г.

«Открытіе огня по Рущукскимъ батареямъ ожидалось не ранѣе 15 іюня, но обстоятельства ускорили срокъ, и ночью, когда вооруженіе еще не было окончено, получена депеша, чтобы наши батареи начали дѣйствовать на другой день, то-есть 12 іюня. Это приказаніе пришлось намъ всѣмъ по сердцу, такъ какъ до сихъ поръ Турки на томъ берегу хозяйничали какъ хотѣли, водили открыто лошадей на водопой и т. п., между тѣмъ, какъ съ ихъ стороны по Журжеву уже не разъ производилась стрѣльба, какъ напримѣръ 23 мая, когда въ городъ было брошено болѣе 50 бомбъ, особаго вреда, впрочемъ, не причинившихъ, такъ какъ большая часть турецкихъ снарядовъ не разрывалась и не долетала, остальные же били все по одному направленію.

«Открытіе огня съ Журжевскихъ батарей было сюрпризомъ для Турокъ, успѣвшихъ уже привыкнуть къ нашему безмолвію. Въ 3 часа раздался первый выстрѣлъ 8-ми дюймовой мортиры и, затѣмъ загорѣлась канонада по всей линіи; Турки нѣсколько времени не отвѣчали, такъ какъ не ожидали внезапнаго открытія огня, но справедливость требуетъ сказать, что безмолвіе ихъ продолжалось не долго и скоро съ той стороны полетѣли бомбы. Большинство прислуги на нашихъ батареяхъ находилось еще въ первый разъ въ огнѣ, но, тѣмъ не менѣе, люди при орудіяхъ работали спокойно, и извѣстные поклоны пролетающимъ непріятельскимъ снарядамъ хотя и дѣлались, но лишь немногими; впрочемъ, въ этомъ случаѣ достаточно было подтрунить надъ солдатомъ чтобъ ободрить его и заставить владѣть собою, хотя, по правдѣ сказать, трудно удержаться чтобы невольно не отшатнуться въ сторону, если снарядъ пролетаетъ ужъ очень близко; это движеніе чисто рефлексивное.

«Пѣхотнымъ солдатамъ знакомство съ бомбами доставалось труднѣе, так акъ многіе изъ нихъ никогда и не слыхивали вблизи выстрѣловъ изъ орудій, а тутъ все сразу: гудитъ снарядъ летящій цѣликомъ надъ головой, визжатъ и осколки мимо несущіеся, раздается трескъ лопающихся на землѣ бомбъ и оглушительный гулъ выстрѣловъ нашихъ же орудій. Нѣкоторые солдатики, сидя, въ началѣ канонады, въ глубокой траншеѣ, не отличали иногда своихъ выстрѣловъ отъ непріятельскихъ и присѣдали при тѣхъ и другихъ.

«Впрочемъ, безъ подобныхъ явленій едва ли можно обойтись съ людьми еще впервые стоявшими подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

«Канонада длилась пять часовъ. Къ нѣкоторымъ батареямъ Турки пристрѣлялись весьма хорошо, такъ что бомбы ихъ падали очень близко, несмотря на значительную дистанцію, съ которой стрѣльба производилась, именно болѣе двухъ верстъ. Турки бросали различные снаряды, даже простые сферическіе, а въ срединѣ канонады начали дѣйствовать и картечными гранатами, пытаясь, вѣроятно, перебить прислугу на нашихъ батареяхъ, такъ какъ не могли сбить самыхъ орудій.

«Наша артиллерія состояла изъ нарѣзныхъ мортиръ и пушекъ, заряжающихся съ казенной части, заставившихъ двѣ непріятельскія батареи прекратить на время огонь. При большой величинѣ дистанцій и массѣ выстрѣловъ, не было возможности услѣдить за дѣйствіемъ всѣхъ нашихъ снарядовъ, но при паденіи

и разрывѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе удачно попавшихъ, видны были огромныя массы взбрасываемой земли; тѣ же, которыхъ паденіе не было видно, доставались на долю городскихъ строеній.

«Турки не жалѣли пороха и выпустили бомбъ гораздо болѣе чѣмъ мы; они стрѣляли даже по отдѣльнымъ группамъ людей. Такъ, нѣсколько нашихъ артиллерійскимъ офицерамъ, изъ числа лицъ, не состоявшихъ на батареяхъ, сидѣли около крайней батареи, наблюдая за ходомъ канонады. Подходитъ къ нимъ еще одинъ, бывшій безъ сюртука ради сильной жары, видя что тѣ сидятъ въ вывороченныхъ на изнанку шапкахъ, спрашиваетъ о причинѣ. Ему говорятъ въ отвѣтъ, чтобъ онъ самъ скорѣе сѣлъ за небольшое прикрытіе, гдѣ всѣ они пріютились, такъ какъ иначе сейчасъ послѣдуетъ отъ Турокъ выстрѣлъ картечною гранатой. Пока шелъ разговоръ, по бѣлой рубашкѣ вновь прибывшаго дѣйствительно послѣдовалъ выстрѣлъ, и нѣсколько осколковъ картечной гранаты упали въ самую группу офицеровъ, но такъ счастливо, что никого не задѣли.

«Къ 7 часамъ канонада сдѣлалась рѣже и стала ограничиваться только обмѣномъ выстрѣловъ между очередными орудіями, причемъ Турки на одну бомбу нерѣдко отвѣчали нѣсколькими и притомъ весьма мѣткими. Напр., на одной батареѣ, именно у извѣстнаго уже нашей публикѣ поручика Самойлы, нѣсколько офицеровъ присѣли перекусить наскоро подлѣ орудія, которое въ это время сдѣлало очередной выстрѣлъ; черезъ нѣсколько минутъ съ батареи противника поднялись два клуба дыма и бомба ударили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сидѣвшихъ, снеся уголъ насыпи и разорвавшись на самой батареѣ; однако никто не былъ задѣтъ осколками. Въ 8 часовъ канонада окончательно прекратилась.

«Съ нашихъ батарей было выпущено слишкомъ 700 снарядовъ, съ турецкихъ же—болѣе тысячи; часть турецкихъ орудій дѣйствовала непосредственно по Журжеву, находившемуся въ сторонѣ, какъ уже сказано выше, причемъ выстрѣлы были направлены на зданіе, надъ которымъ развѣвался «Красный Крестъ».

«Остается еще сказать что, несмотря на описанную пятичасовую канонаду, съ нашей стороны, по необыкновенному счастію, никакихъ потерь не было».

Русскіе въ Добруджѣ. *)

«Въ то время, какъ между Калафатомъ и Виддиномъ, а также между Журжевомъ и Рущукомъ шло бомбардированіе, русскіе больше и больше наводняли Добруджу, гдѣ турецкихъ войскъ было всего на всего тысячъ 15; они, конечно, небыли въ состояніи противостоять и въ ожиданіи отправленныхъ изъ Константинополя, моремъ, подкрѣпленій, отступали по направленію на югъ.

«Русскіе при вступленіи въ *Мачинъ* вели себя какъ нельзя лучше; не было ни ненужнаго кровопролитія, никакихъ насилій, ни грабежа, какъ предсказывали турки; совершенно наоборотъ, для того, чтобы не затрогивать магометан-

*) Іюня 22, 1877 г. Русс. Вѣд. № 156.

каго національнаго чувства, передъ мечетью былъ поставленъ военный караулъ и входъ въ нее строжайше запрещенъ былъ христіанамъ. Въ городѣ, магометанъ осталось очень мало; почти все населеніе, состоящее изъ 10,000 чел., христіане и между ними, къ великому удовольствію русскихъ, оказалось множество русскихъ старообрядцевъ; они встрѣтили своихъ соотечественниковъ съ невыразимымъ восторгомъ.

«Корреспондентъ газеты *Daily News* писалъ что, переправляясь въ субботу послѣ обѣда, съ генераломъ Циммерманомъ при 2,000 человѣкъ и 4-хъ орудіяхъ, на наемныхъ пароходахъ, чрезъ Дунай, онъ видѣлъ, что мостъ у Браилова, который, по слухамъ, долженъ былъ служить для перваго перехода черезъ рѣку, не могъ еще служить для переправы войскъ. Берегъ былъ залитъ водой на гораздо большее разстояніе, чѣмъ на сколько былъ протянутъ мостъ, такъ что казаки, ѣхавшіе по мосту, должны были переправляться порядочно-таки вплавь.

— Тотъ же корреспондентъ слѣдующимъ образомъ описываетъ сраженіе, предшествовавшее занятію *Мачина*, основываясь на разговорѣ своемъ съ генераломъ Циммерманомъ. У турокъ было 3,000 человѣкъ пѣхоты, 300 кавалеріи и 4 орудія. Они защищали берегъ и мачинскую пристань съ изумительной храбростью. Что особенно затрудняло переправу русскихъ, такъ это недостатокъ лодокъ, такъ, что вразъ могли переѣзжать не больше 1,800 человѣкъ, а мелководіе и иловатый грунтъ русла въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно замедляли переѣздъ. При выходѣ на поросшій кустарникомъ берегъ, русскихъ принимали въ штыки, которыми они страшно изранены. Они, съ своей стороны, аттаковали непріятеля съ обоихъ фланговъ и при постоянно возраставшей численности оттѣснили его. Турецкая кавалерія дѣйствовала, между тѣмъ, холоднымъ оружіемъ но была не въ состояніи перемѣнить исхода сраженія. Потеря русскихъ при этомъ простирается до 150 человѣкъ убитыми и 209 ранеными; у турокъ, благодаря ихъ хорошей позиціи, потери нѣсколько меньше.

«Важная, въ стратегическомъ отношеніи, *Гирсова* занята была русскими безъ всякаго труда. Въ понедѣльникъ русскіе лазутчики замѣтили, что въ городѣ этомъ и кругомъ его не видать никакой жизни. Вслѣдствіе этого у Пины Петресъ, нѣсколько ниже Калараша, переправленъ былъ черезъ Дунай отрядъ казаковъ; они немедленно подошли къ городу и какъ только замѣтили, что онъ оставленъ турками, заняли его. За городомъ изъ котораго большая часть жителей бѣжали, найдено было нѣсколько оставленныхъ турками палатокъ; казаки сожгли ихъ. И здѣсь, какъ и въ Мачинѣ, турецкіе баши-бузуки угнали весь скотъ и забрали всѣ съѣстные припасы и все, что только можно было захватить.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что турки не въ состояніи были остановить дальнѣйшаго движенія русскихъ въ Добруджѣ, если они заняли уже Тульчу и Исакчу. Турки отступили къ Бабадачу, и направились опять къ берегу, и повсюду старались уничтожать всѣ съѣстные припасы, которыхъ не могутъ захватить съ собой, чтобы русскимъ недоставалось ничего. Русскіе подвигаются къ Черноводѣ. До сихъ поръ въ Добруджѣ находилось ихъ 30,000 человѣкъ; они имѣли съ собой провіанта и корма для лошадей на 6 дней; но въ самомъ ско-

ромъ времени къ нимъ прибыли еще войска. Вступленіе русскихъ въ Добруджу имѣло цѣлію, по всей вѣроятности, только боковую диверсію; это нужно заключить изъ того, что изъ восьми корпусовъ, находившихся на европейскомъ театрѣ войны, до сихъ поръ, на нижнемъ Дунаѣ, было выставлено только два, именно тѣ, которые въ то время частію переправились, частію переправлялись еще. Изъ Россіи былъ двинутъ еще третій корпусъ, именно девятый.

Отступленіе турокъ изъ сѣверной части Добруджи описано въ письмѣ корреспондента газеты *Daily Telegraph* изъ Кюстенджи отъ 15-го іюня. «На силу добрался я верхомъ,—изъ Гирсовы сюда, и никогда не забуду той нищеты, бѣдствій и воплей отчаянія, какіе мнѣ пришлось видѣть по пути. Вчера вечеромъ турецкій командиръ, къ отряду котораго я примкнулъ, получилъ извѣстіе о наступленіи русскихъ и тотчасъ отдалъ приказъ снять палатки, укладываться и быть готовымъ къ немедленному отступленію. Долго стояли солдаты молча въ выжидательномъ положеніи у пылавшихъ еще лагерныхъ огней и луна освѣщала невеселую однообразную картину; была мертвая тишина, совершенно соотвѣтствовавшая нашему неопредѣленному, сомнительному положенію. Въ половинѣ десятаго, маіоръ выѣхалъ нѣсколько впередъ для того, чтобы посмотрѣть —не видать ли непріятеля; но не успѣлъ онъ отъѣхать нѣсколько сотъ шаговъ отъ лагеря, какъ раздались крики: «русскіе идутъ» и онъ долженъ былъ повернуть назадъ свою лошадь. Многіе бросились изъ лагеря посмотрѣть, какъ великъ отрядъ русскихъ. О сраженіи никто и не помышлялъ, а каждый думалъ только о томъ, какъ бы спастись. Палатки были наскоро сложены; въ одно мгновеніе всѣ были на лошадяхъ и бросились бѣжать, а куда—не зналъ никто изъ насъ. Цѣлые караваны поселянъ, безпомощные старики, женщины съ грудными дѣтьми, запрудили улицу, затрудняли движеніе впередъ и увеличивали опасность положенія, такъ какъ возвращаться назадъ, въ виду наступавшаго непріятеля, нечего было и думать. Отъ времени до времени до насъ долетали звуки барабановъ; они какъ бы подталкивали насъ и мы бѣжали все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ прибыли въ Кюстенджи, и такимъ образомъ ушли пока отъ московскихъ полчищъ, наводнившихъ мирную страну.»

«Если Турки очищаютъ Добруджу почти безъ сопротивленія, говорила въ свое время газета «*Пештской Ллойдъ*», то удержаніе этой мѣстности имѣетъ значеніе только тогда, когда ей нужно-бы было дѣйствовать противъ Румыніи наступательно и доказывала примѣромъ въ 1853 и 1854 годахъ, когда Добруджа была занята сильнѣе. Тамъ стояла цѣлая дивизія подъ начальствомъ Мустафа-паши, причемъ Омеръ-паша намѣревался вторгнуться въ Румынію.

Когда же Русскіе сами вторглись въ Добруджу, Турки также отступали почти безъ сопротивленія какъ и теперь, когда какъ Русскіе, говорилъ *Politische Correspodenz*, сосредоточили тамъ весьма значительныя силы, противъ которыхъ Турки не могутъ выставить болѣе 12—15 тысячъ. Турки, замѣтилъ *Neue Freie Presse*, возлагаютъ надежды на затруднительность продовольствія войскъ въ Добруджѣ и недостатокъ тамъ воды и сосредоточиваются на линіи между Черноводами и Кюстенджи, оборона которой тѣмъ же удобнѣе, какъ замѣчаетъ

Пештскій Ллойдъ, что перевозка моремъ подкрѣпленій изъ Константинополя въ Кюстенджи требуетъ не болѣе двадцати часовъ времени, тогда какъ при движеніе отъ Мачина къ Траянову валу потребовалось бы около трехъ или четырехъ переходовъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ.

Слабое сопротивленіе Турокъ, кромѣ стратегическихъ условій, объясняется и настроеніемъ ихъ войскъ, дѣйствующихъ въ Добруджѣ. Вотъ какъ оно обрисовывается корреспондентомъ туркофильской *Daily Telegraph*, въ письмѣ изъ Кюстенджи, отъ 25 іюня:

«Я только что прибылъ сюда изъ Гирсова послѣ утомительнаго переѣзда верхомъ. Никогда не изгладятся изъ моей памяти сцены бѣдствій, нищеты и разоренія, которые мнѣ случилось видѣть по дорогѣ. Вчера вечеромъ начальникъ турецкаго корпуса, при коемъ я состою, получилъ свѣдѣніе о приближеніи Русскихъ и тотчасъ отдалъ приказъ снимать палатки, все уложить и быть готовыми къ выступленію. Долгое время солдаты, въ ожиданіи выступленія, стояли молча у догорающихъ огней лагеря; луна разливала свой яркій свѣтъ надъ однообразною мѣстностью, мрачная тишина коей вполнѣ гармонировала съ нашимъ отчаяннымъ положеніемъ. Въ половинѣ девятаго одинъ маіоръ выѣхалъ на недалекую возвышенность, чтобы наблюдать за движеніемъ непріятеля и не успѣлъ отъѣхать за нѣсколько сотъ шаговъ, какъ прискакалъ обратно съ крикомъ: «Русскіе идутъ!» Многіе изъ насъ бросились смотрѣть и убѣдились въ приближеніи русскихъ войскъ, почти окружившихъ насъ. Наступила всеобщая паника; никто не думалъ о сопротивленіи; всѣ думали только о спасеніи. Палатки съ неимовѣрною быстротой были упакованы; столь же быстро всѣ, у кого были лошади, очутились въ сѣдлѣ и всѣ бросились скакать—куда? этого, я полагаю, никто не зналъ. Цѣлые обозы крестьянъ, старики, женщины съ грудными дѣтьми и всякій безпомощный людъ запружали вездѣ дорогу и еще болѣе затрудняли наше отступленіе. Отъ времени до времени до насъ долетали звуки казачьихъ трубъ, которые еще болѣе подгоняли насъ, пока мы наконецъ добрались до Гирсова.»

Въ вѣнскую *Presse* сообщаютъ изъ Кюстенджи весьма характерныя извѣстія объ укрѣпленіяхъ этого города и настроеніи турецкихъ войскъ. Укрѣпленія около Черноводъ набросаны наскоро, то же самое дѣлается и въ Кюстенджи. *) «Въ одно прекрасное утро» пишетъ корреспондентъ, «жители были удивлены, увидѣвъ вблизи города цѣлый строй палатокъ. Это прибыли войска изъ Черноводъ для постройки укрѣпленій. Въ помощь имъ согнали все мусульманское населеніе изъ окрестностей на 8 часовъ пути. Возводимыя укрѣпленія едва ли могутъ имѣть какую-либо цѣну, тѣмъ болѣе, что я сомнѣваюсь могутъ ли они быть вооружены. Въ войскахъ замѣтенъ упадокъ духа и неудовольствіе на высшихъ начальниковъ» «Мы хотимъ драться», сказалъ мнѣ недавно турецкій маіоръ, «но у насъ нѣтъ командировъ». Когда я назвалъ Абдулъ-Керима, Мухтара и другихъ, онъ довольно наивно отвѣтилъ: «оставьте меня въ покоѣ; я служу 29

*) Сосредоточено было до 40 т. турец. войска а по всей линіи Дуная 165000 тысячъ.

лѣтъ и знаю своихъ; эти люди разумѣютъ все, только не командованіе арміей.»

— Изъ Бухареста телеграфировали отъ 22-го іюня въ газету *Times*:

«Вчера снова происходило бомбардированіе между Рущукомъ и Журжевымъ отъ 6 до 8 часовъ вечера. Русскіе имѣли три схватки съ Турками на пути слѣдованія къ Тырнову. Муниципальное управленіе организуется во всѣхъ болгарскихъ городахъ, лишь только они занимаются русскими войсками. Мачинъ, Систово и Тырново уже имѣли христіанскія власти, свободно избранныя жителями среди своихъ согражданъ. Болгарское правительство будетъ находиться въ Тырновѣ; въ его главѣ стоитъ князь Черкасскій. Всѣ болгары, способные носить оружіе, призываются въ русскій лагерь, для организованія болгарскаго войска, долженствующаго защищать на будущее время страну. Русскіе немедленно будутъ учреждать христіанское управленіе во всѣхъ мѣстахъ, которыя будутъ занимать. Ихъ планъ дѣйствій въ этомъ отношеніи очень либераленъ: мѣстнымъ жителямъ предоставляется, по своей волѣ и желанію, избирать себѣ начальство изъ среды своихъ соотечественниковъ, безъ всякаго давленія со стороны освободителей. Далѣе, тотъ же корреспондентъ телеграфируетъ: «Изъ 18 канонирскихъ лодокъ и мониторовъ, изъ которыхъ состояла турецкая флотилія на Дунаѣ въ началѣ войны, шесть судовъ стоитъ въ небольшой бухтѣ близь Сулины, два разрушено, три или четыре заперты въ Мачинѣ, два въ Силистріи, одинъ въ Туртукаѣ, два въ Рущукѣ и одинъ въ Никополѣ; про послѣднее судно говорятъ, что оно также окружено торпедами и поэтому совершенно безполезно. Если сдѣлать сопоставленіе между могучею силою, которую представляла турецкая флотилія въ началѣ компаніи, съ результатами, ею принесенными, и съ ея настоящимъ положеніемъ, то получишь весьма неутѣшительный выводъ о турецкой дѣятельности на Дунаѣ. Всѣ уцѣлѣвшія канонирскія лодки, вѣроятно, попадутъ въ руки русскихъ, если не будутъ взорваны самими турками, коль скоро вся дунайская линія будетъ во власти русскихъ.»

Занятіе Бѣлы.

Село *Бѣла* при рѣкѣ Янтрѣ, которая была охраняема черкесами и нѣсколько мѣшала нашимъ движеніямъ. 23-го іюня стародубскіе драгуны заняли Бѣлу. 24-го подошла туда пѣхота. 23-го на рѣкѣ Янтрѣ была рукопашная схватка казаковъ и ахтырскихъ гусаръ съ черкесами. Раненъ ахтырскаго полка маіоръ Сискевичъ, убитыхъ 2, раненъ 1 казакъ. Черкесы разсѣялись, оставивъ 10 убитыхъ. По слухамъ подъ *Бѣлой* былъ пятнадцатитысячный турецкій корпусъ.

Взятіе русскими войсками Никополя.

Мѣстоположеніе.—Число жителей.—Укрѣпленія.—Осада.—Взятіе.

Укрѣпленный городъ *Никополь* расположенъ на правомъ берегу Дуная, въ 40 верстахъ выше Систова. *)

*) „Прав. Вѣст.“ № 149—1877 г.

Городъ расположенъ въ узкомъ каменистомъ ущельѣ, упирающемся въ правый берегъ Дуная. Городъ образуется изъ трехъ кварталовъ: дунайскій кварталъ состоитъ изъ плохихъ турецкихъ домиковъ, грязныхъ кофеенъ, рыбачьихъ хижинъ, и проч.; болгарскій кварталъ лежитъ въ узкомъ ущельѣ; еврейскій кварталъ—лучшій во всемъ городѣ по своему положенію и постройкамъ.

Общее число жителей Никополя простирается до 20,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ преобладаетъ турецкое населеніе. Не смотря на относительную малочисленность болгарскаго населенія, въ христіанскомъ кварталѣ устроена довольно красивая церковь и порядочная школа для обученія дѣтей.

Городъ Никополь, кромѣ своего значенія, какъ дунайской пристани, имѣетъ и торговое значеніе, въ особенности какъ складочное мѣсто иностранныхъ товаровъ, а также и болгарскихъ произведеній.

Укрѣпленія Никополя состоятъ изъ дунайскаго укрѣпленія (Туна-калэ) и цитадели. Дунайское укрѣпленіе имѣетъ видъ форта, съ землянымъ валомъ и рвами. Внутри его выстроено нѣсколько домиковъ для гарнизона. Съ восточной стороны оно сообщается съ городомъ посредствомъ воротъ и подъемнаго моста. Фортъ этотъ примыкаетъ къ высокимъ скаламъ. Цитадель образуетъ продолговатый четыреугольникъ, вполнѣ соотвѣтствующій вершинѣ скалы. Одинъ изъ его угловъ, восточный, защищенъ полукруглымъ бастіономъ; двѣ длинныя стороны, обращенныя на сѣверъ и на югъ, усилены двумя бастіонами. Въ послѣднее время укрѣпленія Никополя были значительно усилены, какъ въ фортификаціонномъ, такъ и въ артиллерійскомъ отношеніи. *) «Между Фламундой и Игашемъ русская армія воздвигла рядъ баттарей, огонь съ которыхъ направленъ былъ противъ укрѣпленій Никополя. Орудія большаго калибра покрывали не только лѣвый берегъ Дуная, но господствовали также и надъ правымъ берегомъ, такъ что грозили даже опасностью мониторамъ. Насколько я могъ судить, находясь вдали и на лѣвомъ берегу, турки полагали, что Никополь будетъ достаточно прикрытъ баттареями, изъ коихъ двѣ построены по обѣимъ сторонамъ нижняго города Никополя, третья за городомъ. Число орудій я тѣмъ менѣе могу опредѣлить, что турки очень мало стрѣляли съ своихъ баттарей. Они предоставили защиту Никополя двумъ мониторамъ, а эти послѣдніе не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Огонь съ русскихъ баттарей начался въ 8 час. утра и, какъ увѣряютъ очевидцы, выстрѣлы такъ удачно попадали въ турецкія баттареи, что турецкая артиллерія предпочла лучше оставить позицію, чѣмъ быть совершенно уничтоженной; неподлежитъ сомнѣнію, что нѣсколько орудій было сбито. Отвѣчать на русскій огонь принуждены были мониторы. Они это и сдѣлали, но не только съ ничтожнымъ успѣхомъ, но даже съ замѣчательною неловкостію въ маневрированіи. Они постоянно находились подъ огнемъ русскихъ баттарей и, судя по замѣченнымъ ихъ движеніямъ, потерпѣли большія поврежденія.

Позиція турецкихъ баттарей въ непосредственной близости города и его ок-

---

*) Корр. въ газету „Presse" Р. В. № 161 1877 г.

рестностей была причиною того, что каждая граната, каждая бомба, немного не достигавшія цѣли, попадали въ городъ, и отъ этого, къ сожалѣнію, произошло то, что турецкіе деревянные дома нижняго города скоро загорѣлись; население бѣжало изъ города, а солдаты и не могли думать о тушеніи пожара. Вечеромъ городъ пылалъ въ разныхъ мѣстахъ и его окружало густое облако дыма. Къ ночи Никополь превратился въ груду пепла, — печальный признакъ военнаго времени. За день передъ этимъ турки пытались обстрѣливать Турнъ-Магурели, и сегодня они снова принялись за это, но только три ихъ гранаты попали въ городъ; остальныя безвредно падали въ долинѣ между городомъ и дунайскимъ берегомъ. Несмотря на это, населеніе бѣжало изъ города; городъ занятъ военнымъ образомъ, и проходъ черезъ кордонъ запрещенъ всякому. Одинъ гвардейскій полковникъ далъ намъ дружескій совѣтъ — не отправляться въ Турнъ-Магурели. Въ ту минуту, когда мы оставляли нашъ обсерваціонный пунктъ на высотахъ Гранави, изъ Турнъ-Магурели также поднялся столпъ дыма. Пожаръ начался въ одномъ винномъ магазинѣ. Одновременно съ этимъ румынскія баттареи въ Илашѣ начали свою громоносную игру, на которую мониторы, укрывшіеся въ одной бухтѣ, отвѣчали слабо, а въ часъ пополудни наступила полная тишина. Только огненные столбы, поднимавшіеся изъ Никополя и Турнъ-Магурели, напоминали зловѣщимъ образомъ о событіяхъ нынѣшняго дня.

Потери русскихъ на баттареяхъ Фламунды были незначительны—7 убитыхъ и 16 раненыхъ. Успѣхъ же былъ чрезвычайный, такъ какъ русскій огонь не только заставилъ замолчать турецкія баттареи, но принудилъ ихъ къ совершенному отступленію. Нечего и говорить, какое могучее впечатлѣніе произвело это бомбардированіе на всѣхъ, кто при немъ присутствовалъ. Земля тряслась подъ громомъ пушекъ, а гулъ стрѣльбы отзывался на много миль по окрестностямъ. Съ ужасомъ видѣли мы полетъ ужасныхъ ядръ, разносившихъ смерть и опустошеніе; даже военные люди не могли удержаться, чтобы не выразить своего сожалѣнія, глядя на пылающій городъ. Императоръ и его приближенные наблюдали битву съ высотъ Гранави и оставались до тѣхъ поръ, пока не смолкли русскія баттареи. Въ 4 часа прекратился громъ пушекъ, надѣлавшихъ такъ много опустошенія 3 іюля.

Освобожденіе русскаго гарнизона въ Баязидѣ и разбитіе непріятельскаго корпуса 28 іюня 1877 г.

Генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ прислалъ слѣдующую телеграмму съ бивуака подъ Баязидомъ отъ 28-го іюня, въ 9½ час. вечера: «Сегодня, въ 8 часовъ утра, войска ввѣреннаго мнѣ отряда, въ составѣ восьми батальоновъ, при двадцати четырехъ орудіяхъ, пятнадцати сотенъ иррегулярной кавалеріи и четырехъ эскадроновъ, аттаковали непріятельской тринадцатитысячный корпусъ, осаждавшій цитадель. Послѣ восьмичасовой перестрѣлки и канонады войска взяли штурмомъ командующія городомъ высоты. Непріятельскій корпусъ разбитъ на-голову и

разсѣянъ. Сверхъ нанесенной ему огромной потери убитыми и ранеными, у него взято 4 орудія, около 80-ти плѣнныхъ и много военныхъ и другихъ запасовъ. Цитадель освобождена; гарнизонъ ея, все больные раненые, до послѣдняго человѣка выведены, такъ какъ городъ, разрушенный до основанія послѣдними событіями, не имѣетъ болѣе значенія. Съ нашей стороны потеря весьма незначительна, но въ точную извѣстность еще не приведена. Всѣ роды войска съ мужествомъ и взаимнымъ содѣйствіемъ показали себя по прежнему достойными похвалы. Имѣю счастіе поздравить съ освобожденіемъ геройскаго гарнизона, бодро выдержавшаго двадцатитрехдневную осаду при чрезвычайныхъ лишеніяхъ всякаго рода.»

Войско, окружавшее цитадель, состояло изъ двадцати батальоновъ и десяти тысячъ конницы.

Взятіе Тырнова.

Телеграмма.—Взятіе Тырнова Ген.-лейт. Гурко.—Описаніе города.—Торжественный въѣздъ Августѣйшаго Главнокомандующаго.—Радость болгарскаго населенія и привѣтствіе ихъ.—Завтракъ Великаго Князя.—Перенесеніе главной квартиры.—Введеніе новаго управленія.—Отъѣздъ генерала Гурко изъ Тырнова за Балканы, на новые подвиги.

26 іюня 1877 года была получена телеграмма *Его Императорскаго Высочества* Главнокомандующаго дѣйствующею Арміею, гласящая такъ:

«Спѣшу сообщить о лихомъ подвигѣ нашей кавалеріи. 25-го іюня генералъ Гурко съ одною кавалеріею и 16-ю конною баттареею налетѣли на Тырново и съ боя взяли его, заставивъ 3.000 низама съ батареею и редифъ, число котораго неизвѣстно, отступить къ Османъ-Базару. Особенно отличились гвардейскій полуэскадронъ и 16-я конная баттарея. Жители Тырнова въ неописанномъ восторгѣ. Немедленно по взятіи города отслуженъ былъ торжественный молебенъ за здравіе Государя.

«Генералъ Гурко взялъ турецкій лагерь, патронные ящики и обозъ. Пѣхота и артиллерія подходятъ къ Тырнову.

«До 24-го іюня свѣдѣнія о непріятелѣ, получаемыя отъ кавалерійскихъ бригадъ передоваго отряда, заставляли предполагать, что городъ Тырновъ былъ занятъ непріятелемъ и что около него турки возводятъ укрѣпленія. Но всѣ эти свѣдѣнія не имѣли опредѣленнаго характера, такъ какъ партіи баши-бузуковъ не пропускала нашихъ разъѣздовъ до города. Имѣя въ виду важное значеніе Тырнова, какъ ключа къ горнымъ проходамъ чрезъ Балканы, начальникъ передоваго отряда, генералъ-лейтенантъ *Гурко,* рѣшился произвести 25-го и 26-го іюня усиленныя рекогносцировки города.

«Для исполненія этого сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

«Вся драгунская бригада (гвардейскій полуэскадронъ, 8-й драгунскій астраханскій и 9-й драгунскій казанскій полки и 16-я конная баттарея) направлены чрезъ Михалцы, Ялары, Каябунары и Бѣлаковцы къ Тырнову. Казачьей брига-

*) *„Русскій Инвалидъ“* 1877 г. Прав. Вѣстн. № 151. 1877 г.

дѣ приказано выслать сильный отрядъ къ западу отъ Тырнова; отъ сводной бригады высланы 9-й гусарскій кіевскій полкъ съ двумя орудіями къ Михалцы, съ тѣмъ чтобы служить ближайшимъ резервомъ драгунъ. Всѣ остальныя войска передоваго отряда должны были оставаться на своихъ мѣстахъ.

«Въ 6 часовъ утра, 25-го іюня начальникъ передоваго отряда прибылъ въ Мрадеги (Мурадбей), съ тѣмъ, чтобы находиться при драгунской бригадѣ и лично убѣдиться въ томъ, что дѣлается въ Тырновѣ. Около 12 часовъ съ вершины большой горы, находящейся близъ дер. Каябунаръ, замѣчено было на противоположномъ возвышенномъ краѣ равнины, лежащей у подножія упомянутой горы, скопленіе большой массы турецкой кавалеріи. Такъ какъ спуски съ горы были крайне тяжелы, то движеніе всего отряда по равнинѣ, пока не было извѣстно какія именно силы собраны у непріятеля, было не безопасно. Для того, чтобы заставить непріятеля развернуться и раскрыть свои силы, были спущены въ равнину сначала только одинъ взводъ гвардейскаго полуэскадрона, подъ начальствомъ гвардейской конной артиллеріи, штабсъ-капитана *Савина*, а остальныя части колонны остались на дорогѣ, выдвинувъ на вершину горы, для оказанія помощи гвардейскому взводу, два орудія 16-й конной баттареи, подъ прикрытіемъ спѣшеннаго 2-го эскадрона казанскаго драгунскаго полка. Непріятель, въ числѣ болѣе 300 коней, двинулся противъ нашего взвода, который, вызвавъ впередъ наѣздниковъ, усиленными аллюрами смѣло подвигался впередъ. Но замѣтивъ вскорѣ значительное численное превосходство непріятеля, желавшаго охватить его съ обѣихъ сторонъ, штабсъ-капитанъ Савинъ остановился, отошелъ нѣсколько назадъ, спѣшился и завязалъ перестрѣлку съ непріятелемъ, который также спѣшился и открылъ огонь. На помощь гвардейскому взводу были спущены на равнину послѣдовательно: остальной взводъ гвардейскаго полуэскадрона и два эскадрона драгунъ. Турки, замѣтивъ движеніе нашихъ эскадроновъ, повернули назадъ и начали уходить по направленію къ Тырнову. Конно-артиллерійскій взводъ открылъ по нимъ стрѣльбу и заставилъ ихъ обратиться въ бѣгство. Такъ какъ теперь уже можно было убѣдиться, что у непріятеля, кромѣ бѣжавшей кавалеріи, ничего здѣсь не было, то всѣ остальные драгунскіе эскадроны, 16-я конная баттарея и двѣ сотни донскаго казачьяго № 26-го полка были спущены внизъ и двинуты по направленію къ Тырнову.

«Въ 4-мъ часу вечера колонна начала подходить къ Тырнову, причемъ для подступа къ городу была избрана сѣверная грунтовая дорога, какъ проходящая по болѣе удобной и возвышенной мѣстности. Самый городъ Тырновъ лежитъ въ глубокой долинѣ р. Янтры, окаймленной какъ съ запада, такъ и съ востока довольно большими высотами, причемъ западный берегъ нѣсколько выше восточнаго.

«При нашемъ приближеніи, непріятель очистилъ городъ и, занявъ позицію на правомъ берегу рѣки, встрѣтилъ наши войска артиллерійскими выстрѣлами. Кромѣ того, на дорогѣ, ведущей въ Османъ-Базаръ, была замѣчена большая колонна, движущаяся отъ Тырнова къ востоку. Все это показывало, что непріятель насъ боится и не выдержитъ натиска нашихъ войскъ. Вслѣдствіе этого,

генералъ-лейтенантъ *Гурко* рѣшился обратить рекогносцировку въ серьёзное наступленіе и занять немедленно городъ. Для исполненія этого плана, конная баттарея была выдвинута на позицію, а четыре эскадрона драгунъ были спѣшены и двинуты впередъ для прикрытія обоихъ фланговъ баттареи. Выѣздъ баттареи на позицію былъ чрезвычайно затрудненъ тѣмъ, что вся мѣстность обработана подъ виноградники и пересѣчена множествомъ каменныхъ стѣнокъ: пришлось выѣзжать по узенькой дорожкѣ, а затѣмъ, свернувъ влѣво, идти колонною, подставляя такимъ образомъ правый флангъ выстрѣламъ непріятеля. Турецкая баттарея тотчасъ открыла огонь по нашей, причемъ пристрѣлялась весьма скоро и все время вела мѣткую стрѣльбу. Не смотря на эти крайне невыгодныя условія, командиръ баттареи, подполковникъ *Ореусъ*, лихо вывелъ свои орудія на позицію и открылъ мѣткій огонь. Вскорѣ непріятельская баттарея прекратила огонь, снялась съ позиціи и потянулась по дорогѣ въ Османъ-Базаръ. Тогда наша баттарея направила выстрѣлы на непріятельскую пѣхоту, открывшую весьма частую стрѣльбу какъ по спѣшеннымъ драгунамъ, такъ и по баттареѣ.

«По всему было видно, что непріятель отступаетъ, а потому было приказано всѣмъ войскамъ двинуться впередъ, а одна казачья сотня послана на рысяхъ для занятія города. Такъ какъ городъ лежитъ на правомъ флангѣ непріятельской позиціи, то движеніе казаковъ, по переходѣ черезъ р. Янтру, приводило ихъ на флангъ турокъ. Это движеніе заставило непріятеля немедленно очистить позицію и весьма поспѣшно отступать. Для преслѣдованія непріятеля были двинуты гвардейскій полуэскадронъ, два эскадрона драгунъ, двѣ сотни казаковъ и два орудія подъ начальствомъ командира казанскаго драгунскаго полка, полковника *Корево*. Перейдя на правый берегъ Янтры, орудія открыли огонь по отступавшимъ непріятельскимъ колоннамъ, которыя въ скоромъ времени обратились въ положительное бѣгство, кидая по дорогѣ ружья, патроны и амуницію. Отступленіе турокъ было такъ быстро, что гражданскій губернаторъ города Тырнова, *Саибъ-паша*, бѣжалъ изъ города пѣшкомъ по направленію къ Еленѣ.

«Городъ былъ занятъ сотнею казаковъ, которую провелъ по улицамъ урядникъ кубанскаго полка, *князь Церетелевъ*, знавшій еще раньше расположеніе города. Эта сотня заняла и мусульманскій кварталъ, еще не вполнѣ очищенный турками; въ эту часть города первымъ вошелъ урядникъ *князь Церетелевъ*, указывая путь казачьей сотнѣ.

«Въ наши руки достался весь турецкій лагерь, въ которомъ мы захватили большіе боевые и продовольственные запасы, много оружія и одно знамя.

«У турокъ было въ бою: пять батальоновъ пѣхоты, принадлежащихъ, судя по мундирамъ, къ низаму; 400 человѣкъ арнаутской кавалеріи и шесть горныхъ орудій. Изъ разспроса плѣнныхъ, оказалось, что къ концу сраженія къ селенію Лесковицъ, лежащему въ пяти верстахъ отъ города, подошли еще три батальона пѣхоты, присланныхъ изъ Шумлы; но батальоны эти, узнавъ объ отступленіи турокъ отъ Тырнова, также отступили, не принявъ никакого участія въ дѣлѣ.

«Потери наши состоятъ: изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ 16-й конной

батареи, изъ которыхъ одинъ тяжело; пяти лошадей въ конной батареѣ и трехъ въ гвардейскомъ полуэскадронѣ.

«Невозможно описать восторга болгаръ при входѣ нашихъ войскъ въ Тырновъ. Всѣ жители вышли на встрѣчу нашимъ войскамъ, и съ криками «ура!» и «живіо Императоръ Александръ!» провожали насъ до собора, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ за здравіе Его Императорскаго Величества.

Городъ Тырновъ (Трновъ-градъ), бывшая столица Болгарскаго царства, расположенъ на берегу рѣки Янтры. Мѣстоположеніе города признается очевидцами замѣчательно красивымъ и чрезвычайно оригинальнымъ. «Охватить глазомъ весь городъ съ одного какого нибудь-пункта, говоритъ Каницъ, совершенно невозможно; лучшее для этого мѣсто—редутъ, построенный на вершинѣ одной изъ скалъ, близъ моста Хази-Ферухъ-бей. Отсюда съ западной стороны возвышаются, на заднемъ планѣ, два ряда скалъ, между которыми скрыто ущелье, съ находящимися въ немъ монастырями св. Троицы и Преображенскимъ. На лѣвомъ берегу Янтры, со скалой «Орель», довольно пологой сѣдловиной, соединяется высокій холмъ, на уступахъ котораго раскинулся христіанскій кварталъ. Дома жителей, магазины, лавки и гостиницы скучены здѣсь съ чрезвычайной тѣснотой. Улицы весьма узки; между тѣмъ встрѣчаюся двухъ и трехъ-этажные дома, надъ массою которыхъ возвышаются куполы церкви во имя славянскихъ проповѣдниковъ св. Кирилла и Меѳодія, рядомъ съ которою находится домъ тырновскаго епископа. Отъ подножія описаннаго холма, почти сплошь покрытаго съ южной стороны строеніями, тянется ровная плоскость, занятая вторымъ кварталомъ, гдѣ живутъ болгары и турки; центръ этого квартала—бывшій губернаторскій домъ. Отсюда, по направленію къ востоку, поднимаясь нѣсколько вверхъ, начинается третій кварталъ, большинство жителей котораго турки. Здѣсь зданія расположены нѣсколько шире и окружены садами, и принадлежатъ къ числу лучшихъ въ городѣ по своей архитектурѣ. Изъ этого квартала ведетъ натуральный мостъ изъ скалъ, около 30 саженъ длины, къ горѣ Царевичъ, стоящей противъ него. Турки называютъ эту гору, на которой расположена мечеть, Хисаръ-берь (замковая гора). На другой сторонѣ рѣки Янтры расположенъ довольно обширный кварталъ, населенный по преимуществу магометанами. Надъ этимъ кварталомъ господствуетъ гора, носящая названіе «Святой горы» и покрытая фруктовыми деревьями; на ней стоитъ церковь во имя Божіей Матери.

Общее число жителей въ Тырновѣ считается до 40.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ болѣе двухъ третей болгаръ и грековъ.

Тырновъ одинъ изъ торговыхъ центровъ Болгаріи, а въ прежнее время славился ткацкою промышленностію; но эта промышленность въ послѣднее время въ особенности развилась въ Габровѣ, Травнѣ, Еленѣ, Бебровѣ, и проч.

Тырново, *) 2 іюля. Сегодня открыто телеграфное сообщеніе съ Тырновомъ. 30 іюня Я прибылъ въ Тырново, гдѣ встрѣченъ жителями съ восторгомъ. Линія Янтры уже 25 іюня занята нашими войсками безъ боя; авангарды выдвинуты

*) Телегр. Е. И. В. Главнокоманд. дѣйствующей арміей.

на правый берегъ. Мусульманское населеніе бѣжитъ почти отовсюду еще до нашего прихода. До 29 іюня были только мелкія стычки разъѣздовъ съ Черкесами и вооруженными жителями, уходившими внутрь страны. 29 іюня Вознесенскій полкъ, слѣдуя изъ Радани на Церковницу, наткнулся разъѣздами у деревни Чаиркіой на непріятельскій транспортъ, шедшій подъ конвоемъ около 1,500 человѣкъ. Полкъ подошелъ къ этому транспорту, произвелъ рядъ атакъ, но не могъ выбить непріятеля, засѣвшаго за повозками на пересѣченной мѣстности. Только въ 5 часовъ пополудни, когда прибылъ на подкрѣпленіе генералъ Леоновъ съ двумя эскадронами Лубенскихъ гусаръ и полусотней казаковъ при двухъ орудіяхъ, непріятель бѣжалъ. Наши преслѣдовали его до наступленія темноты. Нашими захвачены: 300 повозокъ, 10 плѣнныхъ; на мѣстѣ найдено 50 убитыхъ Турокъ; у насъ пропали безъ вѣсти Вознесенскаго полка полковникъ Ушаковъ, *) уже раненый въ руку, и 5 нижнихъ чиновъ. Убиты того же полка штабъ-ротмистръ Литвиновъ и 8 нижнихъ чиновъ; всѣ тѣла найдены страшно изуродованными. Ранены у насъ 1 офицеръ и 15 нижнихъ чиновъ.

Вотъ тѣ интересныя подробности, которыми сопровождался въѣздъ Августѣйшаго Главнокомандующаго въ столицу Болгаріи. **)

«Подъѣзжая къ городу, Его Высочество приказалъ хору трубачей ѣхать впереди; у городскаго въѣзда Великаго Князя стали осыпать цвѣтами, вѣнками, вѣтками миртъ и дарили платками, шитыми золотомъ. Проѣхавъ узкую улицу, поѣздъ вышелъ на открытый карнизъ, по которому пролегала дорога. Внизу протекала Янтра, слѣва высилась отвѣсная скала, а на ней рядъ головъ мужчинъ и женщинъ, кричавшихъ: «да жіе Царь Александръ, да жіе Князь Николай!» и хлопали въ ладони. Посреди дугообразнаго заворота этой необыкновенной среди города скалы встрѣтилъ Великаго Князя архимандритъ собора съ клиромъ. Его Высочество приложился ко Кресту и Евангелію, выслушалъ краткое привѣтствіе, и передалъ архимандриту образъ Спасителя, который въ прошломъ году былъ посланъ Москвой болгарскому комитету. Члены комитета, послѣ его закрытія, принесли этотъ образъ Его Высочеству, съ просьбой поставить его въ Тырновскій соборъ. Затѣмъ Его Высочество двинулся дальше, уже предшествуемый духовенствомъ; восторгъ народа былъ большой, во все время шествія кричали «здравіе» и «да жіе», а женщины, не обращая вниманія на коней, бросались къ Его Высочеству и осыпали, какъ Его, такъ и все шествіе цвѣтами. Улицы до того узки, что едва можно было ѣхать вдвоемъ: на перекресткѣ, предъ тѣмъ какъ завернуть къ собору, Великаго Князя привѣтствовали пѣніемъ дѣвицы Тырновскаго училища, потомъ, въ еще болѣе узкой улицѣ, слѣзли съ лошадей и чрезъ ходъ вошли на дворъ собора и въ самый соборъ. Онъ, какъ снаружи, такъ и внутри очень напоминаетъ Систовскій. Служба производится по книгамъ московскаго изданія. Послѣ молебна съ многолѣтіемъ, Великій Князь проѣхалъ въ отведенный для него домъ. Какъ и большая часть построекъ, снаружи домъ этотъ представлялъ живописно убогій видъ, за то внутри просторъ: обширныя

*) Послѣдствія покажутъ, что Ушаковъ не пропалъ. —**) Заимст. Корреспон. Моск. Вѣд. 1877 г.

комнаты и необыкновенная чистота. Въ Тырновѣ улицы совершенно схожи со множествомъ городовъ Востока, но имѣютъ своеобразность надстройками вторыхъ и даже третьихъ этажей съ окнами и балконами на улицу. Всѣ окна защищены желѣзными рѣшетками.

«Великій Князь принялъ предложенный завтракъ, и, пока онъ съ частію свиты сидѣлъ за столомъ, молодежь расположилась на дворикѣ, вымощенномъ плитами, съ виноградньмъ навѣсомъ, и на краяхъ широкой лѣстницы, исчезавшей въ полусвѣтѣ нижняго этажа, и любовалась оживленіемъ домашнихъ лицъ обоего пола, усердствовавшихъ при угощеніи Его Высочества. Великій Князь пилъ за здоровье хозяина-толстяка съ добрымъ лицомъ и въ шерстяныхъ чулкахъ, и хозяйки-старушки, которая, отъ волненія, только махала руками и бормотала, что все плохо подано, такъ какъ она не ожидала такого счастія. Его Высочество сталъ бивуакомъ подъ тѣнью абрикосовъ, въ саду, принадлежавшемъ бывшему губернатору Тырновскаго санджака, съ нѣсколькими кіосками и замѣчательнымъ видомъ на городъ и котловину долины, гдѣ бивуакировали наши войска.

«Когда Его Высочество пріѣхалъ, болгары хлопотали возможнымъ устройствомъ оставленныхъ кіосковъ, оклеивали обоями, приносили воду, вино, стулья, столы, ковры. Чрезъ малое время пришли городскія дѣвушки, дочери именитыхъ горожанъ, принесли цвѣтовъ, платковъ и пропѣли двѣ пѣсни, сочиненныя какимъ-то болгарскимъ поэтомъ, томящимся въ царьградской тюрьмѣ. Его Высочество разговаривалъ съ ними, спрашивалъ фамиліи, просилъ написать эти пѣсни.

«Все это было сдѣлано просто, безъ ложнаго стыда, и располагало къ себѣ своею непринужденною наивностью. Потомъ пришелъ архимандритъ съ представителями временнаго правительства города. Его Высочество выразилъ имъ надежду, что они сдѣлаютъ возможное, чтобы сохранить порядокъ до установленія правильныхъ учрежденій. Его Высочество спрашивалъ, чѣмъ большинство жителей занимается. Они отвѣчали—преимущественно торговлей мануфактурными произведеніями изъ Австріи и ремеслами.

«Послѣ обѣда скоро стало темнѣть, и зажглись огоньки въ окнахъ всего Тырнова, а лежитъ городъ на горѣ такимъ образомъ, какъ будто всѣ дома лѣзутъ другъ изъ друга, чтобы безчисленными окнами, какъ глазами, смотрѣть на красоты долины.

«Въ лагерѣ ударили зорю, хоры военной музыки заиграли «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», люди пѣли вечернюю молитву; хоры заиграли «Боже, Царя храни», и гимнъ кончился переливами «ура!» отъ одной части къ другой».

Главная квартира *) дѣйствующей арміи въ сердцѣ Болгаріи—городѣ Тырновѣ—древней столицѣ царей болгарскихъ. Мѣста, гдѣ нѣкогда красовались ихъ дворцы и замки, и до сихъ поръ еще указываются мѣстными жителями-болгарами, сохраняющими о своихъ древнихъ царяхъ и былой независимости самую завѣтную память. Великій Князь прибылъ сюда 30-го іюня, въ началѣ двѣнад-

*) Прав. Вѣст. № 157. 1877 г.

цатаго часа дня, и былъ встрѣченъ жителями съ такимъ живымъ восторгомъ, который трудно и даже нельзя передать словами. Понятно будетъ, если сказать, что этой минуты—*зари своего освобожденія*—люди болгарскіе ждали болѣе четырехсотъ лѣтъ и, наконецъ, дождались! Мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти съ радостными слезами кидались въ объятія каждому встрѣчному русскому. Духовенство, при въѣздѣ въ городъ, вышло къ Великому Князю на встрѣчу съ крестами и хоругвями; все христіанское населеніе города толпилось тутъ же; русскіе и болгарскіе флаги, украшенные миртовыми и оливковыми вѣтвями, развѣвались надъ каждымъ христіанскимъ домомъ; болгары зазывали къ себѣ въ дома безразлично всѣхъ русскихъ и радушно предлагали имъ свой кровъ и угощеніе, какое только могли выставить по своимъ средствамъ. И еще теперь званымъ завтракамъ, обѣдамъ, ужинамъ, угощеніямъ—и конца нѣтъ... Все населеніе ликуетъ, служитъ молебны, гуляетъ по нашему лагерю, гдѣ раздаются звуки хоровъ военной музыки и русскихъ пѣсенъ, любуется на русскихъ солдатъ и безвозмездно привозитъ нашимъ лошадямъ овесъ и сѣно. Всѣ христіане носятъ на шапкахъ, или на правомъ рукавѣ нашивные бѣлые кресты; равнымъ образомъ православные осьмиконечные кресты начертаны мѣломъ и на дверяхъ каждаго христіанскаго дома. Короче сказать, здѣсь всѣ, отъ мала до велика, живо почувствовали, что нынѣ пробилъ, наконецъ, часъ славянской свободы и торжества христіанской вѣры на Балканскомъ полуостровѣ. Поняли это, кажись, и сами турки, приславшіе 1-го іюля къ Великому Князю Главнокомандующему особую депутацію съ выраженіемъ привѣтствія Его Высочеству и полной покорности мусульманскаго населенія Русскому Правительству. Въ числѣ депутатовъ находились: вице-губернаторъ города Дрянова, первый секретарь мехкеме (судъ по шаріату) города Тырнова, двое почетныхъ тырновскихъ гражданъ (Мехмедъ-эфенди и Али-эфенди) и наконецъ Ахметъ-эфенди, директоръ тырновской таможни. Его Высочество изволилъ милостиво принять эту депутацію, дозволилъ возстановить богослуженіе въ мечетяхъ, далъ обѣщаніе охранять мусульманскіе храмы и поручилъ депутатамъ, какъ довѣреннымъ, избраннымъ лицамъ со стороны самого же населенія—озаботиться о возстановленіи спокойствія между мѣстными мусульманами. Депутаты, въ отвѣтъ на это, заявили еще разъ, что жители въ ихъ лицѣ признаютъ полную покорность и безусловное подчиненіе Русскому Правительству и всѣ поголовно желаютъ возвратиться на мѣста своего жительства для мирныхъ занятій, и что они и не подумали бы покидать своихъ домовъ, если бы только получили своевременно прокламацію Государя Императора, которую успѣлъ здѣсь перехватить мѣстный губернаторъ Саидъ-паша, тотъ самый, что губернаторствовалъ въ Варнѣ до нашего разрыва съ Турціею. Его Высочество изволилъ указать турецкимъ депутатамъ князя Черкасскаго, какъ начальника гражданскаго управленія края, и депутаты, благоговѣйно прикоснувшись губами къ полѣ одежды Великаго Князя, удалились, видимо ободренные и обрадованные. Сегодня въ городѣ уже замѣтно на улицахъ появленіе въ значительномъ числѣ возвращающихся жителей, которые открываютъ свои лавки и

ремесленныя заведенія, не мало удивляясь при этомъ, что имущество ихъ не подверглось ни малѣйшему разграбленію.

Въ то время, какъ пишутся эти строки, наши передовые отряды уже занимаютъ балканскіе горные проходы, а Тырново на этихъ дняхъ будетъ праздновать прибытіе Государя Императора.

Всѣми этими результатами, осуществившимися въ столь короткое время, обязаны мы необычайно быстрымъ и энергическимъ дѣйствіямъ летучаго отряда генералъ-лейтенанта Гурко.

Нужно замѣтить, что наша баттарея, поставленная въ крайне невыгодныя условія, дѣйствовала съ такимъ успѣхомъ, благодаря командиру подполковнику Ореуса, что отступленіе мусульманъ послѣдовало чрезвычайно быстро; самъ Саидъ-паша, тырновскій губернаторъ, не могъ дождаться лошади и бѣжалъ пѣшкомъ изъ города по направленію къ Еленѣ.

Тырново было занято сотнею казаковъ, которую провелъ по улицамъ урядникъ кубанскаго полка, князь Церетелевъ, знакомый еще прежде со внутреннимъ расположеніемъ города. Эта сотня заняла между прочимъ и мусульманскій кварталъ, еще не вполнѣ оставленный жителями. Князь Церетелевъ первымъ вошелъ въ эту часть города, указывая путь казачьей сотнѣ.

Нашимъ призомъ этого дня былъ весь турецкій лагерь, въ которомъ мы захватили большіе боевые и продовольственные запасы, много разнаго оружія и одно знамя.

Со стороны турокъ участвовало въ бою пять батальоновъ пѣхоты, принадлежащихъ, судя по мундирамъ, къ низаму, четыреста человѣкъ арнаутской кавалеріи и шесть горныхъ орудій. По окончаніи дѣла, изъ разспросовъ плѣнныхъ оказалось, что къ концу сраженія подошли къ селенію Лясковицъ (въ 5-ти верстахъ отъ города) еще три батальона пѣхоты, присланные изъ Шумлы для подкрѣпленія тырновскаго отряда; но батальоны эти, узнавъ объ отступленіи турокъ изъ-подъ Тырнова, тоже повернули назадъ, не принявъ ни малѣйшаго участія въ дѣлѣ.

Потери наши состояли изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ 16-й конной батареи (изъ коихъ одинъ раненъ тѣжело), и убитыхъ пяти лошадей въ той же батареѣ, да трехъ коней въ гвардейскомъ полуэскадронѣ.

Дабы упрочить занятіе Тырнова, генералъ Гурко немедленно же сдѣлалъ распоряженіе о занятіи войсками всѣхъ дорогъ и подступовъ къ городу и о переходѣ въ самый городъ главныхъ силъ отряда, кіевскаго гусарскаго полка съ четырьмя орудіями и 26-го донскаго казачьяго полка съ конною баттареею.

Граждане и торговое населеніе Тырнова, узнавъ о приближеніи русскихъ, уложило все свое имущество въ телѣги и на лошадей и отправило эти воза по направленію къ Шумлѣ. Прежде, чѣмъ удалиться изъ города, турки угрожали болгарамъ всеобщимъ избіеніемъ и затѣмъ хотѣли сжечь городъ; но они не имѣли время исполнить свой ужасный планъ. Передъ тѣмъ, какъ они замышляли уже приступить къ нему, разнеслась вѣсть, что русскіе приближаются. Между турками обнаружилась всеобщая паника и они безпорядочною толпою бѣжали

изъ города. Женщины, дѣти, вооруженные турки,—всѣ спѣшили убѣжать первыми. Даже армія не выказала почти никакого сопротивленія и оставила укрѣпленныя позиціи, послѣдовавъ за бѣгущимъ населеніямъ почти по пятамъ. Когда русскіе вступили въ Тырново, въ немъ не оставалось уже и слѣдовъ турокъ, какъ будто бы они никогда и не жили въ этомъ городѣ. Въ руки нашей арміи досталось шесть пушекъ, много оружія, военныхъ снарядовъ и плѣнныхъ. Казаки жаловались на то, что имъ не съ кѣмъ драться, потому что турки повсюду уходятъ при ихъ приближеніи; можно сказать, что русская армія сдѣлала простую прогулку до Тырнова.

Въ Тырновѣ уже дѣйствуетъ болгарская администрація, избранная народомъ.

Турецкое населеніе, бѣжавшее изъ Систова и Тырнова съ своимъ имуществомъ, подверглось нападенію черкесовъ и было ограблено совершенно, послѣ ожесточенной битвы, въ которой пали многіе изъ бѣглецовъ. Черкесы не пощадили женъ и дѣтей этихъ турокъ. Многіе изъ турокъ послѣ раскаявались что оставили свои жилища, слыша и видя потомъ, что имъ нечего было бояться. Несомнѣнно, было что по прошествіи нѣкотораго времени турецкое населеніе повсюду съ удовольствіемъ будетъ принимать новый порядокъ вещей, который защититъ его по крайней мѣрѣ отъ насилій черкесовъ при защитѣ русскихъ.

Но если намъ не приходится оплакивать убійствъ ни въ Тырновѣ, ни въ Систовѣ, то нельзя того же сказать касательно Плевны. Если наши свѣдѣнія вѣрны, то болгары этого города сильно пострадали отъ турокъ. Жители Плевны, прибывшіе сюда вчера вечеромъ, разсказывали слѣдующее: когда въ виду Плевны показался отрядъ русскихъ казаковъ въ 100 человѣкъ, все мусульманское населеніе,—въ городѣ не было солдатъ,—бѣжало, не желая выказывать ни малѣйшаго сопротивленія. Болгары вышли на встрѣчу главнымъ русскимъ войскамъ, которыя находились еще на разстояніи трехъ часовъ пути отъ города. Между тѣмъ нагрянули турки, въ числѣ 6 тысячъ человѣкъ и съ 6-ю пушками. Разсказываютъ, что эта турецкая армія, для наказанія христіанъ за радость, съ которой они вышли навстрѣчу русскимъ, перебила почти все болгарское населеніе Плевны, прежде чѣмъ городъ былъ взятъ русской арміей, нѣсколько запоздавшей своимъ прибытіемъ. До сихъ поръ, впрочемъ, мы не получили еще болѣе положительныхъ извѣстій объ этомъ избіеніи, а потому я не стану ручаться за ихъ достовѣрность.

Извѣстія изъ Тырнова гласили, что болгары Габрова, до прибытія русскихъ войскъ, вооружились кто какъ могъ, чтобъ защищаться противъ турокъ.

Исполненіе долга—честь солдата.

Безстрашіе минера. Геройство капитана Эльснера. Удальство Генерала Скобелева II. Царское и великокняжеское «спасибо.» Побѣдить или умереть. Образокъ, сохранившій жизнь солдата. Бой съ дунайскими комарами. Долгъ—прежде всего. «Аль знакомая!» Кепка. Разсказы гренадеровъ. Басурманія. Деньги. Матросъ Лопаткинъ.

Русскій человѣкъ доказалъ, что онъ способенъ на самый отважный геройскій подвигъ; множество доказательствъ мы видѣли тому; и что за невѣроятное хладнокровіе отъ солдата до высшаго чина въ русской арміи?

Безстрашіе минера. Такъ напримѣръ: солдатъ, подводя торпедо подъ мониторъ, по приказанію своего офицера, которому показалось, что матросъ ошибся на счетъ глубины, повѣряетъ глубину и осторожно, методически устанавливаетъ торпедо подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ! Можно ли найти что либо прекраснѣе, величественнѣе этаго сознательнаго и хладнокровнаго мужества, при исполненіи чисто-дисциплинарной и технической обязанности? Тутъ недостаточно сказать, что русскій—хорошій солдатъ; нѣтъ, изъ того можно вывести заключеніе, что война 1877—78 г. отличается отъ прежнихъ войнъ, какія вела Россія, тѣмъ, что нынѣ каждый русскій солдатъ представляетъ изъ себя не нуль, присоединенный къ единицѣ, но самостоятельную независимую единицу. Нынѣшній солдатъ дрался не изъ желанія драться, но изъ честнаго желанія, что онъ идетъ освобождать своихъ братьевъ по вѣрѣ, и если подобное святое чувство овладѣваетъ цѣлой арміей, то въ побѣдѣ ея нельзя было сомнѣваться и мужественное увлеченіе, рѣшимость понятна.

—

Геройство капитана Эльснера. Когда рязанцы занимая лѣвый флангъ, а ряжцы—правый, бросились въ аттаку подъ перекрестный огонь четырехъ турецкихъ позицій, какъ въ этотъ моментъ капитанъ Эльснеръ былъ тяжело раненъ и упалъ на землю.

— «Небезпокойтесь обо мнѣ ребята! кричалъ онъ своимъ солдатамъ.—Я здѣсь буду лежать, а вы ступайте на приступъ; я отсюда буду командовать вами!»

—

Удальство генерала Скобелева. *) Не могу не упомянуть тутъ объ удальствѣ генерала Скобелева. 2-го. Когда въ штабѣ зашла рѣчь о возможности переправиться на ту сторону Дуная верхомъ и многіе отрицали эту возможность, Скобелевъ обѣщалъ доказать ее, и выбравъ одного изъ своихъ коней, благополучно переплылъ на другую сторону. Когда отецъ его удерживалъ, онъ его успокоивалъ и сказалъ, что если и потонетъ, то все-таки погибнетъ съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ.

—

*) Корр. изъ Займа въ Мос. Вѣд. 1877 г.

Царское и Великокняжеское «спасибо», Великій Князь Главнокомандующій, послѣ переправы войскъ, изволилъ переправиться на болгарскій берегъ. На берегу турецкой территоріи происходилъ и разносился оживленный шумъ, говоръ, медленно затихавшій съ приближеніемъ Его Высочества Главнокомандующаго, чтобъ обратиться во взрывъ *ура* на привѣтствіе Его Высочества. Поравнявшись съ саперами, понтонерами и моряками гвардейскаго экипажа, морской учебной стрѣлковой роты и команды съ фрегата *«Севастополь,»* Его Высочество благодарилъ ихъ за превосходную полную самоотверженія переправу.—«Спасибо вамъ, саперчики! спасибо морякамъ! спасибо вамъ, молодцамъ, славно поработали; молодцы!»—люди отвѣчали съ восторгомъ: «ради стараться, Ваше Императорское Высочество».—Подъѣхавъ къ пристанямъ, отъ которыхъ отчаливали одиночные понтоны съ посаженными въ нихъ людьми, или связанные настилкой по два, какъ паромы, перевозившіе артиллерію, лошадей и обозы, Великій Князь приказалъ перевести себя на тотъ берегъ уральскимъ казакамъ. Его Высочеству доложили про одного понтонера, Ивана Александрова Крылова, только что приплывшаго на берегъ съ острова, на который онъ спасся съ затонувшаго понтона. Крыловъ ухватился за барку, и на ней спасъ еще двухъ раненыхъ товарищей. Великій Князь потребовалъ его къ себѣ и благодарилъ. Крыловъ Тверитянинъ съ Волги,—такой небольшой, съ добрыми голубыми глазами и кроткимъ выраженіемъ лица. Государь пожаловалъ ему крестъ Св. Георгія. Его Высочество съ начальникомъ штаба и со своею свитой сѣлъ въ понтонъ. За нимъ стоялъ Его ординарецъ лейбъ-казакъ, держа въ рукахъ знамя Главнокомандующаго; широко развивалось его шелковое бѣлое полотно съ голубымъ восьмиконечнымъ крестомъ, съ надписью подъ нимъ: «съ нами Богъ». Дружно гребли казаки, на берегу играли хоры музыки, солдаты кричали *ура*! Его Высочество Главнокомандующій переправился на болгарскій берегъ. Дунай чрезвычайно быстро течетъ, и понтонъ, пользуясь теченіемъ, скоро доплылъ до того берега. На пристани стояли Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, Начальникъ 14-й дивизіи свиты Его Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ, адъютанты и ординарцы Его Высочества Главнокомандующаго, которые принимали участіе въ переправѣ. Свиданіе было трогательное, и всѣ прослезились. Генералъ-маіоръ Драгомировъ доложилъ Его Высочеству ходъ дѣла, который уже извѣстенъ изъ предшедшаго сообщенія. Между прочимъ весьма интересны частныя подробности. Такъ, напримѣръ, исполняя приказъ и наставленія своего начальника дивизіи «чтобы во время переправы на понтонахъ отнюдь не стрѣлять, воздерживаться отъ выстрѣловъ даже при высадкѣ съ непріятелемъ—скалывать его штыками»—съ первымъ рейсомъ не было дано ни одного выстрѣла, а при выходѣ на берегъ, первый выскочившій изъ понтона солдатъ Волынскаго полка, съ мѣста закололъ штыкомъ Турка, выстрѣлившаго въ него почти въ упоръ. Вообще 14 дивизія на дѣлѣ проявила систему воспитанія, проводившагося въ ней въ мирное время. Большая часть Турокъ была убита штыками. Вездѣ проявлялся принципъ взаимной поддержки. Понтоны прибывали отдѣльно со втораго рейса, люди поневолѣ должны были собираться и вступать

въ бой отдѣльными кучами и цѣпями, которыя, по приказанію офицеровъ, собирались во взводы и роты, при этомъ строились люди не только что разныхъ ротъ, но и разныхъ полковъ. Запрещено было подавать сигналъ отступленія. Одинъ изъ ординарцевъ Его Высочества, кавалеристъ, лежа въ цѣпи, слышалъ будто подали сигналъ отступленія, и обратился съ удивленіемъ къ унтеръ-офицеру: «Неужели это отступленіе играютъ?» «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, нашъ генералъ сказалъ, что если будутъ играть отступленіе, то это, или Турокъ, или измѣнникъ». Въ тѣхъ частяхъ гдѣ офицеры были перебиты люди просили ближайшихъ офицеровъ, чтобъ они приняли ихъ подъ начальство. Между прочимъ, генералъ Драгомировъ разсказывалъ, что при выходѣ на берегъ, онъ скоро встрѣтилъ тяжело раненаго штабсъ-капитана Брянова, видитъ, что его ведутъ, и онъ весь въ крови. «Что, Бряновъ, вы ранены?» А онъ не отвѣчаетъ на вопросъ, а говоритъ: «Все хорошо идетъ, Турки вездѣ сбиты!» Во время разговора между Его Высочествомъ Главнокомандующимъ и генераломъ Драгомировымъ подошла гвардейская рота, Генералъ Драгомировъ просилъ Его Высочество позволить ему сначала поблагодарить людей, такъ какъ онъ еще не имѣлъ случая ихъ видѣть. Рота остановилась на холму, поодаль. «Честь и слава вамъ, братцы», обратился генералъ къ ротѣ, снявъ фуражку, — «спасибо вамъ, «молодцы! Сослужили вы службу Царю-Батюшкѣ! Показали себя! Дѣти вы Русской земли!»

— «Ради стараться, ваше Превосходительство!» дружно отвѣчали храбрецы, спустившись внизъ и выстроивши фронтъ, рота взяла на караулъ, когда Его Высочество подошелъ къ ней. Капитанъ Косачъ отрапортовалъ Его Высочеству. «Спасибо вамъ, молодцы!» привѣтствовалъ Его Высочество.— «Вы доказали на дѣлѣ, что вы достойные представители гвардейскихъ частей, и оправдали выборъ вашего начальства! Вы въ точности исполнили мое приказаніе—работать на чистоту штыкомъ! А для меня, братцы, знайте, вы какъ родныя дѣти, такъ я васъ люблю и вами дорожу!» Не трудно себѣ представить, какъ эти люди восторженно отвѣчали на ласку Главнокомандующаго. Затѣмъ Его Высочество сталъ перебирать отдѣльныхъ людей; кто оказывался убитымъ, кто раненымъ, кто радостно отвѣчалъ: «Богъ миловалъ», а тѣмъ временемъ донеслись съ того берега *ура*, и звуки музыки. Государь Императоръ сѣлъ съ Цесаревичемъ, Великими Князьями и свитой на понтонъ, подъ управленіемъ лейтенанта Палтова съ командой матросовъ съ собственнаго катера Его Величества. На носу развивался штандартъ собственнаго Его Величества конвоя. Великій Князь Главнокомандующій выстроилъ гвардейскую роту на высотѣ вдоль берега и всталъ съ начальникомъ штаба, генераломъ Драгомировымъ и своею свитой на флангѣ. Когда Государь сталъ подъѣзжать, къ только-что занятому съ боя Его войсками, болгарскому берегу, Его Императорское Высочество Главнокомандующій снялъ со всѣми фуражку и грянуло *ура!* и подхватили его гвардейская рота и только-что перешедшія войска 35-й дивизіи, состоявшія по окрестнымъ высотамъ. Подъѣзжая Государь всталъ, снялъ фуражку и закричалъ *ура*! и подхватили Царское *ура* люди на водѣ, въ понтонахъ, на баржахъ и на пароходѣ Тудера,

и пошло, и пошло оглашать воздухъ это *ура*, и было чего кричать: Русскій Царь вступалъ на другой день послѣ переправы на берегъ освобождаемой имъ страны.

Выходя Государь оперся на руку Великаго Князя Главнокомандующаго, обнялъ Его, а затѣмъ далъ Георгіевскій крестъ 3-й степени генералу Драгомирову. У Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго на груди красовался тотъ же крестъ 4-й степени, только-что ему пожалованный. Государь подошелъ къ гвардейской ротѣ, принялъ рапортъ и благодарилъ людей за молодецкую службу, затѣмъ сѣлъ верхомъ и, въ сопровожденіи Его Высочества Главнокомандующаго и свиты, поѣхалъ благодарить храбрые полки 14-й дивизіи, поставленные шпалерами вдоль углубленной дороги въ Систово. Солдаты кричали *ура*, бросали шапки вверхъ и держали ихъ на штыкахъ. Это были люди той же 14-й дивизіи, которая съ такимъ воодушевленіемъ приняла поздравленіе съ походомъ, въ памятный день объявленія войны 12 апрѣля въ Кишиневѣ. Полки на дѣлѣ доказали и поддержали свою упроченную въ прежнія войны славу и сослужили службу, когда она была съ нихъ спрошена. И не легка была эта служба! Многіе изъ людей почили на вѣкъ, такъ напримѣръ изъ 2-й стрѣлковой роты Минскаго полка выбыло изъ строя 97 человѣкъ, а они и пяди захваченной земли не уступили. На полдорогѣ встрѣтилъ Государя Императора генералъ-лейтенантъ Радецкій, котораго Его Величество пожаловалъ кавалеромъ Георгія 3-й степени, а также бригадные командиры Іолшинъ и Петрушевскій, пожалованные тѣмъ же орденомъ 4-й степени.

У Систова, Государь былъ встрѣченъ жителями и духовенствомъ съ Крестомъ и Евангеліемъ. Государь приложился и приказалъ слѣдовать въ соборъ. На улицахъ женщины посыпали путь цвѣтами, въ соборѣ пропѣли многолѣтіе, а народъ кричалъ *ура* и хлопалъ въ ладоши.

Изъ собора Государь проѣхалъ въ домъ занятый командиромъ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантомъ Радецкимъ. Его Величество изволилъ завтракать и потомъ возвратиться прямо изъ Систова въ Зимницу. Такимъ образомъ, на другой день послѣ переправы, Государь Императоръ могъ держать торжественный въѣздъ въ бывшій турецкій городъ. До 1,000 турецкихъ семействъ внезапно покинули Систово и захвативъ, что могли изъ своего имущества и, собравшись въ теченіе всего трехъ часовъ времени, потянули къ Рущуку. Болгары бросились въ турецкій кварталъ и разграбили дома и мечети.

Нельзя ручаться за достовѣрность слуха, но говорятъ, что Турки въ крайнемъ случаѣ хотѣли сжечь городъ и разграбить Болгаръ, но переправа нашихъ войскъ была такъ неожиданна, что они не успѣли этого осуществить.

—

Побѣдить или умереть послѣ того, какъ взята была вторая позиція, нельзя было болѣе колебаться: надо было, или идти впередъ, или отступать, побѣдить или умереть! Туркитолько-что получили подкрѣпленіе и угрожали отнятіемъ потерянной ими позиціи. Въ этомъ моментъ молодой подпоручикъ Никольскій просилъ у

своего капитана позволенія аттаковать третью позицію и, не дождаясь разрѣшенія, бросился впередъ, сопровождаемый горстью охотниковъ. Всѣ они пали, пораженные на смерть; но порывъ, какъ электрическая искра, пронесся по всему отряду. Раздалось грозное «ура», всегда повергающее въ ужасъ турокъ, и позиція была взята!

—

Образъ, сохранившій жизнь солдата. Нѣкоторые изъ раненыхъ заслуживаютъ особеннаго интереса: такъ у одного пуля засѣла вмѣстѣ съ оторванными ею кусочками сюртука, штановъ и рубахи, и когда вытащили пулю, она имѣла видъ розетки. Очень много солдатъ имѣли по нѣсколько ранъ, что объясняется необычайно упорною битвою, а также геройскою стойкостью войска. Одинъ солдатъ, раненый въ руку, избѣгъ смерти только благодаря образку висѣвшу у него на груди: пуля ударила ему въ грудь и пробила бы сердце, еслибъ не помѣшалъ образокъ св. Николая чудотворца. Когда В. К. Николай Николаевичъ пріѣзжалъ посѣтить раненыхъ, то этотъ солдатъ съ гордостью показалъ ему образокъ св. заступника, такъ чудесно избавившаго его отъ смерти.

—

Бой съ дунайскими комарами. Достовѣрныя и крайне любопытныя подробности о переправѣ лѣваго крыла въ Галацѣ. Солдаты рязанскаго и ряжскаго полковъ сѣли въ лодки еще съ вечера, 9-го іюня, въ четвергъ, и направились на нихъ въ камыши Дуная, гдѣ и простояли всю ночь. Лодки, большею частію небольшія, изрѣдка барказы, болѣе вмѣстительные, на 20, 30 и 40 человѣкъ; мелкія лодки вмѣщали не болѣепяти, четырехъ и трехъ человѣкъ. Представьте себѣ, однако, положеніе нашихъ солдатъ въ центрѣ комаровъ и всякихъ мошекъ, столь прославившихъ берега Дуная, что европеецъ приближаясь къ нему, особенно вечеромъ, старается намазать свое лицо глицериномъ, кольдкремомъ или вообще какимъ-нибудь жиромъ. Среди этого жужжанія и сверленія высокимъ дискантомъ у самаго уха, глазъ и бровей, окруженныхъ тысячами тонкихъ жалъ, въ темнотѣ и глубокой тишинѣ солдаты простояли въ лодкахъ почти до самаго разсвѣта! Еще не видѣвъ турка за камышами, рязанцы и ряжскіе стрѣлки успѣли уже выдержать упорный бой съ комарами.

—

Долгъ прежде всего. Разсказываютъ, что иные турецкіе солдаты употребляли слѣдующій хитрый маневръ: они падали, какъ будто пораженные выстрѣломъ русскихъ, а затѣмъ, когда наши, пренебрегая павшими, бросались мимо нихъ впередъ, турки подымались и стрѣляли въ тылъ. Замѣтивъ этотъ маневръ, наши солдаты ожесточились и начали прикалывать штыками всѣхъ падавшихъ, были ли то убиты или раненые. Рота капитана Брянова, переправившись на берегъ, пришла въ замѣшательство отъ огня турецкихъ стрѣлковъ, бившихъ нашихъ на близкомъ разстояніи. Храбрый капитанъ рѣшился пожертвовать собою для возбужденія мужества въ солдатахъ; съ крикомъ: «ребята впередъ! За мной!» онъ бросил-

ся въ толпу турокъ и тѣ, покуда подоспѣли за начальникомъ солдаты, буквально перебрасывали его со штыка на штыкъ. Онъ получилъ девять ранъ и восемь изъ нихъ не были смертельны; но девятая—проколъ мочеваго пузыря—увы, уложила храбраго и честнаго бойца въ могилу. Онъ умеръ черезъ два дня. Мнѣ передавали подробности начальной сцены, когда раненаго капитана перенесли на перевязочный пунктъ и онъ окруженъ былъ товарищами, которые не вдругъ узнали его: такъ страшно искажено было его лицо страданіями, такъ страшно былъ онъ залитъ кровью.

— Братцы, неужели вы не признали меня, говорилъ раненый, замѣтивъ, что товарищи не узнаютъ его—это я, Бряновъ... Меня турки штыками... Мнѣ показалось, мои люди будто дрогнули... Хотѣлъ подбодрить... Кинулся впередъ... Не вдругъ за мной подоспѣли и вотъ меня и приняли на штыки... Потомъ-то они, мои голубчики, ужъ заступились за своего капитана... дали себя знать туркамъ...

«Товарищи капитана говорили мнѣ, что они просто плакали, видя раненаго и слушая его рѣчи, стоны... Миръ твоей памяти, честный воинъ, погибшій героическою смертью ради выполненія своего долга...

Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, пріѣхавшій посѣтить раненыхъ, привезъ Георгіевскій крестъ, дабы лично возложить его на храбраго поручика Волынскаго полка Брянова, израненнаго болѣе, чѣмъ девятью штыковыми ударами впереди своей роты. Но Главнокомандующій уже не засталъ въ живыхъ храбраго офицера, о которомъ теперь вся армія здѣсь говоритъ съ величайшимъ уваженіемъ, передъ нимъ лежалъ лишь трупъ, и Великій Князь поцѣловалъ его, почтительно положивъ крестъ на грудь мертвеца, и горько заплакалъ, Бряновъ былъ офицеръ Волынскаго полка, котораго Великій Князь состоитъ шефомъ. Объ этомъ офицерѣ слышны отсюду большія похвалы, какъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ.

—

Аль знакомая! При переправѣ у Зимницы съ третьимъ рейсомъ переправился начальникъ 14 дивизіи, генералъ Драгомировъ. Вы знаете, какъ знаютъ всѣ, что этотъ генералъ до сихъ поръ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся теоретиковъ-спеціалистовъ военнаго дѣла. Теперь онъ выказалъ себя съ блестящей стороны, какъ боевой генералъ. Онъ все время находился подъ выстрѣлами и выказалъ, по отзывамъ офицеровъ, необычайное хладнокровіе и мужество. Разсказываютъ такой случай: Когда гранаты пролетали надъ головами солдатъ, они, по невольному побужденію, которому повинуются даже храбрые изъ храбрыхъ, впервые выдерживающіе огонь, наклоняли головы.

— Что, ребята, кланяетесь, али знакомая?—обратился генералъ Драгомировъ къ солдатамъ, замѣтивъ ихъ поклоны одной гранатѣ. Солдаты встрѣтили эти слова генерала суровымъ молчаніемъ.

Передавали объ этихъ словахъ генерала Драгомирова многіе офицеры. Слова собственно не новыя: кажется, Хрулевъ или Нахимовъ, или кто-то другой изъ севастопольскихъ героевъ когда-то обратился съ такимъ же замѣчаніемъ къ сол-

датамъ. Одни изъ офицеровъ осуждали за эти слова генерала, говоря, что въ такой страшный и серьезный моментъ, когда люди идутъ на погибель, на смерть, подобныя ѣдкія шутки неумѣстны. Другіе, напротивъ, ободряли генерала и находили, что для ободренія солдатъ слѣдовало сказать что-нибудь въ этомъ родѣ. Которые правы—судите сами. По моему, шутка храбраго генерала не достигла цѣли: солдаты не засмѣялись, и, стало быть не ободрились. *Корр. Нов. Вр.*

—

Кепка. Во время похоронъ, между прочими оказался, трупъ офицера въ бѣломъ новенькомъ кепи. Солдаты опустили трупъ въ общую яму, рядомъ съ другими убитыми.

— А кепку класть съ нимъ вмѣстѣ? спрашиваетъ одинъ.

— На што? возражаетъ другой. Кепку возьми: пригодится, новенькая. А ему теперь пользы въ ей не будетъ. Отслужилъ службу свою, кончено...

— Нѣтъ, стой, братцы, кепку всенепремѣнно спущай въ могилу, замѣчаетъ третій.

— «Пусть его благородіе на томъ свѣтѣ въ кепкѣ пофорситъ, во всей, значитъ, формѣ...

—

Разсказы гренадеръ *). Послѣ занятія Систова вечеромъ, около нашего лагеря расположилась сборная полурота конвоя Его Величества. Она только пришла съ того берега, участвовала въ дѣлѣ и переправилась, въ числѣ первыхъ. Мы сейчасъ къ нимъ, и начались разказы. Здѣсь проявлялась отличительная черта нашего русскаго солдата: никакаго самохвальства, какъ будто онъ совершилъ самое обыкновенное дѣло; были они, подъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. «А страшно было?»—«Да, въ началѣ жутко; карабкаешься въ гору, а пули такъ и свистятъ; а тутъ гранаты. А какъ выбрались на горку да пошли на ура, въ штыки, тогда ничего уже не боязно. Турки смерть нелюбятъ ура и штыковъ, сейчасъ бѣжать. Тутъ-то мы ихъ ужь били, били.» —«А много закололи?»—«Да, человѣкъ по пяти на каждаго пришлось. У насъ одинъ восьмерыхъ закололъ; а со мной такой случай вышелъ: закололъ одного, закололь другаго, ткнулъ третьяго; штыкъ вошелъ на палецъ, а дальше не лѣзетъ; а онъ схватился за штыкъ, выхватилъ ножъ, ну, думаю, пришелъ мой конецъ; да нашъ офицеръ протянулъ руку и пристрѣлилъ его револьверомъ, тутъ я выдернулъ штыкъ и ошарашилъ его прикладомъ.» «А какъ дрались офицеры?»—«Нужно правду сказать, дрались хорошо. Нашъ командиръ конвоя, полковникъ Озеровъ, все впереди и кричитъ: «братцы не робѣйте!» Смотримъ—сѣлъ; ранили въ ногу, а все кричитъ: «братцы не робѣйте!» Повелъ насъ другой офицеръ, ранили и его; перевязался и опять впередъ.»— «А много убитыхъ и раненыхъ?»—«Убитыхъ у насъ 15 человѣкъ, да 22 раненыхъ; трое раненые остались въ строю.» Итого 37 изо 100! Не даромъ Государь назвалъ, какъ говорятъ, гору, которую приходилось брать въ штыки:

*) Изъ част. письма, „переправа у Систова.“ Мос. Вѣд. № 169 1877 г.

геройскою гвардейскою горой. На другой день былъ молебенъ, на которомъ присутствовали: Государь, Главнокомандующій, вся свита и все войско, находившееся въ тотъ моментъ въ Зимницѣ. Послѣ молебна Государь, вызвавъ отличившуюся Свою полуроту, приказалъ всему войску взять на караулъ, поблагодаривъ ее за молодецкую службу и, затѣмъ, началъ лично раздавать отличившимся знаки военнаго отличія, причемъ каждаго изъ нихъ осчастливилъ поцѣлуемъ. Послѣ этого Государь объѣхалъ войска и выразилъ надежду, что они покажутъ себя такими молодцами какъ молодцы-гвардейцы. Въ отвѣтъ на эти слова раздалось громовое *ура*. Возвратившись съ молебна, мы узнали что наши батареи зажгли Рущукъ. Мостъ былъ готовъ 29 числа, и до сихъ поръ по немъ идутъ войска безостановочно, такъ что попасть отсюда въ Систово не трудно, но возвращаться по мосту можно только съ величайшимъ затрудненіемъ и потерей времени. Нашихъ встрѣчали въ Систовѣ Болгары съ распростертыми объятіями. Турки же всѣ до единаго бѣжали.

—

Басурманскія деньги. *) Русскій солдатъ, работая прикладомъ ружья, уложилъ нѣсколько человѣкъ Турокъ, нападавшихъ на него съ саблями въ рукахъ. На одномъ изъ убитыхъ солдатъ нашелъ мѣшокъ набитый золотыми червонцами. высыпавъ деньги и собравъ ихъ въ пригоршню, солдатъ пустилъ ихъ по вѣтру и на вопросъ офицера «что ты дѣлаешь? золото тебѣ пригодится!» отвѣчалъ: «не хочу, ваше благородіе, поганить себя басурманскими деньгами» Къ несчастію, чрезъ нѣсколько минутъ этотъ солдатъ былъ убитъ непріятельской пулей.

К. М. В.

—

Матросъ Лопаткинъ **). Между ранеными невольно привлекалъ вниманіе одинъ молодой, съ красивыми чертами лица, матросъ гвардейскаго экипажа, по имени Семенъ Лопаткинъ. Онъ лежалъ на спинѣ, съ руками связанными на груди полотенцемъ, на которомъ виднѣлась чистая, свѣженькая ленточка Георгіевскаго креста. Во время гибели одной изъ понтонныхъ лодокъ, пронизанной насквозь турецкими пулями на переправѣ 15 іюня, Лопаткинъ спасся изъ воды, уцѣпившись за плывшую мимо доску. Раненый съ берега поочередно въ оба плеча пулями, перебившими ему плечевыя кости, Лопаткинъ, не будучи въ состояніи работать руками, предоставилъ себя на произволъ теченію Дуная. Его принесло теченіемъ къ одному изъ острововъ, гдѣ онъ въ изнеможеніи запрятался въ камышахъ. Тамъ онъ пролежалъ пять дней, не будучи въ силахъ пошевелиться безъ пищи и пособія, и только на шестой день, именно 21 іюня, наши казаки обшаривая островъ, нашли Лопаткина полуживаго отъ голода и упадка силъ, и не медля перевезли его въ госпиталь въ Зимницу. Когда доложили о Лопаткинѣ Государю Императору, Его Величество, выслушавъ о страданіяхъ этого матроса, возложилъ собственноручно ему на грудь крестъ Св. Георгія.

*) Корр. Моск. Вѣд. № 169 1877 г.

**) Тоже № 169, М. Вѣд.

Поиски пароходовъ: «Великій Князь Константинъ» и «Владиміръ». *)

«По распоряженію командующаго войсками, 28-го мая, начальникъ приморской обороны далъ предписаніе командиру парохода «Великій Князь Константинъ», лейтенанту *Макарову*, отправиться къ Сулинскому гирлу, съ цѣлію атаковать минами турецкую эскадру. Для атаки были назначены шесть миноносныхъ катеровъ, въ томъ числѣ два быстроходящихъ катера лейтенантовъ *Рождественскаго* и *Пущина*, которые, выполнивъ самую трудную задачу въ исполненіи задуманнаго предпріятія, сдѣлали поискъ, достойный украсить лучшія страницы исторіи нашего флота. Еще за нѣсколько дней до экспедиціи были приняты мѣры къ обезпеченію ея успѣха. Съ этою цѣлію были командированы въ Измаилъ, адъютантъ командующаго войсками, ротмистръ *Бушенъ* и бывшій агентъ нашъ въ Галацѣ г. *Митровичъ*. Имъ было поручено подробно изслѣдовать Килійское гирло, въ которомъ катера наши могли бы безопасно укрыться въ случаѣ непріятельскаго преслѣдованія или при неблагопріятной погодѣ, и изъ мѣстныхъ старообрядцевъ пріискать лоцмановъ, которые могли бы оказать содѣйствіе нашимъ катерамъ.

Въ день отправленія парохода была послана телеграмма въ с. Татаръ—Бунаръ, командиру квартирующаго тамъ батальона звенигородскаго полка, о высылкѣ ночью въ море трехъ рыбаковъ, рекомендованныхъ намъ г. Митровичемъ, для оказанія содѣйствія нашимъ катерамъ и о высылкѣ для той же цѣли рыбачьей лодки къ «прорвѣ» у озера Сасыкъ (Кундукъ) **).

Кромѣ того, вечеромъ былъ высланъ къ озеру Сасыкъ пароходъ «Владиміръ», которому приказано было оказать содѣйствіе катерамъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, турецкая эскадра, стоящая на Сулинскомъ рейдѣ, уходила обыкновенно на ночь, между 9-мъ и 10-мъ часами вечера, въ море по направленію къ Змѣиному острову, а между 4-мъ и 5-мъ часами утра возвращалась опять на мѣсто стоянки. Съ появленія же у Сулина нашего парохода «Аргонавтъ», турецкіе броненосцы стали уходить въ море рѣже и уже не всѣ разомъ, причемъ турки начали наблюдать бдительнѣе за рейдомъ и устьемъ Дуная. На основаніи этихъ свѣдѣній, въ инструкціи, данной лейтенанту Макарову начальникомъ приморской обороны въ день отправленія, указано было: направиться къ Змѣиному острову (Ѳеодониси) и подойти, не ра́нѣе 11 часовъ вечера, съ западной стороны острова на три мили и, открывъ тамъ турецкую эскадру, спустить всѣ паровые катера и направить ихъ въ атаку одновременно; пароходу же предоставлено было или сдѣлать демонстрацію для отвлеченія вн-

---

*) Въ дополненіе къ опубликованнымъ въ „Правит. Вѣстникѣ“ офиціальнымъ донесеніямъ о поискахъ пароходовъ „Великій Князь Константинъ“ и „Владиміръ“ къ Сулину, Константинополю и анатолійскому берегу, въ „Русск. Инвалидѣ“ напечатаны были въ 1877 году слѣдующія любопытныя подробности этого дѣла, добытыя тоже офиціальнымъ путемъ:

**) Озеро это, по показаніямъ мѣстныхъ жителей, два года тому назадъ соединилось съ моремъ посредствомъ прорыва косы, вслѣдствіе чего образовавшійся каналъ получилъ мѣстное названіе „прорвы“.

которыхъ судовъ отъ нашихъ катеровъ, или же идти на сборный пунктъ къ сѣверу отъ Ѳеодониси, въ трехъ или четырехъ миляхъ. Если бы непріятель не былъ открытъ у Ѳеодониси, то направляться къ Сулинскому гирлу, у котораго стараться быть между часомъ и двумя ночи, предваривъ катера, чтобы они, въ случаѣ, если не найдутъ парохода, направлялись къ Килійскому гирлу, гдѣ ихъ встрѣтятъ рыбаки.

Если бы въ ночь съ 28-го на 29-е не былъ открытъ непріятель, то пароходу предлагалось удалиться къ селенію Жебріены и, войдя въ сношеніе съ отрядомъ войскъ, охраняющихъ Нижній Дунай, оставить катера въ озерѣ Сасыкъ, а вечеромъ стараться выслѣдить куда уходятъ военныя турецкія суда, и открывъ ихъ, атаковать. Волонтерами на катерахъ были: на катерѣ Рождественскаго—служащій въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли дворянинъ Владиміръ *Обручевъ;* на «Чесмѣ» вольный штурманъ *Максимовичъ;* на «Синопѣ» механикъ *Красноштановъ* и на «Наваринѣ» кочегаръ *Михѣевичъ.* Послѣ описанія уже извѣстныхъ событій, газета продолжаетъ:

«По мнѣнію лейтенанта Рождественскаго, взрывъ его мины хотя и послѣдовалъ нѣсколько рано, но, во всякомъ случаѣ, атакованный броненосецъ не могъ остаться не поврежденнымъ, что̀, какъ увидимъ ниже, и подтверждается.

Если даже допустить, что броненосецъ отъ сдѣланныхъ ему поврежденій затонулъ, то вслѣдствіе незначительной глубины Сулинскаго рейда (отъ 20-ти до 30-ти футовъ), онъ могъ только опуститься, чего въ темную ночь никакъ нельзя было разглядѣть. Генералъ-лейтенантъ *Веревкинъ* *), которому было поручено навести справки объ этомъ дѣлѣ, въ телеграммѣ отъ 1-го іюня сообщилъ, что слухъ о взрывѣ турецкаго броненосца подтверждается, но что о судьбѣ катера лейтенанта Пущина нельзя было собрать никакихъ свѣдѣній.

Въ настоящее время извѣстна участь, постигшая катеръ лейтенанта Пущина, а также и то, что турецкій броненосецъ поврежденъ.

На телеграмму, посланную Свиты Его Величества контръ-адмираломъ Чихачевымъ въ Лондонъ, къ агенту «Русскаго общества» Линдену, полученъ слѣдующій отвѣтъ: «Одинъ мониторъ поврежденъ; подробности неизвѣстны. Пущинъ съ матросами взяты въ плѣнъ и отправлены въ Константинополь». Это же подтверждаетъ и газета «*Times*», въ которой напечатана телеграмма отъ 30-го мая, сообщающая, что экипажъ катера взятъ въ плѣнъ и что адмиральскій корабль сильно поврежденъ **).

Наконецъ, вторая телеграмма генерала Веревкина, отъ 4-го іюня, еще болѣе разъяснила результатъ атаки: Въ ней сказано, что катеръ лейтенанта Пущина, набѣжавъ на цѣпь, составлявшую прегражденіе Сулинскаго гирла, опрокинулся и потонулъ; что Пущинъ и команда катера взяты въ плѣнъ ***) и что фактъ

---

*) Начальникъ 36-й пѣхотной дивизіи и отряда войскъ на Нижнемъ Дунаѣ.

**) Телеграмма эта была перепечатана въ газетѣ „L'Estafette" 31-го мая (12-го іюня).

***) Въ плѣнъ взяты: лейтенантъ Пущинъ, минеръ Яковъ Гостовскій, матросъ Дмитрій Самозванцевъ, кочегары: Осипъ Непомнящій и Максимъ Конотопъ и машинистъ Иванъ Морозовъ.

повреждепія броненосца подтверждается жителями, хотя турки стараются его скрыть.

Остается сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ поискахъ пароходовъ «Владиміръ» и «Константинъ».

Пароходу «Владиміръ» назначено было крейсировать между Варною и Константинополемъ, а «Константину»—у Анатолійскаго берега.

Кромѣ захвата коммерческихъ турецкихъ судовъ и опроса иностранныхъ пароходовъ, они должны были развѣдать о стоянкахъ военныхъ турецкихъ судовъ, тѣмъ болѣе, что относительно Анатолійскаго берега ни одинъ изъ начальниковъ обороны портовъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

О направленіи и времени движенія турецкихъ судовъ существовало только предположеніе, которое и было сообщено начальникамъ приморской обороны города Одессы, командиру парохода «Владиміръ», капитану 1-го ранга *Юрьеву,* въ данномъ ему предписаніи объ отправленіи въ крейсерство.

Ко времени наступленія лунныхъ ночей, около 11-го іюня, пароходамъ назначено было вернуться изъ крейсерства.

«Владиміръ» вышелъ изъ Одессы 7-го іюня, въ 6 часовъ утра, и въ 4 часа пополудни прошелъ Змѣиный островъ въ 34-хъ миляхъ, имѣя ходу 10 узловъ; около 8-ми часовъ пароходъ увидѣлъ двухъ-мачтовый бригъ подъ парусами, шедшій къ Константинополю, и сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ; но бригъ, не останавливаясь, продолжалъ путь; тогда былъ данъ второй, а затѣмъ третій выстрѣлы, послѣ которыхъ бригъ привелъ къ вѣтру и судно остановилось. Тогда съ парохода былъ спущенъ катеръ съ лейтенантомъ *Верболозовымъ* и 12-ю вооруженными людьми, которые, подойдя къ бригу, взошли на него и нашли на немъ шкипера и команду въ 15 человѣкъ, изъ которыхъ всѣ, кромѣ одного грека, были турки. Судно оказалось турецкимъ бригомъ «Асланъ-Бахры», шедшимъ изъ Кюстенджи въ Константинополь съ балластомъ. Шкиперъ съ командою были перевезены на пароходъ, а на бригѣ оставленъ лейтенантъ Верболозовъ и семь человѣкъ его команды.

Пароходъ, взявъ бригъ на буксиръ, направился на Севастополь, а въ полдень перемѣнилъ курсъ на Одессу, куда и прибылъ съ призомъ благополучно 10-го іюня, въ 9 часовъ утра.

Пароходу «Константинъ», кромѣ захвата коммерческихъ судовъ и опроса иностранныхъ, было поручено развѣдать о расположеніи турецкихъ военныхъ судовъ въ портахъ Анатолійскаго берега. «Константинъ», выйдя изъ одесскаго порта 6-го іюня, въ 6 часовъ вечера, направился на югъ къ Анатолійскому берегу, у котораго были усмотрѣны восемь турецкихъ военныхъ судовъ. По пути имъ было потоплено четыре каботажныхъ судна, экипажъ которыхъ на шлюпкахъ былъ высаженъ на берегъ, а одинъ турокъ съ кочермы взятъ на пароходъ, потому что не оказалось шлюпки, послѣ чего кочерма была взорвана.

9-го іюня «Константинъ» возвратился въ Севастополь.

По допросу, который былъ снятъ съ брига, взятаго «Владиміромъ», оказалось слѣдующее:

Бригъ «Асланъ-Бахры», вмѣстимостью болѣе 500 тоннъ, принадлежитъ Мехмету-Басанъ-Ясиджи-Оглу; нагрузившись въ портѣ Эрегли *) каменнымъ углемъ, въ количествѣ 10.000 турецкихъ контарей **) принадлежащимъ оттоманскому правительству, доставилъ его въ Батумъ, откуда возвратился въ Эрегли и доставилъ новый грузъ угля въ портъ Кюстенджи.

Тамъ онъ разсчитывалъ нагрузиться хлѣбомъ, но вслѣдствіе запрещенія оттоманскаго правительства вывозить хлѣбъ, рѣшился идти въ Константинополь съ балластомъ и на пути достался въ призъ «Владиміру».

По показаніямъ шкипера, 7-го іюня, въ день отхода брига изъ Кюстенджи, тамъ оставались два коммерческихъ турецкихъ судна и одинъ военный англійскій пароходъ, который тамъ чинился; въ среду, 8-го іюня, съ брига видѣли три турецкихъ двухмачтовыхъ броненосца, шедшихъ, по заключенію шкипера, изъ Варны въ Сулинъ. По показанію того же шкипера, во время пребыванія брига въ портѣ Кюстенджи, нѣсколько разъ близъ порта проходили турецкіе броненосцы, направленіе которыхъ было обыкновенно къ Сулину и обратно къ мысу Калiакри, а одинъ турецкій пароходъ каждую недѣлю приходилъ въ Кюстенджи изъ Варны съ войсками и военными запасами и послѣ выгрузки, тотчасъ же уходилъ обратно. Что касается до свѣдѣній о посѣщеніи турецкими судами порта Эрегли, то по показанію шкипера, съ начала весны до настоящаго времени, изъ копей перевозили каменный уголь на берегъ, а оттуда грузили его на три правительственныхъ транспорта и на турецкія комерческія суда для перевозки въ порты: Батумъ, Синопъ, Варну, Кюстенджи и Константинополь; иногда же приходили туда, одинъ за другимъ, броненосцы, для запаса углемъ, который имъ перевозили турецкія баржи и кочермы.

Характеристика столицы Болгаріи.

Типъ жителя Тырнова.—Цербановъ домъ.—Поздравленіе Его Высочества Евгенія Максимиліановича съ занятіемъ Тырнова.—Замѣчаніе Великаго Князя.—Въѣздъ Августѣйшаго Главнокомандующаго.—Молебенъ.

«Тырново довольно многолюдный городъ. Здѣсь средоточіе, такъ сказать, болгарской народности. Трудно описать тотъ восторгъ и ту предупредительность, съ какою встрѣчали насъ жители. Если кто будетъ судить о болгарахъ и Болгаріи по городамъ Мачину, Систову и, вообще, по прибрежнымъ дунайскимъ городамъ, тотъ много ошибается въ своихъ заключеніяхъ, какъ въ отношеніи богатства страны, такъ и въ отношеніи нравственныхъ чертъ народа. На прибрежьи народъ болгарскій представляетъ смѣсь съ молдаванами, греками, и потому, захвативъ дозу непривлекательныхъ качествъ этихъ народностей, далеко не высказывается въ томъ добродушномъ, симпатичномъ видѣ, какимъ онъ представляется въ Тырновѣ. Мимоходомъ замѣчу, что меня поразило одно обстоя-

*) На Анатолійскомъ берегу.—**) Турецкій контарь—$3^1/_2$ пуда.

тельство: вы въ Тырновѣ встрѣтите не мало болгаръ, которые хотя плохо, очень плохо, но говорятъ по французски; за то я не встрѣчалъ, да и знаю навѣрно, что ни одинъ болгаринъ не только не говоритъ по русски, но даже, повидимому, и не слыхалъ этого языка. Если мы беремъ на себя, кромѣ освобожденія, еще настолько же сложную коммисію нравственнаго руководства болгарскаго народа, то неужели мы откроемъ это руководство не непосредственно черезъ свой родной языкъ, неужели мы и теперь не познакомимъ страны съ нашимъ роднымъ языкомъ въ школахъ и въ училищахъ? Неужели мы не постараемся познакомить болгаръ съ своею литературою,—и этимъ духовнымъ единеніемъ, лежащимъ на почвѣ знанія и творчества, не скрѣпимъ наше будущее сближеніе, начавшееся въ настоящую минуту только искреннимъ чувствомъ благодарности, которое одно само по себѣ едва ли можетъ навсегда сохраниться связывающимъ звеномъ славянскаго единства.

«Въ Тырновѣ есть, такъ называемый, Цербановъ домъ, т. е. большой заѣзжій дворъ, гдѣ постоянно собираются офицеры, доктора и всѣ военно-служащіе. Это своего рода временный военный клубъ. Здѣсь можно узнать всѣ новости, можно за баснословно дешевую цѣну пообѣдать, выпить кофе, выкурить кальянъ. Здѣсь же происходятъ всевозможнаго рода покупки и продажи, въ особенности торгъ лошадьми. Какъ корреспондентъ, на другой день съ ранняго утра забрался я въ этотъ домъ. На обширномъ, выстланномъ досками дворѣ мы расположились группами, и за великолѣпнымъ кофе толковали о послѣднихъ событіяхъ, дѣлахъ и схваткахъ. Здѣсь же мнѣ передали, что вчера, т. е. 29-го іюня, генералъ Гурко узналъ, что вблизи Тырново проходилъ довольно большой турецкій обозъ съ провіантомъ. Онъ выслалъ на встрѣчу ему два эскадрона отъ Казанскаго и Астраханскаго полковъ. Драгуны быстро нагнали обозъ, аттаковали его, перебили прикрытіе и захватили цѣлый гуртъ скота, послужившій прекраснымъ обѣдомъ для отряда. Въ дѣлѣ этомъ нашихъ ранено было, кажется, двое; но непріятелю причиненъ значительный вредъ. Здѣсь же узналъ я, что сегодня долженъ въѣхать въ Тырново Главнокомандующій съ своею квартирою.

Пока мы разговаривали, въ домъ вошли Его Высочество Евгеній Максимиліановичъ, командиръ Казанскаго полка полковникъ Корево, полковникъ генеральнаго штаба и два ординарца. Зашли они, чтобы пообѣдать, такъ какъ бригада выступала въ походъ по направленію къ Балканамъ. Мы поздравили Его Высочество съ удачнымъ занятіемъ Тырново и съ молодецкимъ подвигомъ командуемыхъ имъ драгунъ.

— Да, это дѣйствительно безпримѣрное дѣло, сказалъ Его Высочество, когда всѣ заняли общій столъ для завтрака. Слыханное-ли дѣло, чтобы кавалерія брала города.

— И имѣйте въ виду, въ такой мѣстности, замѣтилъ полковникъ Корево.

Въ простой, одушевленной бесѣдѣ мы провели часа полтора, пока бригада выбралась за городъ изъ узкихъ его улицъ. Его Высочество былъ веселъ и одушевленъ.

— Ваше Высочество тоже, вѣроятно, не пользовались особыми удобствами въ передовомъ летучемъ отрядѣ?

— Удобствами?—говорите вы; спросите лучше, что мы перетерпѣли все это время въ послѣднюю недѣлю. У меня не было ни экипажа, ни вьюка, даже денегъ, потому что мы положили свои деньги въ артиллерійскій ящикъ баттареи, которая теперь ушла Богъ знаетъ куда.

У одного бывшаго агента товарищества продовольствія оказался самоваръ и московскій чай. Онъ любезно угостилъ Его Высочество и всѣхъ офицеровъ чаемъ, за что они отъ души его благодарили, заявляя, что уже давно не имѣли такой роскоши. Его Высочество, кромѣ того, получилъ отъ агента штукъ двадцать пять готовыхъ папиросъ и отъ души былъ радъ этому, дорогому по мѣсту и времени, подарку.

Его Высочеству Евгенію Максимиліановичу пожелалось видѣть Главнокомандующаго. Онъ часто спрашивалъ, не пришла ли главная квартира; но дежурный доложилъ, что бригада выступила, и, несмотря на то, что оставалось подождать какихъ-нибудь полчаса или часъ, Его Высочество уѣхалъ къ своему мѣсту, говоря: «не хорошо—генералъ Гурко замѣтитъ.» Подобное отношеніе къ дисциплинѣ со стороны Великаго Князя было знаменательно.

«Черезъ часъ мы вышли за городъ встрѣтить Главнокомандующаго. Мы вышли было къ тому мѣсту, у котораго вчера въѣхали въ городъ; но улицы его были заняты обозомъ; поэтому офицеръ генеральнаго штаба доложилъ Его Высочеству Главнокомандующему, что въѣхать въ городъ можно только съ другой стороны. Въѣздъ Его Высочества былъ торжественъ: внизу передъ въѣздомъ его встрѣтило болгарское духовенство съ образами и отслужило молебенъ. Затѣмъ впереди Главнокомандующаго несли образа и хоругви. Великій Князь верхомъ, за нимъ генералъ Непокойчицкій и вся блестящая свита въѣхали въ городъ. Народъ весь высыпалъ за городъ. Громкое, задушевное «ура» огласило воздухъ, когда показался на возвышенности Великій Князь. Восторгу не было конца. Путь, по которому пришлось слѣдовать Великому Князю, весь усыпанъ былъ зеленью и цвѣтами. Во многихъ мѣстатъ города устроены были изъ зелени и цвѣтовъ красивыя тріумфальныя ворота. Около однихъ изъ этихъ воротъ Великаго Князя встрѣтилъ болгарскій митрополитъ и сказалъ ему привѣтственную рѣчь. Великій Князь подалъ митрополиту великолѣпный образъ Спасителя, сказавъ: «Это прислала Москва болгарскому народу.» Стоявшая около меня толпа громко заговорила: «Москва образъ прислала; да благословитъ Богъ русскій народъ.» Здѣсь же встрѣтилъ Великаго Князя хоръ молодыхъ болгарскихъ дѣвушекъ, пропѣвшихъ какой-то гимнъ, изъ словъ котораго я могъ понять, что прославляется святая Русь и русскій народъ, взявшій на себя святое дѣло освободить несчастный болгарскій народъ. Букеты, вѣнки сыпались по пути Великаго Князя отовсюду. Восторженные крики не умолкали. Но какъ былъ величественъ Великій Князь! Нѣкоторая худоба, блѣдный цвѣтъ лица, спокойный сосредоточенный взглядъ; Великій Князь своею позою, фигурою—ясно указывалъ, какъ не легко достаются ему настоящія минуты истинной радости

и торжества, и сколько безсонныхъ ночей, сколько тревожныхъ ожиданій и безпокойства волновали его до глубины души!

«Въ соборѣ отслуженъ былъ торжественный молебенъ; затѣмъ митрополитъ, вмѣстѣ со всѣмъ болгарскимъ духовенствомъ, проводилъ Князя во дворецъ, т. е., домъ, отведенный для его помѣщенія и занимаемый въ прежнее время турецкими властями. Цѣлый тотъ день играла полковая музыка; по городу слышались пѣсни, и уже далеко за полночь окончился этотъ день великаго торжества».

Христіанская часть города, Тырнова или Трнова съ своими многоэтажными домами (нѣкогда составлявшими большую рѣдкость въ болгарскихъ городахъ) и съ двумя куполами церкви Кирилла и Меѳодія, съ перваго взгляда отличалась отъ турецкой части, гдѣ возвышались минареты, съ блестящими жестяными крышами, и стояли низкіе турецкіе дома, окрашенные въ красный и синій цвѣтъ, съ плоскими крышами. Два западные холма, на которыхъ построенъ городъ, кажутся отдѣленными отъ третьяго, а между тѣмъ они соединены между собою страннымъ положеніемъ почвы: вертикально опускающаяся скала, на вершинѣ которой едва проходитъ дорога, соединяетъ эти два холма съ третьимъ, Гифтарбайромъ (гора замка), и заставляетъ рѣку Янтру пробиваться между известковыми стѣнами въ видѣ раздвоеннаго потока.

«Улицы Трнова такъ узки и такъ плохо вымощены, что ходить по нимъ и дышать въ нихъ не доставляетъ особеннаго удовольствія. Европейцы, съ чувствительнымъ обоняніемъ и съ мозолями на ногахъ, почти забываютъ о романтическомъ мѣстоположеніи Трнова, когда войдутъ въ этотъ городъ, то увидятъ себя принужденными искать убѣжища въ одной изъ двухъ полуевропейскихъ гостинницъ. Они почти не замѣчаютъ многочисленныхъ магазиновъ и лавокъ, позволяющихъ заключать о дѣятельности торговаго класса, и съ неудовольствіемъ смотрятъ на мрачныя ворота и дворы, съ которыхъ несется на встрѣчу входящему весьма подозрительный запахъ. Далеко выдающіеся края крышъ даютъ тѣнь деревяннымъ балконамъ, съ которыхъ сосѣди, живущіе черезъ улицу, легко могутъ подать другъ другу руку. Дома въ Трновѣ прохладны, въ нихъ много тѣни, но въ жаркій лѣтній день всѣ, несмотря на мучительную мостовую, охотно оставляютъ низкія комнаты, чтобы погулять подъ голубымъ небомъ и подышать чистымъ воздухомъ въ маленькомъ домашнемъ садикѣ или гдѣ-нибудь за городомъ.

«Жить въ Трновѣ даже для избалованнаго европейца недурно. Зажиточные христіане, охотно пускающіеся путешествовать въ качествѣ купцовъ или мелкихъ фабрикантовъ, внесли въ свои дома много европейскихъ обычаевъ и привычекъ, и всякій иностранецъ, пробывшій въ городѣ всего нѣсколько часовъ, легко находитъ знакомыхъ, предлагающихъ гостепріимство и сообщающихъ интересныя свѣдѣнія. Кромѣ рѣзкаго турецкаго и звучнаго болгарскаго языка тамъ и сямъ слышится говоръ на европейскихъ языкахъ, которые извѣстны не однимъ только странствующимъ купцамъ или случайно заѣхавшимъ сюда искателямъ приключеній. Болгарская молодежь, обучающаяся въ Австріи или въ Рос-

сіи, возвратившись домой, любитъ говорить на иностранныхъ языкахъ, которые, впрочемъ, скоро забываетъ или портитъ у себя на родинѣ.

«Трново, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшее резиденціей турецкихъ губернаторовъ Болгаріи, представляетъ, несмотря на отдаленность отъ Дуная, собственно умственный и торговый центръ этой страны. Трудолюбивые жители Балканскихъ долинъ доставляютъ сюда свои произведенія, а трновскіе купцы развозятъ свои товары въ ближайшіе города по всѣмъ направленіямъ. На разстояніи доброй четверти часа ходьбы къ югу отъ города, въ такъ называемомъ *Маріанополѣ*, предпріимчивый болгаринъ Карагіозоглу основалъ на Янтрѣ небольшое фабричное селеніе, гдѣ многочисленная колонія рабочихъ, подъ руководствомъ европейцевъ, занимается приготовленіемъ шелка, перемалываніемъ муки и перегонкой спирта. Такъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но теперь я слышалъ, что Карагіозоглу, вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго турками его женѣ, оставилъ городъ и закрылъ свои заведенія.

«Мой систовскій знакомецъ говорилъ: «Въ Тырновѣ вы найдете историческіе слѣды двухъ тысячелѣтій»—и говорилъ правду. Но болгарскія преданія и народный эпосъ перепутали историческіе періоды, а монахи пяти большихъ монастырей, окружающихъ Тырново, въ доказательство вѣрности своихъ историческихъ разсказовъ, показываютъ документы позднѣйшаго происхожденія. Феликсъ Каницъ, въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ о Болгаріи, доказалъ несостоятельность подобныхъ гипотезъ въ отдѣльныхъ случаяхъ; но позднѣйшимъ изслѣдователямъ еще предстоитъ розыскать безчисленное множество археологическихъ памятниковъ, что, при турецкомъ правительствѣ, едва ли возможно. Геологи и изслѣдователи древностей всегда не радушно принимались пашами и населеніемъ, потому что въ Турціи всякій, оставляющій военную дорогу для того, чтобы разбить камни или отыскивать древнія надписи, легко навлекаетъ на себя подозрѣніе въ кладоискательствѣ, потому что куда же, какъ не въ землю, ушли сокровища римлянъ, готовъ и византійцевъ, между тѣмъ какъ христіане и турки теперь такъ бѣдны?

«Тырново, названіе котораго происходитъ отъ слова трн, т. е. тернъ, и, стало быть, значитъ «терновое», по преданію, построенно великанами; однако, древность найденныхъ до сихъ поръ въ самомъ городѣ остатковъ отъ построекъ не восходитъ далѣе пяти столѣтій. Войны съ византійскими императорами и султанами, конечно, нѣсколько разъ заставляли жителей за-ново отстраивать дома и церкви, и потому слѣдовъ двухъ тысячелѣтій надо искать, большею частью, внѣ города. И они отыскиваются. На разстояніи двухъ миль къ сѣверо-западу отъ Тырнова, близъ нынѣшняго Никюпа, находятся довольно хорошо сохранившіеся остатки римскихъ построекъ, которыя Каницъ призналъ принадлежащими Никополю *ad Istrum* императора Траяна. Еще далѣе на западъ, у деревни Яларъ, въ трехъ миляхъ отъ Тырнова, стоитъ столбъ въ пять футовъ вышины, называемый «дикилиташъ» и составлявшій, вѣроятно, часть римскаго водопровода. Чѣмъ далѣе подвигаешься по болгарской низменности на сѣверъ, къ Дунаю, тѣмъ чаще встрѣчаются древне-славянскіе курганы, могильныя насыпи, которыя, во

всякомъ случаѣ, относятся ко времени гораздо болѣе древнему, чѣмъ періодъ римскихъ императоровъ.

«Письменныя историческія свидѣтельства о Тырновѣ начинаются, сколько извѣстно изъ произведенныхъ до сихъ поръ изслѣдованій, съ X вѣка, когда болгарская династія Шишманидовъ основала свою резиденцію въ этомъ городѣ; въ концѣ XII столѣтія потомки царя Азана дѣлали отсюда набѣги на Ѳракію, Македонію и доходили даже до воротъ Константинополя. Въ XIII столѣтіи въ Тырново вступили византійскіе императоры, а въ 1393 г.—турецкія полчища. Прошло болѣе четырехсотъ лѣтъ, пока христіанская держава снова ввела свои войска въ древній царскій городъ; въ 1810 году русскіе заняли Тырново только на нѣсколько недѣль, а теперь, какъ сообщаетъ выше напечатанная оффиціальная телеграмма, они снова вступили въ старую болгарскую столицу. *)

Оригинальный приказъ генералъ-лейтенанта Драгомирова.

(Отданный предъ высадкою на Дунаѣ.) **)

Мы уже имѣли удовольствіе говорить о генералѣ Драгомировѣ въ нашемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ, ***) и нѣсколько намекнули на его своеобразную тактику въ военномъ дѣлѣ. Теперь мы можемъ лучше понять военный взглядъ этой замѣчательной особы, стоитъ только прочитать его приказъ.

Приказъ генерала Драгомирова по 14 пѣхотной дивизіи, объявленный предъ высадкою войскъ на Дунаѣ, вполнѣ замѣчателенъ, какъ по своему взгляду такъ и по своему содержанію; кромѣ того, онъ былъ понятъ солдатами и исполненъ. Вотъ замѣчательныя статьи этого приказа:

...2) Предварить всѣхъ, что въ случаѣ дѣла поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, останется въ ней пока дѣло сдѣлано не будетъ, потому патроны беречь; хорошему солдату 30 патрономъ достаточно на самое горячее дѣло.

3) «Какъ бы тяжело ни приходилось, не унывать, а помнять, что только претерпѣвый до конца, спасается. Святой долгъ. Офицерамъ самимъ это помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забыли.»

4) «При вечерней и утренней молитвѣ послѣ «Отче Нашъ» пѣть «Господи силъ съ нами буди, инаго да развѣ Тебѣ Помощника въ скорбѣхъ не имамъ; Господи силъ, помилуй насъ»...

5) «Выносъ раненыхъ возложенъ на санитаровъ, слѣдовательно никто для этого и ни для чего другаго рядовъ оставлять не долженъ... Держись кучи, выручай другъ дружку—будетъ хорошо.

6) «Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ...»

. . . .

10) «Никогда не забывать объявлять предъ дѣломъ, что собираемся дѣлать.

*) См. Тырново стр. 281.—**) „Новое Время“ отъ 25 іюня изъ Систова.—***) См. стр. 200.

Послѣдній солдатъ долженъ знать куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ и будетъ убитъ, смыслъ дѣла не теряется. Если начальникъ будетъ убитъ, можно не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага.

«Помните, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и непріятелемъ, а потому начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, а работать преимущественно словесными приказаніями.

«Сверхъ того, отбоя, отступленія и т. п. вовсе и никогда не подавать и предупредить людей, что если такой сигналъ услышатъ, то это только обманъ со стороны непріятеля.

«У насъ ни флангу, ни тылу нѣтъ и быть не должно; всегда фронтъ тамъ, откуда непріятель. Дѣлай такъ какъ дома учился, стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди всегда впередъ и Богъ наградитъ тебя побѣдой.

«Драгомировъ, кромѣ всѣхъ построеній, принятыхъ въ нашей тактикѣ, вводилъ совершенно новыя, свои; такъ, напримѣръ, при нападеніи непріятеля съ фланга, когда батальоны стоятъ въ одну шеренгу, при его построеніи въ 5 минутъ встрѣчаютъ огнемъ непріятеля, а при построеніи нашей тактикой—въ 17.

«Солдаты до того были пріучены къ построеніямъ, что когда во время высадки въ ночь 15-го іюня, понтоны приставали не по очереди, а куда какой снесетъ теченіемъ, то изъ разныхъ ротъ и батальоновъ строились въ одну роту и шли въ порядкѣ.

«Нельзя пройти молчаніемъ той увѣренности, которую солдаты выказали къ нашимъ офицерамъ. Въ 6-ой ротѣ волынскаго полка перебили всѣхъ офицеровъ. Батальонный командиръ кричитъ во 2-ю роту; «дайте мнѣ офицера» «Всѣхъ перебили кромѣ ротнаго командира», отвѣчаютъ ему. Онъ назначаетъ унтеръ-офицера. Солдаты кричатъ ему: «дайте намъ офицера, съ унтеръ-офицеромъ мы погибнемъ.» Тогда онъ взялъ офицера изъ минскаго полка и рота пошла, слушая его приказанія.

«Какъ примѣръ выносливости, могу сообщить слѣдующіе факты: фельдфебель 6-й роты волынскаго полка раненъ въ бокъ, двѣ раны его перевязали и онъ пошелъ въ дѣло.

«Минскаго полка 8-й роты, молодой солдатъ, хохолъ, раненъ въ лицо; его перевезли на островъ, сдѣлали перевязку, онъ просилъ, чтобы опять позволили ему идти на турецкій берегъ. «Еще успѣю душъ пять уходить», говорилъ онъ.

«Въ то же самое время солдаты выказывали большую находчивость: командиръ-гвардейской роты Озеровъ лежалъ раненый за кустомъ, съ нимъ рядомъ барабанщикъ и еще человѣкъ пять солдатъ: дѣло было ночью. Видятъ они, что турки наступаютъ; барабанщикъ бьетъ наступленіе, всѣ раненые кричатъ «ура» и турки поворачиваютъ назадъ. Эта гвардейская рота оказала большую поддержку поручику 2-й стрѣлковой роты Минскаго полка Маторному, когда тотъ, завладѣвъ горой, оставался только съ двѣнадцатью человѣками и видѣлъ, что турки бросились отбивать позицію. «Гвардейцы, помогите!» крикнулъ онъ; они бросились и выручили.

«9-й роты 3-го батальона Волынскаго полка рядовой Ѳедоръ Скрипка сидѣлъ за кустомъ, въ цѣпи, такъ что только его голова была видна; наскочилъ на него турецкій офицеръ, замахнулся саблею, но онъ быстро отбилъ вверхъ ударъ ружьемъ, повернулъ ружье и прикладомъ уложилъ офицера.

«Собрались солдаты и начали перебирать, что было на немъ; оказалась прежде всего—пара хорошихъ револьверовъ, они ихъ поворочали, поворочали и бросили; потомъ нашли на немъ поясъ съ деньгами, нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ и сверточикъ бумаги. Деньги поразбросали, а свертокъ принесли батальонному командиру,—оказалась молитва «Отчего же деньги не оставилъ себѣ, развѣ не пригодились бы онѣ тебѣ хотя на табакъ?» «Нѣтъ ваше сіятельство, эти деньги намъ не идутъ, они нечистыя.» *)

Дѣло подъ Зивиномъ **).

(Подробности, заимствованныя изъ Тифлисскаго Вѣстника, отъ 9 іюня 1877 г.)

Около 2 часовъ пополудни войска тронулись и начали спускаться въ лощинѣ по узкимъ извилистымъ и крутымъ дорожкамъ. Они скоро скрылись у насъ изъ виду. Лишь на правомъ крылѣ мы видѣли двѣ густыя цѣпи Эриванцевъ, предшествовавшія движенію трехъ первыхъ гренадерскихъ баттарей, которыя вытягивались гуськомъ, направляясь къ свой позиціи.

За баттареями двигались массою батальоны эриванцевъ. Съ другой стороны, на лѣвомъ флангѣ, показалась 4-я легкая баттарея подполковника Колокутскаго молодецки взобравшаяся по крутому подъему холма, и съ чрезвычайной быстротою установившая свои орудія. Неуспѣли мы увидѣть подъемъ послѣднихъ орудій этой баттареи, какъ показался дымокъ и раздался звукъ перваго русскаго выстрѣла. Это было въ 2 ч. 40 минутъ по полудни. Затѣмъ послѣдовалъ второй, третій и—пошло трещать! Турки не отвѣчали съ своихъ баттарей, хотя трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, раздававшихся въ оврагѣ, по временамъ и былъ слышенъ. Продолжительное молчаніе турецкихъ баттарей давало основаніе многимъ изъ насъ думать, что турки собираются свои позиціи уступить безъ боя и сами улизнуть. Эту мысль еще болѣе поддерживалъ громадный дымъ, поднимавшійся клубами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лагеря и въ особенности полное отсутствіе солдатъ на веркахъ укрѣпленій. Прошло болѣе 20 минутъ. Начали палить одна за другою наши баттареи на правомъ флангѣ, турки все молчали. Наши гранаты съ лѣвой баттареи по приказанію были направлены въ оврагъ, гдѣ стояли турецкія колонны. По этому намъ не видно была, куда падали наши снаряды. Но взрывъ гранатъ правофланговыхъ баттарей направленныхъ, въ укрѣпленіе лѣваго турецкаго крыла, былъ явственно виденъ намъ: первая граната не долетѣла почти на цѣлую версту, вторая упала ближе, третья еще ближе. Пущено было покрайней мѣрѣ десять, пятнадцать снарядовъ раньше, пока

*) Рус. Вѣд. № 172, 1877 г. См. переправа черезъ Дунай 14-й дивизіи.—**) См. страк. 228.

артиллеристы не «пристрѣлялись,» то есть не достигли вѣрнаго прицѣла, а сдѣлать это не легко на разстояніи 4 верстъ. Наконецъ на самомъ бруствере турецкаго укрѣпленія показался коричневый дымокъ съ черными пятнами; значитъ наша граната попала въ цѣль. Слѣдующая перелетѣла чрезъ холмъ и разорвалась въ обширномъ лагерѣ, расположенномъ на большой террасѣ; одновременно съ нею третья лопнула въ центрѣ непріятельской баттареи. Наши, стало быть, «пристрѣлялись!»

Только тогда на турецкой баттареѣ показался бѣлый дымокъ, быстро направившійся влѣво и опережаемый великолѣпнымъ кольцомъ, точь въ точь такимъ, какое умѣютъ выпускать записные курители (дымъ изъ трубокъ.) Секундъ чрезъ пятнадцать послышался глухой и сильный трескъ выстрѣла: О, это далеко не звукъ горнаго или полеваго орудія. Вслѣдъ затѣмъ передъ нашею первою баттарею показался коричневый дымокъ отъ разрыва турецкой гранаты. Вторая граната перелетѣла баттарею и лопнула въ кучкѣ прикрытія. Солдаты, сидѣвшіе въ прикрытіи, бросились бѣжать стремглавъ отъ гранаты во всѣ стороны, и у мѣста ея разрыва скоро образовалась плѣшь, на которой, впрочемъ, я не разглядѣлъ ни одного трупа.

«Бѣлый дымъ на турецкой баттареи началъ показываться чаще и чаще. Независимо отъ него обнаружился дымокъ на обрывѣ террасы влѣво (для насъ), отъ главной баттареи и отъ турецкаго лагеря. Затѣмъ такой же дымокъ пока зался въ верстѣ отъ этого мѣста, влѣво (опять-таки для насъ, т. е. вправо для турокъ); затѣмъ на угловомъ шоханѣ длиннаго козлообразнаго хребта, потомъ на слѣдующемъ шоханѣ того же хребта,—словомъ турки обнаружили сразу пять-шесть отдѣльныхъ баттарей. Перекрестный огонь этихъ баттарей обстрѣливалъ буквально все впереди лежащее пространство.

«Между тѣмъ наша пѣхота шла, вскорабкиваясь по необозримой крутизнѣ на вершины холмовъ, откуда возможно было перестрѣливаться стрѣлками. Едва наши солдаты, мингрельцы, поднялись на гребень лѣваго холма, между террасою и козлообразнымъ хребтомъ, со склона противуположнаго холма, гдѣ мы прежде рѣшительно ничего не замѣчали, показались дымки: непріятельскіе стрѣлки, скрывавшіеся въ ложементахъ обрыва, открыли огонь. «Пифъ-пафъ» этихъ выстрѣловъ сливался въ общій трескъ, точно кто-нибудь рвалъ безконечный и сильно накрахмаленный коленкоръ, а дымки, сливаясь, образовывали густую вуаль, занавѣсившую почти весь склонъ холма. Къ довершенію картины, съ обширной вершины этого холма стрѣлки, разсыпанные въ продолговатыхъ траншеяхъ, открыли сильный огонь, дымъ котораго тянулся продольною линіею надъ гребнемъ, какъ бы вѣнчая склонъ, застланный вуалью дыма. Мингрельцы съ перваго же раза отвѣтили на выстрѣлы. Чтобы судить о томъ, какова была крутизна того подъема, гдѣ расположены были въ ложементахъ непріятельскіе стрѣлки, достаточно сказать, что убитые и раненые стрѣлки обрывались въ пропасть, увлекая за собою цѣлыя груды щебня, земли, песку и т. п., такъ что паденіе каждаго стрѣлка уподоблялось обвалу въ горахъ.

«Другіе батальоны мингрельцевъ подымались еще и влѣво, по восточному

склону козлообразной горы. Съ траншей шохановъ этого гребня турки открыли по нимъ ужасающій огонь. Нужно сказать, что большинство этого полка сегодня въ первый разъ было въ дѣлѣ. Солдаты и офицеры его еще ни разу не видѣли огня. Независимо отъ того, огонь непріятеля здѣсь былъ до такой степени силенъ, а крутизна подъема такъ отвѣсна, что самъ г.-л. Гейманъ нашелъ невозможнымъ держаться здѣсь или идти впередъ.

Въ центрѣ, между тѣмъ, колонна г.-м. Комарова, двигавшаяся вмѣстѣ съ 6-ю батареей, сначала заблудилась и попала не на ту дорогу, которая ей была указана, а затѣмъ попала подъ перекрестный ружейный и орудійный огонь непріятеля. Множество лошадей батареи были перебиты или ранены; одно орудіе, получивъ ударъ гранаты, свалилось въ кручу; другія невозможно было двигать далѣе. Войска стали у деревни Зивинъ, подъ развалинами замка, добравшись кое-какъ до «мертваго пространства,» куда пули и снаряды непріятеля не могли достигать, благодаря неровностямъ склона холмовъ. Но идти впередъ, на приступъ, оказалось почти невозможнымъ; подъемъ былъ дьявольски-крутъ, почти отвѣсенъ. Увидя что средняя колонна остановилась у селенія, штабъ послалъ приказаніе — идти впередъ, снявъ ранцы, и взбираться на крутизну, во что бы то ни стало, взявъ тропинку зигзагомъ, вившуюся направо отъ селенія.

Приказаніе, конечно, было исполнено: три баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка и Тифлисцы двинулись впередъ, по кручѣ, въ ранцахъ (вслѣдствіе того что приказъ скинуть ихъ, данный ген. Духовскимъ, не переданъ былъ по назначенію). Направо отъ Грузинцевъ весь Тифлисскій полкъ сталъ подниматься по другой кручѣ.

На правомъ крылѣ объ Эриванцахъ не было ни слуху, ни духу; они наткнулись на такіе обрывы и овраги, которые перейти не было рѣшительно никакой человѣческой возможности. Ихъ перевели затѣмъ влѣво, приблизивъ къ центру атаки...

Вслѣдъ за этимъ представилось баснословное зрѣлище: вскарабкиваніе Грузинцевъ по склону передоваго холмика, прикрывавшаго спереди тотъ главный холмъ, гдѣ стояла важнѣйшая изъ непріятельскихъ батарей. Передовой холмъ былъ обвитъ нѣсколькими рядами траншей, вѣнчавшихъ эту вершину. Крутизна подъема заставляла нашихъ солдатъ подпираться штыками. Турки начали жарить ихъ исправнымъ перекрестнымъ огнемъ, буквально застлавшимъ всю вершину холма густымъ облакомъ дыма, сквозь которое уже не видны было ни непріятеля, ни его траншей. Наши солдаты шли впередъ цѣпью, не выпуская ни единаго заряда, подвигаясь ровно, постепенно. Но дойдя шаговъ на 100—150 отъ траншей, солдаты остановились и, въ свою очередь, открыли огонь и пошли впередъ, уже не переставая стрѣлять. Непріятель осыпалъ ихъ градомъ пуль: цѣлые ряды нашихъ падали; но солдаты все-таки добились своего: они заняли траншеи и вершину холма. Лишь нѣсколько турецкихъ солдатъ ушли изъ траншей, но отступленіе этихъ Турокъ нельзя назвать бѣгствомъ: Турки отступая, останавливались, оборачивались назадъ, стрѣляли и, пока я ихъ могъ видѣть, спускались медленно по противоположному склону холма.

«Занявъ эту высоту, наши солдаты спустились вновь въ оврагъ и начали подыматься на большой холмъ, гдѣ была главная турецкая баттарея. Позже я узналъ, что за невозможностью спускаться на ногахъ по этому оврагу, солдаты скатывались на сидѣніяхъ. Первый холмъ брала 3-я и 14-я рота Грузинскаго полка, и, кажется, часть тифлисцевъ. Тогда съ высотъ главнаго холма, съ траншей, оказавшихся вправо отъ этого холма, и съ траншей баттареи, расположенной влѣво отъ него, вдругъ открылся ужасающій перекрестный огонь, о которомъ нельзя дать даже и приблизительнаго понятія. Отдѣльныхъ выстрѣловъ уже не было слышно. Турки просто барабанили выстрѣлами, выбивая то дробь, то трели. Такъ могутъ стрѣлять лишь цѣлые полки, массами, а не отдѣльныя группы стрѣлковъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что турецкія укрѣпленія стрѣляли въ штурмующихъ изъ картечницъ, или митральезъ. Намъ не видѣнъ былъ результатъ этого огня, пока грузинцы не показались на подъемѣ, выше уровня прежде занятаго холма. Съ одной стороны тутъ двигались рота саперъ и 15-я и 16-я роты Грузинскаго полка; вправо отъ нихъ шла 13-я и 14-я роты того же полка, оставившія тифлисцамъ на храненіе занятый ими холмъ. Съ другой стороны, влѣво отъ этихъ ротъ, по слегка лѣсистому пригорку, подвигались первыя роты грузинцевъ. Часть тифлисцевъ наступала на ту же вершину вправо отъ 13-й, 14-й, 15-й и 16-й ротъ грузинцевъ. Мнѣ показалось сквернымъ признакомъ то обстоятельство, что тутъ наши солдаты уже издали открыли огонь, въ отвѣтъ на сыпавшіяся на нихъ со всѣхъ сторонъ пули непріятеля. О крутизнѣ подъема можетъ дать понятіе направленіе пуль непріятеля: позже я видѣлъ въ лазаретѣ солдата, которому пуля попала въ носъ сверху, прошла небо, щеку, шею, легкія и засѣла у поясницы. Другой примѣръ: офицеръ Тифлисскаго полка Еремѣевъ, на томъ же склонѣ холма, получилъ рану на уровнѣ лѣваго уха; пуля прошла черезъ мягкія части шеи, вошла въ грудную полость, повредивъ 1-й шейный позвонокъ, прошла по наружной поверхности лѣваго легкаго, пробила грудь, брюшную преграду, вошла въ сферу брюшныхъ мышцъ и по направленію наружной косой мышцы приняла направленіе на правую сторону, около бѣлой линіи живота вышла на правую сторону и остановилась подъ кожею надъ серединою подвздошной кости, дюйма на два выше ея. Несмотря на всѣ эти перегринаціи пули, врачи, сообщившіе мнѣ эти подробности, питаютъ надежду на полное выздоровленіе раненаго.

«Аттака наша скоро была отбита, въ томъ смыслѣ, что солдаты, дойдя до небольшой неровности подъема, никакъ не могли идти далѣе. Три раза они выдвигались впередъ, начиная штурмъ, и три раза отступали, видя, что цѣлые ихъ ряды падали подъ невообразимымъ огнемъ непріятеля. Въ довершеніе несчастія, во время третьей аттаки, одна изъ гранатъ нашей же собственной, правой баттареи, упала въ первый рядъ штурмующихъ, и уложила нѣсколько человѣкъ нашихъ солдатъ. Каждая остановка штурмующихъ длилась минутъ 20—30. Они стояли за неровностью подъема, хоть отчасти прикрывавшаго ихъ отъ огня траншей, лежавшихъ на вершинѣ штурмуемаго холма. Но справа и слѣва ихъ все-таки били пули и картечь непріятеля съ траншей и баттарей, устроенныхъ

вправо и влѣво отъ аттакуемой главной баттареи. Но даже останавливаясь, наши солдаты продолжали стрѣлять, что, очевидно, свидѣтельствовало о значительномъ ихъ возбужденіи... Съ каждою минутою для всѣхъ насъ все яснѣе и яснѣе становилось, что общій ходъ борьбы сдѣлалъ изъ этого пункта ключъ битвы, и что на этомъ «рѣшительномъ» мѣстѣ аттакующіе слабѣе аттакуемыхъ. Вслѣдствіе этого послано было приказаніе—подкрѣпить грузинцевъ эриванцами, составлявшими, въ одно и тоже время, и единственный резервъ штурмующихъ колоннъ, и прикрытіе нашихъ правофланговыхъ баттарей... Другихъ же резервовъ у насъ не было.

«Пока эриванцы двигались впередъ и подходили къ селенію Зивинъ, грузинцы, съ подошедшими къ нимъ тифлисцами, крикнули «ура» и бросились на штыки, въ четвертый разъ. Нельзя представить себѣ ничего поразительнѣе открывшейся передъ нами картины. Штурмующіе стрѣляли немилосердно, и бѣгомъ приближались къ непріятельскимъ траншеямъ, отвѣчавшимъ непрерывнымъ огнемъ. Со стороны непріятеля стояла сплошная стѣна дыму. Затѣмъ ниже пустое пространство, саженей во 100 шириною, а ниже—наши солдаты, двигавшіеся впередъ строемъ фаланги: одинъ впереди, два въ слѣдующемъ ряду, четыре или пять въ третьемъ и т. д. Но это видно было въ началѣ этого четвертаго штурма. Спустя-же нѣсколько секундъ послѣ начала, дымъ выстрѣловъ закрылъ сполна и нашихъ солдатъ. Но самый этотъ дымъ подвигался впередъ, совершенно въ такомъ видѣ и съ такою же быстротою, какъ со стороны видно движеніе локомотива. Минуты двѣ дымъ шелъ впередъ, клинообразно. Затѣмъ онъ остановился и скоро подался назадъ. Прояснившееся пространство земли усѣяно было тѣлами солдатъ. Штурмующіе вернулись къ прежнему прикрытію, и залегли за нимъ, изрѣдка продолжая стрѣлять.

«Между тѣмъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ мингрельцы, занявшіе вершину одного изъ холмовъ, не подвигались впередъ и продолжали перестрѣливаться съ непріятельскими стрѣлками, скрывавшимися въ траншеяхъ правофланговаго для турокъ холма главной террасы. Тутъ у турокъ было нѣсколько ярусовъ траншей. Изъ нижней траншеи непріятельскихъ стрѣлковъ выбилъ огонь мингрельцевъ. Изъ средней, гдѣ показался сильнѣйшій огонь, непріятеля выжила баттарея г. Колокутскаго, гранаты съ которой начали ложиться буквально вдоль всей траншеи. Турки убѣжали въ верхнюю траншею, скрытую за гребнемъ ихъ холма. Но скоро они вернулись назадъ, въ покинутую среднюю траншею. Г. Колокутскій вновь выжилъ ихъ оттуда, что не помѣшало имъ снова вернуться назадъ. Это чудесное переселеніе непріятельскихъ стрѣлковъ повторилось, кажется, раза три-четыре. Мингрельцы впрочемъ не воспользовались этими моментами, и продолжали оставаться на занятомъ бугрѣ. Въ послѣдствіи мнѣ разсказывали, что мингрельцы видѣли, какъ турецкіе офицеры выгоняли своихъ солдатъ на переднія траншеи ударами сабли.

«Между тѣмъ, наша кавалерія, посланная въ обходъ, по дорогѣ, наканунѣ рекогносцированной ген. шт. подп. Войновымъ, все еще не показывалась тамъ, гдѣ мы ее ждали. Въ штабѣ считали минуты и секунды въ ожиданіи ея появле-

нія. Тутъ только и было слышно, что слова: «гдѣ же наша кавалерія»? «отчего ея не видно?» Послали къ ней одного ординарца, потомъ другаго, третьяго. Подполковникъ генеральнаго штаба Воиновъ, посланный къ ней же для лучшаго указанія дороги,—онъ былъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Эрзерумѣ,—вернулся скоро съ извѣстіемъ, что дорога хороша, и кавалерія скоро покажется. Ординарцы, посланные до и послѣ него, не возвращались. Наконецъ, налѣво отъ насъ, на концѣ козлообразной горы, у ея подножія, показались массы кавалеріи. Но эти массы, сначала двигавшіяся то впередъ, то назадъ, скоро стали на мѣсто, какъ вкопанные, и—ни съ мѣста. Спустя цѣлую вѣчность, прискакалъ какой-то всадникъ грузинской дворянской дружины, съ донесеніемъ отъ князя З. Чавчавадзе къ командующему корпусомъ, что дорога непроходима, что кавалерія наткнулась на обрывъ, по которому не только нельзя поднять конныхъ артиллерійскихъ баттарей, но невозможно взобраться даже конницѣ. Всадникъ разсказывалъ, что одинъ зарядный ящикъ уже опрокинулся въ оврагъ и брошенъ въ пути, что двигаться приходилось по такимъ дорогамъ, гдѣ и пѣшему проходить трудно. Лица у всѣхъ вытянулись. Вѣдь это была чуть не главнѣйшая надежда сегодняшняго дня! Вѣдь все было построено на этомъ обходномъ движеніи кавалеріи!

«Въ этотъ день наша кавалерія прошла изъ подъ Зивина черезъ сел. Кадыкъ и Ташъ-Кесеръ, до минеральнаго источника Чермукъ, гдѣ она перешла въ бродъ р. Ханы-Чай, и затѣмъ наткнулась на непроходимые подъемы. Около 8 ч. вечера, когда все было окончено, она частью подходила къ цѣли. Этотъ обходъ, который наши спеціалисты опредѣлили въ 6—8, много 10 верстъ, оказался длиною около 30 вер. въ одинъ путь!

«Адъютанты и ординарцы командующаго корпусомъ всѣ были въ отлучкѣ: всѣ они были посланы съ приказаніями въ различныя стороны. За истощеніемъ и недостаткомъ адъютантовъ и ординарцевъ, пришлось посылать съ приказаніями завѣдывающаго корпуснымъ обозомъ подп. Мищенко и гражданскаго чиновника особыхъ порученій—кн. Шаликова. Возвращаясь постепенно, чтобъ снова быть отправленными съ новыми приказаніями, они почти единогласно подтверждали, что огонь непріятеля по всей линіи убійственъ, что наши войска истощаются, подымаясь на отвѣстныя высоты и т. п. Къ тому же времени, когда пріѣхалъ всадникъ отъ кн. Чавчавадзе, получено было чрезъ ординарцевъ извѣстіе, что у нашихъ штурмующихъ колоннъ, ждущихъ подкрѣпленія, патроны почти-что на исходѣ.

«Тутъ, кромѣ того, примѣшалось слѣдующее обстоятельство. Какъ только въ $4^1/_2$ часа арт. капитанъ кн. Тархановъ, состоявшій при командующемъ для особыхъ порученій, вернулся къ нему отъ добровольнаго объѣзда боевой линіи и первый доложилъ напрямки, что положеніе штурмующихъ колоннъ показалось ему крайне тяжелымъ, что ген. Комаровъ легко раненъ, командующій корпусомъ переѣхалъ съ своего наблюдательнаго поста въ ближайшую къ штурму высоту, а г.-л. Гейманъ поѣхалъ лично осмотрѣть боевую линію.

«Замѣчательно, что огонь непріятеля сообразовался съ нашею аттакою и даже

съ нашимъ огнемъ. Какъ только наши начинали стрѣлять,—принимались палить и турки. Какъ только наши колонны рвались впередъ — турки учащали выстрѣлы. Но стоило нашимъ ослабить огонь и не трогаться—и моментально ослабѣвалъ огонь непріятеля. Вслѣдствіе этого были моменты, между 5 и 7-ми часами вечера, когда сраженіе можно было считать почти что конченнымъ, и когда, вмѣсто сплошныхъ залповъ, раздавались кое-гдѣ лишь одиночные выстрѣлы, которымъ изрѣдка вторила наша и непріятельская артиллерія. Но это затишье всегда служило предвѣстникомъ новаго и еще болѣе ожесточеннаго столкновенія...

«За это время особенно любопытно было смотрѣть на лѣвое крыло непріятеля, собственно на линію, шедшую отъ сзади-лежащихъ высотъ, перпендикулярно къ р. Ханы Чай. Съ этой стороны зивинская позиція отдѣляется отъ сосѣднихъ террасъ рядомъ глубокихъ рвовъ, причемъ плато лагеря имѣло уровень значительно высшій, чѣмъ сосѣднія террасы. Два глубочайшихъ рва, обнажающихъ мѣловую формацію почвы, тянутся во всю длину этой линіи. Тутъ, на самомъ обрывѣ главной террасы, показались дымки ружейныхъ выстрѣловъ. Мы думали, что это эриванцы, наконецъ, зашли къ непріятелю справа. Но потомъ оказалось, что это была перестрѣлка, ошибочно затѣянная между непріятельскими пѣхотою и кавалеріею, принявшими другъ-друга за врага...

«Итакъ—дѣло стало критическимъ. Возникъ для меня вопросъ—что же будетъ дальше? Г. Кутули, который съ самаго начала штурма утверждалъ, что силъ нашего отряда слишкомъ недостаточно для взятія открытою силою такой неприступной позиціи, съ безпокойствомъ началъ говорить, что дѣло можетъ кончиться плачевно: *«ce sera un désastre»*, уныло повторялъ онъ. Но я все еще надѣялся,—потому только, что видѣлъ Ардаганъ,—надѣялся, конечно, не въ такой степени, какъ прочіе ожидающіе, но все-таки надѣялся на конечный успѣхъ.

«Наконецъ, ужъ поздно вечеромъ, около 7 съ ½ час., прискакалъ кто-то отъ кн. З. Чавчавадзе, съ новою запискою. Въ ней сказано было, что со стороны Хоросана и Кепри-Кея показались сильныя колонны непріятеля, что наша кавалерія стала на крѣпкой позиціи и ожидаетъ дальнѣйшихъ приказаній; если же нужно будетъ стоять на мѣстѣ, она окрѣпнться. Командующій корпусомъ разослалъ немедленно всюду приказанія оставить бой,—отступать, оставивъ занятыя съ боя позиціи, и стягиваться позади праваго нашего крыла. Замѣтивъ же, что изъ турецкой позиціи выходятъ колонны, очевидно старавшіяся обойти насъ справа и отрѣзать намъ путь къ отступленію, онъ помчался на правое наше крыло. Тутъ не было никакихъ нашихъ войскъ: здѣсь стояли наши три баттареи, уже безъ всякаго прикрытія.

«Проскакавъ въ карьеръ пространство, отдѣлявшее насъ отъ нашего праваго крыла, командовавшій корпусомъ выбралъ мѣсто позади нашихъ баттарей, приказалъ имъ отойти назадъ, своему же конвою, состоявшему изъ 30—40 казаковъ, онъ приказалъ развести на полянѣ возможно большое количество костровъ.

«Между тѣмъ слѣдовало подумать о судьбѣ раненыхъ. По дорогѣ съ центра на правое крыло, мы встрѣтили множество ихъ. Иныхъ везли верхомъ, другихъ

вели подъ руки, третьи плелись сами кое-какъ, охая и вздыхая. Одинъ изъ нихъ въ особенности врѣзался мнѣ въ память. Это былъ солдатъ Эриванскаго полка, съ физіономіею окровавленною по всѣмъ направленіямъ, и съ рукою, перебитою пулею. Онъ ѣхалъ одинъ, верхомъ на казачьей лошади. Поровнявшись со мною, онъ сказалъ мнѣ: «Да, заварили мы сегодня дѣло!»—А много-ль легко нашихъ? спросилъ я.—«Ложились цѣлыми взводами, страсть! Но и ихъ уложили, какъ мухъ!»

«Нужно сказать, что мѣсто для перевязочнаго пункта заранѣе не было опредѣлено.

«Полковые врачи, шедшіе за своими частями для подачи первой помощи раненымъ, дошли до сел. Зивина, гдѣ ихъ осыпали гранатами и пулями, и помѣстились въ оврагѣ, подъ прикрытіемъ обрыва. Позже они поднялись выше по склону горы, тоже подъ прикрытіемъ неровности ската. Тутъ они оставались до поздняго вечера, когда, послѣ отступленія войскъ, перевязочный пунктъ остался въ 5-ти верстахъ отъ лагеря.

«Двѣ сотни Кизляро-Гребенскаго полка, посланныя на помощь къ перевязочному пункту для прикрытія и передвиженія его, сопровождали его отъ оврага до новой нашей позиціи.

«Осмотрѣли, выбрали мѣсто для устройства перевязочнаго пункта; командующій корпусомъ возращался къ кострамъ, когда къ нему подъѣхалъ адъютантъ г.-л. Геймана съ извѣстіемъ, что начальникъ отряда считаетъ необходимымъ оставить войска на занятыхъ позиціяхъ, и на утро возобновить аттаку. Командующій корпусомъ отвѣчалъ, что онъ рѣшился очистить занятыя позиціи, что главнѣйшія непріятельскія позиціи еще далеко не заняты, и что мы не можемъ аттаковать ихъ, ибо всѣ почти наши снаряды и патроны истощились. Во всякомъ случаѣ, въ виду неудобствъ вести такого рода переговоры чрезъ посредство адъютантовъ, онъ просилъ ген.-л. Геймана пріѣхать немедленно въ корпусный штабъ.

«Генералъ Гейманъ пріѣхалъ часа чрезъ полтора. Я не знаю, что происходило на совѣщаніи его съ командующимъ корпусомъ и съ начальникомъ корпуснаго штаба. Знаю только, что во всѣ стороны отправлены приказанія очистить взятыя позиціи и стянуться къ корпусному штабу.

«На холмахъ, все еще занятыхъ нашими войсками, и съ траншей непріятеля, все еще раздавались по временамъ выстрѣлы. Ночью дыму не видно, за то видна молнія выстрѣла. Иной разъ всѣ края террасы похожи на поляну, на которой майскою ночью летаютъ сотни свѣтлячковъ. Въ нашемъ лагерѣ царствуетъ тишина... Всѣмъ хочется говорить, многіе имѣютъ что сказать, но какая-то невидимая сила мѣшаетъ каждому открыть ротъ, чтобъ сказать хоть что-либо.

«Командующій корпусомъ только что обратился къ чинамъ своего штаба съ просьбою—не спать этою ночью, такъ какъ предстоитъ много работы. Онъ еще разъ поѣхалъ верхомъ осматривать расположеніе баттарей вокругъ бивуака. Оче-

видно онъ предвидитъ нападеніе, или же хочетъ приготовиться къ нему на всякій случай...»

Саганлугская экспедиція.

(Отъ 8 по 21 іюня). *)

Въ среду, 8 іюня, мнѣ сказали, что командующій корпусомъ уѣзжаетъ въ лагерь генерала Геймана съ тѣмъ, чтобы на другой день предпринять движеніе на Саганлугъ и быть можетъ даже на Эрзерумъ, если обстоятельства поблагопріятствуютъ. Не зная въ точности побудительныхъ причинъ этого движенія, нетрудно было, однако, догадаться, что оно направлено противъ Мухтаръ-паши, съ цѣлью или разбить его, или заставить отойти подальше отъ Карса на время рѣшительныхъ дѣйствій у этой крѣпости.

— «Приводите къ намъ Мухтарку, говорили одни, обращаясь къ отъѣзжавшимъ.

— «Лишь бы не уѣхалъ! Турки не такіе дураки, чтобъ принять сраженіе. Мухтаръ-паша отойдетъ къ Эрзеруму, и мы только напрасно прогуляемся. Повѣрьте, ничего не выйдетъ.

«Въ такомъ родѣ, большею частью, отвѣчали отъѣзжавшіе.

— «А въ такомъ случаѣ мы возьмемъ Эрзерумъ, прибавляли другіе—и тогда Карсъ самъ собою падетъ.

— «Ну, батюшка, до Эрзерума далеко! А вотъ мы безъ васъ Карсъ возьмемъ, такъ это вѣрно, утѣшались остававшіеся.

— «Ради Бога, не берите до нашего возвращенія.

«Такіе разговоры слышались всюду, и я привожу ихъ нарочно, чтобъ охарактеризовать общее настроеніе здѣшнихъ войскъ и взглядъ большинства на турокъ. Упоенные несказанно легкимъ успѣхомъ при Ардаганѣ, войска ни во что уже ставили борьбу съ турками и только удивлялись, почему медлятъ и не ведутъ ихъ на штурмъ Карса, или отчего церемонятся съ Мухтаръ-пашою, безнаказанно разгуливающимъ по Саганлугу.

«Прошло уже болѣе мѣсяца со времени взятія Ардагана, а главныя силы дѣйствующаго корпуса стояли или кружились съ тѣхъ поръ въ виду укрѣпленій Карса. Такое замедленіе приписывалось самымъ стороннимъ причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ стратегіей и тактикой. Многіе были увѣрены, что Карсъ могъ быть давно въ нашей власти, а войска Мухтаръ-паши разбѣжались бы, еслибъ мы захотѣли занять Эрзерумъ.

«Прислушиваясь къ подобнымъ толкамъ и мнѣніямъ, я не зналъ, что дѣлать: ѣхать ли съ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ на Саганлугъ, или оставаться подъ Карсомъ? Желательно было присутствовать при взятіи Карса, не хотѣлось упустить и разбитія на голову Мухтаръ-паши, не говоря уже объ интересномъ переходѣ черезъ Саганлугскій хребетъ.

*) Корресп. Голоса 1877 г.

«Часовъ въ пять дня мы тронулись въ путь, сопровождаемые пожеланіями успѣха и дружескими пожатіями руки. Еще разъ совершали мы хорошо знакомый путь кругомъ западной стороны карскихъ укрѣпленій. Съ Чалгаурскихъ высотъ очень хорошо видно было дѣйствіе нашихъ осадныхъ баттарей, сооруженныхъ противъ Карадага, Арабъ Табіи и отчасти Мухлиса. Мы любовались, какъ ловко нѣкоторые снаряды взрывались на валахъ и исходящихъ углахъ непріятельскихъ бастіоновъ. Особенно доставалось Арабу, который въ этотъ день былъ довольно сдержанъ и только изрѣдка бѣлый клубокъ дыма показывалъ, что орудія этого грознаго укрѣпленія могутъ еще потягаться съ нашими мортирами и двадцатичетырехъ-фунтовками, незамѣтно лежавшими за чернѣющими издали брустверами баттарей.

«Лагерь генерала Геймана, находившійся съ юго-западной стороны Карса, у деревни Аравартана, представлялъ видъ бивуака, когда мы подъѣхали къ нему, часовъ въ восемь вечера. Палатки и всѣ тяжести были отправлены въ Мацру. Отрядъ двигался на-легкѣ, имѣя только продовольственный запасъ на 18 дней и подвижной лазаретъ. Тѣмъ не менѣе, обозъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ, фургоновъ и арбъ. Насъ встрѣтили очень радушно. Отъ солдата до генерала—всѣ радовались предстоящему походу. Нѣкоторыя части гренадерской дивизіи, какъ, напримѣръ, Мингрельскій полкъ, не были еще въ дѣлѣ и надѣялись наверстать свое при встрѣчѣ съ Мухтаръ-пашою. Здѣшнія войска недовольны не тогда, когда имъ часто приходится идти на непріятеля, но тогда, когда ихъ оставляютъ въ резервѣ или при обозѣ.

«Насъ засыпали разсказами о дѣлѣ 3-го іюня, въ которомъ главнѣйшая часть досталась на долю Грузинскаго полка и особенно кавалеріи князя Чавчавадзе. Говорятъ, будто турки получили свѣдѣніе, что наши войска выступили изъ Аравартана и въ лагерѣ остался только обозъ съ небольшимъ прикрытіемъ. Обманутые этимъ извѣстіемъ, турки рѣшились сдѣлать вылазку, чтобъ завладѣть лагеремъ. Около трехъ часовъ пополудни, часть карскаго гарнизона, въ составѣ восьми батальоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ баттарей, спустилась съ Шорохскихъ Высотъ и скрытно подошла къ возвышенностямъ, окружавшимъ лагерь при Аравартанѣ. Этому движенію благопріятствовало отсутствіе нашего пикета, по недоразумѣнію не поставленному въ тотъ день къ сторонѣ Карса. Въ лагерѣ предавались обычнымъ занятіямъ, когда неожиданно послышались выстрѣлы и между палатками зажужжали турецкія гранаты и пули. Ближе всѣхъ къ непріятелю находился гренадерскій Грузинскій полкъ. Не теряя времени, два батальона грузинцевъ быстро собрались и двинулись на высоты, занимаемыя непріятелемъ. Стоявшія въ лагерѣ, на позиціяхъ, баттареи, въ свою очередь, не замедлили открыть огонь. Четвертая легкая баттарея подполковника Калакуцкаго, снаряды которой, съ мѣста расположенія ея, не могли достигать непріятеля, быстро выдвинулась впередъ и мѣткими выстрѣлами стала поражать турецкую полевую артиллерію. Замѣтивъ наступленіе только двухъ батальоновъ, турки встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и, вопреки обыкновенію, не подавались назадъ. Тогда грузинцы ударили въ штыки и смѣло ворвались въ непріятельскіе

ряды, принудивъ отступить ближайшіе батальоны и отодвинуть стрѣлявшія по лагерю баттареи. Въ это время, въ подкрѣпленіе грузинцамъ, стали выходить другія части гренадерской дивизіи, а на лѣвомъ флангѣ турецкихъ войскъ показались наши баттареи. Говорятъ, генералъ Гейманъ нарочно медлилъ отбитіемъ турокъ, желавши ихъ «заманить» подальше отъ крѣпостныхъ верковъ и дать тѣмъ возможность нашей кавалеріи обойти ихъ съ тыла и съ фланга.

— Я отъучу ихъ дѣлать вылазки! будто-бы сказалъ генералъ Гейманъ, выразивъ даже при этомъ неудовольствіе, что грузинцы и четвертая баттарея черезчуръ горячо и, неожидая приказанія, бросились на непріятеля.

Не ручаясь за достовѣрность, привожу этотъ разсказъ, какъ образчикъ тѣхъ разговоровъ, которые приходится слышать послѣ каждаго удачнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ трудно обвинять части, незамедлившія броситься на непріятеля, при неожиданномъ нападеніи его на лагерь; если это нападеніе было уже предвидѣнное, то слѣдовало бы предъупредить начальниковъ частей и сдѣлать соотвѣтсвенныя распоряженія; выжиданіе приказаній (формальность) очень часто губитъ судьбу нетолько сраженій, но цѣлыхъ кампаній, точно также, какъ недавно существовавшая формалистика на перевязочныхъ пунктахъ и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ бывало спрашивали трудно раненаго «ты чей, да откуда? сколько лѣтъ служилъ, съ какого мѣсяца поступилъ и прочее», словно не могли послѣ толку добиться. Слава Богу, что такая точность въ исполненіи долга чиновнаго упразднена, покрайней мѣрѣ, въ госпиталяхъ во время войны. Однако обратимся къ разсказу.

Какъ бы то ни было, кавалерія совершенно своевременно появилась на лѣвомъ флангѣ турокъ. Кавалерійская дивизія князя Чавчавадзе расположена была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ аравартанскаго лагеря. Узнавъ о вылазкѣ части карскаго гарнизона, князь Чавчавадзе двинулся съ нижегородскимъ и сѣверскимъ драгунскими полками и нѣсколькими сотнями козаковъ. Сѣверскіе драгуны были значительно впереди и потому первые могли появиться въ виду непріятеля. Въ это время турки начали отступать, понявъ ловушку, въ которую попались. Впереди ихъ строя разсыпана была густая цѣпь изъ двухъ батальоновъ; за ними отходили назадъ, въ совершенномъ порядкѣ, сомкнутыя части остальной пѣхоты. Все отступленіе прикрывалось жаркимъ огнемъ полевыхъ баттарей и выстрѣлами крѣпостныхъ орудій съ трехъ бастіоновъ, расположенныхъ на Шорохскихъ Высотахъ. Всего помню, покрайней мѣрѣ, пятдесятъ орудій. Не взирая на этотъ страшный огонь, храбрые сѣверцы не задумались аттаковать непріятеля. Неровная волнообразная мѣстность не особенно благопріятна для дѣйствія кавалеріи. Сверхъ того почва у Карса, какъ и вездѣ въ этой части Малой Азіи, щедро усѣяна камнями, иногда незамѣтно вырытыми въ густой травѣ. При непривычкѣ или слабости ногъ лошади, самому ловкому кавалеристу, во время быстрой скачки, легко свалиться вмѣстѣ съ конемъ.

Мнѣ самому (пишетъ корреспондентъ) однажды пришлось свалиться что называется со всѣхъ четырехъ ногъ. Не разъ случалось видѣть какъ подобнымъ же образомъ слѣтали природные всадники, какъ напр. казаки. И вотъ, несмотря на

эту неровность мѣстности, подъ градомъ гранатъ, обсыпаемые батальоннымъ огнемъ пѣхоты и выстрѣлами засѣвшихъ за камнями стрѣлковъ, сѣверцы неудержимо ринулись на непріятельскій флангъ и передовую цѣпь турокъ. Очевидцы, любовавшіеся этою аттакою, передавали мнѣ, что это молодецкое дѣло было совершено въ такомъ порядкѣ, какой не всегда можно встрѣтить даже на манёврахъ и парадахъ. Два турецкіе батальона, находившіеся въ цѣпи, были охвачены и буквально изрублены драгунами. Остальные вмѣстѣ съ полевыми баттареями быстро отступили подъ покровъ ближайшаго орудійнаго выстрѣла съ шорохскихъ укрѣпленій. Драгуны потеряли 6-ть убитыми и 27 ранеными нижнихъ чиновъ. Легко ранены два офицера. Около шестидесяти лошадей выбыло изъ строя, въ томъ числѣ нѣсколько офицерскихъ. Замѣчательно, что всякій разъ, какъ падала лошадь подъ офицеромъ, солдаты быстро спѣшивались и предлагали своихъ коней, оставшись на мѣстѣ боя съ ружьемъ въ рукахъ. Только одного офицера, подъ которымъ убита была лошадь, подхватилъ на свое сѣдло другой офицеръ, прежде, нежели успѣли это сдѣлать солдаты. Это характеризуетъ отношенія солдатъ къ тѣмъ офицерамъ, которыхъ они любятъ и уважаютъ, которые всегда впереди...

«Скоро турки скрылись за крѣпостными верками, усѣявъ поле битвы тѣлами своихъ менѣе счастливыхъ товарищей. Наша потеря, сравнительно, была невелика; кромѣ приведенной убыли въ Сѣверскомъ драгунскомъ полку, выбыло изъ строя грузинскихъ батальоновъ около ста человѣкъ. Вообще, дѣло 3-го іюня можетъ считаться однимъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ русской кавалеріи. Оно опровергаетъ нерѣдко высказываемое мнѣніе, что въ настоящее время кавалерійская служба мыслима только на аванпостахъ, да развѣ при преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля. Удалые сѣверцы доказали, что лихая кавалерія можетъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю, вовсе неразстроенному боемъ и правильно отступающему, и, притомъ, подъ жаркимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

«Передавая, въ краткихъ словахъ, это удачное дѣло, не могу умолчать о фактѣ, которому трудно было бы повѣрить, еслибъ онъ не подтверждался самымъ очевиднымъ образомъ. Между оставшимися на полѣ битвы непріятельскими тѣлами оказалось нѣсколько женщинъ. Одна изъ нихъ была очень молода и красива, что не помѣшало, а быть можетъ, и подвинуло карапапаховъ самымъ возмутительнымъ образомъ обойтись съ тѣломъ несчастной. Присутствіе женщинъ въ рядахъ защитниковъ Карса объясняли фанатическимъ настроеніемъ населенія этого города и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что прекрасный полъ вообще игралъ важную роль въ дѣлахъ и судьбахъ Карса. Говорятъ, всѣ базарныя волненія много зависятъ отъ настроенія тамошнихъ женщинъ. Прекрасный полъ въ Карсѣ, будто бы, не разъ требовалъ, чтобы гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости и сразился съ русскими войсками въ полѣ, не подвергая дома и жителей всѣмъ тягостямъ осады, всѣ ужасы которой хорошо сохраняются къ памяти карскаго населенія со времени 1855 года. Все это идетъ, какъ видите въ разрѣзъ съ общепринятымъ понятіемъ о положеніи женщинъ на Востокѣ.

«9-го іюня насъ подняли очень рано. Войска, съ музыкой и пѣснями, были уже въ дорогѣ; на мѣстѣ оставался только аріергардъ, въ ожиданіи, пока вытянутся обозъ и парки. Въ корпусномъ штабѣ снимали палатки и быстро укладывались, въ то время, какъ мы спѣшно глотали горячій чай, пріятно согрѣвавшій насъ послѣ холодной ночи. Стаканы, съ блюдечками и безъ блюдечекъ, переходили изъ рукъ въ руки. Мы напоминали тѣхъ гостинодворскихъ прикащиковъ, которые, урвавшись на минуту изъ лавки, «балуются чайкомъ» на морозѣ, глазѣя на прохожихъ. Казенные фургоны, бѣловерхія кибитки духоборцевъ, нанятыя подъ перевозъ тяжестей и скрипучія, запряженныя буйволами, или волами двухколесныя арбы медленно ползли передъ нами, спускаясь къ рѣчкѣ и вытягиваясь на сосѣднюю возвышенность. Послѣдняя повозка исчезла, наконецъ, за горою, пропалъ изъ глазъ и обозъ корпуснаго штаба, а мы все еще оставались на мѣстѣ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, который всегда везется за нимъ въ конвоѣ. Возлѣ командующаго корпусомъ находился начальникъ его штаба, г. Духовской, и еще кто-то изъ генераловъ. Далѣе, группами стояли или лежали на буркахъ различные штабные офицеры. Казаки держали наготовѣ осѣдланныхъ лошадей. Въ противоположность чинности и степенности начальства, въ кружкахъ штабной молодежи шелъ веселый разговоръ, прерываемый усерднымъ смѣхомъ. Вдругъ все засуетилось. Раздался крикъ «лошадь!». Когда слышится крикъ «лошадь!» это значитъ командующій корпусомъ приказалъ подать себѣ коня; это значитъ, что кто-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ непремѣнно крикнетъ: «Порожненко, лошадь!» а другой и даже третій еще громче подхватятъ: «Эй, Порожненко, лошадь генералу!» хотя Порожненко бравый драгунъ, приставленный, въ качествѣ ординарца, смотрѣть за лошадью генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, первый услышалъ приказаніе и давно уже пробирается къ генералу съ красивымъ гнѣдымъ конемъ въ поводу. Вторая забота каждаго усерднаго штабнаго офицера послѣ того, какъ раздался, подхваченъ и переданъ крикъ «лошадь!» — поскорѣе сѣсть на своего коня и изъ первыхъ присоединиться къ свитѣ командующаго корпусомъ. Поэтому, за сигнальнымъ возгласомъ на счетъ генеральской лошади, раздаются крики, требующіе другихъ, менѣе сановитыхъ лошадей. Зовутся всевозможные:— Ѳоменки, Барсуки, Свистуновы, Баскаковы. Каждый офицеръ имѣетъ въ конвоѣ своего казака, котораго обязанность подать и взять во-время лошадь, поддержать стремя, когда офицеръ садится, или слѣдовать за нимъ, когда онъ отдѣляется отъ штаба для исполненія какого-нибудь порученія или передачи приказанія. Иной и видитъ хорошо, гдѣ его лошадь, а все-таки, кричитъ: «Эй, Ѳоменко, или Свистуновъ лошадь!» Поползновеніе къ властолюбію сильно развито въ человѣкѣ; еще заразительнѣе оно въ арміи. Кругомъ воля одного лица ворочаетъ тысячами, сотнями, ну хоть десятками людей; у кого нѣтъ подъ командою тысячъ, сотень, даже десятка людей, тотъ довольствуется возможностью покомандовать хотя однимъ казакомъ или деньщикомъ.

«Перейдя въ бродъ рѣчку, мы обгоняли поднимавшіяся въ гору войска. При нашемъ приближеніи батальоны останавливались, вытягивались въ стройные

ряды и раздавалась команда «на плечо.» Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сворачиваетъ лошадь къ фронту, и, нестройною толпою слѣдуя за нимъ, мы слышимъ, какъ привѣтствуетъ онъ солдатъ, предлагая иногда вопросы относительно пищи или здоровья. «Здравья желаемъ, слава Богу, ваше высокопревосходительство»! прокатывается по рядамъ молодецкій откликъ гренадеръ. Показалась кавалерія. Это былъ сѣверскій драгунскій полкъ, такъ славно отличившійся въ дѣлѣ 3-го іюня. Командующій корпусомъ особенно благодарилъ сѣверцевъ. Я подъѣхалъ познакомиться съ командиромъ полка и офицерами, желая поздравить ихъ съ побѣдой. У многихъ офицеровъ перевязи портупеи были забрызганы кровью. Рубились на славу! Страшно было подумать, что то были слѣды человѣческой крови...

— «Противно смотрѣть на себя, точно мясники,» замѣтилъ мнѣ одинъ офицеръ, и прибавилъ какъ бы въ оправданіе:—въ пылу битвы перестаешь быть человѣкомъ.

«Славные, храбрые люди!» Они забываютъ, что каждый изъ нихъ рисковалъ жизнью, они думаютъ о томъ, что на долю ихъ выпало лишать жизни другихъ. Ужасное дѣло война!

«Заиграла музыка, точно желая разогнать тяжелыя мысли. Какъ бы ни устали люди, какъ бы ни жарило солнце и ни душила пыль, но при стройныхъ звукахъ военнаго марша или удалой солдатской пѣсни пріободряются войска, просвѣтляются загорѣлыя лица и забываются всѣ тягости похода. Даже лошади горячатся и идутъ веселѣе, гармоническія сочетанія звука освѣжительно дѣйствуютъ и на ихъ природу. Впереди трубачей, на сѣрой лошади, ѣхалъ увѣсистый, плотный нѣмецъ-капельмейстеръ, усердно выводя какія-то варьяціи и помахивая въ тактъ трубою. Полковой командиръ указалъ мнѣ на него, какъ на принимавшаго также участіе въ дѣлѣ 3-го іюня. Бравый пруссакъ вспомнилъ недавнія побѣды своихъ соотчичей и не захотѣлъ остаться безучастнымъ зрителемъ въ лихой аттакѣ сѣверцевъ. Поровнявшись съ нимъ, я высказалъ ему на этотъ счетъ нѣсколько любезностей.

— «Я исполнилъ только свой долгъ, гордо отвѣтилъ капельмейстеръ.—Я теперь на русской службѣ, а турки такіе негодяи и звѣри!

«Храбрый капельмейстеръ представленъ, какъ я слышалъ, къ наградѣ. Здѣсь кстати привести слѣдующій еще эпизодъ изъ дѣла 3-го іюня. Одинъ турецкій офицеръ, какъ говорятъ, инженеръ, бывавшій въ Александрополѣ на смотрахъ нашихъ войскъ и нѣсколько знакомый съ русскимъ языкомъ, былъ ссаженъ нашею пулею съ лошади въ то время, когда грузинцы потѣснили турецкую цѣпь. Желая избавиться отъ плѣна, этотъ офицеръ сталъ уходить, бросая назадъ деньги, часы и другія цѣнныя вещи и приговаривая, что все это онъ даритъ нашимъ солдатамъ, лишь бы они его пощадили. Онъ разсчитывалъ, очевидно, что солдатики кинутся подхватывать и дѣлить добычу и, такимъ образомъ, ему удастся улизнуть. Разсчетъ оказался, однако, ошибочнымъ. Распаленные неровнымъ боемъ гренадеры уложили турецкаго офицера на мѣстѣ и только на возвратномъ пути занялись его вещами.

«Нашъ отрядъ состоялъ изъ всей кавказской гренадерской дивизіи: Лейбъ-Эриванскій Его Величества полкъ, Грузинскій, Тифлисскій и Мингрельскій, одного саперная батальона, сводной кавалерійской дивизіи князя Чавчавадзе, въ составъ которой входили два драгунскіе полка, нѣсколько казачьихъ и дагестанскихъ полковъ и принадлежащей къ этимъ дивизіямъ артиллеріи. Съ этими силами намъ предстояло идти на Саганлугскій хребетъ и, при случаѣ, встрѣтиться съ войсками Мухтаръ-паши.

«Въ прошлую войну Саганлугскій хребетъ и ведшая черезъ него главная дорога изъ Карса въ Эрзерумъ не представляли для движенія нашихъ войскъ другихъ препятствій, кромѣ физическихъ. Главнымъ образомъ приходилось бороться тогда съ трудностями подъема на довольно высокій хребетъ по дурнымъ, мало разработаннымъ дорогамъ, а также съ холодомъ, господствующимъ на этихъ горахъ даже среди лѣта. Извѣстно, что тогдашняя стоянка нашихъ войскъ на Саганлугскомъ перевалѣ названа была сметливымъ русскимъ солдатомъ «холоднымъ лагеремъ.» Въ настоящее время, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Саганлугскій хребетъ, кромѣ физическихъ, представляетъ еще искуственныя препятствія. Мухтаръ-паша или Мухтарка, какъ его часто называли, имѣлъ гдѣ-то, на склонѣ Саганлуга, укрѣпленный лагерь, откуда онъ съ удобствомъ могъ дѣйствовать на помощь карскому гарнизону, или препятствовать нашимъ операціямъ, еслибъ онѣ имѣли цѣлью занятіе Эрзерума.

«Въ точности неизвѣстно, какою цѣлью руководствовался Мухтаръ-паша, оставляя Карсъ; но въ поступкѣ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторой опытности въ военномъ дѣлѣ. Мухтаръ-паша, очевидно, не захотѣлъ повторить ошибку, сдѣланную турками въ 1855 году, когда почти вся анатолійская армія заперлась въ Карсѣ, благодаря чему взятіе этой крѣпости сдѣлалось равносильнымъ завоеванію почти всей Малой Азіи, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины. Въ нынѣшнюю войну, несмотря на ардаганскій погромъ, турецкій главнокомандующій, извѣстіе о смѣнѣ котораго не подтверждается, не потерялъ головы. При приближеніи нашихъ войскъ къ Карсу, Мухтаръ-паша немедленно выступилъ оттуда съ восемью батальонами пѣхоты и большею частью кавалеріи, оставивъ въ Карсѣ достаточно сильный гарнизонъ для защиты первоклассныхъ укрѣпленій, окружающихъ этотъ городъ. Взятіе Карса не составляло, поэтому, альфы и омеги нынѣшней кампаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и не считаться съ такою важною крѣпостью, въ случаѣ движенія на Эрзерумъ, противъ Мухтаръ-паши. Во всякомъ случаѣ, Мухтаръ-паша поставилъ насъ въ такое положеніе: осаждая Карсъ, мы ежеминутно должны оглядываться на Саганлугъ, не предпринимаетъ ли непріятель какой-нибудь диверсіи на помощь осажденному гарнизону, или на одинъ изъ нашихъ побочныхъ отрядовъ; двигаясь же противъ Мухтаръ-паши, мы не можемъ оставить безъ наблюденія Карсъ, гарнизонъ котораго простирался, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, отъ 15-ти до 20-ти тысячъ человѣкъ. Все это показывало, что Мухтаръ-паша далеко не дюжинный полководецъ.»

Занятіе Бабадага.

(16 іюня. Нижній Дунай).

Восторгъ населенія.—Жалобы христіанъ на черкесовъ.—Стычка полковника Измайлова съ черкесскимъ отрядомъ.—Плѣнные разбойники турокъ Мустафа и Арабъ-Аадемъ.—Просьба населенія неоставлять города въ жертву злодѣевъ *).

«16-го іюня, генералъ-адъютантъ Шамшевъ занялъ безъ боя Бабадагъ. Во всѣхъ христіанскихъ деревняхъ по пути и въ самомъ Бабадагѣ отрядъ нашъ былъ встрѣченъ населеніемъ съ восторгомъ. Духовенство вышло на встрѣчу въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и пѣніемъ многолѣтія нашему Государю, при неумолкаемыхъ «ура!» мѣстныхъ жителей. Воззваніе Государя Императора къ болгарамъ, прочитанное собравшемуся народу; было принято со слезами умиленія. Кромѣ христіанъ, на встрѣчу генералъ-адъютанту Шамшеву вышло и еврейское общество, во главѣ котораго привѣтствовалъ нашего генерала раввинъ. Немедленно по прибытіи отряда въ Бабадагъ начали стекаться представители болгарскихъ и русскихъ обществъ изъ окрестныхъ деревень, съ хлѣбомъ-солью. Черкесскія деревни, а также черкесскіе и турецкіе дворы были всѣ покинуты и все имущество вывезено; нѣкоторые мусульмане удалились внутрь страны еще полтара мѣсяца тому назадъ.

«Еще по пути въ Бабадагъ, генералъ-адъютанту Шамшеву приходилось все время выслушивать горькія жалобы христіанъ на невыносимыя притѣсненія и лютую жестокость черкесовъ. По прибытіи въ Бабадагъ, онъ получилъ уже точное указаніе, что черкесы и баши-бузуки неистовствуютъ въ деревняхъ Бацанкіой, Каранасуфъ, Сарыюртъ и Хамамджи: убиваютъ тамъ болгаръ, насилуютъ женщинъ и оскверняютъ православные храмы; что болгарскія семейства, спасаясь отъ этихъ разбойниковъ, уже нѣсколько дней сидятъ въ плавняхъ безъ пищи.

«Въ виду этого, генералъ-адъютантъ Шамшевъ послалъ 17-го іюня, утромъ, полковника Измайлова съ небольшимъ отрядомъ казаковъ на поискъ. Полковникъ Измайловъ настигъ двѣ черкесскія шайки, числомъ около 100 чел., разбилъ ихъ и отнялъ 70, штукъ оружія 50 лошадей и до 20,000 головъ разнаго скота. Черкесы оставили на мѣстѣ стычки 37 тѣлъ, не считая тѣхъ, которые погибли въ плавняхъ въ то время, когда бѣжали туда отъ спѣшенныхъ казаковъ. Въ плѣнъ взяты семь человѣкъ, въ томъ числѣ извѣстные разбойники и заклятые враги христіанъ: Кара-Мустафа турокъ, и арабъ Аадемъ; первый свирѣпствовалъ въ краѣ цѣлыхъ 12 лѣтъ, наводилъ ужасъ своими злодѣйствами, а въ послѣднее время состоялъ на службѣ турецкаго правительства въ качествѣ лазутчика.

---

*) Русскій Инвалидъ 1877 г.

«Послѣ помянутой стычки, которая сразу заставила всѣхъ баши-бузуковъ и черкесовъ скрыться изъ окрестностей, — полковникъ Измайловъ вернулся въ Бабадагъ, выдавъ предварительно мѣстнымъ жителямъ христіанамъ отобранное у черкесовъ оружіе и скотъ. Потеря наша: два раненыхъ казака, одна убитая и пять раненыхъ лошадей. Впродолженіи времени съ 17 до 18 іюня отрядъ полковника Измайлова прошелъ всего 100 верстъ.

«Другой отрядъ, высланный изъ Бабадага на поискъ къ сторонѣ деревень Татаръ-Рымникъ и Татаръ-Ирымникъ, подъ начальствомъ полковника Слюсарева, нигдѣ черкесовъ не нашелъ, но видѣлъ кровавые слѣды, ими оставленные. На улицахъ деревни Сарыюртъ лежало 15 труповъ, страшно обезображенныхъ. Жителей не было: они всѣ укрылись въ лѣса. Впослѣдствіи оказалось, что черкесы свирѣпствовали въ деревнѣ Сарыюртъ 17-го іюня, въ то самое время, когда полковникъ Измайловъ имѣлъ вышеупомянутую стычку съ двумя другими шайками.

«Изъ распросовъ по дорогѣ были получены слѣдующія свѣдѣнія: турки отступили къ Меджидіэ и далѣе за Трояновъ валъ. 17-го же іюня приходилъ изъ Меджидіэ въ деревню Кучкіой турецкій регулярный эскадронъ, но, узнавъ о присутствіи нашего отряда въ дер. Кацапкіой,—немедленно ушелъ обратно. Въ Меджидіэ было отъ 1,500—2,000 человѣкъ пѣхоты и около 100 человѣкъ кавалеріи. На береговой дорогѣ стояло, у дер. Мамакіой, около батальона пѣхоты. Въ самомъ г. Кюстендже войскъ не было; они переведены въ Чернаводы, а артиллерія вывезена на пароходѣ въ Варну. На линіи Чернаводы-Кюстенджи, за Трояновымъ валомъ, турки укрѣпляются и намѣрены обороняться. О числѣ собранныхъ тамъ войскъ и о намѣреніяхъ непріятеля свѣдѣнія еще противорѣчивы: по однимъ свѣдѣніямъ—турки намѣрены были ограничиться обороною, по другимъ—ожидаютъ прибытія Гассанъ-паши египетскаго съ подкрѣпленіями, и тогда, имѣя всего до 25,000, намѣрены были сами перейти въ наступленіе.

«19-го іюня въ Бабадагѣ разнесся слухъ, будто наши войска намѣрены уйти оттуда. Это произвело ужасное смятеніе: толпы народа окружили генералъ-адъютанта Шамшева, возвращавшагося съ рекогносцировки, и молили не оставлять городъ на жертву лютому мщенію турокъ. Затѣмъ явилось духовенство съ тою же мольбою—не покидать христіанъ, уже ограбленныхъ почти до-нага, на вѣрную мученическую смерть. Генералъ-адъютантъ Шамшевъ поспѣшилъ успокоить встревоженное населеніе.»

Четыре письма лейтенанта Пущина, бывшаго въ плѣну у турокъ.

Изъ письма лейтенанта Пущина. Въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* напечатано было слѣдующее извлеченіе изъ письма томящагося въ турецкомъ плѣну лейтенанта Пущина къ одному своему родственнику:

«На всякій случай если вздумаете посѣтить меня я дамъ вамъ маленькое на-

ставленіе какъ меня можно найти. А то вѣдь вы, пожалуй, вмѣсто того чтобы попасть ко мнѣ, попадете къ султану. Какъ только пріѣдете въ Константинополь и выйдете на берегъ, тотчасъ же берите извощика и скажите ему по-турецки чтобъ онъ везъ васъ въ *Caserna-Militaire-Rascim-Pasha.* И вотъ онъ будетъ васъ долго долго везти и наконецъ подвезетъ къ большому желтому дому, окна котораго всѣ въ рѣшеткахъ. Вы не подумайте что это домъ умалишенныхъ... но почти. И такъ, войдите въ ворота, гдѣ справа и слѣва увидите двухъ часовыхъ; но вы ихъ не бойтесь и проходите далѣе; въ воротахъ направо есть дверь. Войдите въ эту дверь и по лѣстницѣ подпимайтесь на верхъ; придя въ корридоръ втораго этажа, вы увидите вдали съ лѣвой стороны, у одной изъ дверей, стоять тоже двое часовыхъ,—вотъ тутъ-то и есть мое помѣщеніе. Какъ только подойдете къ двери и возьметесь за ручку, чтобъ отворить ее, часовой тотчасъ же скажетъ вамъ: «екъ, ясакъ.» Вотъ видите какъ меня берегутъ! Вы скажете часовому что вы только хотите посмотрѣть, говорить со мной; на это онъ опять вамъ скажетъ «ясакъ» и прибавитъ еще: «Диванъ-гана, тарджиманъ» или что-то въ родѣ этого. Это значитъ что надо просить разрѣшенія въ адмиралтействѣ. Итакъ вы должны идти въ адмиралтейство и просить тамъ разрѣшенія. Если разрѣшатъ, то дадутъ вамъ провожатаго, какого-то офицера въ длинныхъ аксельбантахъ, такъ-сказать, адъютанта какого-то, и вотъ тогда васъ пропустятъ, но иначе—ни-ни. Наконецъ дверь отворяется и предъ вами представляется довольно большая комната въ два окна; справа диванъ, на которомъ я по большей части сижу. Сдѣлавъ одинъ шагъ въ комнату у васъ будутъ и справа и слѣва два большія шкафа, вышиною больше чѣмъ въ $^{3}/_{4}$ высоты комнаты. Правый шкафъ всегда запертъ. Другой шкафъ пустой, а потому отпертъ. Я употребляю его для склада разныхъ ненужныхъ бумагъ. Сдѣлавъ еще три шага, вы очутитесь между двумя калоннами, которыя служатъ повидимому для поддержки потолка. Колонны эти внизу соединяются со стѣнами небольшими шкафиками и большими шкафами; вдоль стѣнъ сдѣланы какія-то полки. Въ данный моментъ на правомъ шкафикѣ стоитъ кувшинъ съ водой, стаканъ, кувшинъ металлическій, который я купилъ для молока, лежитъ хлѣбъ и ложка съ вилкой. Ножа здѣсь не полагается, чтобъ я какъ-нибудь нечаянно не зарѣзался. На лѣвомъ шкафикѣ стоитъ мѣдный подсвѣчникъ, который я купилъ самъ, подносъ, двѣ чашки, спиртовая машинка, жестянки трехъ породъ для кипяченія воды, чайникъ, и т. д. Надъ моею головой, на потолкѣ, виситъ на гвоздикѣ какая-то метелка и еще что то такое, а что это означаетъ— я уже не знаю. Такую штуку я видѣлъ въ другихъ комнатахъ и даже въ мечети, и потому думаю что это должно-быть что-нибудь божественное магометанское. Вдоль обѣихъ стѣнъ, отъ высоты шкафовъ, идутъ или прибиты какія-то деревянныя планки, шириною приблизительно 5 дюймовъ и толщиною дюйма 2. Въ доскахъ или планкахъ этихъ вбито пропасть разныхъ гвоздей – большихъ и малыхъ. Большіе гвозди, полагаю, для того чтобы, въ случаѣ надобности, затворникъ имѣлъ возможность повѣситься. Рѣзаться нельзя, но вѣшаться разрѣшается. Влѣво на стѣнѣ виситъ фонарь, который освѣщается вечеромъ

и на всю ночь. Свѣтъ его чуть-чуть не электрическій, такъ что ночью можно пронести ложку мимо рта. Слава Богу что по ночамъ не приходится ѣсть. На простѣнкѣ между окнами сдѣлана полка, на которой я помѣщаю газеты, чай и кофе въ жестянкахъ и стеариновыя свѣчи; послѣднія для того чтобы не безпокоить мышей, которыхъ здѣсь не малое количество; впрочемъ, мы другъ друга теперь не безпокоимъ: я хожу себѣ по комнатѣ и онѣ тоже не стѣсняясь прохаживаются. Вправо у стѣны стоитъ диванъ, надъ которымъ висятъ портреты Государя Императора, Государыни Императрицы, Маріи Александровны, Герцога Эдинбургскаго и видъ броненосца, которымъ командуетъ Герцогъ. Влѣво на стѣнѣ виситъ наша морская фуражка, которую прислалъ мнѣ герцогъ Эдинбургскій. Фуражка эта до сихъ поръ безъ употребленія. Очень жаль что Его Высочество Герцогъ Эдинбургскій ошибся; посылая эту шапку, онъ былъ вполнѣ увѣренъ что я здѣсь буду пользоваться, также какъ и Турки, находящіеся у насъ въ плѣну, прогулками, театрами и пр., но на дѣлѣ выходитъ не то. У насъ смотрятъ на плѣнныхъ совершенно иначе. У насъ въ Россіи плѣнные офицеры, судя по газетамъ и письмамъ, пользуются свободно всѣмъ, а здѣсь кромѣ комнаты и корридора... больше ничѣмъ. Спасибо по крайней мѣрѣ за то что меня здѣсь почти не безпокоятъ.

«Вотъ вамъ описаніе моего помѣщенія и моей жизни. Если вздумаете навѣстить, то милости просимъ. Самое удобное для васъ было бы пріѣхать на броненосцѣ *Лютфли-Джелиль,* но, къ несчастію, онъ пропалъ. Итакъ, будемъ ждать другаго, а пока позвольте пожелать вамъ здоровья.»

Изъ втораго письма.

Въ *Новомъ Времени* напечатано слѣдующее письмо лейтенанта Пущина изъ Константинополя къ сестрѣ его, живущей въ Петербургѣ:

«Я и команда моя, исключая машиниста, спасеніемъ своимъ обязаны поясамъ; понятно, если бы ихъ не было, то всѣ мы были бы на днѣ. Я пробылъ въ водѣ около пяти часовъ; сначала бросился безъ сюртука и шапки, а затѣмъ пришлось, постепенно, для облегченія, срывать долой все остальное. Съ катера мы всѣ пустились плыть къ берегу. Я хотя не пловецъ, но весьма успѣшно подвигался впередъ и достигъ бы берега, если бы не мѣшали судороги, которыя четыре раза заставляли меня оставаться въ бездѣйствіи, а въ это время теченіе меня относило назадъ; послѣ четвертаго раза я уже былъ не въ силахъ болѣе двигаться, теченіемъ меня несло къ Сулину, но все-таки я надѣялся высадиться выше его. Однако, всѣ старанія мои были безполезны и теченіемъ меня все болѣе и болѣе приближало къ турецкой броненосной эскадрѣ, которая наконецъ меня замѣтила и прислала катеръ, чтобы взять. Команда моя взята была получасомъ раньше. Причина, что мнѣ пришлось отдѣлиться отъ команды—та, что мнѣ нужно было, давъ командѣ направленіе берега, самому вернуться на катеръ и послѣ этого я потерялъ команду изъ виду. Я вышелъ на палубу броненосца съ помощью турецкихъ матросовъ и былъ въ совершенномъ изнеможеніи, пока не отдохнулъ. Первое время пока я находился на эскадрѣ и въ пути, я былъ въ очень грустнымъ настроеніи, въ Константинополѣ

стало лучше. Первый, кто явился на пароходъ и произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе, это былъ адмиралъ Гобартъ-паша. Полагаю, что благодаря ему, я имѣю довольно порядочное помѣщеніе. Домъ, въ которомъ я нахожусь, повидимому, принадлежитъ адмиралтейству, комната въ два окна и какъ слѣдуетъ быть—съ рѣшетками. Берегутъ меня очень хорошо: у дверей стоятъ двое часовыхъ и по саду, противъ оконъ, тоже ходятъ двое. Тоска страшная: впрочемъ, благодаря Гобартъ-пашѣ и содѣйствію германскаго посольства, у меня бываютъ праздники—это тогда, когда даютъ читать газеты; недавно разрѣшили писать и вчера разрѣшили всегда, когда захочу, видѣть свою команду. Вчера я видѣлся съ нашими матросами и, поговоривши съ ними на родномъ языкѣ, былъ весьма счастливъ. Всѣхъ насъ на катерѣ было 6 человѣкъ; теперь уже осталось только 4. Машинистъ Морозовъ былъ первой жертвой; онъ утонулъ почти у борта, вѣроятно потому, что какъ нибудь упустилъ поясъ; второй жертвой былъ кочегаръ, который здѣсь, въ Константинополѣ, заболѣлъ горячкой и въ припадкѣ выскочилъ за окно. Думаю, что если бы и машинистъ спасся, то тоже горячки бы не миновалъ, потому что, пробывши $4^1/_2$ часа въ водѣ послѣ страшнаго жара и испарины у машины, получить горячку не долго. Изъ оставшихся одинъ раненъ въ правый пахъ. Странно и довольно счастливо обошлось, что при такомъ страшномъ огнѣ, открытомъ съ непріятельскаго судна, когда, исключая машиниста, всѣ находились на верху, раненъ только одинъ человѣкъ, да и этотъ молодецъ, несмотря на рану, все-таки продолжалъ работать подъ выстрѣлами, а затѣмъ со всѣми вмѣстѣ бросился вплавь и $4^1/_2$ часа продержался на водѣ. Слава Богу, здоровье его поправляется, остальные двое здоровы, но смотрятъ не хорошо, потому что въ комнатѣ, въ которой они помѣщаются, мало воздуха. Будутъ хлопотать, чтобы разрѣшили имъ гулять по саду; зная ихъ, я могу дать за нихъ честное слово, что они не уйдутъ.

«Свѣтлымъ изъ свѣтлыхъ праздниковъ для меня было полученіе двухъ первыхъ писемъ съ родины. Одно изъ нихъ было отъ П. М. Чихачова. Всякій, говорящій по-французски или по-англійски, доставляетъ мнѣ праздникъ своимъ посѣщеніемъ. Недавно меня почтилъ своимъ посѣщеніемъ его высочество герцогъ Эдинбургскій; онъ былъ со своимъ старшимъ офицеромъ, но я его не узналъ, и когда онъ взялъ у меня визитную карточку, полученную мною отъ старшаго офицера и написалъ «Герцогъ Эдинбургскій», то мнѣ было крайне неловко и пришлось извиниться. на другой или третій день герцогъ прислалъ двухъ своихъ офицеровъ съ посылкой, въ которой находился весь черный форменный костюмъ и морская шапка. Затѣмъ прислалъ два своихъ портрета въ англійской и русской формѣ, портреты Государя, Государыни, Августѣйшей своей супруги Маріи Александровны, группу всего Августѣйшаго семейства, фотографическій видъ своего фрегата и нѣсколько нумеровъ «Иллюстраціи». Теперь у меня есть много что читать. Здѣсь мнѣ сдѣлали форму турецкаго морскаго офицера, конечно съ феской.

«Мнѣ обѣщаны прогулки. Съ нетерпѣніемъ ждемъ свободы.»

Изъ третьяго письма лейтенанта Пущина. *)

Въ *Новомъ Времени* напечатано слѣдующее письмо плѣннаго лейтенанта Пущина изъ Константинополя, отъ 18-го іюля:

...«Я позабылъ разсказать вамъ о томъ какъ вездѣ принимали меня за Англичанина. Вообразите что ни одинъ человѣкъ не хочетъ вѣрить, что я Русскій, да и на лицѣ каждаго спрашивающаго такъ вотъ и выражается: «что ты, братецъ мой, врешь, что ты Русскій! Не надуешь!» Напримѣръ, въ Сулинѣ, меня перевели съ адмиралтейскаго броненосца на корветъ, который стоялъ у мыса самаго города, и какъ только я появился на палубѣ, то капитанъ корвета прямо, такъ-таки прямо и узналъ меня, и обратился ко мнѣ какъ-бы съ непритворною радостью, словно къ старому знакомому: *ah Mr. Job, how are you* и т. д. Этого уже я никакъ не могъ увѣрить, что я вовсе не Англичанинъ и *Mr. Job*, а Русскій офицеръ и фамилія моя Пущинъ. Затѣмъ еще лучше: явился уже такой, который началъ увѣрять меня что я даже и говорить-то не умѣю по-русски. Этотъ послѣдній меня уже окончательно поразилъ, такъ что когда онъ ушелъ, то я сначала никакъ не могъ сообразить гдѣ и что̀ я такое, но потомъ пришелъ къ такому заключенію что должно-быть господинъ этотъ приходилъ изъ дома умалишенныхъ. Въ Константинополѣ сначала меня принимали тоже за Англичанина, потомъ за Нѣмца или Шведа, а теперь ужъ не знаю за кого, но думаю что сомнѣніе все-таки есть. Въ англійскихъ газетахъ была помѣщена телеграмма изъ Сулина о нашей атакѣ, о погибели одного катера и о спасеніи команды въ числѣ которой былъ Англичанинъ: не кто другой, какъ я!

«Живу я по-старому тихо, смирно, довольно сносно, начальство милостиво исполняетъ, по возможности, мои просьбы, и всѣ неудовольствія принимаетъ во вниманіе и устраняетъ. Бѣда только въ томъ что дни тянутся очень долго: и пробовалъ сокращать ихъ сномъ, но это оказалось невозможнымъ, потому что тогда всю ночь приходилось ворочаться съ боку на бокъ. Впрочемъ, газеты мнѣ въ этомъ случаѣ очень помогаютъ и сокращаютъ время. Я получаю два раза въ недѣлю *Daily News* и за это чрезмѣрно благодаренъ г-ну Ѳеодориди, такъ любезно одолжающему меня. Конечно, чтобы протянуть время, я читаю не торопясь: прежде всего—послѣднія политическія новости, а затѣмъ все сначала и до послѣдняго объявленія. Очень сожалѣю что не могу говорить по-турецки; тогда было бы не то, и время проходило бы незамѣтно.

«Въ домѣ гдѣ я нахожусь живетъ очень много офицеровъ, и нѣсколько изъ нихъ помѣщаются въ комнатахъ рядомъ со мною. Иногда они заходятъ ко мнѣ, а то и въ корридорѣ встрѣчаемся и разговариваемъ, но конечно, разговоръ нашъ таковъ что говоримъ, говоримъ, а другъ друга ничего не понимаемъ. Въ настоящее время это въ первый разъ что мнѣ пришлось близко познакомиться съ турецкими офицерами,—и долженъ сказать правду что всѣ, сколько мнѣ пришлось видѣть ихъ за это время, весьма и весьма порядочные. Конечно есть и

*) Отъ 18-го іюля.

грубіяны. Такихъ субъектовъ мнѣ пришлось встрѣтить двоихъ: одного на корветѣ, а другаго здѣсь. Послѣдній, повидимому, особенную имѣетъ ко мнѣ ненависть и всегда очень косо смотритъ когда приходится намъ встрѣчаться; конечно, ко мнѣ никогда не приходитъ и со мной ни слова, чему я очень радъ; но разъ онъ выказалъ себя окончательно осломъ, когда запретилъ солдату разговаривать со мною, т.-е. отвѣчать мнѣ на мои любознательные вопросы когда я распрашивалъ его о наименованіи разныхъ предметовъ по-турецки. Я очень хорошо понялъ что онъ здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ послѣдняя спица въ колесницѣ, но захотѣлъ предо мною власть свою показать. Конечно, если онъ другой разъ позволитъ себѣ что-нибудь подобное, то я доведу о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Ближайшій мой начальникъ, кажется въ чинѣ полковника, очень милый и любезный старикъ. Команду свою я навѣщаю, и сообщаю имъ все что самъ вычитаю въ газетахъ. Раненый нашъ, слава Богу, почти совсѣмъ оправляется; рана уже затянута и только прикрыта липкимъ пластыремъ.

«Не придется ли, Богъ дастъ, слѣдующее письмо писать изъ милой, родной Одессы?»

Изъ четвертаго письма лейтенанта Пущина.

...«Пребываю здѣсь уже пятый мѣсяцъ; живу какъ... ужъ и не знаю какъ кто... чтобы не сказать ему худшаго. Комнату, между прочимъ, дали хорошую, просторную и чистую и берегутъ хорошо и почетно, такъ что лучше, кажется, и нельзя: снаружи, противъ оконъ, ходятъ двое часовыхъ—берегутъ и присматриваютъ; у дверей тоже двое—берегутъ и присматриваютъ, а на ночь, вотъ съ недавнихъ поръ, къ дверямъ уже поставили трехъ, такъ что двое сидятъ у порога (двери заперты), а третій, съ ружьемъ въ рукѣ, должно-быть для большаго страха, все ходитъ взадъ и впередъ—и тоже присматриваетъ. Я расчиталъ что если война продолжится до будущей осени, и если это увеличеніе часовыхъ пойдетъ прогрессивно, то у дверей моихъ, со временемъ, образуется довольно большой почетный караулъ, и тогда чѣмъ я не паша? Я уже теперь такъ здѣсь пропитанъ турецкимъ воздухомъ что и голова частенько-таки начала трещать: изъ дому на прогулку меня никуда не выпускаютъ, должно-быть боятся чтобы не сглазили. Впрочемъ, при такихъ порядкахъ я и самъ не пойду, потому что ходить по городу подъ конвоемъ часовыхъ не совсѣмъ-то пріятно и удобно. Здѣсь того нѣтъ что въ Петербургѣ, гдѣ плѣнные съ британскими чиновниками посольства разъѣзжаютъ себѣ куда угодно. Здѣсь смотрятъ на плѣнныхъ совсѣмъ иначе, не скажу какъ на арестанта, но почти. Мнѣ сдѣлали великое одолженіе что кромѣ комнаты я могу ходить по корридору.

«Кормятъ меня здѣсь... весьма плохо. Я ѣмъ только соусъ съ бараниной, а въ тѣ дни, когда даютъ пилавъ (два раза въ недѣлю) и только пилавъ—тошновато; пилавъ, это не болѣе, какъ крутая рисовая каша. Полагается мнѣ ежедневно два хлѣба, но одинъ изъ нихъ я отправляю всегда своей командѣ, а отъ другаго ѣмъ только нижнюю корку. Даютъ еще два раза въ день—къ обѣду и утромъ къ завтраку—весьма красивое блюдо подъ названіемъ чорба (жидкая ри-

совая каша на водѣ). Чорбы никогда не ѣмъ; несмотря на это, все-таки приносятъ всегда, должно-быть я обязанъ ѣсть. Блюдо это на вкусъ отвратительно, а на видъ—остатки изверженія страдальца отъ морской болѣзни. Вамъ этого никогда не приходилось видѣть, такъ я вамъ скажу что это очень некрасивая вещь. Положимъ, чорба эта днемъ мнѣ не мѣшаетъ, пускай носятъ и пускай стоитъ сколько ей угодно, хоть годъ; но утромъ она надоѣла мнѣ хуже горькой рѣдьки. Вѣдь знаютъ очень хорошо что я никогда ея не ѣмъ, и сколько разъ просилъ чтобы не носили; нѣтъ, все-таки носятъ: должно-быть я обязанъ ѣсть. Явленіе этой чорбы бываетъ довольно рано: всегда застаетъ меня въ постели всегда меня будитъ, потому что является съ шумомъ и гамомъ, и дверь предъ ней растворяется безо всякой церемоніи, съ трескомъ! такъ вотъ и хочется взять эту чорбу и вывернуть надъ головою приносящаго. Иногда бываетъ что проспишь, и тогда будетъ: «Ей! бапабакъ! чорба!» Къ обѣду баранины въ соусѣ даютъ достаточно, но въ другой разъ все равно что кошкѣ на пробу. По большой части я пробавляюсь чайкомъ и кофейкомъ съ печеніемъ—все это пріобрѣтаю я за деньги которыя высылаетъ мнѣ наше доброе Морское Министерство. Какъ видно, въ Петербургѣ плѣнные офицеры не на солдатской порціи, и потому нашъ морской министръ, когда узналъ что я здѣсь на солдатской порціи, удивился и сдѣлалъ это распоряженіе объ отпускѣ денегъ на мое содержаніе. По правдѣ сказать, всего этого, при полной бездѣятельности, для меня совершенно достаточно; я не голодаю, а кромѣ того, къ счастью, аппетитъ у меня давнымъ давно пропалъ, и многаго мнѣ не надо. Турки народъ умный: они не пускаютъ меня гулять потому что боятся чтобъ отъ свѣжаго воздуха и послѣ движенія я не былъ голоденъ. Впрочемъ, все это трынъ-трава, все это пустяки, а для меня надобно только одно чтобы меня не безпокоили. Сначала мнѣ было здѣсь весьма жутко: мнѣ не только что покою не давали днемъ, но и по ночамъ не давали спать своимъ неделикатнымъ надзоромъ. Теперь, благодарю Бога, мнѣ дали совершенный покой; хотя и до сихъ поръ бываютъ случаи... но рѣдко.

«Я знаю что начальство распорядилось на счетъ моего спокойствія, да бѣда въ томъ что дисциплины нѣтъ.

. . . .

Лейтенантъ Заринъ.

(Біографія.)*)

«Сергѣй Аполлинаріевичъ Заринъ сынъ севастопольскаго героя, адмирала Зарина, скончавшагося нѣсколько лѣтъ назадъ. Воспитывавшійся въ Морскомъ Училищѣ, С. А. Заринъ произведенъ въ гардемарины въ 1864 году, въ мичманы въ 1866 и въ лейтенанты въ 1870. Въ теченіе одиннадцатилѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ, С. А. Заринъ болѣе половины времени провелъ въ за-

*) Газета „Голосъ." 1877 г.

граничномъ или кругосвѣтномъ плаваніи. Въ 1868 и 1869 годахъ онъ плавалъ на корветѣ *Аскольдъ,* съ 1870 по 1872 находился въ кругосвѣтномъ плаваніи на шкунѣ *Тунгузъ,* наконецъ, въ 1874 и 1875 годахъ плавалъ за границей на паровой яхтѣ Государя Наслѣдника *Царевна.* С. А. Зарпнъ служилъ на яхтѣ *Царевна* съ самаго начала изготовленія яхты, построенной въ Англіи. Въ навигацію нынѣшняго года, когда, за отсутствіемъ командира яхты, командованіе ею было поручено старшему офицеру, капитанъ-лейтенанту Андрееву, С. А. Зарнпъ былъ избранъ на должность старшаго офицера яхты. Осенью, когда паровая яхта *Царевна* окончила кампанію, по волѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, вся команда яхты, подъ начальствомъ лейтенанта Зарина, была отправлена въ Черное Море и поступила на пароходъ *Россію,* гдѣ на долю С. А. Зарина выпалъ счастливый случай отличиться въ молодецкомъ дѣлѣ.

Генералъ-лейтенантъ В. В. Каталей.

(Біографія). *)

Василій Васильевичъ Каталей, погибшій геройскою смертью, былъ личностью въ высшей степени симпатичною. Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ, несмотря на скромныя средства своихъ родителей, получилъ солидное образованіе. Онъ воспитывался въ лицеѣ князя Безбородко, и въ 1836 году, 18 лѣтъ отъ роду, вступилъ въ военную службу унтеръ-офицеромъ, на правахъ студентовъ университетовъ, въ Якутскій пѣхотный полкъ (11 пѣхотной дивизіи). Чрезъ два года онъ былъ произведенъ въ прапорщики; въ 1849 году переведенъ лейбъ-гвардіи въ Волынскій полкъ; а шесть лѣтъ спустя получилъ чинъ полковника съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ для командованія баталіономъ; въ 1860 году Вас. Вас. былъ назначенъ командиромъ Днепровскаго пѣхотнаго полка, а потомъ чрезъ два года командиромъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора Австрійскаго полка. Въ 1864 съ производствомъ въ генералъ-маіоры Вас. Вас. былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка: въ 1869 году зачисленъ въ Свиту Его Величества съ назначеніемъ исправляющаго должность начальника мѣстныхъ войскъ Казанскаго военнаго округа; а чрезъ три года назначенъ исправляющимъ должность начальника мѣстныхъ войскъ Петербургскаго военнаго округа; съ производствомъ же въ 1873 году въ генералъ-лейтенанты онъ утвержденъ въ занимаемой должности. Въ апрѣлѣ 1875 года онъ былъ назначенъ членомъ Главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ. Съ начатіемъ нынѣшней компаніи (въ ноябрѣ 1876 года) назначенъ начальникомъ военныхъ сообщеній Дѣйствующей Арміи; назначеніе же начальникомъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи В. В. Каталей получилъ въ 1877 году 6 марта.

*) „Русскій Міръ." Генералъ-лейтенантъ убитъ 21 декабря 1877 г. во время перестрѣлки у Миркова. Подробности стычки будутъ сообщены.

Командиръ 2-й бригады 1-й гренадерской дивизіи, графъ Михаилъ Павловича Граббе.

(Біографія).

Генералъ-маіоръ графъ Михаилъ Павловичъ Граббе получилъ образованіе въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ и поступилъ на дѣйствительную службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Съ наступленіемъ восточной войны былъ переведенъ въ расположенный на Кавказѣ Кабардинскій полкъ, съ которымъ участвовалъ при осадѣ Карса. По окончаніи компаніи графъ Граббе продолжалъ свою службу на Кавказѣ, причемъ многократно и съ отличіемъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, за что и былъ награжденъ орденами: Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, Св. Станислава 2-й степени съ мечами и золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Въ 1867 году М. П. Граббе былъ произведенъ въ полковники, назначенъ командиромъ 79 пѣхотнаго Куринскаго Его Императорскаго Высочества Павла Александровича полка, но, къ сожалѣнію, скоро долженъ былъ оставить свой полкъ. Тяжелая рана, полученная имъ въ дѣлѣ 3-го января 1868 года, на р. Форсѣ, потребовала продолжительнаго леченія. Съ открытіемъ войны съ турками въ 1877 году, полковникъ Граббе снова поступилъ въ строй, былъ назначенъ траншей-маіоромъ при осадѣ Карса, за боевыя отличія былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени, за тѣмъ произведенъ въ генералъ-маіоры и былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гренадерской дивизіи. Во главѣ своей бригады онъ былъ убитъ при штурмѣ форта Каплы. Русская армія потеряла въ молодомъ графѣ Граббе способнаго, беззавѣтно храбраго и всѣми любимаго генерала.

Господинъ В. Истоминъ вотъ какими симпатичными фразами отзывается о покойномъ графѣ:

Не одно дружеское сердце горестно сожмется при неожиданной вѣсти о смерти молодаго генерала графа Михаила Павловича Граббе, павшаго смертью храбрыхъ при штурмѣ Карса.

Высоко симпатичная личность покойнаго, его безупречный характеръ, въ связи съ беззавѣтною храбростью и необыкновенною чистотой души возбуждали къ нему не только уваженіе, но и сердечную любовь многочисленныхъ товарищей, пріятелей и друзей разбросанныхъ по всей Россіи.

Третій сынъ извѣстнаго атамана войска Донскаго графа Павла Христофоровича Граббе, снискавшаго своею восьмидесятишестилѣтнею жизнью почетное прозвище *Баярда* Русской арміи, графъ Михаилъ Павловичъ наслѣдовалъ всѣ доблестныя качества своего отца и, если можно такъ выразиться, былъ его вѣрнѣйшимъ отраженіемъ.

По свойству своей храбрости Михаилъ Павловичъ принадлежалъ къ Скобе-

левскому типу. Проходя первоначальную службу въ Кавказской арміи за время фельдмаршала князя Барятинскаго, графъ Граббе неудержимо рвался въ бой и— по словамъ товарищей отличался неустрашимостью, не вольно возбуждавшею удивленіе. Храбрость эта не обошлась ему даромъ; въ одномъ изъ сраженій, Михаилъ Павловичъ былъ раненъ пулей въ лѣвый бокъ на вылетъ, причемъ, по мнѣнію врачей, рана была безусловно смертельна; но попеченіями мѣстнаго знахаря, находившагося въ отрядѣ брата покойнаго, Михаилъ Павловичъ возвращенъ былъ къ жизни.

Рана эта постоянно тревожила его. Въ 1869 году я съѣхался съ нимъ на Кавказскихъ водахъ, куда онъ прибылъ уже полковникомъ и командиромъ Куринскаго полка, въ надеждѣ получить облегченіе, отъ страданій; мѣстные доктора направили его за границу, утверждая что лѣченіе на Кавказѣ для него совершенно безполезно, а купанье въ Нарзанѣ безусловно вредно. У Граббе въ карманѣ былъ уже заграничный отпускъ когда прощаясь съ товарищами онъ случайно заглянулъ въ Кисловодскъ и не выдержавъ соблазна, выкупался таки въ Нарзанѣ; ему сдѣлалось лучше, и вотъ вопреки представленіямъ докторовъ онъ началъ самъ себя лѣчить Нарзаномъ, а черезъ два мѣсяца значительно оправившись, уѣхалъ къ старику-отцу чтобъ ухаживать за нимъ съ тою нѣжностью и постоянствомъ на которыя онъ такъ былъ способенъ.

Въ послѣдствіи графъ Михаилъ Павловичъ женился на дочери знаменитаго Алексѣя Степановича Хомякова, и, если не ошибаюсь, имѣлъ уже троихъ дѣтей, когда возгорѣвшаяся война вызвала его къ новымъ подвигамъ и по несчастію къ преждевременной смерти.

Командуя отдѣльнымъ отрядомъ графъ Граббе, какъ извѣстно, въ началѣ кампаніи быстрымъ нападеніемъ занялъ Кульпъ, затѣмъ начальствовалъ линіей аванпостовъ въ Башъ-Кадыкъ-Ларскомъ лагерѣ, а произведенный въ генералъ-майоры получилъ въ командованіе пѣхотную бригаду, во главѣ которой и сложилъ свою голову въ честномъ бою еще разъ прославившемъ дорогую ему Кавказскую армію.

Миръ праху твоему безупречно-честный Граббе! Всюду куда только ни забрасывала тебя судьба въ теченіе, увы! — короткой жизни, ты оставилъ по себѣ *вѣчную* память и сходя въ сѣнь почетной могилы передалъ своему потомству драгоцѣнное достояніе — такое же чистое имя какъ чиста была вся твоя прекрасная жизнь.

Турецкія жестокости.

Безчинства зейбековъ и черкесовъ: У Мачина, подъ Буджакомъ. У Браилова, У Чиликъ, въ Систовѣ, въ Ванѣ, Мушѣ и Битлисѣ.

Турки только что спустились въ Мачинъ, какъ начали производить жестокости, и распространять тотъ ужасъ, которымъ они зарекомендовали себя пятьсотъ и болѣе лѣтъ назадъ, громя тѣ земли, которыми шли сопровождая свои завоеванія:

ярость ихъ въ Мачинѣ разразилась надъ несчастными болгарскими женщинами, надъ беззащитными стариками, дѣтьми, и сопровождалась грабежемъ домовъ и лавокъ. Въ числѣ многихъ слѣдовъ ихъ варварства особенно выдѣлялись три женщины, изъ которыхъ одна была мать, а двѣ послѣднія маленькія дочери, турки всѣхъ трехъ изнасиловавъ, сняли кожу съ груди и рукъ, изрѣзали ихъ на ремни и связали несчастныхъ этими ремнями, какъ тюкъ.

Былъ составленъ протоколъ.

Наканунѣ этого дня *Русскому Генеральному Агентству* сообщали изъ Бухареста отъ 15-го іюня, о слѣдующихъ возмутительныхъ, но достовѣрныхъ фактахъ, свидѣтельствовавшихъ о варварской жестокости турокъ. Въ самый рѣшительный моментъ сраженія подъ Буджакомъ, 10-го іюня, горсть русскихъ, окруженная турками и не хотѣвшая сдаться, была изрублена и обезглавлена. Въ тотъ же день русская рота нашла нѣсколькихъ стрѣлковъ своихъ убитыми, причемъ половыя части у нихъ были обрѣзаны и втисканы во рты. Въ виду этого возмутительнѣйшаго злодѣйства, содѣяннаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ роты, наши солдаты въ порывѣ ярости бросились на турокъ въ штыки, что и рѣшило отчасти успѣхъ сраженія.

Безчинства зейбековъ были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что учиняли черкесы, массами прибывающіе въ Константинополь изъ Адріанополя и Салоникъ. Ничтожный гарнизонъ, оставшійся въ столицѣ послѣ ухода гвардіи, безсиленъ сдерживать эти дикія орды. Грабежи и разбои совершаются по улицамъ чуть не каждый день. Случаются и комическіе эпизоды. Такъ одинъ англичанинъ, на котораго напало трое черкесовъ, былъ спасенъ самымъ неожиданнымъ образомъ—собаками. Разбойники, связавъ несчастнаго, заткнули ему ротъ и деликатнымъ образомъ разложили, дабы удобнѣе было обобрать свою жертву; на ихъ бѣду, собаки, перепуганныя сборищемъ людей, подняли такой лай, что на мѣсто происшествія пришелъ патруль, при видѣ котораго черкесы должны были отступить. Оказывается, что въ Константинопомѣ собаки, лучше полиціи, заботятся не только о чистотѣ улицъ, но и о безопасности гражданъ. Говорятъ, по настоянію англійскаго посольства, правительство выпроваживаетъ изъ города всехъ зейбековъ и черкесовъ, отправляя ихъ защищать Балканы.

При Браиловской переправѣ. Хотя вторая высота была взята, но положеніе становилось, все-таки, критическихъ, такъ какъ отъ этой высоты шли поля, засѣянныя пшеницею и овсомъ, и весьма благопріятныя для дѣйствія кавалеріи. Черкеская конница начала напирать на нашихъ пѣхотинцевъ тѣмъ смѣлѣе, что видѣла незначительную численность непріятеля. Именно здѣсь, въ этомъ пунктѣ, между второю и третьею позиціями происходили самые кровавыя эпизоды битвы и наши войска понесли самыя сильныя потери, причемъ большинство убитыхъ и раненыхъ пострадало отъ дѣйствія холоднымъ оружіемъ. Здѣсь, на этихъ самыхъ пшеничныхъ поляхъ, палъ пикетъ изъ четырехъ солдатъ: окруженные со всѣхъ сторонъ, выбившись изъ силъ и выстрѣлявъ все патроны, солдаты этого пикета ни за что не хотѣли сдаться, и всѣ четверо храбрецовъ были убиты—турки отрубили ихъ головы. Здѣсь же, въ стрѣлковой цѣпи, най-

дены были убитые солдаты, трупы которыхъ оказались изуродованными: дѣтородныя части отрѣзаны и вложены въ ротъ.

«Русскіе обнаружили множество жестокостей, совершенныхъ турками надъ монахинями монастыря Чиликъ и надъ монахами монастыря Кукошъ; первый монастырь расположенъ въ Балканахъ, въ шестичасовомъ разстояніи отъ Тульчи; въ немъ обитаютъ исключительно монахини русскаго происхожденія, другой же, Кукошъ, въ которомъ обитаютъ румынскіе монахи, находится въ двухчасовомъ разстояніи отъ перваго и расположенъ у подошвы высокой горы, называемой «Кукошъ,» отъ которой получилъ названіе и монастырь.

«Я былъ недавно въ Систовѣ и Бѣлѣ *) и могу сказать, что тѣ раненые, которыхъ я посѣтилъ снабжены рѣшительно всѣмъ необходимымъ и въ настоящее время находятся въ такомъ хорошемъ состояніи, что ихъ смѣло можно препроводить въ Россію. Какія страшныя раны у нѣкоторыхъ солдатъ! У одного несчастнаго солдата вся нижняя часть лица уничтожена и онъ существуетъ только тѣмъ, что въ прорѣзъ, сдѣланный въ шеѣ, проходитъ трубка, посредствомъ которой въ желудокъ его вводятъ молоко и бульонъ! Страданія этого человѣка ужасны, а все же необходимо поддерживать въ немъ жизнь и быть можетъ, на долгое время. У другаго вся рука и плечо отъ самой шеи отняты; у третьяго обнажена вся грудь. А пораненія отдѣльныхъ частей тѣла? Ихъ несчесть!

«Здѣсь говорятъ, что значительное число турецкихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ сраженіи у Систова, между которыми находятся и высшіе офицеры, привезены въ Бухарестъ и помѣщены въ здѣшнихъ казармахъ, лежащихъ за городомъ. Въ Систовѣ же русскій медикъ, найдя на улицѣ во время сраженія раненаго турка, пожелалъ подать ему помощь; турокъ обнажилъ ножъ и ударилъ имъ медика въ грудь.

«Здѣсь кстати упомянуть о фанатизмѣ турокъ: на одной изъ баттарей лежалъ раненный турокъ въ плечо. Когда подошли къ нему, то замѣтили, что онъ ножемъ наноситъ себѣ раны въ грудь и животъ, боясь, что русскіе, по примѣру его соотечественниковъ, будутъ его истязать; но вмѣсто того, его перевязали и немедленно отправили въ лазаретъ. Другой случай: идетъ унтеръ-офицеръ Ставропольскаго полка мимо раненаго турка, подходитъ къ нему съ цѣлью убѣдиться, живъ онъ или нѣтъ, но въ это время турокъ изъ ружья наноситъ унт.-офицеру рану пулею въ грудь на вылетъ и тотъ падаетъ замертво. Видя это солдаты наши остервенились и закололи этого злаго фанатика.

»За послѣднія двѣ недѣли христіанское населеніе Вана, Муша и Битлиса страшно пострадало. **) Курды грабили немилосердно, насиловали женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ и умертвили болѣе 100 человѣкъ. Жители Вана не смѣютъ выходить изъ своихъ домовъ. Губернаторъ города выставилъ четыре пушки, угрожая картечью мусульманскому населенію; но онъ самъ боится быть убитымъ иррегулярными солдатами и постоянно мѣняетъ свою резиденцію. Въ

*) Замѣтки одного изъ русскихъ кореспонд.

**) Газета „Daily News„ изъ Эрзерума отъ 21 іюня 1877 г.

Битлисѣ жители заперлись въ домахъ, а деревни въ Мушской долинѣ раззорены почти всѣ. Страшная паника овладѣли христіанами Эрзерума.

Далѣе, тотъ же корреспондентъ пишетъ отъ 26-го іюня:

По всей Ванской провинціи, христіанское населеніе страшно пострадало отъ подвиговъ черкесовъ и курдовъ. Анархія полная, а грабежамъ и всякаго рода ужасамъ нѣтъ конца. Фаикъ-паша въ этомъ не виноватъ, военныя же власти не въ силахъ помѣшать неистовствамъ иррегулярныхъ солдатъ. Даже въ Эрзерумѣ черкесы открыто грозятъ, при приближеніи русскихъ перерѣзать всѣхъ грековъ и армянъ. Одному старику, который не могъ удовлетворить чрезмѣрнымъ требованіямъ черкесовъ и кудровъ, они набили ротъ порохомъ и взорвали ему голову.

«Въ дѣлѣ подъ Зивиномъ ***) наши врачи были поражены видомъ нѣкоторыхъ ранъ нашихъ солдатъ: при одномъ входномъ отверстіи нерѣдко встрѣчалось нѣсколько выходныхъ. Можно было думать, что пуля разбивалась о кость въ нѣсколько кусковъ, которыя и выходили въ разныя стороны. Встрѣчались однакоже и развороченныя раны. Эти явленія давали право предполагать, что турки употребляютъ разрывныя пули; но такъ, какъ самыхъ пуль найдено не было, то оставалось ограничиться однимъ подозрѣніемъ. Однакоже, многіе офицеры и въ томъ числѣ командиръ славнаго Севастопольскаго полка, полковникъ Важдакинъ, и начальникъ пѣхоты, генералъ-лейтенантъ Гейманъ, увѣряютъ, что они сами видѣли разрывъ пуль турецкихъ при ударѣ ихъ о землю или камень. Послѣ дѣла 6-го августа у Большой Ягны, корпусный хирургъ Малининъ извлекъ у троихъ раненыхъ пули, не оставляющія болѣе никакого сомнѣнія. Одна изъ нихъ не разорвалась, потому что въ ней не было разрывнаго заряда, а вмѣсто него забита была деревянная затычка; другія двѣ разорваны, какъ видно, на двѣ половины и совершенно выворочены. Въ ранѣ осталось только по куску, который и извлеченъ хирургомъ; другія половины вылетѣли изъ раны, продѣлавъ себѣ особые ходы.

«Извѣстно, что прежде разрывныя пули дѣлались съ углубленіемъ въ передней части, куда насыпался простой порохъ, а для сообщенія ему огня—въ углубленіе вставлялась желѣзная трубочка, на которую спереди надѣвался капсюль. При ударѣ пули носкомъ въ какое-нибудь твердое тѣло, капсюль разбивался и огонъ собщался заряду, а пуля рызрывалась. Впослѣдствіи стали прямо насыпать въ пули составъ, воспламеняющійся отъ удара или даже отъ сильнаго сотрясенія,—для этого пригодна была и гремучекислая закись ртути, употребляемая для капсюлей,—въ общежитіи ихъ называютъ «пистонами»,—и смѣсь бертолетовой соли съ перекисью марганца. Въ этихъ случаяхъ капсюль дѣлался уже не нужнымъ и взрывчатая смѣсь залѣплялась просто воскомъ или затыкалась деревяшкой. Турецкія разрывныя пули принадлежатъ къ послѣдней категоріи. Пули эти приготовлены для насъ нашими всегдашними доброжелателями, англичанами и доставлены въ Турцію вмѣстѣ съ англійскими ружьями системы

***) Корреспонд. „Русскаго Міра“ съ малоазіатск. театра войны 1877 г.

Снейдера. Впослѣдствіи, когда Россія подняла вопросъ о необходимости воспретить употребленіе такихъ пуль, турецкое правительство присоединилось къ конвенціи и приказало перелить разрывныя пули на обыкновенныя. Но такъ, какъ при переливкѣ угараетъ много свинца то, въ видахъ экономіи, рѣшено было только передѣлать пули, вынувъ изъ нихъ разрывной зарядъ и, забивъ отверстіе деревянною затычкой.

«Въ Турціи, какъ и вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, «законы святы — да исполнители лихіе супостаты», а когда дѣло идетъ о причиненіи »проклятымъ собакамъ», то есть христіанамъ, какъ можно болѣе страданій, то, конечно, и не одни исполнители, а пожалуй и наблюдающая власть склонны ко всевозможнымъ «упущеніямъ». Въ результатѣ вышло то, что не всѣ пули освобождены отъ разрывнаго заряда, а можетъ быть и передѣланныя, то есть заткнутыя затычкой, снова заряжались, подъ шумокъ, взрывчатою смѣсью въ полковыхъ лабораторіяхъ. Не безъ того, конечно, чтобы ближайшее начальство о томъ не вѣдало, и потому отвѣтственность должна падать всецѣло на ротныхъ, батальонныхъ и полковыхъ командировъ или, по-турецки: на юзъ-башей, бимъ-башей и миралайевъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что турецкое правительство здѣсь не виновато, что оно дѣйствительно приказало передѣлать разрывныя пули, и что если теперь встрѣчаются нерѣдко не передѣланныя, то это злупотребленіе мелкихъ начальствъ, а можетъ быть и простыхъ солдатъ.

«Какъ-бы то ни было, а фактъ на-лицо. Фактъ этотъ служитъ доказательствомъ той звѣрской ненависти, какую питаютъ къ намъ турки, и той беззастѣнчивой услужливости, какую рады оказать имъ ихъ друзья-англичане.

«Досаднѣе всего то, что мы всѣ очень хорошо знаемъ, что всѣ наши заявленія ничего не стоятъ: Европа не вмѣшивается и турки по прежнему стрѣляютъ по насъ такими пулями, какія дозволяются только на охотѣ за дикими звѣрями.

— Никакой управы на турку нѣту,—говорятъ наши солдаты.«

Плѣнъ Карпенко его страданія и его казацкая находчивость *).

«Казакъ Зиновій Карпенко, изъ станицы Ново-Деревянковской, служилъ въ 4й сотнѣ Ейскаго коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска и, въ дѣлѣ съ возмутившимися Абхазцами, въ іюнѣ, получивъ двѣ огнестрѣльныя раны въ руку и въ ногу и еще третью—шашкой по шеѣ, упалъ съ лошади и былъ захваченъ въ плѣнъ Абхазцами, которые и отвезли его въ аулъ; тамъ они держали его до перехода нашего черезъ Бзыбь. Узнавъ же объ этомъ переходѣ, хозяева его бѣжали въ Турцію и, бросивъ бѣднаго страдальца безъ пищи и даже воды, подожгли еще на немъ штаны! Кое-какъ успѣлъ несчастный Карпенко потушить пожаръ на собственномъ тѣлѣ, оставившій, однако, слѣды въ большомъ обжогѣ.

*) Извлечено изъ корр. „Тифлисскаго Вѣстника“ 1877 г.

«Промучившись, валяясь въ саклѣ дня два, особенно отъ томившей его жажды, Карпенко собралъ послѣднія силы и кое-какъ бокомъ выползъ изъ сакли. Представьте себѣ его радость, когда онъ увидѣлъ струившійся неподалеку ручеекъ! Утоливъ жажду, бѣдный Карпенко почувствовалъ мученія еще большія: голодъ сталъ его мучить. Все ползая по саклѣ, онъ къ великой своей радости нашелъ мѣшочекъ съ кукурузой и жадно принялся грызть сухія зерна. Такая удача оживила его на столько, что онъ началъ уже подумывать нельзя ли извлечь какую-нибудь пользу изъ прогуливающихся по двору куръ. Началъ онъ сыпать кукурузу возлѣ себя—поймалъ курицу, но какъ ни былъ голоденъ—съѣстъ ее сырою не рѣшился. Поползъ опять Карпенко по саклѣ, нашелъ подкову, пистонъ. Завернулъ пистонъ въ кусокъ своихъ же обгорѣлыхъ штановъ, положилъ на камешекъ и поднялъ уцѣлѣвшую руку съ подковой. Добылъ огня, изжарилъ курицу, поѣлъ знатно Карпенко. И такъ 11 дней постоянно поддерживая огонекъ, прожилъ новый Робинзонъ Крузо въ аулѣ, пока, наконецъ, на 12-й, увидѣлъ приближавшихся солдатиковъ съ Абхазцами высланными отыскать въ заброшенныхъ аулахъ Русскаго, о которомъ какъ то темно проговорились наши мирные Абахазцы.

«Нужно было видѣть радость Карпенка, когда онъ увидѣлъ своихъ Русскихъ!

«Карпенко перевезли въ нашъ походный Лыхинскій лазаретъ, начали лѣчить, подкармливать, Очень осторожно обращались наши медики съ бѣднягой и успѣли возвратить къ жизни страдальца. Теперь онъ поправляется,» лежитъ въ Крымскомъ госпиталѣ и весьма охотно удовлетворяетъ любопытству посѣтителей, всегда прибавляя, что лежа послѣдніе дни въ саклѣ не чаялъ уже видѣть свѣту Божьяго, и что теперь онъ все равно, что вновь на свѣтъ народился»...

Русская смѣлость при рѣшеніи затруднительной задачи. *)

25-го іюня корнетъ Кіевскаго гусарскаго полка Плѣшковъ и поручикъ Коробчевскій—изъ летучаго отряда герцога Лейхтенбергскаго,—съ двумя взводами гусаръ, были отправлены по двумъ направленіямъ въ Севліево для порчи телеграфныхъ линій и для развѣдокъ о числѣ турецкихъ войскъ.

Корнетъ Плѣшковъ шелъ по очень трудной горной дорогѣ и потерялъ 6 лошадей, издохшихъ отъ истощенія; однако, ему удалось придти раньше Коробчевскаго; подъѣхавъ къ Севліеву, онъ послалъ узнать нѣтъ ли турокъ; отвѣтили, что есть и очень много. Плѣшковъ рѣшилъ все-таки идти впередъ. Подъѣзжаютъ гусары къ телеграфной станціи,—около нея стоятъ 100 вооруженныхъ турецкихъ жандармовъ, но стоятъ покойно и ни одного выстрѣла. Подходитъ турокъ, говорящій по-русски; Плѣшковъ требуетъ сдачи оружія. Улица была наполнена болгарами, которые кричали «живіо!» нашему Государю и Великому Князю Николаю Николаевичу, и подносили цвѣты солдатамъ. Жандармы

*) Русс. Вѣд. 1877 г. № 181.

кладутъ оружіе и позволяютъ Плѣшкову пройти на станцію, взять оттуда два аппарата и книгу телеграммъ и присоединиться къ гусарамъ. Тутъ, однако, Плѣшковъ сталъ замѣчать, что турки догадываются о ихъ малочисленности, и приказалъ прибавить шагу, ибо жандармы, по всей вѣроятности предполагавшіе сначала въ гусарахъ Плѣшкова авангардъ сильнаго отряда, поняли свою ошибку и стали волноваться; но въ это время прибылъ отрядъ Коробчевскаго, который и разставилъ быстро цѣпь, чтобы обмануть турокъ насчетъ численности отряда. Маневръ удался и наши благополучно увезли аппараты въ штабъ отряда.

Ложное понятіе турокъ о силѣ русскихъ. *)

Мы застали плѣнныхъ помѣщенными въ чистой и просторной комнатѣ; они сидѣли по-турецки на полу, скрестивъ ноги. Числомъ ихъ было до тридцати человѣкъ, принадлежащихъ по большей части къ низаму. Оборванные и худые, плѣнные турки, повидимому, нисколько не тяготились своею участью; напротивъ, они казались даже довольными, получая хорошую пищу и находясь въ чистомъ и удобномъ помѣщеніи. Между ними одинъ только баши-бузукъ, съ непріятнымъ, озлобленнымъ выраженіемъ лица, старый и подслѣповатый, зарычалъ навстрѣчу намъ какія-то непристойныя ругательства изъ своего угла; но онъ тотчасъ же былъ остановленъ другими плѣнными, крикнувшими ему, указывая на Мокѣева: «Не видишь развѣ что это паша!» Г. Мокѣевъ предложилъ плѣннымъ нѣсколько общихъ вопросовъ и между прочимъ спросилъ ихъ: «Считали ли они себя сильнѣе Русскихъ?»—«О, конечно!» отвѣтили на это нѣсколько голосовъ,—«иначе мы не стали бы драться съ Русскими. Наши начальники говорили намъ что побѣдить Русскихъ ничего не стоитъ.»

«Мацкевичъ живъ!»

Милостивыя отношенія Государя Императора къ гвардейцамъ.

«Такъ какъ составъ гвардейской пѣхотной роты былъ слишкомъ великъ, болѣе 300 человѣкъ, то, передъ переправою через Дунай Государь Императоръ, раздѣливъ роту пополамъ, приказалъ принять участіе въ переправѣ первой полуротѣ, которою командовалъ тогда старшій въ ротѣ офицеръ, капитанъ прусскаго полка, третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, Мацкевичъ 2-й; вторая же полурота, съ ротнымъ командиромъ, оставалась при Его Величествѣ, для занятія карауловъ. На другой же день по возвращеніи отряда, Его Величество изволилъ собственноручно раздавать награды наиболѣе отличившимся и милостиво пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ обѣденному столу. Государь Императоръ, благодаря офицеровъ, подалъ каждому руку и сказалъ по нѣсколько милостивыхъ

*) Моск. Вѣд. № 169, 1877 г.

словъ. Особенно хорошо помнитъ Его Величество капитана Николая Мацкевича, и вотъ почему: когда Озеровъ былъ раненъ, Государю Императору телеграфировали, что командиръ гвардейской роты раненъ; принимая, вѣроятно, Озерова за командира роты, Его Величество немедленно освѣдомился, кто командиръ роты, и графъ Штакельбергъ, познакомившійся съ командиромъ Мацкевичемъ, еще въ Плоэшти, назвалъ его Госюдарю. Каково же было удивленіе Государя Императора, когда, по пріѣздѣ въ Систово, Его Величество встрѣтилъ капитана Мацкевича здравымъ и невредимымъ, хотя и отличившимся при переправѣ! Съ тѣхъ поръ Государь Императоръ всѣмъ разсказываетъ, какъ Онъ радъ, что Мацкевичъ живъ, прибавляя, что, получивъ телеграмму, Онъ оплакивалъ уже его».

«Государь Императоръ, какъ и всегда, былъ милостивъ и внимателенъ къ сводному гвардейскому отряду, которому приходилось почти ежедневно видѣть по нѣскольку разъ Его Величество. Государь каждый день находилъ какой-нибудь предметъ для разговора съ чинами отряда; всякое утро Его Величество приходилъ на бивуакъ отряда, разговаривалъ съ нижними чинами, а офицерамъ сообщалъ наиболѣе интересныя изъ полученныхъ телеграммъ.»

Письмо Сестры Милосердія.

(Изъ Габрова. *)

«Выступивъ изъ Тырнова, доѣхали мы по прелестной дорогѣ до Дранова; это небольшой городокъ, гдѣ стоялъ нашъ Брянскій полкъ. Болгары окружили насъ со всѣхъ сторонъ и стали звать къ себѣ въ дома остановиться; мы и отправились въ одинъ домъ. Надо было видѣть ихъ радушіе: всѣ, старые и малые, вышли навстрѣчу, не знали куда посадить, какъ угостить насъ, разостлали по полу ковры, принесли сливъ, молока; женщины по улицамъ, когда мы проходили, подходили къ намъ и подавали руку. Вечеромъ меня удивилъ церковный звонъ. Спрашиваемъ—отвѣчаютъ, что проходитъ Брянскій полкъ, подъ прикрытіемъ котораго мы должны идти.

«Вотъ показались солдатики наши; толпы выступали, солдаты наши снимали шапки, крестились, проходя мимо колокола, женщины и даже мужчины болгары подносили цвѣты нашимъ офицерамъ. Было что-то торжественное въ этомъ звонѣ—нельзя было слушать его безъ слезъ.

«При выѣздѣ хозяева поднесли намъ букеты. По городу мы шли пѣшкомъ и за нами слѣдовала цѣлая толпа: мы вѣдь первыя сестры, которыхъ они видятъ. Одна старушка очень меня тронула—задыхаясь, подбѣжала съ цвѣтами въ рукахъ, отдаетъ ихъ мнѣ и говоритъ: «такая млада,» беретъ за голову, цѣлуетъ и креститъ... Такія минуты не забываются.

«На другой день къ вечеру пріѣхали мы въ Габрово. Я отправилась вмѣстѣ со всѣми другими въ госпиталь, гдѣ лежало 125 больныхъ и 60 раненыхъ,

---

*) Въ 1877 году напечатано было въ „Вѣстникѣ Народной помощи“ отъ 12 іюня.

изъ нихъ два турка. Узнавши о нашемъ пріѣздѣ, тотчасъ пришли монахини изъ женскаго монастыря возлѣ больницы и стали предлагать помѣщеніе. У нихъ мы пристроились отлично. У насъ довольно большая комната, очень чистенькая; передъ нами чистая, красивая церковь съ посеребреннымъ куполомъ, который представляетъ волшебный видъ вечеромъ при лунномъ свѣтѣ. Тутъ же садъ, довольно большой, съ красивыми деревьями...

Госпиталь въ болгарскомъ монастырѣ.

(Выдержка изъ письма Сестры Милосердія).

Я тотчасъ пошла къ игуменьѣ, доброй, славной старушкѣ, стала съ нею объясняться знаками; наконецъ оказалось, что мать казначея ихъ говоритъ по-русски, такъ какъ полгода жила въ Кіевѣ и она служила намъ переводчикомъ. Стали онѣ разсказывать всѣ турецкіе ужасы и наконецъ говоритъ она мнѣ: «вотъ Спаситель Небесный приходитъ спясать весь міръ, а Императоръ Александръ, нашъ спаситель земной—пришелъ спасать отъ турокъ». На другой день было воскресенье и мы пошли въ церковь; священникъ служилъ хорошо, но пѣніе у нихъ непріятное, протяжный греческій напѣвъ какъ-то въ носъ. Молятся объ Императорѣ Александрѣ и за весь Царскій Домъ. Отправились въ госпиталь, и вотъ въ первый разъ привелось послужить настоящимъ образомъ святому дѣлу. Дѣла страшно много. Раненыхъ привезли еще ночью, такъ что было около 200 человѣкъ. Началась перевязка, потомъ раздѣлили больныхъ и на мою долю выпала комната съ 15 ранеными турками. Вечеромъ опять привезли 80 раненыхъ; опять надо было перевязывать и укладывать, и такъ провели мы пять дней, ни на минуту не было отдыха. Болгары были такіе добрые для больныхъ, нанесли своихъ подушекъ, рубашекъ, бѣлья, чаю, табаку, молока. Вчера, когда я перевязывала турка, подошелъ болгарскій священникъ и говоритъ: «Вы слишкомъ добры; зачѣмъ такъ ходите за ними?—пусть умираютъ какъ сабаки»; я стала его усовѣщивать и говорить: «батюшка, не вамъ такъ говорить; и что велѣлъ Спаситель?» Онъ немного сконфузился и отвѣчаетъ: «такъ-то конечно, но когда столько времени страдаешь отъ нихъ, когда жены, дѣти наши ими перерѣзаны, поневолѣ возненавидишь ихъ!»

«Да тутъ у насъ лежитъ одна несчастная женщина, чуть живая; спаслась одна изъ 400 перерѣзанныхъ турками недалеко отсюда, въ то время, какъ она въ полѣ жала. Несчастный народъ!

«Всѣ говорятъ, что здѣсь опасно; пошелъ слухъ, что турки, бѣжавшіе изъ Никополя, тутъ недалеко. Сегодня ночью у насъ была тревога, къ счастію, напрасная. Только-что мы собрались ложиться спать, вдругъ слышится страшный собачій лай, потомъ раздаются страшные крики, точно кого-то рѣжутъ, все громче. Дверь отворяется, вбѣгаетъ монахиня вся въ слезахъ, дрожа отъ страху и кричитъ: «турки, сестры, турки; что намъ дѣлать? будите доктора!» Минута была ужасная—все переполошилось, болгары высыпали, какъ мухи, на

улицу, съ ружьями и пистолетами. Къ счастію, оказалось черезъ минуту, что тревога была фальшивая, и весь крикъ поднялся отъ ссоры двухъ кучеровъ.»

Неумѣстная сантиментальность дамъ въ обращеніи съ турками *).

«Мы только-что проводили плѣнныхъ турокъ. Вечеромъ, 30-го мая, народъ валилъ толпами по улицамъ нашего города. «Куда это вы стремитесь?» спрашиваю знакомаго.—Турокъ, говоритъ, привезли. «Гдѣ жь они?»—Въ лѣтнемъ госпиталѣ.—«Раненые, что ли?»—Нѣтъ, не раненые, да тамъ помѣщеніе, знаете ли, посвободнѣе...—«Пойду, говорю, и я посмотрѣть, что тамъ за турки такіе...» Прихожу къ госпиталю. У воротъ—толпа любопытныхъ. Въ окнахъ мелькаетъ нѣсколько темныхъ загорѣлыхъ физіономій. Прохожу дальше. Посреди госпитальнаго двора, у бараковъ, въ которымъ расположились плѣнники, новыя кучки представителей и милыхъ представительницъ всѣхъ классовъ нашего городскаго общества... Барыни, барышни, въ числѣ ихъ—даже классныя дамы института, наперерывъ, одна передъ другою, старались поговорить съ турками, если не словами, такъ знаками. Тутъ же толкался и нѣкій Мустафа, мѣстный продавецъ фруктовъ, временно промѣнявшій свое ремесло на роль переводчика. До турокъ протѣсниться было трудно. Всѣхъ ихъ было человѣкъ 90 и, въ томъ числѣ, 9 или 10 офицеровъ,—толпа разнохарактерная въ высшей степени; тутъ были и очень рослыя и очень низенькія фигурки свирѣпыя, и кроткія лица, и представители восточнаго типа, и физіономіи скорѣе европейскаго, нежели азіатскаго покроя и т. д.,—но всѣ были одинаково вѣжливы съ посѣтителями. Казалось, плѣнники нисколько не удивлялись тому, что публика ихъ, въ полномъ смыслѣ слова, разсматривала... Черезъ Мустафу они не разъ заявляли, что имъ очень нравится Новочеркаскъ и его жители, въ особенности же—дамы, какихъ «и въ Турціи не встрѣтишь.» Плѣнники сдѣлались героями дня; о нихъ только у насъ и было рѣчи,—многіе приглашали ихъ даже къ себѣ обѣдать (разумѣется по группамъ), причемъ турки совершенно забывали запрещеніе Мохамеда относительно вина. Въ теченіе трехъ дней, они расхаживали у насъ по улицамъ, по городскому саду, словомъ—вездѣ, гдѣ имъ нравилось, подъ прикрытіемъ легкаго конвоя: примѣрно, на 10 человѣкъ—два или три казака. Пожили три денька, пора и ѣхать,—и было слышно: «пойдемте провожать турокъ?» На проводы явилось, дѣйствительно, множество народа. Начались прощанія: знаками, рукопожатіями,—появились даже букеты. Кому-то это не понравилось... «Чортъ знаетъ, что такое: и добровольцамъ букеты бросали, и туркамъ теперь бросаютъ!?» Кто-то заикнулся о полиціи—и букеты исчезли... Вышла пресмѣшная сцена: встрѣтивъ и угостивъ плѣнныхъ дружелюбно,—какъ и подобаетъ цивилизованнымъ побѣдителямъ,—мы проводили ихъ громкимъ смѣхомъ. Впрочемъ,

*) Коррресп. изъ Новочеркасска въ Спб. Вѣд. 1877 г.

этотъ невольный смѣхъ относился, разумѣется, не столько къ плѣнникамъ сколько къ нашимъ, черезчуръ сантиментальнымъ, хотя въ то же время и очень трусливымъ дамамъ, которыя вздумали было бросать цвѣты къ ногамъ побѣжденныхъ... благо цвѣтовъ у насъ теперь много!»

Хотя чувство состраданія должно быть въ крови каждаго христіанина, и особенно привилось оно къ сердцу русскаго; притомъ же наша русская женщина расположена къ состраданію иногда до болѣзненности. Но изъ этого не слѣдуетъ однакоже заключать, что тоже чувство состраданія къ несчастному человѣчеству, побудило къ тому, что непремѣнно нужно было кидать букеты побѣжденнымъ туркамъ, какъ въ театрѣ даровитымъ артистомъ за отличное исполненіе своей роли. Если плѣнный или раненый турокъ, какъ жертва политическаго раздора воюющихъ государствъ, несчастенъ, то не менѣе того, а еще болѣе того, были несчастны наши раненые и плѣнные въ рукахъ турокъ и какъ извѣстно турчанки некидали букетовъ, нашимъ. Если во имя Спасителя нужно оказывать свое незлобіе врагамъ нашимъ, то не въ такой формѣ, а въ болѣе строгой христіанской, согласной съ правилами нашей религіи.

Горячее дѣло Ингурскаго отряда

(у Очумчиръ въ Азіи). *)

Высадка турецкихъ войскъ у Очемчиръ и Сухума.—Аттака Илорскаго и Паквешскаго отрядовъ.—Безвредное дѣйствіе турецкихъ броненосцевъ.

«Дѣйствіе нашего Ингурскаго отряда за іюнь, ознаменованное цѣлымъ рядомъ удачныхъ для насъ дѣлъ, именно 2-го и 9-го іюня, навело на возставшихъ ахбазцевъ сильное уныніе. Депутаціи отъ жителей очень часто стали появляться въ лагерѣ, выражая желаніе сложить оружіе и получить прощеніе; но съ другой стороны, будучи увлекаемы личностями, ненадѣявшимися загладить свои вины, сильно хлопотали у турецкаго правительства, помочь имъ въ борьбѣ съ Русскими; въ противномъ случаѣ угрожали поголовно сложить оружіе и опять признать надъ собою законную власть. Подобное заявленіе ахбазцевъ вынудило турокъ высадить дессантъ, 13-го іюня, въ мѣстечкахъ Очемчирахъ и Сухумѣ, въ числѣ 8,000 человѣкъ регулярнаго войска, состоящаго изъ турокъ и арабовъ. Въ виду этого, начальникомъ отряда, генералъ Алхазовымъ, было сдѣлано распоряженіе объ укрѣпленіи паквешскаго лагеря, гдѣ мы ожидали гостей. Между тѣмъ, 14-го іюня, лазутчиками было дано знать, что непріятель не намѣренъ напасть на паквешскій лагерь, какъ предполагалось прежде, а сосредоточивается у Очемчира. Движеніе это дало благую мысль генералу Алхазову аттаковать непріятеля въ его лагерѣ, разбить и отбросить его въ море.

«14-го же іюня, въ полдень, въ Паквешскомъ лагерѣ было сильное движеніе;

*) Газета „Голосъ" Корресп. изъ лагеря въ Паквети.

войска получили сухари на двое сутокъ и, складывая свои тяжелые ранцы въ кучи, налегкѣ строились въ ряды. Къ двумъ часамъ пополудни, колонна, состоящая изъ перваго баталіона Ахалцихскаго полка, двухъ сотенъ пѣшей дружины, двухъ горныхъ орудій, трехъ сотенъ казаковъ и всадниковъ, во главѣ начальника кавалеріи князя Шервашидзе, двинулась внизъ по теченію рѣки Гализги, совершивъ благополучно чрезъ нее переправу. Къ вечеру же, соединившись съ стрѣлковымъ баталіономъ Ахалцихскаго же полка, шедшимъ къ ней на встрѣчу изъ мѣстечка Илори, колонна расположилась на ночлегъ на берегу той же рѣки Гализги, въ ожиданіи разсвѣта. Съ этой минуты мы уже находились на непріятельской сторонѣ.

«Аттака непріятеля должна была совершиться въ слѣдующемъ порядкѣ: предполагалось съ разсвѣтомъ, 15-го іюня, начать наступленіе на Очемчиры Илорскому отряду; Паквешскому же обойти въ тылъ непріятеля.

«На разсвѣтѣ, Паквешскій отрядъ двинулся въ походъ и, пройдя съ огромными неудобствами верстъ десять, услышалъ невдалекѣ пушечные выстрѣлы, ружейные залпы и едва слышную рѣдкую ружейную перестрѣлку. Это наступалъ на непріятеля нашъ Илорскій отрядъ, состоящій изъ двухъ батальоновъ Кубанскаго полка, казачей артиллеріи и кавалеріи. Приказано было прибавить шагу, и отрядъ, почти бѣгомъ, преодолѣвая на пути всѣ препятствія, къ шести часамъ утра сталъ на дорогѣ, осыпаемой непріятельскими пулями. Раздалась команда всѣми любимаго командира перваго батальона Ахалцихскаго полка, князя Нижерадзе, и немедленно 1-я, затѣмъ 2-я, 3-я и 4-я роты, направо и налѣво, были разсыпаны въ цѣпь, которая, поощряемая своими командирами, немедленно открыла страшную ружейную пальбу. Несмотря на то, что поле битвы было усѣяно громадными дубами и почти непроходимымъ папоротникомъ, за которымъ скрывался непріятель, цѣпь наша, подъ страшнымъ градомъ пуль, быстро гнала непріятеля и при первомъ сопротивленіи его въ ложементахъ, охотно бросилась въ рукопашную, выбивала его штыками, смѣло подвигалась впередъ. Князь Нижерадзе скакалъ на своемъ ворономъ конѣ, ободряя людей своимъ присутствіемъ и ласковымъ словомъ. Артиллерія наша, выбравъ себѣ позицію, мѣткими выстрѣлами, въ свою очередь, сильно поражала непріятеля.

«Ужасный бой длился уже часовъ шесть, когда непріятель, тѣснимый съ трехъ сторонъ нашими войсками, получилъ изъ Сухума подкрѣпленіе, и битва сдѣлалась еще ужаснѣе. Два броненосца и два парохода, подъ выстрѣлами которыхъ мы дрались, осыпали насъ, какъ градомъ, своими смертоносными снарядами. Къ счастью нашему, снаряды эти, пролетая надъ нашими головами съ зловѣщимъ шумомъ, не причиняли намъ рѣшительно никакого вреда; они большею частью даже не разрывались, и невольно вызывали въ храбрыхъ бойцахъ или смѣхъ, или какую-нибудь шуточку. Отрядъ совершенно вѣрилъ въ свою непобѣдимость и все дружнѣе и дружнѣе наступалъ на непріятеля. Жертвы со стороны непріятеля ложились такъ густо, что рѣшительно приходилось ходить по трупамъ. А бой все кипѣлъ, не смолкая ни на минуту.

«Къ одиннадцати часамъ пополуночи, была получена записка отъ генерала Ал-

хазова слѣдующаго содержанія: «Непріятель всѣми силами напираетъ на меня. Держитесь; къ вамъ идутъ на помощь два батальона; наступайте; сбросимъ непріятеля въ море». Эти немногія слова ободряли воиновъ, и бой закипѣлъ съ новою силою. Къ часу пополудни, дѣйствительно, пришелъ къ намъ изъ Пакверскаго лагеря еще одинъ батальонъ Ахалцыхскаго полка и два горныя орудія, имѣя во главѣ своего ближайшаго начальника, героя не одной кровавой битвы, полковника Шидловскаго. Немедленно сдѣлавъ распоряженіе, онъ самъ лично повелъ своихъ солдатъ въ бой, несмотря на полученную имъ контузію въ ногу. Къ вечеру, непріятель, потерявъ Очемчиры и лагерь, безпорядочною массою толпился на берегу моря, въ надеждѣ, что броненосцы сжалятся надъ ними и возьмутъ къ себѣ на палубу; но вышло противное: одинъ изъ броненосцевъ далъ залпъ сначала въ свою пѣхоту, а потомъ и въ кавалерію, предлагая тѣмъ двигаться впередъ. Къ сожалѣнію, наступившая ночь помѣшала намъ окончательно уничтожить разбитаго непріятеля. Считая невыгоднымъ оставаться въ Очемчирахъ подъ выстрѣлами броненосцевъ, отряды наши, похоронивъ своихъ убитыхъ и подобравъ раненыхъ, измученные большимъ переходомъ и 16-ти часовымъ боемъ, уничтоживъ непріятельскій лагерь и часть добычи, въ ту же ночь возвратились по своимъ мѣстамъ въ лагери.

«Въ этой горячей битвѣ, раненыхъ и убитыхъ у насъ изъ строя было около 200 человѣкъ.

«По наведеннымъ справкамъ оказалось, что отрядъ нашъ, Очемчирскій и Пакверскій, состоящій всего изъ 3,500 чел., боролся съ непріятелемъ, у котораго было регулярныхъ войскъ около десяти тысячъ и абхазской орды до девяти тысячъ, не считая двухъ броненосцевъ и двухъ пароходовъ, мечтавшихъ истребить насъ поголовно.»

—

Оригинальный мальчикъ. *) «Между солдатами одного изъ саперныхъ батальоновъ дѣйствующей арміи находился нѣкій Крамары, у котораго въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, осталась жена и 11-лѣтній сынъ Лукьянъ. Вскорѣ послѣ мобилизаціи жена умерла, и Лукьянъ, оставшись одинъ, пустился въ Бессарабію отыскивать своего отца. Покуда онъ, переходя отъ одной части войскъ въ другую, дошелъ до отдаленныхъ деревень Бессарабіи, саперные батальоны уже перешли границу, Лукьянъ, не задумавшись, пошелъ въ Румынію; его тайкомъ перевезли черезъ границу казаки. Но на бѣду, мальчуганъ не зналъ номера батальона, въ которомъ служитъ его отецъ, да къ тому же саперные батальоны рѣдко оставались въ сборѣ, а были постоянно разбросаны частями по всей Румыніи. Подвигаясь понемногу впередъ, Лукьянъ, чуть не въ день переправы, пришелъ на Дунай и былъ приведенъ какимъ-то казакомъ въ 7-й саперный батальонъ, гдѣ офицеры приняли въ немъ самое горячее участіе и пріютили до передачи въ 6-й батальонъ. Вмѣстѣ съ батальономъ мальчикъ перешелъ Дунай. Въ это время онъ сдѣлался уже извѣстнымъ въ войскѣ. Государь Императоръ замѣтилъ его на переправѣ, разспросилъ и подарилъ ему рубль. Въ Пав-

*) Корреспонд. „Новаго Времени“ 1877 г.

ло, Лукьянъ перешелъ также съ батальономъ, судьба его устроилась, кажется, окончательно и какъ нельзя лучше. Его Высочество Государь Наслѣдникъ, объѣзжая лагерь, замѣтилъ Лукьяна и, узнавъ его исторію, подозвалъ къ себѣ, ласково разспросилъ и взялъ къ себѣ въ Павло на квартиру для услугъ. Въ то время порученъ уходъ за осленкомъ, купленнымъ Государемъ Наслѣдникомъ вмѣстѣ съ обязанностью привозить воду къ столу. Верхомъ на этомъ ослѣ, вполнѣ счастливый, Лукьянъ пріѣхалъ проститься съ офицерами, пріютившими его. Бойкій, не глупый мальчикъ былъ въ восторгѣ; онъ уже мечтаетъ о гимназіи въ Петербургѣ.

—

Ловкость казаковъ, шутка драгуна. 12-й донской полкъ, раздосадовавъ на увертливость черкесовъ, которые никакъ не подъѣзжали близко къ нему, сталъ ловить ихъ на слѣдующую штуку. То одинъ, то другой казакъ падаетъ съ лошади точно раненый и остается въ полѣ, тогда-какъ остальные казаки медленно отъѣзжаютъ. Только что черкесы начинали подскакивать, чтобы захватить жертву еще живою—развертывается фронтъ и «орду» были на выборъ. Турецкая цѣпь особенно стрѣляла по гусарамъ. Ставятъ въ цѣпь драгунъ.

— Смотри въ оба. Вчера опять убили гусара здѣсь.

— Въ насъ, ваше благородіе, не будутъ.

— Почему это?

— Гусары имъ надобны... Они съ нихъ штаны себѣ на фески снимаютъ.

—

Безъ злобы ко врагу. На одной телѣгѣ везли въ лазаретъ раненыхъ: русскаго унтеръ-офицера и турецкаго низама. Ѣхали они обнявшись, чтобы взаимно поддерживать другъ друга при тряскѣ на скверной дорогѣ. Полковникъ Немиро далъ унтеръ-офицеру сигару. Затянулся унтеръ-офицеръ—передалъ низаму, тотъ затянулся и, въ свою очередь, передалъ русскому, и такъ до тѣхъ поръ, пока отъ сигары не остался крохотный окурокъ.

Что такое зейбеки и черкесы.

Новые защитники ислама—зейбеки и черкесы, какъ покупатели, какъ промышленники, какъ карманныхъ дѣлъ мастера и какъ шутники *).

Если съ именемъ «баши-бузукъ» соединено понятіе о звѣрствѣ, разбоѣ, жестокости, развратѣ, такъ, что самое слово служитъ синонимомъ жестокаго негодяя, то нельзя сказать, чтобы турецкіе черкесы и зейбеки къ славѣ турецкаго войска чѣмъ уступали первымъ, если только не превосходятъ баши-бузуковъ, и не только на войнѣ, но даже въ самомъ Константинополѣ допускаютъ себѣ такія вольности, что за подобное отсутствіе дисциплины постыдилась бы любая нація, еслибы что подобное происходило въ другой европейской странѣ.

*) Заимст. Совр. Вѣд. № 188, 1877 г.

Въ Константинополѣ сильные жары заставили закрыться одинъ кафе, Альказаръ; другой же—Фламмъ—закрылся въ слѣдствіе иной причины, заключавшейся въ слѣдующемъ: кафе это посѣщалось съ нѣкотораго времени многочисленною толпой зейбековъ и черкесовъ. Ихъ мундиры, спокойствіе, выраженіе нѣмаго удивленія, количество потребляемыхъ напитковъ, не оставляли желать ничего лучшаго; но этимъ молодцамъ недостаетъ одного качества для того, чтобы быть дѣйствительно примѣрными потребителями, а именно: умѣнья платить за то, что съѣдается и выпивается ими.

Корреспондентъ газеты *Temps* далъ ближайшее описаніе этимъ «молодцамъ», какъ называетъ ихъ корреспондентъ *Moniteur*'а. Савфетъ-паша, говоритъ онъ, обратился къ представителямъ султана за границей съ протестомъ на ноту Когальничано къ представителямъ державъ въ Бухарестѣ, въ которой румынскій министръ, среди прочаго, утверждаетъ, что черкесы и волонтеры убиваютъ пастуховъ, женщинъ и дѣтей. Вопросъ этотъ не подлежитъ нашему обсужденію, такъ какъ мы не въ состояніи провѣрить достовѣрность сообщаемыхъ Когальничано извѣстій, точно также какъ и основательность негодующаго протеста Савфетъ-паша. Однако происходящее передъ нашими глазами даетъ намъ право оцѣнки поведенія черкесовъ, зейбековъ и баши-бузуковъ. Эти «промышленники» до сихъ поръ еще наводняютъ Константинополь. Турецкіе кварталы не имѣютъ причины жаловаться на нихъ; но этого нельзя сказать о кварталахъ христіанскихъ. Ихъ поведеніе относительно жителей Перы и Галаты не совсѣмъ похвально. Благодаря тому, что жалованье ихъ сильно отзывается скудостью турецкой казны, они сами изобрѣли себѣ весьма простой способъ экипировки и продовольствія. Понадобятся ли черкесу сапоги,—онъ входитъ къ сапожнику и послѣ тщательнаго осмотра выбираетъ двѣ пары крѣпкой красивой обуви. Когда же наступаетъ минута платить деньги (а она всегда замедляется долгими просьбами о сбавкѣ цѣны и различнаго рода сомнѣніями и колебаніями человѣка, жалѣющаго свои деньги), онъ отворяетъ двери и уходитъ. Его встрѣчаетъ на улицѣ толпа собратовъ для защиты отъ упрековъ несчастнаго купца. Полиція остерегается вмѣшиваться въ подобнаго рода дѣла, и купецъ долженъ философски покориться постигшей его участи. Иногда поджидающіе сидятъ на лошадяхъ; похититель, какъ бы желая показать свою покупку, подходитъ къ одному изъ нихъ, садится на крупъ лошади и мчится далѣе съ своимъ товарищемъ. Подобные же пріемы употребляются ими и въ другихъ магазинахъ. Они завладѣваютъ нравящимися имъ лошадьми съ безцеремонностью, свидѣтельствующей о крайне слабомъ пониманіи принциповъ частной собственности. Потребляемое въ большомъ количествѣ въ Константинополѣ молоко привозится въ городъ на лошадяхъ; черкесы овладѣваютъ молокомъ вмѣстѣ съ лошадьми, такъ что цѣна на молоко значительно повышается въ нѣкоторые дни. Средствомъ сообщенія служатъ здѣсь лошади, нанимаемыя по часамъ у особыхъ предпринимателей, называемыхъ бей-черджисами. Они слѣдуютъ пѣшкомъ за своими лошадьми и обладаютъ стальными мускулами; за то черкесы—прекрасные наѣздники. Многіе изъ нихъ, имѣвшіе неосторожность ссудить черкесовъ лошадьми, должны были

навсегда распроститься съ ними. Какъ то разъ, утромъ, изъ Стамбула возвращался верхомъ какой-то докторъ. Переѣзжая черезъ мостъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то снимаетъ его съ сѣдла. То были черкасы, схватившіе и положившіе его на землю. Онъ не успѣлъ еще опомниться отъ удивленія, какъ похитители исчезли вмѣстѣ съ лошадью въ облакахъ пыли. «Сыны Кавказа» не брезгаютъ также воровствомъ и весьма ловко вытаскиваютъ часы или обрѣзываютъ цѣпочки у проходящихъ. Иногда же они совершаютъ эти операціи сидя на лошади. Наѣздникъ ускоряетъ ея шагъ и, проѣзжая мимо прохожаго, «срываетъ» какъ цвѣтокъ его часы, съ ловкостью, превосходящей всѣ штуки уличныхъ фокусниковъ.

Зейбеки — народъ менѣе практичный. Они пускаютъ въ ходъ свои ятаганы, обнажая ихъ среди бѣлаго дня и угрожая ими толпѣ. Это невинная шутка, какъ говорило мнѣ одно чиновное турецкое лицо. Во всякомъ случаѣ она обладаетъ мрачнымъ характеромъ, въ особенности же когда относится—какъ это случилось разъ—къ маленькой дѣвочкѣ, которой зейбекъ угрожалъ своимъ ятаганомъ на улицѣ Перы, при восторженныхъ, одобрительныхъ восклицаніяхъ присутствовавшихъ товарищей. Нечего говорить даже о тѣхъ, которые совершали процессіи на улицахъ христіанскихъ кварталовъ съ обнаженными ятаганами и громогласно осыпали христіанскую религію всевозможными площадными ругательствами. Корреспонд. видѣлъ подобнаго рода шествіе мимо англійскаго посольства, и г. Лейярдъ, ставъ у окошка, могъ также насладиться подобнымъ зрѣлищемъ. Въ гостинницахъ и кафе черкесы и зейбеки считаютъ своею обязанностью не платить ни копѣйки. Ихъ ежедневные подвиги не предвѣщали ничего хорошаго въ случаѣ военной неудачи Турціи.

Неудача участія поляковъ.

(Въ дѣлѣ защиты интересовъ Турціи.)

Горсть польскихъ выходцевъ и бѣглецовъ, преслѣдуемыхъ, какъ политическіе преступники, нашли возможность, въ разное время конечно, убраться за границу и подъ покровительствомъ разныхъ державъ не переставали разработывать враждебныя къ Россіи замыслы.

Во время войны съ Турціей поляки-инсургенты нашли весьма удобнымъ излить накипѣвшую желчь на Россію и пристроиться въ ряды турецкихъ войскъ, образовавъ собственный польскій легіонъ.

Чудаки однако забыли въ пылу фантазіи, что турки, если и готовы принять каждаго, кто желалъ бы имъ помогать въ войнѣ съ Россіей, но кормить, одѣвать и содержать—не ихъ дѣло. Хочешь защищать меня—защищай, если убѣжденъ, что мое дѣло правое, ну, а кормить гяура—не мое дѣло, а у поляковъ грошей—«нема» и вотъ—польскій легіонъ въ Турціи дождался печальнаго конца. Исторію его разсказываетъ такъ корреспондентъ краковскаго *Часа*. Артуръ-Бей, иначе Циммерманъ, бѣжавшій въ турецкую армію отъ судебнаго преслѣдо-

ванія и Лязіекки, принявшій скромно чинъ подполковника, собрали всего двадцать три человѣка офицеровъ и солдатъ для этого легіона. Видя полную неудачу, сераскиръ рѣшился избавиться отъ этихъ, хотя и званныхъ, но стѣснительныхъ гостей, и притомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Онъ велѣлъ имъ передать черезъ полковника, начальника казармы, въ которой помѣщался легіонъ, что порцій имъ болѣе не станутъ выдавать. Легіонеры протестовали; полковникъ отослалъ ихъ къ сераскиру. Они отправились; но сераскиръ, заставивъ ихъ постоять въ передней нѣсколько часовъ, объявилъ, что не знаетъ ихъ и знать не хочетъ, и чтобы они уходили куда знаютъ. Кромѣ того онъ посовѣтовалъ имъ поскорѣе сложить свои мундиры; иначе трудъ этотъ возьметъ на себя полиція.

На другой день сераскиръ призвалъ къ себѣ одного изъ офицеровъ легіона Иваникки, и спросилъ, кто позволилъ ему и его товарищамъ формировать польскій легіонъ. Но этотъ же самый вопросъ предложенъ былъ Иваникки наканунѣ однимъ турецкимъ чиновникомъ военнаго министерства. Въ отвѣтъ офицеръ показалъ приказъ, написанный сераскиромъ. Документъ этотъ чиновникъ преспокойно положилъ въ карманъ. Слѣдовательно у Иваникки не было никакого доказательства въ рукахъ. Попытка у Дамата-паши осталась тоже безуспѣшною. Пришлось легіонерамъ убираться изъ казармы, оставивъ въ ней свои мундиры, которыми снабдило ихъ турецкое правительство.

Циммерманъ и Лязіекки пропали безслѣдно. Есть слухъ, будто первый изъ нихъ отправился къ Абдулъ-Кериму умолять его во имя польской крови, текущей въ его жилахъ, взять легіонъ подъ свое покровительство. Корреспондентъ *Часа* разсказываетъ еще, что сераскиръ возненавидѣлъ легіонъ по двумъ причинамъ: по внушенію германскаго посла и по малой готовности поляковъ увеличить легіонъ до цифры во 100,000 человѣкъ.

Басня Крылова «Синица» такъ и слышится.

Солдатскіе разсказы *).

Обманы турокъ.—Солдатъ-женщина.—О Никоновѣ.—Болгаринъ-плавецъ.—Ловкій маневръ солдатъ.

Солдаты съ любопытствомъ разсматривали въ бинокль турецкій берегъ, и открывали на немъ новыя для себя подробности.

— «Видите вотъ тамъ, среди горы—бѣлыя фигуры. Это статуи. Они думаютъ насъ обманывать; люди, молъ, живые... Да еще что дѣлаютъ? возьмутъ, да наклонятъ ихъ немного къ землѣ, точно, молъ, люди работаютъ, наклонившись, землю будто роютъ... Значитъ, хочетъ, чтобъ мы стрѣляли въ него, а мы—понимаемъ. Войска-то у него много ушло отсюда; прежде было палатокъ видимо-невидимо, а какъ наши перешли Дунай, такъ они и пошли отсюда въ другія стороны, а чтобъ незамѣтно было, такъ палатокъ пустыхъ оставили, да эти статуи выставили...

*) Русскія Вѣд. № 177 1877 г.

— А вотъ смотрите направо... замѣтилъ другой—видите по надъ лѣскомъ наши пробираются? На развѣдку пошли, душъ 40 солдатовъ и казаковъ; только ихъ замѣтили съ горы и дали три выстрѣла—такъ они потянулись въ лѣсокъ и спрятались...

«Солдаты охотно дѣлились своими наблюденіями, и съ любопытствомъ слушали послѣднія новости о дѣлахъ, которыя мы имъ сообщали. Въ настоящую минуту, на зеленомъ острову, противъ самаго Рущука, есть уже наша линія ложементовъ и насыпь для двухъ орудій, которыя тамъ и поставлены. Турки пока еще не знаютъ объ этомъ.

«Между разными разсказами, особенное наше вниманіе обратилъ на себя разсказъ одного изъ нашихъ раненыхъ. «Иду, говоритъ, послѣ сраженія, штаны у меня совсѣмъ оборванные, просто совѣстно; вижу, лежитъ убитый турокъ. Думаю, дай сниму съ него штаны, да надѣну, все пока какъ-то лучше будетъ и предъ начальствомъ приличнѣе; вотъ взялъ, снялъ штаны, и что же, братцы вы думаете?—оказывается женщина.» Подобные случаи передавались ранеными, въ Яссахъ. Оказывалось что нѣсколько женщинъ, въ настоящемъ солдатскомъ костюмѣ, находились въ турецкихъ рядахъ; можетъ быть, ихъ и болѣе, чѣмъ предполагаютъ. Не составляло ли это одинъ изъ способовъ комплектованія турецкихъ армій въ прошлое критическое для нихъ время?

«Между прочимъ, разсказали намъ и о лейтенантѣ, который на пробковомъ или каучуковомъ снарядѣ переплылъ не такъ давно Дунай и забрался въ самую крѣпость Рущука, гдѣ высмотрѣлъ ихъ пороховые склады. Онъ отлично владѣетъ турецкимъ языкомъ, и не только прошелъ всѣ караулы, но еще и приказалъ перемѣнить пароль для пропуска, такъ что на прежній пароль не могли бы войдти и настоящіе начальники турокъ. *)

— А то вотъ еще случай, перебилъ другой: на дняхъ къ нашему берегу приплылъ молодой парень, лѣтъ 17-ти, болгаринъ, съ кривою ногою. Ну, его и задержали. Что ты за человѣкъ? Такъ и такъ, разсказалъ—у меня есть и отецъ, и мать, и братъ—всѣ работаютъ на турокъ; въ городѣ нѣтъ человѣка, чтобъ не работалъ теперь по ихъ приказу... Такъ я не хочу противъ своихъ, русскихъ, работать; я хочу воевать противъ турка. Я, говоритъ, все знаю, гдѣ и какъ что есть. Пріймите къ себѣ, помощи вамъ дамъ. Ну, представили начальству; разспросили. Точно, парень хорошій... его значитъ и взяли къ нашимъ. А пловецъ-то какой? безъ корки, безъ снаряда, какъ есть переплылъ...

— Въ той же газетѣ приводится слѣдующее письмо солдата изъ Систова отъ 18 іюня, въ которомъ онъ разсказываетъ о переправѣ черезъ Дунай:

«Мы плыли на первыхъ баркасахъ и насъ съ берега еще не заприметили. Когда мы уже высадились, то на горѣ, а берегъ идетъ въ гору и покрытъ виноградниками, показались турки. Насъ они не замѣтили и приняли подъѣзжающіе за нами баркасы за первые, но еще они едва виднѣлись въ темнотѣ. Офицеръ скомандовалъ намъ присѣсть и мы присѣли по колѣна въ грязь. По-

*) Вѣроятно упомянуто о г. Никоновѣ. См. стр. 212.

томъ берегъ поднимался круто, аршина на четыре. Вотъ, баркасы подплываютъ ближе и ближе: мы слышимъ взводимые курки турокъ; они прицѣливаются въ подплывающихъ... Тогда мы, какъ черти, изъ грязи вскакиваемъ и стрѣляемъ... Турки ошалѣли, не понимая, откуда это явились враги у нихъ подъ ногами и, разумѣется, имъ уже не до прицѣла, да и взбаломутились, куда стрѣлять: одни въ направленіи по намъ, другіе—въ баркасы.

«Мы, между тѣмъ, подсаживая другъ друга и хватаясь за ружье, влѣзали, карабкались на первый уступъ отъ воды, потомъ полѣзли, стрѣляя, а иногда и штыкомъ приходилось работать. Такъ мы взобрались наверхъ. Между тѣмъ, въ сторонѣ отъ насъ тащили уже орудіе, и оно какъ разъ пригодилось. На горѣ на насъ построился, примѣрно, батальонъ и начало доходить до штыковъ, какъ, вдругъ, загрохотала пушка въ самую часть... Послѣ втораго выстрѣла уже вся ихъ пѣхота смѣшалась и мы пошли на «ура» далѣе.

Простодушіе русскаго солдата. *)

При переправѣ у Галаца русскіе солдаты бережно вынесли съ миноносца раненыхъ турокъ и положили на пристани; ихъ было двое: молодые загорѣлые солдаты, одѣтые почти въ лохмотья; обувь стоптанная, изорванная, пальцы глядятъ, видъ самый нищенскій. Съ тупымъ равнодушіемъ, понуривъ головы на груди, сидѣли скорчившись несчастные; изрѣдка одинъ бросалъ взгляды, а на лицѣ другаго тяжело раненаго пробѣгали судороги боли... Ихъ обступили толпы народа, солдатъ, офицеровъ. Всѣ тѣснились къ нимъ и заглядывали съ любопытствомъ въ ихъ лица... Приступили къ распросамъ; одинъ отвѣчаетъ мычаньемъ, другой упорно молчитъ, опираясь руками о помостъ.

— Бѣдность братцы, голь, говорилъ одинъ изъ солдатъ, тѣснившихся вокругъ раненыхъ. Вишь ты одежа-то—лохмотья... Эхъ, горе-народъ!—«Что братъ подѣлаешь... у нихъ, не какъ у насъ видно, замѣчаетъ другой,—казенное видно плохо отпущаютъ.—Гдѣ ужъ!... Ну да что говорить, народъ нехристіанскій.. А жалость глядѣть, братцы.—Чего тутъ жалѣть, вотъ я бы, кажись, кабы власть была, тутъ бы его и прикололъ на мѣстѣ, отозвался одинъ солдатъ, рыжій, сухощавый съ желтыми глазами,—ей Богу, братцы прикололъ бы.—«Эхъ братецъ, что пустое говорить, почти строго замѣтилъ другой:—въ дѣлѣ кабы, ну, такъ.. а теперь что онъ болѣзный человѣкъ, больше ничего. Испрашивать съ него нечего.—Что ужъ спрашивать, развѣ его вина? Приказали и пошелъ».

Военный призъ поручика Синицина. *)

7-го мая, около Фламунды, разъѣздъ Вознесенскаго уланскаго полка замѣтилъ у нашего берега пароходъ и двѣ баржи и, предполагая, что турки намѣреваются переправиться на нашу сторону, далъ знать въ штабъ полка. Вызва-

*) Новое „Время“ 1877 г. *) Русск. Вѣд. № 181. 1877 г.

ли охотниковъ отправиться на развѣдки; но такъ какъ послѣднихъ оказалось очень много, то бросили жребій, который и достался поручику Спицыну и корнету Агафонову. Подъѣзжаютъ они къ указанному мѣсту—дѣйствительно, стоятъ двѣ баржи и пароходъ. Проѣзжаютъ мимо баржъ—ни одного выстрѣла, подъѣзжаютъ къ пароходу—опять ничего, и даже не видно людей. Поручикъ Спицынъ слѣзъ съ лошади и прямо на пароходъ, всходитъ на палубу — ни души, спускается внизъ и застаетъ цѣлую компанію, сидящую за трапезой: капитанъ, матросы, прислуга. Грекъ, капитанъ ни слова по-русски и объясненія приходится вести на смѣшанномъ нарѣчіи—молдаво-болгаро-русско-мимическомъ.

— Чей пароходъ?

— Греческій.

— А не турецкій?

— Нѣтъ, греческій.

— Ну, такъ я беру его.

Капитанъ угостилъ кофеемъ, а Спицынъ донесъ о своемъ призѣ. По всей вѣроятности, пароходъ съ баржами закупалъ хлѣбъ на нашемъ берегу для турокъ. Начальство назначило его комендантомъ парохода и онъ поселился на немъ съ 10 солдатами. Матросы разбѣжались и остался только грекъ капитанъ да машинистъ. Товарищи Спицына прозвали его въ шутку адмираломъ. Взятый такимъ образомъ пароходъ простоялъ до самой переправы, и не разъ подвергался турецкимъ выстрѣламъ. При переправѣ онъ очень помогъ, ибо перевозилъ войска массами.

Кринолинъ.

(Изъ разсказа г. Федорова, Корр. Русс. Вѣдом).

Въ Систово я попалъ уже къ ночи и долженъ былъ переночевать у одного моряка, на захваченной имъ турецкой кочермѣ. Экипажъ его занимается собираніемъ различныхъ принадлежностей оснастки судовъ и цѣлый день лазаетъ по мачтамъ сидящихъ на мели судовъ, снимая канаты, блоки и якоря.

Морякамъ еще много дѣла на Дунаѣ и пѣсня ихъ еще далеко не спѣта. Нужно быть въ ихъ компаніи и вслушиваться въ ихъ разговоры, чтобы понять, что еще могутъ они натворить.

— Нельзя было ничего съ нимъ подѣлать, оградилъ себя такъ, что подойти нельзя, говорилъ одинъ лейтенантъ, вспоминая неудавшуюся попытку мичмана Нилова взорвать мониторъ около Фламунды.

— Какъ же они ограждаютъ себя? спросилъ я его.

— Надѣнетъ кринолинъ—ну, съ нимъ ничего и не подѣлаешь.

— Это еще что за кринолинъ?

— А онъ, видите, окружаетъ себя сѣтью, изъ тонкой бичевы, которая не дозволяетъ ни подойти къ монитору, ни подвести подъ него мины. Къ сѣткѣ, которая держится на извѣстномъ разстояніи отъ монитора посредствомъ шестовъ и поплавковъ, привѣшиваютъ еще маленькія самовзрывчатыя мины, на

которыя легко можетъ нарваться миноносная шлюпка. Вотъ Нилову и пришлось имѣть дѣло съ криполиномъ.

— Ну, какъ же вы теперь будете?

— А мы ихъ живьемъ теперь будемъ брать на абордажъ.

— Вѣдь, кажется, уже пробовали?

— Да, но нельзя было подойти къ нему, а мы поджидаемъ ихъ тутъ.

— Но какъ же вы ихъ на ходу будете брать?

— А кошки на что! Спереди вотъ мичманъ Р. съ своей кочермой выйдетъ ему на встрѣчу; ужъ онъ его навѣрно будетъ *рѣзать;* это и задержитъ его путь, а тутъ мы забросимъ кошки, маршъ на палубу! Люки закрыть и рѣзня. Мичманъ Р., кочерма котораго обрекалась на операцію *рѣзанья* ея мониторомъ, ни мало, какъ видно, не сокрушался о будущемъ и спокойно допивалъ свое вино.

Исторія мичмана Нилова слѣдующая:

11-го іюня отъ Фламунды показался мониторъ, баттареи открыли по немъ огонь и тотчасъ полетѣли на него два катера; однимъ командовалъ мичманъ Ниловъ, другимъ гардемаринъ Аренсъ. Напали обѣ; но у Аренса сломался минный шестъ и онъ долженъ былъ вернуться. Мичманъ Ниловъ пошелъ къ кормѣ монитора и *обрѣзалъ корму,*—прошелъ подъ кормою. Капитанъ монитора, англичанинъ, съ насмѣшкой снялъ шапку и поклонился ему. Ниловъ отвѣтилъ поклономъ и пустилъ изъ револьвера три пули въ капитана. Послѣдняя его ранила. Затѣмъ, повернувъ вдоль по лѣвому борту, онъ долженъ былъ удалиться, не имѣя возможности взорвать монитора, защищеннаго криноліномъ.

Дѣло при Даярѣ *).

(въ Азіи)

Превосходство турецкихъ силъ.—Иностранный легіонъ.—Хитрость хоперскихъ казаковъ.—Крестъ въ защиту турецкой націи.—генералъ Кемпбель.—Измѣнникъ Кундуховъ.—Находчивость солдата. 300 турецкихъ христіанъ, искавшихъ нашего покровительства, сожженіе хлѣба, Фанатизмъ турка стоившаго жизни великодушнаго унтеръ-офицера.—Умирающій офицеръ.

9 Іюня при селеніи Даяръ, турки, пользуясь своимъ громаднымъ превосходствомъ надъ нами, по числу войскъ, опять пробовали дѣйствовать наступая на нашъ отрядъ; турокъ было 20 батальоновъ пѣхоты, 12 орудій и масса кавалеріи въ числѣ 4500 человѣкъ состоявшей изъ черкесовъ и коннаго иностраннаго легіона.

Пор асчету выходило, что на каждую роту русскихъ шло турокъ болѣе батальона. Мы были аттакованы со всѣхъ сторонъ, чтобы пробить себѣ дорогу. на отступленіе, нужно было прежде всего, взять укрѣпленныя турками высоты... Между тѣмъ турецкая пѣхота аттаковала русскихъ въ позиціяхъ. Русскіе, несмотря на многочисленость турецкой арміи, на невыгодное положеніе оказали

*) Корреспонд. изъ Игдыря въ газету „Голосъ" отъ 15 іюня 1877 г.

чудеса храбрости. Особенно отличались казаки—хоперцы и сунженцы, крымскій пѣхотный полкъ и артиллерія:

Сунженцы мужественно выдержали четыре стремительныя аттаки состороны турецкой пѣхоты; въ послѣдню аттаку сами бросились на турецкіе батальоны и уничтожили ихъ.

На хоперцевъ сильно напирали черкесы и конный иностранный легіонъ. Онъ состоялъ изъ 400 венгерцевъ, поляковъ и отчасти французовъ. Когда послѣдовала аттака иностраннаго легіона, хоперцы спѣшились, легли на землю, а на головы лошадей надѣли свои папахи, чтобы тѣ не боялись. Подпустивъ легіонеровъ на извѣстное разстояніе, казаки дали изъ своихъ берданокъ три залпа, которые буквально уничтожили легіонъ. Группа иностранцевъ, оставшихся въ живыхъ, сражаясь, была изрублена казаками которые, сѣвши поспѣшно на лошадей, сами бросились въ аттаку на легіонеровъ. Изъ французовъ, находившихся въ легіонѣ, были, по большей части, мастеровые изъ Марселя и Ліона. На разспросы раненыхъ нашимъ уполномоченнымъ «Краснаго Креста», что побудило ихъ идти противъ русскихъ, французы заявили, что, вслѣдствіе страшнаго кризиса, нѣкоторыя фабрики и заводы, на которыхъ они работали, должны были закрыться, и они остались безъ средствъ къ существованію. Въ это время подоспѣли турецкіе вербовщики, сулившіе золотыя горы, и они рѣшились пойти въ легіонъ за двадцать три франка въ мѣсяцъ, которыхъ они однако, не получали. По просьбѣ французовъ, по большей части тяжело раненыхъ, нашъ уполномоченный написалъ письма ихъ роднымъ и знакомымъ въ южную Францію, извѣщая о послѣдней волѣ умирающихъ....

Надо замѣтить, что легіонъ имѣетъ особую форму и я немогу не указать, между прочимъ, на странность ея: на груди у легіонеровъ былъ нашитъ крестъ.,.. Какъ это шло защитникамъ турокъ! Такая же печальная участь послѣдовала и для многихъ черкесскихъ отрядовъ, которые значительно поубавились отъ казацкихъ аттакъ.

«Крымскій полкъ не менѣе прославился. Турки сильно вредили крымцамъ. Крымцы, сражаясь съ превосходнымъ, по числу, непріятелемъ, выпустили всѣ снаряды. За нимъ поспѣшили послать; но, второпяхъ привезли зарядный ящикъ совсѣмъ другаго калибра. Каково же было положеніе крымцевъ! Въ досадѣ, разбросавъ ненужные патроны, они, безъ единаго заряда, бросились въ штыки на турокъ и дружнымъ, сильнымъ, единодушнымъ натискомъ выбили непріятеля изъ его позиціи. Ошеломленные турки бѣжали, не подозрѣвая даже, что нашимъ солдатамъ нечѣмъ стрѣлять...

«Болѣе же всего помогала въ дѣлѣ 6-го іюня наша прекрасная артиллерія, которая своими мѣткими выстрѣлами уничтожала цѣлыя толпы иррегулярной кавалеріи.

«Вотъ одинъ изъ славныхъ эпизодовъ. Наша артиллерія стояла на горѣ. Въ это время непріятель велъ аттаку противъ нашихъ войскъ. Положеніе баттареи было таково, что она не могла ничѣмъ помочь своимъ—выстрѣлы ея не могли попадать въ аттакующихъ. Для этого слѣдовало занять другую позицію, спу-

стясь съ горы. Въ пылу сраженія, съ тяжелыми орудіями, при страшно-крутомъ спускѣ, нечего было и думать объ этомъ. Но не такъ смотрѣли на это дѣло артиллеристы. По слову своего начальника, подполковника Парчевскаго, они маршъ-маршъ пустились съ вершины горы. Духъ захватывало глядя на нашихъ молодцовъ. Не надѣялись, чтобы осталось что нибудь отъ баттареи. И что же, Спустившись невредимо, въ карьеръ внизъ, баттареи мигомъ построились передъ наступавшими непріятельскими батальонами и приняли ихъ картечью... Турки должны были отступить. Особую ненависть нашихъ заслужилъ генералъ Кэмпбель *) англійскій военный агентъ при анатолійской турецкой арміи. Русскихъ сильно раздражало, что представитель державы, съ которою мы не находимся въ войнѣ, распоряжается въ турецкомъ лагерѣ, какъ настоящій начальникъ штаба. Онъ располагалъ диспозицію войскъ, выѣзжалъ въ цѣпи стрѣлковъ и велъ батальоны въ аттаку. Болѣе всего озлились противъ генерала Кэмпбеля казаки. Они задались идеею непремѣнно поймать живьемъ ненавистнаго имъ англичанина. Того кто доставилъ бы генерала Кэмпбеля, они признали между собою достойнымъ Георгіевскаго креста. И вотъ, въ дѣлѣ 9-го іюня, только благодаря необычайной быстротѣ лошади подъ генераломъ Кэмпбелемъ, онъ спасся отъ казачьяго плѣна...

«Въ дѣлѣ подъ Даяромъ мы потеряли ранеными и убитыми нѣсколько полковыхъ батальонныхъ командировъ.

«Между тѣмъ, когда мы убирали своихъ раненыхъ и убитыхъ, турки нечаянно напали на нашихъ и захватили въ плѣнъ восемь солдатъ. Ихъ привели въ турецкій станъ, къ пашѣ. Оказалось, что это нашъ измѣнникъ—генералъ Кундуховъ **), который подробно разспрашивалъ солдатъ о числѣ войскъ у генерала Тергукасова и особенно о числѣ ракетныхъ баттарей. Наши солдатики мигомъ смекнули въ чемъ дѣло и отвѣтили, что въ эриванскомъ отрядѣ до 50,000 войска и пять ракетныхъ баттарей, тогда какъ всего-на-все была одна баттарея и восемь или девять тысячъ войска.

«Солдатъ велѣли накормить «кашею, которую не ѣдали въ Россіи» (пловъ), и положили спать въ палаткѣ. Ночью, одинъ изъ нихъ, распоровъ палатку, потихоньку выползъ изъ нея и такимъ же манеромъ шасть изъ лагеря и къ своимъ... По явкѣ его къ генералу Тергукасову, онъ получилъ отъ генерала червонецъ.

«Нельзя обойти молчаніемъ и тѣхъ трудностей, которыя испытывалъ Эриванскій отрядъ при своемъ отступленіи. Самое отступленіе было только актомъ человѣколюбія, безпримѣрнаго въ военной исторіи другихъ народовъ. Въ то время, когда мы сражались съ турками, толпы баши-бузуковъ и курдовъ жгли и вырѣзывали цѣлыя селенія христіанъ турецкихъ подданныхъ, въ Алашкертской равнинѣ. Несчастные жители, въ числѣ болѣе 3,000 женщинъ, дѣтей, стариковъ со всѣмъ ихъ скарбомъ, скотомъ и проч., бросились подъ защиту нашихъ

*) См. стр. 156.
**) См. стр. 90 и 154-ю.

войскъ, объявивъ, что если мы не возьмемъ ихъ съ собою, то они перерѣжутъ сами себя... Что было дѣлать? Мы спѣшили на выручку баязетскаго гарнизона нашего, запершагося въ баязетской цитадели отъ нападенія массы курдовъ, вышедшихъ изъ Персіи. Между тѣмъ, нельзя было бросить несчастныхъ ограбленныхъ жителей на произволъ неистовыхъ турокъ и курдовъ. Генералъ Тергукасовъ рѣшился принять на себя охрану угнетенныхъ, разсчитывая справедливо, что русскій не сдастся въ крѣпости.

«Во все время движенія отъ Даяра до Сурбъ-Оганеса непріятель постоянно тревожилъ наше шествіе.

«Порядокъ отступленія нашего былъ слѣдующій: днемъ мы стояли въ боевомъ порядкѣ, а почью шли форсированнымъ маршемъ, имѣя въ арьергардѣ всѣ военныя силы, а впереди несчастныя семьи бѣгущихъ христіанъ.

«Когда мы шли отъ Карикиллисы, то велѣно было, для облегченія отряда, уничтожить излишній печеный хлѣбъ, который былъ для этого облитъ керосиномъ и зажжонъ. Турки, увидя горящій хлѣбъ, съ жадностью бросились на него, но нѣсколько залповъ артиллеріи отогнало ихъ отъ костровъ. Болѣе же жадные поплатились жизнью отъ нашихъ ракетъ.

«Но вотъ другой случай, бывшій, впрочемъ, 4-го іюня: поднимали раненыхъ. Русскій унтеръ-офицеръ нагнулся къ лежавшему турку, чтобъ убѣдиться, живъ ли онъ и помочь ему, если можно. Фанатикъ-турокъ выстрѣлилъ въ унтеръ-офицера прямо въ упоръ. Бывшій при этомъ солдатъ до нельзя остервенился противъ такого поступка турка и нѣсколько разъ пырнулъ его штыкомъ. Сила удара была такова, что штыкъ вовсе согнулся. Когда, послѣ сраженія, генералъ Тергукасовъ, построивъ войска, благодарилъ ихъ за геройское дѣло, онъ увидѣлъ, что у одного солдата штыкъ совершенно крючкомъ. Подойдя къ солдату, генералъ узналъ разсказанный поступокъ и подарилъ отъ себя солдату золотой.

«Солдаты обожаютъ генерала-командира, который неутомимъ. Самъ вездѣ и повсюду. Кому ласковое слово, кому помощь, кому совѣтъ.

«Посѣтивъ раненыхъ, генералъ Тергукасовъ особенно благодарилъ одного офицера, весьма опасно раненаго, за оказанную имъ примѣрную храбрость. «Мы только исполняли свой долгъ предъ отечествомъ и Царемъ—отвѣчалъ умирающій—не забудьте моихъ дѣтей, семью»..

«Генералъ записалъ адресъ и далъ слово офицеру, что его дѣти не будутъ оставлены.»

Дѣло при Ардапучѣ *).

(Въ Азіи.—Подробности.)

«По взятіи Ольты нашъ отрядъ до 14-го іюня стоялъ лагеремъ возлѣ самаго Ардагана и занимался отправкой въ Тифлисъ турецкихъ орудій, громаднаго запаса патроновъ, пороха и ружей; 14-го іюня мы двинулись въ Ардапучъ, отсто-

*) Корресп. Тифлисс. Вѣстника 1877.

ящій отъ Ардагана приблизительно верстъ на 75. Въ первый день мы сдѣлали верстъ 20 и остановились лагеремъ на ночевку, чтобы на другой день рано утромъ двинуться далѣе; на 15-е іюня переходъ предстоялъ около 50 и притомъ по такой убійственной гористой и каменистой дорогѣ, что зачастую, ѣдучи, приходилось останавливаться, чтобы разсмотрѣть зигзаги, образуемые камнями, по которымъ можно было бы провести лошадь; но такихъ зигзаговъ найти большею частію не было возможности и приходилось въ выборѣ дороги давать полную волю лошадямъ. Верстахъ въ 25-ти отъ Ардануча получено было извѣстіе, что сзади этого города виденъ турецкій лагерь, состоящій болѣе чѣмъ изъ 200 палатокъ, и что 60 нашихъ пластуновъ и сотня казаковъ, посланные впередъ, встрѣтили непріятеля въ превосходномъ числѣ и завязали съ нимъ перестрѣлку верстахъ въ 5 отъ Ардануча. Видя свое численное превосходство, (ихъ было не менѣе 3 тысячъ), турки энергично преслѣдовали горсть нашихъ, но вреда принести никакого не могли. Получивши такое извѣстіе, начальникъ отряда тотчасъ-же послалъ подкрѣпленіе изъ конной милиціи казаковъ Ейскаго и Полтавскаго полковъ, взвода горной батареи и охотниковъ пѣхоты, но раньше прибытія этого подкрѣпленія къ мѣсту назначенія, перестрѣлка замолкла; остальная часть отряда пришла на позицію поздно вечеромъ. Позиція была выбрана верстахъ въ 8 отъ Ардануча, на склонѣ горы, покрытой густымъ сосновымъ лѣсомъ; внизу этой горы находитья ущелье, въ глубинѣ котораго—рѣчка. По правую сторону нашей позиціи, за рѣчкой, идетъ единственная дорога въ Ардагучъ, проложенная на склонѣ горы, противуположной нашему лагерю. Утромъ 16 іюня, на гребнѣ этой послѣдней мы увидѣли непріятеля, занявшаго весь гребень горы, командующей надъ единственной вьючной дорогой, и покрытой, начиная сверху, на довольно большое пространство рѣдкимъ и невысокимъ лѣскомъ. Тутъ то мнѣ и пришлось быть свидѣтелемъ военной доблести турецкихъ войскъ—защиты Ардануча. Имѣя въ виду то, что вся дорога, проложенная по занимаемой непріятелемъ горѣ, находится на большомъ пространствѣ подъ ружейнымъ огнемъ, турки, какъ послѣ оказалось, считали, мѣряя на свой аршинъ, позицію свою неприступною, и дѣйствительно, какъ только нашъ отрядъ потянулся по этой дорогѣ, какъ осыпанъ былъ градомъ пуль, продолжавшимся безпрерывно въ продолженіе 3 часовъ, мы же до поры до времени отвѣчали на этотъ градъ лишь рѣдкими выстрѣлами; время болѣе частыхъ выстрѣловъ съ нашей стороны наступило лишь тогда, когда наши солдатики со всѣхъ сторонъ полѣзли въ гору на штурмъ подъ тѣмъ же градомъ пуль, но градомъ болѣе убійственнымъ по понятнымъ причинамъ. Гранатные выстрѣлы горной баттареи, ставшей, вслѣдствіе условій мѣстности, также подъ ружейный огонь непріятеля, поддерживая аттакующихъ, произвели весьма сильное впечатлѣніе на непріятеля, и онъ со своей неприступной позиціи бѣжалъ, преслѣдуемый казаками и пѣхотою, оставивши на мѣстѣ болѣе ста труповъ, самый же городъ беззащитнымъ. По собраннымъ послѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что гребень непріятельской горы былъ занятъ тремя тысячами турокъ, вооруженныхъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, преимуществено Снейдера, и что къ окончанію

боя въ ихъ лагерь пришло подкрѣпленіе въ 1,000 человѣкъ, поспѣшно бѣжавшихъ при извѣстіи о нашей побѣдѣ. Дѣло это, по-моему, отлично характеризуетъ свойства турецкаго воинства, которое прежде всего заботится объ обезпеченіи путей своего бѣгства, и не безъ основанія. И такъ мы подошли къ Ардакучу, не встрѣчая болѣе препятствій; городъ былъ въ нашей власти, но мы оставили его въ совершенномъ покоѣ и, отдохнувши немного, двинулись въ Ардаганъ форсированно, вслѣдствіе нѣкоторыхъ тревожныхъ извѣстій оттуда.

Турецкая эскадра въ Черномъ морѣ.

«Начиная съ 10-го іюня *), мы находились въ постоянной тревогѣ. Въ этотъ день военный турецкій корабль приблизился къ гавани и пытался съ помощью привезеннаго на его бортѣ отряда лазистанцевъ, по большей части набранныхъ изъ рыбаковъ и водолазовъ батумскаго прибрежья, вылавливать опущенныя торпеды. Генералъ Семека немедленно приказалъ открыть по немъ огонь изъ всѣхъ баттарей карантина, вслѣдствіе чего корабль не замедлилъ удалиться. Со времени этого происшествія, однако же, мѣстное населеніе живетъ подъ страхомъ. Ожидаютъ не только возвращенія турецкаго корабля, но и нападенія на городъ. Дѣйствительно, третьяго дня на горизонтѣ показалась турецкая эскадра изъ шести мониторовъ и двухъ пароходовъ. Это извѣстіе произвело новую панику въ жителяхъ, и большинство семействъ тотчасъ удалились подальше отъ берега, въ городское предмѣстье Молдаванку.

«Въ теченіи всего дня по дорогѣ тянулись вереницы бѣглецовъ, въ экипажахъ и верхомъ. «*Strada Italiana*», Дерибасовская улица, улица Ришелье и всѣ прилегающія къ нимъ улицы самой красивой части города мигомъ превратились въ пустыню. Остались одни только дворники, безмолвно стоявшіе у воротъ домовъ. Въ тотъ же день распространилось съ быстротою молніи извѣстіе, что турецкая эскадра обстрѣливала двѣ лежащія на берегу Чернаго моря въ 70-ти верстахъ отъ города, мѣстности Жебріаны и Балабановку. Тогда началось бѣгство также изъ Молдаванки и бѣглецы направляли свои шаги къ еще болѣе отдаленнымъ отъ берега мѣстностямъ. Но паника достигла крайнихъ предѣловъ когда вдали, въ приблизительномъ разстояніи 10 морскихъ миль отъ берега, появилась турецкая эскадра.

«Забили тревогу. Цѣлая дивизія съ кавалеріей и артиллеріею выступила изъ казармъ и изъ кантониръ-квартиръ сосѣднихъ деревень и заняла первоначально Соборную площадь и всѣ непосредственно прилегающія къ морю улицы. Орудія баттарей, воздвигнутыхъ у мола, карантина и Пересыпи, стали готовиться къ дѣйствію. Длинные ряды зарядныхъ ящиковъ догоняли карьеромъ свои баттареи. Тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ, а непріятельскій флотъ все еще не дѣлалъ вида аттаковать городъ. Вся гавань освѣтилась электрическимъ свѣтомъ, вполнѣ замѣнившимъ собою отсутствіе дневнаго. Ночь прошла спокойно, а при

*) Корресп. изъ Одессы отъ 19 іюня въ Politische Correspondenz.

наступленіи утра, постъ, помѣщенный на маякѣ, увѣдомилъ начальство, что турецкая эскадра ушла по направленію къ Севастополю и Керчи.

«Вредъ, который способна нанести Крыму турецкая эскадра, по необходимости ограничится только разрушеніемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ селеній. Туркамъ хорошо извѣстно, что русскими воздвигнуты укрѣпленія вдоль крымскаго берега; они, слѣдовательно, не рискнутъ подвергнуть, ради весьма сомнительныхъ выгодъ, своихъ броненосцевъ серьезной опасности. Севастополь не только сильно укрѣпленъ, но защищенъ еще пловучею баттареею, вооруженною орудіями самаго тяжелаго калибра. Керчь и Еникале, надъ укрѣпленіями которыхъ русскіе постоянно трудились съ самаго заключенія парижскаго мира 1855 года, вооружены 240 орудіями. Кромѣ того защита пролива, соединяющаго Черное море съ Азовскимъ, обезпечена съ прошлой недѣли двумя пловучими баттареями.

«Правда, что на Крымскомъ полуостровѣ не мало бухтъ, доступъ въ которыя не представитъ непріятельскимъ судамъ никакихъ затрудненій. Обстоятельство это могло бы вызвать серьезныя опасенія, еслибъ турецкая эскадра была снабжена дессантными войсками въ такомъ количествѣ, чтобы побудить къ возстанію крымскихъ татаръ, среди которыхъ, преимущественно въ окрестностяхъ Евпаторіи, Бахчисарая и Балаклавы, замѣтно было довольно сильное броженіе. По полученнымъ здѣсь свѣдѣніямъ, въ достовѣрности которыхъ едва ли можно сомнѣваться, турецкая эскадра не располагаетъ для дессанта ни регулярными, ни иррегулярными войсками. Тѣмъ не менѣе, изъ опасенія возможности турецкаго дессанта, многія изъ русскихъ семействъ поспѣшно удалялись изъ прибрежныхъ мѣстностей, отправляясь частью въ Симферополь, частью, черезъ Перекопъ, въ Херсонскую губернію.»

«Въ субботу, 18-го числа, *) у насъ разнесся слухъ, что нѣсколько турецкихъ броненосцевъ собралось около озера Кундука и имѣютъ намѣреніе идти къ Одессѣ. Въ тотъ же день пароходъ «Владиміръ» выходилъ въ море на нѣсколько часовъ, вѣроятно, съ цѣлью сдѣлать рекогносцировку. Какія вѣсти онъ привезъ— неизвѣстно, но стоявшія въ гавани поповки задымили. На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, дано было знать, что виденъ непріятельскій флотъ, идущій по направленію къ Одессѣ. Тотчасъ поповки и всѣ пароходы развели пары; поповки вышли на рейдъ, а буксирные пароходы развезли пловучія баттареи по заранѣе назначеннымъ мѣстамъ. Непріятельскія суда приблизились верстъ на пятнадцать, но, замѣтивъ полную готовность нашихъ защитниковъ вступить въ бой, вдругъ перемѣнили курсъ и, въ непродолжительномъ времени, скрылись по направленію къ Севастополю. Между тѣмъ, наши моряки горѣли сильнымъ желаніемъ помѣряться силами съ врагомъ; впрочемъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что еслибъ турецкія суда вступили въ бой, то имъ не пришлось бы вернуться назадъ въ прежнемъ числѣ. Нерѣшительность непріятеля приписываютъ будто бы тому, что на флотѣ не присутствовалъ Гобартъ-паша, а то, говорятъ, не

*) Корресп. изъ Одессы въ С.-П-бургскія Вѣд. отъ 21 іюня.

обошлось бы безъ бомбардировки. Поповки вернулись въ гавань, хотя, видимо, продолжали ожидать обратнаго прохода непріятеля. Только къ вечеру получили извѣстіе съ торконхудскаго маяка, что турецкій флотъ, состоящій изъ девяли судовъ, въ томъ числѣ одного большаго парохода и двухъ деревянныхъ судовъ, прошелъ къ Севастополю. Ушедшій недавно изъ Одессы пароходъ «Константинъ» еще не вернулся; кажется, онъ находится въ Севастополѣ. Но вотъ и еще пріятная для насъ новость: изъ балтійскаго флота прибыли недавно въ Черное море охотники-моряки, въ числѣ 53 человѣкъ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Баранова, которые, судя по приготовленіямъ, собираются отличиться въ дѣлахъ съ турками. Для нихъ изготовлялся въ то время принадлежавшій русскому обществу пароходства и торговли пароходъ «Веста.» Это судно въ 1,800 тоннъ водоизмѣщенія, съ машиною въ 130 номинальныхъ силъ.»

«19-го *) т. е. въ воскресенье, съ утра начался первый тревожный день для Севастополя. Въ 8 часовъ мы были разбужены извѣстіемъ по телеграфу изъ Одессы, что турецкая броненосная эскадра Гобартъ-паши, крейсировавшая передъ тѣмъ между устьями Днѣстра и дунайскими гирлами и разгромившая по пути беззащитное румынское селеніе Жербино, въ виду Одессы, въ числѣ пяти броненосцевъ, направилась къ Крыму. Вслѣдъ за тѣмъ было получено новое извѣстіе о десяти турецкихъ броненосцахъ, которые прямо отъ Одессы взяли на перевалъ къ Севастополю. Наконецъ распространился слухъ еще о какихъ то новыхъ шести броненосцахъ, двинувшихся по тому же направленію.

«Впослѣдствіи, когда первая тревожная минута, порожденная внезапностью извѣстія, прошла, даже и робкіе сообразили, что такого количества броненосцевъ у турокъ вовсе и не имѣется и что, вѣроятно, объ однихъ и тѣхъ же судахъ пришло три различныхъ извѣстія. Такъ оно и оказалось. Къ тремъ часамъ пополудни въ городѣ было уже извѣстно, что съ Тарханкутскаго маяка, нѣсколько сѣвернѣе Евпаторіи, можно было сперва видѣть лишь густой, черный дымъ приближающейся непріятельской эскадры, а затѣмъ вскорѣ и различить военныя турецкія суда, появившіяся на горизонтѣ въ числѣ десяти.

«Послѣ того, какъ турецкіе броненосцы потерпѣли полную неудачу на Дунаѣ въ томъ отношеніи, что имъ вовсе не удалось хотя сколько-нибудь воспрепятствовать или даже замедлить переходъ нашихъ войскъ, было естественно предполагать, что они направятся къ крымскимъ берегамъ, и хотя здѣсь попытаются, такъ или иначе заявить о своемъ существованіи. Поэтому-то въ Севастополѣ никто особенно не удивился приближенію турецкой эскадры.

«Къ вечеру, хотя въ городѣ не было замѣтно никакой тревожной суеты, распространилась общая увѣренность, что къ ночи дѣло не обойдется безъ непріятельскаго визита.

И дѣйствительно, по всѣмъ разсчетамъ оказывалось, что турецкая эскадра, если только она не вздумаетъ почему-либо измѣнить курса къ 12-ти часамъ ночи, должна быть въ Севастополѣ.

---

*) Писали въ „Новое Время“ отъ 22-го іюня 1877 г.

«Между тѣмъ всѣ мѣры предосторожности были приняты. Освѣщеніе на маякахъ Херсонскомъ, Тарханкутскомъ и Айтадорскомъ, не прекращавшееся во все время «блокады» для того, чтобы безъ нужды не стѣснять движеніе нашихъ собственныхъ военныхъ и коммерческихъ судовъ, на эту ночь было погашено. Зато освѣщеніе электрическими фонарями рейда, и въ особенности въ полосѣ минпаго загражденія, поддерживалось почти непрерывно. Двѣ брандвахты—небольшія шкуны, стерегущія входъ въ бухту, стояли наготовѣ подъ парами для перевозки, въ случаѣ надобности, войска съ сѣверной стороны на южную и обратно. Войско, расположенное въ Севастополѣ, раздѣлено на два отряда, изъ которыхъ, въ случаѣ тревоги, одинъ долженъ занимать боевыя позиціи на южной сторонѣ, т. е. въ самомъ городѣ, а другой—позиціи сѣверной стороны.

«Съ вечернимъ поѣздомъ въ Севастополь совершенно неожиданно прибылъ изъ Симферополя командующій корпусомъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму, князь Воронцовъ, и это обстоятельство еще болѣе подтвердило общее предположеніе, что въ эту ночь должно случиться нѣчто особенное, можетъ быть похожее уже на настоящую войну.

«Не думаю вообще, чтобъ въ эту ночь въ Севастополѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Многіе не уснули до разсвѣта въ ожиданіи условленнаго сигнала тревоги: пушечнаго выстрѣла, ракеты и затѣмъ уже перваго выстрѣла съ баттареи. Но однако же, дѣло обошлось безъ всякой тревоги. Въ полночь уже было получено оффиціальное донесеніе съ Тарханкутскаго маяка о томъ, что непріятельская эскадра, не доходя Евпаторіи, въ виду маяка стала на якорь. Моряки это и предсказывали, такъ какъ ночь была совершенно темная, въ морѣ было очень свѣжо и турецкіе броненосцы не даромъ заблагоразсудили переждать до разсвѣта. Они простояли здѣсь до 5 часовъ утра и затѣмъ, снявшись съ якоря, удаляясь отъ маяка, направились къ юго-востоку, т. е. по направленію къ Евпаторіи или еще дальше къ Севастополю. Гдѣ странствовала турецкая эскадра въ теченіи цѣлаго дня 20-го числа—неизвѣстно, но ни въ Севастополѣ, ни въ Евпаторіи она не появлялась. Только къ вечеру того же дня часть эскадры въ числѣ пяти броненосцевъ снова появилась въ виду Тарханкутскаго маяка, но на этотъ разъ направляясь уже обратно, т. е. къ сѣверо-западу. А вечеромъ того же дня одинъ броненосецъ, повидимому, намѣренно отдѣлившійся отъ остальной эскадры, остановился у мыса Урстъ въ виду татарскаго прибрежнаго селенія, и по наблюденію побережнаго пикета, переговаривался сигнальными огнями и фальшфейерами съ кѣмъ-нибудь изъ мѣстнаго населенія. Въ виду этого факта въ городѣ стало извѣстнымъ, что князь Воронцовъ, выѣхавшій изъ Севастополя на другой день, т. е. 21-го, лично намѣренъ отправиться въ означенное селеніе для того, чтобы на мѣстѣ произвести дознаніе и расположить тамъ на квартирахъ роту пѣхотинцевъ.

«Между тѣмъ, какъ непріятельская эскадра крейсировала вокругъ да около Севастополя, не появляясь однако же въ виду его, на севастопольскомъ рейдѣ 20-го числа пароходъ «Константинъ», только-что исправившій на эллингѣ поврежденный винтъ, съ утра дѣлалъ примѣрные маневры со своими миноносными

катерами. Они по сигналамъ разсыпались въ разныя стороны, затѣмъ поочередно аттаковали пароходъ, подводили подъ него буксирныя мины и производили примѣрные взрывы. Въ ту же ночь два катера съ «Константина», со всевозможными таинственными предосторожностями, пустились въ открытое море, вѣроятно, въ надеждѣ наткнуться гдѣ-нибудь вблизи на непріятельскую эскадру и попытать счастье въ новой аттакѣ. Но ожиданія были напрасны. Проброднвъ всю ночь въ морѣ, въ различныхъ направленіяхъ, они съ разсвѣтомъ возвратились въ Севастополь, не встрѣтивъ во время своей ночной экспедиціи ни одного турецкаго судна. Куда дѣвалась турецкая эскадра,—пока неизвѣстно. На разсвѣтѣ 21-го іюня съ Херсонскаго маяка, т. е. ближайшаго отъ Севастополя, былъ еще замѣченъ въ морѣ огонь, который, вѣроятно, принадлежалъ одному изъ турецкихъ броненосцевъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ исчезъ и съ тѣхъ поръ мы не имѣемъ больше никакихъ свѣдѣній о томъ, куда скрылась турецкая эскадра.»

Въ воскресеніе 26-го іюня *), около 5 часовъ утра съ херсонесскаго маяка было дано знать, что показавшіяся на горизонтѣ шесть непріятельскихъ судовъ на всѣхъ парахъ идутъ прямо на Севастополь и дѣйствительно, около половины 8 часа ихъ можно было замѣтить съ любаго возвышенія и сосчитать безъ помощи бинокля. Въ виду Севастополя ихъ подвигалось всего четыре, остальныя два отъ Херсонеса повернули назадъ и скрылись въ морѣ.

Всѣ мѣры предосторожности были, разумѣется, тотчасъ же приняты. Но такъ какъ ранѣе того, при посѣщеніи непріятельской эскадрой Одессы и крымскихъ береговъ, она ограничивалась лишь безвреднымъ крейсерствомъ, было рѣшено не поднимать тревоги, до тѣхъ поръ, пока намѣренія непріятеля напасть на Севастополь не выразятся болѣе или менѣе опредѣленно. Между тѣмъ городъ моментально весь встревожился и встрепенулся. На улицахъ, обыкновенно пустыхъ и безлюдныхъ, поднялось необычайное торопливое движеніе. Всѣ возвышенія въ городѣ, болѣе или менѣе удобныя для наблюденій, откуда открывалось море, были тотчасъ-же запружены цѣлыми массами народа. Все это толпилось, шумѣло, и волновалось, словно въ партерѣ какого нибудь громаднаго театра. Всякій, кто могъ, запасся биноклемъ, трубой и тому подобнымъ.

Торговцы побросали свои магазины, оставивъ ихъ на руки мальчикамъ, базарныя торговки покинули свои лары и лотки, осталось весь базаръ дежурить двѣ-три старушонки. Благодаря воскресному дню, простолюдины цѣлыми семьями, съ грудными ребятами на рукахъ, въ праздничныхъ одеждахъ, сбѣгались на любопытное, давно ожидаемое зрѣлище. Но всего удобнѣе было наблюдать всѣ приближавшіяся турецкія суда съ береговой баттареи, ближайшей къ бухтѣ, куда изъ города рукой подать. Правда, этотъ наблюдательный пунктъ былъ доступенъ лишь для немногихъ. Отсюда можно было наблюдать довольно интересное зрѣлище: четыре стройныя, весьма красивой конструкціи военныхъ судна, медленно двигались къ Севастополю. Они держались въ рядъ, параллельно другъ другу, причемъ поминутно замедляли ходъ и маневрировали, поворачиваясь

*) Рус. Вѣд. № 175, 1877 г. изъ „Новаго Времени“.

въ различныхъ направленіяхъ. Вообще, судя по крайней медленности, съ которой они приближались, можно было догадаться, что непріятель занятъ военной рекогносцировкой; можетъ быть онъ наносилъ на планъ расположеніе береговыхъ баттарей и вообще изучалъ мѣстность. Скоро можно было уже простымъ глазомъ различить каждое судно. Два крайнихъ были трехъ-мачтовыя, а оба среднія двухъ-мачтовыя, причемъ всѣ четыре были однотрубныя. Съ помощью подзорной трубы скоро узнали, что три непріятельскія судна были броненосцы, между тѣмъ какъ четвертое оказалось трехъ-мачтовымъ, деревяннымъ винтовымъ фрегатомъ. По сличеніи приближающихся броненосцевъ съ фотографическими снимками всѣхъ вообще турецкихъ броненосцевъ,—снимки эти съ самымъ подробнымъ описаніемъ изображенныхъ на нихъ оригиналовъ, при самомъ объявленіи войны, были во многихъ экземплярахъ разосланы правительствомъ на всѣ береговыя черноморскія укрѣпленія—оказалось, что передъ нами были слѣдующія турецкія панцырныя суда. Во-первыхъ: трехъ-мачтовый броненосецъ, шедшій подъ адмиральскимъ флагомъ самаго Гобарта-паши, «Ассари-Товфикъ», который, согласно описанію фотографическаго снимка, носитъ на себѣ десять девяти-дюймовыхъ орудій, два башенныхъ и восемь бортовыхъ, по четыре съ каждаго борта и имѣетъ полный комплектъ команды въ 640 человѣкъ. Затѣмъ два другіе броненосца, двухъ-мачтовые, значительно меньшей величины: «Ассари-Шевкотъ» и «Иджлаліе», несущіе каждый по двѣсти человѣкъ команды и вооруженные. Какъ ни замедляли разными маневрами непріятельскія суда свое приближеніе къ берегу, тѣмъ не менѣе къ половинѣ одиннадцатаго часа они уже были въ восьми верстахъ отъ берега и всего въ трехъ отъ полосы минныхъ загражденій. Тогда было сочтено нужнымъ поднять тревогу, чтобы вызвать войска на позиціи и быть на готовѣ. Съ брандвахты шкуны «Сауксу», стоящей на главномъ рейдѣ, раздался сигнальный выстрѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ была пущена ракета и разомъ съ двухъ сторонъ, съ графской пристани и съ сѣверной стороны, застучала призывная барабанная дробь. Тогда по городу началась настоящая военная сказка. Офицеры въ полной походной аммуниціи переправлялись на сѣверную къ частямъ своихъ войскъ, между тѣмъ какъ на южной—мѣстный отрядъ пѣхоты и артиллеріи, въ свою очередь, спѣшилъ занять свои боевыя позиціи. На береговыхъ баттареяхъ, между тѣмъ, также начались подготовительныя работы. Здѣсь баттарейная прислуга, киша какъ въ муравейникѣ, бросалась въ погреба и кладовыя за снарядами. Въ нѣсколько минутъ все уже было наготовѣ: къ орудіямъ, не заряжая ихъ, чтобы въ случаѣ напрасной тревоги не пришлось ихъ даромъ разстрѣливать, снаряды были подвѣшены и оставалось ждать только команды, чтобы встрѣтить залпомъ непрошенныхъ гостей. Въ городѣ, между тѣмъ, на улицахъ появились конные патрули, которые разъѣзжали въ различныхъ направленіямъ, въ предупрежденіе какихъ бы то ни было безпорядковъ внутри, во время ожидаемой бомбардировки. Но опасенія такихъ безпорядковъ, судя по крайней мѣрѣ по первымъ тревожнымъ минутамъ, были совершенно напрасны. Первымъ движеніемъ всей массы, бродавшей по улицамъ, при первомъ сигнальномъ выстрѣлѣ было броситься по направленіи къ батта-

реямъ, словно на встрѣчу приближающемуся врагу. Не такъ отнеслась къ предстоявшей опасности только толпа простолюдиновъ. Одновременно въ этимъ, по направленію къ вокзалу потянулась цѣлая вереница экипажей, наполненныхъ дамами и отцами семействъ, искавшими спасенія въ бѣгствѣ. Вся эта толпа бѣглецовъ напрасно добивалась на станціи желѣзной дороги, чтобы для нихъ былъ снаряженъ особый экстренный поѣздъ; желѣзнодорожное начальство, почему то, несочло возможнымъ уважать вполнѣ законнаго ходатайства нахлынувшей публики и продержало ее въ вокзалѣ. правда находившемся безусловно внѣ выстрѣловъ съ моря, вплоть, до вечера то есть до очередного поѣзда. Къ вечеру, между тѣмъ, всякая тѣнь опасности миновалась. Въ полдень, т. е. уже чрезъ какіе нибудь полчаса послѣ тревоги, непріятельскія суда, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, повернули и, взявъ направленіе къ юго-западу, поспѣшно стали удаляться.

— Ишь какъ пару нагоняетъ! разглядѣлъ, небось, чѣмъ тутъ пахнетъ!» острили имъ вслѣдъ баттарейные солдатики, складывая обратно напрасно потревоженные снаряды. Къ двумъ часамъ непріятель совершенно уже скрылся изъ виду Севастополя, а въ четыре уже и съ херсонскаго маяка извѣстили о совершенномъ удаленіи турецкихъ судовъ. 27-го, то есть на другой день, какъ извѣстили, тѣже четыре турецкія судна, поспѣшно ретировавшіеся отъ Севастопольскихъ баттарей, въ теченіи двухъ часовъ обстрѣливали совершенно незащищенную съ моря Эвпаторію. Въ Севастополѣ слышали глухіе раскаты выстрѣловъ и не безъ зависти прислушивались къ нимъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, и Евпаторіи турецкая бомбардировка непричинила ни малѣйшаго серьезнаго вреда. Самый существенный, хотя и совершенно мимолетный вредъ причинилъ лишь одинъ турецкій снарядъ, вѣроятно случайно попавшій въ телеграфный столбъ и прекратившій этимъ на время прямое сообщеніе Евпаторіи съ Севастополемъ.

Говоря о томъ, какъ отнеслось населеніе Севастополя къ визиту турецкихъ броненосцевъ, корреспондентъ упоминаетъ объ одной горсти этого населенія, именно о туркахъ, проживающихъ въ городѣ; турецкихъ подданныхъ не только по названію, но настоящихъ прирожденыхъ турокъ, насчитывали въ Севастополѣ человѣкъ до 80-ти. Все это большею частью хлѣбопеки или вообще мелкіе осѣдлые торгаши. Первоначально съ объявленіемъ войны было предположеніе всѣхъ ихъ выселить изъ города. Но они такъ слезно и усердно молили о томъ, чтобы ихъ не тревожили, что начальство разсудило оставить ихъ на мѣстѣ, учредивъ за ними, разумѣется, болѣе или менѣе пристальный надзоръ Вотъ эти то сыны ислама во время тревоги въ Севастополѣ удивили всѣхъ своимъ тактомъ. Они оставались совершенно покойно въ своихъ лавкахъ, необнаруживая ни общаго любопытства, ни общаго волненія. Тоже самое надо сказать и о татарахъ, которыхъ впрочемъ въ Севастополѣ сравнительно очень немного.

Военныя дѣйствія на водахъ Дуная *).

Для описанія операцій, которыя я предполагаю обозрѣть, достаточно будетъ начать описаніе рѣки съ пункта, лежащаго немного выше Рущука и идти внизъ по теченію до самаго устья. На нѣсколько миль выше Рущука Дунай, при всей быстротѣ своего теченія, не представляетъ никакого препятствія для движенія турецкихъ судовъ. На протяженіи нѣсколькихъ миль внизъ по теченію, нѣтъ ни одного важнаго стратегическаго пункта до самаго Туртукая, лежащаго на болгарскомъ берегу, противъ Ольтеницы; въ этомъ мѣстѣ на рѣкѣ находится островъ, который долженъ бы быть въ рукахъ турокъ. Важность для нихъ этого острова была указана сердарю военнымъ совѣтомъ. Онъ попросилъ, чтобы ему указали островъ на картѣ и, взглянувши, сказалъ: «Стоитъ ли гнаться за такимъ ничтожнымъ клочкомъ земли; наше царство, слава Богу, не клиномъ сошлось, чтобы дорожить какими нибудь двумя милями грязи?» А эти самыя двѣ мили грязи и составили крѣпкую русскую позицію.

«За Туртукаемъ слѣдуетъ Силистрія, у которой рѣка, развѣтвляясь на рукава, образуетъ три или четыре большихъ острова. Противъ самой Силистріи на румынскомъ берегу отъ Дуная отдѣляется рукавъ, который идетъ на сѣверъ, въ довольно далекомъ разстояніи отъ теченія рѣки и входитъ въ нее только у Гирсова. Главное же теченіе огибаетъ болгарскій берегъ и у Рассовы поворачиваетъ на сѣверъ; съ этого мѣста и начинается, можно сказать, Добруджа. Пройдя Черноводу, конечный пунктъ желѣзной дороги на Кюстенджи,— долина, по который проходитъ эта дорога, защищена отъ наводѣнія насыпью.—Дунай за Гирсовой идетъ прямо на сѣверъ; у самой же Гирсовой въ него входитъ рукавъ, отдѣлившійся, какъ мы уже видѣли, при Силистріи. Отсюда ясно, что на всемъ этомъ пространствѣ для русскихъ были открыты всѣ рукава, лежащіе въ Румыніи и бывшіе въ рукахъ ихъ союзниковъ Румынъ. Вслѣдствіе положенія, принятаго Румыніей при началѣ войны, турки немогли занять этихъ рукавовъ и русскіе получили свободный доступъ.

«Дунайская флотилія ко времени открытія военныхъ дѣйствій состояла изъ слѣдующихъ судовъ: Люфти-Джеллила (мониторъ), Хивзи-Рахмана (мониторъ), семи броненосныхъ канонирскихъ лодокъ, четырехъ большихъ вооруженныхъ почтовыхъ пароходовъ, семи пароходовъ, меньшаго размѣра, четырехъ деревянныхъ канонирскихъ лодокъ отъ 60 до 80 лошадиныхъ силъ каждая и двухъ паровыхъ шлюпокъ. Кромѣ того, въ то время тамъ же была «Ретимо», яхта Гобарта-паши. Торпедъ въ Дунаѣ не было еще нигдѣ. Запасы всякаго рода, въ особенности въ виду войны, слѣдовало имѣть на готовѣ. Между тѣмъ, угля не было заготовлено ни въ Рущукѣ, ни въ Туртукаѣ, ни въ Силистріи, и судамъ нужно было отправляться за нимъ за нѣсколко сотъ миль вниз по те-

*) Спеціальн. Корресп. газетъ Times: изъ Терапіи отъ 23 іюня 1877 г.

ченію, въ Черноводу; и того запаса, какой они могли набрать тамъ, имъ хватало бы почти только на обратный путь до мѣста ихъ стоянки.

«Всѣ суда находились въ распоряженіи сердарь-экрема и несмотря на его нераспорядительность, до сихъ поръ не были изъяты изъ-подъ его власти. Его оправдывали постоянно тѣмъ, что у него не было хорошаго совѣтника, но это не совсѣмъ такъ. Гобартъ-паша былъ въ то время на Дунаѣ и не только сообщилъ сердарь-экрему весь планъ немедленнаго занятія всѣхъ пунктовъ на рѣкѣ, въ которыхъ могъ совершиться переходъ русскихъ, но настаивалъ, чтобы немедленно запасены были торпеды, петролеумъ и все необходимое для того, чтобы удержать свои позиціи на рѣкѣ. Но сердарь-экремъ далъ понять Гобарту-пашѣ, что онъ главнокомандующій, что всѣ суда на Дунаѣ и всѣ сухопутныя войска отданы въ его непосредственное распоряженіе и что онъ вовсе не нуждается ни въ чьихъ совѣтахъ; другими словами, просилъ адмирала не вмѣшиваться не въ своё дѣло.

«Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что недостатокъ угля, о чемъ адмиралъ не зналъ, и былъ причиною, что сердарь-экремъ не дѣлалъ никакого распоряженія насчетъ движенія судовъ. При томъ онъ постоянно давалъ понять, что у него есть какой-то собственный планъ; планъ этотъ состоялъ, какъ надо думать теперь, въ томъ, чтобы всѣми мѣрами облегчить для русскихъ переходъ черезъ Дунай; недоставало только одного—послать имъ суда для переправы. Его пріятели могутъ теперь убѣдиться, что этотъ планъ свой онъ привелъ въ исполненіе съ замѣчательнымъ искусствомъ: то и дѣло летятъ телеграммы, что русскіе все переходятъ и переходятъ черезъ Дунай. Но объ этомъ предоставляю писать другимъ, и самъ возвращусь къ полной бездѣятельности на Дунаѣ. Нужно припомнить, что послѣ объявленія войны русскіе были очень скоро въ Галацѣ и Браиловѣ, что мостъ черезъ Серетъ былъ оставленъ турками неприкосновеннымъ, что въ нѣсколько часовъ Дунай былъ наполненъ торпедами. Слѣдуетъ припомнить также, что Гобартъ-паша ушелъ изъ Дуная на «Ретимо», счастливо избѣгнувъ пушечныхъ выстрѣловъ и торпедъ, разбросанныхъ по рѣкѣ. Русскіе начали съ того, что спустили множество катеровъ; остановить ихъ было некому, такъ какъ не было ни одного судна, и они преспокойно стали отрѣзывать турецкой флотиліи отступленіе къ низовьямъ Дуная. Въ нѣсколько дней по всей линіи и по рѣкѣ выше развѣтвленія были опущены торпеды. Всѣ дальнѣйшія распоряженія дѣлались безъ всякаго замедленія и въ какіе-нибудь два мѣсяца русскіе успѣли совершенно запереть всѣ рукава и проходы между Браиловымъ и Гирсовой и взять въ плѣнъ три турецкихъ корабля. Въ числѣ ихъ былъ и «Люфти-Джелилъ» Весь же турецкій флотъ, по всей вѣроятности, за недостаткомъ угля, бывшій въ распоряженіи 80-ти лѣтняго сердаря, сидѣвшаго въ Шумлѣ, не двигался съ мѣста. Безъ запаса угля и запаса большаго, съ флотомъ этимъ нечего было и дѣлать. Если бы даже онъ стоялъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могъ бы дѣйствовать противъ непріятеля, то и въ такомъ случаѣ земляныя укрѣпленія сейчасъ же отняли бы у несчастливыхъ судовъ всякую возможность что нибудь сдѣлать. Часто случалось слышать вопросы отчего уголь не

могъ быть доставленъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ Варны и Рущука. Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать сколько угодно. И развѣ одного угля не было доставлено? Недостатокъ былъ во всемъ. При томъ же желѣзная дорога черезъ Болгарію была завалена работою и едва-ли на ней нашлись бы вагоны для перевозки съ надлежащей быстротой такого громаднаго количества запасовъ, какое было необходимо.

«Такимъ образомъ отъ непростительной безпечности и непредусмотрителности флотъ, который могъ бы очень пригодиться, былъ обреченъ на полное бездѣйствіе. Интересно очень было смотрѣть теперь, когда рѣка съ обѣихъ сторонъ на довольно большомъ пространствѣ уже въ рукахъ русскихъ. Какъ это ни смѣшно, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ самомъ лучшемъ положеніи изъ всего дунайскаго флота очутились пароходы, присланные хедивомъ; они лежатъ себѣ преспокойно на платформахъ желѣзной дороги въ Разградѣ, такъ какъ отправкой ихъ изъ Варны запоздали, вслѣдствіе чего они и не могли быть спущены на воду въ Рущукѣ.

«Всѣ эти военныя дѣйствія на Дунаѣ поучительны только въ отношеніи торпедъ: торпеды, опущенныя въ рѣку съ такимъ быстрымъ теченіемъ, какъ Дунай, очень скоро опускаются въ глубь и затягиваются тиной и грязью. Это было мнѣніе корреспондента, которое онъ выводилъ изъ того, что ему случилось видѣть проволоки подводнаго телеграфа совсѣмъ обметанныя тиной, а на той глубинѣ, на какую опускаются обыкновенно торпеды, должно быть пропасть тины и всякой дряни. Что бы тамъ ни говорила теорія, но практика показываетъ, что торпеды, опущенныя въ рѣку близь Мачина, въ то время были совершенно безвредны, такъ какъ запертые корабли, въ этомъ предположеніи, преблагополучно ушли. Русскіе употребляли на Дунаѣ обыкновенныя, электрическія и простѣйшія жестяныя торпеды; они наполняются пороховой ватой и зажигаются маленькой электрическою машинкой, которую офицеръ, находящійся на лодкѣ, носитъ подъ платьемъ.

«Вообще военныя дѣйствія собственно на водахъ Дуная, можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: русскіе, воспользовавшись рукавами рѣки, проходящими по румынской территоріи, быстро и съ успѣхомъ отрѣзали отступленіе турецкому флоту. Этотъ послѣдній, за недостаткомъ угля и отъ нераспорядительности главнокомандующаго, долженъ былъ оставаться въ бездѣйствіи. Въ разныхъ мѣстахъ на рѣкѣ происходила перестрѣлка между русскими земляными баттареями и турецкими судами, но безъ всякаго результата; одному турецкому кораблю удалось прогнать миноносный русскій катеръ. Нѣкоторые капитаны канонирскихъ лодокъ, подъ вліяніемъ паническаго страха, что и они могутъ быть взорваны, по примѣру другихъ судовъ, открыли страшный огонь и стали бросать ядра и гранаты въ мирныхъ молдаванъ, стерегшихъ въ своихъ лодкахъ стада, пасшіяся въ болотахъ. Мнѣ случилось раза два видѣть подобную стрѣльбу и я готовъ былъ думать, что лодки, по которомъ стрѣляли, были дѣйствительно русскіе катера, идущіе изъ Измаила по протокамъ въ болотахъ. Любопытство мое было такъ велико, что я влѣзъ на мачту, но и оттуда не видалъ ровно ни-

чего похожаго на непріятеля; а турки стояли на своемъ и увѣряли, что русскія лодки скрылись за камышемъ и высокими деревьями. Я, писалъ корреспондентъ, не сомнѣваюсь, въ храбрости турецкихъ матросовъ. Они способны на какіе угодно геройскіе подвиги и за начальникомъ, въ которомъ увѣрены, пойдутъ въ огонь и въ воду. Они, при всемъ томъ, крайне умѣрены, честны и почтительны—качества встрѣчаемыя не часто—а терпѣніе, съ какимъ они переносятъ всѣ несправедливости, и всякую тираннію, можно бы назвать въ высшей степени христіанскимъ, не будь они магометане. Порядка и дисциплины въ дунайскомъ флотѣ впрочемъ очень мало, и если еще дѣло идетъ какъ-нибудь, такъ это единственно благодаря смиренному характеру, какимъ отличаются турки низшихъ классовъ. Между офицерами и матросами въ турецкомъ флотѣ вообще замѣчается фамильярность, недопускаемая дисциплиной. Самыя суда содержатся до невѣроятности грязно, а въ особенности дунайскія. Безпорядокъ на бортѣ превосходитъ всякое описаніе: пушки валяются какъ попало, неприкрѣпленными; снасти разбросаны въ безпорядкѣ по всей палубѣ. Ружья, тесаки, пистолеты, пики, топоры—все это валяется гдѣ и какъ попало, гдѣ вздумается бросить тому, у кого у послѣдняго они были въ рукахъ; и все въ ужасномъ, грязномъ видѣ; ни одна вещь не перенумерована, не сдана ни на чью отвѣтственность. Обмундированія почти никакого: кто въ одномъ костюмѣ, кто въ другомъ, и тѣ всѣ съ дырами и заплатами; офицеровъ едва отличишь отъ рядовыхъ по узкимъ плечевымъ погончикамъ, или позолоченнымъ пуговицамъ. При подобномъ положеніи нѣтъ ничего удивительнаго, что отъ нихъ нечего ожидать. Будь подобный значительный флотъ англійскій—немыслимо, чтобъ онъ оставался такъ долго въ бездѣйствіи. Каждый капитанъ день и ночь выискивалъ бы случая столкнуться съ непріятелемъ. Земляныя укрѣпленія можно бы было взять ночью, пушки заклепать, и войска, проходившія почти въ виду флота, никакъ не оставлять въ покоѣ.

«Можно было не разъ попробовать торпедо выловить, или взорвать ихъ хлопчато-бумажнымъ порохомъ. И случаи сдѣлать что-нибудь представлялись нерѣдко. Но турки, какъ извѣстно, неспособны къ инниціативѣ. Адмиралъ, командующій флотомъ—Вессимъ-паша, какъ мнѣ говорили, человѣкъ знающій свое дѣло; второй послѣ него, Арифъ-паша, тоже. Но они ничего не могли предпринять сами по себѣ, такъ какъ поставлены подъ главное начальство сердарь-экрема. Нужно ли говорить, что при описанномъ мною положеніи дѣлъ, надѣлано было множество самыхъ грубыхъ ошибокъ и нелѣпѣйшихъ, одно другому противорѣчащихъ распоряженій. Какъ образчикъ турецкой неурядицы можно взять одинъ примѣръ съ большой армстронговской пушкой—какъ она отыскивала корабль, на который была назначена. И этотъ примѣръ вовсе не единственный; подобныхъ случаевъ можно набрать сколько угодно. Вотъ какъ было дѣло: почему-то вообразили, что на одномъ изъ дунайскихъ военныхъ судовъ недостаетъ пушки, хотя, въ сущности, какъ потомъ объяснилось, на немъ было больше пушекъ, чѣмъ нужно. Телеграфировали въ Тофане, арсеналъ въ Константинополѣ, и пушка была отправлена въ Варну. Изъ Варны, съ большими затрудненія-

ми, она была переправлена по желѣзной дорогѣ, въ Рущукъ; когда она была доставлена туда, открылось что корабль, на который она назначена, стоялъ въ низовьяхъ Дуная, ниже Тульчи. Вотъ пушку отсылаютъ назадъ въ Варну и тамъ ее нагружаютъ на военный корабль и направляютъ на Дунай. На этомъ самомъ кораблѣ я плылъ изъ Варны до Сулины. По прибытіи въ Сулину, пушка была перегружена на рѣчной пароходъ; мнѣ опять пришлось быть на томъ же пароходѣ и плыть вмѣстѣ съ пушкой; мы повстрѣчались съ фрегатомъ, на который она назначалась; съ рискомъ потопить пушку въ Дунаѣ, ее стали переваливать съ парохода на фрегатъ и когда втащили наконецъ, то оказалось, что на немъ не было борта, изъ котораго можно бы было стрѣлять, болтовъ, къ которымъ прикрѣпить пушку а лафетъ былъ такъ низокъ, что когда пушку выставляли, то жерло смотрѣло прямо въ облака, и фрегатъ былъ на пути въ Константинополь для того, чтобы сдѣлать всѣ приспособленія для помѣщенія пушки».

Изъ Абхазіи.

Съ береговъ Каспійскаго моря.

Полная возможность разрушенія береговыхъ поселеній рѣшалась уже въ самый день объявленія войны, такъ какъ разбросанность по кавказскому берегу Чернаго моря различныхъ поселеній и сравнительная ничтожность каждаго изъ нихъ, взятаго отдѣльно, дѣлали почти невозможными ни укрѣпленія, ни загражденія береговъ, почему турецкій флотъ и имѣлъ свободу громить и жечь любой, за исключеніемъ Поти, береговой пунктъ тогда, когда только онъ этого желалъ. Что же касается до высадокъ дессанта, то и въ этомъ отношеніи отсутствіе у насъ флота давало непріятелю слѣдующее громадное преимущество: онъ могъ избрать для своихъ операцій опять-таки любой пунктъ побережья, замаскировать свой выборъ маневрированьемъ въ другую сторону, и въ случаѣ даже неудачи обмана, т. е. встрѣтивши на избранномъ мѣстѣ отпоръ съ нашей стороны, ему все-таки оставалась полная возможность перенести немедленно нападеніе на другой пунктъ и произвести тамъ дессантъ несравненно скорѣе, чѣмъ наши войска могли предпринять что-либо для его обороны, тѣмъ болѣе, что случившееся въ то время, вслѣдствіе проливныхъ дождей, разлитіе безчисленнаго множества горныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ самыя даже незначительныя дѣлаются въ то время непроходимыми возлѣ устья, и порча и безъ того крайне плохихъ лѣсныхъ дорогъ внутри страны, не только не допускали, изъ опасенія быть отрѣзанными, растягиванія частей нашихъ войскъ, но замедляли даже движенія летучихъ отрядовъ.

«Поэтому-то непріятель, не смотря на поддержку флота, уничтоженный въ самый моментъ высадки незамѣтно скрытыми отъ него нашими стрѣлками (прекрасное дѣло у Сочи, въ отрядѣ полковника Шелковникова), два раза опять подъ выстрѣлами флота недопущенный залпами нашихъ войскъ къ высадкѣ, (на

р. Гумистѣ и возлѣ г. Сухума, въ отрядѣ генерала Кравченко), разсѣянный въ ночномъ нападеніи на только-что высадившійся дессантъ, когда онъ за темнотою лишенъ былъ прикрытія флота (очень удачное дѣло, въ томъ же отрядѣ, въ самомъ г. Сухумѣ) и наконецъ, испугавшійся выстрѣловъ нашихъ пикетовъ на гудавскомъ посту, тѣмъ не менѣе успѣлъ высадиться въ Пицундѣ, Гудаутахъ, у Адлера на р. Мсымтѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда для обороны берега нельзя было успѣть выслать достаточное количество войскъ и гдѣ онъ могъ произвести высадку вполнѣ безопасно. *)

«Такимъ образомъ, отсутствіе на кавказскомъ берегу тѣхъ или другихъ турецкихъ побѣдъ, т. е. разрушенія беззащитныхъ селеній и высадокъ, мыслимо было, при настоящемъ положеніи этого берега, лишь въ томъ случаѣ, еслибы вниманіе турецкаго флота было отвлечено въ другую сторону, на что можетъ быть и были основанія надѣяться; хотя въ то же время, именно вслѣдствіе полной беззащитности нашей береговой полосы, главнымъ оборонительнымъ пунктомъ для сухумскаго отдѣла было избрано селеніе Ольгинское, находящееся на 24 версты внутрь страны, гдѣ были помѣщены всѣ склады и запасы, и большинство населенія не абхазскаго отдѣла покинуло эту полосу еще за долго до объявленія войны.

«Одновременно съ высадкой двухъ тысячъ турецкаго дессанта въ Гудаутахъ вспыхнуло возстаніе абхазцевъ.

«У турокъ былъ въ высшей степени разсчетливый планъ для возбужденія населенія. Высаживались абхазцы же, но только выселенные нашимъ правительствомъ въ Турцію, слѣдовательно, наиболѣе враждебные намъ и въ то же время наиболѣе близкіе населенію, которое встрѣчали среди высадившихся своихъ братьевъ и друзей; населенію обѣщались всевозможныя милости отъ султана, ему раздавались подарки и оружіе; передъ его глазами стояли: беззащитная съ моря, связанная въ своихъ движеніяхъ, отрѣзанная отъ скораго подкрѣпленія, занимающая ничтожный уголокъ страны горсть русскихъ войскъ съ одной стороны, и могущественный, грозящій разрушеніемъ турецкій флотъ съ другой. Старыя симпатіи рѣшили дѣло, и населеніе, не сдѣлавши даже никакой попытки къ сопротивленію, сразу стало на сторону того, кто въ данномъ случаѣ казался ему болѣе сильнымъ, разсчитывая, и не безъ основанія, что ихъ дома запылаютъ и они сами будутъ перерѣзаны раньше, чѣмъ сухумскій отрядъ, находящійся отъ нихъ въ сорока верстахъ, успѣетъ прислать достаточное для ихъ защиты количество войскъ, тѣмъ болѣе, что послѣднимъ приходилось идти не ближайшей, не открытой дорогой по берегу моря, а пробираться кругомъ, внутри страны.

«Возстаніе это никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ неуспѣшнаго распространенія гражданственности среди абхазцевъ.

«Несмотря на то, что замиреніе этой страны произошло всего въ 1866 году и, слѣдовательно, лишь въ теченіи 10 лѣтъ она подверглась цивилизующему русскому вліянію, что правительство, при всемъ своемъ желаніи, не всегда въ

*) Смотр. стр. 65, 68, 79.

одинаковой мѣрѣ могло удовлетворить всѣ нужды края, оно съ такою заботливостью слѣдило за развитіемъ здѣсь культуры и населеніе на столько выказывало готовности къ ея воспріятію, что часто случалось здѣсь встрѣчать такія явленія народной жизни, которыя могли бы представляться результатомъ и не 10-лѣтней только административной работы, а несравненно болѣе продолжительной. Такъ, не вдаваясь въ подробное перечисленіе всѣхъ относящихся сюда фактовъ, можно остановиться хотя на слѣдующемъ примѣрѣ: абхазское населеніе издавна славилось страстью къ воровству и разбойничеству, возведеннымъ здѣсь на степень добродѣтели, и вообще всѣ христіанскія заповѣди читались абхазцами наоборотъ; между тѣмъ край этотъ, особенно въ послѣднее время, былъ необыкновенно тихъ, почти уничтожилось даже конокрадство, и вообще всѣ виды правонарушеній, встрѣчаемые на Кавказѣ вообще очень часто, случались здѣсь необыкновенно рѣдко, такъ что, въ смыслѣ уваженія права, Абхазія стояла, по статистическимъ даннымъ, неизмѣримо выше окружающихъ ее и уже издавна замиренныхъ странъ, за что мѣстной администраціи и случалось не разъ получать отъ населенія выраженіе глубочайшей признательности.

«Но, конечно, десять лѣтъ не могли совершенно измѣнить основъ характера абхазцевъ, всей ихъ исторіей издавна связанныхъ съ Турціей, измѣнить природныя симпатіи и вселить въ людей, знакомыхъ съ Россіей лишь въ лицѣ оффиціальныхъ ея представителей, такую преданность ей, такое уваженіе къ ея могуществу, чтобы они, во имя ея, жертвовали бы своими непосредственными интересами. Хотя, не случись въ Абхазіи значительныхъ дессантовъ подъ защитой грознаго турецкаго флота, уже одинъ видъ котораго долженъ былъ значительно повліять на этотъ необыкновенно впечатлительный народъ, немыслимо было бы опасаться въ этомъ краѣ какихъ-либо народныхъ волненій и потому вполнѣ понятно выраженіе въ оффиціальномъ сообщеніи кавказскаго начальства, что «ни высшая, ни мѣстная администрація не разсчитывала на возможность измѣны Абхазіи.»

«Неравенство силъ нападенія и обороны, вызвавшее присоединеніе мѣстнаго абхазскаго населенія на сторону сильнѣйшаго, т. е. нападающихъ турокъ, сдѣлалось черезъ возстаніе еще болѣе значительнымъ и ставило малочисленный сухумскій отрядъ въ довольно тяжелое положеніе.

«Ему необходимо было усилить защиту селеній Ольгинскаго и Цебельдинскаго, а также селеній Анастасьевскаго, Георгіевскаго и Александровскаго, гдѣ жили греческіе и болгарскіе поселенцы, и наконецъ, обезпечить себѣ пути сообщенія въ Самурзаканъ, но, главное, не допустить непріятеля овладѣть селеніемъ Ольгинскимъ, гдѣ былъ весь провіантъ и боевые припасы, такъ какъ тогда стоявшему подъ Сухумомъ незначительному отряду генерала Кравченко, части котораго охраняли и всѣ вышеупомянутые пункты, пришлось бы, продержавшись подъ Сухумомъ нѣсколько дней, остаться безъ продовольствія и путей отступленія, потерять сразу весь край и погубить все христіанское населеніе, и потому отрядъ немедленно двинулся на Ольгинское. Укрѣпившись въ Ольгинскомъ, отрядъ занялъ всѣ нужные пункты и началъ наступательныя дѣйствія на не-

пріятеля, узнавая через лазутчиковъ о его скопищахъ и разбивая ихъ, причемъ непріятель, благодаря превосходнымъ качествамъ нашихъ войскъ, при ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны, несъ постоянно,—особенно въ дѣлахъ при селеніяхъ Оранды и Александровскомъ,—весьма значительный уронъ.

«Но когда были получены достовѣрныя свѣдѣнія объ отправленіи въ Сухумъ изъ Константинополя еще десяти тысячъ регулярныхъ войскъ съ 5-ю баттареями, то въ виду бездорожья и соединенной съ нимъ невозможности быстраго подкрѣпленія отряда изъ Кутаисской губерніи, ему посланъ былъ приказъ отступить немедленно въ Самаурзакань. Отступленіе это необходимо было произвести съ величайшею скоростью, такъ какъ отрядъ имѣлъ при себѣ госпиталь и семьи поселенцевъ, всего до двухъ тысячъ душъ мирныхъ гражданъ, которымъ предстояла, еслибы непріятель успѣлъ заперетъ дорогу, неминуемая гибель; нужно было отступить раньше, чѣмъ могъ высадиться въ Сухумѣ новый турецкій дессантъ и стать на путь отступленія. Поэтому нельзя было воспользоваться сравнительно удобной, но болѣе открытой дорогой на Илори, и отряду пришлось совершить неимовѣрно трудный путь черезъ Багадской мостъ.

«Нельзя не отдать полной справедливости предусмотрительности начальства, отдавшаго приказъ объ отступленіи изъ Цебельды, и непосредственнымъ исполнителямъ, столь быстро и энергически выполнившимъ это приказаніе, такъ какъ насколько могло сдѣлаться затруднительнымъ положеніе сухумскаго отряда, это видно уже изъ того, что вскорѣ по выходѣ его изъ Цебельды, возстаніе охватило и ту часть страны, которая отдѣляетъ Цебельду отъ Самурзакани, и даже вдвое сильнѣйшій, соединенный кутаисско-сухумскій отрядъ ген. Алхазова, несмотря на два успѣшныя дѣла съ непріятелемъ, на р. Кодорѣ и при Илори, все-таки нашелъ болѣе расчетливымъ отступить временно на югъ.

Взаимная искренность *).

Корреспондентъ рисуетъ слѣдующую картину въ главной квартирѣ послѣ переправы чрезъ Дунай у Зимницы: Въ тѣсномъ кругу, окруженный офицерами, стоитъ Императоръ, а предъ нимъ великій князь Николай Николаевичъ. Императоръ только что вручилъ ему георгіевскій крестъ 2-й степени, обнялъ его и облобызалъ. Великіе Князья обступаютъ и цѣлуютъ его, онъ отвѣчаетъ глубоко тронутый, на ихъ привѣтствія, обнимаетъ ихъ и затѣмъ всѣхъ генераловъ. Офицеры поднимаютъ его на плечи и устраиваютъ ему такую искреннюю и вмѣстѣ съ тѣмъ неподготовленную овацію, другой примѣръ которой едвали представитъ исторія. Императоръ былъ до нельзя обрадованъ этимъ; когда волненіе нѣсколько успокоилось, онъ обратился къ окружавшимъ Его Великимъ князьямъ, генераламъ и офицерамъ съ краткою рѣчью.

Воздавъ должное мужеству арміи и доброй волѣ офицеровъ, Государь продолжалъ такъ:

*) Корр. „Presse“ газеты Гатцука № 28, 1877 г.

«Съ дѣтства своего я привыкъ къ арміи; вотъ почему я не могъ теперь остаться вдали отъ нея и прибылъ къ вамъ, чтобы раздѣлять съ вами и счастливые и горькіе дни!»

Восторженныя восклицанія привѣтствовали эти слова и долго неумолкало «ура!» Великихъ князей и генераловъ въ честь Императора.

Случай военнаго счастія *).

Во время перестрѣлки подъ Карсомъ въ лагерѣ генерала Ореуса были удивительные случаи. Одинъ изъ нихъ слѣдующій: градъ бомбъ и гранатъ навелъ панику на деньщиковъ и маркитантовъ. Первые, безъ всякаго распоряженія, стали укладывать вещи своихъ господъ, запрягать лошадей; вторые бросались убѣгать изъ лагеря. Во время запряжки лошадей въ коляску командира 2-й баттареи, когда коренникъ и лѣвая пристяжная были запряжены, прилетѣвшая бомба проскользаетъ подъ брюхомъ коренной, между ногами ея, ногами пристяжной и колесомъ экипажей, сбиваетъ съ ногъ обѣихъ лошадей и, сдѣлавъ рикошетъ, перескакиваетъ на 15 шаговъ дальше лопается, не причинивъ никому вреда. Деньщики разбѣжались. Другая бомба падаетъ въ толпу строившихся пѣхотинцевъ и зарывается въ землю. Всѣ валятся вокругъ ея, потомъ встаютъ, встряхиваются и дѣло кончается для всѣхъ благополучно. Третья падаетъ въ разстояніи только шага передъ г. Новиковымъ, командиромъ 2-й баттареи, напоромъ воздуха сбиваетъ его съ ногъ, обсыпаетъ землею. Всѣ думаютъ что онъ убитъ, но командиръ встаетъ, преспокойно поглаживаетъ бороду и продолжаетъ команду, какъ ни въ чемъ не бывало.

Командиръ сводной гвардейской команды Озеровъ и фельдфебелъ этой роты лежали во рву раненые **); проходившіе мимо нихъ турки замѣтили нихъ и поворотили къ нимъ съ очевидною цѣлью приколоть и ограбить, что турки постоянно дѣлали во время этого боя. Находчивость фельдфебеля предупредила нихъ: замѣтивъ недалеко барабанщика, фельдфебель крикнулъ: «бей тревогу!» Барабанщикъ ударилъ тревогу ***) а Озеровъ и фельдфебель закричали «ура! Турки повернули и бросились бѣжать.

Разсказывали про одного армейца—волынца, по фамиліи Молябашенко. Онъ лежалъ въ лазаретѣ г. Рыжова и обращалъ всеобщее вниманіе. Онъ только контуженъ въ правую лодышку, а между тѣмъ въ его шинели корреспондентъ насчиталъ до 14 отверстій, сдѣланныхъ пулями. Шинель была смотана во время боя.

---

*) Корр. газеты „Кавказъ". 1877 г.

**) Случай во время переправы у Зимницы.

***) Аттаку?

Султанъ и его совѣтники *).

(Замѣтка о политикѣ Турціи).

«Политика Турціи находится въ полной зависимости отъ того, что дѣлается во дворцѣ, а знать вѣрно, что именно тамъ дѣлается, весьма трудно. Получать какія-нибудь свѣдѣнія оттуда я не имѣю возможности, но тѣмъ не менѣе имѣю основаніе думать, что послѣ моего послѣдняго письма во дворцѣ произошла перемѣна, которая можетъ повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Я писалъ уже о неимовѣрныхъ усиліяхъ, которыя дѣлались для того, чтобы держать султана въ полномъ невѣдѣніи о положеніи дѣлъ на войнѣ, или, лучше сказать, о томъ, что эти усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Признаюсь это для меня неразрѣшимая загадка. Оно было бы еще объяснимо, если бы султанъ былъ доступенъ только для немногихъ пристрастныхъ совѣтниковъ, или если бы онъ былъ самодовольнымъ, ограниченнымъ человѣкомъ съ предвзятыми взглядами, которыхъ упорно держался бы, несмотря ни на что. А то европейцы, которые видятъ его часто и могли поэтому составить себѣ довольно ясное понятіе объ его характерѣ, представляютъ его человѣкомъ, который сдѣлалъ ужь первый шагъ къ сознанію, знаетъ, что подъ вліяніемъ восточнаго воспитанія онъ ходилъ во мракѣ, и обнаруживаетъ полную готовность и даже рвеніе выйти изъ этого мрака и слѣдовать въ политикѣ здравымъ взглядамъ; а разъ опредѣливши свой путь, онъ обладаетъ въ достаточной степени твердостью характера и силой воли для того, чтобы неуклонно идти по этому пути. Несправедливы къ нему тѣ, кто думаютъ, что онъ настолько безхарактеренъ и слабъ, что служитъ игрушкой въ рукахъ болѣе сильныхъ людей. Природой онъ не обиженъ, а лишь затемненъ и сбитъ съ пути. Заблуждается онъ потому только, что его увѣрили, что онъ идетъ по самой настоящей дорогѣ.

Такая непросвѣщенная твердость стоитъ, впрочемъ, самой послѣдней слабости, тѣмъ болѣе что султанъ не видитъ почти никого кромѣ одних недобросовѣстныхъ совѣтниковъ; они изо всѣхъ силъ хлопочутъ о томъ, чтобы не допускать до него истины. Вы знаете ужъ, что одинъ англійскій докторъ, бывшій на турецкой службѣ, былъ высланъ изъ Константинополя въ нѣсколько часовъ за то, что пользуясь своимъ доступомъ во дворецъ, показалъ султану частныя телеграммы съ мѣста военныхъ дѣйствій. Случай съ нимъ послужилъ предостереженіемъ для другихъ; на это, конечно, и разсчитывали сильные; послѣ этого, нѣтъ сомнѣнія, всѣ частныя лица, имѣющія доступъ къ султану, станутъ остерегаться говорить ему истину. Между лицами неофиціальными нашлись бы, положимъ, такія, которыя не побоялись бы сказать султану все; но они не имѣютъ свободнаго къ нему доступа; затѣмъ остаются еще совѣтники, которые могутъ видѣть султана, когда захотятъ, которые получаютъ самыя вѣрныя извѣстія и не изъ личныхъ, а изъ политическихъ видовъ имѣли бы основаніе сообщить ихъ. Я разумѣю

*) Спец. корр. газеты „Times“ 29 іюня 1877 г. изъ Тераніи.

иностранныхъ посланниковъ и министровъ, но на ихъ счетъ султанъ оставляется въ такихъ же потемкахъ, въ какихъ былъ все время на счетъ главныхъ событій на войнѣ. Это можетъ показаться на первый взглядъ невѣроятнымъ, но это такъ. Нужно думать, что онъ заранѣе предупрежденъ противъ всякихъ совѣтовъ посланниковъ и противъ всѣхъ извѣстій, какія они могли бы представить въ подтвержденіе своихъ совѣтовъ. «Англійскій или германскій посланникъ могутъ сказать вашему величеству то или это, но имъ нельзя вѣрить. Они иностранцы и заботятся только о своихъ земляхъ, а никакъ не о Турціи. Ихъ соотечественники готовы погубить Турцію ни за что. Гибель ея для нихъ выгодна и ужъ по одному этому ихъ внушеній нельзя принимать. Ваше величество должны слушать только однихъ турокъ, интересы которыхъ согласуются съ интересами ихъ страны.» Вотъ что напѣвается постоянно султану, и, какъ положительно извѣстно, говорено было о Гобартѣ-пашѣ, и не смотря на всѣ его услуги туркамъ, несмотря на чувствительную потерю, которую турецкій флотъ понесъ въ лицѣ этого способнѣйшаго офицера, въ то именно время, когда онъ нуженъ больше, нежели когда либо, навѣтъ этотъ имѣлъ успѣхъ. Если такъ взглянули на человѣка состоящаго на турецкой службѣ, то что и говорить о совѣтникахъ иностранныхъ, стоящихъ за интересы своихъ государствъ, въ особенности, если въ ихъ совѣтахъ замѣчается несогласіе и нерѣдко противорѣчіе. Для того, чтобы разобрать какъ слѣдуетъ подобные совѣты, оцѣнить ихъ и сдѣлать между ними вѣрный выборъ, нужно быть попросвѣщеннѣе, проницательнѣе султана. Не находя опоры въ толпѣ совѣтниковъ, а напротивъ, видя въ ихъ совѣтахъ одинъ несправедливый хаосъ, султану остается въ отчаяніи отвернуться отъ политиковъ и государственныхъ людей и обратиться къ людямъ честнымъ,—къ тѣсному кружку своихъ родственниковъ и друзей; ему думается, что имъ онъ можетъ довѣрять, потому что ихъ интересы тождественны съ его собственными интересами, они вѣдь турки. Да и что же можно сказать противъ того, что турецкій государь не можетъ относиться съ довѣріемъ къ совѣтамъ посланниковъ тѣхъ державъ, которыя бросили Турцію на произволъ могущественнаго и безпощаднаго непріятеля. Это въ особенности примѣнимо къ Англіи; турки считали ее за стараго друга и союзника, отъ котораго до послѣдней минуты ожидали многаго; теперь же противъ Англіи положительно озлоблены. Основательно или неосновательно смотрятъ турки на дѣло, это второй вопросъ, но общее настроеніе здѣсь положительно анти-англійское. Мнѣ случилось какъ-то говорить съ однимъ армяниномъ, 20 лѣтъ вращавшимся въ турецкомъ журнальномъ мірѣ и до сихъ поръ принадлежащимъ къ редакціи одной изъ главныхъ турецкихъ газетъ. Онъ съ большой горечью и, какъ мнѣ показалось, съ полной искренностью доказывалъ, что отвѣтственность за войну падаетъ на Англію; что если бы не Англія, Турція никогда не пошла бы противъ желаній Европы.

Прибытіе британскаго флота въ Безикскую бухту, по его словамъ, ободрило Турцію отвергнуть берлинскій меморандумъ; по совѣту Англіи же, — негласному, конечно, — Турція отвергла предложенія конференціи. Наконецъ, протоколъ былъ бы ею непремѣнно принятъ, если бы ей дали ясно понять, что Англія

будетъ держаться нейтралитета. Объявленіе о нейтралитетѣ поразило турокъ удивленіемъ и вызвало съ ихъ стороны негодованіе, которое усилилось еще больше, когда Англія прямо и ясно показала, что она нисколько не думаетъ о бѣдствіяхъ, угрожающихъ ея старинному другу и союзнику, а охраняетъ только британскіе интересы. Ради этихъ интересовъ она нарушила условія нейтралитета, вступившись за Суэзскій каналъ, который во всякомъ случаѣ составляетъ собственность Турціи; теперь она опять двинула свой флотъ въ Безикскую бухту, опасаясь, что послѣ легкаго перехода русскихъ черезъ Дунай не далекъ ужъ и раздѣлъ Турціи, и считала въ такомъ случаѣ необходимымъ занять такое положеніе, которое давало бы ей возможность предъявить требованіе на долю въ добычѣ. Привожу эти слова, въ которыхъ выражается турецкій взглядъ, безъ всякихъ комментаріевъ. Въ заключеніе собесѣдникъ мой сказалъ, что въ случаѣ, если бы Турція была разбита, то ничѣмъ не могла бы лучше отплатить Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить своимъ собственнымъ интересамъ, какъ заключивши миръ непосредственно съ Россіей, своимъ открытымъ врагомъ, безъ посредства фальшивыхъ друзей.

Къ этому онъ прибавилъ, что въ случаѣ, если бы Англія вздумала провести свой флотъ черезъ Дарданеллы, подъ предлогомъ защиты Константинополя, то ей объявили бы, что Порта не желаетъ ея покровительства иначе какъ подъ условіемъ, чтобы она вступила въ проливъ, какъ прямая союзница Турціи, и слѣдовательно, какъ непріятель Россіи. Здѣсь, даже въ кружкахъ свѣдущихъ, говорятъ, что не дѣлая прямаго предложенія въ этотъ смыслѣ, начаты переговоры съ цѣлію разузнать, какъ приняли бы въ Турціи, если бы британскій флотъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, появился въ Константинополѣ. Вамъ, вѣроятно, больше моего извѣстно объ этихъ переговорахъ, по крайней мѣрѣ съ англійской стороны. Что касается до того, какъ относятся къ нимъ здѣсь, то могу сказать, что анти-англійское настроеніе, о которомъ я упомянулъ выше, успѣло проникнуть и во дворецъ и вооружило противъ всякаго совѣта, исходящаго изъ англійскаго и вообще не изъ турецкаго источника. Нѣтъ сомнѣнія, что и среди турокъ есть люди, которые могли бы дать султану хорошій совѣтъ, такой же точно, какой онъ могъ получить и отъ англичанъ. Но и противъ нихъ онъ былъ предупрежденъ на сколько же, какъ и противъ иностранцевъ; его увѣрили, что хоть и не могутъ быть на столько враждебны Турціи, какъ иностранцы, но что они непріязненно относятся къ лучшимъ друзьямъ Турціи, т. е. къ личностямъ, имѣющимъ вѣсъ при дворѣ. Я говорилъ уже вамъ объ исторіи съ однимъ адъютантомъ, который, какъ очевидецъ, разсказалъ султану о томъ какъ бѣдствуютъ турецкія войска въ Малой Азіи. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что вооружаетъ, вмѣстѣ съ другими, его величество противъ достойнаго Редифа-паши, и немедленно удаленъ. Послѣ этого не всякій захочетъ передавать что-нибудь, и въ то время какъ я писалъ вамъ, султанъ опять былъ въ пріятномъ заблужденіи, что русскіе, при переходѣ у Систова, встрѣтили такой отпоръ, что потеряли 4,000 человѣкъ. Меня увѣряютъ, впрочемъ, что послѣ моего послѣдняго письма произошла большая перемѣна, что султанъ узналъ на-

конецъ, какъ безсовѣстно его обманывали и принялъ мѣры къ тому, чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается на войнѣ. Онъ окружилъ себя новыми совѣтниками отъ перваго до послѣдняго, которые, какъ можно надѣяться, не такъ враждебно смотрятъ на Англію. Онъ не намѣренъ уступить безъ борьбы до послѣдней крайности и лично далъ строгій приказъ, чтобы русскіе были, во что бы то ни стало, аттакованы при Тырновѣ и Габровѣ, прежде чѣмъ перейдутъ черезъ Балканы; но, въ случаѣ неудачи, онъ, какъ говорятъ, не прочь начать переговоры о мирѣ. Давно ужъ поговариваютъ, что онъ хотѣлъ бы перемѣнить министерство; но въ виду непріятеля, эта политическая мѣра едва ли можетъ быть желательна; гораздо умѣстнѣе будетъ она послѣ того, какъ наступитъ исходъ войны. А пока такихъ же результатовъ можно достигнуть домашней перемѣной въ дворцовой политикѣ.»

Бомбардированіе Эвпаторіи.

(27 іюня, *).

«27-го іюня, въ 7 часовъ утра, съ Евпаторійскаго маяка было замѣчено приближеніе съ запада трехъ непріятельскихъ броненосцевъ, изъ которыхъ одинъ трехмачтовый, а другіе два—меньшаго ранга, двухмачтовые. Эскадра эта, приблизясь къ маяку, взяла направленіе на Евпаторію, медленно двигалась на встрѣчу четвертому паровому судну, появившемуся съ юго-запада и оказавшемуся двухмачтовымъ военнымъ пароходомъ. Въ виду приближенія непріятеля, начальникъ евпаторійскаго отдѣла, генералъ-маіоръ *Дедюлинъ* **) приказалъ войскамъ стать на заранѣе выбранной позиціи и быть въ полной готовности къ отраженію противника. Около $11^1/_2$ часовъ утра непріятельская эскадра выстроилась противъ Евпаторійскаго рейда, имѣя адмиральскій броненосецъ на лѣвомъ, а пароходъ на правомъ флангѣ, и открыла огонь по городу и по войскамъ, расположеннымъ на позиціи.

Въ это самое время купеческая шхуна «Св. Николай,» стоявшая у Сакской пристани и нагружавшаяся солью, снялась съ мѣста и двинулась къ Евпаторійскому рейду. Непріятель, намѣреваясь захватить шхуну, выслалъ противъ нея пароходъ и оба двухмачтовые броненосца, съ четырьмя спущенными на воду шлюпками; тогда шхуна, убравъ паруса и бросивъ якорь, остановилась на высотѣ Пидѣйскаго кордона пограничной стражи ***), а шкиперъ съ тремя матросами переправились въ шлюпкѣ на берегъ песчаной косы.

Не желая допустить непріятеля овладѣть призомъ, генералъ-маіоръ *Дедюлинъ* выдвинулъ на косу ближайшую артиллерійскую часть—4-й взводъ 2-й батареи 34-й артиллерійской бригады, а въ прикрытіе къ артиллеріи назначилъ одинъ взводъ 2-го эскадрона 10-го уланскаго одесскаго полка и 4-й эскадронъ того

*) Прав. Вѣстн. № 154 1877 г.—**) Начальникъ 10-й кавалерійской дивизіи.

***) На косѣ между моремъ и соленымъ озеромъ на юго-востокъ отъ Эвпаторіи.

48

же полка. Быстро вынесясь по косѣ съ посаженной на орудія прислугой и, снявшись съ передковъ на седьмой верстѣ отъ города, орудія открыли пальбу гранатами, съ трехверстной дистанціи по пароходу и шлюпкамъ. Не смотря на огонь броненосцевъ и парохода, прикрывавшаго шлюпки, перестрѣлка съ непріятелемъ поддерживалась въ теченіе $2^1/_2$ часовъ; подъ конецъ перестрѣлки къ нашимъ орудіямъ присоединился и 3-й взводъ той же батареи. Съ нашей стороны было выпущено всего 36 гранатъ, изъ которыхъ шесть разорвались надъ палубою парохода, что ясно было видно съ батареи, но какое именно поврежденіе причинили онѣ непріятелю—осталось неизвѣстнымъ. Непріятельскіе снаряды ложились вообще довольно близко къ батареѣ: одна бомба дала рикошетъ передъ самыми орудіями, а другая разорвалась недалеко за ящиками.

3-й батальонъ 135-го пѣхотнаго керчь-еникальскаго полка, прибывшій къ началу перестрѣлки изъ селенія Сакъ, разсыпалъ по берегу косы стрѣлковъ, которые, однако, за дальностію разстоянія, не могли открыть огонь по шлюпкамъ.

Между тѣмъ, трехмачтовый броненосецъ, стоявшій въ продолженіе всего этого времени противъ карантина (на юго-западной окраинѣ города), стрѣлялъ по нашимъ войскамъ, расположеннымъ на позиціи (четыре роты керчь-еникальскаго пѣхотнаго полка), а также и по городу, куда попало нѣсколько неразорвавшихся бомбъ; большая же часть непріятельскихъ снарядовъ ложилась на набережной, и только двѣ бомбы перелетѣли далеко за городъ, упавъ близъ расположенія нашего резерва.

Въ 2 часа пополудни турецкій пароходъ взялъ шхуну на буксиръ и сталъ отходить, а за нимъ послѣдовали и броненосцы, окончивъ залпами огонь по городу и войскамъ. Непріятельскія суда простояли нѣкоторое время въ виду Евпаторіи, а затѣмъ двинулись по направленію къ Севастополю, придерживаясь берега; въ 6 часовъ вечера эскадра перемѣнила курсъ и пошла на сѣверо-западъ, въ какомъ направленіи и была видна до наступленія темноты.

Во время описанной перестрѣлки непріятель выпустилъ болѣе 60-ти снарядовъ, не причинивъ нашимъ войскамъ никакой потери; поврежденія же въ городѣ ограничиваются одной пробитой крышей нежилаго строенія. На косѣ непріятельскій снарядъ перебилъ проволоку телеграфной линіи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей батареи; поврежденіе это было быстро исправлено евпаторійскимъ надсмотрщикомъ *Судзиловскимъ* и строителемъ телеграфныхъ линій *Валюженичемъ,* работавшими нѣкоторое время подъ выстрѣлами съ броненосцевъ.

Что касается поведенія нашихъ войскъ во время евпаторійской перестрѣлки, то оно было во всѣхъ отношеніяхъ примѣрно. Офицеры и солдаты радовались первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, какъ великому празднику: получивъ приказаніе стать на позицію, части двинулись впередъ съ пѣснями. Артиллеристы отличались невозмутимымъ хладнокровіемъ при исполненіи своихъ обязанностей, не смотря на то, что по сосѣдству падали непріятельскія бомбы; когда одна изъ нихъ разорвалась около ящиковъ и тѣмъ привлекла на себя вниманіе молодыхъ солдатиковъ, то одинъ изъ наводчиковъ обратился къ нимъ съ укоризной,

замѣтивъ, что теперь надо слѣдить за полетомъ своихъ гранатъ, а не глядѣть, какъ лопаются турецкія бомбы.

Разсказы *).

«Однажды у селенія Жебріянъ громадный трехмачтовый турецкій пароходъ сѣлъ на мель. Онъ погнался за рыбаками, принявъ ихъ за русскихъ моряковъ, разставляющихъ торпеды. Рыбаки, конечно, на утекъ, и на своихъ небольшихъ лодкахъ направились нарочно на отмели; пароходъ за ними, да тамъ и застрялъ. Турки мучились, мучились, но ничего не могли подѣлать; наконецъ, забрали съ него все, что могли, да и сами же разбили, говорятъ, часть его бомбами.

«Одинъ жебріянскій житель, проѣзжая черезъ сосѣднюю деревню, взялъ напоказъ часть пороха, вынутаго жителями изъ ядра и, представьте себѣ, по изслѣдованію оказалось, что, вмѣсто пороха—песокъ съ мелко-истолченнымъ углемъ! Неудивительно послѣ этого, что изъ 150-ти ядеръ, брошенныхъ въ эту деревню, ни одно не разорвалось. Но, какъ на грѣхъ, одинъ семьянинъ поплатился жизнью за это добываніе пороха: онъ собралъ нѣсколько штукъ ядеръ и большую часть опорожнилъ; но при вынутіи пороха случилось слѣдующее несчастье: бомбу разорвало въ хатѣ, убило жену хозяина, двоихъ дѣтей и оглушило одного казака, которыхъ въ деревнѣ стоитъ до 50; съ виновника несчастія сорвало голову, оторвало ему руку и ногу, такъ что не осталось отъ трупа подобія человѣка.

«У казаковъ развилось страстное желаніе убить или поймать живьемъ черкеса. На черкесовъ стали смотрѣть какъ на кладъ, потому что у каждаго изъ пойманныхъ черкесовъ и баши-бузуковъ находили не менѣе 100 турецкихъ лиръ, а у нѣкоторыхъ и поболѣ. Съ тѣхъ поръ бывало—какъ только увидитъ казакъ черкеса, охотится за нимъ какъ за кладомъ, желая, во что бы ни стало, живымъ или мертвымъ, но овладѣть имъ. На другихъ турокъ не обращали такого вниманія, признавая ихъ за бѣдныхъ. Деньги у черкесовъ—конечно, плодъ грабежа ихъ у турокъ-христіанъ.»

Переходъ черезъ великіе Балканы **)

и современное движеніе въ Малой Азіи.

Важнѣйшимъ въ политическомъ и военномъ отношеніи событіемъ былъ переходъ нашего передоваго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко, черезъ Балканы, совершенный 1-го іюля, спустя двѣ недѣли послѣ переправы первыхъ частей арміи черезъ Дунай. Смѣлое движеніе этого отряда по трудно-

*) Газета „Голосъ“ изъ Измаила отъ 1-го іюля.

**) Перечень военныхъ дѣйствій напеч. въ Русскомъ Инв. отъ 4 по 10 іюня.

доступному Калифарскому ущелью (между Травнинскимъ и Еленскимъ балканскими проходами) въ долину рѣки Тунджи показало что мы уже успѣли въ придунайской Болгаріи воспользоваться достаточными силами не только для того, чтобы вести операціи противъ укрѣпленнаго турецкаго четыреугольника и сосредоточенной въ немъ главной непріятельской арміи, но и для завладѣнія важнѣйшими горными проходами.

«Съ занятіемъ 25-го іюня города Тырнова, вся линія Янтры перешла въ наши руки, и авангарды арміи выдвинуты были къ рѣкѣ Лому. Непріятель не рѣшался до сихъ поръ оказывать серьезнаго сопротивленія расширенію поля нашихъ дѣйствій и всѣ дѣла ограничивались большею частю небольшими стычками разъѣздовъ съ партіями черкесовъ и вооруженныхъ мусульманскихъ жителей. Только 29-го іюня уланскій полкъ нашъ, высланный изъ Янтры по направленію къ Османъ-Базару, выдержалъ довольно упорный бой съ 1.500 турецкимъ отрядомъ, конвоировавшимъ военный транспортъ. Уланы нѣсколько разъ атаковали его, но не могли выбить непріятеля, защищеннаго повозками и пересѣченною мѣстностью, и лишь по прибытіи на мѣсто боя подкрѣпленія изъ двухъ эскадроновъ гусаръ и полусотни казаковъ съ двумя орудіями, турки были обращены въ бѣгство и преслѣдуемы нашею кавалеріею. Результатомъ дѣла было отбитіе 300 повозокъ съ 10 плѣнными; съ нашей стороны потеря заключалась въ одномъ убитомъ и одномъ раненомъ офицерахъ и 23 нижнихъ чинахъ, выбывшихъ изъ строя; кромѣ того пять нижнихъ чиновъ пропали безъ вѣсти.

«Переходъ черезъ Балканы былъ произведенъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и скрытностью въ такомъ пунктѣ, гдѣ непріятель не ожидалъ появленія нашихъ войскъ. 30-го іюня передовой отрядъ генерала Гурко, составленный изъ всѣхъ родовъ оружія, выступилъ изъ Тырнова и на другой уже день перевалилъ черезъ Балканскій хребетъ, пройдя въ два дня, по глухой, узкой и крутой тропинкѣ, ущелья Калифаръ-дере, разстояніе, которое немногимъ менѣе 50 верстъ, считая отъ Тырнова до перевала. Спустившись съ послѣдняго, отрядъ нашъ атаковалъ врасплохъ слабый турецкій батальонъ, наблюдавшій выходъ изъ ущелья, и разсѣялъ его, а двѣ казачьи сотни проникли за 30 верстъ до города Іени-Загра, близъ ямболи-андріанопольской желѣзной дороги, уничтоживъ на нѣкоторомъ пространствѣ телеграфное сообщеніе. 3-го іюля казаки имѣли стычку съ иррегулярными непріятельскими толпами, поддержанными тремя турецкими батальонами, которые, завидя приближеніе подкрѣпленія изъ драгуновъ съ четырьмя орудіями, обратились въ поспѣшное бѣгство: трофеями дѣла были: знамя, нѣсколько значковъ и много оружія. Передовой отрядъ нашъ продолжалъ движеніе на западъ, къ Казанлыку, съ цѣлью выйти въ тылъ Шибки, важнѣйшему и сравнительно лучшему проходу Великаго Балкана.

«Неожиданное появленіе передовыхъ русскихъ войскъ въ забалканской Болгаріи, вблизи желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ столицѣ Турціи, произвело всеобщую панику среди мусульманскаго населенія и правительственныхъ органовъ оттоманской имперіи; уже въ одномъ отношеніи лихое движеніе отряда генерала Гурко послужило началомъ славнаго успѣха.

Дѣйствія кавалерійскаго передоваго отряда *).

28 іюня, по приказанію вашего превосходительства, я вступилъ въ командованіе кавалеріей передоваго отряда, всего въ $30^1/_2$ эскадроновъ и 18 конныхъ орудій: гвардейскій полуэскадронъ, драгунская сводная кавалерійская и казачья бригады съ ихъ артиллеріей. Начальникомъ штаба при мнѣ былъ назначенъ генеральнаго штаба подполковникъ Сухотинъ.

Того же числа, по указанію вашего превосходительства, былъ откомандированъ Донской казачій № 30-го полкъ съ двумя орудіями, съ назначеніемъ, вопервыхъ, тремя сотнями съ артиллеріей занять Дреновъ и Габрово, наблюдать горные выходы, овладѣть запасами принадлежащими Туркамъ, организовать подъемъ съ цѣлію веденія демонстраціи на перевалахъ черезъ Балканы; вовторыхъ, изъ остальныхъ сотенъ образовать временный конвой для главной квартиры.

29 іюня, наканунѣ выступленія отряда изъ гор. Тырнова, по Хаимбагасскому проходу черезъ Балканы, былъ откомандированъ также и 9-й гусарскій Кіевскій имени моего полкъ въ составъ отряда, получившаго назначеніе, занимая позицію у гор. Тырнова до прихода главныхъ силъ, прикрывать доступы къ этому городу со стороны Османъ-Базара. Того же числа послѣдовало распоряженіе о высылкѣ трехъ сотенъ казаковъ съ двумя орудіями къ гор. Еленѣ, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о пребываніи тамъ непріятеля.

30 іюня весь передовой отрядъ, въ томъ числѣ 14 эскадроновъ кавалеріи и 16 орудій, общею колонною двинулся къ Хаимбагасскому перевалу и вечеромъ прибылъ на бивакъ у (Средней Колибы) с. Дольнаго Моста; сюда же вышелъ казачій отрядъ высланный къ гор. Еленѣ, который прошелъ до Беброва, а затѣмъ, прямо черезъ Балканы, вышелъ на соединеніе съ главными силами. Въ теченіе дня казаки сдѣлали около 80 верстъ, пройдя черезъ Беброво, и обезоружили турецкое населеніе и, имѣя нѣсколько перестрѣлокъ съ баши-бузуками, взяли много плѣнныхъ, которые были сданы на руки мѣстному болгарскому населенію.

1 іюля кавалерія, въ составѣ общей колонны передоваго отряда, перешла къ самому перевалу, гдѣ и бивакировала, за исключеніемъ четырехъ сотенъ № 26-го Донскаго полка, съ разсвѣтомъ 1-го числа высланныхъ для прикрытія летучаго отряда генерала Рауха, слѣдовавшаго на переходъ впереди и разрабатывавшаго проходъ.

2 іюля передовыя части отряда вышли изъ ущелья у сел. Ханкіоя, и въ то время какъ пѣхота двинулась, подъ начальствомъ генерала Рауха, съ боемъ, чрезъ сел. Ханкіой и Конара, четыре сотни № 26-го Донскаго полка выдвину-

*) Рапортъ начальника кавалеріи передоваго отряда Свиты Его Величества генералъ-майора Е. Выс. Князя Николая Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго, начальнику передоваго отряда генералъ-лейтенанту Гурко отъ 28 іюля 1877 г.

лись изъ ущелья на рысяхъ и преслѣдовали русломъ рѣки Сельверъ на Есекчи, имѣя въ виду отрѣзать путь на Казанлыкъ. По приближеніи къ дер. Есекчи и Махала, казаки были встрѣчены огнемъ, почему часть ихъ была спѣшена, послѣ чего деревни были заняты съ боя. Вытѣсненные изъ деревень Турки-жители продолжали отступать съ перестрѣлкой, прикрывая отходившіе обозы; но, наконецъ, преслѣдуемые казаками Турки были прогнаны, обозъ захваченъ и истребленъ, и полкъ остановился на бивакѣ у сел. Есекчи, получивъ назначеніе наблюдать дорогу на городъ Казанлыкъ и пути къ югу отъ Есекчи. Только къ вечеру, 3 іюля, прибыли на бивакъ къ сел. Ханкіой драгунскіе полки съ ихъ артиллеріей и Кіевскій гусарскій полкъ, выступившій изъ Тырнова 1-го іюля, какъ только пришла голова главныхъ силъ. Въ теченіе трехъ дней похода по горамъ нижніе чины находились въ безпрерывной работѣ, помогая своей артиллеріи, и можно безъ преувеличенія сказать что наши орудія, и въ особенности четырехколесные ящики, были перенесены за Балканы на солдатскихъ рукахъ.

3 же іюля, утромъ, были высланы два дивизіона казачьяго № 26-го полка для развѣдокъ: одна—въ направленіи на Твердицу, другая – въ направленіи къ Ени-Загрѣ. Дѣйствія перваго дивизіона заключались въ слѣдующемъ: по приближеніи къ сел. Твердицѣ, казаки обнаружили къ югу отъ этой деревни около трехъ таборовъ пѣхоты и отъ 300 до 400 человѣкъ кавалеріи при артиллеріи, съ которыми и завязали перестрѣлку, но вскорѣ превосходный въ числѣ непріятель принудилъ Донцовъ къ отступленію.

Не желая, однако, подать непріятелю видъ отступленія, дивизіонъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта штабъ-ротмистра барона Корфа, началъ подаваться вправо, какъ бы въ обходъ противника, а затѣмъ, медленно отходя, дошелъ до Сел. Запанли, гдѣ и остановился. Сюда прибыли и первыя подкрѣпленія, въ составѣ Уральской сотни и еще 4-й сотни того же № 26-го полка. Около 4 часовъ вечера въ подкрѣпленіе казакамъ былъ высланъ 9-й драгунскій Казанскій полкъ, съ четырьмя орудіями Донской казачьей № 10-го баттареи. По приближеніи драгунъ къ Твердицѣ, они увидѣли къ югу отъ населенія непріятельскую пѣхоту и баттарею. Развернувъ свои орудія на позиціи, командиръ полка, полковникъ Корево, перестроилъ полкъ въ боевой порядокъ и началъ наступленіе. Послѣ двухъ или трехъ нашихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, Турки начали отступать. Чтобы нагнать непріятеля, былъ выдвинутъ 4-й эскадронъ маіора Теплова; драгуны, прискакавъ въ сел. Твердицу, были остановлены огнемъ Турокъ, занявшихъ вторую позицію, но не надолго. Маіоръ Тепловъ, спѣшивъ свою часть и часть перваго эскадрона и строжайше запретивъ стрѣлять до особаго приказанія, повелъ драгунъ безъ выстрѣловъ, въ штыки. Одновременно съ этимъ, № 10-го Донская баттарея, занявъ позицію правѣе деревни, обстрѣливала непріятеля. Турки, давъ два залпа по 4-му эскадрону, не выдержали безмолвной аттаки драгунъ и обратились въ безпорядочное бѣгство, послѣ чего Казанцы, вмѣстѣ съ казаками, начали преслѣдованіе, которое было прекращено только вслѣдствіе наступленія темноты. Непріятеля гнали далѣе десяти верстъ,

причемъ у него было взято знамя и схвачена часть обоза съ артиллерійскими припасами. Къ часу ночи драгунскій полкъ вернулся въ Хаинкіой.

Въ тотъ же день, какъ было сказано выше, произведена была развѣдка дивизіономъ № 26-го же Донскаго полка къ Ени-Загрѣ. Командиръ дивизіона, адъютантъ военнаго министра ротмистръ Мартыновъ, къ двумъ часамъ пополудни вышелъ съ козаками изъ горъ на равнину предъ Ени-Загрой; на пути къ дер. Кавонкіой былъ захваченъ турецкій транспортъ съ 80-ю патронными ящиками, который былъ уничтоженъ. Затѣмъ, подойдя къ самому городу, ротмистръ Мартыновъ выслалъ двѣ партіи вправо и влѣво отъ города для разрушенія желѣзной дороги и телеграфа, но удалось испортить только телеграфную линію между Ени-Загрой и гор. Ески-Загрой, такъ какъ партіи были отбиты ружейнымъ огнемъ непріятеля и отступили къ сотнѣ остававшейся въ резервѣ. Послѣ этого была произведена новая попытка ударить на желѣзную дорогу: цѣлый дивизіонъ двинулся было въ обходъ непріятельской позиціи къ югу, но на пути былъ аттакованъ во флангъ двумя сотнями Черкесовъ; послѣ сшибки съ ними, казаки преслѣдовали Черкесовъ, но непріятельскіе всадники, отхлынувъ вправо и влѣво, навели казаковъ на баттарею и на пѣхотную цѣпь, которыя съ разстоянія 300 шаговъ открыли огонь. Тогда казаки начали отступать подъ сильнымъ огнемъ непріятеля и отошли до д. Кавликіой. Къ 9 часамъ вечера казаки вернулись на бивакъ къ Есекчи, потерявъ убитыми три лошади. Численность войскъ противника была опредѣлена въ три баталіона пѣхоты, при одной баттареѣ и двухъ сотняхъ Черкесовъ.

Того же 3 іюля, отъ д. Есекчи была произведена еще одна развѣдка партіей казаковъ, подъ начальствомъ сотника Сысоева, которая завершилася перестрѣлкой этой партіи съ непріятелемъ у д. Яйканли, а затѣмъ—когда пришло подкрѣпленіе въ составѣ № 21-го Донскаго казачьяго полка — и отступленіемъ Турокъ по пути къ Казанлыку. Послѣ этого, какъ партія Сысоева, такъ и № 21-го полкъ вернулись на бивакъ къ Есекчи. Такимъ образомъ день 3 іюля заключался въ одновременномъ, вполнѣ успѣшномъ и энергическомъ продвиженіи болѣе или менѣе сильныхъ кавалерійскихъ частей въ четырехъ различныхъ направленіяхъ, на разстояніи отъ 20 до 40 верстъ отъ Хаинкіоя—мѣста расположенія главныхъ силъ готовившихся на завтра двинуться къ Казанлыку.

4 іюля, согласно съ диспозиціей, ввѣренная мнѣ кавалерія, составляя лѣвую колонну, силой въ 16 эскадроновъ и сотенъ, съ 6-ю конными орудіями, наступала въ направленіи на Казанлыкъ по лѣвому берегу Тунджи, въ то время какъ правая колонна—изъ стрѣлковой бригады съ остальною конною артиллеріей—шла по подгорной дорогѣ; для связи между головами колоннъ шелъ дивизіонъ № 21-го Донскаго казачьяго полка. № 26-го Донской полкъ былъ отправленъ въ распоряженіе генерала Столѣтова, начальствовавшаго арріергардомъ, оставленнымъ у Хаинкіоя. Съ бивака у Хаинкіоя колонна выступила въ 6 часовъ утра, имѣя авангардъ ($4^1/_2$ эскадрона и два орудія), подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Князя Евгенія Максимиліановича. Авангарду было указано: независимо исполненія назначеній вообще присвоенныхъ авангарду, имѣть въ виду

обезпеченіе общаго наступленія съ лѣваго фланга, а также и очищеніе деревень и рощъ прилегающихъ къ берегу, отъ шаекъ баши-бузуковъ и вооруженныхъ мѣстныхъ жителей; содѣйствіе же стрѣлковой колоннѣ при ея наступленіи было предоставлено колоннѣ главныхъ силъ кавалеріи. Начиная съ деревни Ново-Махала и до селенія Софуляръ (на Тунджѣ), авангардъ принужденъ былъ безпрерывно спѣшиваться и выбивать изъ деревень, садовъ и рощицъ непріятельскихъ стрѣлковъ, причемъ много Турокъ было снято съ деревьевъ пулями и штыками нашихъ драгунъ. По приближеніи колонны на высоту лѣска, къ востоку отъ населенія Уфлани, послышалась сильная перестрѣлка между нашею правою колонной и непріятелемъ, почему немедленно были высланы два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка и взводъ артиллеріи для аттаки непріятеля въ лѣвый флангъ; остальная же колонна кавалеріи, построивъ боевой порядокъ, двинулась рысью еще далѣе въ обходъ селенія Уфлани, готовая принять непріятеля при его отступленіи на Казанлыкъ.

Послѣ жаркаго стрѣлковаго боя Астраханскихъ драгунъ и дивизіона казаковъ, составлявшаго связь между колоннами и свернувшаго на выстрѣлы, а также послѣ артиллерійскаго огня въ направленіи на тылъ непріятеля, тѣснимаго нашею стрѣлковою бригадой съ фронта, Турки, охваченные отъ Казанлыкской дороги, бросились въ горы, но и тутъ драгуны, казаки и конная артиллерія не оставили ихъ въ покоѣ: страшныя кручи и притомъ покрытыя виноградниками не позволяли преслѣдовать въ конномъ строѣ взбиравшагося на нихъ противника, но за то спѣшенные стрѣлки быстро заняли опушку виноградниковъ и засыпали Турокъ огнемъ, а артиллерія, съ дистанціи 650 саженъ, открыла огонь картечными гранатами по густымъ массамъ убѣгавшихъ Турокъ. Преслѣдованіе огнемъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока значительныя части непріятеля скрылись за гребнями высотъ, послѣ чего кавалерійская колонна двинулась къ Маглишу въ такомъ порядкѣ: бывшій авангардъ, за исключеніемъ эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка и дивизіона казаковъ, но усиленный эскадрономъ Казанскаго драгунскаго полка и полуэскадрономъ Кіевскаго гусарскаго полка, составилъ лѣвую колонну и продолжалъ выбивать Турокъ изъ прибрежныхъ селеній; кромѣ того, начальникъ авангарда выслалъ на тотъ берегъ Тунджи взводъ гвардейскаго полуэскадрона для уничтоженія телеграфа и для нападенія на показавшійся вдали транспортъ; средняя колонна (бывшая колонна главныхъ силъ) шла полемъ между Тунджею и горами и, наконецъ, правая колонна, два казачьи дивизіона съ № 11-го Донскою баттареей, высланною отъ колонны стрѣлковой бригады, слѣдовала по подгорной дорогѣ. Кавалерія продолжала движеніе одна, такъ какъ стрѣлковая бригада въ это время (около часу дня), послѣ боя у Уфлани, привалила у этого селенія. Хотя продолженіемъ движенія имѣлось въ виду преслѣдовать Турокъ, которые могли бы уйти по Казанлыкской дорогѣ, но на самомъ дѣлѣ оказалось что непріятель, въ числѣ пяти баталіоновъ, былъ окончательно и цѣликомъ отброшенъ въ горы, и только на самыхъ горахъ показывались незначительныя кучки, пробиравшіяся по горамъ и отъ времени до времени открывавшія стрѣльбу по нашимъ колоннамъ и разъѣздамъ.

Не обращая вниманія на непріятеля, кавалерія шла къ Софулятъ-Маглишской дорогѣ и только около трехъ часовъ, замѣтивъ собиравшіяся крупныя части на горахъ, я приказалъ взводу № 16-го конной баттареи дать нѣсколько выстрѣловъ по Туркамъ, что и было исполнено вмѣстѣ съ орудіями Донской баттареи; непріятель разбѣжался.

Около 7 часовъ вечера, кавалерія прибыла на бивакъ у сел. Маглиша. Для охраненія почлега были высланы: сотня на аванпосты къ с. Уфландиркіой, другая сотня была оставлена у Софуляра, третьей сотнѣ было приказано подняться на горы за с. Маглишъ съ назначеніемъ перехватить бѣглецовъ, пробиравшихся по горамъ, одинъ эскадронъ гусаръ расположился аванпостомъ позади бивака.

Въ теченіе дня въ особенности тяжела была служба авангарда, въ послѣдствіи обратившагося въ лѣвую колонну: шагъ за шагомъ онъ вытѣснялъ Турокъ, стрѣлявшихъ по нашимъ съ деревьевъ, изъ кустовъ, изъ-за валиковъ и заборовъ. Большія услуги оказали астраханскіе драгуны, казаки, отважно бросавшіеся на Турокъ съ фланга и съ тыла а также взводъ № 16-го конной баттареи, своими выстрѣлами въ тылъ оборонявшей рощу и с. Уфлани — ими окончательно былъ загражденъ путь отступленія для Турокъ, чѣмъ было оказано значительное содѣйствіе разгрому непріятеля въ бою 4-го іюля.

На 5 іюня диспозиціей по отряду указывалось наступленіе отряду къ Казанлыку тремя колоннами: правая (по горамъ) и средняя (по подгорью) Балканъ изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и дружины Болгарскаго ополченія, и лѣвая—изъ драгунской бригады Кіевскаго гусарскаго полка съ № 16-го конною баттареей— по Тунджинской дорогѣ. Предъ самымъ выступленіемъ съ бивака казачьими постами было дано знать о присутствіи непріятельскаго отряда изъ пѣхоты и кавалеріи въ садахъ и по большой дорогѣ на Казанлыкъ, и у сел. Уфландиркіоя и когда кавалерія выступила около 5 часовъ утра по диспозиціи (она должна была выступить часомъ позже пѣхоты), то тотчасъ послышались орудійные выстрѣлы въ сторонѣ горъ; послѣ чего я приказалъ построить боевой порядокъ: гвардейскій эскадронъ и три эскадрона гусарскаго полка составили первую линію; Казанскій драгунскій полкъ и баттарея двигались влѣво, уступомъ назадъ, а Астраханскій драгунскій полкъ, въ полковой колоннѣ, составилъ общій резервъ; казачьи сотни, разсыпавшись съ наѣздниками, слѣдовали впереди, занимая фронтъ отъ р. Тунджи до горъ. Въ такомъ порядкѣ кавалерія двинулась въ обхватъ праваго непріятельскаго фланга. Скоро боковыми разъѣздами дано было знать о присутствіи нѣсколькихъ сотенъ баши-бузуковъ на лѣвомъ флангѣ въ садахъ и въ деревняхъ по берегу Тунджи, почему сначала гусарскій эскадронъ, а потомъ еще два драгунскіе эскадрона, были высланы для очищенія мѣстности отъ шаекъ; кромѣ того, для содѣйствія пѣхотѣ взводъ № 16-го конной баттареи, подъ прикрытіемъ эскадрона Казанскаго полка, былъ двинутъ вправо черезъ лѣсокъ, въ направленіи на флангѣ непріятельской артиллерійской позиціи остальныя силы кавалеріи, на рысяхъ, продвинулись къ д. Карганли. Эскадроны высланные налѣво, послѣ ряда стычекъ и свалокъ съ пѣшими и конными ба-

ши-бузуками, засѣвшими въ кустахъ и виноградникахъ, отогнали ихъ за Тунджу. Взводъ артиллеріи и эскадронъ, высланные направо для содѣйствія пѣхотѣ, вмѣстѣ съ казачьими сотнями, успѣли только опрокинуть прикрытіе непріятельской артиллеріи послѣ свалки въ рощѣ. Затѣмъ, непріятель отступилъ и успѣлъ убрать свою артиллерію къ Казанлыку; но за д. Карганли турки были настигнуты нашею кавалеріей. Кіевскіе гусары и гвардейцы, все время подвигаясь уступами по-эскадронно, лѣвыми плечами впередъ, обогнули д. Карганли и, прибавивъ рысь, развернули эскадроны и приблизились къ дорогѣ ведущей на гор. Казанлыкъ. Но атака на отступавшихъ Турокъ была невозможна: частью бросившись въ кусты и виноградники, прилегающіе къ дорогѣ, непріятель открылъ огонь съ высотъ, а частью массами поднялся на горы. Тогда была вызвана на позицію артиллерія, и четыре орудія, подъ начальствомъ подполковника Ореуса, начали обдавать картечными гранатами толпы Турокъ, виднѣвшіяся на склонѣ горъ. Оставивъ при баттареѣ эскадронъ прикрытія, гусарскій полкъ и остальная кавалерія, зайдя правымъ плечомъ впередъ, двинулись къ гор. Казанлыку.

По приближеніи къ городу, гусары были встрѣчены огнемъ двухъ орудій, успѣвшихъ занять позицію на восточной опушкѣ города, и огнемъ пѣхоты, занявшей склоны горъ. Тогда баттарея подполковника Ореуса открыла огонь по непріятельскимъ орудіямъ и по толпамъ виднѣвшимся на склонахъ у города.

Командиръ Кіевскаго гусарскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Корфъ, пріостановивъ полкъ въ виду слуховъ о томъ, что городъ хотѣлъ сдаться, послалъ парламентеровъ, но послѣдніе были встрѣчены огнемъ и вернулись обратно. Тѣмъ временемъ я выслалъ къ гусарамъ изъ главныхъ силъ два эскадрона Казанскаго полка и взводъ № 16-го конной баттареи, бывшій въ откомандировкѣ для содѣйствія пѣхотѣ.

Около 12-ти часовъ дня, наша артиллерія въ двухъ направленіяхъ обстрѣливали непріятельскія орудія и пѣхоту; казанскіе драгуны, казаки и одинъ эскадронъ гусаръ, спѣшившись, пошли къ восточной окраинѣ города; гусары же и остальная кавалерія двинулись въ прежнемъ направленіи, въ обхватъ гор. Казанлыка съ юга. Но тутъ пришлось пріостановиться, такъ какъ къ югу отъ города оказалась болотистая полоса, и гусары взяли направленіе болѣе короткое, въ разрѣзъ гор. Казанлыка на монастырь; главныя же силы остановились. Вскорѣ непріятельская артиллерія замолкла и была брошена Турками; драгуны сбили непріятеля у опушки города; а изъ города, съ восточной и южной его сторонъ, вышли жители съ бѣлыми флагами. Однако, въ то же время, гусарамъ вошедшимъ въ городъ съ юго-западной стороны и тотчасъ же выславшимъ части для разрушенія телеграфа на Карлово, по дорогѣ на Шипку, пришлось вступить въ бой съ тѣми, которые думали пробиваться: были спѣшены стрѣлки, которые выбили засѣвшаго въ домахъ непріятеля. Высланные тотчасъ впередъ разъѣзды въ направленіяхъ на Калоферъ и Шипку не настигли нигдѣ непріятеля: бѣжавшіе съ позиціи у Карганли и у Казанлыка бросились въ горы и преслѣдовать было некого. Такъ городъ былъ взятъ кавалеріей и задача указанная диспозиціей на этотъ день, была выполнена; но, принимая во вниманіе полную

панику Турокъ, по предложенію состоявшаго при мнѣ начальникомъ штаба подполковника Сухотина, я рѣшилъ развить успѣхъ для занятіемъ Шипки. Несмотря на крайнее утомленіе кавалеріи, уже съ 5 часовъ утра слѣдовавшей на рысяхъ прямикомъ по пахотѣ и по виноградникамъ, а направилъ всю кавалерію за городъ, и послѣ часоваго отдыха снова въ боевомъ порядкѣ, прямо чрезъ поля, по кратчайшему направленію, двинулъ къ Шипкѣ драгунскую бригаду съ артиллеріей; гусарскій же полкъ на рысяхъ пошелъ по дорогѣ отъ Казанлыка на Шипку; казачій дивизіонъ составилъ лѣвую колонну и пошелъ въ обхватъ Шипки на путь Шипки-Калоферъ.

Въ 2 часа дня гусары овладѣли лагеремъ у сел. Шипки, со всѣми вещами, съ большимъ запасомъ патроновъ и снарядовъ, продовольственныхъ запасовъ и полевою телеграфною станціей. При занятіи города, гусары завладѣли телеграфною станціей, доставили большое количество телеграфной ленты съ телеграфной станціи въ Шипкѣ. Въ горы успѣли бѣжать только люди отряда, бывшаго у Шипки. Въ 3 часа дня Астраханскій полкъ занялъ опушку селенія Шипки, овладѣлъ транспортомъ съ галетами-сухарями и, такимъ образомъ, кавалерія закрыла выходъ Туркамъ съ горнаго перевала у Шипки; только къ вечеру подошла пѣхота.

6 іюля, вслѣдствіе полученнаго донесенія о сборѣ нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты на перевалѣ отъ Трявны къ Гаскіою, къ послѣдней деревнѣ былъ выславъ Казанскій драгунскій полкъ съ № 16-го конною баттареей для перехвата, непріятеля при спускѣ съ горъ; но оказалось, что Турки спускались у этой деревни только по одиночкѣ или небольшими кучками.

7 іюля для перехвата таборовъ, бѣжавшихъ съ Шибки по горамъ въ направленіи на Калоферъ, былъ высланъ летучій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Чернозубова (Астраханскаго, драгунскаго полка, эскадрона Кіевскаго гусарскаго полка и сотни казаковъ), къ выходамъ у Имегли и Софуляра; только одиночныхъ людей довелось перехватить, такъ какъ бѣглецы прошли еще далѣе къ западу.

Начиная съ 5-го и до 10-го іюля, какъ казаки, такъ и остальная кавалерія выставляли рядъ пикетовъ у Саранли, на дорогѣ въ Калоферъ, по долинѣ Тунджи и высылали разъѣзды къ городамъ Калоферу, Эски-Загрѣ и къ Ханикіою въ это время каждый день приводили партіи плѣнныхъ.

10 іюля, по приказанію вашего превосходительства, Казанскій драгунскій полкъ, со взводомъ конной артиллеріи и сотнею казаковъ, былъ высланъ съ бивака у Казанлыка въ городъ Эски-Загру, для занятія этого города, согласно съ просьбой депутаціи оттуда. Безъ выстрѣловъ были встрѣчены Казанцы восторженною толпой горожанъ-Болгаръ и захвативъ телеграфную станцію, разрушивъ телеграфную линію и принявъ сданное оружіе, расположились на бивакѣ у Эски-Загры.

11 іюля, по приказанію вашего превосходительства, Астраханскій драгунскій полкъ, со взводомъ № 16-го конной баттареи и сотнями № 21-го Донскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ полковника Мацюлевича, при начальникѣ

штаба подполковникѣ Сухотинѣ, былъ двинутъ изъ Казанлыкъ, чрезъ Ески-Загру, къ желѣзнодорожной станціи Карабунару; въ то же время Казанскій драгунскій полкъ со взводомъ № 16-го конной баттареи и сотнею № 26-го Донскаго казачьяго полка были направлены къ ст. Каяджаку. Обоимъ отрядамъ было указано: произвести нападеніе на желѣзно-дорожные участки у этихъ станцій, съ цѣлью разрушенія и собрать свѣдѣнія о противникѣ. Гусарскій же полкъ съ двумя орудіями и вмѣстѣ съ двумя бригадами Болгарскаго ополченія направленъ въ гор. Ески-Загру.

12-го іюля отряды, предназначенные для нападенія на желѣзные дороги, подошли къ указаннымъ имъ станціямъ. Отрядъ полковника Мацюлевича былъ распредѣленъ такъ: сборный эскадронъ на половину изъ казаковъ, на половину изъ драгунъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта барона Розена, съ партіей динамитчиковъ, двинулся къ Кайзарли и Белибрегу, получивъ приказаніе разрушить дорогу спускаясь къ Карабунару; эскадронъ драгунъ съ партіей динамитчиковъ, подъ начальствомъ майора Цвѣтцинскаго, двинутъ отъ Арабаджикіоя чрезъ Гиджалъ къ Сурумо и получилъ назначеніе разрушить участокъ въ окрестностяхъ послѣдняго пункта, а если будетъ возможно, то пробраться къ мосту на р. Марицѣ у Тырнова; остальные эскадроны съ орудіями и съ партіей динамитчиковъ, составляя среднюю колонну, двинулись чрезъ Азаблы къ ст. Карабунару.

Разрушеніе участка дороги удалось вполнѣ между Кайзарли и Карабунаромъ; самую же станцію разрушить не удалось, такъ какъ средняя и правая колонны были встрѣчены сильнымъ отрядомъ изъ трехъ или четырехъ баталіоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ сотенъ Черкесовъ и эскадроновъ кавалеріи, частію расположившихся на самой позиціи у станціи Карабунара, а частію занимавшихъ окрестности Саймenли и Гиджіоя. Занявъ позицію противъ непріятельской, въ 9 часовъ утра, и скрывъ малочисленность своего отряда, полковникъ Мацюлевичъ простоялъ до 2 часовъ дня, до тѣхъ поръ какъ рядъ взрывовъ, произведенныхъ на протяженіи 20 верстъ слишкомъ, партіями отъ колонны флигель-адъютанта барона Розена и отъ главныхъ силъ не обозначилъ, что задача, поставленная отряду, выполнена. Непріятель съ позиціи у Карабунара только черкесскими партіями старался прорваться къ сторонѣ взрывовъ и обскакать наши фланги, но былъ во время остановленъ высланными вправо и влѣво заслонами изъ драгунскихъ взводовъ. Въ два часа дня были стянуты передовые посты и фланговые заслоны и отрядъ выступилъ въ городъ Ески-Загру. Пять мостовъ, три трубы, телеграфная линія, полустанція, будки и полотно были разрушены до основанія.

Въ то же время къ станціи Каяджику (на Филиппопольской дорогѣ) прибылъ Казанскій драгунскій полкъ съ артиллеріей и съ сотней казаковъ, подъ начальствомъ полковника Корево и съ начальникомъ штаба, подполковникомъ Фрезе. Опрокинувъ баши-бузуковъ, для чего эскадронъ маіора Теплова переплылъ рѣку Марицу, отрядъ расположился на лѣвомъ берегу и выслалъ партію динамитчиковъ для разрушенія дороги. Станція со всѣми службами и по нѣсколько

верстъ дороги вправо и влѣво были уничтожены до основанія, телеграфный аппаратъ съ лентами, книги и начальникъ станціи были арестованы; послѣ этого отрядъ вернулся въ Ески-Загру. Оба отряда доставили свѣдѣнія о противникѣ, собранныя путемъ разспросовъ, а также и собственными развѣдками разъѣздовъ, а именно: что у Карабунара было отъ четырехъ до шести баталіоновъ, нѣсколько сотъ Черкесовъ и кавалеріи, что у Тырнова и Сайменли сосредоточиваются турецкія войска, что по желѣзнымъ дорогамъ отъ Адріанополя подвозятся войска къ желѣзнодорожному узлу.

Въ тотъ же день, *12 іюля*, были произведены развѣдками отъ гусарскаго полка по шоссе къ Ени-Загрѣ, которыя удостовѣрили о пребываніи противника и у этого города.

13 іюля была вновь выслана сотня казаковъ, подъ начальствомъ штабъ-ротмистра Чиляева, въ Гаскіой для разрушенія телеграфа на Адріанополь-Филиппопольскомъ шоссе (къ югу отъ желѣзной дороги). Задуманный набѣгъ не удался, такъ какъ, при приближеніи къ р. Марицѣ, сотня встрѣтила многочисленныя партіи башибузуковъ и непріятельской кавалеріи; однако, казаки доставили *14 іюля* весьма важныя извѣстія о передвиженіи войскъ въ полосѣ между Карабунаромъ, Тырновымъ, Каяджикомъ и Гиджаломъ. *13 іюля* послѣдовалъ приказъ вашего превосходительства объ образованіи Ески-Загринскаго отряда изъ двухъ бригадъ Болгарскаго ополченія, драгунской бригады Кіевскаго гусарскаго полка, трехъ сотенъ Донскихъ №№ 21 и 23-го полковъ, № 16 го конной баттареи, горной баттареи и взвода № 10-го Донской баттареи, всего шесть баталіоновъ, 15 эскадроновъ и 12 орудій. Начальствованіе надъ отрядомъ было ввѣрено мнѣ, причемъ послѣдовали слѣдующія перемѣны: начальникомъ кавалеріи былъ назначенъ Его Высочество Князь Евгеній Максимиліановичъ, состоявшій же до сего времени при мнѣ въ должности начальника штаба кавалеріи подполковникъ Сухотинъ былъ назначенъ въ ту же должность къ нему, а полковникъ Фрезе занялъ должность начальника штаба отряда.

По занятіи гор. Ески-Загры, *съ 12 іюля* отъ кавалеріи, которой, по приказанію вашего превосходительства, предполагалось дать отдыхъ, ежедневно назначался нарядъ для охраненія отряда, а именно: на дорогахъ въ Ени-Загру, въ Каяджикъ, въ Тырновъ и въ Чирпанъ, были выставлены пикеты, каждый изъ взвода кавалеріи, которые своими разъѣздами освѣщали полосу до рѣки Сюютлыдере и до Карабунара (на шоссе Ески-Загры-Ени-Загра). Въ то время какъ въ южномъ направленіи оставался штабъ-ротмистръ Чиляевъ съ сотней казаковъ, къ Ени-Загрѣ былъ высланъ, *15 іюля*, дивизіонъ Казанскаго драгунскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Бѣлогрудова, съ цѣлью развѣдки о силахъ непріятеля. Въ тотъ же день подполковникъ Бѣлогрудовъ дошелъ до города и у него было серіозное дѣло съ непріятельскимъ отрядомъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу. Въ этомъ дѣлѣ драгунамъ удалось атаковать Черкесовъ, до тѣхъ поръ во всѣхъ столкновеніяхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ всегда уклонявшихся отъ шока и исключительно ограничивавшихся огнестрѣльнымъ боемъ. Результатомъ развѣдки было донесеніе о томъ что у Ени-Загры находит-

ся отрядъ силой отъ шести до семи баталіоновъ, отъ четырехъ до шести орудій и нѣсколько сотенъ Черкесовъ, что станція въ Ени-Загрѣ укрѣплена, что непріятельскія войска, имѣвшія дѣло съ драгунами, вышли изъ города и изъ лѣска, находящагося у дер. Инджикіой; что же находилось за этою деревней—развѣдать было нельзя.

Показанія жителей-бѣглецовъ изъ окрестностей р. Марицы, гор. Тырнова и Сайменли, продолжали указывать на сосредоточеніе все большихъ и большихъ силъ въ полосѣ между Карабунаромъ (желѣзн. дор.), Тырновымъ и Каяджикіоемъ; почему 16-го была предпринята новая усиленная рекогносцировка въ направленіи къ Карабунару-Сайменли. Дивизіонъ Кіевскаго гусарскаго полка, подъ начальствомъ маіора Туланова, прошелъ черезъ Арабджикіой, Азаблы, Карабунаръ, Гиджалы и освѣтивъ своими разъѣздами развѣданную полосу, вернулся въ тотъ же день съ донесеніемъ о томъ что у Карабунара находятся отъ шести до семи таборовъ пѣхоты съ артиллеріей, но о движеніи войскъ изъ полосы Карабунара Каяджика ничего не было.

17 іюля вновь были высланы двѣ развѣдки, одна—къ Ени-Загрѣ, другая—къ Азаблы, причемъ, въ виду предваренія начальника штаба отряда, полковника Нагловскаго, о наступленіи 17 іюля къ Ени-Загрѣ, развѣдки были организованы такъ: развѣдкѣ къ Ени-Загрѣ была поручена дивизіону Казанскаго драгунскаго полка, подъ начальствомъ полковника Бѣлогрудова; цѣль оставленная ей заключалась въ слѣдующемъ: собрать свѣдѣнія: 1) о силѣ имѣющагося тамъ отряда; 2) о томъ не подходя ли къ нему подкрѣпленія и откуда именно? 3) не уходятъ ли изъ города войска и куда именно? На ночлегъ расположится на половинѣ дороги между Ески-Загрой и Ени-Загрой; разъѣзды имѣть все 17-е число и затѣмъ вновь выслать ихъ съ разсвѣтомъ 18-го числа; въ бой не вдаваться; свѣдѣнія доставить вашему превосходительству въ Ельгово (куда согласно съ предположеніемъ должна была перейти 17-го квартира передоваго отряда).

Другая развѣдка, порученная эскадрону Кіевскаго гусарскаго полка, подъ начальствомъ маіора Карѣева, была направлена черезъ Арабаджи до дер. Азаблы; отъ послѣдней деревни должны были быть высланы разъѣзды къ Карабунару и на югъ; затѣмъ, съ наступленіемъ ночи, гусары должны были отойти за р. Сюютлидере и, переночевавъ близь с. Буюка, на утро двинуться къ шоссе Ени- и Ески Загры, на соединеніе съ главными силами. При этомъ движеніи гусары должны были все время освѣщать разъѣздами полосу къ сторонѣ желѣзной дороги и, если будетъ возможно разрушить участокъ послѣдней къ югу отъ Ени-Загры.

Одновременно съ этими развѣдками были высланы еще два офицерскіе разъѣзда, съ цѣлью развѣдки о проходахъ черезъ Малые Балканы, отъ Дальбоки на Ельгово и отъ Чирково на Балабанджи.

17 іюля, вслѣдствіе полученныхъ диспозицій, кавалерія Ескизагрскаго отряда, за исключеніемъ сотни оставшейся на постахъ у Ески-Загры и сотни назначенной въ составъ колонны Болгарскаго ополченія, въ $2^1/_2$ часа выступила съ бивака у Ески-Загры и двинулась по шоссе въ Ени-Загру. На пути изъ

головы колонны былъ вызванъ на рысяхъ Астраханскій драгунскій полкъ съ взводомъ № 16-го конной баттареи, вслѣдствіе полученныхъ отъ полковника Бѣлогрудова донесеній о наступленіи турецкихъ силъ отъ Ени-Загры по шоссе къ Эски-Загрѣ. То же наступленіе было причиною того что и развѣдывательный дивизіонъ Казанскаго полка не могъ дойти до гор. Ени-Загры и отступилъ съ боемъ къ селенію Уроквице. Послѣ того, астраханскіе драгуны опередили дружины Болгарскаго ополченія, въ 12 часовъ выступившія съ биваковъ у Эски-Загры, и додвинулись до непріятельскихъ массъ пѣхоты и кавалеріи, наступавшихъ въ боевомъ порядкѣ. На разстояніи орудійнаго выстрѣла драгуны остановились, построили боевой порядокъ и выслали своихъ наѣздниковъ, а артиллерійскій взводъ снялся съ передковъ на высотѣ у караулки и открылъ огонь по массѣ, виднѣвшейся на бугоркѣ близь шоссе; первые два удачные выстрѣла, и съ бугра разбѣжалась толпа. На наши выстрѣлы Турки отвѣтили залпомъ изъ шести или восьмиорудійной батареи дальняго боя, скрытой въ кукурузѣ на позиціи къ югу отъ Карабунара, и буквально засыпали гранатами, какъ артиллерію, такъ и драгунъ. Наши два орудія попробовали было отвѣчать и направили огонь на непріятельскую баттарею, но, несмотря на крайнюю высоту прицѣловъ, выдвинутыхъ для того, наши снаряды далеко не долетали до непріятельской батареи, и потому вся передовая часть отряда отошла назадъ и расположилась на позиціи, для прикрытія развертывавшихся сзади дружинъ Болгарскаго ополченія. По прибытіи остальныхъ орудій, наша артиллерія вновь открыла огонь по непріятельскимъ массамъ, не позволявшимъ ей приблизиться на дѣйствительный выстрѣлъ къ батареѣ.

Между наѣздниками драгунами и казаками, съ одной стороны, и Черкесами, съ другой, поддерживалась живая перестрѣлка, а вскорѣ густыя массы непріятеля, пріостановившіяся было въ минуту выѣзда на позицію нашей артиллеріи, снова начали наступленіе. Наши дружины только что подходили. Въ это время, по предложенію подполковника Сухотина, съ моего разрѣшенія, была образована колонна изъ гусарскаго полка, дивизіона драгунъ Казанскаго полка, взвода № 10-го Донской баттареи и сотни Донскаго № 26 полка. Эта колонна, подъ начальствомъ полковника Корево, при начальникѣ штаба кавалеріи генеральнаго штаба подполковникѣ Сухотинѣ, должна была произвести обходъ непріятельскаго лѣваго фланга и атаковать наступавшихъ Турокъ. Уже было около шести часовъ вечера, когда дружины развернулись на позиціи, по обѣ стороны шоссе, а кавалерія, выстроивъ боевой порядокъ: гусары въ первой линіи, взводъ артиллеріи позади ихъ, драгунскій дивизіонъ уступомъ позади на правомъ флангѣ гусаръ, казаки еще правѣе къ селенію Чавликіой,—двинулись въ обходъ.

Влѣво, въ направленіи пѣхотной позиціи, продолжалась перестрѣлка наѣздниковъ обѣихъ сторонъ; непріятельская артиллерія продолжала отъ времени до времени осыпать гранатами наши дружины и артиллерію. Обходная колонна, обойдя густой кустарникъ, продвигалась между послѣднимъ и селеніями: Читалу и Чавликіой. Скоро влѣво замолкла перестрѣлка; непріятельскіе наѣздники, сбитые нашими наѣздниками, высланными отъ обходной колонны, поспѣшно отсту-

пели. Начало темнѣть. Колонна продолжала идти, и на высотѣ лѣваго фланга непріятеля сдѣлала захожденіе поэскадронно налѣво и, потомъ послѣдовательно выполняя его, двинулась къ шоссе, имѣя вправо селенія Баясли, Карабунаръ. Непріятель, не выждавъ нападенія, отступилъ, какъ оказалось на другой день, на высоты къ помянутымъ деревнямъ.

Между тѣмъ, кавалерійская колонна. не встрѣчая уже противника къ югу отъ шоссе, продолжала слѣдовать къ нему, имѣя намѣреніе атаковать то, что находилось къ сѣверу отъ шоссе; но и тамъ непріятелъ уже успѣлъ къ тому времени отступить, какъ то оказалось въ послѣдствіи. А между тѣмъ предъ кавалеріей, въ темнотѣ, виднѣлись влѣво густыя массы близь шоссе. Колонна, еще сдѣлавъ захожденіе, окруженная густою цѣпью наѣздниковъ, двинулась въ направленіи къ Эски-Загрѣ, готовая атаковать въ тылъ видиѣвшіяся массы. Уже гусарскіе эскадроны развернулись; но вскорѣ наѣздники разъяснили, что эти массы были дружины Болгарскаго ополченія, отходящія назадъ на бивакѣ къ ручью у селенія Дальбока. Къ сожалѣнію, за темнотой, нельзя было воспользоваться лихо выполненнымъ кавалерійскимъ обходомъ, имѣвшимъ послѣдствіемъ отступленіе турецкихъ войскъ и потерю ими трехверстовой полосы. Съ бивака у Дальбока отъ кавалеріи были выставлены слѣдующія сторожевыя части: сотня козаковъ между сел. Дальбока и Чирковъ, въ кустахъ и въ виноградникахъ подъ горами: эскадроновъ гусарскаго полка — на аванпостахъ между Карабунаромъ и карaулкой, сотня казаковъ выставила цѣпь постовъ параллельно сел. Чавлиkіой и Чаталы; первая изъ нихъ была зажжена нашими казаками, при преслѣдованіи одной черкесской партіи.

Когда происходили вышеописанныя дѣйствія отряда Кіевскаго гусарскаго полка, эскадронъ маіора Карѣева, высланный для развѣдки, дошелъ до Азаблы безпрепятственно, и оттуда выслалъ нѣсколько разъѣздовъ въ юговосточномъ и въ южномъ направленіяхъ. Одинъ изъ разъѣздовъ двинулся къ Карабунару у желѣзной дороги, отойдя къ сѣверу, наткнулся на черкесовъ съ двумя орудіями и донеся объ этомъ въ Азаблы, началъ отходить къ этой деревнѣ. Маіоръ Карѣевъ, получивъ донесеніе, немедленно пошелъ на помощь къ своему разъѣзду. Отбросивъ черкесовъ, гусары преслѣдовали ихъ, но были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ, а двѣ сотни черкесовъ обскакали ихъ съ лѣваго фланга и отхватили отъ дер. Азаблы. Затѣмъ появилось еще нѣсколько таборовъ пѣхоты, и гусарскій эскадронъ былъ окруженъ непріятелемъ; однако, гусарамъ удалось прорватся сквозъ черкесовъ. Въ это же время, маіоромъ Карѣевымъ были услышаны въ сторонѣ шоссе Эски-Ени-Загры выстрѣлы; догадываясь о происходящемъ столкновеніи главныхъ силъ, майоръ Карѣевъ рѣшился маневрированіемъ и заманиваніемъ непріятеля, удержать его отъ движенія на выстрѣлъ, что ему и удалось. По исполненіи этого, маіоръ Карѣевъ вернулся ночью въ Эски-Загру. Въ теченіе дня гусары доставили мнѣ свѣдѣніе о наступленіи непріятеля отъ Карабунара (желѣзная дорога) къ Эски-Загрѣ, причемъ ими было обнаружено что турецкая пѣхота дошла до Арабаджикіоя, О наступленіи противника съ юга были доставлены свѣдѣнія также и казаками съ пикета на Мураджійской дорогѣ.

Всѣ эти свѣдѣнія были получены съ вечера 17-го и въ ночь на 18 іюля на бивакѣ у Дальбока.

Возвратившійся разъѣздъ Астраханскаго полка съ развѣдки горнаго прохода у Дальбока донесъ что путь совершенно неудобенъ для прохода артиллеріи и обозовъ; разъѣздъ же, посланный отъ Чиркова, не могъ исполнить задачи, такъ какъ, по отсутствіи казанскихъ драгунъ полковника Бѣлогрудова, черкесы заняли с. Чирково.

Въ теченіе ночи, вслѣдствіе новой обстановки,—удостовѣреннаго факта перехода въ наступленіе турецкихъ войскъ отъ Карабунара (желѣзной дороги) къ Эски-Загрѣ,—принимая въ соображеніе важное стратегическое значеніе гор. Эски-Загры, я рѣшилъ со всею пѣхотой, съ горною артиллеріей, взводомъ № 10-го Донской баттареи и эскадрономъ гусаръ отойти къ этому городу на соединеніе съ имѣвшимся тамъ отрядомъ. Кавалеріи же съ № 16-го конною баттареей, указано было 18 іюля оказать содѣйствіе дебуширующимъ колоннамъ изъ горъ въ атакѣ на гор. Ени Загру и возстановленіе связи съ этими колоннами, причемъ веденіе операціи было поручено начальнику кавалеріи, Его Императорскому Высочеству Князю Евгенію Максимиліановичу Лейхтенбергскому, оставивъ при немъ начальника штаба кавалеріи, генеральнаго штаба подполковника Сухотина. Кавалерійскій отрядъ состоялъ изъ Астраханскаго драгунскаго полка (командиръ полка полковникъ Мацюлевичъ), Казанскаго полка (полковникъ Корево), Кіевскаго гусарскаго полка (полковникъ баронъ Керфъ), № 16-го конной баттареи (командиръ подполковникъ Ореусъ) и двухъ сотенъ казаковъ—всего 14 эскадроновъ и 6 орудій. Въ 5 часовъ утра, предъ выступленіемъ кавалеріи съ бивака, были отданы приказанія: аванпостной цѣпи не сниматься и не сбираться, а превратиться въ цѣпь наѣздниковъ; казачьими сотнямъ охранять фланги и кромѣ того сотнѣ, находившейся у горъ, постараться войти въ связь съ казачьими разъѣздами средней колонны, которая по диспозиціи должна была спуститься съ горъ у дер. Чавликіоя. Предъ самымъ выступленіемъ съ бивака, гусары донесли что предъ ними находится нѣсколько черкесскихъ пикетовъ и постовъ; казаки съ лѣваго фланга донесли о присутствіи нѣсколькихъ сотъ Черкесовъ въ кустахъ и виноградникахъ въ окрестностяхъ Чиркова и Кесбетли.

Въ $5^1/_2$ часовъ утра кавалерія выступила съ бивака общею колонной, имѣя въ авангардѣ эскадронъ гусаръ, эскадронъ Казанскаго драгунскаго полка и взводъ № 16-го конной баттареи. По приближеніи на высоту у караулки, авангардъ былъ встрѣченъ залпами изъ орудій, стоявшихъ на той же позиціи, какъ и наканунѣ. Затѣмъ на высотахъ за Карабунаромъ появились массы пѣхоты и кавалеріи. Вслѣдствіе этого рѣшено было отойти центромъ нѣсколько назадъ, а для обхода противника съ лѣваго фланга образовать колонну изъ дивизіона Казанскаго драгунскаго полка, со взводомъ № 16 конной баттареи и сотни казаковъ. Этой колоннѣ, ввѣренной полковнику Бѣлогрудову, было указано: 1) Стать уступомъ впередъ на правомъ флангѣ общаго боеваго порядка, и затѣмъ маневрированіемъ и дѣйствіемъ артиллеріи угрожать флангу непріятеля. 2) При наступленіи и отступленіи главныхъ силъ центра, содѣйствовать ему, сохраняя по-

ложеніе уступа; постараться взять во флангъ непріятельскія войска и въ особенности артиллерію. Гусарамъ, занявъ позицію перпендикулярно къ шоссе и образовавъ цѣпь наѣздниковъ, поддержанную мѣстами мелкими сомкнутыми частями, было приказано: не выпускать противника изъ вида, причемъ въ случаѣ отхода его назадъ немедленно и энергично подаваться впередъ за нимъ; въ случаѣ наступленія турокъ, медленно отходить назадъ.

Ближайшей поддержкой гусарамъ былъ назначенъ эскадронъ казанскаго драгунскаго полка, а по возвращеніи изъ Эски-загры дивизіона гусаръ, послѣдній тоже вошелъ въ составъ передоваго боеваго участка.

Эскадронъ Астраханскаго полка, вмѣстѣ съ казачьей сотнею, получилъ приказаніе пройти спѣшенною цѣпью кусты и виноградники, прилегающіе къ горамъ и выбивъ черкесовъ оттуда, войти въ связь съ колоннами опускавшимися къ Эни-Загрѣ. Остальная кавалерія (три эскадрона Астраханскаго полка, эскадронъ Казанскаго полка и два взвода № 16-го конной баттареи) составляла общій резервъ, расположившійся близъ шоссе, къ востоку отъ караулки; причемъ была выбрана артиллерійская позиція для встрѣчи пѣхотныхъ и черкесскихъ массъ вслучаѣ наступленія. Такъ, кавалерія, имѣя въ центрѣ, въ боевомъ порядкѣ три и потомъ пять эскадроновъ, а на флангѣ по одному уступу впередъ,—силой лѣвый въ 2 эскадрона и правый въ три эскадрона съ двумя орудіями, и въ общемъ резервѣ четыре эскадрона и четыре орудія, и занимая по фронту около трехъ верстъ, сообразно съ положеніемъ непріятельской линіи, — готовились встрѣтить наступленіе непріятеля, опредѣленнаго въ составѣ 4—6 батальоновъ, нѣсколькихъ сотъ черкесовъ и 6—8 орудій.

Около 7 часовъ, турки перешли въ наступленіе. Предварительно обстрѣливъ гранатами наши передніе эскадроны гусаръ, большія массы пѣхоты и кавалеріи въ нѣсколькихъ колоннахъ, по обѣ стороны шоссе, предшествуемыя густою цѣпью черкесовъ, начали опускаться съ высотъ и двигаться по направленію къ Эски-Загрѣ. Наши передовыя части, по подходѣ непріятеля, начали медленно отходить назадъ, обстрѣливаемыя черкесами. Но къ этому времени на нашемъ правомъ флангѣ раздались выстрѣлы—уступная колонна прибыла въ указанное ей мѣсто, и взводъ капитана Усова, снявшись съ передковъ, открылъ огонь по непріятельской баттареѣ и по массамъ черкесовъ лѣваго фланга. Турки немедленно отвѣтили рядомъ залповъ изъ своихъ орудій (опредѣленныхъ числомъ 10). Наступавшія массы на всемъ фронтѣ пріостановились, что сдѣлали немедленно и наши боевыя линіи; послѣ рядовъ залповъ, полковникъ Бѣлогрудовъ, замѣтивъ, что снаряды начали ложиться точнѣе, приказалъ начать отступленіе и, отойдя нѣсколько назадъ, остановиться.

Около 7 съ $^1/_4$—$7^1/_2$ часовъ послышался дальній орудійный выстрѣлъ и притомъ, какъ бы въ горахъ. О томъ, что происходило въ колоннахъ спускавшихся къ Ени-Загрѣ, никакихъ свѣдѣній не было. За однимъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой и затѣмъ все затихло. Непріятель, пріостановившій было свое наступленіе, вслѣдствіе дѣйствій нашего праваго уступа, снова началъ наступленіе. Наши линіи начали отходить, но не надолго. Непріятель вскорѣ пріостановился и даже

какъ будто предпринялъ отступленіе своимъ; уступомъ причемъ, по донесенію съ нашего праваго фланга оказывалось, что турки стягиваются вправо.

Немедленно наши передовыя части и резервъ двинулись впередъ; правый уступъ тоже вмѣстѣ съ этимъ наступленіемъ, подвинувшись впередъ, выдвинулъ свою артиллерію и открылъ огонь по массамъ Черкесовъ и по непріятельской артиллеріи, съ дистанціи 800 саженъ. Тогда непріятельская артиллерія опять обратила огонь на нашъ правый уступъ, а черезъ нѣсколько времени турки вновь перешли въ наступленіе, выдвинувъ на этотъ разъ впередъ, кромѣ пѣхоты и кавалеріи, баттарею въ нѣсколько орудій. Продвинувшись впередъ на нѣсколько шаговъ, турки остановились; нашъ правый уступъ, опять засыпанный гранатами, отошелъ нѣсколько назадъ, и затѣмъ противъ него начали сосредоточиваться все болѣе и болѣе крупныя массы.

На лѣвомъ флангѣ бой не подвигался впередъ: драгуны и казаки продолжали вести перестрѣлку съ черкесами, сильно занимавшими сады и виноградники, а потому предположенное передвиженіе на лѣвый флангъ части артиллеріи не могло быть исполнено. По усиленіи лѣваго фланга эскадрономъ гусаръ было приказано, во что бы то ни стало, хотя разъѣздами, прорваться для открытія связи съ другими колоннами и узнать, наконецъ, что тамъ дѣлается. Было за полдень, отдѣльные выстрѣлы, слышавшіеся въ горахъ, давно прекратились. О колоннахъ никакого извѣстія еще не было. Кавалерія продолжала занимать позицію отъ горъ почти до Чавликіоя. Цѣпи наѣздниковъ перестрѣливались. Около часа дня, у непріятеля вновь стали обнаруживаться подготовленія къ движенію впередъ: цѣпь наѣздниковъ усилилась, артиллерія открыла еще болѣе частый огонь по нашему правому уступу; колонны праваго фланга турокъ начали передвиженія; на лѣвомъ флангѣ непріятеля сосредоточились было густыя массы пѣхоты и кавалеріи. Сначала трудно было разгадать: начинается ли наступленіе или подготовляется отступленіе; вслѣдствіе чего, какъ съ фронта, такъ и съ нашего праваго фланга были высланы двѣ рекогносцировки, поэскадронно каждая; послѣднимъ было приказано энергически продвинуться впередъ вмѣстѣ съ цѣпью наѣздниковъ и передовыми гусарами, казачьими эскадронами и сотней. Это наступленіе было поддержано и правымъ уступомъ полковника Бѣлогрудова и его артиллеріей; главныя силы центра также двинулись впередъ, но оказалось, что непріятель не отходилъ назадъ. Только что двинулись эскадроны до передовой цѣпи наѣздниковъ и нашъ правый уступъ открылъ огонь, какъ турки, участивъ артиллерійскій огонь, двинулись впередъ, огибая нашъ правый флангъ нѣсколькими колоннами пѣхоты и массами кавалеріи.

Какъ только опасность, угрожавшая нашему правому уступу, стала очевидною, немедленно общій резервъ кавалеріи на рысяхъ передвинулся вправо. Передовые эскадроны гусаръ, частью собравшись въ колонну, начали медленно отходить назадъ, по направленію шоссе, четыре орудія, подъ прикрытіемъ полуэскадрона драгунъ, были отведены назадъ для занятія позиціи близь шоссе на буграхъ; на ней имѣлось въ виду дружинами Болгарскаго ополченія, которые уже были въ слѣдованіи на помощь отъ гор. Эски-Загры, встрѣтить турокъ.

Къ $2^1/_2$ часамъ дня на правомъ флангѣ, на высотѣ деревни Читалу, мы имѣли три эскадрона и два орудія въ первой линіи и уступомъ назадъ, и вправо еще 6 эскадроновъ; перпендикулярно же къ шоссе, съ фронта, четыре эскадрона. Съ 2 часовъ и до 5, кавалерія въ числѣ 13 эскадроновъ, съ двумя орудіями, въ виду непріятеля, по меньшей мѣрѣ, силою въ 6 батальоновъ пѣхоты, восемь или десять орудій и 1500 или 2000 черкесовъ и кавалеріи маневрировали, имѣя цѣль недопустить аттаковать себя съ праваго фланга, во время обходимаго непріятелемъ. Маневрированіе состояло въ передвиженіяхъ впередъ и назадъ и въ пріостановкахъ, какъ только непріятель подавался впередъ и производилъ обходныя передвиженія.

Къ 5 часамъ противникъ, однако, принужденъ было отойти за Джуранли; причемъ наша цѣпь наѣздниковъ, подъ конецъ движенія, была аттакована густою массою черкесовъ, въ направленіи на оврагъ и мостъ, что между Джуранли и шоссе; но непріятель былъ отбитъ съ большимъ урономъ взводомъ дружины Болгарскаго ополченія и спѣшенными драгунами, уже перешедшими за оврагъ. Затѣмъ утомленная кавалерія 12 часовъ находившаяся въ работѣ, было отведена на бивакъ къ холмамъ у Айдекли. Но предъ этимъ были высланы три развѣдки отъ Астраханскаго драгунскаго полка въ полосѣ между сел. Чавликіоемъ, Буюкомъ, Арабаджи и Джарунли.

На лѣвомъ флангѣ еще днемъ успѣлъ прорваться черезъ черкескую цѣпь только Кіевскаго гусарскаго полка ротмистръ Воиновъ съ партіей гусаръ, но затѣмъ его партія была окружена нѣсколькими сотнями черкесовъ и онъ только къ вечеру могъ вернуться обратно къ биваку полка, пробравшись горами и не успѣвъ соединиться съ колонною вашего превосходительства.

Изъ высланныхъ развѣдокъ заслуживаетъ особеннаго вниманія развѣдка произведенная партіей драгунъ, подъ начальствомъ прапорщика Астраханскаго драгунскаго полка Эйхгольца. Къ 8-ми часамъ вечера онъ обошелъ полосу между селеніями Чавликіой, Буюкъ и Арабаджи и, прорываясь нѣсколько разъ сквозь черкесскія партіи, наконецъ вернулся съ донесеніемъ, что большая непріятельская масса находится близь деревень Джуранли и Магана, а также въ сторонѣ Арабаджи и Ахеркіоя.

Въ тоже время кавалерія Ески-Загранскаго отряда боролась *въ теченіи 17 и 18 іюня* съ несравненно превосходнымъ въ силахъ противникомъ и съ маневрированіемъ привлекла на себя отъ 6 до 8 батальоновъ пѣхоты, свыше 10 эскадроновъ кавалеріи и около 2-хъ баттарей артиллеріи; остальныя части кавалеріи были: одна сотня казаковъ № 26 полка, бывшая въ отрядѣ, оставленномъ у самаго города Эски Загры и четыре №№ 21 и 26 донскихъ полковъ, въ колоннахъ наступавшихъ на Ески Загру съ сѣвера. Первая сотня въ теченіи 18 числа занимала пикетами дороги, ведущія съ юга къ Эски-Загрѣ, а также подъ личнымъ начальствомъ командира полка полковника Краснова и произвела развѣдку по дорогѣ отъ Мурапли къ югу, имѣла тамъ дѣло съ нѣсколькими сотнями черкесовъ. Казачьи сотни, бывшія въ пѣхотныхъ колоннахъ подъ на-

чальствомъ командира № 21 Донскаго полка полковника Курнакова, имѣли славное дѣло въ этотъ день у Ени-Загры.

Въ то время какъ наши стрѣлки и пѣхота аттаковали непріятельскую позицію у этого города, казаки выдвинулись съ юго западной стороны Ени-Загры, отрѣзали разбитымъ туркамъ путь соединенія съ тѣми силами, которыя дрались съ кавалеріей Ени Загринскаго отряда, затѣмъ, преслѣдуя огнемъ и на коняхъ, отхватили орудія и отбросили турокъ отъ пути и вмѣстѣ съ пѣхотой принудили ихъ бѣжать въ горы на Ямболи. Наши разъѣзды и наблюденіе съ горы у Айденли удостовѣрили присутствіе двухъ отдѣльныхъ массъ непріятеля, одной у Джуранли и въ селеніяхъ къ востоку отъ него, другой у Арабаджи и въ окрестныхъ деревняхъ.

Около 6 или 7 часовъ утра, *19 іюля*, было замѣчено движеніе кавалерійской колонны по шоссе отъ Ени-Загры; вскорѣ послѣдовало и открытіе огня отъ Джуранли по этой колоннѣ; послѣдняя, какъ оказалось состояла изъ казачьихъ сотенъ и взвода донской баттареи. Колонна свернула съ шоссе и, выставивъ орудія на позиціи противъ Джуранли, завязала перестрѣлку. Тогда я выслалъ гусарскій полкъ со взводомъ донской баттареи для содѣйствія нашимъ казакамъ маневрированіемъ на флангѣ непріятельской позиціи. Командиръ полка, флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Корфъ, повелъ гусаръ въ направленіи Айденли и Джуранли, но вскорѣ былъ встрѣченъ залпами артиллеріи, а потому и принужденъ былъ остановиться. До 10 часовъ утра наши два орудія, бывшія подъ начальствомъ хорунжаго Пономарева, боролись съ непріятельскою артиллеріею и гусары маневрировали на лѣвомъ флангѣ турецкой позиціи, не смотря на страшный огонь артиллеріи.

Одновременно съ дѣйствіями гусаръ, Астраханскій драгунскій полкъ со взводомъ № 16-го конной баттареи, былъ высланъ отъ Айденли къ Мураджійской дорогѣ, для содѣйствія нашимъ спѣшеннымъ казакамъ и дружинѣ болгарскаго ополченія, занимавшимъ лѣсъ у этой дороги и боровшимся съ 15 батальонами.

Сулейманъ-паша въ 8 часовъ утра началъ наступленіе отъ Арабаджикіоя и по Чирпанской дорогѣ. Дѣйствія драгунъ и артиллеріи заключались въ томъ, что маневрированіемъ на правомъ флангѣ турокъ и обстрѣливаніемъ ихъ продольнымъ огнемъ было задержано наступленіе непріятеля и его правый флангъ отодвинутъ въ западномъ направленіи.

Къ 11 часамъ дня, гусары и драгуны вернулись къ Айденли, первые вслѣдствіе того, что были разстрѣляны снаряды и полкъ понесъ потери, не будучи въ состояніи аттаковать турокъ, находящихся въ кустахъ рощахъ, у деревень; вторые же, послѣ отбитія аттаки массы черкесовъ, отступили вслѣдствіе огня турецкой стрѣлковой цѣпи. Тѣмъ не менѣе дѣйствія обоихъ полковъ имѣли существенное значеніе—какъ имѣвшее послѣдствіемъ еще большее разъединеніе между двумя массами турокъ. Къ 11 часамъ дня, когда главныя силы передоваго отряда атаковали позиціи у Джуранли, а армія Сулейманъ-паши атаковала Болгарское ополченіе у Ески-Загры, противъ интервала между обѣими массами у Айденли стояли 12 эскадроновъ съ 8-ю конными орудіями, готовые кинуться

на турокъ. Такое расположеніе кавалеріи пріобрѣтало еще болѣе важное значеніе, если принять во вниманіе что, по извѣщеніи вашего превосходительства, я ждалъ съ часу на часъ подхода пѣхоты къ Ески-Загрѣ.

Настойчивое наступленіе непріятеля на Ески-Загру принудило меня отдѣлить отъ кавалеріи Казанскій драгунскій полкъ и выслать его въ помощь къ Болгарскому ополченію, оборонявшему Ески-Загру.

Въ 12½ часовъ прибылъ на позицію у Айдепли генералъ-майоръ Раухъ и, принявъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ у Ески-Загры, тотчасъ же направилъ оба кавалерійскіе полка съ конною № 16-го баттареей на соединеніе къ отряду вашего превосходительства. Веденіе кавалерійской колонны, подъ начальствомъ полковника барона Корфа, было поручено мною начальнику штаба, подполковнику Сухотину.

Приходилось идти по шоссе, находившемуся въ сферѣ артиллерійскихъ и ружейныхъ выстрѣловъ непріятеля, занимавшаго Джуранли и окрестные кусты кукурузнаго поля.

Выславъ сильные разъѣзды вправо, кавалерія (Астраханскій драгунскій, и Кіевскій гусарскій и № 16-го конная баттарея) двинулась на рысяхъ общею колонной по шоссе къ Ени-Загрѣ. По отходѣ ½ версты отъ Айдепли, на колонну посыпались гранаты и пули, и затѣмъ до самаго прибытія къ правому флангу отряда, дѣйствовавшему противъ селенія Джуранли, кавалерія все время шла провожаемая огнемъ непріятеля. По приближеніи къ вышеупомятому отряду, колонна была аттакована черкесами во флангъ, но они во время были встрѣчены головнымъ дивизіономъ драгунъ и орудіями, обдавшими ихъ картечью. Но до шока черкесы не допустили и ускакали къ ближайшимъ кустамъ, изъ которыхъ вновь открыли огонь по колоннѣ, которая затѣмъ опять продолжала слѣдованіе въ указанномъ ей направленіи. Вскорѣ послѣдовала вторая аттака черкесовъ. У одного изъ орудій взвода поручика Ильина была убита лошадь, почему оно оставалось, и пока возились у орудія, черкесы произвели новую аттаку, но и тутъ, встрѣченные картечью, были отброшены и затѣмъ преслѣдованы.

По прибытіи на правый флангъ отряда, уже одержавшаго побѣду надъ непріятелемъ, дивизіонъ гусаръ былъ высланъ для преслѣдованія, равно какъ и казаки, составлявшіе до того времени правый флангъ отряда вашего превосходительства. Астраханскій драгунскій полкъ и дивизіонъ гусаръ получили назначеніе обезпечить правый флангъ отъ арміи Сулейманъ-паши, въ это время одержавшаго рѣшительный успѣхъ у Ески-Загры. Во время боя у послѣдняго города, Казанскіе драгуны много содѣйствовали замедленію наступленія непріятеля и наконецъ, будучи спѣшены, прикрыли отступленіе Болгарскаго ополченія къ Казанлыку. Вечеромъ того же 19 іюля кавалерія имѣла порученіе прикрыть со стороны Ески-Загры отходъ пѣхоты на бивакъ у Дальбока.

20 іюля, во время отступленія передоваго отряда черезъ Дальбокское ущелье, Астраханскій полкъ съ сотней казаковъ былъ выдвинутъ по шоссе къ Айдепли съ цѣлью прикрытія отхода нашихъ войскъ.

21 іюля, по выходѣ изъ ущелья, вся кавалерія была выдвинута къ Есекчи, и, подъ прикрытіемъ ея, передовой отрядъ перешелъ отъ Былабаджи къ Ханкіою.

22 іюля, Астраханскій драгунскій полкъ и гусарскій эскадронъ были передвинуты къ Софуляру (въ долинѣ Тунджи), съ цѣлью наблюденія выходовъ отъ Ески-Загры въ эту долину, а также возстановленія связи съ тою частью отряда, которая отступила въ Шипку.

Начиная съ 21 и до 25 іюля же включительно отъ казачьихъ полковъ и кавалеріи были выставляемы пикеты отъ взвода до сотни на всѣхъ перевалахъ, ведущихъ изъ долины Марицы въ долину Тунджи на протяженіи отъ Орисары до Софуляры; затѣмъ на путяхъ, ведущихъ отъ Сливны (у Твердицы) и отъ Софіи, близь Калофера. Кромѣ того, по всей полосѣ высылались сильные разъѣзды, изъ которыхъ заслуживаютъ особенно быть упомянутыми разъѣзды: одинъ изъ 30 человѣкъ охотниковъ-гусаръ, подъ начальствомъ портупей-юнкера Рябинина, а другой — изъ 30 казаковъ, подъ начальствомъ хорунжаго (№ 26-го Донскаго полка) Дукмасова. Оба разъѣзда были высланы 23 іюля къ Ески-Загрѣ, для повѣрки полученныхъ свѣдѣній объ удаленіи Сулейманъ-паши отъ этого города. Разъѣздъ гусаръ, выступивъ изъ Ханкіоя, прошелъ по едва замѣтнымъ тропинкамъ черезъ Малые Балканы и затѣмъ проскакалъ нѣсколькими партіями сквозь груды сожженнаго города, причемъ имѣлъ потерю въ двухъ раненыхъ гусарахъ. По выходѣ изъ города, разъѣздъ удостовѣрился что дѣйствительно турки ушли и только оставались партіи баши-бузуковъ, дограбившія городъ. Разъѣздъ Дукмасова, по подъемѣ на горы, обнаружилъ присутствіе биваковъ по дорогѣ между Ески-Загрой и Ени-Загрой, а также слѣдованіе колоннъ отъ перваго ко второму.

Наконецъ, 24 числа, имѣлъ дѣло съ непріятелемъ и Казанскій драгунскій полкъ. Отступивъ послѣ боя 19 іюля тоже къ Шипкѣ, онъ долженъ былъ, вслѣдствіе приказанія вашего превосходительства, передвинуться къ Софуляру и, по соединеніи тамъ съ Астраханскимъ полкомъ, прибыть къ Ханкіою. По приближеніи къ Казанлыку было получено свѣдѣніе о пребываніи въ этомъ городѣ непріятеля; какъ оказалось въ послѣдствіи, то былъ отрядъ въ нѣсколько сотъ черкесовъ и баши-бузуковъ. Драгуны частью спѣшились, а частью въ конномъ строѣ, освѣтивъ городъ, послѣ живой перестрѣлки, выбили непріятеля, рубили его при преслѣдованіи и затѣмъ присоединились къ Астраханцамъ.

25 іюля, вся кавалерія, за исключеніемъ казачьихъ сотенъ, занимавшихъ перевалы съ Малыхъ Балканъ, а также двухъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка, высланныхъ къ Твердицѣ и къ Маглишу, въ видахъ закрытія входовъ ущелья у этихъ пунктовъ, въ составѣ отряда начала отступленіе въ Тырново. Остальныя части отступили только поздно 25 іюля.

27 іюля кавалерія прибыла къ Тырнову и затѣмъ отведена въ Никупъ для отдыха.

Въ заключеніе, я считаю долгомъ своимъ сообщить что всѣ штабъ-и оберъ-офицеры ввѣренной мнѣ кавалеріи во все время похода и въ битвахъ показали

себя съ отличной стороны: всегда впереди въ бою и въ разъѣздахъ, всегда первые въ трудахъ и послѣдніе на отдыхѣ, всѣ офицеры явили себя отличнымъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ, которые съ замѣчательною выносливостью несли труды походной жизни и въ бою смѣло смотрѣли въ глаза смерти. Къ сказанному не могу не прибавить еще нѣсколько словъ относительно особенно выдавшихся лицъ во время похода около 40 дней. Такъ командиръ казачьей бригады полковникъ Чернозубовъ и полковникъ Кіевскаго гусарскаго полка флигель-адъютантъ баронъ Корфъ, Казанскаго драгунскаго — полковникъ Корево, Астраханскаго драгунскаго—полковникъ Мацылевичъ, № 21-го Донскаго—полковникъ Курнаковъ, № 26-го Донскаго полковникъ Красновъ, командиръ № 16-го конной баттареи подполковникъ Ореусъ заявили себя отличными командирами ввѣренныхъ имъ частей; благодаря ихъ заботливости и распорядительности, части находились въ замѣчательномъ порядкѣ; въ бояхъ же, благодаря мужеству вышеупомянутыхъ командировъ подчиненныя имъ части отлично выполнили даваемыя имъ значенія. Въ особенности отличился въ этомъ отношеніи подполковникъ Ореусъ, № 16-го конная баттарея котораго заслужила почетную извѣстность и уваженіе среди ввѣренной мнѣ кавалеріи. Не могу также не упомянуть, какъ особенно выдавшихся своею храбростью, слѣдующихъ штабъ-офицеровъ: гусарскаго Кіевскаго полка майоровъ: Тулатова и Карѣева, Астраханскаго драгунскаго полка майора Рожнятовскаго, Казанскаго полка майора Теплова и, въ особенности, того же полка полковника Бѣлогрудова; послѣднему ввѣрялись особенно важныя порученія, которыя и выполнялись имъ съ выдающеюся рѣшительностію и распорядительностію. Не могу обойти офицеровъ генеральнаго штаба, бывшихъ все время самыми дѣятельными помощниками командировъ, при которыхъ они состояли. Майоръ Квитницкій, въ должности офицера генеральнаго штаба при казачьей бригадѣ, показалъ себя усерднымъ и точнымъ исполнителемъ указаній командира. Генеральнаго штаба полковникъ Фрезе, состоявшій при драгунской бригадѣ, съ выдающеюся распорядительностью и самоотверженіемъ въ бояхъ и съ неутомимостью въ походѣ, явилъ себя усерднымъ помощникомъ и исполнителемъ указаній командира бригады, Его Императорскаго Высочества Князя Евгенія Максиміановича Лейхтенбергскаго. Состоящій при мнѣ, въ должности начальника штаба, генеральнаго штаба подполковникъ Сухотинъ, былъ моимъ лучшимъ и усерднѣйшимъ помощникомъ, какъ во время похода отъ р. Дуная до Ески-Загры, такъ и во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, бывшихъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Своею распорядительностью и заботливостью онъ облегчалъ мнѣ трудность управленія ввѣренной мнѣ кавалеріи; причемъ выказалъ выдающіяся способности офицера генеральнаго штаба; въ бояхъ же во время самыхъ рѣшительныхъ маневровъ кавалеріи, съ моего разрѣшенія, всегда находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и, несмотря на явную опасность, хладнокровно руководилъ, по моему указанію, маневрированіемъ и дѣйствіями частей кавалеріи.

Подлинный подписалъ: начальникъ кавалеріи передоваго отряда, свиты Его Величества *Князь Николай Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій.*

Переходъ черезъ Балканы. *)

Предварительныя свѣдѣнія о путяхъ перехода 1-го іюля.—Группа переваловъ балканскихъ: 1) Шипка. 2) Травненскій перевалъ. 3) Еленскій.—Дальнѣйшіе пути въ балканскія горы и равнины.

«Часть Балканскаго хребта, черезъ который, по извѣщенію телеграммы Его Высочества Главнокомандующаго, наши передовыя войска перешли 1-го іюля, принадлежитъ къ Великому Балкану. Черезъ него, какъ извѣстно ведетъ, нѣсколько группъ переваловъ; въ ряду ихъ наибольшее стратегическое значеніе представляетъ группа Тырновскихъ переваловъ, краткое описаніе которыхъ приводимъ ниже.

«*Группа тырновскихъ переваловъ* состоитъ изъ двухъ колесныхъ путей черезъ перевалы Шипкинскій и Травненскій и изъ нѣсколькихъ большихъ тропъ.

«1) *Шипкинскій перевалъ* (Шипка) св. Николы служитъ главнымъ почтовымъ трактомъ между Рущукомъ и Адріанополемъ. Дорога изъ Габрово въ Шипку, длиною въ 24 версты, шоссирована, однако нуждается мѣстами въ исправленіяхъ. Она доступна движенію войскъ съ тяжестями; самое трудное мѣсто—спускъ къ Шипкѣ. Габрово расположено на высотѣ 1,600 фут., главный перевалъ на высотѣ 4,600 фут., а деревня Шипка на высотѣ 1,800 фут.; подъемъ требуетъ $4^1/_3$ часа, а спускъ около часа.

«Дорога, по выходѣ изъ Габрово, переходитъ по каменному мосту (40 шаговъ длины и 9 ширины) р. Янтру и слѣдуетъ долиною р. Казерицы, которую она пересѣкаетъ четыре раза по мостамъ. На шестой верстѣ шоссе поворачиваетъ на востокъ и, слѣдуя мимо деревни Зелено-древо, утопающей въ зелени, взбирается на отрогъ Червени-берегъ, гдѣ опять принимаетъ южное направленіе и походитъ къ караулу. Первый подъемъ и все разстояніе до втораго глинисто; шоссе нуждается здѣсь въ исправленіи. За карауломъ, у котораго находится хорошій ключъ, дорога склоняется на западъ, изгибаясь по отрогу между двумя лѣсистыми ущельями, и легко всходитъ на второй подъемъ ко второму караулу. Отсюда шоссе мало по малу поворачиваетъ на югъ и, обойдя съ запада вершину оврага, направляется на юго-востокъ къ перевалу черезъ скалистый гребень Балканъ. Здѣсь она врѣзывается узкою бермою въ каменистый скатъ горы и, изогнувшись около другой высоты, увѣнчанной развалинами стариннаго укрѣпленія, выходитъ къ скалистой вершинѣ св. Николы, у которой поставленъ третій блокгаузъ. За карауломъ, шоссе, сдѣлавъ еще оборотъ по голой скалѣ, начинаетъ спускаться зигзагами по крутому, каменистому и обнаженному скату, у подножія котораго расположено селеніе Шипка съ первыми плантаціями розъ. Склонъ южнаго ската Шипка-Балкана 40, а спуска не менѣе 20 градусовъ.

«2) *Травненскій перевалъ* находится на высотѣ 4,000 фут.; черезъ него проходитъ *колесный путь* изъ Травны (2,500 фут.), имѣющей 400 болгарскихъ домовъ, въ селеніе Маглишъ. На сѣверѣ отъ Травны до Балканъ дорога шос-

*) Русскій Инвалидъ 1877.

сирована, а далѣе доступна только для воловьихъ подводъ, однако, съ незначительными исправленіями она можетъ быть приспособлена къ движенію полевой артиллеріи и обозовъ.

«Отъ Травны шоссе проложено по лѣвому берегу р. Сельцы; легко поднимаясь въ гору, оно два раза пересѣкаетъ эту рѣку у выселковъ Диміовъ-ханъ (10 дворовъ) и Байовцы (7 дворовъ); на правомъ берегу лежитъ выселокъ Бовачица. Затѣмъ, дорога направляется мимо отдѣльно стоящей корчмы, Кановъ-ханъ, къ выселку Іавчовъ-ханъ, гдѣ она переходитъ въ бродъ р. Сельцу и вслѣдъ затѣмъ ея притокъ Ковачку. Между выселками Чакали (30 дворовъ) и Радевцы (20 дворовъ) подъемъ становится крутымъ; далѣе дорога взбирается по правому берегу р. Сельцы большею частію полями, на пологій скатъ Ковачицкаго гребня къ выселку Мрозецы, близъ котораго находятся обнаженныя каменноугольныя копи Бонувъ-Конакъ. Южнѣе, встрѣчающіеся по пути перелѣски обращаются въ густой лѣсъ, черезъ который дорога поднимается на травненскій перевалъ, находящійся между вершинами Визою и Крестацомъ. За переваломъ колесная дорога обращается въ путь, доступный лишь легкимъ повозкамъ. Спускъ мѣстами очень крутъ и скалистъ, а мѣстами идетъ лѣсомъ и полями. Далѣе, дорога ведетъ черезъ гору Дабникъ, мимо двухъ источниковъ, къ р. Маглишъ, шириною въ 10 шаговъ, которую она пересѣкаетъ у бѣдной болгарской деревушки Сельцы, имѣющей 35 дворовъ. Вслѣдствіе крутыхъ береговъ, движеніе вдоль рѣки почти невозможно; поэтому дорога поднимается на противолежащія высоты, переходитъ черезъ притокъ Маглиша, описавъ большую дугу, значительно удаляется отъ долины Маглиша. Съ каменистыхъ, а впослѣдствіи лѣсистыхъ высотъ Добрины-планины дорога взбирается на гору Повакъ (3.000 ф.), съ крутой вершины которой открывается великолѣпный видъ, и спускается въ котловину маглишскаго монастыря (1.500 ф.). За монастыремъ дорога значительно улучшается, возвращается къ р. Маглишъ и направляется къ деревнѣ того же названія, имѣющей 400 болгарскихъ и 190 турецкихъ дворовъ. За деревнею дорога, по выходѣ изъ ущелья на равнину, орошенную р. Маглишемъ, развѣтвляется и тянется, съ одной стороны, черезъ невысокій гранитный кряжъ и р. Кечи-дере, на которой имѣется мостъ въ Казанлыкъ, а съ другой—черезъ Чанкчи и Караджа-дагъ, въ Эски-Загру. (Эски-Серей).

«Отъ деревни Сельцы ведетъ въ Казанлыкъ еще другая дорога, годная только для пѣшехода и для коня, на Гюзово и Тульбе-баиръ.

«Кромѣ означенныхъ двухъ колесныхъ дорогъ, черезъ Шипку и Травна-Балканъ ведутъ еще слѣдующія три тропы: а) отъ деревни Зелено-дерево (на дорогѣ изъ Габрово въ Шипку) въ деревню Софоларъ, находящуюся въ Казанлыкской долинѣ и запирающую ущелье Акдере; б) между Габровымъ и селеніемъ Иметли, расположеннымъ въ ущельѣ оврага того же названія, и в) *отъ селенія Килифара въ Хаинкіо*, которя ведетъ по ущелью р. Килифаръ, потомъ лѣсомъ взбирается на хребетъ и круто спускается къ селенію Зеленскирадъ, расположенному въ верховьяхъ *Хаинкіойскаго ущелья*. Эта тропа, длиною въ 36

верстъ, узка, очень крута и проходитъ по самымъ глухимъ мѣсамъ хребта; однако, она отчасти доступна вьюку.

«Послѣдній путь пройденъ нашимъ передовымъ отрядомъ, который пересѣкъ Балканы на пространствѣ между Шипкинскимъ и Травенскимъ проходами (съ запада и Еленинскимъ (съ востока), и вышелъ почти въ тылъ послѣднему, у с. Хаинкіой (Ханкіой).

Пути перехода черезъ Балканы, благодаря генералу Гурко съ его отважнымъ передовымъ отрядомъ, найдены, великая задача похода рѣшена и въ то время, когда турки гласили, что для русскихъ переходъ черезъ Балканскія горы долженъ составить чуть ли не военную эпоху, такой подвигъ, какого Европа и не ожидала. Европа дѣйствительно можетъ быть не ожидала, и русскіе взяли да и перешли. Оставалось только перейти нижніе Балканы, отдѣляющіе долину Тунью отъ большой Румелійской долины, чрезъ которую протекаетъ рѣка Марица.

Подвигъ генерала Гурко—военный романъ. Гурко не только прошелъ чрезъ Балканы, но прорвался въ ту, природою образованную дверь, которая ограждаетъ Турцію отъ иностраннаго нашествія.

Подъ предводительствомъ генерала Гурко было восемь полковъ кавалеріи, и шесть батальоновъ стрѣлковой бригады. Его главный отрядъ двинулся къ Еленѣ, лежащей на юго-востокъ отъ Тырнова. Здѣсь предстоялъ генералу вопросъ: какъ велико войска у турокъ, которое, какъ говорили, было расположено близь или около Османъ-Базара, и дѣйствительно ли непріятельскія силы были растянуты линіею отъ Османъ-Базара чрезъ Балканы въ южномъ направленіи.

Съ цѣлью развѣдки относитеаьно этого вопроса, генералъ Гурко произвелъ при помощи кавалеріи рекогносцировку па Шумлскую дорогу, по направленію къ Османъ-Базару.

Хотя при встрѣчѣ съ турками произошли значительныя потери, но все же генерелъ нашелъ то, чего искалъ; получивъ свѣдѣнія, что въ округѣ Османъ-Базара находился около 6000 турокъ, которые находились между Дунаемъ и Балканами и составляли лѣвое крыло арміи. Позиція турокъ въ сказанной мѣстности не продолжалось въ глубину Балканъ. На основаніи этихъ свѣдѣній, оставивъ слѣдовавшій за нимъ отрядъ 9 корпуса для наблюденія за турецкой позиціей около Османъ-Базара, генералъ Гурко повернулъ назадъ къ Балканамъ.

Около Елены онъ привелъ въ порядокъ ряды своего отряда и двумя форсированными маршами каждый около шести верстъ, онъ очутился въ самомъ сердцѣ Балканъ, которые извѣстны подъ названіемъ Еленинныхъ.

Въ этой мѣстности существуютъ три прохода въ долину Тунджи, почти параллельные. Одинъ центральный называется Ханкіой, отъ названія деревни, расположенной на южномъ склонѣ горъ. Восточный проходъ называется Зупанчи-Мезари. Генералъ Гурко имѣлъ своими проводниками христіанскихъ жителей затерянныхъ долинъ Балканскаго хребта; жители этихъ мѣстъ никогда не подчинялись совершенно турецкому игу. Чрезъ каждый изъ этихъ проходовъ онъ направилъ по одному отряду, но самъ, вмѣстѣ съ предводимою имъ колонною,

прошелъ чрезъ дефилей Ханкіой,—узкій, извилистый, стѣсненный крутыми утесами съ обоихъ сторонъ проходъ. Движеніе для пѣшеходовъ по этимъ ущельямъ было довольно сносное, но дорога оказалась слишкомъ узка для проѣзда пушекъ и горной баттареи, сопровождавшихъ русскую колонну. Въ самой трудной части прохода развѣдчики генерала Гурко натолкнулись на укрѣпленную позицію, занимаемую однимъ батальономъ турецкихъ низамовъ. Турки, сильно изумленные неожиданнымъ появленіемъ въ этомъ мѣстѣ казаковъ Тутолмина, пришли въ замѣшательство и бѣжали. Много ихъ было убито и ранено.

«Здѣсь, какъ и въ двухъ другихъ проходахъ, баттареи были помѣщены на прекрасно выбранныхъ пунктахъ; но онѣ не были вооружены. Генералъ Гурко былъ слишкомъ быстръ для лѣнивыхъ, безтактныхъ турокъ. Когда, наконецъ, русскій генералъ вышелъ изъ проходовъ Ханкіоя, то очутился въ долинѣ Тунджи, въ самомъ выгодномъ ея пунктѣ, около деревни Езекіой, находящейся въ равномъ разстояніи отъ трехъ военныхъ городовъ—Казанлыка, Іени-Загры и Эски-Загры.

«Важное значеніе Казанлыка въ томъ, что онъ расположенъ у устья Шибскаго прохода,—одного изъ Балканскихъ горныхъ путей между Габровомъ и Казанлыкомъ. Іени-Загра составляетъ одну изъ вѣтвей желѣзной дороги, ведущей къ Ямболю. Эски-Загра уже совершенно за Балканами; она лежитъ на высокомъ склонѣ Марицкой долины и служитъ исходнымъ пунктомъ дорогъ, ведущихъ въ разныя стороны долины.

«Генералъ Гурко былъ увѣренъ, что подкрѣпленія слѣдуютъ за нимъ. Немедленно послалъ онъ отрядъ казаковъ для пересѣченія желѣзной дороги къ Іени-Загрѣ, и небольшой кавалерійскій отрядъ для занятія Эски-Загры и реквизиціи транспортнаго матеріала. Что касается до Казанлыка, то онъ получилъ извѣстія, что какъ самый этотъ городъ, такъ и проходъ Шибка крѣпко заняты турецкими войсками. Предполагая, что войска эти принадлежатъ къ той самой арміи, съ которой онъ имѣлъ уже столкновеніе у Османъ-Базара, генералъ двинулся, чтобъ отрѣзать эту часть турецкой арміи. Если это предположеніе справедливо и онъ, слѣдовательно, прошелъ линію сообщенія между турецкимъ отрядомъ и его главнымъ корпусомъ, то генералу не трудно было бы сладить съ непріятелемъ. Если же, напротивъ, у Казанлыка стояли войска, принадлежащія къ другому турецкому корпусу, расположенному далѣе на западъ, или же представляли изъ себя независимый отрядъ, то генералу Гурко все-таки казалось, что было бы лучше смѣло аттаковать ихъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобъ построить свой фронтъ въ южно-восточномъ направленіи, въ глубинѣ долины лицомъ къ Адріанополю, онъ обратился къ западной сторонѣ и двинулся вверхъ по долинѣ Тунджи къ Казанлыку, въ тылъ непріятеля, занимавшаго укрѣпленный проходъ «Шипка».

Двѣ сотни казаковъ доходили до Іени-Загры, порвали тамъ телеграфъ по дорогѣ Іени-Загры и Сливны у деревни Орсазаре. 3-го іюля была стычка казаковъ съ толпами баши-бузуковъ и черкесовъ, поддержанныхъ тремя таборами турецкой пѣхоты; непріятель держался лишь до прибытія посланныхъ генераломъ

Гурко казанскихъ драгунъ съ четырьмя орудіями. Завидѣвъ ихъ, непріятель обратился въ полнѣйшее бѣгство. Захвачено знамя, нѣсколько значковъ и множество непріятельскаго оружія. Все турецкое населеніе бѣжало въ Адріанополь.

Вотъ какъ писалъ въ свое время корресподентъ *Daily News* изъ Бѣлы о переходѣ чрезъ Балканы. Мы вносимъ на свои страницы эти подробности, потому что здѣсь кромѣ сказаннаго много личныхъ наблюденій и подробностей упущенныхъ въ другихъ мѣстахъ, которыя картину перехода оживляютъ и вносятъ новыя краски.

«Теперь могу сообщить о дальнѣйшихъ событіяхъ въ Балканахъ, на основаніи донесенія командира Великому Князю Николаю Николаевичу, а имъ переданнаго въ здѣшнюю императорскую главную квартиру. Проходъ Ханкіой были занятъ 2-го іюля. Турки отступили на западъ къ Конаро, но на другой день, получивши подкрѣпленія, аттаковали авангардъ генерала Гурко. Послѣ ожесточеннаго сраженія турки были разбиты, русскіе заняли Конаро и взяли два турецкихъ лагеря.

«Въ тотъ же день отрядъ казаковъ, посланный въ Іени-Загру, перервалъ телеграфъ и испортилъ желѣзную дорогу. На другой день, 4-го іюля, генералъ Гурко направился къ Меглису тремя колоннами. Средняя колонна состояла изъ кавалеріи и пѣхоты, лѣвая изъ одной кавалеріи; имъ поручено было прикрывать флангъ, и, если возможно, обойти непріятеля. Въ Уфлами они должны были остановиться, такъ какъ наткнулись на сильную непріятельскую позицію и имъ пришлось вступить въ бой съ турецкой артиллеріей, кавалеріей и пѣхотой. Когда генералъ сталъ сильно напирать на непріятеля, подоспѣли пять батальоповъ анатолійскихъ низамовъ и оказали хорошую помощь. Ихъ огонь, который они открыли на разстояніи 2,000 шаговъ, причинилъ русскимъ большія потери. Русскимъ же не дозволяется открывать огня раньше, какъ за 600 шаговъ отъ непріятеля. Подойдя на такое разстояніе они начали стрѣлять и ихъ огонь принудилъ анатолійцевъ отступить. У русскихъ было четыре батальона стрѣлковъ и двѣ сотни казаковъ; турки называютъ ихъ попами, оттого, что они носятъ крестъ, для отличія отъ турецкихъ черкесъ. Русскіе гусары и драгуны ударили на турецкій флангъ. Завязалось горячее дѣло; сабли и штыки были въ полномъ ходу. Турки были выбиты изъ своей позиціи съ большой потерей: 400 человѣкъ было положено на мѣстѣ. Турки дрались отчаянно, но пораженіе при Уфлами, должно быть, обезкуражило ихъ такъ, что дальше у нихъ не хватило стойкости.

«5-го іюля генералъ Гурко подошелъ къ Казанлыку. Стояли страшныя жары и идти было чрезвычайно тяжело. Пѣхота выбирала дорогу по ручьямъ, чтобы какъ-нибудь прохлаждаться. Каждый день приходилось сражаться. Вечеромъ 5-го іюля генералъ Гурко вступилъ въ Казанлыкъ. Турки отдѣлили отъ своихъ войскъ, охраняющихъ проходъ Шипку, отрядъ для занятія высотъ, прикрывающихъ съ боку входъ въ Казанлыкъ, и для воспрепятствованія вступленію въ него генералу Гурко; но его стрѣлки заняли эти высоты прежде и туркамъ пришлось отступить.

«Предполагалось, что Гурко долженъ былъ быть въ Казанлыкѣ 4-го іюля и 5-го сдѣлать нападеніе съ тыла на турецкія войска, стоявшія у прохода Шибки, а князь Мирскій въ то же время, съ 9-й дивизіей, аттаковалъ бы ихъ съ фронта. Но онъ былъ задержанъ упорнымъ сраженіемъ, а въ тотъ же день, по занятіи Казанлыка, войска не могли двигаться дальше, вслѣдствіе сильнаго утомленія. Такимъ образомъ, при аттакѣ прохода Шибки, генералъ Гурко и князь Мирскій не дѣйствовали одновременно; князь аттаковалъ эту позицію одинъ, направившись изъ Габрова на югъ. Онъ послалъ противъ турокъ только полкъ Орлова, раздѣливши его на три колонны.

«Проходъ былъ сильно укрѣпленъ ретраншементами и баттареями въ шесть рядовъ и защищался отборными турецкими войсками, черкесами и египтянами. Послѣдніе сражались храбро. Изъ трехъ колоннъ князя Мирскаго, правая встрѣтила слабое сопротивленіе и успѣла пройти нѣкоторое разстояніе; не будучи поддержана средней колонной, которой не нашла, сражалась пять или шесть часовъ и все таки пробилась. Лѣвая колонна, состоявшая изъ двухъ ротъ, сбилась съ дороги и была аттакована двѣнадцатью ротами турокъ. Она отступала, отбиваясь впродолженіи 4-хъ часовъ, и потеряла восемь офицеровъ убитыми и ранеными и около 150 человѣкъ рядовыхъ. Ее вывелъ изъ дѣла единственный, остававшійся въ строю офицеръ, да и тотъ былъ раненъ.

«6-го іюля, генералъ Гурко выступилъ для аттаки позиціи у Шибки съ тыла. Авангардъ его составляли два батальона стрѣлковъ.

«Когда они подходили къ позиціи, ихъ встрѣтилъ парламентеръ съ бѣлымъ флагомъ. Стрѣлки остановились и офицеръ, бывшій при нихъ, вышелъ на встрѣчу парламентеру. Пока шли переговоры, русскіе стрѣлки, интересуясь знать въ чемъ дѣло, вышли изъ строя и толпой окружили офицера съ парламентеромъ. Во этотъ самый моментъ по нимъ былъ открытъ огонь изъ турецкой позиціи. Парламентеръ, по данному ему знаку, котораго русскіе не понимали, пустился бѣжать.

«Турецкій огонь былъ такъ силенъ, что русскіе въ нѣсколько минутъ потеряли 142 человѣка убитыми и ранеными. Оставшіеся въ живыхъ люди остервенились и, не дожидаясь никакого распоряженія и команды, бросились впередъ. Туркамъ пришлось плохо; стрѣлки налетѣли на нихъ, какъ коршуны, погнали ихъ и заняли оставленный ими лагерь позади укрѣпленій.

«Въ тотъ же день вечеромъ, въ отвѣтъ на требованіе генерала Гурко туркамъ сдаться и прекратить безполезную защиту прохода, получено было отъ турецкаго командира Мегеметъ-паши письменное предложеніе о сдачѣ. Начаты были переговоры и сдача турокъ была назначена въ 12 часовъ дня на другой день. Назначено было перемиріе и въ этотъ день, съ ранняго утра, санитарный отрядъ отправился за ранеными, которыхъ стрѣлки вынуждены были оставить. Они принесли извѣстіе, что турки бросили свою позицію и ушли. Предложеніе о сдачѣ оказалось хитростью, для того, чтобы выиграть время.

«Между тѣмъ 6-го іюля, цѣлый день князь Мирскій ничего не предпринималъ, ожидая извѣстій о дальнѣйшемъ движеніи. 7-го числа молодой Скобелевъ, съ

отрядомъ изъ войскъ Мирскаго, отправился на рекогносцировку въ проходъ съ сѣвера. Къ немалому своему удивленію, онъ, безъ всякаго сопротивленія, переходилъ одну линію укрѣпленій за другой, находилъ наскоро брошенные турецкіе лагери съ только-что зажженными огнями, полуизжаренными раціонами и не доконченными телеграммами. Такимъ образомъ онъ дошелъ до гребня прохода и передъ нимъ открылся видъ на югъ. Въ лощинѣ, подъ горой, онъ увидалъ расположенный лагеремъ войска. Но были ли то русскіе или турки, онъ не могъ разобрать. Палатки, какъ будто турецкія, а солдаты похожи были на русскихъ. Скобелевъ попробовалъ крикнуть ура! отвѣта не было. Наконецъ, онъ разглядѣлъ флагъ съ краснымъ крестомъ и узналъ, что въ лощинѣ были русскіе. Онъ тотчасъ же примкнулъ къ нимъ. Весь турецкій лагерь и багажъ, 12 пушекъ и 400 человѣкъ плѣнныхъ турокъ были забраны.

«Позиція при Шипкѣ лежитъ въ лѣсу и весьма трудно доступна. Укрѣпленія расположены съ большимъ искусствомъ; говорятъ, они устроены англійскимъ военнымъ инженеромъ. Генералъ Гурко доноситъ, что всѣ его раненые были убиты турками тутъ же на мѣстѣ; что мертвые и раненые найдены были съ отрѣзанными головами и всячески изувѣченными. Повидимому, турки дѣлали все это обдуманно, такъ какъ трупы рускихъ были собраны въ отдѣльныя груды. Нѣсколько человѣкъ раненыхъ турокъ должно быть думали, что и ихъ ждетъ такая же участь со стороны русскихъ; при приближеніи русскихъ они вынимали кинжалы и приготовились не даромъ уступить свою жизнь. Ихъ не только не думали убивать, а напротивъ, имъ подана была помощь.

«Турки бѣжали на западъ по направленію къ Хермеджи. Генералъ Гурко остается въ Казанлыкѣ до тѣхъ поръ, пока 8-й корпусъ, занимающій дефилеи въ Балканахъ, переѣдетъ черезъ нихъ. По дорогѣ въ настоящее время могутъ двигаться только простыя телѣги, запряженныя волами, но множество народа занято уже исправленіемъ ея. Во всякомъ случаѣ движенія впередъ можно ожидать только черезъ нѣсколько дней. Въ настоящую же минуту пріостановлены даже кавалерійскіе разъѣзды.

«Турки напортили себѣ тѣмъ, что постоянно высылали впередъ небольшіе отряды по 2 и по 3 батальона, вмѣсто того, чтобы начать аттаку всѣми своими силами или приберечь главныя силы для отпора. Недобросовѣстное употребленіе ими бѣлаго флага для обмана и терзаніе раненыхъ—это такіе варварскіе поступки, которые положительно лишаютъ возможности вести съ ними войну по правиламъ, принятымъ между цивилизованными народами.

«7-го іюля русскіе потерпѣли сильную неудачу, если не полное пораженіе при Плевнѣ. Генералъ Шильдеръ, съ частью 9 корпуса, состоявшею изъ бригады пѣхоты съ кавалеріей и артиллеріей, былъ посланъ для занятія этого города. Но турки отбросили русскихъ съ большой потерей. Говорятъ, что баронъ Криденеръ, командиръ 9-го корпуса, будетъ смѣненъ и что изъ 9-го и 11-го корпусовъ будетъ образована отдѣльная армія подъ начальствомъ Шаховскаго и будетъ дѣйствовать на западѣ противъ Виддина. 9-му корпусу данъ приказъ взять Плевну-

«Русская армія подъ Рущукомъ дошла до рѣки Ломъ, впадающей въ Дунай у Пиргоса, и постепенно обложила крѣпость. Въ настоящее время, въ углу между рѣками Дунаемъ и Ломомъ, собрано около 40 тысячъ войска. Турки оставили линію рѣки Лома безъ сопротивленія; полагаютъ, что одна часть ихъ отступила къ Рущуку, а другая ушла въ Шумлу.

«Великій Князь Владиміръ Александровичъ два дня тому назадъ отправилъ кавалерію на рекогносцировку черезъ Кадикіой, по линіи желѣзной дороги между Рущукомъ и Шумлой въ Гевемли; здѣсь порваны телеграфныя проволоки, сняты рельсы и взорванъ динамитомъ желѣзнодорожный мостъ. Было нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ; въ одной изъ нихъ отрядъ русскихъ драгунъ былъ разбитъ и понесъ порядочную потерю.

«Вчера близь Дуная было артиллерійское дѣло, въ которомъ принимала участіе одна баттарея на румынскомъ берегу, а сегодня съ утра возобновилось бомбардированіе Рущука изъ Журжева. Когда начнется бомбардированіе съ болгарскаго берега, еще неизвѣстно. Транспортъ съ осадными орудіями уже на пути, но онъ идетъ окольнымъ путемъ на Зимницу. Доставка припасовъ чрезвычайно затруднительна, такъ какъ базисъ всѣхъ военныхъ силъ въ Болгаріи до сихъ поръ еще въ Зимницѣ, гдѣ все еще только одинъ мостъ. Предполагаютъ, что будетъ сдѣлана попытка оттѣснить турокъ къ Рущуку; но обложенія крѣпости нельзя ожидать скоро, такъ какъ войска, назначенныя для этого, подходятъ очень медленно.

«Главная квартира Великаго Князя Николая Николаевича были въ Тырновѣ. Цесаревичъ находится въ Обертенникѣ. Императоръ со свитой—въ Бѣлѣ. Жители турки по немногу возвращаются въ Бѣлу и занимаютъ свои дома, натерпѣвшись горя въ лѣсахъ. Утверждаютъ что они уходили вслѣдствіе строгаго приказанія изъ Константинополя. Въ Добруджѣ генералъ Циммерманъ овладѣлъ всей линіей желѣзной дороги между Черноводой и Кюстендже. Онъ стремится къ Силистріи.

«Состояніе здоровья въ арміи хорошо. Во 2-мъ корпусѣ меньше 2% больныхъ.

«Мнѣ кажется, что въ русской главной квартирѣ были бы не противъ мирныхъ предложеній, если бы они были разумны и удобопріемлемы; но не подлежитъ также сомнѣнію, что тамъ не задумаются двинуться со всевозможной поспѣшностью къ столицѣ Турціи, если турки не предупредятъ этого движенія принятіемъ условій, которыя удовлетворили бы Россію. Нейтральныя державы не могутъ не согласиться, что уже насталъ благопріятный моментъ внушительно посовѣтовать Турціи быть благоразумной, пока не поздно.

«Болгарскіе волонтеры обмундировываются и снабжаются оружіемъ; они будутъ отправлять жандармскую службу во всемъ занятомъ округѣ.»

Изъ корреспонденцій въ Русскія Вѣдомости *).

Въ духѣ нашей книги руководствоваться всѣми малѣйшими свѣдѣніями, чтобы сообщить читателямъ не одну сухую историческую суть дѣла, но и наблюденія лицъ частныхъ; ихъ замѣтки, даже впечатлѣнія, отдѣльными эпизодами вносятся въ нашу книгу съ тою цѣлью, чтобы обогатить нашу исторію, если удастся живыми фактами быта нашей народа его убѣжденіями и взглядами и пр. и пр.

Это то и есть причина почему мы вносимъ въ наше описаніе войны 1877—78 года, войны Христіанства съ магометанствомъ, борьбы образованія съ невѣжествомъ, всѣ мельчайшія подробности, какъ то эпизоды, разсказы, сцены, подхваченные благонамѣренными какъ русскими такъ и иностранными корреспондентами, чтобы впослѣдствіи могли судить о войнѣ и о причинахъ ея болѣе осмысленно и здраво, такъ какъ причины, вызвавшія на эту войну, слишкомъ серьезны и человѣколюбивы, хотя равнодушно приняты Европою, одною изъ частей свѣта, наполненною христіанами и притомъ образованіемъ своимъ которая гордится, которая посылаетъ повсюду миссіонеровъ для водворенія вѣры христіанской.

2-го іюля, утромъ, какъ я говорилъ уже въ прошломъ письмѣ, мы дебушировали изъ ущелья и на первыхъ же шагахъ наткнулись на небольшой авангардъ турокъ, стоявшій въ верстѣ, влѣво отъ выхода. Достаточно было разсыпать пластуновъ, двинуть 14-й стрѣлковый батальонъ, и пустить нѣсколько гранатъ въ лагерь, чтобы турки исчезли за деревней Ханкіой. Весь штабъ генерала Гурко собрался около орудій и мы устремили наши бинокли по всѣмъ направленіямъ. Справа на рысяхъ подымался въ гору нашъ казачій полкъ Краснова, спереди верстахъ въ пяти тянулся длинный обозъ бѣжавшихъ изъ сосѣдней деревни турокъ, которые увозили съ собой свои семьи и пожитки. Слѣва подъ обрывомъ пріютилась красивая деревня, вся въ садахъ, то было Ханкіой. Черезъ полчаса за горой показался уже дымъ, взвивавшійся высокимъ столбомъ, это казаки зажгли домъ, изъ котораго турецкіе крестьяне стрѣляли по нашимъ и убили одного казака. Перестрѣлка вдали замолкла, 14-й батальонъ былъ остановленъ за Ханкіоемъ и намъ казалось, что все пока спокойно. Въ лагерѣ поймали одного турка или цыгана, который оказался кузнецомъ изъ деревни, чему мы обрадовались несказанно, такъ какъ разсчитывали достать у него и подковъ, и гвоздей. Его допросили и поручили казаку стеречь. Бѣднякъ вообразилъ, что казаку приказано его зарѣзать; упавъ на колѣни, онъ началъ жалобно причитывать непонятныя для насъ фразы, дѣлая притомъ умоляющіе жесты. Нашелся, однако, докторъ, который объяснилъ ему по турецки, что ему нечего бояться, и что ему ничего не будетъ. Но напуганнаго кузнеца п-

*) № 190 Русс. Вѣд.

то легко было успокоить и онъ продолжалъ изливаться въ просьбахъ, предлагая намъ отдать всѣ свои деньги, лишь бы пощадили его жизнь.

Пользуясь тѣмъ, что деревня оставлена турками, мы съ докторомъ спустились въ нее съ цѣлію закусить. Жители встрѣтили насъ радушно и въ первой же хатѣ намъ подали сыру, яицъ и кислаго молока. Мы расположились уже на цыновкѣ, разсчитывая позавтракать, какъ вдругъ затрещали ружейные выстрѣлы и по улицѣ пробѣжала обезумѣвшая отъ страха толпа болгарскихъ женщинъ съ крикомъ «Тюрки! Тюрки!..» Выстрѣлы, дѣйствительно, слышались въ концѣ деревни, гдѣ помѣщались турецкія хаты; но впослѣдствіи оказалось, что дѣло было за деревней. Кое-какъ удалось намъ успокоить болгаръ и размѣстить ихъ подъ громаднымъ орѣховымъ деревомъ, откуда они легко могли скрыться за нашими войсками. Между тѣмъ двое пластуновъ привели плѣннаго турецкаго солдата.

— Откуда вы его забрали? спросилъ ихъ генералъ.

— А мы ваше, превосходительство, лежали съ хорунжимъ въ цѣпи, а онъ подъѣзжаетъ на конѣ и къ намъ приглядывается, не спозналъ, значитъ. Только ружье все-таки на сѣдло положилъ и патронъ кладетъ! Хорунжій и приказалъ: бейте его! Ну мы и вдарили, да не попали, а онъ и свернулся съ коня, мы и взяли его.

Оказалось, что это былъ солдатъ изъ бѣжавшаго авангарда, который привелъ съ собою таборъ турокъ, стоявшій не вдалекѣ у деревнѣ Кунари. Пластуновъ турки тоже приняли за черкесовъ, приближались къ нимъ очень неосторожно и нарвались на залпъ, стоившій имъ болѣе десятка людей.

Перестрѣлка началась на лѣвомъ флангѣ 14-го батальона; 4 рота съ резервомъ 3-й роты выбила турокъ изъ виноградниковъ и гнала ихъ вплоть до Кунари, которую и заняла.

Прогнавъ непріятеля, 14-й стрѣлковый баталіонъ расположился на отдыхъ; стали готовить обѣдъ, такъ какъ у Кунари захватили турецкій лагерь съ запасами и въ немъ нашли даже готовившуюся уже теплую пищу въ котлахъ. Но отдыхъ былъ непродолжителенъ: часовъ около 6-ти вечера па аванпостахъ возобновилась перестрѣлка и пришлось вывести въ дѣло весь 14-й баталіонъ, одну роту 13-го и взводъ 1-й горной баттареи. Турки упорнѣе всего держались на опушкѣ деревни Кузосымы, но скоро должны были отступить къ Твердицѣ. Уже было поздно, и темнота не позволила преслѣдовать ихъ далѣе, да притомъ же нельзя было батальону отрываться слишкомъ далеко отъ отряда. Мы между тѣмъ расположились на ночлегъ въ Ханкіоѣ; но хозяева наши уже были не такъ гостепріимны; я не понималъ, почему наши хозяйки бѣгаютъ отъ насъ и, запираясь въ хатѣ, не пускаютъ даже въ дверь. Скоро дѣло объяснилось; оказалось, что съ одной стороны наши болгары-дружинники и казаки слишкомъ безцеремонно воспользовались гостепріимствомъ крестьянъ, причемъ особенно досталось курамъ; съ другой—сами крестьяне растащили все что можно было найти въ домахъ бѣжавшихъ турокъ и въ оставленномъ лагерѣ, и боясь, чтобы вещи не были отобраны, заперли хаты.

Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о нашихъ болгарскихъ дружинахъ; я писалъ о нихъ въ моихъ первыхъ письмахъ, когда я въ первый разъ видѣлъ ихъ въ Плоэшти. Тогда всѣ корреспонденты посѣщали ихъ лагерь, удивлялись быстротѣ обученія ихъ, восхищались быстрымъ ростомъ ихъ численнаго состава; я тоже имѣлъ тогда поверхностное понятіе о нихъ и только теперь, благодаря походу, въ которомъ участвовали 4 ихъ дружины, я могу дать болѣе вѣрный отзывъ о нихъ.

Къ сожалѣнію, отзывъ мой не можетъ быть особенно лестнымъ для будущаго болгарскаго войска. Кадры его превосходны. Лучшіе офицеры и унтеръ-офицеры изъ арміи были высланы полками для сформированія этихъ дружинъ; Туркестанъ прислалъ для нихъ своихъ опытныхъ боевыхъ офицеровъ; но всѣ усилія этихъ обездоленныхъ офицеровъ, стремившихся въ армію сразиться съ турками, разбиваются о неспособность и дурные инстинкты набранной массы. Быстрой ростъ численнаго состава дружинъ, приводившій всѣхъ въ удивленіе, былъ первою причиною недоброкачественности состава; ради численности пренебрегали качествами добровольцевъ, вербовали, не разбирая,—была-бы охота. Сначала и незамѣтно было, пока стояли на мѣстѣ, пока формировались. Первый же переходъ въ Бухарестъ показалъ, что волонтеры совсѣмъ не умѣютъ ходить. Въ этотъ походъ, по разсказу самихъ офицеровъ, совершались дѣла положительно немыслимыя въ дисциплинированной части. Растянувшись по всему шоссе, бухарцы —ихъ прозвали такъ въ шутку туркестанскіе офицеры—начали останавливаться по одиночкѣ, и никакія усилія офицеровъ не могли заставить ихъ подняться и слѣдовать съ частью. Къ одному подсаживался другой, третій и скоро набиралась компанія, растягивавшая *tenteabris* и прохлаждавшаяся такимъ образомъ до самой ночи. И такіе бивуаки можно было видѣть по всему шоссе. Къ утру всѣ отставшіе понемногу собирались къ частямъ. Помимо этого, въ числѣ волонтеровъ набралось много негодяевъ, которе смотрѣли на дружину, какъ на даровое пристанище съ кормомъ; служба начинала надоѣдать и они преспокойно оставляли свое платье, ружье и сапоги (въ этомъ нужно имъ отдать справедливость, казенное рѣдко брали) и уходили. Чрезъ нѣсколько времени дезертиръ являлся снова, какъ новый волонтеръ, и записывался въ другую дружину, гдѣ оставался до новаго побѣга. Такихъ побѣговъ было немало и офицеры, смѣясь, говорили, что надѣятся—авось всѣ разбѣгутся въ первомъ же дѣлѣ. Принуждены были прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію за побѣги, и вотъ одинъ дезертиръ явился въ свою дружину; его присудили къ тѣлесному наказанію и къ исключенію изъ службы; за дѣломъ вернулся! Но самыя дурныя стороны ополченія проявились въ походѣ уже въ Болгаріи. Мародерскія способности оказались у волонтеровъ преобладающими, вездѣ по дорогѣ они безцеремонно грабили и турецкія хаты, и хаты своихъ же «братушекъ.» Дошло до того, что начальникъ нашего отряда, генералъ Гурко приказалъ объявить имъ, что перваго, пойманнаго въ грабежѣ или воровствѣ прикажетъ разстрѣлять.

Во время дѣла 4-го іюля болгарскимъ дружинамъ, остававшимся сзади въ резервѣ, приказано было пройти цѣпью за наступавшимъ отрядомъ, чтобы по-

добрать раненыхъ; я пріѣхалъ на перевязочный пунктъ и по дорогѣ, уже сзади цѣпи, нашелъ одного раненаго, а между тѣмъ бухарцы занимались весьма непохвальнымъ обыскиваніемъ убитыхъ турокъ, въ чемъ имъ помогали и мѣстные «братушки.» Каковы будутъ бухарцы въ дѣлѣ,—не знаю, ихъ офицеры говорили, что 5-го іюля они выдерживали огонь гранатъ довольно спокойно, но вообще они не пользуются никакимъ уваженіемъ ни отъ солдатъ, ни даже отъ своихъ офицеровъ. Послѣдніе прямо говорятъ, что еще можно выбрать изъ каждой роты человѣкъ шестьдесятъ не больше, а осталные хоть бы и разбѣжались, такъ горя бы мало было.

3-го іюля утро прошло тихо. Я цѣлый день хлопоталъ о подковахъ, потомъ мы принялись за приготовленіе артельнаго обѣда, ощипывали куръ, чистили бобы и лукъ; но обѣдъ нашъ, правда, очень хорошій, поспѣлъ только къ ночи, когда уже аппетитъ совсѣмъ прошелъ. Въ стрѣлковомъ баталіонѣ умудрились сдѣлать великолѣпный борщъ изъ зеленыхъ сливъ, а въ нашей артели приготовили великолѣпный супъ изъ зеленыхъ бобовъ; но наслажденіе, которое онъ доставилъ, вовсе не соотвѣтствовало потраченному времени и трудамъ. Около деревни протекалъ ручей, отведенный въ особое русло для мельницы; мы воспользовались послѣднимъ и устроили себѣ въ немъ великолѣпное купанье, которое было очень кстати, такъ какъ мы и наше бѣлье были грязны до послѣдней степени. Мыла у насъ было вдоволь,—его нашли большое количество въ забранномъ турецкомъ лагерѣ; прекрасное греческое мыло было намъ самымъ пріятнымъ подаркомъ. Нѣкоторые изъ насъ усаживались подъ каскадъ, падавшій изъ жолоба не работавшей мельницы, а я и еще одинъ офицеръ забрались въ самый жолобъ. Признаюсь, никогда я не имѣлъ болѣе освѣжающей ванны, вода съ страшной быстротой проносилась по жолобу и обдавала все тѣло холодной волной. Послѣ путешествія по ущелью и офицерамъ, и солдатамъ это купанье было какъ разъ кстати. Къ вечеру турки, въ количествѣ 3-хъ таборовъ съ орудіями, появились со стороны Сливенъ. Противъ нихъ направили драгунъ, конно артиллерійскую баттарею и одну сотню уральскихъ казаковъ. У Оризары произошло дѣло, драгуны разсыпались въ цѣпь, уральцы бросились въ шашки и турки отступили, оставивъ порядочную массу убитыхъ. Послѣ этого дѣла вся мѣстность отъ прохода до самыхъ Сливенъ и далѣе была совсѣмъ очищена отъ турокъ. Ночь прошла совсѣмъ спокойно, а на другое утро рано мы выступили къ Казанлыку, оставивъ у Ханикіойя двѣ дружины болгаръ, двѣ горныхъ баттареи и полкъ казаковъ.

М. Федоровъ.

Рапортъ начальника передоваго отряда генералъ-лейтенанта Гурко.

От 3-го іюля 1877-го года, въ 2 часа 10 минутъ дня Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Дѣйствующей арміи.

«Въ дополненіе ко вчерашнему моему донесенію, посланному тотчасъ послѣ занятія дер. Ханикіой, доношу, что непріятель, отступившій по направленію къ

Твардицѣ, получивъ подкрѣпленіе, пришедшее къ нему изъ ущелья, попытался, около $6^1/_2$ часовъ вечера, перейти въ наступленіе противъ 14-го стрѣлковаго батальона, занимавшаго въ то время дер. Канаро и оставшагося тамъ для варки себѣ пищи на мѣстѣ бывшаго турецкаго лагеря. Передовая цѣпь этого батальона, увидавъ непріятеля, силою, какъ казалось более двухъ батальоновъ, завязала съ нимъ перестрѣлку и начала отходить къ дер. Канаро.

«Командиръ 14-го стрѣлковаго батальона, полковникъ Бежановъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, тотчасъ же пошелъ впередъ съ батальономъ, съ двумя сотнями пластуновъ и съ двумя горными орудіями. Такъ какъ силы турокъ въ то время въ точности еще не были извѣстны, то для поддержанія передовыхъ войскъ былъ двинутъ еще 15-й стрѣлковый батальонъ съ двумя орудіями, стоявшій впереди дер. Ханикіой, по дорогѣ въ Твардицу. Не доходя до д. Казасмади, батальонъ развернулся и вызвалъ впередъ горныя орудія. Вскорѣ началъ подходить и 15-й стрѣлковый батальонъ. Приходъ этого батальона и огонь горныхъ орудій побудили непріятеля начать отступленіе. Наши стрѣлки преслѣдовали его; но наступившая въ скоромъ времени темнота заставила прекратить преслѣдованіе, не доходя до дер. Твардицы. Наши войска отошли къ дер. Канаро, а непріятель отступилъ къ Сливно.

«Во время этого дѣла мы потеряли двухъ стрѣлковъ ранеными, изъ нихъ одинъ очень тяжело въ животъ и находится при смерти. Въ настоящее время потери наши выяснены и заключаются въ слѣдующемъ: одинъ казакъ убитъ, одинъ тяжело раненъ. Казакъ умеръ въ теченіи послѣдней ночи; одинъ стрѣлокъ тяжело раненый находится при смерти, три стрѣлка и одинъ казакъ ранены болѣе или менѣе тяжело. Вся же потеря состоитъ изъ семи человѣкъ.

«По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что у непріятеля, на пространствѣ между деревнями Еекчи и Тавардица, было до четырехъ таборовъ; изъ нихъ два табора анатолійскаго низама и два табора египетскихъ войскъ. Артиллеріи у непріятеля вовсе не было. Мы овладѣли двумя лагерями, гдѣ нашли много оружія, патроновъ, галетъ, хирургическіе инструменты, перевязочные припасы и много принадлежностей обмундированія. Сверхъ того, мы взяли семь плѣнныхъ турокъ.

«Считаю долгомъ засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ о тѣхъ неимовѣрно тяжелыхъ трудностяхъ, которыя были перенесены войсками ввѣреннаго мнѣ отряда во время прохода по малоразработанному горному проходу. Въ особенности тяжело было вывозить орудія конныхъ батарей. Что же касается до перевозки зарядныхъ ящиковъ, то она потребовала почти сверхъестественныхъ усилій. Только русскій солдатъ могъ пройти въ три дня и провести полевыя орудія по столь тяжелому ущелью. Справедливость требуетъ сказаать, что болгарское ополченіе нисколько не отставало отъ остальныхъ солдатъ въ дѣлѣ преодолѣнія трудностей движенія.

«Я уже доносилъ Вашему Императорскому Высочеству, что для рекогносцировки ущелья и разработки пути былъ посланъ впередъ генералъ Раухъ съ конно-саперною командою. Порученіе свое генералъ Раухъ выполнилъ блестящимъ

образомъ и въ значительной степени облегчилъ войскамъ трудности перехода. Положительно можно сказать, что безъ этихъ предварительныхъ работъ войска не были бы въ состояніи совершить переходъ черезъ Балканы въ три дня.

«Со слѣдующимъ моимъ донесеніемъ я представлю Вашему Императорскому Высочеству кроки всего прохода отъ деревни Плякова до деревни Хаинкіой. Кроки это составлено находившимся при передовомъ отрядѣ генерала Рауха генеральнаго штаба капитаномъ Сахаровымъ, и составляетъ, можно сказать, историческій документъ. Во время пути оно было мною повѣрено и найдено совершенно вѣрнымъ.

«До сихъ поръ мои свѣдѣнія о непріятелѣ еще не отличаются полною опредѣлительностью, но тѣмъ не менѣе, можно заключить, что въ настоящее время, въ долинѣ Туиджи силы турокъ пока еще не очень велики.

«Въ Казанлыкѣ и Шипкѣ турокъ отъ пяти до шести тысячъ. Но нельзя поручиться, что въ скоромъ времени они не будутъ значительно увеличены, въ особенности же принимая во вниманіе, что гор. Іени-Загра, лежащій на желѣзной дорогѣ изъ Константинополя въ Шумлу, отстоитъ всего на 25 верстъ отъ Хаинкіой.

«Для того, чтобы имѣть въ тылу себя не столь трудный проходъ и чтобы открыть для главныхъ силъ самый удобный перевалъ, я намѣренъ завтра, 4 го іюля, выступивъ со стрѣлковою бригадою, одною бригадою болгарскаго ополченія, четырьмя кавалерійскими полками и всѣми конными баттареями, и двинуться на Казанлыкъ. Завтра я предполагаю ночевать въ Маглышѣ, а послѣ завтра, 5-го іюля, аттаковать Казанлыкъ.

Для охраненія пройденнаго мною перевала, я, оставляю двѣ бригады болгарскаго ополченія со всѣми горными орудіями (14 ор.).

Отъ 4-го іюля, въ 7 час. утра, изъ дер. Хаинкіой ген. Гурко доноситъ:

«Выступаю на Казанлыкъ. Вчера вечеромъ, двѣ сотни Донскаго № 26-го полка и Уральская сотня, посланныя на рекогносцировку по дорогѣ на Іени-Загру и Сливно, были встрѣчены за дер. Оризари толпами баши-бузуковъ и черкесовъ, за которыми спускались съ горы три табора пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Казаки и уральцы завязали перестрѣлку съ конными, вслѣдствіе чего, турецкая пѣхота остановилась и выставила артиллерію на позицію.

«Получивъ объ этомъ донесеніе, я, въ 5 часовъ по-полудни, отправилъ Казанскій драгунскій полкъ, при четырехъ орудіяхъ,—поддержать казаковъ и прогнать непріятеля. Для поддержки драгунъ я отправилъ одну бригаду Болгарскаго ополченія. Турки, при одномъ видѣ драгунъ, обратились въ полнѣйшее бѣгство. Уральскіе казаки, бывшіе все время впереди, ихъ горячо преслѣдовали; драгуны же могли преслѣдовать только артиллерійскимъ огнемъ. Общее преслѣдованіе прекратилось только съ наступленіемъ ночи, верстахъ въ двадцати отъ дер. Хаинкіой. Драгуны вернулись на бивуакъ въ часъ ночи, уральцы—въ два. Тѣ и другіе привезли съ собой много побросаннаго оружія, нѣсколько значковъ и одно знамя.

«Драгуны потерь не имѣли. Уральскій эскадронъ потерялъ одного убитымъ

и трехъ ранеными, изъ которыхъ двое тяжело. Потеря Донскаго № 28-го полка мнѣ неизвѣстна; по слухамъ, командиръ полка, полковникъ Красновъ, легко раненъ въ плечо.

«Ротмистръ Мартыновъ донесъ мнѣ сегодня утромъ, что онъ дошелъ съ дивизіономъ казаковъ до г. Іени-Загры, гдѣ порвалъ телеграфную проволоку.

«По донесеніямъ лазутчиковъ, все населеніе бѣжитъ по желѣзной дорогѣ и пѣшкомъ къ Адріанополю.

«Раненые въ утреннемъ и вечернемъ дѣлахъ 2-го іюля отправлены сего числа, утромъ, въ Тырново; съ ними слѣдуютъ и плѣнные турки.

Подписалъ: начальникъ передоваго отряда, генералъ-лейтенантъ *Гурко*.

Занятіе Шипкинскаго прохода.

Прежде всего познакомимъ читателя съ радостною телеграммою Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею отъ 7 іюля.

«*Ура!* Проходъ Шипки сегодня у насъ въ рукахъ. Сынъ мой, Великій Князь Николай, сію минуту прибылъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. 5 числа Орловскій полкъ дрался съ неимовѣрнымъ мужествомъ противъ 14 таборовъ. Въ этомъ полку и въ 30-мъ казачьемъ около 100 убитыхъ и 100 раненыхъ; офицеровъ убито 2 и ранено 5. 5-го же числа генералъ Гурко взялъ Казанлыкъ и село Шипку. Сегодня, 6 іюля, Орловцы вновь перешли въ наступленіе, но турки бѣжали безъ боя и даже безъ выстрѣла. Въ 4 часа дня войска турецкія были въ виду Орловскаго полка. Турки бѣжали на западъ, бросивъ 3 знамени, 8 орудій и оружіе. Паника среди нихъ огромная. Перевалъ былъ занятъ въ эту минуту Орловскимъ полкомъ и двумя орудіями.»

Шипкинскій проходъ.

Въ газетѣ *National Zeitung* находимъ слѣдующее описаніе прохода, сдѣланное на основаніи статьи Каница «Балканскіе проходы» и карты, изданной австрійскимъ генеральнымъ штабомъ:

«Отъ Габрова, состоящаго изъ 1,300 домовъ и славящагося по всей Болгаріи своей промышленностью; идетъ къ югу дорога, сначала по долинѣ рѣчки Козерицы, впадающей у самаго города въ Янтру, затѣмъ подымается и идетъ по обрыву надъ ручьемъ, черезъ который устроено четыре моста. На сѣверномъ склонѣ подъема особенно красиво мѣсто, гдѣ сливается рѣчка Козерица съ Папичарской: тутъ со всѣхъ сторонъ высятся отвѣсныя скалы бѣлаго известняка. Оставивъ Козерицу къ западу, дорога поднимается въ южномъ направленіи далѣе въ горы къ такъ называемому Червенному-брегу, красные глинистые слои котораго постоянно смѣняются желто-бурымъ известнякомъ и наконецъ переходятъ въ шиферъ. Здѣсь встрѣчается первая сторожка; подъ ней, къ востоку, на

склонахъ долины Янтры, стоитъ монастырь святаго Сокола, куда отъ главнаго пути отдѣляется живописная дорожка, пролегающая черезъ прекрасный и густой лѣсъ. Далѣе изгибами идетъ дорога черезъ красный шиферъ и мергель ко второй сторожкѣ, на высотѣ 1,033 метровъ надъ уровнемъ моря, и наконецъ, къ третьей, на высотѣ 1,246 метровъ. Отсюда къ сѣверу открывается удивительная панорама: Габрово видѣнъ, какъ на ладони, а также ясно видны и дороги; изъ нихъ одна идетъ на Сельви, Ловчу и Плевну, а другая, черезъ Дренову, въ Тырново. Къ югу же дорога черезъ проходъ ведетъ уже прямо въ самое сердце Европейской Турціи; въ Адріанополь и Филиппополь. Съ этой высоты вполнѣ уясняется все высокое значеніе Шибкинскаго прохода въ военномъ дѣлѣ. Нѣсколько выше послѣдней сторожки начинается перевалъ, высота котораго, по картѣ австрійскаго генеральнаго штаба, равняется 1,318 метрамъ надъ уровнемъ моря. Съ перевала открывается безподобный видъ на прославленную долину розъ Казанлыка. Подъ ногами, такъ сказать, лежатъ два міра: съ одной стороны, къ сѣверу, черезъ горы и долины тянется однообразная, зеленая полоса лѣса, между которымъ кое-гдѣ виднѣются, покрытыя плоскимъ известнякомъ, кровли болгарскихъ хижинъ: съ другой, къ югу, лежитъ очаровательная долина Казанлыка окаймленная не высокими горами, гдѣ, среди полей и розовыхъ садовъ, подъ тѣнью величественныхъ орѣшинъ, скрываются многочисленныя турецкія селенія, съ ихъ домиками, крытыми красной черепицей, и бѣлыми минаретами мечетей. Словно мановеніемъ волшебнаго жезла, чувствуешь себя въ одинъ мигъ перенесеннымъ изъ Европы въ Малую-Азію. Съ перевала, дорога, окруженная массами сѣрыхъ скалъ, спускается очень круто и постоянно изгибаясь. Съ Габрова, лежащаго на 600 метровъ ниже перевала, до послѣдняго можно добраться не скорѣе, какъ въ $4^1/_2$ часа, тогда какъ съ перевала до деревни Шипки, лежащей на 700 метровъ ниже, можно дойти много-много въ часъ. Южный спускъ для повозокъ очень затруднителенъ. Шипка—это большое селеніе о двухъ церквахъ съ 800 болгарскихъ домовъ; сѣверная часть его тянется по подошвѣ горъ и скрывается въ лѣсистомъ оврагѣ; южная-же теряется въ обширныхъ розовыхъ плантаціяхъ, которымъ Шипка обязана всѣмъ своимъ благосостояніемъ. На полъ-пути въ Казанлыкъ, среди розовыхъ садовъ и рощъ изъ орѣшинъ, лежитъ живописная турецкая деревня Хаскіой. Между послѣдней и Шипкой—часъ пути. Отъ Хаскіоя до Казанлыка, имѣющаго совершенно мусульманскій характеръ,—тоже часъ пути. Казанлыкъ лежитъ, по Каницу, на высотѣ 339 метровъ; жителей въ немъ около 21,000. Своимъ цвѣтущимъ состояніемъ городъ обязанъ, главнымъ образомъ, тому, что двумя дорогами соединенъ, съ одной стороны, съ долиной Марицы, а съ другой съ шипкинскимъ проходомъ, т. е. съ единственной, мало-мальски проѣздной дорогой черезъ Балканы. Казанлыкъ считается центромъ торговли розовымъ масломъ во Ѳракіи. Изъ 123 ѳракійскихъ мѣстностей, гдѣ добывается это масло, 42 находятся въ казанлыкской долинѣ; изъ 1,650 килограммъ розоваго масла, добываемаго во всей Ѳракіи, 850 приходятся на одну эту долину. До чего обширна тамъ культура розъ можно заключить изъ того, что одинъ килограммъ мас-

лѣ выжимается изъ 3,200 килограммовъ розъ. Къ востоку отъ Шипкинскаго прохода идутъ отъ Казанлыка двѣ, только не колесныя дороги черезъ Травнинскіе Балканы въ Травну; еще далѣе къ востоку лежитъ Хаинъ-Бугазскій проходъ.»

Шипка-Клиссура, *) Шипка-ущелье, находится въ Средней Горѣ Балкановъ, на югъ отъ Габрова. Дорога на югѣ отъ Габрова идетъ по берегамъ Янтры и Козерицы. По мѣрѣ приближенія къ Балканамъ, горы возвышаются. Наконецъ, при сліяніи Паничарки и Козерицы, двухъ истоковъ Янтры, начинается живописный сѣверный входъ въ Шипку-ущелье среди чрезвычайно высокихъ и совершенно утесистыхъ, изъ бѣлаго известковаго камня, стѣнъ. Мѣстность грандіозная и оригинальная. При самомъ началѣ ущелья стоитъ караульня (блокгаузъ). На западъ отъ этого ущелья, по склонамъ Балкановъ, разбросано много мелкихъ деревень, составляющихъ общину Зеленое Древо. По углубленіи въ ущелье и при возвышеніи дороги, бѣлыя известковыя стѣны смѣняются красноватыми; отъ этого и самая мѣстность получаетъ названіе Червеной Дроги. По самому ущелью, къ нѣсколькихъ мѣстахъ караульни, въ которыхъ постоянно живутъ заптіи. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣе возвышаются и главная дорога, и ущелье. Наконецъ, ущелье достигаетъ самой большой высоты (по однимъ 1,665, по другимъ 1,407 метровъ), которая называется Шипкою (т. е. шиповникомъ, дикою розою), за которою слѣдуетъ равнина, болгарами называемая Туловско Поле. Это—средина Балканскаго хребта, граница между сѣверною и южною Болгаріей, раздѣляющая два міра, двѣ области, два климата, двѣ флоры. Съ «Туловскаго Поля» ущелье Шипки начинаетъ спускаться въ благодатную «долину розъ» балканскихъ. Спускъ оканчивается у селенія Шипки, утопающаго въ розовыхъ садахъ въ буквальномъ смыслѣ слова.

Шипка—большое болгарское село. Въ немъ болгарскіе дворы, двѣ церкви, училище. Сѣверная часть его входитъ въ горную ложбину, расположенную при подошвѣ горы 548 метровъ надъ уровнемъ моря, а южная раскинута среди полей и розовыхъ кустовъ. Обитатели Шипки—прилежный и промышленный народъ. Кромѣ произрастанія розовыхъ кустовъ, они занимаются токарнымъ, прядильнымъ и кузнечнымъ мастерствами. Шипка находится въ долинѣ розъ, въ которой главный городъ Казанлыкъ.

Телеграмма, извѣщающая о славномъ переходѣ черезъ Балканы, прибавляетъ, что переходъ совершенъ при помощи проводниковъ изъ болгаръ. Балканцы-болгаре провели наши войска боковыми долинами и ущельями отъ Габрова и Травны. Большая долина охраняется турками; при южномъ входѣ въ ущелье постоянно и въ мирное время находились турецкіе блокгаузы, а послѣ перехода нашихъ войскъ чрезъ Дунай, особенно же послѣ занятія Тернова, этотъ входъ былъ, по всей вѣроятности, занятъ сильными отрядами низамовъ. Болгары сѣвернаго склона Балканъ—народъ мужественный потомки гайдуковъ, помнящіе Марко-краля. Панаіота Хитова и другихъ героевъ родины. Ихъ Сокольскій Богородиц-

*) См. „Русскій Миръ" 1877.

кій монастырь постоянно запертъ и ни одинъ турокъ никогда не осквернялъ святое мѣсто своимъ присутствіемъ. Турки боятся ихъ и не навѣщаютъ. Побочные проходы извѣстны только болгарамъ: — они-то и провели русскіе баталіоны.

«Когда я прибылъ въ Шипку *) меня поразило огромное число перебитыхъ стеколъ въ окнахъ; оказывается, что въ то время, когда генералъ Гурко зашелъ сзади и побилъ турокъ, остававшіеся еще въ Шипкѣ пришли въ сильнѣйшую ярость и начали буйствовать ужасно: врывались въ нѣкоторые домы и грабили, колотили стекла и производили другія безобразія. Въ окрестностяхъ же города и на поляхъ разбѣжавшіеся баши-бузуки производили неслыханныя звѣрства; очень многіе изъ нихъ уже попались въ плѣнъ. Вообразите себѣ, послѣ всего этого, радость нашихъ братушекъ, когда увидѣли первыхъ русскихъ воиновъ. Наши солдатики уже окрестили болгаръ именемъ «братушекъ», такъ какъ они, при встрѣчѣ съ нами, всегда говорятъ «здравствуй, братушка» или «добре дошли», равносильное нашему «съ пріѣздомъ». Иногда приходится невольно разсмѣяться при встрѣчѣ съ болгарами-братушками, которые видимо желаютъ принять и поздороваться съ русскими возможно радушнѣе, и поэтому перенимаютъ отъ насъ даже пріемы поклоновъ. Не видя здѣсь никого, кромѣ военныхъ, которые на поклоны ихъ отвѣчаютъ принятымъ военнымъ знакомъ привѣтствія, они воображаютъ, что у русскихъ существуетъ такой обычай, и поэтому сами снимаютъ свои мѣховыя шапки и преуморительно прикладываютъ руку ко лбу; такой же знакъ привѣтствія дѣлаютъ и женщины. Но, какъ бы то ни было, болгары не остаются пассивными зрителями, но помогаютъ намъ по мѣрѣ возможности и силъ. Чувствуя за собою могущество Россіи, все болгарское населеніе поднялось, вооружилось и, не имѣя возможности выступить въ открытое поле, занимаетъ цѣпи, держитъ караулы, ведетъ отчаянную борьбу съ разсыпавшимися повсюду баши-бузуками, преслѣдуетъ бѣглецовъ и доставляетъ нашимъ военачальникамъ во множествѣ плѣнныхъ. Я видѣлъ сегодня партію въ 300 человѣкъ плѣнныхъ турокъ, регулярныхъ египетскихъ войскъ, разбѣжавшихся изъ укрѣпленной позиціи на горѣ св. Николы, изъ отрядовъ, разбитыхъ генераломъ Гурко, близь Казанлыка, и баши-бузуковъ; раньше этого, здѣсь же прошелъ первый транспортъ плѣнныхъ, состоявшій изъ 800 слишкомъ человѣкъ, которыхъ отправилъ генералъ Гурко. Вооруженные болгары бродятъ по горамъ, лѣсамъ и мѣстамъ, пройденнымъ русскими войсками, и вездѣ отыскиваютъ бѣглецовъ, которыхъ находятъ во множествѣ и доставляютъ въ города, уже занятые русскими войсками; когда соберется болѣе или менѣе значительная партія, ее отправляютъ подъ конвоемъ, составленнымъ изъ болгаръ же по назначенію. Въ сказанной партіи мнѣ показывали нѣсколькихъ баши-бузуковъ, отличившихся своими звѣрствами. Одинъ изъ нихъ, худощавый старикъ, съ сѣдою бородою, сверкающими глазами и истинно звѣрскимъ выраженіемъ лица, напалъ на работающихъ въ полѣ женщинъ, близь Казанлыка, зарѣзалъ бывшаго тамъ

*) Говор. Корресп. Петерб. Вѣд. отъ 16 іюля 1877 года.

съ матерью груднаго ребенка и вырѣзалъ у шести женщинъ груди. Другой тоже, худощавый мужчина уже почтенныхъ лѣтъ, съ длинною, клинообразною бородою, изнасиловалъ въ самое послѣднее время двадцать женщинъ. Вотъ еще третій отвратительный баши-бузукъ, котораго мнѣ рекомендуютъ какъ самаго отъявленнаго разбойника; въ одномъ селеніи,—забылъ названіе,—невдалекѣ отъ Казанлыка, онъ вынулъ изъ утробы матери невиннаго младенца и истопталъ его ногами. Дѣйствительно, на его подломъ лицѣ, изъ его волчьихъ глазъ, можно вычитать, что на душѣ у него не хранится никакихъ благородныхъ чувствъ и нѣтъ въ немъ даже человѣческаго достоинства. Я былъ свидѣтелемъ прискорбнаго зрѣлища, какъ многіе болгары, въ порывѣ негодованія и ярости, при видѣ нѣкоторыхъ своихъ личныхъ враговъ и, быть можетъ, разрушителей своего счастья, били ихъ жестоко, прикладами ружья по головѣ. Нельзя, конечно, одобрять такое обращеніе съ плѣнными, но я вхожу въ положеніе угнетенныхъ столѣтіями болгаръ, у которыхъ накипѣло въ душѣ уже достаточно, и оправдываю ихъ вполнѣ какъ людей необразованныхъ и необлагороженныхъ, благодаря гнету турецкому.»

«Плевна—дѣло плевое!»

«Сообщу вамъ любопытный разсказъ одного изъ раненыхъ о занятіи Никополя и отзывъ генерала Крюденера о Плевнѣ.

«Разсказчикъ, молодой еще офицеръ, вошелъ въ Никополь безъ выстрѣла, но подъ Плевною былъ тяжело раненъ. Разсказъ записываю у койки раненаго, и по его просьбѣ сообщаю вамъ въ неприкрашенномъ видѣ:

«3-го іюля, моя стрѣлковая рота и я, въ пять часовъ утра, и не помышляя о томъ, что сегодня должна рѣшиться участь крѣпости, по полученному еще наканунѣ отъ генерала Крюденера приказанію, начали подвигаться вмѣстѣ съ остальными частями нашихъ войскъ къ Никополю. И что же? На встрѣчу намъ не неслись, какъ прошлые дни, ни картечи, ни пули, ни гранаты. Кругомъ царило гробовое молчаніе. Плохо, подумалъ я, эти черти, вѣроятно, что-нибудь замышляютъ недоброе; не даромъ ни одной азіатской рожи не видно. Идемъ дальше. Подходимъ мы, наконецъ, къ крѣпости, шаговъ не болѣе какъ на 500. Ни одного выстрѣла. Жутко стало всѣмъ. Положеніе въ нѣкоторомъ родѣ выходило конфузное. «И чего онъ не палитъ», заговорили солдаты, не меньше меня удивленные такимъ казусомъ.

«Мы остановились.

— Ваше благородіе—крикнулъ одинъ изъ солдатъ; онъ-то на рвѣ стоитъ.

«Дѣйствительно, на одномъ изъ валовъ стояли два турка. Одинъ изъ нихъ махалъ бѣлымъ флагомъ, другой постоянно указывалъ бывшимъ у него въ рукахъ ружьемъ на находящійся у его ногъ ровъ. Въ концѣ-концовъ, турокъ, видя, что его маневръ намъ несовсѣмъ понятенъ, бросилъ свое ружье въ ровъ, предварительно указавъ рукою на городъ. Крикнувъ «ура», наши бросились къ воротамъ. Комендантъ съ ключами еще не показывался. Нѣсколько стрѣлковъ,

не долго думая, перелѣзли черезъ стѣну, отбили замокъ и растворили ворота настежь. Тутъ налетѣли казаки, оцѣпившіе успѣвшихъ уже побросать оружіе плѣнныхъ турокъ. Пошелъ шумъ, гамъ.

— Гдѣ корпусный командиръ? кричали одни.

— Хассана-пашу веди сюда, подхватили другіе.

— Пошелъ за водою, ревѣли казаки, энергично погоняя плѣнныхъ нагайками. «Паша, паша», указывая на себя, бормоталъ одинъ изъ плѣнныхъ, но новый хлестъ нагайки вразумилъ его, и нашъ паша рысью понесся также за водою.

«Въ это время генералъ Крюденеръ, окруженный своимъ штабомъ, съ довольнымъ лицомъ, говорилъ слѣдующее:

— Ну господа, Никополь взятъ; теперь очередь за Плевною. Ну, да это плевое дѣло!

«Но Господь судилъ иначе!

Меджидіе и Черноводы *).

Выступленіе русскаго войска.—Оставленныя выгодныя позиціи.—Быстрота хода русскихъ войскъ.—Поѣздъ подъ бѣлымъ флагомъ.—Извѣстія.

3-го іюня, съ восходомъ солнца, весь русскій корпусъ двинулся на турецкую позицію въ Меджидіе. Передъ выступленіемъ войскъ отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ солдаты были въ темныхъ мундирахъ и шествіе войскъ совершалось въ наивозможной тишинѣ.

Между селеніемъ, гдѣ русскіе стояли на бивуакахъ и Меджидіе, лежатъ два ряда широкихъ холмовъ, не прерывающихся на протяженіи десяти миль въ обѣ стороны и представляющіе превосходный пунктъ, съ котораго можно было наблюдать за дальнѣйшимъ движеніемъ. Между этими холмами была сдѣлана остановка, которая позволила генералу Шамшеву занять позицію. На самой выдающейся возвышенности холма есть площадка, на которой генералъ Циммерманъ и его штабъ установили свой наблюдательный постъ, какъ разъ напротивъ Меджидіе, который лежитъ на сѣверномъ склонѣ горнаго кряжа.

Оба крыла турецкаго лагеря были прекрасно видны; они расположены вдоль хребта холмовъ, тянущихся на западъ отъ Меджидіе, сзади такъ-называемой Трояновой стѣны, которая идетъ нѣкоторое пространство параллельно съ потокомъ долины. Турецкій лагерь былъ совершенно спокоенъ до тѣхъ поръ, когда на вершинахъ холмовъ русскаго лѣваго крыла появились казаки генерала Шамшева. Тогда можно было видѣть, какъ турки стали поспѣшно складывать палатки, формировать ряды, приводить въ порядокъ кавалерію по направленію къ городу Черноводѣ. Ожидая сопротивленія, генералъ Циммерманъ отдалъ приказъ къ наступленію по всей линіи. Русскимъ войскамъ приходилось переходить болота. Предварительно артиллерія праваго крыла заняла позицію. Къ великому

*) Смотри стр. 52.

огорченію русскихъ, турецкое войско двинулось по направленію къ югу, черезъ вершины холмовъ. Ихъ позиція на высотахъ, командующихъ надъ городомъ и сзади Трояновой стѣны, была очень сильна и могла быть хорошо защищаема небольшимъ числомъ войска. Русскія войска наступали поспѣшно, а ихъ пушки праваго крыла посылали ядра въ догонку утекающему непріятелю. Приказъ о наступленіи былъ отданъ въ три четверти девятаго. Въ полчаса перваго турецкая кавалерія отступала съ шоссе, а четверть часа спустя по этой дорогѣ скакали пять казаковъ и за ними слѣдовали батальонъ пѣхоты, баттарея артиллеріи, эскадронъ казаковъ и штабъ, направляясь къ тому пункту, гдѣ шоссе пересѣкаетъ желѣзную дорогу. Въ этомъ пунктѣ, по другую сторону узкаго пути, возвышались каменныя зданія, снабженныя амбразурами для стрѣлковъ. Отсюда къ западному концу города черезъ болото ведетъ дорога, едва широкая настолько, чтобъ можно было разъѣхаться двумъ телѣгамъ, а болото наполнено водою. Мы двинулись впередъ по узкому шоссе, удивляясь, почему оставлена турками такая удобная позиція и ежеминутно опасаясь взрыва мины или какой-нибудь засады. По прошествіи одного часа послѣ того какъ отданъ былъ приказъ о наступленіи, мы были уже передъ турецкимъ лагеремъ, или, лучше сказать, прошли черезъ него, ибо мы остановились въ немъ лишь на минуту, чтобъ удостовѣриться, что турки поспѣшно его очистили. Затѣмъ мы снова погнались за непріятелемъ, удалявшимся въ нашемъ виду черезъ рядъ холмовъ по направленію на югъ. Артиллерія была разсѣяна и послала въ слѣдъ туркамъ лишь немного гранатъ, не имѣвшихъ никакого дѣйствія и можетъ быть только ускорявшихъ, если это было возможно, отступленіе турокъ по долинамъ и холмамъ. На нашемъ лѣвомъ флангѣ открывалась великолѣпная панорама цвѣтущихъ полей, по которымъ пробирались казаки и артиллерія, поспѣшавшіе за большою квадратной массой пѣхоты, неутомимо подвигавшейся впередъ. Штабъ, съ эскадрономъ казаковъ и баттареей артиллеріи, продвинулся впередъ, сдѣлалъ нѣсколько залповъ и затѣмъ бросилъ преслѣдованіе. На лѣвомъ крылѣ казацкая артиллерія также заняла позицію и стрѣляла въ непріятеля, съ большимъ успѣхомъ, ибо его было убито тридцать человѣкъ. Турки отвѣчали на этотъ огонь и ранили двухъ казаковъ.

Преслѣдованіе окончилось въ полдень и русскій отрядъ вернулся и занялъ позицію вокругъ города на высотахъ холмовъ. Пѣхота сдѣлала въ этотъ день покрайней мѣрѣ двадцать пять верстъ и только двое солдатъ не вынесли этого перехода; между тѣмъ жара была страшная, но, къ счастію, она умѣрялась прохладнымъ сѣвернымъ вѣтромъ.

Вся дорога, по которой отступалъ непріятель, до конца его преслѣдованія, была усѣяна принадлежностями солдатской экипировки, башмаками, провизіей, снарядами, только одинъ трупъ былъ оставленъ на дорогѣ. Турокъ этотъ былъ убитъ передовымъ русскимъ отрядомъ.

Турецкіе регулярные солдаты были хорошо одѣты и, повидимому, были снабжены въ изобиліи чернымъ хлѣбомъ и лукомъ. Турецкій хлѣбъ, котораго найдено было большое количество оказался мягкимъ и бѣлымъ.

Когда преслѣдованіе окончилось, городъ былъ занятъ штабомъ и къ этому же времени подошелъ обозъ съ съѣстными припасами, отправленный съ послѣдняго нашего бивуака. Городъ оказался совершенно пустымъ; турки частію совершенно уничтожили хранившіеся въ немъ запасы; не было видно ни одной живой души, кромѣ мародеровъ, которые были вскорѣ отогнаны; они большею частію занимались ограбленіемъ убитыхъ и раненыхъ.

Генералъ Циммерманъ не выказалъ особеннаго презрѣнія къ врагамъ и имъ были приняты мѣры предосторожности противъ внезапныхъ нападеній.

Особенной похвалы заслуживала пѣхота, которая шла, почти цѣлый день не пивши не ѣвши и все-таки переходъ этотъ былъ ею вынесенъ съ весьма малой убылью изъ рядовъ. Наступленіе совершалось въ такомъ порядкѣ и съ такою быстротою, какихъ рѣдко можно видѣть. Это отчасти можно относить къ удобствамъ почвы, какъ бы нарочно приспособленнымъ къ движеніямъ арміи. Отрядъ почти не встрѣчалъ естественныхъ препятствій. Желѣзная дорога найдена была нетронутой, и лишь весьма немного домовъ въ городѣ повреждены. Въ нижней части города оказалось много колодцевъ съ превосходною водою.

Плѣнные передавали, что позиція эта было занята восемью тысячами пѣхоты, восемью сотнями кавалеріи и одною баттареею,—что по мнѣнію всѣхъ было бы весьма достаточно, чтобы выказать упорное сопротивленіе, особенно при такой прекрасной позиціи. Найденныя ружья были системы Пибоди и Мартини, а патроны изъ Провиденціи.

При быстротѣ похода русскіе очень нуждались въ приличной пищѣ, такъ какъ въ Меджидіе, если и находилось много продовольствія для скота, за то для людей рѣшительно ничего нельзя было найти притомъ ни за какія деньги.

Главный обозъ съ съѣстными припасами двигался еще сзади и оставалось офицерамъ довольствоваться запасами привезенными изъ Браилова, а солдатамъ раціономъ изъ сумокъ. Впрочемъ было довольно захвачено съ собою домашняго рогатаго скота.

Расчитывали, что въ Добруджѣ размѣщеніе войскъ будетъ затруднительно. Воду мы встрѣтили на разстояніи 15 или 20 миль, и едвали на дорогѣ найдется какое либо прикрытіе отъ невыносимаго жара.

Турки очистили Черноводу и 4 іюля былъ посланъ отряда для занятія этаго города.

Въ три часа пополудни услышали свистъ локомотива и шумъ движущагося по рельсамъ поѣзда. Прибывъ на станцію, нашли локомотивъ и нѣсколько вагоновъ, прибывшихъ изъ Кюстенджe съ желѣзнодорожными чиновниками и нѣкоторыми пассажирами. Надъ поѣздомъ развѣвался бѣлый флагъ. Повидимому, въ предшествовавшую ночь турки очистили Кюстенджe массою, оставивъ жителей, грековъ, французовъ и другихъ иностранцевъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. Желѣзнодорожное начальство рѣшило освѣдомиться—заняли ли русскіе Меджидіе, и вотъ они снарядили поѣздъ, медленно двигавшійся, причемъ съ него наблюдали въ телескопы. Поѣздъ пришелъ на станцію, прежде чѣмъ на немъ узнали, въ чьей власти находится городъ.

«Желѣзнодорожные чиновники разсказывали интересныя вещи о поведеніи черкесовъ. Черкесы отобрали силою у жителей все, даже одежду, и оставили ихъ на произволъ судьбы. Одна деревня, населенная нѣмецкими колонистами и находящаяся на линіи между Меджидіе и Чернаводой, опустошена совершенно. Народъ умираетъ съ голоду. Два дня тому назадъ поѣздъ привезъ въ эту деревню нѣсколько продовольствія, чтобъ не дать умереть съ голоду ея жителямъ. Черкесы совершали свои грабежи по всѣмъ направленіямъ, разрушали дома, грабили и даже убивали жителей. Напротивъ того въ Кюстендже сохранились еще большіе запасы съѣстныхъ припасовъ, и мало вреда причинено было самому городу.»

Истязанія Армянъ въ Азіи.

Въ свое время сообщали *) что въ на дорогахъ изъ Эривани, Александрополя и по окрестнымъ деревнямъ можно было встрѣтить множество оборванныхъ и искалѣченныхъ армянъ, скрывшихся отъ смертельнаго преслѣдованія турокъ, курдовъ, черкесовъ. Эмигранты въ большинствѣ случаевъ изъ Эрзерума, Муша, Вана, Баязета и окружающихъ ихъ деревень. Предъ ихъ разсказами о звѣрствахъ, мученіяхъ, истязаніяхъ, творимыхъ турками въ Арменіи, блѣднѣютъ ужасы болгарской рѣзни. Цѣлыя тысячи армянскихъ семействъ, послѣ страшныхъ мученій и истязаній, зарѣзаны были самымъ звѣрскимъ образомъ. Дома, цѣлыя деревни сожжены, имущество армянъ расхищено, а посѣвы совсѣмъ затоптаны и выжжены. Женщины, дѣвушки самаго нѣжнаго возраста изнасилованы до смерти, а трупы ихъ страшно изуродованы. Единственная вина этого населенія—сочувственный пріемъ, оказанный русскому воинству.

— Въ газетѣ *Мшакъ* помѣщена корреспонденція изъ Тавриза, сообщавшая слѣдующія свѣдѣнія о положеніи турецкихъ армянъ. Настоятель монастыря св. Варѳоломея, вардапетъ Эліазаръ, прибылъ въ Тавризъ и донесъ консуламъ, турецкому и европейскимъ, что армянскія селенія въ Абхакѣ превращены въ развалины. Большое село Балкана осталось пока неприкосновеннымъ, но и его ожидаетъ вскорѣ та же участь. Во время грабежа ахбакскихъ деревень было убито 7—8 человѣкъ армянъ; голодные, раззоренные жители нашли пріютъ въ Самнастѣ, гдѣ каждое армянское семейство пріютило по 4—5 человѣкъ изгнанниковъ. Вардапетъ просилъ консуловъ обратить вниманіе на такое невыносимое положеніе армянъ и употребить свое вліяніе на то, чтобы ограбленное имущество монастыря было ему возвращено. Тутъ жизнь вардапета Эліазара подвержена была постоянной опасности, такъ какъ шейхъ Эйпатулла приказалъ курдамъ убить его при первой встрѣчѣ, а приказаніе шейха для нихъ свято. Интересны отношенія курдовъ къ шейху: они боготворятъ его; достойные получаютъ позволеніе цѣловать его ноги; воду, въ которой онъ купался, сохраняютъ и пьютъ по каплѣ, вылизываютъ его плевки..., по его приказанію совершаютъ грабежи, убійства,

*) „Тифлисс. Вѣстникъ“ 1877 г.

насилія. Послѣ ахбакскихъ событій было ограблено нѣсколько ванскихъ деревень и замученъ священникъ со своимъ сыномъ. Ограбивши нѣсколькихъ армянъ въ Ванѣ, курды грозятъ не удовольствоваться совершеннымъ, а уничтожить всѣхъ армянъ. Если—говорилъ корреспондентъ—русскія войска не поспѣшатъ сюда, въ провинціи Васпураканъ не останется скоро ни одного армянина.

Дѣло подъ Уфлани и сдача Казанлыка.

Выступленіе изъ Ханкіойской позиціи.—Непріятное положеніе корреспондента.—Нѣсколько словъ въ пользу ружей и заряда.—Работа 10-й донской баттареи.—Спасибо правиламъ добраго военнаго товарищества.—Поиски лошади.—Перевязочный пунктъ.—Раненая лошадь.—Отбитое знамя.—Сожженная мельница.—Стрѣлки, какъ герои дня и исполненной задачи.—Русскій штыкъ и турецкіе выстрѣлы.—Турецкіе фанатики въ засадѣ.—Замученные болгаре.—Стычка подъ Казанлыкомъ.—Нашъ парламентеръ Князь Цертелевъ.—Сдача Казанлыка.

Утромъ 4-го іюля нашъ отрядъ выступилъ съ Ханкіойской позиціи двумя колоннами. Въ первой колоннѣ шли стрѣлковые 4 батальона, двѣ дружины болгаръ, двѣ казачьихъ баттареи и пластуны; въ лѣвой вся кавалерія съ конно-артиллерійской баттареей. У Ханкіойскаго прохода оставлены были двѣ дружины болгаръ, двѣ горныхъ баттареи и полкъ казаковъ. Я присоединился къ конно-піонерному дивизіону, который шелъ въ авангардѣ правой колонны.

Съ момента оставленія нами Ханкіойскаго прохода положеніе отряда становилось чрезвычайно серьезнымъ, ибо мы оставляли за собой единственный путь отступленія; займи его турки,—и насъ могли бы истребить всѣхъ до одного. Но когда ѣдешь верхомъ съ хорошими товарищами, когда свѣжее утро охватываетъ васъ пріятной прохладой, объ опасности думаешь мало, и мы весело болтали, подвигаясь по дорогѣ къ деревнѣ Уфлани. Не успѣли мы проѣхать и двухъ верстъ, какъ бывшіе впереди разъѣзды пріостановились и на горизонтѣ, у деревни, показались баши-бузуки. Авангардъ шелъ довольне ходко; мы сдѣлали остановку, послали къ начальнику отряда увѣдомить о появленіи непріятеля. Полусотня донскихъ казаковъ флигель-адъютанта барона Розена тихо подвигалась цѣпью къ баши-бузукамъ, которые гарцовали около деревни, двигались вправо, влѣво, но близко не подъѣзжали. Я выѣхалъ въ цѣпь казаковъ, чтобы набросать съ натуры схватку кавалеристовъ и слѣзъ съ лошади, чтобы сдѣлать кроки мѣстности. Цѣпь казаковъ растянулась версты на полторы и передъ деревней загнулась назадъ къ сторонѣ нашего приближавшагося отряда. Мы составляли самый правый флангъ цѣпи; прямо противъ насъ, шагахъ въ ста, начинался крупный кустарникъ, который густо покрывалъ подножіе Балканъ, высившихся справа. На лѣвомъ флангѣ раздался сперва одинъ выстрѣлъ, потомъ другой; мы предположили, что турки засѣли въ деревнѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ втораго выстрѣла, стоявшій около дерева турецкій всадникъ сорвался и поскакалъ прямо въ деревню. Я спокойно набрасывалъ въ своей записной книжкѣ, какъ вдругъ

изъ кустовъ, бывшихъ прямо противъ насъ, затрещали выстрѣлы. Казаки встрепенулись и подались назадъ. «Отступай тихо, отстрѣливайся!!»—крикнулъ Розенъ, но казаки и не думали отстрѣливаться, а отступали довольно поспѣшно. Я взялъ свою лошадь у державшаго ее казака и хотѣлъ уже сѣсть на нее; но съ нею сдѣлалось что-то необыкновенное, она ржала, вертѣлась и подымалась на дыбы, таща меня за собой на поводьяхъ. Борьба съ ней сильно утомила меня; въ это время бинокль мой выскочилъ изъ незастегнутаго футляра, я хотѣлъ наклониться, чтобы поднять его и не удержалъ—выпустилъ поводъ; лошадь рванулась и помчалась прямо на отрядъ, а я остался одинъ передъ турками, и притомъ въ бѣлой блузѣ и бѣлой шапкѣ. Они и занялись спеціально мною. Оглянулся назадъ—конно-піонерный дивизіонъ далеко и занятъ какими-то построеніями, пѣхота въ колоннахъ еще дальше, а кругомъ вспаханное подъ кукурузу поле и только два орѣховыхъ дерева на разстояніи трехсотъ шаговъ одно отъ другаго.

Выстрѣлы трещали въ кустахъ и пули свистѣли кругомъ въ огромномъ количествѣ. Турки не стрѣляютъ, а сыпятъ пулями; очевидно, что они не цѣлили; послѣ дѣла у убитыхъ мы находили мѣшки съ 170 патронами; ихъ солдаты обыкновенно начинаютъ стрѣльбу съ самыхъ дальнихъ дистанцій и стрѣляютъ такъ часто, что невозможно предположить, что они цѣлятся. Свистъ ихъ пуль довольно слабый и вовсе не производитъ нервнаго возбужденія, какъ наши пули и особенно прежнія, свистъ которыхъ производилъ чрезвычайно непріятное ощущеніе. У турокъ превосходныя ружья Пибоди—Мартини, бьютъ далѣе версты и начальная скорость ихъ, какъ говоратъ спеціалисты, гораздо больше, чѣмъ у нашихъ, благодаря большему заряду и большему вѣсу пули.

Порохъ у ружей Пибоди лучше нашего ружейнаго, а въ магазинныхъ ружьяхъ—превосходный мелкій англійскій. Регулярная кавалерія вооружена магазинными ружьями, заряжающимися сразу 16-ю патронами и притомъ въ прикладѣ помѣщаются еще 6-ть запасныхъ. Магазинныя ружья позволяютъ выпускать сразу цѣлый градъ пуль, и кромѣ того, имѣютъ ту выгоду, что можно, не трогая магазина съ его 16-ю патронами, заряжать ружье отдѣльно, оставляя магазинные заряды на случай спѣшной стрѣльбы.

Я остался одинъ, крича казакамъ, чтобы они поймали лошадь, но они должно быть уже не слыхали меня. Положеніе мое было скверное, и я думалъ, что уже не выйду живой. Пули свистѣли и шлепались въ сухую вывороченную сохой землю; подъ градомъ ихъ пришлось пробираться къ одному дереву, гдѣ я рѣшилъ подождать нашей цѣпи. До дерева было далеко, жара страшная, я уже сильно измучился съ лошадью и едва передвигалъ ноги по вспаханному полю. Наконецъ я добрался благополучно до дерева и считалъ уже себя въ сравнительной безопасности. Двѣ пули шлепнулись въ кору дерева, но съ противоположной стороны, остальныя свистѣли мимо. Я немного отдохнулъ и могъ разсмотрѣть позицію турокъ: цѣпь ихъ была густо разсыпана по кустамъ и лѣвый флангъ ея подымался довольно высоко въ гору; они были такъ недалеко, что я ясно слышалъ ихъ крики, что-то въ родѣ «ялулууу!!..», которыми они,

очевидно, ободряли другъ друга. Не много ближе къ лѣвому флангу стояла ихъ колонна, скрытая отъ нашего отряда густымъ кустарникомъ. Мнѣ казалось, что нашъ отрядъ приближается очень медленно, но это только казалось. Скоро на позицію вылетѣло два орудія 10-й донской баттареи, показался дымокъ, пронеслась въ воздухѣ граната и вдругъ на площадкѣ, гдѣ стояла турецкая колонна, раздался взрывъ и поднялась страшная суматоха; все бѣжало въ разныя стороны — граната попала великолѣпно. Пользуясь минутнымъ замѣшательствомъ, происшедшимъ въ цѣпи у турокъ, я пошелъ на встрѣчу нашей развертывавшейся пѣхотѣ. Увидавъ, что за артиллеріей подвигаются стрѣлки, турки до такой степени участили огонь, что я потерялъ всякую надежду уцѣлѣть. Съ этой минуты свистъ пуль уже пересталъ производить на меня впечатлѣніе; страшная жара, усталость и рыхлая земля одолѣли меня до такой степени, что на первый планъ выступило одно желаніе, чтобы все это скорѣе покончилось, такъ или иначе. Сапоги у меня были широкіе и подвертывались на каждомъ шагу. Наша цѣпь была еще далеко, а идти все было труднѣе и труднѣе. Наконецъ, я зацѣпился за глыбу сухой земли и упалъ, поднялся и черезъ два шага упалъ снова; отъ жары и ходьбы у меня совсѣмъ захватило горло и начиналось что-то въ родѣ того, что солдаты опредѣляютъ словомъ «замлѣлъ». Я рѣшилъ отдохнуть. Въ это время новая картечная граната осыпала турокъ осколками сверху, вслѣдъ за ней другая попала опять очень удачно. Ихъ цѣпь стала перебѣгать за кустами, крики усилились и мнѣ показалось, что они стали выдвигаться впередъ. Я вынулъ револьверъ и взвелъ курокъ. Вдругъ одна пуля шлепнулась въ сухую глыбу земли у самой моей головы и сознаніе опасности снова ожило. Я бросилъ свою бѣлую шапку шаговъ десять въ сторону, пули стали ложиться больше около нея; по всей вѣроятности это была случайность, такъ какъ я положительно увѣренъ, что турки вовсе не цѣлятся, а стараются только сдѣлать возможно больше выстрѣловъ.

Каждая новая граната, проносившаяся надо мною въ воздухѣ, была мнѣ дорогимъ подаркомъ, такъ какъ послѣ каждаго разрыва турки оставляли меня на минуту въ покоѣ. Между тѣмъ 13-й стрѣлковый баталіонъ развернулъ цѣпь, и стрѣлки подвигались ко мнѣ безъ выстрѣла. Я пошелъ къ нимъ на встрѣчу и сталъ махать шапкой, чтобы не стрѣляли; но сначала меня не признали и одинъ стрѣлокъ оборвался-таки выстрѣломъ. Къ счастью моему, стрѣлокъ былъ плохой и пуля просвистала шага два влѣво.

Еще раньше меня замѣтили въ конно-піонерномъ дивизіонѣ, въ которомъ оставался въ это время командиръ сводной сотни, капитанъ Альбертовъ и человѣкъ 18 кубанскихъ и терскихъ казаковъ. Я не могу при этомъ не вспомнить безъ благодарности чисто военно-товарищеской услуги, оказанной капитаномъ Альбертовымъ, старымъ кавказцемъ, привыкшимъ къ военнымъ обычаямъ добраго кавказскаго времени. Замѣтивъ, что я споткнулся и упалъ, онъ принялъ меня за раненаго и тотчасъ обратился къ кубанцамъ и терцамъ.

— Ребята! кажется раненый, нужно выручить. Мнѣ нужно 3-хъ человѣкъ и лошадь.

Кубанцы и терцы, присланные въ дивизіонъ изъ такъ-называемой кавказской дивизіи, воспитаны, вскормлены на тѣхъ же принципахъ военнаго товарищества, а потому безъ колебанія вызвались всѣ ѣхать мнѣ на встрѣчу. Выбравъ 3-хъ человѣкъ и приказавъ имъ захватить съ собой лошадь, Альбертовъ выѣхалъ съ ними впередъ цѣпи и черезъ минуту у меня уже была лошадь; затѣмъ мы благополучно прошли нашу наступавшую цѣпь, въ которой я встрѣтилъ знакомыхъ офицеровъ. Я попросилъ стрѣлковъ поискать мой бинокль и на другой день я получилъ его обратно; одинъ стрѣлокъ, несмотря на то, что огонь былъ сильный, не зѣвалъ и отыскалъ его.

Я очень радъ, что великодушные кавказцы, такъ благородно поспѣшившіе мнѣ на выручку, не поплатились за свое мужество; ни одинъ изъ нихъ не былъ даже раненъ.

Однако, я не былъ еще въ безопасности, пули провожали меня еще болѣе полуверсты; наконецъ я совсѣмъ выбился изъ силъ и повалился на траву; казакъ облилъ мнѣ голову водой, но вода была точно вареная.

Отдохнувъ немного, мы отправились на розыски моей лошади; сѣдло казака, на которое мнѣ пришлось вскарабкаться, отличалось тою особенностью, что какъ разъ по серединѣ твердой какъ камень подушки торчалъ огромный узелъ, которымъ были связаны висѣвшія по бокамъ мѣшки.

— Какъ это ты ѣздишь на немъ, спросилъ я его? стараясь какъ нибудь примоститься, чтобы отдѣлаться отъ боли.

— Да мы привыкши, ваше благородіе, нужно привязать лопату и мѣшки, я и завязалъ.

Признаюсь, подивился я его выносливости.

Передъ самымъ выходомъ изъ нашей цѣпи я не мало порадовался великолѣпной картинѣ молодецкаго «ура!» съ которымъ 15-й стрѣлковый батальонъ бросился по склону на лѣвый флангъ турокъ. Люди бѣжали въ безпорядкѣ и съ крикомъ бросались на удиравшихъ турокъ.

Съ этого момента исходъ дѣла былъ уже извѣстенъ.

Перевязочный пунктъ, на который я наткнулся, былъ расположенъ подъ огромнымъ развѣсистымъ орѣхомъ. Туда уже снесли человѣкъ пятнадцать раненыхъ и между ними я нашелъ штабсъ-капитана 13-го стрѣлковаго батальона Слѣпушкина; онъ былъ раненъ легко, но замѣчательно то, что въ него попали три пули и всѣ три вмѣстѣ; двѣ пробили кабуръ револьвера на разстояніи дюйма одна отъ другой, а третья ударила почти между ними, но уже въ ногу, гдѣ и засѣла не дойдя до кости.

Перевязочный пунктъ былъ очень живописенъ, но положеніе раненыхъ было чрезвычайно невыгодно. Неизвѣстность участи отряда, висѣвшей на волоскѣ, отражалась на раненыхъ вдвойнѣ, такъ какъ имъ приходилось слѣдовать за отрядомъ, пока послѣдній не возметъ себѣ съ бою безопаснаго положенія. Къ этому нужно прибавить еще недостатокъ санитарныхъ средствъ, вслѣдствіе котораго даже легкія раны становились опасными и полное отсутствіе перевозочныхъ фуръ. Генералъ Раухъ распорядился, чтобы казаки собрали изъ дере-

вень большія арбы на волахъ и перевязанныхъ раненыхъ начали понемногу подвигать за быстро наступавшимъ отрядомъ. По дорогѣ подъ каждымъ тѣнистымъ деревомъ помѣщались доктора и дѣлали перевязки раненымъ, такъ что такихъ перевязочныхъ пунктовъ скоро образовалось около десятка. Чтобы подобрать всѣхъ раненыхъ остававшіяся въ резервѣ болгарскія дружины разсыпались въ цѣпь и прошли по всѣмъ кустамъ. У одного дерева я, наконецъ, нашелъ свою лошадь; какой-то горнистъ преспокойно ѣхалъ на ней; лошадь оказалась измученной и шла довольно покойно; осмотрѣвъ ее, я понялъ причину ея бѣшенства, пуля царапнула ее между ушей.

Между тѣмъ 15-й батальонъ быстрымъ натискомъ гналъ турокъ по склону Балканъ, а 13-й наступалъ низомъ. Тѣмъ временемъ 2-я колонна наша, состоявшая изъ кавалеріи и конной артиллеріи, на рысяхъ шла верстахъ въ трехъ слѣва, огибая деревню Уфлани и какъ разъ во-время подошла къ флангу выбитыхъ изъ первой позиціи турокъ. Турецкіе стрѣлки держались упорно за прикрытіями, забивались кучками въ ямы, овраги и кусты, взлѣзали на деревья, и стрѣлкамъ съ фронта, а драгунамъ съ фланга не мало труда стоило выбивать ихъ отовсюду штыками. Затѣмъ гдѣ-нибудь въ густомъ кустарникѣ, незамѣченные проходящими мимо ихъ нашими стрѣлками, самые отважные турки пускали имъ пули сзади и падали подъ ударами вновь прибывавшихъ стрѣлковъ. У драгунъ въ это время ранили прапорщика Астраханскаго драгунскаго полка Соловцова.

Въ одномъ мѣстѣ, собравшись за каменной оградой, турки рѣшились дать намъ серьезный отпоръ и воткнули въ серединѣ этого импровизированнаго укрѣпленія свое знамя. Вокругъ знамени собрались самые отчаянные головорѣзы. Стрѣлки окружили ихъ съ трехъ сторонъ и стали сначала пулями класть одного за другимъ храбрыхъ турокъ. Унтеръ-офицеръ 1-й роты Блажковъ и Коваленко уже свалили пулями ассистентовъ и ранили знаменщика, но ихъ мѣсто заняли другіе. Тогда командиръ 1-й роты, капитанъ Скарловъ, крикнулъ «ура!!» и всѣ бросились на турокъ въ штыки. Уже одинъ смѣльчакъ, Яковъ Кононенко, потянулся за знаменемъ, но турецкій штыкъ вонзился ему въ спину и знамя досталось болѣе счастливому стрѣлку Лукьяненкѣ. Послѣ этого, отступленіе турокъ обратилось уже въ настоящее бѣгство. Еще пытались они собраться за двумя мельницами, попавшимися на дорогѣ, но эти мельницы сдѣлались ихъ могилами; 15 человѣкъ было захвачено въ плѣнъ, а остальные, запершіеся внутри, сгорѣли вмѣстѣ съ подожженной мельницей. Часамъ къ 4-мъ дѣло уже было покончено, и оставалось собрать раненыхъ и убитыхъ. Наши потери въ этотъ день простирались до 70 человѣкъ выбывшихъ изъ строя и человѣка 4 убитыхъ. Ранено также двое офицеровъ. Потери турокъ сравнительно громадны. Проѣзжая назадъ по всему пройденному пути, я по одному направленію насчиталъ до ста труповъ; большинство были убиты пулями въ голову, грудь и горло. Въ одномъ ущельи, гдѣ была особенно жаркая схватка, лежало кромѣ того труповъ 70, да около мельницъ столько же. Подъ однимъ деревомъ я увидалъ нашего стрѣлка, который лежалъ съ закрытыми глазами и въ самой спокойной

позѣ; я окликнулъ его, принимая его за заснувшаго; отвѣта не было, я окликнулъ еще разъ и только тогда замѣтилъ, что у него въ груди была пулевая рана. Лицо было спокойно; очевидно, смерть была моментальна. Я обнажилъ невольно голову и, кивнувъ товарищу на прощаніе, съ грустью поѣхалъ дальше. Трупы турокъ съ ихъ темными обезображенными лицами, сжатыя судорожно руки и случайно неестественныя позы не производили на меня уже никакого впечатлѣнія. Что хотите, въ бою нервы грубѣютъ, и если является какое-нибудь чувство, то оно направляется только на своихъ. Мѣстами попадаются негры, черныя лица которыхъ распухали особенно скоро, а окровавленная пыль безобразила ихъ еще болѣе.

Героями дня, да и вообще героями всѣхъ послѣдующихъ дѣлъ, были безспорно стрѣлки. 4-го іюля участвовали 13-й, 15-й и отчасти 16-й батальоны. Стрѣлковая бригада, ядро нашего отряда, оказала положительно чудеса храбрости. Стрѣлки выдержаны превосходно; разсыпаясь въ цѣпь они идутъ безъ выстрѣла до тѣхъ поръ, пока стрѣльба не сдѣлается возможною, даромъ патроновъ не тратятъ, и при первой же возможности бросаются въ штыки. Если же стрѣляютъ, то результаты поразительны. Я говорилъ уже, что всѣ убитые 4-го іюля турки, которыхъ мы между собою считаемъ въ количествѣ болѣе 400 хъ человѣкъ, имѣли пулевыя раны или въ затылкѣ, или въ груди, или въ шеѣ. Офицеры въ цѣпи совершенно спокойны, что мнѣ пришлось видѣть въ цѣпи 13-го стрѣлковаго батальона, когда они ходили передъ стрѣлками и приказывали не стрѣлять. Цѣпь, разсыпавшись подъ сильнѣйшимъ огнемъ, шла безъ выстрѣла по крайней мѣрѣ 200 шаговъ. Что же касается до ихъ «ура», то это такая музыка, лучше которой мнѣ не приходилось ничего слышать. Когда затѣмъ приходится видѣть этого безстрашнаго стрѣлка послѣ боя съ его добродушіемъ, его терпѣніемъ, веселостью и полнымъ самоотреченіемъ, то невольно проникаешься къ нему полной симпатіей и даже почтеніемъ. Я думаю, — не ошибусь, если скажу, что весь отрядъ признаетъ за стрѣлками первенство и всѣ питаютъ къ нимъ полное уваженіе.

Турки, наоборотъ, не имѣютъ никакой выдержки, и, не смотря на то, что противъ насъ все время дрались лучшіе таборы, присланные изъ Константинополя, гдѣ ихъ прекрасно снабдили и обмундировкой, и оружіемъ, мы всегда имѣли передъ собой вовсе не стойкаго непріятеля. Болѣе всего они боятся гранатъ и особенно «ура». Послѣднее наводитъ на нихъ положительную панику. Я припоминаю при этомъ разсказъ одного гвардейца, раненаго при переправѣ. На вопросъ, что онъ чувствовалъ, когда кололъ штыкомъ, онъ очень простодушно отвѣтилъ:

— Да ничего, ваше благородіе, точно въ подушку колешь, такъ и пройдетъ насквозь.

Потомъ, словно собравъ въ памяти нѣсколько случаевъ, онъ прибавилъ:

— Да и что ихъ колоть-то; право не стоитъ!

— Какъ не стоитъ?

— Да такъ! наскочишь на него, а онъ этта къ тебѣ обернется, распласта-

етъ руки, а лицо такое страшное сдѣлается, что подумаешь, подумаешь: да ужь стоитъ ли колоть-то тебя! А потомъ—эхъ, да чортъ тебя побери—и пырнешь.

Вотъ этотъ-то страхъ приближающагося штыка и заставляетъ турецкую цѣпь выпускать такое огромное количество выстрѣловъ. Сами же турки на аттаку въ штыки неспособны; для этого необходима сильная дисциплина и высокій военный духъ, а именно этихъ двухъ элементовъ у турокъ и нѣтъ. Отдѣльныхъ смѣльчаковъ и фанатиковъ у нихъ много; многіе изъ нихъ остаются въ кустахъ и на деревьяхъ, не отступая, и затѣмъ, пользуясь случаемъ, стрѣляютъ въ нашихъ солдатъ и офицеровъ, хотя знаютъ очень хорошо, что ихъ выстрѣлъ долженъ быть ихъ смертнымъ приговоромъ. Это самые опасные для насъ элементы; такой фанатикъ проявляетъ себя уже послѣ дѣла, подстерегая свою жертву въ то время, когда послѣдняя и не подозрѣваетъ опасности. Турецкія войны наши всегда отличались обиліемъ подобныхъ случаевъ. Нынѣшняя также не составляетъ исключенія. Во всѣхъ дѣлахъ, бывшихъ до сихъ поръ, такихъ случаевъ было очень много; стрѣляютъ не только солдаты, но даже жители устраиваютъ засады и стрѣляютъ изъ оконъ. 4-го іюля не мало пуль было пущено въ нашихъ солдатъ сзади. Въ дѣлѣ 5-го іюля, когда генералъ Гурко усѣлся для наблюденія на одной возвышенности, которую уже прошли наши стрѣлки цѣпью, вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и пули пролетѣли надъ нашими головами. Тотчасъ бросили въ кусты стрѣлковъ, и чрезъ минуту засѣвшаго фанатика застрѣлили нѣсколькими пулями; но онъ успѣлъ убить у насъ одного и опасно ранить другаго стрѣлка. На убитомъ найдена была сумма съ сотней слишкомъ патроновъ, а въ карманѣ отпускной билетъ изъ низама и писанныя выдержки изъ корана. 6-го іюля жертвой засады сдѣлался нашъ полковникъ графъ Роникеръ и его трубачъ, которыхъ встрѣтили залпомъ изъ засады, устроенной въ мѣстности между нашими отрядами, гдѣ никакъ не могли уже предполагать турокъ. 7-го іюля, уже по взятіи Шипкинскаго перевала, мнѣ самому пришлось возвращаться съ горы въ лагерь. Было уже поздно, часъ одиннадцатый ночи; я ѣхалъ съ однимъ французскимъ корреспондентомъ, Делямотомъ; считая дорогу въ безопасности, мы весело болтали о разныхъ пустякахъ. Не успѣли мы спуститься и пятой части дороги, какъ вдругъ изъ кустовъ праваго обрыва раздались одинъ за другимъ пять выстрѣловъ и пули всѣ врѣзались въ землю надъ нашими головами. Ниже по дорогѣ, стояли на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга посты болгарскаго ополченія, по семи человѣкъ каждый. Они слышали выстрѣлы и бросились на поиски; четверо турокъ было убито, а одинъ попался живьемъ. И такихъ случаевъ не оберешься и они продолжались всю кампанію.

Въ дѣлѣ 4-го іюля попался въ плѣнъ такъ называемый *каймакамъ* г. Казанлыка, нѣчто въ родѣ губернатора. Когда стрѣлки сильно тѣснили турокъ на верху горы, появился одѣтый по-статски турокъ и, махая платкомъ, сталъ спускаться внизъ. Сначала по немъ пустили нѣсколько выстрѣловъ, но скоро офицерамъ удалось остановить стрѣлковъ и *каймакамъ* былъ отведенъ къ генералу. Онъ положительно думалъ, что его сейчасъ же прикажутъ повѣсить,

и его едва успокоили. Онъ объяснилъ что присутствовалъ въ турецкомъ отрядѣ, чтобы наблюдать за ходомъ дѣла, такъ какъ ему предписано было сообщить объ исходѣ немедленно въ Константинополь.

Послѣ дѣла при Уфлани, турки отступили въ горы, а мы, отдохнувъ немного, двинулись далѣе къ Маглишу. Передъ самымъ отъѣздомъ докторъ 16-го стрѣлковаго батальона С. позвалъ меня посмотрѣть трупы замученныхъ турецкими солдатами болгаръ. Несчастные, по всей вѣроятности, попались туркамъ въ то время, когда пробирались въ горы изъ своей деревни; всѣхъ ихъ было пятеро; я видѣлъ только двоихъ, до остальныхъ нужно было ѣхать нѣсколько въ сторону, а я не хотѣлъ отставать отъ отряда, уже выступившаго въ походъ. Несчастные лежали въ одинаковомъ положеніи; очевидно, ихъ держали за руки и за ноги, очевидно также, что они боролись съ негодяями, такъ какъ на рукахъ и ногахъ были ссадины. Обезображенныя ударами лица ихъ были выпачканы запекшеюся кровью и пылью, а шея у обоихъ была перерублена.

Третій, и какъ мнѣ говорили, двое остальныхъ, были обезглавлены. Пока я стоялъ около одного трупа, къ нему быстро подошли двѣ женщины, старуха и молодая. Узнавъ въ покойникѣ, одна—мужа, другая — сына, несчастныя съ рыданіями упали на дорогое тѣло и стали осыпать окровавленное лицо убитаго горячими поцѣлуями. Отчаяніе матери было ужасно; она, какъ помѣшанная, смотрѣла на дорогія черты сына, потомъ схватывала его голову, припадала къ ней губами и замирала въ долгомъ поцѣлуѣ. Жена держала себя иначе; она, очевидно, умѣряла свое горе и старалась продѣлать все, что велитъ въ подобномъ случаѣ обычай, т. е. голосила и причитала, покачиваясь въ разныя стороны. Это голосеніе ни на одну ноту не разнится отъ голосенія нашихъ крестьянокъ на могилахъ, даже слова приблизительно тѣже. Мнѣ тяжело было смотрѣть на эту сцену; кругомъ стояли казаки и хранили молчаніе.

Я догналъ отрядъ и поѣхалъ съ штабомъ генерала Гурко. Не успѣлъ отрядъ сдѣлать нѣсколько верстъ, какъ засѣвшіе на самомъ верху горъ турки стали пускать изъ кустовъ пули. Отрядъ нашъ вытянулся параллельно склонамъ Балкановъ, и пришлось отойти отъ горъ нѣсколько дальше. Пули турокъ не долетали, но по нимъ все-таки пустили нѣсколько картечныхъ гранатъ. Не знаю, произвели-ли онѣ какое нибудь дѣйствіе.

Ночевали мы на бивуакѣ у деревни Маглишъ и 5-го іюля рано утромъ выступили къ Казанлыку. Непріятель былъ близко, а потому выступали въ боевомъ порядкѣ. Дѣйствительно, турки встрѣтили насъ на 3-й верстѣ. Они укрѣпились на одной возвышенности и выставили два орудія, которыя не замедлили открыть огонь сперва по нашей цѣпи, а потомъ по артиллеріи, выѣхавшей на позицію и подвигавшейся въ обходъ деревни. Съ нашей стороны выдвинуты были 14-й стрѣлковый батальонъ, 4 орудія донской № 10-й баттареи и 5-я дружина болгарскихъ волонтеровъ. 16-й стрѣлковый батальонъ, двѣ роты пластуновъ, взводъ 15-й донской баттареи и сотня донскихъ казаковъ были направлены въ обходъ по горамъ, въ обхватъ лѣваго фланга турокъ.

Все дѣло 5-го числа было настоящимъ тактическимъ дѣломъ. Я ѣхалъ все

время съ начальникомъ отряда. Намъ приходилось перемѣнять мѣста очень быстро и мы должны были переѣзжать съ горы на гору, чтобы лучше слѣдить за ходомъ дѣла. Внизу разстилалась роскошная долина, на первомъ планѣ у насъ были покатости Балканъ, покрытыя виноградниками и садами; это была первая позиція, которую занимали турки. За виноградниками внизу, какъ на ладони, были видны наши двигавшіяся колонны драгунъ и конная баттарея, подвигавшаяся все больше впередъ. Справа подымались стрѣлки 16-го баталіона и пластуны. Вотъ драгуны уже обошли деревню, конная баттарея подвинулась къ самому селенію и скоро ея дымки стали показываться за деревьями и домами. Стрѣлки охватили справа и предупредили обходное движеніе турокъ, которое они хотѣли направить на нашъ правый флангъ. Нужно было перемѣнить скорѣе мѣсто, а то движенія нашихъ войскъ могли совсѣмъ ускользнуть отъ насъ. Мы перерѣзали нѣсколько отроговъ, перебрались черезъ нѣсколько глубокихъ овраговъ и, наконецъ, взобрались на послѣдній выступъ Балканъ, съ котораго видѣнъ уже былъ Казанлыкъ и Шипка. Наши успѣли уже миновать лежавшую на дорогѣ деревню Караали и быстро охватили съ трехъ сторонъ Казанлыкъ. Картина была прекрасная. Турки еще отстрѣливались изъ города, совсѣмъ потонувшаго въ садахъ; большая толпа ихъ поспѣшно отступала къ Шипкѣ, гдѣ у нихъ былъ лагерь. Они спускались по дорогѣ, сильно растянувшись. На перерѣзъ имъ двинулись наши стрѣлки и пластуны. Слѣва, все ближе и ближе сдвигая кругъ, двигалась цѣпь спѣшенныхъ драгунъ и стрѣлковъ 14-го баталіона.

Конныя орудія каждую минуту пускали гранаты и подвигались впередъ. Ружейный огонь цѣпей рисовался круговой линіей мелкихъ дымковъ, и взятіе города было уже несомнѣнно. Въ это время наши наблюденія были прерваны тѣмъ эпизодомъ, о которомъ я разсказывалъ выше. Какой-то фанатикъ, засѣвшій въ кустахъ, пустилъ въ насъ нѣсколько выстрѣловъ; бросившіеся въ кусты стрѣлки и казаки дали по немъ изъ семи ружей два или три залпа и онъ былъ убитъ нѣсколькими пулями.

Между тѣмъ турки занимали еще городъ и, помѣстившись въ его сѣверо-восточной (турецкой) части, заняли тамъ глубокій ровъ и поставили въ садахъ два горныхъ орудія. 14-й стрѣлковый баталіонъ выбилъ ихъ оттуда и оба орудія были захвачены стрѣлками; при этомъ взяли въ плѣнъ 3-хъ офицеровъ и 43 рядовыхъ. Турки отступили въ горы; 1-я рота 14-го стрѣлковаго баталіона съ резервомъ изъ 2-й роты преслѣдовали ихъ по пятамъ и взяли въ плѣнъ еще 2-хъ офицеровъ и 295 рядовыхъ. Лѣвая колонна, съ своей стороны, дѣлала свое дѣло. Кіевскій гусарскій полкъ приблизился къ городу и выслалъ парламентера, требуя сдачи. Парламентеромъ поѣхалъ урядникъ, князь Цертелевъ, съ трубачемъ и плѣннымъ каймакамомъ. Но турки отвѣчали выстрѣлами. Тогда принцъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій приказалъ кіевскимъ гусарамъ идти дальше въ обходъ Казанлыка, а драгунъ двинулъ къ городу. Этотъ моментъ, по всей вѣроятности, совпалъ со взятіемъ стрѣлками орудій, такъ какъ послѣ непродолжительной перестрѣлки городъ выслалъ парламентеровъ, предло-

жившихъ сдачу его. Посланъ былъ снова князь Цертелевъ для переговоровъ, и сдача города состоялась.

«Въ битвахъ при Казанлыкѣ и Шипкѣ *) было взято въ плѣнъ около тысячи плѣнныхъ. Жестокость, съ которою обращаются турки съ своими ранеными врагами, служитъ достаточной причиной, чтобъ побудить русскихъ не брать въ плѣнъ, а убивать всѣхъ, кто попадается подъ руку; но русскіе офицеры съумѣли сдержать ожесточеніе своихъ солдатъ, а лучшимъ доказательствомъ тому служитъ огромное число плѣнныхъ, забираемыхъ въ каждомъ сраженіи. Турки никого не щадятъ, не принимая въ соображеніе—раненъ или еще способенъ къ дѣйствію тотъ, кто попадается въ ихъ власть; они даже и мертвыхъ не оставляютъ въ покоѣ. Отрѣзаніе головы у раненыхъ, обезображеніе ихъ тѣла—это такое дѣяніе, которое заслуживаетъ быть заклейменнымъ всею Европою, отъ котораго съ отвращеніемъ долженъ отвернуться всякій цивилизованный человѣкъ и которое каждый солдатъ долженъ признать преступленіемъ. Но турецкіе солдаты,—если только ихъ звѣрскій образъ дѣйствій позволяетъ давать имъ это почетное названіе, — вымѣщаютъ свой гнѣвъ на мертвыхъ; они не задаютъ себѣ вопроса—не нуждается ли тяжело раненый противникъ, лежащій уже на землѣ, въ глоткѣ воды, или не имѣетъ ли онъ права требовать помощи также и отъ турокъ. Они просто умерщвляютъ его, потому что сдѣлать это можно безнаказанно; противникъ не въ состояніи защитить себя. Фактъ этотъ разсказывается не только русскими; онъ подтвердился однимъ турецкимъ имамомъ, попавшимъ недавно въ руки русскихъ. «Коранъ такъ повелѣваетъ!» Таковъ былъ отвѣтъ этого фанатика, когда съ нимъ заговорили объ этомъ. Турки не признаютъ никакого международнаго права, такъ какъ въ коранѣ не говорится объ этомъ ни слова. Скажутъ, что турки приняли женевскую конвенцію? Коранъ не знаетъ никакой женевской конвенціи. Турецкій солдатъ и нынѣ такой же фанатикъ, какимъ онъ былъ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ; онъ одинаково съ любовью готовъ избивать всѣхъ неправовѣрныхъ, и въ этомъ отношеніи его нецивилизованная натура выступаетъ во всей своей грубости. Имамъ идетъ вмѣстѣ съ турецкимъ солдатомъ на битву и увѣщеваетъ его слушаться корана. Не случается ли часто, что раненый турецкій солдатъ приподнимается съ земли, чтобы, собравъ послѣднія силы, нанести ударъ ножемъ брату милосердія, который наклоняется къ нему, чтобъ оказать ему помощь? Такіе факты свидѣтельствуютъ о жестокомъ фанатизмѣ, а въ виду ихъ развѣ можно оставаться равнодушными?

«Тѣмъ не менѣе русскіе обращаются съ плѣнными турками весьма человѣколюбиво. Какъ на доказательство, ссылаюсь на то, что слышалъ вчера отъ самихъ плѣнныхъ, приведенныхъ сюда изъ Казанлыка. Ихъ было 750 низамовъ и редифовъ, 14 офицеровъ и 1 имамъ. Позвольте мнѣ описать вамъ сперва послѣдняго. Тонкая фигура, одѣтая въ синій кафтанъ; на головѣ бѣлая чалма; уже однимъ этимъ костюмомъ выдавался онъ передъ другими, но еще болѣе отличался онъ чертами лица. Всѣ другіе—заурядные турецкіе солдаты; оберъ-

*) Заим. изъ Корр. „Presse“ отъ 14 іюня.

офицеры умѣютъ даже выражаться съ нѣкоторою элегантностію и легкостію; но при этомъ они—прямые, простые, откровенные люди. Ничего этого нѣтъ въ имамѣ. Онъ старается прятать свои блѣдныя руки, дабы не было замѣтно ихъ содроганіе, происходящее отъ душевнаго волненія, которое испытывалъ онъ вслѣдствіе того, что ему приходится разговаривать съ неправовѣрными. Его губы лихорадочно сжимаются, когда къ нему обращаются съ вопросомъ и уже заранѣе видно—какихъ усилій будетъ для него стоить отвѣтъ. И какая игра физіономіи сопровождаетъ каждый разъ произносимыя имъ слова! Лобъ морщится, глаза открываются нехотя и блестятъ глубокою ненавистію къ вопрошающему. Длинная, черная борода окружаетъ блѣдное лицо, которое имѣетъ много общаго съ іезуитскимъ; когда онъ говоритъ—такъ и кажется, что вся кровь приливаетъ ему къ сердцу, и блѣдны дѣлаются его щеки. Его отвѣты кратки и отрывисты; въ нихъ замѣтна какая-то упрямая осторожность. Только одинъ отвѣтъ былъ точенъ. Когда у него спросили, зачѣмъ турки убиваютъ раненыхъ, радостная улыбка заиграла у него на лицѣ, какъ будто воображеніе представило ему убитыхъ враговъ и всѣ блаженства, которыя обѣщаны за это ему и его войску въ раю, и онъ коротко отвѣчалъ: «такъ повелѣваетъ коранъ!»—«Развѣ вамъ не отданъ былъ приказъ щадить раненыхъ?» спросили его опять.—«Нѣтъ, такого приказа намъ не было дано.» Его фанатическіе глаза сверкали торжествомъ и онъ, казалось, съ презрѣніемъ бы посмотрѣлъ на тѣхъ, которые вздумали бы отдать такой приказъ. Вопросы эти дѣлались имаму въ присутствіи Великаго Князя Главнокомандующаго, въ саду небольшаго домика въ Маріинополѣ, гдѣ Великому Князю были также представлены и всѣ плѣнные офицеры. Великій Князь сидѣлъ въ креслѣ. Возлѣ него стоялъ его сынъ; вокругъ него стояли генералъ Непокойчицкій, кн. Черкасскій и другіе сановники. Сзади толпились офицеры, солдаты изъ лагеря и городскіе обыватели; болгарскіе легіонеры, отличившіеся при Казанлыкѣ, служили эскортой плѣнныхъ и стояли сзади. Находившіеся тутъ тырновцы признали въ имамѣ одного изъ священниковъ большой тырновской мечети.

«Великій Князь узналъ одного офицера, котораго видѣлъ при взятіи Тырнова, гдѣ турки, несмотря на превосходную позицію, буквально бѣжали съ нея. Плѣнныхъ разспрашивали при посредствѣ толмача, причемъ ихъ отвѣты иногда подавали даже поводъ къ шуткамъ. Прежде чѣмъ плѣнные были представлены Великому Князю, они должны были пройти черезъ лагерь. Въ это время Великій Князь объѣзжалъ лагерь и войска восторженно привѣтствовали его. Войска выстроены были въ шеренгу, когда проходили плѣнные, которыхъ провели сперва въ полевую канцелярію, гдѣ составленъ былъ протоколъ. Затѣмъ солдаты были прямо отведены въ назначенное для ихъ помѣщенія зданіе конака. Переписавъ имена и чины плѣнныхъ офицеровъ, ихъ повели представить Великому Князю, который находился въ это время въ саду, передъ своею палаткою. Толмачъ переводилъ вопросы и отвѣты. Вопросы были обычные, отвѣты удовлетворительные, точные. Между плѣнными было много негровъ. Поэтому плѣнныхъ спрашивали объ ихъ родинѣ. Тутъ были анатолійцы, египтяне и урожен-

цы Триполи, большинство изъ Румеліи. Изъ Константинополя они были отправлены уже около пяти недѣль и 22 дня были въ пути къ Казанлыку. Въ послѣднемъ пунктѣ ихъ было сначала не болѣе 3,000 чел., потомъ получены были подкрѣпленія. Жалованья нѣкоторые изъ нихъ не получали нѣсколько лѣтъ; другіе, болѣе счастливые, лишь нѣсколько мѣсяцевъ; въ пищу выдали имъ иногда бѣлый хлѣбъ, иногда не выдавали ничего. «Мы ѣли что попадалось подъ руку,» — было отвѣтомъ одного офицера. Внѣшній видъ офицеровъ былъ представителенъ. На нихъ были хорошіе мундиры и хорошая обувь; нѣкоторые отличались прекрасною военною выправкою и ни одинъ изъ нихъ не выказывалъ унынія. Они остаются довольны тѣмъ, что имъ предлагаютъ. Послѣ разговора, продолжавшагося около часа, ихъ отвели въ приготовленную для нихъ квартиру.»

Рѣзня Болгаръ и неистовства турокъ въ Еви-Загрѣ, Каварнѣ и въ Добруджѣ и въ Арменіи *).

«Вчера, говоритъ корреспондентъ,—я помогалъ выкапывать для осмотра трупы. Мы нашли десять человѣкъ ужасно изуродованными, въ томъ числѣ двухъ женщинъ. Намъ некогда было осмотрѣть больше, но я полагаю, что убитыхъ слѣдуетъ считать сотнями. Мѣстность ужасно опустошена и избіеніе жителей было полнѣйшее. Не найдено ни одного трупа мусульманина. Избіеніе началось въ субботу пополудни и продолжалось до полудня слѣдующаго дня; оно было остановлено прибытіемъ турецкихъ и регулярныхъ войскъ, которыя приставили къ уцѣлѣвшимъ болгарамъ сильную военную стражу и отправили ихъ къ Андріанополю. Я полагаю, что еслибы не прибыли регулярныя войска, то отъ избіенія не избѣгла бы ни одна душа. Баши-бузуки, черкесы и иррегулярные распоряжаются такимъ образомъ съ всѣми деревнями, черезъ которыя имъ приходится проходить, грабя и затѣмъ убивая всѣхъ жителей. Контроля надъ ними, повидимому никакого нѣтъ; они разъѣзжаютъ шайками и часто дезертируютъ отрядами въ 30 и 50 человѣкъ, съ цѣлью мародерства для своихъ собственныхъ потребностей.»

— Вѣнскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ по телеграфу отъ 17-го іюля слѣдующія подробности объ избіеніи христіанъ къ Каварнѣ: 1,500 черкесовъ напали на Каварну и потребовали контрибуцію въ 60,000 піастровъ. Населеніе, очень бѣдное, не было въ состояніи и выплатить этой суммы, и тогда рѣзня началась. Христіане, однакожъ, были вооружены и, слѣдовательно, происходило настоящее сраженіе; но 100 человѣкъ все-таки было убито и городъ разграбленъ. 500 человѣкъ бѣжало въ Балджикъ; отсюда они были отвезены на пароходѣ австрійскаго Ллойда въ Варну, гдѣ такимъ образомъ укрывается теперь болѣе 50,000 выходцевъ.

Отъ Мачина и Рассовой на Дунаѣ до Кюстенджи у Чернаго моря не уцѣлѣло

*) Корресп. изъ Тырнова Въ газ. Times отъ 7 іюня 1877 г. и корр. Вѣнс. газ. „Presse"

почти ни одного селенія: всѣ они сожжены и разграблены шайками турецкихъ черкесовъ и баши бузуковъ, которые захватили громадное количество скота у болгарскаго населенія. Жители, пытавшіеся защищаться или не представлявшіе денегъ, были звѣрски умерщвляемы. Совершивъ злодѣйства на сѣверѣ Добруджи, разбойничьи шайки, численностью отъ 200 до 300 человѣкъ, двинулись съ награбленными стадами на югъ, по направленію къ Варнѣ, оставляя всюду слѣды своихъ жестокостей; большая часть захваченнаго ими скота вѣроятно погибнетъ отъ недостатка воды. Турецкія шайки три дня грабили также городъ Меджидіэ, въ присутствіи начальствовашаго тамъ паши и тульчинскаго мутесарифа, которые бездѣйствовали и тогда, когда въ грабежахъ приняли участіе иррегулярныя войска. Въ болгарской же церкви Меджидіэ произведены неистовства, не поддающіеся описанію.

Даже иностранные подданные не избѣгли общей участи. Такъ, изъ Вѣны телеграфируютъ въ *Daily News*, что въ Добруджѣ сильно пострадали отъ звѣрства баши-бузуковъ нѣмецкіе протестанты, живущіе въ колоніяхъ близъ Мачина. Въ Корешти баши-бузуки не миновали ни одного дома, не предавъ всего разграбленію. Въ другой колоніи нѣмецкій старшина Балзеръ убитъ на глазахъ жены и дочерей. Изнасиловавъ двухъ молодыхъ нѣмокъ, убійцы привязали ихъ къ дереву, гдѣ они были найдены въ агоніи. Протестанская церковь предана поруганію. Требованія консуловъ, проживающихъ въ Тульчѣ, чтобы виновники этихъ звѣрствъ понесли заслуженное наказаніе оставлены турецкими властями безъ послѣдствій.

— Корреспондентъ берлинской *National-Zeitung* писалъ изъ Александрополя отъ 12-го іюля, что турки страшно свирѣпствовали надъ армянами. Въ Карсѣ повѣшено много христіанъ, а имущество ихъ конфисковано; но самое худшее происходило въ различныхъ частяхъ санджака. Городокъ Кариманъ, селенія Беклехметъ, Чормели, Берне, Канцыкой, Джава, Арасоглу и Аайпалихъ систематически разграблены турками и затѣмъ снесены съ лица земли. Женщины и дѣвушки забраны и уведены въ рабство, остальное же населеніе вырѣзано. Варвары эти, устроивали даже пиршества, на подобіе нероновскихъ: привязывали христіанъ къ столбамъ, обливали ихъ смолой и нефтью и затѣмъ жгли, какъ факелы, для освѣщенія ихъ безобразныхъ оргій. Зная смирный и безобидный нравъ мѣстныхъ армянъ, надо быть хуже самаго дикаго звѣря, чтобы творить такія невѣроятныя жестокости. То же самое дѣлалось и въ окрестностяхъ Баязида, Вана, а, вѣроятно, также и во многихъ другихъ мѣстахъ, откуда извѣстія еще были не получены. Если бы война продолжалась при такихъ условіяхъ, то ясно, что всѣ 2 милліона христіанъ турецкой Арменіи погибнули безслѣдно.

— Корреспондентъ газеты «*Wiener Presse*», сообщала изъ Систова, отъ 7-го іюля: «Баши-бузуки во время бывшей кампаніи предавались такимъ неистовствамъ, что наводили ужасъ даже на мусульманское населеніе. Мусульмане прибѣгали къ покровительству русскихъ противу насилій этихъ дикарей. 6 числа трое турокъ явились на русскіе аванпосты 3-й дивизіи и просили у

командира послать съ ними отрядъ казаковъ для защиты ихъ деревни отъ разбойничества черкесовъ и баши-бузуковъ.

Безъ шпоръ и карабина *).

— Въ *С.-Петербургскія Вѣдомости* писали изъ Эски-Джумы отъ 1 августа:

«14-го іюля, въ 3 часа утра, изъ деревни Панкіой, лежащей на дорогѣ изъ Тырнова къ Эски-Джуму, верстахъ въ 35 къ западу отъ послѣдняго города, посланъ былъ разъѣздъ изъ 20 нарвскихъ гусаръ, подъ командою поручика Всеволожскаго, для узнанія расположенія непріятельскихъ войскъ по направленію деревни Аясларъ, Сепечу, къ Эски-Джумѣ. По слухамъ, близь Сепечи стоялъ турецкій лагерь, въ которомъ считали отъ 4,000 до 6,000 войска. Разъѣздъ этотъ возвратился 16-го іюля, въ 4 часа утра, потерявъ всѣхъ лошадей, 13 нижнихъ чиновъ и проводника. Большая часть изъ невозвратившихся отстала, вслѣдствіе потери лошадей, одинъ изъ нихъ считался убитымъ, объ остальныхъ же всѣ были увѣрены, что они пропадутъ, такъ какъ были окружены турками. Но 25-го іюля, передъ разсвѣтомъ, къ бивуаку авангарда отряда генералъ-маіора Раденъ, стоящему на дорогѣ изъ Тырнова въ Османа-Базаръ, при д. Кесарева пришелъ одинъ изъ участниковъ этого разъѣзда, рядовой Гаврюшинъ. Считаемъ не безъинтереснымъ передать читателямъ дословный разсказъ Гаврюшина о его одиннадцати-дневныхъ скитаніяхъ.

«Вотъ этотъ разсказъ:

«Когда разъѣздъ нашъ прошелъ деревню Сепечу и оказалось, что бывшій тамъ лагерь оставленъ турками, то поручикъ Всеволожскій рѣшилъ идти дальше. Пройдя съ версту, на лѣво, вдали увидѣли мы большой обозъ съ вооруженными проводниками. Офицеръ повелъ насъ назадъ, сквозь деревья, и затѣмъ узкою тропинкою по кустамъ. Тутъ вскорѣ мы наткнулись на засаду, которая начала осыпать насъ пулями, и мы повернули назадъ чрезъ Сепечу, бросились на гору вправо цѣликомъ черезъ лѣсъ, въ которомъ и притаились. Насъ осталось при поручикѣ человѣкъ 10. Провожатый нашъ скрылся; прочіе въ лѣсу отбились въ сторону. Поручикъ потолковалъ съ нами, куда теперь идти. А куда—въ лѣсу-то ничего не видно; чаща—просто страсть. Отдохнувъ, мы пошли шагомъ, вышли изъ лѣсу, стали подходить къ другой деревнѣ; тутъ опять турки повыскочили изо ржи, да изъ-за заборовъ и давай опять катать по насъ. Поручикъ приказалъ намъ стрѣлять съ лошадей, я одному какъ далъ въ лобъ, такъ онъ и покатился. Немного погодя и мнѣ попало чѣмъ-то по карабину, зацѣпило да и въ грудь; тутъ я и разумъ потерялъ, карабинъ у меня изъ рукъ выпалъ и думалъ я, что до самаго сердца дошло, а лошадь все скачетъ. Доскакавши въ гору, моя, Павлюка и Ефимова лошади разомъ ткнулись въ землю, и мы такъ и брыкнулись по сторонамъ. Они подняли меня подъ руки, сами-то

*) Корес. въ С Петербург. Вѣдом. изъ Эски-Джумы отъ 1 іюля 1877 г.

они цѣлы были, и оттащили въ кустъ: тутъ мы сѣли оправиться, только видимъ турокъ такъ съ десятокъ подходятъ къ конямъ нашимъ, снимаютъ сѣдла и тащутъ ихъ въ деревню. Видно лѣсъ-то уступленъ былъ; мы рѣшили сидѣть въ кусту; просидѣли до ночи, какъ стемнѣло, пошли. Отошли съ $^1/_2$ версты лѣсомъ, слышимъ опять за нами кричатъ, гонятся, выстрѣлили; мы бросились по кустамъ и засѣли; Павлюкъ съ Ефимовымъ влѣво, я вправо; больше я ихъ и не видѣлъ. Просидѣвши въ кусту ночь и день, на другую ночь я пошелъ, все держалъ на закатъ. Отошедши до зари, не знаю сколько, опять засѣлъ на день, просидѣлъ, дождался ночи, иду. Только какъ къ зарѣ уже, прохожу около деревни, ворота въ плетнѣ; глядь—турокъ съ ружьемъ увидалъ меня да и въ кустъ головой и ткнулся и сидитъ. Я прошелъ мимо, отошелъ саженъ 10, онъ кричитъ, должно зоветъ меня, я рысью, онъ шибче кричитъ и давай стрѣлять по мнѣ. Я въ кукурузу, да ползкомъ въ другой лѣсъ, чтобъ слѣда не оставить. Тутъ ужъ ихъ на выстрѣлъ набѣжало человѣкъ 20. Я, ослабѣвши: упалъ въ кустъ, отощалъ больно, во рту у меня припекло, потому, кромѣ грушки всѣ дни ничего не ѣлъ. Турка давай по лѣсу бѣгать, стрѣлять на лѣсъ на обунъ (обумъ), только до меня ни одинъ не дошелъ. Побродили это они даромъ по лѣсу, воротились. Я опять сижу до ночи, темноты дождался, опять иду; шпоры тутъ же съ сапоговъ снялъ, чтобы не брацали и незамѣтнѣе идти. Шелъ всю ночь и вышелъ на телеграмму. Тутъ я сѣлъ, перекрестился, думаю, слава Богу, другой телеграммы нѣтъ, какъ, по которой мы шли съ Дуная, еще проволока и тогда была снята (это я замѣтилъ), и тутъ проволоки нѣтъ. Я и пошелъ по ней, только смотрю, съ $^1/_2$ версты въ сторонѣ, деревня стоитъ, собаки выскочили, брешатъ на меня, а тутъ свѣтъ показался. Ну, думаю, нельзя, деревня эта, Богъ ее знаетъ какая—турецкая или болгарская, а ужъ какъ свѣтъ лучше въ лѣсъ. Только это я думалъ, въ кусту сижу, смотрю—ѣдетъ конный, макушка у него красная на боку шашка, пистолетъ виситъ, за спиною ружье. Ну, думаю, плохо, въ самую туретчину забрелъ. Только ничего, проѣхалъ шагомъ, не замѣтилъ. Я залѣзъ поглубже; тутъ кора была навалена, такъ подъ эту самую кору. Смотрю ихъ идетъ 5 человѣкъ, этихъ самыхъ черкесовъ, потомъ 10, потомъ 20, за ними пѣшіе съ ранцами, головы покручены, идутъ по 5, по 3, по 4. Прошло часа три, ѣдутъ конные опять назадъ тѣмъ же порядкомъ; съ 20 подъѣхали къ моему кусту, остановились насупротивъ меня, погарыркали, постояли, потрогали плетью по кусту, офицеры тутъ были, надо полагать, и поѣхали дальше. Одѣты, словно какъ въ казацкіе синіе сюртуки-сзади у нихъ тоже чемоданчики, а съ боковъ торбочки изъ мѣшковъ висятъ. Немного погодя, конный подъѣхалъ, должно обѣдать имъ везъ, потому большія корзинки по бокамъ и тамъ хлѣбъ и мухотки такіе, горшки понаставлены, рядомъ пѣшій шелъ. Скоро они и назадъ воротились съ пустыми корзинами. Досидѣлъ я до ночи, опять поднимаюсь и иду все по телеграммѣ. Шелъ это я—вижу цѣнь ихъ стоитъ, конная; одинъ кашлянулъ, я спрятался за камень, большущій; тутъ кладбище случилось, а кругомъ лѣсъ рѣдкій такой, едреный. Сижу я за камнемъ, смотрю, тронулись, гарыркаютъ и идутъ мимо меня; толь-

ко одинъ, это видно, показываетъ, что былъ тутъ кто-то и нѣтъ его, а другой ему говоритъ, что это тебѣ молъ показалось, можетъ собака какая пробѣжала. Такъ и прошли. Какъ стихло, я разулся и доползъ къ лѣсу, сапоги за спину привязамши; тутъ скоро свѣтать стало, пришлось опять просидѣть день. Сижу я, только этакъ передъ обѣдомъ, слышу выстрѣлъ; я взлѣзъ на дерево, смотрю — такъ и сыплются и туть пальба, видно сраженіе. Ну, думаю, тутъ и наши непремѣнно есть и ужь теперь я найду. Досидѣвши до ночи, я пошелъ; но ужъ стало не въ моготу; силушки ослабѣли совсѣмъ. Доползъ это я до ржанаго поля, сорвалъ стебли, давай зерна въ рукѣ тереть; такъ я и прежніе дни пробавлялся—сотрешь въ рукѣ зерна, помочишь въ водѣ—это вмѣсто хлѣба; къ нему въ приправу грушки, сливы лѣсныя—этимъ все время и питался. Закусивши, такимъ манеромъ, попробовалъ идти далѣе—не могу, силы совсѣмъ ослабѣли. Господи, Боже мой, думаю я себѣ, пришла моя смерть; вотъ такъ-то придется пропасть ни за что; не доведется постоять за себя и турку наказать. Отдохнувши—поползъ дальше; вдругъ въ темнотѣ слышу кто-то потихоньку: стой, кто идетъ? я ползу, а онъ громче—стой, что пропускъ? «Свой, братцы, крикнулъ я, что было силы, а онъ въ отвѣтъ - эй заряжайте ружья. Ужъ, какъ тутъ случилось, что меня свои не запалили, ужъ я и не знаю, только старшій на посту меня замѣтилъ, приказалъ меня взять и отвести въ полкъ»; прибавимъ—какъ разъ тутъ же стоявшій бивуакъ.

«И пришелъ Гаврюшинъ какъ слѣдуетъ, совсѣмъ по формѣ, съ полнымъ снаряженіемъ, только безъ шпоръ, да «карабина». За такое неуклонное исполненіе своихъ обязанностей, начальникъ османъ-базарскаго отряда, генералъ Раденъ, отдалъ приказъ по отряду, въ которомъ выставилъ передъ солдатами въ примѣръ подвигъ Гаврюшина.

Дѣло подъ Джуранли *).

(18-го Іюля).

Послѣ боя у Іени-Загры, отрядъ, не отдыхая, отправился далѣе на Карабунаръ; остались только сильно утомленная стрѣлковая бригада и горныя баттареи. Моя лошадь захромала и я остался тоже. На другой день чуть свѣтъ мы выступили на соединеніе съ нашими, заночевавшими передъ Карабунаромъ. Когда мы подходили къ деревнѣ Джуранли, то ясно слышали выстрѣлы и скоро увидѣли дымки нашихъ орудій—генералъ Гурко уже завязалъ дѣло, ограничившееся пока артиллерійскимъ огнемъ. Турки укрѣпились въ лѣсу, кругомъ котораго тянулся валъ и живая изгородь; впереди немного они вырыли еще ложементы. Кромѣ этого, сама природа пришла въ нимъ на помощь: вокругъ лѣса, слѣва въ особенности, тянулись въ перемежку поле кукурузы и поле терновнику, такъ что турецкихъ стрѣлковъ положительно не было видно и до-

*) Русскія Вѣд. № 202.

браться до нихъ было трудно. Наши баттареи оцѣпили джуранлійскій лѣсъ и стали его обстрѣливать сперва гранатами, а потомъ шрапнелями. Турецкія пушки, расположенныя въ лѣсу, отвѣчали страшнымъ огнемъ и ихъ снаряды летѣли на огромныя разстоянія; прицѣльную линію они брали вѣрно, но разъ пристрѣлявъ мѣсто, они продолжаютъ стрѣлять безъ всякой перемѣны; мнѣ пришлось видѣть, какъ ихъ перелеты ложились все время въ одно мѣсто, и я замѣтилъ до 8 гранатъ, разорвавшихся въ районѣ какихъ нибудь 10 саженъ въ квадратѣ, къ счастью, у насъ въ этомъ мѣстѣ не стояло ни одного человѣка.

Какъ только мы приблизились къ позиціямъ нашихъ войскъ, какъ стрѣлковъ двинули въ дѣло. Они должны были занять правый флангъ.

Турки поддержали частый огонь и изъ орудій, и изъ ружей; ихъ стрѣлки, скрытые за кустами и завалами, осыпали нашихъ пулями. Наши шрапнели, по части которыхъ особенно отличалась на лѣвомъ флангѣ 4-я баттарея, осыпали всю опушку лѣса осколками, но турки не подавались. Нѣсколько разъ цѣпь бросалась въ штыки, но должна была отступать. Въ безпорядкѣ боя части зарывались одна за другую и турки нерѣдко появлялись сзади нашихъ, а одинъ разъ наши Сѣвцы очутились въ одномъ рву съ турками, залегшими шагахъ въ ста выше, и должны были выбить ихъ штыками. Орудія наши подходили такъ близко къ лѣсу, что должны были обстрѣливать цѣпь картечью, что для артиллериста составляетъ положительно невѣроятный случай; такъ напр. 4-я баттарея выстрѣлила по цѣпи турецкихъ стрѣлковъ 2 очереди картечью. Мѣстность была такъ благопріятна туркамъ, что ихъ стрѣлки подбирались очень близко къ нашимъ орудіямъ и били людей и лошадей на выборъ. Въ 4-й баттареѣ, напр., убито было четверо нижнихъ чиновъ и 28 лошадей и 12 человѣкъ ранено, такъ что къ одному номеру должны были поставить деньщика.

Выдающейся чертой этого дѣла было то, что офицеры особенно какъ-то лѣзли впередъ. Штабсъ-капитанъ Сѣвскаго полка Эбергардъ былъ раненъ; увидя, что солдаты подались назадъ, онъ быстро отеръ кровь и крикнулъ своимъ:

— Развѣ такъ дерутся! Впередъ!...

Черезъ минуту уже онъ былъ убитъ.

Капитанъ Висковскій, того же полка, зарвался слишкомъ впередъ и былъ раненъ; унтеръ-офицеръ Лукьяновъ вынесъ его на себѣ изъ боя.

Когда командиръ 1-го баталіона Сѣвскаго полка, подполковникъ Улагай, не обращая вниманія на страшный огонь, слишкомъ выставлялся впередъ, солдаты крестились и слышно было:

— Сохрани его Господи!...

Командира 4-й роты, штабсъ-капитана Симоненко, наблюдавшаго за турецкой цѣпью въ бинокль, солдаты трогательно упрашивали бросить «прозорную» трубку, прибавляя:

— Убьютъ васъ, что мы тогда будемъ?

Майоръ Селявка, принявшій 13-й стрѣлковый батальонъ послѣ смерти полковника Климентовича, повелъ свою цѣпь въ штыки верхомъ. Получивъ одну рану, онъ крикнулъ:

— Впередъ, ребята! и упалъ съ лошади, пораженный еще тремя пулями.

Въ штабсъ-капитана Черемушкина, шедшаго впереди своей роты и нарвавшагося на залпъ, попало шесть пуль; но пять изъ нихъ продырявили только его мундиръ, а шестая пробила насквозь ногу.

Но всѣхъ случаевъ не перечтешь; я привожу только тѣ, о которыхъ знаю, а сколько ихъ осталось неизвѣстными!

Привожу еще одинъ: фельдшеръ 5-й роты Сѣвскаго полка, Бекетовъ, ходилъ отъ роты къ ротѣ и перевязывалъ на мѣстѣ всѣхъ своихъ раненыхъ. Не довольствуясь этимъ, онъ слѣдилъ за турками.

— Ваше благородіе, вонъ турки, кричалъ онъ, окончивъ перевязку, хваталъ чье-нибудь ружье, давалъ два-три выстрѣла и опять отправлялся отыскивать раненыхъ.

Особенно хорошо дѣйствовали наши 4-я пѣшая и 10-я донская баттареи, если не ошибаюсь та самая, которая въ дѣлѣ подъ Іени-Загрой отбила орудія.

Вотъ какъ передавали мнѣ этотъ эпизодъ. Командиръ взвода баттареи, перебивъ лошадей у турецкаго орудія и прогнавъ прислугу, подскакалъ къ нему и вынулъ замокъ орудія, который и сохранилъ до конца боя. Захватившіе орудіе конные казаки были очень разочарованы, узнавъ, что орудіе взято раньше ихъ артиллеристами.

Дѣло тянулось, а между тѣмъ изъ Эски-Загры пришли нехорошія извѣстія о серьезно затруднительномъ положеніи болгарскихъ дружинъ; нужно было кончить. Стрѣлки, сѣвцы и ельцы бросились въ штыки и погнали непріятеля, еще раньше увезшаго свои орудія.

Мы побѣдили, но чего стоила намъ эта побѣда! 26 офицеровъ и болѣе 450 человѣкъ раненыхъ нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя; сколько убитыхъ, долго оставалось неизвѣстнымъ. Вообще не удивляйтесь, если я не сообщаю вамъ опредѣленныхъ цифръ нашихъ потерь; во время похода, при ежедневныхъ почти дѣлахъ, это невозможно даже и для ближайшаго начальства, даже для ротныхъ командировъ, такъ какъ нельзя выбрать времени для переклички, и притомъ постоянно есть отставшіе и не подобранные раненые, такъ что цифра всегда выйдетъ ошибочная. Вѣрно ее можно опредѣлить только черезъ нѣсколько дней по прибытіи на мѣсто. Вотъ фамиліи убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, которыя мнѣ удалось узнать:

34-го Сѣвскаго полка, при Джуранли убиты: капитанъ Потеряхинъ, штабсъ-капитанъ Эбергардъ, подпоручикъ Перковскій; ранены: капитанъ Висковскій, шт.-капитанъ Колендо, подпоруч. баронъ Таубе, прапорщикъ Ивановъ.

Подпоручикъ Таубе только-что выпущенъ изъ Павловскаго училища, не пробылъ въ полку и 4-хъ дней, какъ былъ уже раненъ; рана его, хотя и въ грудь, но не опасна и 18-ти-лѣтній подпоручикъ вѣроятно скоро будетъ на ногахъ.

Елецкаго полка. При Іени Загрѣ и Джуранли: убитъ штабсъ-капитанъ Писаренко; ранены: ком. 1-го батальона подполковникъ Россійскій, маіоръ Балычевъ, капитанъ Рылѣевъ, поручики: Попловскій и Астафьевъ, подпоручики: Бейтъ-Миллеръ (Бейтмиллеръ) и Ослоновичъ (контуженъ), прапорщикъ Браво.

15-го стрѣлковаго батальона: въ дѣлѣ при Джуранли ранены: маіоръ Савичъ, штабсъ-капитанъ Скарловъ, капитанъ Рачинскій, поручикъ Добровольскій, подпоручикъ Ивановъ (остался въ строю).

13-го стрѣлковаго батальона, при Джуранли ранены: командующій батальономъ, маіоръ Селяпка (4 раны, но лѣченія идетъ хорошо и больной выдерживаетъ его отлично), штабсъ-капитанъ Черемушкинъ, поручикъ Иваненко (легко контуженъ и остался въ строю).

Я только-что навѣстилъ нашихъ раненыхъ, которые прибыли со мной въ Тырново; большая часть чувствуетъ себя хорошо, благодаря уходу сестеръ милосердія Георгіевской общины; но что они испытали въ дорогѣ, того не пожелаю и моему врагу.

Дѣло кончилось; слышны были еще отдѣльные выстрѣлы; это цѣпь проходила лѣсомъ и одиночные турки стрѣляли изъ за кустовъ и съ деревьевъ. Солдаты очищали лѣсъ. Штабъ и за нимъ кавалерія, которая прибыла къ намъ отъ Эски-Загры, двинулись къ этому городу, гдѣ турки уже покончили съ болгарскимъ ополченіемъ и заставили его отступить къ Казанлыку. Командующій ополченіемъ, генералъ-маіоръ Столѣтовъ, присоединился къ намъ съ тремя ординарцами, нѣсколькими конвойными и двумя орудіями; всѣ они были отрѣзаны отъ своихъ и по горамъ добрались до насъ.

Не смотря на только-что одержанную побѣду, привезенное генераломъ извѣстіе о пораженіи его дружинъ произвело на насъ тяжелое впечатлѣніе а неизвѣстность относительно количества и фамилій нашихъ собственныхъ лежала на душѣ тяжелымъ камнемъ.

Я просто боялся разспрашивать о знакомыхъ и дорогихъ мнѣ именахъ.

— Калитинъ убитъ!... раздалось подъ самымъ моимъ ухомъ. Сердце у меня сжалось. Сразу вспомнилась мнѣ дружная семья туркестанскихъ офицеровъ 3-й болгарской дружины. Командиръ ея, подполковникъ Калитинъ, личность котораго привязывала къ себѣ съ перваго свиданія, былъ старшимъ товарищемъ въ этой братской семьѣ. Вспомнились мнѣ и длинные разговоры мои съ нимъ, когда я урывался къ нимъ въ лагерь и проводилъ ночь въ его палаткѣ. Рѣзко, отчетливо вынырнули вдругъ въ моей памяти грустныя предсказанія, которыя они дѣлали веселымъ тономъ, но которыя наводили на безотрадныя мысли.

— Вотъ попомните мои слова, говорилъ несчастный Федоровъ, что мы всѣ будемъ перебиты.

— Это вѣрно, замѣтилъ Калитинъ; въ первомъ же дѣлѣ насъ всѣхъ перебьютъ. Мы, русскіе, не можемъ отступить, и останемся, а болгары навѣрное насъ бросятъ и удерутъ.

— Да ужъ намъ нечего ждать иного... прибавилъ Поповъ.

Все это говорилось съ полнымъ убѣжденіемъ и все-таки эти простые герои шли впередъ, не вѣря нисколько въ способность своихъ солдатъ драться съ непріятелемъ, шли на вѣрную смерть, шли ради того только, что они русскіе и отступать для нихъ немыслимо.

— Поповъ убитъ, Федоровъ убитъ, Усовъ убитъ... продолжалъ высчитывать

адъютантъ генерала Столѣтова и я въ первый разъ почувствовалъ, какъ дороги стали мнѣ эти имена. Злость и негодованіе поднялись въ моей душѣ, за что погибли эти храбрые люди, къ чему бросали слабыя дружины на съѣденіе непріятелю? и опять... Зачѣмъ мы оторвались отъ нашихъ проходовъ, зачѣмъ отказались отъ своей прямой задачи и бросились въ какія-то приключенія?!...

Версты за четыре отъ Эски-Загры, мы стали развертываться и 14 и 16 стрѣлковые батальоны, бывшіе при Джуранли въ резервѣ, стали подвигаться цѣпью на высоты, а конная баттарея выѣхала на позицію. Мы тоже въѣхали на гребень и передъ нами сразу открылись позиціи непріятеля. Турки праздновали побѣду сильнымъ пожаромъ; Эски-Загра пылала и огромный столбъ дыму подымался за возвышенностями, занятыми непріятелемъ. Города не было видно за горами, но за то турокъ мы могли видѣть всласть. Замѣтивъ насъ, они высыпали на свои позицію, какъ муравьи, и буквально покрыли три отдѣльныхъ горки. Кромѣ того видно было ихъ лагерь на задней покатости и въ лощинѣ. Аттаковать ихъ съ фронта съ страшно утомленными людьми не было никакой возможности, хотя, однако, объ этомъ былъ еще разговоръ; но уже было 5 часовъ пополудни и къ тому же у насъ не было уже почти гранатъ и патроновъ. Рѣшено было оставить турокъ въ покоѣ.

М. Федоровъ.

«Веста.»

Борьба парохода «Веста» съ турецкимъ броненосцемъ *).

Дѣло было такъ:

«Во вторникъ, 12-го іюля, на разсвѣтѣ, Севастополь былъ разбуженъ сигнальными выстрѣлами тревоги, дававшими знать о приближеніи непріятеля. Весь городъ, разумѣется, тотчасъ же поднялся на ноги, войска заняли боевыя позиціи, а любопытные, по обыкновенію, бросились занимать возвышенія. Скоро, однако же, былъ данъ отбой; тревога оказалась фальшивая. Наблюдательный постъ принялъ за непріятельское судно нашъ собственный военный пароходъ, который еще въ темнотѣ, около втораго часа ночи, приблизился къ полосѣ миннаго загражденія и держался тамъ на парахъ. Когда достаточно разсвѣло, узнали, что это была «Веста». Къ ней на встрѣчу тотчасъ же двинулась сторожевая шкуна, которая и ввела ее въ рейдъ.

«Лишь только «Веста» достаточно приблизилась къ берегу, у всѣхъ, встрѣтившихъ ее, невольно вырвался болѣзненный вопль ужаса. Видъ ея предоставлялъ печальное зрѣлище. Ванты у нея были подбиты и разорваны, мачты оголены и флаги на половину приспущены. Послѣднее, по принятому морскому обычаю, означаетъ, что на суднѣ есть покойники. Другія военныя суда, стоящія на Севастопольскомъ рейдѣ, тотчасъ же поспѣшили исполнить тотъ же

---

*) Рапортъ капитанъ-лейтенанта Баранова генералъ-адъютанту Аркасу. (Глав. Команд. Черномор. флота и портовъ) отъ 12 іюля 1877 г.

грустный обрядъ, и скоро на всѣхъ судахъ реи крестообразно паклонились и флаги упали съ своей высоты.

«Между тѣмъ, еще ранѣе, нежели «Веста» успѣла пристать къ пристани и бросить якорь, въ городѣ съ быстротою молніи разнеслось уже извѣстіе о выдержанномъ ею наканунѣ морскомъ сраженіи; извѣстіе, передаваемое изъ устъ въ уста въ томъ самомъ видѣ, какъ я телеграфировалъ вамъ въ тотъ же день.

«Теперь я разскажу вамъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя подробности этого, по истинѣ невѣроятнаго, безпримѣрнаго въ морской исторіи, геройскаго дѣла. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, скажу нѣсколько словъ о самой «Вестѣ».

«Веста», точно также, какъ «Константинъ», «Владиміръ», «Аргонавтъ» и нѣкоторыя наши военныя суда на Черномъ морѣ, успѣвшія уже обратить на себя вниманіе въ настоящую войну, до ея объявленія, принадлежала «обществу русскаго пароходства и торговли» и была приспособлена исключительно къ цѣлямъ коммерческимъ и торговымъ. Всего мѣсяцъ тому назадъ *) «Веста» куплена у общества нашимъ правительствомъ и не прошло еще полныхъ десяти дней съ тѣхъ поръ, какъ она окончательно вооружена. Подобно многимъ другимъ компанейскимъ судомъ, этотъ винтовой желѣзный пороходъ, который именно, потому (стѣнки его менѣе дюйма толщиною) представляется въ сравненіи съ грозными турецкими броненосцами, почти картоннымъ судномъ, которое отъ одного удачнаго выстрѣла въ подводную часть его, могло неминуемо идти ко дну.

Извѣстно, что постройкѣ большихъ деревянныхъ коммерческихъ судовъ на Черномъ морѣ, которыя съ гораздо большимъ успѣхомъ могли бы, въ случаѣ нужды, служить военнымъ цѣлямъ, совершенно воспротивились морскія европейскія, Команда для этаго парохода образовалось смѣшанная; частію изъ балтійскихъ моряковъ, частію изъ черноморцевъ. Всего сто семнадцадь человѣкъ матросовъ, изъ которыкъ 54, то есть на половину, матросовъ черноморскихъ экипажей. Иначе, какъ добровольцевъ, то есть изъявившихъ желаніе служить на «Вестѣ», сюда никогда не назначали. Записавшихся «охотниками» было много, и изъ нихъ уже былъ сдѣланъ окончательный выборъ. Здѣсь, въ числѣ матросовъ или офицеровъ, были представители рѣшительно всѣхъ нашихъ военныхъ судовъ, какъ Балтійскаго, такъ и Чернаго моря. Командиръ «Весты» капитанъ-лейтенантъ Николай Михайловичъ Барановъ, старшимъ офицеромъ у него лейтенантъ Владиміръ Платоновичъ Перелешинъ, а минеромъ, т. е. завѣдывающимъ минояосныиъ катеромъ,— лейтенантъ Михаилъ Платоновичъ Перелешинъ. Всѣ трое они служили въ балтійскомъ флотѣ и весьма давно прибыли съ командою матросовъ—балтійцевъ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Николаевъ. Здѣсь *Веста* и вооружилась. Въ числѣ двѣнадцати орудій, находящихся на «*Вестѣ*», все большею частію девятифунтовыхъ, имѣются также пять шести-дюймовыхъ мортиръ и два скорострѣльныя орудія системы Энгстрема, размѣщенныхъ по обѣимъ сторонамъ возвышенной площадки парохода. Эти скорострѣлки, какъ ихъ по просту называ-

*) Около первыхъ чиселъ мая 1877 г.

ваютъ матросы, не смотря на свой ничтожный сравнительно калибръ, оказались весьма пригодными, какъ орудія прицѣльныя, мѣтко стрѣляющія и требующія около себя одного человѣка прислуги.

Помимо этого «Веста» была еще снабжена какимъ то вновь изобрѣтеннымъ приборомъ для автоматической стрѣльбы посредствомъ соединительныхъ электрическихъ токовъ, приборомъ, который, впрочемъ, въ самомъ началѣ боя испорченный непріятелемъ не игралъ никакой существенной роли въ томъ морскомъ сраженіи, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Нечего и говорить, что по калибру, а слѣдовательно и по силѣ орудій, вооруженіе «Весты» не могло итти въ сравненіи съ вооруженіемъ любаго турецкаго броненосца. Это вооруженіе, сравнительно ничтожное, особливо если принять во вниманіе, что самая конструкція *«Весты»* и условія размѣщенія на ней орудій, позволяли ей стрѣлять только съ носа и кормы и притомъ изъ небольшаго количества орудій разомъ. По бортамъ парохода орудій вовсе нѣтъ, если не считать митральезу, которая во все время бездѣйствовала, такъ какъ она предназначена для стрѣльбы, лишь въ томъ случаѣ, когда судно абордируется *) катерами.

Первоначально, т. е. около недѣли тому назадъ, *«Веста»* въ сообществѣ съ тремя другими нашими пароходами какъ уже сказано было выше **) отправилась въ крейсерство съ тѣмъ, чтобы при встрѣчѣ съ непріятельскими судами перевѣдаться съ ними при болѣе или менѣе равномѣрныхъ шансахъ къ успѣху. Экспедиція эта неувѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ суда наши не встрѣтили непріятеля и черезъ два дня они уже возвратились по портамъ: «Ливадія» — въ Николаевъ, «Константинъ»—въ Севастополь, а «Владиміръ» и «Веста» — въ Одессу.

«Вскорѣ послѣ этого «Веста» вознамѣрилась особнякомъ отправиться въ крейсерство. Это было ей разрѣшено, съ правомъ оставаться въ морѣ не долѣе шести дней. Не опредѣляя заранѣе подробностей своего маршрута, «Веста,» тѣмъ не менѣе, имѣла въ виду весьма опредѣленныя, конечныя цѣли своей экспедиціи. Выполненіе того и другаго намѣченнаго ею предпріятія разумѣется находилось всецѣло въ зависимости отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ и условій, которыхъ нельзя было заранѣе предвидѣть. Это и заставило ее намѣтить нѣсколько пунктовъ для своего крейсерства,

«Прежде всего предполагалось направиться къ Кюстендже, въ надеждѣ встрѣтить одинъ изъ тѣхъ пароходо-фрегатовъ, которые въ настоящее время заняты перевозкой отрядовъ турецкихъ и египетскихъ войскъ къ этой мѣстности. Если бы здѣсь ничего подходящаго не подвернулось, рѣшено было направиться далѣе вдоль турецкихъ береговъ. Предположенія эти, однако, не сбылись и «Вестѣ» было суждено прославиться въ гораздо болѣе страшномъ, рискованномъ и кровавомъ дѣлѣ.

«Въ воскресенье, 10-го «Вѣста» вышла изъ Одессы и на другой же день, 11-го,

---

*) Абордируется, значитъ оцѣпляется.

**) „Константинъ", „Владиміръ", яхта „Ливадія".

раннимъ утромъ ей предстояла неожиданная встрѣча. Въ восьмомъ часу утра, когда она находилась въ открытомъ морѣ, въ тридцати миляхъ на сѣверъ отъ Кюстендже, съ «Весты» замѣтили на юго-западѣ полосу густаго чернаго дыма. Не было сомнѣнія, что это дымило турецкое судно. «Веста» взяла направленіе на него. Черезъ нѣсколько минутъ корпусъ судна обрисовался, стали его разглядывать; но размѣры его, его рангъ, выражаясь морскимъ терминомъ, и даже самое его направленіе опредѣлить было еще невозможно. Глядѣвшіе на него въ зрительныя трубы заспорили. Одни, и такихъ было большинство, утверждали, что они видятъ турецкій пароходо-фрегатъ, вѣроятно, заприметившій ихъ и поспѣшно отъ нихъ удаляющійся. Это наблюденіе показалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ и нашло въ числѣ офицеровъ и команды «Весты» тѣмъ болѣе сторонниковъ, что оно вполнѣ согласовалось съ извѣстнымъ фактомъ, что турецкіе пароходо-фрегаты, занятые перевозкою войскъ, въ настоящее время безпрестанно снуютъ по направленію къ Кюстендже. Другіе, болѣе зоркіе, сразу опредѣлили, что они видятъ передъ собою двухмачтовый турецкій броненосецъ весьма значительныхъ размѣровъ, который притомъ вовсе не удаляется, а напротивъ, полнымъ ходомъ, на всѣхъ парахъ идетъ на встрѣчу «Вестѣ.»

«Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы это второе предположеніе стало, наконецъ, вполнѣ очевиднымъ фактомъ. Еще ранѣе, чѣмъ было разрѣшено сомнѣніе о томъ, съ кѣмъ «Вестѣ» предстоитъ имѣть дѣло, былъ данъ полный ходъ, и такъ, какъ броненосецъ съ своей стороны все усиливалъ ходъ, то сближеніе обоихъ противниковъ произошло неимовѣрно быстро, быстрѣе, чѣмъ этого можно было ожидать.

«Все встрепенулось на «Вестѣ.» Съ капитанской вышки раздались первыя грозныя слова боевой команды: «Къ орудіямъ, готовиться!» Вслѣдъ затѣмъ, съ помощью автоматическаго прибора, съ носовыхъ орудій былъ сдѣланъ первый залпъ. Снаряды пролетѣли мимо, залпъ не удался по весьма простой причинѣ: дальность разстоянія опредѣлить было трудно, такъ какъ оба судна, двигаясь быстро, каждое мгновеніе значительно сокращали это разстояніе. Вслѣдъ за этимъ раздалась новая команда: «Право на бортъ» и «Вестѣ» удалось повернуть непріятелю корму ранѣе, нежели раздались выстрѣлы съ броненосца.

«Между тѣмъ, въ теченіи того небольшаго промежутка времени, который взялъ этотъ поворотъ, сдѣланный и безъ того на близкомъ сравнительно разстояніи отъ непріятеля, оба противника еще болѣе сблизились, они были не болѣе, какъ на разстояніи пяти кабельтовъ, т. е. 500 сажепей другъ отъ друга. Первый непріятельскій залпъ былъ встрѣченъ криками «ура» на «Вестѣ.» Затѣмъ завязался отчаянный артиллерійскій бой. Онъ длился ровно пять съ половиною часовъ. Я не могу и не умѣю послѣдовательно описать вамъ всѣ перипетіи сраженія, не могу шагъ за шагомъ прослѣдить всѣ отдѣльные моменты его; для этого нужно было бы самому быть участникомъ той адской передѣлки, которая 11 іюля выпала долю *«Весты.»* Я разскажу вамъ лишь отрывочные эпизоды дѣла, разсказы о которыхъ врѣзались у меня въ памяти. Всѣ участники дѣла прежде всего отзываются съ полной похвалой объ артиллеріи турецкаго броне-

носца: неудачныхъ выстрѣловъ почти вовсе не было. Изъ сотни снарядовъ, пущенныхъ въ «*Весту*,» всего три разрывныхъ бомбы, начиненныхъ шрапнелевой картечью, причинили ей серьезный вредъ. Но за то всѣ рѣшительно снаряды были направлены мѣтко и только благодаря искусному ея маневрированію, они безвредно падали въ глубину моря, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея. Опредѣливъ курсъ къ ближайшему порту, къ Севастополю, «*Вестѣ*» впродолженіи всего времени приходилось прятать бока отъ выстрѣловъ и подставлять непріятелю то носъ, то корму. Въ этомъ было единственное ея спасеніе; одинъ шальной снарядъ попавшій ей въ бортѣ, или въ подводную часть, долженъ былъ неминуемо пустить ее ко дну. При этомъ была еще одна постоянная забота: броненосецъ оказался съ превосходнымъ противъ «*Весты*» ходомъ, онъ имѣлъ надъ ней преимущества, по крайней мѣрѣ, одинъ узелъ. Надо было постоянно держать паръ высоко и все усиливать ходъ, иначе броненосецъ, снабженный страшнымъ, не только для такого «картоннаго судна,» какъ «*Веста*.» тараномъ могъ настигнуть ее и разсѣчь пополамъ.

«Сколько ужасныхъ, чтобы не сказать отчаянныхъ моментовъ въ теченіи этого долгаго, пятичасоваго боя наступало для «Весты» трудно себѣ и представить!

А между тѣмъ энергія и полное безстрашія спокойствіе ни на мгновеніе не покидали нашихъ славныхъ героевъ. Орудія на «*Вестѣ*» ни на минуту не замолкали, артиллерійскій огонь все учащался и учащался такъ, что подъ конецъ мортиры, изъ которыхъ преимущественно стрѣляли, совершенно накалились. Броненосецъ изъ своихъ десятидюймовыхъ орудій, защищенныхъ вращающейся башнею и казематами *) стрѣлялъ рѣже, но за то дѣйствіе попадающихъ непріятельскихъ снарядовъ было разрушительно.

«Первая непріятельская бомба, попавшая въ «*Весту*» и разорвавшаяся на палубѣ, одна причинила столько вреда, что казалось бы одинъ этотъ выстрѣлъ долженъ причинить невообразимое замѣшательство, отъ котораго могла бы погибнуть «*Веста*.» Осколки разорвавшейся бомбы и шрапнелева картечь, которою она оказалась начиненною, какъ дождемъ, засыпали всю палубу. Разомъ подбито было орудіе, кровь брызнула съ разныхъ сторонъ. Канониры двухъ кормовыхъ орудій повалились замертво, за ними упало нѣсколько матросовъ; тутъ же свалилось съ ногъ и два артиллерійскихъ офицера: полковникъ Черновъ и поручикъ Яковлевъ.

Это были первыя жертвы на «Вестѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ первые моряки, погибшіе въ эту войну на Черномъ морѣ. Всѣ они умерли героями.

О послѣднихъ минутахъ послѣднихъ офицеровъ я слышалъ такой разсказъ **).

Когда упалъ полковникъ Черновъ, онъ весь былъ залитъ кровью; осколкомъ бомбы ему отъ лѣваго паха своротило всю брюшную полость; «сердце было видать», разсказывалъ мнѣ объ этомъ одинъ матросъ.

---

*) Прикрытія для орудій и прислуги на броненосцахъ.

**) О полковникѣ Черновѣ и поручикѣ Яковлевѣ.

Несмотря на эту ужасную и безусловно смертельную рану, Черновъ впродолженіи нѣсколькихъ мгновеній еще жилъ. Онъ даже поднялся на ноги, обнялъ близь стоящаго матроса, затѣмъ упалъ, успѣвъ сказать: «прощайте!... на кормѣ не забудьте.... заряжено.... дѣйствуйте!» съ этими словами онъ и умеръ. (Значитъ забота о долгѣ не оставляла храбраго до смерти).

Тоже самое повторилось и съ молодымъ поручикомъ Яковлевымъ. Этотъ несчастный былъ буквально засыпанъ и разсѣченъ по всѣмъ направленіямъ острыми гранеными углами шрапнелевой картечи. На его тѣлѣ было насчитано двадцать девять ранъ. Несмотря на это и онъ успѣлъ сказать свое послѣднее слово: «Братцы! въ карманѣ у меня разрывныя трубки, пригодятся!» Вторая попавшая бомба разразилась съ такими же убійственными послѣдстіями, какъ и первая. Она также повредила одно орудіе и скосила не мало жертвъ. Опять полетѣли въ разныя стороны брызги мозга и крови, опять на поваль уложило нѣсколько человѣкъ матросовъ. Изъ офицеровъ погибъ на этотъ разъ только одинъ минеръ, лейтенантъ Перелешинъ. Въ ту минуту, когда разорвало бомбу, онъ находился съ своею командою у миноноснаго катера, который онъ снаряжалъ, такъ какъ его было приказано приготовить на всякій случай. Несчастный оказался весь искалѣченный, весь израненный. Осколкомъ бомбы ему, между прочимъ, попало въ руку и раздробило кость въ пяти мѣстахъ. Несмотря на страшныя, нечеловѣческія муки, онъ остался въ полномъ сознаніи и, лежа въ каютѣ брата своего, старшаго офицера, все время продолжалъ справляться о ходѣ сраженія и снаряженіи катера, которымъ завѣдывалъ.

«Одновременно съ этимъ отъ разорвавшейся бомбы на пароходѣ произошелъ пожаръ, который грозилъ страшнымъ взрывомъ, такъ какъ загорѣлось подлѣ крюйтъ-камеры, гдѣ хранится порохъ. Старшій офицеръ, лейтенантъ Перелешинъ, съ частью команды бросился тушить пожаръ и, чтобы спуститься въ люкъ, долженъ былъ перешагнуть черезъ изувѣченнаго брата, котораго еще не успѣли подобрать съ палубы.

«Разъ потушенный пожаръ возобновился снова, когда разорвало новую бомбу, но и во второй разъ, какъ и въ первый, онъ былъ потушенъ своевременно. А раненые и убитые между тѣмъ все прибывали; ихъ сносили въ каютъ-компанію, гдѣ устроили лазаретъ. Молодой докторъ Франковскій едва успѣвалъ сносить раненыхъ и перевязывать имъ раны. Лейтенантъ Перелешинъ три часа оставался безъ перевязки, ожидая своей очереди.

«А бой между тѣмъ все продолжался и продолжался, становился все упорнѣе, все отчаяннѣе.

«Бывали минуты, когда броненосецъ почти нагонялъ «Весту»; между ними оставалось пространства менѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Тогда командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Барановъ, все время не сходившій съ своего возвышеннаго мостика, вызывалъ къ борту стрѣлковъ и они давали ружейный залпъ по непріятелю. Иногда самъ г. Барановъ, извѣстный какъ отличный стрѣлокъ, выхватывалъ изъ рукъ матроса ружье и стрѣлялъ съ своей вышки.

«Подъ конецъ наступило мгновеніе, когда минуты «Весты», казалось, были

уже сочтены. Въ томъ положеніи, въ которомъ находились обѣ сражающіяся стороны, непріятель имѣлъ то страшное преимущество, что при близкомъ разстояніи онъ могъ успѣшно дѣйствовать своими разрушительными, хорошо защищенными, прицѣльными орудіями, между тѣмъ какъ «Веста» исключительно могла серьезно разсчитывать только на мортиры, навѣсные выстрѣлы которыхъ успѣшно дѣйствуютъ лишь на дальнемъ разстояніи.

«Надо было добиться прежде всего и во что бы то ни стало большей скорости хода. Но всѣ средства были уже пущены въ ходъ: офицеры то и дѣло, по приказанію капитана, сбѣгали внизъ, чтобы подбодрять измученныхъ, выбившихся изъ силъ кочегаровъ. Въ печи бросали пеньку, лили масло и всевозможныя горючія вещества; но паръ и безъ того былъ поднятъ до крайняго предѣла своей высоты. Тогда среди команды съ быстротою молніи пронеслось извѣстіе о предложенномъ капитаномъ рѣшеніи, принятомъ всѣми единогласно. Было рѣшено испытать послѣднее средство. Вся команда должна была броситься на катера и, съ миноносцемъ впереди, разомъ абордировать броненосецъ. Численность команды на броненосцѣ вчетверо, если не впятеро больше команды «Весты,» но что за дѣло, когда рѣчь идетъ о «послѣднемъ средствѣ!» На случай же, еслибы и это не удалось, было рѣшено: оставшимся на пароходѣ сцѣпиться въ плотную съ броненосцемъ, и поднеся одною рукой въ крюйтъ-камерѣ зажженный фитиль, другою—крѣпче и мужественнѣе обнять врага, чтобы вмѣстѣ разомъ взлетѣть на воздухъ. Славное рѣшеніе, достойное такихъ героевъ храбрецовъ! Когда оно было объявлено по командѣ, всѣ сняли шапки, перекрестились и крикнули «ура!» Между тѣмъ кормовыя мортиры еще были заряжены. Изъ нихъ было рѣшено дать послѣдній залпъ. Направлялъ орудія лейтенантъ Рождественскій, который, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Кротковымъ, послѣ смерти обоихъ артиллерійскихъ офицеровъ оставался распорядителемъ у кормовыхъ орудій. Взлетѣлъ снарядъ и,—настоящее чудо! онъ попадаетъ прямо въ башенную, т. е. самую существенную часть броненосца. Тамъ у непріятеля вслѣдъ за этимъ поднялось страшное смятеніе, настоящій содомъ. На выстрѣлы онъ болѣе не отвѣчаетъ, паръ повалилъ изъ люковъ — бомба разорвалась удачно, навѣрное въ самой машинѣ.

«Можно живо представить себѣ тотъ бѣшенный, ликующій восторгъ, который охватилъ тогда команду «Весты.» Загремѣло снова «ура!» и наши выстрѣлы зачастили съ новою энергію.

«Могучій Голіафъ оказался серьезно раненымъ: камень, пущенный Давидомъ, попалъ въ самое сердце. Побѣда была полная.

«Положивъ право на бортъ, подбитый броненосецъ повернулся вспять. Сразу замедлившимся ходомъ онъ, безъ единаго выстрѣла, сталъ уходить отъ «Весты.» Между тѣмъ, здѣсь первымъ движеніемъ было пуститься за нимъ вслѣдъ, чтобъ окончательно обезоружить его и взять въ плѣнъ. Но это было бы черезъ чуръ рискованно. По разсказамъ многихъ участниковъ дѣла, въ это время на горизонтѣ показалось нѣсколько турецкихъ броненосцевъ. Только появленіе этихъ броне-

носцевъ лишило «Весту» возможности взять въ плѣнъ своего побѣжденнаго противника.

«Мнѣ остается еще выполнить тяжелую задачу: снова пережить тѣ грустные сцены, которыхъ былъ свидѣтелемъ весь Севастополь 12-го и 13-го числа.

«Часамъ къ 7 утра «Веста» уже подтянулась къ большой таможенной пристани, и я вмѣстѣ съ другими направился туда. Благодаря предупредительной любезности и распорядительности таможенныхъ чиновниковъ и офицеровъ мѣстной пограничной стражи, здѣсь было очищено свободное мѣсто для переноски съ парохода мертвыхъ и раненыхъ. Для этой цѣли было предложено на первый случай два ближайшихъ таможенныхъ пакгауза, совершенно свободныхъ въ настоящее (то есть то) время.

«На «Вестѣ», подтянувшейся вплотную къ пристани, началась въ это время самая усиленая, хлопотливая дѣятельность. Всѣ офицеры, державшіеся еще на ногахъ, съ своимъ командиромъ во главѣ, поминутно сбѣгали по трапу и отдавали нужныя приказанія. Команда точно также была завалена работою—приготовленіями для переноски своихъ несчастныхъ товарищей.

«Тутъ я въ первый разъ успѣлъ разглядѣть вблизи всю эту волнующуюся группу мужественныхъ загорѣлыхъ лицъ. Что эти были за лица! Слѣды только-что пережитой тревоги, слѣды физическаго безпредѣльнаго утомленія и вмѣстѣ какой-то неестественной, лихорадочной бодрости духа такъ и отпечатлѣлись на ихъ блѣдно-желтыхъ лицахъ, освѣщенныхъ ярко горящими, воспаленными глазами, которые казались какъ-то неимовѣрно широко открытыми, благодаря темно-зеленымъ кругамъ, оттѣнявшимъ ихъ.

«Удивляться тутъ нечему. Послѣ боя переходъ «Весты» въ Севастополь длился еще болѣе шестнадцати часовъ. Тутъ ужь было, разумѣется, не до отдыха и не до сна: всю работу не успѣвали передѣлать, хотя каждый работалъ за десятерыхъ. Нужно было наскоро исправлять замѣченныя поврежденія, поминутно опасаться и слѣдить чтобы не открылись еще новыя, болѣе серьезныя, незамѣченныя ранѣе, и убирать, и ходить за искалѣченными и израненными товарищами. Кромѣ того, каждую секунду нужно было еще держать все на готовѣ, такъ какъ ничѣмъ они не были застрахованы отъ новой встрѣчи съ непріятелемъ.

«Въ числѣ матросовъ и особенно въ числѣ офицеровъ съ «Весты,» хлопотавшихъ на пристани и на пароходѣ, я замѣтилъ множество раненыхъ. Многіе сильно хромали и припадали на одну ногу, обутую вмѣсто сапога въ бѣлый матросскій башмакъ; иные придерживали на ходу пораненную руку, третьи шли съ повязанной головой, у четверыхъ все лицо было испещрено ссадинами и кровяными подтеками.

«Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращалъ на себѣ лейтенантъ Кротовъ. Онъ видимо бодрился и дѣятельно хлопоталъ, но на него буквально было было страшно взглянуть. Сзади вся спина его форменнаго сюртука висѣла въ тысячѣ лохмотьевъ, она была вся изсѣчена, какъ решето; лицо его было разцарапано и, какъ будто изтатуировано запекшеюся кровью; кромѣ того онъ силь-

по припадалъ на одну ногу. Командиръ «Весты», г. Барановъ, раненый въ руку и сильно контуженный въ голову, точно также ни однимъ мускуломъ не подавалъ виду о своихъ страданіяхъ. Но всего тяжелѣе было глядѣть на г. Перелешина, который, самъ раненый въ ногу и контуженный въ голову, долженъ былъ хладнокровно отдавать распоряженія, между тѣмъ какъ съ парохода доносились не человѣческіе, раздирающіе душу вопли изувѣченаго брата, переломы костей котораго принялись изслѣдовать по своему прибывшіе на пароходъ доктора. Въ такомъ же положеніи, обнаруживая еще большую, уже чисто юношескую выносливость, находился молодой юнкеръ Яковлевъ, слегка, контуженный въ голову, у котораго на пароходѣ былъ убитый братъ.

«И всѣ эти израненые, искалѣченные, непостижимо какими усиліями держащіеся еще на ногахъ люди, не требовали ни помощи, ни участія; напротивъ, они сами только и думали о доставленіи скорѣйшей помощи своимъ еще болѣе несчастнымъ товарищамъ. Каждый разъ, когда къ нимъ обращались вопросы и замѣчанія о ихъ собственныхъ страданіяхъ, о ихъ собственныхъ ранахъ, получался всегда одинъ и тотъ же отрывистый отвѣтъ, сопровождаемый короткою улыбкой: «о это совершенные пустяки»!

«И дѣйствительно, когда нѣсколько минутъ позже стали сносить убитыхъ и тяжело раненыхъ, можно было охотно согласиться, что все видѣнное до сихъ поръ были лишь «пустяки», въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло еще увидѣть.

«Раньше другихъ, на носилкахъ особеннаго устройства, похожихъ скорѣе на передвижныя кровати или койки, чѣмъ на носилки, вынесли съ парохода трехъ наиболѣе тяжело раненыхъ. Это были: лейтенантъ Перелешинъ, которому предстояло немедленно вынести ампутацію правой изломанной ноги, и матросы Каширскій и Пушкаревъ, изъ которыхъ первый былъ тяжело раненъ въ голову, а второй такъ же тяжело въ мягкія части и зданія стороны обѣихъ ногъ. Этихъ раненыхъ на паровомъ катерѣ прямо съ парохода переправили черезъ бухту въ морской лазаретъ, находящійся на Корабельной сторонѣ. Сдержанные подавленные стоны этихъ несчастныхъ долго слышны были на пристани, такъ какъ легкая качка, которой они подвергались во время этой переправы, дѣлала ихъ страданія невыносимыми.

«Всѣхъ остальныхъ раненыхъ на носилкахъ подобнаго же устройства временно перенесли въ одинъ изъ таможенныхъ пакгаузовъ, гдѣ уже суетились сестры милосердія мѣстнаго отдѣленія общества КраснагоКреста и другія частныя лица, желавшія помочь въ первой перевязкѣ и уходѣ за ранеными.

«При всемъ уваженіи къ представительницамъ отдѣленія общества Краснаго Креста, я не могу, однако же, не замѣтить, что въ самомъ началѣ, какъ только, что было приступлено къ перевязкамъ, обнаружилось немалое замѣшательство среди сестеръ милосердія и совершенный недостатокъ въ необходимыхъ перевязочныхъ средствахъ. Если бы не энергическое участіе многихъ частныхъ лицъ, находившихся здѣсь случайно, раненымъ пришлось бы лишній часъ пролежать безъ необходимой помощи. Затѣмъ черезъ какія-нибудь пять минутъ уже весь

городъ спѣшилъ на помощь раненымъ и недостатка ни въ чемъ болѣе не ощущалось. Меня увѣряли, что недостатокъ перевязочныхъ средствъ въ мѣстномъ отдѣленіи общества Краснаго Креста произошелъ потому, что высланные изъ Москвы запасы бинтовъ корпіи (т. е. особаго рода ваты), пузырей и т. п. попали по ошибкѣ вмѣсто Севастополя въ Кишеневъ. Ошибка непростительная, которая не должна болѣе повторяться!

«Необыкновенную выносливость, терпѣливость и мужество высказали во время перевязокъ и изслѣдованія ранъ эти несчастные на своихъ больничныхъ койкахъ; большинству изъ нихъ приходилось выносить страшную, мучительную боль, пока имъ омывали раны и выщипывали оттуда клочки одежды, впившіеся въ ихъ зіяющую глубину.

«Когда перевязка была кончена, присутствовавшія въ пакгаузѣ сестры милосердія и другія старыя и молодыя женщины окружили ихъ предупредительнымъ, чисто-материнскимъ уходомъ. Такъ какъ день выдался жаркій, ихъ обмахивали вѣерами, поминутно перемѣняли ледовые компрессы на головѣ, подносили прохладительное питье—воду съ краснымъ виномъ, а болѣе сильныхъ, обнаруживавшихъ нѣкоторый аппетитъ, поили чаемъ съ хлѣбомъ.

«Въ это время здѣсь можно было наблюдать умиляющія душу по простотѣ и глубинѣ своей сцены. Стоны мало-по-малу смолкли, всѣ раненые, видя себя окруженными ласковыми, сочувствующими лицами, какъ-то пріободрились и словно повеселѣли. Многіе изъ нихъ стали даже шутить и посмѣиваться. Ухаживавшихъ за ними женщинъ они иначе, какъ «сестрицами», не называли.

— А что, сестрица, зачинила бы ты мнѣ рубашку,—ишь продрана! обратился раненый къ ходившей за нимъ съ особеннымъ усердіемъ молодой дѣвушкѣ, указывая ей на только что снятую съ него матросскую рубаху, порванную осколкомъ бомбы.

— Это ему турка такъ угодилъ; ты ужъ зачини, сестрица, что казенному добру-то пропадать! отозвался шутливо другой раненый.

«И вслѣдъ за этимъ почти всѣ раненые, какъ малыя ребята, обратились съ такою же просьбою къ молодой дѣвушкѣ: «зачини ужъ и намъ, сестрица!»

«Раненые, державшіеся на ногахъ, ложиться не хотѣли. Они расположились послѣ пакгауза, на завалинкахъ, гдѣ ихъ окружили свои же товарищи матросы и другія частныя лица.

— Такъ-то, умойся, отъ Божьей росы всегда легче бываетъ! омывалъ здоровый матросикъ запачканное кровью лицо своего раненаго товарища и обтиралъ его своей холстиновой чистой рубашкой. Кружки любопытныхъ обступили наиболѣе словоохотливыхъ малыхъ и разспрашивали ихъ о подробностяхъ бывшаго сраженія.

— Какъ бы не капитанъ нашъ, всѣ бы пропали,—не командиръ онъ, а настоящее золото! въ одно слово повторяли всѣ матросы, исключительно приписывая благопріятный исходъ сраженія неутомимому мужеству и геройской распорядительности капитанъ-лейтенанта Баранова.

— Кабы съ туркомъ было наше дѣло, ну съ нимъ бы мы въ полчаса упра-

вились, а то вѣдь, какъ есть англичанинъ! Фески ни одной на людяхъ не видать, а все бѣлые шапочки съ англійскими козырками. Да и опять тоже гг. офицеры по картинкамъ смотрѣли, такъ у турка такого броненосца вовсе и не имѣется. Ширина словно печь, только большому колесному пароходу въ пору, а онъ двухмачтовый, башенный, да казематный, вотъ ты тутъ и тягайся съ нимъ! А что не съ туркомъ, а съ англичаниномъ мы имѣли дѣло, такъ это Боже мой, вотъ какъ вѣрно!

«Такъ въ одинъ голосъ утверждали всѣ матросы. Подобныя же предположенія намъ пришлось слышать и отъ нѣкоторыхъ офицеровъ. Но всего вѣроятнѣе, что это было несомнѣнно турецкое судно, быть можетъ какой-нибудь вновь пріобрѣтенный въ Англіи броненосецъ, фотографическаго изображенія котораго мы еще не имѣемъ, съ настолько англезированной командой, что въ ея составѣ невозможно было отыскать ни одного турка.

«Офицеры и командиры «Весты», въ свою очередь, благопріятный исходъ сраженія всецѣло и исключительно приписываютъ образцовой, мужественной и бравой энергіи всѣхъ поголовно матросъ геройской команды.

«Когда раненые на первое время были размѣщены и пристроены, тогда съ парохода на пристань потянулась еще болѣе грустная, унылая процессія. Стали сносить убитыхъ въ другой свободный пакгаусъ. Ихъ выносили по одиночкѣ на большихъ парусахъ, прикрывъ сверху флагами. Матросы, по восьми человѣкъ возлѣ каждаго паруса, сквозь которые временами просачивалась еще не высохшая кровь, съ заплаканными, грустно суровыми лицами, складывали ихъ на полу пакгауза всѣхъ въ рядъ, въ роковую шеренгу.

«Шеренга образовалась длинная, когда снесли всѣхъ убитыхъ: рядомъ распростерлось одиннадцать бездыханныхъ труповъ. Въ нѣкоторыхъ парусахъ лежали даже не трупы, а какіе-то жалкіе безформенные остатки труповъ. Многіе убитые были страшно обезображены. О полковникѣ Черновѣ и прапорщикѣ Яковлевѣ я уже упоминалъ, на ихъ тѣлахъ рѣшительно не было живаго мѣста.

«Что касается до убитыхъ матросовъ, то между ними было еще болѣе такихъ ужасныхъ примѣровъ. Одному совершенно снесло голову и разбило всю грудную клѣтку, другаго, начиная съ живота, разорвало всего пополамъ, такъ что туловище держалось только на одномъ уцѣлѣвшемъ мускульномъ ремешкѣ и т. п.

«И вообще видъ всѣхъ этихъ несчастныхъ переворачивалъ вамъ душу. Достаточно сказать что рѣдкій изъ мужчинъ могъ глядѣть на все это кровавое зрѣлище безъ содраганія.

«Погребеніе этихъ несчастныхъ было назначено на другой же день, такъ какъ вслѣдствіе жаркаго времени и обнаженныхъ, зіяющихъ ранъ, ихъ трупы начали уже разлагаться.

«Въ тотъ же день къ числу этихъ одиннадцати, предназначенныхъ къ погребенію, присоединился еще лейтенантъ Перелешинъ, который умеръ спустя какіе-нибудь полчаса послѣ того, какъ ему была сдѣлана ампутація. По изслѣдо-

ванію врачей, кромѣ тяжелой раны въ ногу, этотъ бравый молодой офицеръ былъ еще сильно контуженъ или вѣрнѣе ушибленъ въ спину такъ, что повреждены были легкія. Помимо этого у него были еще менѣе значительныя раны на рукѣ, на задней части шеи, на лѣвой ногѣ и на лбу. Все это не помѣшало ему, однакоже, почти до конца оставаться въ полномъ сознаніи. Въ лазаретѣ, еще за нѣсколько минутъ до ампутаціи, онъ узнавалъ всѣхъ посѣтившихъ его знакомыхъ и говорилъ имъ: «видите, какъ меня искалѣчили». Надежда на выздоровленіе и удачный исходъ операціи не покидала его до конца. Когда доктора засучили свои рукава и сверкнули ланцетами, онъ попросилъ, чтобы его хлороформировали. Ему отняли ногу гораздо выше колѣна. Операція продолжалась болѣе часа и въ теченіи этого времени онъ нѣсколько разъ просыпался и спрашивалъ: «кончили?» Но ему снова давали хлороформу и снова принимались пилить неудачно обровненную кость. Послѣ ампутаціи ему давали пить шампанское, но это не помѣшало быстрому упадку силъ. Замѣчательно здоровой и крѣпкой комплекціи мужчина онъ, однако же, долѣе выносить не могъ. Скоро онъ лишился сознанія и болѣе уже не приходилъ въ себя. Въ предсмертномъ бреду онъ, обращаясь къ сидѣвшей подлѣ него знакомой, твердилъ все одну только фразу: «голубушка, если бы я только могъ понять, что у меня съ правой стороны. Еслибъ я только могъ понять!...»

«Доктора полагаютъ, что онъ бы вынесъ ампутацію, если бы у него уже ранѣе не началось разложеніе крови, т. е. антоновъ огонь.

«Раненыхъ, размѣщенныхъ въ пакгаузѣ таможни, въ тотъ же день перенесли въ болѣе удобное помѣщеніе, именно въ гостинницу Ветцеля, гдѣ для этой цѣли безплатно было отведено семь комнатъ исключительно для раненыхъ нижнихъ чиновъ. Помимо этого семейство г. Ветцеля приняло на себѣ безвозмездно содержаніе всѣхъ помѣщенныхъ здѣсь раненыхъ. Имъ здѣсь отлично, почти всѣ они встаютъ уже съ постели, утро и вечеръ проводятъ въ саду за чаемъ, гдѣ ихъ постоянно и развлекаютъ знакомые и незнакомые.

«Вообще нельзя пройти молчаніемъ того поголовнаго, восторженнаго сочувствія, которымъ пользуются здѣсь раненые герои «Весты.» Буквально весь городъ безъ различія званія и сословій ухаживаетъ за ними и ежеминутно заботится о нихъ. Чай, сахаръ, табакъ, варенье, вино и т. п. продукты доставляются имъ въ изобиліи. Многіе торговцы рѣшительно отказываются брать деньги за товаръ, когда узнаютъ, что онъ покупается для раненыхъ.

«Городская дума, собравшись въ экстренномъ засѣданіи чуть ли не въ тотъ же день, единогласно постановила удѣлить изъ своихъ сравнительно нищенскихъ средствъ тысячу рублей съ тѣмъ, чтобы немедленно послать семействамъ убитыхъ матросовъ вспомоществованія въ размѣрѣ пятидесяти рублей и поднести капитану «Веста», г. Баранову, икону его святого, Николая Чудотворца. Помимо этого рѣшено по частной подпискѣ устроить обѣдъ всей командѣ и офиферамъ «Весты».

«Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о похоронахъ убитыхъ, которыя имѣли мѣсто на другой день въ восемь часовъ утра. Погребальная процессія происхо-

дила среди глубоко трогательной и вмѣстѣ высоко-торжественной обстановки. Нечего ужъ и говорить, что рѣшительно весь городъ, бросивъ свои дѣла и обычныя занятія, пришелъ проводить несчастныхъ до самой могилы. Какъ павшихъ въ бою, ихъ было рѣшено похоронить на сѣверной сторонѣ, на такъ называемомъ Михайловскомъ или маломъ братскомъ кладбищѣ.

«Девять деревянныхъ, выкрашенныхъ голубою краскою гробовъ, въ которыхъ были заколочены тѣла убитыхъ матросовъ, еще накапунѣ были переправлены на сѣверную сторону. Тамъ же по утру, еще до начала церемоніи, выстроился батальонъ пѣхоты съ двумя хорами музыки и баттареею полевой артиллеріи. Въ восемь часовъ утра оба берега бухты были уже запружены народомъ.

«Послѣ отпѣванья трехъ убитыхъ офицеровъ, которые стояли въ гробахъ въ таможенномъ пакгаузѣ, т. е. на южной сторонѣ бухты, вся процессія медленно двинулась по зеркальной поверхности моря. Гробы, въ сопровожденіи духовенства, хоругвей, пѣвчихъ и хора музыки, по принятому обычаю, медленно переправлялись на небольшомъ военномъ пароходѣ. Вокругъ этого парохода, на громадномъ протяженіи разсыпалось большое множество паровыхъ катеровъ, яликовъ, барказовъ и т. п., которые буквально усѣяли всю бухту. Во время переправы съ сторожевой брандвахты гулко разносились по водѣ погребальные салюты, а съ медленно двигавшагося парохода раздавались протяжные звуки погребальнаго марша.

«Все это производило грустное, невообразимо грустное, подавляющее впечатлѣніе!

«Когда переправились на сѣверную сторону, погребальная процессія растянулась на громадномъ протяженіи. Среди медленно двигавшихся компактныхъ массъ народа, тянулась длинная линія несомыхъ на плечахъ двѣнадцати гробовъ. На каждомъ изъ гробовъ виднѣлось два, три вѣнка цвѣтовъ. Офицеровъ несли ближайшіе ихъ товарищи и офицеры съ парохода «Константинъ». Гроба нижнихъ чиновъ, кромѣ матросовъ, несли также многіе изъ офицеровъ. Послѣдній гробъ, гдѣ лежалъ младшій изъ убитыхъ матросовъ, почти все время несъ командиръ «Весты», капитанъ-лейтенантъ Барановъ. Его блѣдное смуглое лицо, кромѣ обычнаго выраженія мужества, на этотъ разъ обнаруживало безпредѣльную скорбь. Многіе изъ офицеровъ плакали навзрыдъ.

«Для всѣхъ убитыхъ было вырыто три могилы. Одна предназначалась для полковника Чернова, другая для прапорщика Яковлева и третья, очень большая могила, была предназначена для погребенія всѣхъ девяти матросовъ. Эта третья могила вмѣстила въ себѣ еще одинъ лишній гробъ; здѣсь былъ также похороненъ лейтенантъ Перелешинъ. Братъ его настаивалъ на этомъ и не пожелалъ, чтобы для него рыли новую могилу. Надгробныхъ рѣчей не было, по крайней мѣрѣ ихъ никто не ждалъ, всѣ были слишкомъ потрясены и слишкомъ глубоко чувствовали, чтобы выражать это словами.

«Однако же, послѣ отпѣванія и послѣ дружнаго залпа артиллеріи и пѣхоты, прежде чѣмъ начали засыпать могилы, послышалась въ толпѣ съ возвышенія чья-то отрывистая громкая рѣчь, похожая скорѣй на болѣзненные вскрики. Это

говорилъ какой-то сѣдоватый, уже очень пожилой человѣкъ, одѣтый въ простое парусиновое лѣтнее платье. Судя по акценту, можно было сейчасъ же догадаться, что это говоритъ не русскій. Дѣйствительно, оказалось что это былъ грекъ, служившій переводчикомъ на «Вестѣ» и лоцманъ, отлично знающій турецкіе берега. Онъ былъ взятъ въ Одессѣ всего на одинъ переходъ и надо было такъ случиться, чтобы этотъ переходъ ознаменовался кровавымъ дѣломъ. Этотъ грекъ, фамилію котораго я, къ сожалѣнію, забылъ, служилъ нѣкогда во французской службѣ, и вообще онъ человѣкъ довольно образованный. Его надгробное слово было кратко, но исполнено чувства. Вслѣдъ за нимъ земля посыпалась въ могилы и три несокрушимые памятника, три простыхъ могильныхъ холма, сокрыли подъ собою останки павшихъ героевъ. Миръ праху ихъ и вѣчная слава ихъ именамъ».

«Мы перечислимъ здѣсь эти имена. Всего похоронено 12 человѣкъ. Изъ нихъ три офицера: 1) Черновъ, Константинъ Давидовичъ, морской артиллеріи подполковникъ; 2) Яковлевъ, Андрей Никифоровичъ, морской артиллеріи прапорщикъ: 3) Перелѣшинъ, Михаилъ Платоновичъ, лейтенантъ 1-го балтійскаго экипажа. И затѣмъ нижніе чины: во 1-хъ, матросы черноморскаго экипажа: Павленко Иванъ, Бѣлый Филиппъ, Кіященко Өедоръ, Лаптевъ Семенъ и Мирошниковъ Григорій—всего пять человѣкъ; во 2-хъ, балтійскихъ экипажей Носковъ Николай, Цвѣтковъ Іосифъ, Евтѣевъ Владиміръ и Устиновъ Михаилъ—всѣхъ четверо. Раненыхъ первоначально предполагалось всего 19, но теперь ихъ насчитываютъ до тридцати. Изъ нихъ очень много таких, которые съ горяча держались на ногахъ, по впослѣдствіи принуждены были слечь. Къ числу послѣднихъ нужно отнести капитанъ-лейтенанта Баранова, лейтенанта Кроткова, лейтенанта князя Голицына-Головкина, мичмана Петрова, штабсъ-капитана Королькова, гардемарина Казнакова и юнкера Яковлева. Это и составляетъ полный списокъ раненыхъ офицеровъ. Всѣхъ раненыхъ нижнихъ чиновъ 21, изъ которыхъ 10 приходится на долю черноморскихъ моряковъ и одиннадцать на долю балтійцевъ. Кромѣ двухъ тяжело раненыхъ, остальные раненые внѣ всякой опасности. Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу команды «Весты», также раненъ богородскій мѣщанинъ Сергѣй Спиридоновъ, рискнувшій служить на «Вестѣ» въ качествѣ вольнонаемнаго лакея.

«Въ числѣ частныхъ лицъ, случайно попавшихъ на «Весту» во время этого перехода, мнѣ называли также сотрудника одной петербургской газеты г. Мельникова. Всѣ офицеры отзываются съ величайшей похвалой о мужественной энергіи г. Мельникова во время общей тревоги. Засучивъ рукава по самые локти, онъ все время убиралъ раненыхъ съ палубы и вмѣстѣ съ докторомъ подавалъ имъ первую помощь.»

Пароходъ «Веста,» послѣ славнаго боя съ броненосцемъ, пришелъ, какъ извѣстно, въ Севастополь, гдѣ немедленно было приступлено къ исправленію его поврежденій. 12-го іюля «Веста» вошла въ гавань, а 20-го все было приведено въ порядокъ, такъ что пароходъ уже могъ, по требованію главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, прибыть въ Николаевъ для окончательнаго его

снаряженія, пополненія убыли команды, запасовъ, и проч., чтобы такимъ образомъ съ обновленными силами вновь выйти въ море на новые славные подвиги. 23-го іюля «Веста» вышла изъ Севастополя, а 24-го утромъ вошла въ Бугъ. Главный командиръ остановилъ, какъ пишутъ въ *Николаевскомъ Вѣстникѣ*, «Весту» у своего имѣнія Богдановки, находящагося на Бугѣ, по пути парохода, въ 15 верстахъ отъ Николаева. Произведя подробный смотръ пароходу и командѣ, генералъ-адъютантъ Н. А. Аркасъ, въ самыхъ искреннихъ, задушевныхъ словахъ благодарилъ командира, офицеровъ и команду за ихъ геройское дѣло, за морскую побѣду, одержанную ими надъ несравненно сильнѣйшимъ врагомъ, поздравилъ всѣхъ съ Монаршими милостями и выразилъ увѣренность, что совершенное ими блестящее дѣло есть только начало будущихъ успѣховъ «Весты» и черноморскаго флота въ настоящую войну. Продолжительное восторженное «ура» было отвѣтомъ на эти слова. Н. А. Аркасъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ и команду «Весты» на берегъ, въ свое помѣстье. Тамъ, по выслушаніи въ домовой церкви божественной литургіи и благодарственнаго молебствія, радушный хозяинъ предложилъ откушать хлѣба-соли. Послѣ обѣда команды, устроилась прогулка по саду, и долго веселыя группы матросовъ разгуливали по Богдановкѣ, пока не призвали ихъ на «Весту». Въ числѣ приглашенныхъ къ обѣду находился и англичанинъ, бывшій вице-консулъ въ Севастополѣ, г. Гарсфортъ, поступившій на «Весту» волонтеромъ, по его словамъ затѣмъ, чтобы показать англійскому народу, гдѣ въ настоящую священную войну, предпринятую Русскимъ Императоромъ, должно быть мѣсто истиннаго англичанина.

«Въ тотъ же день «Веста,» при входѣ на Спасскую пристань, была восторженно встрѣчена населеніемъ города Николаева. Начиная съ 4 часовъ пополудни, толпы народа, въ праздничныхъ нарядахъ, со всѣхъ концовъ стремились туда. За ними потянулись безконечные ряды экипажей. Передать воодушевленіе всей этой разнородной массы—невозможно. Только тотъ, кто самъ былъ свидѣтелемъ, можетъ вполнѣ понять и оцѣнить то безконечное, неудержимое чувство, которое вдругъ охватило всѣхъ, какъ только «Веста» показалась изъ за Спасскаго мыска. Команды стоящихъ на рейдѣ судовъ взбѣжали на ванты для привѣтствованія дорогихъ гостей. Съ судовъ и берега раздалось неудержимое «ура!» Въ этомъ могучемъ возгласѣ многотысячной толпы слышался и восторгъ, и гордость, и слезы.... Да, минута была по-истинѣ торжественная; русскій народъ чествовалъ родныхъ героевъ, запечатлѣвшихъ своею кровью любовь къ Престолу и Отечеству.

«Въ 7 съ пол. часовъ «Веста» браво пристала къ пристани и спустила сходню. Въ ту же минуту на нее взошли для привѣтствованія дорогихъ гостей представители отъ моряковъ и гражданъ города Николаева, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ-солью.

«Ветеранъ черноморскаго флота, старѣйшій изъ моряковъ и георгіевскій кавалеръ, адмиралъ М. П. Манганари, растроганнымъ отъ волненія голосомъ произнесъ: «Морская семья поздравляетъ васъ съ славнымъ дѣломъ, воскресившимъ подвигъ брига «Меркурій», и я, какъ очевидецъ и современникъ того дѣла—

это свидѣтельствую. Наша морская семья, твердо увѣренная, что каждый изъ членовъ въ подобномъ случаѣ поступитъ такъ же, какъ поступили вы, посылаетъ вамъ сердечное братское спасибо за честное исполненіе вашего долга предъ Царемъ и Отечествомъ». На это привѣтствіе командиръ «Весты», флигель-адъютантъ Н. М. Барановъ, отвѣтилъ, что онъ, офицеры и команда продолжали только дѣло, завѣщанное имъ ихъ славными предшественниками, черноморскими моряками.

«Городской голова, во главѣ гласныхъ городской Думы и гражданъ, поднеся хлѣбъ-соль, отъ лица всѣхъ поздравилъ героевъ «Весты» слѣдующими словами: «Жители города Николаева, привѣтствуя хлѣбомъ-солью, благодарятъ за геройскій подвигъ васъ, капитанъ, благодарятъ офицеровъ, благодарятъ команду. Мы гордимся вами и надѣемся, что вашъ подвигъ не останется безъ подражанія». Послѣ этого священникъ, о. Гавріилъ Силинъ, произнесъ слѣдующее слово:

«Добро пожаловать, дорогіе, желанные, доблестные наши братья-богатыри!

«Сердечный привѣтъ вамъ, герои, отъ всего града нашего, града, который видѣлъ и Казарскаго, и Грейга, и Лазарева, и Нахимова, и Корнилова, и другихъ витязей славнаго флота нашего.

«Вся Русь гордится вами и благословляетъ васъ; примите же и отъ насъ, ненаглядные наши, искренне, сердечное спасибо за великій подвигъ вашъ: глубокій поклонъ доблести вашей!

«И тебѣ русское спасибо, храбрѣйшій Николай Михайловичъ! Ты возвеличилъ имя русскаго моряка, высоко поднялъ родное знамя, родной флагъ, поклонъ тебѣ и горячій братскій поцѣлуй отъ всего города!»

И сказавъ это, ораторъ заключилъ въ своихъ объятіяхъ командира «Весты». Это братское цѣлованіе послужило сигналомъ общему цѣлованію; снова грянуло «ура», а хоръ морской музыки заигралъ «Боже Царя храни»!

«Но торжество встрѣчи этимъ еще не кончилось. Множество дѣвицъ и дамъ взошли на пароходъ и, поздравляя командира съ геройскимъ дѣломъ, подносили ему букеты, такъ что подъ конецъ командиры и офицеры были положительно осыпаны букетами цвѣтовъ. Такими же букетами были украшены и орудія парохода. Затѣмъ героямъ «Весты» пришлось услышать еще одно поздравленіе,— поздравленіе людей простыхъ, незамѣтно доживающихъ свой вѣкъ въ Николаевѣ, но могущихъ лучше всѣхъ оцѣнить дѣло «Весты». Ихъ поздравляли инвалиды, ветераны Севастополя, георгіевскіе кавалеры, храбрецы, которыхъ пощадили и непріятельскія пули, и время. Старики прослезились, чествуя молодыхъ героевъ, имъ вспомнилось ихъ былое, и молодецкая кровь закипѣла въ жилахъ, изъ старческихъ грудей грянуло «ура!» и командиръ «Весты» былъ поднятъ на «ура» георгіевскими кавалерами... . . . .

«Немногимъ въ жизни выпадаютъ, говоритъ «Николаевскій Вѣстникъ», на долю такія высокоторжественныя минуты... «Честь и слава «Вестѣ» за 11-е іюля 1877 года»! повторимъ мы слова, которыми была украшена тріумфальная арка, перекинутая черезъ пристань. . . . .

«И долго еще послѣ того раздавались звуки оркестровъ морской музыки;

массы народа всходили на «Весту»: всякому хотѣлось увидѣть собственными глазами то мѣсто, гдѣ русскій морякъ умѣлъ честно драться, умирать и выйти побѣдителемъ изъ неравнаго боя съ безусловно сильнѣйшимъ врагомъ.

«Командиру, офицерамъ и командѣ парохода «Веста» былъ предложенъ, какъ сообщаютъ въ той же газетѣ, отъ всѣхъ сословій Николаева, обѣдъ, назначенный на 27-е іюля, но командиръ, офицеры и команда, поблагодаривъ за честь, просили назначенныя на это деньги употребить на какое нибудь благотворительное дѣло».

Генералъ-лейтенантъ И. С. Ганецкій.

(Біографія.)

Командиръ гренадерскаго корпуса и членъ комитета о раненыхъ, генералъ-лейтенантъ Иванъ Степановичъ Ганецкій 1-й родился въ 1810 году. Будучи потомственнымъ дворяниномъ онъ былъ отданъ на воспитаніе въ 1-й кадетскій корпусъ.

Въ 1828 году Иванъ Степановичъ въ чинѣ прапорщика поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ; въ 1831 г. онъ произведенъ въ подпоручики; въ 1833 году въ поручики; въ 1836 г. принималъ участіе въ походахъ противъ горцевъ, находясь сперва подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго,—послѣ генералъ-лейтенанта Вельяминова. Здѣсь онъ участвовалъ въ разныхъ перестрѣлкахъ, при истребленіи ауловъ и др. дѣлахъ, за что, кромѣ ордена, получилъ право на ношеніе креста въ память покоренія Кавказа.

Въ 1838 г. Ганецкій назначенъ ротнымъ командиромъ и произведенъ въ штабсъ-капитаны; въ 1841 г. въ капитаны; въ 1847 г. находился исправляющимъ должность младшаго штабсъ-офицера лейбъ-гвардіи въ волынскомъ полку, потомъ въ лейбъ-гвардіи измайловскомъ полку и наконецъ, въ лейбъ-гвардіи финляндскомъ полку; въ 1848 г. утвержденъ командиромъ втораго батальона послѣдняго полка, получивъ за 3 мѣсяца передъ тѣмъ чинъ полковника, а въ 1849 г. командиромъ 1-го батальона того же полка.

Съ 15-го мая по 1 ноября 1849 года, Иванъ Степановичъ участвовалъ въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи, по случаю войны съ Венгріей. Къ 1854 году, онъ командовалъ четвертымъ запаснымъ батальономъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго резервнаго полка, формировавшимся тогда въ Москвѣ и отправленнымъ, по сформированіи, къ полку; послѣ чего полковникъ Ганецкій былъ перечисленъ въ пятый запасный батальонъ, а чрезъ три мѣсяца назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго резервнаго полка. Въ слѣдующемъ году, оставаясь при сказанномъ полку въ томъ же званіи, онъ былъ за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры, съ утвержденіемъ въ должности командира 4-й гвардейской пѣхотной бригады. Впродолженіи 1854 и 1855 годовъ, онъ находился съ С.-Петербургской и Выборской губерніяхъ, въ числѣ войскъ охранявшихъ берега Россіи отъ непріятельскихъ нападеній.

Съ 1856 года Иванъ Степановичъ состоялъ по іюнь 1863 года, командиромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго дѣйствующаго полка; занимая этотъ постъ, онъ принималъ дѣятельные участіе въ усмирѣніи польскаго мятежа, находясь въ первой половинѣ 1863 года, въ составѣ войскъ виленскаго военнаго округа. Важнѣйшими дѣлами, въ которыхъ онъ отличался, можно назвать: Рѣшительное пораженіе, нанесенное въ Ковенской губерніи, при Мейдекѣ, соединеннымъ скопищамъ Сѣраковскаго и Кольника и дѣла при Гавшикахъ, Гудишкахъ и Шиурришкахъ.

Въ 1863 году Иванъ Степановичъ за отличіе противъ поляковъ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ нѣсколькими орденами. Тутже получилъ онъ должность начальника 3-й пѣхотной дивизіи. Какъ въ особенную награду ему дозволено было носить мундиръ лейбъ-гвардіи Финлянскаго полка, съ котораго началъ онъ свое дѣятельное военное поприще.

Въ 1876 г. онъ назначенъ былъ членомъ комитета о раненыхъ, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, а въ 1877 году утвержденъ командиромъ гренадерскаго корпуса.

За блестящій подвигъ *), совершенный подъ Плевною, 28 ноября 1877 г., подъ его непосредственнымъ руководствомъ, войсками гренадерскаго корпуса, онъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Тотъ же орденъ 4-й степени былъ пожаловалъ ему въ 1852 году, за 25 лѣтъ службы.

Иванъ Степановичъ кавалеръ слѣдующихъ орденовъ:

Святой Анны 3-й степени съ мечами, Св. Станислава 2-й степени, съ Императорской короной; св. Станислава 1-й степени; Св. Анны 1 степени съ Императорскою короной и мечами надъ орденомъ; св. Владиміра 3-й и 4-й степеней, и тогоже ордена 2-й степени съ мечами; бѣлаго орла; св. Александра Невскаго съ алмазными знаками къ этому ордену. Кромѣ того онъ имѣетъ крестъ въ память покоренія Кавказа. Наконецъ, у него есть знакъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ; табакерка съ портретомъ Его Величества и бронзовыя медали: одна въ память войны 1853—1856 годовъ, а другая за усмиреніе польскаго мятежа въ 1863—1864 годахъ.

Иванъ Дмитріевичъ Оклобжіо.

(Біографія.)

Мы уже имѣли удовольствіе читать о трудахъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, постараемся передать о немъ болѣе подробно, какъ о личности, котораго военныя успѣхи 1877 и 1878 года слишкомъ рельефны и важны.

Генералъ-лейтанантъ Иванъ Дмитріевичъ Оклобжіо родился въ Австріи, гдѣ и получилъ первоначальное военное образованіе и тамъ же вступилъ на военное поприще. Окончилъ курсъ въ лицеѣ въ Зарѣ на философскомъ факультетѣ а потомъ

*) О которомъ будетъ упомянуто.

въ Падуѣ въ университетѣ, изъ котораго вышелъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ по юридическому факультету. По увольненіи изъ австрійской службы, Ив. Дм. Оклобжіо Высочайшимъ приказамъ 14 декабря 1846 года былъ опредѣленъ въ русскую службу подпоручикомъ въ егерскій генералъ-лейтенанта князя Воронцова полкъ, находившійся тогда на Кавказѣ.

Съ тѣхъ поръ И. Д. Оклобжіо почти не оставлялъ военной службы въ кавказскомъ и закавказскомъ краяхъ.

Съ первыхъ же дней пребыванія своего на Кавказѣ И. Д. обратилъ на себя вниманіе на Кавказѣ своихъ товарищей и ближайшаго начальства той храбростью, которая долго помнится и которая обнаружилась лично въ дѣлахъ съ чеченцами.

Такъ 27 февраля 1847 года въ знаменитомъ дѣлѣ гарнизона укрѣпленія Воздвиженскаго съ сильной непріятельской партіей, внезапно напавшей на аулы Атагинскій и Чахъ-Кирлскій, подпоручикъ Оклобжіо все время находился во главѣ отряда подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ и единственно, благодаря его личной храбрости и воодушевленію, въ нѣсколько разъ сильнѣшій непріятель былъ разбитъ на голову и обращенъ въ бѣгство, оставивъ на полѣ битвы массу труповъ.

Нѣсколько дней спустя, 6 марта 1847 года, И. Д. Оклобжіо участвовалъ въ набѣгѣ полковника барона Меллеръ-Закомельскаго на непріятельскій аулъ Найба Дубы, а также въ совершенномъ истребленіи этого аула и въ удачномъ истребленіи чеченцевъ, напавшихъ огромными массами на отрядъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, при слѣдованіи его съ военными и продовольственными запасами изъ крѣпости Грозной въ Закалъ-Юрту и далѣе къ Казакъ-Кичу. 1852 годъ ознаменованъ былъ для И. Д. Оклобжіо полученіемъ самой высокой военной награды—ордена св. Георгія 4-й степени, который данъ былъ въ награду отличнаго мужества и храбрости, оказанной при взятіи съ боя чеченскаго аула Найба Топика, при истребленіи этого аула и взятіи двухъ непріятельскихъ орудій. Вь 1854 г., послѣ переправы черезъ Прутъ, И. Д. Оклобжіо находился при осадѣ крѣпости Силистріи и участвовалъ въ рекогносцировкѣ, произведенной подъ начальствомъ начальника штаба, бывшаго 5-го пѣхотнаго корпуса генералъ-маіора Непокойчицкаго.

И. Д. Оклобжіо командовалъ постепенно ротой, батальономъ, полкомъ, бригадой, дивизіей. Нѣсколько разъ былъ раненъ, контуженъ и притомъ весьма опасно. Первый разъ Иванъ Дмитріевичь получилъ двѣ ружейныя раны въ сраженіяхъ съ горцами, а въ 1853 году, 2 ноября, въ дѣлѣ на турецкой границѣ въ селѣ Баяндурѣ, контуженъ ядромъ въ поясницу, причемъ послѣдствіемъ было затрудненіе какъ поясницы такъ и ногъ. Въ этомъ же самомъ дѣлѣ генералъ Оклобжіо былъ контуженъ ядромъ въ правую ушную сторону головы, послѣдствіемъ чего была совершенная потеря слуха этимъ ухомъ и сильныя головныя боли. На основаніи этого, Высочайше разрѣшено Ивану Дмитріевичу для облегченія болѣзненныхъ припадковъ, происходящихъ отъ контузіи въ голову, носить на службѣ постоянно вмѣсто кивера или каски обыкновенную фуражку.

Ѳ. Ѳ. Радецкій.

(Біографія).

Генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій получилъ высшее образованіе въ офицерскихъ классахъ инженернаго училища и въ Императорской военной Академіи. Онъ по праву принадлежитъ къ лучшимъ представителямъ нашего военнаго ученаго сословія; но съ этимъ вмѣстѣ онъ соединяетъ всѣ качества лучшаго боеваго генерала русской арміи. У многихъ въ памяти цѣлый рядъ боевыхъ отличій Ѳедора Ѳедоровича въ дѣлахъ противъ горцевъ съ 1843 г. по 1847 г., во время Венгерской компаніи въ 1849 и 1850 годахъ, затѣмъ вновь на Кавказѣ съ 1851 по 1862 годъ. Рядъ успѣховъ его военной дѣятельности краснорѣчиво говоритъ за генерала Радецкаго, что онъ большую часть своей долговременной службы провелъ въ походахъ и зарекомендовалъ себя въ этомъ отношеніи. Переправа 15 іюня при Зимницѣ тоже прибавила лишнюю страницу къ исторіи его военныхъ заслугъ.

Отрядъ Гурко въ Балканахъ.

Вступленіе Гурко въ Казанлыкъ.—Депутація.—Монастырь, гдѣ назначенъ уходъ за ранеными.—Поѣздка къ Шипкинскому проходу.—Успѣхи въ Шипкѣ.—Обманъ при помощи бѣлаго флага.—Грустная картина турецкаго звѣрства.—Трудности, которыя преодолѣли наши.

Ранѣе было сказано о томъ что генералъ Гурко занялъ Казанлыкъ и вступилъ въ него.

У самаго въѣзда въ городъ русскихъ встрѣтили стрѣлки и командиръ ихъ, полковникъ Бажановъ, поздравилъ начальника отряда со взятіемъ орудій.

Маленькія пушки выглядывали самымъ невиннымъ образомъ; замки ихъ турки успѣли забросить, но наши послѣ ихъ нашли. Невдалекѣ отъ захваченныхъ горныхъ орудій, подъ деревьями, толпились взятые въ плѣнъ офицеры и солдаты. Одинъ капитанъ ихъ, смуглый брюнетъ, имѣлъ двѣ раны; но прежде, чѣмъ мы успѣли подъѣхать къ нимъ, къ генералу приблизилась депутація отъ обывателей турокъ; впереди были мулла и какой-то зажиточный обыватель; они объяснили генералу, что покоряются его власти, что готовы положить оружіе и просятъ его только обезпечить за ними жизнь и имущество.

Отрядный начальникъ приказалъ перевести имъ, что ихъ жизнь и имущество ихъ будутъ вполнѣ безопасны, но что, если они не представятъ оружіе и, если противъ солдатъ будетъ сдѣланъ хоть одинъ выстрѣлъ, то онъ прикажетъ сжечь весь турецкій кварталъ. Это энергичное привѣтствіе вызвало у турокъ цѣлый

рядъ протестующихъ криковъ и жестовъ, но мы уже не слушали ихъ и направились къ плѣннымъ; нѣкоторые встали, другіе сидѣли. Тутъ были и турки изъ Константинополя и анатолійцы, и негры; они были совершенно спокойны, а нѣкоторые глядѣли даже весело.

Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ плѣннымъ офицерамъ, генералъ направился на городскую площадь; улицы были пусты, ставни домовъ заколочены и ни одного любопытнаго лица не выглядывало въ окна, все было тихо и мрачно. Въ одномъ мѣстѣ стояла группа турокъ; они боязливо стаскивали съ головъ свои чалмы и тупо глядѣли намъ вслѣдъ. Улица была кривая и узенькая, выдающіяся крыши почти сходились надъ нашими головами, а въ иныхъ мѣстахъ съ одной крыши на другую были переброшены тонкіе брусья и густо разросшійся виноградъ лежалъ на нихъ живописною сѣнью. У самаго почти выхода на площадь насъ встрѣтила болгарская депутація со священниками и хоругвями впереди. Старшій священникъ привѣтствовалъ генерала Гурко небольшою рѣчью, которую началъ текстомъ «Благословенъ еси грядый во имя Господне». Послѣ привѣтствія отслужили тутъ же краткій молебенъ, который мы выслушали не слѣзая съ лошадей, и затѣмъ наше движеніе продолжалось почти безостановочно до самаго женскаго монастыря, назначеннаго для помѣщенія нашихъ раненыхъ. Турецкихъ раненыхъ сдали турецкимъ врачамъ, которые помѣстились въ турецкомъ военномъ госпиталѣ. Жители были гораздо сдержаннѣе, чѣмъ въ Тырновѣ, хотя радость была общая. Правда, многіе подходили къ лошадямъ, цѣловали руки, подносили вино, цвѣты и фрукты, но въ общемъ это былъ далеко не тотъ восторгъ, какъ въ Тырновѣ. За то впослѣдствіи казанлыкскіе болгары оказали намъ столько радушія и вели себя такъ хорошо, что заставляютъ насъ примиряться съ излишествами, встрѣченными нами въ Тырновѣ и другихъ городахъ. Они не только не грабили своихъ турецкихъ сообывателей, но даже хлопотали за нихъ предъ отряднымъ начальникомъ, прося, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Вооружившись ружьями, отобранными у турокъ, болгары партіями отправлялись въ горы и постоянно приводили плѣнныхъ изъ разбѣжавшагося съ шипкинскаго перевала отряда. Когда я спросилъ одного болгарина, много ли турокъ доходятъ до насъ живыми, то онъ серьезно сталъ возражать противъ моего подозрѣнія, говоря, что они не хотятъ бить турокъ, а приводятъ ихъ живыми потому, что знаютъ, какъ будутъ кричать противъ нихъ въ Европѣ за истребленіе турецкихъ солдатъ.

— Царь ручался за насъ передъ Европой, что мы добрые болгары, прибавилъ онъ подъ конецъ, что турки злые; а если мы будемъ убивать турокъ, то поступимъ не такъ, какъ сказалъ Царь.

Въ монастырѣ мы зашли въ прохладную церковь, гдѣ слушали молебенъ, а затѣмъ игуменья пригласила насъ закусить. Около церковной стѣны, въ тѣни, разостлали намъ ковры и стали угощать различными сластями. Какъ ни вкусна была вода съ вишневымъ морсомъ, какъ ни пріятно было розовое варенье, но у насъ со вчерашняго вечера не было во рту ни кусочка, и необходимо было что-нибудь посущественнѣе; но добрыя сестры, ухаживающія теперь за нашими

ранеными съ истинно материнскою заботливостью, не имѣли ничего въ запасѣ, а дожидаться намъ было некогда. Еще Балканы были заперты; еще нужно было отперетъ замокъ ихъ стрѣлковыми штыками, чтобы завладѣть для насъ безопаснымъ положеніемъ, а для русской арміи свободными воротами.

Самымъ пріятнымъ для насъ угощеніемъ были великолѣпныя вишни; которыя мы ѣли въ первый разъ. Еще во время дѣла, когда уже въ результатѣ его нельзя было сомнѣваться, мы случайно напали на великолѣпные кусты вишень. Жара была страшная, и мы принялись за нихъ съ азартомъ. Выстрѣлы трещали въ цѣпи, но намъ уже было не до нихъ; темныя крупныя вишни манили насъ съ такой силой, что просто нельзя было оторваться. Рядомъ росли великолѣпные абрикосы, совсѣмъ спѣлые, но вишни одержали надъ ними побѣду Не довольствуясь тѣмъ, что самъ наѣлся, я наполнилъ ими цѣлый футляръ отъ бинокля, осиротѣвшій послѣ дѣла при Уфлани, и бывшіе около генерала офицеры расхватали ихъ въ одну минуту.

Почти на рысяхъ двинулись мы отъ монастыря къ деревнѣ Шипкѣ; пѣхота осталась въ резервѣ и впередъ направили только кавалерію. Турки и не думали останавливаться у подножія Балканъ. Они быстро очистили Шипку и поднялись наверхъ, бросивъ и лагерь, и запасы, и цѣлую массу снарядовъ и сухарей.

По плану нашей экспедиціи мы должны были 5-го числа быть у выхода изъ Шипкинскаго прохода, и ровно въ 3 часа нашъ отрядъ занялъ и деревню Шипку, и брошенный турками лагерь.

Оригинальнымъ подаркомъ былъ намъ этотъ прекрасный лагерь. Обтрепанные, оборванные и голодные, на обезноженныхъ, исхудалыхъ лошадяхъ, мы получаемъ вдругъ прекрасныя палатки, большой запасъ провизіи, одѣялъ и снарядовъ и не можемъ пользоваться ими, такъ какъ перевозить все это не на чемъ, а одну ночь побаловать себя не стоитъ. И стоялъ себѣ этотъ лагерь, кажется, седьмой по счету изъ взятыхъ нашимъ отрядомъ пустымъ, а мы и солдаты по прежнему спали на землѣ подъ открытымъ небомъ. Невесело было и туркамъ. Со стороны отъ Габрова ихъ аттаковалъ Орловскій пѣхотный полкъ. Мы слышалы ихъ выстрѣлы, но не могли подняться имъ на помощь, такъ какъ люди наши были измучены у стрѣлковъ же отъ семидневнаго шатанія по горамъ истрепалась совершенно обувь и распухли подошвы. У нѣкоторыхъ даже образовались на подошвахъ нарывы.

Дѣлать нечего, пришлось только прислушиваться къ трещавшей за горами перестрѣлкѣ; но необходимо все-таки было дать знать орловцамъ о нашемъ прибытіи, такъ какъ это для нихъ было очень важно. Турки у насъ на виду спускались съ вершины Шипкинскаго перевала, мы ясно видѣли ихъ повозки и цѣлыя толпы солдатъ, но горная дорога имѣла по крайней мѣрѣ верстъ пять и пришлось только глядѣть на нихъ. Тогда генералъ Гурко распорядился вызвать на позицію 6 орудій конной баттареи и приказалъ имъ для сигнала дать шесть выстрѣловъ по одиночкѣ и одинъ залпъ. Приказаніе было исполнено но къ несчастью, мы безполезно потеряли 12 зарядовъ, ибо пришлось стрѣлять въ сторону, такъ какъ до турокъ наши снаряды достать все равно не могли и

могла пострадать только наша же Шипка, расположенная, какъ разъ у подножья занятой турками горы, а Орловцы все равно сигнала нашего не поняли, такъ какъ ихъ офицеровъ не озаботились познакомить съ положеніемъ дѣлъ и съ цѣлью ихъ аттаки.

Немного спустя послѣ нашихъ сигнальныхъ выстрѣловъ, перестрѣлка за горами стала стихать, спускавшiеся по Шипкинскому шоссе турки понемногу поднялись къ своему лагерю на вершинѣ и мы поняли, что наши за горой потерпѣли неудачу. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. По разсказамъ орловскихъ офицеровъ, ихъ полкъ занялъ такую растянутую позицію, что пришлось аттаковать почти неприступныя позиціи частями въ двѣ, или три роты. Двѣ роты нарвались такимъ образомъ на всѣ шесть таборовъ, засѣвшихъ въ неприступныхъ позиціяхъ, и болѣе половины солдатъ легло на мѣстѣ; изъ 6 офицеровъ вернулся только одинъ. Неподдержанные ни откуда, эти ничтожныя штурмовыя колонны должны были, разумѣется, отступить съ большими потерями.

Хотя мы и думали, что на другой сторонѣ потерпѣли неудачу, но это насъ нисколько не смущало; намъ такъ хорошо удавалось до сихъ поръ все, что, мы ни предпринимали, что мы были вполнѣ увѣрены, что не позже завтрашняго утра турки сдадутся, и разсчитывали даже во сколько часовъ мы можемъ вернуться въ Казанлыкъ, отстоявшій отъ насъ всего на десять верстъ, гдѣ ожидали насъ и радушный пріемъ, и сытный обѣдъ, и свѣжая постель. Утѣшая себя этой перспективой, мы улеглись на землѣ и проспали ночь отлично. Между тѣмъ отправили болгаръ съ извѣстіемъ о нашемъ прибытіи въ Габровскій отрядъ; они должны были пробраться къ генералу князю Святополкъ-Мирскому и привезти отъ него отвѣтъ. Князя извѣщали, что утромъ аттакуютъ турокъ со стороны Казанлыка.

Настало утро, болгары наши не явились еще обратно и генералъ Гурко, предполагая, что о нашемъ прибытіи уже должно быть извѣстно по ту сторону, распорядился аттакой Шипкинскихъ высотъ.

Прямо по шоссе на Шипкинскій перевалъ были посланы пластуны, а направо, обходомъ по тропинкамъ, указаннымъ болгарами, выступили въ $8^1/_2$ часовъ утра 13-й и 15-й стрѣлковые баталіоны подъ командой старшаго полковника Климонтовича, командира 15-го батальона. Къ этому отряду прикомандировался прусскій военный агентъ маіоръ Лигницъ и состоящій въ распоряженіи генерала Гурко полковникъ, баронъ Пиллеръ-фонъ-Пильхау.

Отряду полковника Климонтовича приходилось подыматься на высоты почти въ пять тысячъ футовъ; дорога была убійственная, на каждомъ шагу попадались крутые подъемы и спуски по грудамъ камней, солдаты съ трудомъ карабкались по козьимъ тропинкамъ и должны были гуськомъ пробираться по сплошному непролазному терновнику. Прибавьте къ этому страшную жару, которая на горахъ еще невыносимѣе, и вы поймете, сколько труда приняли молодцы стрѣлки, чтобы исполнить возложенное на нихъ порученіе. Въ 11 часовъ, оба батальона взобрались на высоты, незамѣченные непріятелемъ. Тотчасъ же разослали въ разныя стороны патрули, и батальоны начали перестраиваться въ боевой порядокъ.

Не успѣли еще сдѣлать нужныхъ построеній, какъ изъ непріятельской линіи данъ былъ выстрѣлъ. Медлить было нельзя, а потому полковникъ Климонтовичъ, развернувъ цѣпь изъ 2 ротъ 13-го и 2 ротъ 15 батальона, а остальныя оставивъ въ резервѣ, двинулся впередъ и достигъ вершины горы. Тутъ только стрѣлки увидѣли турокъ; они поспѣшно строились на слѣдующей горѣ, отстоявшей отъ занятой стрѣлками на два ружейныхъ выстрѣла. Позиція стрѣлковъ командовала, правда, турецкою, но для насъ это было безразлично, такъ какъ безъ орудій наши не могли имъ ничего сдѣлать. Поэтому полковникъ Климонтовичъ спустилъ свою цѣпь и стрѣлки быстро начали подниматься на турецкія позиціи. Съ 1,000 шаговъ уже турки начали стрѣлять въ нихъ залпами, но стрѣлковъ—по крайней мѣрѣ нашего отряда—этимъ не остановишь. Они лѣзли впередъ и съ 800 шаговъ сами открыли рѣдкій огонь. Если гдѣ цѣпь и заминалась, останавливаясь передъ адскими залпами, то офицеры умѣли подбодрить своихъ солдатъ.

— Иди впередъ, я даю честное слово, что не убьютъ, крикнулъ капитанъ Непельстремъ замявшимся стрѣлкамъ и они лѣзли впередъ, точно слово командира гарантировало ихъ отъ пули.

За 600 шаговъ турки вдругъ прекратили огонь, замахали фесками и выставили бѣлый флагъ.

Климонтовичъ, уважая бѣлый флагъ, приказалъ остановить вездѣ огонь и выслалъ парламентеромъ маіора Солянку съ однимъ стрѣлкомъ. Къ нимъ присоединился и прусскій военный агентъ маіоръ Лигницъ. Отъ турокъ спустился тоже парламентеръ и передалъ, что они желаютъ сдаться. Переговоры тянулись съ четверть часа; турецкій парламентеръ возвратился къ своимъ, маіоръ Солянка доложилъ полковнику Климонтовичу о сдачѣ непріятеля и вышелъ снова, чтобы окончить дѣло, какъ вдругъ по знаку бѣлаго флага и по сигналу наступленія—турки дали залпъ по нашимъ и снова затрещала перестрѣлка.

Возмущенные такою подлостью, стрѣлки, какъ бѣшенные, рванулись впередъ и черезъ минуту на мѣстѣ небольшаго каменнаго укрѣпленія валялось только нѣсколько десятковъ труповъ—остальные бѣжали безъ оглядки въ лагерь, гдѣ, подкрѣпленные новыми силами, они и засѣли въ небольшомъ укрѣпленіи.

Стрѣлки, держась своей обычной тактики—ломить впередъ и не давать опомниться, бросились на лагерь въ штыки. Молодецкое «ура» пронеслось по склону, раздѣлявшему ихъ отъ лагеря, штыки заработали въ волю и турки, выбитые изъ лагеря, поспѣшно отступили въ другой лагерь, отстоявшій отъ перваго на полверсты. Въ это время отрядъ нашъ понесъ незамѣнимую потерю. Командиръ его, полковникъ Климонтовичъ, смертельно раненый въ грудь пулею, палъ около самаго укрѣпленія. Этотъ отважный человѣкъ еще очень недавно принялъ 13-й стрѣлковый батальонъ, но уже въ это короткое время онъ успѣлъ завоевать себѣ общую симпатію какъ мужествомъ, такъ и прекраснымъ характеромъ; даже остальные три батальона считали эту потерю незамѣнимою и горько сожалѣли о мужественномъ командирѣ и прекрасномъ человѣкѣ.

Турки засѣли въ своемъ второмъ лагерѣ; сзади ихъ высилась вершина Шипкинскаго перевала, вся изрѣзанная ложементами и увѣнчанная баттареей. Въ это

время наши пластуны показались недалеко отъ лѣваго фланга стрѣлковой цѣпи и оставалось сдѣлать послѣднее усиліе... Но... силы стрѣлковъ надорвались.

Турки, собравшись въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, въ количествѣ около 5,000 человѣкъ, открыли по нашимъ убійственный огонь изъ ружей и орудій, которыхъ у нихъ было болѣе 10-ти. Ихъ сомкнутыя части, ставъ по гребню, начали угощать страшными залпами. Пластуны, обойденные съ фланга, стали отступапать, стрѣлки еще держались, но не долго. Еще нѣсколько смертельныхъ залповъ и наша цѣпь подалась назадъ. Тройной ярусъ ложементовъ осыпалъ ихъ цѣлымъ градомъ пуль. 5,000 ружей и 10 орудій изрыгали свинецъ и чугунъ противъ горсти храбрецовъ, засѣвшихъ по склону. Добраться до турокъ не было никакой возможности. Страшная усталость одолѣвала солдатъ съ 8½ часовъ, они карабкались по горамъ, продирались черезъ терновый кустарникъ и были безостановочно въ бою; требовались нечеловѣческія усилія, чтобъ еще вскарабкаться на утесы, защищаемые 5,000 турокъ и 10-ю орудіями. Стрѣлки отступили.

Мы слѣдили за дѣломъ съ высоты большаго насыпнаго кургана, вѣроятно, могилы убитыхъ какого-нибудь древняго побоища, но намъ было видно очень немного. Все движеніе пластуновъ, постепенно подымавшихся вверхъ, ихъ выстрѣлы, движеніе ихъ цѣпи, залегшей почти у вершины горы, мы могли прослѣдить шагъ за шагомъ; движенія же стрѣлковъ въ большинствѣ случаевъ скрывались отъ насъ горою, такъ какъ они наступали изъ за горы. Только когда они аттаковали первый лагерь, мы могли слѣдить за движеніемъ ихъ цѣпи. Объ остальномъ мы должны были только догадываться.

Признаюсь, слѣдить за дѣломъ, не участвуя въ немъ—ужасно. Всѣ бинокл направлены на два лагеря, бѣлѣющіеся на вершинѣ, глаза болятъ, стекла туманятся, а оторваться не можешь. Страшный, захватывающій интересъ дѣла приковываетъ вниманіе. Каждый дымокъ, каждое движеніе, каждый пушечный выстрѣлъ даютъ пищу догадкамъ и предположеніямъ. Вотъ по гребню показались отступающіе ко второму лагерю люди. Кто это, турки, или наши наступаютъ?

— Разумѣется, это бѣгутъ турки.

— Ну, пожалуй, что и нѣтъ.

— Да смотрите, ради Бога, какъ поспѣшно стали спускаться ихъ повозки по шоссе.

— А вотъ цѣлая толпа ихъ спускается къ низу.

— Это наши пластуны отступаютъ.

— Ахъ, отстаньте пожалуйста, пластуны перемѣнили только фронтъ, чтобы лучше стрѣлять по бѣгущимъ; смотрите, турки даже не обращаютъ на нихъ вниманія и бѣгутъ, не отвѣчая даже на ихъ выстрѣлы.

— Нѣтъ, это скорѣе отступленіе.

— Вотъ бы, теперь, на помощь пластунамъ хоть двѣ стрѣлковыхъ роты на подмогу, и они (т. е. турки) сдались бы.

Дѣйствительно, это былъ рѣшительный моментъ боя. Весь гребень скалистой вершины Шипкинскаго перевала покрылся вдругъ турками, какъ щетиной; они

очевидно, отступали, ружейные и пушечные выстрѣлы трещали безостановочно, и ясно было, что заварилась самая горячая схватка. Сердце у меня, признаюсь, билось сильно, я мысленно слалъ страстныя пожеланія успѣха тѣмъ, которыхъ я не видѣлъ, но каждое движеніе ихъ чувствовалъ всѣми моими нервами. Я не отводилъ уже бинокля отъ глазъ, болѣвшихъ отъ напряженнаго смотрѣнія и всякое движеніе нашихъ казалось мнѣ несомнѣннымъ успѣхомъ. Замѣчанія противнаго свойства положительно раздражали меня и я, обыкновенно хладнокровный, едва сдерживался отъ рѣзкаго возраженія. Вотъ пластуны, лежавшіе до тѣхъ поръ спокойно, вдругъ сорвались и стали поспѣшно спускаться, перемѣнивъ фронтъ и отстрѣливаясь по двигавшимся по гребню туркамъ.

— Положительно, наши отступаютъ, каркнулъ кто-то возлѣ меня и я едва удержался, чтобы не отвѣтить бранью.

Вдругъ доложили генералу о посланномъ изъ отряда.

Прибылъ унтеръ офицеръ, который разсказалъ объ успѣхѣ нашего перваго движенія и передалъ просьбу Климентовича о подкрѣпленіи, такъ какъ уже и резервы были пущены въ дѣло.

Генералъ разспросилъ стрѣлка о ходѣ дѣла и получилъ самые обстоятельные отвѣты. Когда его спросили, много-ли стрѣлки истратили патроновъ, то онъ отвѣтилъ, что стрѣляли мало, а больше выбивали штыками.

Генералъ приказалъ ему открыть патронную суму: въ ней оказались почти всѣ патроны цѣлыми, израсходовано было только три.

Черезъ минуту явился другой посланный, а затѣмъ пріѣхалъ и полковникъ Пихлеръ-фонъ Пильхау; онъ сидѣлъ уже на другой лошади: первая была убита и эта вторая ранена.

По французски объяснилъ онъ отрядному начальнику о невозможности взять послѣднія позиціи турокъ и объ отступленіи отряда.

— Что дѣлали стрѣлки, такъ это невѣроятно, говорилъ онъ, разсказывая о геройской аттакѣ шипкинскаго перевала,—это какіе-то орлы!... Адскій огонь, настоящій градъ пуль, выстрѣлы сверху почти въ упоръ—ничто ихъ не останавливало, лѣзутъ вверхъ, словно заколдованные! Я никогда не видалъ ничего подобнаго. Потери у насъ большія: Климентовичъ убитъ, Шепелевъ убитъ, Лигница я потерялъ изъ виду, онъ былъ въ цѣпи, и, кажется, попался въ плѣнъ. Мы съ грустью слушали нерадостный разсказъ барона; у меня положительно сдавило въ груди. За это короткое время, которое я провелъ съ отрядомъ, я до такой степени сжился съ боевыми товарищами, что каждая потеря отзывалась очень больно, а тутъ еще тяготила неизвѣстность; кто вернется? сколько раненыхъ? Что съ этимъ, какъ отдѣлался тотъ?... всѣ эти вопросы заставляли сжиматься сердце.

— Если бы хоть немного резерву еще, и мы выбили бы его непремѣнно изъ послѣдней позиціи... оборвалъ свой разсказъ Пильхау...

Мнѣ досадно стало за излишнюю самонадѣянность, съ которою бросили какихъ нибудь полторы тысячи стрѣлковъ противъ шести таборовъ, засѣвшихъ

въ неприступныхъ позиціяхъ,—я взглянулъ на окружавшихъ, и мнѣ показалось, что у всѣхъ была одна и та же мысль.

Скоро на склонѣ горы показались разрозненныя группы отступавшихъ безъ выстрѣла стрѣлковъ; они сползали внизъ партіями и по одиночкѣ. Спустившись въ деревню, они собирались и направлялись въ лагерь. Генералъ тотчасъ же послалъ болгарскую дружину для собиранія раненыхъ и ихъ по немногу стали подносить къ перевязочному пункту. Въ это же время стали подходить пластуны и вѣсть о томъ, что командиръ ихъ, эсаулъ Боштанникъ, убитъ, облетѣла мигомъ весь лагерь. Раненые были главныхъ образомъ утомлены, и съ жадностію набрасывались на воду и на хлѣбъ. Болгарки изъ д. Шипка цѣлыми толпами сбѣжались помогать нашимъ докторамъ таскали воду, приносили ѣду и вино; въ деревнѣ тоже кормили голодныхъ стрѣлковъ. Наконецъ подошли стрѣлки. Мы бросились къ нимъ на встрѣчу. Они шли молча и на лицахъ была написана боязнь, что ими остались недовольны товарищи; но должно быть наши лица были очень краснорѣчивы, такъ какъ они скоро оправились отъ смущенія и заговорили.

— Просто ничего нельзя было подѣлать, какъ есть голая стѣна.

— А и стрѣляли же—страсть просто.

— Кабы резерву немного...

— Жарко было...

— Ничего, не вѣшай носа, ребята, ужь намъ разсказывали какъ дрались, не пройдетъ имъ даромъ, отвѣчали стрѣлкамъ.

— Да мы, ваше благородіе, говорили офицерамъ, что турку вѣрить нельзя, что онъ флагомъ обманываетъ, ну оно такъ и вышло.

— Эхъ кабы хушъ колько-нибудь помочи...

Въ это время подъѣхалъ генералъ Гурко и поздоровался съ солдатами.

— Здорово, молодцы стрѣлки! Спасибо за службу! Что жъ,—не всегда бываетъ удача, нечего унывать, крикнулъ онъ громкимъ голосомъ и стрѣлки ожили.

Раненыхъ набиралось все больше и больше; къ ночи ихъ набралось болѣе семидесяти человѣкъ, между которыми былъ одинъ офицеръ—поручикъ Чекановъ.

Но еще болгары не возвращались и по дорогѣ изъ деревни подносили все новыхъ.

Я направился въ лагерь конныхъ піонеровъ, гдѣ приготовили ужинъ. По дорогѣ мнѣ попалось четверо солдатъ, которые несли раненаго стрѣлка Тихонова.

— Ваше благородіе! окликнулъ онъ меня, вы, кажется, вѣдь при насъ состоите, скажите, ради Бога, цѣло-ли наше знамя?

— Успокойся, цѣло, цѣло!

Тихоновъ перекрестился, и его понесли дальше.

Мы собрались вшестеромъ у капитана Альбертова. У него была разбита турецкая палатка и готовился шашлыкъ. Разговоръ, разумѣется, вертѣлся не неудачѣ и на подломъ вѣроломствѣ турокъ. Потеря слишкомъ полутораста храбрыхъ стрѣлковъ раздражила всѣхъ такъ, что у самыхъ мягкихъ кипѣло сердце и исчезла всякая жалость къ туркамъ.

— Ну поплатятся же они!..

— Дураки! все равно завтра сдадутся!

— Нечего ихъ теперь щадить, подлецовъ!

Около палатки сидѣлъ плѣнный каймакамъ; надъ нимъ тяготѣли самыя страшныя обвиненія, болгары увѣряли, что когда онъ былъ каймакамомъ въ Базарджикѣ, то совершалъ самыя страшныя жестокости, собственноручно отсѣкалъ головы христіанамъ и былъ виновникомъ убійствъ въ Батакѣ. Передъ нимъ въ Казанлыкѣ былъ каймакамомъ очень добрый турокъ, но его замѣнили этимъ уже шесть мѣсяцевъ тому назадъ.

Во время движенія нашего въ Казанлыку, его передали въ отрядъ конно-піонеровъ и онъ надоѣлъ всѣмъ страшнѣйшимъ образомъ. Игралъ ли онъ комедію или нѣтъ, только онъ надѣлалъ столько хлопотъ, что піонеры были очень рады, когда его взяли у нихъ. Вообразивъ себѣ, что его ведутъ уже на казнь, онъ вдругъ начиналъ умолять, чтобы его не мучили, а просто бы разстрѣляли, потомъ принимался молиться, срывалъ съ себя одежду, раздавалъ мелкія деньги плѣннымъ туркамъ и заявлялъ затѣмъ о своей готовности умереть.

Какъ ни увѣряли его, что русскіе не разстрѣливаютъ плѣнныхъ, онъ не унимался. Чтобы успокоить его, Альбертовъ предложилъ ему табаку; онъ выкурилъ, но черезъ минуту опять принялся за тѣ же штуки.

Когда мы усѣлись у Альбертова въ ожиданіи шашлыка, каймакамъ сидѣлъ совершенно спокойно, но на лицѣ его, какъ представлялось, играла радостная улыбка. Ожиданіе шашлыка должно было продлиться, однако, слишкомъ долго, такъ какъ съ горъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, и черезъ минуту надъ нами разразился настоящій ураганъ. Пришлось затушить огонь, такъ какъ недалеко стояла динамитная фура, а кругомъ повсюду валялась солома. Дѣлать нечего, пришлось распроститься съ шашлыкомъ и удалиться въ палатку.

— Посмотрите, даже вѣтеръ разозлился, что не удалось нынче турокъ побить, сказалъ кто-то.

Каймакамъ просился къ намъ въ палатку, но его сосѣдство въ этотъ вечеръ было намъ просто противно и мы приказали помѣстить его въ фургонѣ, гдѣ ему наложили соломы и укрыли полушубкомъ. Это спасло насъ отъ большой непріятности.

Только-что мы захрапѣли, подъ завываніе неунимавшейся бури, какъ были разбужены отчаяннымъ крикомъ, раздававшимся у самой нашей палатки.

— Аллааахъ!!! Аллааахъ! Аллааахъ!! оралъ кто-то во все горло, точно его рѣзали.

Оказалось, что каймакамъ нашъ вылѣзъ изъ фуры и вдругъ началъ орать, желая какъ видно призвать на помощь турокъ. Какъ ни унимали его, ничего не могли съ нимъ сдѣлать, принуждены были, наконецъ, связать его. Страшно сильный, онъ боролся съ семью казаками, и тѣ едва осилили его. Его крики стали подымать тревогу въ лагерѣ, откуда-то на бѣду раздался выстрѣлъ и мы начали опасаться, что подымется тревога. Нечего дѣлать, приказано было засунуть ему въ ротъ его феску, но онъ и тутъ не унимался и продолжалъ во-

пить свой призывъ. Но крики его уже были глухіе и скоро онъ успокоился, прося освободить ему ротъ.

— Вѣдь вы христіане!—усовѣщевалъ онъ казаковъ и я не могъ удержаться отъ улыбки при этомъ оригинальномъ воззваніи къ христіанскимъ чувствамъ.

Но только-что ему освободили ротъ, какъ онъ началъ опять орать по прежнему. Такимъ образомъ онъ не далъ намъ спать, пока не увезли его въ лагерь къ кавалеристамъ.

На другой день, т. е. 7-го, долженъ былъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ туркамъ; болгары вернулись съ извѣстіями отъ Габровскаго отряда, а черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ и турецкій парламентеръ, привезшій письмо за подписью двухъ пашей съ предложеніемъ сдать отрядъ. Генералъ Гурко согласился съ условіемъ, чтобы сложили все оружіе, сдали пушки и выдали офицеровъ, виновныхъ въ вѣроломной выходкѣ съ парламентерскимъ флагомъ. Парламентеръ объяснилъ это недоразумѣніемъ и увѣрялъ, что солдаты сами начали стрѣлять безъ приказанія.

Но и самая посылка парламентера 7-го іюля была со стороны турокъ новою хитростью, чтобы выиграть время и имѣть возможность уйти. Вообще турки пользуются сильно нашимъ добродушіемъ и вводятъ его даже, какъ опредѣленный благопріятный шансъ, въ свои тактическія соображенія.

Въ Рущукѣ они прикрывали женевскимъ флагомъ пороховые погреба, и ставили его около баттарей, 6-го, они вѣроломно воспользовались нашимъ уваженіемъ къ парламентерскому флагу, а 7-го прислали парламентера, чтобы выиграть время для отступленія.

Не успѣлъ еще парламентеръ присоединиться къ своимъ, какъ было получено съ Шипкинскаго перевала извѣстіе отъ генерала Скобелева младшаго, что турки бѣжали, оставивъ лагери и орудія, и что онъ занялъ безъ боя перевалъ.

Мы нѣсколько утѣшились; драгоцѣнная кровь стрѣлковъ не была пролита даромъ. Турки увидѣли; что на 2-й день имъ не удастся уже удержать своихъ позицій и предпочли уйти въ горы. Теперь ихъ постоянно приводили десятками и уже болѣе полуторы тысячи ихъ отправлено въ Габрово. Болгары, вооружившись ихъ ружьями, устраивали на нихъ положительно охоту и приводили плѣнныхъ толпами.

Извѣстіе о бѣгствѣ турокъ облетѣло лагерь въ одну минуту. Успѣхъ нашей экспедиціи былъ обезпеченъ, проходъ, который долженъ былъ быть добытъ цѣною хотя бы всего нашего отряда, былъ въ нашихъ рукахъ и мы вздохнули свободно. Къ вечеру генералъ Гурко долженъ былъ ѣхать на высоты для осмотра брошенныхъ турками позицій и для свиданія съ генераломъ Скобелевымъ. Я отправился съ нимъ. Только подымаясь по шипкинскому шоссе на перевалъ, я понялъ, какое страшное дѣло было аттаковать турокъ въ ихъ шипкинскихъ укрѣпленіяхъ. Если уже шоссе, вырѣзанное зигзагами въ горѣ, заставляло мою мѣстную, привыкшую къ горнымъ дорогамъ лошадь останавливаться для отдыха нѣсколько разъ, то какова же была дорога по которой поднимались 6-го іюля стрѣлки. Шоссе иногда имѣетъ подъемъ градусовъ въ 30-ть и сдѣлано

такъ плохо, что похоже на обыкновенную горную дорогу, камни, вывороченные въ одномъ мѣстѣ, нагромождены грудой, оставляя рядомъ большія неровныя ямы, вообще, тѣмъ, чѣмъ, ужъ шоссе этой дороги назвать нельзя. Чѣмъ выше мы подымались тѣмъ роскошнѣе становился разстилавшійся внизу видъ. У самаго подножія пестрѣли черепичныя крыши Шипки, огромные насыпные курганы казались миніатюрными холмиками, между ними по полямъ, пестрѣвшимъ сложенными скирдами хлѣба, извивалась дорога въ городъ, немного далѣе на желтомъ фонѣ пшеничнаго поля выдѣлялся лѣсокъ, около котораго былъ убитъ графъ Роникеръ, а дальше еще продолговатымъ темнозеленымъ пятномъ лежалъ Казанлыкъ; горизонтъ обрамляли Малые Балканы.

Я залюбовался...

— Поѣзжайте-ка на верхъ, посмотрите, что сдѣлали съ нашими эти подлецы? раздалось у меня вдругъ слѣва.

— А что?

— Поѣзжайте, посмотрите.

Я поѣхалъ. На одномъ поворотѣ лошадь моя пугливо бросилась въ сторону на самой дорогѣ лежалъ убитый негръ. Лицо его распухло и было обезображено раной. Я, признаюсь, не этого ждалъ и спокойно проѣхалъ дальше. Но нѣсколько выше, мнѣ пришлось вздрогнуть—у самой дороги лежалъ трупъ пластуна... обезглавленный.

Въ это время меня нагнали двое корреспондентовъ, одинъ французъ и одинъ испанецъ.

— Посмотрите, что они сдѣлали съ нашими, обратился я къ нимъ едва сдерживая волненіе.

— Негодяи! проворчалъ Делямотъ.

— Подлецы, трусы! вторилъ ему Пелиссеръ.

Убитый былъ командиръ пластуновъ, эсаулъ Боштанникъ. Голова его найдена была послѣ наверху.

Немного дальше лежалъ еще пластунъ и тоже обезглавленный. А наверху намъ предстояло выдержать еще ужаснѣйшую картину. У одного телеграфнаго столба были сложены, словно камни, отрубленныя головы нашихъ убитыхъ и раненыхъ солдатъ. Между ними я узналъ нѣкоторыхъ стрѣлковъ и одного пластуна. Тутъ же были головы двухъ офицеровъ Орловскаго полка Доценко и Дмитріева.

— А вы посмотрите на трупы нашихъ около ихъ перваго лагеря, обратился къ намъ Скобелевъ и указалъ на бѣлѣвшія вдали палатки, Мы отправились туда. Около лагеря были собраны нѣсколько десятковъ труповъ нашихъ стрѣлковъ, у большинства были отрублены головы, у нѣкоторыхъ отрублены руки и ноги, отрѣзаны языки, проколоты глаза и на тѣлѣ остались широкіе рубцы, разрѣзы и штыковыя раны. Зрѣлище этихъ мертвыхъ, которыхъ еще вчера видѣлъ живыми и которые теперь лежали безобразной окровавленной грудой, было ужасное. Мой товарищъ Делямотъ нервно вздрагивалъ, я продолжалъ обходить всѣхъ и наклонялся, чтобы разсмотрѣть знакомыя черты стрѣлковъ. Нѣкоторые

унтеръ-офицеры уцѣлѣли, но за то около другихъ труповъ я находилъ отрубленныя головы, очевидно, къ нимъ не подходившія.

Уже темнѣло и впечатлѣніе, производимое видомъ этихъ спокойныхъ труповъ, обезображенныхъ не рукою смерти, а звѣрствомъ безчеловѣчныхъ дикарей, было еще сильнѣе.

Наконецъ мы окончили нашъ маленькій обзоръ. Я снялъ шапку и простился съ несчастными жертвами священной войны за освобожденіе турецкихъ рабовъ. Делямотъ послѣдовалъ моему примѣру, а провожавшіе насъ солдаты молча смотрѣли на товарищей опираясь на ружья.

Уже совсѣмъ стемнѣло, мы подымались по той самой дорогѣ, по которой вчера, подъ градомъ пуль и гранатъ, подымались на свой послѣдній штурмъ стрѣлки. Только теперь понялъ я полную невозможность аттаки турокъ съ этой стороны. Ихъ послѣдняя позиція настоящее орлиное гнѣздо, свитое на скалистой вершинѣ перевала. Передъ нимъ выдвинуты впередъ еще два укрѣпленія, изъ которыхъ лѣвое стоитъ тоже на обрывѣ; впереди этихъ двухъ еще двѣ укрѣпленныхъ позиціи и на все это только 2 баталіона и двѣ сотни пластуновъ.

На верху мы встрѣтили офицеровъ Орловскаго полка; они показали намъ орудія, брошенныя турками. Это были превосходныя горныя пушки дальняго бросанія и литыя, крупповскія остальныя орудія, числомъ 11.

Я сталъ распрашивать орловцевъ объ ихъ дѣлѣ 5-го іюля и услышалъ невеселый разсказъ объ избіеніи двухъ ротъ, попавшихъ на всѣ шесть таборовъ.

— Но отчего вы не помогли намъ 6-го числа, спросилъ я, неужели вы не слыхали нашей перепалки?

— Нѣтъ, около 4-хъ часовъ мы слышали ваши выстрѣлы, мы стояли на позиціи, но такъ какъ 5-го намъ не удалось и мы отступили, то намъ приказано было ни въ какомъ случаѣ не двигаться съ нашихъ позицій.

— Да какъ же вы сами-то ни двинулись, вѣдь явись вы стороны Габрова и дѣло было бы навѣрное выиграно.

— Мы ничего не знали о вашемъ движеніи, но когда услышали выстрѣлы, то поняли, разумѣется, что турокъ откуда-то аттаковали. Нашъ полковникъ отправилъ тотчасъ же записку къ начальнику отряда, прося распоряженій; но до Габрова, гдѣ помѣщался нашъ штабъ далеко и мы отвѣта не получили.

У орловцевъ въ дѣлѣ 5-го іюля потери простираются до 300 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Наши потери со времени выхода доходятъ до 300 человѣкъ, изъ которыхъ убито около 60-ти человѣкъ рядовыхъ, два штабъ-офицера и два оберъ-офицера.

Наша миссія кончилась, передовой отрядъ сослужилъ свою службу, тяжелый трудный подвигъ приведенъ къ концу и мы пока отдыхали, ожидая новаго назначенія.

Но оглянувшись назадъ, окинувъ взглядомъ пройденный путь я не могу удержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній.

Если вы взглянете на карту Артамонова, то вамъ ясно станетъ, особенно когда вы станете приглядываться къ маленькимъ цифрамъ, обозначающихъ вы-

шину гребней, что при самой незначительной дозѣ сообразительности у турецкихъ начальниковъ, нашъ отрядъ долженъ былъ быть истребленъ до послѣдняго человѣка. Къ нашему счастью турки деморализованы до послѣдней степени, но намъ не нужно увлекаться нашими успѣхами; они портятъ насъ, пріучая дѣйствовать на авось, что въ войнѣ со всякимъ другимъ народомъ повлечетъ къ гибельнымъ для насъ послѣдствіямъ.

Дѣйствительно – нашъ отрядъ, пройдя Ханкіойскій проходъ очутился въ тылу у турокъ, занимавшихъ и Шипкинскій перевалъ и проходъ на Елену. Но до тѣхъ поръ пока мы не овладѣли Шипкинскими высотами, наше положеніе было очень опасное. Оторвавшись отъ единственнаго пути отступленія, отъ Ханкійскаго прохода, гдѣ оставлены были только 2 болгарскія дружины, въ боевой способности которыхъ мы вовсе не увѣрены, мы подвергали опасности и двѣ горныя баттареи, офицеры которыхъ очень ясно сознавали свое положеніе, оставаясь у Ханкіоя, и самый проходъ. Розъ Ханкійскій проходъ занятъ турками, мы должны были очутиться въ безнадежнымъ положеніи; взбираться на крутые, почти отвѣсные Балканы можно, но не десятитысячному отряду и не кавалеріи и не орудіямъ.

Взять Шипкинскій перевалъ было для насъ вопросомъ жизни и смерти. Постоянный успѣхъ самыхъ дерзкихъ предпріятій балуетъ; это отразилось и на нашемъ отрядѣ. На войнѣ нельзя разсчитывать на благопріятныя возможности. Очень могло случиться, что съ той стороны прохода не могли поддержать орловцы, такъ же позволительно было думать, что турки, увидя себя окруженными, сдадутся; но все это не должно было входить въ тактическіе разсчеты начальника отряда. Кромѣ того, мѣстность была совсѣмъ необрекогносцирована, и впослѣдствіи оказалось, что аттака была гораздо легче съ другой стороны. Правда, времени было мало и намъ нельзя было слишкомъ жалѣть своихъ солдатъ; но я все таки не могу забыть одной фразы, которая срывалась у всѣхъ участниковъ боя, солдатъ и офицеровъ:

— Эхъ если бы еще немного резерву» или «Эхъ! кабы хошь немного помочи!» И въ то время, когда стрѣлки выбивались изъ силъ наверху, безнадежно оглядываясь, не подойдетъ ли помощь, у насъ внизу спокойно и безполезно стояли два стрѣлковыхъ батальона и цѣлый драгунскій полкъ. Правда, вмѣсто того, чтобы сдаться 6-го, турки бѣжали на другое утро, но нравственное значеніе боя и впечатлѣніе, произведенное имъ на отрядъ, были бы совсѣмъ другаго свойства, если бы не слишкомъ разчитывали на благопріятные шансы.

М. Федоровъ.

Все, что только здѣсь изложено талантливымъ наблюдателемъ и корреспондентомъ, господиномъ, Федоровымъ вполнѣ подтверждалось корресп. газеты *Times*, отъ 7 іюля изъ Казанлыка *).

Его чрезвычайно смущалъ наглый поступокъ злоупотребленія при посредствѣ бѣлаго флага, какъ знака къ мирнымъ переговорамъ. Этотъ поступокъ и воз-

*) Смотр. Рус. Вѣд. 1877 г. № 105.

кая продѣлка наканунѣ, достойные развѣ только необузданныхъ дикарей, которые позволила себѣ регулярная армія, способны заклеймить позоромъ всю націю. Но и этого еще мало, и какъ назвать дальнѣйшіе подвиги, которые совершались ими, я ужъ не знаю. Чего, чего не насмотрѣлись мы вчера! Просто глазамъ не вѣришь. Ужъ не сонъ ли намъ приснился? Увы, нѣтъ, это была страшная дѣйствительность. Вотъ что мы видѣли своими глазами, когда проѣзжали вмѣстѣ съ штабомъ по дорогѣ вчера послѣ обѣда. Мы проѣхали мимо нѣсколькихъ тѣлъ русскихъ солдатъ, павшихъ внѣ турецкихъ линій. На ихъ лицахъ было спокойное выраженіе, въ которомъ отразилось ихъ душевное состояніе, въ какомъ они были въ ту минуту, когда упали. Одинъ офицеръ разсказалъ мнѣ интересную сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Раненый магометанинъ лежалъ на землѣ, съ ногой раздробленной выше колѣна. Когда русскіе подошли и хотѣли подать ему помощь, онъ черезъ силу приподнялся, опираясь на локоть, скрежеща оскаленными зубами, какъ дикій звѣрь, выстрѣлилъ и ранилъ офицера. Въ тужъ минуту налетѣли казаки и пронзили его своими копьями, но и послѣ смерти на лицѣ его остался отпечатокъ ярости и дикой злобы. Губы остались полуоткрытыми и прильнули къ зубамъ, лицо искажено было морщинами, въ потухшихъ глазахъ виднѣлось звѣрское выраженіе. Дальше мы встрѣтили солдатъ, которые несли на носилкахъ обезглавленный трупъ офицера, и это, говорятъ, далеко не единственный примѣръ. Дѣйствительно, на вершинѣ прохода мы убѣдились воочію, что это была правда. Да, турки, эти «джентльмены» англійскихъ гостиныхъ, набираемые по всѣмъ правиламъ въ армію султана, хорошо обмундированные и продовольствуемые на сбереженіе болгаръ и на англійскія деньги, предводимые, какъ и подобаетъ, офицерами, самымъ безпощаднымъ образомъ терзаютъ русскихъ солдатъ, какъ скоро они попадаются къ нимъ въ руки живыми или мертвыми. Одинъ молодой офицеръ, изъ стрѣлковъ, слышимъ, спрашиваетъ: «Это англійскій корреспондентъ?» И затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «Видѣли вы груду головъ?» Когда я отвѣтилъ, что не видалъ, онъ съ горечью прибавилъ: «Жаль, а не мѣшало бы вамъ полюбоваться на то, что дѣлаютъ ваши друзья.» Офицеръ генеральнаго штаба сдѣлалъ ему замѣчаніе; онъ извинился передо мной, но прибавилъ: «вы не можете себѣ представить, до чего намъ прискорбно все это; всѣ наши офицеры того мнѣнія, что войны этой не было бы, что Болгарія была бы освобождена и безъ нея, еслибы англичане не поддерживали этого народа.» Мы поѣхали дальше и стали осматривать баттареи и пушки, но «груда головъ» не выходила у насъ изъ головы. Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: «а видѣли вы обезглавленныя и обезображенныя тѣла раненыхъ?» И когда я спрашивалъ, чѣмъ можно доказать, что то были раненые, т. е. живые люди, съ которыми такъ безчеловѣчно поступлено, отвѣчали одно: «можете думать, какъ вамъ угодно.»

«Вправо отъ дороги, вокругъ телеграфнаго столба, на зеленомъ дернѣ лежали сложенныя въ кучку головы, которыя не дальше какъ вчера, а можетъ быть еще сегодня утромъ думали, строили планы, надѣялись, боялись.

«Мы дошли до конца позиціи и нашли, что ее невозможно было бы взять,

что тутъ ничего не сдѣлалъ бы и 9 корпусъ, съ которымъ мы теперь соединились, если бы генералъ Гурко не отрѣзалъ туркамъ возможности получать подкрѣпленія. Впрочемъ, я положительно отказываюсь на этотъ разъ отъ точнаго описанія военныхъ позицій, не то въ головѣ. Достаточно будетъ сказать, что отлогая сторона прохода представляла на каждомъ шагу прикрытія для пѣхоты и пушекъ.

«Возвращаясь на другой, восточный флангъ позиціи, мы проѣхали мимо группы раненыхъ турокъ—ихъ было человѣкъ 50 или около того—раны ихъ были перевязаны и вообще за ними ухаживали, какъ будто никакой груды головъ и не было. Турки высматривали испуганными—не могли себѣ представить, чтобы русскіе не были такими же варварами, какъ они сами. То были солдаты изъ регулярныхъ войскъ, хорошо содержимые, хорошо обмундированные. Но у всѣхъ у нихъ, какъ и у большей части ихъ соплеменниковъ, выдающійся лобъ и маленькая голова съ блуждающими глазами, что придаетъ имъ лукавый и звѣрскій видъ. Черезъ нѣсколько шаговъ дальше группа русскихъ—офицеровъ и солдатъ, стояла въ кружкѣ и смотрѣла на что-то. То были тѣла убитыхъ; всѣ они были безъ головъ, нѣкоторые съ отрѣзанными членами, нѣкоторые съ такими увѣчьями, которыя въ цѣломъ свѣтѣ признаются за величайшее оскорбленіе, какое только можетъ быть нанесено человѣку живому или мертвому, все равно. Интересно было бы знать, подверглись ли эти люди такому поруганію заживо, или уже мертвые. Были, впрочемъ, такіе, на счетъ которыхъ сомнѣнія было неумѣстно.

«Вотъ напримѣръ дѣло съ однимъ раненымъ пальцемъ; этотъ палецъ перевязанъ, а остальные отрѣзаны, повидимому, просто ножемъ; а вотъ другое тѣло; по всему его положенію такъ и видно, что человѣкъ усиливался защитить свое горло отъ убійцъ; подальше отъ него лежалъ трупъ съ краснымъ крестомъ на рукѣ; очень можетъ быть, что онъ перевязывалъ палецъ вышеупомянутому раненому передъ тѣмъ, какъ его самаго убили: одинъ лежалъ съ разрѣзаннымъ крестообразно животомъ; другой былъ разрѣзанъ на куски. Одинъ молодой человѣкъ, нѣжнѣе и изящнѣе всѣхъ другихъ, былъ обезглавленъ и всячески изувѣченъ; между тѣмъ на немъ не замѣтно было ни одной изъ тѣхъ ранъ, какія наносятся въ сраженіяхъ. Тутъ же были и тѣла раненыхъ и даже не раненыхъ плѣнныхъ, попавшихъ въ руки турецкихъ «джентльменовъ», которые убили и изувѣчили ихъ, какъ бы стараясь доказать, что они нисколько не уступятъ дикарямъ Африки и Индіи. И несмотря на все это, въ нѣсколькихъ шагахъ русскіе медики перевязывали раны этимъ дикарямъ, а солдаты, обступивши ихъ кругомъ, охраняли ихъ отъ всякихъ непріятныхъ случайностей. И это не было только для показа. Никто не зналъ, что тутъ находится корреспондентъ, но эффектъ былъ полный, какого не въ состояніи произвести никакая самая эффектная картина. Съ одной стороны цивилизація, не особенно утонченная, если хотите, но все же цивилизація, опирающаяся на ученіе христіанское; съ другой полное варварство и звѣрство. И какая можетъ быть цѣль подобнаго дьявольскаго злодѣянія? Вѣдь не могли же они продержаться вслѣдствіи своихъ вар-

варствъ лишній день или добиться лучшихъ условій, слѣдовательно, замѣчаетъ корреспондентъ, съ чѣмъ сравнить эту безсильную ярость: съ злостью обезьяны или идіота, противъ которыхъ существуютъ грубыя и строгія мѣры, вовсе немыслимыя для людей. Какъ же послѣ того думать еще о томъ, что болгары, находясь въ порабощеніи, не испытали на себѣ варварскаго вліянія!

Сраженіе при Плевнѣ.

(8-го іюля.) *)

«8-го іюля, вечеромъ, въ Никополѣ распространился слухъ о неблагопріятномъ для русскихъ исходѣ битвы при Плевнѣ, начавшейся 7-го числа и продолжавшейся еще 8-го утромъ. Узнать что-либо положительное не было возможности; однакожъ, приказъ корпуснаго начальника войскамъ—быть готовыми къ выступленію ночью по направленію къ Плевнѣ, былъ принятъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

«Перевозка въ Систово раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи 3-го іюля началась еще днемъ раньше по рѣкѣ и сухимъ путемъ; къ сожалѣнію, часть войска, сдѣлавшаяся чрезъ то свободною, не могла быть употреблена въ дѣло, какъ первоначально на то разсчитывали, потому что союзники-румыны отказались занять Никополь, какъ сначала было условлено.

«Съ разсвѣтомъ и при проливномъ дождѣ корпусное начальство выступило въ путь по направленію къ Плевнѣ, чрезъ Бриславъ. Мы скоро догнали отряды русскихъ войскъ, шедшихъ по этому направленію, а вслѣдъ затѣмъ встрѣтились съ транспортомъ раненыхъ, отправленнымъ въ Никополь отъ участвовавшихъ въ сраженіи полковъ. Попытаюсь передать вамъ то, что я слышалъ въ бриславскомъ лагерѣ о происходившемъ при Плевнѣ сраженіи.

«5-го іюля 17-й и 18-й пѣхотные полки съ 5-ю баттареями и 5-ю сотнями казаковъ двинулись по вышеупомянутой дорогѣ къ Плевно съ порученіемъ занять этотъ городъ, который, какъ тогда было извѣстно, былъ занятъ лишь небольшимъ числомъ турецкихъ войскъ. Въ этомъ же пунктѣ, т. е. въ Плевнѣ, долженъ былъ соединиться съ ними и 16-й корпусъ, направленный изъ Булгарени по большой дорогѣ къ Плевнѣ.

«Къ вечеру 7-го іюля первая колонна русскихъ войскъ нашла Гривскія высоты, въ 7 километрахъ отъ Плевны, занятыми и выдержала направленную оттуда кратковременную ружейную пальбу. Произвести аттаку этой позиціи было уже поздно; она сдѣлана была начальствовавшимъ этою бригадою, дивизіоннымъ генераломъ Шильдеръ-Шульдеромъ, уже на другой день, 8-го іюля утромъ; нападеніе произведено было большею частію со стороны рѣки Вукурлера 17-мъ полкомъ.

---

*) Корресп. National zeitung при русскомъ лагерѣ отъ 10 іюня 1877 г. съ бивуака „Четырехъ Источниковъ". Рус. Вѣд. 1877 г. № 185.

«Не встрѣчая затѣмъ нигдѣ сопротивленія, 4 роты этого полка проникли въ предмѣстье Плевны, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, русскіе были встрѣчены ружейною пальбою изъ всѣхъ домовъ; громадныя массы турецкой пѣхоты, скрывавшіяся до тѣхъ поръ, выросли со всѣхъ сторонъ и бросились съ громкими, радостными криками на небольшую кучку русскихъ солдатъ. Русскіе отступили съ тяжелыми потерями, мужественно отражая, однакожъ, нападеніе въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля; къ сожалѣнію, они могли лишь частію захватить съ собою раненыхъ, которыхъ на ихъ глазахъ турки увѣчили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и затѣмъ убивали. Командиръ 17-го пѣхотнаго полка, полковникъ Розенбаумъ, былъ раненъ однимъ изъ первыхъ; затѣмъ другая пуля, попавшая ему въ голову, окончательно уложила его. Очевидно, по знаку своихъ высшихъ офицеровъ, кучка турецкихъ пѣхотинцевъ,—отнюдь не баши-бузуковъ, —бросилась на павшаго русскаго офицера, подхватила его трупъ на штыки и унесла съ радостными возгласами. Жестокость такого рода была не единичнымъ фактомъ; турки по истинѣ варварскимъ и безчеловѣчнымъ образомъ выказывали свою ярость надъ тѣлами убитыхъ и раненыхъ, которые попадали имъ подъ руку. 18-й корпусъ сначала также подошелъ, не встрѣтивъ особеннаго сопротивленія, кромѣ того, что былъ безпокоимъ огнемъ турецкой баттареи, поставленной весьма удачно. Несмотря на трудности, представляемыя почвою въ этомъ пунктѣ, стрѣлявшая баттарея была взята; но едва русскіе овладѣли ею, какъ со всѣхъ сторонъ увидѣли себя окруженными массами непріятельскихъ войскъ. Настоящій градъ изъ всевозможныхъ орудій сопровождалъ отступающіе въ полнѣйшемъ порядкѣ русскіе ряды, которые были поддержаны своею артиллеріею, сдерживавшей слишкомъ сильный натискъ непріятеля. Между тѣмъ съ такою же быстротою и неожиданностію всѣ высоты увѣнчались турецкими баттареями и со всѣхъ сторонъ выплывали новыя массы пѣхоты.

«Съ русской стороны надѣялись на помощь 19-го полка, но когда онъ появился, около 12 час. пополудни, то противъ него были выставлены со стороны турокъ новыя большія массы, и еще съ самаго начала полкъ потерялъ своего командира, четырехъ штабъ-офицеровъ и 5 капитановъ.

«Но самая печальная сторона дѣла была еще впереди. Турки стянули къ Плевнѣ подкрѣпленія изъ Виддина; эти войска поспѣшно перешли мостъ черезъ рѣку, бросились на русское правое крыло, между тѣмъ, какъ одновременно съ этимъ 4 эскадрона турецкой кавалеріи тревожили лѣвое крыло русскаго отряда. Аттака казаковъ облегчила на время положеніе русскихъ, затѣмъ три сотни казаковъ на правомъ крылѣ и двѣ на лѣвомъ дрались спѣшившись, причемъ хорошія Берданскія ружья оказали имъ большую услугу. Одна изъ этихъ сотенъ, численностію въ 86 чел., лишилась 36 человѣкъ, т. е. почти одной половины своего состава. Шагъ за шагомъ, но упорно сопротивляясь подавляющимъ силамъ непріятеля, доблестные полки отступили къ Бриславу; русская артиллерія продолжала удачно сдерживать напоръ непріятельскихъ войскъ. Только вечеромъ прекратился огонь.

«Измученныя русскія войска расположились бивуакомъ у Бриславa, а 19-й

полкъ въ нѣсколькихъ отъ него километрахъ. Русскіе затѣмъ уже не были тревожимы турками, у которыхъ они, несмотря на неудачный исходъ сраженія, взяли нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ.

«Согласно полученнымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ, въ Плевнѣ находилось 40 турецкихъ таборовъ съ сильною артиллеріею; самый городъ, расположенный въ весьма благопріятной для обороны мѣстности, былъ укрѣпленъ весьма искусно. Въ немъ находилось 15 крупповскихъ орудій.

«Потери русскихъ значительны, но несмотря на это, настроеніе духа полковъ очень хорошо; они въ особенности проникнуты ненавистью къ туркамъ за варварское обращеніе съ ранеными и убитыми.

«Участвовавшіе въ сраженіи полки должны были отдыхать, они получили подкрѣпленія, а изъ Систова отдѣленъ къ нимъ 24-й полкъ, такъ что русскій отрядъ скоро былъ въ состояніи выдержать бой съ превосходящимъ числомъ непріятелемъ. Когда корпусный командиръ, генералъ Криденеръ, объѣзжалъ вчера лагерь и осматривалъ полкъ, онъ совершенно неожиданно былъ встрѣченъ и привѣтствованъ донъ-Карлосомъ. Послѣдній, какъ своимъ статнымъ, мужественнымъ видомъ, такъ и своею скромною поступью, производитъ рѣшительно благопріятное впечатлѣніе. Онъ пріѣхалъ сюда изъ Турна, какъ частное лицо, чтобъ посмотрѣть на поле сраженія. О томъ, какого онъ теперь мнѣнія на счетъ сформированія отряда волонтеровъ—не могу сказать; объ этомъ неизвѣстно ничего положительнаго.

«Когда мы прибыли сюда вчера вечеромъ на бивуакѣ, то тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на всѣхъ неудачею дня, какъ не бывало. Полки потерпѣли пораженіе, но и при этой неудачѣ и отступленіи дрались замѣчательно мужественно. Вчерашніе слухи объ этомъ дѣлѣ были очень преувеличены.

«Въ такія минуты уже не обращаютъ вниманія на то, что приходится ограничиться одною солдатскою шинелью для своего ложа, равно какъ безъ обѣда и ужина бросаться на сырую траву. Весь багажъ корпуснаго штаба не могъ придти во время, вслѣдствіе намокшихъ отъ дождя дорогъ, и прибылъ лишь сегодня, раннимъ утромъ.»

Дѣйствія Рущукскаго отряда.

(отъ 23 іюня по 4 августа)

Движеніе къ Янтрѣ,—Баницкому Лому и къ Кара-Лому.—Рекогносцировка и мелкія стычки.—Непріятельскій транспортъ у д. Чаиркіой.—Раненый полковникъ Ушаковъ, и вѣрные уланы—Николай Толулай и Войцехъ Франчакъ.—Дѣло при дер. Хайдаркіой наступленіе къ Рущуку.—Стычка у Писанцы.—Дѣло при деревни Езерши.—Упорныя работы русскаго отряда подъ Рущукомъ.—Поискъ лейтенанта Дубасова на Дунаѣ отъ 9 Іюля 1877 г.

Приводимъ изъ *Русскаго Инвалида* слѣдующій основанный на офиціальныхъ данныхъ обзоръ дѣйствій Рущукскаго отряда.

По занятіи 23 іюня Бѣлы, Рущукскій отрядъ, занимая лѣвый флангъ нашего

расположенія, выслалъ разъѣзды и передовые отряды къ сторонѣ непріятеля и сталъ постепенно подвигаться къ линіи Янтры, Баницкаго Лома, а затѣмъ и Кара-Лома.

Летучія и рекогносцировочныя партіи, высылавшіяся отрядомъ, имѣли цѣлью, съ одной стороны, уничтоженіе турецкихъ транспортовъ и запасовъ, порчу телеграфовъ и желѣзныхъ путей, а съ другой, освѣщеніе мѣстности, уясненіе положенія дѣлъ и постепенное оттѣсненіе турецкихъ войскъ за Янтру и Ломъ.

Первыя стычки съ Турками произошли на Баницкомъ Ломѣ; 23 іюня 3-я сотня Донскаго № 22 полка, подвигаясь въ сѣверо-восточномъ отъ Бѣлы направленіи, выбила у дер. Черчикъ баши-бузуковъ занимавшихъ лѣсъ, а затѣмъ наткнулась на непріятельскій транспортъ сопровождаемый конвоемъ въ 100 человѣкъ. Непріятель былъ разсѣянъ, оставивъ на мѣстѣ 40 тѣлъ; транспортъ захваченъ.

Три дня спустя, 29 іюня 4-й эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка, подъ начальствомъ полковника Ушакова, направился отъ д. Сидикіой черезъ Карагасанъ на рекогносцировку дороги въ д. Церковну. У д. Чаиркіой онъ открылъ непріятельскій транспортъ и атаковалъ турокъ, засѣвшихъ за повозками. Первою жертвой былъ самъ полковникъ Ушаковъ, раненый въ лѣвую руку. Командованіе принялъ старшій офицеръ, который отвелъ эскадронъ назадъ, а полковникъ Ушаковъ съ двумя оставшимися при немъ уланами былъ отрѣзанъ отъ своихъ и сбился съ дороги.

Командиръ полка, полковникъ Коровиченко, получивъ донесеніе обо всемъ происшедшемъ, на рысяхъ двинулся на помощь съ остальными тремя эскадронами. Несмотря на крайно пересѣченную, почти невозможную для дѣйствій въ конномъ строю мѣстность уланы произвели нѣсколько атакъ на транспортъ. Видя ихъ безуспѣшность полковникъ Коровиченко отвелъ полкъ изъ сферы ружейнаго огня и, пославъ донесеніе начальнику дивизіи, ограничился наблюденіемъ за непріятелемъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Манвеловъ выслалъ на рысяхъ отрядъ изъ полусотни Донскаго № 8-го полка, 1-го и 4-го эскадроновъ 8-го гусарскаго Лубенскаго полка и двухъ орудій Донской № 9-го батареи, подъ командой генералъ-майора Леонова. Казаки прибыли первыми. Полковникъ Коровиченко спѣшилъ ихъ, подкрѣпилъ 50 спѣшенными уланами, и двинулъ впередъ, 27 казаковъ, подъ командою хорунжаго Попова, бывшіе впереди, атакованные со всѣхъ сторонъ толпой вооруженныхъ жителей въ числѣ около 200 члеовѣкъ, храбро отразили первую атаку мѣткимъ огнемъ, и когда турки бросились на нихъ вторично, майоръ Датіевъ врѣзался въ толпу съ фланга и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Но къ этому времени наши успѣли разстрѣлять патроны, а между тѣмъ къ непріятелю подошла на помощь регулярная пѣхота. Къ счастію, подошли и Лубенскіе гусары съ двумя конными орудіями. Это было около 5 ч. пополудни. Первыми же пушечными выстрѣлами непріятель былъ принужденъ къ отступленію; а когда гусары появились у него на флангахъ, то отступленіе превратилось въ

бѣгство. Обозъ (свыше 1.000 повозокъ) съ 15 плѣнными достался въ наши руки. Непріятель оставилъ на мѣстѣ 50 тѣлъ. Гусары преслѣдовали его до наступленія темноты

Поздно ночью присоединился къ отряду раненый полковникъ Ушаковъ съ двумя сопровождавшими его уланами. Благодаря счастливой случайности, онъ не былъ замѣченъ турками въ лѣсу въ то время когда онъ, блуждая болѣе 10 часовъ, отыскивалъ дорогу. Вѣрные уланы (рядовые Войцехъ Франчакъ и Николай Толулай) все время безотлучно оставались при своемъ полковникѣ, несмотря на то что онъ самъ, считая свой плѣнъ и гибель неизбѣжными, уговаривалъ ихъ бросить его и спастись самимъ. Но эти доблестные солдаты твердо рѣшились раздѣлить участь своего начальника, какъ то велитъ долгъ службы и присяги.

Въ тотъ же день былъ направленъ изъ Бѣлы, для очистки отъ вооруженныхъ жителей лѣса на правомъ берегу р. Янтры, отрядъ изъ 1-го и 3-го баталіоновъ 131-го пѣхотнаго Тираспольскаго полка, подъ начальствомъ командира полка полковника Власенко. Эти два баталіона во время слѣдованія получили приказаніе итди на поддержку къ д. Чаиркіой, но придя туда нашли, что дѣло уже кончилось. На другой день, 30-го іюня полковникъ Власенко, съ разсвѣтомъ, двинулся въ лѣсъ, по направленію къ д. Окчиляръ. Находившіеся тамъ вооруженные жители открыли огонь по нашимъ войскамъ, но послѣ двухъ-часаваго упорнаго боя, бѣжали и разсѣялись въ чащѣ лѣса. Полковникъ Власенко на другой день двинулся обратно въ городъ Бѣлу.

Затѣмъ, въ теченіи іюля происходили слѣдующія дѣла на *Кара-Ломѣ*:

Дѣло при дер. Хайдаркіой 5-го іюля генералъ-маіоръ Леоновъ съ 7 эскадронами и 6 орудіями (Вознесенскій уланскій полкъ, три эскадрона Лубенскаго гусарскаго полка и 15 конная баттарея) двинулся отъ дер. Кавачица къ дер. Попкіой, для раскрытія расположенія непріятеля на рѣкѣ Кара-Ломѣ. Дойдя до дер. Попкіой, генералъ-маіоръ Леоновъ остановилъ отрядъ къ сѣверу отъ деревни, выславъ два эскадрона (1-й Эскадронъ Лубенскаго гусарскаго и 4-й эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полковъ, подъ командой полковника барона Каульбарса, начальника штаба 5-й кавалерійской дивизіи, для осмотра долины рѣки Кара-Ломъ. Эти два эскадрона у деревни Хайдаркіой встрѣтили непріятельскую кавалерію, открывшую по нимъ огонь; прикрываясь цѣпью наѣздниковъ, они продолжали наступленіе и предъ самою деревнею кинулись въ аттаку на противника и врубились въ его ряды. Но тутъ наши эскадроны попали подъ огонь пѣхоты и двухъ горныхъ орудій, занимавшихъ деревню и противуположный берегъ рѣки Кара-Ломъ.

Собравшись за деревней, кавалерія наша произвела еще двѣ успѣшныя аттаки. Первые выстрѣлы 15 конной баттареи, прибывшей на мѣсто боя съ двумя эскадронами уланъ, совершенно разсѣяли противника и подбили у него два орудія. Наступавшія сумерки прекратили бой.

Дѣло у дер. Кадыкіой. 9 іюля, летучій отрядъ изъ 2-го батальона 132-го пѣхотнаго Бендерскаго полка, 1-й, 4-й и 6-й сотенъ Донскаго № 37-го полка

и двухъ орудій Донской казачьей № 5-го баттареи, при личномъ участіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, перешелъ черезъ р. Кара-Ломъ у д. Иванъ-Чифтликъ и двинулся на Кадыкіой, для развѣдки противника и разрушенія желѣзной дороги. Баши-бузуки, занимавшіе деревню Кадыкіой, разбѣжались при приближеніи къ ней нашихъ разъѣздовъ, послѣ чего она была занята нашею пѣхотой, а двѣ сотни съ двумя орудіями стали на позиціи верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ деревни для прикрытія 6-й сотни, которая, подъ начальствомъ сотника Пименова, направилась къ шоссе и желѣзной дорогѣ. Обойдя лощиной до дер. Бузинъ, въ которой было замѣчено около сотни черкесовъ, она перервала телеграфную проволоку на шоссе и подошла къ желѣзной дорогѣ. Тутъ были взорваны динамитомъ рельсы въ трехъ мѣстахъ, испорченъ телеграфъ и разбитъ аппаратъ на полустанціи. Турецкій караулъ разбѣжался, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько ружей. Исполнивъ свою задачу, сотня начала отходить подъ прикрытіемъ 1-й и 4-й сотенъ, продержавшихся еще около часу. Противникъ преслѣдовалъ черкесскою конницей и артиллерійскимъ огнемъ; подъ конецъ у него появилась и пѣхота. Три гранаты разорвались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Великаго Князя. Съ наступленіемъ сумерекъ весь отрядъ благополучно возвратился на лѣвый берегъ Лома.

Наступленіе къ Рущуку. 10-го іюля было произведено наступленіе къ Рущуку кавалерійскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. 12-й гусарскій Ахтырскій полкъ, два эскадрона 8-го уланскаго Вознесенскаго полка, одна сотня Донскаго казачьяго № 8-го полка и Донская казачья № 9-го баттарея направилась на д. Писанцы (на берегу Акъ-Лома), которую и заняли безъ выстрѣла. Оттуда Ахтырскій полкъ съ казачьею сотней и четырьмя орудіями были направлены къ желѣзно-дорожной станціи Ветово, а дивизіонъ уланъ съ двумя орудіями, подъ личнымъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова, занялъ центральную позицію къ сѣверу отъ Писанцы. Отряду, направленному въ Ветово, удалось динамитомъ разрушить желѣзную дорогу, перервать одновременно телеграфъ на желѣзной дорогѣ и на шоссе изъ Рущука въ Шумлу. У Ветово было всего десятка два черкесовъ. Затѣмъ отрядъ двинулся далѣе въ слѣдующемъ порядкѣ: Ахтырскій полкъ съ Донскою баттареей, имѣя впереди сотню казаковъ, по шоссе на Рущукъ, держа постоянную связь съ Донскимъ № 12-го полкомъ, которому было приказано двинуться къ шоссе между Кадыкіоемъ и Писанца. Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ съ уланами направился на Семерджикіой, Ускиджеси и Червенаводу. Къ пяти часамъ вечера сотня казаковъ подошла къ почтовой станціи на Рущукскомъ шоссе, верстахъ въ пяти не доходя Рущука, и здѣсь наткнулась на турецкіе аванпосты. Разъѣздъ уланскаго дивизіона дошелъ до Червенаводы, откуда, при его приближеніи, выскочили по направленію къ Липнику до 30 всадниковъ турецкой кавалеріи. Другихъ войскъ въ этомъ направленіи не оказалось. Считая цѣль рекогносцировки достигнутою, отрядъ отступилъ на Писанца и выставилъ разъѣзды къ Ветову и Турлаку.

Того же числа, начальникъ авангарда 12-го корпуса, генералъ Дризенъ, вы-

слалъ въ 4 часа пополудни два эскадрона для обозрѣнія мѣстности и расположенія непріятельской баттареи по направленію къ Рущуку. Отрядъ, пройдя за передовую линію и сдѣлавъ нѣсколько верстъ между лѣвымъ берегомъ Дуная и шоссе, встрѣтилъ партію черкесовъ, за которыми показались два баталіона пѣхоты и нѣсколько орудій. Отрядъ выдержалъ перестрѣлку и отошелъ безъ потерь за нашу позицію.

Стычка у Писанцы. 11-го іюля, въ 4 часа пополудни, разъѣзды донесли что по Рущукскому шоссе, впереди д. Бузинъ, наступаютъ значительныя непріятельскія силы изо всѣхъ трехъ родовъ оружія. По полученіи этого извѣстія, генералъ-лейтенантъ князь Манвелъ, съ 1-мъ и 3-мъ эскадронами Ахтырскихъ гусаръ, 2-мъ и 3-мъ эскадронами Вознесенскихъ уланъ, 6-ю сотней Донскаго казачьяго № 8-го полка и двумя орудіями Донской казачьей № 9-го баттареи направился, со стороны Соленика, черезъ Писанцу, на встрѣчу противнику. Баталіону Зарайскаго полка съ четырьмя орудіями 15-й конной баттареи послано было приказаніе спѣшить туда же.

Казачья цѣпь открыла противника въ двухъ верстахъ отъ Писанцы. Цѣпь была поддержана однимъ эскадрономъ и одною сотней по западную сторону шоссе и четырьмя эскадронами—по восточную. Лѣво-фланговый эскадронъ и сотня опрокинули непріятельскую кавалерію, заставивъ ее укрыться за свою пѣхоту, и стройно отступили затѣмъ подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, на который отвѣчали и наши два конныя орудія. Вскорѣ послѣ того непріятель пріостановилъ наступленіе и пальба прекратилась, но вслѣдъ затѣмъ получилось извѣстіе объ обходномъ движеніи, предпринятомъ противъ обоихъ фланговъ нашего отряда и о наступленіи значительныхъ силъ изъ трехъ родовъ оружія по шоссе изъ Разграда на Турлакъ, который черезъ нѣсколько времени и былъ занятъ противникомъ. Гористая и покрытая высокимъ кустарникомъ мѣстность весьма способствовала движенію непріятельской пѣхоты, которая, пользуясь глубокимъ оврагомъ, поросшимъ кустами, лежащимъ къ западу отъ Писанцы, легко могла занять узкое дефиле, по которому пролегалъ единственный путь отступленія нашей кавалеріи, а между тѣмъ баталіонъ Зарайскаго полка, спѣшившій къ Писанцѣ, находился еще въ шести—семи верстахъ отъ нея. Вслѣдствіе всего этого, генералъ-лейтенантъ князь Манвеловъ рѣшился сняться со своей позиціи и отойти къ Соленику. Подоспѣвшія четыре орудія 15-й конной баттареи прикрывали отступленіе своимъ огнемъ, а орудія Донской баттареи и 3-й эскадронъ Ахтырцевъ оставались на позиціи послѣдними. Наша потеря; контуженъ поручикъ Вельяшевъ и ранено четверо нижнихъ чиновъ.

Рапортъ командира 1-й бригады 35-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Тихменева.

13-го іюля, вечеромъ, въ штабѣ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова у д. Соленикъ (въ отрядѣ котораго состояла командуемая мною бригада съ двумя баттареями) получены были извѣстія о расположеніи непріятельскаго лагеря, изъ

трехъ родовъ оружія, близъ дер. Езержи, въ направленіи къ Разграду, причемъ размѣръ лагеря не былъ точно опредѣленъ.

Предполагая, что стоящій тамъ турецкій отрядъ имѣетъ назначеніе прикрывать шоссейную дорогу изъ Рущука въ Разградъ, по которой замѣчалось въ послѣдніе дни усиленное движеніе войскъ и транспортовъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, на бывшемъ у его сіятельства ночью совѣщаніи, рѣшилъ аттаковать всѣми частями ввѣренной мнѣ бригады, съ состоящею въ отрядѣ кавалеріей, непріятельскій лагерь, утромъ, 14-го числа, съ тѣмъ чтобы воспрепятствовать свободному движенію транспортовъ по линіи Рущукъ-Разградъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить въ точности, какъ силы противника въ этомъ мѣстѣ, такъ и занимаемое имъ положеніе. Но такъ, какъ полученныя на разсвѣтѣ свѣдѣнія показывали, что непріятеля у Езержи болѣе не замѣчено, то предположенное съ утра движеніе на эту деревню было отмѣнено.

Изъ частей командуемой мною бригады одинъ баталіонъ Нѣжинскаго полка занималъ д. Констанцу, лежащую въ пяти верстахъ къ востоку, прикрывая нашъ лагерь со стороны Разградскаго шоссе, а баталіонъ Болховскаго полка оставался въ д. Соленикъ въ ущельѣ, гдѣ находились кухни всего отряда, главныя силы котораго были расположены на высотахъ надъ д. Соленикъ, по лѣвую сторону одного изъ притоковъ рѣки Ломъ.

Въ 9 часовъ утра я получилъ отъ командира 2-го баталіона 137-го пѣхотнаго Нѣжинскаго полка, маіора Егорова, занимавшаго Костанцу, донесеніе, что непріятельская кавалерія аттаковала нашу казачью сотню, содержавшую аванпосты и разъѣзды впереди Костанцы, и что онъ съ баталіономъ двинулся на Костанцскія высоты для поддержки казаковъ.

Считая силу одного баталіона достаточнымъ вполнѣ для означенной надобности, и не желая напрасно тревожить людей въ лагерѣ, я приказалъ маіору Егорову, по отраженіи непріятельской кавалеріи, возвратиться на свою позицію.

Въ 10 часовъ утра маіоръ Егоровъ донесъ мнѣ, что въ завязавшейся у него перестрѣлкѣ появились и пѣхотныя непріятельскія части; поэтому, не рискуя оставлять одинъ баталіонъ безъ артиллеріи и поддержки на мѣстности пересѣченной, представляющей всѣ удобства для скрытныхъ движеній непріятеля, я приказалъ командиру Нѣжинскаго полка, полковнику Тинькову, съ первымъ баталіономъ, тремя ротами 3-го баталіона *) и четырьмя орудіями 5-й баттареи 35-й артиллерійской бригады, немедленно двинуться на поддержку маіора Егорова; маіору Флоренскому, съ четырьмя ротами 2-го батальона Болховскаго полка и съ четырьмя орудіями той же баттареи, занять Костанцу, образовавъ резервъ; затѣмъ всѣ остальныя части бригады со 2-ю баттареи 35-й артиллерійской бригады были оставлены подъ начальствомъ командира Болховскаго полка, полковника Буссе, для прикрытія лагеря на случай появленія непріятеля со стороны Писанцы или отъ Церовца.

Доведя о сдѣланныхъ распоряженіяхъ до свѣдѣнія генералъ-адъютанта графа

*) Прочія роты этого баталіона были въ служебномъ нарядѣ по лагерю.

Воронцова-Дашкова, я отправился въ Костанцу и на дорогѣ обогналъ первую и вторую линейныя роты Болховскаго полка, которыя, находясь въ Соленикскомъ ущельѣ и услыхавъ выстрѣлы со стороны Костанцы, пошли на выстрѣлы, по почину своихъ ротныхъ командировъ, для поддержки 2-го баталіона Нѣжинскаго полка.

По пріѣздѣ въ Костанцу, я хотя и нашелъ дѣло съ кавалеріей уже поконченнымъ (причемъ у насъ былъ раненъ одинъ казакъ и три рядовые), но тѣмъ не менѣе, не рѣшился отвести войска въ лагерь до прибытія графа Воронцова-Дашкова, такъ какъ, по моимъ личнымъ соображеніямъ, движеніе непріятельской кавалеріи къ Костанцѣ имѣло вызывающій характеръ.

Прибывшій вскорѣ въ Костанцу графъ Воронцовъ-Дашковъ, принявъ рѣшеніе преслѣдовать непріятеля кавалеріей, стянувшеюся къ этому времени въ Костанцу, приказалъ мнѣ двинуться вслѣдъ за нею, съ тѣмъ чтобъ атаковать непріятеля, если, по открытіи его кавалеріей, онъ не уклонится отъ боя.

За оставленіемъ двухъ ротъ Нѣжинскаго полка для прикрытія Костанцы, я располагалъ собственно для боя одиннадцатью ротами Нѣжинскаго полка и шестью ротами Болховскаго, а всего семнадцатью ротами при восьми четырехфунтовыхъ орудіяхъ 5-й батареи 35-й артиллерійской бригады.

Предварительныя распоряженія мои заключались въ томъ, что полковникъ Тиньковъ долженъ былъ съ одиннадцатью ротами Нѣжинскаго полка дѣйствовать исключительно на лѣвый флангъ противника и, наступая на Езержи, наблюдать особенно за своимъ правымъ флангомъ, имѣя за нимъ съ этою цѣлію уступомъ вправо резервъ, на случай еслибы непріятель рѣшился ударить на насъ со стороны Разграда отъ д. Хисенжи. Маіору же Флоренскому поручено атаковать съ четырьмя ротами непріятельскую позицію съ фронта, поддерживая тѣсную связь съ Нѣжинцами, а двѣ роты оставить въ общемъ резервѣ.

Въ началѣ 2 часа дня, впереди нашихъ пѣхотныхъ колоннъ, двигавшихся по двумъ дорогамъ, послышался горячій артиллерійскій огонь въ направленіи къ дер. Езержи.

Въ это время состоявшая въ отрядѣ пѣшая батарея подпималась по одному орудію въ гору отъ Костанцы, преодолѣвая крутизну, камни и другія мѣстныя препятствія. Поэтому, не ожидая артиллеріи, я приказалъ маіору Флоренскому съ четырьмя ротами Болховскаго полка спѣшить на поддержку кавалеріи, на тотъ случай, еслибъ она наткнулась на непріятельскую пѣхоту.

Войдя въ сферу артиллерійскаго огня и убѣдившись, что непріятель дѣйствуетъ противъ нашей кавалеріи исключительно артиллерійскимъ огнемъ, я пріостановилъ наступленіе маіора Флоренскаго до прибытія полковника Тинькова съ Нѣжинскими ротами.

Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, на докладъ мой о прибытіи пѣхоты въ составѣ двѣнадцати ротъ, за которыми въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали еще три роты Нѣжинскаго полка и двѣ Болховскаго вмѣстѣ съ артиллеріей, отдалъ мнѣ приказаніе атаковать д. Езержи, дѣйствуя преимущественно на лѣвый флангъ непріятельской позиціи.

Непріятельская батарея въ шесть орудій была расположена на командующей весьма значительной высотѣ, у сѣверо-восточнаго угла д. Езержи; пѣхота помѣщалась за земляными и колючими изгородями, идущими около деревни по линіи непріятельскаго фронта. Подступы къ деревнѣ со всѣхъ сторонъ представляли крайне пересѣченную мѣстность, покрытую густою, трудно проходимою и высокою зарослью, идущею съ фронта предъ деревней на разстояніи до $2^1/_2$ верстъ. У подошвы горы, по которой расположена деревня, заросль прекращалось и подъемъ въ гору шелъ по ровному склону, совершенно открытому какъ для ружейнаго, такъ и для артиллерійскаго огня. Сила позиціи увеличивалась полною невозможностью для насъ руководить направленіемъ частей въ лѣсной чащѣ и даже располагать резервами, по невозможности опредѣлить слабыя стороны боя. Обходъ лѣваго непріятельскаго фланга въ тылъ его расположенія хотя и былъ возможенъ, но для этого наши ограниченныя, сообразно съ протяженіемъ боевой линіи непріятеля, средства, были недостаточны.

Правый флангъ непріятельской позиціи, круто спускаясь къ сѣверу и къ сѣверо-востоку, представлялъ густую заросль, неудобную для маневрированія. Оставалась возможною одна лишь фронтальная атака. Впрочемъ, заросль впереди деревни представляла для насъ ту важную выгоду, что скрывала движеніе нашихъ частей и вводила непріятеля въ заблужденіе относительно размѣра нашихъ силъ.

Затѣмъ, удобной артиллерійской позиціи мы не имѣли вовсе, такъ что наша легкая батарея поставлена была въ необходимость дѣйствовать съ разстоянія (по пристрѣлкѣ) въ 1.300 саженъ, причемъ одно орудіе совсѣмъ не могло дѣйствовать, имѣя предъ собою лѣсъ.

По полученіи распоряженій и указаній отъ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова относительно атаки, я, имѣя въ виду, что при изложенныхъ условіяхъ мѣстности бой долженъ быть основанъ исключительно на прочности и густотѣ цѣпи или, такъ-сказать, на дѣйствіи облавой,—далъ пѣхотнымъ частямъ соотвѣтственное этому боевое расположеніе, выдвинувъ въ цѣпь шесть ротъ (три стрѣлковыя и три линейныя); остальныя шесть ротъ расположились за цѣпью въ развернутомъ и нѣсколько разомкнутомъ фронтѣ. Три роты 2-го баталіона Нѣжинскаго полка, прибывшія одновременно съ батареей, составили, согласно прежде данному назначенію, резервъ праваго фланга, а двѣ роты Болховскія (7-я и 8-я) остались въ общемъ резервѣ около артиллерійской позиціи. Слабый резервъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и прикрытіемъ для артиллеріи, оправдывался присутствіемъ здѣсь нашей кавалеріи, занявшей, по приказанію графа Воронцова-Дашкова, наши фланги и прикрывшей нашъ тылъ со стороны Писанцы.

Поставивъ нашъ правый флангъ плечомъ впередъ и приказавъ держаться всѣмъ направленія пушечныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, я двинулъ одновременно всѣ части впередъ черезъ заросль, кромѣ двухъ Болховскихъ ротъ, составлявшихъ главный резервъ.

Артиллерійскій огонь непріятеля, направленный преимущественно по колоннамъ

нашей кавалеріи, прикрывавшей развертываніе боеваго порядка, почти не принесъ вреда пѣхотнымъ частямъ.

Въ исходѣ четвертаго часа дня 5-я батарея отрыла огонь съ занятой ею позиціи на 1.300 саженъ. Непріятель немедленно направилъ огонь всѣхъ своихъ орудій на нашу батарею.

Въ это время пѣхота вошла въ лѣсъ, и съ этого момента судьба боя перешла въ руки частныхъ начальниковъ и солдатъ.

Черезъ нѣкоторое время непріятель двинулъ въ лѣсъ изъ-за изгородей деревни густую цѣпь по открытому скату горы, лежащему впереди деревни.

Около 5 часовъ дня обѣ цѣпи встрѣтились. Одновременно открылась по всей линіи самая ожесточенная ружейная перестрѣлка; наша цѣпь бросилась въ штыки; Турки были опрокинуты и вытѣснены за опушку. Три раза они бросались въ лѣсъ и каждый разъ были отбиваемы, не взирая на присутствіе въ цѣпи начальника турецкаго отряда, Азизъ-паши, желавшаго своимъ личнымъ примѣромъ воодушевить солдатъ и заплатившаго жизнью за свою храбрость.

Выйдя изъ опушки, командиръ Нѣжинскаго полка, полковникъ Тиньковъ, съ 1-мъ баталіономъ и 3-ю стрѣлковою ротой, прежде другихъ вышедшими на опушку, бросился на деревню, имѣя въ головѣ 1-ю линейную (штабсъ-капитана Судьбинина) и 3-ю стрѣлковую (штабсъ-капитана Топорнина) роты, и выбивъ непріятеля штыками изъ-за изгородей и заваловъ, овладѣлъ деревней, продолжая заходить правымъ флангомъ впередъ и направляясь, такимъ образомъ, во флангъ и тылъ непріятельской артиллеріи.

Но баттарея, въ то время, когда полковникъ Тиньковъ двинулся къ деревнѣ, быстро снялась съ позиціи и отступила.

Между тѣмъ, маіоръ Флоренскій на лѣвомъ флангѣ, дѣйстуя въ лѣсу и оврагахъ, потерявъ изъ четыремъ ротныхъ командировъ трехъ и вообще понеся значительныя потери, упорно продолжалъ наступленіе и, выбивъ турокъ изъ трущобъ, прилегающихъ къ сѣверной сторонѣ Езержи, обезпечилъ за нами полное обладаніе деревней.

Непріятельская баттарея, дѣйствовавшая въ началѣ изъ шести орудій, къ концу артиллерійскаго боя отвѣчала на выстрѣлы нашей артиллеріи только четырьмя, и около $6^1/_2$ часовъ вечера, когда Нѣжинцы бросились на деревню, она совсѣмъ прекратила огонь.

Бой пѣхоты окончился въ $8^1/_2$ часовъ вечера. Наши роты занимали густою цѣпью опушку деревни, имѣя въ резервѣ въ самой деревнѣ около двухъ ротъ. Затѣмъ, двѣ роты, оставшіяся въ общемъ резервѣ, въ лѣсъ не вступали, оставаясь при артиллеріи, которая, по окончаніи боя, перешла на высоту около дороги изъ Езержи къ Костанцу, куда по приказанію генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, долженъ былъ возвратиться весь отрядъ изъ Езержи послѣ уборки раненыхъ, къ чему было приступлено немедленно по прекращеніи боя.

Непріятель, отступивъ по дорогѣ къ Разграду, занялъ къ ночи позицію на высотахъ, верстахъ въ двухъ отъ Езержи и, сдѣлавъ оттуда нѣсколько выстрѣ-

ловъ картечными гранатами по нашимъ гусарамъ, вступившимъ въ деревню, прекратилъ стрѣльбу, и ночью продолжалъ дальнѣйшее отступленіе на Разградъ.

Непріятель, при отступленіи, бросилъ тѣла убитыхъ, въ числѣ которыхъ было тѣло Азизъ-паши и еще нѣсколькихъ лицъ, занимавшихъ, судя по найденной у нихъ перепискѣ, высокое положеніе въ рядахъ Турецкой арміи. Также брошены непріятелемъ: транспортъ съ сухарями, патроны, разныя боевыя и лагерныя принадлежности, значки и проч. Нами взяты 16 плѣнныхъ, по показаніямъ которыхъ въ дѣлѣ со стороны Турокъ участвовали три пѣхотные полка, при шести орудіяхъ; количество кавалеріи они не могли точно опредѣлить.

Въ Езерджи была порвана телеграфная проволока и уничтоженъ аппаратъ на телеграфной станціи.

Пѣхотная часть отряда генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова въ бою состояла изъ 17 ротъ, представлявшихъ собою силу въ 2,640 штыковъ, при восьми четырехъ-фунтовыхъ орудіяхъ.

Въ бою участвовали изъ пѣхоты слѣдующія части: 1) утромъ, при отраженіи непріятельской кавалеріи—2-й баталіонъ 137-го пѣхотнаго Нѣжинскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны полка; 2) въ дѣлѣ у Езерджи: Нѣжинскаго полка весь первый баталіонъ, три роты 2-го баталіона (6-я, 7-я и 2-я стрѣлковыя) и три роты 3-го баталіона (½ 10-й, ½ 11-й 12-я и 3-я стрѣлковыя роты), итого 11 ротъ. Болховскаго полка 2-го баталіона четыре роты (6-я, 7-я, 8-я и 2-я стрѣлковая) и 1-я и 2-я линейныя роты; итого шесть ротъ. Всего 17 ротъ, 8 орудій 5-й баттареи 35-й артиллерійской бригады.

Бой при Езерджи былъ чисто солдатскій. Лишенные руководства въ теченіе болѣе часа, въ густой, сплошной заросли, солдаты наступали дружно на звукъ непріятельскаго выстрѣла; успѣхъ этого дня есть прямой результатъ солдатскаго воспитанія. Не было предѣла ихъ молодечеству, отвагѣ и находчивости.

Дѣйствія офицеровъ безупречны: и въ качествѣ солдата и въ качествѣ руководителя они были на своихъ мѣстахъ, исполняли свой долгъ свято, честно и беззавѣтно храбро.

Командиры полковъ и отрядовъ: Нѣжинскаго полковникъ Тишковъ и Болховскаго—полковникъ Флоренскій, не говоря объ ихъ хладнокровіи и распорядительности, были храбры до излишества, до неосторожности.

Дѣйствія артиллеристовъ были высоко-доблестны; подъ сильнымъ, меткимъ огнемъ непріятельской баттареи, офицеры и солдаты дѣйствовали какъ на ученіи, офицеры сами наводили орудія.

Турки дрались хорошо и упорно, артиллерія ихъ дѣйствовала болѣе, чѣмъ хорошо. Не могу не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ начальнику турецкаго отряда, Азизу-пашѣ, павшему смертью храбрыхъ впереди своей цѣпи, въ моментъ ея отступленія.

Съ 18 іюля турецкіе передовые отряды, постоянно отступавшіе предъ нашими войсками, стали мѣстами переходить въ наступленіе, но до 4 августа нигдѣ не успѣли оттѣснить нашихъ.

18 іюля, въ $5\frac{1}{2}$ часовъ пополудни, противъ позиціи нашего передоваго отряда (двѣ роты и два орудія), стоявшаго впереди Кадыкіоя, стали показываться всадники врознь и кучками, а за ними появились два орудія и колонна пѣхоты (около баталіона). Замѣтивъ наши посты, противникъ свернулъ къ сторонѣ рѣки Ломъ и сталъ подвигаться впередъ по двумъ оврагамъ. Четыре орудія, вызванныя изъ резерва на лѣвый флангъ нашей позиціи, открывъ огонь, нѣсколькими удачно пущенными гранатами заставили противника отойти въ Рущукъ. Партія всадниковъ, числомъ до 300 человѣкъ, пыталась обойти нашъ правый флангъ, но встрѣченная огнемъ конной цѣпи казаковъ повернула назадъ. У Бесарбова и Красно турками были выдвинуты боковые отряды, съ двумя орудіями при каждомъ. Эти орудія произвели нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ по нѣсколькимъ нашимъ эскадронамъ, направившимся по лѣвому берегу Лома. Потери у насъ не было.

22 іюля турки окружили на Османъ-Базарской дорогѣ разъѣздъ Нарвскаго гусарскаго полка, подъ командою ротмистра Вегнера, который былъ убитъ вмѣстѣ съ шестью нижними чинами. Изъ двухъ оставленныхъ на мѣстѣ тѣлъ, у одного голова была отрѣзана, и въ ротъ вложена дѣтородная часть; у другаго животъ и дѣтородныя части были страшно вздуты; видно было что по нимъ били палками до самой смерти.

23 іюля, въ 11 час. утра, сотня Донскаго казачьяго № 8-го полка была атакована у Аяслара (на Кара-Ломѣ) двумя регулярными эскадронами и сотнею баши-бузуковъ со стороны Аршлара, а пѣхотой со стороны Эски-Джумы. Сотня и подошедшій эскадронъ уланъ отошли къ бивуаку своего отряда у Попкіоя. Кавалерія противника, пройдя Султанкіой, появилась въ долинѣ Лома уже въ виду нашего бивака и тотчасъ была прогнана четырьмя выстрѣлами стоявшей на позиціи конной баттареи. Высланная, въ 7 часовъ вечера, рота прогнала непріятеля за Аясларъ, который былъ снова занятъ сотнею. Въ дѣлѣ убиты двое и ранены семь человѣкъ.

25 іюля черкесы, числомъ до 400 человѣкъ, пытались оттѣснить передовыя войска генерала Прохорова у Аяслара и Кизиляра. Непріятель былъ отбитъ, а передовыя войска снова заняли свои позиціи. У насъ убитъ одинъ и ранены 15 рядовыхъ, всѣ Невскаго полка.

28 іюля турки произвели нападеніе на дер. Садину, вслѣдствіе чего туда посланъ былъ баталіонъ Зарайскаго полка съ четырьмя орудіями. Наступленіе турокъ было отражено, и тѣмъ же отрядомъ очищены отъ противника дер. Карахасанкіой и близь лежащій лѣсъ.

На слѣдующій день, около четырехъ часовъ пополудни, двѣ сотни черкесовъ напали на казачій постъ у Мехметлера. Казаки спѣшились и открыли огонь. Черкесы, замѣтивъ приближеніе подкрѣпленія изъ двухъ эскадронъ съ конною баттареей, поспѣшно удалились.

31 іюля турецкая кавалерія, числомъ до 700 человѣкъ, сдѣлала нападеніе на дер. Садину. 4-й эскадронъ Лубенскаго гусарскаго полка отбилъ это нападеніе, потерявъ убитыми корнета Барановскаго и четырехъ нижнихъ чиновъ. Тяжело

ранены: ротмистръ Левенталь, штабъ-ротмистръ Богдановичъ и девять нижнихъ чиновъ. Къ концу дѣла подоспѣлъ баталіонъ пѣхоты съ двумя орудіями и эскадронъ лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка, дѣйствовавшій въ пѣшемъ строю. Непріятель также обнаружилъ въ концѣ дѣла пѣхоту съ артиллеріей, но съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы всего три-четыре пушечные выстрѣла.

4 августа, съ разсвѣтомъ, непріятель сталъ тѣснить наши передовые посты лѣваго фланга небольшими пѣхотными частями. Противъ него были высланы сначала двѣ роты пѣхоты, а потомъ, въ 11 часовъ, еще одна рота съ эскадрономъ Ахтырскихъ гусаръ и двумя орудіями. Турки были оттѣснены, но, затѣмъ, выдвинули къ Бесарбову кавалерію съ артиллеріей и открыли канонаду по нашей казачьей баттареѣ, а три роты непріятельской пѣхоты пытались перейти Ломъ въ этомъ мѣстѣ. Въ то же время, противъ праваго фланга Донскаго казачьяго № 12-го полка, у дер. Кадыкіоя, стали появляться большія сомкнутыя кавалерійскія части, а противъ третьяго баталіона Украинскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго на правой сторонѣ Лома на высотѣ Чифтлика, показались четыре баталіона пѣхоты; но тутъ противникъ держался все время внѣ выстрѣла. Наступленіе турокъ у Бесарбово было отражено ловкими и смѣлыми дѣйствіями подоспѣвшихъ ротъ Украинскаго полка и эскадрона гусаръ; канонада, въ которой участвовали со стороны непріятеля три баттареи и фортъ Левантъ-Табіе, прекратилась въ 2 ч. 40 мин. Турки отошли съ потерей 12—15 человѣкъ. У насъ контуженъ баталіонный командиръ Лосневскій, и ранены три пѣхотинца и одинъ гусаръ.

Въ теченіе описанныхъ попытокъ турецкихъ войскъ къ переходу въ наступленіе (съ 18 іюля по 4 августа), нашими передовыми отрядами сдѣлано было еще нѣсколько удачныхъ поисковъ къ сторонѣ непріятеля. Такъ, 27 іюля командой Ахтырскихъ гусаръ взорваны въ четырехъ мѣстахъ рельсы Рущукско-Варнской желѣзной дороги и испорченъ телеграфъ. Послѣ того, въ дер. Червенаводы появились черкесы и баши-бузуки и стали грабить и рѣзать болгаръ за то что они, будто бы, провели русскія войска на желѣзную дорогу. Тогда командиръ 12-го Донскаго полка выслалъ въ сказанную деревню сильный разъѣздъ, который прогнавъ турокъ, далъ возможность жителямъ выселиться. Въ тотъ же день нашъ передовой отрядъ произвелъ наступленіе и на правомъ флангѣ Рущукскаго отряда. Начальникъ штаба 13-го корпуса, генеральнаго штаба полковникъ Ильяшевичъ, съ отрядомъ изъ двухъ баталіоновъ, $1^1/_2$ эскадроновъ и четырехъ орудій, очистилъ окрестности Демиркіоя и Чобана (по Османъ-Базарской дорогѣ) отъ бродившихъ тамъ черкесовъ и баши-бузуковъ, и, открывъ у дер. Рамкіой непріятельскую пѣхоту, возвратился на слѣдующій день въ Ковачицу.

—

Въ связи съ дѣйствіями Рущукскаго отряда, на Дунаѣ, 9 іюля, былъ произведенъ поискъ лейтенанта Дубасова съ пароходомъ *Великій Князь Николай* и паровыми катерами *Царевичъ* и *Птичка*. Поискъ этотъ исполненъ по при-

казанію генералъ-лейтенанта Циммермана, съ цѣлью разузнать о силахъ турокъ на правомъ берегу Дуная въ окрестностяхъ Силистріи.

Затѣмъ, 17 іюля, казачьимъ постомъ были замѣчены два турецкіе парохода, стоявшіе у праваго берега Дуная, ниже дер. Кусуй (противъ Ольтеницы), и нагружавшіеся тамъ. Замѣтивъ казаковъ, турки открыли по нимъ сильный ружейный огонь. Чтобы воспрепятствовать непріятелю производить нагрузку и отчасти чтобы предупредить возможность высадки его на такомъ участкѣ лѣваго берега рѣки, который представлялъ большія къ тому удобства, начальникъ Ольтницкаго участка, полковникъ Плаксинъ, съ вечера 17 іюля, направилъ къ тому мѣсту, противъ котораго стояли пароходы, одну стрѣлковую роту Путивльскаго полка, взводъ 5-й баттареи 32-й артиллерійской бригады и полсотни казаковъ подъ начальствомъ подполковника Андро. Въ часъ ночи отрядъ расположился на позиціи, а въ 4 часа утра орудія наши открыли огонь по пароходамъ. Застигнутые врасплохъ, турки не сразу стали отвѣчать, но потомъ, выдвинувъ оказавшуюся у нихъ канонирскую лодку съ тремя орудіями, стали отстрѣливаться и затѣмъ часъ спустя удалились. Одинъ изъ турецкихъ пароходовъ былъ поврежденъ нашими выстрѣлами.

Наконецъ для истребленія складовъ у паровой мельницы, стоявшей въ Рущукѣ, на берегу Дуная, 2 августа, въ $6^1/_2$ часовъ вечера, съ нашихъ баттарей лѣваго берега былъ открытъ огонь по упомянутой мельницѣ и по двумъ турецкимъ баттареямъ. Мельница вскорѣ загорѣлась, а непріятельскія орудія принуждены были замолчать. Въ этотъ разъ турки впервые открыли огонь съ городской стѣны и съ форта Эюбъ-Табіэ и поддерживали его нѣкоторое время и на другой день, стрѣляя по Журжеву, но безъ результатовъ. Цѣль нашей стрѣльбы, сожженіе мельницы и уничтоженіе складовъ, была достигнута вполнѣ.

Летучій набѣгъ *).

«Можетъ быть не всѣ читатели знаютъ, что такое летучій набѣгъ; поэтому сегодня я разскажу про одинъ изъ нихъ, котораго я былъ очевидцемъ. Набѣгъ этотъ производился подъ личнымъ наблюденіемъ командира 12 корпуса, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича. 9-го іюля, въ 10 час. утра, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, взявъ три сотни Донскаго казачьяго № 37 полка подъ начальствомъ полковника И. В. Иловайскаго, съ двумя легкими орудіями казачьей артиллеріи и батальономъ пѣхоты отъ Бендерскаго полка, выѣхалъ по направленію къ с. Иванъ-Чифтлику. Великаго Князя сопровождали: начальникъ штаба генералъ-маіоръ Косичъ, начальникъ артиллеріи А. П. Неѣловъ, флигель-адъютантъ полковникъ Тучковъ, полковники Васмундъ и Скарятинъ, штабсъ-ротмистръ графъ Шуваловъ, поручикъ Всеволожскій, корпусный врачъ Леваневскій, генеральнаго штаба подпол-

---

*) Корр. „Новаго Времени". 1877 г.

ковникъ Карповъ, художникъ Ковалевскій и еще нѣсколько лицъ, составляющихъ свиту или состоящихъ при начальникѣ штаба. Личный конвой Великаго Князя составляли пять казаковъ собственнаго Его Величества конвоя; одинъ изъ казаковъ держалъ въ рукахъ издалека видимый красный флагъ корпуснаго командира.

«Былъ хорошій теплый день, когда выступилъ маленькій отрядъ съ цѣлью разрушить у непріятеля желѣзную дорогу, оборвать телеграфы, разслѣдовать мѣстность, на которой придется дѣйствовать впослѣдствіи, узнать, если можно, о силахъ, сосредоточенныхъ у Рущука и быстро возвратиться назадъ. Для этого предположено было дойти до деревни Кадыкіой, которая находится въ верстахъ въ 5 отъ Иванъ-Чифтлика и въ верстахъ въ 14 отъ Рущука, отъ деревни Кадыкіой послать сотню казаковъ съ динамитными патронами на желѣзную дорогу, а остальными двумя сотнями съ двумя орудіями и батальономъ пѣхоты прикрывать ея отступленіе, въ случаѣ если бы непріятель вздумалъ отрѣзать путь командированной для порчи дороги и телеграфовъ сотнѣ.

«Выѣхавъ въ 10 часовъ утра изъ с. Тростеника, мы встрѣтили цѣлыя партіи бѣгущихъ болгаръ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ. «Здравствуйте».—«Добра душа».—«Откуда?» — «Изъ Иванъ-Чифтликъ».—«Въ чемъ дѣло?» — «Бѣжимъ отъ турокъ—грабитъ и рѣжетъ».—Плохо.

«Въ 12 часовъ прибыли къ с. Иванъ-Чифтликъ, которое расположено на берегу рѣки Лома. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Ломъ не широка, всего саженъ 30—40, но оба берега чрезвычайно круты, можно даже сказать совершенно перпендикулярны къ рѣкѣ, и очень высоки, сажень 30. Узенькая дорожка, ведущая къ Иванъ-Чифтлику, спускается изгибами по крутизнамъ одного берега, переходитъ хорошимъ каменнымъ мостикомъ черезъ рѣку Ломъ и такими же изгибами подымается на другой берегъ. Остановившись нѣсколько минутъ на нашемъ берегу и давъ людямъ отдохнуть, спустились внизъ, прошли чрезъ деревню Иванъ-Чифтликъ и перешли на непріятельскій берегъ. Тутъ нашъ маленькій отрядъ перестроился, впереди пошли казачьи разъѣзды, потомъ сотня казаковъ, два орудія казачьей артиллеріи, двѣ сотни казаковъ, Великій Князь со всей свитой и за симъ батальонъ пѣхоты Бендерскаго полка. Пройдя версты двѣ, одна сотня подъ командою лихаго сотника Писменова, круто взяла вправо и на рысяхъ пошла по направленію къ желѣзной дорогѣ, до которой, по приблизительному разсчету на основаніи картъ считалось верстъ 6. Остальной отрядъ пошелъ прямо на деревню Кадыкіой, затѣмъ полковникъ Иловайскій съ казаками и орудіями сталъ въ выжидательной позиціи по дорогѣ къ Рущуку, а Великій Князь со свитой отправился въ деревню Кадыкіой.

«Въ это время казаки, посланные въ разъѣздъ, стали понемногу возвращаться съ плѣнными турецкими солдатами и баши-бузуками, которые, завидя казаковъ, бѣжали изъ деревни, а когда казаки пустились за ними въ погоню, то начали отстрѣливаться, но, не находя возможности спастись, бросили оружіе и сдались въ плѣнъ. Жители деревни, увидавъ Великаго Князя со свитой, выбѣжали къ нему на встрѣчу, но замѣтивъ плѣнныхъ баши-бузуковъ, бросились на нихъ съ остервененіемъ и начали ихъ бить. Жандармамъ насилу, при помощи нагаекъ,

удалось ихъ вырвать изъ рукъ болгаръ. Оказалось, что эти самые баши-бузуки, только-что передъ прибытіемъ нашего отряда, разграбили имущество жителей деревни Кадыкіой и зарѣзали нѣсколько человѣкъ. Великій Князь, пожелавъ удостовѣриться въ справедливости ихъ показаній, поѣхалъ въ сопровожденіи свиты въ деревню. Деревня Кадыкіой очень хорошее, зажиточное и большое село. Но, что за ужасъ представился нашимъ глазамъ! Православная церковь подверглась особому опустошенію. Окна, рамы, двери выбиты, всѣ образа и украшенія разбиты въ мелкіе куски. Въ домахъ все разбито, переломано, на нѣсколькихъ дворахъ лежатъ зарѣзанные трупы. Мы насчитали 5 труповъ мужчинъ и одной женщины. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ былъ еще живъ. Докторъ Леваневскій тотчасъ же бросился оказать ему первоначальную помощь и распорядился положить его въ лазаретную повозку, но рана бѣднака была смертельна; у него кинжалъ прошелъ черезъ весь животъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ.

«Объяснивъ болгарамъ, что отрядъ тутъ не останется, и чтобы они до полнаго вступленія русскихъ войскъ позаботились поскорѣе убраться въ деревни, уже занятыя русскими войсками, Великій Князь возвратился изъ деревни и поѣхалъ на линію, находившуюся на пути обратнаго слѣдованія, на одной высотѣ съ казаками полковника Иловайскаго, который находился отъ насъ вправо на разстояніи версты 2. Такъ какъ сотня Нименова еще не возвращались, то нужно было ее дожидаться.

«Изъ предосторожности остановилась на возвышеніи и начали смотрѣть въ бинокли. Вдали показался эскадронъ кавалеріи, рызсыпался и разсыпнымъ строемъ началъ наступать на казаковъ полковника Иловайскаго. Это былъ разъѣздъ черкесовъ. Нужно правду сказать, хоть они и враги наши, такихъ ловкихъ и смѣлыхъ наѣздниковъ можно пожелать каждому войску. Кавалерія—это глаза арміи, а они подъѣзжаютъ на ружейный выстрѣлъ къ непріятелю и уже не спускаютъ съ него глазъ. Мѣстность передъ нами и на пути нашего отступленія была гористая, перерѣзанная оврагами и засѣянная виноградомъ, въ которомъ чрезвычайно удобно скрываться непріятелю. Приблизившись на ружейный выстрѣлъ, они спрятались въ виноградникахъ и открыли ружейную пальбу по нашимъ казакамъ. Въ прямомъ направленіи за черкесами вдали показались какія-то колонны; за дальностью разстоянія нельзя было разобрать, артиллерія ли это или кавалерія. Солнце стало садиться, было часовъ 7 вечера. Наши казаки даютъ выстрѣлъ изъ орудія, другой, третій. Великій Князь посылаетъ одного изъ адъютантовъ узнать, что тамъ такое у Иловайскаго. Адъютантъ возвращается и докладываетъ, что хотя полковникъ Иловайскій утверждаетъ, что стрѣлялъ по непріятельскимъ колонамъ, но самъ онъ не видалъ лично никого, кромѣ 60-ти черкесовъ. Кто былъ понеопытнѣе успокоился, и собрались въ обратный путь, тѣмъ болѣе что къ намъ въ подкрѣпленіе подошелъ батальонъ Тираспольскаго полка. Полковникъ Иловайскій снялся съ своей позиціи и, подъѣхавъ къ Великому Князю, доложилъ, что непріятель насъ тѣснилъ со всѣхъ сторонъ и что пора возвращаться. По собраннымъ свѣдѣніямъ видимо, что

весь турецкій корпусъ, расположенный въ окрестныхъ деревняхъ, поднялся, чтобы захватить нашъ маленькій отрядъ. Полковникъ Иловайскій послалъ дать знать сотнику Пименову, чтобы онъ спѣшилъ соединиться съ отрядомъ и Великій Князь со свитой тронулся въ обратный путь.

«Между тѣмъ сотникъ Пименовъ, повернувъ передъ деревней Кадыкіой вправо, какъ мною уже сказано выше, пошелъ по направленію къ желѣзной дорогѣ. Пройдя версты три, онъ встрѣтился съ разъѣздомъ черкесовъ. Видя, что онъ открытъ и что черкесы сейчасъ дадутъ знать о его приближеніи и помѣшаютъ ему исполнить возложенное на него порученіе, онъ скомандовалъ назадъ, но, спустившись въ лощину и скрывшись изъ виду черкесовъ, вновь обернулъ свою сотню и лощиной пошелъ къ желѣзной дорогѣ. На этотъ разъ ему удалось пройти незамѣтнымъ прямо къ рельсамъ; спѣшившись и перескочивъ черезъ ровъ, около полотна желѣзной дороги, казаки быстро срубили 5 столбовъ телеграфа, оборвали проволоку и подложили динамитныя патроны. Взрывъ неудачный. Поврежденій весьма мало. Въ это время прискакиваютъ разъѣздные казаки и докладываютъ что необходимо спасаться, потому что въ право отъ его работы турецкая пѣхота стала въ ружье, а влѣво на нихъ трогается непріятельская кавалерія. «Не уѣду, пока не кончу», объявилъ сотникъ Пименовъ и собственноручно подложилъ въ двухъ мѣстахъ новыя патроны динамита. На этотъ разъ взрывъ послѣдовалъ такой, что у всѣхъ въ ушахъ зазвенѣло и желѣзную дорогу въ этихъ мѣстахъ совершенно перекоробило. Тогда, скомандовавъ «садись», онъ отправился на находившуюся неподалеку полустанцію желѣзной дороги. Быстро наскочивъ, изрубивъ сторожей и телеграфиста, онъ перепортилъ телеграфный аппаратъ и отправился въ обратный путь. Возвращаясь обратно, онъ слышитъ выстрѣлы и видитъ передъ собою турецкаго пашу, окруженнаго многочисленной свитой тоже съ высоко развѣвающимся флагомъ. «Если бы я зналъ, говорилъ онъ мнѣ потомъ, что у васъ происходитъ, то я не задумался бы ударить на него въ аттаку; но не зная въ какомъ положеніи дѣло, остановился въ нерѣшительности. Вдругъ скачетъ нашъ казакъ, машетъ ружьемъ и передаетъ приказаніе немедленно присоединиться къ полку, такъ какъ нашихъ отрѣзываютъ; тогда я по долинѣ, на рысяхъ, пошелъ на соединеніе.

«Отправившись въ обратный путь, Великій Князь спустился по дорогѣ въ долину и только-что поздоровался съ подошедшимъ баталіономъ Тирапольскаго полка, какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ, и взрывъ. Сзади Великаго Князя и его свиты, въ ста саженяхъ, перелетѣвъ черезъ нашу дорогу, упала граната и разорвалась, но никого по счастію не тронула. Я изумился, какъ такъ: 57 черкесовъ, и вдругъ граната. Но изумленіе это продолжалось недолго, потому что вслѣдъ за первой гранатой послѣдовала вторая, затѣмъ третья, все ближе и ближе; видимо, что турки стрѣляли по красному флагу корпуснаго командира и по большой свитѣ. Болгары, шедшіе впереди колонны, побѣжали. «Шагомъ», громко скомандовалъ Великій Князь. Болгары тотчасъ же пошли шагомъ. Конвоируемые нашими солдатами 18 человѣкъ плѣнныхъ при первыхъ выстрѣлахъ

остановились, полагая вѣроятно, что теперь съ ними некогда возиться и потому ихъ отпустятъ; но Великій Князь крикнулъ:—«зачѣмъ плѣнные остановились, впередъ.» и процессія эта волей-неволей зашагала. Четвертая граната пролетѣла прямо надъ головой Великаго Князя и разорвалась въ двадцати шагахъ. Послѣдовала команда—орудія на позицію—и наши донскія орудія, обогнавъ свиту и Великаго Князя, выѣхали на возвышеніе, батальонъ тираспольцевъ выстроился въ стрѣлковую цѣпь и встрѣтилъ подъѣзжавшихъ черкесовъ ружейнымъ огнемъ. Выѣхавъ на высоту, Великій Князь остановился, осмотрѣлъ занятыя нашимъ отрядомъ при отступленіи позиціи и убѣдившись въ безопасномъ уже положеніи дѣлъ, такъ какъ черкесы, наткнувшись на огонь нашей пѣхоты, начали отступать, поблагодарилъ за мужество и хладнокровіе нашихъ солдатъ. Затѣмъ, подъ прикрытіемъ этого огня, а равно защитой казаковъ, колонна медленно отступила къ с. Иванъ-Чифтликъ, потерявъ двухъ казаковъ убитыми и восемь человѣкъ солдатъ и казаковъ ранеными. Наши тоже не мало положили черкесовъ. Но сколько—никто не считалъ. Одинъ черкесъ ворвался прямо въ 4-ю сотню казаковъ, но видя, что дѣло его плохо, объявилъ, что сдается, и въ доказательство два раза выстрѣлилъ изъ ружья по своимъ. Мы бы его и взяли, говорилъ мнѣ одинъ казакъ, да видимъ, что по Великому Князю чипенками жарятъ, на насъ сзади больно напираютъ, только бы отстрѣляться въ пору, некогда съ нимъ тутъ возжаться, ну и отмахнули ему голову.

«Намъ предстоялъ еще опасный спускъ и подъемъ по крутизнамъ рѣчки Лома при деревнѣ Иванъ-Чифтликъ, на которомъ турки, еслибы были посмѣлѣе, могли бы причинить намъ огромныя потери; но, по счастью, наступившая темнота остановила наступленіе непріятеля и мы благополучно добрались до дому.»

На канунѣ второй плевненской битвы *).

«Пріѣхавши въ Бѣлу изъ русскихъ форпостовъ подъ Рущукомъ 15-го числа я узналъ о наступательномъ движеніи на Плевну. Зная, что до тѣхъ поръ пока не будетъ покончено съ Плевной обложеніе Рущука должно пріостановиться, и принимая въ соображеніе до какой степени важно, чтобы правый флангъ русскихъ войскъ, идущихъ къ Балканамъ, былъ избавленъ отъ опасности, угрожавшей ему отъ сосредоточенія въ Плевнѣ турецкихъ войскъ въ большомъ числѣ, ободренныхъ, притомъ, недавнимъ успѣхомъ, которымъ закончилась предъидущая несчастная попытка части 9-го корпуса взять городъ, я рѣшился тотчасъ же присоединиться къ войскамъ, направлявшимся къ Плевнѣ. Генералъ Игнатьевъ, далъ мнѣ рекомендательное письмо къ князу Шаховскому, командиру 11-го корпуса, часть котораго тоже назначалась въ дѣло, и мы съ товарищемъ отправились въ путь 15-го іюля, послѣ обѣда. Вечеромъ мы пріѣхали въ Павло и расположились бивуакомъ на одномъ болгарскомъ дворѣ. Тутъ мы раздобылись

*) Корр. газ. Daily News отъ 18 іюля 1877 г.

молокомъ для себя и кормомъ для лошадей. Дорога до Павло была намъ знакома, но на утро намъ пришлось путешествовать дальше по совершенно неизвѣстной дорогѣ и руководиться только картой. О картахъ Болгаріи, всѣхъ, какія мнѣ случилось видѣть, я могу сказать только одно, что даже лучшая изъ нихъ все-таки плоха. Руководствоваться ими почти невозможно, а болгарскихъ крестьянъ о дорогѣ тоже хоть не спрашивай: они не знаютъ ни разстояній, ни относительнаго положенія селеній. Разстоянія они опредѣляютъ на часы, да и совершенно невѣрно—почти наугадъ. «Далеко ли до Аксапра»? спрашиваете вы ихъ. «Два часа.» «А въ какую онъ будетъ сторону»? Вмѣсто отвѣта, махнутъ рукой вправо и зѣвнутъ во все горло. Вотъ проѣхавши часъ, и встрѣчая другаго крестьянина, опять спрашиваете: «Далеко ли до Аксапра?»

«Три часа!» «Въ какую сторону?» И этотъ, какъ и первый, зѣваетъ и махаетъ рукой налѣво. Если раздосадованные такими отвѣтами, вы перестанете распрашивать и попробуете руководствоваться картой, то попадете Богъ знаетъ куда. Самая подробная карта театра войны—карта австрійскаго генеральнаго штаба; но и въ ней есть много невѣрностей. Напримѣръ, на ней показаны большія дороги тамъ, гдѣ и проселочныхъ-то нѣтъ; селенія назначены какъ попало. Нѣсколько лучше, но все-таки не совсѣмъ пригодная для путешественника карта, которую предложилъ мнѣ мистеръ Станфордъ, озаглавленная такъ: «Карта театра войны въ Европѣ.» Она годится, пожалуй, для того, чтобы въ кабинетѣ слѣдить по ней за ходомъ военныхъ дѣйствій, т. е. до настоящаго момента; но мистеръ Станфордъ почему-то ограничилъ площадь театра войны. Плевна помѣщена на этой картѣ у самаго края съ западной стороны, а Крюденеръ съ Шаховскимъ предполагаютъ оттѣснить турокъ за Плевну, по направленію къ Виддину; между тѣмъ, день пути къ западу отъ того мѣста, откуда я пишу, выдвинулъ бы насъ за рамку карты мистера Станфорда. Къ югу она не доходитъ до Адріанополя и въ нее не включена долина Марицы, ниже соединенія желѣзныхъ дорогъ изъ Ямболя и Филиппополя, тогда какъ, по всей вѣроятности, между этимъ соединеніемъ и Адріанополемъ нужно ожидать самыхъ интересныхъ сраженій. На всѣхъ картахъ назначена большая дорога между Плевной на западѣ и Косовымъ на Янтрѣ на востокѣ. Намъ и хотѣлось попасть на эту дорогу; только бы выбраться на нее, а тамъ ужъ мы бы не спутались. Вотъ мы начали наводить о ней справки сначала въ Буруиджи. Оказывается, что тамъ никто и не слыхалъ никогда о такой дорогѣ. По картѣ она проходитъ черезъ селеніе Аксапръ, между тѣмъ кругомъ Аксапра пролегаютъ только проселочныя дороги. Въ Студени, которое на картѣ показано на той же большой дорогѣ, не существуетъ вовсе. Изъ Студени мы пустились наудачу по первой дорогѣ, но когда мы нѣсколько проѣхали, намъ сказали, что дорога эта идетъ въ Тырново, а не въ Плевну. Что тутъ дѣлать? Я сталъ искать дороги ощупью, какъ дѣлаютъ иногда охотники, и совершенно случайно напалъ на нее. Для турецкой дороги она была очень хороша—по обѣ стороны шли канавы, полотно усыпано мелкимъ камнемъ—всѣ примѣты большой дороги, за исключеніемъ только того, что по ней никто не ѣздилъ. Я увѣренъ, что по ней никог-

да не проѣхала ни одна повозка. Вѣроятно, это какая-нибудь заброшенная, не нужная дорога. По всей вѣроятности, туркамъ, когда-нибудь, кто-нибудь натолковалъ, что большая военная дорога черезъ всю Болгарію отъ Виддина до Шумлы необходима для военныхъ цѣлей; они сгоряча и давай проводить ее и провели отъ Плевны до Янтры, да такъ и оставили. Дорогу пересѣкаетъ рѣка Осма. Мостъ черезъ нее обвалился отъ времени, а на другой сторонѣ рѣки крестьяне косили сѣно на самомъ полотнѣ дороги, такъ что дальше мы потеряли ее вовсе изъ виду на нѣсколько миль и только за нѣсколько километровъ отъ селенія Караджика Болгарскаго, въ которомъ была главная квартира князя Шаховскаго расположилась на ночлегъ, опять напали на нее.

«11-му корпусу, которымъ князь командовалъ, пришлось таки поработать въ нынѣшнюю кампанію. Онъ первый перешелъ черезъ Прутъ и занялъ Галацъ. Война была объявлена 12-го апрѣля и въ тотъ же день отрядъ казаковъ, причисленный къ 12-му корпусу подъ начальствомъ полковника Струкова, выступилъ на дорогу въ Рени и выставилъ пикетъ на барбошскихъ высотахъ.

«Кажется, будто, ужъ цѣлый годъ прошелъ, а между тѣмъ всего только три мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ я просилъ разрѣшенія у князя Шаховскаго осмотрѣть его лагерь подъ Галацемъ. Корпусъ стоялъ долго у Галаца и Браилова, пока остальная армія подходила. Онъ приготовлялъ понтоны для мостовъ; онъ устраивалъ баттареи и для осадныхъ орудій въ Браиловѣ, съ которыхъ артиллеристы не изъ его состава разгромили Лютфи-Джелилъ.

«Онъ дѣлалъ приговленія, которыя облегчили переходъ черезъ Дунай у Гирсова для войскъ, принадлежащихъ къ другимъ корпусамъ. Онъ устраивалъ и вооружалъ баттареи въ Ольтеницѣ и первый былъ подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, открытымъ непріятелемъ изъ Туртукая. Онъ устраивалъ осадныя баттареи въ Журжевѣ и производилъ долго бомбардированіе Рущука, на описаніе котораго изведено столько чернилъ. Перейдя черезъ Дунай у Зимницы, корпусъ этотъ направился къ Тырнову съ надеждой, что солдатамъ не придется ужъ больше рубить деревья и таскать воду, что они пойдутъ за Балканы, будутъ сражаться и пожинать лавры и получать кресты среди розовыхъ садовъ долины Тунджи. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Черезъ день пути отъ Тырнова корпусу приказано было повернуть на востокъ и занять оборонительную позицію на линіи движенія турецкихъ войскъ отъ Шумлы черезъ Османъ-Базаръ къ Тырнову и русскихъ сообщеній между Тырновомъ и Дунаемъ. Это было все-таки лучше,—здѣсь можно было ожидать сраженія, такъ какъ было получено извѣстіе, что турки въ большомъ числѣ сосредоточены у Османъ-Базара, и Шаховскому было разрѣшено идти до Османъ-Базара и отыскать непріятеля. Но 8-го іюля онъ получилъ новый, совершенно другой приказъ. «Насъ толкаютъ какъ мячь», сказалъ мнѣ одинъ офицеръ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. Я старался утѣшить его, доказывая, что нужно скорѣе считать за честь, а не обижаться тѣмъ, когда ихъ выбираютъ на самыя трудныя дѣла и что въ этой послѣдней экспедиціи имъ, навѣрное, придется попасть въ сраженіе. Во всякомъ случаѣ,

корпусъ составилъ ужъ себѣ хорошую репутацію. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы видѣть, что пройти разстояніе отъ Косареваца, лежащаго миляхъ въ 20-ти на востокъ отъ Тырнова, до Плевны, въ шесть дней и притомъ въ такой жаръ, —дѣло нелегкое. Такой походъ можно назвать блистательнымъ. Въ дивизіонномъ госпиталѣ, въ Булгарени, куда я заглянулъ по пути въ главную квартиру князя Шаховскаго, я убѣдился на сколько труденъ былъ этотъ походъ. Нѣсколько человѣкъ было поражено солнечнымъ ударомъ, многіе получили сильнѣйшую горячку и дошли до безпамятства и бреда, вѣроятно, вслѣдствіе рѣзкихъ переходовъ отъ палящаго зноя днемъ къ холодамъ по ночамъ. Когда я сидѣлъ подъ навѣсомъ съ княземъ Шаховскимъ, къ намъ подошла фигура, которая при слабомъ свѣтѣ сумерекъ показалась мнѣ знакомой. «За какимъ чортомъ попалъ онъ на эту галеру», пришелъ мнѣ въ голову Мольеровскій вопросъ. Мнѣ представилось что это былъ полковникъ Фридрихъ Маршалъ, бывшій командиръ конногвардейскаго полка, а теперь адъютантъ герцога Кембриджскаго. Но я ошибся. То былъ не мой другъ англичанинъ, а его русскій двойникъ—генералъ Скобелевъ младшій. Молодецъ этотъ Скобелевъ. Онъ можно сказать коршунъ-предвѣстникъ бури въ русской арміи. Онъ вездѣ и всюду поспѣваетъ. Въ день перехода черезъ Дунай, на разсвѣтѣ, я пожималъ ему руку на берегу послѣ схватки въ штыки, въ который онъ участвовалъ. Лицо его было закопчено отъ пороху, а въ рукахъ у него было солдатское ружье съ примкнутымъ штыкомъ. Онъ былъ и въ сраженіи въ Шипкѣ и велъ колонну, которая первою прошла черезъ этотъ проходъ. По ту сторону Балканъ на нѣкоторое время не предстояло ничего особеннаго, а при Плевнѣ ожидалось сраженіе: Скобелевъ не причисленъ никуда и можетъ перелетать свободно отъ цвѣтка къ цвѣтку, съ одного поля сраженія на другое. Этому человѣку нѣтъ цѣны. Было бы нехорошо, еслибы всѣ генералы были Скобелевыми, но нѣсколько Скобелевыхъ, разсѣянныхъ по разнымъ частямъ большой арміи, принесли бы большую пользу. Такіе господа кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что нахвативши орденовъ, попадаютъ подъ пулю и ихъ скоро забываютъ. Но я надѣюсь, что нашего Скобелева судьба побережетъ еще, по крайней мѣрѣ я отъ души желалъ бы этого, такъ какъ онъ отличный человѣкъ и славный товарищъ. Онъ пріѣхалъ изъ главной квартиры барона Криденера; ему поручено было принять временно начальство надъ бригадой черкесскихъ казаковъ полковника Тутолмина, которые были назначены въ эту экспедицію, и отправиться на рекогносцировку по направленію къ Ловчѣ. Онъ отправился въ тотъ же вечеръ и возвратился, проѣхавши миль пятьдесятъ, съ извѣстіемъ, что Ловча занята пятью батальонами турецкой пѣхоты и что вокругъ нея свирѣпствуютъ черкесы и баши-бузуки.

«Утромъ, 17-го іюля, князь Шаховской и его главная квартира выѣхали изъ Караджака Болгарскаго по дорогѣ въ Плевну. Мы проѣхали мимо кавалерійскихъ форпостовъ и доѣхали почти до Гройцы, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. За нами, на небольшомъ разстояніи, шелъ обозъ съ вещами главной квартиры. Багажъ главной квартиры русскаго корпуснаго командира—штука не маленькая. Лордъ Эльбермерль говоритъ, что въ 1828 году въ русскомъ отрядѣ, перешед-

женъ черезъ Балканы подъ предводительствомъ Дибича, у каждаго старшаго офицера было по повозкѣ. Въ русской арміи у каждаго старшаго офицера не по одной, а по нѣскольку повозокъ, да и у большей части офицеровъ тоже есть свои повозки. На каждыхъ двухъ офицеровъ полагалась фура, да кромѣ того идетъ множество разныхъ повозокъ и подводъ. Начальникъ артиллеріи ѣхалъ въ экипажѣ четвернею цугомъ. У всѣхъ у нихъ пропасть прислуги и она вся ѣхала на подводахъ. Словомъ, штабный поѣздъ растягивался на цѣлыя полмили, не говоря ужъ о свитѣ, маркитантахъ и священникѣ, который ѣдетъ на своей повозкѣ. Подобный поѣздъ составляетъ ужъ самъ по себѣ большую помѣху; при наступленіи по порядочной дорогѣ, онъ загромождаетъ ее; при отступленіи и по плохой дорогѣ онъ составляетъ чистое бремя. У русской арміи на походѣ недоставало разумной и расторопной жандармеріи, которая должна бы регулировать обозы, наблюдать за порядкомъ движенія, затѣмъ, чтобы соблюдаемы были надлежащіе интервалы, чтобы не сбивались съ дороги, чтобы части не перепутывались и очищать дорогу для войскъ отъ обозовъ и проѣзжающихъ. То-ли дѣло въ Германіи. Я видѣлъ этихъ жандармовъ на улицахъ Кишинева, но послѣ того встрѣчалъ ихъ рѣдко. Съ главной квартирой князя Шаховскаго не было ни одного полеваго жандарма. Но такъ или иначе мы добрались до ночлега на бивуакѣ.

«Мы улеглись просто на травѣ, палатки были сложены и лошади осѣдланы; съ часу на часъ ожидали приказанія двигаться впередъ. Всѣ были увѣрены, что аттака должна начаться сегодня же и что позиціи должны быть заняты, пока еще темно. Огни были потушены, какъ будто армія осталась на своихъ позиціяхъ; этимъ хотѣли обмануть турокъ; по-моему, было слишкомъ много чести для турокъ предполагать, что они будутъ слѣдить за чѣмъ-нибудь. Мы ожидали приказаній отъ генерала Крюденера, но никакихъ приказаній не приходило. Около 12 часовъ ночи князь Шаховской послалъ къ нему двоихъ офицеровъ; они привезли извѣстіе, что Крюденеръ думаетъ отложить аттаку, отчасти потому, что часть войскъ не успѣла подойти, отчасти для того, чтобы дать всѣмъ войскамъ отдохнуть послѣ длиннаго и утомительнаго перехода. Около 4-хъ часовъ утра мы опять разставили палатки, разсѣдлали лошадей и улеглись спать. Я нахожу, что отсрочка была вполнѣ умѣстна и нисколько не опасна.

«Въ самомъ дѣлѣ войска были до крайности изнурены безпрерывными походами, а кавалерійскія лошади положительно замучены. Получено было извѣстіе, что турецкихъ войскъ нѣтъ больше по дорогѣ изъ Плевны въ Ловчу. Значитъ, нечего было опасаться сильной аттаки изъ Ловчи противъ русскаго лѣваго фланга. Крюденеръ и Шаховской могли теперь сосредоточить все свое вниманіе на Плевнѣ и предоставить кавалеріи наблюдать за Ловчей. Сегодня по утру разразилась гроза почти надъ самыми нашими головами, такъ, что лошади страшно пугались. Русскіе не загораживаютъ своихъ кавалерійскихъ лошадей, а просто привязываютъ ихъ уздечками къ веревкѣ, между кольями. Лошади двухъ эскадроновъ сорвались вдругъ и понеслись по направленію къ турецкой форпостной линіи, которая была не дальше 4 миль. Они проскакали черезъ артил-

лерійскую баттарею. Артиллерійскія лошади, привычныя ко всякому грому, не тронулись съ мѣста и во время грозы, а преспокойно продолжали себѣ ѣсть сѣно. Артиллеристы поймали нѣсколько убѣжавшихъ лошадей, часть ихъ остановили пѣхотинцы на линіи форпостовъ, а 60 лошадей такъ и ушли и примчались къ туркамъ; тѣ и не подумали возвратить ихъ по принадлежности. Черезъ нѣсколько дней одинъ офицеръ, бывшій въ Кадикіоѣ на рекогносцировкѣ, видѣлъ, что нѣсколько лошадей, изъ числа убѣжавшихъ, валялись тамъ мертвыми. По всей вѣроятности, они были заѣзжены турками, не кормлены и пали.

«Сегодня послѣ обѣда собрался военный совѣтъ. Около часу генералы, офицеры штаба, полковые командиры и адъютанты начали собираться за инструкціями и разъясненіями насчетъ назначенныхъ на другой день дѣйствій. Это былъ прекрасный случай наблюдать разные типы русскихъ офицеровъ. Тутъ были люди совершенно различныхъ школъ. Офицеры старой школы очень симпатичный народъ и сразу располагаютъ къ себѣ; они знаютъ языки, много путешествовали, многое видѣли на своемъ вѣку и вообще люди приличные и вѣжливые. Мнѣ кажется, имъ не совсѣмъ нравятся нынѣшніе порядки въ военной службѣ. Молодые развитые джентльмены новой школы съ академическимъ знакомъ на груди, напоминаютъ англійскихъ инженеровъ; они не особенно солидны, изъ всякаго пустяка дѣлаютъ секретъ, по большей части въ манерахъ и обращеніи сухи, но если ихъ знать поближе,—безукоризненно хорошіе люди, знакомствомъ съ которыми стоитъ дорожить. Съ господами пятой категоріи, которыхъ я очертилъ вскользь, я люблю встрѣчаться на досугѣ, или по окончаніи сраженія; они отличный, весьма симпатичный народъ и ихъ нельзя не полюбить. Сегодня на площадкѣ передъ палаткой были въ сборѣ представители всѣхъ этихъ типовъ: вотъ старый маіоръ съ сѣдой бородой; онъ безъ всякой протекціи тянулъ свою трудную лямку и нѣсколько разъ раненъ. Въ Крымскую кампанію онъ былъ прапорщикомъ и потомъ судьба забросила его на нѣсколько лѣтъ въ захолустье на Кавказъ. Онъ еще только маіоръ, но у него ужъ съ дюжину разныхъ крестовъ и медалей и, Богъ дастъ, завтра получитъ еще крестъ, если останется въ живыхъ. Онъ крѣпокъ, какъ будто выкованъ изъ желѣза; для него сухари съ водой все равно что французская кухня съ шампанскимъ. Между нимъ и высокимъ статнымъ генераломъ съ просѣдью нѣтъ почти ничего общаго; это придворный, отлично разсуждающій о достоинствахъ Патти и Лукки, отличный охотникъ; и у него есть не мало орденовъ; одни онъ получилъ въ первыхъ рядахъ на сраженіяхъ, другіе въ знакъ особеннаго расположенія къ нему начальства. А вотъ молодой гусаръ весь въ синемъ и красномъ; онъ отлично галопируетъ, фехтуетъ, распѣваетъ скабрезныя французскія шансонетки, можетъ выпить сразу бутылку шампанскаго, держа ея за горлышко зубами, съ удовольствіемъ отдастъ послѣднюю папироску товарищу и даже незнакомому человѣку въ родѣ меня; на груди носитъ медальонъ съ портретами матери и какой нибудь французской львицы полусвѣта и далъ себѣ слово завтра добиться Георгія. Вотъ поручикъ Брутоковъ. Съ перваго же разу господинъ этотъ мнѣ сильно не понравился. Онъ приличенъ, но голосъ у него какой-то хриплый, должно быть отъ

шпансовъ. Кажется, онъ никогда не умывается. Своей персоной онъ какъ бы подтверждаетъ басню, что русскіе не отвыкли еще ѣсть сальныя свѣчи. Но познакомившись съ нимъ поближе, онъ оказывается славнымъ малымъ, очень радушнымъ, что называется душа-человѣкъ. Между молодыми офицерами есть не мало такихъ, которые сдѣлали бы честь любой европейской арміи. Таковъ, напримѣръ, графъ Келлеръ; ему нѣтъ еще тридцати лѣтъ, а онъ ужъ подполковникъ; я познакомился съ нимъ подъ Зайчаромъ; онъ велъ тогда свой отрядъ противъ одного сербскаго селенія, занятаго турками, и съ храбростью и умѣньемъ вытѣснилъ ихъ оттуда. Вотъ показался баронъ Крюденеръ; его встрѣтилъ князь Шаховской. Послѣ короткихъ взаимныхъ привѣтствій и обмѣна нѣсколькими словами, они и за ними всѣ направились къ болгарской фермѣ. Генералы, командиры частей и офицеры штаба собрались подъ навѣсомъ.

Подробности второй битвы подъ Плевной.

(лѣваго крыла русской арміи.) *)

Сообщивъ общій обзоръ военныхъ дѣйствій подъ Плевной, изложенныхъ въ строго-оффиціальномъ порядкѣ, мы не могли пройти молчаніемъ внести замѣтки ближайшихъ постороннихъ и довольно добросовѣстныхъ наблюдателей-корреспондентовъ, довольно вѣрно рисовавшихъ картину нашей второй битвы подъ Плевной, гдѣ высказались какъ горькая неудача и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливый отзывъ о исполнительности порученій и стойкости и сознаніе долга и прочихъ воинскихъ качествахъ русскаго воинства.

«Многочисленныя рекогносцировки, произведенныя русскими послѣ битвы при Плевнѣ 7—8-го іюля, подтвердили предположеніе, что турецкій главнокомандующій Османъ-паша намѣренъ удерживать за собою этотъ пунктъ. Самый городъ лежитъ въ лощинѣ; окружающія его высоты, уже какъ бы самою природою приспособленныя къ защитѣ, были весьма искусно укрѣплены оборонительными сооруженіями всякаго рода, и, къ сожалѣнію, туркамъ удалось снабдить свою позицію еще другими позднѣйшими укрѣпленіями съ южной и западной стороны.

«По собраннымъ русскими свѣдѣніямъ, турецкая армія, собранная у Плевны, состояла изъ 50—60 тыс. человѣкъ, съ 50-ю орудіями, но съ несоразмѣрно малымъ числомъ кавалеріи. Аттаковать такую сильную армію и въ такой превосходной позиціи, было невозможно одному только армейскому корпусу, да къ тому же еще пострадавшему вслѣдствіе битвъ въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль; но доведеніи объ этомъ генераломъ Крюденеромъ до свѣдѣнія главной квартиры, послѣдняя распорядилась о посылкѣ къ нему необходимыхъ подкрѣпленій, а на генерала Крюденера, какъ на старѣйшаго изъ всѣхъ генераловъ, было возложено главное начальство войсками.

*) Корр. спец. Корр. газ. National zeitung, состоявшаго на лѣвомъ крылѣ русской арміи' предвод. Крюденеромъ.

«Когда эти подкрѣпленія, состоящія изъ части 11-го корпуса подъ начальствомъ кн. Шаховскаго, равно какъ 30-й дивизіи (4-го корп.) съ ген. Поссановымъ, пришли къ мѣсту назначенія, генералъ Крюденеръ перенесъ 16 го іюля свою главную квартиру въ Трестеникъ и произвелъ одновременно съ этимъ фланговое движеніе съ своимъ 9-мъ корпусомъ. Генералъ Лошаковъ съ 9-мъ уланскимъ и 9-мъ драгунскимъ полками, равно какъ и одной конной баттареей, становился на бивуакѣ при Бреславѣ, для прикрытія до битвы праваго крыла, между тѣмъ какъ генералъ Скобелевъ съ бригадою казаковъ и 2 баттареями обошелъ Плевну, дабы, въ случаѣ пораженія турокъ, отрѣзать имъ линію отступленія.

«17-го іюля подкрѣпленія всѣ подошли; послѣ того какъ генералъ Крюденеръ еще разъ лично рекогносцировалъ непріятельскую позицію, была слѣдующая диспозиція для нападенія на 18-е іюля:

«Центръ, состоящій, въ первой линіи, изъ 31-й дивизіи, подъ начальствомъ генерала Вильеминова,—полки 121-й, 122 й, 123-й (124-й, прибылъ лишь ночью) и 31-й артиллерійской бригады, во второй линіи, изъ 5-й дивизіи, подъ начальствомъ генерала Шильдеръ-Шульднера, — полки 17-й, 18-й, 20-й (10-й былъ оставленъ въ тылу вслѣдствіе большихъ потерь, понесенныхъ имъ при Никополѣ) и 5-я артиллерійская бригада,—должны были наступать по обѣимъ сторонамъ дороги Булгарени-Плевна.

«Лѣвое крыло, состоящее изъ одной бригады 32-й дивизіи (11-го корп.) и одной бригады 30-й дивизіи (4-го кор.), каждая съ 4 баттареями 30-й артиллерійской бригады, должно было напасть, подъ начальствомъ кн. Шаховскаго, на непріятельскую позицію съ южной стороны вышеупомянутой дороги, чрезъ Пелишатъ.

«Главный резервъ, состоящій изъ 2-й пѣхотной бригады 30-й дивизіи, 2 эскадроновъ 11-го уланскаго, 2 эскадроновъ 11-го драгунскаго и 3-хъ баттарей 30-й артиллерійской бригады, долженъ былъ оставаться сзади центра, въ распоряженіи главнокомандующаго. Правое крыло должно было состоять лишь изъ отряда генерала Вильеминова.

«Такимъ образомъ, генералъ Крюденеръ располагалъ около 40,000 чел. и 170 пушками; онъ былъ слабѣе непріятеля пѣхотою, но значительно сильнѣе его артиллеріею; къ сожалѣнію, неровности почвы отняли у этого перевѣса всякое значеніе. Позиціи, т. е. возвышенные пункты, которыя пришлось занять, оказались слишкомъ узкими, чтобы можно было развернуть на нихъ имѣющіяся подъ рукою артиллерійскія массы.

«Когда я проснулся утромъ 18-го іюля, шелъ мелкій дождь; онъ скоро пересталъ, но небо было покрыто густымъ слоемъ облаковъ, и если съ одной стороны была очень желательна прохлада, съ другой стороны пасмурная погода и дождевыя тучи затрудняли видъ въ даль. Около 5-ти часовъ главная квартира въ Трестеникѣ была уже верхомъ на лошадяхъ и выступила по направленію на югъ, для смотра войскъ. Генералъ привѣтствовалъ полки, мимо которыхъ мы проѣзжали; затѣмъ мы свернули съ дороги и въѣхали на вершину одного небольшаго холма, съ котораго мы могли видѣть укрѣпленныя высоты Гривицы.

«Около 9 час. надъ нами раздался первый пушечный выстрѣлъ; огонь открыла баттарея 31-й артиллерійской бригады. Турецкія баттареи отвѣчали, и черезъ нѣсколько минутъ кипѣло уже горячее артиллерійское сраженіе по всей выдающейся линіи центра и праваго крыла.

«Почти одновременно съ этимъ получено было извѣстіе изъ отряда генерала Лошакова, находящагося на крайнемъ правомъ крылѣ, что 9 турецкихъ таборовъ вышли изъ Плевны и двинулись по той сторонѣ Вида по направленію къ Никополю. Но вслѣдъ за внезапно начавшейся пушечной пальбой они вернулись назадъ въ городъ. Упоминаю объ этомъ лишь съ тою цѣлью, чтобъ показать, что съ турецкой стороны 18-го іюля вовсе неожидали нападенія русскихъ.

«Артиллерійское сраженіе становилось все оживленнѣе; съ турецкой стороны отвѣчали на русскій огонь съ скоростью и точностію. Въ особенности сильнымъ и представляющимъ наибольшія затрудненія для дальнѣйшаго наступленія оказался одинъ редутъ, расположенный на востокъ отъ Плевны, на высокомъ мѣстѣ; съ этого редута обстрѣливались не только однѣ русскія баттареи, но также русская пѣхота, стоявшая сзади.

«Турецкая полевая артиллерія слѣдовала своей старинной тактикѣ. Она выступила вереницею, по два орудія въ рядъ и часто мѣняла свои позиціи. Повсюду были приготовлены ложементы и прикрытія, такъ что для русской артиллеріи былъ весьма затрудненъ вѣрный прицѣлъ. Я въѣхалъ на крутой холмъ, съ котораго удобно могъ видѣть все поле сраженія. Небо мало по малу прояснилось. Передо мною въ лощинѣ лежала деревня Гривица; вдали, на западъ, виднѣлись надъ узкой котловиной зданія Плевны; надъ городомъ выдавался большой турецкій лагерь, а передъ нимъ расположены были рядами, въ разныхъ разстояніяхъ, турецкія баттареи. Упомянутый выше редутъ служилъ цитаделью и вмѣстѣ съ тѣмъ ключемъ сильной позиціи.

«Только съ своего хорошаго наблюдательнаго пункта могъ я замѣтить, что и артиллерія лѣваго фланга приняла участіе въ сраженіи. Здѣсь оказалось болѣе благопріятныхъ условій, по крайней мѣрѣ на первое время, чтобы пустить въ дѣло наибольшее число орудій. Почва позволяла постепенное движеніе впередъ, и въ теченіи полуденныхъ часовъ я видѣлъ, какъ русскія баттареи, медленно, но упорно, подвигались шагъ за шагомъ впередъ, турецкія же мало по малу отступали въ свои высокія позиціи на юго-востокъ и югъ Плевны. Лѣвому крылу удалось окружить непріятельскія позиціи на южной сторонѣ и оттѣснить ихъ въ Плевну.

«Въ центрѣ наступательное движеніе артиллеріи было пока невозможно; баттареи были расположены впереди крайныхъ холмовъ.

«Натискъ лѣваго крыла становился все замѣтнѣе; турки то и дѣло перетаскивали орудія въ ту сторону, все чаще мѣняли свои позиціи, и около 3 час. пополудни генералъ Крюденеръ счелъ минуту благопріятной, чтобы пустить въ аттаку свою пѣхоту. Пробѣлъ между центромъ и лѣвымъ крыломъ, происшедшій отъ дальнѣйшаго обходнаго движенія этого крыла, генералъ восполнилъ 2-й пѣхотной бригадой 30-й дивизіи; открывъ частый ружейный огонь, послѣдняя

опустилась въ низкую долину передъ Гривицей. Этотъ пунктъ, лежащій подъ огнемъ обѣихъ сторонъ, считался до сихъ поръ нейтральной почвой и оставался незанятымъ.

«Какъ упомянуто уже, турки съ ранняго утра пытались нанести своими гранатами большія потери русской пѣхотѣ, стоявшей позади артиллерійской линіи; но это удалось имъ лишь въ немногихъ случаяхъ; турецкія гранаты попадали и въ штабъ, но тутъ убита была лишь одна лошадь у прикрытія.

«Съ лѣваго крыла слышна была уже оглушительная трескотня небольшихъ орудій; полки, спустившіеся въ долину, готовились сражаться съ непріятелемъ, котораго было почти не видать за его засадами; пушечный грохотъ все усиливался въ центрѣ и достигнулъ вскорѣ высшей степени на правомъ крылѣ, противъ большаго редута.

«Между тѣмъ, какъ наступавшая пѣхота осыпалась градомъ гранатъ и картечнымъ огнемъ изъ полевыхъ баттарей, артиллерійская пальба съ редута внезапно умолкла. Пензенскій полкъ подошелъ близко къ нему съ сѣверной стороны; застрѣльщики первой роты приблизились съ незначительными потерями. Въ разстояніи 1,000 шаговъ отъ редута завязалась кратковременная перестрѣлка, а затѣмъ русскіе съ громкими криками «ура» бросились въ аттаку земляныхъ валовъ редута. Въ эту минуту редутъ закрылся дымомъ и пламенемъ. Бѣглый огонь изъ прикрытыхъ амбразуръ 2-го этажа редута, ружейная пальба пѣхоты, засѣвшей въ этомъ укрѣпленіи, равно, какъ и градъ посыпавшейся картечи изъ нѣсколькихъ митральезъ, не подававшихъ досел̂ѣ никакихъ признаковъ своего тутъ нахожденія, — все это заставило русскихъ храбрецовъ отступить. Но недалеко ушли они назадъ. Еще разъ загорѣлась жаркая перестрѣлка, подоспѣли новыя роты, и еще разъ попытались русскіе взять штурмомъ редутъ, между тѣмъ, какъ нѣсколько баттарей, приблизившись на 1,500 шаговъ, стали бомбардировать редутъ ядрами. Но никакая храбрость не помогала передъ прикрытымъ огнемъ турокъ; 8 разъ, одинъ за другимъ, бросался Пензенскій полкъ въ аттаку и 8 разъ аттака его была отражаема турками.

«Аттаку редута предпринимали также и другіе полки, пришедшіе съ восточной и южной стороны; ихъ стремленіе, какъ можно скорѣе взять это укрѣпленіе, соревнованіе полковъ между собою явиться первыми на этотъ пунктъ, — послужило имъ въ пагубу. Чѣмъ чаще попытались отдѣльные отряды взять штурмомъ редутъ, тѣмъ ближе подпускали ихъ турки; ужасный картечный и бѣглый ружейный огонь въ концѣ-концовъ заставлялъ эти отряды отступить.

«Однакожъ, редутъ долженъ былъ быть взятъ; не овладѣвъ имъ, нельзя было идти впередъ. Генералъ Крюденеръ призвалъ новыя баттареи, которыя подошли на близкое разстояніе, но и онѣ не могли устоять передъ прикрытымъ огнемъ непріятеля; какъ ни мѣтокъ былъ огонь русскихъ орудій, онъ не производилъ особеннаго дѣйствія на защитниковъ редута, и турки стойко держались за своими земляными валами.

«Вечеръ приближался; съ лѣваго крыла не было извѣстій о ходѣ битвы, но повидимому, тамъ она шла съ большимъ успѣхомъ, потому что съ высотъ исчез-

ли стоявшія на нихъ турецкія баттареи, и турецкій артиллерійскій огонь смолкъ.

«Генералъ стоялъ съ своимъ штабомъ на одномъ высоко лежащемъ на юго-востокъ отъ редута пунктѣ; онъ не обращалъ вниманія на пролетавшія надъ нимъ гранаты, на свистѣвшія мимо ушей ружейныя пули, и проницательнымъ взглядомъ слѣдилъ за новыми аттаками своихъ войскъ; онъ еще надѣялся овладѣть редутомъ при наступленіи сумерекъ.

«Но эта послѣдняя надежда не должна была исполниться. Около 8 часовъ вечера внезапно снова выросли турецкія баттареи, или, лучше сказать, онѣ стали замѣтнѣе усиленнымъ бросаньемъ своихъ гранатъ. Знакомые съ расположеніемъ почвы, они направили свой огонь на лощину. Орудія редута, молчавшія цѣлыя часы, тоже снова открыли свой огонь; меня увѣряли, что они были увезены послѣ первой атаки пѣхоты и находились въ безопасности; потомъ ихъ опять втащили въ редутъ.

«Дѣла идутъ плохо,» тихо проговорилъ генералъ Крюденеръ; эти слова сказаны были съ грустью и слышали ихъ только стоявшіе около генерала; затѣмъ онъ обратился къ своимъ адъютантамъ и приказалъ имъ отвезти приказъ объ отступленіи.

«Полкъ 119-й и одна баттарея были назначены для принятія отступающихъ войскъ и тотчасъ же заняли окраины высотъ, на которыхъ мы находились. Дорога въ Болгарени была назначена главною линіею отступленія.

«Перестрѣлка, завязавшаяся при наступленіи сумерекъ передъ самымъ редутомъ, была такъ упорна, что отступленіе съ этого пункта было чрезвычайно трудно. Около часа ждалъ генералъ Крюденеръ на своей позиціи; огонь на передовыхъ линіяхъ все еще не прекращался; затѣмъ онъ повернулъ лошадь и медленно поѣхалъ черезъ артиллерійскія позиціи въ главный полевой лазаретъ, расположенный въ 3,000 шагахъ сзади. Зловѣще сверкали сигнальные огни лазарета среди темной ночи. Тѣхъ изъ многочисленныхъ раненыхъ, которыхъ можно было перевозить, немедленно сажали въ вагоны, запряженные волами и отправляли по дородѣ въ Болгарени; въ этомъ мѣстѣ былъ уже устроенъ временный госпиталь на 600 кроватей. Едва сдѣлавъ по дорогѣ въ Болгарени нѣсколько сотъ шаговъ, генералъ Крюденеръ остановился и слѣзъ съ лошади; затѣмъ, выбравъ одну яму, генералъ сѣлъ въ ней, и съ картою на колѣняхъ и при свѣтѣ маленькаго фонаря, отдалъ необходимыя распоряженія. Огонь редута все еще не прекращался; снова послышалось ура русскихъ, раздалось нѣсколько залповъ. Солдатамъ было извѣстно желаніе главнокомандующаго взять Плевну, и они знали, что дорога въ нее идетъ черезъ редутъ.

«Если успѣхомъ и не увѣнчалась кровавая битва, за то какъ солдаты, такъ и офицеры дрались при Плевнѣ съ такою храбростію, которая и безъ побѣды заслуживаетъ полнѣйшей похвалы.

«Около 12 час. ночи главная квартира прибыла въ Трестеникъ; въ 3 часа утра вступили въ нее мы, и спали нѣсколько часовъ на голой землѣ, потому что нашъ багажъ былъ направленъ уже въ Болгарени.

Подробности второй битвы подъ Плевной.

(Съ праваго крыла русской арміи *).

Предшествовавшее дѣло подъ Плевной кончилось серьезнымъ пораженіемъ русскихъ; это было единственное пораженіе за все время войны на европейскомъ театрѣ, но за то оно было очень серьезно, и это тѣмъ обиднѣе, что произошло оно отъ пренебреженія самыми обыкновенными военными предосторожностями.

«Командиръ 9-го корпуса, дѣйствовавшій противъ Никополя, не заботился прикрыть своего фланга, пославъ кавалерію для занятія Плевны, въ которой въ то время было немного турецкихъ войскъ, тогда какъ дѣлать этого ему не слѣдовало. Впослѣдствіе поправить этой ошибки было ужь невозможно. Турецкія войска изъ Виддина, опоздавшія къ Никополю, повернули въ сторону и заняли Плевну. Желая поправить ошибку, генералъ Крюдеперъ послалъ три пѣхотныхъ полка противъ Плевны, но безъ предварительной рекогносцировки. Полки эти, послѣ ожесточеннаго боя, заняли городъ. Они побросали на улицѣ свои шинели и ранцы, вышли изъ строя, въ полной увѣренности, что все кончено, и съ пѣснями двигались по городу. У окраинъ города не было оставлено патрулей, кавалерія не была послана по окрестностямъ; словомъ, ни о чемъ не подумали. За то и поплатились. Изъ всѣхъ оконъ и балконовъ открылся страшный огонь противъ войскъ, шествовавшихъ по улицамъ. Будучи осаждены со всѣхъ сторонъ, они принуждены были отступать. Во время отступленія легло 2,900 человѣкъ. Одинъ полкъ потерялъ около 2,000 человѣкъ.

«На глазахъ отступающихъ войскъ, турки убивали ихъ раненыхъ.

«10-го іюля князь Шаховской получилъ приказаніе оставить на позиціи у Османъ-Базара двѣ пѣхотныя бригады и идти на Плевну, черезъ все пространство военныхъ дѣйствій съ востока на западъ, съ одной кавалерійской и одной пѣхотной бригадой своего корпуса. 30-й дивизіи 4-го корпуса, переходившей черезъ Дунай у Зимницы и направлявшейся къ Тырнову; приказано было тоже идти на Плевну и стать подъ начальство Шаховскаго.

«9-му корпусу, расположенному вокругъ Никополя и передъ нимъ, предписано было также примкнуть къ общему движенію на Плевну. Полки, потерпѣвшіе пораженіе въ предшествовавшій приступъ, назначены были въ авангардъ при новой аттакѣ.

«Проѣзжая изъ Рущука, 16-го іюля, я нагналъ главную квартиру князя Шаховскаго, вечеромъ, въ деревнѣ Караджакѣ Болгарскомъ, около 12 миль отъ Плевны. Онъ прошелъ разстояніе отъ подножія Балканъ въ шесть дней. Пѣхота шла черезъ деревню въ облакахъ пыли и спѣшила расположиться на ночлегъ на лугу за деревней: кавалерійская бригада шла впереди, прикрывая фронтъ пѣ-

*) Корреспонд. газ. Daily News. 1877 г. отъ 19 іюля.

хоты, а впередъ были отправлены разъѣзды на рекогносцировку; все это показывало, что впереди предстояло не легкое дѣло.

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, подъ Плевной была вся армія Османъ-паши изъ Виддина, усиленная войсками, прибывшими изъ Софіи и Черногоріи; всего насчитывали въ ней отъ 35,000 до 40,000 человѣкъ. Войска эти расположены были полукругомъ въ деревняхъ, на разстояніи около пяти миль отъ Плевны и обоими флангами упирались въ рѣку Видъ. Сильный передовой турецкій отрядъ находился, какъ говорили, въ Гривицѣ, на дорогѣ, по которой долженъ былъ слѣдовать князь Шаховской. Селенія, въ которыхъ расположены были турецкіе форпосты, были слѣдующія, по порядку съ сѣвера на югъ: Плащица, Букова, Радищево, Тученица и Боготъ.

«Шаховской былъ, какъ я сказалъ, въ деревнѣ Караджакѣ Болгарскомъ. Корпусный командиръ, Баронъ Крюденеръ, къ почи былъ въ деревнѣ Каличювицѣ, на дорогѣ изъ Никополя въ Плевну, около 8 миль на сѣверо-западъ отъ главной квартиры Шаховскаго. Генералъ Крюденеръ, какъ старшій, считался главнокомандующимъ во всѣхъ операціяхъ, но дѣйствовалъ на основаніи инструкцій изъ Тырнова.

«Вечеромъ 16-го іюля, младшій генералъ Скобелевъ прибылъ въ главную квартиру князя Шаховскаго; онъ назначенъ былъ временно командовать бригадой казаковъ, состоявшей при корпусѣ князя, и посланъ былъ съ своей бригадой на югъ, съ порученіемъ занять, если возможно Ловчу, важную позицію между Плевной и Балканами. Экспедиція была рискованная. Нужно было двигаться вдоль непріятельскаго фронта и можно было встрѣтить сильное сопротивленіе, какъ по дорогѣ, такъ и на мѣстѣ. Но скобелевъ пустился въ путь, не задумываясь.

«Я ночевалъ въ домѣ одного очень развитаго болгарина, бывшаго агентомъ американскаго библейскаго общества въ Плевнѣ. На мое замѣчаніе, что на мой взглядъ, болгары по сю сторону Балканъ живутъ не дурно и не могутъ пожаловаться на особенное угнетеніе со стороны турокъ, онъ отвѣчалъ, что до 1866 года турецкое управленіе въ Болгаріи было довольно сносно; но съ тѣхъ поръ, какъ въ помянутомъ году поселены были у нихъ черкесы, начались всякія беззаконія и полная анархія. Въ угрожающемъ Турціи паденіи онъ обвинялъ однихъ только черкесовъ. Впрочемъ, въ мирное время болгарскіе поселяне по его словамъ, все-таки находили еще средства избавляться отъ нападеній черкесовъ. Они дѣлали постоянно подарки, платили родъ небольшой дани священнику своего села, который имѣлъ вліяніе на черкесовъ и умѣлъ съ ними ладить и не допускать ихъ до какихъ либо беззаконій или насилій.

«Неоспоримо, что въ послѣдніе годы между болгарами составились инсуррекціоные комитеты и на возстаніе собирались подписки. Самъ мой хозяинъ былъ президентомъ одного изъ такихъ комитетовъ. Когда это стало извѣстно, турки всполошились и стали принимать репрессивныя мѣры, но онѣ не касались болгаръ, проживающихъ на сѣверѣ отъ Балканъ, такъ что можно сказать, что до самаго послѣдняго времени болгаръ этихъ никто не трогалъ.

«Утромъ 17-го іюля князь Шаховской вышелъ изъ Караджака Болгарскаго и произвелъ рекогносцировку вдоль по дорогѣ на Плевну, по направленію къ Гривицѣ, гдѣ русскіе убитые въ предшествовавшей стычкѣ, лежали до сихъ поръ непогребенными. Путь его лежалъ по роскошнымъ зеленымъ лугамъ и мѣстностямъ, покрытымъ лѣсами.

«Турокъ не было видно, но на югѣ, по направленію движенія Скобелеву на Ловчю, слышалась пушечная пальба. Шаховской продолжалъ свой путь въ южномъ направленіи, и остановился на дневку на равнинѣ, близъ селенія Порединa съ одною бригадою пѣхоты. Другая бригада прошла дальше, туда, гдѣ мы ночевали прошлую ночь. Такимъ образомъ русскій фронтъ былъ очень растянутъ: предполагалась концентрическая аттака плевенской позиціи, на подобіе того, какъ дѣйствовали прусаки при Буржѣ, только еще въ большомъ масштабѣ; имѣлось въ виду совершенно окружить непріятельскую позицію кавалеріи, дѣйствующей на обоихъ флангахъ.

«Расположеніе войскъ въ этомъ порядкѣ требовало времени и потому все 16-е число мы провели въ бездѣйствіи на Порединскомъ бивуакѣ, гдѣ воды и и сѣна было въ изобиліи, а изъ сосѣдняго кабака насъ щедро снабжали виномъ. Впередъ высланы были патрули для того, чтобы разузнать о туркахъ въ Радищевѣ, Тученицѣ, Боготѣ и Слатинѣ.

«Къ вечеру прибылъ Скобелевъ съ извѣстіемъ, что Ловча и всѣ промежуточныя селенія были заняты турками въ большомъ числѣ и что войска ихъ, повидимому, получили сильныя подкрѣпленія. Въ сумерки у нашего бивуака стали появляться цѣлыя группы угрюмыхъ болгарскихъ бѣглецовъ, изъ селеній, лежащихъ по дорогѣ между Ловчей и Плевной, черезъ которыя проходили турецкія войска. Женщины жалобно причитали, оплакивая своихъ родственниковъ, оставленныхъ въ брошенныхъ ими домахъ. Вотъ проѣхала телега, въ которой сидѣла плакавшая на взрыдъ женщина. Возлѣ нея лежалъ ея мужъ, весь изрубленный и изувѣченный до того, что надо было удивляться, какъ еще онъ остался живымъ. У одной руки болталась кисть; видно было, что она была отрублена не сабельнымъ ударомъ, а отрѣзана тупымъ ножемъ. Горло было перерѣзано такимъ же манеромъ. Лобъ и грудь были тоже исполосованы вдоль и поперегъ; говорили, что его отдѣлали такимъ образомъ черкесы. Немного подальше, толпа плачущихъ женщинъ окружала одного болгарина, который лежалъ на землѣ, при послѣднемъ издыханіи. Онъ былъ скальпированъ и затѣмъ у него хотѣли отрѣзать голову. Поднимать его было лишнее, такъ какъ онъ былъ безнадеженъ и на нашихъ глазахъ умеръ. Его отправилъ на тотъ свѣтъ одинъ изъ турокъ, его односельчанинъ.

«Бѣглецы разсказывали множество случаевъ убійства мужчинъ; женщинъ же и дѣтей турки, будто бы, не трогали. Но я признаюсь, не очень то вѣрю тому, что говорятъ до тѣхъ поръ, пока не увижу чего-нибудь собственными глазами. Все, о чемъ я говорилъ выше, я видѣлъ самъ; я былъ также свидѣтелемъ убійствъ въ селеніи Кадикіой подъ Рущукомъ. Вообще я долженъ сказать, что

регулярныя турецкія войска не позволяютъ себѣ никакихъ насилій, и на нихъ никто не жалуется, а кричатъ о черкесахъ и баши-бузукахъ.

«Ночь съ 17-го на 18-е число прошла въ ожиданіи приказа выступать, — палатки были сложены и лошади осѣдланы; но баронъ Крюденеръ рѣшилъ выждать еще день для того, чтобы хорошенько приготовиться и дать время войскамъ, утомленнымъ усиленнымъ маршемъ, отдохнуть. Такимъ образомъ, 18-ое число прошло въ бездѣйствіи; войска были только чуть-чуть подвинуты впередъ, чтобы съ утра выиграть время. Получены были извѣстія, что турецкія войска не проходили больше изъ Плевны въ Ловчу. 18-го же послѣ обѣда собирался военный совѣтъ въ Порединѣ; на немъ присутствовали баронъ Крюденеръ, князь Шаховской и дивизіонные и бригадные генералы. Полковые командиры и офицеры генеральнаго штаба ожидали инструкцій на счетъ окончательнаго расположенія войскъ. Было рѣшено, съ 5 ч. утра наступать на турецкія позиціи подъ Плевной; князю же Шаховскому и генеральному штабу назначено было выступить въ 4 часа. Пріѣхали нѣсколько адъютантовъ Великаго Князя Николая Николаевича съ тѣмъ, чтобы размѣститься для наблюденія въ разныхъ пунктахъ и послѣ сраженія отправиться въ Тырново съ докладомъ о результатѣ его. Важность предстоявшаго дѣла сознавалась вполнѣ, такъ какъ при послѣднихъ рекогносцировкахъ дознано было, что турки были въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ думали прежде. 20,000 регулярнаго войска пришло къ нимъ изъ Виддина. Извѣстно было, что позиціи турецкія, сильныя сами по себѣ, были еще укрѣплены.

«Ночью съ 18-го на 19-е былъ сильный дождь и войска начали выступать только въ шесть часовъ, вмѣсто 4-хъ. Пѣхоты было 32,000 съ 160 полевыми орудіями и тремя бригадами кавалеріи. Баронъ Крюденеръ находился справа со всей 31-й дивизіей, а три полка 5-й дивизіи оставались въ резервѣ въ Караджакѣ Болгарскомъ. Онъ шелъ въ аттаку двумя колоннами, по одной бригадѣ въ каждой. На лѣвомъ флангѣ былъ князь Шаховской съ бригадой 32-й дивизіи и бригадой 30-й дивизіи. Другая бригада 30-й дивизіи оставалась въ резервѣ въ Пелишатѣ. Турки расположены были дугообразно, въ видѣ подковы. Баронъ Крюденеръ долженъ былъ аттаковать лѣвый турецкій флангъ отъ Гривицы къ рѣкѣ Виду. Шаховской—правый флангъ отъ Радищева тоже къ рѣкѣ Виду. На лѣвомъ флангѣ стоялъ Скобелевъ съ бригадою казаковъ, батальономъ пѣхоты и баттареей; онъ долженъ былъ вступить въ бой съ турецкими войсками на линіи между Плевной и Ловчей и удерживать ихъ отъ движенія противъ Шаховскаго. На правомъ флангѣ стоялъ Лошкаревъ съ двумя полками кавалеріи; онъ долженъ былъ охранять Крюденера отъ аттаки на него непріятеля.

«Главная ошибка диспозиціи заключалась въ томъ, что Крюденеръ и Шаховской были независимы другъ отъ друга и что предпринимались двѣ совершенно отдѣльныя аттаки безъ всякой связи; но главная бѣда, въ которой мѣстные командиры были не виноваты, заключалась въ томъ, что силы осаждающихъ были недостаточны. Послѣ предыдущаго пораженія нечего ужь было по-

лагаться на авось и ни въ какомъ случаѣ нельзя было аттаковать турокъ въ ихъ сильныхъ позиціяхъ съ неравными силами. Что же вышло изъ этой экономіи? Русскіе опять разбиты и положеніе ихъ въ Болгаріи становится крайне не прочнымъ; теперь прійдется стягивать войска изъ другихъ мѣстъ для того, чтобы разбить турокъ при Плевнѣ; а разбить ихъ тутъ необходимо и какъ можно скорѣе, иначе русской арміи прійдется отступить. Дѣйствія пѣхоты были разсчитаны, какъ слѣдуетъ; артиллерія же теряетъ много, если ей приходится дѣйствовать противъ укрѣпленныхъ позицій растянутыхъ на большое протяженіе. Ошибка Крюденера дала туркамъ время укрѣпиться окопами.

«Утро было пасмурное, русскіе считали это хорошимъ предзнаменованіемъ для себя. Войска, проходя передъ генераломъ, громко и весело здоровались съ нимъ. Едва ли въ цѣломъ свѣтѣ еще такіе молодцы, какъ русскіе солдаты. Въ походѣ съ ними ничего нѣтъ кромѣ шинелей, ранцевъ и боевыхъ припасовъ; они готовы, кажется, идти на край свѣта и дѣлать все, что угодно. Правая колонна Шаховскаго направилась на Пелишатъ и Шалевицу. Лѣвая пошла прямо къ Радищеву. Артиллерія выдвинулась впередъ и дѣйствовала независимо.

«Подвигаясь впередъ, мы увидѣли кавалерійскіе форпосты, расположенные надъ Пелишатомъ, а на отлогой долинѣ пѣхоту, развертывающую свои ряды по мѣрѣ наступленія, какъ это въ обычаѣ у русскихъ во время дѣйствія на открытомъ мѣстѣ. Русскіе шли колонною двойныхъ ротъ, съ стрѣлковою ротою во главѣ каждаго батальона. Линейныя и стрѣлковыя роты имѣли одинакія ружья. Стрѣлковая рота состоитъ изъ меткихъ стрѣлковъ, ружья которыхъ берутъ на 1,200 ярдовъ, между тѣмъ какъ линейныхъ—лишь на 600,—максимумъ разстоянія выстрѣла прусской пѣхоты въ франко-германской войнѣ.

«Крюденеръ, на правомъ крылѣ, началъ дѣйствіе въ половинѣ девятаго, открывъ пальбу съ баттареи по турецкому земляному верку надъ деревней. Сначала казалось, какъ будто турки застигнуты врасплохъ. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ стали они отвѣчать, но за то открыли столь сильный огонь, что нисколько не уступали Крюденеру. Объективомъ князя Шаховскаго, съ которымъ я ѣхалъ, было на первыхъ порахъ Радищево, и поэтому намъ надлежало уходить къ лѣвому крылу. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, мы остановились на короткое время на позиціи, съ которой открывался превосходный видъ на театръ сраженія.

«Плевна лежитъ въ лощинѣ долины, разстилающейся на сѣверъ и югъ. Почва между нами и этой долиной была чрезвычайно неровная. Представьте себѣ три громадныхъ вала, обращенныхъ фасомъ къ Плевнѣ. Средній валъ—самый широкій изъ трехъ; на вершинѣ его главнѣйшія турецкія баттареи, изъ коихъ въ этомъ пунктѣ было три, одна сзади другой. Валъ этотъ, хотя и шире, но не выше другихъ. Правый и лѣвый валы такъ высоки, что съ вершины обоихъ хорошо видны, какъ бы съ высоты птичьяго полета, позиціи центральнаго вала. Гребень нашего вала, возвышающагося надъ Радищевомъ турки не зани-

мали, но на сѣверномъ валу, противъ котораго оперировалъ баронъ Крюденеръ и который шире и ровнѣе нашего и скорѣе похожъ на косогоръ, турки имѣли два ряда траншейныхъ позицій. Какъ на вершинѣ этого хребта, такъ и на вершинѣ центральнаго, мы могли различить турецкіе лагери, палатки которыхъ были расположены сзади земляныхъ верковъ. Ясно, что они вовсе не были намѣрены уходить съ своихъ позицій. Ихъ палатки были раскинуты такимъ образомъ, какъ будто бы турки предполагали, что они тутъ поселяются навсегда. Пушки барона Крюденера были направлены не только во фронтъ Гривицы, лежащей впереди подково-подобной позиціи, но также и на ея сѣверный флангъ; но непріятельскій огонь былъ столь силенъ, что русская артиллерія ничего не могла сдѣлать. Мы старались помочь ей, направивъ съ гребня нашего вала баттарею противъ Гривицкаго землянаго верка, но разстояніе было такъ велико, что нашъ огонь не нанесъ вреда непріятелю. У насъ, на лѣвомъ крылѣ, было много своего дѣла; наконецъ, мы вынуждены были выйти изъ своего прикрытія среди группы сливовыхъ деревьевъ и двинулись по направленію къ Радищеву.

«Деревня эта лежитъ въ низкой долинѣ сзади южнаго вала или гребня турецкой позиціи; сзади этой долины есть другая возвышенность. Наши пушки, установленныя на этомъ пунктѣ начальникомъ штаба, кн. Шаховскаго, открыли огонь по турецкимъ орудіямъ, расположеннымъ на возвышенности, господствующей надъ долиною, и дѣйствовали весьма успѣшно. Подъ прикрытіемъ этого огня, русская пѣхота спустилась въ долину. Я сопровождалъ эту колонну. Мы взяли Радищево послѣ небольшой схватки, ибо въ деревнѣ была одна горсть баши-бузуковъ, которые скоро были выбиты штыками. Русскій отрядъ пѣхоты остался подъ прикрытіемъ деревни.

Я возвратился по откосу вала къ нашимъ баттареямъ. Послѣднія, поддерживая частый и сильный огонь, скоро принудили турецкія пушки оставить противоположныя высоты. Когда непріятельскій огонь сталъ смолкать, князь Шаховской проѣхалъ вдоль тыла нашихъ баттарей, отъ правой до лѣвой стороны, подъ непріятельскими выстрѣлами, которыми убито двѣ лошади нашей небольшой группы. Наши пушки, продолжая дѣйствовать противъ турецкихъ орудій противоположнаго гребня, заставили замолчать непріятельскій огонь послѣ получасовой команды, и тогда нашимъ баттареямъ надлежало спуститься въ долину, пройти черезъ Радищево и возобновить артиллерійское дѣйствіе на позиціи оставленной турками; вслѣдъ за баттареями спустилась въ долину и пѣхота, засѣла въ просѣкахъ около деревни и на крутомъ откосѣ сзади нашихъ дѣйствующихъ пушекъ.

«У насъ было пять баттарей, расположенныхъ вдоль гребня высотъ надъ Радищевымъ; огонь ихъ былъ направленъ на одну точку—турецкія пушки центральнаго вала. Несмотря на ихъ открытое положеніе, огонь баттарей былъ силенъ и упоренъ. Разстановка дѣйствовавшихъ пушекъ напоминала мнѣ германскія баттареи на гребнѣ Тіонвиля, въ битвѣ при Гравелоттѣ; разница была лишь въ томъ, что у нѣмцевъ въ то время было въ дѣйствіи девяносто пушекъ, у

насъ же ихъ было только сорокъ. Штабъ ждалъ результата подготовленной канонады на высотахъ сзади Радищева. Я снова отправился къ тому пункту, гдѣ дѣйствовали наши баттареи. По пути, я проѣхалъ чрезъ Радищево, въ который падало много турецкихъ гранатъ, пролетавшихъ надъ высотами, занимаемыми нашими пушками. Странно было видѣть сельскихъ жителей, стоявшихъ кучками у своихъ домовъ, между тѣмъ, какъ вблизи отъ нихъ разрывались бомбы, и дѣтей, играющихъ среди улицъ, въ облакахъ пыли, не предчувствующихъ опасности, которой они подвергались. Впрочемъ, ни одинъ сельчанинъ не пострадалъ отъ гранатъ, хотя въ деревню упало нѣсколько сотъ ядръ.

«Съ своего обсерваціоннаго пункта у нашихъ баттарей, я могъ смотрѣть внизъ на турецкія позиціи. Четыре баттареи защищали земляной веркъ около небольшой деревни; веркъ этотъ, повидимому, былъ передовымъ изъ сооруженныхъ ими позицій на центральномъ валу. Онъ былъ построенъ на небольшомъ холмѣ и расположенъ такъ удачно, что могъ съ успѣхомъ направить свой огонь на долину, по которой можно было къ нему приблизиться. За нимъ были другіе земляные верки, расположенные направо, къ краю широкой долины, гдѣ кровли и колокольни Плевны, выдаваясь изъ зелени деревьевъ, блестѣли солнечными лучами. Мѣстность эта имѣла ясный и спокойный видъ, составляющій странный контрастъ съ громомъ пушечной пальбы. Городъ казался такъ близко, что, сдѣлавъ небольшую прогулку верхомъ на лошади, я могъ бы попасть въ него къ завтраку; но прежде чѣмъ достигнуть его, многіе изъ нашихъ должны были пасть. Люди, окружающіе меня въ баттареѣ, падали одинъ за другимъ, потому что позиція, на которой стояли наши пушки, была очень открыта, а турецкіе артиллеристы были очень мѣткіе наводчики.

«Между тѣмъ, въ 1 часъ пополудни, наша пѣхота не вступала еще въ дѣло. Военныя дѣйствія ограничивались до сихъ поръ одною артиллеріей. Крюденеръ на правомъ флангѣ имѣлъ лишь весьма незначительный успѣхъ, а его содѣйствіе въ комбинированной аттакѣ на обоихъ флангахъ было необходимо. Крюденеръ завоевалъ менѣе почвы, чѣмъ мы. Казалось, онъ весьма мало подвинулся впередъ съ того пункта, который занималъ вначалѣ, тогда какъ мы, сравнительно, ушли далеко впередъ. Крюденеръ отсталъ или потому, что его аттака не была достаточно энергична, или можетъ быть потому, что онъ натолкнулся на препятствія, которыхъ мы не встрѣчали. Однакожъ, Крюденеръ считается ловкимъ, опытнымъ солдатомъ и энергическимъ человѣкомъ. Мы недоумѣвали о причинѣ его неподвижности. Кн. Шаховской, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился дѣйствовать независимо, и повелъ аттаку на турокъ съ одними своими силами. Но если Крюденеръ дѣйствовалъ слишкомъ медленно, то Шаховской—слишкомъ поспѣшно. Если и всей русской силы было недостаточно для такой аттаки, то что же могла сдѣлать одна ея половина? Ужасны были послѣдствія этой ошибки въ разсчетахъ.

«Второй періодъ битвы начался около половины втораго часа пополудни. Дабы убѣдиться, насколько артиллерія подготовила путь для дѣйствія пѣхоты, Шаховской съ своимъ штабомъ въѣхалъ на возвышенность, съ которой палили бат-

тареи, но принужденъ былъ поспѣшно удалиться подъ ураганомъ гранатъ, который направили на эту небольшую группу турецкіе артиллеристы. Эта опасная инспекція, повидимому, удовлетворила кн. Шаховскаго, и онъ, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, рѣшилъ, что наступило время, когда пѣхота можетъ ринуться съ успѣхомъ. Это рѣшеніе было принято даже въ виду того факта, что мы, на своемъ флангѣ, имѣли лишь три бригады, одна изъ коихъ составляла резервъ. Другими словами, мы должны были броситься съ своими двѣнадцатью или пятьнадцатью тысячами человѣкъ противъ траншейныхъ позицій, занятыхъ гораздо превосходящими насъ числомъ войсками, которымъ мы и не могли нанести существеннаго урона своимъ предварительнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

«Двѣ бригады пѣхоты находились въ Радищевской долинѣ, сзади бригады генерала Щекова,—32-я дивизія на правой и 1-я бригада 30-й дивизіи на лѣвой сторонѣ. Наконецъ, передовымъ батальонамъ было приказано выстроиться въ ряды и двинуться черезъ возвышенность въ аттаку непріятельской позиціи. Приказъ этотъ былъ принятъ радостными криками, потому что пѣхотинцы томились своимъ бездѣйствіемъ; батальоны скорымъ шагомъ двинулись впередъ поперекъ долины, идя колоннами по-ротно и предшествуемые стрѣлковыми ротами. Артиллерія сопровождала это движеніе усиленнымъ огнемъ, который поддерживался для вящшаго прикрытія пѣхотинцевъ, когда они должны будутъ переходить гребень, спускаться по отлогости и затѣмъ, пройдя промежуточную долину, аттаковать турецкую позицію. Передъ тѣмъ, какъ взобраться на гребень, батальоны развернулись въ два ряда и въ такомъ порядкѣ прошли чрезъ гребень, стараясь пройти въ промежуткахъ между пушками. Турецкія гранаты свистѣли между ними, когда они подвигались въ линію, и численный составъ батальоновъ значительно уже поубавился, но длинная, волнующаяся линія стойко шла по нивамъ и скоро очутилась по ту сторону спуска. Линіи застрѣльщиковъ не было выставлено впереди. Боевая линія оставалась въ томъ видѣ, въ какомъ была сформирована, еще нѣкоторое время, пока съ одной стороны нетерпѣніе, съ другой пробѣлы, дѣлаемые непріятельскими ядрами, не разорвали ея рядовъ и не превратили ее въ изступленную толпу людей. Это была уже настоящая партія охотниковъ, сгорающихъ желаніемъ идти впередъ и схватиться въ рукопашную съ врагомъ, осыпающимъ ихъ пулями изъ-за своихъ прикрытій.

«Турецкія позиціи были уже близки. Гулъ ружейной пальбы сталъ безпрерывный, но онъ покрывается рѣзкимъ и оглушительнымъ трескомъ господствующей надъ нимъ артиллеріи. Зарядные ящики несутся къ пушкамъ съ новыми запасами для поддержанія огня. Пушки удвоиваютъ свою энергію. Мушкетная стрѣльба становится оглушительнѣе. Крики «ура» сражающихся солдатъ доносятся до насъ вѣтромъ. Налѣво пылаетъ деревня. Ярость и неистовство битвы дошли до своего пароксизма. Подкрѣпленія, засѣвшія сзади гребня возвышенности, теперь направлены на мѣсто битвы. Раненые начинаютъ переползать по сю сторону вала. Мы то и дѣло видимъ, какъ падаютъ замертво люди и какъ тяжело раненые остаются на томъ мѣстѣ, гдѣ пали, на жнитвѣ и посреди маиса. Живая

волна дерущихся солдатъ переступаетъ черезъ ихъ тѣла, стараясь пробраться далѣе.

«Доблестные артиллеристы направо и налѣво отъ насъ дѣйствуютъ неутомимо. На противоположной возвышенности, значительно пострадавшей отъ русскихъ гранатъ, огонь турецкихъ пушекъ начинаетъ колебаться. Къ земляному верку, расположенному противъ насъ, направлено много подкрѣпленій, которые съ громкими криками устремляются въ русскую сражающуюся линію.

«Тотчасъ же разсѣянные солдаты скучиваются. Мы можемъ различить офицеровъ, подающихъ своими шпагами сигналъ къ сосредоточенію. Разстояніе между нами и ими около сотни ядровъ. Это былъ бѣшеный натискъ, предводимый полковникомъ одного изъ полковъ 32-й дивизіи. Турки упорно держатся въ своихъ прикрытыхъ траншеяхъ и мѣтко, съ ужаснымъ успѣхомъ, стрѣляютъ въ наступающіе на нихъ ряды. Лошадь подъ полковникомъ падаетъ; полковникъ вскакиваетъ на ноги и, махая своею шпагою, ведетъ пѣшій своихъ солдатъ. Но успѣвъ сдѣлать лишь нѣсколько шаговъ, онъ шатается и падаетъ. Послѣ я узналъ что онъ былъ убитъ.

«Мы слышали какъ его солдаты съ воплемъ ожесточенія бросились на штыки, чтобъ отомстить за своего командира. Они уже перешагнули парапетъ траншеи и какъ лавина свалились на озадаченныхъ турокъ. Немногіе турки спаслись въ этомъ мѣстѣ отъ русскихъ штыковъ, управляемыхъ мускулистыми руками ожесточенныхъ солдатъ. Внѣшній рядъ первой позиціи былъ взятъ. Русскіе—(вообще сказать) не любятъ прикрытія, а встрѣчаютъ и направляютъ огонь на открытомъ мѣстѣ. Они не захотѣли воспользоваться противъ главной позиціи прикрытіемъ, представляемымъ парапетомъ этой закрытой траншеи, но бросились разбитыми рядами на крутой склонъ. Но движеніе ихъ нѣсколько замедлялось тѣмъ обстоятельствомъ, что турецкій огонь пѣхоты былъ черезчуръ убійственъ и отлогость была усѣяна павшими убитыми и ранеными; но большая часть русскихъ солдатъ подвигалась быстро. Прошло все-таки полчаса времени, пока солдаты снова выстроились въ ряды и бросились въ окончательную аттаку главнаго земляного верка.

«Турки не захотѣли ждать схватки на штыки, а сдѣлавъ послѣдній залпъ, оставили веркъ. Мы видѣли, какъ ихъ безпорядочная масса тѣснилась въ садахъ и виноградникахъ сзади позиціи, стараясь пробраться чрезъ узкія тропинки между деревьями и достигнуть прикрытія ихъ баттарей въ тылу второй позиціи.

«Такимъ образомъ пала первая турецкая позиція. Такъ какъ это была деревня, то она представляла широкое прикрытіе и кн. Шаховской поступилъ бы благоразумно, еслибъ удовольствовался удержаніемъ и укрѣпленіемъ этой позиціи до прибытія Крюденера, когда этотъ послѣдній взялъ бы Кривицкій веркъ и присоединился бы къ нему. Эта излишняя поспѣшность съ его стороны, можетъ быть, испортила дѣло.

«Между тѣмъ Крюденеръ былъ очевидно въ стѣсненномъ положеніи. Турки дрались бѣшено и были въ неожиданно превосходномъ числѣ на этой широкой центральной возвышенности. Первая позиція, какъ по своей естественной, такъ

и по искусственной силѣ, была дѣтской игрушкой сравнительно съ грозной крѣпостію второй позиціи. Но кн. Шаховской рѣшился взять эту вторую позицію.

«Первая аттака, однакожъ, была неудачна, и стоила многихъ жертвъ. Русскія войска потратили много времени на наступленіе и немилосердно подвергали себя непріятельскому огню; люди падали то и дѣло, но не подвигались впередъ замѣтнымъ образомъ. Кн. Шаховской счелъ минуту удобной, чтобы направить половину своей резервной бригады въ битву, между тѣмъ какъ другая ея половина принимала уже участіе въ дѣлѣ на лѣвомъ флангѣ.

«Полились новые потоки крови. Русскіе снова рванулись впередъ. Одновременно и турки во фланговомъ земляномъ веркѣ получили подкрѣпленія. Я видѣлъ какъ нѣкоторые русскіе офицеры верхомъ на лошадяхъ хладнокровно стояли сзади насыпи у виноградника, служащей парапетомъ, наблюдая за умноженіемъ турецкихъ силъ. Потомъ офицеры ускакали и вскорѣ вернулись. Очевидно, борьба была кратковременная, но ожесточенная и кровавая. Мы видѣли кучки людей, пробирающихся между зелеными кустами виноградника. Но они не далеко ушли, а бродили вокругъ западной и сѣверной стороны верка, дѣлая такимъ образомъ его занятіе русскими весьма ненадежнымъ. Между тѣмъ турецкія пушки посылали въ этотъ веркъ свои гранаты съ замѣчательною мѣткостію.

«Дѣло въ томъ, что русскіе заняли эту вторую турецкую позицію, но не могли удержать ее за собою. Затѣмъ около этой позиціи происходилъ постоянный бой.

«Около шести часовъ турки выдвинули большія массы пѣхоты для отвоеванія этой позиціи. Кн. Шаховской рѣшился на смѣлый шагъ, пославъ двѣ баттареи для занятія первой отбитой имъ позиціи, дабы при помощи ея сдерживать натискъ турокъ. Но турки не хотѣли уступить почвы, и несмотря на отчаянное сопротивленіе русскихъ, заняли и вторую позицію до семи часовъ вечера.

«Первая бригада 35-й дивизіи была поставлена къ сторонѣ лѣваго крыла, у пункта, откуда открывался видъ на Плевну. Это было опрометчивостью, потому что бригада выставляла свой правый флангъ подъ огонь турецкихъ пушекъ, поставленныхъ на гребнѣ возвышенности. Но цѣль, имѣвшаяся въ виду, была очень соблазнительна. Однакожъ, пути впередъ въ этомъ пунктѣ не было. Войска не желали отказаться отъ своей цѣли, и не могли имѣть никакого успѣха. Они стрѣляли и стрѣляли, и когда не могли болѣе дѣйствовать отъ величайшаго утомленія, то стояли и умирали, но не хотѣли отступить. Резервъ пришелъ къ нимъ, но лишь для того, чтобы увеличить собою груды мертвыхъ тѣлъ. Наконецъ, оказался недостатокъ въ военныхъ занасахъ, потому что обозы оставлены были позади.

«Правда, двѣ роты русской пѣхоты обошли правый флангъ турецкихъ верковъ и проникли въ Плевну; но это просто значило попасть въ пасть ада. Со всѣхъ окружающихъ высотъ посыпались на нихъ гранаты, а виноградники въ тылу города были наполнены турками. Русскіе поспѣшили оставить городъ послѣ минутнаго въ немъ пребыванія. Теперь всякая надежда на какой-либо успѣхъ

исчезла, и не было даже шанса извлечь какую-либо выгоду изъ пораженія. Кн. Шаховской не оставилъ ни одного человѣка для прикрытія отступленія. Турки продолжали напирать. Они имѣли теперь полный перевѣсъ на всѣхъ пунктахъ и повидимому рѣшились доказать, что они умѣютъ извлекать изъ этого выгоду.

«При наступленіи сумерокъ они толпами двинулись къ своимъ первымъ позиціямъ и овладѣли тремя русскими пушками прежде, чѣмъ русскіе успѣли увезти свои баттареи. Турецкія гранаты еще разъ начали свистѣть надъ вершиною передъ Радищевымъ и падали въ деревню, заваленную ранеными. По возвышенности безпрерывно тащились толпы раненыхъ. Тяжело раненые большею частію оставались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ падали. Поздно вечеромъ мрачный отрядъ баши-бузуковъ рыскалъ по полю сраженія, безпощадно избивая всѣхъ тяжело раненыхъ. Оставаясь на возвышенности до восхода луны, штабъ могъ слышать, среди ночной тишины, раздававшіеся снизу жалобные крики, умолявшіе о пощадѣ, и возгласы кровожаднаго торжества фанатиковъ. Въ эту минуту содрогнулось бы каменное сердце. Между тѣмъ ружейная пальба все еще не прекращалась, и турки, какъ разсказывали намъ, напали на отрядъ раненыхъ, сопровождаемый конвоемъ. Чтобы дать понятіе о разстройствѣ войскъ, достаточно сказать, что когда понадобилось составить роту для прикрытія раненыхъ въ Радищевъ, то рота эта могла быть составлена лишь изъ людей нѣсколькихъ полковъ.

«Около девяти часовъ штабъ оставилъ возвышенность, покрытую ранеными; намъ приходилось ступать ногами на человѣческія тѣла. Мы потеряли дорогу, подобно тому, какъ потеряли армію. Мы немогли найти отдыхъ на землѣ, изъ страха баши-бузуковъ, рыскающихъ по полю сраженія, разыскивая отступающихъ русскихъ. Только къ часу утра, не слѣзая съ сѣдла съ шести часовъ предшествовавшаго дня, мы нашли пріютъ въ полѣ и легли на скошенную ниву.

«Но даже и тутъ намъ не суждено было предаться отдыху. Въ четыре часа мы подняты были тревогою, что баши-бузуки вблизи насъ, и мы поспѣшили убраться далѣе.

«Что касается до баши бузуковъ, то всѣхъ ихъ подвиговъ и не перескажешь. Всю ночь работали они около Радищева, нападая на раненыхъ и избивая ихъ немилосердно.

«Крюденеръ прислалъ утромъ донесеніе, что потери его очень тяжелы и что онъ рѣшился отступить вдоль рѣки Осмы, которая впадетъ въ Дунай, близь Никополя. По самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ, мы потеряли 5,000 человѣкъ, не считая потерь Крюденера. Мы тоже отступаемъ къ рѣкѣ Осмѣ, около Болгарени.

«При битвѣ присутствовалъ адъютантъ Великаго Князя Николая Николаевича, и уѣхалъ въ Тырново съ дурными вѣстями. Мы только что оставили свой бивуакъ и поспѣшно отступили въ Болгарени, покинувъ болгарскія деревни на произволъ турокъ.

Честная жизнь и славная смерть.

«На дняхъ мнѣ довелось видѣть нѣсколькихъ человѣкъ, раненыхъ подъ Плевною, въ дѣлѣ 18 іюля. По словамъ участниковъ этого жестокаго боя, можно заключить, что это была бойня, или рѣзня въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Рѣзню эту могъ переносить только твердый, стойкій и непоколебимый русскій солдатъ! Отъ однихъ разсказовъ участниковъ этого дѣла волосы становились дыбомъ. Этотъ бой, вѣроятно, опишутъ уцѣлѣвшіе участники его. Мое перо слишкомъ слабо, чтобъ изобразить, со словъ другихъ, эту страшную и дѣйствительно ужасную картину самаго отчаяннаго огня, буквально осыпавшаго наши войска изъ турецкихъ укрѣпленій со всѣхъ сторонъ. Замѣчу только, что, по общему отзыву всѣхъ участниковъ плевненскаго дѣла, покойный полковникъ баронъ Ф. К. Каульбарсъ, убитый въ этомъ дѣлѣ, совершилъ въ немъ чудеса храбрости. Летая постоянно верхомъ на лошади передъ ввѣреннымъ ему шуйскимъ пѣхотнымъ полкомъ, и руководя имъ, онъ ободрялъ людей подъ убійственнымъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ, и только благодаря его необыкновенной энергіи и особенно личной храбрости и распорядительности, быть можетъ, шуйскимъ полкомъ не овладѣла паника. Раненые въ этомъ дѣлѣ единогласно утверждаютъ, что баронъ Каульбарсъ, раненый весьма опасно въ самомъ началѣ дѣла, сперва въ ногу, а потомъ сряду два раза въ лѣвую руку, не слѣзалъ съ лошади и распоряжался огнемъ и аттакою до послѣдняго вздоха, т. е. до той самой минуты, когда, пораженный двумя пулями на вылетъ, почти одновременно, въ животъ и грудь, онъ свалился мертвый съ лошади. Этотъ человѣкъ, по-истинѣ, какъ утверждаютъ всѣ, былъ настоящимъ героемъ дня битвы подъ Плевною 18-го іюля. Къ сожалѣнію, смерть его лишила насъ храбраго и отчаяннаго воина, обладавшаго всѣми прекрасными качествами боеваго начальника, соединявшаго въ себѣ съ личною храбростью высокое военное образованіе, необыкновенное присутствіе духа и замѣчательную распорядительность. Только за такими начальниками могли бросаться впередъ солдаты даже въ такой убійственный огонь, какимъ угощали насъ турки 18-го іюля съ плевненскихъ позицій.»

Разсказы, сцены и анекдоты.

Калачикъ *). Когда экипажъ Свѣтланы отправился изъ Петербурга, то провожавшій его народъ вполнѣ сочувствовалъ и свое горячее пожеланіе добраго участія выражалъ въ самомъ разнообразномъ видѣ и каждый, разумѣется, по своему.

Когда въ 2 часа по полудни отрядъ достигъ станціи Варшавской желѣзной дороги, площадь предъ станціей и самая станція были залиты народомъ. Бабы

*) Кронштатскій Вѣстникъ 1877 г.

съ калачами и булками поспѣшно совали гвардейцамъ свои подарки, крестясь и пришептывая: «Господь съ вами, наши голубчики! храни васъ Богъ! Возвращайтесь благополучно» и т. д, Со стороны мужчинъ по временамъ слышались и другія рѣчи: — «Доканайте вы турку» и прочее въ этомъ родѣ. По пути отъ казармъ къ вокзалу одна старушка, простая баба, подошла къ Великому Князю Константину Константиновичу, подала ему калачикъ на дорогу, просила Его Высочество принять калачикъ, не побрезговать имъ, въ дорогѣ быть можетъ и пригодится, да и рука у этой старушки была легка, какъ она говорила.—Она дала племяннику такой же калачикъ, отправляя его въ походъ и ничего, Богъ его сохранилъ. Великій князь принялъ калачикъ и спряталъ его въ складки плаща, гдѣ лежалъ списокъ ввѣреннаго ему полуотряда.

Въ Журжѣ *). Около павильона, подъ тѣнью чудеснѣйшихъ акацій укрывалось нѣсколько солдатъ. Они сидѣли и лежали въ травѣ съ такимъ безпечнымъ видомъ, какъ будто отдыхали въ самомъ безопасномъ мѣстѣ; иные спали.

— Ну, что сегодня стрѣляли? спросилъ я у одного.

— Стрѣлялъ, ваше благородіе. И нынче и вчера и позавчера все *онъ* стрѣляетъ.

— Сюда попадаютъ гранаты?

— Такъ точно, ваше благородіе, попадають, и сюда попадаютъ и вездѣ попадаютъ. Норовитъ.

— Сегодня упала хоть одна?

— Упала, ваше благородіе. Вонъ тамъ, ваше благородіе. указалъ онъ мнѣ на дорожку, ведущую къ калиткѣ сада: вонъ гдѣ земля вскопана, тутъ она и попала.

— Когда же?

— Съ часъ времени, ваше благородіе. Мы сидимъ, а она какъ ляпнетъ тутъ, проклятая, ажно стряслось.

— Чтожъ, разорвалась?

— Такъ точно, разорвалась. Земли напорошило на поди сколько!

— Никого не задѣло?.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе—вреда не было. Все больше такъ падаютъ, въ пустое.

— Всѣ разрываются?

— Не всѣ, ваше благородіе. И такъ бываетъ: сядетъ въ землю и сидитъ какъ баба въ квашнѣ, съострилъ солдатикъ.

— Чтоже, страшно, когда летитъ?

— Ничего, ваше благородіе. Пріобыкли; сперваначала точно, што. А теперича пріобыкли. Какъ не лопаются—собираемъ.

— Какъ собираете? Зачѣмъ?

— Для занятія, ваше благородіе.

— Куда же вы ихъ собираете?

---

*) Корр. „Новаго Времени". 1877 г.

— А вотъ не угодноли, ваше благородіе, взглянуть; вотъ онѣ тутъ у насъ сложены.

Онъ повелъ меня къ густой акаціи, около корня которой я увидалъ двѣ или три огромныхъ гранаты коническОй формы и съ десятокъ сферическихъ бомбъ. Вокругъ нихъ сидѣло и лежало человѣкъ пять солдатъ.

— Чтожъ, это все нелопнувшія?

— Такъ точно, ваше благородіе: всѣ не лопнувши. Одну этакую позавчера молдоване нашли на улицѣ, стали при нихъ глупости любопытствовать. Одинъ говоритъ: «*нисько я ее кокну.*» Кокнулъ, ваше благородіе, топоромъ, а она какъ бухъ, да ему прямо въ рожу. Тутъ Богу душу и отдалъ. То то, вотъ, любопытство.

— А осколки есть тутъ?

— Сколько угодно ваше благородіе! да вонъ извольте взглянуть; валяются.

Я посмотрѣлъ, куда онъ указывалъ: шагахъ въ двухъ отъ меня валялось нѣсколько чугунныхъ прямыхъ и какихъ то корявыхъ кусковъ. Я взялъ одинъ на память.

Мы отошли отъ павильона и пошли къ самому берегу посмотрѣть на турецкій фортъ Салтане. Насъ было человѣкъ шесть.

— Въ кучу несбивайтесь, ваше благородіе, предупредилъ насъ одинъ изъ солдатиковъ.

— А что?

— Запримѣтитъ *онъ*. Пожалуй и поддастъ. Кто его знаетъ. Сукровенностью можно поглядѣть. Тутъ теперь батарея его видна вся, какъ есть. Сейчасъ отрядъ большой туда прошелъ, за ту самую батарею... Кто его знаетъ, что у него на умѣ....

Мы посмотрѣли въ бинокли на Салтане: ничего—стоитъ, хотя, говорятъ этотъ фортъ ужъ значительно поврежденъ русскими баттареями.

Солдатская простая натура. На третій день послѣ Систовской переправы мнѣ случилось встрѣчать и говорить съ солдатами волынскаго полка выдержавшими всѣ ужасы ночи на пятнадцатое іюня и что же вы думаете? они отзывались о своемъ подвигѣ какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, они въ своемъ простодушіи *не понимали*, что совершили нѣчто невѣроятное, нѣчто, требовавшее необычайнаго мужества. На распросы о подробностяхъ, о томъ, какъ переправлялись, подъ выстрѣлами, одинъ молодой солдатъ не нашелъ ничего много сказать мнѣ какъ слѣдующее:

— Очень это просто, ваше благородіе, переправлялись: на желѣзныхъ лодкахъ.

— Ну, да, я знаю, что на желѣзныхъ лодкахъ. Но вѣдь по васъ стрѣляли.

— Такъ точно, ваше благородіе, стрѣлялъ *онъ*.

— Гранатами?

— Гранатами, ваше благородіе, а между прочимъ и изъ ружей садилъ *онъ*, какъ значитъ около берега плыли.

— Страшно было?

— Страшно то оно страшно, да что ужъ дѣлать, ваше благородіе: уйти то, вѣдь, ужъ некуда, такъ чево тутъ?

— Ну, а кабы было возможно, развѣ ты ушелъ бы?

— Какъ можно, ваше благородіе: коли, значитъ такой приказъ былъ, чтобы намъ на *Его* идти, зачѣмъ уходить? никакъ этого нельзя по нашей службѣ.

Вотъ вамъ и всѣ разсужденія. Извольте видѣть:

«Очень это просто!»... «уйти нельзя, да и служба того требуетъ, чтобы неуходить...» и стало быть, тутъ нечего разсуждать даже тогда, когда передъ носомъ вѣрная смерть! и при этомъ даже простодушное сознаніе, что— *«было страшно, да нечего дѣлать.»* Нѣтъ, такой прелестной простоты въ героизмѣ вы не отыщете ни у какого такого народа, кромѣ русскаго.

Николай Николаевичъ младшій *) Одинъ изъ офицеровъ гвардейскаго отряда отзывался съ горячею похвалою о храбрости, выказанной въ дѣлѣ при переправѣ черезъ Дунай Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ: августѣйшій юноша, какъ уже извѣстно, перешелъ съ отрядомъ, попавшимъ подъ убійственный непріятельскій огонь. Возведена была насыпь, изъ за которой принялись стрѣлять наши молодцы. Турецкія гранаты то и дѣло пролетали имъ черезъ головы. Молодые солдаты при свистѣ пролетающаго снаряда инстинктивно наклоняли голову. Юный Великій Князь сѣлъ на насыпь и закричалъ: «Ребята! что кланяйся, что не кланяйся, кому жить—не тронетъ, а кому нѣтъ—не проститъ. Въ это время граната прожужжала надъ самою головою Великаго Князя, и онъ наклонился, но, быстро поднявъ голову, расхохотался: «Нѣтъ, видно съ перваго раза непривыкнешь!» воскликнулъ и просидѣлъ на насыпи, пока стрѣлки его не были двинуты далѣе.

Когда Великій Князь Главнокомандующій, по окончаніи боя, переплылъ на только-что отвоеванную нами турецкую землю, Его Высочество встрѣтилъ генералъ Драгомировъ, которому Его Высочество бросился на шею; тутъ же стоялъ и молодой Великій Князь: «Ну, мальчикъ, сказалъ ему отецъ:—на первый разъ славно! поди и ты сюда; онъ прижалъ его къ груди и зарыдалъ отъ радости, видя его невредимымъ.

Лошадь-актеръ **) Дѣло происходило въ Вакарештѣ, маленькой деревнѣ въ окрестностяхъ Бухарешта, получившей свое названіе отъ тюрьмы бывшей невдалекѣ. Русскій казакъ останавливается у одной корчмы (здѣсь называются такъ кабаки, которые носятъ и другое названіе *«биртъ»*) и приказавъ хозяину щедро подавать себѣ напитки, которые онъ, не смотря на страшную жару, съ наслажденіемъ пилъ, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ сѣсть на лошадь; кабатчикъ бѣжитъ прямо къ нему и знаками старается объяснить ему, что кто выпилъ, тотъ и платитъ за выпитое. Казакъ вытаскиваетъ свой кошелекъ, но вдругъ лошадь его, словно пораженная громомъ, тутъ же у ногъ его падаетъ мертвая.

---

*) Газета Гатцука. 1877 г. № 31. заимствовшая изъ *Вѣст. Пов. Пом.* отъ 7 іюля 1877 г.

**) Кор. Сѣв. Вѣстн. См. Газ. Гатцука № 31. 1877 г.

Нѣтъ возможности описать ужасъ казака. Присутствующіе до слезъ тронуты этимъ зрѣлищемъ; кто то изъ толпы беретъ въ руку свою шляпу и она наполняется банами (мелкими монетами), которыя, въ видѣ удовлетворенія, отданы въ руки казаку. Самъ кабатчикъ растроганъ и старается утѣшить своего гостя нѣсколькими великодушно предложенными стаканами вина. Наконецъ казакъ, послѣ многихъ жалобъ, удалился, унося съ собою сѣдло и собранныя въ его пользу деньги. Удалившись на нѣсколько сотъ шаговъ, казакъ вдругъ оборачивается; раздается могучій свистъ; лошадь оживаетъ, быстро поднимается на ноги и, какъ стрѣла летитъ къ своему хозяину, который громко хохочетъ. Хозяинъ корчмы сдѣлалъ кислую гримасу и только развелъ руками.

Молодечество русскихъ на азіятскомъ театрѣ войны. Корреспондентъ «Голоса» привелъ слѣдующій разсказъ *). Невозможно передать всѣхъ отдѣльныхъ подвиговъ, которыми отличились при Зивинѣ офицеры и солдаты гренадерской дивизіи. Вольноопредѣляющіеся и юнкера, эта юная, безъусая молодость соперничала въ храбрости и стойкости съ опытными ветеранами.

Падаетъ, напримѣръ, пораженный на поваль командиръ роты Аѳонасьевъ. Вольноопредѣляющійся князь Абашидзе спѣшитъ на помощь.

— «Абашидзе!» вскрикиваетъ только несчастный и умираетъ, какъ герой впереди своихъ солдатъ.

— «Впередъ! отмстимъ за командира!» говоритъ князь Абашидзе, а поднятую въ это время руку поражаетъ пуля, повреждая два пальца. Не взирая на рану, молодой человѣкъ продолжаетъ идти впередъ.

Чрезъ нѣсколько шаговъ подаетъ его товарищъ, раненый въ ногу.

— «Абашидзе!» приколи меня, но не отдавай туркамъ!» Князь Абашидзе наклонился, чтобы поднять раненаго, но новая пуля поражаетъ его другую руку. Тѣмъ не менѣе, израненными руками князь Абашидзе помогаетъ товарищу протащиться внизъ до ближайшаго камня.... Вотъ каковы эти молодые люди!

Я видѣлъ потомъ почти всѣхъ и считалъ за честь, каждому изъ нихъ пожать руку. Очень многіе изъ вольноопредѣляющихся и юнкеровъ ранены.

Чудомъ спасшіеся отъ пули завидовали «счастливцамъ», получившимъ раны.

Помню маленькаго, худенькаго, со впалою грудью вольноопредѣляющагося. Пришелъ онъ навѣстить раненыхъ, папиросъ, что-ли, принесъ, и смотритъ грустными блестящими глазами на раненую руку товарища.

— Поздравляю, говорю я ему; благополучно отдѣлались.

— Есть съ чѣмъ поздравлять! Вотъ ихъ поздравить можно... Ужъ несчастье мое такое! Подъ Ардаганомъ былъ, теперь тоже, и ни одна пуля не задѣла!..

— Да и слава Богу, что не задѣла.

— Нѣтъ, это великая честь....

— Успѣете еще! утѣшаю его.

— Дай Богъ! говоритъ.

---

*) Газета Гатцука № 32 1877 г.

Вотъ подите, разберите этихъ молодыхъ людей! Скажутъ, конечно (найдутся и такіе), «награды ищутъ.» Нѣтъ, не въ наградѣ тутъ дѣло! жертвовать хочется осязательно, отдать хоть частицу самаго себя за общее дѣло. Ему кажется, что это не жертва, что онъ шелъ вмѣстѣ съ другими, подъ градомъ пуль, каждую секунду рискуя своею жизнью. Всѣ шли и онъ шелъ—чтожъ это за жертва? Нужно быть раненыхъ, пострадать, отдать болѣе другихъ—вотъ это будетъ жертва. Такъ думаетъ эта молодежь, которую такъ любятъ поносить. Сердце ея всегда тамъ, гдѣ требуется страданіе за общее дѣло. Это по поступкамъ, а не по словамъ видно.

Николай Николаевичъ Младшій и плѣнный турецкій офицеръ *) Во время допроса плѣнныхъ главнокомандующимъ, Великій Князь спросилъ одного молодаго турецкаго поручика объ его имени. Послѣдній неуспѣлъ еще отвѣтить, какъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій воскликнулъ: Ба! да я знаю васъ, я видѣлся съ вами во второмъ сраженіи при Казанлыкѣ. Вы дрались въ первомъ ряду; послѣ третьяго приступа вы спустились съ высотъ и заняли со своими солдатами противуположный холмъ и открыли оттуда сильный огонь по русскимъ, Неправдали это?—Точно такъ ваше высочество, отвѣчалъ офицеръ, но ваша храбрость тоже не укрылась отъ меня.

— «Тѣмъ лучше», замѣтилъ главнокомандующій, «тогда вы оба знаете другъ друга; но теперь довольно объ этомъ».

Примѣръ незлобія русскаго солдата **) Русскій корреспондентъ вмѣстѣ съ г. Форбесомъ, корреспондентомъ газеты *Times*, были свидѣтелями чрезвычайнаго добродушія русскаго солдата къ своему недругу. Въ лазаретѣ Общества Краснаго Креста, при лагерѣ въ Мацрѣ, раненый въ ногу солдатикъ Кудиновъ, полусидя въ больничной койкѣ, кормилъ съ ложки манною кашею своего сосѣда, ранившаго его и въ свою очередь раненаго имъ и взятаго въ плѣнъ турка, приговаривая:—Поѣшь, сердешный, кашки то, покушай.... Что дѣлать, грѣхъ случился, зацѣпилъ я тебя маленько, на то война—воля Божья, да Государева!... а ты, прости меня, не сердись!... полегчаетъ тебѣ.... полно стонать то... Ахъ горемычный!.. Бѣдовое дѣло!... ну-ка, полно сердиться то... поѣшь кашки-то, право полегчаетъ!... Охъ, всѣ-то мы люди, человѣки, всѣ—дѣти одного Отца небеснаго!

Мнѣ извѣстно, прибавляетъ корреспондентъ, что вся рѣчь солдатика, переведенная мною, дословно занесена г. Форбесомъ въ его замшевую дорожную записную книжку.

Тщеславіе изверга ***). Между турецкими плѣнными, какъ то низама, редифа, и баши-бузуками, прибывавшими въ нашъ лагерь, одинъ баши-бузукъ, настоящій уродъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи открыто хва-

---

*) Кор. „Новаго Времени“ 1877 г. См. Газ. Гатцука № 34, 1877 г.

**) Кор. С.-Пб. Вѣд. 1877 г.

***) Тырнов. Корр. Газ. Presse 1877 г. Газета Гатцука 1877 г. № 34.

стался своими скотскими достоинствами, говоря, что ему удалось изнасиловать и затѣмъ зарѣзать 32 болгарскія дѣвушки. «И эту тварь еще не разстрѣляли» восклицалъ корреспондентъ въ благородномъ негодованіи.

---

*Чертова Дюжина**). Какъ странно иногда слагаются событія и при какихъ оригинальныхъ условіяхъ: извѣстно что у насъ, шутя конечно, «Чертовой дюжиною» называютъ число *13*. Теперь что же;—сраженіе при Зивинѣ происходила 13 іюля въ понедѣльникъ, въ немъ участвовало 13 генераловъ **), войска было 13 тысячъ, бой длился 13 часовъ.

Капитанъ Штоквичъ. Капитанъ этотъ, временной командантъ Баязидской крѣпости, оказалъ большую услугу отечеству: какъ русскій герой, который прославилъ себя неустрашимостью въ минуту грозной осады, въ минуту страшныхъ страданій и лишеній, отъ недостатка пищи. Штоквичъ, не смотря на нѣмецкую фамилію показалъ себя вполнѣ русскимъ героемъ, сохранивъ типъ прежняго стараго кавказскаго офицера. Онъ уроженецъ Тифлиса, учился въ мѣстной гимназіи и въ 1848 г. поступилъ на службу. Отецъ его прославился подъ стѣнами другой крѣпости—Карса, въ турецкую компанію 1828—29 годовъ. Онъ взорвалъ пороховой погребъ, что рѣшило участь крѣпости. Самъ онъ поплатился за свой геройскій подвигъ жизнью: послѣ взрыва покойнаго отца Штоквича нашли лишь его ордена, бывшіе на немъ въ этотъ день; ни тѣла, ни частей его неоказалось...

Капитанъ Штоквичъ большую часть своей службы провелъ въ славномъ эриванскомъ полку, командуя ротой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ переведенъ въ Тифлисскій линейный батальонъ, нынѣ Тифлисскій мѣстный полкъ, въ которомъ числится и во время войны 1877—78 года. Изъ этого полка онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе завѣдывающаго эксплоатаціей войскъ, въ какомъ мѣстѣ и застало его назначеніе баязидскимъ комендантомъ.

По взятіи Баязида, когда зашла рѣчь о выборѣ лица для назначенія въ должность коммендаита, представляющую болѣе опасности, чѣмъ выгоды, свиты генералъ-маіоръ князь Его Величества Амилахвари, начальникъ артиллеріи въ эриванскомъ отрядѣ, первый указалъ на Штоквича; генералъ Тергукасовъ одобрилъ этотъ выборъ, а генералъ Лорисъ-Меликовъ тѣмъ охотнѣе согласился на это назначеніе, что капитанъ Штоквичъ состоялъ при немъ во время управленія имъ Карсомъ въ прошлую компанію. И вотъ энергія и мужество не оставило его при выполненіи тяжелой задачи, какова была защита только-что занятаго Баязида и мужественная поддержка энергіи въ гарнизонѣ, который въ теченіи 23 дней умѣлъ перенести всевозможныя лишенія и въ тоже время непрельститься лукавымъ предложеніямъ врага. ***

---

*) См. Газету Гатцука 1877 г. № 34.

**) Лорисъ-Меликовъ, Гейманъ, Комаровъ, Чавчавадзе, Духовской, Меликовъ, Шульцъ, Арну, Овиновъ, Зедергольмъ, Губскій, Шульцъ, Докторь Соловьевъ.

***) Я хотѣлъ помѣстить подробности, картину страданій Баязитскихъ героевъ, но издатель почему то вычеркнулъ. *Составитель М. Евстигнѣевъ.*

Русское знамя. *) Турки хвалились тѣмъ что въ битвѣ подъ Плевной имъ будто бы удалось овладѣть русскимъ полковымъ знаменемъ. А дѣло о знамени происходило слѣдующимъ образомъ:

Во время сраженія одинъ пѣхотный полкъ внезапно очутился окруженнымъ втрое многочисленнымъ непріятелемъ. Русскіе дрались какъ львы, но ряды ихъ съ минуты на минуту становились рѣже, и съ яростными криками: Аллахъ! Аллахъ! турки все ближе и ближе стали тѣснить въ особенности одну роту, посрединѣ которой высилось русское знамя. Шагъ за шагомъ отступали его храбрецы, но вдругъ покачнулось знамя и вмѣстѣ съ тѣмъ упалъ знаменоносецъ. Съ торжествомъ бросились впередъ низамы и имъ дѣйствительно удалось уничтожить почти всю богатырскую роту. Спаслось какимъ-то чудомъ нѣсколько человѣкъ; по мнѣнію турокъ, этимъ нѣсколькимъ человѣкамъ невозможно было унести съ собою знамя, такъ какъ люди, окружавшіе его, были буквально отрѣзаны отъ остальныхъ товарищей. Слѣдовательно опять, по мнѣнію турокъ, знамя должно быть найдено на мѣстѣ сраженія и начальникъ турецкаго отряда съ тріумфомъ извѣстилъ главнокомандующаго «о славной добычѣ»

Османъ-паша, какъ и слѣдовало ожидать, поспѣшилъ сообщить о томъ въ Стамбулъ, несмотря на то, что онъ и о сю пору не видалъ въ глаза знамени, которое преблагополучно осталось въ русскомъ войскѣ. Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ о спасеніи знамени:

«Когда тяжело раненый знаменоносецъ упалъ на землю, то, собравъ послѣднія силы, онъ протащился на нѣсколько шаговъ къ стоявшему въ сторонѣ стогу сѣна и подсунулъ подъ него полотно знамени. Товарищи, замѣтившіе это и успѣвшіе спастись, разсказали другимъ солдатамъ и въ послѣдовавшую за тѣмъ ночь, несмотря на то, что позиція осталась въ турецкихъ рукахъ, нѣсколько нашихъ молодцевъ пробрались къ завѣтному мѣсту, и имъ въ самомъ дѣлѣ посчастливилось спасти знамя.

Турецкіе союзники. **) При второмъ плевненскомъ дѣлѣ обнаружилось, что въ рядахъ турокъ есть и другія націи кромѣ мусульманъ. Между русскими войсками изъ устъ въ уста передавались два случая, которые конечно изумляли русскихъ: первый такой случай произошелъ при аттакѣ Вологодцевъ, которые ясно слышали со стороны противника обращенныя къ нимъ ругательства по русски. *Второй же*: когда у одной изъ ротъ Архангелогородскаго полка не не хватило патроновъ и въ ожиданіи ихъ подвоза она должна была воздерживаться отъ выстрѣловъ и не отвѣчать, то изъ заваловъ противника послышался вдругъ голосъ, обратившійся къ солдатамъ на русскомъ языкѣ: «Что братцы! патроновъ не хватило?... *идите* до насъ, мы дадимъ, сколько хочете» ***).

Дорогой плѣнный. Дѣло идетъ о лейтенантѣ *Пущинѣ,* о которомъ мы писали; но вотъ одна изъ особенностей, которая вполнѣ интересна. Изъ Перы те-

*) Коррес. Мос. Вѣд. 1877 г.

**) Корр. Правит. Вѣстника. 1877 г. Пом. потомъ въ газ. Гатцука № 35. 1877 г.

***) „*Идите до насъ*“, кто не знаетъ этого оборотарѣчи.

леграфировали въ «Кельнскую газету», что русское правительство предлагало Портѣ отпустить, или обмѣнять лейтенанта Пущина, но Порта не согласилась на это предложеніе по весьма лестнымъ для русскаго офицера причинамъ, но весьма не лестнымъ для ея собственныхъ. Порта отвѣчала именно, что она придаетъ лейтенанту Пущину несравненно больше цѣны, чѣмъ Хассану-пашѣ и сотнѣ прочихъ офицеровъ.

Бесѣда нашего солдата съ туркомъ. *) Солдатъ старается распросить турка, зачѣмъ они отрѣзываютъ носы и уши у раненыхъ; «развѣ вы ихъ жрете?» говорилъ солдатъ. Турокъ, говорившій прекрасно по болгарски, передаетъ чрезъ стоявшаго тутъ болгара, что это дѣлаютъ черкесы. «А ты не дѣлалъ этого! спрашиваетъ солдатъ. Турокъ отрицательно качаетъ головой. «Ну, молодецъ? эй сколько стоитъ порумбели **) фертъ?» спрашиваетъ солдатъ у проходящаго мимо разносщика.—Галоганъ пара.» Солдатъ покупаетъ и даетъ турку. «На ѣшь! такъ не годится дѣлать; если вы у насъ носы будете рѣзать и мы будемъ рѣзать, вотъ те крестъ будемъ (солдатъ крестится) а что изъ того, безъ носовъ и останемся; а вѣдь носъ все равно отъ Бога.»

Отношеніе Августѣйшаго главнокомандующаго къ солдатамъ. ***) Когда войска имѣли движеніе чрезъ Горный Студень то вездѣ встрѣчали Главнокомандующаго съ восторгомъ. «Спасибо вамъ за молодецкую службу!» обратился Его Высочество къ Архангелогородцамъ, и Вологодцамъ: «съ Драчи я васъ невидалъ и за то время вы свято сдержали ваше слово: дрались, какъ мнѣ обѣщали— молодцами. Къ вамъ подойдутъ теперь молодые люди, научите и ихъ быть такими же молодцами-героями, какъ вы сами.»

Въ другомъ мѣстѣ Его Высочество разговорился съ солдатами: —«Ну, что, братцы, какъ турки дерутся?» — «Они трусы, ваше Высочество, въ чистое поле не выходятъ, а все прячутся, штыка не выдерживаютъ». «А все, братцы, на нихъ огонь сразу не бросайтесь: выжди, обстрѣляй хорошенько, подходя, пользуйся всякими закрытіями, а потомъ ужъ на штыки и работай на чистоту». Люди были въ восторгѣ видѣть и говорить съ своимъ Главнокомандующимъ.

И. В. Гурко.

(БІОГРАФІЯ).

Свиты Его Величества генералъ-лейтенантъ Іосифъ Васильевичъ Гурко изъ камеръ-пажей былъ переведенъ въ 1846 г. въ корнеты лейбъ-гвардейскаго Е. В. гусарскаго полка. Въ 1857 г., будучи ротмистромъ, былъ назначенъ эскадроннымъ командиромъ того же полка. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ фли-

---

*) Газета Гатцука № 35. 1877 г.

**) Вареная кукуруза.

***) Кор. Моск. Вѣд. 1877 г.

гель-адъютантомъ къ Государю. Въ 1861 году былъ произведенъ въ полковники. Чрезъ пять лѣтъ онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го гусарскаго Маріупольскаго полка, а въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Государя. Въ 1871 году генералъ Гурко былъ назначенъ командиромъ первой бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Къ этому очерку повышенія по службѣ генерала Гурко слѣдуетъ прибавить, что онъ участвовалъ въ Крымской компаніи и, оставаясь въ Бельдекской позиціи до конца войны, нѣсколько разъ былъ посылаемъ на передовыя позиціи.

Душа—Богу, тѣло—Царю *).

Изъ моихъ наблюденій надъ ранеными, пишетъ корреспондетъ, я вынесъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что каждый нашъ солдатъ положительно герой въ своей сферѣ. Самыя тяжелыя раны имъ переносятся съ замѣчательной твердостью: ни выраженія сожалѣнія о своей участи, ни малѣйшаго страха вы никогда не услышите, обходя раненыхъ въ госпиталѣ; а то самоотверженіе и положительное отсутствіе всякаго страха смерти, которыя постоянно звучатъ въ ихъ разсказахъ о сраженіяхъ, по истинѣ достойны удивленія. Сами турки, по словамъ болгаръ, отзываются о нашихъ солдатахъ съ глубокимъ уваженіемъ и видятъ въ нихъ непобѣдимыхъ враговъ. Турки выражаются о нашихъ солдатахъ такъ, что они поручаютъ свою душу Богу, а тѣло—Царю, и идутъ въ бой съ совершенной покорностью судьбѣ, другихъ заботъ у нихъ не существуетъ. Насколько велико у нашихъ солдатъ пренебреженіе къ непріятелю, покажетъ намъ слѣдующій случай. Лежавшій въ госпиталѣ Рыжовыхъ казакъ, раненый въ руку, разсказываетъ, что во время боя подъ Шипкой онъ наскочилъ на одного турка, который тотчасъ же бросилъ передъ нимъ ружье и предпочелъ сдаться военнопленнымъ. Нашъ казакъ поднялъ его ружье и нѣсколько разъ совалъ его въ руки турка, показывая, что слѣдуетъ драться, а не бросать ружье. Тотъ же казакъ разсказываетъ, что въ турецкихъ рядахъ встрѣчаются вооруженныя женщины, которыя сражаются не хуже мужчинъ.

———

Каждому—своя обязанность. 8-го іюля былъ праздникъ гренадерскаго тифлисскаго полка. На обѣдѣ, которымъ, по обычаю, съ необыкновеннымъ радушіемъ угощали насъ Тифлисцы, въ тотъ моментъ, когда излишнія церемоніи оставляются въ сторонѣ и языки становятся развязнѣе, къ генералу Гейману подошелъ солдатъ съ стаканомъ вина въ рукѣ. Получивъ дозволеніе, неожиданный ораторъ сказалъ очень складную и исполненную смысла рѣчь. Упомянувъ о храбрости, отвагѣ русскаго воина, о томъ, что войска пойдутъ куда угодно, не задумавшись, готовыя встрѣтиться со всякими трудностями и опасностями, ораторъ заключилъ приблизительно, въ такомъ родѣ: «Ваше, начальниковъ, дѣло

*) Корр. изъ Тырнова въ Сѣв. Вѣст. 1877 г. отъ 20 іюля.

за насъ подумать, сообразить, осторожно оглядѣться и приказать, куда идти; свое же дѣло мы сдѣлаемъ безъ оглядки».

Отступленіе генерала Гурко изъ Эски-Загры.

Очевидецъ фактовъ, Жюль Ваккеде, такимъ образомъ описываетъ въ *Augsdurger Zeitung* очищеніе Эски-Загры войсками генерала Гурко и избіеніе христіанъ, послѣдовавшее въ этомъ несчастномъ городѣ и его окрестностяхъ вслѣдъ за отступленіемъ русскихъ.

«Это было 20-го іюля. Сулейманъ-паша только что соединился съ Реуфъ-пашею, разбитымы наканунѣ русскими. Пѣхота Сулеймана-паши пришла форсированными маршами отъ черногорской границы, идя день и ночь, почти ничего не ѣвши. Утомленнымъ солдатамъ, изъ коихъ многія были босые, дали лишь нѣсколько часовъ отдыха. Потомъ къ нимъ обратились съ рѣчью, въ которой было сказано, «что теперь нужно спасать падишаха, что ненавистные русскіе хотятъ разрушить Стамбулъ и сжечь св. Софію и что всѣ правовѣрные последователи Магомета, которые положатъ жизнь въ борьбѣ, пойдутъ прямо въ рай, гдѣ будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ». Больше этого и не нужно было для воспламененія умовъ: усталость и истощеніе были тотчасъ же забыты, и солдаты снова сомкнулись рядами, чтобы съ неистовымъ порывомъ броситься на русскіе ретраншементы.

«Было нѣчто въ родѣ соперничества какъ между Сулейманомъ и Реуфомъ, такъ и между ихъ офицерами и солдатами. Оба паши и оба войска желали отличиться одинъ передъ другимъ. Русскіе выдержали напоръ, какъ каменная стѣна и геройски дрались, но они не были въ состояніи противостоять этому натиску фанатизированныхъ и кромѣ того превосходящихъ своею численностію войскъ. Борьба была ожесточенная. Турки завоевали почву шагъ за шагомъ; ихъ артиллерія подвигалась шагъ за шагомъ и ея огонь становился все убійственнѣе, между тѣмъ какъ пѣхотинцы обѣихъ сторонъ схватились въ рукопашную и дрались на штыки. Русскія баттареи, у которыхъ кажется не хватило военныхъ снарядовъ, напослѣдокъ отступили. Русскіе ретраншементы были взяты одинъ за другимъ и генералъ Гурко увидѣлъ себя въ необходимости оставить Эски-Загру. Всѣ ретраншементы были покрыты кучами мертвыхъ тѣлъ, потому что противники не думали давать пощады.

«.... Эски-Загра была объята пламенемъ; такъ какъ горѣла главная улица, то турки не могли преслѣдовать русскихъ и генералъ Гурко отступилъ къ Казанлыку.

«Досихъ поръ все шло хорошо,—прибавляетъ Ваккеде, непріязнь котораго къ русскимъ хорошо извѣстна,—и я весьма справедливо радовался этой турецкой побѣдѣ, спасавшей Адріанополь; но то, что я увидѣлъ и услышалъ послѣ, смутило, къ сожалѣнію, мою радость.

«Когда турки вступали въ Эски-Загру, то были встрѣчаемы ружейными выстрѣлами, раздававшимися изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ. Выстрѣлы эти дѣлались

или отставшими русскими солдатами, хотѣвшими по крайней мѣрѣ дорого продать свою жизнь, или болгарами, пришедшими въ отчаяніе. Это сильно раздражило турокъ, и безъ того воодушевленныхъ воинственнымъ жаромъ и фанатизмомъ. Войска Сулейманъ паши, только что дрались въ Черногоріи, гдѣ не было и рѣчи о пощадѣ и человѣколюбіи, а войска Реуфъ-паши были свидѣтелями насилій, совершенныхъ болгарами, оскверненія ими мечетей и пр. въ Тунджской долинѣ;—результатомъ раздраженія турокъ были сцены, свидѣтелемъ которыхъ, къ сожалѣнію, я былъ по крайней мѣрѣ отчасти и отъ воспоминанія о которыхъ кровь застываетъ въ моихъ жилахъ до того, что я не въ состояніи описывать эти сцены во всемъ ихъ ужасѣ.

«Это были ужъ не люди, а легіонъ бѣшеныхъ дьяволовъ, которые бросились на несчастный городъ Эски-Загру. Тотъ, кто не падалъ замертво отъ удара штыка, былъ убиваемъ ятаганомъ; у большей части раненыхъ отрубали головы. Больныхъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, все что жило и дышало, турки немилосердно убивали и бросали въ пламя горящихъ домовъ. Баши-бузуки изъ Албаніи, прибывшіе съ Сулейманомъ-пашею, были хуже чѣмъ, дьяволы; они умерщвляли безъ цѣли и безъ пощады, изъ одного удовольствія убивать.

«Офицеры,—если можно говорить такъ, когда идетъ рѣчь объ албанцахъ и другихъ иррегулярныхъ войскахъ падишаха,—потеряли всякую власть надъ солдатами и позволили имъ насытить свою ярость. Участь Магдебурга въ Тридцатилѣтнюю войну едвали была ужаснѣе участи несчастной Эски-Загры; самыя кровожадныя орды той эпохи не могли убивать, жечь и опустошать съ болѣе звѣрскою яростію, какъ это случилось въ наши дни и происходитъ даже сію минуту.

Затѣмъ Жюль Виккеде, естественно, сваливаетъ всю причину этихъ жестокостей на самыхъ болгаръ и косвенно на «панславистовъ», которые, будто бы, безъ всякой надобности внесли ужасы войны въ эту бѣдную Болгарію, бывшую столь счастливой подъ отеческимъ режимомъ падишаха, счастливой до такой степени, что «почти всѣ болгары жили въ довольствѣ, многіе изъ нихъ были даже богаты». Послѣ чего корреспондентъ *Augsburger Zeitung* продолжаетъ:

«Два года тому назадъ, въ маѣ мѣсяцѣ, я проѣзжалъ изъ Казанлыка въ Ени-Загру. Плантаціи розъ наполнялъ воздухъ своими ароматами; тысячи соловьевъ пѣли въ рощахъ; трудолюбивыя болгарскія дѣвушки гнали передъ собою, въ Казанлыкѣ;ословъ нагруженныхъ большими корзинами, наполненными листьями розъ. Повсюду замѣтны были веселье и радость. Можно было подумать, что находишся въ земномъ раю; а теперь, какой контрастъ, великій Боже! *)

«Розовые кусты поломаны для того, чтобъ поддерживать бивуачные костры. Вмѣсто красныхъ розъ видны красныя пятна человѣческой крови на помятой травѣ. Вмѣсто аромата розъ, атмосфера пропитана зловонными міазмами, испаряющимися изъ тысячь гніющихъ труповъ людей и животныхъ; вмѣсто соловьевъ рыщутъ коршуны стаями спускающіеся на свою добычу, увы! слишкомъ

*) Все хорошо такъ пахло въ Болгарской природѣ, да люди то отъ чего не довольны были? *Составитель.*

обильную. Вмѣсто миловидныхъ и трудолюбимыхъ болгарскихъ дѣвушекъ, работавшихъ съ веселыми пѣснями, тамъ и сямъ бродятъ ужасные баши-бузуки, похожіе болѣе на дьяволовъ, чѣмъ на людей, или разъѣзжаютъ на своихъ тощихъ клячахъ, убивая и сожигая все безъ милосердія.

«Нѣсколько дней тому назадъ, я сдѣлалъ поѣздку верхомъ на разстояніи двухъ миль отъ Эски-Загры. Я видѣлъ одиннадцать сожженныхъ и разрушенныхъ селеній. По дорогѣ мнѣ, то и дѣло попадались трупы; я насчиталъ ихъ шестьдесятъ четыре; они были совершенно голые и валялись на поляхъ, на краю дороги. А сколько труповъ я не замѣтилъ еще! Я не слабъ нервами; я участвовалъ въ Крымской компаніи и въ кровопролитной войнѣ въ Индіи; въ качествѣ корреспондента, я былъ очевидцемъ французской компаніи 1870—1871 гг.,—но все, что я вижу здѣсь теперь, превосходитъ границы возможнаго, и я поспѣшу оставить южную Болгарію, чтобы отправиться въ Шумлу.»

Избіеніе христіанъ въ Ловчѣ *).

«Рѣзня длилась цѣлый день и цѣлую ночь; длилась до тѣхъ поръ, пока не были избиты всѣ христіане Ловчи, да и не только Ловчи, но и сосѣднихъ деревень Сетовой и Новосела, искавшихъ спасенія въ стѣнахъ города. Пока еще неизвѣстно, сколько избито мужчинъ, женщинъ и дѣтей, такъ какъ ни одинъ христіанинъ не рискнетъ пробраться въ городъ. Въ Ловчѣ насчитывалось до 500 домовъ, да въ двухъ названныхъ деревняхъ съ небольшимъ 200, такъ, что все болгарское населеніе можно положить въ 4,000 душъ, изъ коихъ едва 300 успѣло бѣжать въ Сельви и Тырново. Быть можетъ нѣсколько человѣкъ скрываются въ лѣсахъ, и если не умертвятъ ихъ здѣшніе звѣри или турки, то умертвитъ голодъ, такъ какъ они ничего не успѣли взять съ собою. Просто непостижимо какъ сами турки могутъ оставаться въ городѣ, гдѣ гніетъ столько непогребенныхъ труповъ! Страшная эпидемія можетъ угрожать всему краю. По разсказамъ нѣсколькихъ лицъ, успѣвшихъ спасти свою жизнь, въ пятницу, 15-го іюля, въ 7 часовъ утра, страшный крикъ: «турки идутъ!» раздалось по городу; въ ужасномъ переполохѣ выбѣжали всѣ изъ домовъ, и дѣйствительно, вдали увидѣли турецкую конницу (черкесовъ). Въ городѣ было всего 200 казаковъ при двухъ пушкахъ, которые мигомъ бросились на встрѣчу непріятеля. Они очень хорошо знали, что ихъ слишкомъ мало, чтобы не допустить его до города; но непріятель былъ еще далеко, и они хотѣли лишь нѣсколько задержать его, чтобы дать населенію время выбраться изъ города. Населеніе, конечно, медлить не стало. Но, что это было за бѣгство! Каждый думалъ только о себѣ. Лишь грудныхъ дѣтей забрали отцы и матери, и бросились бѣжать, какъ попало и куда глаза глядятъ: мужъ, не заботясь о женѣ, братъ—о сестрѣ, родители —о дѣтяхъ. Нѣкоторые не забыли захватить съ собой оружіе, но такихъ было

*) Коррес. газеты Presse. въ письмѣ изъ Тырнова отъ 19 іюля 1877

меньшинство. Быть можетъ, рѣзни бы не было, еслибы населеніе оказало хоть какое-нибудь сопротивленіе; но когда людей схватываетъ паника, то сопротивленіе немногихъ лицъ могло-бы только усилить ярость врага. Пока съ одной стороны казаки дрались съ черкесами, чтобы прикрыть собой бѣжавшихъ болгаръ, ворвались съ другой стороны баши-бузуки, и окружили бѣгущихъ, и какъ дикіе звѣри бросились на нихъ. Что тутъ произошло,—описать невозможно. Кого застрѣливали, кого рубили, кому отсѣкали голову, кому вспарывали животъ. Несмотря на упоеніе кровью, баши-бузуки не упустили случая и пограбить. Обшаривали всякаго убитаго, а когда ничего не находили, то съ бѣшенствомъ накидывались на трупы. Одинъ школьный учитель бѣжалъ съ своимъ ребенкомъ въ рукахъ; ребенка застрѣливаетъ на дорогѣ баши-бузукъ, а несчастный отецъ въ ужасѣ бѣжитъ дальше и прибѣгаетъ въ Тырново,—но сумашедшимъ. Другой, спасая сестру отъ черкеса, имѣлъ храбрость убить его, но сестра была уже мертва: черкесъ предупредилъ. Въ это время, внезапно раздался колокольный звонъ. Многіе, успѣвшіе уже далеко уйти, подумали, что непріятель разбитъ и что трезвонятъ въ знакъ радости и побѣды. Они останавливаются, идутъ назадъ и—попадаютъ въ подставленную имъ ловушку. Турки, чтобы удержать бѣгущихъ, сами стали трезвонить въ колокола. Тутъ-то и началось самое дѣло. Не только баши-бузуки и черкесы, но и подоспѣвшая пѣхота, открыла жестокій огонь противъ несчастныхъ, и турки принялись терзать павшихъ, не разбирая, мертвъ-ли, живъ-ли онъ. Казаки отступали шагъ за шагомъ и только тѣ изъ болгаръ могли спастись, которые бѣжали по дорогѣ, прикрываемой кучкой казаковъ; но бѣжавшимъ по другимъ дорогамъ спасенія не было. Правда, нѣкоторые изъ болгаръ пробовали было отстрѣливаться, и нѣсколько турокъ было убито; но дѣлу это не помогло: дни ловчинскаго населенія были сочтены, и до бѣгущихъ доносились лишь стоны и крики несчастныхъ, попавшихъ въ руки злодѣевъ. Кому довелось лично разспрашивать обо всемъ спасшихся отъ избіенія, тому нельзя усомниться въ истинѣ ихъ словъ: разсказывали лишь прерывающимся голосомъ, женщины падали въ обморокъ, дѣти кричали. Сценъ этихъ никогда не забудешь!

Русская и турецкая тактика въ сраженіи подъ Плевной.

Военный сотрудникъ газеты *National-Zeitung* дѣлалъ слѣдующую оцѣнку военныхъ дѣйствій подъ Плевной въ свое время:

«Когда кромѣ запоздавшаго русскаго оффиціальнаго отчета о сраженіи при Плевнѣ, вышли ужъ всѣ отчеты корреспондентовъ, которые на столько согласны между собой, что ихъ можно признать безусловно вѣрными, я постараюсь разобрать, что было причиною неудачи русскихъ въ этомъ дѣлѣ. О выборѣ пунктовъ аттаки и о распредѣленіи войскъ я говорилъ уже въ своемъ

отзывѣ отъ 23-го іюля; теперь мнѣ остается только прибавить, что по моему рекогносцировки района битвы, совершенно ясно опредѣленнаго укрѣпленными оборонительными позиціями турокъ, были неудовлетворительны и не выяснили всего какъ слѣдуетъ; онѣ не составили всѣхъ данныхъ, на которыхъ должны были быть основаны диспозиціи, несмотря на то, что для нихъ было совершенно достаточно времени и средствъ.

«Генералъ Крюденеръ зналъ, что у него пѣхоты меньше, чѣмъ у турокъ, но за то значительный перевѣсъ въ артиллеріи и кавалеріи; принимая въ соображеніе, что онъ можетъ употребить въ дѣло второе сильнѣйшую артиллерію, онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Послѣ рекогносцировки 16-го іюля въ генеральномъ штабѣ не могли не знать, что условія мѣстности не позволяютъ разсчитывать на одну артиллерію, что ее нельзя употребить всю въ дѣло, и на дѣлѣ, такъ и вышло: артиллерія въ центрѣ не могла быть употреблена; не смотря на это диспозицію не измѣнили въ томъ убѣжденіи что вывезетъ пѣхота, уже заявившая свою храбрость. Диспозиція была, такимъ образомъ, построена на ошибочномъ основаніи.

Посмотримъ теперь, какъ ее выполнили войска и какъ распорядится непріятель въ виду аттаки.

«На высотѣ, господствующей надъ всей мѣстностью къ востоку и сѣверу, между Гривицей и Плевной, къ сѣверу отъ большой дороги построенъ редутъ, который составлялъ ядро систематически расположенной позиціи пѣхоты; позиція эта состоитъ изъ выдающихся земляныхъ укрѣпленій въ нѣсколько ярусовъ и баттарей; внѣ ружейныхъ выстрѣловъ пѣхоты, въ глубокой котловинѣ лежитъ незанятая деревня Гривица, къ сѣверу и къ востоку отъ которой, на высотѣ, могло быть поставлено 6 баттарей артиллеріи 5-й дивизіи; сколько орудій этой и 31-й дивизіи было выдвинуто на позицію, изъ отчетовъ не было видно; но ничтожные результаты шестичасовой артиллерійской перестрѣлки показываютъ ясно, что въ дѣлѣ участвовало только небольшое число баттарей; ибо въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы впродолженіи шести часовъ дѣйствовали всѣ 96 орудій, до которыхъ ружейный огонь пѣхоты не достигалъ, то концентрическая позиція непріятеля пострадала бы такъ сильно, что пѣхотѣ при аттакѣ пришлось бы имѣть дѣло съ весьма ослабленнымъ противникомъ.

«Турецкая артиллерія, гораздо слабѣйшая по численности, кромѣ того, что на ея сторонѣ были тѣ преимущества, что ей были хорошо извѣстны всѣ дистанціи и заранѣе хорошо приспособленныя прикрытія, восполняла свою слабость чрезвычайной подвижностью, и мелкими частями постоянно мѣняла свои позиціи; такимъ образомъ, передъ русской артиллеріей были постоянно маленькія и хорошо прикрытыя баттареи; этимъ дѣятельность ея была затруднена.

«При этомъ я обращу вниманіе на существующее въ современныхъ войскахъ соотношеніе между пѣхотой и артиллеріей; въ турецкой арміи при каждомъ стрѣлковомъ батальонѣ, которыхъ должно быть всего 43, имѣется по 2 орудія; поэтому то и могли выступать отдѣльно по 2 орудія.

«Аттака съ 18 батальонами, вводимыми въ дѣло постепенно и съ двухъ сторонъ

не соотвѣтствуетъ требованіямъ новѣйшей тактики. Если артиллерія, по какимъ бы то ни было причинамъ, не была въ состояніи хоть сколько нибудь разстроить позицію, то эта задача становится дѣломъ пѣхоты, но въ этомъ случаѣ никогда не предпринимается прямо аттака, а дѣло ограничивается сначала ружейнымъ огнемъ; если же у непріятеля ружья заряжаются съ казенной части, то стрѣлять слѣдуетъ не сомкнутымъ строемъ, а въ разсыпную; пунктъ, съ котораго должна быть начата аттака, выбирается, смотря по силѣ и дѣйствію ружейнаго огня и соображаясь съ условіями мѣстности, но принимая съ соображеніе, что для солдатъ, обремененныхъ разной аммуниціей, разстояніе играетъ большую роль, пунктъ этотъ не слѣдуетъ назначать дальше извѣстнаго разстоянія отъ аттакуемаго мѣста.

«При диспозиціи русскихъ войскъ подъ Плевной эти соображенія не были примѣнены. Причина этого заключаетя прежде всего въ тактическомъ дѣленіи русскаго батальона, который, кромѣ гвардейскаго корпуса и кавказскихъ дивизій, состоялъ изъ 4 линейныхъ ротъ и одной роты стрѣлковъ; при этомъ только одна послѣдняя рота обучена по новому; четыре же первыя роты назначаются для дѣйствія сомкнутыми массами. Этотъ недостатокъ въ сформированіи полковъ уже признанъ и при реорганизаціи ихъ изъ виду не упускался, но переформированіе полковъ изъ состава въ 12 линейныхъ и 4 стрѣлковыхъ роты въ 16 ротные, причемъ всѣ роты обучались совершенно одинаково и распредѣлялись на 4 батальона, до сихъ поръ окончено только въ 3-хъ гвардейскихъ дивизіяхъ и 7 дивизіяхъ кавказской арміи, а $^4/_5$ находившейся въ настоящее время въ Болгаріи пѣхоты остались пока въ старомъ составѣ и въ отношеніи тактическаго образованія не отвѣчали современнымъ требованіямъ. Огонь ружей, заряжающійся съ казенной части, въ рукахъ пѣхоты, разсчитанной исключительно на оборонительныя дѣйствія, какова турецкая пѣхота, такъ силенъ, что съ одной только храбростью противъ него нельзя ничего сдѣлать; притомъ же войска турецкія хорошо обучены и отъ нихъ нельзя отнять и храбрости.

«Въ русской аттакѣ особенно отличился пензенскій полкъ, хотя я никакъ не могу понять какимъ образомъ одинъ и тотъ же полкъ впродолженіи $1^1/_2$ часовъ могъ 8-мъ разъ бросаться на штурмъ.

«Полкъ открылъ ружейный огонь на разстояніи 800 метровъ и, идя въ аттаку, выставлялъ впередъ стрѣлковыя роты а сзади ихъ были колонны, каждая по двѣ роты; но для каждаго отдѣльнаго приступа употреблялись, вѣроятно, небольшіе отряды—по батальону или даже по полубатальону; ни одинъ изъ этихъ отрядовъ не могъ дойти до непріятельскихъ позицій, такъ какъ имъ приходилось проходить большое пространство подъ непріятельскимъ огнемъ; они вынуждены были отступать и при отступленіи несли большія потери. Вообще при аттакѣ, если аттакующія непріятеля войска не успѣваютъ, то они гибнутъ, и для вторичной аттаки въ томъ же сраженіи неспособны, и аттака становится невозможною. Русская аттака представляетъ ту особенность, что возобновлялась нѣсколько разъ; батальоны съ изумительной неустрашимостью бросались по нѣскольку разъ на приступъ подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ, но все таки нигдѣ не

могли пробиться черезъ непріятельскія линіи. Въ русскихъ батальонахъ не замѣчалось раздѣленія каждаго батальона на отдѣльныя единицы, съ цѣлію взаимнаго подкрѣпленія и облегченія приступа; ихъ направляли цѣлыми массами впередъ и впередъ; въ случаѣ неудачнаго приступа возобновляли его; подобныя распоряженія только вредятъ дѣлу. Во все продолженіе пятичасоваго боя, когда вся пѣхота и даже слабый самъ по себѣ резервъ то и дѣло высылались впередъ, и направлялись на одно мѣсто, никто не позаботился посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ такого мѣста, съ котораго можно бы было попытаться искуснымъ маневромъ вытѣснить непріятеля изъ его позицін, а между тѣмъ позиція эта была на единственной, со всѣхъ сторонъ доступной возвышенности. При такомъ, хотя безполезномъ натискѣ впередъ войска передннхъ линій до то того разгорячаются, что ихъ ни за что не отзовешь назадъ, и къ ночи войска генерала Крюденера вышли изъ подъ его власти и его корпусъ пришелъ въ разстройство; я не хочу, однакожь, этимъ сказать, чтобы онъ разсѣялся; въ ту же ночь, еще во время продолжавшагося сраженія и къ утру всѣ отдѣльныя части собрались на свои мѣста, не будучи преслѣдуемы непріятелемъ, а только находясь подъ непрерывнымъ его огнемъ. Въ этомъ-то, по моему мнѣнію, и оказалась слабая сторона турецкой тактики и неумѣлость турецкихъ полководцевъ.

«Всѣ приготовительныя распоряженія къ оборонительному положенію, выборъ и укрѣпленіе мѣстности, веденіе чисто оборонительнаго сраженія, умѣнье владѣть оружіемъ и съ полнымъ хладнокровіемъ и ловкостью поддерживать ружейный огонь достойны всякой похвалы; пользоваться же своимъ превосходнымъ положеніемъ турки не умѣли; такъ на правомъ своемъ крылѣ, гдѣ они мѣстами и по временамъ, были отбрасываемы, но потомъ опять занимали свои первоначальныя позиціи, они нигдѣ не выходили на свою первую, хорошо укрѣпленную линію; они ни разу не отважились ударить на совершенно разстроеннаго и не имѣвшаго вовсе резервовъ противника, не преслѣдовали его, и ослабленные и морально-подавленные остатки русскаго корпуса могли на утро соединиться и никѣмъ не тревожимые идти своей дорогой.

«Османъ-паша, благодаря нераспорядительности противника, имѣлъ успѣхъ, но обнаружилъ полное неумѣніе воспользоваться имъ; онъ могъ почти уничтожить противника; а можетъ быть,—и это кажется мнѣ вѣрнѣе,—онъ и не могъ воспользоваться, какъ слѣдовало, своимъ успѣхомъ, такъ какъ его войска для этого не пригодны; вѣроятно, онъ сообразилъ, что хоть войска у него и много, но оно неспособно къ наступленію, а представляетъ только грубую силу, прикрѣпленную къ мѣсту. Я увѣренъ, что сила эта уменьшится на половину, если войскамъ придется дѣйствовать наступательно. Мы видимъ, что повсюду въ Болгаріи и въ Арменіи турецкіе полководцы стараются занимать оборонительныя позиціи; мы видѣли, что вездѣ, гдѣ только происходили сколько-нибудь значительныя битвы, русскіе, какъ бы въ угоду туркамъ, аттаковали съ меньшими силами ихъ обронительныя позиціи; но вѣроятно, подобныя аттаки ужь не повторятся больше, и если не удастся стратегическимъ маневромъ разъединенныя части войскъ своего противника вызвать изъ укрѣпленныхъ позицій, то они ужь, ко-

нечно, не предпримутъ нападенія до тѣхъ поръ, пока на нихъ сторонѣ не будетъ численнаго превосходства, а этого они, по моему мнѣнію, могутъ достигнуть на всѣхъ пунктахъ театра войны не больше, какъ черезъ нѣсколько недѣль.»

(*Мнѣніе заимств. изъ Русс. Вѣд. 1877 г. № 197*).

Форпостныя стычки при Разградѣ.

Спеціальный корреспондентъ вѣнской *Presse* писалъ изъ Тырнова отъ 17-го іюля:

«На послѣднихъ дняхъ по дорогѣ между Рущукомъ и Шумлой происходилъ цѣлый рядъ сраженій, которыя съ русской стороны имѣли лишь одну цѣль— постоянное наблюденіе за турецкой арміей; русскіе хотѣли имѣть точныя свѣдѣнія о силѣ непріятельскихъ войскъ, ихъ позиціяхъ и движеніяхъ. Въ послѣдніе дни было замѣчено сильное движеніе отъ Рущука къ Шумлѣ, и русскимъ форпостамъ приходилось имѣть съ турками многія стычки. Такъ третьяго дня была одна изъ такихъ при Эзирдше, въ разстояніи одной мили отъ Разграда. У русскихъ была только кавалерія и артиллерія, у турокъ же, сверхъ того, пѣхота; съ турецкой стороны было 6 батальоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ регулярной кавалеріи и 6 орудій. Хотя турки превосходили русскихъ численностію и занимали крѣпкія позиціи, но, послѣ ожесточенной схватки, принуждены были отступить къ Разграду; преслѣдовать ихъ русскіе не были въ состояніи, но они заняли лагерь при Эзирдше и нашли въ немъ 50 убитыхъ, которыхъ не успѣли погребсти или унести съ собою. Одинъ изъ плѣнныхъ турокъ показалъ, что въ числѣ убитыхъ были дивизіонный командиръ Азисъ-паша и одинъ полковникъ.

7-го іюля происходило сраженіе при Гайдаркіои, на Кара-Ломѣ, окончившееся несчастливо для турокъ. Рекогносцирующій отрядъ русскихъ гусаровъ нашелъ, что Попкіой, Султанкіой и Гайдаркіой заняты турками. Хота вблизи русскаго отряда не было, ни пѣхоты, ни артиллеріи, онъ все-таки рѣшился на аттаку. На этотъ разъ русскіе были обязаны своимъ успѣхомъ промахамъ турецкой кавалеріи. Гайдаркіой лежитъ на склонѣ горы. Пѣхота была расположена внизу деревни, артиллерія на высотѣ сзади деревни, кавалерія по обѣимъ ея сторонамъ. Число всѣхъ защитниковъ позиціи простиралось до 6,000 чел., и вотъ на эту-то позицію задумалъ напасть русскій отрядъ. Послѣ перваго залпа, правое турецкое крыло отшатнулось влѣво и закрыло собою свою пѣхоту. Натискъ русскаго эскадрона былъ такъ силенъ, что турецкая кавалерія не могла устоять и, при отступленіи, привела въ большое замѣшательство пѣхоту. Русскіе гусары три раза врывались въ деревню и были отъ баттареи лишь въ 30 шагахъ, такъ что могли взять ее, если бы имъ не былъ отданъ приказъ къ отступленію. Турки на этотъ разъ не только дурно маневрировали, но и дурно стрѣляли. Пули и гранаты перелетали черезъ цѣпь. Когда русскіе отступали, турецкія пули попадали лучше, такъ что всѣ офицеры эскадрона были ранены; по-

тери простыхъ солдатъ заключались въ семи чел. убитыми и десяти ранеными. Число турецкихъ потерь неизвѣстно, но оно, повидимому, весьма значительно. Штабсъ-капитанъ Медемъ убилъ изъ своего револьвера шестерыхъ, послѣ того какъ у него изъ рукъ была выбита сабля. Зарядить второй разъ онъ не могъ и онъ безъ оружія бросился на врага во главѣ своего отряда. На слѣдующій день турки очистили Гайдаркіой, Попкіой и Султанскіой и отступили къ Эски-джума.

«Вотъ что сообщилъ мнѣ между прочимъ капитанъ баронъ Розенъ. Онъ отправился изъ Церковны съ однимъ офицеромъ и семью уланами 2-го эскадрона 13-го полка, съ цѣлью произвести рекогносцировку на баши-бузуковъ. Крестьяне говорили, что въ окрестностяхъ бродятъ баши-базуки, и онъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ этомъ. Они подъѣхали къ одному кустарнику, изъ котораго послѣдоватъ выстрѣлъ; взглянувъ по направленію, откуда шелъ выстрѣлъ, бар. Розенъ увидѣлъ человѣка, лежащаго на брюхѣ; возлѣ него лежала жена, а сзади четверо дѣтей, въ томъ числѣ одна 13-ти-лѣтняя дѣвушка. Онъ видѣлъ, какъ женщина заряжала ружье, а дѣвушка подавала патроны. Онъ отдалъ двумъ солдатамъ приказъ стрѣлять по мужчинѣ, но пощадить женщину и дѣтей. Мужчина былъ убитъ, но, къ сожалѣнію, ранена женщина. Это случилось, конечно по ея собственной винѣ, но капитанъ все-таки пожалѣлъ, что это случилось такъ; онъ поспѣшилъ къ ней, перевязалъ ея раны, велѣлъ отнести въ деревню, а когда она по прошествіи трехъ дней выздоровѣла, далъ ей денегъ на возвращеніе домой. Баронъ Розенъ передавалъ мнѣ также, что часто въ битвахъ участвовали женщины.»

Горный Студень *).

Главная квартира Августѣйшаго Главнокомандующаго.—Бѣдственное положеніе раненыхъ страдальцевъ подъ Плевной.—Евангелическій Госпиталь.—Сестра Милосердія Г-жа Крюгеръ.

«Мѣстечко,—городокъ его назвать нельзя—которое Его Высочеству Главнокомандующему угодно было избрать для главной квартиры, потому и называется Горній-Студень, что лежитъ въ нагорной части Придунайской Болгаріи и только этимъ отличается отъ Дольняго-Студеня, расположеннаго въ долинѣ. «Горній-Студень отстоитъ на 35 верстъ отъ Систова, на 30 верстъ отъ Бѣлы и на 81 версту отъ Плевны», подъ стѣнами который разъигралась послѣдняя сцена мужественнаго нападенія и гибельнаго отступленія.

«Я только вчера возвратился опять въ Горній-Студень, проведя нѣсколько дней въ разъѣздахъ отсюда въ Булгарени и въ Систово, куда я неоднократно уже ѣздилъ, то сопровождая транспортъ раненыхъ, то исполняя мелкія порученія лицъ, своею кровью купившихъ себѣ право на услуги со стороны людей ничѣмъ особенно не занятыхъ, къ каковымъ я причисляю себя въ настоящее вре-

*) Газ. *Голосъ. Кор.* отъ 31 іюля 1877 г.

мя. Въ это время въ Систовѣ находились исключительно раненые подъ Плевною, въ злосчастные дни 18-го и 19-го іюля.

«Въ дѣлѣ 18-го іюля, солдаты наши принуждены были подъ градомъ снарядовъ отступить передъ двойнымъ почти числомъ непріятельскихъ силъ, будучи поставлены въ такое положеніе, что не имѣли возможности отвѣчать на огонь непріятеля. Въ какіе-нибудь двадцать четыре часа отъ восьми до десяти тысячъ, по преимуществу молодыхъ, еще недавно совершенно здоровыхъ, крѣпкихъ людей покрыли собою землю, или же, раненые, тащились, причемъ ихъ подгоняли наступавшіе турки. Въ Систовѣ, среди раненыхъ, слышалъ я слѣдующій, страшный для характеристики турокъ, разсказъ: одинъ изъ раненыхъ, лежа на спинѣ, въ канавѣ, и слыша, что приближаются турки, просилъ своего товарища: «Христа ради, пристрѣлить» его; товарищъ колебался; но турки настигаютъ и онъ соглашается на просьбу ранепаго—онъ убилъ его, и не только оправдалъ самъ себя, но и былъ оправданъ тѣми ужасами, которые принесли съ собою турки!

«У насъ теперь не много тяжело раненыхъ; ихъ было много, но они уже умерли. Тяжело раненые остались тамъ, гдѣ застала ихъ вражья пуля—некому было выводить ихъ съ поля сраженія, а съ приближеніемъ турокъ, всѣ тяжело раненые стали убитыми!

«Первый и главнѣйшій госпиталь, о которомъ приходится писать, это евангелическій полевой петербургскій госпиталь, состоящій подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Госпиталь этотъ, какъ вы знаете, сформированъ евангелическимъ обществомъ, которое собрало до 80,000 рублей. На эту сумму сдѣланы были обширныя заготовки всего необходимаго для больныхъ и раненыхъ. Распорядителемъ фондовъ общества былъ выбранъ извѣстный въ Петербургѣ г. Нобсъ; медицинская же часть поручена профессору дерптскаго университета, врачу Эдуарду Валю. Гг. Нобсъ и Валь пріѣхали въ Систово 15-го іюля. Нѣкоторое промедленіе въ прибытіи сюда этого лазарета произошло вслѣдствіе ошибочнаго распоряженія главноуполномоченнаго «Краснаго Креста» въ Кишиневѣ. Тѣмъ не менѣе, лазаретъ прибылъ, все-таки, во-время и принесъ уже огромную пользу, такъ какъ незадолго до его прибытія произошло неудачное нападеніе на Плевну, 8-го іюля, и человѣкъ 300 тяжело раненыхъ ожидали медицинской помощи въ крестьянскихъ телѣгахъ, расположившихся въ Систовѣ и подлѣ него; а медиковъ въ то время было всего только четыре человѣка! На деньги общества содержались эти раненые, помѣстившіеся въ шести домахъ. Дома эти, выбранные врачемъ Валемъ, расположены въ верхней части города и находятся довольно близко другъ отъ друга; не далеко отъ этихъ домовъ протекаетъ ручей съ превосходною, чистою водою. Начавъ осмотръ этихъ домовъ не по порядку ихъ расположенія, я вошелъ въ домъ № 2-й, состоящій подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ врача Дегіо. Здѣсь, въ небольшомъ хлѣбномъ сараѣ, открытомъ для тока свободнаго воздуха, столь необходимаго поправляющимся больнымъ, лежатъ четыре офицера. Первый изъ этихъ офицеровъ, баронъ Фитингофъ, раненъ пулею въ легкія; онъ стоически переносилъ сильныя

мученія, причиняемыя подобною раною; онъ ожидаетъ пріѣзда своей матери. Второй раненый офицеръ, кавалеристъ Симоновскій, получилъ страшную рану въ бедро, отъ которой оно треснуло: но, благодаря искусной операціи врача Валя, нога его спасена; она лежитъ въ особой люлькѣ привязанной къ потолку тремя веревками и снабженной внизу восьмифунтовою гирею. Сначала отчаявались было спасти его, но теперь есть надежда на полное выздоровленіе. Третья койка занята капитаномъ Андреевымъ, раненымъ въ щиколку; четвертая—поручикомъ Михуновымъ, у котораго страшная рана въ боку, сильно повредившая внутренности. Разумѣется, при больныхъ находится сестра милосердія. Если только есть гдѣ страдающіе, можете быть увѣрены, что встрѣтите тамъ непремѣнно и женщину! Сестры милосердія смѣло идутъ туда, гдѣ происходитъ битва, и всюду помогаютъ больнымъ. Сестра милосердія, присматривающая здѣсь а больными—г-жа Крюгеръ, изъ Петербурга; она добровольно посвятила себя святому дѣлу ухода за больными и ранеными и ревностно исполняетъ принятый на себя долгъ. И что это за прелестныя, самоотверженныя женщины! Всякаго рода лишенія, всевозможныя невзгоды, даже безпокойства переносятся г-жею Крюгеръ съ примѣрною твердостью. И на какую сестру милосердія ни посмотрите—каждая г-жа Крюгеръ! Гнойный запахъ, зіяющія раны, стоны больныхъ, нерѣдко предсмертныя муки—вотъ та нравственная атмосфера, въ которой живетъ сестра милосердія. Да что, живетъ—она работаетъ въ ней, трудится въ потѣ лица отъ семи часовъ утра до восьми вечера. Какъ же не преклониться предъ такою женщиною?»

Изъ замѣтокъ русскаго офицера *)

Разсказъ о Кадиръ-Хожи, турецкомъ разбойникѣ.—Его любовь и мщеніе туркамъ.—Онъ защитникъ болгаръ.—Оцѣнка головы разбойника.—Дуэль съ дядей за оскорбленіе тетки.—Добрый поминъ болгаръ Кадиръ-Хожѣ.—Обманъ турокъ.—Маленькая пуля причиняетъ большую боль.—Терпѣніе русскаго солдата.—Царская благодарность.—Болгарская свадьба.

«23-го іюля, въ 8 часовъ утра, съ сборнымъ взводомъ отъ 1-го лейбъ-казачьяго эскадрона и со знакомъ Главнокомандующаго, я выступилъ изъ д. Чаушка-Михаля на д. Болгарскій Карагачъ, куда въ этотъ день долженъ былъ прибыть Главнокомандующій. Дорогой я разговорился съ болгариномъ Христи—тѣлохранителемъ Великаго Князя, который сообщилъ мнѣ слѣдующее: Недавно изъ д. Лыжанъ бѣжалъ, при выступленіи туда нашихъ войскъ, знаменитый турецкій разбойникъ Кадиръ-Хожа. Еще въ молодости, когда учился въ гор. Ловчѣ, онъ влюбился въ одну турчанку изъ очень богатаго дома Ловчи и похитилъ ее. Продержавъ недѣлю, онъ прогналъ ее къ родителямъ. Родные дѣвуш-

*) „Русскій Міръ“ 1877 г.

ки и все турецкое общество не оставили его безъ преслѣдованія. Они просили разрѣшенія у султана послать отрядъ, чтобы поймать разбойника. Это до такой степени его раздражило, что онъ открыто перешелъ на сторону болгаръ и сталъ мстить туркамъ. Поселившись въ лѣсу близь д. Лыжанъ, онъ взялъ подъ свое покровительство деревни: Лыжанъ, Болгарени, Магала, Стрижировъ и Козаръ-Бѣлинъ, и объявилъ, что за убитаго болгарина будетъ убивать десять турокъ. Само турецкое правительство боялось его; болгаре же просто боготворили. И дѣйствительно, эти деревни остались нетронутыми, тогда, какъ другія были разоряемы. Съ турками Кадиръ-Хожа поступалъ жестоко: онъ рѣзалъ ихъ, какъ барановъ. Удивляешься, слушая разсказы болгаръ. А они говорили, что Кадиръ-Хожа никогда не обижалъ болгаръ, не трогалъ ихъ имѣній и горой стоялъ за ихъ женщинъ. Когда онъ бѣжалъ, то домъ и все свое состояніе отдалъ болгарамъ; самъ жилъ постоянно въ лѣсу, иногда показывался съ шайкой, доходившей до 100 человѣкъ. Достаточно было сказать: «здѣсь Кадиръ-Хожа», чтобы грабители обращались въ бѣгство. Семь лѣтъ онъ скрывался. Много денегъ было обѣщано за его голову, но онъ не давался какъ кладъ. Турки до того боялись его, что приводили къ нему въ лѣсъ безпрекословно всѣхъ, на кого онъ только указывалъ, была ли это мать, сестра или жена. Горе тому, кто позволялъ себѣ ослушаться. Вотъ случай, доказывающій его, просто непонятную, храбрость. Жена его дяди бѣжала къ Кадиръ-Хожѣ съ жалобой на мужа; тотъ принялъ ее и сказалъ, что онъ убьетъ за это ея мужа. Тогда жена, возвратившись домой, къ мужу, сказала, что Кадиръ-Хожа хочетъ убить его. Дядя публично объявилъ, что онъ самъ убьетъ Кадиръ-Хожу. Разбойникъ слышалъ это и два дня ждалъ своего врага; но когда онъ и послѣ этого не пришелъ къ нему, то Кадиръ-Хожа взялъ ружье и отправился къ нему въ домъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ его сына, который сообщилъ ему, что отца нѣтъ дома. Тогда Кадиръ-Хожа приказалъ ему сходить за отцомъ и сказать, что Кадиръ-Хожа ждетъ его, чтобы онъ бралъ ружье и шелъ бы къ нему.

«Отправивъ мальчика, разбойникъ началъ бродить вблизи этого мѣста и совершенно неожиданно увидѣлъ своего врага, который шелъ съ ружьемъ и, казалось, не замѣчалъ его. Недолго думая, Кадиръ-Хожа подошелъ къ нему и сказалъ: «Я слышалъ, что ты хотѣлъ убить меня. Посмотримъ, какъ ты стрѣляешь—бей первый!» У несчастнаго затряслись руки, онъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ; пуля только слегка зацѣпила плечо; тогда Кадиръ-Хожа улыбнулся и съ величайшимъ хладнокровіемъ проговорилъ: «Ну нѣтъ, братъ, такъ не стрѣляютъ!» и, схвативъ свое ружье, вскрикнулъ: «вотъ какъ», и положилъ его на мѣстѣ. Самъ Кадиръ-Хожа говорилъ: «скорѣе бы русскіе пришли, я бы всѣхъ турокъ перерѣзалъ»..

«Но этого ему не удалось, такъ какъ посланный имъ болгаринъ въ гор. Систовъ къ русскимъ съ просьбой о помилованіи, запоздалъ, а наши войска показались по близости д. Лыжанъ; знаменитый разбойникъ бѣжалъ и скрылся въ горахъ.

«Имя его долго сохранится въ памяти всѣхъ болгаръ, знавшихъ его. Добрымъ словомъ и теперь болгаре поминаютъ его.

«Разговаривая и разспрашивая объ этомъ человѣкѣ у болгаръ, я незамѣтно достигъ до назначенной деревни. Около д. Болгарскій-Карагачъ въ это время расположилась на отдыхъ часть войскъ, бывшая подъ Плевной. Полагая, что всѣ уже подробности о плевнинскомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстны, я коснусь только самыхъ интересныхъ. Подстрекаемый любовытствомъ узнать поподробнѣе о дѣлѣ подъ Плевной, я пошелъ сначала въ расположеніе 32-й дивизіи.

Настроеніе солдатъ было замѣчательное, они были веселы, острили и смѣялись.

«Ну что, братцы, какъ дѣло-то было»? обратился я съ вопросомъ къ нѣсколькимъ, разговаривающимъ между собою.

Да что, ваше благородіе: оружіе у нихъ очень славное, бьетъ здорово, [въ самые резервы такъ и жаритъ.

— А что больше всего обидно,—такъ это обманъ ихъ. Какъ мы въ какой есть ложементъ ни заберемся, начнемъ по нимъ стрѣлять, вдругъ заслышимъ «ура!» какъ есть возлѣ насъ; мы оттуда думаемъ, что свои подошли, въ штыки сейчасъ, и какъ только вылѣземъ, сейчасъ по насъ залпъ. А это что значитъ, ваше благородіе? У нихъ есть много такихъ, что по-русски говорятъ, ну эти соберутся, да и кричатъ: «ура»... А то еще ругаются по-русски.

«Отзывъ солдатъ о генералѣ Скобелевѣ былъ самый восторженный.

«Отъ офицеровъ я узналъ, что солдаты, идя на штурмъ, на ходу срывали арбузы и ѣли. Это удивительные люди. Одинъ генералъ, бывшій подъ Плевной, разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

«На другой день послѣ плевнинскаго дѣла, нѣсколько человѣкъ генераловъ, командиръ корпуса и я сидѣли у одной хатки. Видимъ, ѣдетъ солдатъ на ослѣ и сидитъ по-дамски; его сопровождаетъ какой-то болгаринъ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ поближе, мы увидѣли, что голова его была очень распухши.

— А гдѣ тутъ наши? обратился онъ къ намъ.

— Какіе наши?

— Да наши солдаты, значитъ.

— Ты раненъ, что-ли?

— А вотъ, и онъ указалъ на щеку, сидятъ двѣ пули, да еще вотъ въ самомъ бедрѣ—еще пуля. Мы его тотчасъ сняли съ осла и посадили на землю. Онъ былъ очень доволенъ и, не обращая затѣмъ на насъ никакого вниманія, началъ самъ съ собою, набивая трубочку, разсуждать.

«Замѣчательно то, что у солдатъ сложилось такого рода мнѣніе, что кто раненъ, для того уже какъ будто почти не существуетъ начальства.

— И удивительная вещь, вѣдь пуля вотъ какая маленькая, а на корточки не могу, значитъ, сѣсть—удивленіе!

— А откуда же ты досталъ осла?

— Да все тамъ-же скомандовалъ.

— Какъ скомандовалъ?

— Какъ меня ранили, я упалъ; потомъ всталъ и пошелъ. Смотрю, какая-то женщина у самой деревни встрѣтилась со мной. Сударыня, говорю, — вотъ въ какое мѣсто я раненъ, пожалуйте, говорю, осла. Она сейчасъ пошла къ мужу, и скомандовала этого самаго осла.

«А вотъ еще, просто невѣроятный примѣръ, терпѣнія нашего солдата. На перевязочномъ пунктѣ послѣ плевненскаго дѣла общее вниманіе обратилъ на себя одинъ раненый солдатъ, который, заложивъ руки назадъ, ходилъ за докторомъ и смотрѣлъ, какъ дѣлали перевязку другимъ, терпѣливо выжидая своей очереди. Когда его осмотрѣли, оказалось, что пуля прошла черезъ языкъ, нижнюю челюсть и выскочила черезъ горло...

«При мнѣ прискакалъ конвойный офицеръ и привезъ войскамъ благодарность отъ Государя Императора. Громовое, неумолкаемое «ура» было отвѣтомъ. Подъ вечеръ пріѣхалъ Главнокомандующій и объѣхалъ всѣ войска.

«Подъ самый вечеръ кончился объѣздъ.

«Спустя нѣсколько времени, отправившись по дѣламъ въ г. Систово, я совершенно случайно попалъ на болгарскую свадьбу. Идя по улицѣ съ товарищемъ, я услышалъ, что на одномъ дворѣ играетъ музыка. Меня это заинтересовало тѣмъ болѣе, что нашихъ музыкантовъ быть не могло; странствующіе же музыканты здѣсь большая рѣдкость. Какъ разъ въ это самое время у калитки стояло нѣсколько солдатъ, которые, вытянувъ шеи, съ любопытствомъ засматривали во дворъ. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ, что такое. «Свадьба ихняя, очень любопытна».

«Вхожу; довольно большой чистый дворъ, въ заднемъ лѣвомъ углу котораго находился двухъ-этажный домъ съ балкономъ. Около дома стояли скамейки, на которыхъ возсѣдали гости, съ одной стороны женщины, а съ другой мужчины. Женщины были одѣты очень мило, не безъ нѣкотораго кокетства. Невѣста была въ зеленомъ платьи, перехваченномъ узорчатымъ кушакомъ; голова была убрана цвѣтами.

«Женихъ одѣтъ во все черное, бѣлый жилетъ и галстухъ.

«Остальные мужчины были въ сюртукахъ, а шаферъ, незнаю почему, былъ безъ сюртука. Въ сторонѣ сидѣли музыканты—двѣ скрипки, кларнетъ, солдатскій рожекъ и нѣчто въ родѣ гитары. Когда мы вошли, всѣ засуетились и подали намъ стулья. При входѣ нашемъ женихъ находился на балконѣ, а невѣста внизу. Но лишь только мы сѣли, какъ невѣста встала и подошла къ жениху. Къ намъ подсѣло нѣсколько болгаръ, которые старались занять насъ разговоромъ. Затѣмъ насъ начали угощать. Сначала намъ поднесли дульчаце (варенье) и четыре стакана воды. «Во здравіе», поклонившись, сказали болгаре. Потомъ подошелъ женихъ съ какой-то сладкой водкой, которую пить не было никакой возможности: просто жгла ротъ. Какъ-бы въ видѣ десерта, поднесли двѣ тарелочки съ конфектами и раззолоченными плющевыми вѣтками. Намъ показали, что вѣтки мы должны наколоть на грудь. Мы такъ и сдѣлали. Въ это время заиграла музыка. По правду сказать не слишкомъ благозвучная. Еще при входѣ я спросилъ у солдатъ: «а они—пляшутъ?» — Отлично ловко, ваше благородіе.

Но, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этого ловкаго плясанья, мы торопились. Раскланявшись и поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, мы распростились съ ними.»

Военныя дѣйствія при Кюрюкъ-Дарѣ *)

(Съ 15 по 17 іюля 1877 г.)

«15-го іюля. Развѣдки прежнихъ дней о непріятельскихъ силахъ и расположеніи ихъ въ разныхъ мѣстахъ приводятъ къ слѣдующимъ даннымъ:

«1) У селенія Визинкева находились 4 батальона съ артиллеріею.

«2) Надъ Орлокскими развалинами 6 батальоновъ.

«3) Между Орлокомъ и Базарджикомъ, у Куртличели, 6 батальоновъ.

«4) У Балапаха 3 батальона.

«5) У Килиса-кей, близь развалинъ церкви, по дорогѣ къ Хаджи-вали, 4 батальона.

«6) Остальная пѣхота стояло лагеремъ на скатахъ Аладжи; здѣсь считали отъ десяти до 12 батальоновъ.

«Что касается укрѣпленій, то они были устроены во всѣхъ мѣстахъ турецкаго лагернаго расположенія; главнѣйшія изъ нихъ: а) на высотахъ надъ Визинкевомъ, б) у Орлока, в) у Килисакея, г) на Инахъ-топеси, и д) на гребняхъ Аладжи. Былъ еще замѣченъ новый небольшой лагерь на горахъ Яглуджи. Ложементы и рвы во всѣхъ лагеряхъ. Три дни назадъ, у Бегли-Ахмета, Мухтаръ расположилъ 5 батальоновъ съ 8-ю орудіями; туда же направлены изъ Эрзерума баши-бузуки и сувари. Всей турецкой кавалеріи считалось до 7,000, не исключая баши-бузуковъ, курдовъ, заптіевъ и возставшихъ мѣстныхъ жителей. Продовольствіе же войскъ ежедневно разсчитывалось на 50,000 человѣкъ, чему, впрочемъ, у насъ рѣшительно не вѣрили военныя власти.

«Изъ достовѣрныхъ источниковъ добыто свѣдѣніе, что къ муширу **) Мухтару въ лагерь явились двѣнадцать почетныхъ жителей мусульманъ изъ Эривани, подъ представительствомъ Келбаной-Гасана; они дали обѣщаніе турецкому главнокомандующему въ томъ, что лишь только войска правовѣрныхъ переступятъ наши границы, то во всей Эриванской губерніи вспыхнетъ возстаніе. Какъ для удостовѣренія въ сочувствіи мусульманскаго населенія интересамъ турецкимъ, такъ равно и для осмотра путей, ведущихъ къ Эривани, Мухтаръ немедленно отправилъ довѣренныхъ лицъ въ наши предѣлы; а именно; двухъ переодѣтыхъ офицеровъ, въ сопровожденіи одного карапапаха, и одного эриванца, участвовавшаго въ этой депутаціи. Есть слухи, что означенные эмиссары пойманы мѣстными властями Александропольскаго уѣзда и будутъ препровождены сюда, въ Кюрюкъ-Дара, для допросовъ командующаго корпусомъ.

«Рекогносцировка, произведенная къ г. Ани, 14-го іюля, генералъ-маіоромъ Лорисъ-Меликовымъ, имѣла свои благодѣтельные результаты: конная партія ту-

*) Изъ коррес. С. П. Вѣд. 1877 года.—**) Муширъ—Маршалъ.

рокъ, переправившаяся наканунѣ черезъ Арпачай около этихъ развалинъ, немедленно послѣ схватки, о которой я вамъ корреспондировалъ и телеграфировалъ, послѣ того возвратилась въ аладжинскій лагерь. Лазутчики передавали, что вчера, въ 7 часовъ вечера, у Байрамъ-Вента переправились черезъ Арпачай четверо новыхъ турецкихъ эмиссаровъ, изъ нихъ двое турецкихъ переодѣтыхъ офицеровъ, горецъ и карапапахъ; цѣль ихъ была осмотрѣть пути Александропольскаго уѣзда до Ахалкалакъ. Они же сообщали, что муширъ Мухтаръ, получившій изъ Карса 14 полевыхъ орудій,—каждое изъ нихъ везли четыре лошади,—намѣренъ занять гору Учъ-Топу и, укрѣпившись тамъ, форсировать переправу у Кигачи и потомъ расположиться у Баздагона. Для этого онъ приказалъ привести изъ Карса нѣсколько крѣпостныхъ орудій большаго калибра, съ помощью которыхъ предполагалъ защищать занятыя имъ высоты Учъ-Топы. Послѣднему сообщенію не даютъ никакого вѣроятія и смотрятъ на него, какъ на военную турецкую утку, которыхъ многое множество выпустилъ Мухтаръ, еще бывши въ Черногоріи. Непріятельская кавалерія, въ случаѣ прорыва черезъ Арпачай, намѣрена напасть на Телынъ и, конечно, предаться грабежу и всякимъ неистовствамъ. Число баши-бузуковъ въ турецкомъ лагерѣ ежедневно возрастало, благодаря вербовкѣ Мехрали и тому подобныхъ разбойниковъ; жители мусульмане оставленныхъ нами деревень волею—неволею должны, для спасенія имущества и даже жизни, вступить въ ряды мухтаровскаго корпуса; такъ поступили жители Поргета, Инжадара, Тихнисап и др. Всѣмъ новобранцамъ розданы магазинныя ружья.

«Для предупрежденія попытки переправиться черезъ Арпачай турецкому отряду, съ нашей стороны приняты всѣ мѣры; былъ слухъ, что на дняхъ, два полка пѣхоты съ баттареями займутъ командующую возвышенность около Ани и укрѣпятъ этотъ важный пунктъ, съ котораго можно обстрѣливать всевозможные пункты переправы черезъ эту рѣку. Дознано, что между Канавальскимъ постомъ и Хаджи-Байрамомъ, на Арпачаѣ, существуетъ единственный бродъ, по которому возможно движеніе всѣхъ родовъ орудій.

«Первые эшелоны ожидаемой съ такимъ нетерпѣніемъ здѣсь сороковой пѣхотной дивизіи прибыли въ Александрополь. Лагерь на Аладжѣ, какъ будто уменьшился, неужели и на этотъ разъ бѣгунъ—Мухтаръ задастъ, какъ говорятъ здѣсь, «дряпису»? Войска, какъ манны небесной, ждали открытаго боя, въ полѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ, въ 1854 г., турки, въ пятеро сильнѣйшіе, бѣжали, покинувъ обозы и лагерь.

«16-го іюля. Въ четыре часа утра, корпуснымъ командиромъ, подъ его личнымъ командованіемъ, была произведена рекогносцировка крайняго лѣваго фланга непріятельской позиціи у Визинкева. Съ этою цѣлью, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ выступилъ изъ Кюрюкъ-Дара двумя колоннами. Лѣвая, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе, состоявшая изъ 16-го и 17-го драгунскихъ полковъ, кубанскаго казачьяго, дагестанской конно-иррегулярной бригады и терской баттареи; правая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева, въ составѣ 1-й бригады кавказской гренадерской дивизіи, 3-хъ полевыхъ баттарей и 1-го волжскаго казачьяго полка, снявшись одновременно

съ лагеря, приняли движеніе впередъ. Лѣвая двинулась на Субботанъ и Хаджи-вали, правая—на Холивъ-Оглы. Въ десять часовъ утра, кавалерія, занявъ позицію между Большимъ и Малымъ Ягны, выслала сильную цѣпь отъ дагестанской конно-иррегулярной бригады и охотниковъ всѣхъ частей кавалеріи; пѣхота же стала за нею. Подъ прикрытіемъ этихъ войскъ, корпусный командиръ со свитою ознакомился подробно съ непріятельскимъ расположеніемъ, находясь на западныхъ скатахъ горы Большой Ягны. Въ то время, когда происходилъ осмотръ, дагестанцы завязали усиленную перестрѣлку съ непріятелемъ на протяженія отъ Визинкева до Буланахо. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ дѣлалъ свои наблюденія со свойственнымъ ему спокойствіемъ и хладнокровіемъ; гранаты лопались въ десяти шагахъ отъ него, пули жужжали вокругъ, какъ пчелы. Окружавшіе рѣшились нѣсколько разъ напомнить ему объ опасности, которой онъ подвергалъ себя, но генералъ всѣ эти напоминанія пропускалъ мимо ушей, какъ бы ихъ не слыхалъ. Не станемъ оспаривать того извѣстнаго мнѣнія, что личная храбрость военноначальника играетъ весьма важную роль въ дѣлѣ воинственности солдата, бодрости его духа и стойкости въ самомъ сраженіи; но такимъ личностямъ, какъ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову, на которомъ сосредоточиваются всѣ надежды цѣлой Россіи, потеря котораго незамѣнима въ Малой Азіи для русскаго дѣла, рисковать собою по малой мѣрѣ—грѣшно. Въ настоящее время, на плечахъ командующаго корпусомъ лежало такое тяжелое бремя, что всякій другой, менѣе сильный человѣкъ, не сдѣлалъ бы и шагу по дорогѣ съ неисчислимыми преградами и препятствіями, о которыхъ скажется впослѣдствіи; а потому его прямой долгъ беречь свою жизнь, чтобъ донести взятую ношу по назначенію.

«Непріятель, принявъ нашу рекогносцировку за намѣреніе рѣшительной аттаки на его укрѣпленную позицію, началъ строиться въ боевой порядокъ и вызвалъ всѣ свои войска изъ орлокскаго лагеря. Подробно осмотрѣвши позицію и силы непріятеля вызванныя изъ окоповъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ приказалъ кавалеріи нашей отходить къ пѣхотѣ и слѣдовать въ лагерь. Турки, увидя въ нашемъ отходѣ отступленіе, открыли огонь изъ полевыхъ орудій и направили кавалерію, чтобы занять гору Большую-Ягны, гдѣ находились наши дагестанскіе всадники и тушинская сотня. Произошла жестокая схватка. Турецкая кавалерія начала тѣснить нашихъ дагестанцевъ и тушинцевъ, но быстрая отчаянная аттака 4-хъ эскадроновъ сѣверскаго драгунскаго полка заставила непріятеля обратиться въ бѣгство. Едва наши войска вышли на Халивъ-оглынскую дорогу, непріятельская кавалерія снова заняла Большую-Ягны; казачья баттарея, заскакавъ съ фронта, семью мѣткими выстрѣлами и пущенною ракетою принудила ее въ безпорядкѣ отступить. Одновременно съ занятіемъ Большой-Ягны, изъ главнаго непріятельскаго лагеря съ Аладжинскихъ горъ вышло восемь батальоновъ пѣхоты; противъ нихъ немедленно гренадерская бригада построилась въ боевой порядокъ; турецкія войска остановились и безъ выстрѣла ушли обратно за Аладжинскіе окопы. Войска наши вернулись, уже болѣе не безпокоенныя, въ Кюрюкъ-дара, сдѣлавши болѣе пятидесяти верстъ по

безводной мѣстности, при тридцати-градусномъ жарѣ, пробывши на солнцѣ болѣе двѣнадцати часовъ.

«Потеря наша въ этотъ день заключалась въ смертельно раненомъ одномъ штабъ-офицерѣ сѣверскаго драгунскаго полка, маіорѣ г. Гоппе, скончавшемся въ тотже день около 11 часовъ вечера, капитанѣ, командирѣ тушинской сотни г. Патіевѣ и штабсъ-капитанѣ Кудинстовѣ; солдатъ ранено 40 человѣкъ. Всѣ позиціи турокъ рекогносцировками 14 и 16-го осмотрѣны въ полной подробности, и непріятельскія силы выяснились достаточно.»

23-го іюля прибылъ въ нашъ лагерь генералъ Лазаревъ, командовавшій пограничными войсками; онъ долго совѣщался съ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. Въ лагерѣ толкуютъ, что совѣщаніе касалось вопросовъ о защитѣ селеній, расположенныхъ по Арпачаю, на случай, еслибъ какой-нибудь бандѣ горцевъ или карапапаховъ удалось прорваться на нашъ берегъ Ячменной рѣки. Вслѣдъ за отъѣздомъ изъ Кюрюкъ-Дара Лазарева, къ ставкѣ командующаго корпусомъ подкатилъ экипажъ съ желаннымъ и давно ожидаемымъ гостемъ, начальникомъ сороковой пѣхотной дивизіи, генераломъ Шатиловымъ. Ни минуты не медля, въ одной коляскѣ съ командующимъ, Шатиловъ отправился въ авангардный башкадыкларскій лагерь для переговоровъ и военнаго совѣта съ командиромъ 39-й пѣхотной дивизіи, Ѳ. Д. Девелемъ. Имъ сопутствовали начальникъ корпусной артиллеріи, генералъ Губскій, и дежурный адъютантъ. Передъ самымъ отъѣздомъ, около палатки начальника штаба подвезены были для осмотра изготовленныя въ Тифлисѣ и присланныя сюда колясочки-носилки для перевозки и переноски раненыхъ съ поля сраженія на перевязочные пункты и къ санитарнымъ каретамъ. Эти колясочки совершенная копія съ тѣхъ рессорныхъ экипажей, въ которыхъ няни возятъ на прогулку еще не умѣющихъ ходить дѣтей, конечно, въ увеличенномъ размѣрѣ. Такой же подпимающійся и опускающійся, смотря по надобности, верхъ на шарнерахъ, такой же фартукъ, закрывающій сидящаго въ экипажѣ по самую шею, наконецъ, мягкая эластичная выбивка внутренняго помѣщенія, дозволяющая раненому лежать вытянувшись во весь ростъ, какъ на постели, и въ какомъ угодно положеніи. Разница этихъ санитарныхъ колясочекъ-носилокъ отъ дѣтскихъ состоитъ въ томъ, что у первыхъ одна пара колесъ и спереди, такъ какъ и сзади, ниже рессоръ у оси придѣлано по парѣ длинныхъ ручекъ, держась за которыя, двое санитаровъ могутъ легко нести раненаго, если дорога окажется безпокойною или просто трудною для колесъ. Чтобъ испробовать практичность этого экипажа, генералъ Гейманъ ложился въ него, и два не особенно могучіе санитара, безъ всякаго излишняго напряженія силъ, свободно возили и носили его. Говорятъ, такія колясочки будутъ разосланы во всѣ госпитали, какъ временные, такъ равно и постоянные. Давай Богъ, чтобъ этотъ говоръ не остался однимъ говоромъ!...

«По донесеніямъ лазутчиковъ и посылаемыхъ отъ насъ разъѣздомъ, по ту сторону Зиима, къ Карсу, непріятельскихъ разъѣздовъ было не видать. Жители селеній той мѣстности передавали, что уже два дня, какъ изъ мухтаровскаго лагеря съ Аладжи и Визинкевскихъ позицій проѣзжали транспорты съ лишними

тяжестями въ Карсъ. Болѣзни въ непріятельскомъ лагерѣ продолжались; не проходитъ дня, чтобъ съ Аладжи не перевозили двухъ десятковъ арбъ и фургоновъ съ больными. Мухтарская конница, по преимуществу курды и карапахи, производили поиски около Заримада и Ахъ-бабы, вымогая у несчастныхъ жителей жизненные припасы подъ правительственныя квитанціи, которымъ никто не вѣдалъ и не давалъ никакой цѣны. Перебѣжчики и лазутчики передавали, что Мухтаръ обращался въ Константинополь о присылкѣ подкрѣпленій и получилъ рѣшительный отказъ.

«24-го іюля утромъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ получилъ отъ полковника Комарова изъ-подъ Ардагана телеграмму, немедленно переданную мною вашей газетѣ. Въ ней Комаровъ извѣщаетъ, что, 23-го числа, настигнувъ 2,000 турецкой кавалеріи подъ начальствомъ разбойника Мехрали, въ верховьяхъ Гема, въ болотистой мѣстности, вступилъ съ нимъ въ бой. Отступающій непріятель укрылся въ двухъ горныхъ, трудно приступныхъ селеніяхъ, Зайсала и Идиштырь, и вмѣстѣ съ жителями открылъ огонь по нашей кавалеріи. Два стрѣлковые батальона князя Барятинскаго, подоспѣвшіе въ это время на помощь Комарову, бросились на штурмъ этихъ ауловъ и взяли ихъ приступомъ. Турецкія войска и жители, давши залпъ въ штурмующихъ, бѣжали въ горы, преслѣдуемые нашими стрѣлками. На мѣстѣ боя и въ самыхъ селеніяхъ непріятель оставилъ 30 труповъ, много раненыхъ и убитыхъ захватилъ съ собою. У насъ, согласно телеграммѣ, убито двое и ранено 4 нижнихъ чиновъ. Телеграмма эта произвела у насъ въ лагерѣ отрадное впечатлѣніе; когда я прочелъ ее одному солдатику, который заходитъ ко мнѣ въ палатку раза два въ недѣлю съ просьбою—«газетки новенькой промежъ своихъ почитать, солдатскую скуку разбить,» то онъ съ восторгомъ воскликнулъ: «экое счастье людямъ, подумаешь... не то что намъ грѣшнымъ!... какая ни на есть тамъ, а все-таки битва, страженье... А мы сидимъ здѣсь, да въ трубки на турку глаза пялимъ, даже истома беретъ; лучше бы ужъ одинъ конецъ, потому ему насъ не побороть... На уру пойдемъ, ну и шабашъ!... только пятки поганаго увидишь, ей Богу!»—Погоди, дай срокъ, поспѣшишь—людей насмѣшишь, безъ битвы дѣло не обойдется, будетъ работа!—успокоивалъ я, вручая газеты. «Это такъ точно, вашескродіе, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ, спѣшить бѣда, одначе и стоять приходитъ не въ моготу, всѣ вопще страженія жаждемъ противъ врага! заключилъ свою онъ рѣчь, завертывая вѣдомости въ платокъ и пряча ихъ, какъ драгоцѣнность, на грудь.

«Мухтаръ выписалъ изъ Карса осадныя орудія, чтобъ еще сильнѣе укрѣпить свой лагерь; лазутчики передаютъ за достовѣрное, что 22-го и 23-го іюля, изъ Карса привезено 7 такихъ пушекъ, что каждую изъ нихъ везли 14 паръ воловъ и что три поставлены въ защиту визинкевской позиціи, а четыре на возвышенныхъ, командующихъ дорогахъ близъ Аладжи. Дороговизна въ Карсѣ съ каждымъ днемъ увеличивается; пудъ муки на базарѣ продается уже по 1 р. 60 коп., такъ что многія семейства вынуждены бросить городъ и переселиться въ деревни.

«25 го іюля, утромъ изъ аладжинскаго лагеря перебѣжалъ къ намъ турокъ

изъ низама, 5-го полка, 2-го батальона, Мехметъ-Мамадъ-оглы, молодой малый, лѣтъ 20-ти съ небольшимъ. Одѣтъ онъ въ затертый, старый, выцвѣвшій синій однобортный кафтанъ съ красными кантами и гладкими мѣдными пуговицами; штаны не широкіе изъ синяго же сукна, на головѣ выцвѣтшая красная феска, съ черною кистью. Босой, оборванный, заплатанный, съ лицомъ опухшимъ и подозрительно желтымъ, что замѣчается у людей, долго находившихся въ тюрьмѣ и лишенныхъ хорошей пищи, онъ дрожа всѣмъ тѣломъ, явился на допросъ, при которомъ присутствовалъ и я. Причина его бѣгства, какъ онъ объяснилъ, недостатокъ пищи; «лучше думаю», говорилъ онъ наивно, «пойду къ московъ, т. е. къ русскимъ, пусть убьютъ, тутъ одинъ разъ умирать, а въ лагерѣ—каждый день голодомъ мучиться... и все таки умереть...» Жаль было смотрѣть на несчастнаго, голосъ искренно дрожалъ и обрывался, въ глазахъ стояли слезы. Успокоенный, накормленный солдатскими щами съ мясомъ, чего онъ не видѣлъ болѣе мѣсяца, онъ ѣлъ съ жадностью, повторяя безпрестанно: «шюкерлеръ!.. шюкерлеръ, московъ!«, т. е. спасибо! спасибо, русскій. Изъ его показаній обнаруживается, что продовольственная порція во войскахъ доведена до крайности, о мясной порціи турецкій солдатъ забылъ и думать, питается самодѣльными лепешками, прѣсными, да къ тому же изъ дурно смолотой муки. Этотъ недостатокъ породилъ болѣзни желудка, вслѣдствіе которыхъ большая часть горцевъ оставила аладжинскій лагерь и перешла въ Карсъ. Пѣхотныя части турецкихъ войскъ ежедневно выражаютъ свое неудовольствіе, и въ одномъ редифномъ батальонѣ, а именно карагосарскомъ, произошли открытые безпорядки, за что батальонъ этотъ, выведенный передъ всѣми лагерными войсками, подвергнутъ былъ тѣлесному наказанію.

«Сейчасъ я былъ свидѣтелемъ въ высшей степени интересной сцены.

Проходя мимо намета, гдѣ помѣщается штабная канцелярія, среди писарей я замѣтилъ фигуру Мехмеда-алсада-оглы, молодаго турецкаго солдата-перебѣжчика. Одѣтый въ казацкій бешметъ, русскіе высокіе солдатскіе сапоги и черкесскую папаху, онъ сидѣлъ среди писарей совершенно непринужденно, съ любопытствомъ разсматривая пріемы нашего способа писанія, разглядывая печатныя книги и безъ умолку бесѣдуя на турецкомъ языкѣ съ окружающими. Всѣ писари были русскіе, одинъ изъ нихъ зналъ десятка два турецкихъ словъ и, благодаря этому, разговоръ не прерывался, къ взаимному удовольствію; обѣ стороны понимали другъ друга по-своему.

— Мектубъ! восклицалъ турокъ, взявши въ руки запечатанный конвертъ изъ массы лежащихъ на столѣ писемъ.

— Да, да... письмо называется по нашему... Казенный пакетъ, пояснилъ радостно писарекъ и торжественно прибавилъ: —«эветъ, эветъ!» т. е. да, да!

— Чохъ мектубъ! снова начиналъ дезертиръ, перебирая конверты и показывая растопыренными руками, какъ много писемъ.

— Ничего, въ повозку уложимъ, у насъ почту на телѣгахъ возятъ... арба такая.... «Фена, эветъ?» Хорошо, да?

— «Чохъ мектубъ!... Много писемъ!...» «Феиа мектубъ!» Хорошія письма! твердитъ осклабляясь Мехмедъ.

— Ишь какой понятный, право! восклицаютъ радостно писари.

— Молодецъ! хлопая его по плечу, говоритъ знатокъ турецкаго языка... Мы тебя въ мѣсяцъ порусски выучимъ, а? хочешь, «эветъ?»

— Эветъ! весело отвѣчаетъ недоумѣвающій, но довольный турокъ.

— Что это, братцы, ужъ не обижаете ли вы плѣннаго? Входя въ наметъ, обращаюсь я съ такимъ вопросомъ ко всей компаніи.

— Зачѣмъ, ваше бляродье, его обижачь; мы его по русски учимъ, въ русскую вѣру преобразимъ! шутливо отзывается одинъ изъ присутствующихъ.

— А понятливъ онъ?

— Даже до ужасти понятенъ!.. Каждое наше слово узнаетъ... Шустрый!... Легкаго характера, хоть и природный азіятецъ! отвѣчаютъ разомъ нѣсколько голосовъ.

— Машедъ, бурая!.. Мехмедъ, сюда!.. Раздается призывный голосъ изъ отдаленной турецкой палатки. Дезертиръ быстро вскакиваетъ и, не простясь ни съ кѣмъ, бросается со всѣхъ ногъ по направленію, откуда послышался зовъ.

— А все-таки азіятская натура, никакой полировки нѣтъ, убѣжалъ и даже головой не кивнулъ за наше вѣжливое къ нему вниманіе и деликатное обращеніе! замѣчаетъ съ пренебреженіемъ молодой франтъ-писарь, съ височками *à la* капуль.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ же этотъ Мехмедъ у насъ въ лагерѣ живетъ, у кого? полюбопытствовалъ я.

— Его взяли къ себѣ помощникъ старшаго адъютанта при корпусномъ штабѣ, господинъ поручикъ Волховскій; у нихъ онъ и проживаетъ, объяснилъ мнѣ знатокъ турецкаго языка.

Заинтересованный личностью дезертира, я отправился къ г-ну Волховскому и, черезъ посредство его сожителя, хорунжаго г. Облизаева, знатока восточныхъ языковъ, я цѣлый часъ бесѣдовалъ съ Мехмедомъ, или Момедомъ какъ его называлъ нашъ толмачъ. Судьба этого плѣнника не лишена нѣкотораго интереса. Онъ родился въ провинціи Севасъ, за Эрзерумомъ, въ городѣ Алка, отъ достаточныхъ родителей; женившись на дѣвушкѣ бѣдной, безъ всякихъ разсчетовъ, а по одному сердечному влеченію, черезъ двѣ недѣли послѣ брака завербованъ былъ въ низамъ и цѣлый годъ находился у офицера, въ качествѣ его денщика и повара. Съ объявленіемъ настоящей войны, изъ Эрзерума его направили въ Карсъ, въ качествѣ простаго рядоваго; здѣсь онъ выдержалъ бомбардировку и, при движеніи Мухтара съ Саганлуга, вмѣстѣ съ своимъ полкомъ отправился на Аладжу, гдѣ и стоялъ до своего дезертирства въ нашъ кюрюкъ-даринскій лагерь. Привыкшій, если не къ роскоши, то къ полному довольству, Мехмедъ не вынесъ турецкой лагерной жизни, съ ея скверною водою, фунтомъ затхлаго сухаря, земляными не устоенными работами, подъ тяжелою палкою начальника, и бѣжалъ. Видно солоно пришлось бѣднягѣ, что онъ рѣшился навсегда сказать прости родному дому, родителямъ, молодой женѣ и отдаться въ

руки врага-гяура, который, какъ увѣряли турки, вѣшаетъ всякаго «османна». Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, онъ такъ привязался къ своему новому «московъ-эффенди», г. Волховскому, пріютившему его у себя, что ни за какія блага міра не хочетъ оставить его. Видя неопытность здѣшнихъ азіятскихъ поваровъ въ кулинарномъ искусствѣ, онъ самъ вызвался готовить столъ своему эффенди.»

«Въ лагерь нашъ ежедневно являлись перебѣжчики отъ непріятеля. Одинъ изъ такихъ дезертировъ, солдатъ низама, разсказалъ мнѣ свою незамысловатую исторію. Передаю ее здѣсь почти буквально. *)

«Родомъ я изъ провинціи Сиваза, зовутъ меня Маммедъ-Сафаръ Ахметъ-оглы. Дома я съ малолѣтства занимался садоводствомъ. Сафаромъ прозванъ за желтый цвѣтъ лица. 18-ти лѣтъ взяли меня на службу: не понравилась мнѣ эта служба. Платье и сапоги получилъ болѣе года тому назадъ. Весь износился и оборвался,—онъ пришелъ въ лохмотьяхъ мундира и босой. Жалованья совсѣмъ никогда не получалъ и даже не знаю, сколько мнѣ слѣдуетъ. Служу уже полтора года. Ружье дали тяжелое,—винтовку Снайдера,—каждый день или на ученьи, или копать землю въ укрѣпленіяхъ. Сначала былъ въ Эрзерумѣ, потомъ взяли сюда въ лаг. у Аладжадага. Провіанта здѣсь отпускаютъ по два галета въ день, около $^3/_4$ ф. пшеничныхъ сухарей, разъ или два въ недѣлю кусочекъ мяса. Прежде давали рисъ, потомъ пшеничную крупу, теперь-же ничего, кромѣ хлѣба и воды. Вижу, приходится умирать съ голоду, даже началъ пухнуть —думаю уйду къ московамъ, — авось не убьютъ. У насъ говоритъ начальство, что московы заставляютъ всѣхъ дѣлаться христіанами, а несоглашающихся убиваютъ. Поползъ съ аванпостомъ съ ружьемъ и подсумкомъ. Чувствую, не доползу,—очень ружье тяжелое: бросилъ и ружье, и подсумокъ. Доползъ до вашихъ аванпостовъ, всталъ, взяли меня солдаты, привели къ юзбаши, потомъ къ бимбаши, потомъ къ миралаю. Миралай приказалъ посадить въ палатку. Дали мнѣ большую чашку супу съ мясомъ, кусокъ хлѣба: ѣлъ, ѣлъ, не могъ съѣсть всего. Жду, что будетъ. Повели меня къ другому миралаю—у него на плечѣ серебряные шнурки висятъ (полковникъ генеральн. штаба). Разспрашивалъ онъ меня, сколько у насъ войска,—откуда мнѣ знать, простому низаму? Боялся, думалъ—прикажетъ бить. Приказалъ миралай отвести меня спать въ палатку. На другой день пришелъ офицеръ, поговорилъ со мной черезъ переводчика, спросилъ—какъ зовутъ, далъ мнѣ 2 піастра и ушелъ. Вижу, меня кормятъ и не обижаютъ. Потомъ пришли другіе, такіе же, какъ я, низамы, убѣжавшіе изъ лагеря нашего. Я разсказалъ имъ, что здѣсь насъ не обижаютъ. Сидимъ мы вмѣстѣ. Приходитъ опять офицеръ съ шнурками на плечѣ, только другой, не миралай. Повелъ въ свою палатку, а у него палатка наша, турецкая. Разспросилъ меня и потомъ взялъ къ себѣ. Еслибъ мнѣ можно было пойдти въ лагерь къ Мухтару, да разсказать какъ, русскіе насъ принимаютъ, я бы цѣлый таборъ (батальонъ) съ собой привелъ. Да боюсь, сейчасъ убьютъ. Теперь живу у эффенди. Султанъ и Мухтаръ не кормили, не одѣвали, а эффенди

*) Газ. Кавказъ отъ 30 іюля.

одѣлъ меня, кормитъ, даетъ чай, табакъ—лучше буду эффенди служить. (Его взялъ къ себѣ одинъ изъ нашихъ офицеровъ).

«Количество дезертировъ со дня на день усиливается въ рядахъ турокъ. Теперь еще стоитъ хорошая погода, но что будетъ, когда начнутся дожди и холода? Я могу безошибочно предсказать, не будучи пророкомъ, что анатолійская армія, набранная съ такимъ истощеніемъ для государства, начнетъ таять не по днямъ, а по часамъ, и хорошо еще, если уменьшится только на половину. Тутъ вопросъ только во времени. Мухтаръ-паша не въ состояніи держаться на Аладжа-дагѣ дальше августа. Ему останется или уйдти за Саганлугъ (если пропустятъ, потому что, какъ я говорилъ уже, съ прибытіемъ нашихъ подкрѣпленій—роли наши перемѣнятся: мы пойдемъ впередъ, а ему выпадетъ на долю—прикрывать край отъ вторженія), или запереться въ Карсѣ. И то и другое неизбѣжно приведетъ къ паденію Карса.

«27-го іюля изъ Башъ-Кадыкларскаго лагеря произведена рекогносцировка къ сторонѣ непріятельскаго лагеря. Къ вечеру 5 человѣкъ фуражировъ, забравшіеся слишкомъ далеко, было окружены сотнею непріятельской кавалеріи. Фуражиры спѣшилися и засѣли на вершину горы, за камнями, откуда отстрѣливались. Покуда турки собрались аттаковать ихъ, подоспѣлъ изъ лагеря подпоручикъ милиціи, Атахметъ Аликовъ, съ тремя десятками осетинъ, на выручку; завидя ихъ и послѣдовавшую за ними въ резервѣ казачью сотню, непріятель оставилъ фуражировъ и ушелъ на рысяхъ. У насъ убита одна лошадь, у турокъ одинъ всадникъ и двѣ лошади.»

Дѣйствія Кобулетскаго отряда.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатано, составленное по оффиціальнымъ источникамъ, слѣдующее описаніе дѣйствій Кобулетскаго отряда:

«Послѣ наступательнаго движенія по направленію къ Цихисдзирской позиціи, войска наши, оставивъ высоты Самеба, какъ извѣстно, сосредоточились 18 іюня на Муха-эстатской позиціи.

«Для лучшаго наблюденія за непріятелемъ и для обезпеченія лагеря отъ мелкихъ его партій, незамѣтно подбиравшихся по лѣсистымъ высотамъ къ нашей позиціи и безпокоившихъ войска своими выстрѣлами, на обоихъ флангахъ позиціи были выставлены отъ сформированныхъ при отрядѣ партизанскихъ командъ два поста.

«1 августа, въ $2^3/_4$ часа пополудни постъ, выставленный впереди праваго фланга и состоявшій изъ 24 охотниковъ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона и грузинскихъ дружинъ, былъ атакованъ турками въ числѣ 60—70 человѣкъ. Благодаря свойствамъ мѣстности, турки подошли незамѣтно къ нашей цѣпи на 100 шаговъ, но, встрѣченные огнемъ стрѣлковъ и подбѣжавшаго резерва, были остановлены. Тогда съ обѣихъ сторонъ стали подходить подкрѣпленія: нѣсколько турецкихъ ротъ двинулись со стороны р. Ачкуа, а къ горсти нашихъ

охотниковъ присоединилась небольшія партизанскія команды прапорщиковъ Постельникова и Антадзе и поручика Гайтова. Въ виду превосходства непріятеля, охотники наши, аттакованные съ фронта и съ фланговъ и угрожаемые съ тыла, стали отступать въ порядкѣ, пользуясь закрытіями, и собрались, почти безъ потерь, въ заранѣе устроенномъ у развалинъ церкви ложементѣ.

«Въ то время, какъ происходило вышеизложенное, по всей позиціи турокъ началось движеніе и вскорѣ завязалась канонада, на которую наши батареи живо отвѣчали. Турецкія батареи, обстрѣливая весь нашъ фронтъ, въ особенности сосредоточивали свои выстрѣлы на томъ мѣстѣ, гдѣ бились охотники; кромѣ того, броненосецъ, стоявшій у Чурукъ-су, развелъ пары и открылъ огонь изъ своихъ 9-ти дюймовыхъ орудій, а въ лагерѣ турокъ, расположенномъ на берегу моря, стали выстраиваться войска.

«Между тѣмъ, охотники наши, устроившись, сами атаковали турокъ, выбили изъ лѣсу и преслѣдовали до резервовъ, послѣ чего непріятель, усилившись подкрѣпленіями и обстрѣлявъ нашу позицію, стремительно произвелъ около 5 часовъ вечера послѣднюю атаку противъ нашего праваго фланга. Въ это время сюда подошли двѣ сотни 2-й Грузинской дружины и, взявъ во флангъ непріятеля, заставили его отступить. Въ $5^1/_4$ часовъ перестрѣлка смолкла по всей линіи.

«Одновременно съ нападеніемъ турокъ на правый флангъ, партія Кобулетцевъ, въ числѣ 240 до 300 человѣкъ, раздѣлившись на двѣ части, атаковала очевидно, съ демонстративною цѣлью, нашъ крайній постъ лѣваго фланга, расположенный па трудно-доступныхъ высотахъ и занимаемый 4-ю партизанскою командой, сформированною изъ охотниковъ 164-го пѣхотнаго Закатальскаго полка. Непріятель, своевременно замѣченный, былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ ложементовъ и атакованъ съ фланга резервомъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, Кобулетцы отступили въ горы.

«Въ дѣлахъ 1 августа наша потеря была: шесть убитыхъ, 38 раненыхъ и шесть контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

«Выставленныя впереди фланговъ позиціи партизанскія команды, обезпечивая спокойствіе на бивакахъ и, охраняя ихъ отъ нападенія мелкихъ непріятельскихъ партій, сами служили приманкою для непріятеля, который почти ежедневно завязывалъ съ ними перестрѣлку.

«Въ ночь съ 11 на 12 августа турки, приблизительно въ числѣ до 1.000 человѣкъ, изъ которыхъ половина принадлежала къ регулярнымъ войскамъ, скрытно спустились въ крутой оврагъ, окружающій нашъ лѣвофланговый постъ, расположенный на плоской вершинѣ лѣсистаго кургана, увѣнчаннаго редутомъ. Въ редутѣ днемъ помѣщалось 12 охотниковъ, число которыхъ на ночь удваивалось.

«Съ разсвѣтомъ, когда ночное подкрѣпленіе вышло изъ редута и направилось на свои мѣста, турки дали залпъ, и одновременно со всѣхъ сторонъ бросились на укрѣпленіе. Тогда горсть храбрецовъ, оставшихся въ числѣ 19 человѣкъ въ редутѣ, встрѣтила атаку учащеннымъ огнемъ и отбила ее: турки

хлынули назадъ, скрывшись отъ выстрѣловъ въ оврагѣ, но затѣмъ снова повторили атаку и снова были отбиты.

«Послѣ первыхъ выстрѣловъ, резервъ охотничьей команды, подъ командою Ленкоранскаго полка Гаврилова, расположенный на общемъ бивакѣ отряда, бросился бѣгомъ на поддержку товарищей, но былъ остановленъ мѣстностью и толпами турокъ, которые тѣмъ временемъ произвели третью атаку на редутъ. На этотъ разъ защитники укрѣпленія, разстрѣлявъ почти всѣ свои патроны, могли встрѣтить непріятеля лишь нѣсколькими выстрѣлами, а затѣмъ приняли его въ штыки, но, подавленные массою, были всѣ перебиты, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, успѣвшихъ скрыться въ оврагѣ.

«Пересѣченная мѣстность и дымъ отъ выстрѣловъ не дозволили нашей артиллеріи принять участіе въ самомъ началѣ дѣла, но какъ только положеніе непріятеля опредѣлилось, по немъ былъ открытъ изъ ближайшихъ горныхъ орудій огонь картечными гранатами, вслѣдствіе котораго, а также въ виду движенія къ редуту роты Ленкоранскаго полка, подъ начальствомъ поручика Пеньковскаго, турки поспѣшно отступили въ лѣсъ, едва успѣвъ подобрать своихъ раненыхъ.

«Занявъ вновь редутъ, резервы наши, къ крайнему огорченію, нашли въ нихъ лишь трупы храбрыхъ товарищей, изъ которыхъ у восьми были отрублены головы, а тѣло одного было обезображено самымъ звѣрскимъ образомъ.

«Въ 6 часовъ утра, 12 августа, непріятель открылъ учащенный артиллерійскій огонь по всей линіи Муха-эстатской позиціи и, прикрываясь лѣсомъ, сталъ напирать своими цѣпями на расположенныхъ въ центрѣ стрѣлковъ 2-го стрѣлковаго баталіона. Стрѣлки усиленные, по распоряженію начальника правой колонны, полковника Макѣева, резервами подведенными къ ложементамъ, завязали съ непріятелемъ перестрѣлку, а 2-й дивизіонъ 2-й батареи 41-й артиллерійской бригады открылъ по туркамъ огонь, вслѣдствіе котораго они отступили на высоты и ограничились перестрѣлкою съ дальняго разстоянія.

«Около 9 часовъ утра непріятель сдѣлалъ также наступательную попытку противъ нашего праваго фланга, но былъ остановленъ цѣпью Александропольскаго полка и огнемъ картечныхъ гранатъ. Къ 11 часамъ перестрѣлка прекратилась по всей линіи.

«Во время перестрѣлки 12 августа замѣтно было, что турки хорошо пристрѣлялись къ нашимъ позиціямъ; однимъ изъ ихъ выстрѣловъ былъ взорванъ у насъ зарядный ящикъ; но и наши артиллеристы не остались въ долгу, и также взорвали у турокъ зарядный ящикъ.

«Донося объ этихъ дѣлахъ, командующій войсками при-Ріонскаго края, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо, указываетъ на стойкость и мужество, выказанныя всѣми офицерами и нижними чинами, участвовавшими въ бояхъ, а особенно партизанскими командами. О дѣйствіяхъ же артиллеріи 12 августа, командующій войсками выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Не могу не отозваться съ особою похвалой объ артиллеріи, которая, главнымъ образомъ, содѣйствовала успѣху. Молодые артиллерійскіе офицеры, только что выпущенные изъ военныхъ

училищъ и почти впервые участвовавшіе въ дѣлѣ, вели себя особенно похвально. Одинъ изъ нихъ, прапорщикъ Гусевъ, собственноручно залилъ горѣвшіе остатки взорваннаго заряднаго ящика среди другихъ ящиковъ, наполненныхъ зарядами.»

Трудное положеніе раненыхъ на Шипкинскомъ перевалѣ *).

«Красный Крестъ доставилъ слишкомъ мало матеріаловъ для перевязки. Уже теперь оказывается недостатокъ. Перевязываютъ клочьями турецкихъ палатокъ, а, за недостаткомъ ихъ, русскими. Урѣзываютъ себя на чемъ могутъ. При томъ опять оказывается недостатокъ въ повозкахъ громадный. Тѣхъ замѣчательныхъ экипажей для перевозки раненыхъ, которые показывали и которые приходится встрѣчать на всевозможныхъ выставкахъ, — здѣсь нѣтъ. Есть просто фуры или телѣги, въ которыхъ раненые часто умираютъ, не достигнувъ пункта назначенія. Впрочемъ, это на совѣсти нашихъ фразеровъ, заполучившихъ громадныя народныя пожертвованія и не сдѣлавшихъ ничего или сдѣлавшихъ очень мало. О нихъ мы скажемъ потомъ—въ свое время.

«Вотъ кучка молчаливыхъ раненыхъ. Стиснувъ зубы они лежатъ и не хотятъ даже стономъ выдать своихъ страданій. Удивительно терпѣливый народъ. Это—болгарскіе ополченцы. Одному изъ нихъ осколкомъ гранаты животъ вывернуло,—видимо мучится ужасно, а простонетъ развѣ, когда уже совсѣмъ силъ нѣтъ молчать. Вотъ смуглый—точно обожженный солнцемъ—дружинникъ. Обрѣзываютъ ему клочья мяся съ раненой руки, и онъ самъ презлюбопытно смотритъ на это дѣло, точно онъ тутъ зритель.

«Каждому раненому выдается книжка, которая называется почему-то санитарной. Противъ заведенія этой канцелярщины протестуютъ всѣ врачи поголовно. Пусть черви у раненыхъ заводятся отъ того, что не хватаетъ времени на перевязку, а на докторовъ наваливаютъ умные люди изъ Петербурга всякаго рода бумажное производство. Каждому доктору приходится перевязать около ста человѣкъ въ день, на разспросы раненаго и на записку ихъ показаній въ санитарную книжку приходится тратить по три или по четыре минуты на каждаго. Такимъ образомъ въ ущербъ другимъ, ожидающимъ перевязки, раненымъ пропадаетъ отъ пяти до семи часовъ совершенно непроизводительно и притомъ самаго драгоцѣннаго въ такую горячую пору времени. Благодаря этимъ дикимъ книжкамъ, ни одной серьезной перевязки дѣлать некогда — остается слишкомъ мало времени. Извольте подъ выстрѣлами и раненыхъ осматривать, и разспрашивать ихъ. При этомъ нелѣпость санитарной книжки особенно обнаруживается, когда приносятъ слишкомъ сильно раненаго человѣка: едва глаза открываетъ, языкъ во рту еле болтаетъ, вотъ-вотъ умретъ на глазахъ, а его тормоши и задавай вопросы въ родѣ слѣдующихъ:

*) „Новое Время“ 1877 г.

1. Сколько лѣтъ отъ роду?

2. Какой губерніи?

3. Званіе или сословіе до службы.

4. Занятіе до службы.

5. Время поступленія на службу.

6. Условія поступленія на службу (этого вопроса ни одинъ солдатъ и не понимаетъ притомъ).

7. Полкъ или команда.

8. Имя и фамилія.

9. Званіе по службѣ и чинъ.

10. Занятіе: строевой, не строевой, музыкантъ, мастеровой, госпитальный служитель.

И т. д. Цѣлая серія вопросовъ.

— Да уйдите, вы мучители! отмахнулся отъ докторовъ одинъ изъ раненыхъ. Ему пуля ударила въ одинъ бокъ и вышла въ другой. Вмѣсто того, чтобы дать спокойно умереть или облегчить страданія опіумомъ, по приказанію начальства, доктора начинаютъ интересоваться—музыкантъ онъ или мастеровой, и чѣмъ онъ занимался до службы!

«Врачи единогласно протестуютъ противъ санитарныхъ книжекъ.

«При томъ еще массу разныхъ другихъ отчетностей и куча бумажнаго производства, внушающихъ врачебному персоналу полное отвращеніе къ своему дѣлу.

--Я согласенъ сдѣлать 10 перевязокъ скорѣе, чѣмъ у одного раненаго вымучить показанія для санитарной книжки, сообщалъ мнѣ одинъ изъ врачей.

«Цѣлая серія ранъ отъ разрывныхъ пуль. Ихъ отрицаютъ только очень немногіе врачи, да и то, я полагаю, одержимые духомъ противорѣчія. На перевязочномъ пунктѣ показывали ужасныя поврежденія, произведеныя этимъ путемъ. При этомъ старшій врачъ подольскаго полка, Рафаловичъ, хирургъ Каменскій и старшій врачъ Орловскаго полка Кротценко, просили заявить отъ ихъ имени, что въ настоящую войну имъ постоянно приходится констатировать употребленіе турками разрывныхъ пуль. Разрывная пуля производитъ обыкновенно очень маленькое входное отверстіе, но выходныя или имѣютъ въ діаметрѣ вершка полтора или ихъ нѣсколько, или же осколки остаются въ организмѣ, разрушая все внутри. Сначала еще въ аттакахъ, произведенныхъ регулярными войсками турокъ, ранъ разрывными пулями не встрѣчалось; ими били по преимуществу черкесы и баши-бузуки, но потомъ и редифъ и низамъ занялись тѣмъ же. Болѣе десяти ранъ такого рода видѣлъ я самъ. Одна изъ нихъ была дѣйствительно ужасна. Входное отверстіе было въ діаметрѣ съ четверть вершка и почти незамѣтно, выходное (бедро)—въ діаметрѣ 2 вершка, при чемъ въ немъ перемѣшалось все: и клочья мяса, и осколки костей, и осколки чего-то совсѣмъ уже непонятнаго. Разрывная пуля иногда обращаетъ кости въ порошокъ. Другую точно такую же рану на лѣвой рукѣ я видѣлъ въ тотъ же день. Бригадный врачъ Верниковскій сообщилъ мнѣ рядъ такихъ же наблюденій.

— Точно внутри меня что-то выстрѣлило! разсказывалъ солдатъ, раненый

разрывною пулей, на первомъ перевязочномъ пунктѣ, 14-го стрѣлковаго баталіона рядовой Антонъ Филипповъ весь истерзанъ разрывомъ такой пули. Другой субъектъ получилъ наружныя раны отъ разрывной пули; вѣроятно она разорвалась о дерево близь него. На груди у солдата осталось до десяти поверхностныхъ ранокъ.

«Въ патронахъ турецкихъ, оставленныхъ у ложементовъ, откуда непріятель былъ выбитъ, находили разрывныя пули, вставленныя уже потомъ. Видимо, что пули настоящія были вынуты и замѣнены такими.»

Дѣйствія Рущукскаго отряда 23 іюня по 4 августа.

Приводимъ изъ *Русскаго Инвалида* слѣдующій основанный на офиціальныхъ данныхъ обзоръ дѣйствій Рущукскаго отряда.

По занятіи 23 іюня Бѣлы Рущукскій отрядъ, занимая лѣвый флангъ нашего расположенія, выслалъ разъѣзды и передовые отряды къ сторонѣ непріятеля и сталъ постепенно подвигаться къ линіи Янтры, Баницкаго Лома, а затѣмъ Кара-Лома.

Летучая и рекогносцировочныя партіи, высылавшіяся отрядомъ, имѣли цѣлью, съ одной стороны, уничтоженіе турецкихъ транспортовъ и запасовъ, порчу телеграфовъ и желѣзныхъ путей, а съ другой, освѣщеніе мѣстности, уясненіе положенія и постепенное оттѣсненіе турецкихъ войскъ за Янтру и Ломъ.

Первыя стычки съ турками произошли на Баницкомъ Ломѣ; 23 іюня 3-я сотня Донскаго № 22 полка, подвигаясь въ сѣверо-восточномъ отъ Бѣлы направленіи, выбила у дер. Черчикъ баши-бузуковъ, занимавшихъ лѣсъ, а затѣмъ наткнулась на непріятельскій транспортъ, сопровождаемый конвоемъ въ 100 человѣкъ. Непріятель былъ разсѣянъ, оставивъ на мѣстѣ 40 тѣлъ; транспортъ захваченъ.

Три дня спустя, 29 іюня, 4-й эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка, подъ начальствотъ полковника Ушакова, направился отъ д. Сидикіой черезъ Карагасанъ на рекогносцировку дороги въ д. Церковну. У д. Чаиркіой онъ открылъ непріятельскій транспортъ и атаковалъ турокъ, засѣвшихъ за повозками. Первою жертвой былъ самъ полковникъ Ушаковъ, раненый въ лѣвую руку. Командованіе принялъ старшій офицеръ, который отвелъ эскадронъ назадъ, а полковникъ Ушаковъ съ двумя оставшимся при немъ уланами былъ отрѣзанъ отъ своихъ и сбился съ дороги.

Командиръ полка, полковникъ Коровиченко, получивъ донесеніе обо всемъ происшедшемъ, на рысяхъ двинулся на помощь съ остальными тремя эскадронами. Несмотря на крайне пересѣченную, почти невозможную для дѣйствія въ конномъ строю мѣстность, уланы произвели нѣсколько аттакъ на транспортъ. Видя ихъ безуспѣшность, полковникъ Коровиченко отвелъ полкъ изъ сферы ружейнаго огня и, пославъ донесеніе начальнику дивизіи, ограничился наблюденіемъ за непріятелемъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Манвеловъ выслалъ на рысяхъ отрядъ изъ полу-

сотни № 8-го полка, 1-го и 4-го эскадроновъ 8-го гусарскаго Лубенскаго полка и двухъ орудій Донской № 9-го батареи, подъ командой генералъ-маіора Леонова. Казаки прибыли первыми. Полковникъ Коровиченко спѣшилъ ихъ, подкрѣпилъ 60 спѣшенными уланами, и двинулъ впередъ. 27 казаковъ, подъ командой хорунжаго Попова, бывшіе впереди, атакованные со всѣхъ сторонъ толпой вооруженныхъ жители въ числѣ около 200 человѣкъ, храбро отразили первую атаку-меткимъ огнемъ, и когда турки бросились на нихъ вторично, маіоръ Датіевъ врѣзался въ толпу съ фланга и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Но къ этому времени наши успѣли разстрѣлять патроны, а между тѣмъ къ непріятелю подошла на помощь регулярная пѣхота. Къ счастію, подошли и Лубенскіе гусары съ двумя конными орудіями. Это было около 5 ч. пополудни. Первыми же пушечными выстрѣлами непріятель былъ принужденъ къ отступленію; а когда гусары появились у него на флангахъ, то отступленіе превратилось въ бѣгство. Обозъ (свыше 1.000 повозокъ) съ 15 плѣнными достался въ наши руки. Непріятель оставилъ на мѣстѣ 50 тѣлъ. Гусары преслѣдовали его до наступленія темноты.

Поздно ночью присоединился къ отряду раненый полковникъ Ушаковъ съ двумя сопровождавшими его уланами. Благодаря счастливой случайности, онъ не былъ замѣченъ турками въ лѣсу въ то время, когда онъ, блуждая болѣе 10 часовъ, отыскивалъ дорогу. Вѣрные уланы (рядовые Войцехъ Франчакъ и Николай Толулай) все время безотлучно оставались при своемъ полковникѣ, несмотря на то что онъ самъ, считая свой плѣнъ и гибель неизбѣжными, уговаривалъ ихъ бросить его и спастись самимъ. Но эти доблестные солдаты твердо рѣшились раздѣлить часть своего начальника, какъ то велитъ долгъ службы и присяги.

Въ тотъ же день былъ направленъ изъ Бѣлы, для очистки отъ вооруженыхъ жителей лѣса на правомъ берегу р. Янтры, отрядъ изъ 1-го и 3-го баталіоновъ 131-го пѣхотнаго Тираспольскаго полка, подъ начальствомъ командира полка полковника Власенко. Эти два баталіона во время слѣдованія получили приказаніе идти на поддержку къ д. Чайркіой, но пройдя туда нашли, что дѣло уже кончилось. На другой день 30 іюня полковникъ Власенко съ разсвѣтомъ двинулся въ лѣсъ по направленію къ д. Окчиляръ. Находившіся тамъ вооруженые жители открыли огонь по нашимъ войскамъ, но послѣ двух-часоваго боя бѣжали и разсѣялись въ чащѣ лѣса. Полковникъ Власенко на другой день двинулся обратно въ городъ Бѣлу.

Затѣмъ, въ теченіи іюля происходили слѣдующія дѣла на Кара-Ломѣ:

Дѣло при дер. Хайдаркіой. 5 іюля, генералъ-маіоръ Леоновъ съ 7 эскадронами и 6 орудіями Вознесенскій уланскій полкъ, 3 эскадронами Лубенскаго гусарскаго полка и 15, конная баттарея двинулся отъ дер. Кавачица къ дер. Попкіой, для раскрытія расположенія непріятеля на рѣкѣ Кара-Ломѣ. Дойдя до дер. Попкіой, генералъ-маіоръ Леоновъ остановилъ отрядъ отъ деревни, выславъ два эскадрона (1 эскадронъ Лубенскаго гусарскаго и 4-й эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полковъ) подъ командою начальника штаба 5 кавалерійской

дивизіи, полковника Каульбарса, для осмотра долины рѣки Кара-Ломъ. Эти два эскадрона у дер. Хайдаркіой встрѣтили непріятельскую кавалерію, открывшую по нимъ огонь; прикрывшись цѣпью наѣздниковъ, они продолжали наступленіе и предъ самою деревнею кинулись въ аттаку на противника и врубились въ его ряды. Но тутъ наши эскадроны попали подъ огонь пѣхоты и двухъ горныхъ орудій, занимавшихъ деревню и противоположный берегъ р. Кара-Ломъ. Собравшись, за деревнею кавалерія наша произвела еще двѣ успѣшныя аттаки. Въ одной изъ нихъ былъ контуженъ командиръ гусарскаго эскадрона, маіоръ Брантъ. Первые выстрѣлы 15-й конной баттареи, прибывшей на мѣсто боя съ двумя эскадронами, уланъ совершенно разсѣяли противника и подбили у него два орудія. Наступившія сумерки прекратили бой.

Дѣло у дер. Кадыкіой. 9 іюля, летучій отрядъ изъ 2-го баталіона 132-го пѣхотнаго Бендерскаго полка, 1-й, 4-й и 6-й сотенъ Донскаго № 37-го полка и двухъ орудій Донской казачьей № 5-го баттареи, при личномъ участіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, перешелъ черезъ р. Кара-Ломъ у д. Иванъ-Чифтликъ и двинулся на Кадыкіой, для разрушенія желѣзной дороги. Баши-бузуки, занимавшіе деревню Кадыкіой, разбѣжались при приближеніи къ ней нашихъ разъѣздовъ, послѣ чего она была занята нашею пѣхотой, а двѣ сотни съ двумя орудіями стали на позиціи верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ деревни для прикрытія 6-й сотни, которая, подъ начальствомъ сотника Пименова, направилась къ шоссе и желѣзной дорогѣ. Обойдя лощиной до дер. Бузинъ, въ которой было замѣчено около сотни черкесовъ, она перервала телеграфную проволоку на шоссе и подошла къ желѣзной дорогѣ. Тутъ были взорваны динамитомъ рельсы въ трехъ мѣстахъ, испорченъ телеграфъ и разбитъ аппаратъ на полустанціи. Турецкій караулъ разбѣжался, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько ружей. Исполнивъ свою задачу, сотня начала отходить подъ прикрытіемъ 1-й и 4-й сотенъ, продержавшихся еще около часу. Противникъ преслѣдовалъ черкесскою конницей и артиллерійскимъ огнемъ; подъ конецъ у него появилась и пѣхота. Три гранаты разорвались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Великаго Князя. Съ наступленіемъ сумерекъ весь отрядъ благополучно возвратился на лѣвый берегъ Лома. Наша потеря: нижнихъ чиновъ убито трое, ранено четыре. Противникъ потерялъ значительно болѣе и, кромѣ того, 18 плѣнныхъ.

Наступленіе къ Рущуку. 10-го іюля было произведено наступленіе къ Рущуку кавалерійскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. 12-й гусарскій Ахтырскій полкъ, два эскадрона 8-го уланскаго Вознесенскаго полка, одна сотня Донскаго казачьяго № 8-го полка и Донская казачья № 9-го баттарея направились на д. Писанцы (на берегу Акъ-Лома), которую и заняли безъ выстрѣла. Оттуда Ахтырскій полкъ съ казачьею сотней и четырьмя орудіями были направлены къ желѣзно-дорожной станціи Ветово, а дивизіонъ уланъ съ двумя орудіями, подъ личнымъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова, занялъ центральную позицію къ сѣверу отъ Писанцы.

Отряду направленному въ Ветово удалось динамитомъ разрушить желѣзную дорогу, перервать одновременно телеграфъ на желѣзной дорогѣ и на шоссе изъ Рущука въ Шумлу. У Ветово, было всего десятка два черкесовъ. Затѣмъ отрядъ двинулся далѣе въ слѣдующемъ порядкѣ: Ахтырскій полкъ съ Донскою баттареей, имѣя впереди сотню казаковъ, по шоссе на Рущукъ, держа постоянную связь съ Донскимъ № 12-го полкомъ, которому было приказано двинуться къ шоссе между Кадыкіоемъ и Писанца. Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ съ уланами направился на Семерджикіой, Ускиджеси и Червенаводу. Къ пяти часамъ вечера сотня казаковъ подошла къ почтовой станціи на Рущукскомъ шоссе, верстахъ въ пяти не доходя Рущука, и здѣсь наткнулась на турецкіе аванпосты. Разъѣздъ уланскаго дивизіона дошелъ до Червенаводы, откуда при его приближеніи выскочили по направленію къ Липнику до 30 всадниковъ турецкой кавалеріи. Другихъ войскъ въ этомъ направленіи не оказалось. Считая цѣль рекогносцировки достигнутою, отрядъ отступилъ на Писанца и выставилъ разъѣзды къ Ветову и Турлаку.

Того же числа, начальникъ авангарда 12-го корпуса, генералъ Дризенъ, выслалъ въ 4 часа пополудни два эскадрона для обозрѣнія мѣстности и расположенія непріятельской баттареи по направленію къ Рущуку. Отрядъ, пройдя за передовую линію и сдѣлавъ нѣсколько верстъ между лѣвымъ берегомъ Дуная и шоссе, встрѣтилъ партію черкесовъ, за которыми показались два баталіона пѣхоты и нѣсколько орудій. Отрядъ выдержалъ перестрѣлку и отошелъ безъ потерь за нашу позицію.

Стычка у Писанцы. 11-го іюля, въ 4 часа пополудни, разъѣзды донесли что по Рущукскому шоссе впереди д. Бузинъ, наступаютъ значительныя непріятельскія силы изо всѣхъ трехъ родовъ оружія. По полученіи этого извѣстія, генералъ-лейтенантъ князь Манвелъ, съ 1-мъ и 3-мъ эскадронами Ахтырскихъ гусаръ, 2-мъ и 3-мъ эскадронами Вознесенскихъ уланъ, 6-ю сотней Донскаго казачьяго № 8-го полка и двумя орудіями Донской казачьей № 9-го баттареи направился, со стороны Соленика, черезъ Писанцу, на встрѣчу противнику. Баталіону Зарайскаго полка съ четырьмя орудіями 15-й конной баттареи послано было приказаніе спѣшить туда же.

Казачья цѣпь открыла противника въ двухъ верстахъ отъ Писанцы. Цѣпь была поддержана однимъ эскадрономъ и одною сотней по западную сторону шоссе и четырьмя эскадронами—по восточную. Лѣво-фланговый эскадронъ и сотня опрокинули непріятельскую кавалерію, заставивъ ее укрыться за свою пѣхоту, и стройно отступили затѣмъ подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, на который отвѣчали и наши два конныя орудія. Вскорѣ послѣ того непріятель пріостановилъ наступленіе и пальба прекратилась, но вслѣдъ затѣмъ получилось извѣстіе объ обходномъ движеніи предпринятомъ противъ обоихъ фланговъ нашего отряда и о наступленіи значительныхъ силъ изъ трехъ родовъ оружія по шоссе изъ Разграда на Турлакъ, который черезъ нѣсколько времени и былъ занятъ противникомъ. Гористая и покрытая высокимъ кустар-

никомъ мѣстность весьма способствовала движенію непріятельской пѣхоты, которая, пользуясь глубокимъ оврагомъ, поросшимъ кустами, лежащимъ къ западу отъ Писанцы, легко могла занять узкое дефиле по которому пролегалъ единственный путь отступленія нашей кавалеріи, а между тѣмъ баталіонъ Зарайскаго полка, спѣшившій къ Писанцѣ, находился еще въ шести—семи верстахъ отъ нея. Вслѣдствіе всего этого, генералъ-лейтенантъ князь Манвеловъ рѣшился сняться со своей позиціи и отойти къ Соленику. Подоспѣвшія четыре орудія 15-й конной баттареи прикрывали отступленіе своимъ огнемъ, а орудія Донской баттареи и 3-й эскадронъ Ахтырцевъ оставались на позиціи послѣдними. Наша потеря: контуженъ поручикъ Вельяшовъ и ранено четверо нижнихъ чиновъ.

Прибытіе Государя Императора изъ Бѣлы въ Горный Студень.—Дѣло ротмистра Дзевульскаго.

Корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника* слѣдующимъ образомъ описываетъ прибытіе Государя Императора изъ Бѣла въ Горный Студень:

«2-го августа, войска со всѣхъ окрестныхъ биваковъ, съ пѣснями и музыкой, но безъ оружія, сходились на дорогу изъ Горнаго Студня въ покинутую жителями черкесскую деревню Мидхатъ-паша, которая, сказать кстати, построена вся болгарскими руками, и построена прекрасно, по повелѣнію бывшаго здѣсь губернаторомъ и нынѣ столь знаменитаго Мидхада, для нашихъ кавказскихъ выходцевъ. Войска просторно выстраивались по одной сторонѣ дороги, для встрѣчи Государя Императора. Здѣсь находились полки: Чугуевскій уланскій (близь дер. Мидхата), Курскій и Рыльскій пѣхотные полки съ ихъ артиллеріей, 9-й 10-й, 11-й и 12-й стрѣлковые баталіоны, жандармская команда, пѣшій конвой и лейбъ-казаки. По полю, въ разныхъ пунктахъ широко протянувшагося фронта войскъ, раздавались веселая музыка и пѣсни. Къ часу пополудни выѣхалъ со свитой Великій Князь Главнокомандующій и прослѣдовалъ на правый флангъ Курскаго полка, гдѣ и остановился въ ожиданіи Государя Императора.

«Въ три четверти втораго часа, вдали, на высотѣ деревни Мидхадъ-паша, показался головной разъѣздъ, а за нимъ вскорѣ и авангардъ Императорскаго поѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ обрисовался на равнинѣ и весь поѣздъ, въ которомъ однако не было замѣтно ни одного экипажа; видна была только многочисленная толпа всадниковъ, за которою слѣдовалъ со штандартомъ, въ колоннѣ справа по шести, эскадронъ Кубанцевъ Собственнаго Его Величества конвоя. Спустя около получаса, мимо войскъ прошелъ авангардный полуэскадронъ Кавказскимъ казаковъ, и изъ лощины показалась головная группа всадниковъ. Великій Князь Главнокомандующій съ дежурнымъ ординарцемъ поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, а вся свита выстроилась въ двѣ шеренги на правомъ флангѣ Курскаго пѣхотнаго полка. Государь Императоръ ѣхалъ верхомъ, и поздо-

ровавшись съ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ, приблизился къ фронту и поздоровался. Раздались звуки народнаго гимна, и безконечное *ура* огласило все широкое поле. Государь Императоръ весь сорокаверстный путь изъ Бѣлы въ Горный Студень совершилъ верхомъ съ часовою остановкой для завтрака на полдорогѣ, въ селеніи Павло. Проѣзжая по фронту, Его Величество изволилъ милостиво обращаться къ нѣсколькимъ лицамъ, а именно; къ генералъ-маіору Горшкову, который со свою бригадой (Курскій и Рыльскій полки), послѣ сраженія 18-го іюля цѣлую ночь провелъ подъ Плевной; къ подполковнику Каменоградскому; къ группѣ офицеровъ 12-го стрѣлковаго баталіона, а проѣзжая, нѣсколько ранѣе, мимо Чугуевскаго уланскаго полка, удостоилъ его командира и ротмистра Дзевульскаго распросами о дѣлѣ сего послѣдняго съ партіей черкесовъ.»

Дѣло ротмистра Дзевульскаго, обратившее на себя высокое вниманіе Государя Императора, по словамъ корреспондента *Правительственнаго Вѣстника*, заключалось въ слѣдующемъ: «На разсвѣтѣ, 25-го іюля, на 4-й эскадронъ Чугуевскаго полка, находившійся на сторожевой службѣ, напали черкесы въ числѣ двухъ сотенъ, прорвавшись черезъ цѣпь казачьяго полка въ тылъ съ праваго фланга. Во время этого нападенія, уланская цѣпь была на своихъ мѣстахъ, а въ главномъ караулѣ находилось два взвода, изъ которыхъ одинъ былъ на коняхъ, а другой повелъ лошадей къ водопою. Какъ только ротмистръ Дзевульскій, командующій 4-мъ эскадрономъ, замѣтилъ черкесовъ, выходившихъ изъ кукурузы и открывшихъ по уланамъ ружейный огонь—онъ въ тотъ же мигъ повелъ на нихъ готовый взводъ, успѣвъ только крикнуть другому: «садись и за мной!» Достигнувъ противника, уланы врѣзались въ его кучу и здѣсь завязался бой рукопашный. По словамъ солдатъ, они въ продолженіе десяти минутъ, «рубили черкесовъ какъ капусту», но тѣ держались стойко. Въ это время къ мѣсту рубки подоспѣлъ корнетъ Рѣшетиловъ съ «заставою», состоявшею изъ 15-ти человѣкъ и съ крикомъ *ура* бросился во флангъ противнику. Черкесы не устояли при этомъ и дали тылъ, оставивъ до 80-ти тѣлъ на мѣстѣ; остальные же были отогнаны въ сел. Гривицу. Дальнѣйшее преслѣдованіе было бы неблагоразумно, потому что въ этомъ селеніи показались двѣ группы турецкой пѣхоты, каждая человѣкъ въ 60 или 70, и заняли мѣста за плетнями и между строеніями. Командиру полка дано было знать о нападеніи черкесовъ около шести часовъ утра; въ десять минутъ полкъ былъ уже готовъ и рысью выступилъ на подмогу, но придя на мѣсто схватки, Чугуевцы увидѣли что 4-й эскадронъ и самъ управился со врагами. Съ нашей стороны убиты пулями два рядовые. Раненыхъ черкесовъ на полѣ не оказалось, такъ какъ во время схватки всѣ подвертывавшіеся подъ удары уланскихъ сабель падали мертвыми. «Тѣ 12 человѣкъ, которыхъ я велѣлъ похоронить—доноситъ командиръ полка—имѣли раны невѣроятныя: черепа или раздвоены или снесены, головы держались только на кожѣ.» Такъ какъ 4-й эскадронъ въ это время уже смѣнялся на аванпостахъ Маріупольскими гусарами, то имъ были переданы для преданія землѣ остальные трупы, оставшіеся въ кукурузѣ.»

Домъ, въ которомъ помѣстился Его Величество, одноэтажный съ балкономъ вокругъ—контрастъ съ зимнимъ дворцомъ поразительный!

«Вечеромъ, Его Высочество Главнокомандующій давалъ обѣдъ Государю и, насколько мнѣ извѣстно, послѣобѣденное время посвящено было обсужденію военныхъ дѣлъ.

«Вокругъ Императорской палатки играли, поочередно, три хора музыки.»

«Главнымъ интересомъ дня былъ пріѣздъ Государя Императора въ этотъ жалкій уголокъ земнаго шара—въ Горный Студень. Всѣ озабочены вопросомъ: что означаетъ этотъ пріѣздъ? Какъ всѣмъ извѣстно, Бѣла была мѣстопребываніемъ Его Величества съ того момента, когда Государь Императоръ покинулъ высоты Зимницы и переправился черезъ Дунай. Вообще полагали, что въ Бѣлѣ останется Императорская квартира до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь рѣшительное усиліе со стороны нашей арміи не откроетъ снова дороги за Балканы.

«Причину пріѣзда сюда Государя Императора объясняютъ постоянною озабоченностью Великаго Князя Главнокомандующаго о безопасности особы Его Величества, такъ какъ Бѣла находится въ разстояніи всего только 17-ти верстъ по прямой линіи отъ непріятельскихъ аванпостовъ. Правда, что на пространствѣ между Бѣлою и турецкими передовыми отрядами, стоитъ весь двадцатый корпусъ, тѣмъ неменѣе, разстояніе это признано было слишкомъ близкимъ; съ другой стороны, Государь Императоръ желаетъ воодушевить своимъ присутствіемъ войска и внушить имъ бодрость.

«На основаніи этихъ соображеній, Его Величество изволилъ прибыть сюда. Въѣздъ Государя въ Горный Студень былъ весьма блестящій: Его Величество медленно слѣдовалъ по обширной волнистой долинѣ, въ которой лежитъ деревня Горный Студень, имѣя впереди себя сотню гвардейскихъ казаковъ съ музыкою, и окруженный блестящею свитою, состоящею изъ великихъ князей и принцевъ на великолѣпныхъ лошадяхъ, генераловъ и полковниковъ. Верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, Его Величество встрѣченъ былъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, съ которымъ Государь сердечно поздоровался и потомъ прослѣдовалъ дальше, рядомъ, среди массы войскъ, собравшихся по всему пути до самаго дома, гдѣ назначено было помѣщеніе для Его Величества, и оглашавшихъ воздухъ неумолкаемыми «ура.»

«Опишу вамъ большую палатку, называемую «столовою», въ которой обѣдаетъ и Государь Императоръ. Въ этой импровизованной «столовой», которая, конечно, и здѣсь будетъ такова же, какъ и въ Бѣлѣ, стоятъ три стола и можетъ помѣститься до 60-ти кувертовъ. Утромъ, между восемью и девятью часами, здѣсь подавали чай и кофе, со сливками, сдобными булками и сухарями. Къ полудню, въ палатку собиралась вся свита Государя Императора, около 50-ти человѣкъ, а ровно къ 12 часовъ, входилъ Государь Императоръ, привѣтливо, какъ всегда, раскланивался со всѣми и садился за столъ. За завтракомъ подавали, въ видѣ закуски, водку трехъ сортовъ, икру, швейцарскій сыръ, паштеты, сардинки, сельди и т. п. Послѣ закуски подавали супъ или бульйонъ и жаркое. Завтракъ окон-

чивалось чернымъ кофе или чаемъ. Изъ вина, за завтракомъ ставили на столъ красное вино и мадеру. Обыкновенно завтракъ продолжался около часу.

«Въ шесть часовъ вечера—обѣдъ. Государь Императоръ обѣдалъ также со всѣми. За обѣдомъ подавали обыкновенно четыре блюда: супъ, соусъ изъ баранины, телятины или говядины, иногда колдуны, жаркое изъ цыплятъ съ салатомъ изъ огурцовъ, и пирожное, по большой части компотъ изъ ананасовъ, абрикосовъ, сливъ и другихъ фруктовъ. За обѣдомъ, кромѣ краснаго вина и мадеры, подавали по бокалу шампанскаго. Обѣдъ длится тоже около часа.

«Вечеромъ, въ девять часовъ, опять чай. Послѣ вечерняго чая, Государь Императоръ оставался въ палаткѣ до 10-ти, а иногда до 10 съ пол. и рѣдко до 11-ти часовъ.»

Кругомъ дома разставлены бѣлыя палатки для свиты, а далѣе, по пригорку, размѣстились лейбъ-казаки, конвоирующіе Государя; ихъ красные костюмы красиво пестрятъ картину Императорской ставки. Главнокомандующій пріѣхалъ сюда двумя днями раньше и помѣстился также въ невзрачномъ болгарскомъ домѣ, въ центрѣ деревни. Кругомъ всей деревни лагеремъ размѣстились наши войска; впрочемъ часть ихъ, именно Курскій и Рыльскій полки, на завтрашній день готовятся къ выступленію по дорогѣ на Ивановацъ по всей вѣроятности будутъ отправлены на Балканы.

«Жизнь здѣсь дорога. Все съѣстное приходилось покупать въ деревняхъ за пять, десять верстъ и притомъ съ большимъ трудомъ. Цѣны быстро поднимались. Хлѣбъ, напримѣръ, тогда оцѣнивался цѣлыми франками, баранъ стоилъ не менѣе трехъ серебряныхъ рублей въ то время, хотя нѣсколько дней тому назадъ, самая красная цѣна была 1 р., а сѣно въ военное время невозможно купить ни за какія деньги. Нечего и говорить о тѣхъ продуктахъ, которые составляли необходимость для лицъ высшаго сословія, какъ напр. сахаръ, чай и горячіе напитки. Ихъ можно найти только у маркитантовъ за дорогую цѣну. Въ своей небольшой комнаткѣ Государь проводитъ большую часть дня за занятіями. Его Величество вставалъ рано—въ 7 ч. утра. Къ 9 ч. Государь выходилъ въ палатку, поставленную на дворѣ, которая служила въ одно и тоже время и столовой и чайной. Здѣсь вмѣстѣ съ придворными въ общей компаніи, въ которой участвовали также и офицеры конвоя Его Величества и почетнаго караула, Государь садился за чай. Начиналась обыкновенно общая бесѣда, которая ни для кого изъ присутствующихъ не стѣснительна. Государь часто съ сердечной заботливостью разспрашивалъ о здоровьѣ тѣхъ, которые наканунѣ высказывали признаки болѣзни. Всегдашняя простота и ласковость обращенія Государя не только со своими приближенными, но и съ обыкновенными смертными, приводитъ всѣхъ въ восторгъ. Такъ, во время стоянки главной квартиры въ Бѣлѣ, гдѣ между прочимъ, Государь, говорятъ, помѣщался въ обыкновенной палаткѣ, не допуская для себя никакого, даже самаго незатѣйливаго комфорта, обращеніе Его Величества съ мѣстными жителями оставило по себѣ много памяти. Тамъ часто Государь, во время праздниковъ, выходилъ въ деревню и съ любопытствомъ присутствовалъ на крестьянскихъ играхъ и хороводахъ. Мѣстныя болгарскія дѣвуш-

ки скоро настолько освоились съ присутствіемъ высокаго лица, что тотчасъ выносили изъ избы большой стулъ и, накрывъ его ковромъ, ставили по срединѣ хоровода. Государь съ удовольствіемъ садился на приготовленный для него стулъ, долго любовался на веселящуюся болгарскую молодежь, и награждалъ нѣкоторыхъ дѣвушекъ золотыми. Такое обращеніе Государя приводило въ умиленіе всѣхъ болгаръ, и они со слезами провожали Его Величество, когда главная квартира должна была передвинуться изъ Бѣлы въ Горный Студень. Тѣ же болгары нѣсколько разъ были свидѣтелями крайняго мягкосердечія Государя. Каждый разъ, во время стоянки въ Бѣлѣ, когда къ Государю приводили съ разныхъ сторонъ плѣнныхъ турокъ по одиночкѣ, онъ приказывалъ напоить и накормить ихъ и затѣмъ отпустить совершенно на свободу. Въ другой разъ, когда разнесся въ Бѣлѣ слухъ что въ окрестностяхъ бродятъ шайки баши-бузуковъ, Государь послалъ для отысканія ихъ полу-эскадронъ изъ своего конвоя и взводъ гвардейской пѣхоты, строго-на-строго приказавъ, если они встрѣтятъ мирныхъ турокъ, то ни въ какомъ случаѣ не трогать. Отрядъ прошелъ по окрестнымъ лѣсамъ и дѣйствительно наткнулся на семью мирныхъ турокъ, бѣжавшую изъ своей деревни отъ русскихъ и почти умиравшую отъ голода. Турки подняли было крикъ отчаянія при видѣ нашихъ, но ихъ скоро успокоили и посадили всѣхъ въ повозку. Когда привезли ихъ въ Бѣлу, Государь обласкалъ ихъ и велѣлъ водворить въ ихъ деревнѣ. Этотъ примѣръ имѣлъ свои послѣдствія. Услыхавъ объ этомъ, разбредшіеся по лѣсамъ турки начали сами приходить въ главную квартиру, и всѣ были тотчасъ же водворяемы въ мѣстахъ своего жительства.

Райская мѣстность.

Казанлыкъ оставленъ.—Храбрость болгарскихъ легіоновъ.—Храбрый подвигъ полковника Калинина и его смерть на знамени дружины.

«Казанлыкъ нами оставленъ, какъ и все лежащее къ югу отъ Балканъ. Съ той поры въ райской, по своимъ естественнымъ условіямъ, странѣ, полилась кровь болгарскаго населенія. Турки, какъ говорятъ, слѣдовали за ними по пятамъ. Вслѣдствіе печальной необходимости, русскіе выходили изъ городовъ, а съ другаго конца входили турки, и послѣдніе наши солдаты, оборачиваясь, видѣли первое зарево пожара; немного спустя, до нашихъ отрядовъ доносился страшный крикъ и плачъ ужаса, стоны. Это турки сводили счеты съ беззащитнымъ болгарскимъ населеніемъ. Тяжело было положеніе войска въ эту минуту! Въ Шипкѣ и Ханкіоѣ оставлены на перевалахъ въ неприступныхъ позиціяхъ гарнизоны, все остальное отодвинулось назадъ и генералъ Гурко теперь въ главной квартирѣ—въ Горномъ-Студнѣ. Отрядъ генерала Гурко вернулся, недосчитавшися многихъ изъ своихъ товарищей. Отдѣлъ, которымъ завѣдывалъ принцъ Лейхтенбергскій, нѣкоторое время питался только одними сухарями. Даже командующіе имъ довольствовались этою пищей. Такимъ образомъ, дѣло, блистательно начатое, окончилось неудачно, несмотря на испытанный героизмъ нашихъ войскъ и на

даровитость заправлявшаго этою небольшой арміей генерала. Пресловутый планъ Абдулъ-Керима-паши, надъ которымъ только смѣялись, былъ далеко, какъ оказывалось, не глупъ. Какъ русскіе въ 12-мъ году, турки хотѣли заманить насъ внутрь страны, оставивъ ее открытой передъ нами, разсчитывали, что въ упоеніи легкаго успѣха мы не озаботимся охранить свой тылъ, и растянувъ войска, не обезпечимъ фланговъ. Плевненское дѣло, несмотря на большія потери, принесло намъ великую пользу. Турки слишкомъ поторопились, они рано открыли карты и обнаружили свои ходы. Теперь мы будемъ осторожнѣе. Урокъ не пропалъ даромъ!... Духъ арміи по прежнему былъ превосходенъ, и хотя было нѣсколько отдѣльныхъ сумбурныхъ слуховъ, гдѣ-то схваченныхъ солдатами, но они не имѣли въ себѣ ничего серьезнаго; дисциплина нигдѣ не нарушена и армія жаждала покрыть новою славою свои знамена и вычеркнуть самое имя Плевны изъ географическаго словаря. Впередъ можно сказать, что битва подъ Плевною будетъ ожесточенная, какъ ни одна до сихъ поръ въ предѣлахъ Болгаріи. На душѣ накипѣло многое, а звѣрства турокъ сильно распаляли чуткую къ страданіямъ товарища душу солдата.

«Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, описывая болгарскіе легіоны, русскіе корреспонденты возлагали на нихъ столько надеждъ и пророчили, что изъ добровольцевъ болгарскихъ образуются превосходные солдаты, и наша печать и отдѣльныя лица упрекали авторовъ въ преувеличенныхъ восторгахъ. Теперь вопросъ рѣшенъ. Четыре дружины болгаръ, подъ начальствомъ генерала Гурко, дрались львами. Стремительно они кидались въ аттаку, отступали стойко лицомъ къ непріятелю и держа ружье на руку. Всѣ разсказы о нихъ преисполнены восторга и удивленія. Окруженные 20,000 турокъ, 3,000 болгаръ — не отступили, а отстояли свой постъ. Наступленіе отличалось ихъ мужествомъ неукротимымъ. Разумѣется, главная честь дѣла болгарскихъ легіоновъ принадлежитъ русскимъ офицерамъ. Во главѣ дружинъ стояли отборные туркестанскіе боевые офицеры и большинство изъ нихъ легло въ челѣ своихъ дружинъ. Идеаломъ ихъ былъ полковникъ Калининъ. Подъ Эски-Загрой, когда гибли лучшіе люди болгарскаго ополченія —интелигенція и бывшіе въ Сербіи добровольцами болгарскіе юнаки, извѣстное самарское знамя три раза переходило въ руки превосходныхъ своимъ числомъ турокъ. Его удалось отстоять; каждый разъ болгары, какъ разъяренные львы, кидались выручить свой стягъ, въ третій разъ Калининъ самъ вырвалъ его изъ турецкихъ рукъ и, уже раненый, только-что былъ пораженъ смертельно. Какъ истинный герой, полковникъ умеръ на спасенномъ имъ знамени! Отъ четырехъ дружинъ болгарскихъ осталось не много — но примѣръ павшихъ братьевъ вдохновлялъ ихъ соотечественниковъ. Въ Систовѣ сформирована шестая дружина втораго ополченія и каждый день къ начальнику ея, капитану Путятѣ, являлись отъ 70—80 молодыхъ болгарскихъ юнаковъ. Они сначала съ знаменемъ и пѣснями проходили по городу и потомъ уже приписывались къ ополченію. Недостатокъ не въ солдатахъ болгарахъ, а въ офицерахъ. У Путяты въ дружинѣ, состоявшей изъ четырехъ ротъ, должно быть *minimum* 18 офицеровъ, а у насъ ихъ только 5. Болгары отличались замѣчательно мѣткою и превосход-

ною стрѣльбой. 6-я дружина должна была состоять изъ 800 человѣкъ; прошло нѣсколько дней и половина уже собралась. Прежде случались частые побѣги. Нѣкоторые болгары не выдерживали солдатской службы. Скоро за побѣги введено тѣлесное наказаніе по суду. Содержаніе болгарскаго ополченія возложено на болгарскій народъ. Потомъ начали организовать кавалерійскія сотни болгарскаго ополченія. Народъ къ ополченцамъ относится въ высшей степени симпатично. Ихъ кормили, поили; помѣстить у себя офицера этихъ дружинъ считается за величайшую честь, и единственная мечта болгарскихъ дѣвушекъ здѣсь — выйдти замужъ за русскаго и уѣхать въ Россію.»

Вотъ какъ своимъ заманчивымъ перомъ описываетъ частныя подробности корреспондентъ русскихъ вѣдомостей, г. Ѳедоровъ: *17-го іюля.* Въ 4 часа утра мы выступили изъ Казанлыка по дорогѣ къ Іени-Загрѣ; переходъ предстоялъ длинный, верстъ въ 45, но уже намъ не привыкать было къ длиннымъ переходамъ, тѣмъ болѣе, что дорога шла большею частью по равнинѣ, и предстояло пройти только одно ущелье невысокаго подъема. Однако, не всѣмъ было легко—еще тѣ, которые ѣхали верхами, могли спокойно смотрѣть на предстоявшую длинную дорогу, стрѣлки же находились въ другихъ условіяхъ. 13-й напримѣръ баталіонъ наканунѣ былъ отправленъ на Шипкинскій перевалъ, что составляетъ семнадцать верстъ, изъ которыхъ 5-ть крутаго подъема на высоту въ 3 слишкомъ тысячи футовъ. Только-что онъ достигъ Шипкинскихъ укрѣпленій и сталъ приготовляться къ занятію аванпостовъ, какъ прискакавшій казакъ привезъ командиру его предписаніе немедленно спуститься внизъ и присоединиться къ выступившему изъ Казанлыка отряду. Дѣлать нечего, баталіонъ двинулся обратно и такимъ образомъ ему, почти безъ отдыха, пришлось сдѣлать 75 верстъ. Другой баталіонъ стрѣлковъ, 14-й, наканунѣ былъ въ караулѣ и на аванпостахъ; и ему не легокъ пришелся этотъ путь, тѣмъ болѣе, что сухари поддерживаютъ плохо солдатскія силы, а тутъ еще у стрѣлковъ попались сухари гнилые, съ зеленью, такъ что солдаты просто бросали ихъ, не желая носить на себѣ безполезной тяжести. Но слѣдуетъ замѣтить, что эти сухари были давно доставлены изъ Кишинева; выданные-же въ Тырновѣ были очень хороши.

Дорога, по которой мы шли, была чрезвычайно живописна; роскошная зелень положительно затопляла попадавшіяся деревни, а мѣстами намъ приходилось проходить великолѣпными рощами дуба и орѣха. Орѣховыя деревья достигаютъ здѣсь огромныхъ размѣровъ и въ ихъ тѣни можно разбивать бивуакъ человѣкъ на двадцать. Ихъ роскошною листвой мы не разъ пользовались и для устройства нашихъ перевязочныхъ пунктовъ, которые отлично ютились въ ихъ тѣни. Но все это покрыто было мрачной пеленой и меня просто тошнило отъ отвратительнаго запаха еще едва остывшаго пожарища. Всѣ села были сожжены, одни болгарами, другія черкесами, а одно казаками; послѣднее въ наказаніе за то, что жители стрѣляли изъ оконъ въ нашихъ казаковъ и убили одного изъ нихъ. Видъ этихъ полуразвалившихся стѣнъ, закопченныхъ дымомъ, этихъ грудъ мусора и черепицы, обгорѣлыхъ столбовъ, разбросаннаго тряпья и всякаго обгорѣлаго хлама, производитъ такое тяжелое впечатлѣніе, что никакая

роскошная растительность не можетъ смягчить его. Полные фруктовыхъ деревьевъ сады, съ гнущимися отъ плодовъ вѣтками, огороды съ табакомъ и виноградныя поля и розовыя плантаціи еще больше оттѣняютъ картину всеобщаго разрушенія. Жители повсюду или бѣжали въ горы, или выбрались за деревни и располагаются тамъ бивуаками, ежеминутно готовые уйти подальше отъ ужасовъ этой войны, пока еще нимало не принесшей имъ пользы и дарящей ихъ только новыми бѣдствіями. Кое-гдѣ, между дымящимися еще развалинами, печально бродятъ осиротѣвшіе хозяева, собирая возможный къ употребленію хламъ. Дома здѣсь строятъ или изъ камня, или изъ соломеннаго кирпича (солома съ глиной) и кроютъ ихъ черепицей. Уцѣлѣвшія деревни съ ихъ красноватыми крышами и чисто выбѣленными стѣнами очень красиво выглядываютъ изъ густой зелени орѣховыхъ деревьевъ, дуба и чинара; за то видъ сгорѣвшихъ селъ щемитъ сердце; а отъ запаха горѣлаго кирпича просто болитъ голова. Фруктовъ страшное изобиліе, особенно въ турецкихъ деревняхъ, гдѣ вишни, сливы, яблони и груши усыпаны плодами. Но все это пока зелено, за исключеніемъ вишень и желтыхъ сливъ. Солдаты, впрочемъ, не церемонятся и преспокойно уплетаютъ самую зелень, и, странное дѣло! прежнія кампаніи на Балканскомъ полуостровѣ отличались обыкновенно эпидеміями, которыя приписывали главнымъ образомъ употребленію незрѣлыхъ плодовъ; теперь же, когда плоды эти употребляются, вѣроятно, въ такомъ же количествѣ, они не повышаютъ цифры больныхъ сверхъ обыкновенной нормы. Причину найти трудно, имѣя для наблюденія только небольшой періодъ времени, при самой благопріятной при томъ погодѣ; но мнѣ кажется, ошибка будетъ не велика, если мы будемъ искать эту причину въ несравненно лучшей пищѣ солдатъ въ нынѣшнюю войну сравнительно съ прежними, когда истощенный желудокъ солдата не могъ справиться съ разной зеленью, соблазнявшей его на походѣ. А не соблазниться нельзя; даже мы, умѣющіе удерживать себя отъ вредныхъ соблазновъ, и мы не удерживались и ѣли зеленыя яблоки и груши, ограничиваясь одною предосторожностью, мы только раскусывали ихъ въ разныхъ направленіяхъ и высасывали сокъ, выбрасывая твердое еще мясо. Ахъ! какъ это освѣжаетъ въ жаркій день.

На воду жаловаться нечего; вездѣ есть великолѣпные фонтаны съ чистой горной водой; безъ нихъ страна потеряла бы большую часть своей прелести, а съ ними даже безплодные горные перевалы получаютъ жизнь и даютъ ее проходящему путнику.

Наконецъ, мы остановились для привала. Я прикомандировался къ конно-піонерамъ, англичане-корреспонденты, которыхъ было на этотъ разъ трое, выбрали особое дерево и расположились у рѣчки. Ожидая найти во встрѣчныхъ деревняхъ все необходимое, мы по русски положились на «авось» и съ горестью должны были выслушать отвѣтъ посланныхъ соглядатаевъ что въ землѣ филистимлянъ не только рѣки не текутъ медомъ и млекомъ, но даже нѣтъ простаго хлѣба, не говоря уже объ яйцахъ и молокѣ. Нечего дѣлать, пришлось посылать въ пройденную уже деревню, гдѣ мы замѣтили много курицъ, бродившихъ меж-

ду сгорѣвшими развалинами. Я далъ казаку 5 франковъ и приказалъ накупить всякой живности и особенно куръ; а въ ожиданіи мы улеглись въ тѣни роскошнаго орѣха и принялись за спасительный чай, къ которому русскій человѣкъ прибѣгаетъ и въ сильнѣйшій морозъ, и въ сильнѣйшій жаръ, получая всегда и отраду, и подкрѣпленіе. Скоро посланные вернулись и мы еще издали увидѣли нѣкоторое припрощеніе въ фигурахъ ихъ лошадей; дѣйствительно, на сѣдлахъ висѣли накупленныя куры, а въ кошелкѣ бѣлѣлись свѣжія яйца.

— Молодецъ Мишинъ! похвалилъ я расторопнаго кубанца, принимая отъ него сдачу. Но каково же было мое удивленіе, когда у меня въ рукѣ очутились мои пять франковъ.

— Сколько же ты заплатилъ?

— Да ничего, ваше благородіе, такъ, *за пять пальцевъ* купилъ.

— Какъ такъ, за пять пальцевъ?

— Да такъ, сколько пятью пальцами захватилъ, ну и ладно!

— Зачѣмъ же ты денегъ не отдалъ?

— Да не берутъ; я давалъ, ваше благородіе, а турки не берутъ; еще сами помогли поймать, а денегъ не берутъ.

Признаюсь, я повѣрилъ вполнѣ уплатѣ *пятью пальцами,* но никакъ не могъ заставить себя повѣрить также предложенію денегъ и отказу турокъ.

Куры были ощипаны, сварены и мигомъ пошли въ счетъ контрибуціи, которая должна пасть на турецкое населеніе за издержки войны.

Часамъ къ пяти мы снялись и снова потянулись по извилистой дорогѣ между рядами кукурузныхъ полей, виноградника и каменныхъ изгородей, увѣнчанныхъ терновникомъ. Уже стало темнѣть, а нашему походу конца еще не предвидѣлось; стрѣлки стали приставать и ежеминутно задерживали артиллерію. Солдаты рядами ложились по бокамъ дороги, измученные долгимъ переходомъ и жаркимъ днемъ.

— А что, братцы, скажите мнѣ пожалуйста, мои это у меня ноги, аль чужіе, съострилъ какой той балагуръ; но солдаты даже не смѣялись.

— Нашъ батальонъ только-что смѣнился съ караулу, а тутъ еще котлы выворотили, вотъ тутъ и ходи,—негромко заговорилъ совсѣмъ обезсилѣвшій стрѣлокъ, и ему стали вторить другіе голоса.

— Да еще кабы на этакій переходъ пищу хорошую, ну такъ ничего, а то теперь глодай гнилой сухарь.

— Я почитай всѣ выбросилъ, чего ихъ даромъ таскать, совсѣмъ гнилые.

— Когда это привалъ будетъ?

— А намъ видно тогда, стрѣлкамъ, будетъ, когда турокъ пулей уложитъ, тогда ужь отдохнешь.

Мнѣ стало досадно. Гдѣ же это привалъ, и когда дадутъ отдохнуть этимъ людямъ, которые вывезли на своихъ плечахъ всю тяжесть завладѣнія проходами? Да и куда мы теперь идемъ, зачѣмъ отрываемся отъ проходовъ, которые нужны нашей арміи; что намъ въ этой Іени-Загрѣ, когда наша главная обязанность защищать проходы до прихода арміи?

Въ это время подскакалъ ординарецъ отряднаго начальника.

— Ну, ребята! подымайся, скоро привалъ; уже немного осталось, крикнулъ онъ солдатамъ и скрылся въ темнотѣ.

Я ѣхалъ впереди казачей баттареи, рядомъ съ баттарейнымъ командиромъ; стрѣлки поднялись и, какъ тѣни, потянулись впередъ. Становилось все темнѣе и темнѣе, тишина была полная, только изрѣдка раздавался стукъ оборвавшагося орудійнаго колеса да неумолкаемой трелью звенѣли въ травѣ кузнецы. Стрѣлки, обнадеженные близкимъ ночлегомъ, шли молча, едва передвигая ноги.

Слышите, какъ тихо, обратился ко мнѣ баттарейный командиръ; теперь всѣ они углубились въ себя и заняты воспоминаніями.

Я не отвѣчалъ; мои мысли тоже были далеко, и я почти не замѣчалъ мѣрной поступи уставшей лошади.

Вдругъ невдалекѣ изъ за зелени показался огонь и скоро мы ясно увидѣли горѣвшую у самой дороги хату. Огонь тихо перебѣгалъ по глинистымъ стѣнамъ и маленькіе языки его едва мигали въ темномъ воздухѣ. Это былъ какой-то меланхолическій пожаръ.

— Эй! узнай тамъ впереди, можно-ли проѣхать заряднымъ ящикамъ? крикнулъ баттарейный командиръ уносному фейерверкеру.

— Можно, вашескоблародіе! только немного правѣе держаться надо.

Орудія снова двинулись впередъ и благополучно миновали пожарище.

На концѣ деревни встрѣтила насъ толпа болгаръ и объясняла что-то на счетъ пожара, но я понялъ только слово черкесы и два сада т. е. два часа. Подошелъ священникъ и сталъ говорить, что черкесы грабятъ и жгутъ въ сосѣднихъ селахъ; но намъ было не до нихъ. Ночлегъ сдѣлался вопросомъ первой важности, а между тѣмъ мы шли, шли, а дорогѣ и конца не было видно. Солдаты опять стали ложиться рядами, а въ одномъ мѣстѣ моя лошадь чуть не наступила на пластуна, который спалъ, какъ убитый. Наконецъ, уже въ 1-мъ часу ночи, мы стали подходить къ бивуаку, а черезъ четверть часа я уже спалъ какъ убитый.

Когда я проснулся, то пѣхота уже выступила къ Іени-Загрѣ; оставался одинъ обозъ и штабъ. Обозъ оставили на мѣстѣ ночлега и ему въ прикрытіе назначили стрѣлковъ 13-го баталіона, которому, какъ и горной баттареѣ, необходимо было дать отдохнуть послѣ ихъ путешествія на Шипкинскій перевалъ, а мы двинулись въ ущелье.

Часамъ къ 9-ти мы были уже на южной покатости Малыхъ Балканъ, и передъ нами открылась огромная равнина. Почти у самаго подножья расположилась небольшая турецкая деревня, съ мечетью, а дальше, верстахъ въ четырехъ, темнымъ пятномъ лежала Іени-Загра, за которой ясно можно было различить станцію желѣзной дороги и рядъ вагоновъ. Влѣво отъ города, около лѣса, блестѣли уже орудія нашей лѣвой колонны, прибывшей еще съ вечера и ожидавшей нашего появленія. Скоро съ ея стороны показался дымокъ, и завязалось артиллерійское дѣло. Турки, расположенные въ городѣ, отстрѣливались, повидимому, изъ четырехъ или пяти орудій и канонада шла оживленная; наши ору-

дія подвигались все впередъ и заходили къ городу съ боку. Гранаты непріятеля падали все дальше и дальше, и ясно было, что орудія его могутъ дѣйствовать на очень дальныя дистанціи. Каждая граната вызывала замѣчанія.

— Вонъ гдѣ хватила! какъ разъ за цѣпью.

— Эхъ, какъ махнула! Все дальше и дальше бьетъ!

— А! наши отвѣчаютъ! смотрите, гдѣ разорвалась?

— Среди города, вонъ пожаръ начинается.

— Смотрите, станція загорѣлась! вотъ ловко хватила!

Наши гранаты ложились все больше въ городъ и скоро во многихъ мѣстахъ загорѣлись дома и городъ заслало клубами дыму.

Между тѣмъ, вправо отъ насъ параллельно Малымъ Балканамъ, подвигалась наша колонна; но кавалерія наша, встрѣченная гранатами турокъ, вышедшихъ изъ Іени-Загры по направленію къ Карабунару, должна была отступить. Черкесы, увлеченные этимъ отступленіемъ, зарвались далеко впередъ; тогда драгуны повернули снова назадъ и ударили на черкесовъ въ шашки. Схватка была горячая и черкесы бросились назадъ; тогда драгуны, въ свою очередь, увлеклись преслѣдованіемъ и снова попали подъ гранатный огонь.

Вотъ эта-то стычка и видна была намъ съ нашего наблюдательнаго пункта. Дымки турецкихъ орудій виднѣлись верстахъ въ восьми вправо, но скоро тамъ все затихло и мы потеряли надежду на прибытіе нашей правой колонны.

Тогда генералъ Гурко приказалъ двинуться нашимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, 14-му и 16-му, и казачьей баттареѣ. Дѣло тянулось; стрѣлки еще только-что двинулись, и наверху становилось и жарко, и скучно; я и еще трое англичанъ, корреспондентовъ, спустились внизъ и направились въ оставленную турецкую деревню, гдѣ разсчитывали пообѣдать. При насъ былъ одинъ болгаринъ, мастеръ на всѣ руки, говорившій на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ и бывшій при всемъ томъ отличнымъ поваромъ. Деревня была пуста, и намъ пришлось расположиться въ первомъ же свободномъ домѣ. Шарившіе вездѣ болгары явились къ намъ на помощь и мигомъ достали намъ всякаго рода птицъ, разложили огонь и нарвали сливъ. Домъ былъ совсѣмъ пустой; на дворикѣ, у фонтана, лежала голодная собака, а на террасѣ жалобно мяукали худенькіе, прехуденькіе котята. Прежде всего мы накормили котятъ и собаку, а затѣмъ приступили къ составленію обѣда. Я отправился на огородъ за зеленью и огурцами и скоро набузовалъ ихъ цѣлую охапку. Возвращаясь съ моей добычей домой, я подошелъ уже къ террасѣ, какъ вдругъ изъ окна раздался выстрѣлъ.

Не понимая, что это значить я крикнулъ—«кто тамъ?!»

Отвѣта нѣтъ; вытаскиваю револьверъ, заглядываю въ окно и что же вижу? Сидятъ мои три англичанина и смотрятъ другъ на друга. Наконецъ Карикъ начинаетъ смѣяться.

— Что такое случилось?

— Ничего. Розъ повернулся во снѣ, зацѣпилъ куркомъ револьверъ и тотъ выстрѣлилъ.

Розъ между тѣмъ спокойно началъ укладываться, чтобы заснуть снова, когда я замѣтилъ, что его жилетъ былъ совсѣмъ закопченъ порохомъ.

— Да вы осмотрите себя лучше, можетъ со сна вы и не замѣтили,—нѣтъ-ли раны, сказалъ я, разстегивая спокойно сидѣвшаго англичанина; онъ позволилъ разстегнуть себя, но помогалъ мало. Жилетъ оказался прострѣленнымъ въ четырехъ мѣстахъ, очевидно, по складкамъ, но раны никакой не было.

— Да гдѣ же пули?

Но пули не нашли, хотя стѣны и потолокъ были набѣло выбѣлены. Розъ продолжалъ сидѣть спокойно; но вдругъ онъ схватился за карманъ и съ торжествомъ вытащилъ бумажникъ. Очевидно онъ тоже размышлялъ о направленіи пули и наконецъ разрѣшилъ задачу. Пуля дѣйствительно попала въ бумажникъ и застряла между фотографическими карточками его дочерей. На счастливаго отца, спасеннаго портретами своихъ дѣтей, нашло нѣкоторое умиленіе, а мы безъ церемоніи смѣялись надъ его скупостью, которая заставляетъ его собирать и прятать въ бумажникъ даже выстрѣленныя пули. Наконецъ и онъ улыбнулся. А дѣло шло и шло. Новые полки, Сѣвскій и Елецкій, бывшіе въ первый разъ въ дѣлѣ, еще не знали, какъ слѣдуетъ драться съ турками и затягивали дѣло излишней перестрѣлкой. Турки вовсе не боятся ружейнаго огня. Находясь почти всегда въ оборонительномъ положеніи, они, лежа за прикрытіями, стрѣляютъ не цѣлясь и пряча даже голову, заботясь главнымъ образомъ о томъ чтобы выпустить возможно больше пуль. Наши пули не причиняютъ имъ почти никакого вреда въ подобныхъ случаяхъ и только картечныя гранаты могутъ заставить ихъ покинуть належанныя мѣста. За то одинъ крикъ «ура» наводитъ на нихъ страшную панику; турецкіе нервы не выдерживаютъ этого родного имъ словечка,—«ура!» по турецки—значитъ «бей!» Незная этого, новопримкнувшіе къ намъ полки тянули дѣло перестрѣлкой, пока не подошли стрѣлки.

Городъ горѣлъ, горѣла станція, задымились вагоны въ которыхъ турки жили, какъ въ баракахъ, а турки и не думали отступать; правда, сзади ихъ позиціи потянулся уже длинный обозъ по направленію къ Адріанополю, но сами они засѣли плотно за полотномъ желѣзной дороги и въ устроенныхъ впереди его ложементахъ, а орудія ихъ отвѣчали нашимъ безъ перерыва. Вдругъ, справа изъ города раздалось громкое «ура!» стрѣлковъ; то 16-й баталіонъ безъ выстрѣла, съ 800 шаговъ рванулся въ штыки; турки дрогнули—стрѣлки бѣжали съ ненавистнымъ крикомъ прямо на нихъ, штыки блестѣли на солнцѣ: этого было слишкомъ много для нервныхъ турокъ; они подались назадъ. Увидавъ въ чемъ дѣло, Сѣвцы и Ельцы гаркнули тоже «ура!» и турки побѣжали въ безпорядкѣ. Но стрѣлки, пѣхотные и пластуны, гнались по пятамъ, безпощадная смерть настигала повсюду и спасенія не было. Турки срывали съ себя на бѣгу куртки и сюртуки, бросали ружья и даже сбрасывали свои невыразимыя, которыя солдаты прозвали штанами съ мошной, за ихъ мѣшкообразный покрой, и которыя очень неудобны на бѣгу; но ничего не помогало. Ура заразительно и возбуждаетъ сильно нервы; самые спокойные люди поддаются его вліянію; оно придаетъ силы и усталость совершенно пропадаетъ подъ его вліяніемъ. Стрѣлки бросились на «ура» съ

800 шаговъ, но туркамъ не удалось убѣжать отъ нихъ; они быстро летѣли черезъ открытое поле, мимо турецкаго кладбища, даже баталіонный докторъ Струмило увлекся и бѣжитъ впередъ съ крикомъ: «впередъ ребята, ура! выручай нашихъ!!...»

Напрасно турки притворяются мертвыми, напрасно залѣзаютъ на деревья—спасенья нѣтъ. Вонъ одинъ залѣзъ въ ровъ и, какъ страусъ, спряталъ въ воду голову, рискуя задохнуться, но штыкъ заставилъ его на минуту вынырнуть, чтобы затѣмъ снова погрузиться... но уже въ вѣчность. Смерть и разрушеніе разливаются повсюду—все это не замѣчается, пока всѣ разгорячились.

Нѣкоторые турки залѣзли на деревья, въ надеждѣ спастись: солдаты уже цѣлятся въ одного, какъ вдругъ кто-то крикнулъ.

— Ну, слѣзай—аманъ!...

Турка кубаремъ спустился на землю и уже цѣлуетъ руки у солдатъ, умоляя о пощадѣ—это плѣнный. Но пройдите мимо него, не замѣтивъ его въ густой зелени вѣтвей, у него всегда найдется для васъ гостинецъ, и онъ не задумается пустить вамъ пулю въ спину, притаившись послѣ выстрѣла до новаго благопріятнаго случая. Тоже дѣлаютъ раненые и притворяющіеся ранеными; лежитъ, какъ будто, безъ чувствъ, ружье около; но троньте его штыкомъ; онъ схватываетъ ружье и нужно не зѣвать, а то партія можетъ быть проиграна.

Уже совсѣмъ послѣ дѣла и притомъ недалеко отъ отдыхавшаго штаба, мнѣ пришлось возвращаться съ двумя саперными офицерами среди бѣлаго дня въ деревню, гдѣ мы должны были ночевать, какъ вдругъ надъ нами просвистѣла пуля; оглянувшись, мы замѣтили дымокъ на одномъ изъ деревьевъ, росшихъ на полѣ, но мы торопились и оставили въ покоѣ забравшагося туда негодяя

Послѣ дѣла, видъ поля сраженія у Іени-Загры былъ отвратителенъ. Городъ еще горѣлъ; отъ станціи остались только какіе-то обломки, черепица грудой лежала на землѣ, всюду разбросаны трупы убитыхъ турокъ, въ одномъ рву ихъ лежитъ нѣсколько рядомъ и кровь ихъ мѣшается съ грязной водой рва; но усталые солдаты припали къ водѣ и жадно пьютъ отвратительную смѣсь. Немного дальше несчастный оселъ попалъ въ ровъ и застрялъ въ немъ; шальная пуля попала въ него, такъ и стоитъ въ грязи. Дымъ, копоть, масса какихъ-то лоскутьевъ и вездѣ между трупами мародеры-болгары, роющіеся въ брошенномъ хламѣ и подбирающіе всякую дрянь. Вагоны горятъ одинъ за другимъ, зажженные гранатами, огонь пожираетъ ихъ по порядку; вотъ онъ добрался до открытаго вагона и лизнулъ его своими языками и вдругъ страшный взрывъ потрясъ воздухъ и кверху взлѣтѣлъ цѣлый снопъ пламени и бѣлаго дыму. Къ счастью, около никого нѣтъ, а то любопытнымъ пришлось бы поплатиться, такъ какъ въ вагонѣ были сложены заряды. Сдѣлавъ свое дѣло, огонь идетъ дальше, и черезъ минуту начинается снова трескотня; это взрываются брошеные въ вагонахъ ружейные патроны, пули свистятъ въ воздухѣ и нужно держаться подальше отъ вагоновъ. Но солдаты безпечны и не обращаютъ вниманія на опасность, которой, правда, многіе и не подозрѣваютъ. Но вотъ раздался гдѣ-то настоящій выстрѣлъ и просвистала по настоящему пуля.

— Кто это тамъ, чортъ его возьми?

— Это кто нибудь изъ булгаръ, ваше благородіе, турецкое ружье пробуетъ.

— Чортъ бы ихъ побралъ!

Не успѣла просвистѣть одна пуля, какъ снова раздается выстрѣлъ; и опять булгаръ...

М. Федоровъ.

Бой близь Карса *).

Копія съ рапорта командующаго дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ, Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Кавказскою арміей, отъ 10 августа.

Предписаніемъ отъ 3 сего августа, за № 350, Ваше Императорское Высочество соизволили поставить цѣлью ближайшихъ дѣйствій главныхъ силъ корпуса воспрепятствованіе Мухтаръ-пашѣ какого-либо движенія на подкрѣпленіе Измаилъ-паши (противъ коего на дняхъ долженъ дѣйствовать рѣшительно генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ), а также подготовленіе къ предстоящимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ на позицію Мухтаръ-паши. Въ виду этого, мнѣ было предложено совершить движеніе болѣе или менѣе значительной колонны войскъ къ Суботану и Хаджи-вали, для занятія близь Суботанскаго ручья такой позиціи, съ которой можно бы было развить значительный артиллерійскій огонь, хотя бы противъ ближайшихъ частей непріятельскаго расположенія; одновременно же съ этимъ предпринять движеніе къ селенію Джала и высотамъ Инахъ-тепеси, для занятія, если возможно, послѣднихъ и водворенія тамъ.

Согласно съ таковыми указаніями, была составлена диспозиція на 6-ое сего августа, съ распредѣленіемъ войскъ по колоннамъ. Диспозиціей этой войска, распредѣленныя на три колонны, подъ начальствомъ: правая полковника Комарова, средняя генералъ-лейтенанта Геймана и лѣвая генералъ-лейтенанта Девеля, должны были исполнить 6 августа нижеслѣдующее:

1) Колоннѣ генералъ-лейтенанта Девеля ставилось цѣлью перейти на новую позицію впереди селенія Кюльверанъ, занявъ въ то же время лѣвый флангъ своего расположенія особою колонной въ пунктѣ, на пространствѣ между селеніями Тайпалыхъ, Джала и Арасъ-оглы, гдѣ окажется удобнѣе, съ тѣмъ, чтобы съ новыхъ позицій, кои займутъ лагеремъ колонны генералъ-лейтенанта Девеля, высылать передовыя дежурныя части съ артиллеріей, которыя не дозволяли бы непріятелю безпрепятственно пользоваться укрѣпленіями у Суботана и Хаджи-вали, а также на Инахъ-тепеси. При этомъ, такъ какъ рѣшеніе вопроса о занятіи Инахъ-тепеси зависѣло отъ подробнаго осмотра доступовъ къ этой высо-

*) *Русскій Инвалидъ*, помѣщая приводимое съ рапорта командующаго дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Кавказскою арміей о боѣ 6-го августа, предписываетъ ему слѣдующее описаніе турецкихъ позицій на высотахъ Аладжи, по свѣдѣніямъ собранныхъ въ іюлѣ и августѣ.

тѣ и силы вооруженія ея артиллеріей, то, еслибъ овладѣніе означеннымъ пунктомъ обѣщало слишкомъ большія потери, предложено ген.-лейт. Девелю ограничиться занятіемъ позиціи впереди Кюльверана, придвинувъ лишь остальныя войска его колонны къ Орта-Кадыкляръ.

2) Для отвлеченія силъ и вниманія непріятеля отъ исполненія колонной ген.-лейт. Девеля постановленныхъ ей цѣлей, а также для поддержанія этой колонны съ праваго ея фланга, если-бы дѣйствія на Инахъ-тепеси отвлекли большія силы ея на нашъ лѣвый флангъ, опредѣлено: произвести демонстрацію на пространствѣ между селеніемъ Субогана и горой Большая Ягны колонной ген.-лейт. Геймана, а правѣе ея, т. е. близь горы Большая Ягны, колонной полковника Комарова.

Въ виду того что на лѣвомъ флангѣ непріятельскаго расположенія можно было ожидать значительныхъ силъ, кои могли бы поставить малочисленную колонну полковника Комарова въ весьма трудное положеніе, колоннѣ этой предложено: соблюдая крайнюю осторожность, имѣть непосредственную связь съ колонной ген.-лейт. Геймана, и имѣть въ дѣйствіяхъ съ этою колонной единство.

Ген.-лейт. Девель, для исполненія возложенной на него задачи, распредѣлилъ ввѣренныя ему войска на три колонны: первую, правую, при которой присутствовалъ начальникъ 40-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Шатиловъ, составили два баталіона Имеретинскаго пѣхотнаго полка и весь Кутаисскій пѣхотный полкъ, при 2-й и 4-й баттареяхъ 40-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ командира бригады генералъ-маіора Граля; колоннѣ этой ставилось цѣлью: подойдя на пушечный выстрѣлъ къ ближайшей непріятельской позиціи, противъ селенія Керъ-хана, открыть артиллерійскій огонь, не вдаваясь въ бой. Вторую (среднюю) колонну составлялъ Гурійскій пѣхотный полкъ, съ 6-ю баттареей 40-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ командира 2-й бригады 40-й пѣхотной дивизіи ген.-майора барона Тизенгаузена; колоннѣ этой ставилось цѣлью наступать по направленію вправо отъ селенія Тайналыхъ, во флангъ турецкаго кавалерійскаго лагеря, и, не вдаваясь въ бой, открыть артиллерійскій огонь по ближайшей непріятельской позиціи; третью (лѣвую) колонну составили: Елисаветпольскій и Абхазскій пѣхотные полки, 1-й и 4-й Кавказскіе стрѣлковые баталіоны, 1-я и 3-я баттареи 40-й и дивизіонъ 6-й баттареи 39-й артиллерійскихъ бригадъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ореуса. При колоннѣ этой находился генералъ-лейтенантъ Девель. На колонну эту возлагались, въ случаѣ возможности, аттака и овладѣніе Инахъ-тепеси.

Лѣвая колонна, отойдя отъ лагеря съ полверсты, перестроилась въ боевой порядокъ и открыла наступленіе. Подойдя на восемь верстъ къ непріятельской позиціи, войска перемѣнили фронтъ къ сторонѣ Инахъ-тепеси и остановились для короткаго привала. Выдвинутый въ это время изъ резерва 2-й баталіонъ Елисаветпольскаго полка, занялъ возвышенность надъ селеніемъ Тайналыхъ и огнемъ стрѣлковой цѣпи оттѣснилъ кавалерійскіе аванпосты непріятеля. Послѣ привала, 1-й и 4-й баталіоны Елисаветпольскаго полка, 1-й стрѣлковый баталіонъ, 3-я и 4-я баттареи и дивизіонъ горной артиллеріи 39-й артиллерійской

бригады, вмѣстѣ съ кавалеріей, направлены въ обходъ черезъ селеніе Джала. Остальныя войска: 3-й баталіонъ Елисаветпольскаго полка и 4-й стрѣлковый баталіонъ оставались въ резервѣ. Отъ 8 до 10 эскадроновъ непріятельской кавалеріи показались противъ центра боевой линіи; но огонь 1-й и 3-й баттарев 40-й артиллерійской бригады заставилъ эту кавалерію быстро отступить. При дальнѣйшемъ наступленіи, кромѣ пѣхоты занимавшей редутъ Инахъ-тепеси, другой нигдѣ не замѣчено. 1-й и 4-й баталіоны Елисаветпольскаго полка заняли селеніе Джала, оставленное жителями; 2-й же баталіонъ Елисаветпольцевъ, послѣ отступленія турецкой кавалеріи, занялъ селеніе Тайналыхъ, свободное отъ турецкихъ войскъ.

Въ это время съ Инахъ-тепеси былъ открытъ по нашимъ войскамъ огонь изъ четырехъ полевыхъ орудій ста-фунтоваго калибра и изъ двухъ горныхъ орудій на разстояніи около 1000 сажень. Противъ нихъ были выставлены на позицію 32 наши орудія, огонь которыхъ нанесъ непріятелю весьма значительныя потери.

Произведенный генералъ-лейтенантомъ Девелемъ во время бомбардировки Инахъ-тепеси подробный осмотръ этой части непріятельской позиціи привелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно значенія Инахъ-тепеси и результатовъ овладѣнія имъ: на возвышенности Инахъ и на ближайшихъ къ нему укрѣпленіяхъ находилось до восьми баталіоновъ пѣхоты, при шести орудіяхъ; войска эти занимали частью возвышенности командующія Инахомъ и траншеи, съ которыхъ обстрѣливается какъ вершина Инаха, такъ и доступы къ нему со всѣхъ сторонъ; но къ востоку отъ этихъ окоповъ уже не существовало ни укрѣпленій, ни войскъ, кромѣ конныхъ наблюдателей разъѣздовъ. При такомъ положеніи праваго фланга турецкой позиціи не представляется препятствій къ обходу этого фланга на сел. Козлуджи и даже къ занятію вершины Аладжинскихъ высотъ и при оставленіи Инахъ-тепеси въ настоящемъ его состояніи. По исполненіи таковаго обхода, Инахъ долженъ пасть самъ собою.

Овладѣніе Инахомъ не измѣнитъ положенія прочихъ турецкихъ войскъ, занимающихъ правый флангъ ихъ позиціи, если вслѣдъ за занятіемъ Инаха не штурмовать высотъ съ траншеями, командующихъ имъ и находящихся отъ него на ружейный выстрѣлъ. На Инахѣ, по овладѣніи имъ, весьма трудно держаться, такъ какъ турки въ первую же ночь легко могутъ приспособить траншеи на сосѣднихъ возвышенностяхъ для вооруженія артиллеріи и обстрѣливать съ нихъ Инахъ ближними орудійными выстрѣлами. Такимъ образомъ, взятіе Инаха штурмомъ, несомнѣнно потребующее потери нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, не принесетъ намъ существеннаго приготовленія къ дальнѣйшему наступленію.

Въ виду изложеннаго, генералъ-лейтенанту Девелю разрѣшено ограничиться лишь нѣкоторымъ выдвиженіемъ части авангарднаго лагеря впередъ, на высоту селенія Кюльверанъ, не предпринимая штурма Инахъ-тепеси.

Въ виду отклоненія приступа къ Инаху, всѣмъ тремъ колоннамъ генералъ-лейтенанта Девеля указано отходить къ Кюльверану и Кадыклару.

Во время отступленія, непріятельская кавалерія пыталась бросаться нѣсколь-

ко разъ въ аттаку, но была съ урономъ отбиваема залпами стрѣлковыхъ цѣпей. Пѣхота противника держалась внѣ ружейнаго выстрѣла, а артиллерія, выдвигаясь съ позиціи на позицію, стрѣляла по нашимъ войскамъ довольно частымъ огнемъ.

Одновременно съ колоннами генералъ-лейтенанта Девеля, съ разсвѣтомъ, выступила изъ Кюрюкъ-Дара колонна генералъ-лейтенанта Геймана, и не доходя четырехъ верстъ до деревни Суботанъ, послѣ кратковременнаго отдыха, 2-я бригада гренадерской дивизіи развернулась въ боевой порядокъ, имѣя всѣ части въ развернутомъ строю по-ротно и разомкнутыми для того, чтобы меньше терпѣть отъ огня *). 1-я бригада оставлена уступомъ справа, въ резервѣ, внѣ орудійныхъ выстрѣловъ. Такъ, какъ Суботанскія и Хадживаліинскія укрѣпленія оказались занятыми только непріятельскою кавалеріей, въ числѣ до 700 человѣкъ, то, выдвинувъ на позицію три баттареи и открывъ огонь по ретраншементамъ, переведены стрѣлки со своими частными резервами черезъ оврагъ; вслѣдъ за симь, непріятельская кавалерія быстро очистила укрѣпленія, которыя были заняты нашими войсками, причемъ одна 4 фунтовая баттарея была также перевезена черезъ оврагъ. Такъ какъ, по занятіи Суботанскихъ и Хаджи-валіинскихъ укрѣпленій, непріятель держался внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, до самаго отступленія, въ виду чего для занятія Суботанскихъ укрѣпленій вполнѣ достаточно было одной бригады, то въ бригадѣ гренадерской дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Авинова приказано было взять вправо, къ селенію Большой Ягны, гдѣ она должна была расположиться на полупути между Суботаномъ и колонной полковника Комарова, служа поддержкой тамъ гдѣ окажется это нужнымъ, но не ввязываясь, ни въ какомъ случаѣ, въ отдѣльный бой.

Въ 11 часовъ 5 минутъ, генералъ-лейтенантъ Гейманъ получилъ мое приказаніе оттянуть сперва колонну полковника Комарова, а потомъ отступать самому на Кюрюкъ-Дара. Пославъ соотвѣтствующія приказанія полковнику Комарому и генералъ-маіору Авинову, генералъ-лейтенантъ Гейманъ нашелся вынужденнымъ измѣнить это приказаніе по отношенію къ бригадѣ генерала Авинова. По отправленіи этихъ приказаній, на восточномъ и южномъ склонахъ Большой Ягны, занятыхъ колонной полковника Комарова, завязался ожесточенный орудійный, ружейный и штыковый бой; баталіоны турецкой пѣхоты передвигались къ этому мѣсту, и бой становился тамъ крайне неровенъ по численности. Въ виду этого генералъ-лейтенантъ Гейманъ, передавъ начальство надъ 2-ю бригадой генералъ-майору Соловьеву, самъ отправился къ 1-й бригадѣ и засталъ ее выдвинутою уже на одной высотѣ съ Большою Ягной и лѣвѣе кавалеріи генералъ-

*) Боевой порядокъ Кавказской гренадерской дивизіи, согласно съ рапортомъ генералъ-лейтенанта Геймана командующему корпусомъ, былъ слѣдующій: впереди цѣпь стрѣлковъ отъ третьихъ и четвертыхъ баталіоновъ 2-й бригады (четыре роты), въ 300 шагахъ позади ея восемъ ротъ, разсыпанныхъ также въ густую цѣпь для поддержки стрѣлковъ; въ 300 шагахъ позади этой цѣпи четыре развернутыя роты, имѣя въ интервалахъ три баттареи, за которыми, также въ 300 шагахъ, остальные четыре баталіона въ шахматномъ порядкѣ, въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ. За 2-ю бригадой въ 300 шагахъ слѣдовала 1-я бригада въ резервномъ порядкѣ.

лейтенанта князя Чавчавадзе. Передвинувъ 1-ю бригаду еще нѣсколько правѣе, была вызвана на позицію 2-я баттарея гренадерской артиллерійской бригады, которая открыла мѣткій огонь по непріятелю во флангъ на 1.100 саженъ, содѣйствуя этимъ отступленію колонны полковника Комарова. Кавалеріи генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе приказано было отойти назадъ.

Когда колонна полковника Комарова вышла изъ самаго ожесточеннаго боя, то отъ 10 до 12 турецкихъ баталіоновъ пѣхоты выстроилось внѣ пушечнаго выстрѣла, на высотахъ за Хаджи-вали, противъ 2-й бригады гренадерской дивизіи; вслѣдъ за симъ 1-й бригадѣ приказано было отойти и свернувшись стать резервомъ за 2-ю бригадой, которая также начала отступленіе, привлекши на себя бѣглый, но безвредный непріятельскій орудійный огонь и преслѣдованіе нашей стрѣлковой цѣпи наѣздниками турецкой кавалеріи, аттаки которой были останавливаемы орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Обратный переходъ черезъ Суботанскій оврагъ и дальнѣйшее затѣмъ отступленіе были совершены безпрепятственно, въ полномъ порядкѣ.

Колонна полковника Комарова, выступивъ 5 августа, въ $6^1/_2$ часовъ вечера, изъ Паргета, имѣла ночлегъ не доходя Яйлы-Мешко. На другой день, 6 августа, въ 6 часовъ утра, колонна находилась къ сѣверу отъ Большой Ягны, и раздавшійся въ колоннѣ генералъ-лейтенанта Девеля орудійный выстрѣлъ послужилъ ей сигналомъ къ началу демонстративныхъ дѣйствій со стороны Большой Ягны. Въ 7 часовъ утра колонна перестроилась въ боевой порядокъ между горами Большая и Малая Ягны. Съ одной стороны, избѣгая орудійнаго огня съ Малой Ягны, вершина которой была занята укрѣпленіемъ съ двумя орудіями, а съ другой стороны, имѣя предварительное приказаніе войти въ непосредственную связь съ колонной генералъ-лейтенанта Геймана, полковникъ Комаровъ примкнулъ свой боевой порядокъ къ горѣ Большая Ягны, занятой пикетомъ непріятельской кавалеріи, силой около двухъ эскадроновъ. Кавалерія эта, занявъ вершину горы, открыла по войскамъ нашимъ почти недѣйствительный дальній ружейный огонь. Одновременно съ этимъ, баталіоны турецкой пѣхоты, расположенные въ Визинкевскомъ, Орлокскомъ и Авліарскомъ лагеряхъ, вышли изъ своихъ укрѣпленныхъ позицій и, покровительствуемые огнемъ орудій большаго калибра, коими вооружены ихъ укрѣпленія, начали наступленіе съ цѣлью занять Большую Ягны; турецкая же кавалерія, около 10 эскадроновъ, выстроившись лѣвѣе Малой Ягны, аттаковала нашъ боевой порядокъ, стараясь охватить его во флангъ; но аттаки эти были отбиты ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Появившіеся предъ фронтомъ шесть эскадроновъ турецкой кавалеріи, видя неудачную кавалерійскую аттаку въ правый нашъ флангъ, въ свою очередь отступили, огибая Большую Ягны, и стали по восточную сторону этой горы.

Пользуясь слабымъ занятіемъ горы Большая Ягны и желая воспользоваться ею, какъ отличнымъ опорнымъ пунктовъ для соединенія своего съ колонной генералъ-лейтенанта Геймана въ виду наступающей со стороны Визинкева, Орлока и Авліара турецкой пѣхоты, полковникъ Комаровъ, одновременно съ отраженіемъ атакъ турецкой кавалеріи, послалъ для занятія горы Большая Ягны сначала двѣ

роты пѣхоты, а вслѣдъ за ними еще одинъ баталіонъ. Съ вершины Большой Ягны получено въ то время донесеніе о направленіи наступленія непріятельской пѣхоты влѣво отъ Большой Ягны и о томъ, что колонна генералъ-лейтенанта Геймана находится весьма далеко и завязала перестрѣлку около селенія Суботанъ. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ колонны генералъ-лейтенанта Геймана и даже отъ пути своего отступленія на Кюрюкъ-Дара, полковникъ Комаровъ рѣшился, опираясь на крѣпко занятую имъ гору Большая Ягны, перевести весь свой боевой порядокъ на восточные склоны этой горы съ цѣлью сблизиться съ колонной генералъ-лейтенанта Геймана, который, по диспозиціи, долженъ былъ занять пространство между селеніемъ Суботанъ и горою Большая Ягны. Съ занятіемъ Ягны полутора баталіонами пѣхоты, около $9^1/_2$—10 ч. утра, по ней завязался оживленный бой, подъ прикрытіемъ котораго весь отрядъ постепенно перешелъ на восточную сторону.

Быстро возраставшія силы непріятеля показывали твердое его желаніе сбить лѣвый флангъ колонны полковника Комарова, котораго почти всѣ войска были введены поэтому въ бой и въ резервѣ осталось только три роты, прикрывавшія вьючный транспортъ и перевязочный пунктъ. Одновременно съ этимъ, Большая Ягны была атакована четырьмя турецкими баталіонами, всѣ усилія которыхъ были отбиты съ огромными потерями.

Получивъ отъ генералъ-лейтенанта Геймана, около 12 часовъ дня, приказаніе отходить на колонну генералъ маіора Авинова, стоявшую въ это время въ семи верстахъ по направленію къ Кюрюкъ-Дара, полковникъ Комаровъ началъ обратно свое движеніе въ $12^1/_2$ часовъ дня; отводя свой правый флангъ подъ прикрытіемъ войскъ, занимавшихъ лѣвый флангъ позиціи. Прибывшія въ это время семь сотенъ кавалеріи полковника Крузенштерна полковникъ Комаровъ поставилъ за правымъ своимъ флангомъ у подошвы Ягны, для обезпеченія обхвата этого фланга непріятелемъ. Переходя постепенно съ позиціи на позицію, а иногда и въ новое наступленіе, отрядъ отходилъ въ полномъ порядкѣ, но расходъ людей ранеными, убитыми и носильщиками съ каждою минутой ослаблялъ огонь боевой линіи и отступленіе становилось крайне труднымъ. Непріятель особенно насѣдалъ на лѣвый флангъ до тѣхъ поръ пока кавалерія князя Чавчавадзе не выстроилась, угрожая непріятелю атакой во флангъ и выставивъ одну конную батарею на позицію, мѣткій огонь которой остановилъ натискъ непріятеля на лѣвый флангъ. Въ параллель съ этимъ, двѣ ожесточенныя атаки втрое большихъ силъ непріятеля были отбиты огнемъ и штыками съ огромнымъ урономъ, хотя бывшія въ этомъ мѣстѣ двѣ роты Севастопольского и одна Владикавказскаго полковъ въ нѣсколько минутъ потеряли около 100 человѣкъ; замѣчательно-спокойная и мѣткая пальба 5-й батареи 40-й артиллерійской бригады тотчасъ же заставляла непріятеля отходить за закрытія; лишь только батарея эта выѣзжала на позицію, огонь ея приковывалъ противника къ мѣсту.

Послѣ второй турецкой атаки, натискъ которой былъ остановленъ кавалеріей и конною баттареей, отрядъ полковника Комарова вышелъ изъ сферы ружейнаго огня, но турки преслѣдовали его артиллерійскимъ огнемъ, впрочемъ весьма

мало дѣйствительнымъ, еще на разстояніи до четырехъ верстъ. Въ это время прибылъ къ отряду 1-й баталіонъ лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка, посланный на поддержку генералъ-лейтенантомъ Гейманомъ. Дальнѣйшее слѣдованіе на разстояніи восьми верстъ, до окончательнаго выхода изъ боя, продолжалось съ $12^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., т. е. въ продолженіе четырехъ часовъ времени. Имѣя противъ себя въ теченіе болѣе двухъ часовъ времени втрое превосходящія численностью силы турокъ, отрядъ полковника Комарова понесъ почти всю свою потерю исключительно при отступленіи.

Всѣ войска корпуса, почти очевидцы боя, происходившаго на Большой Ягнѣ, съ уваженіемъ относятся къ молодецкой стойкости Севастопольцевъ и Владикавказцевъ, и артиллеріи колонны полковника Комарова.

Кавалерійская колонна генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе, къ 6 часамъ утра, 6 августа, расположилась нѣсколько западнѣе селенія Кюльверанъ. По выясненіи боя, въ 9 часовъ утра, вся эта колонна направилась къ горѣ Большая Ягны, для поддержанія колонны полковника Комарова. Замѣтивъ постоянно усиливающійся бой на восточныхъ склонахъ Ягны, князь Чавчавадзе приказалъ 17-му драгунскому Сѣверскому полку, съ 2-ю Кубанскою баттареей и полусотней охотниковъ, выдвинуться на рысяхъ къ мѣсту боя. На разстояніи 500—600 саженъ отъ непріятеля баттарея снялась съ передковъ и открыла частый огонь по турецкой пѣхотѣ, отошедшей, вслѣдствіе этого, медленно назадъ; затѣмъ, огонь этой баттареи былъ направленъ противъ выдвинутой отъ Буланыхскаго непріятельскаго лагеря баттареи. Спѣшенная полусотня охотниковъ также преслѣдовала ружейнымъ огнемъ отступавшую пѣхоту турокъ. Прикрывая затѣмъ отступленіе колонны полковника Комарова, генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе нашелъ необходимымъ оставить всю свою кавалерію на занимаемой ею позиціи, непосредственно лѣвѣе колонны полковника Комарова; несмотря на то, что все это пространство подвергалось сильному артиллерійскому и ружейному огню, пересѣченная здѣсь мѣстность позволила хорошо укрыть кавалерію отъ огня. По оставленіи войсками полковника Комарова горы Большая Ягны, генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе началъ отступленіе двумя колоннами: правая (Ейскій казачій и два Дагестанскіе конно-иррегулярные полка, съ 1-ю Терскою конною баттареей), подъ начальствомъ полковника князя Эристова, и лѣвая (два драгунскіе полка, со 2-ю Кубанскою конною баттареей), подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова. Отступленіе открыла правая колонна, прикрывъ свой фронтъ наѣздниками Ейскаго казачьяго полка; лѣвая же колонна выставила на выгодную позицію дивизіонъ 2-й Кубанской баттареи; но такъ, какъ дивизіонъ этотъ находился въ сферѣ ружейнаго огня, то 2-й дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка былъ спѣшенъ и, прикрывъ артиллерію съ обоихъ ея фланговъ, способствовалъ ей ружейнымъ огнемъ стрѣлковой цѣпи.

Пропустивъ правую кавалерійскую колонну за подошедшую въ это время 1-ю бригаду гренадерской дивизіи, лѣвая колонна генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, въ свою очередь, отошла за гренадеръ.

Соединивъ обѣ кавалерійскія колонны позади 1-й бригады гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе направился черезъ селеніе Кюльверанъ въ свой кавалерійскій лагерь.

Непріятель во время дѣйствій обнаружилъ всѣ свои силы. Большая часть ихъ была сосредоточена на его лѣвомъ флангѣ, значительно меньшая—на правомъ. Офицерами, производившими рекогносцировки, представлены донесенія, изъ коихъ подробно видно расположеніе баттарей, траншей и непріятельскихъ войскъ въ лагеряхъ. Непріятель видимо принялъ наше демонстративное наступленіе за попытку къ атакѣ, а обратное движеніе за отступленіе, вслѣдствіе будто бы неуспѣха атаки. Въ Кюльверанскій лагерь передвинуты изъ авангарда 10 баталіоновъ пѣхоты (150-й Елисаветпольскій полкъ и 1-я бригада 40-й дивизіи), съ четырьмя баттареями (двумя 39-й и двумя 40-й артиллерійскихъ бригадъ).

Подлинный подписалъ: генералъ-адъютантъ *Лорисъ-Меликовъ.*

Кавалерійская рекогносцировка 10 августа.

Копія съ рапорта командующему дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ, начальника кавалеріи корпуса, 10 августа.

8 августа мною предпринятъ былъ, частью кавалеріи корпуса, поискъ къ центру непріятельскаго расположенія.

Въ составъ колонны вошли слѣдующія части: 16-й драгунскій Нижегородскій полкъ, Кубанскій казачій (въ пятисотенномъ составѣ), Чеченскій (въ четырехсотенномъ составѣ), Тифлисскій дворянскій дивизіонъ, Тіонетская сотня, обѣ сотни охотниковъ и по взводу отъ 1-й Тверской и 2-й Кубанской казачьихъ конныхъ баттарей.

Выступивъ въ $12^1/_2$ часовъ пополуночи изъ лагеря и направившись прямо на гору Большую Ягны, къ 2-мъ часамъ ночи, колонна остановилась на высотѣ сел. Суботана, верстахъ въ двухъ отъ него.

Отсюда я раздѣлилъ кавалерію. Охотники, Чеченскій полкъ, двѣ сотни Кубанцевъ и Тіонетская сотня, подъ начальствомъ генералъ-маіора Арцу-Чермоева, направлены были лѣвѣе селенія Суботана, къ кавалерійскому турецкому лагерю, расположенному на правомъ берегу рѣчки Мавракъ-чай, на высотѣ сел. Буланыхъ. Генералъ-маіору Чермоеву приказано мною было, опрокинувъ передовые посты, еслибы таковые были, броситься на кавалерійскій лагерь и затѣмъ быстро отойти назадъ на нашу пѣхоту, выдвинутую изъ Кюльверанскаго лагеря къ Суботану. Проводникомъ этой колонны служилъ, изъ числа охотниковъ, хорошо знакомый съ мѣстностью Самадъ-Ага-Деаштамуръ.

Черезъ полчаса по уходѣ генералъ-маіора Арцу-Чермоева, другая колонна, изъ остальныхъ частей кавалеріи съ артиллеріей, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, при которой находился и я, двинулась вверхъ по лѣвому берегу рѣчки Мавракъ-чай на сел. Хадживали.

Охотники, шедшіе въ головѣ колонны генералъ-маіора Чермоева, наткнулись

на высотѣ сел. Буланахъ на непріятельскіе аванпосты. Чтобы не дать имъ опомниться, всѣ четыре полусотни охотниковъ, поддержанныя 4-ю сотней Кубанцевъ, бросились на нихъ въ шашки. Изрубивъ посты, они пошли дальше и атаковали главный караулъ, гдѣ также большая частъ турокъ была изрублена, меньшинство же успѣли ускакать и подняли тревогу въ лагерѣ. Совершенная готовность войскъ кавалеріи лагеря, вслѣдствіе поднятой тревоги, при полномъ дневномъ свѣтѣ—это было уже около 5 часовъ утра—вынудила остановить этотъ молодецкій налетъ и повернуть назадъ.

Я же, съ колонной генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, подойдя къ селенію Хадживали, на разсвѣтѣ, и пропустивъ колонну генералъ-маіора Черноева, сталъ отходить назадъ.

Отступленіе, однакоже, пришлось произвести подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, открытымъ непріятелемъ со всѣхъ баттарей центра и лѣваго фланга Аладжинскаго лагеря, а также изъ баттареи, расположенной за сел. Буланахъ.

Гора Авліяръ, гдѣ на разсвѣтѣ палатокъ не было усмотрѣно, была сначала канонады занята сплошь пѣхотой, но артиллеріи не было, судя по тому, что оттуда не стрѣляли, хотя было весьма удобно; равно не было выстрѣловъ и изъ пѣхотнаго лагеря, расположеннаго западнѣе высоты Авліяръ. Въ Аладжинскомъ лагерѣ измѣненій въ расположеніи не замѣчено.

Разрывомъ гранаты ранены: 16-го Нижегородскаго полка маіоръ Витте въ голову и капитанъ Чернышевъ—въ ногу. Болѣе потерь не было.

Захвачено нашими охотниками: одинъ мелазимъ, начальникъ главнаго караула и шесть нижнихъ чиновъ.

Подлинный подписалъ: начальникъ кавалеріи, генералъ-лейтенантъ *князь Чавчавадзе.*

Замѣчательное самопожертвованіе.

«13 іюля, въ часъ пополудни, изъ Ловчи былъ посланъ въ разъѣздъ хорунжій Гурбановъ, съ 15 казаками изъ № 30 полка, по направленію къ Плевнѣ. Проѣхавъ не болѣе 15 верстъ и не встрѣтивъ ничего особеннаго, онъ свернулъ съ дороги направо и возвращался назадъ черезъ деревню Новосело, въ которой узналъ отъ болгаръ, что въ окрестностяхъ этой деревни находятся отряды черкесовъ. Напоивъ лошадей, разъѣздъ вышелъ изъ деревни; проѣхавъ около двухъ верстъ, казаки увидали вдали подъ деревомъ черкесскій пикетъ, который, замѣтивъ казаковъ, началъ дѣлать вольты. Мѣстность была здѣсь лѣсистая, и влѣво отъ нашего разъѣзда, за бугромъ, видимо помѣщался черкескій лагерь, изъ котораго вскорѣ показалось нѣсколько всадниковъ. Нашъ разъѣздъ началъ отступать по направленію къ шоссе, ведущему въ Ловчу, а Гурбановъ послалъ тотчасъ же казака въ Ловчу, съ увѣдомленіемъ о случившемся; когда же онъ увидалъ, что отрядъ черкесовъ все увеличивается и принимается ихъ преслѣдовать, онъ, выйдя уже на шоссе, перемѣнилъ аллюръ въ маршъ-маршъ. Тутъ-то слу-

чилось что у одного казака лошадь, будучи крайне утомленною, не въ состояніи была слѣдовать за другими, и когда казакъ, отставъ отъ товарищей, просилъ не покидать его, хорунжій Гурбановъ остановился и давъ время отставшему казаку догнать и даже перегнать ихъ, опять поскакакъ впередъ. Догнавъ злополучнаго казака, онъ принужденъ былъ повторить предыдущій маневръ и вмѣстѣ съ тѣмъ отстрѣливаться, такъ какъ черкесы открыли по нимъ пальбу. Взводъ Гурбанова опять поскакалъ и опять остановился, будучи уже недалеко отъ города и подлѣ густыхъ кустарниковъ. Здѣсь Гурбановъ былъ первый раненъ въ ногу, но несмотря на это, мѣтко отстрѣливался, поддерживаемый казаками. Черкесы, между тѣмъ, численностью около 200 человѣкъ, подъѣхали совершенно близко и начали окружать казаковъ, которые тутъ уже пустили въ ходъ свои пики. Вскорѣ за первою раной, Гурбановъ былъ раненъ вторично въ верхнюю часть ноги, а затѣмъ была подстрѣлена его лошадь. Обезсиленный хорунжій упалъ съ лошади, и сидя на землѣ, еще работалъ своимъ револьверомъ; казаки же дѣлали усилія, чтобы спасти раненаго, на котораго посыпался градъ пуль. Тутъ-то Гурбановъ, видя неизбѣжную свою гибель, махнулъ рукой послѣднему казаку, бывшему при немъ, который, сбивъ нѣсколько черкесовъ, ускакалъ. Другіе казаки, воспользовавшись кустарникомъ, скрылись тоже изъ виду, и въ томъ числѣ двое раненыхъ. На несчастнаго Гурбанова, убитаго послѣдними выстрѣлами, накинулись алчные волки и обобрали его до послѣдней нитки. Такъ погибъ молодой казакъ на чужбинѣ, сдѣлавшійся жертвою своей любви къ ближнему, желая выручить станичника; въ виду неминуемо угрожающей опасности, онъ думалъ только о долгѣ христіанскомъ. Подоспѣвшій вскорѣ съ сотнею есаулъ Аѳанасьевъ, дядя убитаго, нашелъ уже холодный, 16 разъ прострѣленный трупъ племянника, тѣло еще одного казака и три издыхающія лошади. Собравшіеся товарищи почтили память всѣми любимаго товарища.»

Эпизоды характеристическаго направленія.

(Война 1877—78 года. *)

Наинеприкосновеннѣйшіе сухари.—Маршъ впередъ!—Воззваніе ген. Алхазова.—Угощеніе.—«Казакъ вездѣ сытъ.»—Подробности къ катострофѣ съ г. Поньономъ.—Честь и слава казакамъ.—Геройскій подвигъ русскаго отряда.—и пр. и пр.

Когда генералъ Гурко отправлялся съ отрядомъ за Балканы, то велѣно было взять сухарей на 6 дней и хранить этотъ запасъ, какъ зеницу ока, на случай крайней нужды. Было внушено, что хотя сухарей берется и на шесть дней, но чтобы ихъ хватило и на девять дней и запасъ этотъ считать «*наинеприкосновеннѣйшимъ*». Такъ онъ и назывался *Наинеприкосновеннѣйшимъ*. Гурко часто справлялся объ этомъ запасѣ, напоминалъ, что войско должно кормиться средствами страны и только въ случаѣ крайней нужды брать изъ запаса. Одинъ изъ

*) Корр. „Новаго Времени.“ Изъ Бухареста.

полковыхъ командировъ, послѣ вопроса Гурко, сталъ наводить справки въ своемъ полку на сколько дней осталось сухарей. Въ одной части запасъ весь былъ цѣлъ, въ другихъ—осталось его на пять съ половиною дней, а въ одномъ взводѣ на четыре дня.

— На четыре! вскричалъ полковой командиръ.

— Такъ точно, ваше в—діе, отвѣчалъ вахмистръ.

— На четыре дня! Ахъ, ты измѣнникъ! Да знаешь-ли ты, какъ этотъ запасъ называется?

— Наинеприкосновеннѣйшій ваше в—діе...

— И ты не измѣнникъ, и вашъ взводный не измѣнникъ! Я вотъ возьму, да и повѣшу васъ завтра обоихъ, какъ измѣнниковъ, для примѣра другимъ. Пойми, что значитъ наинеприкосновеннѣйшій: это такой запасъ—слушай! къ которому ты не только не долженъ прикасаться никогда, безъ особаго разрѣшенія, но и подходя къ нему близко, не смотрѣть на него, а отворачивать лицо свое въ сторону. Понялъ?

— Такъ точно, ваше в—діе, только людямъ ѣсть нечего...

— Какъ нечего?

— Нечего ѣсть, ваше в—діе.

— А мясо есть?

— Мяса вволю, ваше в—діе, да безъ хлѣба какъ будто и не ѣда.

— Вздоръ какой, братецъ. Знаешь ли ты, что англичане воспитываютъ своихъ дѣтей на одномъ мясѣ, чтобъ здоровѣе были? Ступай и помни, что англичанамъ подражать надо.

— Слушаю, ваше в—діе...

«О генералѣ Горшковѣ, отличившемся въ плевненскомъ дѣлѣ, разсказываютъ слѣдующее:

«Граната упала прямо у морды его лошади. Лошадь нюхаетъ гранату.

— Ваше п—во, граната! кричатъ солдаты, и остановились.

— А вамъ что за дѣло? сказалъ Горшковъ. Маршъ впередъ! У меня нѣсколько тысячъ доходу въ годъ, домъ въ Петербургѣ, стало быть есть о чемъ пожалѣть, а вотъ я не бѣгу отъ непріятеля. А вы что? У васъ, кромѣ блохъ, ничего нѣтъ. Маршъ впередъ!»

Угощеніе. Въ *Новое Время* писали изъ Бухареста отъ 5-го августа:

«Вчера я былъ по дѣламъ на Плоэштскомъ вокзалѣ и видѣлъ 360 турокъ, которыхъ везли въ Россію. Поѣздъ съ плѣнными простоялъ слишкомъ часъ. Передъ вагонами плѣнныхъ собрались русскіе солдаты, которые все время, пока стоялъ поѣздъ, разговаривали съ плѣнными. Предметомъ разговора были турецкія звѣрства. Въ рѣчахъ солдатъ слышалась иногда энергическая нота, сквозь которую проглядывало, впрочемъ, чисто русское добродушіе. «Эхъ ты, нехристь проклятый, «говоритъ солдатъ дюжему туркѣ,» развѣ же можно такъ? Ты меня убей, я тебя убью, это ничего... а то носъ отрѣжетъ, руки отрѣжетъ.» Солдатъ беретъ носъ между пальцами, какъ будто хочетъ высморкаться и правой рукой

третъ по носу, какъ будто рѣжетъ его. «Чортъ... ей-Богу чортъ.» Черезъ 5 минутъ тотъ же солдатъ приходитъ съ хлѣбомъ въ рукѣ и подаетъ его туркѣ, отворотивъ глаза въ сторону, какъ будто стыдится: «На, бери»; турокъ не понимаетъ. «Да бери, чума ты эдакая!» Турокъ наконецъ понялъ и протягиваетъ руку за хлѣбомъ.—«Есть кому давать», говоритъ пожилой, хмурый казакъ, единственный, который относился враждебно къ туркамъ; «вотъ онъ тебѣ отрѣжетъ это мѣсто да въ глотку заткнетъ». «Да пусть подавится говоритъ солдатъ, развѣ мнѣ жалко хлѣба, можетъ быть онъ голоденъ». «Подавится», ворчитъ казакъ, «вотъ если онъ тебѣ это мѣсто заткнетъ въ глотку, такъ ты скорѣе подавишься. Анаѳема проклятая, ишь выдумалъ, срамъ и сказать. А съ мертвыми, что дѣлаютъ... прости Господи», сказалъ казакъ, снимая шапку и крестясь.

Около другаго вагона солдатъ ведетъ разговоръ съ старымъ высохшимъ туркомъ. «Ей, чортовъ дѣдъ», говоритъ солдатъ, «и ты на войну, да тебѣ бы, братъ, на печкѣ лежать, али какъ квочка на яйцахъ сидѣть или спать вотъ такъ»; солдатъ примащивается около вагона, подкладываетъ руку подъ голову, закрываетъ глаза и начинаетъ усиленно храпѣть; толпа и половина турецкаго вагона хохочутъ. Солдатъ поднимаетъ голову и опять пускается въ разговоръ. «Вотъ ты смотри какіе русскіе солдаты (солдатъ треплетъ за подбородокъ двухъ своихъ товарищей) или, вотъ, я (солдатъ выпяливаетъ грудь впередъ), а ты куда годишься, ужъ умирать пора, а онъ на войну... грѣхъ одинъ». Въ это время проходитъ конвойный офицеръ. «Ваше благородіе, спрашиваетъ солдатъ, откуда эти турки?»—«Подъ Казанлыкомъ забраны», говоритъ офицеръ. «Фю... фю... фю... засвистѣлъ солдатъ, такъ тебѣ, братъ, вотъ что». (Солдатъ беретъ себя одной рукой за голову, а другой проводитъ подъ горло). «Вретъ, вретъ, не вѣрь ему, турка, наши русскіе такъ не дѣлаютъ, мы христіане!» послышалось со всѣхъ сторонъ.

«*Казакъ вездѣ сытъ.* Отступленіе генерала Гурко черезъ Долбокское ущелье было совершено, благодаря апатіи турокъ, въ порядкѣ. Дороги, въ иныхъ мѣстахъ ущелья, ужасны, но труденъ переходъ на протяженіи не болѣе двухъ верстъ; остальная часть дороги представляетъ довольно хорошее природное шоссе. Отступающія войска никогда не бываютъ въ особенно хорошемъ настроеніи духа; артиллеристамъ приходилось запрягать къ пушкамъ воловъ и буйволовъ, кромѣ лошадей; во многихъ мѣстахъ дорога была такъ узка, что только съ величайшими усиліями можно было вытаскивать увязшія колеса изъ ямъ; если къ этому прибавить, что пѣхота сильно пострадала въ сраженіи при Джуранлы,—которое она выиграла, но которымъ не могла воспользоваться, — что бѣдные раненые, лежа въ телѣгахъ, двигаемыхъ запряженными буйволами, стонали и охали жалостно, когда неуклюжій экипажъ то приподнимался, попадая на большіе камни, то погружался въ глубокія ямы, то легко себѣ представить, что жалобъ и замѣчаній было не мало. «Туда и обратно, вотъ какъ!» замѣтилъ артиллеристъ товарищу пѣхотинцу.—«И—да, отвѣтилъ послѣдній. Если только такъ будемъ пятиться, то и допятимся до Дуная»—«Да и за Дунай,» прибавилъ третій ка-

жется, фельдшеръ, съ саркастическою улыбкой. «Ой, Бурка, Бурка» —сказалъ юмористъ этой компаніи, который, подобно всѣмъ почти безъ исключенія солдатамъ, называлъ такъ своего храбраго генерала—«мягко стелешь, да жестко спать.» — «Вѣдь на Дріанополь шли кажись?» добродушно спросилъ казакъ. — «Да ужъ куда бы ни шли, а казакъ все сытъ будетъ,—хоть другіе съ голоду издохнутъ», злобно отвѣтилъ стрѣлокъ, не ѣвшій ничего, кромѣ сухарей, въ продолженіе четырехъ сутокъ. Гдѣ тѣ консервы, о которыхъ столь много говорилось и печаталось, и если они существуютъ на яву, то почему ихъ не раздаютъ солдатамъ именно въ такихъ случаяхъ, когда совершаются скорые походы, а обозы запрещены. Изумительно только то, какъ солдаты съ такою скудною пищей могли перенести то, что они переносили. Единственный изъ офицеровъ многихъ, съ которыми я разговаривалъ, смотрѣвшій философски на походъ и отступленіе, былъ человѣкъ, которому слуга его приготовилъ отличную пшенную кашу, баранину и чай.»

Подробности о катастрофѣ съ г. Поньйономъ.

Мы сообщали уже телеграмму, въ которой г. Поньйонъ, корреспондентъ *Агентства Гаваса*, извѣстилъ о нападеніи, которому онъ подвергся на Дунаѣ; вотъ подробности, переданныя объ этомъ происшествіи корреспондентомъ *Moniteur Universel* со словъ самаго г. Поньйона:

8 августа онъ отправился верхомъ изъ Систова въ Зимницу для отправленія депешъ въ свое агентство по румынскому телеграфу. Многочисленныя формальности требуемыя при отправленіи частныхъ депешъ задержали его долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и только въ половинѣ десятаго вечеромъ онъ отправился обратно въ Систово. Ночь была темная; электрическій свѣтъ, обыкновенно освѣщающій мосты, зажженъ не былъ. Оттого товарищъ нашъ заблудился въ темнотѣ и сошелъ съ лошади, чтобы поискать дорогу.

Въ эту минуту одинъ изъ бандитовъ, неизбѣжныхъ спутниковъ всякой арміи, слѣдовавшій повидимому за моимъ товарищемъ изъ Зимницы, приблизился къ нему; Поньйонъ спросилъ у него дорогу, и этотъ человѣкъ хотѣлъ увлечь его въ глубокое болото, тянувшееся направо отъ нихъ, между тѣмъ, какъ настоящая дорога къ мосту лежала налѣво. Къ счастію, другъ нашъ замѣтилъ воду, мѣстами блиставшую передъ нимъ, и оставивъ своего спутника, направился на лѣво. Тотъ потихоньку побѣжалъ за нимъ и нанесъ ему сильный ударъ чѣмъ-то тяжелымъ.

Въ первую минуту г. Поньйонъ, не ожидая такого нападенія, обернулся, полагая, что его лошадь споткнулась и толкнула его. Почти въ ту же минуту онъ почувствовалъ второй ударъ, переломившій ему правую ключицу. Хотя кровь, струившаяся изъ раны на головѣ застилала ему глаза, и онъ не могъ дѣйствовать одною рукой, онъ сдерживалъ нападавшаго на него въ теченіе пяти минутъ, призывая помощь съ энергіей отчаянія и получивъ еще нѣсколько ударовъ, къ

счастію неважныхъ. Но такъ какъ силы его истощились, то онъ упалъ на землю, и разбойникъ принялся набивать ему ротъ пескомъ, чтобъ окончательно задушить его. Къ счастію для нашего товарища, постъ русскихъ моряковъ, принадлежащихъ къ экипажу *Севастополя*, находился на разстояніи 500 метровъ оттуда.

Сначала солдаты думали, что нападаютъ турки и бросились къ ружьямъ. Но молодой лейтенантъ г. Мартыновъ понялъ настоящую причину этихъ отчаянныхъ криковъ и поспѣшилъ на помощь съ нѣсколькими матросами. По приближеніи ихъ, убійца бѣжалъ, оставивъ г. Поньйона полузадохшагося, и унесъ сумку, висѣвшую у него черезъ плечо, но заключавшую въ себѣ лишь нѣсколько не важныхъ бумагъ. Нѣсколько моряковъ бросилсь за нимъ и скоро успѣли его схватить, «Отпустите меня говорилъ онъ имъ, у меня сумка набита золотомъ, и половину его отдамъ вамъ.» Разумѣется, моряки не отпустили его и отвели въ тюрьму, гдѣ онъ будетъ преданъ суду и вѣроятно разстрѣлянъ. Что касается г. Поньйона, который былъ безъ чувствъ, то его отнесли на постъ моряковъ, гдѣ ему подана была помощь, и оттуда переправили въ большой лазаретъ.

Честь и слава казакамъ.

Честь и слава казакамъ, ихъ рука страшна врагамъ!... Польза казаковъ въ дѣлѣ войны оправдывалась повсюду когда лишь государственный мечь обнажался, чтобы карать враговъ отечества *).

«Пользуясь свободною минутой, скажу нѣсколько словъ о самомъ полезномъ и выгодномъ для нашего правительства войскѣ, но которое не всегда употребляется сообразно своему назначенію. Съ казаками я живу почти постоянно съ самаго начала войны и потому свои слова основываю на фактахъ. Обладая зоркимъ глазомъ, чуткимъ слухомъ и замѣчательною бдительностью, казаки незамѣнимы въ аванпостной службѣ. Я не знаю примѣра, чтобы когда-нибудь непріятель снялъ казачій пикетъ, хотя это съ другими пикетами случается. О лихой храбрости при столкновеніи съ непріятелемъ я не буду здѣсь повторять; непріятель никогда не выдерживалъ казачьей аттаки даже въ пѣшемъ строю, а отъ аттаки лавой, мнѣ кажется, дрогнетъ любой, солдатъ. И дѣйствительно, казачья пика—страшное оружіе при первоначальномъ и быстромъ натискѣ. На долю нѣкоторыхъ казачьихъ полковъ, какъ напримѣръ №№ 21, 23, 26, 30 и друг., досталось много утомительно работы и ,гонки за непріятелемъ, такъ, что въ полкахъ много лошадей пало отъ истощенія силъ, не говоря уже объ убитыхъ и раненыхъ; управленіе Войска Донскаго въ послѣднее время даже прислало въ нѣкоторые полки надбавки для пополненія убыли и замѣны негодныхъ лошадей. Но не всегда казаки употребляются сообразно своему назначенію и способностямъ. Донъ выставилъ 40 полковъ, а между тѣмъ мы ихъ въ Дѣйствующей

*) Корр. С.-П. Вѣд. 1877 года.

Армiи не видимъ; это потому что до сихъ поръ все еще казаковъ употребляютъ на всевозможныя посылки и частную почти службу; у каждаго командира пѣхотнаго полка имѣется обыкновенно по нѣскольку казаковъ, которые ему прислуживаютъ и ходятъ за его лошадьми; по всей линiи желѣзной дороги въ Румынiи разставлены казаки; они же обыкновенно конвоируютъ всѣхъ штабъ-офицеровъ и нерѣдко даже сотнями. На всѣ подобныя ничтожныя работы отрываются отъ армiи значительныя и полезныя силы, которыя могли бы на своемъ мѣстѣ оказать гораздо болѣе пользы. Обыкновенно весь казачiй полкъ разбирается по частямъ, а командиръ полка остается одинъ со знаменемъ, штабомъ и знаменнымъ карауломъ и часто даже не знаетъ, гдѣ находятся его казаки. Бываютъ нѣкоторые счастливые полковые командиры, которымъ удается избѣгнуть печальной участи своихъ товарищей и въ дѣйствительной боевой службѣ, сталкиваясь лицомъ къ лицу съ непрiятелемъ, оправдывать заслуженную боевую славу Донцовъ. О смѣтливости казаковъ убѣдительно говоритъ одинъ фактъ: еще до занятiя Балканскаго прохода, простой урядникъ Фетисовъ взобрался незамѣтно на самую гору Св. Николая подполозъ почти къ самому турецкому лагерю, набросалъ кроки и снялъ диспозицiю всего лагеря и ложементовъ съ замѣчательною точностью, которая впослѣдствiи была провѣрена.»

— Въ *Сѣверный Вѣстникъ* писали изъ Порадима отъ 24-го августа:

«По случаю громаднаго скопленiя русскихъ войскъ въ нашей деревнѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ, все, касающееся жизненыхъ припасовъ и предметовъ первой необходимости, здѣсь ужасно вздорожало. Вы не можете себѣ представить такой дороговизны, какъ здѣшняя. За каждый кусокъ хлѣба надо было расплачиваться нѣсколькими франками; пудъ сѣна стоилъ рубль; овесъ приблизительно въ такой-же цѣнѣ. Да и то дай Богъ, чтобы вамъ и за такiя цѣны не привелось просидѣть нѣкоторое время безъ хлѣба. Единственное спасенiе для всѣхъ пребывающихъ здѣсь — наши казаки. Этотъ народъ, обладающiй неимовѣрной практичностью, всегда съумѣетъ найти и достать все, въ чемъ вы нуждаетесь. Какими путями нашимъ казакамъ удается добывать различные съѣстные припасы—трудно понять. Недавно нѣкоторыя лица крайне нуждались въ овсѣ для своихъ лошадей. Пришлось, по необходимости, обратиться къ казакамъ Черезъ полчаса овесъ былъ уже на мѣстѣ. —«Откуда ты взялъ этотъ овесъ?» спросилъ кто-то изъ присутствующихъ. «Съ турецкихъ полей, ваше б—дiе.»— «Самъ жалъ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше б—дiе, звѣрки сносили» — «Какiе звѣрки?» —«А такiе, что хлѣбъ съ колоса поѣдаютъ и таскаютъ въ кучки.»—«Такъ это изъ тѣхъ кучекъ ты набралъ 13 мѣръ овса?»— «Точно такъ, ваше б—дiе.» Въ другой разъ мнѣ привелось видѣть слѣдующую сцену. Казакъ бѣжитъ за гусемъ, который, широко размахивая крыльями, едва успѣваетъ отъ него спастись.— «Ты что ловишь?» спрашиваетъ случившiйся въ ту минуту офицеръ.

— Турецкiй, ваше благородiе, все равно безъ корму подохнетъ.

— Да какъ ты знаешь, что турецкiй?

— По одному «маху» видно, ваше б—дiе: кабы не былъ турецкiй, давно бы улетѣлъ.

«О нашемъ положеніи при Шипкѣ здѣсь извѣстно, что въ настоящее время баши-бузуки, числомъ отъ 1,500 до 2,000, которымъ удалось обойти наши шипкинскія позиціи, намѣревались перерѣзать дорогу, ведущую отъ Габрова, но безуспѣшно. Наша пѣхота, прибывшая во-время, успѣла отбить ихъ и прогнать съ большимъ урономъ. Турки все еще держатся на извѣстныхъ высотахъ и въ состояніи обстрѣливать дорогу, ведущую къ нашимъ позиціямъ, но о наступленіи ихъ пока не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ къ нашимъ войскамъ подошли весьма нужныя подкрѣпленія. Выбить остатки турокъ изъ занимаемыхъ ими высотъ, съ которыхъ они до сихъ поръ въ состояніи наносить намъ немаловажный вредъ, возможно только обходомъ. До сихъ поръ, однако, обходъ этотъ не былъ возможенъ по недостаточности нашихъ силъ. Но теперь во всякомъ случаѣ вопросъ о владѣніи Шипкинскимъ переваломъ, которое дѣйствительно нѣкоторое время можно было считать вопросомъ, окончательно рѣшенъ въ нашу пользу.»

Геройскій подвигъ русскаго отряда во время рекогносцировки.

«Батальонъ русской пѣхоты, выславъ впередъ 60 человѣкъ казаковъ, выступилъ на разсвѣтѣ изъ лагеря, перешелъ Кара-Ломъ и направился къ сѣверу, такъ, какъ ему поручено было произвесть рекогносцировку до дороги, соединяющей Джуму съ Разградомъ. Около десяти часовъ онъ былъ уже близь Бажислера,—казаки шли впереди, въ разстояніи около 800 метровъ, какъ вдругъ на дорогѣ показался отрядъ турокъ. Не долго думая, русскіе тотчасъ-же открыли огонь. Но турки превосходили русскихъ численностью и, четверть часа спустя, послѣдніе около 800 человѣкъ были обойдены и окружены болѣе чѣмъ 2,000 османцевъ. Сдаваться въ открытомъ полѣ—не подобаетъ; однакожь турки предложили непріятелю прекратить огонь, снисходительно предваривъ его, что всякое сопротивленіе тутъ безполезно. На предложеніе это былъ отвѣтомъ усиленный ружейный огонь. Командиръ отряда, раненый, наскоро созвалъ своихъ офицеровъ. «Что касается меня, сказалъ онъ, то я полагаю, что лучше лечь здѣсь всѣмъ до послѣдняго человѣка, чѣмъ попасться туркамъ въ плѣнъ. Я хотѣлъ-бы однако знать ваше мнѣніе, прежде чѣмъ остановиться на такомъ рѣшеніи. Положеніе наше вамъ извѣстно; какъ поступили-бы вы на моемъ мѣстѣ»? «Дрались бы до послѣдней крайности,» былъ отвѣтъ. «Такъ скажите вашимъ людямъ, что обязанность ихъ—умереть, но не сдаваться.» Офицеры возвратились на свои мѣста. Солдаты разсыпались стрѣлковою цѣпью, укрывались за каждымъ встрѣчаемымъ препятствіемъ, стрѣляли ползкомъ, чтобы не служить мишенью для непріятеля, и, вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращали огня. Около 100 изъ нихъ убито и ранено, на-лицо оставалось еще 700, а при такихъ условіяхъ можно было еще долго держаться противъ турокъ. И начался горячій, безпощадный отчаянный бой.

«Что дѣлали однакожь въ это время высланные впередъ казаки? Изъ своей засады турки видѣли ихъ, но предполагая, что казаки составляютъ авангардъ пѣхотнаго отряда, не трогали послѣднихъ, чтобы не встревожить шедшія за ними войска. И такъ, казаки спокойно продолжали идти, пока ружейная пальба не заставила ихъ остановиться. Командиръ отряда догадался, что русская пѣхота аттакована. Онъ воротился назадъ, чтобы опредѣлить численность непріятеля, и убѣдился при этомъ въ невозможности аттаковать турокъ съ фронта. «Турки, подумалъ онъ, навѣрное видѣли насъ; они полагаютъ, что я не слышалъ перестрѣлки и потому иду да иду впередъ, а если и слышалъ, то немедленно вернусь назадъ.» Но этому не бывать.» Онъ приказалъ казакамъ вскачь слѣдовать за нимъ, сдѣлалъ большой объѣздъ, обогнулъ Бажислеръ, возвратился на Кара-Ломъ, поднялся вверхъ по теченію этой рѣки до Гайдаркіоя и снова выѣхалъ на пройденную утромъ дорогу. Наконецъ казаки подошли къ полю сраженія; по прежнему гремѣла перестрѣлка. «Я веду васъ на вѣрную смерть, сказалъ командиръ казакамъ; держитесь крѣпко!» Въ часъ по полудни, горсть удальцовъ прибыла на поле битвы. Турки, никакъ не ждавшіе появленія кавалеріи съ этой стороны, подумали, что отрядъ казаковъ составляетъ только авангардъ сильнаго подкрѣпленія. Независимо отъ этого, они были истощены упорнымъ сопротивленіемъ русской пѣхоты и понесли, къ тому же, большой уронъ къ людяхъ... Однимъ словомъ, ударили отбой и турки отступили... не всѣ однакожъ, потому что они лишились 237 человѣкъ плѣнными.

«У русскихъ въ дѣлѣ этомъ выбыло изъ строя 180 человѣкъ. Начальникъ отряда и всѣ казачьи офицеры были переранены.»

Страшное безчеловѣчіе турокъ надъ болгарами.

Однажды въ августѣ 1877 бѣжавшіе отъ неистовствъ турецкихъ войскъ болгаре привели съ собою изъ Карамаплы двухъ молодыхъ дѣвушекъ, на которыхъ безъ содроганія нельзя было смотрѣть. Одной лѣтъ 11, а другой около 13. Предварительно обѣ дѣвочки были осквернены и изнасилованы цѣлымъ кагаломъ черкесовъ. Затѣмъ, одну изъ нихъ черкесы заставили держать руки крестомъ на груди и сдѣлали по ней два выстрѣла изъ пистолета. Одну руку наши доктора ампутировали. Другую дѣвушку черкесы привязали за обѣ руки къ дереву и, проскакивая мимо, по очереди рубили шашками по рукамъ. Она пришла безъ обѣихъ кистей рукъ. Эти примѣры, два изъ многихъ, достаточно характеризуютъ тѣ ужасныя пытки, которымъ подверглись несчастные, ни въ чемъ неповинные болгаре.

Наши страдальцы послѣ Плевненской битвы, 18 Іюля.

«Послѣ переправы, сестры получили назначеніе служить въ поѣздахъ для перевозки раненыхъ до Яссъ и были отправлены въ Фратешти. Раненыхъ привозили въ Фратешти на повозкахъ транспортами въ 300 человѣкъ. Они были

перевязаны въ госпиталѣ, но передавались сестрамъ въ ужасномъ видѣ: покрытые пылью, съ загноившимися ранами, вслѣдствіе того, что, во время пути до Фратештъ, имъ не дѣлались перевязки. Раздавались отовсюду вопли о перевязкѣ ранъ; но многимъ страдальцамъ приходилось долго ждать, потому что сестеръ милосердія было очень мало: иной разъ приходилось до 100 человѣкъ на каждую. Во время пути сестры не знали отдыха: иногда имъ приходилось не ѣсть по полусутокъ; но ихъ трудъ вознаграждается тою видимою пользою, которую онѣ приносятъ, тѣмъ сердечнымъ отношеніемъ, которое устанавливалось между ними и ранеными. Солдаты не видѣли въ нихъ начальства и полюбили ихъ. «Совѣстно было выслушивать ихъ благодарности,» —разсказывала мнѣ одна изъ сестеръ.

«При сдачѣ раненыхъ въ Яссахъ, въ другой поѣздъ, нѣкоторые раненые со слезами прощались съ сестрами. Когда сестра говорила больнымъ, что придетъ докторъ для перевязки, они умоляли, чтобы она сама сдѣлала. Были такіе, отъ которыхъ ни начальники, ни доктора не могли добиться отвѣта на вопросы, но они отвѣчали сестрамъ; въ ихъ обществѣ они никого не боялись и говорили то, что было на душѣ.

— Какую мы радость принесемъ въ деревню, – разсуждали: — на какую работу мы годны безъ руки да безъ ноги?

«Большинство переносило боль съ замѣчательною стойкостью; были случаи даже полнаго пренебреженія къ ранѣ. Такъ, напримѣръ, у одного изъ солдатъ осколокъ гранаты скользнулъ по ногѣ, сорвавъ тонкій слой мяса, не тронувъ кости, отъ колѣна почти до таза.

«При размѣщеніи раненыхъ въ вагонѣ, не дѣлалось разницы между офицерами и солдатами; только разъ былъ случай, что одинъ офицеръ протестовалъ противъ этого справедливаго обычая, возмущаясь тѣмъ, что его положили рядомъ съ солдатомъ.

— Не слушайте его: онъ очень страдаетъ, оттого и придирается... старались оправдать его товарищи передъ сестрами.

«Несчастный дѣйствительно сильно страдалъ: въ госпиталѣ ему положили гипсовую накладку на разбитую ключицу, и крошки гипса причиняли ему страшную боль.

«Значительная часть ранъ была на рукахъ и ногахъ; многіе имѣли по нѣскольку ранъ, но сами больные иногда не знали точно, сколько у нихъ ранъ.
— Сколько ранъ? спрашивала сестра милосердія одного солдата, приступая къ перевязкѣ.

— Три, сестрица...

«А у него оказалось двѣ пулевыя раны въ ногѣ; одна въ плечѣ и четыре раны въ ягодичной части; всѣ раны въ одно мѣсто онъ считалъ за одну.

«Былъ раненый, отъ котораго осталось только туловище съ головой: обѣ ноги и руки были у него отняты. Другому, съ подрѣзаннымъ пулею языкомъ, вливали пищу чрезъ трубочку, вставленную въ горло. Ужасное впечатлѣніе

производятъ раны въ лицѣ при снятіи перевязки; несчастные съ расплюснутымъ носомъ, съ раздробленною челюстью.

«Въ толкахъ раненыхъ о сражавшихся съ ними туркамъ замѣчательно, что раненые не имѣютъ къ нимъ злобы.

— Развѣ они по своей волѣ въ насъ палятъ разсуждали раненые: — имъ приказываютъ, а коли ослушаться, такъ свои забьютъ.

«Обстановка жизни болгаръ произвела на солдатъ сильное впечатлѣніе. Вспоминая свои деревни, они завидовали болгарамъ.

«Куда лучше нашего живутъ... говорили они.

«Сдавъ раненыхъ въ Яссахъ, сестры милосердія отдыхали одинъ день и затѣмъ отправлялись въ пустыхъ вагонахъ за новыми ранеными въ Фратешти. Такихъ поѣздовъ двѣнадцать; на каждомъ по пяти сестеръ милосердія.»

Плѣнный Решидъ-бей.

(Очеркъ лагерной жизни.) *)

«Раннимъ утромъ пробудили меня звуки погребальнаго марша и ружейные залпы-салюты, которыми сопровождалось опусканіе въ одну общую могилу тѣлъ героевъ, павшихъ въ «диверсіи» 6-го августа. Хотя солнце стояло невысоко надъ горизонтомъ, но въ утреннемъ воздухѣ чуялась духота, обѣщавшая перейти послѣ полудня въ нестерпимый и палящій жаръ. Я вышелъ изъ своей палатки на лагерный «Головинскій проспектъ» (такъ-называлась самая широкая улица нашего полотнянаго города). Около ставки командующаго корпусомъ замѣтно было какое-то особенное движеніе: адъютанты подъѣзжали и уѣзжали, нѣсколько милиціонеровъ джигитовали на своихъ выносливыхъ карабахахъ, штабные офицеры, съ кипами форменныхъ бумагъ, суетливо скользили въ узкихъ проходахъ между палатками.

— Что такое случилось? спрашиваю я у одного скользившаго штабнаго.

— Побѣда! отвѣчаетъ онъ мнѣ иронически-торжественно и исчезаетъ за полотномъ штабной канцеляріи.

Какая побѣда? гдѣ? когда? возникаютъ въ моей головѣ вопросы; но за разрѣшеніемъ ихъ не къ кому обратиться. Кругомъ меня одни деньщики, вышедшіе на проспектъ для чистки офицерскаго платья. Направляюсь къ палаткѣ Лорисъ-Меликова и отъ дежурнаго адъютанта разузнаю, что сегодня, передъ разсвѣтомъ, генералъ-маіоръ Арцу-Гермаевъ съ охотниками отъ кавалерійскихъ частей, чеченцами и нижегородскими драгунами, подкравшись къ турецкому аванпостному лагерю, у селенія Субботана, съ гикомъ ворвался туда и произвелъ нападеніе. Вскочивши со сна, турки совершенно потерялись и первое время недоумѣвали, въ чемъ дѣло: пользуясь этимъ смятеніемъ, наши охотники успѣли перебить до ста

*) Корр. отъ 8 августа 1877 г. изъ Кюрикъ-Дара. Въ С.-П. Вѣд.

непріятелей, захватили въ плѣнъ 27 сувари, вмѣстѣ съ начальникомъ аванпоста, Решидъ-беемъ, взяли много оружія, отбили тридцать лошадей и молодецки отретировались, когда во всемъ лагерѣ поднялась тревога и на Аладжѣ раздался условный пушечный выстрѣлъ. Въ этомъ отчаянномъ набѣгѣ, поднявшемъ на ноги все мухтаровское полчище, убитыхъ у насъ не было, легко ранено семь нижнихъ чиновъ и контужены двое эскадронныхъ командировъ Нижегородскаго драгунскаго полка, гг. Витте и Чернышевъ.

— Какъ же вамъ удалось начальника-то аванпостовъ захватить? обратился я къ казаку, участвовавшему въ набѣгѣ и привезшему изъ нашего авангарднаго лагеря, изъ Башкадыклара, какіе то пакеты къ корпусному.

— Да оченно просто—спамши они были... Ну, а какъ прослышамши этотъ самый нашъ гомонъ, потому мы по ихнему вдарились въ лагерь, съ гикомъ, чтобы турку сичасъ сомутить и напужать со сна то,—они изъ своей палатки выбѣжали въ одномъ архалукѣ; тутъ ихъ наши казачки и застукали, значитъ — въ безоружіи захватили.. Да и смѣхота, ха, ха, ха! Казакъ закружилъ головою и захихикалъ, прикрывая ротъ ладонью руки.

— Какая смѣхота? Чего ты? спросилъ адъютантъ. Казакъ улыбался, переминался съ ноги на ногу, крутилъ головою и молчалъ.

— Да ну, говори, что такое? приказывалъ адъютантъ.

— Ужъ вы извините, вашскродіе, потому оно истинно такъ. Казачки-то сказываютъ, какъ застукали ихъ, глянули въ палатку, анъ тамъ баба, какъ есть значитъ турецкая баба въ углу прижалась; увидѣла нашихъ казаковъ, да съ переляку-то визжать, потому думала—убьютъ; одначе же, наши только плюнули да захохотали, а пальцемъ ея не тронули... Одно сказать: и смѣхъ—и грѣхъ; ужъ именно, что турка—невѣрный, какъ есть необачный!

— Почему необачный, полюбопытствовалъ я.

— Да какъ же, ваше вскродіе, по нашему сказано: «люби съ молоду, ѣшь съ голоду», а они...

Казакъ снова захохоталъ.

— Или немолодой, а?

— Три зуба во рту, весь сѣдой... Помора! Да и баба то турецкая, сказываютъ, ровно вѣдьма, черная-расчерная, какъ есть арабка.

— Пакетъ къ генералу Девелю. Кто отъ него пріѣхалъ? спрашиваетъ офицеръ, вышедшій изъ палатки корпуснаго командира.

— Я, ваше скродіе! вытягиваясь въ струнку и прикладывая корявую пятерню къ порыжѣлой папахѣ, отзывается нашъ казакъ.

— Отдать въ собственныя руки! приказываетъ офицеръ, вручая конвертъ.— Вези скорѣе—спѣшное... Ну, маршъ!

И черезъ минуту, спрятавъ бережно на груди полученный пакетъ, казакъ, какъ стрѣла летитъ на своей поджарой степной лошадкѣ по направленію къ Караяльской горѣ, черезъ которую ѣздятъ въ Башкадыкларъ.

Отъ офицера, вынесшаго пакетъ, я узналъ, что М. Т. Лорисъ-Меликовъ приказалъ захваченнаго въ плѣнъ Решидъ-бея препроводить немедленно изъ баш-

кадыкларскаго лагеря въ кюрюкъ-даринскій, гдѣ онъ намѣренъ лично сдѣлать допросъ плѣнному. Всѣ подобные допросы не обходятся безъ участія штабсъ-офицера надъ вожатыми, полковника Кишмишева, а потому я отправился къ нему съ просьбою дать мнѣ возможность, если это не противорѣчитъ «высшимъ военнымъ соображеніямъ», побесѣдовать черезъ переводчика съ Решидъ-беемъ, когда его привезутъ въ нашъ лагерь. Моя просьба не только была уважена, но мнѣ было дано любезное обѣщаніе прислать опытнаго переводчика для переговоровъ съ плѣнникомъ, послѣ снятія съ него допроса командующимъ корпусомъ.

Около шести часовъ вечера ко мнѣ въ палатку вошелъ черномазый «восточный человѣкъ», атлетическаго сложенія, весь заросшій черными волосами, въ синей черкескѣ, съ аршиннымъ кинжаломъ и двумя кремневыми пистолетами за наборнымъ, блестящимъ поясомъ; черезъ плечо у него висѣла шашка, оправленная въ серебро, а въ рукахъ онъ держалъ огромную баранью шапку, какія носятъ карапапахи и крымскіе татары. Отрекомендовавшись мнѣ переводчикомъ, присланнымъ Кишмишевымъ, онъ пригласилъ меня отправиться къ привезенному изъ Башкадыклара и допрошенному уже М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, Решидъ-бею.

— А гдѣ находится плѣнникъ? спросилъ я толмача, выходя на «Головинскій проспектъ».

— Въ палаткѣ, рядомъ съ полковникомъ Кишмишевымъ.

Ускореннымъ шагомъ пошли мы по лагерю; всю дорогу переводчикъ болталъ безъ умолку, хвасталъ знаніемъ восточныхъ языковъ и тѣми великими заслугами, какія онъ оказалъ на службѣ «Царю». Я пропускалъ мимо ушей его розсказни, поглощенный ожиданіемъ бесѣды съ военноплѣннымъ турецкимъ офицеромъ.

— Здѣсь—указалъ мнѣ переводчикъ на закрытую на-глухо турецкую палатку.

Я на минуту остановился передъ входомъ, смущаясь и раздумывая, какой бы найти предлогъ такому непрошенному и внезапному визиту съ моей стороны.

— Что же вы?... входите!... Видно собака-то боится, что его повѣсятъ! ха, ха, ха... Притаился, словно его и нѣтъ, ха, ха, ха!

Эти слова, этотъ наглый смѣхъ «восточнаго человѣка», такъ непріятно подѣйствовали на меня, что я готовъ былъ вернуться назадъ.

— Вотъ что, осѣненный внезапною мыслью, обратился я къ спутнику: представьте меня докторомъ, присланнымъ справиться о здоровьѣ плѣнника, а то неловко безпокоить его изъ одного любопытства.

— Охота церемониться съ этими собаками... началъ было переводчикъ, но я остановилъ его, требуя, чтобъ мое желаніе было исполнено непремѣнно.

— Хорошо, хорошо, будетъ исполнено! успокоивалъ меня толмачъ и, отдернувъ входное полотно, проговорилъ громко: пожалуйте!

Въ глубинѣ палатки, на разостланомъ старомъ, истрепанномъ коврѣ, сложивъ ноги калачемъ, сидѣлъ видный мужчина, лѣтъ за 50, съ сѣдыми рѣдкими волосами, небольшою такою же бородою и усами, опущенными внизъ; характерный ястребиный носъ, большіе блестящіе глаза изъ подъ нависшихъ густыхъ

бровей и толстыя губы придавали его физіономіи непріятное выраженіе; въ каждомъ мускулѣ, въ каждой складкѣ его помятаго лица просвѣчивала чувственность и самовластіе. При нашемъ появленіи, Решидъ-бей сдѣлалъ было движеніе подняться, но моментально скрылъ его, уставя вопросительно-пугливо свои глаза на моемъ корреспондентскомъ значкѣ, вдѣтомъ въ правой петлицѣ сюртука. Переводчикъ вѣроятно отрекомандовалъ меня докторомъ и объяснилъ вымышленную причину нашего визита, потому что Решидъ-бей быстро поднялся на ноги, отдалъ сначала по восточному «селямъ», а потомъ смѣло по-европейски протянулъ мнѣ свою жирную, но чистую руку, пожалъ съ достоинствомъ мою, жестомъ пригласилъ меня сѣсть и самъ опустился на коверъ. Одѣтъ онъ былъ въ ситцевый яркихъ цвѣтовъ, на ватѣ, казакинъ и въ темносинія суконныя шаровары; платье не отличалось ни новизною, ни опрятностью: всюду виднѣлись сальныя пятна, за то необутыя даже въ носки, голыя ноги поражали своею чистотою и бѣлизною. Лице его значительно просвѣтлѣло, на немъ появилось нѣчто въ родѣ улыбки, хотя далеко не симпатичной и непривлекательной. Послѣ вопросовъ весьма подробныхъ о здоровьѣ,—я старался выдержать принятую на себя роль доктора до конца,—разговоръ перешелъ незамѣтно на предметы, болѣе меня интересующіе. Плѣнникъ оказался разговорчивымъ, а присланный Кишмишевымъ чай, сухари и папиросы окончательно развязали языкъ угрюмаго на видъ Решидъ-бея. Изъ бесѣды уяснилось, что онъ уроженецъ Синопскаго вилайета, служилъ въ самомъ Синопѣ жандармомъ-офицеромъ, въ чинѣ «пириджимилодзимъ», въ родѣ нашего штабсъ-капитана: всего двѣ недѣли, какъ прибылъ въ лагерь къ Мухтару, вмѣстѣ съ сотнею синопскихъ жандармовъ-солдатъ, которые страдали въ дорогѣ диссентеріею, и двадцатьтри дня принуждены были остаться въ карскомъ госпиталѣ. О Карсѣ Решидъ-бей передавалъ слѣдующіе извѣстія дороговизна въ городѣ страшная, пудъ хлѣба доходитъ до двухъ рублей; размѣнной мелкой монеты почти не существуетъ; жителей выселяютъ чуть не силою; всѣ обывательскіе домы обращаются въ казармы для помѣщенія солдатъ на зиму: каждодневно свозятъ туда запасы провіанта, фуража, артиллерійскихъ и ружейныхъ снарядовъ; у окрестныхъ жителей отобранъ весь нынѣшній урожай; казенныя и частныя мельницы днемъ и ночью безостановочно заняты перемоломъ хлѣба для войска, гарнизонъ Карса всякій день высылается на работы новыхъ укрѣпленій и усиленіе прежнихъ; орудуютъ этимъ дѣломъ двое англичанъ-инженеровъ, а артиллеріею завѣдываютъ пятеро венгерцевъ, прибывшихъ въ крѣпость передъ осадою ея нашими войсками. О Мухтарѣ плѣнникъ относился съ большимъ уваженіемъ, хотя и упрекалъ въ гордости, недоступности и чрезмѣрной строгости. Турецкія войска, расположенныя лагеремъ на Аладжинскихъ горахъ, терпятъ всего болѣе отъ холода,—въ послѣднее время утренники такъ крѣпки, что вода мерзнетъ, а въ полдень жаръ доходитъ до двадцати пяти градусовъ. Такіе рѣзкіе переходы развиваютъ среди солдатъ болѣзни и всеобщій ропотъ, такъ, что главнокомандующій въ самомъ недалекомъ будущемъ долженъ или спуститься лагеремъ въ долину, или отвести войска на зимнія квартиры въ Карсъ. Мнѣ неловко было затрогивать вопроса о захватѣ въ плѣнъ Решидъ-бея

но онъ самъ, увлекшись разсказомъ о томъ, что турецкое правительство не платитъ офицерамъ жалованья за цѣлые пятнадцать мѣсяцевъ, воскликнулъ: «О, Аллахъ! За что мы терпимъ? Вотъ хоть бы я — силою меня взяли изъ роднаго города... Тамъ у меня свой домъ, семья... одинъ сынъ десяти лѣтъ... О, мой сынъ; его нѣтъ со мною!... не увижу я его!... Я попалъ въ плѣнъ... отдался живымъ въ руки, какъ баранъ,—а за что?! Все это инглизы, гяуры... Они виновники нашего несчастія... Шакалы, торгаши, пьяницы...»

Потокъ ругательствъ разгорячившагося турка былъ прерванъ громкимъ отзвукомъ выстрѣла лагерной пушки, возвѣщавшей зарю. При этомъ Решидъ-бей, глаза котораго за минуту горѣли огнемъ ненависти, губы складывалась въ страшную улыбку, а голосъ прерывался отъ непритворнаго, неудержимаго негодованія и волненія, вдругъ первно вздрогнулъ, печально прошепталъ: О Аллахъ Аллахъ! и какъ будто потухъ, замеръ, уныло опустя голову. Стало жаль плѣнника; всталъ проститься:

Приходите опять, вы московъ добрые, простые, не хитрые... Я бывалъ въ Одессѣ, зналъ много московъ—хорошіе люди... А Инглизи... нѣтъ! хитрые, злые... отъ нихъ бѣда, они враги наши, упавшимъ голосомъ съ чувствомъ проговорилъ Решидъ, крѣпко пожимая мнѣ руку на прощанье.

Лагерная жизнь въ Азіатской Турціи.

— Въ *Голосъ* писали изъ аула *Гюлюджи* отъ 12-го августа 1877 года.

«Наконецъ, послѣ шестидневнаго марша, изъ развалинъ Ани мы достигли эриванскаго отряда. Сюда мы прибыли болѣе налегкѣ, чѣмъ изъ Башкадыклара къ развалинамъ Ани. Вообще, лагерь генерала Тергукасова похожъ больше на бивуакъ, чѣмъ на лагерь: палатокъ взято по три на батальонъ для офицеровъ и по одной на роту для легко-больныхъ солдатъ. Отрядъ генерала Тергукасова очень подвиженъ: мы можемъ въ десять минутъ выступить по тревогѣ, а черезъ двадцать минутъ можетъ двинуться и обозъ.

«Войска, которыя я здѣсь увидѣлъ, произвели на меня самое хорошее впечатлѣніе: видъ бодрый и веселый; постоянно слышатся пѣсни, музыка. Солдаты только немного пообносились, но уже начальство принимаетъ мѣры и даже хлопочетъ, въ виду наступающихъ холодныхъ ночей, о полушубкахъ. Обувь до сихъ поръ еще довольно удовлетворительна: охотники щеголяютъ въ плетеныхъ башмакахъ и, повидимому, очень рады, что могутъ сохранить черезъ это сапоги, которые надѣваютъ только при походныхъ движеніяхъ, когда не имѣется въ виду встрѣчи съ турками.

«Подкрѣпленія прибыли уже въ Эриванскій отрядъ и, если не ошибаюсь, послѣднимъ прибылъ 155-й Кубинскій полкъ. Генералъ Тергукасовъ имѣетъ въ настоящее время въ своемъ распоряженіи больше двадцати батальоновъ. Турки стоятъ въ верстахъ въ 15-ти отъ Гюлюджи на Каравансарайскомъ перевалѣ.

Часть войскъ генерала Тергукасова стоитъ у Игдыря, другая часть, въ которой и недавно прибывшій Кубанскій полкъ, расположена вблизи аула Гюлюджи.

«Вскорѣ ожидается дѣло. Войска въ настоящее время уже нѣсколько дней занимаются устройствомъ дороги къ перевалу и небольшими рекогносцировками. Аванпостная служба довольно усиленная. То и дѣло слышишь: «Второй батальонъ такого-то полка на горы!» «Шестой ротѣ занять сосѣдній аулъ!»—Зачѣмъ это? спрашиваетъ ротный командиръ.—А тамъ осталось сѣно бѣжавшихъ жителей, раззоренныхъ турками, такъ отрядный командиръ заботится, чтобъ оно было цѣло на случай ихъ возвращенія, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ извѣстно было, какая часть войскъ имъ воспользовалась, чтобъ потомъ произвести уплату.

«Варить обѣдъ третьему батальону!» слышится рано утромъ. Третій батальонъ обѣдаетъ по приказанію: «пошелъ, выходи на обѣдъ»! Мяса въ волю—по $1^1/_2$ фунта на человѣка, только оно утромъ съѣдается не все, а каждый солдатъ беретъ по фунту въ ранецъ, и надо видѣть, съ какимъ апетитомъ мясо съѣдается вмѣстѣ съ размоченными въ ключевой водѣ сухарями на постахъ!...

— «Меня разбираетъ аппетитъ, глядя на нихъ. Тамъ у меня, кажется, сыръ есть въ сумочкѣ, на сѣдлѣ, говоритъ прикомандированный къ 3-му батальону гвардейскій офицеръ, временно командующій ротою.

— «Сейчасъ будетъ пловъ готовъ», отвѣчаетъ батальонный адъютантъ, вмѣстѣ съ нимъ держащій обѣденный столъ.

— «Это какими судьбами? Гдѣ вы взяли риса, кишмиша, сушеной кураги (абрикосовъ)?»

«Все есть въ переметныхъ сумкахъ у запасливаго офицера, даже самоваръ и чайныя принадлежности.

— Вы, можетъ быть, и вино мое захватили; тамъ, кажется, было двѣ бутылки?

— Обѣ взялъ, отвѣчаетъ батальонный адъютантъ:—и даже велѣлъ прокипятить; я знаю, что вы сыраго кахетинскаго не пьете.

«Садятся, закусываютъ, вспоминаютъ жизнь до компаніи, говорятъ о военныхъ событіяхъ. Оказалось, что и гвардейскій офицеръ былъ въ одномъ случаѣ запасливѣе армейскаго: у него нашлись привезенныя изъ Петербурга крафтовскія сигары и отличный табакъ.

«Вдругъ, со стороны перевала, слышится нѣсколько выстрѣловъ. Молодой ротный командиръ кинулся къ ротѣ и велѣлъ надѣвать ранцы. Засуетились казаки, проскакалъ князь Амилахвари. «Что-то затѣвается», сказалъ одинъ изъ офицеровъ, и оба начали смотрѣть въ бинокль. Правѣе Арарата, по склону большой горы, гдѣ стояли турки, показалось что-то черное и послышалось нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. «Подождите; еще намъ рано двигаться... Пойдемте, тамъ у меня есть засахаренные фрукты,—мнѣ мать прислала изъ Тифлиса», сказалъ батальонный адъютантъ, привыкшій къ такимъ тревогамъ...

«Въ сторонѣ послышались команды и крики «сѣдлай». Всѣ офицеры кавказской арміи, за малыми исключеніями, ѣздятъ въ строю верхомъ. «Роты вне-

редъ!» послышалась команда батальоннаго командира. Молодой ротный командиръ быстро вскочилъ на лошадь, энергично скомандовалъ и повелъ роту впередъ. За сосѣднимъ холмомъ встрѣтили любимка казаковъ, князя Амилахвари, спокойно курящаго папиросу и возвращающагося назадъ. Тревога кончилась.

«Ничего нѣтъ! Какъ это досадно!» слышалось со всѣхъ сторонъ.—«Не пущаетъ начальство! что подѣлаешь!... а ужъ пустили бы, мы бы ему показали!» (слово «онъ» на солдатскомъ языкѣ значитъ непріятель) слышится между солдатами, которые всегда торжествуютъ въ ожиданіи боя и ужъ не остановятся ни передъ чѣмъ.—«Карошъ русскій солдатъ! Очень карошъ!» говорилъ, какъ мнѣ передавали, французскій корреспондентъ, видя, какъ наши карабкались на гору подъ Зивиномъ.

«Тревога кончилась; войска заняли прежнюю линію холмовъ, отведенную генеральнымъ штабомъ для аванпостовъ, и снова начались мирные разговоры и закуски. Черезъ нѣсколько времени хлынулъ дождь, наступила темная кавказская ночь и сдѣлалось холодно сразу послѣ 30° жары. Офицеры закутались въ бурки, солдаты напялили шинельки. Откуда-то достали соломы.

— Ваше высокоблагородіе! Васъ адъютантъ просятъ! обращается фельдфебель къ гвардейскому офицеру. Обернувшись назадъ, ротный командиръ увидѣлъ прекрасно устроенный изъ ружей шалашъ и медленно поплелся къ адъютанту, который приготовлялъ чай.

— Что вы такъ пріуныли? обращается адъютантъ къ гвардейскому офицеру.

— Эхъ, батюшка! еслибъ мнѣ этою ротой постоянно командовать... очень я на нее надѣюсь! отвѣчаетъ ротный командиръ.

— Отчего жь вы ея не примете? Вѣдь, вы имѣете право принять...

— Оттого, что я ее долженъ сдать законному ротному командиру тотчасъ же по его выздоровленіи...

«Вотъ вамъ маленькій очеркъ нашей лагерной жизни.»

Семидневный Шипкинскій бой.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатана слѣдующая корреспонденденція отъ 17 августа 1877 г., значительно освѣщающая событія Шипкинской битвы и сообщающая много подробностей, ускользнувшихъ отъ вниманія корреспондента *Daily News*.

«Съ семи часовъ утра 9 августа, говоритъ корреспондентъ, начался на Шипкинскомъ перевалѣ ожесточенный бой, исходъ котораго принадлежитъ еще будущему, хотя, надо надѣятся, это будущее не заставитъ долго ожидать себя. Офиціальныя донесенія съ Шипки въ Главную Квартиру приходятъ по нѣскольку разъ въ сутки, но такъ какъ всѣ они направляются телеграфнымъ путемъ, то поэтому, конечно, передаютъ въ самой сжатой формѣ только важнѣйшую сущность дѣла. Подробности еще неизвѣстны, а если и доходятъ нѣкоторыя изъ нихъ, то это происходитъ частнымъ путемъ, посредствомъ устныхъ разка-

зовъ очевидцевъ, возвращающихся съ мѣста дѣйствія. Въ ожиданіи подробнаго, обстоятельнаго отчета, который своевременно сдѣлается достояніемъ печати, въ настоящую минуту, въ виду общаго, крайне напряженнаго интереса, какой несомнѣнно должны вызвать въ русскомъ обществѣ шипкинскія событія, здѣсь передаются свѣдѣнія, собранныя какъ изъ офиціальныхъ, такъ и изъ такихъ устныхъ источниковъ, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія.

«Послѣ дѣлъ генерала Гурко, 18 и 19 іюля, съ отступленіемъ передоваго отряда на Ханкіойскій перевалъ, наступило почти на три недѣли полное затишье на Забалканскомъ театрѣ дѣйствій. Въ это время общее вниманіе главнѣйшимъ образомъ было сосредоточено на Плевнѣ, куда стягивались значительныя русскія силы. Для защиты Шипкинскаго прохода были оставлены остатки 1-го Болгарскаго ополченія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Столѣтова, и часть бригады генерала Дерожинскаго. Туда же, для укрѣпленія прохода инженерными сооруженіями полеваго характера, посланъ былъ изъ Тырнова (гдѣ тогда еще находилась Главная Квартира) генералъ-лейтенантъ Кренке. Позиція на вершинѣ Шипкинскаго перевала была усилена баттареями и ложементами для стрѣлковъ, а подступы къ ней ограждены проволочными путями и фугасами. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволилъ намъ вырубить густой лѣсъ, покрывающій склоны сосѣдней вершины, которымъ нынѣ турки съ успѣхомъ пользуются какъ прекраснымъ закрытіемъ при своихъ атакахъ. Впрочемъ, не предполагая столь настойчиваго и стремительнаго напора на Шипку съ южной стороны, наше вниманіе главнѣйшимъ образомъ было устремлено на устройство и расширеніе горнаго пути отъ Габрова до южныхъ склоновъ этого перевала.

«Между тѣмъ, 7 августа, противъ деревни Шипки, въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Казанлыка, собралось слишкомъ 40 таборовъ арміи Сулейманъ-паши, не считая многочисленной конницы, которая расположилась около деревни Шипки и ознаменовала свое появленіе тѣмъ, что въ три часа пополудни, безо всякой надобности, зажгла это селеніе. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ нашими рекогносцировками и болгарами, бѣжавшими изъ пылавшей окрестности, шесть таборовъ авангарда стали въ четырехъ верстахъ позади дер. Шипки, а въ восьми верстахъ за нимъ, расположились главныя силы пѣхоты и артиллеріи противника. Весь слѣдующій день малочисленные защитники перевала провели въ напряженномъ, но напрасномъ ожиданіи атаки. Повидимому, Сулейманъ ждалъ къ себѣ еще какихъ то подкрѣпленій. И дѣйствительно, послѣдующія наши свѣдѣнія обнаружили, что противъ Шипки за послѣдніе дни стянулась не только вся армія Сулеймана, но и Реуфъ-паши, и вообще всѣ силы, какія можно лишь было стянуть изо всѣхъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей, такъ что общая цифра этихъ совокупныхъ силъ простирается до 100 таборовъ пѣхоты съ соотвѣтственнымъ числомъ горныхъ орудій. Было одно свѣдѣніе, которое впрочемъ нуждалось еще въ подтвержденіи, что Сулейманъ-паша притянулъ къ себѣ чрезъ Троянъ и Калоферъ большую часть ловчинскаго гарнизона.

«9 августа, въ 7 часовъ утра, какъ уже сказано, турки повели первую свою

атаку на нашу позицію. Будучи отбиты, они тотчасъ же возобновили нападеніе свѣжими войсками. Такихъ атакъ въ этотъ день было десять и для каждой изъ нихъ на смѣну отбитымъ частямъ выступали новые баталіоны. Энергія, упорство и настойчивость турокъ изумительны. Противъ нѣкоторыхъ штурмующихъ колоннъ пришлось пустить въ дѣло фугасы, заряженные динамитомъ. Первый фугасъ, какъ говорятъ, былъ взорванъ не совсѣмъ удачно, т. е. нѣсколько преждевременно, такъ, что не могъ причинить колоннѣ существеннаго ущерба; но все же нравственный эффектъ его вполнѣ достигъ цѣли; колонна мгновенно шарахнулась назадъ и побѣжала въ величайшей паникѣ. Но на смѣну ей тотчасъ же явилась новая. За то послѣдующіе фугасы, по словамъ очевидцевъ, были вполнѣ удачны: взрываясь въ самомъ центрѣ штурмовыхъ колоннъ, они вмѣстѣ съ камнями и землей взметали на воздухъ цѣлые баталіоны, люди падали, какъ мухи. Особенно потрясающее впечатлѣніе производили взрывы эти вечеромъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, и такимъ образомъ, какъ слышно, было взорвано семь фугасовъ. И все-таки, несмотря на столь страшное оружіе, новыя и новыя силы рѣшительно шли на штурмъ по предательской почвѣ, рискуя взлетѣть на воздухъ, какъ только что взлетали предъ ними ихъ товарищи. Бой съ одинаковымъ упорствомъ длился не только днемъ, но и ночью, до заката луны. Наши войска подпускали противника на близкое разстояніе, и тогда осыпали его пулями и картечью. Уронъ турокъ, вслѣдствіе дѣйствія фугасовъ, сметавшихъ прочь въ одно мгновеніе цѣлые баталіоны, мы считаемъ по меньшей мѣрѣ во 5,000 человѣкъ. Наша же потеря ограничилась приблизительно двумя сотнями убитыхъ и раненыхъ. Въ этотъ день войсками командовалъ сначала генералъ Столѣтовъ, а потомъ подошелъ съ ближайшимъ резервомъ изъ Габрова генералъ Дерожинскій и принялъ общее начальство надъ Шипкинскимъ отрядомъ.

Въ числѣ раненыхъ былъ какой то турецкій муширъ; 27 офицеровъ; изъ числа ихъ: начальникъ штаба болгарскаго ополченія полковникъ Рынкевичъ, получившій пулю въ ногу.

«На слѣдующій день (10 августа) турки стали дѣйствовать уже инымъ способомъ: вмѣсто того, чтобы идти на проломъ и бить, какъ тараномъ, своими баталіонами въ неприступную позицію, они устроили двѣ баттареи дальняго боя и подъ покровительствомъ ихъ огня принялись за рытье траншей; а чтобы наша артиллерія не мѣшала этимъ работамъ, сосредоточили на ней весь огонь своихъ баттарей, и въ теченіе 14 часовъ (съ 5 утра до 7-ми вечера) поддерживали самую жаркую перестрѣлку. Хотя отвѣтнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи у тукокъ и были подбиты три орудія, свалившіяся въ пропасть, тѣмъ не менѣе она не имѣла возможности сосредоточить свой огонь исключительно на траншейныхъ работахъ, которыя въ вечеру того же дня подошли на 615 шаговъ къ горѣ Св. Николы. И въ этотъ день девять атакъ были отбиты болгарами, Орловцами и Брянцами. Положеніе нашего маленькаго отряда становилось труднымъ; но въ ночь съ 10 на 11-е августа подоспѣлъ къ Габрову изъ Севліева генералъ-лейтенантъ Радецкій съ полками Волынскимъ и Минскимъ, кото-

рымъ пришлось въ одинъ день сдѣлать усиленный переходъ изъ окрестностей Тырнова—одному въ 40, а другому въ 56 верстъ. Генералъ Радецкій принялъ на себя главное начальствованіе и руководство обороной Шипки.

Войска на Шипкѣ не спали три ночи, трое сутокъ не имѣли варки, потому что уже 7-го августа всѣ 40 таборовъ Сулеймана стояли у южной подошвы перевала и ожидалась аттака. Обѣ стороны терпятъ недостатокъ въ водѣ. По разсказамъ вышедшихъ изъ боя раненыхъ, въ числѣ сражающихся видно было много англичанъ. Аттаку Шипки ведетъ тотъ самый Сулейманъ-паша, который участвовалъ въ низверженіи Абдулъ-Азиса.

«11 августа начались новыя неистовыя атаки. Турки получили еще свѣжія подкрѣпленія. Въ половинѣ 5 часа утра позиція наша была обсыпана съ трехъ сторонъ гранатами, и затѣмъ зачастилъ цѣлый градъ пуль. Гулъ непрерывныхъ орудійныхъ выстрѣловъ сливался въ одинъ раскатъ безконечнаго грома. Это по истинѣ былъ адскій огонь, подъ покровительствомъ котораго массы турецкихъ колоннъ съ трехъ сторонъ повели на насъ атаку, напирая преимущественно на нашъ правый флангъ. Тутъ было повтореніе безпрестанныхъ бѣшеныхъ приступовъ 9 числа, но только еще въ большихъ размѣрахъ.

«Около четырехъ часовъ дня наступила одна изъ самыхъ критическихъ минутъ. Послѣ цѣлаго ряда отбитыхъ атакъ, турки, казалось удесятерили энергію нападенія и по грудамъ своихъ тѣлъ шли на проломъ. Наши изнемогали. Слышно было, что идутъ къ намъ подкрѣпленія, что они уже близко, что генералъ Радецкій получилъ объ этомъ депешу, и дѣйствительно, ординарецъ за ординарцемъ скакали во весь духъ съ позиціи на Габровскую дорогу, по которой плелись, подъ ужаснымъ солнечнымъ зноемъ, поднимаясь въ крутую гору, наши стрѣлки 4-й бригады. «Бога ради, скорѣе! Поспѣшайте, торопитесь—турки уже врываются къ намъ на позицію... «Турки уже ворвались!» передавали стрѣлкамъ ординарцы—и тѣ, напрягая усилія и задыхаясь отъ тяжести пути, бѣжали въ гору. Казаки, дравшіеся въ пѣшемъ строю за завалами, послали на встрѣчу стрѣлкамъ своихъ коноводовъ. Это ускорило ихъ прибытіе. По два и по три человѣка, съ ружьями на погонномъ ремнѣ за плечами, взбирались стрѣлки на казачьихъ лошадокъ—одинъ въ сѣдло, другой—назадъ на крупъ, или двое съ боковъ, всунувъ одну ногу въ стремя и держась руками за коновода, и такимъ образомъ на рысяхъ добрались наконецъ до позиціи, гдѣ свисталъ градъ перекрестныхъ пуль и массами взрывались гранаты.

«Турки дѣйствительно почти уже ворвались къ намъ. На завалахъ кипѣлъ ожесточенный бой; со стороны противника уже раздавались торжествующіе побѣдные клики, какъ вдругъ наши стрѣлки, едва соскочивъ съ коней на землю, съ крикомъ «*ура*» стремительно ринулись въ штыки, сбросили турокъ съ заваловъ, и погнали ихъ далѣе, далѣе... Этотъ неожиданный оборотъ дѣла придалъ энергіи нашимъ. Житомірскій и Подольскій полки, вслѣдъ за стрѣлками, тоже пошли брать турецкіе ложементы. Очевидцы передаютъ что тутъ съ обѣихъ сторонъ совершены были чудеса храбрости. Итакъ, на этотъ разъ турки были отброшены въ дальніе свои ложементы. На короткое время наступило нѣ-

которое затишье—однѣ только пули жужжали, да продолжалось канонада, не столь уже частая. Бой, какъ бы отдыхалъ, сбираясь съ новыми силами, но не прекращался.

«Къ шести часамъ вечера подошли и остальные баталіоны 4-й стрѣлковой бригады, выступившіе изъ Габрова въ 11 часовъ утра, несмотря на то, что наканунѣ, послѣ длиннаго форсированнаго перехода, пришли въ Габрово уже далеко за полночь. Тотчасъ же по прибытіи на позицію, не употребивъ на отдыхъ ни единой минуты, баталіоны эти были введены въ бой и почти до полуночи совмѣстно, съ первоначальными защитниками Шипки, отбивали возобновившіе приступы турокъ, а 16-й стрѣлковый баталіонъ сбилъ ихъ съ весьма опасной для насъ высоты, лежащей противъ праваго фланга нашей позиціи.

«Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи, на темносинемъ и совершенно безоблачномъ, прозрачномъ небѣ началось одно изъ величественныхъ явленій: луна затмѣвалась. Ясный, полный дискъ ея, начиная съ лѣвой стороны, скрывался все болѣе и болѣе, и въ полночь затмился окончательно. Но луна не совершенно исчезла изъ глазъ—смутный призракъ ея все-таки былъ виденъ высоко на небѣ, почти въ зенитѣ своего теченія, и черезъ нѣсколько минутъ сталъ принимать какой-то странный, огненно-кровавый отсѣвъ. Съ началомъ этого явленія прекратились и турецкія аттаки; одна лишь канонада продолжалась еще нѣкоторое время, озаряя своими молніе подобными вспышками утопавшія въ глубокой тьмѣ сѣрыя скалы,—и наконецъ полная тишина воцарилась на Шипкѣ.

«Но не надолго замолкнулъ громъ баттарей вокругъ нашей позиціи. Въ половинѣ пятаго часа утра 12 августа турки опять открыли убійственный огонь. Вскорѣ къ намъ подошли новыя подкрѣпленія, а къ вечеру ждали прибытія еще двухъ полковъ. Войска наши доходили уже до крайней степени утомленія. Первоначальные защитники Шипки съ вечера 7-го августа не смыкали глазъ, а съ 9-го числа всѣ вообще оставались безъ горячей пищи. Воды тоже нѣтъ на Шипкѣ. Существуетъ, правда, нѣсколько ниже, на нижнемъ склонѣ одинъ фонтанъ, но онъ съ перваго же дня былъ отрѣзанъ турками, такъ что воду для питья и обмыванія ранъ нужно доставлять за 17 верстъ, изъ Габрова. Вообще нашимъ войскамъ приходится сражаться здѣсь въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ: нѣсколько сутокъ безъ сна и подъ гнетущимъ солнечнымъ зноемъ, который уже съ восьмаго часа утра становится сильно ощутителенъ, а къ 11 часамъ доходитъ до нестерпимой степени и такъ продолжается до самаго заката. Камни накаляются, а отраженіе лучей отъ сѣрыхъ скалъ рѣжетъ глазъ и усиливаетъ духоту воздуха, въ которомъ по большей части не ощущается ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка чтобъ освѣжить хоть на мгновеніе воспаленное лицо и измаявшіеся члены. Деревья опустили листья и стоятъ какъ мертвыя подъ сорокаградусною жарой. Но бывали часы, когда зной доходилъ до 40 градусовъ въ тѣни, а что же было на солнопекѣ!?. И въ этомъ-то недвижномъ раскаленномъ воздухѣ повсюду стоитъ омерзителный смрадъ гніющихъ труповъ, которыхъ множество валяется впереди нашихъ заваловъ и по оврагамъ. Турки, какъ кажется, нарочно не уби-

раютъ своихъ мертвыхъ, оставляя ихъ предъ нами для заразы воздуха, да и кромѣ того, эти трупы уже неоднократно служатъ для нихъ въ качествѣ ближайшихъ къ намъ заваловъ и ложементовъ при атакахъ. Наши видѣли, какъ непріятель складывалъ эти трупы въ кучи и наваливалъ изъ нихъ цѣлые брустверы для своихъ застрѣльщиковъ. Спасибо еще габровскимъ жителямъ: они не оставляютъ нашихъ воиновъ своими заботливыми попеченіями, возятъ на Шипку воду, хлѣбъ, вино и разные припасы, а съ 11 числа выставили воловьи подводы для отвоза въ Габрово раненыхъ. И все это дѣлается ими добровольно, съ явною опасностію для собственной жизни, такъ какъ дорога, ведущая изъ Габрова на нашу позицію усиленно обстрѣливается перекрестнымъ турецкимъ огнемъ. Вотъ гдѣ и когда сказалось кровное славянское братство Болгаръ и Русскихъ!

«12 августа турки не атаковали, но за то въ теченіе сутокъ вели непрерывный огонь, буквально обсыпая нашу позицію пулями и снарядами. Въ этотъ день, между прочимъ, былъ раненъ начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, Его Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ, въ правую ногу на вылетъ, и эта же самая пуля хватила въ бедро стоявшаго за Драгомировымъ генеральнаго штаба капитана Мальцева и сплющилась о кость. 12 августа во многихъ частяхъ было перебито значительное число офицеровъ. Такъ, напримѣръ, стрѣлковая бригада потеряла ихъ 24 человѣка, 2-й и 3-й баліоны Житомірскаго полка почти всѣхъ Волынскій полкъ—11, Подольскій—7, въ Брянскомъ выбыли изъ строя всѣ штабъ-офицеры. Многія роты остались совсѣмъ безъ офицеровъ, но все-таки дралисьгеройски и сами, по своему собственному почину, кидались на врага встрѣчною атакой, и опрокидывали его въ овраги. Многіе изъ раненыхъ возвращались въ фронтъ немедленно послѣ первой перевязки, и когда кто-либо изъ начальниковъ начиналъ ихъ уговаривать, чтобъ отправлялись въ госпиталь (временно помѣщенный въ Габровѣ), то почти общимъ отвѣтомъ въ такихъ случаяхъ бывали слова: «Успѣемъ еще! Госпитали для другихъ, для тяжелыхъ, а мы легкіе, можемъ еще кое кзакъ ружьемъ владѣть.... Надо постараться.... время не такое.... Все одно умирать!» И умираютъ.... дѣйствительно геройски умираютъ. Нѣкто изъ начальствующихъ лицъ, въ сумерки, обходя позицію, увидѣлъ семнадцать человѣкъ солдатъ, лежавшихъ въ повалку за однимъ изъ нашихъ передовыхъ ложементовъ. Надъ этою кучкой одиноко стоялъ офицеръ съ окровавленными лицомъ и ногой, взявшій подъ козырекъ проходившему генералу.

— Что это они у васъ? Спятъ?—спросилъ посѣтитель, указавъ на лежащихъ.

— Да, ваше превосходительство, спятъ, отвѣчалъ офицеровъ:—спятъ.... и не проснутся: они всѣ убиты.

— А вы что же здѣсь дѣлаете?

— Дожидаю своей очереди,—это была моя команда, отвѣчалъ офицеръ тихо и спокойно.

Вообще, и офицеры, и солдаты соревнуютъ другъ другу въ геройскомъ поведеніи и въ умѣньи умирать стоически и просто. Голодные, измученные, полубольные люди рвутся въ бой, а офицеры, какъ и всегда—впереди. Есть много случаевъ что люди остаются во фронтѣ съ испортившимся ружьями.

— Зачѣмъ вы здѣсь остаетесь? Вѣдь вы стрѣлять не можете, замѣчають имъ офицеры.

— Такъ точно, ваше благородіе; для того мы и въ особую команду собираемся, чтобы значить работать штыками.

«Такимъ же точно образомъ работали штыками въ первые дни и многіе Болгары-ополченцы.

«Генералъ Радецкій постоянно воодушевлялъ всѣхъ своимъ личнымъ примѣромъ; онъ всегда тамъ, гдѣ огонь сильнѣе, гдѣ болѣе угрожаетъ нашей позиціи опасность,- и что это за спокойствіе, что за распорядительность и какое изумительное хладнокровіе при этомъ!

Противъ насъ дѣйствовали болѣе ста горныхъ орудій, да и ружья у турокъ — надо отдать имъ справедливость—превосходныя: легки, удобно заряжаются и бьютъ на 3.000 шаговъ безъ прицѣла, подъ угломъ 45 градусовъ. При такой стрѣльбѣ попадаютъ, конечно, только случайныя или такъ называемыя «шальныя» пули, но такъ, какъ турки выпускаютъ массы огня, то «шальныя» пули все-таки дѣлаютъ свое кровавое дѣло; большинство ранъ—на вылетъ. Замѣчено много раненій разрывными пулями, и кромѣ того, турки видимо нарочно обстрѣливали гранатами наши перевязочные пункты, несмотря на то, что надъ послѣдними вывѣшены флаги «Краснаго Креста», и даже какъ-то главнокомандующій турецкихъ силъ, Мегмедъ-Али-паша, обращался къ нашему Августѣйшему Главнокомандующему съ письмомъ объ оказаніи флагу «Красной Луны» тѣхъ же преимуществъ какія, на основаніи Женевской конвенціи, присвоены «Красному Кресту». Великій Князь, какъ извѣстно, отвѣчалъ на это полнымъ согласіемъ, издалъ даже по этому поводу особый приказъ по Дѣйствующей Арміи, но тѣмъ не менѣе все это со стороны турокъ, при первомъ же опытѣ, оказывалось только красивыми словами для обмана Европы. Наши солдаты, выходившіе въ ночные секреты за черту Шипкинской позиціи, удостовѣряли, что они опять видѣли многія тѣла своихъ сотоварищей обезглавленными и поруганными. Это совершалось надъ тѣми ранеными, которые были случайно оставлены, за невозможностію своевременнаго ихъ розыска санитарами, во время атаки генерала Радецкаго на лѣсную возвышенность. Наши раненые офицеры, привезенные изъ Габрова, удостовѣряютъ также, что по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ захваченныхъ турокъ, въ рядахъ арміи есть 15 человѣкъ Англичанъ, командующихъ отдѣльными частями; участвуетъ также и пресловутый Польскій легіонъ, который былъ узнанъ по особому знамени съ польскимъ бѣлымъ орломъ, въ щитѣ коего былъ изображенъ орелъ россійскій. Кромѣ того, во время атакъ здѣсь ясно слышался польскій говоръ, но послѣдній не совсѣмъ чистый.

«12 августа генералъ Радецкій рѣшился самъ атаковать въ ночь турокъ и лично вести наступленіе противъ лѣваго непріятельскаго фланга, чтобы сбить двухъ-орудійную баттарею, которая сильно безпокоила нашъ правый флангъ и отчасти тылъ по Габровской дорогѣ.

Съ разсвѣтомъ 13 августа, на пятый день обороны, мы увидѣли турокъ на высотахъ командующихъ надъ нашею позиціей, гдѣ они работали надъ окон-

чаніемъ своихъ баттарей, особенно противъ праваго нашего фланга. Мало того: чрезъ короткое время оказалось, что всѣ ихъ главныя силы очутились на горахъ по обѣ стороны нашей позиціи, но главнѣйшая ихъ масса сосредоточивалась по лѣвую нашу сторону. Тотъ фактъ, что на подобныя, почти недоступныя горныя кручи могла взобраться въ такихъ массахъ армія Сулеймана, только и можно объяснить предварительною долговременною практикой въ горахъ Герцеговины и Черногоріи. Турки даже ухитрились встащить сюда и свои орудія. Съ 9 часовъ утра открылся по насъ сверху внизъ огонь равный по силѣ вчерашнему. Въ особенности губителенъ былъ огонь съ лѣсистыхъ высотъ, что противъ праваго нашего фланга, по тылу нашей позиціи и по Габровской дорогѣ. Не мудрено, впрочемъ, что на насъ сыпался свинцовый дождь: каждый турецкій солдатъ получали на каждый день по 220 патроновъ, изъ которыхъ къ ночи уже ничего не осталось—все это разстрѣливалось съ руки, почти не цѣлясь, и однимъ изъ такихъ выстрѣловъ 13 числа былъ убитъ генералъ-маіоръ Дерожинскій, въ то время когда онъ, стоя на одномъ изъ нашихъ укрѣпленій, разговаривалъ съ генераломъ Радецкимъ. Онъ убитъ былъ на повалъ пулей, попавшею подъ сердце. Въ этотъ же день у насъ выбыло изъ строя около 50 офицеровъ. Турки—все равно, какъ и подъ Плевной—были въ изобиліи снабжены патронами и всякими припасами. Забалканскіе Болгары изъ ближайшихъ окрестностей вынуждены были таскать для нихъ на ослахъ, а еще болѣе на собственныхъ спинахъ воду, фрукты, продовольствіе, снаряды, патроны и даже горныя орудія.

«Генералъ Радецкій, какъ уже сказано, предпринялъ 13 числа атаку лѣсистыхъ высотъ, лежащихъ противъ праваго нашего фланга, дабы избавить Габровскій путь отъ губительнаго огня, который болѣе всего вредилъ транспортамъ нашихъ раненыхъ и габровскимъ горожанамъ, подвозившимъ къ намъ воду и запасы. Четыре съ половиною баталіона повелъ генералъ съ фронта, а полтора баталіона пущены были противъ непріятельскаго лѣваго фланга. Цѣлый день роты атакующихъ баталіоновъ постепенно брали лѣсистыя высоты, но до самой баттареи не успѣли дойти, вслѣдствіе невообразимыхъ затрудненій, какія представляютъ высокія отвѣсистыя скалы, да и вечерняя темнота помѣшала. Поэтому генералъ Радецкій постепенно сталъ отводить войска и къ утру 14 августа окончательно привелъ ихъ на нашу Шипкинскую позицію.

«Но послѣ этой попытки турки сами убрали съ баттареи свои орудія и въ оба послѣдующіе дня (14 и 15), поддерживая лишь слабую перестрѣлку, занялись возведеніемъ баттарей и ложементовъ на дальнихъ высотахъ. Мы, съ своей стороны, ограничились тоже однимъ артиллерійскимъ огнемъ, которымъ старались, по возможности, препятствовать работамъ непріятеля.

«Вечеромъ 15 августа огонь противника окончательно прекратился и на окрестныхъ высотахъ воцарилось полное спокойствіе. То же самое продолжалось до утра 17 числа. Массы Турокъ скрылись гдѣ-то въ окрестныхъ горахъ; но отступали ли они, отдыхали ли или же замышляли какое-нибудь-обходное движеніе небыло этого намъ пока неизвѣстно. Слышно было

только, что обозы ихъ потянулись обратно къ Казанлыку. Впрочемъ на случай обхода, генералъ Радецкій принялъ уже надлежащія мѣры. Начальникъ штаба Дѣйствующей Арміи, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, выѣхавшій изъ с. Горнаго Студня 15 числа въ 9 часовъ вечера, прибылъ 17 утромъ на Шипку, чтобы лично отмотрѣть положеніе дѣлъ и условиться съ генераломъ Радецкимъ.

«Общее число нашихъ потерь на Шипкѣ въ то время еще не было приведено въ извѣстность; тѣла убитыхъ трудно находить на столь пересѣченной мѣстности. Что же касается раненыхъ, то по самыхъ точнымъ свѣдѣніямъ доставленнымъ по телеграфу съ Шипки, къ вечеру 16 августа значилось: офицеровъ 98, нижнихъ чиновъ 2.633; всѣ они уже вывезены изъ Габрова; число убитыхъ приблизительно можно опредѣлить въ 1.000 человѣкъ.»

— Корреспондентъ газеты *Daily News* телеграфируетъ изъ Горнаго Студеня, отъ 13-го августа:

«Возвращаясь изъ Шипки въ теченіи ночи, я встрѣтился съ массами направляющихся поспѣшно къ Шипкѣ подкрѣпленій, состоящихъ изъ артиллеріи и пѣхоты. Я не могу опредѣлить числа этихъ войскъ, но они довольно значительны, чтобъ удержать важную позицію прохода.

«Проведя верхомъ на лошади цѣлый день и всю ночь, не принимая пищи и не отдыхая, я имѣлъ удовольствіе прибыть въ главную квартиру, прежде чѣмъ возвратился хоть одинъ адъютантъ, которыхъ Великій Князь отправилъ на театръ военныхъ дѣйствій, чтобъ сообщать ему о ходѣ событій. Всѣ извѣстія, полученныя доселѣ въ главной квартирѣ, пришли по телеграфу, а начальники войскъ, углубленные въ исполненіе своихъ обязанностей въ рядахъ своихъ солдатъ, не имѣли времени сообщить всѣ подробности. Когда я передалъ офицерамъ Главнаго Императорскаго штаба подробности о происходившемъ въ Шипкѣ, генералъ Игнатьевъ сообщилъ о моемъ прибытіи Императору и Его Величество велѣлъ передать мнѣ, что онъ желалъ бы услышать отъ меня лично привезенныя мною извѣстія. Императоръ съ живѣйшимъ интересомъ выслушалъ отъ меня разсказъ о шипкинской битвѣ. Онъ выразилъ также желаніе, чтобъ ничего не щадили для доставленія его храбрымъ солдатамъ пищи, въ которой они нуждаются, и ему, повидимому, доставило большое удовольствіе, когда я сказалъ, что видѣлъ какъ въ котлахъ приготовлялась пища подъ градомъ пуль и ядеръ.

«Простота образа жизни Императора поражаетъ съ перваго взгляда. Онъ не привезъ съ собою никакихъ предметовъ роскоши, и палатка нашихъ низшихъ офицеровъ въ Вимбледонѣ обставлена гораздо роскошнѣе, чѣмъ военная резиденція Императора Всероссійскаго. Когда я оставлялъ Его Величество, Онъ пригласилъ меня отправиться къ Великому Князю Главнокомандующему.

«Вопросы, сдѣланные мнѣ Его Императорскимъ Высочествомъ, очень походили на экзаменъ. Онъ такъ хорошо знакомъ съ сущностью дѣла, что, если бы я не собралъ и не передалъ факты съ тщательною точностью, то оказался бы къ весьма затруднительномъ положеніи. Къ счастію, я могъ набросать передъ Его Высочествомъ на бумагѣ планъ военныхъ дѣйствій и сопровождалъ его

словесными объясненіями, которыя, надѣюсь, останутся для него не безполезными.

«Великій Князь только что получилъ отъ генерала Радецкаго депеши, извѣщавшія, что турки возобновили аттаку сегодня утромъ, что завязалась оживленная битва и, что непріятель угрожаетъ нашимъ флангамъ и нашему фронту. Я ожидалъ этого, но я увѣренъ, что Радецкій,—успѣвъ вчера расширить районъ своихъ операцій направо и налѣво такимъ образомъ, чтобы помѣшать туркамъ господствовать надъ русскою позиціею,—можетъ устоять передъ непріятелемъ, особенно съ помощію подкрѣпленій, которыя получалъ.

«Я убѣжденъ, что онъ употребилъ послѣднюю ночь на то, чтобы помѣщать туркамъ снова отвоевать позиціи, изъ которыхъ они были выбиты вчера. Гораздо легче сохранить за собою позицію, чѣмъ овладѣть ею. Это военная аксіома.

«Великій Князь получилъ также депешу, извѣщающую, что генералъ Турчинскій, храбрый командиръ стрѣлковой бригады, принималъ участіе въ сегодняшнемъ дѣйствіи. Другая телеграмма отъ генерала Столѣтова, изъ Габрова, извѣщала, что генералъ Радецкій отдалъ этому генералу приказъ перевести болгарскій отрядъ въ Габрово, для доставленія ему нѣкотораго отдыха, крайне для него необходимаго послѣ пятидневной битвы, во время которой болгарскіе солдаты не принимали другой пищи, кромѣ сухаго хлѣба. Тотъ фактъ, что можно обойтись безъ этихъ войскъ, служитъ хорошимъ признакомъ. Болгарскій легіонъ доказалъ, что болгары могутъ драться какъ львы.

— Въ *Новое Время* передавали нѣкоторыя частности, относящіяся къ минувшимъ дѣламъ въ Шипкинскомъ проходѣ. Такъ, габровскій корреспондентъ этой газеты передаетъ, отъ 16-го августа, что генерала Дерожинскаго пуля поразила прямо въ сердце. Потери турокъ были такъ громадны, что они пользовались грудами своихъ убитыхъ, какъ брустверами для прикрытія. Повторялись сцены отрѣзыванія головъ раненымъ со стороны турокъ и арнаутовъ. Турецкими войсками командовали 15 европейскихъ офицеровъ. У турокъ было вообще громадное количество патроновъ и 100 горныхъ орудій. Ружья ихъ хватаютъ на 3,000 шаговъ безъ прицѣла. Въ двухъ другихъ телеграммахъ *Новаго Времени* изъ Горнаго Студеня и Бухареста, отъ 17-го августа, сообщается, что когда бой на Шипкѣ остановился, нашихъ было 28 батальоновъ, турецкихъ 60. Турецкій обозъ, подъ сильнымъ пѣхотнымъ прикрытіемъ, еще 16-го августа отступилъ въ Казанлыкъ.

— Въ *Московскія Вѣдомости* телеграфировали изъ Горнаго Студеня отъ 16-го августа утромъ: «На Шипкѣ все спокойно. Турки, скрывшись въ окрестныхъ горахъ, сооружаютъ укрѣпленія; наши занимаютъ свою позицію, прославленную шестидневною обороною. Всѣ иностранные офицеры и корреспонденты, побывавшіе на Шипкѣ, изумляются геройской стойкости нашихъ войскъ. Надо отдать справедливость и желѣзной энергіи Сулейманъ-паши и храбрости его войскъ. Генералъ Непокойчицкій поѣхалъ вчера на Шипку. Вокругъ нашей позиціи груда убитыхъ турокъ. Трудно отыскать нашихъ павшихъ героевъ въ такой пересѣченной мѣстности; число ихъ поэтому еще неизвѣстно. Раненыхъ

всего 95 офицеровъ и 2,385 нижнихъ чиновъ. Всѣ вывезенные изъ Габрова врачи и санитары дѣйствовали съ полнымъ самоотверженіемъ. На перевязочныхъ пунктахъ изъ числа послѣднихъ много помогали перевозкѣ раненыхъ. Общество Краснаго Креста оказывало дѣятельную помощь. На попутныхъ станціяхъ отъ Габрова до Зимницы заготовлено продовольствіе раненымъ. Генералъ Драгомировъ уже отвезенъ за Дунай и отправляется лѣчиться въ Кишиневъ, гдѣ живетъ его семейство.

Эпизодъ изъ августовскихъ дней обороны Шипки.

Корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника* изъ Горнаго Студеня сообщалъ нѣсколько подробностей о первыхъ дняхъ обороны Шипкинскаго перевала противъ аттакъ арміи Сулейманъ-паши, изъ которыхъ мы заимствуемъ разсказъ о томительныхъ минутахъ ожиданія подкрѣпленій на третій день боя къ вечеру:

«Время шло, а помощи еще не было видно. Взоры жадно, въ томительномъ, тоскливомъ ожиданіи обращались назадъ, на Габровскую дорогу, но тамъ виднѣлась пока только масса раненыхъ, запрудившихъ собою шоссе, несмотря на перекрестный съ четырехъ сторонъ огонь турокъ; эти несчастные тянулись мимо Сѣверной горы, по направленію къ горной баттареѣ, и, надо сознаться, видъ этой массы окровавленныхъ, изувѣченныхъ страдальцевъ производилъ тяжелое впечатлѣніе на войска остававшіяся еще на своихъ мѣстахъ и отчаянно дравшіяся весь день подъ градомъ пуль, почти безъ глотка воды и вовсе безъ пищи, тѣмъ болѣе, что всѣ артиллерійскіе снаряды, за исключеніемъ картечи, были у насъ уже разстрѣляны. На всемъ пространствѣ позиціи буквально не было мѣста, которое не поражалось бы пулями и осколками. Обыкновенныя и самыя необходимыя въ каждомъ бою сообщенія линіи съ тыломъ, какъ напримѣръ — привозъ и передача приказаній, подноска патроновъ, посылка за водой и переноска раненыхъ были не менѣе опасны чѣмъ нахожденіе въ непосредственно боевыхъ линіяхъ. Санитары, уносившіе съ позиціи какого-нибудь *одного* раненаго, достигали перевязочнаго пункта, имѣя на рукахъ уже *двухъ и трехъ*, которыхъ они подбирали по дорогѣ, а нерѣдко и сами дѣлались жертвами пули и являлись на пунктъ въ числѣ раненыхъ. Вообще услуги санитаровъ, при самомъ усердномъ, самоотверженномъ отношеніи ихъ къ своему дѣлу, оказывались недостаточными для удовлетворенія общей потребности, и потому удобствомъ переноски въ носилкахъ могли пользоваться весьма немногіе страдальцы; большую же часть тяжело раненыхъ санитары переносили на плечахъ, на ружьяхъ, на шинеляхъ, или же на палаточныхъ холстахъ, а большинство по необходимости доползало или допрыгивало само до перевязочныхъ пунктовъ, которыхъ, къ 9 часамъ 11-го числа, образовалось нѣсколько, на протяженіи позиціи, а именно: у каждой баттареи, у погребовъ и въ резервѣ около запасныхъ зарядныхъ ящиковъ. На этихъ импровизированныхъ пунктахъ, за недостаткомъ

врачей, управлялись фельдшера, а матеріаломъ для перевязки служило палаточное полотно и бѣлье, такъ какъ всѣ надлежащіе для этого дѣла припасы были очень скоро израсходованы.

«За массой раненыхъ потянулась наконецъ съ правофланговой позиціи и горсть отступившаго боковаго отряда. Увидѣвъ это, полковникъ Липинскій бросился на шоссе съ двадцатью человѣками, остававшимися еще около него въ качествѣ резерва.

— «Куда вы, братцы? куда? раздался здѣсь авторитетный голосъ полковника. — «Назадъ! въ ложементы, на позицію!—Кто вамъ сказалъ отступать? Отступленія нѣтъ и не будетъ, и быть не можетъ! Сейчасъ придутъ подкрѣпленія, они уже близко... Назадъ!»

«Тогда смѣшанная толпа Брянцевъ, Орловцевъ и Болгарскихъ дружинниковъ, всего человѣкъ полтораста, повернула назадъ и бросилась къ оставленнымъ ложементамъ. Къ этой горсти примкнули и легко раненые, добровольно прибѣжавшіе съ перевязочнаго пункта. Но тутъ уже въ нѣкоторыхъ ложементахъ, какъ говорятъ, дѣло доходило до того что наши солдаты, за недостаткомъ патроновъ, швыряли въ наступавшихъ турокъ сломанными ружьями, пустыми подсумками, комками земли, камнями и чѣмъ ни попало; а въ это же время другіе ложементы, гдѣ случайно оставалось еще кое-какое количество патроновъ, встрѣчали непріятеля дружными залпами. Люди при этомъ дѣлились патронами между собою, вынимая остатки ихъ изъ подсумковъ убитыхъ и раненыхъ.

«Возвратившись съ круглой баттареи въ ложементы для того, чтобъ успокоить и ободрить людей, полковникъ Липинскій приказалъ имъ прекратить залпы, такъ какъ турки, отступивъ еще разъ, болѣе не лѣзли на наши позиціи и онъ вторично объявилъ напрямикъ, что отступленія ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. И что же? Эта горсть измученныхъ героевъ, окончательно рѣшась на смерть, вдругъ отвѣтила ему громкимъ ободреніемъ и русскимъ *ура!*

«Но въ эту самую минуту блеснулъ лучъ надежды: видятъ они что по направленію къ ихъ позиціи отъ горной баттареи бѣлѣютъ сквозь пыль какія-то рубахи и бѣжитъ толпа солдатъ, человѣкъ въ двѣсти. Слава Богу, это свѣжіе люди, это оно — давно обѣщанное и давно желанное, томительно жданное подкрѣпленіе!

— «*Ура!*.. Наша не пропала!... Наши идутъ! Братцы! Спасители!.. Скорѣе!.. Выручайте! Такими криками встрѣтили измученные «Шипкинцы» охотниковъ 4-й стрѣлковой бригады, опередившихъ свои части и привезенныхъ сюда казаками на стременахъ или на крупахъ лошадей.

«Въ это же время прибылъ на Шипку и командиръ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій. Остановясь пока верстахъ въ двухъ позади, онъ сейчасъ же направилъ по ущелью къ горѣ, на звукъ выстрѣловъ, подоспѣвшія къ мѣсту дѣйствія три роты 16-го стрѣлковаго баталіона. Замѣтивъ это, полковникъ Липинскій приказалъ возобновить огонь залпами по всей линіи и предоставилъ первымъ двумъ сотнямъ охотниковъ изъ стрѣлковой бригады занять свободные ложементы, т. е. тѣ гдѣ всѣ люди были окончательно уже перебиты. Вновь

открытые нами залпы, благодаря доставленнымъ патронамъ, продолжались около получаса, пока три роты стрѣлковъ, направленныя Радецкимъ, успѣли добраться по ущелью до лѣсной опушки, занятой турками, и тамъ, открывъ сильный огонь, двинулись вдругъ въ обхватъ непріятельскаго лѣваго фланга. Движеніе этихъ ротъ заставило вскорѣ совсѣмъ прекратить огонь изъ нашихъ право-фланговыхъ ложементовъ, такъ какъ иначе мы рисковали попадать въ своихъ вмѣсто турокъ. Надо было сейчасъ же поддержать отважный натискъ этихъ ротъ, и потому полковникъ Липинскій приказалъ 11-й ротѣ Брянскаго полка, защищавшей передовой ложементъ, немедлено двинуться впередъ въ аттаку;— «Да только смотри, ребята, лихо! молодцами!.. Съ пѣснями! Пой всѣ кто можетъ!» И вотъ высокій фальцетъ ротнаго запѣвалы взвился надъ колонной, подъ акомпаниментъ выстрѣловъ:

«Что подъ дождичкомъ трава,
То солдатска голова».

«И вся рота, до послѣдняго человѣка, дружно и быстро идя впередъ, подхватила припѣвъ этой старой солдатской пѣсни.

«Турки, пораженные такимъ страннымъ, отнюдь неожиданнымъ ими оборотомъ дѣла, начали быстро очищать лѣсистую гору, или, попросту говоря солдатскимъ языкомъ, «задавать дралу».

«Тутъ уже неудержимо сказалось общее увлеченіе доблестныхъ «Шипкинцевъ». Всѣ, кто былъ въ передовыхъ ложементахъ, повыскакали впередъ, бѣгомъ, на *ура*, въ догонку за 11-ю Брянскою ротой и охотниками стрѣлковой бригады. *Ура* восторженно шумѣло и орлинымъ кличемъ неслось надъ всею бѣгущею впередъ линіей... Тутъ не было ни ротъ, ни взводовъ, ни отдѣленій: были просто люди, *русскіе люди*, которые неслись гурьбой все дальше и дальше, съ беззавѣтною жаждой «доканать турка» или умереть, гдѣ Богъ укажетъ.

«Только къ 8 часамъ вечера, когда вполнѣ уже стемнѣло и масса искристыхъ звѣздъ усѣяла синее южное небо, стихло все на обѣихъ позиціяхъ—и выстрѣлы, и крики. Одни лишь слабые, глухіе стоны, если прислушаться, доносились порою съ горныхъ скатовъ и изъ глубины темныхъ овраговъ.

Счастливые случаи.

Между счастливыми и въ то же время замѣчательными случаями раненія пулями во время битвъ, говоритъ *Русскій Міръ*, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе, о которыхъ передавали очевидцы боя при Шипкѣ.

Случай первый. Одному изъ бойцовъ пуля попала прямо въ лобъ. Думали сначала, что онъ убитъ на поваль, когда, ошеломленный ударомъ, онъ упалъ; но потомъ увидѣли что онъ живъ и заключили, что пуля засѣла въ черепѣ. Когда же въ лазаретѣ стали сондировать рану, ища пули, то сондъ ушелъ далеко по подкожью черепа и, наконецъ, вышелъ чуть не сдѣлавъ полнаго круга по черепу. Оказалось что пуля, ударившаяся въ голову, вѣроятно, подъ острымъ

угломъ, встрѣтила сопротивленіе въ черепѣ и, будучи въ то же время задерживаема кожей, измѣнила свое прямое направленіе на круговое и вышла потомъ прорвавъ кожу. Благодаря такому рѣдкому счастливому случаю, раненый остался живъ.

Случай второй. Пуля попала въ правый бокъ, ударившись прямо въ ребро правой половины груднаго ящика. Подъ кожей, въ горизонтальномъ направленіи по груди, она исчезла. Полагали что она вылетѣла прочь. Но на одеждѣ раненаго не было слѣда разрыва. Удивлялись, куда она могла дѣться, и тщательно сондировали рану, но пули нѣтъ! Когда случай возбудилъ общее любопытство и недоумѣніе, стали ощупывать всю одежду раненаго. Пулю нашли: она спокойно лежала въ открытомъ кожаномъ портсигарѣ раненаго, въ боковомъ карманѣ.

20 августа, нѣкто Обручевъ, офицеръ, послѣ отступленія остался было одинъ въ полѣ. Его хотѣли взять живымъ непремѣнно. Сломавъ саблю онъ началъ отмахиваться мундиромъ, задѣвая имъ за лицо своихъ преслѣдователей. Его въ концѣ концовъ разумѣется убили-бы, если бы не подоспѣла наша стрѣлковая цѣпь.

Справедливая оцѣнка достоинствъ.

Приводимъ выдержку изъ письма одного изъ спеціальныхъ корреспондентовъ *Daily News*, изъ Тырнова, разсказывающаго нѣсколько интересныхъ эпизодовъ за время первоначальнаго движенія болгарской дружины подъ начальствомъ генерала Столѣтова за Балканы, къ Казанлыку:

«Мы подвигались по долинѣ Тунджи изъ Райны, или иначе называемаго Кинкіойя въ направленіи къ Казанлыку. Долина въ этомъ мѣстѣ имѣетъ до десяти миль въ ширину, весьма богата и большею частью высоко обработана; турецкія и болгарскія деревни чередуются въ ней почти въ одинаковомъ числѣ. Четыре или пять изъ этихъ турецкихъ деревень были въ пламени, огромные столбы дыма медленно подымались вверхъ и нависали надъ ними черными, тяжелыми облаками, казавшимися еще темнѣе и неестественнѣе подъ горячими, яркими лучами солнца; точно чудовищные вороны кружились они надъ добычей. Во всѣхъ этихъ деревняхъ произошли стычки. Всѣ жители бѣжали изъ нихъ вмѣстѣ съ отступающими турецкими войсками, и къ каждому дому, изъ котораго раздавался выстрѣлъ, былъ приложенъ факелъ. И такимъ образомъ среди шума битвы все еще гудѣвшаго далеко впереди въ направленіи къ Казанлыку, среди облаковъ пыли и дыма, одолѣвающей жары, ослѣпительнаго солнечнаго блеска, мы прибыли въ Маглышъ. Здѣсь я очутился вмѣстѣ съ генераломъ Столѣтовымъ, начальникомъ Болгарской дружины, искавшимъ пріюта отъ зноя въ тѣни развѣсистаго вяза. Онъ любезно предложилъ раздѣлить съ нимъ, что Богъ послалъ. Вскорѣ вокругъ насъ собралось болгарское населеніе деревни; кто изъ нихъ несъ воду, кто хлѣбъ, фрукты и сыръ и все это было весьма заманчиво. Въ деревнѣ было и нѣсколько турокъ, но всѣ они, за исключеніемъ двухъ, бѣжали.

Этимъ двоимъ не удалось убѣжать, и ихъ нашли спрятавшимися въ своихъ домахъ и немедленно привели къ генералу, который долженъ былъ рѣшить, что дѣлать съ ними далѣе. Первый былъ довольно пожилой человѣкъ съ свирѣпымъ лицомъ, оборванный. На основаніи свидѣтельства двухъ священниковъ, пришедшихъ привѣтствовать насъ вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ, турокъ былъ тотчасъ же приговоренъ къ смерти. Они показали что онъ съ оружіемъ въ рукахъ участвовалъ въ стычкѣ и стрѣлялъ по Русскимъ. Въ отношеніи къ мирному населенію, поднимающему оружіе, Русскіе держатся того же принципа, которому слѣдовали и Нѣмцы во время войны съ Франціей. Они разстрѣливаютъ каждаго турка, не въ военной формѣ схваченнаго съ оружіемъ въ рукахъ, если совершенно доказано что онъ сражался противъ Русскихъ. На этомъ основаніи старикъ и былъ осужденъ; его отвели на сосѣднее поле и черезъ нѣсколько минутъ залпъ полудюжины выстрѣловъ повѣдалъ намъ, что приговоръ исполненъ. Что касается вообще правила разстрѣливать каждаго баши-бузука, схваченнаго съ оружіемъ въ рукахъ, я вполнѣ его одобряю. Какъ бы ни могло иногда быть жестокимъ и несправедливымъ примѣненіе этого закона въ войнѣ между цивилизованными націями подобно Германіи и Франціи, но не можетъ былъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости примѣненія его тамъ, гдѣ дѣло идетъ о баши-бузукахъ. Они выступаютъ вовсе не на борьбу, а на убійства, грабежъ, поджоги и разрушеніе, и можно съ полною увѣренностью сказать, что каждый схваченный изъ нихъ непремѣнно виновенъ по меньшей мѣрѣ хотя бы въ одномъ преступленіи, за которое давно бы уже во всякой иной странѣ, чѣмъ Турція, быть или повѣшенымъ, или гильйотинированнымъ. Другой схваченный турокъ, котораго выдвинули теперь впередъ, былъ также старикъ, но повидимому далеко иного рода чѣмъ первый. И священники, и вся собравшаяся толпа поселянъ тотчасъ же стали говорить въ его пользу, и священники ручались не только за его поведеніе въ прошломъ, но также и въ будущемъ, и взяли его подъ свое покровительство. Показавъ примѣръ строгости, генералъ Столѣтовъ былъ радъ показать примѣръ милости: онъ усадилъ старика и добродушно заговорилъ съ нимъ. Старикъ былъ въ большомъ испугѣ, такъ какъ зналъ, что другаго турка разстрѣляли и теперь ждалъ своей очереди. Но онъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда оказалось, что священники говорили въ его пользу, и его признательность не имѣла границъ. Болгары жали ему руки, дружески хлопали его по спинѣ и говорили ему, что уже берутъ на себя, чтобъ ему ничего худаго не приключилось. Этотъ случай доказываетъ только, что нѣтъ причины, почему бы туркамъ и болгарамъ не жить вмѣстѣ въ ладу, еслибъ у первыхъ хватало на столько справедливости и смысла, чтобъ относиться къ своимъ сосѣдямъ-христіанамъ какъ къ друзьямъ и равнымъ, а не какъ къ собакамъ. Такъ какъ турки появились вновь въ этой деревнѣ ранѣе чѣмъ я пишу эти строки, то интересно бы знать на столько ли успѣшно этотъ турокъ защищалъ бы священниковъ, какъ это сдѣлали они.

«Во время обѣда наше вниманіе было внезапно привлечено влѣво отъ насъ нѣсколькими выстрѣлами, раздавшимися тамъ и сямъ. Какъ оказалось потомъ,

казаки, развѣдывавшіе въ томъ направленіи, неожиданно наткнулись на порядочное число турецкихъ солдатъ, которые спрятались въ кустахъ у небольшаго ручья и, несмотря на свою ничтожность по числу, предъ Русскими открыли по нимъ огонь. Завязалась довольно оживленная перестрѣлка. Турки держались стойко на своей позиціи и не выказывали намѣренія уступить, пока наконецъ противъ нихъ не была выслана цѣлая казачья сотня, которая ринулась на нихъ и забрала въ плѣнъ. Привели десять или двѣнадцать человѣкъ ихъ: одинъ былъ раненъ въ ногу, двое убиты на мѣстѣ. Они еле переводили духъ отъ бѣга, обезсилены къ тому же зноемъ, такъ что, когда имъ наконецъ позволили остановиться, они всѣ повалились на землю отъ совершеннаго изнеможенія. Это были низамы, какъ свидѣтельствовала ихъ форма, и повидимому они были отрѣзаны отъ своего отряда нашимъ быстрымъ движеніемъ впередъ и, не зная куда идти, выстрѣлили по первымъ попавшимся имъ Русскимъ, не обращая вниманія на ихъ число. Имѣй они какую-нибудь идею о географіи страны, имъ легко было бы ускользнуть, такъ какъ имъ слѣдовало только держаться къ югу, пока наконецъ они не нашли бы турецкія войска въ Эски-Загрѣ или Филиппополѣ. Они видимо боялись, что вотъ ихъ сейчасъ же разстрѣляютъ, но генералъ Столѣтовъ, говорящій по-турецки, разувѣрилъ ихъ на ихъ собственномъ языкѣ. Онъ сказалъ имъ, что Русскіе не убиваютъ военноплѣнныхъ, назвалъ ихъ молодцами за попытку сразиться съ его цѣлымъ отрядомъ и распорядился, чтобы раненыхъ тотчасъ же перевязали. Офицеры штаба генерала Столѣтова всѣ, казалось, были весьма добродушные люди. Одни изъ нихъ стали помогать при перевязкѣ, и всѣ слѣдили за операціей съ сочувственнымъ вниманіемъ, а одинъ сдѣлалъ весьма строгій выговоръ санитару Краснаго Креста, недостаточно скоро принесшему воду. И замѣтьте что все это происходило на другой же день послѣ того, какъ русскіе раненые въ проходѣ Шипка попали въ руки турецкихъ дикарей и были такъ ужасно обезображены и изувѣчены.

Вѣшатели.

Корреспондентъ *Кельнской Газеты* пишетъ изъ Адріанополя, отъ 17 августа 1877 г.:

«Я никогда не думалъ что невинная французская пословица: *l'appetit vient en mangeant* можетъ получить примѣненіе и къ дѣлу вѣшенія, а между тѣмъ это такъ. Начавъ скромно съ того, что повѣсили сначала четырехъ болгаръ въ одинъ день, затѣмъ семерыхъ, а потомъ шестерыхъ, турки повидимому только вошли во вкусъ этого дѣла; вчера въ различныхъ мѣстахъ города были повѣшены тридцать Болгаръ. Само собою разумѣется, что этимъ казнямъ всегда предшествуютъ слѣдствіе и судъ; но каковъ этотъ судъ—это другой вопросъ. Такъ какъ для осужденія немусульманина достаточно показанія двухъ мусульманъ, то

между казненными болгарами былъ вѣроятно не одинъ несчастный, коего вся вина состояла въ томъ что онъ почему бы ни было имѣлъ какого-нибудь недруга между турками. Такъ, вчера повѣшенъ былъ купецъ изъ деревни Земпелiи, обвиненный въ участiи въ рѣзнѣ въ Эски-Загрѣ; а между тѣмъ меня увѣряли многiе желѣзнодорожные чиновники, что этотъ несчастный въ теченiи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни разу не покидалъ своей деревни. Кромѣ того, немало невинныхъ погибнетъ вѣроятно вслѣдствiе того, что турки даруютъ жизнь за доносы на «сообщниковъ». Страхъ предъ смертью вѣроятно вызвалъ не мало ложныхъ доносовъ. Вчера должны были быть повѣшены собственно 32 человѣка; но двое изъ осужденныхъ заявили о желанiи «учинить признанiя», и потому они были снова уведены въ тюрьму. Характеристично то, что одинъ турокъ высказалъ здѣшнему негоцiанту, который это передалъ мнѣ: каждому казненному привѣшивается на груди дощечка съ надписью о преступленiи, за которое онъ подвергся смерти; дощечка эта остается на трупѣ пока онъ не снимается. Вчера, когда сняли трупы казненныхъ, заптiи, занимавшiеся этимъ дѣломъ, очень тщательно собирали упомянутыя дощечки. Мой собесѣдникъ и спросилъ турецкаго солдата, зачѣмъ они такъ заботятся о сохраненiи дощечекъ, «вѣдь не станете же вы ихъ привѣшивать лицамъ осужденнымъ за другiе поступки?» сказалъ онъ.— «Почему же нѣтъ?» возразилъ турокъ; «мы повѣсимъ другихъ и прикрѣпимъ тѣ же надписи. Стоитъ ли каждый разъ заготовлять новыя? Болгаринъ всегда останется болгариномъ. То ли, или другое онъ сдѣлалъ, всегда хорошо повѣсить его».

Къ этому разсказу остается лишь прибавить, что онъ сообщенъ корреспондентомъ состоящимъ при *турецкой армiи*; и притомъ корреспондентомъ такой газеты, турецкiя симпатiи которой слишкомъ извѣстны.

— Въ послѣднее время турки внесли нѣкоторыя перемѣны въ свою однообразную форму казней въ южной Болгарiи. Они употребляютъ теперь переносную, складную висѣлицу, которая напоминаетъ французскую гильотину временъ революцiи. Вотъ что пишутъ по этому поводу изъ Филиппополя отъ 27-го августа въ *Politische Correspondenz*:

«Дабы избѣжать ужаснаго зрѣлища повѣшенiй массами, ежедневно, за исключенiемъ пятницъ и субботъ, совершающихся въ Адрiанополѣ, я уѣхалъ въ Филиппополь. Но я ошибся, и очень оплакиваю свою ошибку. Вездѣ, куда прiѣзжалъ я во время этого краткаго путешествiя, моимъ глазамъ представлялось то же мрачное зрѣлище. Несчастные болгары, осужденные на смерть адрiанопольскимъ военнымъ судомъ, вѣшаются въ окрестныхъ деревняхъ, и такой же прiемъ употребляется военнымъ судомъ въ Филиппополѣ. Во всѣхъ деревняхъ, чрезъ которыя проѣзжалъ я, только и видѣлъ повѣшенныхъ болгаръ. Даже подводы съ этими несчастными представляютъ ужасную картину. Каждый изъ осужденныхъ носитъ на шеѣ крѣпкiй желѣзный обручъ, чрезъ который продѣта цѣпь, прикрѣпленная къ тѣлу, между тѣмъ, какъ руки связаны за спиною веревкою; отъ четырехъ до пяти осужденныхъ прикрѣплены одинъ къ другому такимъ образомъ, что должны идти рядомъ. Въ Адрiанополѣ для этой печальной про-

цедуры приготовленъ складной трепожникъ, который по желанію можетъ быть перенесенъ въ любую улицу. Большая часть осужденныхъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію, но есть также представители и другихъ классовъ общества. Третьяго дня здѣсь былъ повѣшенъ докторъ медицины изъ Еип Загры, прошедшій свой курсъ наукъ въ пражскомъ университетѣ. Въ Филиппополѣ казнь совершается самымъ простымъ образомъ. Осужденный вѣшается у перваго попавшагося на глаза дома, къ чему уже привыкли окрестные лавочные торговцы, продолжающіе заниматься своими обычными дѣлами, несмотря на страшную процедуру. Идешь, ничего не подозрѣвая, по весьма оживленной улицѣ и вдругъ наталкиваешься на повѣшеннаго. Это явленіе конечно неминуемо производитъ тягостное впечатлѣніе. Въ числѣ девятнадцати осужденныхъ, преданныхъ казни третьяго дня, было двое духовныхъ лицъ и одинъ очень способный преподаватель; сегодня, въ числѣ восьми такихъ несчастныхъ, было двое духовныхъ, которые были повѣшены лицомъ къ лицу.»

Захарій Глыбочкинъ*).

(Письмо командира 53 пѣхотной Волынскаго полка полковника Дегена).

«Въ числѣ отставныхъ, пожелавшихъ вступить на службу въ послѣднее время, былъ отставной унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Захарій Глыбочкинъ. Онъ началъ свою службу на Кавказѣ, получилъ тамъ знакъ отличія военнаго ордена 4-й степени и, какъ георгіевской кавалеръ, былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ въ 1856 году, гдѣ служилъ въ 1-й стрѣлковой ротѣ.

«Прибывъ къ полку въ городъ Сельви, 10-го августа, я встрѣтилъ тамъ этого ветерана. По его словамъ, онъ былъ назначенъ, согласно его просьбѣ на службу въ Волынскій полкъ. Между тѣмъ, въ полку никакихъ свѣдѣній о немъ получено еще не было, а потому, въ ожиданіи рѣшенія вопроса о назначеніи его на службу, онъ жилъ и продовольствовался при полку.

«Мое лицо показалось ему знакомымъ; онъ очень обрадовался, узнавъ во мнѣ офицера одной изъ стрѣлковыхъ ротъ Павловскаго же полка и еще убѣдительнѣе сталъ просить о зачисленіи его на службу. Я сообщалъ ему, что сюда скоро прибудетъ гвардія и, предложивъ похлопотать о зачисленіи его въ Павловскій полкъ, въ тотъ же день сообщилъ о немъ адъютанту Главнокомандующаго, пріѣхавшему передать поклонъ полку отъ Августѣйшаго шефа.

«Между тѣмъ, въ слѣдующее утро, полкъ выступилъ къ Шипкинскому перевалу, гдѣ шелъ бой. Захарій Глыбочкинъ пошелъ съ полкомъ. Переночевавъ

*) Рус. Вѣд. 1877 г.

въ Габровѣ, на другой день, вечеромъ, полкъ сталъ подниматься на Балканы. Рота, къ которой былъ прикомандированъ Захарій Глыбочкинъ должна была остаться въ Габровѣ при обозѣ; Глыбочкинъ просилъ разрѣшенія идти съ другою ротой, въ чемъ, разумѣется, ему отказано не было.

«Ночью мы поднялись на верхъ и стали бивакомъ впереди перевязочнаго пункта. Захарій Глыбочкинъ, подойдя ко мнѣ, усердно просилъ дать знать его женѣ, въ случаѣ, если онъ не вернется изъ боя живымъ, и сообщилъ ея адресъ.

«13 августа, утромъ, полкъ вытянулся по дорогѣ къ вершинѣ, на которой шелъ бой. Глыбочкинъ долженъ былъ быть при одной изъ ротъ 1-го батальона, бывшаго сзади. Но не въ моготу было ему ждать, когда пойдетъ батальонъ. Онъ отправился впередъ, въ отставномъ мундирѣ Павловскаго полка, съ ружьемъ, съ патронами въ карманѣ, безъ шапки, и, проходя мимо меня, какъ бы просилъ разрѣшенія идти далѣе: «Ваше высокоблагородіе, не могу утерпѣть. Пойду бить турку». «Съ Богомъ!» И онъ пошелъ вверхъ по дорогѣ, туда, гдѣ кипѣлъ бой.

«Черезъ нѣсколько времени туда же пошелъ 2-й батальонъ полка, а къ почи и 3-й (двѣ роты 1-го батальона были посланы въ обходъ лѣваго фланга непріятельскаго расположенія, для поддержанія батальона Житомірскаго полка).

«Захарій Глыбочкинъ былъ въ бою, впереди, цѣлыя сутки. Онъ дѣлалъ свое дѣло съ любовью и увлеченіемъ, и бился бы на смерть, еслибы пуля, попавшая му въ правый локоть, не лишила его возможности владѣть ружьемъ. Когда его вели на перевязочный пунктъ, онъ бранилъ турка, лишившаго его возможности драться долѣе, просилъ меня не оставить жены его, если исходъ лѣченія будетъ печальный, и глотнувъ нѣсколько воды съ коньякомъ изъ моей фляжки, пошелъ далѣе.

«Представивъ по командѣ о поступкѣ ветерана Глыбочкина, считаю своею обязанностью сообщить о немъ всему русскому обществу, такъ какъ увѣренъ что найдутся люди, которые утѣшатъ жену Глыбочкина, скажутъ ей, что мужъ ея живъ, что онъ герой, что, насколько можно надѣяться, рана его въ локоть не опасна для его жизни, и что онъ пользуется хорошимъ уходомъ, какъ и всѣ раненые».

Битва и взятіе Ловчи.

Ночь предъ битвой.—Впечатлѣнія и мысль о завтрашнемъ подвигѣ.—Расположеніе города.—Взятіе Скобелевымъ младшимъ высотъ.—Дѣйствующія войска и командиры отрядовъ.—Подвиги нашихъ.—Взятіе горы Русь.—Вступленіе въ Ловчу и пр. *)

«Какую эффектную картину представляетъ нашъ лагерь въ нынѣшній вечеръ: передъ нами непріятельскія пушки; по склонамъ горъ мелькаютъ миріады лагерныхъ огоньковъ; глухой стукъ артиллерійскихъ колесъ,—то баттареи идутъ на свои позиціи,—мѣрный маршъ батальоновъ пѣхоты, строящихся въ линію подъ покровомъ темноты, скачъ во весь опоръ казаковъ, развозящихъ приказы во всѣ концы, — все это, сливаясь съ шумомъ въ лагерѣ, составляетъ такой ансамбль, который трудно себѣ представить, не бывши на мѣстѣ.

«Я только-что возвратился отъ князя Имеретинскаго, командующаго войсками подъ Ловчей. Я засталъ князя расхаживающимъ взадъ и впередъ передъ своей палаткой, въ ожиданіи генерала Скобелева, который аттаковалъ ближайшую позицію и взялъ ее съ ничтожной потерей. Князь былъ очень доволенъ этимъ дѣломъ.

«На дорогѣ я встрѣтилъ полковника Лаумана, баттарейнаго командира изъ 2-й дивизіи. Онъ родомъ шотландецъ и 22 года служитъ уже въ русской арміи. Онъ далъ мнѣ порученіе къ своей женѣ на случай, если бы онъ завтра былъ убитъ, и мы разстались. Мы съ нимъ были единственными представителями англо-саксонскаго племени среди войскъ, стоявшихъ подъ Ловчей.

«Ночь темна такъ, что какъ говорится, хоть глазъ выколи и передвиженія чрезвычайно затруднительны. Къ полночи должна взойти луна. Она поможетъ приготовленіямъ къ предстоящей на утро рѣзнѣ. Мы стоимъ по склонамъ горъ, за высотами на востокъ отъ Ловчи, скрывающими нашъ лагерь отъ непріятеля. Орудія и зарядные ящики двигаются безостановочно, лагерные огни, одинъ за другимъ, угасаютъ, какъ суждено угаснуть жизни многихъ изъ тѣхъ, которые въ настоящую минуту отдыхаютъ вокругъ тлѣющихъ костровъ. Приходитъ-ли имъ въ голову, въ то время, какъ они отдыхаютъ послѣ утомительнаго дневнаго перехода и послѣ работы на ретраншементахъ, которые артиллерія, ожидающая за горами, займетъ какъ только взойдетъ луна,—какую ночь переживаютъ они?

«Съ другой стороны спятъ магометане, не предчувствуя того страшнаго пробужденія, которое готовятъ имъ русскіе въ такой тиши. 80 пушекъ будутъ по утру выдвинуты впередъ и будутъ прикрывать приступъ на турецкую позицію. Въ предстоящей битвѣ будутъ участвовать 2-я и 3-я дивизіи съ одной бригадой кавалеріи и артиллерійскими баттареями изъ 6-ти разныхъ дивизій, одна дивизія будетъ въ резервѣ для прикрытія нашего праваго фланга и тыла противъ аттаки со стороны Плевны. Я думаю, Зотовъ предупредитъ Османа-пашу, такъ что тотъ не успѣетъ послать войска въ Ловчу; но я все-таки считаю необходимымъ имѣть большой резервъ на случай, если бы онъ этого не сдѣлалъ. Генералъ-маіоръ Ско-

*) Корр. газ. Temes отъ 21 и 22 августа 18877 г. изъ Русскаго лагеря.

белевъ овладѣлъ сегодня по-утру высотой, которая будетъ очень полезна для русскихъ на утро. Онъ отлично изучилъ мѣстность, такъ какъ взятіе Ловчи было его мечтой въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Князь Имеретинскій замѣтилъ, съ грустной улыбкой, что теперь онъ сознаетъ всю тяжесть отвѣтственности, лежащей на полководцѣ, которому приходится вести армію въ бой на слѣдующій день, и его предположенія и гаданія на-счетъ завтрашняго дня произвели на меня сильное впечатлѣніе: видно было, что этотъ человѣкъ всей душой отдался предстоявшей ему задачѣ и обдумалъ все до послѣдней мелочи, чтобы достигнуть успѣха. Его дивизія—2-я—блестящая дивизія; въ составъ ея входятъ два полка германскаго императора и полкъ принца Карла. Она сдѣлала 56 миль въ двое сутокъ и многіе солдаты изъ нея сегодня вечеромъ еще устраивали баттареи для пушекъ, громъ которыхъ будетъ будить магометанъ, какъ только займется день надъ долиной Осмы. Положеніе трагическое. Сердце сжимается у меня, въ настоящую минуту, когда я закрываю свою записную книжку и укладываюсь заснуть, чтобъ запастись силами на предстоящій трудный день битвы.

Тотъ же корреспондентъ телеграфируетъ изъ Ловчи отъ 22-го августа:

«Сраженіе выиграно и мы во взятомъ городѣ. Я увѣренъ, что ни одномъ въ сраженіи не представлялось наблюдателямъ такой полной возможности все видѣть, и никакой командиръ, никогда, съ такой любезностью и готовностью не объяснялъ всѣхъ движеній войскъ во время сраженія, какъ это было сдѣлано для меня сегодня.

«Ловча лежитъ въ центрѣ амфитеатра, имѣющаго три четверти мили въ поперечникѣ при основаніи и 10 миль отъ основанія до вершины, образуемаго гребнями горъ, возвышающихся на 600 футовъ надъ долиной; склоны этихъ горъ весьма отлоги.

«Черезъ центръ этого амфитеатра, по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, проходитъ горный кряжъ въ 300 футовъ вышины; подъ нимъ, въ отвѣсныхъ склонныхъ берегахъ, протекаетъ Осма. Въ прежнія времена она протекала на помнили восточнѣе, отрѣзывая восточный конецъ кряжа отъ цѣпи горъ амфитеатра, такъ что теперь онъ стоитъ особнякомъ среди долины. Шоссе изъ Сельви въ Ловчу идетъ вдоль его восточнаго конца и спускается въ Ловчу, которая лежитъ на плоскости и южной стороной подходитъ къ крутому берегу Осмы. Эта отдѣльная часть средняго кряжа составляетъ восточный ключь позиціи при Ловчѣ. Средняя высота сѣверо-западнаго конца кряжа, идущаго западнѣе города, равняется 100 футамъ надъ уровнемъ рѣки, и на этой высотѣ стоялъ сильный редутъ, командовавшій надъ шоссе въ Плевну и составлявшій западный и главный ключъ турецкой позиціи. Осма описываетъ дугу по долинѣ и шоссе идетъ вдоль ея береговъ подъ редутомъ и затѣмъ черезъ амфитеатръ въ Плевну. Склоны горъ, образующихъ амфитеатръ, засѣяны пшеницей и маисомъ. На нихъ стоитъ много деревьевъ и во многихъ мѣстахъ они пересѣкаются оврагами, которые вмѣстѣ съ хлѣбомъ и деревьями представляютъ хорошее прикрытіе для войскъ, вступающихъ, черезъ узкій входъ, въ полукруглую долину.

«Утромъ 22-го августа, турки занимали весь гребень амфитеатра, кромѣ двухъ вершинъ вправо отъ шоссе изъ Сельви.

«Генералъ-маіоръ Скобелевъ взялъ эти высоты утромъ 21 го августа. Турецкія баттареи находились въ двухъ вышеупомянутыхъ пунктахъ, составлявшихъ ключи къ ихъ позиціи; одна артиллерійская баттарея была поставлена на гребнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ шоссе отъ дороги въ Троянъ входитъ въ амфитеатръ, а противъ нашего праваго крыла были два редута безъ пушекъ. Кромѣ этихъ полевыхъ укрѣпленій были проведены траншеи во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ пѣхота могла отразить наше наступленіе; въ редутахъ тоже была помѣщена пѣхота. Турецкія линіи были очень сильны, но до нихъ могъ доставать артиллерійскій огонь съ высокаго гребня амфитеатра; но опытъ показываетъ, что стойкая пѣхота не можетъ быть выбита изъ земляныхъ укрѣпленій на длинномъ протяженіи.

«Въ аттакѣ противъ Ловчи участвовали слѣдующія войска: 2-я дивизія пѣхоты, 2-я бригада 3-й дивизіи, одинъ батальонъ Псковскаго пѣхотнаго полка, два полка казаковъ, одинъ эскадронъ Императорскаго конвоя и 10 артиллерійскихъ баттарей изъ разныхъ дивизій. Всѣми войсками командовалъ генералъ князь Имеретинскій, начальникомъ его штаба состоялъ полковникъ Шестаковъ. 1-й бригадой 2-й дивизіи командовалъ генералъ-маіоръ Разгильдяевъ, а 2-й бригадой генералъ-маіоръ Энгманъ; 2-й бригадой 3-й дивизіи генералъ-маіоръ Давыдовъ, бригадой стрѣлковъ генералъ-маіоръ Добровольскій; генералъ-маіоръ Скобелевъ начальствовалъ надъ особымъ отрядомъ, составленнымъ изъ войскъ разныхъ дивизій и надъ своей бригадой казаковъ. Артиллерія была распредѣлена между частями войскъ сообразно тому, какъ требовали ихъ позиціи. Генералъ Добровольскій командовалъ правымъ крыломъ, а Скобелевъ лѣвымъ, Энгманъ резервомъ. Наши войска были такъ расположены, что у нихъ не было, собственно говоря, центра, если не считать резервъ за центръ. Въ резервѣ была одна дивизія; она была расположена по дорогѣ въ Сельви миляхъ въ 10 въ тылу арміи. Всѣхъ войскъ, участвовавшихъ въ аттакѣ, было около 22,000 человѣкъ.

«Въ 6 часовъ утра, изъ орудій, поставленныхъ на двухъ вершинахъ, взятыхъ наканунѣ Скобелевымъ, открытъ былъ огонь; турки только черезъ полчаса отвѣчали изъ своего редута и изъ баттареи на Трояновой дорогѣ. Они хорошо цѣлили, но ихъ гранаты не разрывались. Они долетали до вершины ближайшей къ дорогѣ на Сельви, гдѣ наши баттареи были тѣсно сжаты, за недостаткомъ мѣста. Эта вершина служила главной квартирой въ продолженіе перваго періода сраженія. Она представляетъ круглую площадку, усѣянную огромными камнями, не больше какъ въ 50 футовъ въ діаметрѣ. Тѣни на ней никакой и солнечные лучи припекали всѣхъ находившихся на ней, а день былъ невыносимо жаркій. Въ ту минуту, какъ я пожималъ руку князя Имеретинскаго, турецкое ядро врѣзалось въ землю ниже насъ. Оно не разорвалось, и князь Имеретинскій сказалъ: «Ну, слава Богу! здѣсь нѣтъ опасности». Я не знаю звука болѣе пріятнаго для уха, какъ глухое шипѣніе ядра послѣ того, какъ оно, пролетѣвши съ зловѣщимъ свистомъ, зарывается въ землю. Одна изъ нашихъ баттарей стояла на краю вер-

шины, другія ниже на спускѣ. Отъ этого солнечный жаръ еще усиливался огнемъ при выстрѣлахъ изъ пушекъ кругомъ насъ. Послѣ перваго залпа мы стрѣляли черезъ нѣкоторые промежутки, но безъ правильнаго разсчета, такъ какъ турки отвѣчали, какъ бы нехотя, изъ чего можно было заключить, что они стрѣляли потому только, что нельзя же было молчать, а не потому, чтобы разсчитывали причинить намъ вредъ.

«Въ 6 часовъ 45 минутъ большія массы пѣхоты были сосредоточены позади горъ, съ которыхъ мы стрѣляли. Картина была въ высшей степени драматическая. Восходящее солнце начинало золотить вершины горъ; за горами скрывались массы пѣхоты, раздался громъ пушекъ, надъ долиной стояли облака дыма; все это такъ не похоже было на обычную картину восхода солнца въ Балканахъ. Вправо отъ насъ слышались ружейные выстрѣлы:—это генералъ Добровольскій начиналъ аттаку небольшихъ возвышенностей на правомъ берегу Осмы. На двухъ изъ этихъ возвышенностей были вышеупомянутые редуты безъ орудій, занятые пѣхотой.

«Въ 7 часовъ ружейные выстрѣлы стали слышаться чаще и рѣзче; было ясно, что Добровольскій подвигается впередъ. Турецкая артиллерія дѣйствовала слабо, а наши пушки безостановочно стрѣляли въ турецкую пѣхоту, которая отражала натискъ Добровольскаго. Наши гранаты такъ и сыпались на турокъ и всѣ до одной почти непремѣнно разрывались и производили сильное опустошеніе.

«До восьми часовъ дѣйствовала почти одна артиллерія; а въ восемь часовъ правое крыло устремилось впередъ и началась ружейная перестрѣлка; турецкія пули сыпались просто какъ дождь; но турки стрѣляли безъ всякаго толку, вовсе не прицѣливаясь и пуская пули куда попало. Но какъ бы то ни было, подъ этимъ градомъ легло не мало русскихъ.

«Въ 8 час. 45 минутъ двумъ пѣхотнымъ полкамъ приказано было идти на помощь стрѣлкамъ Добровольскаго на правомъ крылѣ. Даже въ этотъ ранній часъ начинался сильный жаръ и намъ, стоявшимъ на мѣстѣ безъ всякаго дѣла, становилось не въ моготу; каково же должно было быть солдатамъ, которымъ приходилось идти въ гору къ Добровольскому. Офицеръ, прибывшій изъ отряда, принесъ извѣстіе, что 100 человѣкъ свалились на дорогѣ отъ жара.

Въ 9 ч. ружейный огонь усилился и стрѣлки все подавались впередъ вверхъ по Осмѣ. Они оттѣснили турокъ, и наши пушки открыли сильный огонь, чтобы поддержать пѣхоту въ ея движеніи впередъ. Въ половинѣ десятаго Павинскій (?) полкъ прошелъ черезъ узкое ущелье сзади одного изъ турецкихъ редутовъ, невооруженныхъ артиллеріею, а два полка имени Императора германскаго направились къ другому редуту.

«Въ 10 часовъ и 10 минутъ получены были благопріятныя извѣстія съ праваго крыла. Турецкія позиціи тамъ были взяты и русскіе овладѣли частью амфитеатра; имъ нужно было взять, затѣмъ, отдѣльную возвышенность, называемую горой Русъ, господствующую надъ Ловчей и составляющую западный ключъ позиціи. Какъ скоро эта возвышенность въ ихъ рукахъ,—Ловча взята и остается только одинъ большой редутъ, составляющій западный ключъ.

«Въ 10 часовъ 20 минутъ перестрѣлка на правомъ крылѣ прекратилась совершенно; турки бросились черезъ долину отъ Доброльскаго безъ сопротивленія. Скобелевъ съ 10 батальонами отправился на лѣвое крыло взять гору Русъ. Въ половинѣ одиннадцаго ружейная пальба на лѣвомъ крылѣ дала знать, что Скобелевъ подвигается впередъ, а въ 10 часовъ 40 минутъ его колонна спускалась по скату амфитеатра и переходила небольшую лощину между этимъ скатомъ и горой Русъ. Русская артиллерія открыла страшный огонь противъ горы и турки бросились изъ своихъ ложементовъ на вершину и скаты горы. У подошвы и близь шоссе они остановились и начали стрѣлять въ отрядъ Скобелева, двигавшійся впередъ. Жаръ на нашей вершинѣ сталъ невыносимъ и казалось, что сражаться нѣтъ никакой возможности. Одинъ полкъ изъ резерва направился въ ущелье вправо отъ главной квартиры, съ тѣмъ, чтобы взять гору Русъ съ боку и отрѣзать туркамъ отступленіе. Въ 12 часовъ 25 минутъ двинута была баттарея въ помощь этому полку и заняла позицію на шоссе, пролегающему по восточному склону горы Русъ. Черезъ 10 минутъ послѣ этого колонна Скобелева поднялась вверхъ по шоссе и взяла высоты горы Русъ. Скобелевъ поставилъ на вершинѣ ея свою пѣхоту. Въ 1 часъ пополудни всѣ турецкія позиціи были взяты, за исключеніемъ редута на плевненскомъ шоссе, самаго сильнаго изъ всѣхъ, такъ какъ онъ командовалъ надъ небольшой долиной при основаніи амфитеатра.

«Такимъ образомъ первый періодъ битвы былъ конченъ. Нашимъ баттареямъ приказано было перейти на вершину горы Русъ, а правое крыло примкнуто къ самой подошвѣ склона амфитеатра, съ тѣмъ, чтобы быть готовымъ къ аттакѣ на редутъ. Въ 2 часа баттареи были ужъ на новыхъ мѣстахъ и открыли страшный огонь противъ редутъ. Командовавшій турецкой позиціей отодвинулъ свои орудія на высоты за редутомъ,—это показывало, что онъ считалъ взятіе редута дѣломъ рѣшеннымъ и убиралъ пушки, чтобы спасти ихъ. Спрашивается, зачѣмъ же этотъ турецкій офицеръ заставлялъ своихъ солдатъ защищать позицію, послѣ того, какъ пушки были убраны? Это была просто напрасная бойня съ обоихъ сторонъ.

Начало третьей осады Плевны *).

(Предварительныя приготовленія).

Плевненскія укрѣпленія, возникшія въ первыхъ числахъ іюля 1877 г. и съ тѣхъ поръ постепенно возраставшія, ко дню описываемыхъ событій, то есть къ концу августа разрослись въ огромный лагерь, въ настоящемъ значеніи этого слова. Лагерь этотъ, охватывавшій городъ Плевну со всѣхъ сторонъ (фронтъ обращенный къ намъ составлялъ протяженіе около 15 верстъ) и раскинутый

*) Изъ донесенія генералъ лейтенанта Зотова отъ 9 октября 1877 г. начальнику штаба арміи. Р. Инв. 1877 г.

на мѣстности въ высшей степени благопріятной для укрѣпленія и обороны, въ общемъ своемъ видѣ представлялъ нѣсколько линій отдѣльныхъ, земляныхъ, сильной профили, открытыхъ и сомкнутыхъ укрѣпленій, взаимно фланкирующихся и очень искусно связанныхъ между собою цѣлымъ лабиринтомъ крытыхъ траншей, дающихъ двухъ-, трехъ- и даже пятиярусную ружейную оборону подступовъ. Если къ этому добавить что лагерь этотъ защищался арміей сильно фанатизованною и отлично вооруженною, силой около 80 тысячъ, имѣющей отъ 120 до 150 орудій, по большой части дальнобойныхъ, то врядъ ли можно впасть въ преувеличеніе, признавъ атаку Плевны или Плевненскихъ укрѣпленій, какъ это обыкновенно говорится, одною изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ какія когда-либо выпадали на долю какой-либо изъ современныхъ европейскихъ армій и за рѣшеніе которой можетъ браться армія сильная не только чувствомъ долга и воинскихъ доблестей, но сильная и числомъ.

Что подобная задача была какъ нельзя болѣе по плечу войскамъ Западнаго отряда въ отношеніи нравственной ихъ подготовки къ рѣшенію ея, о томъ никогда не могло быть и рѣчи; но числительность ихъ долгое время была такова, что не допускала даже и мысли о какой-либо попыткѣ къ аттакѣ находящагося предъ ними непріятельскаго лагеря, почему Западный отрядъ, со дня своего сформированія до 24 августа, хотя и сохранилъ наружно постоянно угрожающій видъ относительно непріятеля, въ сущности же ограничивался только строгимъ за нимъ наблюденіемъ и готовностью къ отраженію всякихъ со стороны непріятеля попытокъ къ наступленію на наши сообщенія. Одна изъ такихъ попытокъ, дѣйствительно, и была произведена турками 19 августа.

Вотъ какъ было дѣло:

Бой у селеній Пелишатъ и Згалевице 19 августа.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатано слѣдующее описаніе боя, происходившаго 19 августа у селеній Пелишатъ и Згалевице, представленное Главнокомандующему Дѣйствующею Арміей при рапортѣ начальника Западнаго отряда арміи, генералъ-лейтенанта Зотова, отъ 23 августа:

«19 августа, около 6½ часовъ утра, съ аванпостовъ, занимаемыхъ дивизіонами 4-го уланскаго Харьковскаго и 4-го гусарскаго Маріупольскаго полковъ (отъ Богота, чрезъ Тученицу, мимо Радишева и Гривицы, до шоссе изъ Плевны въ Булгарени), было получено первое увѣдомленіе о выходѣ изъ-за укрѣпленій находящихся за Радишевымъ большихъ непріятельскихъ силъ, а затѣмъ вскорѣ и второе—о наступленіи ихъ по направленію сс. Пелишатъ и Згалевице, подъ прикрытіемъ густой, широко раскинувшейся цѣпи кавалеріи.

Въ минуту полученія этого извѣстія расположеніе войскъ 4 корпуса, на которое повидимому наступалъ непріятель, было слѣдующее: 63 Углицкій и 62 Суздальскій полки, занимая двумя ротами съ двумя орудіями люнетъ, построенный впередъ дер. Пелишатъ въ разстояніи около версты позади этого люнета.

Полки 20-й Галицкій (5 дивизіи) и два баталіона 108 Шуйскаго полка (30 дивизіи) съ двумя 9 фунтовыми баттареями № 1-го и 2-го 30-й артиллерійской бригады и 5 баттареею 5 артиллерійской бригады и ротою саперъ занимали укрѣпленную позицію у села Сголевице. Остальные 3 полка 30-й дивизіи, съ двумя баттареями, составляли у села Порадима общій резервъ корпуса.

Такъ какъ сообщаемое съ аванпостовъ извѣщеніе о наступленіи непріятеля на 4 корпусъ могло быть только демонстраціей, имѣющей цѣлью замаскировать предполагаемый имъ ударъ на 9 корпусъ, или 4 румынскую дивизію, или же, что еще казалось вѣроятнѣе, на румынскую армію, переправлявшуюся въ то время чрезъ Дунай у Карабіи, то я, ввиду всѣхъ такихъ возможностей, до окончательнаго разъясненія намѣреній противника, рѣшилъ оставить неизмѣннымъ, какъ вышеуказанное расположеніе частей 4-го такъ и расположеніе 9 корпусовъ и 4-й румынской дивизіи, прикрывающихъ пути на Булгарени и Никополь.

Войска всего отряда стали подъ ружье, а части 4-го корпуса, расположенныя въ Згалевицахъ и Пелишатѣ первымъ дѣломъ по полученіи извѣстія о наступленіи выслали на поддержку тѣсныхъ нашихъ передовыхъ кавалерійскихъ частей: изъ Згалевице—дивизіонъ гусаръ съ 8 конною баттарею, а изъ Пелишата—дивизіонъ уланъ.

Непріятель, между тѣмъ продолжалъ медленное наступленіе. Массы его конницы, численностью около 2500 человѣкъ, поддерживаемые артиллеріею и пѣхотой, очевидно не могли быть удержаны нашими уланами и гусарами, которые, въ виду такого неравенства силъ, начали, избѣгая схватки и ограничиваясь однимъ лишь наблюденіемъ, медленно и въ строгомъ порядкѣ отходить назадъ: гусары—за правый флангъ Згалевицкой позиціи, а уланы за Пелишатъ.

Въ 8 часовъ, непріятельская конница, также свернувшись въ двѣ массы къ своимъ флангамъ и, открывъ такимъ образомъ фронтъ густой цѣпи слѣдовавшихъ за нею стрѣлковъ людной массою направилась къ своему правому, а другою къ лѣвому флангамъ, угрожая обходами обѣимъ флангамъ расположенія 4 корпуса. Пѣхота же непріятеля съ артиллеріей начала въ то же время энергическое наступленіе на бригаду 16-й пѣхотной дивизіи, стараясь видимо занять ее во флангъ. Началась сильная артиллерійская канонада и открылся жестокій ружейный огонь. Нашъ люнетъ, находящійся впереди Пелишата, обороняемый двумя ротами съ двумя орудіями, на подкрѣпленіе которыхъ были высланы 5 ротъ 62 Суздальскаго полка послѣ краткаго, хотя и упорнаго сопротивленія, не выдержалъ аттаки почти въ четверо сильнѣйшаго непріятеля: роты и орудія начали отходить назадъ; но прибывшія къ нимъ новыя роты 62-го Суздальскаго полка и огонь 3 баттареи 16-й артиллерійской бригады поправили дѣло.

Оправившись, Суздальцы смѣло бросились на непріятеля, выбили его изъ люнета и, не ограничившись тѣмъ, преслѣдовали еще турокъ около версты.

Между тѣмъ, къ 9 часамъ массы непріятельскихъ силъ еще росли. Правый флангъ ихъ все болѣе и болѣе огибалъ слѣва Пелишатскую позицію. Баши-бузуки уже ворвались въ Пелишатъ и зажгли его. Непріятель вновь вошелъ въ наступленіе на Пелишатскій люнетъ, стараясь въ тоже время проникнуть въ

пространство находящееся между люнетомъ и лѣвымъ флангомъ Згалевицкой позиціи, противъ которой также выдвинуты имъ баттареи. Наши баттареи, находясь на этой позиціи и производившія пока рѣдкій огонь по непріятельскимъ колоннамъ, бывшимъ пока вдали, стали производить болѣе частую стрѣльбу.

Такъ какъ съ постовъ, выставленныхъ отъ 9 корпуса и Румынской дивизіи извѣстія о появленіи непріятеля не прибывало, то теперь какъ по массѣ непріятельскихъ войскъ, такъ по направленію и характеру ихъ дѣйствій становилось яснымъ, что цѣлью непріятелю служитъ аттака лѣваго фланга общаго расположенія Западнаго отряда, то есть позицій занимаемыхъ 4 корпусомъ. А потому около 10 часовъ я приказалъ:

а) Одной бригадѣ 5-й дивизіи 9-го корпуса немедленно направиться по шоссе, ведшему на Гривицу, съ тѣмъ чтобы, свернувъ съ него влѣво, ударить на лѣвый флангъ непріятеля;

б) Тремъ полкамъ взятымъ изъ общаго резерва 9-го же корпуса, стать въ видѣ общаго резерва на правомъ берегу рѣки Порадимъ-Дерези;

в) Румынской дивизіи немедленно сосредоточиться къ Челисовату;

г) 16-му Владимірскому полку (шедшему изъ Зимницы на присоединеніе къ 4-му корпусу), подходившему къ Каргачу, оставивъ въ послѣднемъ обозъ и ранцы и поспѣшить прибытіемъ въ Порадимъ.

«Былъ уже полдень. Густая непрерывная цѣпь непріятельской пѣхоты, охватившая уже все пространство отъ Загалевице до Пелишата, и многочисленныя непріятельскія баттареи, приблизительно 40—50 орудій, производили неумолкаемый огонь по всей нашей линіи, съ которой наши баттареи и стрѣлки изъ-за закрытій отвѣчали такимъ же огнемъ. Около часа пополудни непріятель вновь перешелъ къ энергическому наступленію, направляя теперъ одновременно три отчаянныя атаки: на люнетъ противъ Пелишата, на лѣвый флангъ и центръ Згалевицкой позиціи.

«Первая атака, встрѣченная мѣткимъ огнемъ четырехъ баттарей 16-й артиллерійской бригады, а главное, удачнымъ огнемъ 8-й конной баттареи и атакой 4-го уланскаго полка и дивизіона гусаръ, посланныхъ генераломъ Крыловымъ на крайній правый флангъ непріятеля была отбита: Турки, хотя и медленно, стали отходить, откидывая далеко назадъ свой правый флангъ, угрожаемый уланами и гусарами.

«Такая же участь постигла и атаку направленную на лѣвый флангъ Згалевицкой позиціи, отброшенную блистательнымъ дѣйствіемъ четырехъ орудій 2-й баттареи 30-й артиллерійской бригады подъ командой поручика Нагеля, потерявшаго при этомъ ногу, и дружнымъ дѣйствіемъ одного баталіона Галицкаго полка и двухъ баталіоновъ Серпуховскаго, который вмѣстѣ съ 5-ю баттареей 30-й артиллерійской бригады я двинулъ изъ Порадима на поддержку войскъ оборонявшихъ Згалевице.

«Третья атака, энергически веденная турками на центръ Згалевицкой позиціи, причемъ турки ворвались даже въ ложементы занимаемые нашею пѣхотой, была также отброшена смѣлымъ натискомъ двухъ баталіоновъ Галицкаго и двухъ

баталіоновъ Шуйскаго полковъ, поддержанныхъ превосходнымъ дѣйствіемъ командира 1-й баттареи 30-й артиллерійской бригады, полковника Гудима, а также баттареей № 5-го 30-й артиллерійской бригады, и 5-ою баттареей 5-й артиллерійской бригады, буквально засыпавшихъ картечью густыя толпы непріятеля.

«Попытка угрозы обходомъ нашему правому флангу Згалевицкой позиціи, для чего, какъ выше замѣчено, была направлена турками сильная колонна кавалеріи, оказалась слабо веденною, такъ какъ конница эта, пробиравшаяся черезъ овраги и дубнякъ, покрывавшій высоты находящіяся съ этой стороны, вовремя замѣченная нашимъ дивизіономъ Маріупольскихъ гусаръ подъ командой подполковника Андрикаева, была немедленно же осыпана картечными гранатами нашихъ баттарей и въ безпорядкѣ кинулась назадъ.

«Несмотря на всѣ эти неуспѣхи, сопровождавшіеся большими потерями, непріятель не отказался однако отъ наступленія, которое, послѣ сильнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, около 3 часовъ пополудни онъ вновь произвелъ противъ тѣхъ же пунктовъ, хотя уже не съ прежнею энергіей, и вновь былъ отовсюду отбитъ; причемъ, какъ бригада 16-й дивизіи, такъ два баталіона Галицкаго и два баталіона Шуйскаго полковъ, воодушевленные успѣхомъ и примѣромъ своихъ начальниковъ, сами сдѣлали смѣлую попытку перейти въ наступленіе, удержанное, однако, новымъ, третьимъ наступленіемъ вновь появившихся сильныхъ турецкихъ массъ, вспомоществуемыхъ дальнобойною артиллеріей. Но это третье наступленіе, какъ кажется, было уже не болѣе, какъ только намѣреніемъ турокъ остановить начинавшееся наше наступленіе. Наши войска, въ виду огромнаго неравенства силъ, дѣйствительно поудерживали свой пылъ и подались ко своимъ позиціямъ; но Турки также остановились и, подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, начали отступленіе къ Плѣвнѣ. Это было около $4^1/_2$ часовъ пополудни.

«Видя начавшееся, такимъ образомъ, отступленіе непріятеля, командующій 4-мъ корпусомъ, генералъ Крыловъ, немедленно же двинулъ для преслѣдованія турокъ оба полка 16-й дивизіи, два баталіона Галицкаго и Шуйскаго полковъ съ артиллеріей и оба полка кавалеріи (уланскій и гусарскій), единственные бывшіе у меня въ то время въ распоряженіи (драгуны наблюдавшіе долину рѣки Осмы у Карагазана успѣли прибыть только къ 5 часамъ вечера). Пѣхота преслѣдовала быстро отступавшаго непріятеля около пяти верстъ, а кавалерія шла за нимъ по пятамъ, пока не заняла своихъ обыкновенныхъ мѣстъ, находящихся подъ выстрѣлами Плевненскихъ укрѣпленій и пока наступившія сумерки не скрыли непріятеля отъ ея наблюденія.

«Особенно энергично, къ великому моему прискорбію, преслѣдовать я не могъ съ утомленною девятичасовымъ боемъ пѣхотой и двумя полками кавалеріи, безсмѣнно стоящей вотъ уже мѣсяцъ на аванпостахъ и остававшейся почти цѣлый день 19 августа на коняхъ не кормленныхъ и не разсѣдланныхъ.

«Такимъ образомъ день 19 августа окончился блистательнымъ и полнымъ отраженіемъ войсками 4-го корпуса турокъ, понесшихъ при этомъ огромныя потери; но не могу при этомъ скрыть, что онъ могъ бы завершиться полнѣйшимъ

ихъ пораженіемъ, еслибы бригада 5-й дивизіи направленная мною по Гривицкому шоссе, ударила на лѣвый флангъ непріятеля, чего она, однако, къ сожалѣнію, не сдѣлала, по причинѣ крайне медленнаго движенія и продолжительнаго привала, сдѣланнаго ею по дорогѣ, къ чему она была вынуждена непредусмотрительнымъ взятіемъ съ собою ранцевъ при сильной жарѣ, естественно сильно утомлявшихъ людей, долженствовавшихъ идти съ возможною поспѣшностію.

«Я не окончилъ бы донесенія, не засвидѣтельствовавъ прекрасной распорядительности командующаго 4-мъ корпусомъ, генералъ-лейтенанта Крылова, начальниковъ 16-й и 30-й пѣхотныхъ дивизій: генералъ-лейтенанта Померанцева и генералъ-маіора Шнитникова, начальника артиллеріи 4-го корпуса генералъ-лейтенанта Башилова и особенно отличной распорядительности начальника Згалевицкаго авангарда, генералъ-маіора Богацевича (командиръ 2-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи).

«Также точно не могу при этомъ не отозваться съ полною похвалой о храбрости командировъ полковъ: пѣхотныхъ: Суздальскаго Углицкаго, Галицкаго, Серпуховскаго и Шуйскаго, и кавалерійскихъ: уланскаго и гусарскаго; а также объ отличномъ дѣйствіи артиллерійскихъ баттарей вообще, изъ командировъ коихъ нахожу особенно отличившимся командира 1-й баттареи 30-й артиллерійской бригады, полковника Гудима, а также субалтернъ офицера поручика Нагеля.

Потеря орудія 5-ю батареей 16-й артиллерійской бригады, при которомъ въ одну изъ минутъ порывистаго наступленія были перебиты и переранены прислуга, прикрывавшій его взводъ пѣхоты, двѣ шестерки лошадей, подбитъ лафетъ и колесо, служитъ, по мнѣнію моему, только доказательствомъ стойкости нашей артиллеріи, погибающей, но остающейся на своемъ мѣстѣ. Орудіе это было брошено, а затворъ унесенъ нашими съ собою.

«Вообще въ день боя 19 августа всѣ чины, отъ высшихъ до низшихъ, исполняли свой долгъ съ добросовѣстностію въ полномъ значеніи этого слова. Примѣровъ отдѣльной личной храбрости не могу и пересчитать: такъ они были многочисленны. Солдаты дерутся и гибнутъ съ замѣчательною неустрашимостью. «Довольны ли вы теперь? Сквитались ли вы съ турками?» спрашивалъ я людей 30-й дивизіи и Галицкаго полка: послѣ боя 19 августа. «Нѣтъ, этого еще мало: мы разсчитаемся только тогда, когда отберемъ у турка Плевну», было отвѣтомъ нижнихъ чиновъ.

«О числѣ нашей потери я уже доносилъ. Конечно, она значительна, но при продолжительномъ и упорномъ боѣ, длившемся девять часовъ, при энергіи съ какою непріятель, имѣющій превосходное ружье и дальнобойную артиллерію, производилъ свое наступленіе, иначе быть и не могло.

«Опредѣлить цифру потери непріятеля трудно. Погребено болѣе 400 труповъ турокъ, погребеніе которыхъ, по мѣрѣ отыскиванія, продолжается еще и до сихъ поръ. Если же принять во вниманіе обычай турокъ уносить съ собою убитыхъ, то общую потерю ихъ въ бою 19 августа нельзя не признать весьма крупною.

«Начальникъ Западнаго отряда арміи, генералъ-лейтенантъ *Зотовъ*.»

Канунъ и день битвы подъ Плевной.

(25, 26, 27, 28, 29 и 30 августа 1877 г).

«Оставивъ вчера утромъ Горный Студень, Главная Квартира Великаго Князя перешла въ деревню Раденицу, въ нѣсколькихъ километрахъ позади Порадима, гдѣ и теперь остается *). Прибывъ въ Порадимъ я нашелъ здѣсь князя Карла Румынскаго, главнокомандующаго всею арміей предъ Плевной, со своимъ штабомъ и свитой. Здѣсь же находился генералъ Зотовъ, имѣющій номинальное положеніе начальника штаба князя. Сегодня князь Карлъ дѣлалъ продолжительный визитъ Великому Князю Николаю Николаевичу, и были завершены окончательныя приготовленія. Завтра утромъ, съ разсвѣтомъ, начнется важная битва, но она будетъ продолжаться болѣе одного дня.

«Проѣзжая сегодня послѣ полудня верхомъ въ направленіи къ Боготу, всюду встрѣчалъ двигавшіяся впередъ войска. Теперь не повторится ошибка послѣдней битвы, когда войскамъ приходилось вступать въ линію огня утомленными продолжительнымъ маршемъ. Всѣ силы, за исключеніемъ резервовъ, бивакировали сегодня ночью у самой линіи форпостовъ.

«Представляю слѣдующій перечень войскъ занимающихъ позиціи съ моею оцѣнкой ихъ численности. 9-й корпусъ, барона Криденера (5-я и 31-я дивизіи) 18.000 4-й корпусъ генерала Крылова (16-я и 30-я дивизіи) 20.000; одна бригада 2-й дивизіи, князя Имеретинскаго, 6.000; одна бригада 3-й дивизія, 6.000; одна стрѣлковая бригада, 3.000; 1-я румынская дивизія, полковника Георгія Ангелеску, 14.000; 2-я румынская дивизія, полковника Александра Ангелеску, 14.000. Всего пѣхоты—80.000 человѣкъ. Кавалерія: 4-я кавалерійская дивизія 2.000 сабель; 9-я кавалерійская дивизія 2.000; одна бригада 11-й кавалерійской дивизіи 1.000; одна бригада кавказскихъ казаковъ 1.000; часть Императорскаго конвоя 200; 1-я румынская кавалерійская дивизія 2.000; 2-я румынская кавалерійская дивизія 2.000. Всего кавалеріи 10.000 сабель. Такимъ образомъ всей компактной, хорошо экипированной арміи до 100.000 человѣкъ, при 250 русскихъ 25 центиметровыхъ орудіяхъ, арміи, большая часть которой была уже подъ огнемъ, хотя это послѣднее обстоятельство имѣетъ маловажное значеніе для русскаго солдата. Румыны до сихъ поръ еще не бывали въ серіозномъ дѣлѣ, но они въ прекрасномъ состояніи и одушевлены, долгая лагерная стоянка и маршировка надоѣли имъ. Ими, подъ главнымъ начальствомъ самого князя, командуетъ генералъ Чернатъ, бывшій военный министръ,—офицеръ пользующійся высокою репутаціей какъ организаторъ.

26 августа, ровно въ 6 часовъ утра, артиллеристы 12 орудійной осадной батареи дали залпъ. За залпомъ этимъ одновременно открыли огонь всѣ 9 фунтовыя батареи, стоявшія на позиціяхъ.

Непріятель самымъ жестокимъ огнемъ отвѣчалъ на огонь нашихъ батарей,

*) Спец. Корр. Daily News. изъ Порадима, отъ 25 августа 1877 г.

засыпая ихъ шрапнелью; снаряды его носились надо всею нашею позиціей, нерѣдко далеко перелетая даже мѣста расположенія нашихъ резервовъ.

Расположеніе нашихъ пѣхотныхъ частей въ боевыхъ линіяхъ и въ резервѣ не оставляло желать ничего лучшаго. Гдѣ стоя, гдѣ лежа, сохраняя полную готовность къ бою, люди весело подшучивали надъ лопавшимися надъ ними гранатами, и гдѣ были по близости колодцы, тамъ преспокойно варили себѣ обѣдъ.

Артиллерія, лично руководимая начальниками артиллеріи, корпусовъ и бригадъ, вела живой, но неторопливый огонь по указаннымъ ей цѣлямъ, и артиллеристы, то и дѣло обдаваемые осколками гранатъ и шрапнелью, дѣлали свое дѣло съ такимъ спокойствіемъ, какъ на обыкновенной мирной практической стрѣльбѣ.

Весь день 26 августа шла неумолкаемая канонада.

«Нѣтъ такого пункта *) который давалъ бы здѣсь возможность обозрѣвать все поле битвы, имѣющее такой широкій и длинный фронтъ, и потому корреспонденту остается избрать какое-нибудь одно мѣсто, которое ему кажется наиболѣе интереснымъ. Вчера вечеромъ генералъ Зотовъ назвалъ мнѣ мѣстомъ встрѣчи сегодня утромъ высоты между Згалицей и Пелишатомъ, и туда-то, еще когда было совсѣмъ темно, я и направился сегодня прежде всего. Ночью былъ сильный морозъ, и когда солнце взошло, земля была покрыта плотнымъ слоемъ инея, который держался, пока не былъ прогнанъ лучами солнца.

«Пальба открылась около половины 7-го часа утра. Въ лощинахъ во фронтѣ позиціи, позади и на флангахъ батарей, держалась пѣхота, 5-я и 31-я дивизіи, составляющія 9-й корпусъ. Радишево, влѣво отъ насъ, занятое вчера еще турками, въ теченіи ночи, очищено ими, и наши батареи снова стоятъ тамъ, правда не на той самой высотѣ предъ этою деревней, на которой въ предшествовавшія битвы стояли орудія князя Шаховскаго и такъ долго стрѣляли, но на склонѣ вправо отъ нея, почти на одной линіи съ нею, но нѣсколько вдали отъ нея. Огонь, то усиливается, то ослабѣваетъ. Нѣсколько осадныхъ орудій вправо, хватающихъ до самыхъ кровель Плевны, вдоль длинной лощины, посылаютъ гранаты по этому направленію, а полевыя орудія, смотря по настроенію то стрѣляютъ, то почти совсѣмъ молчатъ. Неодолимый Гривицкій редутъ стрѣляетъ съ перерывами. Время отъ времени на батареяхъ въ нашемъ фронтѣ кто-нибудь раненъ, но пока еще все идетъ слегка, и дѣло дня почти не начиналось. Вотъ почему мы ѣдемъ нѣсколько южнѣе черезъ поля за холмами Радишева и черезъ долину въ Тученицу.

«Дѣло становится все жарче. Большія и малыя орудія на русскомъ правомъ флангѣ, где мы были утромъ, теперь стрѣляютъ ожесточенно, но по прежнему ли противъ Гривицы или нѣтъ, еще нельзя сказать. Другая батарея, влѣво отъ насъ, надъ Радишевымъ, осыпаетъ гранами то, что называютъ первою турецкою позиціей.

«Мы ложимся тутъ и часъ за часомъ наблюдаемъ за сценой. Невозможно сказать что-либо о ходѣ боя, ибо онъ не подвигается. Съ ранняго утра, какъ ба-

*) Слова Корр. Daily News отъ 26 августа 1877 г.

тареи открыли огонь, такъ и продолжаютъ его въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Батареи на гребнѣ надъ Радишевымъ стрѣляютъ упорно, хотя менѣе часто. Нѣсколько слабѣе дѣйствуетъ батарея слѣва отъ насъ. Турецкія гранаты разрываются съ большими облаками дыма и пыли на гребнѣ резервнаго склона и въ деревнѣ Радишево. Деревня эта пылаетъ у нашихъ ногъ. Наконецъ и ея коснулся огонь. Солнце садится, но положеніе дѣлъ остается безъ перемѣны. Сегодня не было сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла, и все ограничилось однимъ дѣйствіемъ артиллеріи. Русскія потери ничтожны, вѣроятно и турецкія не больше.»

На 27 августа было приказано: артиллеріи ночью же приближаться къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ: ввезти на позицію, если можно, нѣсколько 4 фунтовыхъ батарей и 27 августа продолжать сильное обстрѣливаніе намѣченныхъ непріятельскихъ батарей и ложементовъ.

Кромѣ того было приказано:

3-й румынской дивизіи перейти къ разсвѣту 27 августа изъ Рыбина къ правому флангу 4-й румынской дивизіи, на высотѣ которой и занять боевое расположеніе, выдвинувъ на позицію свои батареи, резервной румынской дивизіи передвинуться изъ Бресляницы къ Вербицѣ, впереди которой и стать въ резервномъ порядкѣ, составляя общій резервъ 1-й и 4-й румынскихъ дивизій.

Кавалеріи генерала Лошкарева, усиленной двумя полками калярашей и двумя полками рошіоровъ съ одною румынскою конною батареей, приказано идти черезъ Рыбинъ къ с. Дольній Дубникъ на Софійское шоссе въ тылъ непріятелю; чтобы смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями на сообщенія его затруднить, если не совсѣмъ прервать ихъ, а въ случаѣ еслибы непріятель покинулъ свой лагерь и началъ общее отступленіе, тѣснить и преслѣдовать его.

Для дѣйствія же со стороны Ловчи, откуда предполагалось нанесеніе рѣшительнаго удара, приказано было отряду князя Имеретинскаго (16 баталіоновъ при 76 орудіяхъ), имѣя во главѣ сильный авангардъ подъ командой генерала Скобелева, въ ночь съ 26 на 27 августа перейти отъ Тученицы на Ловче-Плевненское шоссе; 27-го, въ минуту какую онъ признаетъ за болѣе благопріятную, попытаться овладѣть вторымъ гребнемъ лѣсистыхъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Плевны.

Всѣ эти приказанія были въ точности исполнены. Съ разсвѣтомъ 27 августа батареи наши, двинувшіяся на 800 саж. къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ и усиленныя введеніемъ въ бой пяти нашихъ 4 фунтовыхъ батарей и пяти батарей (девяти и восьми сантиметровыхъ) румынской артиллеріи, — вновь открыли жестокій огонь частію гранатами, частію шрапнелью по Гривицкому и центральнымъ редутамъ и близь ихъ лежащимъ ложементамъ. Непріятель, успѣвшій за ночь поправить свои сильно наканунѣ пострадавшія укрѣпленія и перемѣнить подбитыя орудія, отвѣчалъ нашимъ батареямъ также сильно, какъ и наканунѣ; но съ двухъ часовъ пополудни огонь его сталъ ослабѣвать и къ сумеркамъ почти прекратился.

На разсвѣтѣ же приблизился по шоссе къ непріятелю и отрядъ князя Имере-

тинскаго. Генералъ Скобелевъ шедшій, какъ выше сказано, впереди, занявъ безъ боя однимъ баталіономъ дер. Брестовецъ, тотчасъ выдвинулъ на позицію двѣ 9 фунтовыя батареи и полубатарею дальнобойныхъ орудій, которыя, расположившись въ ложементахъ заранѣе для нихъ приготовленныхъ, открыли огонь по Кришинскому редуту и по впереди лежащимъ высотамъ, которыя предполагалось взять въ этотъ же день.

Послѣ артиллерійской подготовки, продолжавшейся до трехъ часовъ пополудни, Калужскому полку, поддержанному девятью ротами Эстляндскаго, приказано было атаковать такъ-называемый «второй гребень.» Калужцы быстро двинулись впередъ, овладѣли первымъ и вторымъ гребнемъ высотъ, но разгоряченные боемъ, несмотря на потерю своего командира, полковника Эльжановскаго (сильно контуженнаго), ни на жестокій огонь непріятеля, ринулись еще далѣе, опрокинули непріятеля пытавшагося было остановить ихъ, и на плечахъ его ворвались въ ложементы расположенные у подножія третьяго гребня. Непріятель, однако, опомнился, и значительно усилившись ударилъ, въ свою очередь, на Калужцевъ. Силы были слишкомъ неравны. Калужцы долго держались, но подавленные превосходными силами, должны были отступить ко второму гребню на свой резервъ, который, подъ личнымъ начальствомъ самого генерала Скобелева, не только прикрылъ отступленіе нашихъ, но и далъ столь сильный отпоръ преслѣдующему непріятелю, такъ что тотъ почти бѣгомъ отошелъ на свои позиціи.

Этимъ эпизодомъ, стоившимъ, однако, около 900 человѣкъ потери, и заключился день 27 августа.

Ночь прошла вообще покойно; батареи наши продолжали, хотя и рѣдкую, стрѣльбу по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, съ цѣлію мѣшать непріятелю исправлять поврежденія. Одна изъ осадныхъ батарей 8 орудійная, дѣйствовавшая главнѣйше по Гривицкому редуту, почти умолкшему и сильно поврежденному, переведена была въ расположеніе 4-го корпуся для усиленія дѣйствія артиллеріи этого корпуса по центральнымъ укрѣпленіямъ.

Съ разсвѣтомъ 28 августа, когда артиллерія наша открыла вновь по всей линіи огонь, на который непріятель отвѣчалъ вообще уже гораздо слабѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни, часовъ около $5^1/_2$ утра послышалась вдругъ рѣзкая перестрѣлка на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ, которая, умолкнувъ черезъ полчаса, около 8-ми часовъ повторилась вновь и еще съ большею силой. Оказалось, что это были двѣ весьма серіозныя попытки турокъ выбить передовой отрядъ генерала Скобелева съ высотъ вчера имъ занятыхъ. Значеніе высотъ этихъ, отъ которыхъ оставался шагъ до овладѣнія «третьимъ гребнемъ,» иначе называемымъ «Зеленою Горой,» господствующею надъ южною стороной Плевненскаго лагеря, было весьма важно и потому естественно не могло укрыться отъ проницательнаго военнаго взгляда генерала Скобелева. Наскоро усиливъ занимаемую его отрядомъ позицію и получивъ отъ князя Имеретинскаго подкрѣпленія, генералъ Скобелевъ предвидѣлъ возможность этихъ попытокъ, и потому, когда турки атаковали его, сначала съ его лѣваго, а потомъ съ праваго фланга, то полу-

чили оба раза такой отпоръ и понесли столь значительныя потери, что болѣе уже не пытались переходить въ наступленіе.

Во всякомъ случаѣ, наступленіе это, хотя и неуспѣшное, но совершенное при тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ находился непріятель обойденный кавалеріей съ тыла, обстрѣливаемый и тѣснимый съ фронта, естественно приводило къ мысли о значительности силъ противника, и стало быть и къ необходимости не особенно торопиться атакой его укрѣпленнаго лагеря и терпѣливо дать артиллеріи еще и еще дѣлать свое дѣло разрушенія преградъ, нравственнаго истомленія и матеріальной дезорганизаціи обороняющагося, чѣмъ такъ особенно бываетъ сильна многочисленная артиллерія наступающаго, и что извѣстно всякому кто когда-либо стаивалъ на укрѣпленіяхъ подъ сосредоточеннымъ огнемъ ея.

А потому, 28 августа рѣшено было: подведя баттареи еще ближе къ непріятелю, гдѣ мѣстность дозволяла продолжать артиллерійскій бой еще—день, два, три. На рѣшеніи этомъ, могущемъ только увеличивать шансы предполагаемой эскалады непріятельскаго лагеря, тѣмъ болѣе можно было остановиться, что потери наши, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи, за всѣ предшествовавшіе три дня собственно артиллерійскаго боя были, можно сказать, ничтожны и не превосходили 300 человѣкъ.

Но 29 августа оказалось, что при той усиленной стрѣльбѣ, которую вела артиллерія, легко могъ оказаться недостатокъ въ снарядахъ, на правильную подвозку которыхъ тѣмъ менѣе можно было разчитывать, что прекрасная погода, стоявшая до сихъ поръ къ вечеру 29 вдругъ рѣзко перемѣнилась: нависли тучи, пошелъ дождь, дороги портящіяся здѣсь съ удивительною быстротой сдѣлались худо проходимыми для повозокъ. Къ тому же, отъ усиленной и непрерывной трехсуточной стрѣльбы, нѣкоторые лафеты осадной артиллеріи, а также многіе изъ 9 фунтовыхъ орудій полевой артиллеріи начали приходить въ негодность. При подобныхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть естественнымъ слѣдствіемъ постепенное ослабленіе артиллерійскаго огня, продолжать артиллерійскій бой дѣлалось уже неудобнымъ, ибо легко можно было утратить пріобрѣтенные уже этимъ боемъ результаты, не достигая большихъ. Далѣе медлить становилось прямо невыгоднымъ и приходилось либо отказаться отъ штурма, либо произвести его безотлагательно. Рѣшено было послѣднее, и 29 августа, вечеромъ, войскамъ была разослана диспозиція, опредѣлявшая порядокъ штурма 30 августа.

Съ разсвѣтомъ, 30 августа, началась съ нашей стороны самая усиленная канонада, на которую непріятель почти не отвѣчалъ, а въ 3 часа пополудни повелась атака на всѣ вышеуказанные пункты.

1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи (Архангелогородскій и Вологодскій полки), съ 4 и 6 баттареями 5-й артиллерійской бригады, перейдя Гривицкій ручей и направляясь на юго-западную часть Гривицкаго редута, а частію—въ тылъ его, смѣло и рѣшительно двинулись впередъ, воодушевляемые своими командирами. Ни жестокій огонь непріятеля, ни взрывъ одного изъ нашихъ зарядныхъ ящиковъ (въ 6 й баттареѣ), ни крайне пересѣченная мѣстность, ни смерть многихъ

начальствующихъ, въ числѣ которыхъ палъ сраженный пулею флигель-адъютантъ полковникъ Шлиттеръ (командиръ Архангелогородскаго полка), ничто не остановило натиска нашихъ.

Предводимые лично своимъ командиромъ бригады, генералъ-маіоромъ Родіоновымъ, Архангелогородцы съ частію Вологодцевъ бросились на редутъ, а другая часть Вологодцевъ, подъ начальствомъ своего командира, полковника Рыкачева, шедшаго впереди ихъ съ ружьемъ, вырваннымъ изъ рукъ имъ собственноручно убитаго турка, ударила на лагерь, который, находясь въ тылу атакуемаго редута, особенно препятствовалъ овладѣнію послѣднимъ. Это смѣлое движеніе полковника Рыкачева облегчило остальнымъ эскаладу редута. Перейдя глубокій ровъ они, скользя по грязи, падая и подсаживая другъ друга, взобрались на брустверъ и ворвались въ редутъ. Закипѣлъ ожесточенный рукопашный бой, въ которомъ фанатизованные защитники оборонялись до тѣхъ поръ, пока не были переколоты.

Вмѣсто раненаго генерала Родіонова принялъ командованіе надъ бригадою полковникъ Рыкачевъ, который, сдѣлавъ свое дѣло, блестящимъ демонстративнымъ движеніемъ на лагерь успѣлъ съ бывшею съ нимъ частію Вологодцевъ вернуться въ редутъ, гдѣ немедленно же и началъ устраивать бригаду, разстроившуюся упорнымъ боемъ.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера знамена наши уже развѣвались надъ Гривицкимъ редутомъ, при взятіи котораго у непріятеля отбиты: два знамя и пять орудій. Въ атакѣ этой участвовала и часть румынскихъ войскъ, преимущественно баталіонъ маіора Попеско.

Атаки на центральное укрѣпленіе, хотя и поведенныя со всею беззавѣтною отвагой, всегда отличающею атаки нашихъ войскъ, несмотря на то, что повторялись нѣсколько разъ, къ сожалѣнію, не привели къ успѣху. Много разъ войска наши, воодушевляемыя своими начальниками, врывались въ непріятельскіе окопы, но всякій разъ убійственный перекрестный огонь, который непріятель производилъ изъ траншей, въ нѣсколько ярусовъ построенныхъ, выбивалъ ихъ оттуда. Въ числѣ причинъ, сдѣлавшихъ всѣ усилія наши въ этомъ пунктѣ безуспѣшными, нельзя, между прочимъ, не признать мѣстныя условія, препятствовавшія вести атаку иначе какъ съ фронта, а также и еще одно нежданное обстоятельство, которое не могло вообще хорошо повліять на атаку.

Часовъ около 12 пополудни, турки произвели нападеніе на отрядъ генерала Скобелева. За дымомъ и туманомъ, густою пеленой покрывавшими все поле сраженія, сильная ружейная стрѣльба, раздавшаяся по этой причинѣ, подхваченная и турками, занимавшими центральныя укрѣпленія, принята была нашими за нападеніе турокъ съ этой стороны. Нѣсколько ротъ Углицкаго полка, желая предупредить непріятеля, намѣревавшагося, какъ имъ то показалось, захватить нашу баттарею, бросились на него, увлекая за собой остальныя роты своего полка, а также и весь Ярославскій полкъ. Въ одинъ мигъ турки были при этомъ выбиты изъ ложементовъ, но такъ, какъ атака эта, никѣмъ не предусмотрѣнная, не могла быть произведена въ порядкѣ, а слѣдовательно, не могла быть свое-

временно и поддержана, то смѣльчаки наши были, въ свою очередь, выбиты турками изъ ложементовъ и отброшены назадъ съ огромными потерями.

Такимъ образомъ, часа за три до условленнаго въ диспозиціи часа общей атаки, войска, предназначавшіяся на штурмъ центральныхъ укрѣпленій, потерпѣли уже, безо всякой пользы, весьма чувствительный уронъ.

Для выполненія задачи, возложенной на отрядъ князя Имеретинскаго, передовому отряду генерала Скобелева предстояло сначала овладѣть «третьимъ гребнемъ» Зеленой Высоты, а затѣмъ редутами и линіями ложементовъ, защищавшими подступы къ непріятельскому лагерю. Еще съ вечера, 29 августа, хорошо рекогносцировавъ мѣстность предстоящихъ ему дѣйствій, генералъ Скобелевъ, послѣ предварительнаго дѣйствія артиллеріи, начавшагося съ разсвѣтомъ 30 августа, въ 11 час. утра, съ Владимірскимъ и Суздальскимъ полками, 10-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и тремя ротами Эстляндскаго полка, имѣющими въ общемъ своемъ резервѣ Ревельскій полкъ, атаковалъ «третій гребень», овладѣлъ имъ и, наскоро прикрывшись земляными насыпями, въ ожиданіи часа общей атаки, расположился на немъ, производя артиллеріей обстрѣливаніе редутовъ, и ружейнымъ огнемъ удерживая напиравшихъ на него турецкихъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, первый и весьма трудный шагъ къ нанесенію удара Плевненскому лагерю съ южной его стороны былъ сдѣланъ. Теперь генералу Скобелеву предстояло сдѣлать второй, еще болѣе трудный шагъ: спуститься съ горы, густо поросшей виноградникомъ, перейти ручей, текущій въ крутыхъ берегахъ, взобраться на каменистую крутую высоту, тянущуюся саженъ на 400, и овладѣть находящимися на этой высотѣ двумя редутами, связанными между собою ложементами. Ровно въ 3 часа генералъ Скобелевъ поднялъ изъ-за закрытій свой отрядъ, усиленный княземъ Имеретинскимъ новыми подкрѣпленіями и, имѣя во главѣ Владимірскій и Суздальскій полки,—съ распущенными знаменами, музыкой и барабаннымъ боемъ,—смѣло и рѣшительно двинулъ отрядъ впередъ.

Перейдя ручей, наши начали взбираться на гору, но, будучи сильно разстроены крайне пересѣченною мѣстностью, по которой они слѣдовали подъ губительнымъ перекрестнымъ огнемъ, были на короткое время на полугорѣ пріостановлены чтобъ устроиться, хотя нѣсколько минутъ перевести духъ и дать возможность подойти, видимо, необходимымъ подкрѣпленіямъ. Лишь только прибыли послѣднія а именно: Ревельскій и Либавскій (12 ротъ) полки, 11-й и 12-й стрѣлковые баталіоны, шедшіе, по выраженію генерала Скобелева, «какъ на парадѣ», быстро поднялся весь отрядъ и, имѣя во главѣ своей самого генерала Скобелева, который съ обнаженною саблей, на бѣломъ конѣ, лично велъ и ободрялъ войска, съ громкими криками *ура* ринулся на редутъ № 1-й и къ $4^1/_2$ часамъ пополудни овладѣлъ имъ. Но дѣло было еще не окончено: предстояло еще овладѣть редутомъ № 2-й, для чего требовалось привести въ порядокъ войска, разстроенныя тяжкою предшествовавшею атакой, и подтянуть къ нимъ новыя подкрѣпленія.

А потому, вручивъ командованіе надъ редутомъ генералъ-маіору Добровольскому, вскорѣ, по причинѣ смертельной раны, замѣненному генералъ-маіоромъ

Тебякинымъ, также вскорѣ убитымъ и замѣненнымъ маіоромъ Горталовымъ,— генералъ Скобелевъ, не теряя ни минуты, сталъ устраивать войска и лишь только получилъ отъ князя Имеретинскаго свѣжія подкрѣпленія, какъ немедленно же атаковалъ редутъ № 2-й, который, послѣ самаго упорнаго сопротивленія, къ 6 часамъ вечера былъ въ нашихъ рукахъ.

Овладѣніе этими редутами намъ обошлось дорого: изо всего отряда князя Имеретинскаго, состоявшаго въ общей сложности изъ 22 баталіоновъ, только пять баталіоновъ не были введены въ дѣло; изъ нихъ два прикрывали лѣвый флангъ генерала Скобелева отъ Кришина, такъ что въ резервѣ оставалось всего три баталіона Калужскаго полка, уже весьма ослабленнаго въ бою 27 августа, о чемъ выше было уже говорено.

Наступившая темная, дождливая ночь остановила нашу атаку, но не прекратила боя.

Въ теченіи ночи, непріятель нѣсколько разъ производилъ отчаянныя попытки отнять обратно потерянные имъ редуты: Гривицкій на лѣвомъ его флангѣ и два— на его правомъ флангѣ,но всякій разъ безуспѣшно и съ огромными потерями.

Пользуясь промежутками времени, остававшимися между этими попытками, наши войска, овладѣвшія редутами, несмотря ни на усталость отъ боя и на дождь, быстро устраивались и приводились въ порядокъ, наскоро исправляя занятыя укрѣпленія и прикрываясь земляными насыпями. Послѣднее особенно было трудно отряду генерала Скобелева какъ потому что редуты, занятые имъ, жестоко обстрѣливались все время перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, такъ еще болѣе—по недостатку шанцеваго инструмента, растеряннаго во время боя, такъ что солдаты, взамѣнъ его, употребляли крышки отъ котелковъ.

Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ кровопролитнаго боя 30 августа мы одержали успѣхъ надъ непріятелемъ. Правда, мы не овладѣли лагеремъ; но взятіемъ Гривицкаго редута, а главное—двухъ южныхъ редутовъ мы овладѣли входами въ лагерь. Главныя трудности Плевненскаго лагеря были преодолѣны: оставалось только доразвить пріобрѣтенные успѣхи. Но для этого требовалось по меньшей мѣрѣ еще двѣ свѣжія дивизіи войскъ, тогда какъ у насъ въ резервѣ едва осталось всего два нетронутые еще полка, кинуть которые въ бой было бы крайне рисковано, а главное—которыхъ было положительно недостаточно для достиженія цѣли.

Но если, по численности нашихъ силъ, намъ не представлялось возможнымъ продолжать атаку, то и не думая даже объ отступленіи,—мы, по той же причинѣ, не могли съ выгодой оставаться и на мѣстахъ, на которыхъ насъ застала ночь съ 30-го на 31 августа.

Занимая Гривицкій редутъ съ одной и два южные редута съ другой стороны, пришлось бы чрезмѣрно растянуть, а слѣдовательно, и чрезмѣрно ослабить общее расположеніе нашихъ, по отношенію къ непріятельскимъ, весьма скромныхъ силъ. А потому, 31 августа, было рѣшено: Гривицкій редутъ, какъ лежащій на главномъ пути изъ Систова въ Плевну, оставить за собой; двумя же

южными редутами владѣть только до вечера, пока всѣ войска отряда не займутъ вновь указаннаго расположенія, а вечеромъ покинуть ихъ.

Приказаніе это было исполнено во всей точности. Пять ожесточенныхъ атакъ, которыя непріятель съ большими силами, повторительно, въ теченіе цѣлаго дня, велъ на отрядъ генерала Скобелева, были послѣднимъ блистательно отражены, причемъ непріятель понесъ огромныя потери и, когда, согласно приказанію, генералъ Скобелевъ вечеромъ началъ свое отступленіе къ д. Тученицѣ, то непріятель не осмѣлился уже предпринять преслѣдованіе, а ограничился занятіемъ добровольно покинутыхъ нами редутовъ.

Этимъ актомъ завершился шестидневный Плевненскій бой, въ теченіе котораго всѣ чины отряда свято и безупречно исполвили свой долгъ, а русскій солдатъ доказалъ еще разъ, что для него нѣтъ на войнѣ неразрѣшимыхъ задачъ, за исключеніемъ тѣхъ, полное разрѣшеніе которыхъ лежитъ превыше человѣческихъ силъ.

Подписалъ: начальникъ штаба Западнаго отряда арміи, генералъ-лейтенантъ *Зотовъ*.

Генералъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

Михаилъ Дмитріевичъ родился 17 сентября 1843 г., слѣдовательно теперь ему 35 лѣтъ. Какъ дворянинъ онъ 18 лѣтъ отъ роду вступилъ унтеръ-офицеромъ въ кавалергардскій полкъ, чрезъ два года онъ произведенъ былъ въ корнеты съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи въ Гродненскій гусарскій полкъ, который въ то время (это было въ началѣ 1863 г.) находился въ Варшавѣ. Во время польскаго возстанія, молодой корнетъ Скобелевъ имѣлъ случай доказать на дѣлѣ свою личную храбрость и боевыя способности, которыя высоко уже въ то время цѣнили его товарищи и его начальники. По окончаніи польскаго мятежа и посовершенномъ успокоеніи края, Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и кончилъ въ ней курсъ съ отличіемъ, почему по окончаніи курса былъ причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу сперва въ Туркестанскій край (1868 г.) а потомъ на Кавказъ (1870 г.), но тамъ оставался не долго. По возвращеніи съ Кавказа М. Д. былъ нѣкоторое время въ военно-ученомъ комитетѣ главнаго штаба, а потомъ назначенъ адъютантомъ 22-я пѣхотной дивизіи. Начавшаяся въ скоромъ времени война съ Кокандцами вызвала его исключительно къ боевой дѣятельности. За дѣла и отличія подъ Хивою Михаилъ Дмитріевичъ получилъ всѣ военныя отличія высшей степени, золотую саблю съ надписью «за храбрость», орденъ св. Георгія Побѣдоносца 4-й и 3-й степени и золотую шпагу, украшенную бриліантами, а также чины полковника и генералъ-маіора съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. На тридцатомъ году отъ рожденія, въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта

Михаилъ Дмитріевичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ въ ней войсками, не охотно оставилъ эту должность почетную и важную, чтобы отправиться на театръ военныхъ дѣйствій въ дѣйствующую армію на Дунаѣ, гдѣ онъ вскорѣ и заявилъ себя самымъ способнымъ генераломъ, рѣзко выдѣляющимся изъ среды другихъ своихъ товарищей.

Какъ молодой герой, стяжавшій себѣ въ такіе молодые годы высокое званіе и славу при помощи высшихъ военныхъ знаній, заслугами личной храбрости, самоотверженія, обдуманной распорядительности, Михаилъ Дмитріевичъ не забываетъ себя, что онъ человѣкъ и все окружающее его,—смертные ему подобные. Добрый, великодушный, ласковый, онъ, кажется, смотритъ на ввѣренные ему отряды какъ на одну громадную семью, гдѣ онъ не болѣе не менѣе, какъ старшій членъ семейства, которому должно заботиться о ввѣренномъ ему отрядѣ. Во все время войны генералъ Скобелевъ 2-й въ полѣ—храбрый опытный вождь, въ лагерѣ или въ траншеѣ являлся хозяиномъ заботящимся о томъ, чтобы все вокругъ него было сыто, весело и хорошо одѣто и пр. Бросаясь въ сраженіе впереди своего отряда его видѣли всегда въ бѣлыхъ перчаткахъ, чисто одѣтаго и раздушенаго. Онъ на полѣ чести и побѣдъ являлся, какъ на балъ.

Вотъ какъ излагали корреспонденты свое мнѣніе о генералѣ Скобелевѣ и нѣкоторыя особенности легко опредѣляютъ этотъ исключительный характеръ нашего знаменитаго воина.

— Въ *Петербургскія Вѣдомости* пишутъ изъ Сельви отъ 25-го и 26-го іюля:

«Сегодня, 25-го, я отправился къ Ловчѣ, возлѣ которой у самаго города, находятся укрѣпленный турецкій лагерь и въ десяти верстахъ отъ него отрядъ генералъ-маіора Скобелева, состоящій изъ пяти батальоновъ пѣхоты, четырехъ кавалерійскихъ полковъ и 20 орудій. Въ нашемъ лагерѣ всѣ готовились къ нападенію или, вѣрнѣе, къ усиленной рекогносцировкѣ, которую генералъ Скобелевъ предпринималъ на слѣдующій день, съ цѣлью узнать непріятельскія силы. Здѣсь позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ лихомъ генералѣ, который въ короткій промежутокъ времени успѣлъ возбудить къ себѣ всеобщій восторгъ солдатъ и уваженіе всѣхъ офицеровъ. Я не буду здѣсь говорить о его распорядительности и умѣньѣ пользоваться обстоятельствами. Это дѣло критики и исторіи, да, впрочемъ, эти качества молодаго и украшеннаго всѣми возможными орденами генерала достаточно всѣмъ извѣстны изъ его туркестанскаго похода. Личная храбрость генерала Скобелева приводитъ всѣхъ въ изумленіе; онъ является всюду, гдѣ только угрожаетъ наибольшая опасность, ободряетъ всѣхъ и своимъ примѣромъ много способствуетъ хорошему настроенію духа и отчаянной храбрости солдатъ, которые говорятъ, что подъ командою такого генерала пріятно и умереть. Когда Скобелевъ былъ посланъ для взятія проходовъ балканскихъ и послѣ бѣгства турокъ, солдаты говорили: «Когда генералъ Скобелевъ пришелъ и турокъ побѣжалъ». Будучи всегда впереди всѣхъ въ бѣломъ кителѣ и обыкновенно на бѣломъ конѣ, онъ до сихъ поръ не задѣтъ ни одною пулею, несмотря на то, что подъ нимъ уже убито пять лошадей. Возлѣ него всегда и

неотлучно находится киргизъ Нарубайка, котораго онъ привезъ съ собою изъ Туркестана и подъ которымь тоже убито двѣ лошади; киргизъ этотъ удалой малый, пользуется извѣстнымъ уваженіемъ со стороны солдатъ. Въ обществѣ офицеровъ, Скобелевъ держитъ себя весьма просто, какъ товарищъ, и любимъ всѣми. Къ нижнимъ чинамъ онъ обыкновенно передъ каждымъ дѣломъ обращается съ краткими словами поощренія, а послѣ дѣла благодаритъ: «спасибо, ребята, за молодецкую службу» и нужно слышать съ какимъ восторгомъ дружно ему отвѣчаютъ солдаты. До сихъ поръ у Скобелева не было постояннаго, болѣе или менѣе значительнаго отряда и потому онъ не имѣлъ возможности оказать болѣе значительныхъ услугъ. Турки хорошо уже знаютъ лихаго генерала, являющагося всегда впереди всѣхъ, и прозываютъ его генераломъ Георгіемъ. Стоитъ только Скобелеву выѣхать на позицію, какъ въ него пускаются многочисленныя пули. Во время перехода войскъ у Систова, Скобелевъ водилъ въ аттаку Минскій полкъ и ѣхалъ на бѣлой лошади впереди цѣпи этой роты.

Въ моихъ глазахъ личность ген. Скобелева представляетъ рѣдкій типъ, замѣчательный по своимъ нравственнымъ силамъ и по всему складу своей своеобразной натуры. Этотъ человѣкъ напоминаетъ мнѣ героевъ тѣхъ романовъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ роляхъ благородныхъ, симпатичныхъ, находчивыхъ рыцарей безъ страха и упрека. Для Скобелева опасностей не существуетъ. Будучи военнымъ человѣкомъ, онъ привязанъ къ военному дѣлу такъ же сильно, какъ привязывается малый ребенокъ къ любимой игрушкѣ. Свистъ пуль гранаты на бранномъ полѣ Скобелевъ выслушиваетъ такъ же невозмутимо, какъ мы слушаемъ обыкновенно болѣе знакомые намъ оперные молитвы. Онъ не любитъ нерасторопнаго казака, называя его бабою, и наказываетъ его тѣмъ, что не беретъ съ собою въ бой, отправляя его въ обозъ во время сраженія. Это не человѣкъ сильныхъ ощущеній, потому что онъ ихъ не испытываетъ даже въ самые критическіе моменты боеваго положенія; его какъ будто забавляетъ безсиліе направленнаго противъ него огня, и онъ глумится надъ этими смѣшными людишками, которые покушаются на его жизнь, и надъ этими снарядами, начиненными порохомъ будто бы съ цѣлью его пораженія. Я не видалъ такихъ храбрыхъ людей. Такіе люди остаются обыкновенно хладнокровно-разсудительными даже въ самые критическіе моменты, потому что разсудокъ ихъ не порабощается впечатлѣніями минуты. Между тѣмъ въ одномъ кружкѣ нашихъ офицеровъ существуетъ убѣжденіе, что ген. Скобелевъ слишкомъ увлекающаяся натура, которая способна ввергнуть въ огонь и погубить свою часть. Это конечно несправедливо.

«Въ числѣ ординарцевъ генерала Скобелева находится одинъ молодой туркменъ, который такъ сильно привязанъ къ генералу, что не покидаетъ его ни на одинъ шагъ. Вы не можете себѣ представить, какими горькими слезами заливался этотъ туркменъ надъ убитою лошадью Скобелева. Это былъ его единственный туркменскій товарищъ, его единственный другъ-землякъ въ чужой ему средѣ.

«Мы встрѣтили храбраго генерала Скобелева, осматривавшаго на ночь въ по-

слѣдній разъ свои аванпосты. Онъ ничего не предоставляетъ случаю и самъ наблюдаетъ за всѣмъ. Войска его обожаютъ. Имя его должно вскорѣ сдѣлаться любимымъ именемъ всякаго русскаго. Появляясь повсюду, гдѣ только есть опасность, онъ, точно заколдованный, остается цѣлъ и невредимъ. Какъ-то на-дняхъ, въ разгарѣ битвы, Скобелеву захотѣлось страшно пить; недалеко былъ ключъ; но кругомъ непрерывный дождь бомбъ, ядеръ и пуль, и ни одинъ казакъ не рѣшался ѣхать за водою; тогда Скобелевъ отправился самъ къ ключу, слѣзъ съ лошади, напился воды и поѣхалъ обратно.»

На этого недовольно, что сказано о храбромъ молодомъ генералѣ; далѣе мы встрѣтимъ много новыхъ подвиговъ, которые докажутъ всему свѣту что генералъ Скобелевъ 2-й одна изъ звѣздъ первой величины, возсіявшей на нашемъ русскомъ горизонтѣ. Какъ русскій по рожденію и по воспитанію, онъ намъ кажется еще дороже, что высокое умственное и нравственное развитіе получилъ не внѣ Россіи, а въ своемъ отечествѣ, и всецѣло принадлежитъ ему.

Въ рапортѣ князя Имеритинскаго о взятіи Ловчи Его Императорскому Высочеству о лицахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія и похвалы по своимъ военнымъ заслугамъ въ этомъ дѣлѣ, было прежде всего сказано:

«Кромѣ вышепоименованныхъ офицеровъ, особенно отличились: свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ. Репутація этого блестящаго по своимъ военнымъ способностямъ и храбрости генерала настолько уже извѣстна Вашему Императорскому Высочеству и всей арміи, что мнѣ остается только доложить, что успѣхомъ подъ Ловчею я обязанъ преимущественно ему.

Военный характеръ героевъ третьей аттаки подъ Плевной.

(Разсказы событій и характерные анекдоты).

Скобелевъ 2-й, Горталовъ, Куропаткинъ, Добровольскій.—Акъ-паша.—Куропаткинъ близъ взорваннаго редута.—Маіоръ Горталовъ на турецкихъ штыкахъ.—Славная смерть генерала Добровольскаго, и его предчувствіе.—Слезы сестраданія къ погибшимъ.—Нарубайка.—Военная слава Скобелева 2-го.—Опасный моментъ для завтрака. —Солдатскіе толки.—Взятіе Гривицкаго редута.

— Корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ письмѣ изъ Горнаго Студня, отъ 8-го сентября, разсказываетъ слѣдующіе эпизоды изъ аттаки 30-го августа на лѣвомъ флангѣ, рисующіе личность ген. Скобелева:

«На 30-е августа, какъ я уже писалъ, назначено было общее наступленіе. На лѣвомъ флангѣ оно началось въ часъ пополудни, подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ. Тутъ генералъ Добровольскій, командовавшій второю линіею, обращается къ генералу Скобелеву съ вопросомъ: «не рано-ли»?

— Генералъ, отвѣчалъ Скобелевъ: — теперь ужъ не время объ этомъ разсуждать.

«Задѣтый, генералъ Добровольскій вынимаетъ саблю, становится впереди цѣпи и восклицаетъ:

— За мною, ребята, впередъ!

«Колонны движутся, размыкаются и смыкаются, непріятельскіе ложементы осыпаютъ нашихъ ратниковъ буквально градомъ пуль, а гранаты вырываютъ ихъ десятками изъ строя. Но храбрый русскій воинъ не знаетъ отступленія, въ особенности видя передъ собою стройную фигуру генерала-Георгія. Тутъ былъ раненъ въ руку генералъ Добровольскій; но, не обращая вниманія на рану, онъ все время идетъ впереди своихъ колоннъ, пока другая пуля, попавъ герою въ грудь, не сразила храбраго и достойнаго воина. Тѣло тяжело раненаго Добровольскаго было вывезено въ его собственномъ экипажѣ на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ, проведя въ страшныхъ мученіяхъ ночь скончался къ утру слѣдующаго дня. Замѣчательное предчувствіе: когда кто-то началъ расхваливать передъ генераломъ Добровольскимъ его коляску и его отличныхъ лошадей, онъ сказалъ:

— Я ихъ для того сюда взялъ, чтобы они вывезли отсюда мое тѣло: больничнымъ фургонамъ будетъ и безъ того много дѣла.

«Генералъ Скобелевъ въ этотъ памятный день былъ буквально вездѣ, направляя части, одобряя и поддерживая своимъ примѣромъ. Если какая-нибудь часть начинала колебаться, онъ ее сейчасъ останавливалъ:

— Стой, равняйся, на караулъ! ружья на плечо! и затѣмъ:—За мною, шагомъ маршъ!

«Такой маневръ давалъ отличные результаты: колебавшіеся солдаты, занятые минутно, какъ бы ученіемъ, забывались и наступали въ замѣчательномъ порядкѣ и стойкости.

«Офицеры выбывали изъ строя въ поразительномъ числѣ, до того, напримѣръ, что однимъ батальономъ Калужскаго полка командовалъ фельдфебель, но все-таки командовалъ, и, несмотря на убыль всѣхъ офицеровъ, батальонъ не разстроился, не разсыпался. И какъ командовалъ!

— Ну, ребятушки, патроновъ не тратить, зря не стрѣлять, прицѣлъ братъ! Готовъ, что-ли?

— Готовъ, дядя!

— То-то, пли!

«Залпъ изъ шестидесяти-пяти ружей сдѣланъ, и 65 турокъ свалились на мѣстѣ.

«Не герои-ли это, ведомые изъ героевъ героемъ? Сильнѣйшій проливной дождь, размягчившій до-нельзя грунтъ, не останавливалъ нашихъ солдатъ. Но Скобелевъ видѣлъ отлично, что ему съ своими сильно пострадавшими частями не только нельзя думать о взятіи послѣдняго редута, но и удержаться немыслимо. Его троекратное настойчивое требованіе о помощи осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

— Еще полкъ, дайте только одинъ полкъ свѣжій—и Плевна моя! вырвалось отчаянное восклицаніе изъ мощной груди героя; но слова его не нашли отголоска нигдѣ и затерялись въ пространствѣ безконечномъ.

«На слѣдующій день, какъ предполагалъ Скобелевъ, такъ и случилось: турки начали наступать на свои редуты занятые наканунѣ нами, съ значительными силами, которымъ немыслимо даже было противостоять, и поэтому Скобелевъ приказалъ своимъ частямъ очистить редуты и отступать. Въ одномъ ложементѣ засѣвшая горсть нашихъ храбрецовъ не хотѣла отступать:

— Ваше —ство, позвольте намъ еще пострѣлять!

— Нельзя, выходите всѣ, стройтесь— и маршъ!

— Мы его сюда не пустимъ, позвольте, ваше—ство!

«И съ такими солдатами пришлось отступать только потому, что не было подкрѣпленія. Всѣ вчерашнія жертвы, всѣ труды пропали даромъ и безвозвратно; всѣ позиціи, добытыя кровью потомъ, и пришлось бросить. Взойдите въ душу генерала Скобелева и поймите всѣ чувства, обуревавшія всѣмъ существомъ его. Понеся громадный уронъ въ людяхъ, потративъ много жизненныхъ силъ, переживъ въ эти дни страшныя и мучительныя минуты, онъ опять очутился на томъ же самомъ пунктѣ, откуда вышелъ. Тутъ не выдержалъ его мужественный и закаленный характеръ, и прозрачная слеза скатилась по его ласковому лицу; за ней полились градомъ горячія слезы, и боевой генералъ, не преклонявшій головы передъ грозною гранатою, не моргнувшій ни разъ передъ градомъ осыпавшихъ его, пуль съ презрѣніемъ заглядывающій въ лице смерти, далъ волю своимъ человѣческимъ чувствамъ. Его слезы были слезы сострадація столько жертвъ, столько жизней, потраченныхъ напрасно! Благородный духъ генерала какъ-бы принималъ на себя отвѣтственность за всѣ жертвы; но онъ исполнилъ свято долгъ свой и, стоя на высотѣ своего призванія, стяжалъ заслуженную славу, благодарность и благоговѣніе всего нашего воинства.

«Кромѣ всѣхъ несчастій, въ руки непріятеля достались три наши орудія единственно только потому, что были перебиты всѣ лошади, и нельзя было вывести ихъ съ позиціи. Непріятель не щадилъ ни патроновъ, ни снарядовъ, и огонь его достигалъ крайней степени опустошительности; но, благодаря этому, уже 1-го сентября, говорятъ, у него нехватило боевыхъ запасовъ, и мы не могли этимъ воспользоваться. Ожесточенный бой прекратился, и только изрѣдка, въ теченіе послѣдующихъ дней, изъ нашихъ баттарей раздавались выстрѣлы, но турки не отвѣчали.

«На непріятельскомъ правомъ флангѣ, на нашемъ лѣвомъ, должна была рѣшиться участь сраженія. На нашемъ правомъ флангѣ преимущественно дѣйствовали осадныя орудія и румыны. Почему лѣвый флангъ не былъ достаточно подкрѣпленъ и, несмотря на блистательную аттаку и геройство нашихъ войскъ, принужденъ былъ отступить, кто и что причиною недостатка или совершеннаго отсутствія сильныхъ резервовъ—судить не намъ. Я не знаю общаго плана сраженія, а констатирую лишь фактъ и признакъ нашего безсилія, обнаружившійся такъ рѣзко на лѣвомъ флангѣ, и, слѣдовательно, недостаточное приготовленіе, несмотря на то, что мы знали, что будемъ имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ. А, можетъ быть, тутъ играли роль другія соображенія, другіе виды; — не знаю. Во всякомъ случаѣ, на одно лишь геройство нашихъ войскъ нельзя было

разсчитывать: и для героевъ есть невозможное. А къ плевнинскому сраженію надо было относиться очень и очень серьезно.

«На правомъ флангѣ попался намъ въ плѣнъ одинъ турецкій офицеръ. На вопросъ, много-ли въ турецкой арміи находится иностранныхъ офицеровъ, онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ намъ иностранные офицеры, когда у насъ есть свой Османъ-паша, котораго не стоятъ и 200,000 иностранныхъ офицеровъ?

«Затѣмъ турокъ пояснилъ, что они хотя и боятся русскихъ солдатъ, но это еще ничего; но «въ русской арміи есть одинъ бѣлый генералъ, который наводитъ на нихъ паническій страхъ; всякій разъ, когда этотъ генералъ выѣзжаетъ на видное мѣсто, солдатамъ велятъ направлять весь огонь на всадника, который все-таки, какъ заколдованный, сидитъ на своемъ бѣломъ конѣ».

— И, дѣйствительно, храбрость и хладнокровіе бѣлаго генерала поразительны и приводятъ всѣхъ въ изумленіе. Во всѣ дни артиллерійскаго боя онъ не выходилъ изъ огня; подъ огнемъ закусывалъ и отдыхалъ, раздѣляя опасность наравнѣ со всѣмъ отрядомъ, чѣмъ возбуждалъ всеобщій энтузіазмъ; подъ сильнѣйшимъ огнемъ распоряжался онъ какъ у себя дома. Когда онъ объѣжаетъ позицію, то всегда приглашаетъ охотниковъ изъ ординарцевъ слѣдовать съ нимъ которые всегда крестятся и прощаются, какъ бы идя на вѣрную смертъ.—И подлинно, вокругъ Скобелева все ложится; 30-го августа даже раненъ опасно его любимый киргизъ, Нарубайка, который тоже считался застрахованнымъ отъ пули.

«Подъ Плевною подъ Скобелевымъ убита еще одна бѣлая лошадь и вскорѣ бѣлый генералъ превратился въ черваго, такъ какъ у него перевелись уже всѣ бѣлыя лошади, а наступающая осень заставила его сбросить бѣлый китель и надѣть черный мундиръ. До сихъ поръ Скобелевъ не имѣлъ постояннаго отряда, и ему поручались наиболѣе трудныя и опасныя дѣла. Теперь онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ дивизію. Прославленное имя его пользуется въ арміи громадною популярностью, извѣстнымъ обаяніемъ и я вѣрю, что этотъ, бѣлый генералъ, сдѣлавшійся идоломъ всѣхъ солдатъ, способенъ на великія дѣла. Разсказываютъ слѣдующій характеристическій случай. Какъ-то молодой герой, сидя подъ огнемъ непріятельскихъ баттарей, закусывалъ. Одна изъ гранатъ, съ шипѣніемъ разрывая воздухъ, летѣла прямо на Скобелева въ ту именно минуту, когда онъ клалъ въ ротъ кусокъ цыпленка. Къ изумленію присутствовавшихъ офицеровъ, Скобелевъ пріостановился и видимо ждалъ окончанія полета; этого съ нимъ никогда не бывало. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ, онъ какъ бы не замѣчалъ лопавшихся вокругъ снарядовъ, не слышалъ страшнаго шума. Снарядъ пролетѣлъ надъ самою головою генерала, упалъ шагахъ въ 20 сзади его и разорвался на куски, не причинивъ однако никому вреда.

— Въ первый разъ въ жизни, сказалъ, проглотивъ кусокъ спокойно Скобелевъ, мнѣ показалось, что эта каналья предназначена для меня.

— Другой корреспондентъ той-же газеты, въ письмѣ изъ-подъ Плевны, отъ 1-го сентября, разсказываетъ о своемъ посѣщеніи праваго фланга:

«Направился я сегодня на правый флангъ, гдѣ еще не былъ, разсчитывая осмотрѣть румынскія войска и взятый третьяго дня редутъ.

«Я спустился въ балку, гдѣ бивуакировала румынская пѣхота. Здѣсь были, если не ошибаюсь, два батальона линейныхъ солдатъ и столько же доробанцевъ. Всѣ, они обмундированы очень хорошо, особенно линейные солдаты, офицеры же положительно всѣ даже щеголовато. Солдаты все преимущественно молодежъ, на видъ очень здоровы и большею частью красивы. На ихъ бивуакѣ много порядка и совершенно тихо, но за то румынскій бивуакъ выглядитъ какъ то печально и вяло, тогда какъ русскій, напротивъ, очень оживленъ и веселъ.

«Въ слѣдующей балкѣ стоялъ нашъ Архангелогородскій полкъ, значительно порѣдѣвшій. Когда я подъѣхалъ, солдатамъ раздавали доставленную на подводахъ пищу: гречневую кашу, полужидкую, такъ-называемую размазню, и какой-то супъ. Приближаюсь къ кучкѣ солдатъ, уже обѣдавшихъ: «Хлѣбъ да соль, ребята!» — «Милости просимъ.» — «Нѣтъ-ли водицы напиться?» — «Извольте!» — «Да вы бы слѣзли съ лошади», прибавилъ другой, «да поѣли-бы съ нами». Я отказался. Мало-по-малу завязался разговоръ, и скоро я былъ окруженъ цѣлою толпою солдатъ, наперерывъ сообщавшихъ мнѣ многія подробности третьягодняшняго сраженія. «Подошли мы, значитъ, въ туманѣ довольно близко, а *онъ* какъ тарарахнетъ въ насъ залпомъ,—глядь, а пули-то летятъ надъ головами. Ну, и отлично. Мы впередъ, да не будь уже поздновато да туманно, темно значитъ, такъ мы бы прихватили и второй редутъ».—«А въ редутѣ-то», говоритъ другой, «мы взяли три турецкія пушки».—«Анъ врешь, четыре», поправляетъ третій.—«Нѣтъ три».—«А помнишь, четвертая-то стояла на углу, за валомъ: надо полагать, онъ ее хотѣлъ увезти, да не успѣлъ».—«А намеднись тутъ показался, изъ-за ихняго вала, начальникъ, паша, толстый да важный такой. Нашъ ротный и говоритъ: ну, братцы, попробуйка, не уложитъ-ли его кто? Ефимовъ, изъ четвертой роты, приложился, и такъ это ловко, что паша такъ и повалился навзничь, сердечный».—«Проклятый этотъ турка, каку штуку съ нами сдѣлалъ, ваше благородіе! Шанцы у нихъ понадѣланы въ редутѣ чудесные такіе, точно онъ ихъ цѣлый годъ строилъ; ходы подъ землею, ямки для зарядовъ и для провіанта, да и самимъ-то есть гдѣ схорониться на случай. Что же бы вы думали, ваше благородіе? Сидимъ это мы уже въ редутѣ-то часа два, надо полагать, али еще больше, глядимъ, а изъ-подъ земли и вылѣзаютъ. Сначала мы въ темнотѣ-то не разобрали: думали изъ нашихъ кто; анъ потомъ, какъ разглядѣли, видимъ, турки,—ну, и прикололи ихъ почти всѣхъ, человѣка два или три утекло». «Да зачѣмъ же ихъ было бить», замѣчаю: «можно просто связать руки?» — «Не стоитъ, ваше благородіе: онъ, басурманъ, нашимъ пощады не даетъ. Что онъ съ нами дѣлаетъ? рѣжетъ, уродуетъ, насмѣхается надъ убитыми даже, а ты его щади,—какъ же? Да возьми его въ плѣнъ,—тоже кормить его надо, конвой приставить. Право, не стоитъ онъ этого проклятый».—«Ну, а румыны каково дрались?».—«Ничего, хорошо: знамя они турецкое взяли; мы

пушки, а они знамя». Последнія слова были сказаны съ видимою завистью. Разсказамъ не было конца, но въ это время подошелъ фельдфебель: «Эхъ, дураки солдаты! всѣ дураки до одного! Экъ языки распустили, не наболтаются». Всѣ притихнули. Я простился съ разскащиками и тронулъ лошадь впередъ; слышу, строгій фельдфебель продолжаетъ журить солдатъ: «Что, онъ вашъ ротный командиръ, что-ли, что вы ему все разсказываете? Кто онъ такой, Богъ его вѣдаетъ».

«Въ 200 саженяхъ, приблизительно, находится взятый вчера большой редутъ. При взятіи его не обошлось безъ грустнаго факта, случающагося, къ сожалѣнію, въ горячихъ сраженіяхъ довольно часто,—факта, когда свои бьютъ своихъ. Многіе изъ нашихъ солдатъ до этого ни разу не видали румынскихъ доробанцевъ и ихъ курьезныхъ мохнатыхъ шапокъ. Когда они пошли на приступъ, наши приняли ихъ за турокъ и дали по нимъ залпъ, чуть ли еще не два, и уложили ихъ немалое число. Въ редутѣ въ то время находился Вологодскій полкъ.»

— Корреспондентъ *Новаго Времени* такъ описываетъ взятіе Гривицкаго редута со словъ участниковъ этого дѣла:

«29-го августа Архангелогородскій и Вологодскій полки выдвинулись къ деревнѣ Гривицѣ на боевую позицію, гдѣ пробыли не долго. На другой день, 30-го, въ половинѣ третьяго, приказано было идти на штурмъ съ мѣста. Солдаты пошли стойко, смѣло, бодро. Наши баттареи въ это время открыли огонь по Гривицкому редуту и ложементамъ, бывшимъ передъ нимъ, чтобы помочь аттакѣ, но въ этомъ случаѣ огонь ихъ большой пользы не принесъ. Турки, пока мы были далеко, попрятались въ блиндажи, открывая оттуда огонь по артиллерійской прислугѣ и наступавшимъ и вышли оттуда тогда, когда вслѣдствіе нашего приближенія къ редутъ баттареи замолкли, чтобы не попасть въ своихъ. Артиллерійскій же огонь турокъ былъ на насъ и на наши баттареи праваго фланга направленъ не съ этого Гривицкаго редута, потому что тогда наши пушки заставили бы его замолчать, а съ боковыхъ, такъ что по мѣрѣ того какъ Архангелогородскій и Вологодскій полки переходили изъ одной баттареи въ другую, по нимъ били резервныя баттареи, соотвѣтствующія въ данный моментъ мѣсту нахожденія аттакующихъ. Турки такъ ловко расположили свои орудія, что каждое мѣсто обстрѣливалось откуда-нибудь; мертвыхъ точекъ, куда бы не попало снарядовъ, не было вовсе. Шаговъ за полтораста отъ редута и ложементовъ солдаты, не останавливаясь ни на одну секунду, бросились впередъ, съ оглушающимъ крикомъ «ура», покрывшимъ и ревъ орудій и трескотню выстрѣловъ. Кинулись они съ кургана, такъ что имъ пришлось перебѣжать лощину, вползти на скатъ, гдѣ они такъ неистово ударили на турокъ, что Гривицкій редутъ былъ взятъ съ одного штурма. Внутри редута минуты три кипѣлъ бой и защитники его уже были выброшены на другую сторону. Ихъ преслѣдовали по скату горы, которая вся была усѣяна турками, убитыми и ранеными. Когда наши кинулись на «ура», турки открыли такой убійственный

огонь, что ничего подобнаго солдаты не запомнятъ. Точно черезъ огненный дождь, падавшій не сверху, а горизонтально, приходилось бѣжать. Пули пронизывали ряды, щелкали тутъ же, свистали массами мимо ушей. Нужно при этомъ сказать, что часть штурмующихъ обошла редутъ съ юго-запада и лѣвымъ флангомъ попала въ турецкій лагерь, который расположился за редутомъ. «Намъ нужно было разсчитывать только на свои силы». У насъ не было резервовъ, мы знали, что намъ никто не поможетъ, если мы сами не управимся. Будь у насъ въ тылу войска, мы бы и лагерь захватили съ редутомъ. Архангелогородскій и Вологодскій полки шли въ аттаку сомкнуто, картинно, въ полномъ порядкѣ. Движеніе это было исполнено артистически. Ровненіе не разстраивалось, съ шагу не сбивались. Одинъ юноша-офицеръ даже съ восторгомъ прибавилъ: «темпъ ногами отбивали солдаты», хоть это уже совершенно излишне. Подъ самой стѣной редута вскипалъ штыковый бой у ложементовъ. Редутъ былъ устроенъ такъ, что съ фронта въ него проходовъ не было, шелъ онъ сплошнымъ валомъ, безъ отверстій, безъ амбразуръ. Большая часть защитниковъ редута ушла къ себѣ благополучно по траншеямъ, которыя у нихъ были вырыты позади въ тылу. До окончательнаго штыковаго боя наши потери были больше; когда мы вскочили въ редутъ—тогда больше ложилось турокъ. У наружныхъ рвовъ оказалось пропасть ямъ, въ родѣ лисьихъ западней, тамъ сидѣли турки. Выйдти имъ нельзя было оттуда, за то они открыли огонь по приближавшимся къ нимъ солдатамъ, такъ что жизнь каждаго непріятеля, сидѣвшаго въ такой западнѣ, обходилась намъ въ нѣсколько своихъ. Въ ямахъ этихъ, добравшись до нихъ, турокъ просто прикалывали штыками. Западни эти были покрыты блиндажами. Точно также, когда мы проходили впередъ, взявъ ложементы и оставляя ихъ позади, въ этихъ ложементахъ оказывались незамѣтныя сначала помѣщенія для стрѣлковъ, вырытыя въ землѣ, какъ норы. Изъ этихъ норъ открывался убійственный огонь прямо въ тылъ намъ, такъ что приходилось возвращаться отдѣльными частями, кончать съ засадами и потомъ уже бѣгомъ присоединиться къ своимъ. Отступавшихъ турокъ, которые не успѣли перебѣжать по траншеямъ, били штыками, окруженныхъ въ редутѣ—тоже всѣхъ перекололи. Въ эти моменты выстрѣлы уже слышались изрѣдка, въ перемежку—одни штыки и приклады работали. Редутъ былъ взятъ такимъ образомъ въ 8 час. вечера, слѣдовательно, наступленіе продолжалось пять съ половиною часовъ.

«Со взятіемъ редута дѣло еще не кончилось. Мало было взять, нужно еще закрѣпить его за собою. Тотчасъ по отступленіи турокъ отсюда, ихъ орудія открыли по Гривицкому редуту сильнѣйшій огонь. Канонада продолжалась всю ночь и весь день. Нѣтъ внутри редута мѣста, которое не было бы взрыто турецкими гранатами. Люди падали, здѣсь какъ колосья подъ серпомъ. Турки строятъ свои укрѣпленія такимъ образомъ вообще, чтобъ по взятіи ихъ непріятелемъ, можно было бы тотчасъ же открывать изъ своихъ баттарей по уступленнымъ пунктамъ сильнѣйшій огонь... У нихъ было приснаровлено такъ, что по Гривицкому редуту не только били пушки—дѣйствовалъ и ружейный огонь.

Когда изъ-за Гривицкаго редута я осматривалъ Плевну и заносилъ положеніе города въ свою записную книжку, каждый разъ, какъ высовывалась моя голова изъ-за бруствера—на встрѣчу низали воздухъ турецкія пули. Турки вообще очень лукавы. Пока редутъ этотъ не былъ нашъ и артиллерія била по немъ, воображая, что она наноситъ вредъ непріятельскимъ орудіямъ, турки перехитрили: выкатили пушки за редутъ позади и оттуда уже открыли навѣсный артиллерійскій огонь. Мы били по редуту, когда тамъ ничего не было. По отступленіи турокъ пушки эти были ими увезены за исключеніемъ двухъ, которыя оставались на серединѣ дороги. Несмотря на усиленный огонь со всѣхъ турецкихъ позицій, нашлось нѣсколько нашихъ охотниковъ, которые засѣли за редутъ лицомъ къ туркамъ и оттуда били на повалъ всѣхъ, кто только показывался. При этомъ вокругъ оставленныхъ турками орудій навалили цѣлую гору труповъ. Вышлютъ нѣсколько человѣкъ взять эти орудія, наши часть смѣльчаковъ перебьютъ, остальные убѣгаютъ въ свой лагерь. Разъ турки выскочили стремглавъ за орудіями на лошадяхъ,—охотники перебили и людей, и лошадей. Въ турецкомъ редутѣ оказалось множество брошенныхъ ружей Пибоди и патроновъ къ нимъ. Чтобы не тратить своихъ, Архангелородцы и Вологодцы били турокъ изъ ихъ ружей. Редутъ этотъ носилъ у турокъ имя Абдулъ-Керима.

— Послушайте, перервалъ я разсказщика.— Что же не упомянете о румынахъ?

— Румыны?... Да видите ли! аттаковать редутъ должны были румыны, а мы ихъ поддерживать, вышло же наоборотъ. Ихъ должно было быть 14 батальоновъ, а дошло только двѣсти человѣкъ... Войска, въ первый разъ видѣвшія огонь, разумѣется смутились, тѣмъ болѣе, что у нихъ и традицій полковыхъ не было. За то, потомъ на другой и на третій день румыны дрались хорошо. Пристрѣлялись, присмотрѣлись... А на третій день—нѣтъ... Они въ этомъ совсѣмъ не виноваты, что редутъ въ нашихъ рукахъ...

«Во время этого боя стоялъ сырой и холодный день. Въ воздухѣ моросило, какъ у насъ осенью. Съ своего наблюдательнаго пункта штабъ смотрѣлъ на битву. Тутъ же былъ и командующій всѣмъ этимъ отрядомъ, принцъ Карлъ. Вдругъ до него доходятъ возгласы наблюдавшихъ въ бинокль: «Румыны дрогнули...» «Румыны пріостановились...» «Румыны отступаютъ...» «Румыны бѣгутъ!..»

«Принцъ Карлъ, страшно поблѣднѣвъ, всталъ... Онъ былъ похожъ на человѣка, у котораго все заволокло въ глазахъ. Ударъ былъ неожиданный и жестокій. Молодая армія, на которую онъ затратилъ столько стараній и хлопотъ, въ которую онъ вложилъ всю свою жизнь и душу,—бѣжитъ и бѣжитъ безпорядочно... Шатаясь, онъ пошелъ впередъ. Ноги цѣплялись за кусты, растерянная улыбка бродила по губамъ... Къ нему бросились окружающіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня... Я пойду самъ.

«Едва удержали его. По крайней мѣрѣ, такъ разсказываютъ.

«За то на другой и на третій день румыны показали себя молодцами. Я уже сказалъ, что они дрались хорошо, не говоря уже о ихъ артиллеріи, которая съ самаго начала боя показала себя превосходною. Съ тѣхъ поръ они для рус-

скихъ здѣсь—товарищи по оружію и союзники. Недавняго, нѣсколько высокомѣрнаго взгляда на нихъ какъ будто и не бывало... Вездѣ съ ними братаются, къ нимъ чувствуютъ уваженіе. Кстати о румынской артиллеріи. Она усвоила себѣ такую тактику. Орудія—ставятся въ кукурузу. Тутъ же лошади наготовѣ. Сдѣлавъ выстрѣлъ, моментально орудіе перевозится на другое мѣсто, высмотрѣнное ранѣе, и отвѣтные удары турокъ пропадаютъ даромъ.

«На редутѣ нами взяты четыре крупповскія орудія, стальныя, дальняго боя. Снарядовъ и патроновъ оказалось массы. Въ то время какъ нашъ солдатъ постоянно слышитъ приказаніе: «Не стрѣляй, береги патроны!» —туркамъ выдается по 300 патроновъ на день каждому, причемъ къ вечеру онъ добросовѣстно ихъ разстрѣливаетъ. Наша потеря на Гривицкомъ редутѣ ранеными и убитыми въ день штурма — 1,200 человѣкъ. Были, дѣйствительно, замѣчательные эпизоды,—подъ ящикъ съ зарядами упала и разорвалась турецкая граната. Отъ ящика не осталось и щепокъ,—а лошади и люди кругомъ цѣлы! Это было въ Вологодскомъ полку. Съ начала кампаніи—уже второй случай подобнаго рода.

«Вотъ еще характерный эпизодъ этого боя. Когда четырнадцать батальоновъ румынъ для аттаки Гривицы не явилось вовсе, наши не знали что дѣлать, отступать или идти? Въ это время подымается командиръ Архангелогородскаго полка флигель-адъютантъ Шлиттеръ...

— Я кавказскій офицеръ... У насъ на Кавказѣ—приказывали брать и брали не такія позиціи... Ребята, за мной!...

«И первымъ выскочилъ на брустверъ редута!.. Шлиттеръ при этомъ былъ смертельно раненъ и умеръ черезъ два дня. Съ нимъ вмѣстѣ вскочили въ редутъ маіоръ Квитка, волонтеръ ротмистръ Хвостовъ и румынскій маіоръ Александръ Гандіонъ Попеску.

«Во время этой блистательной аттаки Гривицкаго редута, въ самый критическій моментъ, когда передъ наступавшими выросла стѣна его, кромѣ Шлиттера, Квитко пошелъ такъ беззавѣтно и энергично, что всѣхъ увлекъ за собою —иначе пунктъ этотъ обошелся бы намъ гораздо дороже.

— Мы думали, что у нихъ здѣсь одинъ редутъ... А оказалось два. Будь еще дивизія, на горячихъ порахъ мы бы и другой взяли тотчасъ же... Пожалуй и меньше потери было бы... По крайней мѣрѣ изъ того редута громили бы не насъ.

«И вездѣ одна и та же жалоба на отсутствіе резерва... А между тѣмъ нѣкоторыя части войска стояли, не принимая участія въ дѣлѣ. Намъ кажется, что, разъ рѣшившись на приступъ, нужно было бы бросить сюда все, что находилось подъ руками. Плевна была бы взята, армія Османа—разбита и уничтожена.

«Послѣ взятія редута въ ночь утомленнымъ полкамъ не удалось отдохнуть. До утра они стояли подъ ружьемъ. По траншеѣ, которая шла отъ турецкихъ позицій сюда—турки два раза подступали аттаковывать и два раза были отбиты блистательно. Въ первый разъ имъ удалось подойти къ самой стѣнѣ редута.

— Кто тутъ? окликаютъ ихъ.

— Болгары!

«Но непризнанныхъ болгаръ встрѣтили такъ, что они сейчасъ же показали тылъ.»

Партизанъ Самадъ Касумовъ *).

«Самадъ, младшій сынъ высланнаго административнымъ порядкомъ на островъ Сахалинъ, Даштемура, оказывавшаго въ прошлую компанію, такъ же какъ въ настоящую его сынъ, партизанскія услуги нашимъ войскамъ, въ настоящее время уже кавалеръ знака военнаго ордена трехъ степеней и представленъ къ награжденію чиномъ прапорщика милиціи.

«Фамилія Касумовыхъ одна изъ вліятельнѣйшихъ въ Борчалѣ. Судьба и жизнь Самада интересна еще, какъ типичная среди нѣкоторой части мусульманскаго дворянства Закавказья.

«Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ, въ 1865 году, въ конвой командующаго войсками Дагестанской области. Наскучивъ мирною жизнью, онъ, спустя два года, вернулся на родину въ Борчало. Къ несчастію, братъ его Паша (въ послѣдствіи убитый на Арпачаѣ) случайно совершилъ убійство и, опасаясь кары закона, бѣжалъ. Изъ любви къ нему Самадъ послѣдовалъ за нимъ, что навлекло подозрѣніе и на него. Впрочемъ, онъ скоро одумался и явился домой. Вмѣстѣ со своимъ отцомъ онъ былъ преданъ суду и, послѣ оправданія, сосланъ съ отцомъ на островъ Сахалинъ на поселеніе.

«Не долго онъ оставался на мѣстѣ ссылки: воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ бѣжалъ черезъ Монголію, Китай, Индію, Персію, Турцію, и явился въ Тифлисъ къ генералъ-адъютанту князю Святополкъ-Мирскому, прося его ходатайства о помилованіи. Самадъ получилъ прощеніе, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы прекратить въ Борчалѣ разбои, и дѣйствительно, съ этого времени въ Борчалѣ стало спокойнѣе.

«По объявленіи войны, Самадъ вооружилъ 10 человѣкъ всадниковъ и съ ними явился къ командующему корпусомъ, предлагая свои услуги. Командующій корпусомъ приказалъ его со всадниками зачислить на службу въ Грузинскій дворянскій дивизіонъ. Самадъ попросилъ позволенія сформировать отдѣльную охотничью команду, на что командующій корпусомъ охотно согласился, и въ одинъ день Самадъ набралъ еще 20 человѣкъ. Получивъ начальствованіе надъ тридцатью смѣльчаками, онъ началъ дѣйствовать отдѣльно. Вступая въ перестрѣлки съ непріятелемъ, преимущественно ночью, онъ со своею командой на каждомъ шагу безпокоилъ ихъ и «больно надоѣлъ имъ,» какъ выразился плѣнный турецкій офицеръ.

«Вотъ нѣкоторые изъ подвиговъ: въ дѣлѣ 2 іюля, подъ горой Малая Ягны, Самадъ со своею командой атаковалъ турецкую сотню конницы, которую обратилъ въ бѣгство, и при преслѣдованіи наткнулся на засаду изъ трехъ сотенъ: охотники принуждены были отступить, преслѣдуемые въ свою очередь непрія-

*) Тифлисскій Вѣстникъ отъ 29 сентября 1877 г.

телемъ. При этомъ отступленіи Самадъ потерялъ племянника, убитаго на повалъ; не желая оставлять тѣло убитаго въ рукахъ враговъ, Самадъ поворачиваетъ коня и съ нимъ шесть человѣкъ, и врывается въ средину непріятеля. Этимъ движеніемъ онъ остановилъ упорно наступающаго противника; тѣмъ временемъ товарищи успѣли вынести тѣло убитаго; но Самадъ этимъ не ограничился: схватилъ турецкаго офицера, по имени Эминъ-юзбаши, и взялъ его живьемъ въ плѣнъ. Все это происходило минуты двѣ не болѣе. Начальникъ кавалеріи, будучи зрителемъ всего происходившаго, поблагодарилъ его и отъ имени Главнокомандующаго поздравилъ кавалеромъ знака отличія военнаго ордена 4-й степени.

«Успѣхомъ нападенія на турецкій лагерь, въ ночь съ 7 на 8 авгуса, мы исключительно обязаны Самаду и его охотникамъ. Дѣло было такимъ образомъ: въ ночь на 8 августа, кавалерія наша выступила двумя колоннами. Всѣ атаки въ ту ночь производилъ Самадъ со своими охотниками, которыхъ на этотъ разъ собралъ до 150 человѣкъ; съ этою горстью Самадъ составлялъ авангардъ колонны. Самадъ съ охотниками успѣлъ изрубить до 70 турокъ, взять 26 ружей, захватить въ плѣнъ турецкаго офицера съ шестью всадниками и отступить не потерявъ ни одного человѣка. Остальныя же двѣ колонны не имѣли возможности дѣйствовать, такъ какъ заранѣе были обнаружены непріятелемъ.

«25 августа, начальникъ авангарднаго лагеря предложилъ Самаду, если можно, потревожить турокъ въ самомъ лагерѣ. Съ наступленіемъ сумерекъ Самадъ съ охотниками отправился на ночь: мастерски пробравшись сквозь непріятельскую цѣпь, охотники обошли правый флангъ непріятеля и поднялись на скатъ горы Аладжа; тутъ они съ нетерпѣніемъ ждали разсвѣта. Въ турецкомъ лагерѣ было тихо и спокойно. Едва только начало разсвѣтать, охотники наши тихо спустились съ горы и, подъѣхавъ возможно ближе къ лагерю, бросились туда съ шумомъ и пальбой; турки со сна не знали, что происходитъ вокругъ нихъ. Непріятель тогда опомнился когда наши, проскакавъ въ лагерь, завязали бой въ цѣпи. Поднялась страшная тревога: турки думали, что на нихъ напалъ весь нашъ корпусъ. Этимъ быстрымъ налетомъ наши охотники успѣли изрубить до 50 человѣкъ и взять одного баши-бузука въ плѣнъ.

«9 сентября, начальникъ авангарднаго лагеря приказалъ Самаду доставить во что бы то ни стало турецкаго солдата для разспросовъ. Сказано сдѣлано. Въ 10 часовъ вечера Самадъ отправился, ночь была темная, ни зги не видать. По ошибкѣ, охотники набрели на главный караулъ турецкій; отступать было поздно, съ крикомъ *ура* наши бросились; турокъ объяла паника и они бросились въ бѣгство. Охотники наши изрубили нѣсколько человѣкъ и захватили одного въ плѣнъ. На счастіе, плѣннымъ оказался редифъ, который и сообщилъ нужныя свѣдѣнія.»

Дѣйствія кавалерійскаго отряда на лѣвомъ берегу рѣки Вида.

(Съ 26 августа по 6 сентября).

Рапортъ начальника 9-й кавалерійской дивизіи, отъ 1 октября.

26 августа, находясь со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, изъ 8-го и 9-го драгунскихъ, 9-го уланскаго и 8-го Донскаго казачьяго полка, при двухъ конныхъ № 16-го и Донской № 2-го баттареяхъ, на позиціи у селенія Гривицы, для связи между румынскими войсками и войсками 9-го корпуса, я получилъ приказаніе вашего превосходительства передвинуться въ селеніе Рыбине, гдѣ, переночевавъ и присоединивъ къ отряду два полка рошіоровъ и два полка №№ 5-го и 6-го калярашей, съ румынскою конною баттареей, перейти 27 августа на лѣвый берегъ рѣки Вида и произвести энергическое наступленіе къ Добняку, что на Софійскомъ шоссе, и если непріятель занимаетъ позицію около Митрополья, то вытѣснить его оттуда, и вообще, оставаясь на лѣвомъ берегу Вида, угрожать туркамъ, дѣйствуя на ихъ сообщенія.

Во исполненіе этого приказанія, ввѣренный мнѣ отрядъ 26 августа сосредоточился къ 9 ч. вечера у селенія Рыбине, гдѣ расположился бивакомъ на высотахъ праваго берега Рыбинской лощины.

27 августа, отрядъ изъ восьми полковъ кавалеріи и трехъ конныхъ баттарей перешелъ, въ 6 часовъ утра, рѣку Видъ у Рыбине и къ $11^1/_2$ час. утра подошелъ къ селенію Смаретъ-Трестеникъ. Подходя къ Смаретъ-Трестенику и имѣя въ виду охраненіе своего лѣваго фланга со стороны селенія Опанца и Дольняго Митрополья, я выслалъ изъ Смаретъ-Трестеникъ къ Дольнему Митрополью бригаду рошіоровъ съ конною баттареей. Начальнику этого отряда было приказано: въ случаѣ встрѣчи главныхъ силъ съ противникомъ, дѣйствовать ему во флангъ; въ случаѣ же если селеніе Горнее Митрополье непріятелемъ не занято, расположившись бивакомъ не доходя Дольняго Монастыря и выставивъ аванпосты, наблюдать за дорогой изъ Плевны въ Рахово и за позиціей непріятеля у селенія Опанца. Главныя же силы отряда продолжали движеніе къ Горнему Митрополью и далѣе къ селенію Дольній Добнякъ.

Не встрѣтивъ непріятеля у Горнаго Митрополья, отрядъ въ 1 ч. 45 минутъ пополудни подошелъ къ селенію Дольній Дубнякъ, гдѣ и расположился бивакомъ у Софійскаго шоссе.

Во все время движенія отрядъ непріятеля не встрѣчалъ; только авангардъ Донскаго казачьяго № 9-го полка замѣтилъ на высотѣ за Дольнимъ Дубнякомъ человѣкъ 30 вооруженныхъ турокъ, стерегшихъ небольшое стадо скота, куда немедленно были направлены разъѣзды; турки при приближеніи нашихъ разъѣздовъ бѣжали въ Плевну, оставивъ скотъ, который и былъ захваченъ.

Немедленно по прибытіи къ Дольнему Дубняку выставлена была цѣпь аван-

постовъ отъ главныхъ силъ, которая, войдя въ связь съ аванпостами выставленными отъ рошіоровъ, протянулась до селенія Ченца, по берегу рѣки Вида, къ югу отъ шоссе по возвышенностямъ лежащимъ сѣвернѣе Крушевицы и далѣе къ западу по направленію къ Горнему Дубняку, а на дорогѣ, ведущей къ Рахову изъ Дубняка поставленъ отдѣльный постъ.

Едва только успѣли разставить аванпосты, какъ въ 4 часа пополудни дали знать изъ цѣпи о наступленіи изъ Плевны по направленію на Дольній Дубнякъ двухъ или трехъ полковъ непріятельской кавалеріи, поддержанной тремя таборами пѣхоты, а также получено донесеніе отъ рошіоровъ, что съ приближеніемъ ихъ къ Дольнему Митрополью, въ Опанецкихъ высотъ спустились до четырехъ таборовъ пѣхоты и кавалеріи и открытъ огонь съ Опанецкихъ баттарей по рошіорамъ.

Для поддержанія 3-го и 4-го эскадроновъ 9-го уланскаго Бугскаго и сотни казаковъ № 8-го полковъ, занимавшихъ аванпосты, мною немедленно двинуты впередъ два остальные эскадрона уланъ, сотня казаковъ № 9-го полка и четыре орудія Донской № 2-го казачьей баттареи. Остальныя же части были немедленно готовы для дальнѣйшихъ дѣйствій. Полковнику Кретцяно, командиру бригады рошіоровъ, приказано держаться, во что бы то ни стало, охраняя нашъ лѣвый флангъ.

Непріятельская кавалерія, въ числѣ до 1,500 человѣкъ, переправясь черезъ рѣку Видъ, выдвинула густую цѣпь наѣздниковъ, подъ прикрытіемъ которой продолжала наступленіе; непріятельская же пѣхота остановилась на правомъ берегу рѣки Вида, у моста, въ ожиданіи результатовъ наступленія своей кавалеріи. Аванпостная цѣпь наша, завязавъ перестрѣлки, начала медленно отходить къ Дольнему Дубняку. Въ то время командиръ 9-го уланскаго полка, полковникъ Горячевъ, выславъ впередъ 1-й эскадронъ подъ командой маіора Жихарева, приказалъ ему, если возможно, атаковать непріятеля. Маіоръ Жихаревъ, несмотря на превосходство силъ противника, выигравъ ихъ лѣвый флангъ, продолжалъ движеніе впередъ и атаковалъ непріятеля съ фронта разсыпною атакой, поддержанною собравшимися частями 3-го и 4-го эскадроновъ; другой же полуэскадронъ 1-го эскадрона направленъ быкъ противъ лѣваго фланга непріятеля и частію ему въ тылъ, а взводъ 5 го эскадрона, подъ командой корнета Савенкова, зашелъ съ праваго фланга противника. Одновременная энергическая атака всѣхъ этихъ частей и особенно появленіе полуэскадрона 1-го эскадрона 9-го уланскаго полка почти въ тылу непріятельской кавалеріи, бросившагося на противника съ крикомъ *ура*, заставили непріятеля, послѣ рукопашнаго боя, отойти назадъ къ своей пѣхотѣ; преслѣдованіе непріятельской кавалеріи, состоявшей изъ Албанцевъ, одѣтыхъ въ бѣлыхъ мантіяхъ, продолжалось до рѣки Вида. Непріятель оставилъ на мѣстѣ болѣе 70 труповъ. Уланы, дойдя до рѣки Вида, встрѣченные огнемъ пѣхоты, начали отходить назадъ. Въ это время четыре орудія Донской № 2-го баттареи, подъ командой подполковника Рыткова, заняли уже позицію такъ, что непріятельскія войска этого не видѣли. Неудачное наступленіе непріятельской кавалеріи противу праваго нашего фланга заставило

противника остановить атаку на бригаду рошіоровъ, гдѣ всѣ дѣйствія ограничились однимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Когда наши уланы отошли назадъ и цѣпь аванпостовъ заняла свои мѣста, около 6 часовъ вечера, кавалерія непріятеля вновь начала наступленіе противу нашего праваго фланга, но на этотъ разъ уже совмѣстно съ пѣхотой, которая въ густыхъ колоннахъ начала переходить мостъ рѣки Видъ на Софійскомъ шоссе, —наши аванпосты, какъ и въ первый разъ, медленно отошли назадъ. Между тѣмъ, непріятельская пѣхота и кавалерія продолжали наступленіе, направляясь къ нашему правому флангу, гдѣ скрытно у шоссе стояли четыре орудія Донской № 2-го батареи. Батарея эта огня не открывала до тѣхъ поръ, покуда непріятельскія войска не подошли на 700 саженъ; тогда батарея открыла огонь картечными гранатами, и удачными выстрѣлами не только остановила наступленіе противника, но и заставила его отойти за мостъ, преслѣдуя его своимъ огнемъ. Тотчасъ съ началомъ отступленія непріятеля, изъ-за фланговъ батареи выскочили наѣздники и продолжали перестрѣлку до наступленія темноты. Удержавъ наступленіе непріятеля, отрядъ остался на ночлегъ у селенія Дольняго Дубняка и занялъ аванпосты, какъ сказано выше.

Потери наши 27 августа заключались: убиты трое рядовыхъ 9-го уланскаго полка, ранены: 9-го уланскаго восемь рядовыхъ и одинъ казакъ Донскаго № 9-го полка. Лошадей убито въ 9-мъ уланскомъ полку семь, ранено семнадцать, въ 9-мъ Донскомъ ранена одна лошадь, и въ Донской № 2-го батареи одна лошадь убита и четыре ранены.

Ночь съ 27 на 28 августа прошла спокойно. Раннимъ утромъ 28 августа, для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Софіи, къ Искеру, и къ югу отъ шоссе высланы были усиленные разъѣзды. Разъѣздъ, высланный по Софійскому шоссе къ Телишу, далъ знать о присутствіи къ западу отъ Горняго Дубняка партій Черкесовъ; вслѣдствіе чего въ этомъ направленіи немедленно были высланы двѣ сотни Донскихъ казаковъ № 9-го полка. Это было по смѣнѣ аванпостовъ, около двухъ часовъ дня. Въ 3 часа 30 минутъ пополудни съ аванпостовъ по рѣкѣ Виду дано было знать о наступленіи непріятеля въ значительныхъ силахъ на Дольнее Митрополье, которое занимали два полка рошіоровъ съ конною батареей, а полкъ № 6-го каларашей, для связи съ главными силами отряда, былъ расположенъ къ югу отъ Горняго Митрополья. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ аванпостовъ расположенныхъ близь моста черезъ рѣку Видъ, на Софійскомъ шоссе, также дано знать что за мостомъ собираются значительныя силы противника. Принявъ мѣры къ быстрому изготовленію отряда къ бою, я выслалъ для провѣрки приведенныхъ выше донесеній въ цѣпь своихъ ординарцевъ.

Въ $4^1/_2$ часа на высотахъ лѣваго берега рѣки Вида, у Дольняго Митрополья, къ югу отъ него, появились непріятельскія войска, въ видѣ густой пѣшей цѣпи, фланги которой были прикрыты кавалеріей въ разсыпномъ строю. За цѣпью шли резервы въ сомкнутомъ строю и артиллерія. Число непріятельскихъ войскъ было не менѣе шести таборовъ, при четырехъ орудіяхъ, и полка кавалеріи.

Наступленіе противника, поддержанное огнемъ четырехъ полевыхъ орудій и

огнемъ съ Опанейкихъ баттарей, было весьма рѣшительно, такъ что рошіоры, подъ прикрытіемъ своей баттареи, вынуждены были отойти. Воспользовавшись этимъ движеніемъ рошіоровъ назадъ, я приказалъ полковнику Кретцяно отойти на высоту Горнаго Митрополья, чтобъ этимъ движеніемъ заставить турокъ выдвинуться дальше отъ своихъ укрѣпленій; въ то же время было приказано рошіорамъ вмѣстѣ съ движеніемъ моего отряда во флангъ непріятеля, тотчасъ же перейти въ наступленіе. Между тѣмъ, 8-му драгунскому Астраханскому полку, который занималъ аванпосты къ югу отъ рошіоровъ, приказано было спѣшить дивизіонъ, и укрывшись кукурузой и лощиной перемѣнить фронтъ налѣво и дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятелю; для поддержанія же 8-го драгунскаго полка высланъ былъ въ промежутокъ между рошіорами и Астраханцами дивизіонъ 9-го драгунскаго Казанскаго полка, съ двумя конными орудіями 16-й баттареи, а правѣе 8-го драгунскаго полка, для противодѣйствія непріятельскимъ войскамъ, сосредоточеннымъ у моста, высланъ былъ дивизіонъ 9-го уланскаго полка при четырехъ конныхъ орудіяхъ 16-й баттареи.

Появленіе двухъ конныхъ орудій 16-й баттареи почти на флангѣ непріятеля, вмѣстѣ со спѣшенными драгунами, и огонь румынской баттареи съ фронта, остановили наступленіе непріятеля; дѣйствія стрѣлковой цѣпи 8-го драгунскаго полка и переходъ въ общее наступленіе Румынъ и Казанцевъ заставили непріятеля, въ 6 часовъ пополудни, отступить на правый берегъ рѣки Вида, подъ прикрытіе своихъ укрѣпленій. Вмѣстѣ съ отступленіемъ праваго непріятельскаго фланга и съ появленіемъ у Софійскаго шоссе, противу моста черезъ р. Видъ, четырехъ конныхъ орудій 16-й баттареи—отошелъ и лѣвый флангъ противника.

Во время боя у р. Видъ, когда наступленіе противника было остановлено, получено было донесеніе отъ командира двухъ сотенъ казаковъ № 9-го полка, посланныхъ къ Горнему Дубняку, что онъ, наткнувшись на партію конныхъ черкесовъ до 30 человѣкъ, завязалъ съ ними перестрѣлку, и что за лѣсомъ, къ западу отъ Горняго Дубняка, виденъ лагерь пѣхоты, приблизительно до 10,000 человѣкъ.

Въ 7 часовъ вечера, изъ Горняго Дубняка было получено донесеніе, что черкесы отогнаны, потерявъ убитыми до пяти человѣкъ; при этомъ захвачено нѣсколько магазинныхъ ружей, а также шесть лошадей съ полными вьюками.

Отбивъ на всѣхъ пунктахъ непріятеля, я приказалъ аванпостамъ занять первоначальное расположеніе, и оставивъ Донской № 9-го полкъ на бивакѣ у Дольняго Дубняка въ видѣ авангарда, самъ съ отрядомъ, по наступленіи темноты, перешелъ въ Митрополье, а командиру Донскаго № 9-го полка приказалъ на бивакѣ у Дубняка ночью зажечь больше костровъ, чтобъ этимъ ввести непріятеля въ заблужденіе относительно нашихъ силъ, какъ у Дубняка, такъ и у Митрополья, гдѣ появленіе на новой позиціи костровъ могло заставить турокъ думать о прибытіи къ намъ подкрѣпленій.

29 августа главныя силы отряда перешли къ Дольнему Дубняку, и отрядъ расположился: бригада рошіоровъ—между Дольнимъ и Горнымъ Митропольемъ, полкъ № 6-го калярашей—къ югу отъ Горняго Митрополья, а 8-й и 9-й дра-

гупскіе, 9-й уланскій, Донской № 9-го казачій и полкъ № 5-го калараше́й съ 16-ю и Донскою казачьею № 2-го баттареями у Дольняго Дубняка, опираясь правымъ флангомъ къ шоссе, восточнѣе с. Дольняго Дубняка. Вмѣстѣ съ этимъ немедленно были высланы разъѣзды по направленію къ Чурикову, Телишу, къ Магалѣ и далѣе за р. Искеръ, по Раховской дорогѣ.

Упорное сопротивленіе наше 27 и 28 августа заставило противника отказаться отъ намѣренія оттѣснить насъ съ занимаемой нами позиціи на Софійскомъ шоссе и принять мѣры къ укрѣпленію своего расположенія, съ запада въ устьѣ Гривицкой долины; и уже 29 августа было замѣчено увеличеніе числа орудій противу моста черезъ р. Видъ, а также замѣчено, что непріятель возводитъ баттареи для прикрытія орудій и, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число пѣхоты на Опанцѣ, у моста.

29 августа, для того чтобы войти въ связь съ нашею кавалеріей на правомъ берегу р. Вида, къ югу отъ Плевны, и для рекогносцировки дорогъ, идущихъ по берегамъ Вида, къ югу отъ Софійскаго шоссе, посланы были разъѣзды: 4-й эскадронъ 9-го уланскаго полка—на Медованъ и далѣе; но разъѣздъ этотъ, пройдя до с. Кебелъ, не встрѣтилъ кавалеріи лѣваго фланга западнаго отряда, а также не видѣлъ и непріятельскихъ войскъ; другой же разъѣздъ, въ составѣ сотни казаковъ подъ начальствомъ полковника Криденера, посланный на с. Десевицу чтобы переправиться на правый берегъ р. Вида, дойдя до названнаго селенія, былъ встрѣченъ у деревни непріятельскою пѣхотой и кавалеріей, а потому переправиться черезъ р. Видъ не могъ.

Разъѣзды, между прочимъ, дали знать, что на юго-западъ отъ шоссе, по направленію къ Софіи, бродятъ въ незанятыхъ нами деревняхъ небольшія партіи Черкесовъ; къ сторонѣ же Рахова, за р. Искеромъ, партіи эти нѣсколько значительнѣе; вслѣдствіе чего, 30 августа, высланъ къ Магалѣ для ближайшаго наблюденія за р. Искеромъ и къ сторонѣ Рахова эскадронъ рошіоровъ, которому приказано высылать разъѣзды наивозможно далѣе за р. Искеръ.

30 августа посланъ для связи съ отрядомъ дѣйствующимъ по Ловчинскому шоссе разъѣздъ 9-го уланскаго полка подъ начальствомъ ротмистра Филимонова, которому предписано, во что бы то ни стало, найти наши войска и, если возможно, пройти къ вашему превосходительству для передачи положенія дѣла во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ и получить приказанія. Разъѣздъ этотъ точно исполнилъ данное ему приказаніе, и 31 августа возвратился къ отряду тѣмъ же путемъ, захвативъ время слѣдованія обратно одного турецкаго офицера, который и былъ препровожденъ къ вашему превосходительству.

Въ ночь съ 30 на 31 августа, по всей аванпостной линіи отъ Дольняго Митрополья, вдоль по р. Виду и къ югу отъ Софійскаго шоссе до Горняго Дубняка, была перестрѣлка съ небольшими партіями Черкесовъ и баши-бузуковъ, пробиравшихся изъ Плевны, частью въ Софію, частью къ р. Искеру; при этомъ убито до 10 человѣкъ и взято въ плѣнъ 10 человѣкъ. Кромѣ того, замѣчено что Болгары съ пустыми повозками начали оставлять Плевну.

30 августа, во ввѣренный мнѣ отрядъ прибылъ разъѣздъ въ составѣ эскад-

рона 4-го драгунскаго полка, высланный для связи со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, изъ отряда генералъ-маіора Леонтьева.

На разсвѣтѣ 31 августа, Турки поставили новую баттарею на шоссе, для обстрѣливанія подступовъ къ мосту, и другую баттарею изъ четырехъ орудій у Опанца, для дѣйствія противъ Румынъ, находившихся у Дольняго Митрополья.

1 сентября, командиръ эскадрона рошіоровъ у Магалы, капитанъ Пандравъ, донесъ, на основаніи произведенной имъ 31 августа рекогносцировки, что почти всѣ ближайшія къ Магалѣ селенія, лежащія за р. Искеромъ, заняты незначительными партіями Черкесовъ и баши-бузуковъ, и что селенія Браница и Княжа составляютъ ихъ средоточіе; притомъ имѣли перестрѣлку съ Черкесами и потеряли одного солдата раненымъ. Во время рекогносцировки, бивакъ эскадрона рошіоровъ у сел. Магалы былъ аттакованъ Черкесами, которые прогнаны, причемъ захваченъ въ плѣнъ раненый Татаринъ.

Кромѣ того, 1 сентября посланъ былъ по Софійскому шоссе къ селенію Телишъ (Азизіе), для рекогносцировки, со вторымъ дивизіономъ 9-го уланскаго Бургскаго полка маіоръ Борисовъ, который донесъ что высланные имъ малые разъѣзды къ р. Искеру и къ югу отъ шоссе въ сел. Ракиту и Радомірце открыли что во всѣхъ почти селеніяхъ находятся небольшія партіи баши-бузуковъ и Черкесовъ, которые, при приближеніи разъѣздовъ, обыкновенно скрывались въ близьлежащія села.

Этого же числа захвачено шесть человѣкъ дезертировъ.

Вслѣдствіе появленія значительнаго числа небольшихъ партій Черкесовъ и баши-бузуковъ за р. Искеромъ, по Софійскому шоссе и къ югу отъ него, 2-го сентября высланы были четыре разъѣзда, на разстояніе 20 верстъ отъ Дольняго Дубняка; они подтвердили помянутыя свѣдѣнія, добавивъ, что съ появленіемъ ихъ Черкесы отходили. Большая часть изъ нихъ занималась въ деревняхъ грабежомъ.

3 числа разъѣзды высланы были по тѣмъ же направленіямъ, какъ и 2 сентября, а именно къ сел. Чуриково, Телишъ и къ Магалы на Постерево, а эскадронъ рошіоровъ, расположенный у Магалы, обрекогносцировалъ деревню Броницу, Ставань, Тріокъ, Лпицу, Конары и Главу. Разъѣзды имѣли перестрѣлку съ Черкесами у дер. Чуриково, Телиша и къ западу отъ рѣки Искеръ, и отогнали ихъ. У сел. Дубницы сосредоточились до 700 Черкесовъ, которые намѣревались атаковать рошіоровъ у Магалы, но, какъ показали Болгары, Черкесы, получивъ внезапно приказаніе, отошли къ Врацу.

Въ 7 часовъ, 3 сентября, на бивакъ у Дольняго Дубняка прибыли семь сотенъ казаковъ бригады Чернозубова съ Донскою № 15-го баттареей, и вмѣстѣ съ этимъ получено приказаніе о направленіи отъ Дубняка 9-го Донскаго казачьяго полка къ с. Боготъ.

4 сентября вновь были высланы разъѣзды по тѣмъ же направленіямъ какъ и 3 сентября; изъ нихъ разъѣздъ, отправленный къ Телишу, имѣлъ перестрѣлку съ Черкесами, которые ускакали, а разъѣздъ высланный къ Черикову встрѣченъ былъ изъ-за домовъ этого селенія ружейнымъ огнемъ вооруженныхъ жителей Турокъ, оставшихся въ небольшомъ числѣ въ Чуриковѣ; Турки принуждены были

бѣжать и направились къ с. Ракитѣ; точно также 50 человѣкъ Черкесовъ, которые встрѣчены были разъѣздомъ отъ эскадрона рошіоровъ, находившихся въ Магалѣ и въ с. Княжѣ, послѣ перестрѣлки, бѣжали, причемъ убитъ одинъ рошіоръ и одна лошадь. Вечеромъ, 4 сентября, около 7 часовъ, турецкіе конные аванпосты вдоль Вида, у Плевны, перешли на лѣвый берегъ Вида и протянулись до с. Десевицы, за ними шла пѣхота. Всѣ эти войска къ ночи перешли обратно на правый берегъ Вида, а въ два часа ночи вновь перешли рѣку и аттаковали посты полка каларашей № 5-го, занимавшихъ аванпосты по Виду, къ югу отъ Софійскаго шоссе; при этомъ калараши, прогнавъ Турокъ, потеряли одну лошадь.

Въ теченіе 5 сентября, какъ и въ предшествовавшіе дни, высланы были разъѣзды за Искеръ, къ Телишу, Ракитѣ и Чурикову, но непріятеля уже не встрѣтили.

5 сентября на аванпостахъ занимавшихся вдоль лѣваго берега р. Вида, къ югу отъ Софійскаго шоссе, взято въ плѣнъ 41 человѣкъ Турокъ, изъ которыхъ Али-Чаушъ, низамъ, 2-го баталіона, 4-го полка, 1-й дивизіи, сообщилъ свѣдѣнія относительно числа и расположенія войскъ на позиціяхъ у Плевны, о чемъ и донесено вашему превосходительству 6 сентября.

6 сентября на разсвѣтѣ, аванпосты по Виду, къ сѣверу отъ шоссе, были аттакованы Черкесами, которые отброшены, оставивъ двухъ убитыхъ; наша потеря заключалась въ одномъ раненомъ (9-го драгунскаго Казанскаго полка).

Разъѣзды въ теченіе 6 сентября посланы были отъ Дубняка вверхъ по Виду до с. Чурикова, а также и по тѣмъ направленіямъ какъ и въ предшествовавшіе дни. Разъѣзды нигдѣ движенія непріятельскихъ войскъ не открыли.

6-го, вечеромъ, на бивакъ у Дубняка прибыла первая бригада 4-й кавалерійской дивизіи; а 7 сентября, 1-я бригада командуемой мною дивизіи, съ 16-ю конною и № 2-го Донскою баттареями, выступила въ 10 часовъ утра къ сел. Боготъ.

Подписалъ, командующій 9-ю кавалерійскою дивизіей, генералъ-маіоръ *Лашкаревъ.*

Отраженіе турокъ отъ форта Святаго Николая на Шипкѣ.

Генералъ Радецкій *) вечеромъ донесъ о полномъ отраженіи отчаяннаго штурма, предпринятаго турками на укрѣпленіе Св. Николая, на Шипкѣ, и что въ этомъ штурмѣ дрались турецкая гвардія и арабистанскія войска. Наша потеря 19 раненыхъ офицеровъ, нижнихъ чиновъ 1[?]0 убитыхъ и 400 раненыхъ.

Вотъ какъ пишетъ объ этомъ штурмѣ корреспондентъ *Times* изъ главной квартиры Сулейманъ-паши:

«Наконецъ обильный событіями день, котораго мы такъ нетерпѣливо ждали, наступилъ; оправдался слухъ, что овладѣніе русскими позиціями будетъ служить предметомъ ночной аттаки. Въ послѣдніе три дня по всѣмъ признакамъ было

замѣтно, что готовится важное движеніе; такъ напримѣръ, сдѣланы были приготовленія къ пріему раненыхъ, по отношенію къ которымъ англійскіе и австрійскіе медики сдѣлали просто революцію, если принять во вниманіе обращеніе, которое доселѣ встрѣчали больные въ этой арміи. Прошлою ночью всѣ приготовленія были сдѣланы, и около 10 час. восемь батальоновъ, въ числѣ 3,000 ч., тихо двинулись впередъ, прошли главную квартиру и образовали изъ себя центральную аттакующую колонну подъ начальствомъ Салиха-паши, между тѣмъ какъ равный этому отрядъ, подъ начальствомъ Рейзель-паши, поднялся на западныя высоты; около 2,000 чел. были посланы по восточному направленію, гдѣ уже находилась съ нѣкотораго времени бригада Реджибъ-паши. Ночь была благопріятная. Назначенныя позиціи были заняты и непріятель не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что затѣвается. Турки говорили,—я не знаю на какомъ основаніи,—что русскіе солдаты въ воскресенье имѣютъ возможность и позволеніе выпить лишнее количество крѣпкихъ напитковъ; этими случаями они не пренебрегаютъ, а потому есть основаніе предполагать, что они предаются въ эту ночь болѣе глубокому сну, чѣмъ тотъ, какимъ пользуются имъ ихъ воздержные, и можетъ быть также нѣсколько клевещущіе враги. Какъ бы ни было, но незадолго до 4 час. утра генералъ, на котораго выпала обязанность вести аттаку на центръ и главную позицію, фортъ св. Николая,—высокую скалу, поднимающуюся выше пункта, гдѣ шипкинская дорога достигаетъ своего большаго возвышенія,—пользуясь темнотою, оставилъ свое удачно избранное прикрытіе и ввелъ своихъ солдатъ на зеленую отлогость при подошвѣ скалы. Слѣдуя далѣе, турецкій отрядъ скоро утвердился на ея крутомъ и неровномъ фасадѣ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Но въ этомъ пунктѣ тревога уже была сдѣлана, и скала скоро освѣтилась вспышками ружейнаго огня. Эта перестрѣлка продолжалась полчаса, по истеченіи котораго огонь сталъ ослабѣвать, что служило удостовѣреніемъ, что позиція, несмотря на свою крѣпость, была взята при началѣ аттаки. Я былъ въ главной квартирѣ, у входа въ Шипкинскій проходъ, когда съ восточной баттареи была получена телеграмма, извѣщавшая, что фортъ св. Николая взятъ. Быстрота, съ которой это было сдѣлано, удивила Сулеймана-пашу, который хотѣлъ было телеграфировать эту благопріятную новость въ Константинополь, но, поразмысливъ, рѣшился сперва освѣдомиться тѣмъ же телеграфнымъ путемъ—нѣтъ-ли какого недоразумѣнія въ этомъ извѣстіи. Отвѣтъ былъ успокоителенъ и прекращеніе огня, повидимому, подтверждало вѣрность этого извѣстія. Въ эту минуту, однакожъ, турецкая артиллерія открыла огонь по задней части форта, и это показало, что сомнѣнія Сулеймана-паши были слишкомъ основательны. Его мортирныя баттареи также открыли пальбу, и съ этой же минуты трескъ мушкетнаго огня сдѣлался безпрерывнымъ. Между тѣмъ разсвѣтало, и дневный свѣтъ все болѣе сглаживалъ вспышки ружейнаго огня. Теперь не только въ центрѣ, но на восточной и западной частяхъ аттаки былъ уже слышенъ гулъ битвы. Картину битвы всего бы лучше можно было видѣть съ восточной стороны нашей позиціи; но чтобъ добраться до этого пункта верхомъ на лошади по крутымъ утесамъ мнѣ понадобилось по крайней мѣрѣ два

часа. Когда же, наконецъ, я прибылъ на вершину этого пункта, то былъ вознагражденъ вполнѣ за свой трудъ. Я тотчасъ же понялъ причину ошибочнаго донесенія о взятіи форта. Разсматривая его изъ долины еще до наступленія дня, весьма легко ошибиться и предположить, что фортъ взятъ, потому что вершина его покрыта оврагами. Посрединѣ этой вершины есть расщелина, въ которой засѣли турецкія войска, съ величайшей энергіей стрѣлявшія въ эту минуту по русскимъ, которые отвѣчали тѣмъ же, тоже засѣвъ, на своей сторонѣ, за прикрытія, какія подвернулись подъ руку, между тѣмъ, какъ ихъ многочисленные стрѣлки, засѣвшіе въ траншеи, немилосердно истребляли своимъ огнемъ осаждающихъ, наиболѣе выдвинутыхъ впередъ. Восточная баттарея сыпала гранатами по амфиладѣ траншей, но пушки съ западной стороны не могли дѣйствовать такъ же успѣшно, во вниманіе къ близости сражающихся другъ къ другу. Изъ долинъ, закрытыхъ для взглядовъ промежуточными хребтами горъ, также доносились звуки битвы, но битва эта, по всему вѣроятію, была безпорядочнаго характера и скоро совершенно прекратилась. Тогда все вниманіе мое было обращено на событія, происходящія непосредственно передъ моими глазами. Турецкій центръ былъ, очевидно, веденъ съ удивительнымъ искусствомъ и мужествомъ помощникомъ Салиха-паши. Онъ двинулъ своихъ солдатъ впередъ съ замѣчательною быстротою; ихъ безпрерывный огонь вполнѣ соотвѣтствовалъ опасности ихъ положенія; они были слишкомъ выставлены для огня ихъ противниковъ. Что и турецкій огонь былъ дѣйствителенъ, это показывало множество раненыхъ, которыхъ относили съ той стороны отчаянно защищаемой расщелины «Восточная баттарея».

«Наконецъ, замедленіе въ дальнѣйшемъ движеніи турецкаго центра сдѣлалось чрезвычайнымъ. Около четверти одиннадцатаго —стала замѣтна перемѣна. По направленію отъ Габрова, по высокой дорогѣ черезъ проходы показалась черная масса людей. Это неожиданное появленіе русскихъ подкрѣпленій заставило храбраго турецкаго командира принять какое нибудь рѣшеніе, ибо онъ увидѣлъ себя въ опасности быть окруженнымъ свѣжими массами непріятеля. Вскорѣ оказалось, что это было около 1,600 русскихъ стрѣлковъ, посланныхъ на подкрѣпленіе аттакуемыхъ; лишь только получено было извѣстіе о турецкой аттакѣ. Приказъ объ отступленіи былъ поданъ со стороны турецкаго командира, и потянулись назадъ упавшія духомъ турецкія войска. Къ счастію для турокъ, непріятель не преслѣдовалъ ихъ, а что касается до русскихъ подкрѣпленій, то они были еще слишкомъ далеко, чтобы бояться ихъ дѣйствія. Турецкія войска центра спустились съ холма въ разбивку, проходя мимо своихъ собственныхъ траншей. Войска, занимавшія эти траншеи, заслуживаютъ величайшей похвалы за то, что они не присоединились къ общей паникѣ. Если бы русскіе преслѣдовали свой успѣхъ или только показали бы видъ, что преслѣдуютъ, послѣдствія этого могли бы быть пагубными для турокъ, ибо нѣтъ ничего невѣроятнаго, что войска, находившіяся вблизи несчастнаго центра, скоро заразились бы паникой. Къ счастію для турокъ, преслѣдованія не было и ретирующіеся солдаты присоединились къ своимъ, не распространяя ужаса среди ихъ рядовъ. Послѣ я узналъ

о планѣ дѣйствія я не могъ понять, что заставило турецкаго полководца посылать войска на восточную и западную стороны позиціи. Мнѣ кажется, что неудачу сегодняшняго предпріятія всецѣло слѣдуетъ приписать именно этому обстоятельству, ибо, если бы всѣ эти силы дѣйствовали съ такимъ же мужествомъ и энергіею въ одномъ центрѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что побѣда была бы на сторонѣ турокъ. Потери ихъ въ этомъ дѣлѣ убитыми и ранеными никакъ не менѣе 800 или 1,000 чел.; вѣрныхъ свѣдѣній теперь нельзя еще достать; что касается до потерь русскихъ, то судя по тому, что я видѣлъ, онѣ должны быть никакъ не меньше турецкихъ. Наконецъ, въ виду храбрости и выносливости, выказываемыхъ турецкими солдатами, не могу удержаться, чтобъ не высказать того мнѣнія, что если и впредь ихъ будутъ вести въ аттаку, такъ же искусно, съ такимъ же единодушіемъ и взаимнымъ содѣйствіемъ всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ офицеровъ, то русскимъ войскамъ не легко будетъ держаться въ своихъ позиціяхъ».

9 сентября турки возобновили бомбардированіе въ 11 часовъ утра, прекратившееся послѣ понесеннаго ими 5-го сентября пораженія. Стрѣляютъ изъ мортиръ, иногда залпами. Вчера, около часа дня, турки аттаковали отрядъ генерала Татищева, на позиціи у Церковны. Будучи отбиты на правомъ флангѣ, аттаковали лѣвый, затѣмъ центръ; но вездѣ были отброшены. Бой кончился ночью. Отрядъ Татищева остался на своей позиціи. Ожидается возобновленіе аттаки сегодня.

Битва при деревнѣ Осиковѣ *).

2-го сентября нашъ полкъ съ одною баттареей вступилъ въ бой съ турками, при деревнѣ Осиковѣ. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось быть подъ страшнымъ огнемъ. Бой начался съ четырехъ часовъ пополудни и окончился около восьми часовъ вечера, то есть, когда уже совершенно стемнѣло. Бой былъ жестокій и упорный. Турки буквально осыпали насъ пулями, хотя и наши солдаты не щадили патроновъ, угощая противника мѣткими выстрѣлами. Несмотря на жестокій бой, у насъ въ полку была самая незначительная убыль, особенно если принять во вниманіе, что мы аттаковали врага и выбили его почти штыками изъ занятой послѣ боя нами деревнѣ. Мы въ этомъ дѣлѣ потеряли семь нижнихъ чиновъ и ранеными 60 солдатъ, но изъ офицеровъ никто не пострадалъ, хотя офицеры были вездѣ въ первомъ огнѣ и своимъ примѣромъ воодушевляли и молодыхъ, еще неопытныхъ солдатъ. Менѣе всего, какъ оказалось послѣ боя, пострадали стрѣлковыя роты, имѣя всего десять убитыхъ и раненыхъ; болѣе всего понесъ потери второй батальонъ. Трудно вамъ описать тотъ огонь, въ которомъ мы находились. Скажу только, что это былъ въ полномъ смыслѣ слова сильнѣйшій дождь изъ пуль и гранатъ. Я до сихъ поръ не могу понять,

---

*) Изъ Чиркіоя отъ 6 сентября 1877 г.

какимъ образомъ спасся отъ этого адскаго дождя! Я самъ видѣлъ, какъ у ногъ лошади одного изъ нашихъ батальонныхъ командировъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, падали гранаты; но лошадь, какъ бѣшеная, моментально отскакивала отъ падающей вблизи ея гранаты и тѣмъ спасала и себя, и своего сѣдока. Въ шесть часовъ пополудни всѣ находившіеся на лошадяхъ принуждены были слѣзть съ нихъ, такъ какъ турки участили огонь и началась, дѣйствительно, адская канонада. Только Богъ спасъ насъ всѣхъ въ этомъ дѣлѣ отъ смерти! Наши солдаты, несмотря на то, что вступили въ бой прямо съ похода, и притомъ всѣ дрались въ первый разъ въ жизни и большинство изъ нихъ почти мальчики,—такъ всѣ они молоды,—показали себя вполнѣ молодцами и героями. Дѣйствительно, дрались они храбро и многихъ турокъ порядочно изуродовали, когда дѣло пошло до рукопашной схватки, штыками, прикладами и даже кулаками. Турки, въ свою очередь, дрались съ ожесточеніемъ. Послѣ четырехчасоваго; упорнаго боя, мы взяли приступомъ деревню и обратили турокъ въ бѣгство, хотя они значительно превосходили насъ числомъ. На слѣдующее утро мы оставили взятую нами деревню и отошли немного назадъ, гдѣ и отдыхаемъ въ настоящее время на бивуакѣ, въ долинѣ, около деревни Чиркоія, откуда я и посылаю вамъ это письмо; но долго-ли будемъ здѣсь отдыхать—неизвѣстно.

«Въ заключеніе, позвольте передать два слова о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя испытывалъ я, вступая въ первый разъ въ жизни въ страшный и ужасный бой. Есть отличная и характерная русская пословица: «Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался». Скажу, по совѣсти, что эта пословица лучше всего можетъ быть перефразирована такъ: «Кто въ боѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался». Отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, мы шли на Дунай съ восторгомъ, и восторгомъ истиннымъ, неподдѣльнымъ. Насъ влекло туда искреннее желаніе сослужить службу дѣлу, и этотъ энтузіазмъ охватывалъ всю массу. Послѣ переправы черезъ Дунай, это отличное настроеніе наше къ бою не измѣнилось; напротивъ, каждый изъ насъ рвался скорѣе помѣряться силами съ врагомъ, но въ то же время я замѣтилъ въ товарищахъ нѣкоторую перемѣну. Каждый невольно проявлялъ какое-то религіозное настроеніе, особенно нижніе чины. Никогда прежде немолившіеся или очень рѣдко, сдѣлались просто набожными. Сужу по себѣ. Религіозность является на войнѣ необыкновенная, и она положительно вызывается «тоскою по родинѣ», по дорогимъ роднымъ, съ которыми разстался, уходя на войну. Все это толпится въ головѣ. Желаніе снова увидѣться когда-нибудь потомъ со всѣми близкими сердцу, такъ сильно, такъ велико, что хочется жить и жить. Какъ только настала минута, что мы узнали о приближеніи непріятеля, масса начала креститься, приподнимая шапки и вслухъ произнося самыя теплыя молитвы... Но это душевное настроеніе, которое вовсе выражаетъ не трусость, мгновенно измѣняется, какъ только завидишь врага и услышишь первый свистъ пули. Тутъ васъ сразу охватываетъ какое-то новое чувство, какое-то воинственное настроеніе и, повѣрите-ли? является жажда мести, жажда вражьей крови, какая-то безсердечность! Въ это мгновеніе забываешь моментально все: и родину, и домъ, и кровъ, и близкихъ сердцу людей;

словомъ, всѣхъ и все... Передъ глазами врагъ и все вниманіе сосредоточено на немъ. Масса быстро наэлектризовывается; этотъ электрическій огонь передается каждому и воинскій запалъ охватываетъ все ваше существо. Только крайне слабохарактерные, или нервные могли бы не увлечься этимъ общимъ энтузіазмомъ, который невозможно передать никакими описаніями. Этимъ только энтузіазмомъ и объясняется, почему иной разъ раненые весьма опасно даже не чувствуютъ полученныхъ ими ранъ, не ощущаютъ боли и только физически изнеможенные, падая на землю, облитые кровью, видятъ, что они ранены... При этомъ, если начальникъ съумѣетъ во время сказать нѣсколько воодушевительныхъ словъ,—храбрости и неустрашимости воина нѣтъ границъ... Пишу, что чувствую, пишу подъ диктовку внутренняго голоса, а при такихъ условіяхъ о формѣ изложенія думать некогда и невозможно. Одно могу смѣло утверждать, что въ хорошо организованной арміи, въ которой дисциплина и товарищество высоко развиты,—храбрость составляетъ отличительное качество; въ такой арміи даже и не можетъ быть трусовъ; въ ней и безхарактерные дѣлаются героями. Въ одномъ изъ находящихся здѣсь полковъ, недавно отличившихся въ дѣлахъ съ турками, было очень много евреевъ въ рядахъ ротъ, и что же? По общему отзыву ротныхъ командировъ, евреи дрались храбро и даже отчаянно.»

Перечень событій на обоихъ театрахъ дѣйствій отъ 12 по 18 сентября.

— *Русскій Инвалидъ* дѣлаетъ слѣдующій общій перечень военныхъ дѣйствій съ 12-го по 18-е сентября.

«Въ относительномъ расположеніи обѣихъ воюющихъ сторонъ на Балканскомъ полуостровѣ не произошло, судя по извѣстіямъ минувшей недѣли, существенныхъ перемѣнъ, и всѣ три отряда нашей дѣйствующей арміи продолжаютъ занимать тѣ самыя позиціи, въ которыхъ они находились къ началу текущаго мѣсяца. Послѣ недавнихъ кровопролитныхъ боевъ подъ Плевною, задача русско-румынскихъ войскъ состояла въ блокированіи турецкой арміи Османа-паши, къ которой, какъ извѣстно было, спѣшили подкрѣпленія изъ сформированнаго въ Софіи корпуса. Для наблюденія за Плевно-софійскою дорогою, по которой должны были подойти турецкія подкрѣпленія, на лѣвомъ берегу р. Вида находился нашъ кавалерійскій корпусъ. 8-го и 9-го сентября, кавалерійскіе отряды этого корпуса открыли, верстахъ въ 25-ти къ юго западу отъ Плевны, присутствіе значительныхъ непріятельскихъ силъ изъ всѣхъ родовъ оружія, которыя наступали къ Плевнѣ съ большою осторожностью, на занимаемыхъ ими позиціяхъ. Всѣ усилія нашей кавалеріи преградить путь турецкому вспомогательному отряду не увѣнчались успѣхомъ; хотя, 9-го сентября, кавалерійскій отрядъ полковника Тутолмина остановилъ огнемъ своей конной артиллеріи дальнѣйшее движеніе непріятеля къ Плевнѣ, но уже на другой день, 10-го числа, турки, въ числѣ де-

сяти тысячъ пѣхоты съ артиллеріею, прорвались сквозь нашу кавалерію и усилили собою армію Османа-паши.

Усиленіе плевненской турецкой арміи свѣжими войсками, конечно, увеличитъ средства ея сопротивленія, но лишь при одномъ условіи: если вмѣстѣ съ подкрѣпленіями въ людяхъ туркамъ удалось доставить въ Плевну значительный транспортъ не только продовольственныхъ, но и боевыхъ запасовъ, въ которыхъ армія Османа-паши, повидимому, терпѣла чувствительный недостатокъ. Въ противномъ же случаѣ, прибыіе 10,000 человѣкъ подкрѣпленія, хотя бы съ однимъ продовольствіемъ, едва ли принесетъ ожидаемую турками помощь, въ виду довольно крупной цифры войскъ, увеличивающей собою число потребителей привезеннаго довольствія.

«Послѣ вторичнаго отраженія аттакъ Сулеймана-паши на Шипку, 5-го сентября, онъ до 14-го числа не возобновлялъ открытаго нападенія, а ограничился усиленіемъ своихъ баттарей на южномъ склонѣ горы св. Николая, выставивъ на нихъ 14 мортиръ, изъ которыхъ, 9-го сентября, возобновилъ бомбардированіе нашихъ позицій на горѣ. Впрочемъ, вреда онѣ намъ особеннаго не причинили, такъ какъ, до 15-го сентября, всѣ наши потери ограничились 15 человѣками, выбывшими изъ строя. Въ этотъ же день установлены и съ нашей стороны мортиры, огнемъ которыхъ тотчасъ взорванъ турецкій пороховой погребъ. Къ описанію Шипкинскаго боя, 5-го сентября, необходимо добавить, что потери наши въ этомъ дѣлѣ оказались значительнѣе первоначально показанныхъ и состояли изъ 31 офицера и около тысячи нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

«Въ другомъ изъ занятыхъ нашими отрядами Балканскихъ проходовъ, въ Еленинскомъ, турки пытались также прорваться и 12-го сентября аттаковали авангардъ нашъ у Мореня. Послѣ пяти-часоваго боя, непріятель былъ отбитъ съ урономъ, у насъ же потеря состояла въ одномъ раненомъ офицерѣ и 21 нижнемъ чинѣ, выбывшихъ изъ строя.

«Сосредоточеніе частей войскъ отряда Государя Наслѣдника Цесаревича между Баницкимъ Ломомъ и Янтрою имѣло уже благопріятный результатъ, выразившійся въ прегражденіи дальнѣйшаго наступленія арміи Мехмеда-Али-паши. Турецкій главнокомандующій, задавшійся, повидимому, цѣлью разрѣзать нашъ восточный отрядъ на двое и отбросить центръ и лѣвый его флангъ на Бѣлу и къ Дунаю, аттаковалъ, 9-го сентября, наше расположеніе у Церковны, гдѣ находились 12 батальоновъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Татищева. Со стороны турокъ направлены были въ аттаку двѣ дивизіи изъ корпуса принца Гассана, въ числѣ до 20,000 ч. при 40 орудіяхъ, и первый натискъ ихъ произведенъ былъ на правый флангъ нашихъ позицій. Будучи отбитъ въ этомъ пунктѣ, непріятель, постепенно усиливая штурмующія войска, повелъ рядъ аттакъ на лѣвый флангъ нашъ, а затѣмъ и на центръ. Бой продолжался съ 11 часовъ утра до темноты, когда турки, обращенные въ бѣгство на всѣхъ пунктахъ молодецкими дѣйствіями Курскаго, Вятскаго и Рыльскаго пѣхотныхъ полковъ, вынуждены были къ общему отступленію. Хотя наши войска ожидали

возобновленія аттаки на другой день, однако ея не послѣдовало и турки выслали парламентера за разрѣшеніемъ похоронить своихъ убитыхъ. Уронъ непріятеля въ дѣлѣ при Церковнѣ исчисляется, примѣрно, въ 2,000 человѣкъ, такъ какъ число однихъ убитыхъ турокъ, преданныхъ землѣ на мѣстѣ боя, простирается до 800 человѣкъ. Понесенныя съ нашей стороны потери состоятъ изъ 26 офицеровъ и около 400 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя.

«Послѣ неудачной аттаки, армія Мехмеда-Али-паши, какъ видно, не только пріостановила свое наступленіе, но и начала поспѣшно отступать къ Попкіою, бросивъ походный телеграфъ и нѣсколько патронныхъ ящиковъ. Послѣдующія извѣстія, вѣроятно, разъяснятъ причину такого образа дѣйствій турецкой арміи.

«Со времени очищенія турками кавказскаго черноморскаго прибрежья, военныя дѣйствія въ этомъ районѣ почти прекратились, да и на границахъ Батумскаго округа обѣ воюющія стороны ограничиваются, повидимому, наблюдательнымъ образомъ дѣйствій, прерывая его иногда перестрѣлкою. Такъ, 9-го сентября, турки поддерживали безвредную канонаду противъ нашего отряда на мухаэстатской позиціи, и въ тотъ же день непріятельскіе броненосцы обстрѣливали нашъ берегъ на протяженіи отъ окрестностей Поти къ югу до посту св. Николая. Послѣднее обстоятельство, быть можетъ, указываетъ на намѣреніе турокъ произвести попытку высадки гдѣ-либо въ тылу нашего отряда, въ надеждѣ принудить его очистить позицію на мухаэстатскихъ высотахъ.

Дольный Монастырь.

(Главная квартира наслѣдника Цесаревича).

Спеціальный корреспондентъ вѣнской *Presse*, находящійся при арміи Наслѣдника Цесаревича, пишетъ изъ Дольнаго Монастыря отъ 12-го сентября

«Въ главной квартирѣ Великаго Князя насъ принимаютъ очень дружелюбно и говорятъ, что мы будемъ единственными корреспондентами, которымъ дозволятъ быть свитѣтелями военныхъ событій; насъ приглашаютъ оставаться и безъ сомнѣнія наше тяжелое призваніе не будетъ отягчено съ оффиціальной стороны. Тѣмъ не менѣе, мнѣ не очень нравится Дольный Монастырь. Мѣстечко это лежитъ въ нѣсколько узкой долинѣ; въ ней, или мало воды, или много, но плохой. Болгарскіе дома не очень гостепріимны и въ главной квартирѣ нѣтъ ресторана. Приходится имѣть свою кухню, палатку, или искать помѣщеніе въ яшлыкѣ (яшлыкъ—веранда изъ болгарскихъ и турецкихъ домовъ). Санитарное состояніе здѣсь не очень благопріятно; лихорадка и диссентерія дѣлаютъ большіе пробѣлы въ рядахъ сражающихся,—словомъ, нѣтъ ничего привлекательнаго для главной квартиры. Дорога отъ Бѣлы къ Рущуку находится въ хорошемъ состояніи; вдоль ея навалены кучи каменьевъ, показывающіе, что турки имѣли желаніе держать эту дорогу въ хорошемъ состояніи. Правда, кучи эти уже заросли травою и одно доброе желаніе турокъ не повело ни къ чему. То, что не успѣли или полѣнились сдѣлать турки, должны бы исполнить теперь русскіе, и я дол-

женъ ихъ упрекнуть за то, что не предпринимаютъ еще никакихъ улучшеній. Наслѣдника Цесаревича сопровождаютъ его братья, Великіе Князья Владиміръ и Сергѣй Александровичи и герцогъ Лейхтенбергскій. Палатка Великихъ Князей имѣетъ полукруглую форму и расположена подъ тѣнію нѣсколькихъ старыхъ деревьевъ. Къ ней примыкаетъ съ лѣвой стороны палатка адъютантовъ, а справа—палатка генерала Вановскаго, начальника главнаго штаба восточной арміи. Палатка командира лагеря, генерала Зубарева, стоитъ на лѣво отъ дороги на высокой террасѣ, какъ бы насторожѣ всего лагеря. У спуска долины находятся палатки офицеровъ и ихъ деньщиковъ; лагерь гвардіи и обозныхъ батальоновъ—на спускѣ къ оврагу. Одна часть велико-княжеской свиты и обозы стоятъ еще на склонахъ горнаго кряжа Горнаго Монастыря, но пребываніе въ этомъ пунктѣ нездорово, рано какъ и въ Дольномъ Монастырѣ; лагерь не останется тутъ долго. Одинъ членъ свиты въ особенности возбудилъ во мнѣ вниманіе; это былъ благородный орелъ, котораго везъ одинъ изъ служителей Наслѣдника. Эта птица была поймана въ Болгаріи: ея крылья были подвязаны, такъ что она не могла свободно подниматься на воздухъ.

«Когда я ѣхалъ изъ Систова въ Дольный Монастырь, я очень удивлялся, не встрѣчая никакихъ отрядовъ. Подкрѣпленія однакожъ или прибываютъ, или замедлились въ пути. Послѣднее всего вѣроятнѣе и здѣсь представляется та особенность, что русскіе, столь быстро совершившіе свое первоначальное наступленіе, теперь упускаютъ много времени. Но затѣмъ, съ другой стороны, я долженъ отдать справедливость генералу Вановскому касательно одного факта, котораго я въ первый разъ былъ здѣсь свидѣтелемъ. Онъ не удовлетворился только тѣмъ, что приказалъ шанцировать позиціи передъ непріятелемъ, но прикрылъ также свой тылъ мѣрами предосторожности, дабы имѣть возможность защитить линію Янтры, на которую до сихъ поръ еще не было нападенія. Это не особенно сильная сторона русскихъ, но думать объ отступленіи, можетъ быть, въ глазахъ многихъ русскихъ генераловъ не особенно похвально, и поэтому ген. Вановскій и не сдѣлалъ приготовленій на случай отступленія; но многіе считаютъ такія приготовленія весьма благоразумными. Какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Янтры, при Бѣлѣ, сооружены редуты и вырыты ямы для прикрытія стрѣлковъ; благодаря этимъ работамъ можетъ быть или прикрыто отступленіе, или защищаемъ переходъ черезъ рѣку. Для позицій выбраны поистинѣ господствующіе пункты и укрѣпленія не кончаются при одномъ только переходѣ на Бѣлѣ.

«Въ Бѣлѣ, пребываніе для главной квартиры, можетъ быть, было бы гораздо пріятнѣе; но мѣстечко это Великій Князь всецѣло предоставилъ раненымъ и больнымъ. Въ Бѣлѣ большею частію каменные дома, даже очень удобные и выстроены въ прекрасномъ стилѣ. Государь Наслѣдникъ безъ сомнѣнія совершилъ актъ человѣколюбія, уступивъ больнымъ эти зданія и удовлетворяясь самъ палаткою. Теперь ими занятъ здѣсь каждый домъ; на всѣхъ зданіяхъ красуется красный крестъ, и долгое пребываніе массъ больныхъ въ такомъ нездоровомъ мѣстѣ конечно невозможно. Снова обнаруживается, что съ одной стороны не-

достаетъ матеріаловъ для перевозки больныхъ и раненыхъ, съ другой—что недостаточно приготовлено госпиталей для ихъ помѣщенія.»

Какъ прошли 10 сентября турки въ Плевну.

Корреспондетъ *Правительственнаго Вѣстника*, Всеволодъ Крестовскій, описывая дѣйствія нашего кавалерійскаго отряда на лѣвомъ берегу Вида, говоритъ:

«Прежде всего надо замѣтить, что наши кавалерійскіе полки, отправленные за Плевну, находились далеко не въ полномъ комплектѣ; на долю ихъ съ самаго начала кампаніи безпрестанно приходилось выносить весь трудныя экспедиціи, и потому, естественно, они понесли довольно значительныя потери, въ особенности въ конскомъ составѣ. Но дѣлать было нечего, и до прибытія новыхъ силъ нашей кавалеріи по необходимости оставалось лишь воспользоваться тѣмъ, что нашлось подъ рукою. Начальствованіе надъ за-Видскимъ русско-румынскимъ кавалерійскимъ отрядомъ было поручено, 2 сентября, генералъ-лейтенанту Крылову. *) При сформированіи этого отряда имѣлось въ виду: вопервыхъ, «обратить тщательное вниманіе на пресѣченіе всякой возможнотти подвоза продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ плевненскому гарнизону,» и во вторыхъ, «достиженіе этой цѣли, при возможно большемъ сбереженіи силъ корпуса, заключающаго въ себѣ большую часть кавалеріи западнаго отряда арміи».

«Кромѣ этихъ руководящихъ соображеній, генералъ Крыловъ имѣлъ еще въ виду и другія, а именно: что мы тогда лишь можемъ расчитывать на успѣхъ транспортовъ, или на полное пресѣченіе возможности проникнуть въ Плевну-если сами будемъ находиться и нападать на нихъ въ такомъ разстояніи отъ Плевны, чтобы гарнизонъ этой послѣдней никакъ не могъ подать имъ своевременную помощь; если же на выручку имъ вышли бы изъ Плевны значительныя силы, то что имѣло бы для насъ важное значеніе, какъ и всякое ослабленіе плевненскаго гарнизона.

»Руководствуясь этими соображеніями, генералъ Крыловъ намѣревался сосредоточить важнѣйшія операціи своего корпуса на софійско-плевненскомъ шоссе, какъ на главной линіи сообщеній противника, начавъ партизанскія дѣйствія за селеніемъ Телишъ, въ томъ предположеніи, что встрѣча и перехватъ транспортовъ въ этомъ районѣ представлялись ему наиболѣе вѣроятными.

«7-го сентября корпусъ генерала Крылова прибылъ на бивакъ къ селенію Дольнему-Дубняку, и здѣсь генералъ получилъ донесеніе что нѣсколько непріятельскихъ колоннъ наступаютъ во флангъ на его бивакъ съ сѣверо-запада, отъ дер. Махалеты (она же и Махада) расположенной на Плевно-Раховской дорогѣ. Чтобы провѣрить справедливость донесенія, генералъ распорядился направить въ эту сторону нѣсколько разъѣздовъ, но всѣ они возвратились съ тождественнымъ

*) Бывшему командиру лейбъ-гвардіи уланскаго полка, а въ послѣдствіи начальнику дивизій—сперва 7-й, а потомъ 4-й кавалерійской, съ которою онъ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій.

результатомъ, что никого и ничего со стороны Махалеты не видѣли. Тѣмъ не менѣе послѣдующія извѣстія, доставляемыя отчасти Болгарами, продолжали настойчиво подтверждать первоначальное показаніе о присутствіи значительныхъ силъ непріятеля въ сторонѣ Махалеты и о его движеніи на корпусъ генерала Крылова. Настойчивость этихъ извѣстій принудила его, ради обезпеченія своего фланга, обратить особенное вниманіе на Махалету, и вообще на зарѣчное пространство къ западу отъ рѣки Искера. Для исполненія предположенной цѣли онъ приказалъ флигель-адъютанту полковнику графу Штакельбергу предпринять на 8 сентября усиленную рекогносцировку въ юго-западномъ направленіи на Телишъ (по софійско-плевненскому шоссе), предназначивъ для сего четыре эскадрона и два конныя орудія. Рекогносцировка эта имѣла цѣлью освѣтить все пространство между рѣкой Искеромъ, софійскимъ шоссе и лѣвѣе до высоты, на которой лежитъ деревня Ракита. Графъ Штакелькергъ открылъ непріятеля около Телиша, но опредилить количество его силъ не успѣлъ, такъ какъ этому воспрепятствовала турецкая конница, съ которою онъ выдержалъ довольно жаркое кавалерійское дѣло.

«Это открытіе требовало болѣе точнаго удостовѣренія въ количествѣ силъ непріятеля, и потому—9 сентября былъ снова направленъ на Телишъ развѣдочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Тутолмина. Завязавъ съ противникомъ энергическое дѣло, Тутолминъ заставилъ его наконецъ обнаружить свои силы, причемъ, благодаря поручику генеральнаго штаба Сокольскому, который подъ выстрѣлами, дѣлалъ снимки непріятельской позиціи; обнаружилось, что телишская позиція уже укрѣплена ложементами для пѣхоты и готовыми батареями для артиллеріи, и что на этой позиціи находятся отъ 10 до 12 тысячъ турокъ, и въ томъ числѣ два полка конницы, при шести орудіяхъ.

«Такъ какъ наступленіе на нашъ корпусъ со стороны Махалеты, о которомъ столь настойчиво получались извѣстія еще 7 сентября, въ дѣйствительности не состоялось, то остается думать, что непріятель, прикрываясь съ лѣвой стороны Искера, успѣлъ въ теченіе сутокъ передвинуться къ Телишу и укрѣпиться здѣсь на занятой имъ позиціи.

«10 сентября утромъ, наши аванпосты, выставленные къ Горнему Дубняку, замѣтили, что значительныя силы турокъ, всѣхъ трехъ родовъ оружія, наступаютъ въ направленіи отъ Горнаго Дубняка къ Дубняку Дольнему, гдѣ былъ расположенъ корпусъ генерала Крылова на бивакѣ. Извѣстіе это, доставленное генералу съ аванпостовъ, вызвало съ его стороны распоряженіе объ отправкѣ въ сторону непріятеля особыхъ разъѣздовъ, которые, хотя и завязали перестрѣлку, но подавляемые превосходствомъ силъ противника, вынуждены были отойти на позицію выбранную генераломъ за Дольнимъ Дубнякомъ, въ видахъ задержанія наступающаго непріятеля. Едва успѣлъ генералъ Крыловъ окончить здѣсь распоряженія объ оборонѣ, какъ получилъ извѣстіе отъ подчиненнаго ему генералъ-маіора Лашкарева, что этотъ послѣдній отправился съ подвѣдомственною ему частью впередъ, по направленію къ Телишу. Предположивъ, на основаніи этого извѣстія, что генералъ Лашкаревъ неминуемо долженъ зайдти въ тылъ

непріятеля за Горнымъ Дубнякомъ, генералъ Крыловъ завязалъ съ наступающимъ противникомъ артиллерійскій бой съ фронта. Но около трехъ часовъ дня онъ услышалъ, что выстрѣлы изъ отряда Лашкарева раздаются не въ тылу турокъ, а съ фронта, на протяженія лѣваго фланга нашего кавалерійскаго корпуса. Въ то же время онъ получилъ донесеніе, что турецкая пѣхота въ значительныхъ силахъ вышла изъ Плевны черезъ предмостное укрѣпленіе, и направляется по лощинѣ въ тылъ нашему кавалерійскому корпусу. Тогда, убѣдясь въ безцѣльности фронтальнаго артиллерійскаго боя, генералъ Крыловъ началъ отходить со своимъ корпусомъ на сѣверо-западъ, къ селенію Семеретъ-Трестенику, распорядившись, чтобы въ деревнѣ Горнее-Митрополье, лежащей на полупути къ Дольнему Дубняку, остался передовой отрядъ въ видѣ арріергарда. «Выборъ-Семеретъ Трестеника основнымъ пунктомъ» говоритъ генералъ Крыловъ въ своемъ донесеніи — «былъ сдѣланъ въ томъ соображеніи что, при незначительной разницѣ въ удаленіи отъ Софійскаго шоссе, въ сравненіи съ Дольнимъ Дубнякомъ, онъ былъ ближе къ нашему коммуникаціонному пути, а расположеніе отряда у Митрополья давало возможность слѣдить и за тѣмъ, что могло бы выходить изъ Плевны».

«Между тѣмъ, турецкая пѣхота, вышедшая изъ Плевны въ тылъ, успѣла зайти и въ лѣвый флангъ корпусу генерала Крылова, уже начавшаго отступленіе, и завязала сильный огонь съ арріергарднымъ отрядомъ полковника Чернозубова. Благодаря этому обходному движенію, турки заслонили Софійское шоссе, и подъ прикрытіемъ своего огня успѣли провести въ Плевну большой транспортъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, вмѣстѣ съ конвоировавшими его силами, которыя наканунѣ были открыты полковникомъ Тутолминымъ въ укрѣпленной позиціи близь Телиша. Это было для турокъ тѣмъ удобнѣе, что проводъ обозовъ и подкрѣпленій совершился подъ прикрытіемъ вечерней темноты, и хотя наша 15-я Донская баттарея провожала ихъ выстрѣлами съ позиціи Горнаго Митрополья, тѣмъ не менѣе, благодаря потемкамъ, едва ли этотъ огонь могъ нанести существенный вредъ противнику. Результатомъ дѣйствій корпуса съ 7 по 11 сентября—говорится въ донесеніи генерала Крылова—было задержаніе десяти тысячъ турокъ, шедшихъ изъ Софіи въ Плевну, на двое сутокъ.»

Трехдневный бой при Караялѣ въ Азіи.

Всѣ войска составляющія главныя силы дѣйствующаго корпуса раздѣлены были на четыре части *).

Правое наступающее крыло, подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, составлено было изъ 32 баталіоновъ пѣхоты, 37 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи и 104 орудій. Это крыло должно было, удерживая частію своихъ силъ лѣвый флангъ Мухтаръ-паши, расположенный отъ Хадживали къ

*) Корресп. „Голоса“ 1877 г. отъ 20 сентября.

Суботану, и препятствуя движенію онаго на помощь Карскимъ отрядамъ, аттаковать всѣми остальными силами эти отдѣлившіяся части непріятеля и нанести имъ возможно полное пораженіе.

Правая колонна праваго крыла составлена была изъ 7¼ баталіоновъ, 16 сотенъ и 26 орудій генералъ-маіора графа Граббе и изъ шести баталіоновъ, трехъ сотенъ и восьми орудій генералъ-маіора Комарова (Ардаганскаго), подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Роопа, занимавшаго Малую Ягны. Средняя колонна праваго крыла, составленная изъ 4½ баталіоновъ, 12 эскадроновъ и сотенъ и 16 орудій и начальствуемая генералъ-маіоромъ Шереметевымъ, должна была занять съ возможною быстротой Большую Ягны и тотчасъ же выдвинуть кавалерію къ сторонѣ Визинкева и Визинкевско-Орлокскихъ высотъ для раскрытія силъ непріятеля. Лѣвая колонна праваго крыла, въ составѣ 7¼ баталіоновъ, двухъ сотенъ и 40 орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Шака, должна была занять позицію на высотахъ противъ Хадживали, обстрѣливать сильнымъ огнемъ расположеннаго тутъ непріятеля и и препятствовать движеніямъ его къ сторонѣ Визинкева. Средняя и лѣвая колонны поручены были общему начальству генералъ-лейтенанта Геймана. Наконецъ, резервъ праваго крыла въ составѣ 7¼ баталіоновъ, четырехъ сотенъ и 14 орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева, долженъ былъ находиться къ юго-западу отъ Кабахтапы, гдѣ сначала долженъ былъ остановиться корпусный командиръ, общій руководитель дѣйствій праваго крыла.

По диспозиціи, наступленіе должно было начаться съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ разсвѣтомъ захватить внезапно Большую Ягны, занять позицію противъ Хадживали и одновременно аттаковать Малую Ягны. Слѣдовательно, боевая линія праваго крыла должна была имѣть въ началѣ около 18 верстъ длины.

Лѣвое крыло образовано было изъ 11¼ баталіоновъ, 15 сотенъ и 4 орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева. Оно должно было занять Кюльверанскія высоты и часть Башкадыкларо-Кюльверанской балки и удерживать войска праваго фланга непріятеля, дѣйствуя на нихъ преимущественно артиллерійскимъ огнемъ.

Камбинскій отрядъ генералъ-маіора Шелковникова, въ составѣ 5¼ баталіоновъ, 10 сотенъ и 12 орудій съ ракетною командой, назначался для дѣйствій въ тылу праваго фланга непріятельскаго расположенія. Въ случаѣ прибытія къ Камбинскому посту двухъ баталіоновъ, ожидавшихся изъ Эриванскаго отряда, генералу Шелковникову предоставлялось развить свое наступленіе въ тылу всего расположенія непріятеля. Но при этомъ онъ не долженъ былъ упускать изъ вида, что будучи отдѣленъ отъ главныхъ силъ всею массой непріятеля, онъ не можетъ разсчитывать на своевременную поддержку, и потому долженъ дѣйствовать съ надлежащею осмотрительностью, чтобы не подвергнуться отдѣльному пораженію.

Четвертую и послѣднюю часть нашихъ силъ составлялъ общій резервъ, 10 баталіоновъ пѣхоты, 12 эскадроновъ и сотенъ и 52 орудія, подъ начальствомъ

генералъ-лейтенанта Шатилова. Этотъ резервъ располагался близь подножія Караяла по дорогѣ изъ Кюрюкъ-Дара въ Суботанъ.

Въ теченіе всѣхъ трехъ сутокъ боемъ руководилъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. 20-го сентября, съ разсвѣтомъ, началось общее наступленіе нашихъ главныхъ силъ, собранныхъ въ лагерѣ при Караялѣ. Наступленіе было направлено противъ коммуникаціонной линіи непріятеля и произведено тремя колоннами, главное начальство которыми было ввѣрено генераламъ Шереметеву, Роопу и Шако. Въ 8 часовъ утра колонна Шереметева взяла уже штурмомъ гору Большая Ягны; къ сожалѣнію всѣ усилія Роопа, направленныя противъ горы Малая Ягны, остались безъ успѣха. Колонна же Шако старалась сперва артиллерійскимъ, потомъ ружейнымъ огнемъ, направленнымъ противъ непріятеля, расположеннаго у Хадживали, воспрепятствовать туркамъ подкрѣпить присылкой свѣжихъ войскъ въ позиціи въ Авліартѣ и Вадинкеѣ. Согласное съ диспозиціей приказаніе корпуснаго командира Лорисъ-Меликова занять эти пункты не было исполнено, и уже къ полудню турки успѣли собрать значительныя подкрѣпленія на этихъ двухъ главныхъ ключахъ своей позиціи. Между тѣмъ противъ высотъ Кизилъ-Тапы открытъ былъ въ видѣ диверсіи артиллерійскій и ружейный огонь. Наиболѣе слабый отрядъ генерала Шелковникова (?), двинутый въ обходъ чрезъ Кумбинскій постъ, занялъ турецкія траншеи на высотахъ Аладжи. Благодаря своевременно принимавшимся мѣрамъ, турки тщетно старались окружить небольшой отрядъ Шелковникова, и онъ благополучно возвратился въ лагерь во вторникъ же вечеромъ, удачно проскользнувъ между непріятельскими войсками. Всѣ другія войска заночевали на тѣхъ позиціяхъ, которыя занимали при наступленіи сумерекъ.

Ночь стояла чрезвычайно холодная, термометръ показывалъ 1° холода. На бивакахъ парствовала тишина, кое-гдѣ горѣли наши и непріятельскіе огоньки. На правомъ флангѣ наша кавалерія зажгла сухую траву. Видъ былъ прекрасный: цѣлое поле было залито огнемъ. Но эта живописная картина врядъ ли кого восхищала...

На перевязочномъ пунктѣ, у Кабахъ-тапа, раздавались неумолкаемые стоны раненыхъ и раздирающая душу, не прекращавшаяся ни на минуту просьба: «Водицы дайте, братцы, водицы. Ваше благородіе, прикажите дать водицы промочить горло.» — «Нѣту, братцы, сейчасъ привезутъ.»

Взятый съ собою запасъ воды давно истощился, новый запасъ приходилось подвозить за 25 верстъ, изъ Кюрюкъ-Дара.

Корпусный командиръ бивакировалъ на вершинѣ Кабахъ-тапы, которую Турки за день до битвы начали обносить траншеями и ровиками для стрѣлковъ.

Около 10 часовъ ночи раздались громкіе крики *ура* и нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ; то же повторилось въ три часа ночи: это наши охотничьи команды пробивались сквозь турецкую цѣпь къ водѣ и къ деревнѣ Хадживали.

Ночью войска праваго фланга были смассированы между Большою Ягны и Хаджи-вали. Отрядъ генерала Комарова поставленъ предъ Малою Ягной, внѣ выстрѣловъ.

Бой 21 сентября начался артиллерійскою перестрѣлкой. Къ полудню канонада по всей линіи умолкла.

21-го нашъ правый флангъ совершенно бездѣйствовалъ, какъ вслѣдствіе крайняго утомленія войскъ, такъ и отъ необходимости предварительно снабдить отрядъ водой, въ которой чувствовался большой недостатокъ. Въ этотъ день мы похоронили убитыхъ и вывезли раненыхъ.

Теперь считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о мѣстности, на которой наши войска оперировали. Все пространство между горами Караялъ, Ягны и рѣчками Карсъ-чаемъ и Мавракъ-чаемъ представляетъ безводную всхолмленную равнину, поперечникъ которой не менѣе 20 верстъ. Берега рѣчки Мавракъ-чай были укрѣплены и заняты Турками, а такъ какъ наши войска были надвинуты къ турецкимъ позиціямъ, то воду приходилось возить на поле битвы почти за 20 верстъ въ одинъ конецъ.

Вслѣдствіе такой отдаленности отъ воды на другой день битвы недостатокъ ея оказался еще ощутительнѣе. Съ Караяла были высланы всѣ имѣвшіеся тамъ бочки и бурдюки, наполненные водой. Кромѣ того, добровольные жертвователи, отрядные торговцы и маркитанты, привезли до 10 бочекъ воды, фруктовъ и хлѣба; но всей этой воды далеко не хватало, чтобъ утолить жажду войскъ. Къ тому же дни стояли солнечные, сухіе, и сухая пища, сухари, еще усиливали жажду. Солдаты за 20 верстъ отправлялись съ манерками по воду, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, не дойдя до воды, умирали отъ жажды и изнеможенія, а одинъ солдатъ, по завѣренію корпуснаго врача, сошелъ съ ума.

Я самъ былъ свидѣтелемъ какъ солдаты Ростовскаго гренадерскаго полка на расхватъ разобрали фургонъ напитковъ, платя табельдотчику Лаксину за бутылку вина и сельтерской воды по 80 коп. Солдаты послѣдній свой грошъ отдавали торговцу чтобы только промочить высохшій ротъ. Безводье могло быть отчасти устранено прорытіемъ колодцевъ возлѣ Кабахъ-тапы, въ лощинѣ, гдѣ есть зеленыя полянки, показывающія близость воды. Объ этомъ не было забыто и въ диспозиціи, тамъ категорически сказано: «Начальникамъ колоннъ праваго крыла озаботиться назначеніемъ особыхъ саперныхъ командъ для разчистки родниковъ и колодцевъ.» Къ сожалѣнію, наши генералы упустили изъ виду этотъ пунктъ диспозиціи. Извѣстная выносливость и терпѣніе русскаго люда и здѣсь проявились во всей силѣ: нѣкоторыя части, находясь въ первой линіи, почти два дня оставались безъ воды, но онѣ стойко и мужественно переносили жажду и упорно удерживали за собою занятыя позиціи.

Около 4 часовъ пополудни, на непріятельскихъ позиціяхъ между Суботаномъ и Кизилъ-тапой, замѣчено было передвиженіе войскъ. Всѣ наши бинокли были направлены въ ту сторону. Вскорѣ выяснилось что 20 турецкихъ баталіоновъ, прикрытые кавалеріей, наступаютъ къ нашимъ баттареямъ, устроеннымъ впереди Караяла. Артиллерія ихъ выдвинулась на позицію и открыла огонь по баттареямъ и перевязочному пункту, устроенному у подножія Караяла. Наша артиллерія встрѣтила турецкія войска сильнымъ огнемъ, нѣкоторыя баттареи стрѣляли залпами. Турки стройно подвигались впередъ; видимо они разсчитывали

что нашъ центръ слабъ, и что имъ удастся прорвать его. Наши кавалерійскіе аванпосты стали поспѣшно отступать. Турецкая кавалерія, ободренная отступленіемъ нашихъ аванпостовъ, стала объѣзжать фланги, а пѣхота надвигаться на баттареи. Въ этотъ моментъ наша пѣхота, усиленная резервами и скрытая въ траншеяхъ и лощинѣ, встрѣтила ихъ съ 200 шаговъ градомъ пуль; непріятель, несмотря на свое воодушевленіе, не могъ выдержать мѣткаго огня нашей пѣхоты, и опрометью ринулся назадъ. Минута была торжественная. Наша пѣхота стала энергично ихъ преслѣдовать. Опередивъ другихъ, наступалъ 3-й баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка, причемъ командиръ 3-й стрѣлковой роты, поручикъ Середа, попавъ ротой въ сферу ружейнаго перекрестнаго огня, рѣшилъ такъ: остановиться—разстрѣляютъ, отступить опасно—пожалуй насядутъ, лучше наступать. Онъ крикнулъ «ребята! на траншею!» и, увлекая за собою другихъ, бросился съ ротой на траншею у Суботана, выбилъ оттуда штыками турокъ и залегъ за нею, преслѣдуя залпами бѣгущаго непріятеля.

Блистательная рѣшимость этого молодаго офицера укрѣпила за ними поле битвы и дала возможность подобрать нашихъ раненыхъ и убитыхъ. Наступившая ночь прекратила бой. Турки дорого поплатились за свою отвагу. Болѣе тысячи непріятельскихъ тѣлъ остались на полѣ битвы. Санитары разсказывали: «на каждаго нашего раненаго приходилось десятка по два бусурманъ.» Между тѣмъ позади боевой линіи турки направляли массу своихъ силъ отъ горы Кизилъ-Тапа въ сторону къ Авліарту. Этой бой у Суботана и замѣченное движеніе турецкихъ силъ къ Авліарту заставили насъ вызвать колонну генерала Шелковникова (Шереметева?), которая въ ночь же очистила гору Большая Ягны, наканунѣ взятую штурмомъ.

Ночью, на 23 сентября, наше правое крыло, по приказанію корпуснаго командира, было отодвинуто назадъ на линію горы Кабахъ-тапы. Движеніе это было вызвано необходимостью дать войскамъ возможность приблизиться къ водѣ. Турки, замѣтивъ утромъ, что Большая Ягны нами брошена и войска отодвинуты, перешли въ наступленіе, выставивъ три дальнобойныя баттареи: одну ниже Малой Ягны, другую на склонѣ Большой Ягны и третью у деревни Хаджи-вали; такимъ образомъ непріятельскія баттареи обстрѣливали Кабахъ-тапу съ трехъ сторонъ, но огонь ихъ былъ совершенно безвреденъ. Цѣпь же ихъ открыла огонь чуть ли не за 2.500 шаговъ. Наша цѣпь, укрытая за неровностями и въ траншеяхъ, открывала огонь только—когда непріятельская цѣпь приближалась на дѣйствительный выстрѣлъ. Столь выдержанный огонь нашей пѣхоты охлаждалъ порывы Турокъ и заставилъ ихъ отойти на дальнюю дистанцію. На другихъ пунктахъ бой не возобновлялся, только изрѣдка Кизилъ-тапинскія баттареи перестрѣливались съ нашими.

Къ вечеру бой утихъ на всѣхъ пунктахъ, и Турки съ наступленіемъ темноты отошли на прежнія свои позиціи, а наши войска къ Караялу, кромѣ авангарда, который былъ оставленъ на Кабахъ-тапѣ, противъ Суботана и въ Паргетѣ.

Такъ кончился трехдневный бой, результатомъ коего было то что господство

надъ равниной между Ягнами и Караяломъ перешло къ намъ, и силы арміи Мухтара были сильно поколеблены.

Разсказываютъ, что въ первый день битвы, когда Мухтаръ-паша увидѣлъ на Аладжинскихъ высотахъ отрядъ предпріимчиваго Шелковникова, то совершенно растерялся и съ тѣхъ поръ пересталъ вѣрить въ недоступность своихъ позицій. Страхъ его отразился и на его войскѣ, что обнаружилось большимъ числомъ дезертировъ.

Правымъ крыломъ командовалъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, лѣвымъ генералъ Лазаревъ, руководилъ боемъ Великій Князь. Бой, продолжавшійся въ теченіе трехъ сутокъ, безсонница,—такъ какъ войска двѣ ночи были постоянно въ работѣ,— и почти полное безводье все это время сильно истомили войска.

Наши дѣйствія на Кавказѣ противъ Мухтара-паши.

(Отъ 27 сентября 1877 г.)

Трехдневный бой, съ 20 по 23 сентября, для насъ имѣлъ важныя послѣдствія. Мухтаръ-паша нашелъ невозможнымъ долѣе оставаться на равнинѣ у Суботана и Кюль-Верана и занимать Кизилъ-тапу, тѣмъ болѣе что противъ Суботана устраивалась нами дальнобойная баттарея.

Въ ночь на 27 сентября онъ сталъ отступать на прежнія свои укрѣпленныя Аладжинскія позиціи, которыя Турки занимали до 13 августа, то-есть до взятія Кизилъ-тапы. Эта, правда, столь пріятная для насъ новость сдѣлалась извѣстною въ главной квартирѣ только утромъ 27 сентября; мы могли получить это свѣдѣніе еще ночью, отъ лазутчика, но къ сожалѣнію, онъ былъ задержанъ нашими казаками на аванпостахъ до утра. Отступленіе арміи Мухтара насъ окончательно убѣдило, что трехдневный нашъ бой не пропалъ даромъ; его результатомъ было то, что нравственно армія Мухтара была уже разбита. Теперь всѣ сознавали, отъ солдата до генерала, что надо дѣйствовать энергично, не давать противнику опомниться и дѣйствовать ему въ тылъ на пути отступленія.

Къ общей радости, въ такомъ духѣ была составлена диспозиція для дальнѣйшихъ дѣйствій. Вотъ она въ краткомъ очеркѣ:

1) Байрахтарскому отряду генералъ-лейтенанта Лазарева (въ составѣ $23^1/_2$ баталіоновъ, 10 баттарей, 4 эскадроновъ и 24 сотенъ), ставилось задачей выступить въ часъ пополудни и двигаться чрезъ Дигоръ въ обходъ праваго непріятельскаго фланга и дѣйствовать на его сообщеніяхъ по направленію къ деревнѣ Ардосту.

2) Генералу Кузминскому, съ двумя полками пѣхоты и тремя баттареями, приказано занять Кизилъ-тапу и укрѣпить ее со стороны непріятеля. На этой высотѣ, на другой день, были поставлены два дальнобойныя орудія, обстрѣливавщія турецкое укрѣпленіе Инахъ-Тепе, на разстояніи 7 верстъ.

3) 1-й гренадерской дивизіи съ ея артиллеріей, двумя полками кавалеріи и двумя конными баттареями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Роопа, приказано расположиться лагеремъ у Кюль Верана и позади этой деревни.

4) Отряду генерала Геймана сначала было приказано оставаться на занимаемыхъ имъ позиціяхъ впереди Караяла, но вскорѣ это распоряженіе было отмѣнено, и ему приказано съ Кавказскою гренадерскою дивизіей занять Суботанъ и Хаджи-вали.

Это было 27-го, отъ часу до $3^1/_2$ дня. Въ 4 часа, генералъ Гейманъ двинулся дальше на Аладжу, но не могъ держаться подъ страшнымъ огнемъ и отступилъ къ Суботану. Къ 5 часамъ прибыли всѣ войска съ Караяла. Оказалось что Мухтаръ очистилъ, кромѣ Кизилъ-Тапы, и обѣ Ягны. Подобную вещь объясняютъ тѣмъ, что у него не хватило войска занять такую растянутую позицію (отъ 15 до 18 верстъ), а вѣрнѣе тѣмъ, что Кизилъ-Тапа выдавалась изъ его позиціи клиномъ, и съ подвозомъ нашихъ осадныхъ орудій не могла устоять. Теперь силы Мухтара были сосредоточены на двухъ пунктахъ: на Аладжѣ и Авліярѣ (лѣвѣе и позади Большой Ягны). У насъ рѣшено было обойти Мухтара и генералъ Гейманъ быстро повелъ кавказскихъ гренадеръ въ дѣло. Эриванскій и Грузинскій полки, соревнуя другъ другу, устремились на передовые непріятельскіе окопы, выбили оттуда Турокъ и завладѣли теченіемъ рѣчки Маврякъ-чай. На правомъ возвышенномъ берегу этой рѣчки находились турецкіе ложементы. Эриванцы, не взирая на сильный артиллерійскій и ружейный огонь, не останавливаясь ни на минуту, бросились на противоположный берегъ и выбили оттуда непріятеля. Этому успѣху много способствовала наша артиллерія мѣткимъ огнемъ шрапнелевыхъ гранатъ. Въ ту же ночь занятыя позиціи были укрѣплены баттареями съ рядомъ траншей и ровиковъ для стрѣлковъ. Словомъ, наши войска упрочились около Суботана и Хаджи-вали, куда и перевезены тяжести и палатки. Такимъ образомъ, мѣсто расположенія прежняго турецкаго лагеря сдѣлалось нашимъ.

Офицеры разказываютъ, что Турки въ этотъ день не качествомъ стрѣльбы, а количествомъ выпущенныхъ патроновъ хотѣли остановить наступленіе гренадеръ. Стрѣльба ихъ была до того часта, что ее можно было уподобить безпрерывной дроби нѣсколькихъ сотенъ барабановъ. Но такъ какъ Турки стрѣляли изъ-за брустверовъ, почти не цѣлясь, и давали ружью большой уголъ возвышенія, то пули ихъ летѣли неимовѣрно далеко, такъ, что во второй линіи было гораздо опаснѣе, нежели въ ближайшихъ ея поддержкахъ. Нѣкоторыя пули долетали до перевязочнаго пункта. Одна изъ такихъ шальныхъ пуль ранила въ спину на вылетъ священника Эриванскаго полка Доримедонта Поповицкаго въ то время, когда онъ перевязывалъ рану и успокоивалъ раненаго.

Вообще, надо правду сказать, Турки не жалѣютъ англійскаго добра, (то-есть патроновъ): во всякой перестрѣлкѣ они открываютъ стрѣльбу чуть ли не задвѣ версты, авось долетитъ. Каждый турецкій солдатъ обвѣшанъ патронами; сверхъ того, въ траншеяхъ стоятъ патронные ящики съ патронами разныхъ системъ. «Знай де Турка стрѣляй, а мы де (Англичане) патроновъ приготовимъ», говорятъ наши солдатики.

Турецкій плѣнный офицеръ разсказывалъ, что въ дѣлѣ подъ Суботаномъ они понесли уронъ болѣе 500 человѣкъ, въ томъ числѣ половину убитыми. Наши потери сравнительно не велики: ранено: штабсъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ

7, священникъ 1 и нижнихъ чиновъ 132; контужено: оберъ-офицеровъ 2. Съ 27 по 30 сентября включительно наши баттареи перестрѣливались съ непріятельскими. Противъ редута Авліаръ строилась нами дальнобойная баттарея на 3 орудія. Укрѣпленіе на Большой Ягны 28 и 29 чиселъ было занято только незначительною частію нашей кавалеріи, но такъ какъ этотъ пунктъ получалъ стратегическое значеніе для насъ и для Турокъ, по случаю обходнаго движенія генерала Лазарева, то корпусный командиръ приказалъ во что бы то ни стало занять Большую Ягны пѣхотой и выстроить у подошвы ея къ сторонѣ Визинкева редутъ на баталіонъ пѣхоты и 8 орудій.

Къ 1 октября редутъ ночью былъ построенъ и занятъ, а также заняты Большая Ягны баталіономъ Тифлисскаго полка.

Съ своей стороны Мухтаръ-паша, сознавая важность Большой Ягны какъ упорнаго пункта, въ случаѣ его отступленія къ Карсу, приказалъ Гассанъ-бею съ шестью таборами, на разсвѣтѣ 1 октября, атаковать и во что бы то ни стало овладѣть Большою Ягны.

Баталіоны Гассанъ-бея стройно наступали: три табора редифа, только что прибывшіе изъ Эрзерума, шли впереди, а три табора низама, испытанные въ бояхъ, составляли резервъ. Гассанъ-бей велъ свою колонну скрытно, по лощинѣ, однакожъ наши зоркіе сторожевые пикеты замѣтили движенія непріятеля и, пользуясь полумракомъ разсвѣта, незамѣченными пробрались на вершину Ягны и дали тамъ знать о наступленіи противника.

Баталіонъ Тифлисцевъ, засѣвъ въ траншеи, притаился. Турокъ наше молчаніе ободрило: они предположили что Большая Ягна нами брошена, а потому густою цѣпью пододвинулись къ траншеямъ съ южной стороны. Тогда съ разстоянія не болѣе 150 шаговъ Тифлисцы открыли частую, почти на выборъ, стрѣльбу и, сваливъ передніе ряды, грянули *ура!* Первая линія Гассанъ-бея, объятая страхомъ, опрометью кинулась назадъ, по направленію къ Малой Ягны, резервъ сталъ медленно отходить, но при этомъ колонна Гассанъ-бея наткнулась совершенно неожиданно на нашъ редутъ, съ котораго Мингрельскій баталіонъ съ ближней дистанціи открылъ по ней страшный огонь во флангъ. Сверхъ того подошла на выстрѣлы рекогносцирующая колонна генерала фонъ-Шака и тоже приняла участіе въ битвѣ. Такимъ образомъ Турки попали подъ перекрестный огонь съ трехъ сторонъ. Все это настолько ошеломило Османовъ, что они во всю мочь бросились бѣжать, бросая ружья, аммуницію, вещи: 30 патронныхъ ящиковъ, мулы и лошади со вьюками были нашими трофеями. Въ подкрѣпленіе къ бѣгущимъ стали спускаться съ Малой Ягны два баталіона, сверхъ того ихъ артиллерія усилила огонь съ Авліара, Визинкева и Малой Ягны, такъ что генералъ фонъ-Шакъ, опасаясь чтобъ увлеченіе нашихъ гренадеръ не подвело ихъ подъ траншейный огонь съ Малой Ягны, приказалъ остановить преслѣдованіе.

Итакъ, попытка Турокъ занять Большую Ягны обошлась имъ дорого: болѣе 400 тѣлъ осталось на полѣ битвы. Наши солдаты до того были озлоблены, что

раненыхъ оказалось мало; въ числѣ ихъ взяты нами въ плѣнъ три раненые офицера.

Въ обходъ отправился генералъ Лазаревъ съ 26 баталіонами. Къ ночи, 2 октября, были получены благопріятныя отъ него извѣстія, а 3 числа, съ 9 часа утра, пошли на Авліяръ и Аладжу. Противъ Авліяра отрядъ генерала Геймана, на лѣвомъ крылѣ отрядъ генерала Роопа. Противъ Авліяра, отъ аула Хаджи-Вали, дѣйствовали наши осадныя орудія. Артиллерійскій огонь продолжался около трехъ часовъ. Наша артиллерія дѣлала чудеса: выстрѣлы до невозможнаго мѣтки; гранаты рвались въ самыхъ траншеяхъ Турокъ. Турки отвѣчали страшнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Не было на секунду остановки съ ихъ стороны. Выстрѣловъ отдѣльныхъ было не слышно: былъ непрерывный гулъ, и надъ Авліяромъ стояло непроницаемое облако дыма. Однако потери Турокъ были громадны: нашъ огонь былъ такъ мѣтокъ, что въ 20 минутъ перваго часа Турки разомъ вдругъ прекратили пальбу и отступили. Дымъ разсѣялся, и Авліяръ уже былъ покрытъ нашими, а на вершинѣ его нашъ флагъ. Въ исторіи артиллеріи замѣчателенъ этотъ рѣдкій случай, чтобы позиція была очищена безъ штурма однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Наши потери были значительны (особенно Эриванскій и Грузинскій полки), но за то потери Турокъ страшно велики.

На лѣвомъ флангѣ генералъ Роопъ направилъ генерала Кузьминскаго въ обхватъ праваго фланга турецкой позиціи на Аладжѣ. Вскорѣ былъ направленъ генералъ Денъ въ обхватъ лѣваго фланга той же позиціи. Турки встрѣтили насъ страшнымъ огнемъ; мы хотя и оставили половину артиллеріи у подошвы горы однако медленно и твердо поднимались вверхъ на трехверстную гору Аладжу. Подъ градомъ пуль, съ генералами Кузьминскимъ и Деномъ впереди (генералъ Денъ былъ въ цѣпи стрѣлковъ), мы вошли на Аладжу, и Турки должны были отступить. Въ 4 часа Аладжа была наша. Такимъ образомъ Турки къ вечеру 3 октября были окончательно сбиты съ позицій и отступили на гору (безъ названія), версты за 3—4. Дальше они отступить не могли: ихъ ждалъ Лазаревъ. Генералъ Роопъ, занявъ Аладжу, въ 7 ч. вечера получилъ приказаніе наступать дальше, чтобъ уничтожить Турокъ окончательно. Съ ранняго утра на ногахъ, три часа подъ пулями, не пивши, ни ѣвши, измученные крутымъ подъемомъ на Аладжу, мы однако пошли бодро впередъ. Тьма кругомъ страшная, не знаемъ что впереди, что сбоку, ожидая наткнуться на Турокъ подвигались мы впередъ. Идемъ чуть не ощупью. Вдругъ является ординарецъ князя Чавчавадзе къ генералу Роопу и сообщаетъ что Турки сдались, что паши явились въ нашъ лагерь. Мгновенно вѣсть эта облетѣла отрядъ, и мы направились къ бивакy Чавчавадзе. Оказывается что отбитые и разбитые Турки отступили на гору, Мухтаръ тайно уѣхалъ, оставивъ своихъ на произволъ судьбы, половина арміи разбѣжалась. Паши оказались въ невозможности держаться, въ полной невозможности отступить, ибо Русскіе со всѣхъ сторонъ окружили ихъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ. Въ этомъ тяжеломъ положеніи Омеръ-паша и Гассанъ-паша, рѣшивъ сдаться, одни безъ конвоя пріѣхали къ Чавчавадзе и предложили сдать-

ся, о чемъ и донесли генералу Роопу, какъ отрядному начальнику. Мы прибыли на бивакъ и застали пашей тамъ. Омеръ выдавался между всѣми какъ громаднымъ ростомъ и феской, такъ особенно тѣмъ что онъ образованъ по-европейски. Вскорѣ прибылъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, и написанъ былъ при свѣтѣ плохаго огарка, въ простой телѣгѣ, актъ о сдачѣ. Условія такія: Турки слагаютъ оружіе и считаются военноплѣнными, офицерамъ оставляются сабли, собственныя лошади и офицерское имущество, прислуга не считается военноплѣнною. Въ остальномъ они полагаются на милость Государя. Актъ былъ совершенъ около 11 ч. ночи. Паши ночевали съ нами на камняхъ.

Къ горѣ гдѣ были Турки были отправлены наши войска, которыя и стали у подошвы. Со свѣтомъ 4 октября Турки сложили оружіе на вершинѣ горы и уже безоружные стали спускаться. На горѣ къ оружію и имуществу былъ приставленъ караулъ, а по спуску горы, гдѣ должны были идти Турки, шпалерами поставленъ 1-й баталіонъ Екатеринославскаго полка. Это была чудная и радостная картина. По бокамъ живая изгородь—наши солдаты, а между ними, на протяженіи почти версты по спуску горы, тянутся и пестрѣютъ Турки. Внизу горы по долинѣ, правильными линіями, грозно и безмолвно стоятъ наши войска. Это было торжественное что-то и величавое; чудились здѣсь и мощь наша, и правота наша. Долго спускались Турки, около двухъ часовъ. У подошвы горы они сгруппировались въ четвероугольники и были окружены Перновцами и Екатеринославцами. Когда уже спустились всѣ, объѣхалъ войска генералъ Роопъ и поздравилъ ихъ съ полною побѣдой. Весело и мощно разнеслись по долинѣ громовые отвѣты солдатъ. Издали раздались звуки гимна: «Боже, Царя храни»: это кавалерія присоединялась къ намъ.

Черезъ часъ съ плѣнными Турками, всѣми силами лѣваго крыла, мы тронулись къ Визинкеву, гдѣ былъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій. Не доходя Визинкева, войска были остановлены и выстроены. Туркамъ приказано тоже устроиться. На правомъ флангѣ были Екатеринославцы, на лѣвой сторонѣ Турокъ—казаки. Вскорѣ прибылъ Его Высочество, весело поздоровался и поблагодарилъ за службу Царю. Громкое, неумолкаемое *ура* разнеслось и долго не могли остановить солдатъ. Великій Князь объѣхалъ Турокъ, вызвалъ и собралъ кругомъ офицеровъ, приказалъ переписать какихъ они полковъ и чѣмъ командуютъ. На вопросъ почему они сдались, Турки отвѣчали что они исполняли свой долгъ до послѣдней возможности, но что невозможно было держаться, и они сдались во избѣжаніе излишняго кровопролитія. Великій Князь милостиво обнадежилъ ихъ что они не будутъ терпѣть обидъ и притѣсненій. Я не понимаю турецкаго языка, но, по выраженію лицъ судя, Турки остались довольны и успокоились совершенно; равно я видѣлъ что поклоны ихъ выражали искреннюю благодарность. Вскорѣ Великій Князь объѣхалъ всѣ войска, сопровождаемый дружнымъ и громкимъ *ура*, и отбылъ въ Главную Квартиру близь Визинкева. Турокъ же, послѣ двухчасоваго отдыха, отправили дальше въ Кюрюкъ-Дара, подъ конвоемъ Екатеринославцевъ и Несвижцевъ.

«Вотъ общій очеркъ послѣднихъ событій. Я не сообщаю отдѣльныхъ эпизо-

довъ, блестящихъ кавалерійскихъ атакъ и пр.; это значило бы исписать цѣлый томъ. Весь день 3 октября былъ рядъ блестящихъ подвиговъ. Напримѣръ, на правомъ флангѣ кавалерійскія атаки были такія, какихъ въ исторіи едва ли найти. Турки бѣжали тамъ буквально, какъ стадо барановъ. Въ нѣкоторыхъ эскадронахъ командиры указывали мнѣ такихъ, которые зарубили отъ 30—40 Турокъ шашкой. Нижегородцы гнали Турокъ до Карса и захватили 4 орудія.

«Считаютъ потерю Турокъ въ общемъ до 30 тыс., и меньше не можетъ быть. Орудій забрано отъ 32 до 37. Осадныя успѣли увезти.

На роздыхѣ туркамъ дозволено писать своимъ, и они заготовили массу писемъ, которыя были собраны особымъ чиновникомъ и отправлены черезъ Главную Квартиру.

Нападеніе Грузинъ и твердость духа княгини Челокаевой.

— Въ газету *Кавказъ* писали изъ Лагодехъ, что 5-го сентября утромъ лезгины-горцы внезапно, въ числѣ около 100 человѣкъ, напали на Михайловку со стороны Кахетіи, съ цѣлью грабежа. Всѣ дома до дома поселенца Каплина (пострадавшихъ домовъ меньше половины) были ими ограблены; чего нельзя было взять собою, то было перебито; образа порублены. За этимъ домомъ 7 человѣкъ Михайловцевъ встрѣтили лезгинъ выстрѣлами и съ криками: «Подавай сюда скорѣе роту» (которой вовсе не было) продолжали стрѣлять. Лезгины сейчасъ повернули назадъ и за буграми Грель-Техиль скрылись. Какъ видно, Михайловцы ничего не знали впередъ о нападеніи; большая часть изъ нихъ была въ отсутствіи, кто на своей полянѣ, кто въ лѣсу, а другіе въ Лагодехахъ. Когда въ деревнѣ кричали: «лезгины рѣжутъ,» никто не хотѣлъ этому вѣрить и многіе продолжали работу, пока, наконецъ, не убѣдились въ истинѣ. Лезгины потеряли убитыми пять человѣкъ и три лошади. Изъ Михайловцевъ убитъ деревенскій судья Аникинъ и михайловскій пастухъ изъ грузинъ, и угнано много скота. Все нападеніе длилось не болѣе часа. Между лезгинами было нѣсколько человѣкъ въ красныхъ фескахъ и много въ бѣлыхъ чалмахъ. Михайловцы говорятъ, что не всѣ лезгины принимали участіе въ нападеніи. Большая ихъ часть оставалась на Грель-Техильскомъ бугрѣ. «Къ нашему счастію,—говорилъ корреспондентъ,—у насъ гоститъ княгиня Елена Ивановна Челокаева, вдова убитаго генерала. Она своею замѣчательною энергіей воодушевляетъ оробѣвшихъ. Общество за это ей очень признательно. 10 вооруженныхъ грузинъ, запыхавшись, бѣгутъ и говорятъ княгинѣ, что ея лѣсъ и дачу лезгины зажгли. Княгиня имъ въ отвѣтъ: «Мнѣ не жаль ни лѣса, ни дачи, а сожалѣю, что будучи грузинкой, вижу вооруженныхъ грузинъ, не встрѣтившихъ врага какъ подобаетъ мужчинѣ, а бѣгущихъ отъ него.» Такая рѣчь, произнесенная твердымъ голосомъ изъ устъ женщины, въ минуту предстоящихъ тревогъ, имѣла весьма хорошее вліяніе на народъ, окружавшій въ то время княгиню.»

Разсказъ раненаго 30-го августа подъ Плевною.

Вотъ разсказъ унтеръ-офицера о томъ, какъ его ранили:

«Построились мы, ваше благородіе, въ ротныя колонны; были мы, значитъ, на лѣвомъ флангѣ. Разсыпавшись, затѣмъ, въ цѣпь, бѣгомъ бросились впередъ. Бѣжимъ мы, а онъ-то въ насъ сыплетъ пулями, словно макомъ. Какъ добѣжали къ ему поближе, а онъ на утекъ: въ штыки не подпущаетъ. Засѣлъ онъ въ ложементы; пуще прежняго сталъ въ насъ палить. Три раза брали редуты, ночевали въ нихъ, а отдать-то назадъ, все-таки, пришлось: сила! Начали мы снова на нихъ наступать; вдругъ около самаго праваго уха какъ свиснетъ что-то, такъ меня съ ногъ сразу и сшибло. Очнулся я скоро. Вижу—цѣлъ. Началъ догонять своихъ. А тутъ мнѣ осколкомъ гранаты изъ ноги кусокъ мяса вырвало. Свалился я, но съ горячки боли еще не почуствовалъ. Кое-такъ всталъ и вижу невдалекѣ отъ меня лежитъ нашъ же солдатъ съ перебитою рукою. Я ему говорю: Антиповъ, вставь; дотащимся до перевязочнаго. А пули такъ и жужжатъ. Не успѣлъ я слова вымолвить, какъ пуля свиснула меня въ другую ногу. Долго-ли лежалъ не помню, но, очнувшись, вижу—бредутъ наши обратно: кто ползкомъ, кто опирась на ружье, кого санитары на носилкахъ тащатъ. Подняли и меня. Взялъ я ружье, оперся на санитара да и поплелся на перевязочный. Иду, а самъ Господу Богу молюсь. Наконецъ, дотащились.»

«О генералѣ Скобелевѣ всѣ солдаты и офицеры отзывались съ восторгомъ. По ихъ словамъ, подъ нимъ убиты были пять лошадей, но его хранилъ Всевышній. «Орломъ вылеталъ онъ впередъ,» повсюду сопровождаемый свитою, везшей развѣвавшійся по вѣтру значекъ.»

Болгаринъ Иванча.

(Какъ представитель Болгарской націи, ихъ характера и проч.)

— Корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* писалъ изъ подъ Плевны отъ 2-го сентября:

«Пока снаряжали экипажъ или, вѣрнѣе, телѣгу, въ которой я намѣревался ѣхать, ко мнѣ подсѣлъ хозяинъ дома, гдѣ я жилъ, или, лучше сказать, ночевалъ въ Порадимѣ, болгаринъ Иванча, о которомъ я уже писалъ въ моихъ прежнихъ письмахъ. Онъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности о притѣсненіяхъ и звѣрствахъ, совершаемыхъ надъ болгарами турками. Думаю, что сообщить эти разсказы никогда не лишнее. Поборы, производимые турками, были громадны: они брали половину стоимости или даже три четверти, рѣшительно со всего, чѣмъ могъ пользоваться болгаринъ; уже не говоря о томъ, что они платили за сборъ кукурузы, пшеницы, винограда, но если на дворѣ, или около росла груша или орѣшникъ, то и за это болгаринъ долженъ былъ уплачивать

значительныя деньги, иногда даже превышающія самый доходъ съ того или другаго поля или дерева. Вымогательство денегъ было очень частое; при этомъ истязаніе было самою обыденною вещью: запрутъ болгаръ въ сарай и бьютъ палками до полусмерти, или иногда въ сараѣ, биткомъ набитомъ болгарами, тщательно затыкали всѣ щели и жгли на угольяхъ огромное количество перца, который ѣлъ глаза, щекоталъ въ носу, захватывалъ дыханіе. Многіе умирали въ этой атмосферѣ. Гоненіе на христіанское богослуженіе сказывалось тѣмъ, что хотя въ Порадимѣ и есть церковъ, и богослуженіе допускалось каждое воскресенье, но въ церковь могли ходить только старики; молодымъ же это было строго воспрещено, и виновные подвергались тюремному заключенію. Тотчасъ по переходѣ русскихъ черезъ Дунай, всѣ турецкія власти, начиная съ высшихъ и кончая низшими, покинули деревни и ушли въ города.

«Объ отношеніяхъ болгаръ къ русскимъ я пока могу сдѣлать, изъ тѣхъ немногихъ фактовъ, которые мнѣ пришлось наблюдать, слѣдующее замѣчаніе: болгаринъ, при встрѣчѣ съ русскими, снимаетъ шапку и кланяется, но тѣмъ не менѣе не держитъ себя подобострастно. Въ немъ нѣтъ и слѣда холопства, униженности; напротивъ, онъ говоритъ съ вами, какъ съ равнымъ, и если вы съ нимъ сегодня поговорили, то завтра, при встрѣчѣ, онъ протянетъ вамъ руку. Попробуйте предложить ему какую нибудь мелкую, лакейскую работу, напримѣръ, вычистить сапоги,—хотя онъ будетъ знать, что получитъ за это плату, но, тѣмъ не менѣе, только покачаетъ головою и отойдетъ прочь. Болгаринъ всегда насторожѣ и не дается въ обманъ; онъ старается избавиться отъ дароваго постоя, отказывается зарѣзать курицу или дать молока, боясь, что не получитъ за это платы; при случаѣ, онъ торгуется и запрашиваетъ дорого, чтобы не упустить лишнюю копѣйку; напримѣръ, мой знакомецъ Иванча сильно торговался, когда къ нему пришелъ маркитантъ главнокомандующаго покупать дрова. Но если болгаринъ видитъ, что вы съ нимъ обходитесь хорошо и расплачиваетесь добросовѣстно, онъ старается угодить чѣмъ можетъ, дѣлается даже предупредительнымъ. Старуха, мать Иванчи, со втораго же дня моего у нихъ пребыванія, окружала меня разными заботами: стараясь повкуснѣе приготовить супъ, искала у сосѣдей собственно для меня соли, которой въ домѣ не было, а покупали ее всегда въ Плевнѣ; на ночь приносила свою подушку, одѣяло; извинялась, если не испечетъ для меня вечерній хлѣбъ и подаетъ мнѣ утренній. Тотъ же Иванча, который торговался за дрова, увидѣвъ разъ, какъ я расплачивался съ его матерью за съѣденныхъ курицъ, яйца и хлѣбъ, замѣтилъ мнѣ, что я много даю старухѣ; старуха тотчасъ протянула деньги обратно, и когда я оставилъ ихъ у нея, то назвала «добрая душа» и сказала, что купитъ себѣ на зиму башмаки, какъ только что возьмутъ Плевну. Внѣшній видъ болгарина очень симпатичный: мужскія лица большею частью красивыя, выразительныя, осмысленныя, мужественныя; женщинъ красивыхъ видѣлъ очень мало, всѣ онѣ очень старообразны. Внутренность жилищъ довольно убогая, но всегда чистая, такъ же какъ и одежда. Оговариваюсь, что сдѣлалъ этотъ выводъ о болгарахъ лишь послѣ весьма краткаго наблюденія, оставляя за собою право дополнить и

измѣнить его при болѣе близкомъ знакомствѣ съ жизнью и характеромъ нашихъ задунайскихъ юныхъ братьевъ».

Говоръ и сужденія раненыхъ.

— Въ *Голосъ* писали изъ Яссъ отъ 15-го сентября:

«Передвиженіе войскъ окончилось. Теперь изъ Россіи идутъ только кое-какіе остатки, въ родѣ артиллерійскихъ парковъ и пр. Понемногу начинаютъ возвращаться и выздоровѣвшіе раненые, какъ офицеры, такъ и нижніе чины. Прошедшій было у насъ слухъ, будто раненымъ, по ихъ выздоровленіи, не будетъ разрѣшено идти снова противъ непріятеля, чрезвычайно огорчилъ ихъ всѣхъ. Надо было видѣть, какъ кипятились нѣкоторые изъ раненыхъ, услыхавъ объ этой новости.

— «Пусть только попробуютъ меня не пустить обратно, говорилъ одинъ изъ вольноопредѣляющихся, весьма сильно контуженный въ обѣ ноги и лежавшій безъ движенія въ ясскомъ эвакуаціонномъ баракѣ,—такъ я кому угодно просьбу подамъ». Но бѣднягѣ, по словамъ врачей, еще долго не предстоитъ возможности снова ринуться въ бой...

«Не весело дѣлается на душѣ при обходѣ нашего эвакуаціоннаго барака. Повсюду на васъ устремлены стоическія лица «больныхъ» и раненыхъ солдатъ. Тамъ и сямъ слышны разговоры, нерѣдко прерываемые довольно громкимъ и мѣрнымъ чтеніемъ какого-нибудь солдата, раненаго «полегче».

«Въ одномъ углу идетъ разговоръ. «Онъ меня, видишь, вдарилъ штыкомъ въ руку, а я ему говорю: ну, братъ, турка, берегись! да и прямо его пырнулъ штыкомъ въ нутро.—Ну, а онъ что? освѣдомляются у разскащика слушающіе.— «Да онъ ничего; закричалъ: Аллахъ, да и померъ».

«Въ другомъ мѣстѣ группа солдатъ, кое какъ размѣстившись на постели, толкуетъ о преимуществѣ турецкихъ ружей передъ нашими.—«У него, говоритъ одинъ, обращаясь къ близь стоявшему около него человѣку въ «вольной одеждѣ» знай открылъ скобочку, да и шабашъ. У насъ ты, говоритъ, сначала отверти эвтую самую скобочку, да вложи патрону, да подыми курокъ, да опусти его. А, вѣдь, на все надо время. Ну пока ты изготовишься, онъ тебя въ лоскъ и уложитъ. Особливо на дальнемъ разстояніи, страсть какъ жаритъ. Ты въ него разъ, а онъ въ тебя десять. Но какъ Богъ тебя помогъ подойти поближе, такъ турка пропалъ. Стрѣлять хоть онъ и стрѣляетъ, да все болѣе вверхъ. Понялъ?»

«У одной изъ кроватей стоитъ солдатъ вытянувшись по всѣмъ правиламъ военнаго искусства.—«Отчего ты, братецъ, не ляжешь?» спрашиваю его. Молчитъ. Я повторяю вопросъ. Снова молчаніе. «Что это съ нимъ? спрашиваю я у проходящей сестры милосердія.—«Да онъ «тронутъ». Вотъ уже второй день,

какъ онъ ни съ кѣмъ не говоритъ и ни за что не хочетъ лечь, а между тѣмъ, это ему необходимо». Въ это время къ намъ подошло нѣсколько студентовъ петербургской медико-хирургической академіи, одѣтыхъ въ военное платье

«Новые вопросы съ ихъ стороны также не привели ни къ какому результату; солдатъ продолжалъ стоять попрежнему, храня упорно молчаніе. Только мутные, большіе его глаза были въ постоянномъ движеніи. Наконецъ, одному изъ студентовъ пришла на умъ счастливая мысль. Онъ принялъ весьма строгій видъ и грознымъ голосомъ сказалъ: «Ты солдатъ?»—«Такъ точно, ваше благородіе» послѣдовалъ внезапный отвѣтъ и глаза больнаго приняли какое то робкое выраженіе.—«Дисциплину знаешь?»—«Знаю, ваше благородіе».—«Такъ я тебѣ приказываю сію минуту лечь въ постель и не вставать безъ моего разрѣшенія.» Солдатъ безропотно повиновался.

«По счастью «такихъ» жертвъ войны, или, вѣрнѣе сказать, ея ужасовъ, немного. Мнѣ пришлось видѣть въ этомъ же баракѣ сошедшихъ съ ума не болѣе пяти человѣкъ, между которыми были три офицера.

«Дѣла въ эвакуаціонномъ баракѣ пропасть. Врачи, студенты и сестры милосердія просто съ ногъ сбились. Да какъ тутъ не изнемочь отъ усталости, когда въ баракѣ, предназначенномъ для 360-ти человѣкъ, лежатъ болѣе 1,800 больныхъ и раненыхъ!

«Необходимость немедленнаго вывоза такой массы раненыхъ, поневолѣ заставляло Ясскую эвакуціонную коммиссію стараться о сдачѣ какъ можно большаго числа людей. Поэтому, она гораздо охотнѣе отправляла больныхъ и раненыхъ въ такъ называемыхъ «приспособленныхъ» санитарныхъ поѣздахъ, поднимающихъ сразу отъ 400 до 700 и болѣе человѣкъ, чѣмъ въ спеціальныхъ санитарныхъ поѣздахъ, перевозившихъ, да и то въ крайнемъ случаѣ, только до 250-ти больныхъ и раненыхъ.

Путь отъ Горнаго Студня до Плевны *).

«Тутъ версты особаго сорта. Считается ихъ около 40 — а ѣдешь, ѣдешь и конца нѣтъ. Останавливаешься напримѣръ и разспрашиваешь встрѣчныхъ болгаръ сколько осталось до слѣдующаго села. Полъ-саатъ! (полчаса) успокаиваютъ васъ. На дѣлѣ это полъ-саатъ раздвигается въ два или три часа. Мѣста безлѣсныя, только сады еще около деревень нѣсколько разнообразятъ окрестности. Дали вездѣ открыты—всползешь на гребень и передъ тобою въ золотистой тѣни мерещатся вершины и сѣдловины верстъ на тридцать впереди. Разъ, дѣйствительно, мы пріостановились, такъ хороша была развернувшаяся подъ нами внизу картина. Чаушъ-Магала и другія села по берегу извилистой речен-

*) Корр. „Новаго Времени“ отъ 1 сентября 1877 г.

ки заполонили зеленую долину сплошь, направо точно какое-то чудовище легла сѣрая песчаная гора, отлого выгибая свой хребетъ и далеко разбросивъ громадныя лапы. Скоро впрочемъ было уже не до природы. Глаза отказывались замѣчать что бы то ни было. По откосамъ горъ, по гребнямъ ихъ, на желтой полосѣ дороги, подъ деревьями, у рѣки, по ущельямъ—куда ни ступалъ мой конь—вездѣ массы повозокъ съ ранеными. Я насчиталъ нѣсколько сотенъ и считать пересталъ. Мертвое молчаніе. Только скрипъ арбяныхъ колесъ, похлестываніе кнутовъ по воловьимъ хребтамъ, да крики погонщиковъ. Ни стона, ни жалобы. По трое въ рядъ лежатъ на соломѣ тяжело раненые. Нѣкоторые точно трупы закрыты съ головою и только голыя ступни торчатъ изъ подъ сѣрой шинели, по которой такъ и бьютъ вамъ въ глаза кровавыя пятна. Иной, не закрытый, повернетъ къ вамъ голову, посмотритъ на васъ, услышавъ стукъ копытъ вашей лошади, но по этому взгляду вы видите, что ему и стонать-то трудно. Засѣвшая гдѣ нибудь въ груди или животѣ пуля не даетъ ему минуты покоя, а тутъ еще арба переваливается со стороны въ сторону, такъ что раненые головами стукаются другъ о друга и часто перевязанными руками должны схватываться за край повозки, чтобъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Еще чаще изъ-подъ покрывала выглянетъ лицо, на которомъ вы и различить-то ничего не можете. Тамъ одна зіяющая рана. Все изсѣчено, облито кровью, уже почернѣвшей... Ни глазъ не видать, ни губъ отъ носа не отличить. Въ перемежку повозки съ слабо ранеными. Слово это не принимайте въ его буквальномъ значеніи. Слабо раненые-тѣ, у которыхъ поражены конечности, иногда раздроблены кости. Завтра у него вылущать ногу или руку, онъ калѣка на всю жизнь—тѣмъ не менѣе сегодня онъ слабо раненый и на повозкѣ ихъ больше чѣмъ первыхъ. Коли пуля въ кости засѣла около колѣна — лежитъ. Въ руку попала или въ ногу пониже на вылетъ прошла—ничего—сидитъ съ наскоро сдѣланной перевязкой. Иногда на одной повозкѣ треплются во всѣ стороны восемь—девять такихъ слабо раненыхъ. Есть тутъ и перевязанныя головы, иной разъ наткнетесь на раненаго, у котораго на груди зіяетъ страшная рана, а онъ тоже не легъ, тоже сидитъ, пока его не свалитъ медленно подступающая агонія смерти. Есть и скончавшіеся. Иной разъ двое живыхъ, а третій между ними уже холодѣетъ, глаза остеклѣли бросаетъ, его во всѣ стороны толчками телѣги—все равно до бивуака довезти надо... Больное, печальное выраженіе глазъ очень часто. Посмотритъ на васъ, съ трудомъ приподнимая отяжелѣвшее вѣко и точно молитъ о чемъ-то, точно проситъ у васъ состраданія. И ужъ не говоритъ ничего, а если захочетъ сказать—губы едва шевелятся, приложишь ухо къ губамъ—и то ничего не услышишь!.. По обѣимъ сторонамъ дороги, рядомъ съ повозками, между больничной прислугой и санитарами—идутъ тоже раненые. У одного рука на перевязи, у другаго вокругъ шеи обмотана грязная тряпица, а на ней кровавые подтеки и пятна, у третьяго голова перебита - ничего—ступаетъ себѣ шагъ за шагомъ. Вотъ вотъ сейчасъ упадетъ, кажется, уже и пріостанавливаться сталъ—нѣтъ, добредетъ до бивуака, хоть тамъ-то уже навѣрное сляжетъ. Остановите его, предложите ему лечь въ повозку... «Тамъ

трудные!» отвѣтитъ вамъ, и это не великодушіе, не желаніе уступить болѣе удобное мѣсто другому, нѣтъ. Тутъ просто желаніе самаго себя увѣрить, что я-де раненъ слабо, останусь живъ, что все-де это пустякъ-дѣло выходитъ. И изъ послѣднихъ силъ переступаетъ ногами въ полномъ убѣжденіи, что смерти не бывать,. «потому что онъ еще не слегъ». Бредутъ и раненые въ ноги. Тѣ уже съ трудомъ, но подвигаются. Разумѣется, это тѣ, которые поражены въ мягкія части рукъ и ногъ. Я видѣлъ даже санитарную прислугу, сидѣвшую въ арбахъ, а рядомъ шли раненые. «Какъ вамъ не стыдно, братцы занимать мѣста даромъ. Посадите ихъ!» — «Да не сядятся... Поспрошайте-ка»... И дѣйствительно, спросишь,— «не хотимъ, ваше благородіе... мы не раненые, это такъ только пулей сапогъ попортило»... А смотришь дня черезъ два у солдатика съ испорченнымъ сапогомъ - ноги какъ не бывало, хотя онъ на ней и дошелъ до госпиталя.—Отчего они не стонутъ... Развѣ имъ не больно?..—Отстонались уже—закостенѣло теперь, отвѣчаютъ вамъ.

«А тамъ позади, на желтомъ фонѣ яркаго заката, на самомъ гребнѣ рѣзко выдѣляются еще и еще черныя телѣги и черные кони, между ними конца нѣтъ черпымъ фигурамъ... И считать перестаешь, потому что, переваливъ на ту сторону въ зеленую долину съ садами и рѣченкой, гремящей въ сѣрыхъ скалахъ, —вся дорога заполонена тѣми же повозками до слѣдующаго гребня, на которомъ опять на золотомъ полотнѣ неба мерещатся медленно ползущія впередъ повозки. Въ тебѣ самомъ все замираетъ, точно падаетъ внутри. Не знаешь куда дѣваться изъ этого царства смерти. Стоять самому подъ пулями легче... Вотъ повозки съ турками—тоже страдаютъ молча. Но страданіе тутъ не примиряетъ людей. Съ тою же ненавистью смотрятъ они на васъ.

«Впереди каждаго транспорта—повозки съ ранеными офицерами. Эти выдерживаютъ свои страданія также терпѣливо. Они даже улыбаются вамъ. Спросите вы о чемъ-нибудь прислугу—самъ раненый приподнимается на локтѣ и даетъ вамъ разъясненіе. Останавливаете вы его. «Вамъ вредно говорить!..» — «Нѣтъ... все равно...» Какъ впереди своихъ солдатъ, подъ огнемъ эта честная, не берегущая себя молодежъ подавала примѣръ стойкости и отваги, такъ и теперь, впереди раненыхъ. она подаетъ имъ примѣръ терпѣнія въ страданіяхъ...

— Что, Иванъ Гавриловъ, и тебя попортило?.. спрашиваетъ онъ у нагнавшаго повозку солдатика, съ перевязанной рукой.

— Попортило, ваше благородіе...

— Ну ничего... Никто какъ Богъ. Скоро опять молодцами въ дѣло пойдемъ.

— Пойдемъ, ваше благородіе! И уже гораздо веселѣе и увѣреннѣе звучитъ голосъ солдата...

— Молодецъ у насъ этотъ поручикъ, все время въ цѣпи шелъ... Объясняетъ онъ, товарищу, прихрамывающему рядомъ...

«И что за дѣло вамъ въ такія минуты до природы. Пусть направо и налѣво развертываются одна за другой чудныя картины, пусть впереди дали одна краше другой,—вамъ не до нихъ. Точно чернымъ траурнымъ флеромъ покрылось все въ этотъ яркій и теплый солнечный вечеръ...

«Проѣхали Булгарени, налѣво, по скату горы уже въ сумеркахъ быстро подступающей почи мелькнула Радоница съ бѣлымъ минаретомъ своей мечети. Въ этомъ селеніи главная квартира Государя.

— Гдѣ главный штабъ?... спрашиваете вы по дорогѣ.

— Не знаю!.. слышится вамъ отовсюду.

— Гдѣ Великій Князь остановился?

— Должно быть въ Карагачѣ, либо въ Радоницѣ, а то можетъ и въ Порадимѣ.

— Да неужели же вы не знаете, гдѣ главная квартира? спрашиваете вы у встрѣченнаго офицера.

— Главнокомандующаго? не знаю.

— Ваше превосходительство! нагоняете вы какого-то генерала: гдѣ тутъ главная квартира?

— Не знаю... Не знаю... Самъ съ утра ищу—не знаю... Полагаю, что тамъ—впереди, впрочемъ не знаю, можетъ быть и позади...

«Кого ни нагоняешь, къ кому не обращаешься—главная квартира точно изъ-подъ рукъ уходитъ. Никто ее не знаетъ, такъ что въ тупикъ становишься, какъ туда доходятъ извѣстія и донесенія. Великій Князь, весь день на позиціяхъ, Государь—тоже. Одни васъ посылаютъ впередъ, другіе назадъ. Въ концѣ-концовъ вы теряете голову и рѣшаетесь остановиться въ первомъ попавшемся селѣ. Ѣхалъ бы дальше, да лошадь видимо изморилась, а у русскаго корреспондента большею частью она—одна. Потеряешь, какъ это случилось со мною потомъ на Гривицкомъ редутѣ, и ходи пѣшкомъ. Наконецъ, впереди мелькнули огоньки... Бѣлыя палатки вырисовались въ сумракѣ, послышалось фырканье лошадей въ коновязахъ, замерещились фигуры солдатъ и прямо въ глаза сверкнуло громадное огнище краснаго костра.

— Что это за село?

— Карагачъ.

— Здѣсь главная квартира?

— Нѣтъ.

— Гдѣ-же она?

— Не знаю... Да вы кто такой?..

— Корреспондентъ.

— Нашъ русскій?

— Да.

— Голубчикъ, идите-ка къ намъ въ палатку, все единственно въ селѣ окромѣ хлѣвовъ ничего не найдете.

«Въ палаткѣ темно; я не различаю, кто это говоритъ со мною, только, какъ вспыхиваетъ огонекъ на папиросѣ и краснымъ окрашиваетъ чей-то носъ...

— А вы кто?

— А мы будемъ офицеры.

Я смѣюсь, смѣются и они...

— Что же мнѣ къ вамъ? У васъ, поди, и повернуться негдѣ. Своихъ много.

— Будетъ мѣсто, идите, не церемоньтесь, слышится нѣсколько уже голосовъ изъ-за угловъ палатки...

— Въ теплѣ по крайности... Въ тѣснотѣ-то еще лучше люди живутъ.

Я слѣзаю съ лошади...

— Өедоръ!... Возьми ихъ коня, выводи его сначала, потомъ дай сѣна, напой, когда весь простынетъ, и на ночь поставь ему ячменя...

— Послушайте, мнѣ совѣстно.

— А вы не совѣститесь. Чего еще. Китайскую траву вотъ заваримъ... У меня настоящій Попова изъ Москвы. А потомъ возсоединимъ Китай съ Ямайкой и благо намъ будетъ и долголѣтни мы будемъ па земли... Садитесь. Эге, да у васъ леговькое пальтецо одно, мы васъ буркой снабдимъ...

— Кто вы такіе будете? впадаю я въ тонъ.

— А мы тамбовскіе... Отдыхаемъ послѣ дѣловъ 8-го и 30-го...

— У меня съ собой сыръ есть, икра, ветчина...

— Ну! въ голосахъ слышится радостное изумленіе.. Вотъ за добродѣтель-то Господь послалъ!.. А мы, батюшка, здѣсь все на кокошкахъ сидимъ.

— Это еще что за кокошки?

— Курицы, по-болгарски....

Опять послышался скрипъ возовъ... мы вышли изъ палатки. Луна ярко уже свѣтила въ долину Карагача. Костры давно потухли, а мимо все тянулись и тянулись новыя повозки съ ранеными. Точно конца не было этому торжественному шествію страданія и смерти!...»

Изъ госпитальныхъ наблюденій.

Фельдфебель Скиба *).—Пріятныя воспоминанія о Москвѣ и москвичахъ.—Забота о командирской лошади и прочее.

Въ домѣ Цытовцева я познакомился съ прекрасною личностью, съ фельдфебелемъ славнаго Тифлисскаго полка Скибою.

Про него мнѣ разсказывали вотъ что: Былъ онъ раненъ, не опасно, еще въ началѣ кампаніи. Полковой командиръ Ридигеръ, увидѣвъ что Скиба раненъ, самъ принялся за нимъ ухаживать на полѣ битвы, присутствовалъ при перевязкѣ, далъ ему коньяку, воды, велѣлъ при себѣ его перенести въ фургонъ, словомъ, выказалъ къ своему фельдфебелю самое сердечное участіе.

Скиба, все это вложилъ себѣ въ сердце. Какъ сталъ онъ оправлятся, ему было предложено отправиться на поправленіе на родину въ Малороссію.

Скиба сказалъ:—Нѣтъ, не пойду къ себѣ на родину, а въ полкъ вернусь.

— Да ты же не можешь ходить съ ружьемъ, говорятъ ему.

— Могу, иль не могу, это мы увидимъ, отвѣчаетъ Скиба,—а только одно, что вернусь къ своему командиру; онъ меня спасъ, когда меня ранили, онъ за мною

*) Путевой дневникъ кн. Шаховскаго. Александрополь 29 октября, Москов. Вѣд. № 303, 1877 г., суббота.

ухаживалъ, даромъ, что я простой солдатъ и я буду при немъ пока не убьютъ, или снова не ранятъ.

Когда Скиба вернулся въ полкъ, полковой командиръ, которому Скиба самымъ простымъ образомъ объяснилъ причину своего возвращенія, горячо его обнялъ и поблагодарилъ. Вернулся онъ съ Георгіемъ. Черезъ нѣсколько дней командиръ разсказалъ краткую исторію Скибы Великому Князю. Великій Князь призвалъ Скибу, обласкалъ его, и собственноручно надѣлъ на него второй крестъ. Скиба былъ счастливъ. Но увы, не долго. Въ слѣдующемъ же дѣлѣ пуля пробиваетъ ему правую ногу, съ раздробленіемъ кости. И вотъ бѣдный Скиба лежитъ въ госпиталѣ. А мѣсяцъ спустя ранили бѣднаго командира его. Скиба заплакалъ, когда узналъ о ранѣ командира, перекрестился и сказалъ: «кабы полегче была рана!» Скиба лежитъ окруженный Тифлисцами своей роты. Онъ имъ читаетъ Евангеліе и Псалтирь, они за нимъ ухаживаютъ, какъ дѣти за отцомъ, и вся палата любитъ и уважаетъ бѣднаго Скибу. Я предложилъ ему Житія Святыхъ, онъ крѣпко обрадовался моему предложенію, и завтра я ему принесу книжечки. Такими-то почтенными личностями полкъ доходитъ до той высоты, на которой стоитъ Тифлисскій полкъ. Про этотъ полкъ говорятъ военные что онъ чуть-ли не перещеголялъ Эриванцевъ, а это много значитъ на языкѣ Кавказцевъ.

Пріятныя воспоминанія о Москвѣ и москвичахъ *).

Посѣтилъ сегодня госпиталь № 10, находящійся въ палаткахъ. Тамъ познакомился съ живущею, какъ всѣ раненые, въ палаткѣ, съ начальницей сестеръ милосердія, княгинею Хилковой. Вотъ тоже прекрасный типъ женщины. Простота и естественность ея, при совершеніи ежеминутно и такъ давно уже высочайшаго подвига евангельской любви, производятъ глубокое впечатлѣніе. Переходъ отъ довольства и удобствъ петербургской столичной жизни къ палаткѣ въ Александрополѣ и къ дѣлу сестры милосердія совершился, какъ будто самъ собою. Сынъ ея, молодой офицеръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, находится въ отрядѣ подъ Карсомъ, а она съ утра до вечера перевязываетъ своихъ больныхъ и завѣдуетъ многочисленною общиною сестеръ милосердія, разбросанныхъ по Александрополю. Я отправился вмѣстѣ съ нею къ раненымъ. Едва она вошла въ палатку, какъ всѣ лица раненыхъ улыбнулись, просвѣтлѣли; бѣдняжки точно согрѣлись, о со всѣхъ сторонъ послышалось: сестрица, сестрица?

— Что тебѣ? спрашиваетъ она у одного.

— Нога разболѣлась.

— Отчего?

— Да не вы перевязывали, ватки не положили, холодно ужь очень, ну и болитъ.

— Что же ты не сказалъ доктору?

— Да не смѣлъ, боязно было, какъ бы не разсердился, какъ намедни.

*) Тоже 31 октября.

Княгиня X. принялась перевязывать.

— Сестрица! кричитъ другой.

— Что тѣбѣ?

— Лихорадка у меня.

— Сестра такая-то! кричитъ княгиня.

Явилась сестра.

— Дайте ему хины.

— Сестрица! кричитъ третій.

— Что тебѣ?

— Книжечку я прочелъ.

— Уже?

— Вчера мы до полуночи читали.

— Хороша?

— Занятная книжка.

И такъ въ каждой палаткѣ.

Я сталъ раздавать раненымъ образки отъ Иверской и отъ Сергіевской Лавры, съ поясками, объявивъ имъ, что присылаетъ имъ эти образки Москва въ знакъ того, что Москва ихъ помнитъ, любитъ и молится за нихъ.

Слышу въ углу кто-то плачетъ.

Солдатикъ одинъ плакалъ подъ одѣяломъ.

Мы подошли къ нему.

Оказалось, что онъ заплакалъ потому, что его тронуло вниманіе къ нимъ Москвы, и имѣть образокъ было давно его желаніемъ.

— Насъ помнятъ, за насъ молятся, повторялъ съ глубокимъ чувствомъ солдатикъ.

Каждый солдатъ бралъ образокъ и поясокъ, разсматривалъ его, три раза крестился, говорилъ краткую молитву, и если могъ, самъ надѣвалъ образокъ, или обращался къ княгинѣ.

— Сестрица, надѣньте на меня.

Слово: «№ 10 госпиталя» имѣетъ для знакомыхъ со здѣшними госпиталями особый смыслъ. При № 10 госпиталѣ состоитъ доцентъ Дерптскаго университета, консультантъ-хирургъ Рейеръ. Рейеръ этотъ—страшный для бѣднаго солдата человѣкъ. Онъ молодой, энергическій и любознательный въ научномъ отношеніи врачъ. Онъ весь отдался наукѣ хирургіи. Для него раненый—хирургическій субъектъ. Солдатики бѣдные съ перваго дня это почуяли и поняли. Едва произносится его имя, солдатъ вздрагиваетъ, а когда Рейеръ входитъ, съ раненымъ дѣлается лихорадка.

Слѣдующій эпизодъ, характеризующій отношенія солдатъ къ командиру, прелестенъ. Въ одномъ изъ этихъ четырехъ полковъ привезли на стоянку воду. Кто въ это время бывалъ въ походѣ, тотъ знаетъ, что такое за событіе привозъ воды: сутки солдаты не пили, жара страшная, а затѣмъ, такъ какъ вода была въ этомъ мѣстѣ рѣдкость, солдатамъ приходилось раздавать по маленькой порціи. Полковой командиръ вышелъ изъ палатки и отправился къ начальнику дивизіи.

Черезъ часъ онъ возвращается, и зная, что полкъ получилъ воду, приказываетъ свою порцію отдать своей лошади.

— Ее уже напоили, отвѣчаютъ ему.

— Кто напоилъ?

– Солдаты.

— Откуда?

— Изъ своихъ порцій цѣлое ведро дали лошади.

— Кто приказалъ?

— Никто, сами сложились и напоили! *Кн. Шаховской.*

Бой на Зеленыхъ Горахъ.

(Обзоръ дѣйствій подъ Плевною до занятія нами Зеленыхъ Горъ.

Корреспондентъ газеты *Новое Время*, очевидецъ семи ночныхъ битвъ за обладаніе Зелеными Горами, прежде, чѣмъ перейти къ самому описанію сраженій, въ слѣдующихъ словахъ разъясняетъ предшествовавшія обстоятельства.

«Новый періодъ Плевнинской трагедіи начался назначеніемъ Тотлебена. Съ этого момента наша дѣятельность здѣсь получила особенный смыслъ. Все что не содѣйствовало интересамъ обложенія и блокады было оставлено. Генералы Зотовъ и Томиловскій со Шпитниковымъ построили много укрѣпленій, которыя оказались не нужными. За то намѣчено было очень много новыхъ на совершенно иныхъ позиціяхъ. Каждая вновь разбиваемая траншея имѣла свое мѣсто въ общей сѣти и, такъ-сказать, служила логическимъ развитіемъ идеи Тотлебена. Ничего случайнаго, ничего поспѣшнаго. Это тѣмъ болѣе было нужно, что мы имѣли дѣло съ не совсѣмъ обыкновеннымъ противникомъ. У Османъ-паши замѣчательно искусные и талантливые инженеры. Генералъ Тотлебенъ повторялъ нѣсколько разъ, что онъ ставитъ себѣ за честь бороться съ такими врагами. Съуженіе кольца нашихъ траншей и редутъ прежде имѣло характеръ неровный, порывистый. Въ одномъ мѣстѣ мы далеко выдвигались впередъ, въ другомъ — оставались позади. Тотлебенъ уравнялъ все это, и блокада получила характеръ нѣкоторой правильности. Дѣйствія артиллеріи были также приведены къ одному знаменателю. Тотлебенъ осмыслилъ постановку орудій. Нѣсколько баттарей онъ приблизилъ, другія снялъ и перевелъ на иныя мѣста. Есть пункты, гдѣ прежде не стояло ни одного орудія тамъ теперь ихъ десятки; за то на позиціяхъ, гдѣ стояло орудій по шестнадцати, теперь ни одного. Всѣ вообще баттареи прежде всего онъ заставилъ пристрѣляться и точно опредѣлить разстоянія. Случайнымъ выстрѣламъ послѣ того не было уже мѣста. Для дѣйствій артиллеріи была опредѣляема ежедневно извѣстная цѣль, всѣмъ сообщалась диспозиція, отъ которой они не смѣли отступать. Указывались мѣста для огня каждой баттареи, для общихъ залповъ строго уяснялась цѣль и назначалась минута. Баттарейные командиры такимъ образомъ явились уже не самостоятельными, а заняли свое мѣсто

въ общемъ, правильномъ механизмѣ блокады. Главная ошибка генераловъ Зотова и Криденера до тѣхъ поръ заключалась въ скученности войскъ, причемъ оба корпуса находились въ боевыхъ линіяхъ. Солдатъ кучили въ траншеяхъ—по тѣмъ не менѣе траншеи эти образовывали кордонъ безъ резервовъ. Оба корпуса, скучившіеся въ одну густую линію, занимали громадное протяженіе и позади у нихъ ничего не было. Вмѣсто того чтобы поставить впереди въ линію дежурныя части, отвести солдатъ назадъ для резервовъ и стоянки, заставляли цѣлые корпуса ежедневно исполнять аванпостную службу. Причиной этого было отсутствіе рекогносцировочнаго элемента. Забывали общее и хотѣли захватить то что казалось важнымъ въ данный моментъ и на данномъ мѣстѣ. Въ траншеяхъ находились цѣлые полки. Всѣ отряды стояли въ тысячѣ шагахъ отъ непріятеля въ сферѣ гранатнаго огня, осыпаемые пулями турецкихъ стрѣлковъ. Дивизія Шнитникова, сбитая по скату высоты за Радишевымъ, занимала такое положеніе что, кромѣ фронтальнаго огня, она могла бы дефилироваться во фланги съ Зеленой Горы, еслибы тамъ непріятель поставилъ баттарею.

«Скобелевъ, принявъ эту дивизію, первый рѣшился обратить главное вниманіе на сбереженіе силъ и здоровья войскъ. Для этого онъ распорядился одинъ полкъ отвести въ Тученицу, а потомъ еще два полка въ Боготъ. Уничтоживъ скученность отряда, стали заботиться чтобъ уменьшить до возможной степени нарядъ войскъ на службу. Дежурныя части умалили, аванпосты раздѣлили, за то усилили рекогносцировочное дѣло. Что прежде исполнялось массами войскъ, находившимися въ грязи траншей, то теперь производили небольшіе отряды, неутомимо двигавшіеся по всей линіи кордона. Явился новый элементъ—рекогносцировки ночью. Смѣлымъ офицерамъ давали порученія проникать въ непріятельскую боевую линію, высматривать работы и позиціи Турокъ и возвращаться съ положительными уже свѣдѣніями по этому предмету. На пищу солдата обратили самое строгое вниманіе. Одежда и обувь также стали предметомъ особенной заботливости. Скобелевъ—типъ хорошаго генерала въ этомъ отношеніи. У него во время самаго упорнаго боя солдатамъ доставляется горячая пища. Никто такъ немилосердно не преслѣдуетъ хозяйственныя злоупотребленія, какъ онъ.

«Сверхъ того подходили укомплектованія изъ Россіи. Нужно было сформировать третьи баталіоны, и дѣло это пошло такъ успѣшно, велось настойчиво и быстро, что къ 1-му октября въ дивизіи было уже девять тысячъ человѣкъ. Это очень высокая цифра, если вспомнить, что въ третьемъ актѣ Плевненской трагедіи Скобелевъ потерялъ двѣ трети своей дивизіи. Резервы были собраны хорошо, но укомплектовать ими разрозненныя и порѣдѣвшія части оказывалось особенно трудно, потому что прежде цѣлесообразнаго распредѣленія ихъ не было. Приводили изъ Россіи отрядъ мало обученный и не совсѣмъ хорошо подобранный. Обученіемъ занимались цѣлые дни, и скоро все это приняло желаемый видъ.

«Планъ Тотлебена заключался въ установленіи дѣйствительной блокады, для чего, разумѣется, прежде всего нужно было поставить сильный и уже не кавалерійскій, а пѣхотный отрядъ на Софійское шоссе. Подкрѣпленія, которыя ему

обѣщали для этого, состояли изъ всей гвардіи и двухъ гренадерскихъ дивизій. Они, дѣйствительно, явились во время, причемъ первоначально первая и третья гвардейскія дивизіи со стрѣлковою бригадой, предназначенныя для перехода черезъ рѣку Видъ, сосредоточились въ селѣ Эски-Баркачъ. Существовало предположеніе чтобъ одновременно съ переходомъ черезъ р. Видъ назначеннаго отряда, шестнадцатая и вторая гвардейская дивизіи заняли смежную позицію на второмъ кряжѣ Зеленыхъ Горъ, но исполненіе это замедлилось совершенно случайными событіями, о которыхъ также не время говорить.

«Наши противники въ это время не спали. Какъ только гвардія перешла за Видъ, Турки сообразили, что со стороны Зеленыхъ Горъ можетъ быть повторена аттака. Непріятель еще не занималъ ближайшаго къ намъ перваго кряжа до тѣхъ поръ; но тутъ воспользовались нашею медленностью и захватили его. У насъ на глазахъ тысячи рабочихъ рыли днемъ траншеи и редуты. Мѣшать имъ нельзя было, и мы, такъ сказать, оставались благородными свидѣтелями. Обстрѣливать ихъ могли только съ позицій генерала Лошкарева, прикрывавшаго со своею девятою кавалерійскою дивизіей участокъ отъ Ловецкаго шоссе до р. Видъ; тѣмъ не менѣе съ его конныхъ баттарей не было сдѣлано по турецкимъ работамъ ни одного выстрѣла. При первыхъ извѣстіяхъ о приготовленіяхъ Турокъ къ разбивкѣ траншей, Скобелевъ просилъ позволенія сейчасъ же захватить второй кряжъ Зеленыхъ Горъ—и ему было отказано. По моему мнѣнію—основательно, потому что дѣятельная роль нашего отряда была еще впереди, и мы не могли предпринимать сильныхъ движеній въ одномъ пунктѣ, не переходя въ остальныхъ въ дѣйствіе. Впрочемъ, есть голоса утверждающіе что, дай тогда Скобелеву разрѣшеніе исполнить его планъ и многое, что случилось потомъ, было бы предупреждено. Сторонники этого взгляда ссылаются что, владѣя первымъ и вторымъ кряжами Зеленыхъ Горъ, мы бы уничтожили редуты южныхъ непріятельскихъ позицій, грозили бы Кришинскому, парализовали бы Опанецъ. Противъ этого мнѣнія нужно прежде всего возразить, что мы рѣшились на осаду предполагающую и движеніе впередъ, и штурмъ, и блокаду. А разъ рѣшена блокада—нечего было втягиваться въ бой на Зеленыхъ Горахъ.

«Тутъ я позволю себѣ маленькое отступленіе. Дѣйствія наши у Плевны теперь приняли особенный характеръ. Осада это или блокада? Видимо, что Тотлебенъ въ этомъ отношеніи идетъ новымъ, не практиковавшимся прежде путемъ. Если это блокада, то я не понимаю занятія Горняго и Дольняго Дубниковъ, Телиша, Зеленыхъ Горъ. Если осада, то почему съ сѣвера, сѣверо-востока и востока не стягиваютъ ближе нашихъ позицій. Опредѣленія уже существующія тутъ невозможны. Очевидно, что какъ хорошій шахматный игрокъ, Тотлебенъ не стѣсняется отступать отъ рутинныхъ ходовъ и, остановившись на идеѣ блокады, не упускаетъ случая при возможности перейти въ осаду. Лично мнѣ Скобелевъ нѣсколько разъ выражалъ полное убѣжденіе, что Плевну скоро можно взять только системою тихой сапы и цѣлымъ рядомъ маленькихъ штурмовъ. Сдвигая такимъ путемъ позиціи, мы сдѣлаемъ положеніе хорошо обезпеченнаго продовольствіемъ непріятеля невыносимымъ и заставимъ его или положить оружіе, что

мало вѣроятно, или искать спасенія въ прорывѣ нашего желѣзнаго кольца, что вѣроятнѣе. Тѣмъ не менѣе, несмотря на желаніе начальника шестнадцатой дивизіи, ему не позволили втянуться въ бой для занятія Зеленыхъ Горъ. Нельзя упустить изъ виду еще и того, что Тотлебенъ признавалъ этотъ отрядъ крайне необходимымъ для поддержки гвардіи за Видомъ, еслибъ Османъ обрушился на нее со всѣми своими силами, чтобы прорваться на Софію. Запретивъ занимать второй гребень Зеленыхъ Горъ, Тотлебенъ рѣшился одновременно, съ переходомъ гвардіи за Видъ, произвести для отвлеченія Турокъ демонстративное наступленіе на Плевно-Ловецкое шоссе, причемъ разрѣшалось занять первый гребень Зеленыхъ Горъ. Когда мы хотѣли это исполнить, оказалось, что и этотъ пунктъ уже захваченъ турками, построившими на немъ сильныя траншеи, которыя въ связи съ редутами имѣли особенное значеніе. Пришлось ограничиться позиціей на Рыжей Горѣ, которую на другой день по переходѣ гвардіи за р. Видъ мы и укрѣпили. Шестнадцатая дивизія была послѣ того обращена въ резервную и расположена за Боготскимъ лѣсомъ. Вся ея дѣятельность была направлена на постройку траншеи и батарей. Тотлебенъ, на своемъ энергичномъ языкѣ, требовалъ, чтобъ укрѣпленія «росли какъ грибы» и особенно настаивалъ на необходимости усилить высоты на шоссе уже въ четырехъ или пяти верстахъ отъ втораго гребня. Такимъ образомъ пришлось удовлетвориться малымъ, благодаря личнымъ разсчетамъ различныхъ, преимущественно гвардейскихъ генераловъ.

«Рыжая Гора расположена позади села Ученъ-Долъ. Скобелевъ укрѣпляя ее, очень успѣшно успѣлъ захватить и районъ предъ Ученъ-Доломъ.

«Впереди за Рыжею Горою въ то время расположились полки Шуйскій и Ярославскій, а въ Ученъ-Долѣ 9, 10 и 11 стрѣлковые баталіоны, вошедшіе въ составъ Плевно-Ловецкаго отряда.

«Все это уже дѣла недавно минувшихъ дней. Сообщая о нихъ свѣдѣнія, я не касаюсь теперешняго положенія отряда, его численности, его позицій. Объ этомъ по правиламъ, поставленнымъ намъ, мы не имѣемъ права писать вовсе. Войска Скобелевскаго отряда заботились и о другомъ. На ряду съ землянками выростали бани, хлѣбопекарни. Мало разсчитывая на интендантство и еще менѣе возлагая упованій на опозоренное теперь «товарищество голоданія», солдаты наши сбирали хлѣбъ и кукурузу съ оставленныхъ полей, мололи, заготовляли припасы, рубили и свозили на свои позиціи дрова, косили сѣно. Къ сожалѣнію, война все-таки война, и интересы мирныхъ жителей въ ея времена стоятъ на заднемъ планѣ. Это необходимое зло, съ которымъ поневолѣ миришься. Для постройки землянокъ нуженъ былъ лѣсъ. Его брали, разоряя болгарскіе дома. Ученъ-Долъ, Брестовацъ и другія окрестныя села теперь поэтому совершенно разорены. Есть еще уцѣлѣвшія хижины, но и изъ нихъ снесены плетни, а о запасахъ сѣна, соломы, ячменя и кукурузы толковать нечего. Крыши уничтожены, потому, что поддерживавшія ихъ балки и толстыя жерди пошли на кровли землянокъ. Нужно замѣтить, что въ то время (да и теперь тоже) турки были такъ близко къ Брестовцу, что таскать бревна, доски и плетни отсюда приходилось солдатамъ подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Бѣдные хозяева спа-

чала видѣли разрушеніе своихъ жилищъ, потомъ состоялось распоряженіе объ очищеніи ими всей полосы, лежащей между нами и непріятелемъ. Иначе они подверглись бы и турецкому и русскому огню, какъ это случилось съ Кришинымъ.

«Затрудненія по продовольствію войска здѣсь вообще были велики. Двухмѣсячная стоянка отряда ни разу не была ознаменована присылкою хлѣба, а сухари доставлялись имъ изо дня въ день, причемъ за тѣ дни, когда сухари не выдавались исправно, интендантство послѣ не вознаграждало ничѣмъ. Солдаты зачастую питались кукурузой и только заботливости молодаго генерала они обязаны были тѣмъ, что не особенно испытали на себѣ вредныя послѣдствія интендантскаго *dolce far niente*.

«Въ это время Гурко съ гвардіей перешелъ р. Видъ. Атака Горняго Дубника обошлась намъ въ 2,500 солдатъ. Въ этотъ же день лейбъ-егерскій полкъ неудачно атаковалъ Телишъ, съ потерей 1.200 человѣкъ: черезъ нѣсколько дней тотъ же Телишъ взятъ былъ только при помощи артиллерійскаго огня, съ потерею 100 убитыми и ранеными. Вслѣдъ за Гурко, командиръ третьей грардейской дивизіи, Мирковичъ, занимаетъ высоты подъ Терниномъ, по нашу сторону Вида, и мало-по-малу подвигается къ Кортужевану. Мы, оставляя въ сторонѣ идею блокады, переходимъ уже къ осадѣ Плевны. Въ связи съ этимъ, не ограничиваясь главною задачей—занятіемъ Плевны и истребленіемъ арміи Османъ-паши, малые отряды расширяютъ театръ военныхъ дѣйствій занятіемъ Тетевена, Вербицы. Снаряжается экспедиція на Софію... Начинается повтореніе того же что было ранѣе, но наученные опытомъ, уже не разбрасываютъ войска, и подъ Плевной все-таки оставляютъ ихъ достаточно. Одновременно съ этимъ измѣнилась и роль Скобелевскаго отряда. Я уже описывалъ вамъ занятіе Брестовца, бомбардировку Кришина.

Одушевленные нашими кавказскими побѣдами мы рѣшили и здѣсь перейти въ дѣятельную роль. Послѣ занятія Брестовца, мы вынеслись нашими траншеями по Плевно-Ловецкому шоссе, наконецъ было получено приказаніе взять и укрѣпить первый Гребень Зеленыхъ Горъ...»

Семидневный бой на Зеленыхъ Горахъ.

28 Октября послѣ полудни отрядъ генерала Скобелева, построившись, по заранѣе отданной диспозиціи, двинулся къ сигнальному залпу впередъ и, пользуясь туманомъ, быстро занялъ первый гребень Зеленыхъ Горъ (или высотъ) и перекололъ занимавшихъ ложементы, турокъ.

Тотчасъ было приступлено къ укрѣпленію занятой позиціи и до того единодушно, что къ утру 29 числа все было исполнено. Турки два раза пытались выбить отрядъ въ 11 часовъ вечера и въ 7 часовъ утра, но оба раза были отброшены съ большимъ урономъ.

30 Октября, въ ночь около часу, турки, разчитывая на темноту и утомленіе

нашихъ войскъ, потихоньку собрали отъ 5 до 7 таборовъ для нечаяннаго нападенія на новую позицію генерала Скобелева, но нашъ секретъ замѣтилъ это и предупредилъ генерала Скобелева. Послѣдній, самъ ночевавшій въ траншеѣ, приказалъ войскамъ приготовиться, и подпустивъ турокъ менѣе, чѣмъ на 100, шаговъ, встрѣтилъ ихъ залпомъ. Турки отбѣжали назадъ, залегли и открыли сильный огонь, продолжавшійся до двухъ часовъ ночи, затѣмъ отступили. Когда все стихло, начальникъ секрета, унтеръ-офицеръ 9-го стрѣлковаго батальона, явился къ генералу Скобелеву и доложилъ, что все благополучно и раненыхъ нѣтъ. Секретъ во все время дѣла оставался на мѣстѣ никѣмъ незамѣченный. Вся наша потеря въ эти обѣ ночи была 95 человѣкъ, а съ убитыми доходила до 120 человѣкъ. Защиту Зеленыхъ Горъ сравниваютъ съ защитой Шипки. Выдержка и спокойствіе солдатъ были превосходны. Е. И. В. Главнокомандующій прислалъ солдатамъ до 40 георгіевскихъ крестовъ. 31 октября ночью на Зеленыхъ Горахъ опять происходили битвы. Скобелевъ занялъ новыя позиціи. Наши снаряды долетали до турецкихъ шанцевъ, причиняя непріятелю вредъ; турки на огонь отвѣчали слабо, причиняя незначительный вредъ резервамъ. Въ ночь на 1-е ноября большія массы турокъ вышли изъ своихъ укрѣпленій, стараясь взобраться до нашихъ ложементовъ близъ плевненско-ловецкаго шоссе. Движеніе непріятеля было заблаговременно замѣчено секретомъ. Поднялась тревога; рота углицкаго полка встрѣтила изъ ложементовъ наступавшаго непріятеля такимъ убійственнымъ огнемъ, что турки поспѣшили отступить. Произведенная одновременно аттака на наши позиціи на Зеленыхъ Горахъ, гдѣ командовалъ самъ Скобелевъ, также окончилась отступленіемъ непріятеля по всей линіи. Съ тѣхъ поръ турки прекратили свои дѣйствія и отрядъ Скобелева преспокойно продолжалъ заниматься устройствомъ землянокъ. 1-го ноября, въ какихъ нибудь 200 шагахъ отъ непріятеля, музыка казанскаго полка играла народный гимнъ, акомпаниментомъ которому служила стрѣльба картечницъ, ружей и пушекъ; музыка даже ночью оставалась въ траншеяхъ. Для болѣе удобнаго обстрѣливанія доступовъ къ нашимъ траншеямъ были вырублены деревья и кусты; операція эта была выполнена безъ всякихъ съ нашей стороны потерь.

2 числа противъ лѣваго фланга, то есть противъ Зеленыхъ Горъ, турки выдвинули свои траншеи на разстояніи какихъ нибудь 120 шаговъ и открыли противъ отряда Скобелева анфиладный *) огонь. Тогда въ ночь на 3 ноября двѣ роты Суздальскаго полка тихо подошли къ турецкой траншеѣ, незамѣченные непріятелемъ, съ громкимъ крикомъ «ура» бросились на турокъ, перекололи многихъ, отняли оружіе и вернулись назадъ. Намъ было извѣстно, что на позиціи накапунѣ былъ самъ Османъ-паша. Только-что Суздальцы успѣли вернуться, какъ турки перешли въ наступленіе и аттаковали насъ. Силы турокъ состояли изъ 12 таборовъ: аттака была произведена стремительно. Понимая значеніе Зеленыхъ Горъ, турки повторили аттаку второй и третій разъ и были опять отбиты, благодаря дружнымъ и необыкновенно выдержаннымъ залпамъ. Зеленыя горы были усѣяны турецкими трупами и ранеными.

*) Двухсторонній.

Во время третьей аттаки, Скобелевъ, ободрявшій солдатъ и лично руководя дѣйствіями, былъ контуженъ въ поясницу; пуля ударомъ могла бы ранить генерала, но полушубокъ удержалъ ее. Опасности не было и генералъ остался на своемъ посту. Героями этого дня были, кромѣ Скобелева, Куропаткинъ и Мельницкій. Вообще всѣ дѣйствія отряда были въ этотъ день блистательны. Наша потеря 102 человѣка; хотя турецкія гранаты осыпали насъ, но не причинили значительнаго вреда. Съ нашей стороны употреблялись всѣ мѣры для обороны. Готовъ былъ регутъ устроенный нашимъ отрядомъ позади траншей; это требовалось ради того, что Османъ-паша главнымъ образомъ сосредоточивалъ большія силы противъ Скобелевскихъ отрядовъ.

Въ ночь на 4 ноября двѣ аттаки турокъ на зеленогорскія траншеи были отражены блистательно. Въ часъ ночи Скобелевъ, оправившійся отъ первой контузіи, не оставляя строя, вышелъ посмотрѣть линію непріятельскаго огня. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, Скобелевъ вернулся; въ это время пуля ударила его ниже лѣвой лопатки, около позвоночнаго столба и опять его контузила сильнѣе первой, такъ что положила его въ постель. Однако же, будучи боленъ, распоряжался самъ. Во время болѣзни его посѣтили Е. И. В. Главнокомандующій и нѣкоторые изъ генераловъ. Вторую ночь Скобелевъ провелъ отлично. Турки опять дали огонь по нашей линіи, но мы неотвѣчали.

Изложивъ краткое описаніе боя, нельзя не пополнить его подробностями, въ которыхъ высказывается характеръ русской военной семьи, отношенія начальниковъ къ солдатамъ, дисциплина, и другія качества, которыми богато русское воинство.

Бой на Зеленыхъ Горахъ.

Корреспондентъ газеты *Новое Время* даетъ подробное описаніе восьмидневнаго боя на Зеленыхъ Горахъ; въ № 290 *Московскихъ Вѣдомостей* приведены съ его словъ обстоятельства, предшествовавшія бою. Помѣщаемъ теперь въ извлеченіи описаніе перваго дня сраженія.

«Скобелевъ точно ожилъ, когда въ Брестовцѣ было получено изъ Главной Квартиры приказаніе занять первый кряжъ Зеленыхъ Горъ и укрѣпиться на немъ. Впередъ уже взвѣшено все, обдуманы подробности боя, приняты мѣры къ наименьшей по возможности потерѣ людей. 27 октября, вечеромъ, написана диспозиція, которую утромъ сообщили начальникамъ частей, назначенныхъ на 28-е для аттаки турецкихъ позицій. Нѣсколько ночей уже стоялъ густой туманъ, ожидали, что и завтра будетъ то же самое. Именно этимъ хотѣли воспользоваться. Экспедицію поручили полковнику Мельницкому, о которомъ я уже писалъ ранѣе. Скобелевъ сначала хотѣлъ остаться при резервахъ, но какъ я думалъ, такъ и случилось, то есть въ самомъ началѣ аттаки генералъ бросился впередъ и самъ повелъ наступленіе.

«Вотъ диспозиція боя, сообщенная начальникамъ частей. Привожу подлинникъ:

«Завтра, въ шесть часовъ вечера, турки имѣютъ быть выбитыми съ перваго «кряжа Зеленыхъ Горъ. Сбивъ непріятеля, войска укрѣпляются на взятомъ греб«нѣ. Составъ отряда: три роты саперъ, Владимірскій пѣхотный полкъ, первая и «вторая рота стрѣлковъ Ярославскаго полка, девятый стрѣлковый баталіонъ, «четыре картечницы, двѣ сотни девятаго казачьяго полка. Начальникомъ отря«да назначается полковникъ гвардейскаго сапернаго баталіона Мельницкій. Ча«стямъ собраться къ четыремъ часамъ пополудни къ лагерю первой бригады «тридцатой пѣхотной дивизіи. Движеніе произвести для сосредоточенія у этого «лагеря по ротно, пользуясь мѣстностью, по возможности скрытно отъ непрія«теля. Войскамъ имѣть при себѣ по фунту мяса и на два дня сухарей. Влади«мірскому полку взять съ собою весь шанцевый инструментъ. Форма одеж«ды—въ мундирахъ, шинели черезъ плечо. Для поддержанія наступленія пол«ковника Мельницкаго: баттареямъ находящимся на позиціи, открыть усилен«ный огонь, на что послѣдуетъ особое распоряженіе; начало огня—залпъ изо «всѣхъ орудій. Полки Ярославскій, Шуйскій и Углицкій остаются на своихъ «позиціяхъ въ полной готовности къ бою. Перевязочный пунктъ назначается въ «логу между шоссе и деревнею Брестовецъ. При началѣ боя я (генералъ Ско«белевъ) буду находиться на позиціи предъ Брестовцемъ».

«Прежде чѣмъ приступить къ бою, нужно было обезпечить фланги. Лѣвый флангъ дѣйствующаго отряда, опиравшійся на Брестовецъ, поддерживался залегшими въ свои траншеи ротами Углицкаго полка, правый могъ быть угрожаемъ диверсіей непріятеля къ Тученицкому оврагу, часть котораго еще находится въ рукахъ турокъ. Одновременно съ выѣздомъ Скобелева на боевую позицію, двѣ роты Ярославскаго полка отправлены въ оврагъ. Тамъ онѣ должны были стоять въ засадѣ и на случай движенія непріятеля оттуда неожиданно принять его въ штыки. Тученицкій оврагъ, какъ и описанный ранѣе Кара-Кіой, удивительно красивое мѣсто. Узкая тѣснина щелится и змѣится, сжатая сѣрыми скалами, только въ одномъ мѣстѣ разступающимися, образуя глубокую и молчаливую долину. Безлюдье здѣсь полное. Развѣ въ высотѣ на краю каменной стѣны покажется въ бараньей шапкѣ своей пастухъ-Болгаринъ, сторожившій пасущееся на верху стадо. Сюда, въ эту долину, и стали Ярославцы.

«Въ четыре часа генералъ выѣхалъ изъ Брестовца, по своему обыкновенію одѣтый съ иголочки, красивый, свѣжій, раздушенный. Тонкая фигура его на бѣлой лошади дѣйствительно производила сильное впечатлѣніе въ этотъ сѣрый день, когда кругомъ до такой степени густился туманъ, что во ста шагахъ деревни казалась какими-то мутными пятнами, точно тамъ еще гуще лежала мгла. Скобелевъ для меня составлялъ загадку. Неужели въ этой желѣзной груди нѣтъ мѣста страху, опасеніямъ, тоскѣ, охватывающей каждаго предъ боемъ? Я обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ:

«— Жутко, разумѣется. Не вѣрьте, кто скажетъ вамъ иначе...

«Владимірскій полкъ мы встрѣтили уже проѣхавъ съ полверсты впередъ. Сначала онъ запоздалъ, но потомъ, обогнавъ отрядъ, выстроился боевыми колоннами на скатахъ лощины, тамъ гдѣ долженъ былъ оставаться резервъ. Въ тума-

нѣ очень красивы были эти сомкнутыя черныя массы, молчаливыя, ни однимъ громкимъ звукомъ не выдающія своей близости непріятелю. Турецкія позиціи не болѣе, какъ въ четырехъ стахъ шагахъ впереди. Мы тревожно вглядываемся въ непроницаемую мглистую даль, съ бьющимся сердцемъ ждемъ. вотъ—вотъ грянетъ оттуда первый выстрѣлъ чуткаго часоваго, вся линія непріятельскихъ траншей и ложементовъ одѣнется негаснущими молніями залповъ, и подъ градомъ пуль, съ глухими стонами, направо и налѣво, впереди и позади, станутъ падать въ этихъ неподвижныхъ еще толпахъ безотвѣтные солдаты. На насъ могъ наткнуться разъѣздъ или секретъ непріятельскій. Еще нѣсколько минутъ — и присутствіе нашего отряда уже не будетъ тайной... Красивое зрѣлище перейдетъ въ настоящую драму, и уже не до любованья будетъ, когда длинною вереницей потянутся внизъ носилки съ ранеными, и въ хриплыхъ крикахъ атташи, въ кровожадномъ рокотѣ барабановъ замрутъ предсмертные вопли умирающихъ.

«Скобелевъ останавливается предъ полками, снимаетъ фуражку и крестится... Точно шелестъ пронесся въ воздухѣ—крестятся офицеры и солдаты. Каждый читаетъ про себя молитву... каждый уходитъ въ самого себя... Кто знаетъ, можетъ быть нѣкоторымъ не останется даже мгновенія, чтобы падая обратить взглядъ свой къ этому сѣрому небу, по которому теперь тяжело ползутъ низко нависшія тучи... Даже иностранцы поддаются торжественности этой минуты, снимаютъ шапки вмѣстѣ съ другими... Въ памяти почему то неотступно встаютъ картины далекаго теперь прошлаго. Родной домъ, близкіе и дорогіе люди... Но это только минута...

«— Стройся!... тихо звучитъ команда, и длинная цѣпь стрѣлковъ вѣеромъ разбрасывается впереди... На лицѣ у Скобелева уже нѣтъ грусти, нѣтъ раздумья. Въ глазахъ энтузіазмъ, голосъ звучитъ металлическими тонами, онъ уже впереди, красивая фигура его мелькаетъ далеко предъ цѣпью...

«Въ цѣпь пошла третья рота девятаго стрѣлковаго баталіона, подъ командой капитана Домбровскаго. Спустя два часа, его уже не стало въ живыхъ. За цѣпью сомкнутыми кучками шли партія охотниковъ въ пятьдесятъ человѣкъ и поддерживавшій ее взводъ. По флангамъ наступающей цѣпи шли три роты того же стрѣлковаго баталіона подъ командой его начальника, туркестанца Меллера-Закомельскаго. Цѣпи было приказано идти до маленькихъ турецкихъ ложементовъ и залечь въ нихъ, когда занимающіе эти ровики аванпосты непріятеля отступятъ въ свою траншею. Тутъ уже должна была начаться роль охотниковъ и поддерживавшаго ихъ взвода съ фланговыми ротами. Изъ за цѣпи охотники должны были кинуться впередъ, выбить турокъ и занять ихъ траншею. Позади слѣдовало залечь тремъ ротамъ стрѣлковъ на всякій случай. Все это было разъяснено до малѣйшихъ подробностей, потому что едва ли въ этотъ туманъ части могли видѣть одна другую.

«Цѣпь тихо двинулась впередъ за Скобелевымъ. Фигура генерала все больше и больше уходила въ туманъ... Скоро мгла окутала и черныя черточки

разсыпанныхъ стрѣлковъ. Стало смеркаться, но ночь еще боролась съ сѣрымъ маревомъ...

«— Слава Богу! Турки не замѣчаютъ нашего отряда... Я начинаю вѣрить что дѣло обойдется безъ большихъ потерь, шепчетъ кто то около... Но какъ разъ въ эту минуту будитъ окрестность неувѣренный, одиночный выстрѣлъ турецкаго часоваго. Мгновеніе полнаго безмолвія... Сердце щемитъ... Другой выстрѣлъ – съ другой стороны... Третій... но всѣ въ разбродъ... Вотъ завязывается трескотня направо... но только съ одной стороны... Наши не отвѣчаютъ... По звуку выстрѣловъ, по интерваламъ, по одиночности ихъ видно, что турки еще не знаютъ въ чемъ дѣло, а только насторожились, почуяли что то такое... Точно люди стрѣляютъ не сгоряча, не желая предупредить противника огнемъ, а прислушиваясь и еще не отдавая себѣ отчета, куда и зачѣмъ они посылаютъ свои молніи...

«— Наши подошли, должно быть уже близко.

«— Не видать... Впереди сѣрый неясный туманъ...

«— О, Господи! раздается чей то вздохъ позади.

«Выстрѣлы все еще въ перемежку.

«— Ребята, за мной!... съ одного конца до другаго гремитъ въ туманѣ металлическій голосъ Скобелева, покрываемый общимъ ура аттаки, оглушающимъ грохотомъ словно разомъ вспыхнувшихъ залповъ непріятеля, и раскатомъ барабановъ... Мы ничего не видимъ, но первые выстрѣлы уже обдали резервы горячимъ градомъ пуль... Нѣсколько стоновъ замерло въ общемъ стихійномъ шумѣ незримой атаки... Отдаемъ коней казакамъ и двигаемся впередъ. Ничего на пути. Свищутъ пули, доносится отголосокъ битвы... Вонъ что то выдѣлилось изъ тумана. Ближе и ближе... Раненый въ ногу солдатъ идетъ назадъ, опираясь на ружье... Кто-то около корчится на землѣ...

«— Батюшки, не оставьте... Не бросьте, голубчики!..

«На провомъ флангѣ ведетъ атаку полковникъ Мельницкій, на лѣвомъ капитанъ Куропаткинъ. Иной разъ сквозь грохотъ битвы мы слышимъ ихъ одушевляющіе голоса. Позади нагоняютъ насъ десять ротъ Владимірскаго полка, идущаго подъ огнемъ рыть траншею...

«— Куда проѣхать на баттареи? раздается въ туманѣ.—О, чортъ васъ возьми... Да откликайтесь же, наконецъ, кто нибудь... Какъ къ баттареи проѣхать?!—кричитъ кто то. Фигура всадника на минуту вырѣзывается изъ тумана и пропадаетъ уже позади... Скобелевъ посылаетъ приказаніе баттареямъ залпами начать артиллерійскій огонь противъ турокъ...

«Стрѣлковая цѣпь сдѣлала свое дѣло: она выбила турецкіе аванпосты изъ нѣсколькихъ ложементовъ, которые едва можно было различить въ густомъ туманѣ и сумракѣ осенней ночи. Можно сказать, что на нихъ наталкивались ощупью, такъ что, напримѣръ, когда весь рядъ ихъ былъ уже захваченъ нами, посрединѣ оказался одинъ незамѣченный. Турки, разумѣется, оттуда убрались назадъ. Промедли теперь маленькій отрядъ охотниковъ со своимъ резервнымъ взводомъ, и дѣло обошлось бы намъ очень дорого. Турки оправились бы—свип-

цовый дождь изъ ихъ траншей сталъ бы падать какъ разъ изъ доступовъ къ непріятельскимъ позиціямъ. Вмѣсто одиночныхъ убитыхъ и раненыхъ, явились бы сотни, а если сообразить что дѣло было ночью, въ туманѣ, что войска на три четверти состояли изъ новичковъ непривычныхъ къ огню, то трудно было бы вѣрить въ успѣхъ аттаки. Къ счастію, какъ только маленькіе ложементы были захвачены цѣпью, изъ-за нихъ выдвинулось партія охотниковъ и поодаль отъ нея взводъ резерва. Всего ихъ было по пятидесяти человѣкъ въ каждомъ. Трудно представить себѣ какъ часто здѣсь большія дѣла совершаются ничтожными силами. Изо ста человѣкъ, двинувшихся впередъ за турецкую траншею, по пятамъ за отступавшими турецкими аванпостами, шло не болѣе двадцати съ поручикомъ Тарасенко во главѣ. Это—самые рѣшительные; поодаль двигалось человѣкъ тридцать, считавшихъ постыднымъ отстать отъ своихъ. А половина осталась въ пространствѣ между аванпостными ложементами и турецкою траншеей. Охотники бросились на непріятельскую траншею, и въ первый моментъ одиимъ крикомъ *ура* выгнали оттуда турокъ. Оставшихся прикололи, потому что при сравнительной слабости партіи очень опасно было брать въ плѣнъ. Выбѣжавъ изъ своего закрытія, турки бросились въ разсыпную. Въ это время части отставшія одиночками, тоже подошли сюда, и Тарасенко по бѣгущимъ могъ уже открыть сначала пальбу залпами, а потомъ непрекращавшуюся пальбу рядами. Охотники быстро вошли во вкусъ. Извѣстно, что какъ скоро возникаетъ паника, такъ же скоро она и исчезаетъ; между людьми, лежавшими еще недавно позади своихъ товарищей, нашлись такіе которые теперь бросились изъ траншеи въ погоню за бѣглецами, настигали ихъ у слѣдующаго ряда турецкихъ укрѣпленій, и тамъ уже били въ упоръ, мало заботясь что, опомнившись, турки могутъ забрать ихъ живьемъ. Во время аттаки траншеи храбрый молодой офицеръ Тарасенко остался цѣлъ, хотя съ пятью солдатами первый вскочилъ на непріятельскій брустверъ; за то чрезъ нѣсколько минутъ онъ наткнулся нечаянно на штыкъ своего же рядоваго, и былъ легко раненъ. Чрезъ два дня я видѣлъ его уже здоровымъ.

Позади атаковывавшихъ частей, то-есть стрѣлковой цѣпи, партіи охотниковъ и взвода резерва, двигалось десять ротъ Владимірскаго пѣхотнаго полка. Онѣ не должны были принимать участія въ наступленіи, но тѣмъ не менѣе роль ихъ была въ высшей степени серіозна. Снабженные (каждый солдатъ) шанцевымъ инструментомъ, они должны были какъ можно скорѣе вырыть траншею на томъ мѣстѣ, которое еще ранѣе боя было опредѣлено на планѣ какъ крайній пунктъ нашихъ будущихъ позицій. Траншея должна была вырости на глазахъ. И тутъ-то началась роль полковника Мельницкаго. Онъ старый боевой офицеръ, потому что вмѣстѣ съ нѣмцами продѣлалъ всю франко-прусскую войну. Скобелевскому отряду онъ оказывалъ до сихъ поръ и оказалъ потомъ значительныя услуги. Какъ онъ остался цѣлъ—я не понимаю. Цѣлыя недѣли Мельницкій не выходилъ изъ огня, не выходитъ и теперь. Для такой работы нужно здоровье желѣзное. Разъ онъ не спалъ подрядъ восемь ночей, а днемъ въ это время ему удавалось засыпать на полчаса, на часъ, не больше.

Мельницкій лично привелъ десять ротъ, разставилъ ихъ въ одну шеренгу по всей линіи будущей траншеи, и въ то время какъ охотники со своимъ резервомъ, бывшіе впереди, изъ наступленія перешли въ оборону и уже, въ свою очередь, залпами отбивались отъ атакующихъ таборовъ турокъ, неистово стремившихся отнять назадъ важную позицію перваго кряжа Зеленыхъ Горъ, Владимірцы нервно, быстро работали лопатами, съ каждою минутой все выше и выше воздвигая предъ собою спорый окопъ бруствера. Турки въ свое время буквально осыпали ихъ свинцовымъ дождемъ. По яркой линіи огня, прорѣзавшагося впереди въ эту мглистую тьму, они видѣли что, въ наступленіе перешли значительныя силы враговъ. Пули поражали людей съ злобнымъ шипѣніемъ, уходили въ рыхлую массу свѣжаго окопа, жужжа точно пчелы у самыхъ ушей, сливая свои разнообразные звуки съ глухими стонами раненыхъ и пронзительными воплями турецкой аттаки, а работа все-таки шла не переставая. Никто не отдыхалъ, никто ни на минуту не оставлялъ лопаты. Многія работавшія шеренги не прерывались ни на одномъ мѣстѣ. Только откуда-нибудь раздавался стонъ и солдатъ, только-что захвативъ лопатой комъ земли, падалъ въ толпѣ, или въ вырытую имъ яму—на его мѣсто сейчасъ же выдвигался новый; жертву боя санитары уносили назадъ и работа опять шла упорно, безотходно... Впереди работавшихъ, не заботясь нисколько о собственной безопасности, наблюдали полковникъ Мельницкій и подполковникъ Сасскій. Черезъ часъ турецкая аттака была такъ сильна что, казалось, воздухъ былъ раскаленъ отъ сплошнаго дождя горячаго свинца; направо и налѣво, впереди и позади падали такія густыя массы, что на этомъ пространствѣ трудно было держаться чему-нибудь живому; но героизмъ и сила сдѣлали свое дѣло. Пока проходилъ этотъ часъ, окопъ росъ, и въ моментъ самаго ожесточеннаго огня брустверъ новой траншеи поднялся уже такъ высоко, что затомившіеся Владимірцы могли, сложивъ свои лопаты, прислониться къ нему и отдохнуть въ полной безопасности. Дѣло было сдѣлано, позиція для насъ спасена... Уже мы могли торжествовать побѣду.

«Между тѣмъ нашъ артиллерійскій огонь тоже дѣлалъ свое дѣло. Съ батарей праваго и лѣваго фланговъ у Брестовца, съ Радишевскихъ и Тученицкихъ съ Тернина и Медована громились турецкія позиціи. Казалось, что въ эту сѣрую ночь, въ ея сумракѣ и туманѣ, цѣлый адъ открылъ свои огнедышущія жерла. Сотни гранатъ со зловѣщимъ визгомъ неслись въ высотѣ. Во мглистой тьмѣ вспыхивали и гасли безчисленныя созвѣздія шрапнелей, сѣя вокругъ страданіе и смерть. Снопы зловѣщаго огня гасли въ сыромъ холодѣ ночи,—но погаснувъ, рождали желѣзныхъ демоновъ смерти, стремительно впивавшихся въ земляныя насыпи турецкихъ укрѣпленій, рвавшихся въ ихъ черныхъ нѣдрахъ и смѣшивавшихъ свои осколки съ рыхлыми комками глины, съ безобразными клочьями окровавленныхъ тѣлъ... Не было предѣла ужасу, не было конца страданіямъ!.. И среди этого ужаса, среди этихъ страданій, нашъ небольшой отрядъ занялъ вершину Зеленыхъ Горъ и, окруживъ себя негаснущими молніями залповъ, додѣлывалъ спокойно свое дѣло.

«Уже черезъ часъ, когда насыпь была почти готова отъ охотниковъ прибѣжали назадъ сказать, что у нихъ мало осталось патроновъ. На мѣстѣ была организована доставка ихъ; все время остальнаго боя, десять, пятнадцать человѣкъ проползали во тьмѣ отъ строившейся траншеи на огни турецкихъ залповъ, отыскивали впереди нашихъ охотниковъ, снабжали ихъ патронами и также ползкомъ возвращались назадъ за новыми запасами. Благодаря этому, почти всю ночь продолжалась перестрѣлка не ослабѣвая, огонь поддерживался неустанно, и туркамъ ни разу не дали подойти слишкомъ близко къ отнятой у нихъ высотѣ. Картина нашего расположенія въ этотъ моментъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

«Впереди, далеко впереди, въ небольшихъ ложементахъ, чуть ли не лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, залегли охотники, сѣявшіе въ сплоченныхъ таборахъ наступающаго врага смерть и ужасъ. Позади лежала стрѣлковая цѣпь, выбивая турокъ черезъ головы охотниковъ. Еще далѣе за стрѣлковою цѣпью перерѣзывалъ высоту свѣжій валъ траншеи, состоявшей теперь изъ трехъ частей. Право-фланговая находилась уже подъ командой смѣлаго и способнаго офицера Маневскаго, среднею распоряжался тоже выдающійся сотрудникъ Скобелева, Нечаевъ. Лѣво-фланговая еще работалась подъ присмотромъ Мельницкаго, уже загибаясь назадъ, чтобы представить оплотъ противъ фланговой атаки турокъ. На правомъ флангѣ намъ не нужно было дѣлать этого, потому что траншея Маневскаго опиралась въ нашъ Радишевскій оврагъ. Между траншеями Нечаева и Маневскаго прорывалась назадъ къ нашимъ резервамъ соединительная траншея седьмою и восьмою ротами Владимірскаго полка, двѣнадцатая же рота начинала уже рыть такую же соединительную траншею оттуда, гдѣ кончалась траншея Нечаева и начиналась лѣво-фланговая. Первая соединительная траншея была уже доведена до небольшаго резервнаго отряда, поставленнаго тамъ, гдѣ Радишевскій оврагъ дѣлаетъ загибъ къ западу, на склонѣ. Нѣсколько далѣе этого резерва расположились остальныя части Владимірскаго полка, выдвинувъ на нашъ лѣвый флангъ стрѣлковую роту подъ начальствомъ отличнаго туркестанскаго служаки Сполатъ-Бега. Далеко позади, на правомъ флангѣ, уже за Радишевскимъ оврагомъ, стоялъ на готовѣ Шуйскій полкъ.»

«Въ два часа ночи турецкая атака особенно усилилась. Къ этому времени къ непріятелю, какъ оказалось потомъ, подошли значительныя подкрѣпленія изъ Плевны. Но теперь уже наступленіе ихъ не было страшно, мы прикрылись въ траншеѣ такъ хорошо, что роль стрѣлковъ, разсѣянныхъ цѣпью между охотниками и траншеей, окончилась. Нужно было уже открывать огонь изъ-за бруствера, который былъ уже достаточно высокъ. При этомъ бывшіе впереди наши стрѣлки могли бы только мѣшать намъ. Имъ было отдано приказаніе уйдти въ траншею. Какъ только движеніе это было исполнено, начался второй періодъ боя, болѣе правильный въ смыслѣ обороны. Подготовленія кончились, нужно было только удерживать занятое.

«Во второмъ періодѣ дѣла бой вела уже новая траншея. Бывшіе впереди охотники играли ту же роль, что и аванпосты въ ложементахъ предъ траншеей. Про-

тивъ турецкой атаки, направившей теперь главныя свои силы противъ нашего лѣваго фланга на строющуюся соединительную траншею, дѣйствовали сплошнымъ огнемъ изъ-за бруствера десять ротъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, остальныя пять ротъ его были въ резервѣ. Солдаты, стоя за валомъ, били выдержанными залпами. Волненіе уже улеглось, горячки первыхъ минутъ не было, ждали команды, и по ней верхній гребень бруствера точно разомъ вспыхивалъ цѣлыми снопами огня, озаряя на мгновеніе непроницаемую тьму. Одна изъ атакъ турецкихъ была особенно неистова. Они добрались съ громкими криками до самаго вала, несмотря на свои потери. Изо всей массы враговъ, впрочемъ, нашелся только одинъ осмѣвлившійся вскочить сначала на брустверъ, а потомъ броситься въ нашу траншею съ рикомъ «Алла!» Къ сожалѣнію, этого одиночнаго храбреца приняли прямо на штыки—и онъ умеръ съ обломкомъ изъ нихъ въ груди... Турки не умѣютъ подходить тихо. При наступленіи они сами линіей огня открываютъ свои силы. Все равно, за валомъ непріятелю вреда большаго не сдѣлаешь, а свои силы и направленіе откроешь. Турки, къ счастію, забываютъ это мудрое правило. Такъ и теперь, по линіи ихъ огня, мы могли замѣчать, что противъ насъ дѣйствуютъ самое меньшее — двѣнадцать таборовъ. Хуже всего въ данномъ случаѣ пришлось прикрывавшей нашъ лѣвый флангъ стрѣлковой ротѣ Сполатъ-Бега. Она выдвинулась слѣдующимъ образомъ: на правомъ мы уже окопались очень хорошо, непріятель туда наступалъ цѣлью и отбить его было не трудно, на лѣвомъ же флангѣ работа еще производилась. Сполатъ-Бегъ со своею ротой стоялъ въ резервѣ, когда замѣтилъ что турки идутъ въ обходъ на нашъ еще работающій лѣвый флангъ и идутъ уже не рѣдкою цѣпью, а сомкнутыми сильными массами. Не ожидая приказаній, Сполатъ-Бегъ самъ сообразилъ, что ему надо дѣлать, выдвинулся изъ резерва и скомандовалъ ротѣ идти на встрѣчу непріятельскому обходу. Рота вышла какъ на парадѣ, стройно, красиво, выстроилась на гребнѣ и на убійственный огонь турокъ долго не отвѣчала. Въ рядахъ падали убитые и раненые. Сполатъ-Бегъ былъ предъ ротой и только командой «сомкнись» отвѣчалъ на стоны несчастныхъ. Рота смыкалась и опять молчаливо ожидала врага. Но вотъ линія турецкаго огня близится и близится, пули массами летятъ въ небольшую группу солдатъ. Врагъ уже въ двухстахъ шагахъ не болѣе.

«— Рота — пли!... рѣзко звучитъ команда...

«Убійственный залпъ прямо въ лица туркамъ. Минута молчанія. Въ ротѣ только щелкаютъ экстракторы и слышенъ шорохъ заряжающихся ружей.

«— Рота — пли! звучитъ также, какъ и въ первый разъ.

«Залпъ еще на болѣе короткомъ разстояніи... «Алла, Алла» и стоны въ близкихъ уже рядахъ непріятеля. Опять щелканіе экстракторовъ. Два залпа заставили пріостановиться турокъ, но они быстро оправляются и идутъ впередъ... Уже въ полутораста шагахъ—ихъ линія, уже видны дула ружей непріятельскихъ, уже при огнѣ выстрѣловъ различаемъ ихъ смуглыя лица, озаряемыя краснымъ, точно кровавымъ блескомъ. Видны сплошныя массы. Нѣсколько минутъ, и рота будетъ раздавлена этою громадною лавиной. Пощатнись, отступи Сполатъ-

Бегъ въ эту минуту, ни одинъ солдатъ не дошелъ бы живымъ до своихъ резервовъ. По счастію туркестанскій опытъ помогъ Сполатъ-Бегу. Онъ еще выдержалъ турокъ и уже когда они были во ста шагахъ, опять рѣзко прозвучала команда:

«— Рота—пли!...

«Залпъ буквально въ лица врагамъ. Въ шумныхъ лавинахъ смятеніе. Массы колеблются.

— Рота—пли!

«Еще залпъ, массы хлынули назадъ... Крики ужаса... Турки не выдержали. Передніе давятъ тѣхъ, кто позади.

«— Рота—пли!

«Залпъ уже въ спину непріятеля, уже въ догонку.

«Рота честно сдѣлала свое дѣло. Теперь лѣвый флангъ обезпеченъ по крайней мѣрѣ на полчаса отъ новой аттаки, работа можетъ идти безпрепятственно. Шумная лавина враговъ низвергается внизъ, слышенъ только трескъ отъ ломающейся соломы на кукурузныхъ поляхъ, да топотъ нѣсколькихъ тысячъ ногъ...

«Спросятъ, гдѣ же все это время былъ Скобелевъ! — Тамъ же, гдѣ и всегда. Сначала съ охотниками; потомъ въ траншеѣ, лично командуя ея обороной. Во время самыхъ жестокихъ аттакъ непріятеля молодой генералъ вскочилъ на брустверъ, и весь въ пороховомъ дыму, озаряемый перебѣгающими огнями вы стрѣловъ, ободрялъ солдатъ. Въ минуты сравнительной тишины онъ проходилъ за траншеей, бесѣдовалъ со Владимірцами, слѣдилъ за тѣмъ, какъ росла грозная профиль бруствера, посѣщалъ резервы... Въ одинъ изъ такихъ обходовъ Скобелевъ замѣтилъ, что въ центрѣ новыхъ траншей у Нечаева люди стоятъ слишкомъ жидко. Лично распорядился послать ему еще роту. Пройдя направо, онъ обращается къ солдатамъ:

«— Смотрите, братцы... Сейчасъ опять станетъ наступать непріятель. Я буду на лѣвомъ флангѣ. У меня стоять молодцами! Умирать на своихъ мѣстахъ, но не уступать позиціи. Слышите?..

«— Слышимъ, ваше превосходительство... Не безпокойтесь... Мы съ Маневскимъ! раздаются въ отвѣтъ голоса солдатъ.

«Скобелевъ жметъ руку Маневскому и идетъ дальше.

«Въ это-то самое время наступилъ сравнительно моментъ тишины.

«Скобелевъ, пользуясь имъ, скачетъ въ Брестовацъ, чтобы послать оттуда донесеніе въ Главную Квартиру Главнокомандующему и въ Тученицу—Тотлебену. Не успѣлъ онъ еще написать двухъ словъ, какъ на Зеленыхъ Горахъ опять разгорѣлась перестрѣлка. Вскочивъ на перваго коня, Скобелевъ перегоняетъ своихъ ординарцевъ, одинъ мчится назадъ, боясь за судьбу новой позиціи. Весь путь его осыпаютъ пули. Ночью, турки стрѣляютъ и въ Брестовацъ, и въ лощины за Зелеными Горами. Пули ложатся налѣво и направо, шрапнели рвутся надъ головою Скобелева, но спустя нѣсколько минутъ цѣлый и невредимый генералъ домчался до подъема на занятый имъ сегодня кряжъ.

«Вотъ что было въ его отсутствіе на Зеленыхъ Горахъ.

«Я уже описывалъ выше обходное движеніе турокъ во флангъ. Еще не наткнувшись на роту Сполатъ-Бега, турки стали бить анфиладными выстрѣлами по солдатамъ, которые только что начали рыть соединительныя траншеи отъ главной къ резервнымъ. Двѣ роты вслѣдствіе этого дрогнули. Это было не въ передовыхъ позиціяхъ—тамъ въ траншеѣ отлично выдержали турецкую аттаку солдаты Маневскаго и Нечаева, а такъ-сказать, въ среднемъ промежуткѣ между траншеями и резервами.

«Только-что Скобелевъ сталъ взбираться на скатъ Зеленой Горы, какъ навстрѣчу ему разстроенная масса.

«— Здорово, молодцы! крикнулъ онъ имъ навстрѣчу, такъ что голосъ его услышали самые отдаленные...

«Солдаты совершенно инстинктивно стали фронтомъ въ ряды...

«— Вы это что?... Стройся... За мною, маршъ!

«И генералъ, приказавъ Куропаткину предупредить въ траншеѣ, что онъ сейчасъ будетъ, самъ повелъ роты опять на работу. Подъ огнемъ, какъ ротный командиръ, генералъ стройно повелъ солдатъ, разставилъ ихъ, приказалъ унтеръ-офицерамъ, сталъ впереди, слѣдить за работой, и тогда уже отправился въ передовыя траншеи.

«Валы были уже готовы, но внутри могли помѣщаться только одни солдаты, работавшіе ихъ. Еще слишкомъ узокъ былъ ровъ, такъ что Скобелевъ, офицеры, начальникъ его штаба, проходили предъ траншеей, рискуя получить пулю въ голову, или въ верхнюю часть груди. Въ это время капитанъ Куропаткинъ замѣчаетъ что впереди, не смотря на приказаніе отступать, есть еще нѣсколько стрѣлковъ. Онъ выходитъ предъ траншеей.

— «Капитанъ Добровскій! зоветъ онъ къ себѣ ихъ командира.—Потрудитесь отвести остальныхъ оттуда.

—«Сдѣлаю что могу, отвѣчаетъ тотъ, и поднимаетъ руку къ козырьку. Въ это мгновеніе точно что-то щелкнуло около Куропаткина, и Домбровскій падаетъ внизъ безъ стона.

«Подбѣгаютъ къ нему, пуля, ударивъ въ високъ, убила Домбровскаго наповалъ.

«Черезъ полчаса Скобелевскій отрядъ могъ заснуть спокойно. Соединительная траншея отъ траншеи Маневскаго къ резервамъ была уже готова. Турки, повторивъ аттаку въ значительно большихъ силахъ, могли бы отнять лѣво-фланговую, Нечаевскую траншею,—это было уже неважно. Траншеи Маневскаго и соединительная остались бы въ нашихъ рукахъ. Опираясь на Радишевскій оврагъ, куда уже шли Шуйцы, мы заснули спокойно... Бой на сегодняшнюю ночь былъ конченъ. Турки, потерявъ вѣру въ возможность сбить насъ съ Зеленыхъ Горъ, стали сновать со своими аттакующими частями на другія наши позиціи. Сунулись было на Брестовацкій лѣвый флангъ—отбили ихъ залпами, массами; точно тучи надвинулись на правый и тоже бѣжали, оставивъ своихъ раненыхъ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ они были отброшены сидѣвшими въ своихъ траншеяхъ Суздальцами. Кинулись было на право-фланговую баттарею, но тоже изъ пере-

довыхъ траншей ихъ встрѣтили такимъ убійственнымъ огнемъ, что Турки не дошли даже и на пять сотъ шаговъ.

«Возвращаясь назадъ въ туманѣ, мы чуть не заблудились. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя ничего видно не было. Благодаря этому обстоятельству, въ руки нашихъ солдатъ попалась кухня турецкая, которую взяли съ запасами вареной фасоли на позиціи. Турокъ-возница спокойно пріѣхалъ въ нашъ отрядъ и давай кричать на солдатъ, чтобы они посторонились. Замѣтивъ ошибку—онъ было задергалъ вожжами, чтобы повернуть лошадей, но его уже обступили со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ хохотомъ приступили къ изслѣдованію турецкихъ котловъ.

«Сѣро и туманно было утро послѣ этой памятной ночи. Кончился бой,—опять за лопаты. Работа продолжалась и днемъ. Нужно было уширить и углубить траншею, утолщить ея брустверы, особенно на верху, гдѣ турецкія пули пронизывали гребень, прорѣзать банкеты, на которые бы могли становиться часовые, а въ случаѣ тревоги и всѣ дежурныя части отряда. Приводились въ извѣстность наши потери, причемъ оказывалось, что изъ строя выбыло около 130 человѣкъ. Кто не работалъ, тотъ чистилъ ружья. Только немногіе счастливцы могли заснуть на сырой и холодной землѣ, кое-какъ завертываясь въ сѣрыя шинели. Въ семь часовъ еще было темно, а солдатамъ уже доставили горячую пищу. Сверхъ того, Владимірцы въ брустверѣ продѣлали маленькія ниши—печурки. Тамъ раскладывались дрова, которыя приходилось собирать подъ выстрѣлами, позади траншеи. Оттуда курились дымки и около огонька грѣлись зябнущія группы солдатъ, пока въ манеркахъ поспѣвалъ имъ чай. Для Скобелева пока въ центрѣ траншеи было убито, точно въ родѣ скамьи, небольшое пространство земли въ нарочно прорытой ямкѣ. Сюда положили соломы и здѣсь именно, завернувшись въ бурку, отдыхалъ генералъ, все время раздѣлявшій съ солдатами не только опасности боя, но еще болѣе безпокойныя внѣшнія неудобства жизни въ траншеѣ осенью...

«Въ описаніи вчерашняго ночнаго боя я не упомянулъ о скорострѣльной батареѣ картечницъ, которая была съ самаго начала вдвинута въ линіи траншеи и оказала большую услугу ея защитникамъ. Командовалъ ею Голощаповъ. Митральезы—каждая стоила залповъ. Онѣ могли дѣйствовать, не будучи обстрѣливаемы. Днемъ снимали показаніе съ Турка захваченнаго вчера въ траншеѣ. По его словамъ, оказывалось что у Османа сто тысячъ войска, что продовольствія въ Плевнѣ найдется на три мѣсяца, что когда истощатся послѣдніе запасы Турки уйдутъ изъ Плевны подземнымъ ходомъ, продолжающимся на двадцать семь верстъ. Все это пахло сказкой, но говорилось съ полнымъ убѣжденіемъ.

«Въ Брестовцѣ также были потери. Въ самомъ селѣ у себя на дворахъ убито нѣсколько человѣкъ. Въ лѣво-фланговой траншеѣ убитъ офицеръ Филипповичъ. Я отправился на перевязочный пунктъ, расположенный позади села. Доктора жаловались на то, что ночью пули мѣшали имъ работать. Онѣ били по всему этому пространству. Одинъ раненый былъ убитъ на самомъ перевязочномъ пунктѣ. Часа черезъ три послѣ своего отъѣзда, вернувшись на траншею, ее нельзя было

уже узнать. Внутри широкій ходъ. Трое могутъ идти рядомъ. Брустверы уже высоки и толсты настолько, что въ серединѣ ихъ не пробьетъ граната. Ружья уже лежатъ не на гребнѣ бруствера, а въ нарочно для того продѣланныхъ въ немъ отверстіяхъ. Тѣмъ не менѣе Скобелевъ говоритъ:

«— Вдвиньте мнѣ сюда баттарею... Ради Бога, устройте поскорѣе для нея амбразуры и брустверы, чтобы завтра ночью мы могли уже привѣтствовать Турокъ и отсюда гранатами... просилъ онъ Мельницкаго.

«Мельницкій былъ утомленъ до послѣдней возможности, но сейчасъ же принялся за дѣло.

«— Во сколько часовъ будетъ готово? волновался Скобелевъ.

«— Къ полуночи.

«— Нельзя ли поскорѣй... Я знаю что какъ только стемнѣетъ, Турки попробуютъ отнять у насъ траншею. Встрѣтить бы ихъ картечною гранатой.

«— Часамъ къ десяти завтра постараемся...

«— Какой унтеръ-офицеръ у васъ будетъ завѣдывать работой?

«— Митрофанъ Колокольцевъ.

«— Покажите мнѣ его.

«Красивый саперный унтеръ-офицеръ былъ приведенъ къ генералу.

«— Это ты, голубчикъ, вчера подъ огнемъ рылъ траншею?

«— Я, ваше превосходительство.

«— Ну, вотъ что, молодецъ. Если ты мнѣ къ завтрашней ночи кончишь баттарею, а ночью предъ нашимъ лѣвымъ флангомъ выроешь небольшой ложементикъ, послѣ завтра я поздравлю тебя Георгіевскимъ кавалеромъ.

«— Постараюсь...

«— Ну, помни же...

«— Коли не убьютъ—сдѣлаю.

«— А убьютъ,—такъ умрешь честно, за свою родину...

«— Слушаю-съ...

«Въ теченіе дня Турки нѣсколько разъ безпокоили отрядъ своими секретами. Мѣстность между нашею ново-явленною Зеленогорскою траншеей и турецкими позиціями представляла унылую полосу поблекшихъ кустовъ, мелкаго дубняка, сухой листъ, на которомъ падаетъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Въ нѣсколькихъ пунктахъ высятся грушевыя деревья, тоже совершенно голыя. Этими-то деревьями и пользовались турецкіе стрѣлки. Они забирались туда и сверху внизъ прямо уже въ траншеѣ били людей мнившихъ себя въ полной безопасности. Наконецъ это надоѣло нашимъ солдатамъ; — они стали отправляться на охоту за дичью. Перепрыгнутъ за брустверъ и подползаютъ сквозь кусты къ дереву. Только что турецкій стрѣлокъ намѣтитъ новую жертву въ траншеѣ и наводитъ на нее дуло своего Пибоди—какъ изъ-за кустовъ гремитъ выстрѣлъ, и дичь, ломая сучья, съ глухимъ стономъ падаетъ внизъ... Тѣмъ не менѣе такіе уроки не отучили Турокъ отъ этой скверной привычки. Были два дерева у самыхъ турецкихъ траншей. Они, вслѣдствіе своей густоты, скрывали совершенно забравшихся туда людей. Съ этихъ деревьевъ неотступно безпокоили насъ все время,

какъ я былъ со Скобелевымъ, т. е. около восьми дней. Съ утра до ночи и всю ночь оттуда безпрестанно выстрѣлы сверху внизъ. Ими анфиладно обстрѣливалась та часть нашей траншеи, гдѣ спалъ Скобелевъ, и нѣсколько пуль впилось въ рыхлую массу земли, какъ разъ у изголовья генерала. Надоѣдали эти два стрѣлковые пункта намъ гораздо больше, чѣмъ турецкія аттаки. Только кто-нибудь выйдетъ изъ траншеи назадъ—съ деревьевъ его разстрѣливаютъ. Вздумается кому-нибудь взглянуть далѣе за брустверъ, пули назойливо жужжатъ мимо ушей. Въ свою очередь и наши ловили Турокъ. Между Зеленогорскою траншеей и турецкими позиціями послѣ вчерашняго боя осталось нѣсколько человѣкъ убитыми. Весь день къ нимъ подбирались Турки, чтобы снять съ нихъ сапоги и мундиры. Тутъ-то и сторожили хищниковъ солдаты. Турку давали добраться до трупа, но только-что онъ начиналъ мародерствовать, мѣтко выпущенная пуля укладывала его рядомъ или ранила, такъ что онъ начиналъ вопить къ своимъ о помощи... Такъ десятка полтора Турокъ перехлопали. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ изъ нашихъ убитыхъ Турки успѣли раздѣть до-нага. Одного мнѣ показали не вдалекѣ отъ нашей траншеи подъ деревомъ. Въ сѣрый и туманный день это посинѣвшее тѣло производило особенно тоскливое впечатлѣніе. Мы видѣли только вздувшійся животъ, раскинувшіяся руки и верхнюю половину ногъ. Голова и ступни были въ кустахъ.

«— Гдѣ же у него рана?

«— Должно быть въ голову...

«Черезъ часъ его уже не было на этомъ мѣстѣ. Видъ этого тѣла производилъ на солдатъ слишкомъ деморализующее впечатлѣніе, и Скобелевъ приказалъ убрать его во что бы то ни стало. Трое охотниковъ отправились туда, и имъ дѣйствительно удалось втащить въ траншею трупъ, который сейчасъ же похоронили. Вдоль траншеи вообще выросло уже много могилъ. Убитыхъ зарывали тутъ же; читали надъ ними молитву, солдаты крестили свѣже выкопанную яму, и затѣмъ отъ человѣка уже не оставалось ничего на Божьемъ свѣтѣ, ничего кромѣ воспоминанія, да слезъ въ далекой деревушкѣ, гдѣ напрасно будетъ ждать семья своего радѣльца и кормильца....»

«Чѣмъ ближе подходилъ вечеръ, тѣмъ безпокойнѣе всѣ становились. Скобелевъ постоянно выходилъ на брустверъ, всматривался въ сумерки, уже сливавшія даль въ одну непроглядную мглистую полосу. Часовымъ было велѣно глазъ не спускать съ пространства предъ траншеей. Унтеръ-офицерамъ приказано не спать и постоянно провѣрять часовыхъ. Одинъ изъ нихъ даже разсмѣшилъ насъ.

«— Стой на часахъ какъ пѣхутъ! внушалъ онъ молодому солдату.

«— Это почему же какъ пѣтухъ? спрашиваетъ его Скобелевъ.

«— Потому, ваше превосходительство, что пѣтухъ строго стоитъ, сторожитъ...

«Самъ Скобелевъ нѣсколько разъ обошелъ траншею внушая часовымъ отнюдь не поднимать фальшивой тревоги.

«— Отнюдь не стрѣлять. Лучше скажи... Подходятъ Турки только приготовьтесь. Чѣмъ они ближе, тѣмъ лучше. Дула держите ниже, чтобы по командѣ не стрѣлять воронъ черезъ голову, а прямо въ непріятеля попадать. Безъ команды

отнюдь не смѣй курка спустить никто. Вскочутъ Турки на брустверъ—тутъ-то и праздникъ, прямо на штыки ихъ принимай... Не первый разъ намъ ихъ бить, ребята!... Ну, какъ ты станешь дѣлать, если Турки наступать начнутъ? обращается онъ къ часовому.

«Тотъ взялъ прицѣлъ.

«— Ну, въ ворону и попадешь. Вотъ какъ нужно!

«И Скобелевъ показалъ...

«— Пожалуста, гг. офицеры, покажите солдатамъ какъ дѣлать это.

«Чѣмъ гуще тьма, чѣмъ ближе ночь, тѣмъ стрѣльба со стороны Турокъ все усиливается и учащается. У нихъ точно обязательно для часовыхъ стрѣлять, чтобъ этимъ самымъ показать: «мы-де не спимъ!» Цѣлыя ночи продолжаются выстрѣлы турецкихъ часовыхъ, хотя имъ изъ нашей траншеи не отвѣчаютъ вовсе. Солдатамъ иной разъ и хотѣлось бы открыть перестрѣлку, да начальство строго слѣдитъ за этимъ. Нервы у отряда напряжены.

«Когда совершенно стемнѣло, намъ доставили обѣдъ въ траншею; тутъ же согрѣли самоваръ. Кто-то мнѣ уступилъ свою бурку и, благодаря ей, я не ощущалъ еще пронизывающаго холода. Нужно было выбрать мѣсто, гдѣ улечься. Разрыли немного землю—легъ я въ нее, и комъ соломы подъ голову вмѣсто подушки. Туманъ все густѣлъ и густѣлъ; шумъ шаговъ въ траншеѣ, говоръ замирали; зарево костровъ, разложенныхъ тутъ, высоко отражалось во мглѣ осенней ночи. По этому отсвѣту преимущественно цѣлили турецкіе часовые...

«Скоро стало очень холодно и бурка не спасала. Мнѣ не спалось поэтому, и я оставилъ свое логовище. Сидя на банкетахъ и опираясь спиной о брустверъ—спали солдаты. Поперекъ траншеи тоже улеглись усталые работники, нѣкоторые похрапывали у огонька, чуть-чуть не попадая въ него головой. Офицеры обходили свои части и опрашивали часовыхъ... Гдѣ-то въ сторонѣ раздавался голосъ Мельницкаго. Онъ еще не спалъ, распоряжался работами.

«Рядомъ съ часовымъ и я сталъ на брустверъ баттареи. Впереди въ пятидесяти шагахъ еще можно различить кусты и деревья,—дальше только огоньки выстрѣловъ, въ разстояніи двухсотъ или трехсотъ шаговъ, обнаруживаютъ присутствіе непріятеля. Когда въ кустахъ слышится шорохъ, часовой настораживается. Минуту спустя оказывается, что это нашъ секретъ смѣняется или какой-нибудь звѣрекъ пробирается подальше отъ этихъ безпокойныхъ мѣстъ.

«Грустное раздумье овладѣло мною подъ стать этой туманной и унылой ночи...

«Темнѣе и темнѣе становилось... тише—турецкая стрѣльба. Точно и имъ надоѣло... До меня доносится бредъ Скобелева... Видно и у него расходились нервы послѣ всѣхъ пережитыхъ ощущеній... «Стойко держись...» шепчетъ онъ... и опять тишина, точно все притаилось здѣсь, точно въ этой траншеѣ стоялъ я одинъ въ царствѣ мертвыхъ... Потухли и костры, не шелохнется и сухой листъ на деревѣ... Только часовые все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываются въ темную даль... Чу! что-то словно шарахнулось за брустверомъ—и замерло опять... Нѣтъ, вотъ опять шорохъ... положительно слышны чьи-то кра-

дущіеся шаги... Часовой встрепенулся и пониже, по направленію шороха, передвинулъ дуло ружья... Прислушиваемся съ бьющимся сердцемъ, широко раскрытые глаза пристально всматриваются въ туманъ и тьму.

«—Не стрѣляй... доносится шепотъ изъ-за бруствера:—свой... изъ секрета.

«— Чего тамъ?..

«— Не стрѣляй... разбуди генерала... Турки выходятъ изъ свой траншеи, строятся...

«— Къ ружью! грянуло позади.

«Оборачиваюсь—Скобелевъ ужь стоитъ во весь ростъ на брустверѣ.

«— Къ ружью ребята!... На брустверъ... Снять секреты!

«Генералъ сквозь сонъ разслушалъ шепотъ, проснулся, вовремя подхвативъ послѣднюю фразу солдата, передавшаго свѣдѣніе о движеніи Турокъ.

«Суматоха кругомъ. Солдаты уже стали на банкеты и взялись за ружья. Головы ихъ надъ гребнемъ бруствера. Точно въ заколдованномъ царствѣ все проснулось въ одну минуту. За валомъ землянымъ—сталъ валъ живой, въ самой траншеѣ распоряжаются офицеры. Генералъ Грепквистъ приказываетъ снять секретъ скорѣй, нѣсколько человѣкъ перепрыгиваютъ за брустверъ.

«— Я зналъ что сегодня будетъ аттака, шепчетъ мнѣ Скобелевъ.—Смотрите же, братцы, молодцами стоять! Выдерживай его на близкое разстояніе, стрѣляй по командѣ. Господа офицеры, по своимъ частямъ!.. Сунется врагъ на брустверъ, въ штыки принимай! Ну, какъ ты его встрѣтишь? обращается Скобелевъ къ новичку.

«— А вотъ! и тотъ показалъ снизу вверхъ штыкомъ.

«— Молодецъ... Однако боюсь, что турки могутъ прорваться гдѣ-нибудь, обращается генералъ къ Куропаткину. — Мы ихъ разумѣется выгонимъ, но на полчаса они надѣлаютъ суматоху. Приблизить резервы...

«Нѣсколько минутъ еще—и точно ожила даль.... Все что впереди было погружено въ мертвое молчаніе, загремѣло выстрѣлами. Турки обнаружили себя. По свойственной имъ манерѣ они и теперь подходятъ—стрѣляя.

«— Сколько ихъ?...

«— А вотъ по линіи огня нужно опредѣлить. И Скобелевъ высматриваетъ таборы, стоя на брустверѣ.

«Впереди во тьмѣ сверкаетъ линія зловѣщихъ ружейныхъ огней. На версту по крайней мѣрѣ они растянулись. По густотѣ огня видно, что и въ глубину наступающія части значительны, что это не развернутый строй, а сомкнутыя массы подходятъ. Огни все ближе. Надъ головами у насъ свистятъ, жужжатъ и стонутъ тысячи пуль. Я спустился внизъ въ траншею и сѣлъ у банкета...

«—Эта которая стонетъ чью-нибудь смерть несетъ, объясняетъ мнѣ солдатъ.

«— Что такое стонетъ?

«— Которая пуля стонетъ. А жужжитъ либо свиститъ—ничего.

Пули ударяются въ валы и съ шипѣніемъ уходятъ въ нихъ, другія о деревья бьются... Точно кто-нибудь расплавленный свинецъ въ воду льетъ, точно такой же звукъ...

«Чѣмъ тише наша траншея, тѣмъ неистовѣе трескотня у турокъ. Мы молчимъ и выдерживаемъ ихъ ближе... Рядомъ кто-то падаетъ на меня сверху... Что-то теплое капаетъ на лицо мнѣ. «Батюшки» стонетъ раненый,—въ голову...

«Еще разъ приподымаюсь я, турки уже видимо близко. Линія огня—шагахъ въ семидесяти... При красномъ блескѣ выстрѣловъ видны дула ружей и какія-то массы позади... Съ трескотней ружейнаго огня слышатся ожесточенные крики «Алла!»... Гдѣ-то на правомъ флангѣ у турокъ даже *ура* наше гремитъ.

«— Пора, я думаю? обращается какой-то полковникъ къ Скобелеву.

«— Командуйте...

«— Баталіонъ, пли!

«Моментъ оглушительнаго залпа. Черный гребень траншеи на мгновеніе весь одѣвается въ золотую кайму...

«Залпы наши же слышатся и направо и налѣво...

«— Не давайте имъ успокоиваться. Пальба рядами! командуетъ уже самъ Скобелевъ. Вотъ заговорили картечницы... Вотъ грянули наши брестовецкія баттареи... Турки изъ Кришина тоже отвѣчать стали... Нѣсколько шрапнелей разорвало далеко впереди. Одна турецкая граната прямо въ массы своихъ попала.

«— Еще залпъ.

«— Баталіонъ, пли!

«Опять трескъ, точно земля рушится подъ вами. Но сегодня турки удивительно настойчивы. Они уже въ сорока шагахъ. Въ рядахъ ихъ смерть,—а они все идутъ впередъ... Положеніе становится серіознымъ. Скобелевъ самъ вскакиваетъ уже не на банкетъ, а на гребень бруствера и громовымъ голосомъ командуетъ обороной траншеи. Точно ореолъ по сторонамъ его наши залпы, онъ весь въ дыму, озаренномъ краснымъ блескомъ огня. Мимо него несутся тысячи пуль, нѣкоторыя у самыхъ ногъ впиваются въ брустверъ, извлекая искры изъ его землистой массы... Точно апофеозомъ войны становится въ эту минуту молодой генералъ. Голосъ его не смолкаетъ ни на одну минуту. Онъ слышенъ и на правомъ, и на лѣвомъ флангѣ траншеи. Онъ прямо въ лицо врагу кидаетъ свою бѣшеную команду. Залпы становятся чаще. Какой-то хаосъ царитъ кругомъ, теряешь голову,—и сознаніе отказывается служить тебѣ.

«— Слава Богу! отбили... слышится около...

«— Перестань стрѣлять, довольно.. кто-то приказываетъ въ темнотѣ.

«— Какъ довольно?! кричитъ Скобелевъ.—Турки бѣгутъ, залпами—въ спину имъ...

«Еще нѣсколько залповъ,—и все смолкаетъ... Только стоны раненыхъ турокъ слышатся за бруствером, да оживленный говоръ солдатъ все ростетъ и ростетъ въ темнотѣ траншеи.

«У насъ оказывается двадцать человѣкъ выбывшихъ изъ строя...

«Всю ночь за брустверомъ по всему пространству, гдѣ шла аттака Турокъ, двигаются огоньки. Сначала было наши часовые встревожились и раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

«— Не смѣть стрѣлять, развѣ вы турки! Они своихъ убитыхъ и раненыхъ убираютъ...

«Уборка эта продолжается у турокъ почти до утра. Видно, что наши залпы были хорошо направлены, и Турки потеряли здѣсь не одну сотню бойцовъ, смѣло шедшихъ на нашу траншею... Наши солдаты опять прислоняются къ сѣрому брустверу и засыпаютъ на немъ нервнымъ, тревожнымъ сномъ.

«Утромъ Главнокомандующій прислалъ Скобелеву сорокъ Георгіевскихъ крестовъ для раздачи героямъ вчерашней и нынѣшней ночи.

«Въ семь часовъ, въ траншею, послѣ утомительной ночи, явился по приказанію Скобелева оркестръ Владимірскаго пѣхотнаго полка. Музыка—въ окопахъ, во ста шагахъ отъ непріятеля! Но еслибы вы видѣли какъ ободряюще подѣйствовало это на утомленныхъ солдатъ. Народный гимнъ акомпанировался залпами нашихъ баттарей, перестрѣлкой часовыхъ и громкими апплодисментами картечницъ. Только что онъ кончился, съ конца къ концу грянуло оглушительное *ура*, въ которомъ, точно въ морѣ, утонули и выстрѣлы ружей, и ревъ нашихъ орудій... Потомъ—знакомые уже отряду звуки Плевненскаго марша. Музыка сегодня играла до вечера, и съ тѣхъ поръ каждый полкъ является въ траншею со своимъ оркестромъ. Сами солдаты стали просить музыки.

«Мы забыли войну. Наши отцы были лучшими боевыми психологами и понимали вліяніе музыки на солдата. Она поднимаетъ духъ войскъ. Наполеонъ—богъ войны—хорошо сознавалъ это и водилъ аттаки подъ громкіе звуки марша...»

«Ровно въ два часа ночи рѣшили «показать непріятелю пушки». Изъ четырехъ орудій дали залпъ.

«На разсвѣтѣ ничего противъ нашего лѣваго фланга не оказалось, хотя турки видимо что-то работали и теперь въ передовыхъ ложементахъ, отстоящихъ на двѣсти шаговъ отъ нашей траншеи. Мы не видѣли людей. Изъ-за турецкаго бруствера только взбрасывались вверхъ комья земли, на всемъ его протяженіи. Должно-быть Русскіе показали себя вчера ночью, и непріятель утолщаетъ валъ. Днемъ 31-го, огонь изъ этихъ траншей на столько усилился, что уже заслуживалъ вниманія. Тѣмъ не менѣе, потерь у насъ не было вовсе. Скобелевъ сейчасъ же, для донесенія Тотлебену, продиктовалъ мѣры къ парализованію турецкаго огня. Онѣ заключались: «въ утолщеніи бруствера баттареи и траншеи «и возведеніи на брустверѣ баттареи возможно высокихъ банкетовъ; въ точномъ «опредѣленіи днемъ угловъ обстрѣловъ орудій и соотвѣтственномъ уменьшеніи «ширины амбразуръ; въ устройствѣ крытыхъ путей къ водѣ, кухнямъ и окон«чательной разработкѣ резервныхъ траншей на два баталіона; наконецъ въ про«изводствѣ предъ нашими ложементами эспланады, засѣкъ для затрудненія «штурма, и т. д. Для обезпеченія устройства засѣки и эспланады сегодня но«чью, и для затрудненія непріятелю обезпеченнаго ближайшаго обстрѣла—впе«реди насъ лежащіе непріятельскіе ложементы будутъ взяты штурмомъ около «полуночи командой во сто человѣкъ охотниковъ. Дѣломъ этимъ я (Скобелевъ) «буду руководить лично. Взятые турецкіе ложементы прикажу основательно «засыпать. Засыпать эти ложементы было бы полезно потому, что турки уже

«вторично не рѣшились бы ихъ вырыть подъ сплошнымъ огнемъ нашихъ траншей и картечными гранатами орудій».

«Донесеніе это было послано. Въ ожиданіи разрѣшенія на штурмъ, траншея успокоилась.

«Митрофану Колокольцову, саперному унтеръ-офицеру, по обѣщанію Скобелева, слѣдовалъ Георгій. Колокольцевъ честно подъ огнемъ сдѣлалъ свое дѣло: вырылъ траншею, поставилъ баттарею. Генералъ съ утра спрашивалъ его—оказалось, что онъ посланъ въ Брестовацъ. Скобелевъ вложилъ Георгія въ пакетъ, на которомъ написалъ:

«Въ траншеяхъ, 31 октября 1877 года.

«Унтеръ-офицеру Колокольцову, согласно обѣщанію, за распорядительность, мужество и храбрость оказанныя въ дѣлѣ съ 29 на 30 октября. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. Отъ души поздравляю тебя, уважающій Михаилъ Скобелевъ».

«Когда дописывался этотъ конвертъ, Колокольцовъ явился самъ. Сейчасъ же были построены солдаты въ траншеѣ и, подъ звуки «военной чести» полковаго оркестра, Колокольцову надѣли Георгія.

«Днемъ около нашей траншеи, у праваго фланга ея, показалось нѣсколько турокъ. Движенія ихъ были такъ нерѣшительны и странны, намѣренія очевидно столь невраждебны, что по нимъ не стрѣляли. Всѣ они отошли назадъ, только одинъ все лавировалъ то направо, то налѣво, то подвинется впередъ, то назадъ уходитъ. Наконецъ онъ рѣшительно взялъ ружье подъ мышку, прикладомъ впередъ, въ знакъ своего «мирнаго расположенія», и пошелъ къ брустверу.

«— Чего ты?.. спрашиваетъ его часовой.

«Что-то бормочетъ про себя.

«— Тащи его, кричатъ солдаты.—Видишь, аману проситъ.

«Подали руку турку, втащили его въ траншею. Первымъ дѣломъ тотъ отдалъ ружье, патроны, и спокойно усѣлся на банкетѣ бруствера. Дали ему солдаты табаку, приложилъ ладонь ко лбу и сердцу и, въ свою очередь, предложилъ кукурузы. Надъ нимъ расхохотались и бросили ему сухарей, которые тотъ сейчасъ же сталъ жевать. Пока послали за переводчикомъ, турокъ совершенно освоился съ нами, грѣлся съ солдатами у костра, при первыхъ звукахъ музыки вылѣзъ на верхъ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ ее слушать. Солдаты, разумѣется, сейчасъ же вступили съ нимъ въ бесѣду—другъ друга не понимая. Ни малѣйшей насмѣшки, потому что онъ «повинился», какъ выразился одинъ унтеръ-офицеръ. Оказалось, что его побилъ юзъ-баши за то, что онъ осмѣлился просить сапогъ.

«— Давно ли вы голодаете?

«— Дней десять. Даютъ каждому по фунту хлѣба въ день и по четверти фунта мяса... изголодались.

«— А прежде какъ было?

«— Давали по три фунта хлѣба и по фунту мяса.

«— Много ли же у васъ запасовъ?

«— Другихъ мѣстъ не знаю, а тамъ гдѣ находился со своимъ таборомъ, сто пятьдесять головъ скота есть, только барановъ вовсе нѣтъ. Многіе бы сдались, да боятся—думаютъ что Русскіе ихъ вѣшать станутъ. Намъ въ Плевнѣ начальство объявило, что всѣ, которые прежде сдались Русскимъ, уже повѣшены вами.

«— Что ѣдятъ Болгары въ Плевнѣ?

«— Да они мрутъ съ голоду. Хорошо еще у кого есть кукуруза.

«Изъ дальнѣйшихъ показаній его слѣдовало, что у турокъ есть тутъ двадцать четыре мельницы, но въ виду оскудѣнія запасовъ, онѣ стоятъ безъ дѣла; что больныхъ въ турецкой арміи массы, но ихъ не считаютъ, ведется отчетность только раненымъ, которыхъ отъ 12.000 до 15.000 въ Плевнѣ. Войска осталось всего пѣхоты 39.000 и кавалеріи 1.500. Къ нимъ ожидаются подкрѣпленія изъ Софіи. Прорваться пока еще боятся. У большинства солдатъ нѣтъ шинелей и сапогъ. Османъ-паша обезоружилъ черкесовъ и баши-бузуковъ, потому, что тѣ дѣлаютъ всевозможныя неистовства не только надъ жителями, но и надъ больными и ранеными турками. Баши-бузуковъ Османъ перeсталъ кормить совсѣмъ. Сказалъ «хоть съ голоду умирайте—вы мнѣ не нужны, мнѣ все равно!...»

«Кругомъ всѣ расхохотались надъ оригинальною логикой Османа.

«— Давно ли былъ Османъ-паша у васъ?

«— Только разъ былъ здѣсь. Завтра будетъ опять вѣрно. Онъ все въ лагерѣ у себя живетъ. Противъ Гурко паша часто выѣзжаетъ и въ трубку волшебную смотритъ...

«Спросили его о вооруженіяхъ редутовъ. Оказывается—въ каждомъ по два орудія и по одному табору. На каждое орудіе имѣется по пятидесяти снарядовъ. Большаго калибра орудія въ Кришинскомъ, въ остальныхъ малыя. Командуетъ всѣмъ этимъ околоткомъ Таиръ-паша, живущій въ Кришинскомъ редутѣ, а собственно позиціей противъ Зеленой горы—Миръ-алай Юнусъ-бей. Войска ихъ очень упали духомъ, только одинъ Османъ вѣритъ въ успѣхъ дѣла.

«— Гдѣ же всѣ ваши продовольственные склады?

«— Въ самомъ городѣ, близь большой болгарской церкви...

«Разумѣется, во всемъ этомъ много преувеличеній. Каждый сдающійся желаетъ быть пріятнымъ намъ и вретъ на пропалую. Послушай ихъ—такъ завтра Плевна сама должна сдаться. Здѣсь и не особенно вѣрятъ показаніямъ перебѣжчиковъ. Лазутчики, которыхъ посылали въ непріятельскій лагерь, вчера доставили въ Главную Квартиру большой и прекрасный хлѣбъ съ турецкимъ клеймомъ. Такой ежедневно выдается каждому солдату. Пока подобная порція будетъ продолжаться—войска Османа еще далеки отъ голода и всѣхъ его ужасовъ».

Корреспондентъ *Новаго Времени* описываетъ ночь 2 ноября на Зеленыхъ Горахъ слѣдующимъ образомъ:

«Стройныхъ, красивыхъ атакъ я не видалъ. Все это дѣлается въ величайшей суматохѣ. Кучка рѣшительныхъ людей идетъ впередъ, остальные мечутся, снуютъ, бѣгутъ назадъ. Все дѣлается какъ бы само собою. Не успѣли наши сол-

даты вскочить на брустверъ—какъ на правомъ флангѣ, въ сорока шагахъ, на лѣвомъ въ шестидесяти—открылась линія непріятельскаго огня. Съ неистовыми криками, въ количествѣ самое меньшее двѣнадцати таборовъ, турки ломились на насъ. Ломились безпорядочною массой, осыпая насъ тысячами пуль, точно рой пчелъ жужжавшихъ надъ головами. Огонь былъ такъ силенъ, что освѣщалъ не только дула, но лица и линіи непріятельской аттаки. Одновременно съ этимъ показали себя и крупповскія пушки. Когда непріятель думалъ, что слѣдуетъ пустить въ дѣло артиллерію, у него, какъ мы и полагали, оказались снаряды. До восьмидесяти гранатъ и шрапнелей было брошено въ нашу траншею. Съ пронзительнымъ тономъ перелетали гранаты и рвались далеко позади; тамъ же лопались въ высотѣ и шрапнели, вспыхивая красными огнями надъ погруженными во мракъ лощинами... Только одна граната лопнула противъ нашей баттареи, между нею и брустверомъ, выхвативъ изъ траншеи шесть жизней... Признаюсь, въ тотъ самый моментъ, когда я ждалъ безпорядочной защиты, суматохи, судя по недавней нашей аттакѣ, солдаты въ траншеѣ поразили меня изумительною правильностью дѣйствій. Что значитъ разница между нападеніемъ и обороной! Тѣ же самые, которые колебались при нападеніи, теперь хладнокровно стояли на банкетахъ бруствера, выдерживая на себѣ непріятеля.

«— Ребята, не стрѣлять безъ команды... Возьми дула ниже, слышались позади приказанія офицеровъ.

«Непріятель близится... Видимо Османъ выдвинулъ противъ насъ все, что у него было лучшаго. Или онъ самъ, или кто-нибудь изъ крупнаго начальства здѣсь съ наступающими отрядами.

«— Рота-а-а — пли!.. такъ и сѣло у меня въ ушахъ.

Оглушающій трескъ залпа...

«— Рота-а-а—пли! слышится правѣе, и такой же грохотъ тамъ.

«Команда точно удаляется отъ насъ ко флангамъ.

«— Заряжай, ребята, скорѣе!

«Въ сѣромъ пороховомъ дыму я вижу нервно, порывисто, работающихъ солдатъ. Въ теченіе шести минутъ, оттуда гдѣ стою я, уже четыре залпа пустили прямо въ лицо турецкой аттаки—и вдругъ новыя команды: ро-о-та пли, но въ отвѣтъ слышатся разсѣянные одиночные выстрѣлы.

«— Это что?

«— Да экстракторы не дѣйствуютъ, жалуется одинъ изъ солдатъ.

«Ружья Крынка показали себя. Послѣ четвертаго выстрѣла—щелкаетъ, щелкаетъ солдатъ экстракторомъ—патронъ все сидитъ себѣ въ дулѣ. Нужно выбивать его шомполомъ. И теряется въ самую горячую пору масса дорогаго времени. Хорошо еще что рядомъ стрѣлки были; у нихъ берданки, тѣ всегда исправны, и залпы тамъ не прекращаются.... Пули турецкой аттаки также неистово стремятся въ нашу траншею. Въ это время я наблюдалъ страшное явленіе. Почва глинистая—искръ при ударѣ изъ себя не дающая, сверхъ того, отъ недавнихъ дождей, пропитанная влагой. Пули у турокъ свинцовыя, тоже искръ не вызывающія. А между тѣмъ многія турецкія пули, и прибавьте: пули низа-

ма, ударяясь въ эту почву, вспыхиваютъ, точно при разрывѣ. Мы видимъ эти яркіе огни. Съ жалобнымъ тономъ ударится о земь, легкій трескъ и огонекъ. Точно также и при ударѣ въ деревья... Не разрывныя ли?...

«Атака на правомъ флангѣ подошла къ намъ на двадцать шаговъ. Но тутъ уже не ротѣ, а цѣлому баталіону громовымъ голосомъ скомандовалъ самъ Скобелевъ:

«— Баталіонъ—пли!

«И тысяча выстрѣловъ слилась въ одинъ оглушающій хаосъ: тысяча пуль изъ хорошо положенныхъ дулъ вырвала десятки и сотни жизней въ непріятельскихъ таборахъ. Моментъ молчанія, затѣмъ, только стукъ экстракторовъ... Громкіе стоны и вопля впереди, во тьмѣ предъ траншеей; и точно вся мѣстность всколыхалась тамъ... Топотъ, крики, удаляющійся шумъ людской массы... Аттака отбита... Но не надолго. Не прошло еще и пяти минутъ, какъ мы слышимъ опять впереди движеніе лавины, шагахъ во ста останавливающейся предъ нами.

«— Ихъ строятъ для новаго наступленія. Я боюсь одного—чтобъ они не прорвали гдѣ-нибудь траншею. Положеніе серіозно, можетъ-быть придется лично защищаться каждому. «Совѣтую вынуть револьверы», говоритъ Скобелевъ.

«Мы это и дѣлаемъ. Нервное волненіе ростетъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стараются разсмотрѣть, что такое впереди за черною линіей бруствера. Унылые рожки Турокъ запѣли свои сигналы, и во тьмѣ вспыхнула опять густая полоса ружейнаго огня... Полоса эта все ближе и ближе.... Но она движется гораздо скорѣе, чѣмъ въ первый разъ; видимо что турки хотятъ взять стремительностью натиска. У насъ съ глухими стонами падаютъ люди во глубь траншеи съ брустверовъ.... Раненыхъ окажется много. Прямо на встрѣчу мнѣ идетъ кто-то, шатаясь какъ пьяный.... Уже лицомъ къ лицу различаю я солдата, схватившагося рукою за грудь. Точно онъ хочетъ удержать въ ней что-то.... А сквозь прижатые къ груди пальцы струится нѣчто, кажущееся ночью чернымъ.... Онъ даже не стонетъ.... Я провожаю его взглядомъ, еще нѣсколько шаговъ, и онъ падаетъ лицомъ внизъ.... Подхожу, хочу оттащить—«вставай, я тебя доведу до перевязочнаго пункта». Ни слова въ отвѣтъ.... Подымаю его, оказывается, что теперь онъ уже никого не услышитъ....

«Скобелевъ проходитъ мимо.... Залпы наши идутъ стройно.... Аттака турецкая и на этотъ разъ отбита. Я отправляюсь за генераломъ.

«— Сегодня они, очевидно, задались цѣлью выбить насъ.... Они еще никогда не нападали такъ настойчиво.... Сейчасъ вѣрно начнется третья аттака... Ай!.. схватывается генералъ за бокъ. Я услышалъ предъ этимъ только звукъ, точно что-то шлепнуло около....

«— Что такое, что съ вами?.. Мы точно замерли всѣ.

«— Тише.... Я раненъ.... Скобелевъ прижимаетъ ладонь къ боку.... Мельницкій подхватываетъ его.

«— Оставьте.... Развѣ можно?... Солдаты видятъ.... шепотомъ говоритъ онъ. —Здорово, молодцы! особенно громко привѣтствуетъ онъ солдатъ....—Поздравляю васъ, славно отбили аттаку!...

«— Рады стараться, слышится съ бруствера.

«— Смотрите же, честно стоять за вѣру, престолъ и отечество!... Послужите, братцы, Богу и Великому Государю!...

«Онъ обошелъ всю траншею и затѣмъ мы проводили его въ землянку. Тутъ онъ снялъ съ себя полушубокъ, оказалась контузія. Пуля ударилась въ правый бокъ, тамъ гдѣ клапанъ застежки, отодрала его и не пробила полушубка. Контуженъ былъ Скобелевъ внутри траншеи, гдѣ обыкновенно спятъ и гдѣ пребываніе считалось самымъ безопаснымъ.

«Черезъ нѣсколько мгновеній уже звучалъ опять въ траншеѣ голосъ Скобелева, подъ гвалтъ и трескъ новой аттаки турокъ. Она теперь гораздо неистовѣе, чѣмъ въ первые два раза, и направлена главнымъ образомъ на фланги. Скобелевъ, Мельницкій и Куропаткинъ берутъ подкрѣпленіе и кидаются туда усилить ихъ. Неопытные ротные командиры дѣлаютъ ошибку, торопятъ стрѣлять; отъ этого опять много возни съ экстракторомъ ружья Крынка, и огонь не такъ густъ. Въ эту минуту я наблюдаю въ первый разъ залпъ у турокъ. До сихъ поръ они стрѣляли сплошнымъ огнемъ, часто, но не залпами. Впрочемъ, это былъ изъ очень неудачныхъ и больше не повторялся.... Фитильныя гранаты изъ гладкоствольныхъ турецкихъ орудій какъ ракеты взвиваются надъ нами, оставляя огнистый слѣдъ въ высотѣ.... Турки переняли наше *ура* и выкрикиваютъ его на своемъ правомъ флангѣ.

«Еще нѣсколько минутъ, и аттака отбита. Непріятель уходитъ, чтобы не возобновлять ея сегодня, но изъ своихъ траншей бьетъ насъ ружейнымъ огнемъ. Всѣ съ томленіемъ ждутъ утра. Всѣхъ мучитъ одна мысль, о потеряхъ этой ночи. Хорошо если выбыло человѣкъ двѣсти.... Только что развѣло, произвели повѣрку, и оказалось, что эта ночь стоила намъ ста тридцати человѣкъ убитыми и ранеными. Большую часть послѣднихъ перевязалъ у себя въ траншеѣ Студитскій.

«Картина траншеи утромъ была очень унылая. Сѣрая земля съ красными пятнами. Между баттареей и брустверомъ, тамъ гдѣ турецкая граната выбила шестерыхъ, цѣлая лужа крови... На перевязочномъ пунктѣ и въ соединительныхъ траншеяхъ, по которымъ шли раненые, тѣ же лужи крови.... Иной разъ красныя капли тянутся по всему слѣду. Студитскій еще не кончилъ работы, перевязываетъ солдата.

«— Ахъ ты, бѣда какая!...

«— Небось, рана не опасна. Здоровъ будешь.

«— Да я не о ней.

«— А о чемъ же?

«— Два ружья изъ траншеи турецкихъ несъ, да какъ меня вдарило, долженъ былъ бросить. Хотѣлъ Скобелеву предоставить.... По три рубля генералъ за каждое обѣщалъ.

«А рана у него—пять пальцевъ запустить туда можно. Носилки прислонены къ стѣнѣ. На всѣхъ сохнутъ коричневыя пятна просочившейся крови.... Только все еще свѣжи. Не скоро почернѣютъ въ этотъ сырой и холодный день....

«Солдаты наши, оставивъ ружья въ брустверѣ, уже путешествуютъ за нимп, въ виду у турокъ, отыскивая въ рыхлой почвѣ какія-то земляныя груши. По одиночкѣ и кучками гуляютъ, не обращая вниманія на выстрѣлы изъ непріятельскихъ ложементовъ.... Часовые все-таки зорко поглядываютъ впередъ».

Нельзя пройти молчаніемъ геніальной способности генерала Скобелева внушать въ своихъ подчиненныхъ безпрекословное къ нему довѣріе и любовь, а также нельзя не сказать, что простое, доброе отношеніе къ русскому солдату, ему одному свойственное воодушевляющимъ образомъ дѣйствуетъ на послѣдняго въ трудныя минуты боевой жизни. Ласковое обращеніе съ людьми, заботливость его о солдатахъ, распологаютъ окружающихъ какъ къ доброму хозяину, какъ къ попечительному отцу. Съ другой стороны—его смѣлость, безстрашіе, разумная дѣятельность въ битвахъ, кромѣ того, что даютъ общее названіе умнаго боеваго генерала, вполнѣ заслужившаго вниманіе Европы, но что важнѣе—его храбрость и отвага магнитически вліяютъ на его подчиненныхъ и выработали изъ послѣднихъ настоящихъ героевъ, отъ перваго до послѣдняго. Въ Скобелевѣ 2-мъ мы можемъ подозрѣвать великаго учителя военнаго искусства во всѣхъ отношеніяхъ и заботливаго хозяина ввѣреннаго ему отряда.

Представляемъ вниманію читателей нѣсколько анекдотовъ изъ боя на Зеленыхъ горахъ:

Невскій проспектъ въ траншеѣ Скобелева.

«Утромъ 30 числа, наша траншея приняла уже вполнѣ благоустроенный видъ. Гребень насыпи былъ плотно коронованъ мѣшками, набитыми пескомъ; въ узенькихъ ложбинахъ между этими мѣшками лежали обращенныя къ непріятелю ружья, съ соотвѣтственно поставленными прицѣлами, за чѣмъ внимательно наблюдалъ самъ генералъ Скобелевъ, неоднократно подходившій къ солдатамъ для личной повѣрки прицѣловъ и внушенія молодымъ людямъ разныхъ сноровокъ въ вѣрной прицѣлкѣ и стрѣльбѣ по противнику въ его закрытіяхъ. Въ этотъ день баталіоны Владимірскаго полка, сплошь занимавшіе траншеи, были смѣнены 64-мъ пѣхотнымъ Казанскимъ полкомъ, а въ резервѣ сталъ 63-й пѣхотный Углицкій полкъ. Люди, еще за сутки ранѣе, были разчитаны на смѣны причемъ очередные стояли на своихъ мѣстахъ у приступковъ, а остальные дремали сидя на тѣхъ же приступкахъ, или лежали во рву траншеи; на случай ночной тревоги унтеръ-офицерамъ велѣно было отнюдь не будить людей разомъ, а постепенно и осторожно, во избѣжаніе шума, суеты и суматохи; каждому солдату заранѣе было твердо указано его мѣсто въ траншейномъ бою; каждый зналъ гдѣ лежатъ запасные патроны его отдѣленія; назначены были очереди для отправленія за водой и на обѣдъ въ деревню Бресляницу; перевязочный пунктъ помѣщенъ въ безопасномъ мѣстѣ на Ловчинскомъ шоссе; однимъ словомъ, все заблаговременно было обдумано, разчитано и приспособлено, сообразно съ данными обстоятельствами. Явилась умѣстною даже и своего рода шутка,

а именно: въ боковой и въ главной траншеяхъ поставлены были два небольшіе столбика съ прибитыми къ нимъ дощечками, на которыхъ солдаты сдѣлали углемъ надписи—на столбикѣ главной траншеи значилось: «Невскій проспектъ», а у входа въ боковую—«Большая Морская», такъ что офицеры—защитники нашей позиціи—неоднократно предлагаютъ теперь пріѣзжающимъ ординарцамъ и посѣтителямъ: «не угодно ли» молъ, «прогуляться по Большой Морской или по Невскому проспекту? Не угодно ли подняться на открытый балконъ гостиницы *«Belle vue»* (такъ называется у нихъ центральное мѣсто на гребнѣ насыпи), отсюда,» молъ, «прекрасно видны турецкіе ложементы и даже красныя фески».

Забота солдатъ о Скобелевѣ.

Замѣчательно отношеніе М. Д. Скобелева къ солдатамъ: никогда ни малѣйшей вспыльчивости, ни малѣйшаго возвышенія голоса; ни малѣйшей брани или рѣзкости; подойдетъ, посмотритъ человѣку въ глаза, спроситъ о чемъ нибудь, поговоритъ, или научитъ какой либо сноровкѣ, обласкаетъ добрымъ словомъ и отходитъ далѣе, а солдатъ ободренъ, да и не одинъ онъ, а вмѣстѣ съ нимъ ободрено все отдѣленіе, слышавшее бесѣду «бѣлаго генерала» съ ихъ товарищемъ. Главное условіе его отношеній къ солдату—величайшая простота и искренность. Генералъ Скобелевъ, ежеминутно подставляя свой лобъ подъ пули, не скрываетъ отъ солдата, что и для него самаго иногда «тоже боязно»—«да ничего не подѣлаешь, потому, что позади еще хуже, еще страшнѣе, а впереди, дастъ Богъ, полегче будетъ». И солдатъ, видя его постоянно въ огнѣ, въ передовой цѣпи, нерѣдко даже совершенно безоружнаго, какъ напримѣръ 29 октября, когда онъ былъ безъ сабли, пріучается любить и безусловно вѣрить въ начальника, раздѣляющаго съ нимъ всѣ солдатскія нужды и невзгоды. Скобелевъ не даромъ переселился въ траншею; двое сутокъ онъ прожилъ подъ открытымъ небомъ въ ямкѣ, гдѣ все преимущество его заключалось только въ санитарныхъ носилкахъ; солдаты видѣли, что онъ здѣсь же, въ своей кавказской буркѣ, вмѣстѣ съ ними подъ пулями и гранатами всегда ясный, спокойный, дѣятельный, уходитъ, гуляетъ, работаетъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ надъ «плантами» (надъ картой), ѣстъ то же, что и они ѣдятъ, спитъ менѣе прочихъ и еще говоритъ что ему «тоже боязно». Только 31 октября солдаты могли накинуть древесный плетень на его ямку и сдѣлать изъ нея жалкое подобіе землянки: «все же суше будетъ, да авось либо и пуля не такъ скоро достанетъ... Коли мы не позаботимся, онъ, какъ дитя, самъ о себѣ не подумаетъ». Но солдаты «подумали» еще и болѣе этого: позади его ямки они устроили небольшую траншейку, и въ ней помѣстился особый небольшой караулъ личныхъ охранителей генерала Скобелева, мѣра, дѣйствительно, на всякій случай вполнѣ необходимая. Рядомъ съ М. Д. Скобелевымъ помѣщается капитанъ Куропаткинъ, ординарцы и корреспондентъ *Новаго Времени*, г. Немировичъ-Данченко, безотлучно находя-

щійся въ траншеѣ. Тутъ они всѣ и спятъ, и ѣдятъ, и чай пьютъ, и гуляютъ по «Невскому проспекту».

Въ траншеяхъ и огонь мѣшаетъ.

Только огонь зажигать по ночамъ неудобно: разъ генералу понадобилось справиться о чемъ-то по картѣ; онъ попросилъ зажечь фонарь, но только что усѣлся за работу, какъ турки открыли такой огонь на свѣтъ, что во избѣжаніе напрасныхъ потерь пришлось погасить фонарь и до разсвѣта отказаться отъ работы. Вслѣдствіе неоднократныхъ опытовъ, кончавшихся усиленныхъ турецкимъ огнемъ, у насъ теперь въ траншеяхъ не только не разводятъ костровъ, но даже и папиросы закуриваютъ «съ опаской;» бываютъ и такіе случаи: замѣчаетъ однажды генералъ Скобелевъ, что въ траншею начали вдругъ падать пули одна за другою, но падаютъ какъ-то странно, какъ будто откуда-то сверху. Въ недоумѣніи, что могло бы это значить, окружающіе генерала начинаютъ присматриваться туда, сюда, и что же вдругъ оказывается? какой-то смѣльчакъ-турокъ взобрался на дерево и изъ-за густыхъ вѣтвей его шлетъ намъ пулю за пулей — «Кто, братцы, хочетъ ссадить его»? обратился генералъ къ ближайшимъ солдатамъ. Охотникъ конечно тотчас же нашелся, прицѣлился, и — убитый наповалъ турокъ грохнулся съ вѣтви на землю. Послѣ этого случая солдаты внимательно наблюдаютъ не только непріятельскія траншеи, но и деревья, такъ какъ уловка убитаго смѣльчака не осталась безъ подражанія.

Отзывъ о генералѣ Скобелевѣ.

По словамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,* во всѣхъ слояхъ Петербурга главный предметъ разговоровъ и толковъ—генералъ Скобелевъ съ его новымъ подвигомъ. Въ военныхъ кругахъ особенныя похвалы вызываетъ совершенная имъ послѣ взятія Зеленыхъ Горъ ночная контръ-аттака противъ разчитаннаго на внезапность и неожиданность нападенія турокъ. Газетѣ пришелъ на память отзывъ о Скобелевѣ одного высокопоставленнаго лица въ военной іерархіи, имѣвшаго случай ближе познакомиться съ личностью Михаила Дмитріевича Скобелева. За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія кампаніи, это высокопоставленное лицо, на вопросъ: дѣйствительно ли Скобелевъ человѣкъ талантливый и быстрое его возвышеніе на служебномъ поприщѣ въ Средней Азіи есть результатъ истинныхъ заслугъ, сказало: «Вотъ что такое Скобелевъ: если вспыхнетъ война между Россіей и Турціей и Скобелевъ войдетъ въ составъ Дѣйствующей Арміи, имя его непремѣнно прогремитъ во всей Россіи и за границей. Это человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго. Военное дѣло — его сфера. Если онъ выйдетъ изъ войны цѣлъ и невредимъ, то можно быть увѣреннымъ что онъ совершитъ цѣлую цѣпь боевыхъ подвиговъ»...

Штабъ генерала Гурко.

Въ *Новое Время* писали изъ подъ-Плевны:

У оригинальнаго генерала и штабъ очень оригинальный. Въ числѣ его ординарцевъ двое—штатскихъ,—одинъ бывшій дипломатъ, князь Шаховской, впрочемъ и теперь числящійся по дипломатической части. Онъ корреспондируетъ въ *Московскія Вѣдомости* и для этого вмѣстѣ съ аттакующими частями идетъ въ огонь, ни на шагъ не оставляя Гурко: другой, дѣлавшій уже походъ съ генераломъ за Балканы, Ивановъ. Среди блестящей гвардейской свиты Гурко както странно даже видѣть двухъ «штатскихъ» ординарцевъ. Впрочемъ они оба уже декорированы Станиславами и здѣсь считаются своими людьми. Въ штабѣ у Гурко—какой-то румынъ, весьма общительный и болтливый. Туда же присоединился и надоѣдающій всѣмъ англичанинъ Галлокъ, отъ котораго Скобелевъ отдѣлался только, предложивъ совершить вмѣстѣ поѣздку въ турецкую цѣпь. Съ Галлокомъ, который не то корреспондентъ *Таймсъ,* не то военный, облеченный «особеннымъ» порученіемъ англійскаго военнаго министерства, штабъ Гурко очень откровененъ, чего хитроумному Одиссею-британцу только и нужно. Онъ сейчасъ же свою записную книжку, куда занесены уже подробнѣйшія свѣдѣнія о количествѣ нашихъ войскъ, и о нашихъ позиціяхъ, и о нашихъ продовольственныхъ запасахъ. Скобелевъ этого самаго наивнаго вояжера изловилъ разъ самолично, въ то самое время, какъ тотъ перечерчивалъ планъ нашихъ позицій подъ Плевной, который вовсе не долженъ быть общеизвѣстенъ. Всѣ вопросы Галлока очень цѣлесообразны и умны, онъ между анекдотами и остротами вдругъ предложитъ вамъ такой, что сболтнувъ отвѣтъ по неосторожности, вы сами себя языкъ прикусите, сообразивъ значеніе этого свѣдѣнія.

Помѣщеніе Великаго Князя Главнокомандующаго.

Въ газ. *Правду* писали изъ Богота:

Великій Князь Главнокомандующій помѣщается не въ домѣ и не въ хатѣ, а въ войлочной киргизской палаткѣ, имѣющей въ окружности не болѣе 12 саж., при достаточной вышинѣ и круглой крышѣ. Плетневая ограда отдѣляетъ домъ великаго князя отъ выгона селенія. Въ сторонѣ отъ открытыхъ воротъ развѣвается флагъ главной квартиры. На довольно обширной площадкѣ, ограниченной направо невзрачной, длинной, низкой избой, налѣво—тремя сарайчиками, впереди рядомъ нѣсколькими деревьями, раскинута палатка, предъ входомъ, въ которую тоже стоитъ часовой. Въ избѣ помѣщаются военные, въ сарайчикахъ кухня, предъ сарайчиками стоятъ два большихъ самовара. Нѣсколько въ сторону отъ избы раскинута обыкновенная госпитальная палатка на 20 больныхъ, съ двойной парусинной крышей: это столовая. За рядомъ деревъ на правой сторонѣ сарай

и длинная изба, въ которой помѣщается начальникъ штаба, генералъ Непокойчицкій; напротивъ, сажени на 4, двѣ войлочныя палатки; въ одной помѣщается полковникъ Газенкампфъ, а другая, говорятъ, принадлежатъ ген. Непокойчицкому. За палатками загоны для скота и небольшія палатки для служителей. Описанныя избы и дворы ничѣмъ почти не отличаются отъ другихъ помѣщеній въ с. Боготѣ. Пока еще тепло, здѣсь предпочитаютъ палатки парусинныя. Комендантъ напримѣръ живетъ въ палаткѣ и рядомъ съ нею находятся еще три: въ одной помѣщены плѣнные врачи англичане, а въ другой плѣнные турки, взятые въ Горномъ Дубнякѣ, но кто они такіе—я еще не успѣлъ разспросить. Отъ 12 до часу Великій Князь Главнокомандующій завтракаетъ при звукахъ полковаго оркестра, который продолжаетъ играть немного и послѣ завтрака.

Родимая.

— Корреспондентъ газеты *Новое Время* изъ-подъ Плевны указываетъ на слѣдущій примѣръ самопожертвованія:

«Полковникъ, командиръ Углицкаго полка, говоритъ корреспондентъ, обращаетъ мое вниманіе на какую-то странную фигуру, которая, съ ведромъ воды, съ трудомъ поднимается на гребень изъ лощины. Какъ будто женщина: вся въ черномъ, голова тоже плотно увязана чернымъ платкомъ, такъ что виденъ только овалъ смуглаго загорѣлаго лица. «Это крестьянка Нижегородской губерніи, говоритъ полковникъ.—Имени ея я вамъ не могу сказать, мы сами не знаемъ; да оно и не зачѣмъ, не для того пришла, чтобъ о ней говорили. Солдаты зовутъ ее «родимая». Съ 19-го числа она всюду слѣдуетъ за полкомъ нашимъ, хотя у ней тутъ нѣтъ ни мужа, ни брата, ни сына. Не обращая никакого вниманія на опасность, она постоянно носитъ воду солдатамъ на позицію, помогаетъ идти раненымъ, выходящимъ изъ боя; словомъ—насколько можетъ и понимаетъ, заботится всячески о солдатахъ, и какъ только выпадетъ время, что нѣтъ ей никакого дѣла, такъ становится на колѣни и усердно молится Богу.»

Взятіе парохода Мерсина.

Намъ сообщаютъ слѣдующія подробности о взятіи турецкаго парохода *Мерсина*, близь береговъ Пендеракліи.

Когда *Мерсина*, очутившись между береговъ и пароходомъ *Россія*, вынуждена была остановиться вслѣдствіе выстрѣла съ послѣдней изъ 8-ми дюймоваго орудія, то командиръ парохода, флигель-адъютантъ Барановъ, для осмотра судна поднявшаго французскій трехполосный флагъ, отправилъ на миноносномъ катерѣ лейтенанта С. А. Зарина.

Заринъ съ командою изъ трехъ матросовъ отправился исполнить порученіе, но по причинѣ волненія счелъ необходимымъ снять шестовую мину и такимъ образомъ приближался къ непріятелю безоружнымъ.

На *Мерсинѣ* казалось все пусто, и одинъ только капитанъ расхаживалъ на мостикѣ; но когда катеръ приблизился на какихъ-нибудь двадцать саженъ, палуба парохода вдругъ совершенно покраснѣла отъ фесокъ семисотъ восьмидесяти высыпавшихъ наружу турокъ.

Моментъ былъ критическій, четыре человѣка подвигались на взтрѣчу грозному съ виду непріятелю, но объ отступленіи думать было нечего, и лейтенантъ Заринъ приказалъ дать полный ходъ машинѣ. Едва только отдано было это приказаніе, какъ съ парохода раздался громкій вопросъ: *Il torpedo? — Si signore*», отвѣчалъ Заринъ также громко и вслѣдъ затѣмъ, приставъ къ борту парохода, быстро выскочилъ на палубу.

Турки, вооруженные ятаганами и пистолетами, молча окружили его со всѣхъ сторонъ.

— Гдѣ капитанъ и говоритъ-ли онъ по-французски? послѣдовалъ вопросъ. Въ отвѣтъ выступила маленькая фигура и по французски-же спросила русскаго офицера «что ему угодно?»

— Спустите немедленно вашъ флагъ, приказалъ Заринъ, и приказаніе его было тотчасъ же исполнено; затѣмъ, нагнувшись за бортъ парохода, Заринъ вызвалъ одного изъ матросовъ, чтобы принести съ катера русскій флагъ. Матросъ спокойно положилъ ружье мѣшавшее ему подняться и влѣзъ на палубу парохода съ флагомъ, который и былъ тотчасъ же поднятъ, но по ошибкѣ на средней мачтѣ. Заринъ строго замѣтилъ капитану, что онъ этого не приказывалъ, снова приказалъ спустить флагъ и поднять его на надлежащемъ мѣстѣ, а снизу помѣстить флагъ турецкій. Все исполнялось безпрекословно.

«Понимаютъ-ли въ машинѣ по англійски?» спросилъ Заринъ и по утвердительномъ отвѣтѣ капитана предложилъ ему стать къ рупору для передачи приказаній. «Малый ходъ,» скомандовалъ Заринъ. «Малый ходъ,» повторилъ въ машину капитанъ; на рулѣ стояли турецкіе матросы, но не умѣли съ ними объясняться. Заринъ рукою только показывалъ направленіе поворота; турецкіе рулевые также безпрекословно исполняли приказанія, и черезъ нѣсколько минутъ *Мерсина* приблизилась къ пароходу *Россія*, откуда капитаномъ Барановымъ уже выслано было 23 человѣка офицеровъ и матросовъ подъ командою капитана 2-го ранга Сутковаго.

По прибытіи капитана Сутковаго съ командой, турки были немедленно обезоружены, порядокъ возстановленъ, и захваченный турецкій пароходъ направился за *Россіей* къ Севастополю, куда и прибыли благополучно на слѣдующее утро.

Разсказы раненыхъ.

При встрѣчѣ на станціи.

Прибытіе Одесскаго санитарнаго поѣзда въ раннюю пору дня на станцію Московско-Курской желѣзной дороги не помѣшало значительному числу публики явиться для встрѣчи поѣзда и выраженія своего сочувствія раненымъ и больнымъ воинамъ. Въ пестрой толпѣ тѣснившейся съ обѣихъ сторонъ къ мосткамъ, по которымъ съ платформы вокзала предполагалось сносить раненыхъ видиѣлось нѣсколько дамъ и два семейства именитыхъ московскихъ гражданъ, купеческаго старшины Алексѣева и Бостанджогло, со множествомъ кисетовъ табаку, калачами, пачками папиросъ, шерстяными шарфами и кошельками наполненными мелкою серебряною монетой. Для переноски раненыхъ изъ поѣзда въ экипажи прибыли санитары Комитета «Христіанская Помощь», подъ руководствомъ нѣсколькихъ членовъ Комитета и его предсѣдательницы г-жи Вишневской, а отъ военнаго госпиталя, куда направлялись раненые, команда съ офицерами, доставившая цѣлую груду тулуповъ и теплые сапоги-валенки. Лишь только поѣздъ остановился у платформы, все засуетилось, санитары забѣгали съ носилками, послышались распоряженія, дѣлаемыя завѣдующимъ передвиженіемъ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ полковникомъ Шервалемъ, офицеры стали торопить свою команду, и вотъ изъ вагоновъ потянулась вереница легко раненыхъ и больныхъ въ желтыхъ госпитальныхъ халатахъ. Госпитальная команда спѣшно накидывала на нихъ тулупы и обувала въ валенки. Народная толпа нервно подалась впередъ, и къ проходившимъ солдатикамъ протянулись руки съ подарками, съ посильною помощію. Разскрылись кошельки не только съ заранѣе заготовленною серебряною монетой, но и съ мѣдными семитками чернорабочаго.

Въ ближайшемъ вагонѣ сестры милосердія хлопочутъ около тяжело больнаго солдата съ отмороженными ногами и въ тифозной горячкѣ. Онъ лежитъ на носилкахъ-кроватяхъ нижняго яруса въ полусознательномъ состояніи и съ закрытыми глазами; руки безсильно опустились на постель, грудь вздымается порывисто.

— А докторъ? взволнованнымъ голосомъ произноситъ бывшій въ вагонѣ офицеръ.—Вѣдь онъ сейчасъ былъ здѣсь, куда же онъ ушелъ?

— Ему лучше, ваше превосходительство, говоритъ сестра, обращаясь къ офицеру,—онъ всю прошлую ночь спалъ спокойно.

Санитары бережно подпимаютъ больнаго, онъ широко раскрываетъ глаза, раздается придавленный стонъ и едва слышная просьба: «Ой, братики, легче несите, легче!»

У санитаровъ инстинктивно опускаются руки, и они ставятъ носилки на полъ.

Генералъ наклоняется къ больному и старательно закутываетъ его въ шерстяное одѣяло. Сверху одѣяла его покрываютъ еще тулупомъ.

— Дайте ему шампанскаго, обращается сестра милосердія, къ появившемуся

въ вагонѣ молодому человѣку, должно быть фельдшеру.—Мы его только и отпоили шампанскимъ, обращается она безразлично ко всѣмъ въ вагонѣ, а то совершенно плохъ былъ.

Подаютъ стаканъ вина... Солдатикъ съ усиліемъ поднимаетъ голову, прихлебываетъ изъ стакана, морщится и съ непріятнымъ выраженіемъ лица отворачивается въ сторону.

— Не хочетъ, поясняетъ сестра,—надоѣло оно ужъ ему!

Санитары поднимаютъ больнаго и уносятъ его изъ вагона.

Толпа народа спѣшно разступается предъ носилками и съ порывистымъ чувствомъ, въ которомъ сказываются и почтеніе, и сожалѣніе, и скорбь о страданіяхъ потерпѣвшаго за родное всѣмъ дѣло, забрасываетъ носилки подарками и деньгами. Какая глубокая благодарность за это выраженіе сочувствія сказывается въ широко раскрывшихся глазахъ больнаго! Молодая дама бросилась поправить на больномъ осунувшійся тулупъ, и крупныя слезы потекли по ея нѣжнымъ щекамъ.

— Охъ, Господи! несется изъ толпы вздохъ сгорбленной, сморщенной старушки въ убогой кацавейкѣ; щеки ея нервно вздрагиваютъ, и по нимъ скатываются слезинки.—У меня вѣдь тоже сынокъ тамъ, гдѣ-то онъ теперь, родименькій! произноситъ она, захлебываясь тихими рыданіями.

— Вы откуда, братцы? спрашиваетъ толстый лавочникъ выглянувшаго въ окно вагона солдата съ повязанною головой.

— Да изъ подъ Плевны, Скобелевскіе.

— Все, небось, раненые? продолжаетъ спрашивать онъ.

— Есть и раненые, и съ отмороженными ногами.

— Да какъ же вы тамъ успѣли ноги отморозить, удивляется лавочникъ:—у насъ здѣсь тепло, а неужто тамъ такіе холода были?

— Э, не дай Богъ какая тамъ сторонушка, воодушевляется солдатикъ. — Стоишь на горѣ, туманъ, сиверко, дождемъ хлестать станетъ, а глядишь съ горы на ровное мѣсто, ажно завидно тебѣ станетъ, тамъ солнышко свѣтитъ, тепло. 24 и 25 сентября снѣгу въ аршинъ навалило. Ну, какъ пошлютъ тебя на ночь въ ложементы, или въ секретъ, сидишь, пошевелиться не смѣешь, потому не приказано, да и палитъ онъ, окаянный, безъ устали, такъ и свистятъ ядра надъ тобою. А одежонка на тебѣ вся износилась, сапоги протоптались, пальцы изъ нихъ лѣзутъ вонъ. Какъ ни обматываешь ихъ портянками, промокнутъ, къ утру обледенѣетъ все. Какъ тутъ не отморозить ногъ?

— Да и въ палаткахъ, сонные, ноги отмораживали, замѣчаетъ другой солдатикъ.

— Туркѣ, небось, тоже плохо приходится?

— Да ему что, съ досадой замѣчаетъ солдатъ,—онъ Азіятъ безчувственный! Попалитъ изъ-за вала, да и опять въ свою нору спрячется, а другой на его мѣсто становится. Вотъ мы, 31-й дивизіи, такъ два мѣсяца подъ Плевной продежурили. Тяжело было, да все ничего, только бы не сиверко, да не сырость поганая. Вотъ еслибы настоящіе морозы пошли, тогда бы ему не сдобровать!

Изъ слѣдующаго вагона доносится веселый смѣхъ. Здѣсь все легко раненые, кто въ руку, кто въ ногу, кто лишь контуженъ. Народъ молодой, видный, будто сейчасъ только изъ казармы вышли. Это гвардейцы изъ-подъ Горняго Дубника.

— Какъ только мы пришли 10 числа на позиціи, разсказываетъ молодой солдатикъ,—сейчасъ намъ генералъ Гурко на другой день смотръ дѣлаетъ, говоритъ: «не робѣть, братцы, здѣсь все равно будетъ, что и на маневрахъ, да въ томъ лишь разница, что вы боевыми патронами палить будете. Смотрите, отступленія не будетъ. Смѣло, впередъ да въ штыки его!» Мы: «ради стараться!» да весело такъ, дружно, подбодрилъ насъ генералъ. Вотъ, построились утромъ въ боевой порядокъ. Идемъ на штурмъ. Какъ онъ станетъ палить, спаси Господи, пули какъ есть настоящимъ градомъ сыплются. Подбѣжали мы къ нему да видимъ жаритъ больно, окаянный, залегли въ траншеи ихнія-то, лежимъ—притаились. А онъ все палитъ, да палитъ. Кто руку высунулъ изъ-за вала, тому руку прострѣлилъ, кто голову тому пуля въ голову угодила. Долго-ль такъ, коротко-ль мы такъ лежали, наши съ другой стороны на ура идутъ... Не въ терпѣжь намъ, стало, какъ гаркнемъ *ура,* да какъ бросимся впередъ. Пошли тутъ штыками работать, ворвались къ нему, а онъ ужъ пардону проситъ.

— У васъ тоже есть съ отмороженными ногами?

— Нѣтъ, у насъ обувь была хорошая хоть и холодно, да не голодно, мяса въ волю, вотъ только хлѣба была недохватка, и не то чтобы на позиціи, а въ походѣ, еще у Систова. Подрядчикъ гдѣ-то застрялъ съ подводами за Дунаемъ, ну, намъ и выдали хлѣба на два дни по полутора фунта на брата.

— Развѣ это мало?

— Да безъ хлѣба хоть кашицу хлебать, хоть и мясо ѣсть дѣло не привычное. А тамъ, послѣ, сухарей было уже вдоволь.

Гвардейцы сами стали выходить изъ вагона и надѣвать госпитальные тулупы. Отъ легкаго лишь прикосновенія къ нимъ шерсть изъ нихъ выпадала и пачкала платье, а желтая пыль разносилась въ воздухѣ.

— Вишь у васъ тулупы какіе! замѣтилъ Павловецъ, напяливая тулупъ на здоровую руку.

— Новые, самой лучшей поставки, первѣйшаго фабриканта, улыбаясь отвѣчалъ ему госпитальный солдатикъ,—гляди, вотъ здѣсь и клеймо...

Дѣйствительно, одного прикосновенія къ этимъ тулупамъ было достаточно чтобъ испачкать платье. Жаль было смотрѣть на бархатныя шубки дамъ покрытыя желтою тулупною пылью. Но дамы не обращали вниманія на эту непріятную случайность, и съ постоянствомъ заслуживающимъ глубокой симпатіи, пропустили мимо себя всѣхъ раненыхъ, одѣляя каждаго изъ нихъ какимъ-либо подаркомъ. Было два, три случая, когда солдаты-гвардейцы отказывались отъ подарка, подъ предлогомъ, что они не курятъ или что у нихъ самихъ есть деньги. Но вообще раненые и больные съ благодарностью относились къ тѣмъ добрымъ людямъ которые оказывали имъ посильную помощь.

Біографическіе очерки.

Генералъ-лейтенантъ И. С. Ганецкій.—Свѣдѣнія о полкахъ гренадерскомъ Астраханскомъ и Сибирскомъ.—Полковники: Г. В. Крюковъ, К. К. Водаръ и Л. К. Михайловъ.

Передаемъ со словъ *Голоса* краткія свѣдѣнія о маститомъ командирѣ гренадерскаго корпуса, который, какъ извѣстно, нанесъ окончательный ударъ Османовской арміи и рѣшилъ участь Плевны. Георгіевскій кавалеръ, кавказскій герой, участникъ Крымской кампаніи, командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Иванъ Степановичъ Ганецкій, полвѣка назадъ, въ 1828 году, поступилъ въ военную службу прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ; въ нынѣшнемъ же году, предъ объявленіемъ войны, назначенъ командиромъ гренадерскаго корпуса. Эти 50 лѣтъ службы были посвящены имъ преимущественно боевымъ трудамъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ: въ 1828—1829 годахъ —противъ Турокъ, въ 1836—1837 годахъ—противъ кавказскихъ горцевъ, въ 1849 году — противъ Венгровъ, въ 1854 — 1855 годахъ — противъ союзныхъ войскъ четырехъ державъ, въ 1863 году—противъ Поляковъ.

«Командиръ 7-го гренадерскаго Самогитскаго полка, участникъ Крымской кампаніи, генеральнаго штаба полковникъ Леонидъ Кондратьевичъ Михайловъ, получилъ воспитаніе въ бывшемъ Дворянскомъ полку (нынѣ второе Константиновское военное училище) и, по окончаніи въ немъ курса, поступилъ на службу во Владимірскій полкъ; въ 1853 году отличался въ Крыму, въ 1854 году въ дѣлахъ на рѣкѣ Алмѣ, причемъ былъ раненъ штуцерною пулей въ заднюю и среднюю часть голени правой ноги. По окончаніи Крымской кампаніи, онъ былъ нѣкоторое время начальникомъ штаба 10-й пѣхотной дивизіи и только въ началѣ нынѣшняго года получилъ въ командованіе Самогитскій полкъ.»

Командиромъ Сибирскаго полка состоитъ хивинскій герой, генеральнаго штаба полковникъ Карлъ Карловичъ Водаръ. За особое отличіе оказанное имъ въ сраженіи съ Бухарцами, при урочищѣ Иржаръ, въ 1867 году, онъ награжденъ былъ золотою саблей съ надписью «за храбрость», и въ 1875 году состоялось его назначеніе командиромъ Сибирскаго полка, который такъ отличился подъ Плевной.

Генералъ-маіоръ Викторъ Дезидеріевичъ Дандевилъ недавно отправился на театръ войны въ качествѣ временно командующаго 1-ю бригадою 3-й пѣхотной дивизіи. В. Д. Дандевиль офицеромъ съ 1843 года. Еще молодымъ офицеромъ, за отличіе оказанное въ бою, онъ былъ награжденъ орденами Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и Св. Владиміра 4-й степени съ мечами. Съ производствомъ его въ генералъ-маіоры, въ 1863 году, на его долю выпалъ рядъ назначеній на болѣе, или на менѣе высокіе посты. Такъ, онъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска, затѣмъ въ 1865 году состоялъ для особыхъ порученій и ученыхъ занятій при главномъ управленіи генеральнаго штаба. Въ слѣдующемъ году онъ былъ командиромъ для

управленія таможеннымъ Оренбургскимъ округомъ со спеціальною цѣлью—осуществить предположеніе о перенесеніи таможенной линіи на Сыръ-Дарью. Въ 1867 году онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Туркестанскаго военнаго округа. Въ послѣднее время онъ временно исправлялъ должность начальника главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ. Въ минувшемъ году генералъ Дандевиль, выйдя въ отставку, согласился быть уполномоченнымъ бывшаго Славянскаго Комитета въ Сербіи. Въ январѣ нынѣшняго года, В. Д. Дандевиль вновь поступилъ на службу.

Генералъ-маіоръ Н. С. Леоновъ.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатанъ слѣдующій некрологъ:

«21 ноября скоропостижно скончался состоявшій въ рядахъ Дѣйствующей Арміи, командиръ 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Николай Степановичъ Леоновъ 1-й.

«Донской казакъ по рожденію, Н. С. Леоновъ, окончивъ образованіе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), поступилъ на службу, въ 1842 году, корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ. Здѣсь молодой Леоновъ былъ вскорѣ замѣченъ какъ распорядительный и знающій службу офицеръ, былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ, но вскорѣ сдалъ эту должность, и въ 1845 году командированъ на Кавказъ, для участія въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Штабъ-ротмистръ Леоновъ скоро былъ замѣченъ и на боевомъ поприщѣ: въ теченіи года, проведеннаго имъ на Кавказѣ въ безпрерывныхъ экспедиціяхъ, Н. С. Леоновъ заслужилъ репутацію храбраго офицера и былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и золотою саблей съ надписью «за храбрость». Возвратившись въ полкъ въ 1846 году, Н. С. Леоновъ прослужилъ въ немъ еще шестнадцать лѣтъ, послѣдовательно занимая должности эскадроннаго и дивизіоннаго командира, предсѣдателя хозяйственнаго комитета и, наконецъ, помощника командира полка. Во время Польскаго мятежа, командиръ дивизіона, полковникъ Леоновъ, находясь въ отрядѣ свиты Его Величества генералъ-маіора Краснокутскаго, участвовалъ съ отличіемъ въ разбитіи шаекъ мятежниковъ подъ Игнацовымъ, за что и былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

Въ 1864 году, полковникъ Леоновъ былъ назначенъ командиромъ 18-го драгунскаго Переяславскаго Государя Наслѣдника Цесаревича полка, а въ 1870 году командующимъ лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ, и въ томъ же году произведенъ въ чинъ генералъ-маіора.

«Назначенный незадолго до открытія кампаніи командиромъ 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Леоновъ поступилъ въ составъ Дѣйствующей арміи, гдѣ, находясь въ Рущукскомъ отрядѣ, неоднократно и

съ отличіемъ участвовалъ въ дѣлахъ съ турками. 18 августа, когда турки открыли наступательныя дѣйствія по всей линіи занимаемой Рущукскимъ отрядомъ, генералъ-маіоръ Леоновъ, командуя передовымъ отрядомъ у Карахасанкіоя, блистательно выдержалъ нападаніе значительныхъ турецкихъ силъ, числомъ до 12,000, имѣя въ своемъ распоряженіи одинъ пѣхотный полкъ съ соотвѣтствующимъ числомъ кавалеріи и артиллеріи. Бой у Карахасанкіоя принадлежалъ къ числу самыхъ упорныхъ: онъ длился 12 часовъ, причемъ деревня Карахсанакіой шесть разъ переходила изъ рукъ въ руки.

«26 октября генералъ-маіоръ Леоновъ, находясь уже въ составѣ Западнаго отряда и командуя тремя гвардейскими кавалерійскими полками, взялъ съ боя городъ Врацу, защищаемый регулярными войсками и толпами черкесовъ, причемъ захватилъ въ городѣ большіе продовольственные запасы.

«Нетронутый въ многочисленныхъ бояхъ съ непріятелемъ, храбрый Леоновъ къ прискорбію всѣхъ его боевыхъ товарищей, скоропостижно скончался 21 ноября.»

Дѣйствіе Рущукскаго отряда.

«Начиная со второй половины октября»,—говоритъ корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника*—«турецкіе отряды различныхъ силъ и состава постоянно безпокоили наши передовые посты на Шумлянской и Османбазарской дорогахъ, гдѣ нашимъ кавалеристамъ по нѣскольку разъ въ сутки приходилось имѣть горячія и нерѣдко упорныя стычки. При одной изъ подобныхъ аванпостныхъ схватокъ съ черкесами и баши-бузуками, 2 ноября, у насъ раненъ Чугуевскаго уланскаго полка корнетъ Терентьевъ и убиты двѣ лошади. 3 ноября, утромъ, на пространствѣ между деревнями Кацелевымъ и Соленикомъ происходило небольшое, но лихое кавалерійское дѣло. Началось съ того, что въ виду передовыхъ постовъ, выставленныхъ отъ 39-го Донскаго казачьяго полка, въ районѣ между двумя названными линіями, появились два экадрона турецкой кавалеріи, выславшіе впередъ цѣпь своихъ наѣздниковъ; эти послѣдніе завязали съ казаками безвредную перепалку, стараясь, главнѣйшимъ образомъ, посредствомъ своего огня привлечь исключительно на себя вниманіе нашихъ аванпостовъ, которые по количеству силъ, надо замѣтить, были значительно слабѣе противника. Смекнувъ, что турки намѣрены воспользоваться завязавшеюся перестрѣлкой наѣздниковъ для того, чтобъ отхватить посредствомъ обхода наши аванпосты, казаки стали понемногу стягиваться и подаваться назадъ, а затѣмъ неожиданно ударили на противника, съ обычнымъ своимъ гикомъ, и не только успѣшно отразили, но даже прогнали съ поля турецкіе эскадроны, послѣ чего вновь заняли свою аванпостную линію. Впрочемъ, первая неудача не охладила турокъ; спустя нѣсколько времени, тѣ же эскадроны опять выдвинулись противъ казачьихъ постовъ, но на этотъ разъ при поддержкѣ своей пѣхоты, появившейся въ количествѣ двухъ таборовъ. Стрѣлковый огонь и настойчивый на-

тискъ регулярныхъ кавалеристовъ заставилъ наконецъ казаковъ, отстрѣливаясь, отходить назадъ, и такимъ образомъ турки постепенно тѣснили ихъ до деревни Острицы. Услышавъ перепалку, сосѣдній казачій № 36-го полкъ незамѣтно подтянулся къ Острицѣ и разомъ ударилъ во флангъ наступавшему противнику. Эта атака остановила дальнѣйшій натискъ турокъ и заставила ихъ удалиться отъ Острицы. Но все же они не угомонились: потерпѣвъ здѣсь вторичную неудачу, турецкіе эскадроны, за которыми слѣдовала ихъ пѣхота, стремительно бросились на посты Лубенскаго гусарскаго полка, стоявшіе впереди Кацелева, и благодаря неожиданности этого новаго натиска, сдѣланнаго вслѣдъ за понесенною неудачей, имъ удалось оттѣснить гусаръ за рѣку Ломъ, послѣ чего турецкая пѣхота тотчасъ же заняла восемью ротами высоты праваго берега. Какъ разъ, въ это самое время прискакалъ на мѣсто дѣйствія командиръ Лубенскаго гусарскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ графъ Пащенко-Развадовскій, который привелъ съ собою наскоро собранные по тревогѣ три эскадрона своихъ гусаръ, полуэскадронъ уланъ и дивизіонъ Ингушей. Оттѣсненные гусары примкнули къ своимъ однополчанамъ, и такимъ образомъ этотъ небольшой отрядецъ, силой въ шесть съ половиною эскадроновъ, быстро перейдя черезъ Ломъ, аттаковалъ съ налета турецкихъ пѣхотинцевъ. Ошеломленные турки, очистивъ высоты праваго берега, отбѣжали въ Кацелеву, а потомъ, когда наша кавалерія стала охватывать ихъ съ обоихъ фланговъ, очистили также эту деревню и отошли къ Солешнику, на свою укрѣпленную позицію. Кавалерія продолжала преслѣдовать отступавшія роты, пока наконецъ огонь турецкихъ орудій не принудилъ ее остановиться. Результатомъ этого дѣла было полное возстановленіе всей прежней линіи нашихъ аванпостовъ. Турецкія потери не сосчитаны; сами же мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 13 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ одинъ убитъ, а прочіе ранены; конская убыль убитыми и ранеными—25 лошадей.

«5 ноября въ Рущукскомъ отрядѣ происходили незначительныя дѣла противъ нашихъ фуражировъ. Первое дѣло, въ общихъ чертахъ, заключалось въ слѣдующемъ: Отрядъ въ составѣ одного баталіона, двухъ казачьихъ сотенъ и шести орудій, высланъ былъ на фуражировку въ деревню Церовце и, оцѣпивъ сторожевыми постами должное пространство вокругъ этого селенія, занялся сборомъ сѣна и соломы, какъ вдругъ появилось восемь таборовъ турецкой пѣхоты. Пришлось бросить работу и, въ виду столь несоразмѣрно сильнаго противника, отступить на позицію между деревнями Церевце и Кацелево. Одинъ таборъ двинулся было наперерѣзъ нашимъ фуражирамъ отъ Селешика къ Кацелеву, но сотня Ингушей и одна рота пѣхоты успѣли во время задержать его, пока къ нимъ подоспѣли еще четыре наши роты съ ракетными станками. Въ непріятеля были пущены всего лишь двѣ пироксилиновыя ракеты—и эффектъ ихъ дѣйствія оказался вполнѣ удовлетворительнымъ: турки отступили съ крайнею поспѣшностью и въ полномъ безпорядкѣ. Вообще наши артиллеристы имѣютъ теперь хорошіе случаи и полную возможность производить практическіе опыты надъ дѣйствіемъ пироксилиновыхъ ракетъ и, по отзывамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, для этого прекраснаго и губительнаго снаряда должно ожидать боеваго примѣненія въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

«Того же 5 числа турки изъ трехъ мѣстъ двинули противъ нашихъ фуражирскихъ партій три отдѣльныя колонны: первую въ составѣ трехъ таборовъ, отъ деревни Басарбово на Пиргосъ, вторую, тоже въ три табора съ двумя орудіями, отъ Иванъ-Чифтлика на Рущукско-Бѣльское шоссе и, наконецъ третью, состоявшую изъ двухъ эскадроновъ съ частію пѣхоты, на Кошево. Наша кавалерія, въ составѣ четырехъ эскадроновъ, успѣла во время остановить наступательное движеніе противника. Конная баттарея, подъ прикрытіемъ этихъ эскадроновъ, лихо вынеслась противъ центральнаго турецкаго отряда и открыла по немъ жаркій огонь. Одновременно съ этимъ двѣ роты, занявъ Кошевскій курганъ, встрѣтили съ его вершины мѣткими залпами наступавшіе турецкіе эскадроны, а полусотня 36-го Донскаго казачьяго полка ударила изъ засады во флангъ Басарбовскому отряду и такимъ образомъ дружная и одновременная встрѣча, сдѣланная нами всѣмъ тремъ отрядамъ противника, сразу принудила его отступить къ селеніямъ Далабу и Чифтлику, въ укрѣпленныя позиціи. У насъ одинъ офицеръ контуженъ, 5 нижнихъ чиновъ убиты, 11 ранены и двое контужены.

«7 ноября турки повидимому задумали довольно серіозное наступленіе на наши авангардныя позиціи, лежащія на линіи отъ Пиргоса къ Халъ-Гюль-Чесмѣ и между Иванъ-Чифтликомъ и деревней Трестеникъ. Около двадцати таборовъ пѣхоты, съ соотвѣтственнымъ числомъ орудій, надвигались на означенныя позиціи изъ трехъ исходныхъ пунктовъ: Рущука, Басарбова и Иванъ-Чифтлика. Бой завязался въ девять часовъ утра. Но кромѣ этихъ нашихъ позицій, около трехъ часовъ пополудни были аттакованы демонстративнымъ образомъ и прочіе передовые посты по всей нашей линіи, въ особенности же районы полковъ 36-го казачьяго и Лубенскаго гусарскаго. Впрочемъ, эти демонстративныя аттаки не имѣли никакого успѣха, будучи совершенно отбиты въ самое непродолжительное время. Зато весьма упорный бой завязался въ позиціи у Пиргоса. Эту позицію защищали всего лишь двѣ роты полковъ 45-го пѣхотнаго Азовскаго и 46-го пѣхотнаго Днѣпровскаго *). Сюда главнѣйшимъ образомъ были направлены всѣ усилія турокъ, напиравшихъ на наши ложементы въ подавляющемъ превосходствѣ силъ. Долго и геройски защищались обѣ наши роты: около четырехсотъ турокъ убитыхъ и раненыхъ валялись впереди ихъ позицій; но наконецъ весьма значительныя потери вынудили эти двѣ роты отойти отъ Пиргоса къ Мечкѣ. Турки, вслѣдъ за ихъ отступленіемъ, тотчасъ же заняли Пиргосъ и зажгли его, безо всякой впрочемъ надобности. Увидѣвъ отступленіе двухъ храбрыхъ ротъ, полки 12-й драгунскій Стародубскій и 12-й уланскій Бѣлгородскій, въ полномъ составѣ двинулись изъ Мечки, на встрѣчу туркамъ, выбили ихъ спѣшенными частями изъ Пиргоса и къ половинѣ пятаго часа дня успѣли совершенно отбросить за Ломъ турецкую пѣхоту. Девятичасовой бой длился почти до 6 часовъ вечера, когда противникъ былъ окончательно отбитъ на всѣхъ пунктахъ его аттакъ, и наши передовые посты заняли свои прежнія

*) 12-й пѣхотной дивизіи.

мѣста по всей линіи. Пиргосъ сожженъ совершенно, а надъ ранеными Азовцами и Днѣпровцами совершены разныя звѣрства, трупы ихъ обезображены и поруганы, и это въ который разъ уже дѣлаютъ не дикія шайки черкесовъ, не сбродъ баши-бузучьей сволочи, а регулярныя войска турецкія! О пиргосскихъ звѣрствахъ составленъ актъ, который вскорѣ будетъ обнародованъ по примѣру Телишевскаго протокола. Отступленіе турокъ предъ напоромъ Стародубцевъ и Бѣлгородцевъ было столь поспѣшно, что они покинули на мѣстѣ боя почти всѣ трупы своихъ убитыхъ. Бой 7 ноября стоилъ намъ хотя и не слишкомъ большихъ, но чувствительныхъ потерь, въ особенности между офицерами: убитъ Днѣпровскаго полка поручикъ Брайковскій; начальникъ штаба 12-й кавалерійской дивизіи генеральнаго штаба, полковникъ Штрикъ, тяжело раненъ въ шею съ лѣвой стороны, причемъ пуля прошла подъ правую лопатку, откуда вырѣзана полевымъ хирургомъ; затѣмъ опасно раненъ двумя пулями въ оба плеча Азовскаго полка штабсъ-капитанъ Чернецкій, контуженный кромѣ того въ ногу; Днѣпровскаго полка прапорщику Кржевецкому пуля попала въ крестецъ, такъ что рана его безусловно смертельна; Украинскаго полка поручику Юркевичу пуля раздробила кость праваго бедра—рана очень тяжелая; Азовскаго полка маіоръ князь Химшіевъ и Днѣпровскаго полка штабсъ-капитанъ Яновскій контужены довольно сильно, но остались въ строю. Потеря нижнихъ чиновъ простирается до 180 человѣкъ и въ томъ числѣ около 50 убитыхъ. Въ этотъ день нашими хирургами замѣчено что всѣ раны нанесены пулями Пибоди, тогда какъ до этого раза были исключительно пули Спайдера,—значитъ, турки арміи Сулеймана успѣли перевооружиться. Перебѣщики и плѣнные между прочимъ показываютъ, что у Сулеймана кромѣ 30.000 рущукскихъ войскъ, находится еще 20.000 въ Разградѣ и часть въ Османъ-Базарѣ, а самъ онъ съ остальными силами своей арміи стоитъ пока въ Эски-Джумѣ.

«Потерпѣвъ неудачу, турки однако-же почти ежедневно продолжали тревожить наши войска по всей линіи восточнаго фронта. Такъ, 8 ноября, небольшой отрядъ, въ составѣ одного табора и двухъ эскадроновъ, при двухъ орудіяхъ, оттѣснилъ наши аванпосты, расположенные впереди деревни Балджи-Омуркіой; но чуть лишь приблизился резервъ этихъ передовыхъ постовъ, турецкій отрядъ отступилъ сейчасъ же. 9 ноября нѣсколько конныхъ партій черкесовъ, баши-бузуковъ и регулярной кавалеріи три раза пытались перейти рѣчку Соленикъ, но мѣткій огонь спѣшеннаго казачьяго поста каждый разъ отражалъ ихъ съ урономъ.

«Затѣмъ въ три послѣдующіе дня (10-го, 11-го и 12-го) происходили только мелкія аванпостныя стычки и перепалки; но 13-го утромъ противникъ снова двинулъ впередъ по всей линіи небольшіе отряды, а именно:

«1) Два табора съ кавалерійскимъ полкомъ и артиллеріей стали было тѣснить наши передовые посты отъ селеній Опаки и Паломирце. Услышавъ выстрѣлы, генералъ-маіоръ Гильдебрандъ, взявъ съ ближайшей позиціи 4-й пѣхотный Копорскій полкъ и свою кавалерійскую бригаду *) съ четырьмя орудіями,

*) 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи, полки Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій.

отбилъ аттаку турокъ и отбросилъ ихъ за Кара-Ломъ съ большимъ урономъ. Мы потеряли при этомъ въ 3-мъ Донскомъ полку двухъ казаковъ убитыми и трехъ ранеными, да въ Копорскомъ полку одинъ человѣкъ контуженъ.

«2) Двѣ турецкія роты и эскадронъ кавалеріи оттѣснили постъ Лубенскихъ гусаръ у деревни Кропче и затѣмъ отступили. Турецкій эскадронъ былъ отлично и красиво одѣтъ и видимо рисовался на своихъ рослыхъ, хорошо выѣзженныхъ коняхъ; изъ рядовъ его ясно были слышны обращенныя къ намъ со стороны отдѣльныхъ всадниковъ бранныя слова и крики на польскомъ языкѣ. По отходѣ турокъ и поляковъ, нашъ гусарскій разъѣздъ, составленный изъ четырехъ человѣкъ, былъ посланъ къ деревнѣ Кропче развѣдать—куда отошелъ непріятель. Пройдя эту деревню, разъѣздъ нашъ подпимался на одну изъ возвышенностей, какъ вдругъ былъ окруженъ турецкою пѣхотой и польскою кавалеріей. Гусары, не долго думая, бросились на нихъ въ сабли и пробились, потерявъ одного человѣка убитымъ; и изъ остальныхъ же троихъ одинъ раненъ.

«3) На Шуманской дорогѣ два табора съ тремя эскадронами аттаковали нашу передовую позицію у деревни Ковачицы. Восемь ротъ Устюжскаго пѣхотнаго полка съ восьмью орудіями и тремя эскадронами Чугуевскихъ уланъ отбросили непріятеля съ большими потерями и преслѣдовали его чрезъ Паломирце и Гагово за Кара-Ломъ, причемъ двѣ сотни сосѣдняго казачьяго полка также приняли участіе въ преслѣдованіи. Нашъ уронъ ограничился двумя убитыми и девятью ранеными, въ числѣ которыхъ—маіоръ Генипта.

«Наконецъ въ этотъ же день была сдѣлана попытка и на юго-восточномъ фронтѣ, противъ Еленинскаго отряда. Изъ-за Балканъ со стороны мѣстечка Твердицы появилось около 5.000 регулярной турецкой пѣхоты и около тысячи конныхъ черкесовъ и баши-бузуковъ; но эти воины ограничились лишь тѣмъ, что сожгли двѣ деревни, Игнатовцы и Миковцы, а затѣмъ отступили, въ виду приближенія нашего отряда.

«Всѣ эти попытки, безпрестанно повторявшіяся, ясно указывали, что турки, такъ сказать, нащупываютъ, гдѣ бы можно имъ удобнѣе и легче прорвать нашъ восточный фронтъ, чтобы двинуться на выручку Плевны. Упорная попытка 7 ноября у Пиргоса показала, что при удачѣ они не прочь были бы дѣйствовать даже и противъ Систова, сколь ни кажется рискованнымъ подобное предпріятіе. Но вотъ, 14 ноября, то есть на слѣдующій же день послѣ только-что описанныхъ попытокъ по всей линіи, турки предприняли уже вполнѣ серіозное, рѣшительное нападеніе на укрѣпленныя позиціи 12-го армейскаго корпуса, то есть опять-таки по направленію отъ Пиргоса къ Мечкѣ и у Трестеника. Дабы замаскировать отчасти дѣйствительныя свои намѣренія, непріятель одновременно съ аттакой позицій 12 корпуса, предпринялъ еще двѣ, очевидно демонстративныя аттаки: на Кацелево и Паломирце. Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ дѣло ограничилось только незначительною перестрѣлкой, послѣ которой дивизіонъ Атаманцевъ съ дивизіономъ Ингушей аттаковали противника и принудили его къ отступленію. Что же касается попытки у Паломирце, то здѣсь турки даже

и боя не приняли, а отступили, чуть лишь нашъ отрядъ пошелъ имъ на встрѣчу Всѣ усилія ихъ, какъ и 7 числа, сосредоточились на линіи Пиргосъ-Трестеникъ.

«Въ девять часовъ утра весьма значительныя силы турокъ, наступая, какъ и въ прошлый разъ, отъ Рущука, Басарбова и Чифтлика, сбили наши аванпосты и немедленно же съ отчаянною стремительностію аттаковали укрѣпленныя позиціи у Мечки и Трестеника. Самый жаркій бой упорно длился до четвертаго часа дня. Массы противника лѣзли одна за другими на русскіе окопы и отчаянно подбѣгали ближе чѣмъ на сто шаговъ къ нашимъ баттареямъ, которыя встрѣчали ихъ жестокою картечью. Гдѣ ни пытались они прорваться, повсюду имъ былъ данъ сильнѣйшій отпоръ, такъ что въ началѣ четвертаго часа, обезсилѣвъ наконецъ въ столь многочисленныхъ и безплодныхъ попыткахъ, турки начали отступленіе, усѣявъ все поле сраженія множествомъ убитыхъ и раненыхъ и, оставивъ въ нашихъ рукахъ значительное число плѣнныхъ. Потери противника были громадны, тѣмъ болѣе что войска 12 корпуса не ограничились однимъ отраженіемъ аттаки, а чуть лишь непріятель началъ отступать, сами перешли въ весьма горячее наступленіе, и несмотря на сильный и мѣткій огонь турецкой артиллеріи, прикрывавшей отступленіе, продолжали преслѣдовать противника, пока совсѣмъ не стемнѣло. Особенно настойчивымъ преслѣдованіемъ отличились полки 47-й пѣхотный Украинскій (12 пѣхотной дивизіи) и 129-й пѣхотный Бессарабскій (33 пѣхотной дивизіи), которые и понесли наиболѣе чувствительныя потери. Подробности этого блестящаго дѣла пока еще неизвѣстны въ главной квартирѣ. Вся наша убыль, говоря относительно, весьма не велика—около трехсотъ человѣкъ. Къ сожалѣнію, на долю Украинскаго полка пришлась наибольшая потеря офицерами, которые вели себя молодецки. За это дѣло Государь Императоръ пожаловалъ орденъ Св. Георгія 3-й степени командиру 12-го корпуса, Великому Князю Владиміру Александровичу, и знаки сего ордена, вмѣстѣ съ Георгіевскими крестами для нижнихъ чиновъ, повезъ Его Высочеству Великій Князь Сергій Александровичъ, уже имѣющій тотъ же крестъ 4-й степени, за дѣло 12 октября на Кара-Ломѣ, близъ Кошева.

«Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ Еленинскаго отряда, на юго-восточномъ фронтѣ. Еще со второй половины октября турки начали производить частыя и усиленныя рекогносцировки ,противъ нашей Еленинской позиціи, у селенія Марены. 4 ноября человѣкъ четыреста конныхъ баши-бузуковъ и черкесовъ, поддержанные нѣкоторою частію регулярной пѣхоты, напали на беззащитную деревню Новосело, зажгли въ ней нѣсколько домовъ и убили трехъ болгаръ, которые, какъ хозяева зажигаемыхъ домовъ, попытались тушить огонь; затѣмъ черкесы тяжело ранили одну женщину, не позволявшую изнасиловать себя и—странный видъ злости и мщенія!—ни за что, ни про что отрубили голову десятилѣтней болгарской дѣвочкѣ.... Всѣ эти безобразія въ беззащитномъ селѣ продолжались до тѣхъ поръ, пока рота Якутскаго полка, извѣщенная мѣстными жителями и поддержанная еще двумя ротами изъ Джулюка и Златарицы, не выбила ихъ изъ Новосела и не отшвырнула къ Козлубеку. На другой день, 5

числа, около четырехсотъ турокъ (вѣроятно изъ состава вчерашняго же отряда) опять попытались было сдѣлать нападеніе на Новосело, но на этотъ разъ четыре роты Охотскаго полка дали имъ достойный отпоръ раньше, чѣмъ они успѣли совершить какія-либо мерзости и безобразія. Въ этомъ стрѣлковомъ дѣлѣ у насъ раненъ только одинъ рядовой. Но одновременно съ послѣднимъ нападеніемъ на Новосело, полтораста черкесовъ и баши-бузуковъ показались въ виду мѣстечка Златарицы. Подъ прикрытіемъ этой конницы, турецкая пѣхота заняла высоту командующую надъ мѣстечкомъ и начала тамъ рыть ложементы и насыпать баттареи. Находившаяся по близости наша артиллерія пустила въ нихъ нѣсколько гранатъ, разорвавшихся очень удачно. Дѣйствіе орудійнаго огня, послѣ первыхъ же выстрѣловъ, вынудило пѣхоту противника не отступать, а просто бѣжать изъ занятой ею высоты. Стрѣлки же Якутскаго полка довершили остальное: мѣткій огонь ихъ винтовокъ окончательно разсѣялъ черкесовъ и баши-бузуковъ. Восемь тѣлъ, и въ томъ числѣ одинъ офицеръ, были оставле- турками на мѣстѣ; мы же потеряли двоихъ солдатъ ранеными.

«7 ноября, въ день столькихъ попытокъ противъ восточнаго фронта, непріятель, въ количествѣ около трехъ таборовъ пѣхоты (приблизительно свыше тысячи человѣкъ) и одной сотни черкесовъ, развернулся въ боевомъ порядкѣ противъ нашей Маренской позиціи. На встрѣчу ему двинулся Сѣвскій пѣхотный полкъ, въ виду котораго турки отступили безъ боя.

«13 ноября, въ 6 часовъ вечера, начальникъ Еленинскаго отряда, генералъ-маіоръ Домбровскій, увѣдомилъ начальника 26-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузена, находящагося въ Тырновѣ, что турки наступаютъ на Еленинскій отрядъ большими массами. На подкрѣпленіе генералу Домбровскому тотчасъ же были направлены пѣхота и кавалерія, съ соотвѣтственнымъ числомъ орудій.

Паденіе Карса.

(Въ ночь съ 5 на 6 ноября.)

За нѣсколько дней до штурма носились въ Главной Квартирѣ и блокирующихъ отрядахъ слухи о предполагаемомъ штурмѣ. Новость эта передавалась другъ другу подъ строжайшимъ секретомъ. Войска желали приступа. Холодная ненастная погода и трудная аванпостная служба вокругъ Карса до того въ последнее время увеличили число больныхъ, что дальнѣйшая блокада Карса становилась со дня на день труднѣе. Солдаты говорили: «лучше положить животъ на войнѣ, чѣмъ гибнуть въ госпиталѣ». Начальство тоже сознавало необходимость штурма, тѣмъ болѣе что наша осадная артиллерія и охотничьи команды, дѣйствовавшія по ночамъ противъ Карскихъ фортовъ, произвели должное впечатлѣніе на турокъ. Они въ послѣднее время укрылись въ свои укрѣпленія и не производили вылазокъ.

Штурмъ сначала назначенъ былъ на 2 ноября, но вслѣдствіе дурной погоды, слякоти и грязи отложенъ до болѣе благопріятной погоды. Съ четвертаго числа погода прояснилась, дни настали ясные, солнечные, а ночи морозныя.

Нельзя не признать, что въ настоящую войну турки, вслѣдствіе своего вооруженія, проявили несравненно болѣе мужества и упорства въ битвахъ, чѣмъ въ прежнія войны; но это обстоятельство надо отнести не къ тому, что они теперь сдѣлались храбрѣе а къ тому, что современный бой съ дальнихъ дистанцій пришелся имъ по характеру. Ихъ нервы выносятъ шипѣніе артиллерійскихъ снарядовъ и свистъ пуль; но наше *ура* на нихъ и теперь наводитъ цѣпенящій страхъ, панику, какъ и прежде. На этомъ основаніи, ночныя дѣйствія противъ турокъ надо предпочесть дневнымъ. Естественно, ночью представляется болѣе возможности подвести войска незамѣченными ближе къ позиціи непріятеля, и затѣмъ броситься на *ура*.

Не знаю, на этомъ ли основаніи, или по другимъ соображеніямъ, но штурмъ Карса назначенъ быть ночью.

Для болѣе точнаго уясненія штурма, считаю необходимымъ познакомить читателя хотя вкратцѣ съ диспозиціей. Войскамъ назначеннымъ для штурма ставилось задачею: 1-й колоннѣ, г.-м. Комарова, въ составѣ 6 баталіоновъ и 4 горныхъ орудій, атаковать укрѣпленіе Чимъ. Для этого Комаровъ долженъ былъ слѣдовать Эрзерумскою дорогой по лѣвому берегу Карсъ-чая, а подойдя къ Армянскому предмѣстію свернуть влѣво на гору и броситься на Чимъ съ тыла.

2-я колонна, подполковника князя Меликова, въ составѣ трехъ баталіоновъ, должна была, пройдя по правому берегу Карсъ-чая, мимо селенія Кючюкъ-Кей, штурмовать съ тыла укрѣпленіе Сувари-Табія. По овладѣніи этимъ укрѣпленіемъ кн. Меликову приказано немедленно присоединиться къ колоннѣ ген. Комарова.

3-я колонна графа Граббе, въ составѣ 5 батал. и 4-я колонна полковника Вождакина (5 батал.) назначены были для овладѣнія укрѣпленіемъ Канлы.

5-й колоннѣ г.-м. Алхазова, 5 батал., приказано штурмовать фортъ Хафисъ-паша. Сзади этой колонны поставленъ былъ резервъ, въ составѣ двухъ баталіоновъ.

Сверхъ того назначены были части войскъ для демонстраціи противъ Шорахскихъ и Карадагскихъ укрѣпленій.

Къ штурмующимъ колоннамъ были приданы: саперныя команды съ динамитными патронами, по станку ракетъ для сигналовъ, по 10 артиллеристовъ съ ершами и молотами, и по 10 казаковъ для отправки донесеній.

Начальство надъ войсками, дѣйствующими на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, было поручено г.-л. Роопу, а надъ войсками штурмующими на правомъ берегу Карсъ-чая г.-л. Лазареву, за исключеніемъ колонны г.-л. Шатилова, демонстрирующей противъ Карадага.

Наканунѣ штурма наши войска были расположены лагерями вокругъ Карса на слѣдующихъ мѣстахъ: у Мапры— отрядъ Шатилова, у сел. В. Караджуранъ въ 4 верстахъ отъ форта Канлы, отрядъ Лазарева, у Чифтликъ-кея, Веранъ-

Кале и у Дюзъ-Верана—войска Рооп, и у Бозгала—отрядъ Комарова. Мацра съ Бозгалою соединялись телеграфною проволокой.

Согласно диспозиціи, войска со своихъ лагерныхъ мѣстъ двинулись на приступъ какъ только стемнѣло.

Корпусный командиръ выѣхалъ въ 6 часовъ вечера къ В. Караджурану со штабомъ.

Наступила морозная, тихая ночь. На небѣ не было ни одной тучки, луна свѣтила полнымъ свѣтомъ. Войска двигались, соблюдая строжайшую тишину. Ночное безмолвіе не было нарушаемо ни говоромъ, ни лаемъ собакъ. Курить было запрещено.

Мы ѣхали къ В. Караджурану. Предъ нами разстилалась вся равнина до нижнихъ Карсскихъ укрѣпленій, но мы нигдѣ не могли замѣтить наступающихъ колоннъ, до того онѣ наступали тихо.

Ночную тишину нарушали только наши осадныя баттареи. Онѣ по заведенному порядку продолжали обстрѣливать Карсскія укрѣпленія. Каждый выстрѣлъ долго разносился эхомъ по ущельямъ горъ.

Около 9 часовъ вечера Турки открыли сначала артиллерійскій огонь; затѣмъ вдругъ укрѣпленіе Канлы, а потомъ Хафисъ заблистали безчисленными огоньками. Послышалась безконечная дробь ружейныхъ выстрѣловъ.

Итакъ штурмъ начался; каждый невольно подумалъ :«что-то Богъ дастъ». Кто-то изъ свиты замѣтилъ: «Жаль что Кавказской гренадерской дивизіи нѣтъ съ нами.»—«Да, отвѣтило нѣсколько голосовъ, это полки испытанные».

Правду сказать, многіе сомнѣвались въ удачѣ штурма. Шансовъ у насъ было весьма мало, чтобы разчитывать на полное пораженіе турокъ, укрытыхъ въ неприступной крѣпости, которую въ 1855 году не смогли взять старые кавказскіе воины, закаленные въ бояхъ; къ тому же лазутчики дали знать что въ Карсѣ находится болѣе 40 таборовъ. Положимъ, мы этой цифрѣ не довѣряли и считали ее преувеличенною, но все-таки знали, что у нихъ есть въ крѣпости достаточно силъ для ея обороны. Въ послѣдствіе оказалось что показанія лазутчиковъ были приблизительно вѣрны. Карсскій гарнизонъ въ день штурма доходилъ до 22 тысячъ.

Корпусный командиръ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ остановился со штабомъ впереди В. Караджурана, на высотѣ Сюца; съ укрѣпленія Канлы долетали шальныя пули, и нѣсколько гранатъ разорвало вблизи штабнаго персонала.

Его Высочество Главнокомандующій арміей находился на высотѣ возлѣ Чифтликъ-кея.

Наши колонны, имѣя впереди охотниковъ, наступали быстро, не открывая огня.

Около десяти часовъ вечера, среди неумолкаемой канонады и ружейной пальбы, стали раздаваться крики *ура*. Это наши охотники ворвались въ траншеи. Турки, замѣтивъ малочисленность нашихъ войскъ, начали ихъ обходить, но въ это время подошли штурмующія колонны и отбросили турокъ въ укрѣпленіе Канлы. Турки до того участили огонь, что наши войска пріостановились. Въ

столь рѣшительную минуту офицеры, подавая примѣръ самоотверженія, во главѣ своихъ частей кинулись на укрѣпленіе. Турки не выдержали отчаяннаго напора и отступили въ укрѣпленную казарму. Взять ее—задача была весьма трудная. Турки открыли огонь изо всѣхъ бойницъ, оконъ. Но наши солдаты, ободренные успѣхомъ, по трупамъ товарищей, пробрались къ казармѣ и влѣзли на крышу. Туркамъ предложено сдаться, въ случаѣ же отказа имъ было объявлено, что они вмѣстѣ съ казармою будутъ взорваны. На что комендантъ кричалъ «Молчать!»

Послѣ непродолжительнаго колебанія, два паши и 300 человѣкъ защищавшихъ казарму сдались въ плѣнъ.

Много геройскихъ подвиговъ выказано для овладѣнія фортомъ Канлы: графъ Граббе, погибъ впереди своей колонны, пронизанный двумя пулями; вмѣсто его назначенъ былъ сперва Бульмерингъ, потомъ Чавчавадзе; полковникъ Бѣлинскій, замѣтивъ замѣшательство въ рядахъ полка, бросился впередъ на укрѣпленіе, но тутъ же былъ убитъ, пораженный пулей и штыкомъ.

Маіоръ Геричъ, во главѣ 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, влѣзъ первымъ на брустверъ, но былъ поднятъ на штыки.

Одновременно со взятіемъ Канлы, Кутаисцы и Владикавказцы, подъ начальствомъ генерала Алхазова, овладѣли фортомъ Хафисъ-паша, а колонна князя Меликова взяла укрѣпленіе Сувари, почти безъ потерь.

На этомъ нашъ успѣхъ пріостановился. Князь Меликовъ, согласно диспозиціи занявъ Сувари, быстро перешелъ черезъ мостъ и въ бродъ на лѣвую сторону Карсъ-чая и сталъ штурмовать укрѣпленіе Чимъ. Кромѣ того, это укрѣпленіе, какъ намъ извѣстно, должна была штурмовать колонна генерала Комарова. Но оказалось, что Пятигорцы, сбившись съ пути къ Чиму, повели штурмъ на неприступный фортъ Техмасъ-Табіе. Это укрѣпленіе взять было открытою силой невозможно. Но несмотря на то Пятигорцы назойливо продолжали приступъ и даже пробрались до гласиса, гдѣ залегли за камнями. Столь рѣшительныя дѣйствія Пятигорцевъ привлекли вниманіе Турокъ къ Техмасъ-Табіе и тѣмъ облегчили доступы нашимъ войскамъ къ нижнимъ укрѣпленіямъ. Заслуга Пятигорцевъ велика, но за то она имъ дорого стоитъ; роты уменьшились на половину, и убитъ ихъ храбрый командиръ, полковникъ Бучкіевъ.

Между тѣмъ колонна князя Меликова повторяла атаку за атакой на Чимъ, но ничего не могла сдѣлать; турки упорно и отчаяно защищали Чимъ. Всѣ геройскія аттаки стрѣлковъ и Кубанцевъ были отбиты съ большимъ урономъ, причемъ смертельно раненъ подполковникъ князь Меликовъ.

Въ 3 часа пополуночи къ корпусному командиру прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что Чимъ выказалъ сильное сопротивленіе, что наши войска отступаютъ: вслѣдствіе этого корпусный командиръ приказалъ подвинуть три баталіона изъ резерва къ Сувари.

Въ то же время получено донесеніе отъ генерала Роопа, что Несвижскій полкъ занялъ траншеи Лазъ-Тепеси и наступаетъ далѣе.

Поведеніе Карадага обратило на себя общее вниманіе. Онъ болѣе часу совер-

шенно затихъ и не проявлялъ никакихъ дѣйствій. Что бы это значило? нѣкоторые задавали себѣ вопросъ. Другіе, болѣе самонадѣянные, предрѣшали, что Карадагъ взятъ, иначе онъ не прекращалъ бы артиллерійскаго огонь. Среди догадокъ казакъ привезъ всѣми желанное извѣстіе: Карадагъ взятъ. Вотъ какъ это случилось: Кутаисскій полкъ, подъ командой храбраго своего командира—полковника Ѳаддеева, взявъ Хафисъ-пашу, не остановился на первомъ успѣхѣ, а быстро двинулся на Карадагъ со стороны предмѣстья Байрамъ-паша. Наступленіе на Карадахъ Кутаисцы исполнили блистательно. Они тихо вскарабкались на Карадагскую высоту, подползли къ траншеѣ и затѣмъ, грянувъ! *ура* мигомъ полѣзли на брустверъ и казарму Зіаретъ. Турки, не ожидавшіе съ этой стороны нападенія, были до того ошемлены крикомъ *ура* и появленіемъ Русскихъ, что послѣ незначительной обороны бросились бѣжать *). Такимъ образомъ, неприступный, грозный Карадагъ оплотъ Карса, осилили Кутаисцы. Честь и слава полку и ихъ храброму командиру, полковнику Ѳадееву.

Радостное извѣстіе о взятіи Карадага пронеслось по рядамъ нашихъ войскъ. Всѣ повеселѣли. Всякій сознавалъ что мы теперь твердою ногой стали въ Карсѣ.

Начинало свѣтать. Морозъ усилился. Въ городѣ шла страшная стрѣльба. Наши солдаты, раздѣлившись на команды, штурмовали городъ.

Къ утру въ нашихъ рукахъ были всѣ укрѣпленія, расположенныя по правому берегу Карсъ-чая и часть города, за исключеніемъ форта Арабъ-Табіе.

Къ 9 часамъ утра пальба на всѣхъ пунктахъ вдругъ прекратилась, турки стали проворно очищать городъ, Чимъ и Чахмахскія укрѣпленія и безпорядочными толпами потянулись къ укрѣпленію Техмасъ-Табіе. Только наша осадная батарея изрѣдка еще посылала снаряды въ фортъ Вели-паша.

Въ это время пріѣхалъ съ донесеніемъ къ генералу Лазареву молодой офицеръ Кутаисскаго полка, поручикъ Сгоржельскій. На немъ, сверхъ пальто, была одѣта овчинная старенькая шубенка, а подъ нимъ отличный породистый турецкій жеребецъ, только что отбитый у турокъ.

Сгоржельскій лично отрапортовалъ генералу, что онъ съ тремя охотничьими командами на разсвѣтѣ ворвался въ укрѣпленіе Арабъ-Табіе, послѣ упорнаго боя выбилъ оттуда турокъ и заставилъ ихъ удалиться къ Мухлису.

Съ этимъ донесеніемъ Сгоржельскій былъ присланъ ген. Рыдзевскимъ, какъ главный виновникъ паденія Арабъ-Табіе, съ потерей котораго турки потеряли надежду отстоять Карсъ и стали со всѣхъ пунктовъ отступать. Итакъ кровавый штурмъ пришлось такъ доблестно совершить 19-ти лѣтнему юному офицеру. О его геройскомъ подвигѣ было написано донесеніе къ корпусному командиру, и онъ лично съ нимъ посланъ къ ставкѣ Его Высочества, гдѣ въ это время находился корпусный командиръ. Сгоржельскій былъ представленъ и обласканъ Главнокомандующимъ, какъ истинный герой столь славной побѣды.

Всѣ полагали, что турки, собравшись на Техмасъ-Табіе, выбросятъ бѣлый

---

*) Саперные офицеры Бикманъ и Войнаровичъ взорвали динаментомъ ворота. Смотри рисунокъ.

флагъ и сдадутся на капитуляцію, но вышло совершенно иначе. Они, въ числѣ болѣе 16 тысячъ, построились въ густыя колонны и двинулись черезъ Аравартанскія горы, по направленію къ Ольтѣ.

День 6 ноября стоялъ ясный, тихій, какъ и предшествующій. Въ телескопъ отлично было видно, какъ турки партіями въ разбродъ старались уйти въ горы, бросая по дорогѣ въ снѣгъ оружіе. Генералъ Лазаревъ, какъ только получилъ извѣстіе отъ ген. Роопа о прорывѣ турокъ, тотчасъ послалъ на перерѣзъ имъ всю кавалерію, имѣвшуюся подъ рукой. Ранѣе того генералъ кн. Щербатовъ, замѣтивъ прорывъ турокъ, тотчасъ направилъ свою кавалерію въ обходъ имъ. Къ 11 часамъ дня бѣгущіе остатки Карсскаго гарнизона были настигнуты. Они безъ выстрѣла сдались въ плѣнъ и совершенно покорно повернули назадъ къ сел. Бозгала. Вслѣдъ затѣмъ наши войска безъ боя заняли Шорахскія и Чахмахскія укрѣпленія. На всѣхъ фортахъ и въ цитадели водружены были наши побѣдныя знамена.

Такъ взята одна изъ сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей, предъ стѣнами которой уже не разъ лилась русская кровь.

Въ 10 часовъ утра, 6 ноября, съ Карсомъ было кончено. Войска, всѣ до послѣдняго солдата, отъ души перекрестились и глубоко поблагодарили Бога за дарованную побѣду, для каждаго былъ великій праздникъ и каждый чувствовалъ себя какъ въ Свѣтлый День. Великое дѣло сдѣлано; миръ и вѣчная память павшимъ героямъ! Они пали, но обезсмертили себя, свершивъ неслыханное дѣло. Взята крѣпость неприступная, взята открыто, безъ обстрѣла, безъ подступовъ и осадныхъ работъ. Такое дѣло могутъ свершить только истинные герои. Чего стоила эта крѣпость прежде? какъ дорого она обходилась Паскевичу, Муравьеву? Теперь Карсъ взятъ, и потери, по увѣренію всѣхъ, ничтожны, принимая во вниманіе что то былъ штурмъ.

Нужно видѣть Карсъ, чтобы понять что сдѣлано и чего это стоило. Не вѣрится, что такая неприступная твердыня пала отъ штурма, и не вѣрится что можно было штурмовать ее. Предъ укрѣпленіями рядъ волчьихъ ямъ, за ними рвы и брустверъ. Рвы со стороны штурмующихъ въ три-четыре сажени ширины и двѣ-три глубины. Брустверы вышиной ото дна рва до 4-хъ саженъ (я мѣряю на глазъ). Крутизна страшная. Въ брустверахъ въ большинствѣ подѣланы каменные казематы, приспособленные къ оборонѣ. Изъ этой твердыни летятъ массы, градъ пуль и снарядовъ. Надо подъ ними пройти ямы и рвы взобраться на брустверъ. Сдѣлано это,—но въ укрѣпленіи еще есть гарнизонъ, предстоитъ рукопашная, а затѣмъ казематъ. Надо это видѣть, чтобы понять всю трудность штурма и геройство штурмовавшихъ.

Наши раненые и убытые подбирались тотчасъ. Остальные убитые и раненые подобраны тотчасъ по взятіи укрѣпленій. До 12 часовъ дня, 6 ноября, убитые турки еще не всѣ были подобраны. Много ихъ лежало и во рвахъ, и въ укрѣпленіяхъ, у брустверовъ и въ казематахъ. Всѣ плѣнные уже препровождены въ Большую Тикму. Ихъ до 12 тыс. человѣкъ. Раненые оставлены въ Карсскихъ госпиталяхъ.

Настоящій штурмъ Карса можно считать одною изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ нашей лѣтописи. Героизмъ доходилъ до ослѣпленія. Наши войска, не признавая страха, на зло турецкому гранатному и ружейному огню, двигались какъ желѣзные богатыри къ могучей крѣпости. Теперь весь міръ убѣдится что русскія войска, помня завѣтъ предковъ, остались тѣми же истыми героями, какими были въ старину.

На повѣрку оказалось, что въ день штурма Карскій гарнизонъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ до 22,000; у насъ же въ пяти штурмовыхъ колоннахъ было не болѣе 12,000 штыковъ.

Вся наша убыль въ день штурма опредѣляется до 2,000 съ небольшимъ; непріятель потерялъ почти столько же одними убитыми.

Запасовъ взято на 6 мѣсяцевъ; восторгъ войскъ неописанный. 7 ноября торжественный въѣздъ въ Карсъ. Населеніе радо. Оно нѣсколько разъ просило коменданта о сдачѣ Карса, но комендантъ разстрѣливалъ предводителей депутацій. Офицеровъ плѣнныхъ 800. Турки и Армяне двумя группами съ духовенствомъ подносятъ хлѣбъ-соль Великому Князю. Невыразимый восторгъ когда Великій Князь благодарилъ войска, объѣзжая ихъ. Картина потрясающая! Подъ цитаделью на террасѣ губернаторскаго дома, пробитаго гранатами, завтракъ съ громовыми *ура* за Государя Императора, Намѣстника и войска. На всѣхъ крышахъ кругомъ сотни Турокъ.

Въ полдень корпусный командиръ объѣзжалъ Карскія укрѣпленія и вездѣ горячо благодарилъ войска за необыкновенное мужество, выказанное ими на штурмѣ. Вотъ одна изъ многознаменательныхъ фразъ Михаила Таріеловича: «Порадовали вы, братцы, Нашего Государя, а съ Нимъ и всю Россію; *ура* русскому солдату!» Это завѣтное, неудержимое ура долго гремѣло на Карскихъ укрѣпленіяхъ, а вслѣдъ за нимъ раздавался народный гимнъ: *Боже, Царя храни.*

8 ноября было назначено молебствіе и церковный парадъ въ Карсѣ. Къ 9 ч. утра войска расположились съ южной стороны, почти у городской стѣны. День былъ солнечный, теплый, солнце играло и золотило оружіе и распущенныя знамена. Къ 11 часамъ прибылъ Е. И. В. Великій Князь Главнокомандующій, весело поздоровался съ солдатами, и громкое *ура* разнеслось перекатами. Войска были поставлены въ формѣ буквы П, въ центрѣ — налой и образа. Полукругомъ, у мѣста служенія, были поставлены 36 распущенныхъ знаменъ и 4 штандарта. Началось молебствіе. Стройно и торжественно неслось церковное пѣніе, доселѣ здѣсь неслыханное, и съ глубокимъ умиленіемъ прослушали мы *Тебе Бога хвалимъ*. Отъ глубины души молились войска на мѣстѣ недавнихъ великихъ событій. Вотъ раздалось многолѣтіе—грянули выстрѣлы съ недавно грозныхъ укрѣпленій, но не смерть несли, а громко возвѣщали нашу побѣду и наше празднество. Тихо и торжественно священникъ сказалъ вѣчную память «на полѣ брани убіеннымъ», и съ глубокою грустію преклонили колѣна, молясь за ихъ души, Великій Князь Главнокомандующій и всѣ... Упокой Боже души падшихъ героевъ...

Кончилось молебствіе, знамена склонились и были окроплены святою водой.

Еще разъ Великій Князь собралъ кругомъ себя начальниковъ частей и, въ глубокомъ волненіи, передалъ войскамъ Царское спасибо и спасибо Главнокомандующаго. Громкимъ радостнымъ *ура* отвѣчали восторженныя войска, шапки полетѣли вверхъ, и долго не могли удержать солдатъ, долго неслись радостные и мощные крики. Но вотъ все стихло. Музыка всѣхъ полковъ заиграла *Боже Царя храни,* и торжественно и мощно звучалъ нашъ великій національный гимнъ подъ стѣнами Карса, производя потрясающее впечатлѣніе какъ символъ величавой народной силы и правоты.

Послѣ церемоніальнаго марша войска были распущены и, возвращаясь, всѣ навѣрно думали что въ эти минуты также празднуетъ, и также молится наша далекая великая родина, за которую каждый готовъ отдать и всѣ свои завѣтныя блага, и послѣднюю каплю крови.

9 ноября, въ 11 часовъ утра, у ставки Великаго Князя, въ присутствіи всего штаба и генераловъ, отслужена была панихида по убитымъ на штурмѣ Карса. Въ четвергъ, въ часъ дня, переѣздъ Главной Квартиры въ Карсъ. Великій Князь помѣстился въ домѣ коменданта, въ трехъ маленькихъ комнатахъ. Въ пятницу, 11 ноября, осмотръ укрѣпленій Карадага и Араба. Мысль отказывается вѣрить возможности взять эти баснословно чудовищныя твердыни. Чудо Божіей помощи поразительно и напоминаетъ паденіе стѣнъ Іерихона. Жители успокоены, дома и рынки открылись; довѣріе къ старому знакомому, Муравьевскому соратнику, Лорисъ-Меликову, полное. Обаяніе Великаго Князя громадное.

Потери Турокъ огромны. Болѣе 2,500 тѣлъ, сраженныхъ въ укрѣпленіяхъ погребено нами въ первые же дни послѣ боя, а раненые ихъ переполняютъ наши госпитали до такой степени, что необходимо было значительную часть ихъ распустить по селеніямъ на родину. Такая же мѣра употреблена и въ отношеніи тѣхъ больныхъ, которые оказались неспособными къ дальнѣйшей службѣ и не могли бы выдержать отдѣльной пересылки.

Трофеи наши состоятъ изъ 303 различныхъ калибровъ орудій, 17,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ пять пашей и до 800 офицеровъ и огромныхъ, еще до настоящаго времени лишь постепенно открываемыхъ, складовъ запасовъ и казеннаго имущества. Болѣе 4,500 больныхъ и раненыхъ найдены въ непріятельскихъ госпиталяхъ.

Изъ плѣнныхъ, раненыхъ и больныхъ, на основаніяхъ вышеизложенныхъ, отпущены по домамъ до 3,250 человѣкъ.

Дополнительныя подробности и эпизоды.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ БОЕВАЯ НОЧЬ НА 6 НОЯБРЯ ПОДЪ КАРСОМЪ.

Записавъ главныя впечатлѣнія въ свой *Дневникъ,* я прилегъ, потушилъ свѣчку, и сталъ припоминать снова все пережитое въ эти нѣсколько часовъ.

Едва я началъ эту утомительную работу, какъ по лицу что-то пушистое и мягкое точно, скользнуло; я подумалъ съ ужасомъ; не крыса ли? Но зажегши свѣчу убѣдился, что это кошка. Хозяинъ сакли разсказалъ мнѣ что ночью, какъ

тушатся свѣчи сбѣгаются къ нему всѣ кошки аула, такъ какъ эта сакля единственное теплое жилье во всемъ аулѣ. Турки бѣжали, а кошки остались и укрываются ночью отъ мороза въ этой саклѣ. Набралось ихъ штукъ двадцать. Пришлось подчиниться печальной необходимости дѣлить ложе съ шестью кошками, но чтобъ онѣ не могли располагаться на моемъ лицѣ, я зажегъ свѣчу.

Пушечная и ружейная пальба такъ въ ушахъ и трещали до самаго утра. Едва стало разсвѣтать какъ я всталъ и вышелъ на улицу.

— Что, кончилась пальба? спросилъ я у часоваго.

— Никакъ нѣтъ.

Въ седьмомъ часу я выѣхалъ и слышалъ опять пушечные выстрѣлы.

Предпослѣдняя станція была Магараджикъ. Тамъ, зналъ я, была главная квартира генерала Алхазова. Думалъ: узнаю что-нибудь тамъ.

Недалеко оттуда, при поворотѣ передо мною при первыхъ лучахъ солнца блеснулъ Карсъ.

— Вотъ Карсъ! сказалъ мнѣ ямщикъ, указывая на него.

Крѣпость прижата къ высокой горѣ, отъ которой до насъ было по прямому направленію верстъ 18 по крайней мѣрѣ, но казалось это гораздо ближе, такъ какъ насъ раздѣляла большая долина, и солнечное освѣщеніе измѣнило тѣни перспективы.

Съ этой минуты Карсъ оставался виденъ во все время нашей ѣзды; мы все вертѣлись около, и я замѣчалъ какой кругъ мы дѣлали, чтобы не попадать подъ пушечный выстрѣлъ.

Вотъ мы прибыли въ Магараджикъ. Много палатокъ, госпиталь, много движенія и солдатъ. Выскочилъ я изъ перекладной. Иду къ солдатамъ.

— Что ночью было? спрашиваю я.

— Говорятъ аттаковали.

— Кто?

— Да мы.

— Ну и что?

— Взяли слышно позицію.

— А Карсъ?

— Карса не взяли, говорятъ.

Иду къ другимъ.

Тѣ же вопросы, и тѣ же приблизительно отвѣты.

— А генералъ нашъ?

— Алхазовъ-то?

— Да, гдѣ онъ?

— Тамъ они.

— Гдѣ тамъ?

— Пошли съ нашими.

— Когда?

— Вчера послѣ обѣда.

— Что же, былъ штурмъ?

— Слышно такъ что былъ, а навѣрное не можемъ знать.

Странно, подумалъ я, и невольно началъ предчувствововать что-то неладное, ибо, говорю себѣ, еслибы что-нибудь было хорошее, навѣрно всѣ знали бы, и эти солдаты знали бы; кто-нибудь прилетѣлъ бы сюда съ мѣста битвы.

Нечего дѣлать. Ѣду дальше на Веранъ-Кале, гдѣ была Главная Квартира Великаго Князя.

На пути встрѣчаются мнѣ обозы и артиллерія.

«Спросить или не спросить? думаю я; а ну-ка, если что нибудь дурное; нѣтъ, лучше не спрашивать, будетъ что будетъ, узнать всегда успѣю.»

Версты двѣ проѣхавъ, опять встрѣчаю обозы.

Не вытерпѣлъ.

— Что, спрашиваю я, новаго?

— Кто ихъ знаетъ? Слышно что взяли.

— Что взяли?

— Да Карцеръ то.

— Взяли Карсъ! крикнулъ я.

— Не разберешь: кто говоритъ взяли, кто говоритъ не взяли.

— А вы откуда?

— Изъ лагеря.

Зажглась надежда, но въ то же время родилось опять и сомнѣніе. Во всякомъ случаѣ на душѣ легче стало. Если говорятъ о взятіи Карса, значитъ даже если онъ не взятъ, все-таки дурнаго ничего не было.

А Карсъ все подъ глазами, такъ вотъ и хочется крикнуть ему: «Взятъ ты или нѣтъ?»

Наконецъ, спускаюсь съ горы. Вижу лагери направо и налѣво. Все какъ будто пусто.

— Что это?

— Это Веранъ-Кале.

— Главная Квартира?

— Такъ точно.

Направо лагерь и налѣво лагерь.

Мы повернули направо.

Вижу флагъ. На немъ написано: «Почтамтъ». Возлѣ кибитка, тамъ большая палатка. Вижу нѣсколько почтовыхъ чиновниковъ. Всѣ они смотрятъ куда то прямо по направленію Карса.

Я переѣхалъ мостикъ и подъѣзжаю со своими тюками.

Выскочилъ.

Подхожу ко группѣ чиновниковъ. Сердце бьется, не смѣю спросить.

— А знаете, говоритъ мнѣ одинъ.

— Что? прерываю я его.

— Карсъ....

— Ну, ну? Взятъ Карсъ! вырвалось у меня.

— Взятъ, взятъ, повторили нѣсколько голосовъ.

Я перекрестился съ такимъ чувствомъ, какъ рѣдко крестился въ жизни.

— А потери?

— Неизвѣстно; говорятъ небольшія.

— Вотъ, везутъ раненыхъ, кто то сказалъ, указывая на приближавшуюся вереницу арбъ.

Я не вѣрилъ еще, признаюсь, въ возможность такого баснословно великаго счастія.

— Штурмомъ взяли?

— Какже. Всю ночь штурмовали. Вчера въ семь часовъ выступили.

— Да вѣрно ли?

— Вѣрно. Сейчасъ прискакалъ фельдъегерь съ депешей Великаго Князя къ Государю для телеграфа. Да вотъ, вотъ, смотрите, турки бѣгутъ, видите?

Мнѣ указали на снѣжную вершину за Карсомъ и подъ Карсомъ.

Я взялъ бинокль и сталъ смотрѣть. Впервые мой бинокль мнѣ пригодился. Вижу темныя кучки двигаются по снѣгу, точно мухи по сахару.

— Это турки.

— Куда же они бѣгутъ?

— Удираютъ.

— Кавалерію послали за ними.

— А гдѣ же Великій Князь? спрашивалъ я.

— Тамъ, объѣзжаетъ войска вѣроятно, здѣсь никого нѣтъ, все пусто; одни только мы, почтовые чиновники.

Я началъ спрашивать о подробностяхъ.

Никто ничего не зналъ. Не знали даже о томъ кто убитъ, и кто раненъ.

Я поселился у одного изъ любезныхъ чиновниковъ почтамта, предложившаго мнѣ гостепріимство въ своей палаткѣ, помощника управляющаго полевымъ почтамтомъ. Подали самоваръ, солнышко стало грѣть, а на душѣ такъ легко, такъ радостно, какъ давно уже не было. Почти въ томъ же родѣ чувство, какъ радость въ тотъ день когда, 19 лѣтъ отъ роду, я вышелъ изъ училища окончившимъ курсъ. Заботы, печали, грустныя воспоминанія, все исчезло; радость и безпредѣльная благодарность Богу, больше ничего на душѣ не было.

Бесѣдовали обо всемъ, и о почтѣ разумѣется.

Узналъ что несмотря на ликованія, на полевомъ Кавказскомъ почтамтѣ стряслась бѣда. Обнаружились безпорядки. До 20 тысятъ писемъ не было доставлено, и въ томъ числѣ много денежныхъ. Къ счастію, все это обнаружилось, и никто не старался, какъ это у насъ дѣлается, затушить дѣло, а прямо, по энергическому настоянію начальства, велѣно все дѣло разслѣдовать, начальника смѣнить, назначить другаго, и всѣ упущенія исправить. Удивительно что главная причина была просто неряшество, а не недобросовѣстность, ибо письма оказались на лицо. Въ особенности пострадали письма бѣдныхъ солдатиковъ, то есть денежныя къ нимъ въ одинъ рубль присылки при письмѣ съ родины.

Закусивъ, мы отправились осматривать лагерь. Большая дорога, широкая и сравнительно не дурная, раздѣляла, какъ я сказалъ, лагерь на двѣ половины.

Направо была большая палатка корпуснаго командира, его начальника штаба, лицъ его штаба, комендантскаго управленія, почтамтъ, казначейство, телеграфъ, интендантство и т. д.

Налѣво впереди стояла избообразная палатка князя Святополкъ-Мирскаго, подальше, посрединѣ, съ маленькимъ палисадникомъ, и съ двумя часовыми, большая палатка съ тремя окнами Великаго Князя Главнокомандующаго, возлѣ длинная, открытая съ одной стороны столовая палатка, а затѣмъ палатка чиновъ Главной Квартиры.

Въ лагерѣ не было ни души.

Послѣ осмотра лагеря мы направились къ приближавшемуся транспорту первыхъ раненыхъ.

Это были не трудно раненые.

Всѣ они глядѣли бодро, и не имѣли страдальческаго вида.

Мы ихъ поздравили. Они намъ отвѣчали весело.

Ихъ отправляли въ Ардостъ, въ селеніе въ 5 верстахъ отъ Веранъ-Кале, гдѣ находятся главные госпитали. Но, увы! ни у кого изъ этихъ солдатиковъ не было ни полушубковъ, ни тулуповъ.

Минутъ десять спустя какъ будто что-то засуетилось. Послышались голоса.

Мы оглянулись кругомъ.

— Ѣдутъ, ѣдутъ, услыхалъ я.

Справа изъ ущелья спускалась къ долинѣ группа всадниковъ.

— Кто это? спросилъ я:—Великій Князь?

— Нѣтъ, это бѣлая лошадь, это должно быть Мирскій, онъ всегда на бѣлой лошади.

И дѣйствительно минуты три спустя, мы увидѣли на бѣломъ арабскомъ конѣ, въ длинномъ пальто, князя Мирскаго подъѣзжавшимъ къ своей палаткѣ. Князь Мирскій замѣчательно красивъ, бѣлокурый, средняго роста, стройно и изящно сложенъ; съ перваго же взгляда на его наружность глаза пріятно очаровываются его вельможескою фигурой. За нимъ былъ его знакомецъ, нѣсколько военныхъ и казацкій конвой.

Сойдя съ лошади, онъ вошелъ въ свою палатку.

Четверть часа спустя, суета и тревога стали вдругъ сильнѣе. Отовсюду вижу сбѣгаются.

То былъ Великій Князь. Издали можно было догадаться по огромной свитѣ.

Великій Князь спускался медленнымъ шагомъ съ горы на небольшомъ гнѣдомъ конѣ.

Его Высочество былъ въ артиллерійскомъ сюртукѣ и носилъ на лицѣ и во всей внѣшности отпечатокъ чего то торжественнаго и радостнаго.

Было около часу дня, когда Великій Князь вернулся. Я отправился разыскивать палатку князя Ш., вернувшагося въ свитѣ.

Тутъ я узналъ первыя подробности о штурмѣ Карса. Увы, эти первыя подробности глубоко поразили меня печалью, ибо я узналъ о смерти графа Граббе и о смертельной ранѣ молодаго князя Меликова, сына начальника Даге-

станской области. Послѣдній былъ пріятель князя Ш., онъ только что его видѣлъ. Пуля ему попала въ животъ, а когда его положили на носилки, его догнала вторая пуля и ранила въ ногу. Первая рана была смертельна. Сегодня же изъ разговоровъ съ нѣсколькими лицами успѣлъ убѣдиться насколько личность молодаго Меликова была честна, привлекательна и симпатична. Его перенесли въ саклю одного изъ ближайшихъ ауловъ. При немъ были двое изъ его слугъ, ухаживавшіе за нимъ также нѣжно и внимательно какъ ухаживають за раненымъ сестры милосердія. Онъ страдалъ ужасно, но преодолѣвалъ муки силой своего свѣтлаго и любящаго духа. Въ самыя трудныя минуты схватокъ онъ улыбался и протягивалъ руку князю Ш. говоря: Плохо! Хоть я и Суварн-паша бралъ, но ужъ больше мнѣ крѣпостей штурмомъ не брать. Суварн былъ взятъ его колонной. Послѣ Суварн онъ отправился къ Чиму, и тамъ кончилось его поприще. Храбрость Меликова была всѣмъ извѣстна. Такъ какъ всегда рвался впередъ, то съ него товарищи взяли слово что онъ впередъ бросаться не будетъ. Онъ и шелъ позади, пока колонна подвигалась къ укрѣпленію. Какъ только колонна подошла къ Суварн, Меликовъ бросился впередъ. Послѣ Суварн опять напомнили Меликову его обѣщаніе идти позади. Онъ опять исполнилъ желаніе друзей и офицеровъ. Подходили къ Чиму; не выдержала геройская кровь. Меликовъ бросился, и тутъ пуля въ него попала. Великій Князь посѣтилъ его сегодня утромъ. Когда онъ подошелъ къ блѣдному раненому, страдальческое лицо его просвѣтлѣло, онъ улыбнулся. Великій Князь протянулъ ему руку, онъ крѣпко ее пожалъ и на вопросъ, какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣтилъ что ничего, не очень страдаетъ. Великій Князь хотѣлъ словами ободрить его и показать видъ что онъ не считаетъ его безнадежнымъ, но бѣдный герой покачалъ грустно головой, и сквозь улыбку сказалъ что на поправленіе не разсчитываетъ. Къ тому же послѣ разговора съ княземъ Ш. о Меликовѣ я увидѣлъ доктора Рейера. Онъ дѣлалъ Меликову первую перевязку и посѣтилъ его еще сегодня утромъ.

— Ну что, какъ онъ? спросили мы хирурга.

— Никакой надежды! Вѣроятно уже теперь его нѣтъ въ живыхъ, сказалъ Рейеръ, глядя на часы.

Слова его были слишкомъ вѣрны.

Уѣзжая сегодня вечеромъ изъ Веранъ-Кале въ Ардостъ, я узналъ что именно въ это время, когда мы говорили съ Рейеромъ, тихо и свѣтло скончался юный кавказскій герой.

Онъ попросилъ чаю. Деньщикъ ему принесъ стаканъ чаю.

— Какъ пріятно напиться чаю, сказалъ Меликовъ, и приложилъ губы къ стакану. Но чай слишкомъ былъ горячъ.

— Дай-ка остыть, сказалъ онъ слугѣ, и обернулся спиной,—а я пока подремлю.

Минутъ черезъ десять онъ снова перевернулся и попросилъ чаю.

Ему дали стаканъ. Онъ выпилъ стаканъ.

— Какъ хорошо и тепло! сказалъ онъ, выпивъ весь стаканъ.

Потомъ онъ снова перевернулся лицомъ къ стѣнѣ, вздохнулъ глубоко и наконецъ стихъ; деньщикъ наклонился къ его головѣ; губы уже не дышали, юный герой скончался.

Смерть Граббе была тоже событіемъ, поразившимъ всѣхъ печалью. Недавно вернувшись на Кавказъ, послѣ долгой отставки, на тотъ Кавказъ гдѣ онъ оставилъ столько доброй о себѣ памяти, Граббе мечталъ о штурмѣ Карса. Но странно: за нѣсколько дней до штурма онъ вдругъ сталъ противъ обычнаго своего веселаго нрава задумчивъ, и какъ будто возненавидѣлъ мысль о штурмѣ Карса. Каждый разъ что при немъ объ этомъ заговаривали, лицо его хмурилось.

— Ахъ, этотъ штурмъ, этотъ штурмъ! повторялъ онъ не разъ; въ особенности наканунѣ онъ часто повторялъ эти слова, прибавляя что мысль о штурмѣ, онъ самъ не знаетъ почему, ему ужасно антипатична.

Тѣмъ не менѣе, въ день штурма, слегка и весело коснувшись въ разговорѣ со своимъ ординарцемъ возможности его смерти и высказавъ вскользь нѣсколько какъ будто предсмертныхъ желаній, онъ отправился во главѣ своего отряда со всегдашнимъ весельемъ, и со всегдашнихъ безстрашіемъ стараго Кавказца, брать Канлы.

Тутъ встрѣтили они адскій огонь. Командиръ Перновскаго полка бросился впередъ. Пуля ему попала въ грудь, и убила наповалъ. Затѣмъ бросился впередъ Граббе. Едва онъ бросился впередъ, съ крикомъ *ура*, ординарецъ его видитъ что онъ какъ будто вздрогнулъ, покачнулся и тутъ же повалился съ лошади. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ молодой адъютантъ Великаго Князя, Сергѣй Ильичъ Бибиковъ. Онъ бросается къ Граббе; но увы, онъ былъ уже мертвъ. Какъ нарочно лошадь Бибикова, убитая пулей, падаетъ; Бибикову приходится садиться на лошадь бѣднаго Граббе.

— Сколько же раненыхъ и убитыхъ? спросилъ я у князя Ш.

— Неизвѣстно еще: говорятъ около 3.000; у Комарова говорятъ много убитыхъ. Онъ попалъ подъ самый адскій огонь Чакмакскаго форта; увѣряютъ что треть отряда легла.

— Когда же кончился штурмъ?

— Въ седьмомъ часу утра Карсъ былъ нашъ.

— А турки гдѣ?

— Они бѣжали всѣ; шельма комендантъ улизнулъ, кавалерію послали забирать турокъ, часть уже схвачена и сдалась.

Тутъ вошелъ въ палатку начальникъ инженеровъ при штабѣ Великаго Князя, генералъ Рербертъ. Меня познакомили съ нимъ, и знакомые сказали что онъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ Кавказской арміи, и во всякомъ сраженіи, независимо отъ своей части, всегда въ огнѣ по собственной охотѣ.

Съ перваго же раза полюбилась мнѣ эта личность; простая, умная, дѣльная, скромная и глубоко симпатическая. Начался разговоръ о штурмѣ.

Постараюсь припомнить главныя нити разсказа. 31 октября дѣйствительно былъ рѣшенъ штурмъ Карса: начались уже первыя движенія; вьюга и снѣгъ помѣшали началу, и штурмъ былъ отложенъ.

Продолжать стоянку подъ Карсомъ въ палаткахъ при 12° мороза невозможно было: надо было или отойти на зимнія квартиры, снявъ осаду Карса, или же идти на штурмъ. Послѣднее рѣшеніе взяло верхъ. Войско громко желало штурма, «хотя бы для того, чтобы согрѣться,» какъ сказалъ одинъ изъ генераловъ.

Но рѣшившись на штурмъ, военныя власти не столько имѣли въ виду взять Карсъ, сколько овладѣть нижними укрѣпленіями. Счастіе взять весь Карсъ являлось чѣмъ-то недосягаемымъ. Разсуждали такъ: если удастся взять нижнія укрѣпленія, мы отберемъ всѣ пушки, возьмемъ плѣнныхъ и отойдемъ на зимнія квартиры, разрушивъ укрѣпленія. При этомъ, разумѣется, главная забота была какъ можно менѣе потерять людей.

Но затѣмъ явился вопросъ: какъ взяться за дѣло? Планъ штурма со всѣми диспозиціями составлялъ генералъ Лорисъ-Меликовъ. Въ основаніи плана были двѣ задачи: штурмовать нижнія укрѣпленія и демонстрировать надъ укрѣпленіями верхними для того, чтобъ отвлечь и силы, и вниманіе турокъ. Въ этомъ отношеніи планъ Лорисъ-Меликова вполнѣ отличался отъ Муравьевскаго, такъ какъ Муравьевъ штурмовалъ верхнія, *Шорахскія* высоты.

Но и въ другомъ отношеніи новый планъ рѣзко отличался отъ Муравьевскаго. Муравьевъ штурмовалъ днемъ, а планъ Лорисъ-Меликова былъ штурмовать ночью, пользуясь полнолуніемъ. На военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Главнокомандующаго, вопросъ о времени штурма обсуждался очень долго. Большинство было за день, меньшинство за ночь. Въ числѣ меньшинства былъ князь Мирскій, настоятельно и настойчиво доказывавшій что только такою безумною смѣлостію можно было разсчитывать поразить турокъ. Благодаря Великому Князю это рѣшеніе взяло верхъ. Но главное условіе должно было быть неожиданностію для турокъ. Для цѣли, какъ говорятъ, пущенъ будто бы въ ходъ слухъ о штурмѣ Карса на 8-е число, и усердные лазутчики взялись за его распространеніе у турокъ. Вѣрно это или невѣрно, но фактъ тотъ, что турки были застигнуты врасплохъ.

Начальство надъ штурмомъ рѣшено было поручить одному изъ храбрѣйшихъ и славнѣйшихъ ветерановъ Кавказской арміи, генералу Лазареву. Говорятъ что Лорисъ-Меликовъ, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ въ этомъ генералѣ, доказанныхъ 3 октября, признавалъ его особенно счастливымъ, и настаивалъ на его назначеніи. Къ этому прибавляютъ что у Лазарева еще одна цѣнная черта: онъ не признаетъ отступленія. Когда при составленіи диспозицій зашла рѣчь о мѣрахъ въ случаѣ отступленія, Лазаревъ со свойственнымъ ему лаконизмомъ сказалъ: *отступленія нѣтъ!*

Рѣшено было вести штурмъ тремя колоннами, и независимо отъ этого, отрядами Роопа и Шатилова демонстрировать, съ противоположной стороны, на укрѣпленія Шорахскія и Карадагскія.

Первая штурмовая колонна генерала Комарова должна была взять Сувари, Чимъ, и въ то же время демонстрировать противъ Техмата отдѣльнымъ отрядомъ. Въ этой колоннѣ былъ молодой князь Меликовъ.

Второй колоннѣ, подъ начальствомъ генерала графа Михаила Павловича Граб-

бе, поручено было штурмовать сильнѣйшій изъ нижнихъ фортовъ, Канлы. Третьему отряду, подъ начальствомъ генерала Алхазова, велѣно было идти на крайнее изъ нижнихъ укрѣпленій, Хафисъ.

Такимъ образомъ, предположено было одновременно атаковать всѣ нижнія укрѣпленія, при одновременныхъ демонстраціяхъ на верхнія укрѣпленія.

Отрядъ Комарова раздѣлился на двѣ колонны; одна, подъ начальствомъ князя Меликова, пошла на Суварп; другая колонна, большая, подъ начальствомъ самого Комарова, отправилась, обходя Суварп кругомъ, на Чимъ.

Общее наступленіе началось въ седьмомъ часу вечера. Мѣсяцъ сіялъ во всемъ блескѣ. Была ясная морозная ночь. Войска двигалась тихо, но легко и бодро.

Въ восемь съ чѣмъ-то часовъ вечера, *въ этой тишинѣ*, раздается первый учащенный ружейный огонь; потомъ все стихаетъ; потомъ опять трескотня и опять все стихаетъ. Это было у Суварп. Не было девяти часовъ вечера, когда подъ громкое *ура* колонна князя Меликова, наведя на турокъ паническій страхъ врывается въ Суварп и беретъ его.

Взявъ Суварп, Меликовъ оставляетъ тутъ частицу войска и идетъ на Чимъ. Шелъ онъ приблизительно часа четыре. Подходитъ къ Чиму, *ура* на штурмъ. Меликовъ падаетъ, штурмъ отбитъ.

Въ это время генералъ Комаровъ съ своею обходною колонной находится въ самомъ критическомъ положеніи. Онъ попадаетъ подъ выстрѣлы страшнаго верхняго форта Техмаса. Огонь адскій; люди такъ и валятся; съ первыхъ же выстрѣловъ падаетъ убитымъ командиръ 4-го стрѣлковаго баталіона, храбрый Бучкіевъ. Этотъ адскій огонь длился около 4 часовъ непрерывно. Повидимому турки ожидали тутъ штурма, ибо, несмотря на то что съ противоположной стороны демонстрировалъ генералъ Рооп съ Ростовскимъ гренадерскимъ полкомъ, турки, не смущаясь этою демонстраціей, всѣ свои выстрѣлы направляли на отрядъ Комарова, слегка только отстрѣливаясь отъ Ростовцевъ. Чимъ отбилъ, какъ говорятъ, три раза приступы нашихъ храбрецовъ и сдался только къ утру, когда сдался и непобѣдимый Техмасъ.

Вторая колона, графа Граббе, тоже раздѣлилась на двѣ колонны: одна подъ начальствомъ генерала Важдакина, пошла на фортъ, другая, съ Граббе во главѣ, въ обходъ, то-есть въ тылъ. Тутъ тоже штурмовавшія колонны встрѣтили страшный огонь, и въ первую минуту смѣшались... Первая колонна ворвалась все-таки въ передовыя траншеи. Колонна же самого Граббе, подойдя къ каменнымъ стѣнамъ казармъ и главнаго форта, была отбита. Тутъ бросившійся впередъ командиръ Перновскаго полка Бѣлинскій геройски палъ; тутъ же вслѣдъ за нимъ бросившійся впередъ герой Граббе тоже убитъ. Огонь продолжался здѣсь всю ночь. Нѣсколько разъ вывѣшивался гарнизономъ бѣлый флагъ, но тутъ же срывался неумолимымъ комендантомъ. Нѣсколько разъ и съ нашей стороны было предъявляемо требованіе сдаться. Паша-комендантъ каждый разъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ сдаться съ оружіемъ въ рукахъ, и будетъ драться до послѣдней крайности.

Утомленный гарнизонъ нѣсколько разъ выбѣгалъ, крича: «сдаемся!» Тогда

раздавался голосъ коменданта: «молчать!» и чтобы показать что Канлы не сдается, комендантъ усиливалъ огонь: это были послѣднія, отчаянныя усилія. Къ утру, когда около 7 часовъ утра весь верхній Карсъ былъ въ нашихъ рукахъ, сдался и этотъ гордый фортъ.

Съ третьимъ отрядомъ, генерала Алхазова, направлявшимся на Хафисъ, случилось что-то необыкновенно странное и въ тоже время счастливое. Раздѣлившись на двѣ колонны, одна подъ начальствомъ самого Алхазова, другая подъ начальствомъ командира Кутаисскаго полка Ѳаддѣева, обѣ колонны на пути къ Хафису заблудились, благодаря туману и очутились направо отъ Хафиса, гораздо выше, и какъ разъ надъ грознымъ Карадагомъ, и когда отрядъ Алхазова врывается въ городъ Карсъ, отрядъ Ѳаддѣева бросается на Карадагъ, и беретъ его. Какимъ образомъ это могло сучиться, никто не можетъ понять, но вѣроятнѣе всего что неожиданность нападенія съ этой стороны поразила турокъ страшною паникой. Во всякомъ случаѣ Карадагъ былъ взятъ до разсвѣта.

Съ Карадагомъ были куріозные эпизоды.

Генералъ Рербергъ ѣдетъ верхомъ почью, въ самый разгаръ штурма и подъ Канлы, гдѣ было много войска и суматоха страшная, встрѣчаетъ нѣсколько своихъ саперъ.

— Вы что тутъ дѣлаете?

— Мы съ Карадага.

— Какъ такъ?

— Брали его, ваше п—ство.

— Брали Карадагъ?

— Такъ точно.

— Ну и что же?

— Взяли ваше п—ство.

— Взяли Карадагъ?

— Такъ точно, потому взорвали подъ самыя ворота динамитъ.

— И Карадагъ нашъ?

— Давно, ваше п—ство, дѣлать тамъ уже нечего, мы значитъ сюда, поискать нѣтъ ли работы.

Генералъ шпоритъ коня и летитъ ко Главнокомандующему.

Тамъ еще ничего о Карадагѣ неизвѣстно. Видятъ что Карадагъ молчитъ и уже долго молчитъ, но почему молчитъ, никто не можетъ понять, тѣмъ болѣе что войска генерала Шатилова продолжаютъ демонстрировать противъ Карадага съ тыла.

Генералъ Рербергъ доноситъ о случившемся.

Въ первую минуту ему вѣрятъ, и всѣ обрадовались, но потомъ взяло верхъ весьма законное сомнѣніе.

Солдаты сболтнули вѣроятно, по слухамъ; не можетъ быть чтобы не было официальнаго извѣстія о взятіи Карадага если дѣйствительно онъ взятъ.

Четверть часа спустя вопросъ этотъ входитъ въ еще болѣе странное положеніе.

Пріѣзжаетъ адъютантъ отъ корпуснаго командира и доноситъ что *по слухамъ* Карадагъ взятъ.

Опять сомнѣніе.

А Карадагъ, грозный и величественный, все молчитъ.

Затѣмъ, не успѣлъ этотъ вѣстникъ ускакать, какъ пріѣзжаетъ, весь запыхавшись, въ пыли и оборванный, юноша, почти ребенокъ на видъ.

Онъ прискакалъ, и задыхаясь говоритъ что ему нужно видѣть Главнокомандующаго.

Въ рукахъ у него записка. Лицо такъ и горитъ отъ сильнаго волненія.

На него смотрятъ съ изумленіемъ.

Вопросъ, что общаго между этимъ ребенкомъ-офицеромъ и Главнокомандующимъ, былъ слишкомъ естественный, и каждый изъ присутствовавшихъ не могъ не задать его себѣ.

Великій Князь зоветъ юношу.

Юноша подлетаетъ и подаетъ записку.

— Отъ генерала Алхазова, Ваше Императорское Высочество, проговорилъ задыхаясь отъ волненія юноша-офицеръ.

Въ запискѣ было сказано приблизительно слѣдующее: «Честь имѣю присемъ «препроводить поручика Кутаисскаго полка, 19 лѣтъ, Хоржицкаго, взявшаго во «главѣ охотниковъ Карадагъ.»

Легко себѣ представить радость Великаго Князя.

Главнокомандующій съ сіяющимъ и ласковымъ лицомъ посмотрѣлъ на этого юношу, представшаго предъ нимъ въ двойномъ такъ-сказать обаяніи: какъ герой, совершившій громадный подвигъ, и какъ вѣстникъ съ такою радостною новостью.

Потомъ Великій Князь протянулъ къ себѣ за руку юношу-героя и горячо его обнялъ.

Бѣдному счастливцу пришлося видно не подъ силу: натянутые столь долго нервы требовали вѣроятно перелома; онъ заплакалъ какъ плачутъ дѣти, горячими и чистыми слезами.

Нужно ли прибавить что всѣ тутъ стоявшіе прослезились въ глубокомъ волненіи.

Минутъ пятнадцать спустя пріѣзжаетъ новый гонецъ отъ корпуснаго командира, съ вѣстью что повидимому слухъ о взятіи Карадага подтверждается.

Великій Князь отъ души засмѣялся, и поручилъ посланцу поѣхать къ корпусному командиру и доложить ему что Карадагъ взятъ, но не по слухамъ только, а въ дѣйствительности.

Черезъ два часа пришла вѣсть о взятіи Араба, а къ семи часамъ утра со всѣхъ концовъ громадныхъ Карсскихъ укрѣпленій стали приходить вѣсти что при крикахъ *ура*, при пѣніи *Боже Царя храни*, русское знамя водружено на крѣпости и ея цитадели.

Я старался уяснить себѣ какъ могло быть что такъ долго не знали о взятіи Карадага, но не могъ. Полагаютъ что такъ какъ Канлы и Гафизъ не были

взяты, то сообщеніе между Карадагомъ и корпуснымъ командиромъ было невозможно, а вѣсть о взятіи Карадага ходила только какъ слухъ между солдатами.

Насколько велико было безпокойство и волненіе Великаго Князя, отвѣтственнаго за этотъ смѣлый и страшный подвигъ его храбрыхъ войскъ, нечего и говорить, какъ нечего и говорить о томъ какъ велика была его радость, когда подвигъ увѣнчался блистательнымъ и неожиданнымъ успѣхомъ.

— Я и теперь не вѣрю, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—мнѣ это кажется сномъ; я не могу себѣ представить какъ въ эти нѣсколько часовъ могъ быть взятъ Карсъ....

Тутъ послышался конскій топотъ.

Мы выглянули изъ палатки.

То былъ корпусный командиръ Лорисъ-Меликовъ со своимъ многочисленнымъ штабомъ.

Онъ остановился предъ палаткой Великаго Князя, слѣзъ съ лошади, и съ какою-то бумагой въ рукахъ вошелъ въ палатку.

— Вѣрно рапортъ о взятіи Карса, кто-то сказалъ.

Черезъ четверть часа спустя корпусный командиръ вышелъ изъ палатки.

Я увидѣлъ его близко. Несмотря на усталость лицо его сіяло.

Радостно было смотрѣть на этого столько перенесшаго испытаній и горя генерала, получившаго наконецъ столь великую награду за то что до конца довелъ свою вѣру въ Кавказскую армію. Умная физіономія этого замѣчательнаго человѣка бросается въ глаза: такой глубокій и тонкій взглядъ я рѣдко видѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ много простоты, естественности и свободы въ манерѣ себя держать и въ каждомъ движеніи.

Мнѣ при этомъ разсказывали что какъ у всякаго выходящаго изъ ряда человѣка есть свои слабости, такъ и у ген. Лорисъ-Меликова есть маленькія слабости. Событія послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ до такой степени подѣйствовали на его духовное существо, что онъ сталъ какъ будто суевѣренъ. Онъ боится сглаза, и не вѣритъ въ первые признаки успѣха. Такъ когда утромъ сегодня Карсъ, при всеобщемъ ликованіи и воочію всей арміи, перешелъ въ наши руки, единственное лицо, еще не смѣвшее радоваться, былъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ будто боялся прославить слишкомъ рано это изумительно славное событіе; еще гарнизонъ не былъ схваченъ; фактъ этотъ еще безпокоилъ корпуснаго командира. Вотъ почему разсказывали что онъ упросилъ Главнокомандующаго не прежде телеграфировать Государю, какъ пріѣдетъ къ Его Высочеству съ рапортомъ.

А пріѣхалъ онъ въ четвертомъ уже часу.

Число раненыхъ и убитыхъ все еще не могло быть опредѣлено, но уже по прибытіи корпуснаго командира стало извѣстнымъ что общая цифра потерь далеко не доходитъ до 3.000.

А разчитывали на 10 тысячъ.

Какое чудное проявленіе Божьяго милосердія!

Часа два спустя я познакомился съ нѣкоторыми изъ штабныхъ.

Мнѣ показалось что они дѣлились на двѣ категоріи, по внѣшности по крайней мѣрѣ: на боевыхъ и симпатичныхъ, и на небоевыхъ и менѣе симпатичныхъ.

Одни просто пылали восторгомъ. Другіе глядѣли равнодушно.

— По крайней мѣрѣ теперь мы не будемъ мерзнуть въ палаткахъ, сказалъ одинъ изъ штабныхъ.

— А что?

— Да переѣдемъ въ Карсъ, вѣроятно.

Очевидно такой практическій взглядъ на взятіе Карса исходилъ отъ души не особенно боевой и восторженной.

Къ вечеру пришлось подумать о ночлегѣ. Мнѣ предложили весьма любезно палатку, но такъ какъ по закатѣ солнца начался вдругъ морозъ,— а днемъ было просто тепло,—то я выпросилъ себѣ фургонъ и отправился ночевать въ Ардостъ, гдѣ зналъ что найду Х... въ саклѣ и узнаю отъ него о раненыхъ.

Проѣхавъ версты четыре по отличной дорогѣ, я нашелъ Ардостъ, нашелъ и саклю, нашелъ въ ней и Х... Засталъ его усталымъ и убитымъ, ибо всю ночь онъ провелъ на перевязочномъ пунктѣ.

— Много раненыхъ? спросилъ я его,—какъ вы полагаете?

— Нѣтъ, сравнительно немного.

— А убитыхъ?

— Нѣтъ, немного. Боже, что это за картина перевязочный пунктъ для того, кто это въ первый разъ видитъ! Ужасъ! И что было невыносимо тяжело: ночь морозная, приносятъ раненыхъ, они не отъ раны страдаютъ, а отъ холода; пока дойдутъ до него, несчастный не то что зябнетъ, стынетъ, того и гляди что замерзнетъ.

— Что же, было вино, чай?

— Все давали, водку, чай, вино.

На всякій случай я взялъ съ собою 50 бутылокъ портвейна и 50 бутылокъ коньяку. Все это пригодилось для раненыхъ.

— Ужасныя картины, продолжалъ Х.—Принесли молодаго Лазарева, племянника генерала, смертельно раненаго. Несчастный юноша! Онъ былъ здѣсь мимоѣздомъ, и отправлялся къ Эрзерумскому отряду. Онъ выпросилъ у дяди позволенія участвовать въ штурмѣ охотниковъ, и не прошло часа какъ его уже переносили на перевязочный пунктъ. Пуля пробила ему голову изъ виска въ високъ, задѣла глазъ; онъ ослѣпъ и, вообразите, все время, пока жилъ, пѣлъ самымъ чистымъ, свѣжимъ, громкимъ и звучнымъ голосомъ. Эта пѣснь умирающаго юноши что-то ужасное; я теперь еще ее слышу. Тутъ пѣснь умирающаго, тамъ стонъ, возлѣ крики подъ ножомъ, тутъ прощаніе съ жизнію, подальше дикій хохотъ, и всѣ эти звуки подъ неумолкающую трескотню ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ,—отъ этаго, знаете, постарѣешь на двадцать лѣтъ. И я чувствую какъ я постарѣлъ. А тутъ еще смерть бѣднаго Граббе.—Вотъ его бумажникъ, сказалъ Х., показывая мнѣ небольшой кожаный бумажникъ, весь облитый кровью; сторублевыя бумажки были въ немъ совсѣмъ залиты кровью. Смерть была моментальная, къ счастью, и на лицѣ его не видно было никакого страданія.

Раненыхъ привезли въ теченіе одного дня въ Ардостскіе госпитали.

Не веселая и тутъ картина! Госпитали могли вмѣстить до 600 человѣкъ. Раненыхъ же привезли болѣе 1.200. Ихъ размѣщали по саклямъ, о кроватяхъ не было помину, о тюфякахъ, увы! тоже. Но вотъ что ужасно, бѣлья не хватало и не хватало на сотни людей; о полушубкахъ и тулупахъ тоже помину не было.

А между тѣмъ ни жалобы, ни звуки ропота отъ кого бы то ни было изъ юныхъ героевъ, страданіями которыхъ куплена слава штурма Карса.

Все-таки насъ кое-какъ несчастныхъ размѣстили въ сакляхъ, а что бы было, невольно подумаешь, еслибы штурмъ Карса обошелся въ 8 или 9 тысячъ раненыхъ.

Долго бесѣдовать съ X. я не могъ. Ему надо было отдыхать, а мнѣ записывать свои впечатлѣнія.

Сколько впечатлѣній!

Не помню чтобы когда-нибудь пришлось переживать въ одинъ день столько чувствъ и мыслей. Когда все стихло вокругъ меня, въ этой тишинѣ стали одно за другимъ оживать всѣ событія, лица, картины, звуки. Громадина Карса выступила предъ глазами еще рельефнѣе, чѣмъ на яву, и мысль что отнынѣ онъ нашъ, и что скоро солдаты наши найдутъ въ немъ теплый пріютъ, чувствовалась какъ великое счастіе. Что теперь долженъ испытывать Великій Князь, послѣ стольких испытаній, и послѣ этой ужасной ночи? Я представлялъ себѣ радость Государя.... А Москва какъ обрадуется, Петербургъ, Россія! Наконецъ, скажутъ, покончили съ этимъ Карсомъ! Но поймутъ ли гдѣ-нибудь что такое Карсъ, и что взяли Кавказскія войска? Разъ во сто лѣтъ такой громадный военный подвигъ можетъ случиться.

Я выѣхалъ изъ Веранъ-Кале около 8 часовъ вечера. Въ четвертомъ часу дня, по пріѣздѣ Лорисъ-Меликова, Великій Князь, какъ сказывали мнѣ, телеграфировалъ Государю въ Горный Студень и въ 7 часовъ уже получилъ отвѣтъ. Вѣроятно уже и Петербургъ, и Москва знаютъ теперь о громадномъ событіи.

На дняхъ уѣхалъ изъ Главной Квартиры французскій генералъ Курси. Это былъ всеобщій любимецъ. Отъ генерала до солдата всѣ его любили и уважали. Любили за отличный нравъ и честность, уважали за неимовѣрную храбрость. Гдѣ былъ огонь, тамъ всегда былъ Курси. Въ особенности любилъ онъ Кавказскую гренадерскую дивизію. Онъ говорилъ что нѣтъ въ мірѣ войска, которое можно было бы съ нею сравнить.

— *Il y avait,* прибавилъ онъ, *des soldats qui la valaien, mais helas, ils ne sont plus, c'étaient les grenadiers de Napoléon 1.*

Онъ обожалъ Кавказскихъ гренадеръ, и они его крѣпко любили.

Когда онъ уѣзжалъ изъ арміи, ему говорили: неужели генералъ вы не дождетесь штурма Карса?

— О, я оттого и уѣзжаю чтобъ его не видѣть!

— Отчего же?

— Я такъ люблю Кавказскую армію что не въ состояніи видѣть ея несомнѣнную неудачу. Не взять вамъ Карса никогда!

То были послѣднія слова генерала Курси.

Кн. В. Мещерскій.

«Передъ выходомъ изъ фортовъ или передъ сдачей—турки ломали лишнія ружья, а не то зарывали ихъ въ откосы своихъ земляныхъ укрѣпленій. Захваченные въ полѣ, турки кидали свои ружья въ овраги и ямы, занесенныя снѣгомъ. Я подозрѣваю поэтому, что послѣ дѣла 3-го октября мы не получили всѣхъ знаменъ турецкихъ, такъ какъ по числу батальоновъ и ихъ должно бы быть болѣе. Можно-бы предположить, что подъ свѣжими насыпями новыхъ могилъ покоится не одинъ трофей, принадлежащій намъ по праву.

«Казаки и драгуны, сопровождавшіе плѣнныхъ, были увѣшаны ружьями; но я замѣтилъ, что никто изъ нихъ не бралъ Снайдеровскихъ, а всѣ предпочитали Пибоди.

— А мини можно узять ихнюю берданку? спрашиваетъ меня мой вѣстовой казакъ.

— Какая такая «ихняя берданка»? переспрашиваю я.

— А то какже: у нихъ и берданки и крынки свои есть, пояснилъ казакъ.

Берданка выходитъ—Пибоди, а крынка—Снайдеръ.

По дорогѣ ко мнѣ не разъ обращались плѣнные солдаты и офицеры съ жалобами на черезъчуръ энергическій обыскъ, произведенный у нихъ казаками и Дагестанцами. Разорванные карманы свидѣтельствовали, что обыскъ производился «со взломомъ!»—Если жалобщикъ могъ указать виноватаго, я тотчасъ разбиралъ дѣло, стыдилъ побѣдителя и возвращалъ побѣжденному его имущество.

— Зачѣмъ ты феску стащилъ съ этого турка?

— На память, ваше высокоблаградіе, отвѣчаетъ не смущаясь казакъ.

— Отдай сейчасъ.

Передъ казакомъ стоитъ разстегнутый турокъ и старается понять чего хочется побѣдителю.

— Ты что тутъ дѣлаешь? спрашиваю.

— Пряжка у него на штанахъ хорошая!

— Ахъ ты, безстыдникъ!

Безстыдникъ спѣшитъ улепетнуть. Такія сцены на каждомъ шагу. Съ одной стороны оно конечно... но съ другой надо же отличить чѣмъ-нибудь добровольную сдачу отъ вынужденной. Недаромъ же турки въ условіяхъ капитуляціи выговаривали себѣ сохраненіе личнаго имущества. Право побѣдителя и законъ; «что твое—мое», такъ сильно вкоренились въ обычаи войны, что ихъ не скоро искоренишь».

Радостная вѣсть о взятіи Карса, пишутъ въ *Новомъ Времени*, получена была въ Петербургѣ около 7 часовъ вечера въ воскресенье 6 ноября. Вызванный этимъ новымъ подвигомъ нашихъ доблестныхъ войскъ энтузіазмъ съ особенною силой сказался въ театрахъ, которые по воскреснымъ днямъ, какъ извѣстно,

всегда бываютъ полны. Гимнъ исполненный оркестрами, вызвалъ шумное проявленіе восторга. Несмолкаемое *ура!* покрыло послѣдніе звуки гимна. Давно не помнитъ Петербургъ такого радостнаго настроенія. 7 ноября городъ былъ особенно оживленъ. По Невскому одна за другою катились кареты и коляски лицъ дипломатическаго корпуса. Ея Величество и Ихъ Высочества изволили принимать поздравленія по случаю взятія крѣпости Карса.

«Взятіе Карса было отпраздновано Русскими, находящимися на Деве-Бойну, залпомъ изъ орудій. Мы въ Эрзерумѣ узнали объ этомъ событіи отъ русскаго парламентера, присланнаго третьяго дня генераломъ Гейманомъ къ французскому консулу. При этой вѣсти коммисія, которой поручено заботиться о гражданскомъ и военномъ архивѣ, и которая возвратилась сюда изъ Байбурта, тотчасъ же вновь была отправлена туда, чтобы выждать тамъ хода дальнѣйшихъ событій. Здѣсь разсказываютъ что жители Карса толпой направились къ коменданту Гуссейну Гамди-пашѣ и просили его сдаться. Два дня до взятія Карса это повторилось еще въ большихъ размѣрахъ и походило на настоящее возмущеніе. Одна молодая мусульманка, дитя которой на груди у ней было убито осколкомъ гранаты, бросила трупъ въ ноги коменданту и вскричала: «Теперь я все потеряла на свѣтѣ, дѣлай со мною что знаешь!» Паша былъ такъ глубоко тронутъ этою сценой, что прослезился.

Взятіе Рахова.

Корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника* слѣдующимъ образомъ описываетъ взятіе Рахова 7 ноября.

«Русско-румынская кавалерія (16 эскадроновъ) находилась подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора барона Мейендорфа, а румынскою пѣхотой командовалъ полковникъ Сланичеано. Бой вокругъ Раховскихъ укрѣпленій начался съ утра, какъ только разсвѣло, и продолжался весь день съ большою настойчивостью со стороны Румынъ и съ не меньшимъ упорствомъ со стороны Турокъ. Полковникъ Сланичеано, вмѣстѣ съ барономъ Мейендорфомъ, заранѣе принялъ мѣры чтобъ отрѣзать Раховскому гарнизону единственный его путь отступленія, пролегающій по прибрежной Дунайской дорогѣ черезъ Цыбру-Паланку и городъ Ломъ на Виддинъ. Верстахъ въ семи-восьми выше Рахова протекаетъ рѣка Скитъ или Скитулъ (она же по-турецки Искидъ), на которой находится мостъ. Этотъ мостъ, по распоряженію Сланичеано, былъ заблаговременно занятъ баталіономъ доробанцевъ. Дѣйствіе артиллерійскаго огня оказалось столько губительнымъ, что къ вечеру Турки сознали невозможность удерживать долѣе Раховскую позицію. Поддерживая отвѣтный огонь, они дожидались только темноты, съ наступленіемъ которой очистили редуты, ложементы и самый городъ и двинулись по дорогѣ къ Искидскому мосту. По обоимъ берегамъ рѣки, и въ особенности у самаго моста, завязался горячій и упорный бой. Баталіонъ доробанцевъ лихо отражалъ штыками всѣ попытки Турокъ прорваться силой на ту сто-

ропу рѣки, а въ то же время стрѣлки, разсыпанные на лѣвомъ берегу Скита, поражали направшаго противника ружейнымъ огнемъ; не мало вреда нанесла Туркамъ и русско-румынская артиллерія. Но сопротивленіе доробанцевъ было по истинѣ достойно высокой похвалы. Вообще надо замѣтить что доробанцы эти милиціонныя, невзрачнаго вида войска, на которыя, казалось, вовсе нельзя было разсчитывать какъ на дѣйствительно боевую силу, нынѣ къ удивленію всѣхъ оказались очень стойкимъ и храбрымъ войскомъ: они несли всю службу подъ Плевной и въ другихъ мѣстахъ совершенно наравнѣ съ регулярными частями; они участвовали 30 августа во взятіи Гривицкаго редута, одинъ изъ нихъ баталіоновъ получилъ Георгіевскія ленты и крестъ на свое знамя, они зорко несли сторожевую службу на всемъ протяженіи Румыніи по лѣвому берегу Дуная, и они же, наконецъ, оказывали 7 ноября столь серіозный отпоръ Туркамъ на Искидскомъ мосту. Такая подготовка милиціонныхъ войскъ по справедливости приноситъ большую честь румынскимъ офицерамъ-инструкторамъ. Русско-румынская кавалерія помогла доробанцамъ окончательно отразить всѣ отчаянныя попытки Турокъ противъ моста. Послѣ очень большихъ усилій и убылей, потерявъ наконецъ всякую надежду пробиться, Турки бросились черезъ рѣку въ бродъ и побѣжали по дорогѣ на Ломъ-Паланку, не думая уже о своихъ обозахъ и заботясь лишь о собственномъ личномъ спасеніи. Кавалерія бросилась было ихъ преслѣдовать, но, къ сожалѣнію, густой туманъ, застлавшій всю окрестность, помѣшалъ ей совершенно уничтожить бѣгущаго противника. Впрочемъ, усиліями кавалеристовъ захваченъ весь провіантскій и артиллерійскій обозъ; послѣдній состоялъ изо 150 зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ; кромѣ того взято много плѣнныхъ. И однакоже, несмотря на ночной туманъ, преслѣдованіе бѣгущихъ Турокъ продолжалось съ трехъ часовъ пополуночи до десяти часовъ слѣдующаго (8 ноября) утра, причемъ совмѣстно съ кавалеріей велъ преслѣдованіе и одинъ изъ румынскихъ баталіоновъ. Румыны понесли довольно значительныя потери: у нихъ убито 4 офицера и 76 нижнихъ чиновъ, а ранено четыре же офицера и 139 нижнихъ чиновъ; наши потери во время преслѣдованія были ничтожны. Въ настоящее время городъ Рахово занятъ сильнымъ румынскимъ отрядомъ. Слѣдующій день, 8 ноября, тоже не мало порадовалъ Румынъ: баттареи ихъ, расположенныя противъ Виддина, на лѣвомъ берегу Дуная, въ мѣстечкѣ Калафатѣ, пять часовъ стрѣляли по турецкимъ укрѣпленіямъ и по монитору, который, выдвинувшись впередъ, старался огнемъ своимъ вредить румынскимъ баттареямъ и мѣстечку. Румыны постарались сосредоточить свои выстрѣлы на броненосцѣ, и одинъ изъ ихъ снарядовъ чрезвычайно удачно попалъ въ крюйтъ-камеру. Въ то же мгновеніе съ трескомъ высоко взвился грибообразный столбъ дыма, и черезъ четверть часа мониторъ, постепенно погружаясь, затонулъ совершенно, оставивъ надъ поверхностію воды только двѣ верхушки своихъ дымовыхъ трубъ. Это уже не первый случай прекраснаго дѣйствія румынской полевой и береговой артиллеріи.»

Корреспондентъ аугсбургской *Allgemeine Zeitung* пишетъ изъ Букарешта отъ 23 (11) ноября:

«Совѣтъ министровъ отправилъ поздравительную телеграмму къ князю Карлу по случаю занятія Рахова. Князь получилъ эту депешу въ Боготѣ, главной квартирѣ Великаго Князя Николая Николаевича, гдѣ по случаю взятія Рахова былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали оба князя со своими штабами и свитами. Послѣ богослуженія у Главнокомандующаго былъ парадный обѣдъ, на которомъ онъ провозгласилъ тостъ въ честь князя Карла и Румынской арміи.

«Изъ полученной здѣсь сегодня изъ Порадима телеграммы, которая была отправлена флигель-адъютантомъ князя, г. Гикою, по особому приказанію князя Карла въ дополненіе къ прежнимъ извѣстіямъ, съ тѣмъ, чтобы телеграмма эта была напечатана въ офиціальной газетѣ, оказывается, что мы оставались здѣсь въ заблужденіи о занятіи Рахова, представляя себѣ, что честь этой побѣды принадлежитъ исключительно румынскимъ войскамъ. Изъ депеши флигель-адъютанта Гики видно, что въ дѣлѣ при Раховой немаловажное участіе принимали и Русскіе. Вотъ подлинныя слова телеграммы: «Послѣ повтореннаго 19 ноября штурма, Турки оставили Рахово, убѣдившись въ невозможности долѣе держаться въ городѣ. Въ ночь съ 19 на 20 ноября они сдѣлали отчаянную вылазку съ тѣмъ, чтобы пробить себѣ дорогу черезъ мостъ на Огостѣ. Но всѣ ихъ аттаки, благодаря мужественному противудѣйствію одного баталіона 1-го полка доробанцевъ, поддержаннаго кавалеріей генерала барона Мейендорфа, оказались напрасными, такъ, что наконецъ они оставили попытку воспользоваться мостомъ. Понеся большія потери, непріятель, подъ прикрытіемъ густаго тумана, сталъ переправляться въ бродъ черезъ рѣку и бѣжалъ по направленію къ Ломъ-Паланкѣ. Его преслѣдовали 1-я конная баттарея 2-го полка рошіоровъ и русскій кавалерійскій отрядъ, и турки принуждены были бросить на дорогѣ весь свой обозъ и 150 военныхъ фуръ; сверхъ того, много Турокъ было взято въ плѣнъ. Городъ Рахово и командующія имъ позиціи теперь вполнѣ заняты румынскими войсками и русскою кавалеріей. Всѣ войска находятся подъ начальствомъ генерала Лупу.»

Взятіе укрѣпленной турецкой позиціи у с. Правецъ.

Рапортъ начальника отряда генералъ-адъютанта Гурко Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему, отъ 12 ноября.

9го ноября началось сосредоточеніе ввѣренныхъ мнѣ войскъ въ отряды для наступленія къ сѣвернымъ склонамъ Балканъ, а 10-го ноября—самое наступленіе.

Въ тотъ же день главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, наступая отъ Осикова (Усыковица) къ с. Правецъ, сбили Турокъ съ передовыхъ позицій и заняли рядъ холмовъ близь Осиковскато хана, по обѣ стороны шоссе, близь с. Правецъ. При этомъ л.-гв. Московскій полкъ,

составлявшій лѣвый флангъ, занялъ узелъ путей отъ Этрополя и отъ Осикова къ Орханіе. Весь день 10-го, ночь 10-го на 11-е и отчасти 11-го ноября, войска генералъ-адъютанта графа Шувалова провели въ работахъ по укрѣпленію занятой позиціи и въ тяжеломъ трудѣ втаскиванія орудій на страшныя кручи. Все время день и ночь происходила ружейная и орудійная перестрѣлка между этими войсками и непріятелемъ, находившимся въ ложементахъ и редутахъ по другую сторону длиннаго и обрывистаго оврага. Вообще назначеніе войскъ графа Шувалова было—занять позицію предъ Правцомъ и притянуть вниманіе непріятеля съ фронта.

Въ тоже время два отряда: одинъ подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Принца Александра Ольденбургскаго, другой подъ начальствомъ генералъ-майора Дандевиля, произвели наступленіе къ Этрополю; а гвардейская драгунская бригада—отъ Врацы къ Орханіе. Эти отряды имѣли назначеніе придержать турецкія войска какъ у Этрополя, такъ и у Орханіе.

Рѣшительный ударъ на Правецкую позицію былъ предоставленъ отряду генералъ-маіора Рауха.

Отрядъ этотъ состоялъ изъ л.-гв. Семеновскаго полка, л.-гв. 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ, трехъ сотенъ Кавказской казачьей бригады л.-гв. Донской казачьей Наслѣдника Цесаревича батареи и взвода конногорной батареи.

Одновременно съ движеніемъ колонны генералъ-адъютанта графа Шувалова по шоссе къ с. Правецъ, генералъ-маіоръ Раухъ двинулся черезъ Ведрари, Калугарево и Лаковице,—во флангъ Правецкой позиціи. Отрядъ выступилъ 9-го ноября, въ четыре часа пополудни; сорокъ восемь часовъ провелъ въ невѣроятныхъ трудахъ, день и ночь протаскивая орудія и ящики по горнымъ тропинкамъ и трущобамъ и пролагая себѣ путь саперными работами съ динамитомъ; наконецъ, 11-го ноября, къ 12-ти часамъ дня, вышелъ на флангъ почти неприступной турецкой позиціи и немедленно вступилъ въ бой съ непріятелемъ. Турки, только что предъ появленіемъ стрѣлковъ и Семеновцевъ заняли высоту на своемъ лѣвомъ флангѣ; но наши не дали имъ времени окопаться и, несмотря на всѣ перенесенные неимовѣрные труды и усталость, полѣзли на кручу.

Къ четыремъ часамъ пополудни войска колонны генералъ-маіора Рауха сбили непріятеля и, безостановочно преслѣдуя его вдоль позиціи, выгнали изъ всѣхъ его окоповъ. Непріятель бѣжалъ осыпаемый градомъ гранатъ съ батарей отряда генералъ-адъютанта графа Шувалова.

Къ вечеру, 11 ноября, наши войска окончательно заняли покинутыя непріятелемъ позиціи, ставъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ участка шоссе между с. Правецъ и с. Лажени.

Донеся Вашему Императорскому Высочеству о дѣйствіяхъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ съ 9-го по 11-е ноября, считаю долгомъ въ особенности заявить о той гигантской работѣ, которая была исполнена ими въ борьбѣ съ природою. Люди втаскивали на рукахъ девятифунтовыя орудія на недосягаемыя вершины; цѣлыя части войскъ взбирались по кручамъ, употребляя на это по нѣсколько часовъ времени, взобравшись на вершины, должны были тамъ, на разстояніи ружейнаго

выстрѣла, въ теченіе 48 часовъ времени не смыкать глазъ и поневолѣ довольствоваться только сухарями.

Но труды всѣхъ вообще войскъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вынесъ отрядъ генералъ-маіора Рауха, который рѣшилъ въ нашу пользу день 11-го ноября и несмотря на крайнюю усталость, такъ настойчиво преслѣдовать бѣжавшаго врага. Только въ 5 часовъ пополудни спустившіяся густыя облака покрыли Турокъ и не позволили героямъ дня Семеновцамъ и стрѣлкамъ Его Величества и Императорской Фамиліи, оставшимся на холмахъ, буквально, выше облака ходячаго, —доконать непріятеля,

Потери наши: два офицера ранены и 70 нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ. Плѣнныхъ Турокъ насчитано пока одинъ офицеръ и 50 нижнихъ чиновъ.

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко.*

Перечень военныхъ дѣйствій съ 11 по 20 ноября.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* былъ напечатанъ перечень военныхъ дѣйствій:

«По завершеніи возможно тѣснаго обложенія турецкой арміи въ Плевненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, главною задачей нашего Западнаго отряда въ Болгаріи предстояло обезпеченіе самой линіи обложенія отъ наступательныхъ дѣйствій турокъ извнѣ и преимущественно съ южной стороны, гдѣ, прикрываясь Балканами, формировалась новая вспомогательная армія для выручки Плевны. Задача эта достигалась, помимо укрѣпленія нашихъ позицій за Видомъ, съ внѣшней стороны, выдвиженіемъ передовыхъ отрядовъ на возможно дальнее разстояніе по тому направленію, откуда ожидалось появленіе главныхъ турецкихъ силъ съ цѣлью предотвратить возможность одновременнаго дѣйствія ихъ съ обложенною въ Плевнѣ арміей Османъ-паши. Мы уже видѣли, что въ теченіе октября мѣсяца небольшіе отряды наши очистили отъ непріятеля пространство верстъ на 70 къ юго-западу отъ Плевны и заняли нѣкоторые пункты на сѣверныхъ уступахъ Балкана. Тѣмъ не менѣе, положеніе этихъ выдвинутыхъ отрядовъ, въ виду сильно укрѣпленной турецкой позиціи у Орханіе, занятой значительнымъ непріятельскимъ корпусомъ, могло бы быть только чисто пассивнымъ, а между тѣмъ, ожидаемое со дня на день наступленіе главной, софійской арміи Мегемедъ-Али-паши требовало принятія болѣе энергическихъ мѣръ для удержанія ея вдали отъ Плевны, пока не рѣшится участь послѣдней. Лучшимъ способомъ достиженія этой цѣли представлялся активный образъ дѣйствій, т. е. угрожая противнику рѣшительнымъ наступленіемъ съ нашей стороны, стараться овладѣть важнѣйшими для него выходами изъ горъ.

Для исполненія этого плана сформированъ былъ особый самостоятельный отрядъ изъ войскъ гвардіи, главныя силы котораго направлены по Плевно-Софійскому шоссе къ Орханіе въ то время, какъ двумъ другимъ отрядамъ поручено было, для развлеченія вниманія и силъ непріятеля, дѣйствовать со стороны Врацы на Орханіе, и по долинѣ Малаго Искера—противъ гор. Этрополя. 10 нояб-

ря главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го, подошли къ сильно укрѣпленной турецкой позиціи у села Правецъ, близь шоссе, въ 15 верстахъ не доходя Орханіе, и, сбивъ передовыя непріятельскія войска, стали угрожать противнику атакою съ фронта. Между тѣмъ, отдѣленная отъ главныхъ силъ обходная колонна, послѣ двухсуточнаго неимовѣрно труднаго похода по дикимъ горнымъ утесамъ, перетаскивая свою артиллерію на рукахъ, вышла, къ полудню 11 ноября на лѣвый флангъ Правецкой позиціи и тѣмъ рѣшила участь дѣла: аттакованный непріятель, въ числѣ около десяти баталіоновъ, былъ сбитъ и бѣжалъ подъ выстрѣлами артиллеріи нашихъ главныхъ силъ. Несмотря на утомленіе, войска обходной колонны преслѣдовали бѣгущихъ турокъ до сумерокъ, а на другой день, 12 ноября, отрядъ нашъ, утвердившись на взятой имъ позиціи, продвинулся впередъ къ Орханіе, остановившись верстахъ въ семи отъ этого пункта. Благодаря трудному, но искусно выполненному обходному маневру, дѣло это стоило намъ, сколько извѣстно, двухъ офицеровъ и 70 нижнихъ чиновъ ранеными; у турокъ взято въ плѣнъ 1 офицеръ и 70 нижнихъ чиновъ.

Демонстративныя дѣйствія высланнаго изъ Врацы гвардейскаго кавалерійскаго отряда, въ шесть эскадроновъ съ конною баттареей, хотя и достигли своей цѣли—отвлеченія части Орханіевскаго гарнизона въ противную отъ Правецкой позиціи сторону, однако привели къ неудачному столкновенію полутора эскадрона лейбъ-драгунъ съ превосходными турецкими силами. При наступленіи 10 ноября къ Орханіе, драгуны съ двумя конными орудіями составляли отдѣльную колонну, имѣя въ авангардѣ полуэскадронъ, и по неосторожности, а также вслѣдствіе густаго тумана, авангардъ этотъ проскакалъ мимо дер. Новачинъ (въ 10 верст. къ сѣверо-западу отъ Орханіе), не замѣтя, что она занята двумя турецкими баталіонами съ артиллеріею. Встрѣтивъ, затѣмъ, на дальнѣйшемъ пути партію турецкой кавалеріи, передовые драгуны уничтожили половину ея, и только тогда услыхали въ тылу у себя выстрѣлы, которыми турки въ Новачинѣ остановили шедшій сзади эскадронъ съ двумя орудіями. Соединившись вмѣстѣ, драгуны стали отходить назадъ, удерживая въ теченіе нѣсколькихъ часовъ аттаки непріятеля, пока не добрались до Кара-Дербертскаго ущелья, которое, къ несчастію, оказалось загроможденнымъ массою бѣгущихъ Болгаръ съ обозами. Въ виду невозможности провезти черезъ ущелье, бывшія съ ними два конныя орудія, драгуны рѣшились сбросить ихъ съ кручи, но успѣли это сдѣлать только съ однимъ орудіемъ, другое же отхвачено наскочившими черкесами, послѣ того какъ изрублены были прикрытіе его и нѣсколько офицеровъ. Занявъ дер. Кара-Дербентъ, уцѣлѣвшіе драгуны удерживали напоръ непріятеля, пока не подоспѣли остальные эскадроны отряда, шедшіе по боковой дорогѣ въ тылъ Орханіевской позиціи, и подъ прикрытіемъ которыхъ совершено было общее отступленіе. Въ этой несчастной схваткѣ драгуны, изъ числа бывшихъ въ полутора эскадронѣ 12 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ, лишились трехъ убитыхъ, трехъ раненыхъ и четырехъ контуженныхъ офицеровъ и около половины нижнихъ чиновъ выбывшими изъ строя.

Неудачный, по количеству потерь, исходъ кавалерійской диверсіи къ сторонѣ Орханіе блестящимъ образомъ заглаженъ успѣхомъ, достигнутымъ отрядомъ, направленнымъ къ Этрополю и состоявшимъ изъ двухъ колоннъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Дандевиля. 10 ноября, въ день аттаки Правецкой позиціи, одна изъ колоннъ, подойдя съ фронта къ непріятельскому расположенію, завязала съ нимъ перестрѣлку, а на другой день, утромъ, нечаяннымъ нападеніемъ на передовой редутъ принудила турокъ очистить свою передовую позицію. Между тѣмъ другая колонна, подобно тому, какъ подъ Правцомъ, обходила правый флангъ турокъ, борясь со страшными препятствіями горной природы, и 12 числа утромъ, появленіемъ своимъ въ тылу главной позиціи непріятеля принудила его къ отступленію. Результатомъ дня было занятіе города Этрополя, а на слѣдующій день Екатеринославскими драгунами отбито, при преслѣдованіи, три орудія съ двумя зарядными ящиками и 300 повозокъ съ продовольственными и боевыми запасами. Овладѣніе Этрополемъ, имѣющимъ важное значеніе какъ пунктъ изъ котораго ведетъ, хотя и заброшенная, по тѣмъ не менѣе проходимая дорога въ тылъ Орханіевской укрѣпленной позиціи, куплено нами, сравнительно, недорогою цѣной: вся потеря съ нашей стороны заключалось въ одномъ раненомъ офицерѣ и въ 48 нижнихъ чинахъ убитыми и ранеными.

Паденіе Правецкой и Этропольской сильныхъ позицій должно будетъ, безъ сомнѣнія, обнаружить, на сколько вѣскимъ факторомъ можетъ явиться армія Мегеметъ-Али-паши, въ смыслѣ противодѣйствія нашимъ операціямъ подъ Плевной. Мы еще не имѣли свѣдѣній о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ движенія нашего отряда къ Орханіе и занятія Этрополя, но, во всякомъ случаѣ, настоящее положеніе дѣлъ требовало быстраго рѣшенія и исполненія со стороны Софійскаго главнокомандующаго, такъ какъ всякое промедленіе его давало намъ возможность сильнѣе укрѣпиться въ занятыхъ позиціяхъ, а у Мегемедъ-Али отнимаетъ съ каждымъ днемъ шансы на поданіе помощи Плевненской арміи.

Въ то время, какъ наши отряды овладѣвали Правцомъ и Этрополемъ, турки, въ числѣ двухъ таборовъ съ кавалеріей, произвели 11-го ноября нападеніе на городъ Тетевенъ, занятый нами еще въ началѣ прошлаго мѣсяца. Аттака была отбита съ самою ничтожною для насъ потерей.

На сѣверномъ районѣ Западно-Болгарскаго военнаго театра Румыны продолжали расширять сферу своихъ операцій вдоль Дуная и, послѣ шестидневной бомбардировки, заняли гор. Ломъ-Паланку, отстоящій всего въ двухъ переходахъ отъ крѣпости Виддина, куда и отступилъ турецкій гарнизонъ взятаго Румынами города.

Послѣ дѣла 7-го ноября у Пиргоса и Мечки, въ центрѣ и на правомъ флангѣ нашего восточнаго операціоннаго фронта возобновились отдѣльныя стычки съ передовыми постами, имѣвшими, какъ видно, цѣлью развлечь наше вниманіе и тѣмъ облегчить турецкой арміи успѣхъ новой аттаки на крайній лѣвый флангъ нашего расположенія. Болѣе значительныя стычки, по числу участвовавшихъ въ нихъ непріятельскихъ войскъ, происходили 13-го ноября къ сторонѣ Еленинскаго прохода и по Шумлинской дорогѣ; въ послѣдней изъ нихъ два ту-

рецкіе баталіона съ двумя эскадронами аттаковали нашу передовую позицію у Ковачицы, къ западу отъ Пашкіоя, но отброшены и преслѣдуемы за Кара-Ломъ съ большимъ урономъ; наша же потеря ограничилась однимъ раненымъ офицеромъ и 11 нижними чинами, выбывшими изъ строя. На слѣдующее утро, 14-го числа, турки, большими массами и съ чрезвычайною настойчивостью, произвели нападеніе на укрѣпленныя позиціи 12-го армейскаго корпуса у Тростеника и Мечки, близь Дуная, но всѣ аттаки ихъ, послѣ шестичасоваго упорнаго боя были блистательно отбиты войсками Великаго Князя Владиміра Александровича, которыя, затѣмъ, сами перешли въ рѣшительное наступленіе и преслѣдовали турокъ до поздняго вечера. Около 2,500 непріятельскихъ труповъ, оставшихся на полѣ сраженія, свидѣтельствовали о пораженіи понесенномъ турками, которые особенно пострадали при энергическихъ аттакахъ на наши баттареи. Уронъ 12-го корпуса простирался до 300 человѣкъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ не мало офицеровъ Украинскаго пѣхотнаго полка, который, вмѣстѣ съ Бессарабскимъ полкомъ, настойчиво преслѣдовалъ отбитаго непріятеля. Въ тотъ же день турки пытались аттаковать наши части на среднемъ теченіи Чернаго Лома, но, при первыхъ же выстрѣлахъ, отступали.

Результаты боя 14-го ноября еще не вполнѣ извѣстны. Быть можетъ, въ немъ выразилась послѣдняя энергическая попытка Сулейманъ-паши къ переходу въ наступленіе, которая легко можетъ имѣть для него такія же послѣдствія, какъ бой при Чаиркіоѣ, на другомъ флангѣ нашей линіи, для его предшественника. Во всякомъ случаѣ, битва у Тростеника доказала турецкому главнокомандующему, что попытки прорвать наши позиціи вдоль Лома безцѣльны, и что въ этомъ смыслѣ онъ не можетъ разчитывать оказать, хотя бы косвенную, помощь критическому положенію Османъ-паши.

Дѣйствія Нижне-Дунайскаго отряда заключались преимущественно въ очищеніи южной части Добруджи отъ непріятельскихъ мелкихъ отрядовъ и въ рекогносцировкахъ расположенія противника. Съ этою цѣлью генералъ-лейтенантомъ Циммерманомъ высланы были, 11-го ноября, три кавалерійскіе отряда по направленію къ Базарджику и даже въ обходъ его, къ приморскому городу Балчику. Всѣ они имѣли небольшія, но удачныя дѣла съ турецкими летучими колоннами, причемъ кавалеріей нашею отбито много оружія, лошадей и нѣсколько сотъ головъ скота; потеря во всѣхъ трехъ отрядахъ не превышала одиннадцати человѣкъ. Поиски эти выяснили, что Базарджикъ и Балчикъ сильно укрѣплены и заняты нѣсколькими таборами пѣхоты съ конницей. Благодаря дѣйствіямъ нашихъ разъѣздочныхъ отрядовъ, все пространство Добруджи, на 70 верстъ къ югу отъ желѣзно-дорожной линіи Чернаводы-Кюстенджи, совершенно очищено отъ непріятеля.

Въ Азіятской Турціи войска Кобулетскаго отряда, 15-го ноября, аттаковали турецкую позицію на Хацубани, и заставили непріятеля очистить эту позицію, причемъ захваченъ турецкій лагерь съ продовольственными и боевыми запасами.

Казаку воевать—жинкѣ скучать.

Проѣхалъ черезъ Ростовъ-на Дону въ четвертомъ часу дня, говорилъ кн. Мещерскій. Съ утра глядѣлъ черезъ открытыя окна, при теплой погодѣ и яркомъ солнцѣ, на свѣтленькіе и тихіе пейзажи донскихъ селеній и станицъ, съ ихъ оригинальными ярко-желтыми домиками, амфитеатрами и въ постепенномъ безпорядкѣ разбросанными по горамъ. Но мущинъ мало видно молодыхъ и зрѣлыхъ.

— Много воевать пошли? спросилъ я у одного стараго казака.

— Много, отвѣтилъ онъ.

— А казачки небось скучаютъ? сказалъ я, глядя на двухъ молодыхъ казачекъ, стоявшихъ облокотившись на перила балкона.

— А пускай скучаютъ: казаку воевать, а жинкѣ скучать, отвѣтилъ ухмыляясь казакъ.—Скажи только Царь, всѣ казаки пошли бы на войну, ни одинъ бы не остался. Турка казака боится, прибавилъ не безъ самодовольствія старикъ.

Подвигъ моряковъ.

27 сентября 1877 г. *)

«Счастливъ что могу донести Вашему Высочеству о подробностяхъ дѣйствій подъ Сулиномъ. Въ ночь на 27 сентября, начальникъ миноносной флотиліи на Дунаѣ у Сулина, капитанъ-лейтенантъ Диковъ, подойдя съ флотиліей къ 16 й милѣ отъ Сулина, послалъ катера лейтенантовъ Кругскора, Фридрихса, Лозанскаго, Скрягина, мичмана Радецкаго и гардемарина графа Строганова поставить мины. Катера подошли къ самому бону, были замѣчены, но несмотря на сильный картечный и ружейный огонь съ броненосцевъ и баттарей исполнили свое порученіе наилучшимъ образомъ. Въ 5 часовъ утра, получивъ извѣстіе о поставкѣ минъ, Диковъ пошелъ къ Сулину, имѣя впереди пароходъ *Опытъ* съ приспособленіемъ для отысканія минъ. За *Опытомъ* шелъ самъ Диковъ на шкунѣ *Ворона* и остальныя суда отряда. Подойдя къ 6-й милѣ, замѣчено было что изъ Сулина вышли на встрѣчу пароходъ *Карталъ* и другой деревянный большой баттарейный. Приказавъ *Опыту* возвратиться и высадивъ на берегъ, какъ можно поспѣшнѣе бывшую на шхунѣ *Ворона* роту пѣхоты, Диковъ пошелъ на встрѣчу турецкимъ судамъ. *Карталъ*, сидящій только три фута, прошелъ загражденіе, но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ *Вороны* заставили его возвратиться. Между тѣмъ большой пароходъ приближался, и уже началась перестрѣлка, какъ показался столбъ воды, и пароходъ затонулъ взорванный одною изъ минъ поставленныхъ ночью. *Карталъ* быстро ушелъ къ Сулину. Взрывъ судна былъ встрѣченъ общимъ *ура* на всемъ отрядѣ. Кормовой флагъ снятъ лейтенантомъ Фрид-

*) Донесеніе г. Аркаса Его Выс. Генералъ-адмиралу отъ 29 сентября.

рихсомъ. Часть людей, кажется, спаслась въ камышахъ. Броненосецъ желавшій вѣроятно также встрѣтить флотилію, не трогался уже съ мѣста до окончанія бомбардировки этого дня. Окончивъ такъ удачно дѣло съ двумя турецкими судами и занявъ опредѣленную заранѣе диспозицію, Диковъ началъ перестрѣлку съ броненосцами; къ ночи же отошелъ на пушечный выстрѣлъ отъ нашего загражденія, которое въ ночь усилено. Затѣмъ Диковъ телеграфируетъ, что въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня выстрѣломъ съ *Вороны* поврежденъ броненосецъ, кажется взорванъ котелъ. Отрядъ нашъ подошелъ ближе къ Сулину. Столь смѣлыя дѣйствія Дикова и его помощниковъ представляю милостивому вниманію Вашего Императорскаго Высочества.»

Обзоръ военныхъ дѣйствій съ 26 сентября по 1-е октября.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатанъ слѣдующій обзоръ военныхъ дѣйствій:

«Послѣдніе дни сентября прошли относительно спокойно на европейскомъ театрѣ войны и не ознаменовались никакими выдающимися военными событіями. Наступившее ненастье, предвѣстникъ приближающейся зимы, должно было, конечно, повести къ нѣкоторой задержкѣ въ большихъ военныхъ операціяхъ, такъ какъ передвиженіе крупныхъ массъ войскъ съ ихъ тяжестями значительно затрудняется размокшими вслѣдствіе дождей дорогами. Несмотря однако на неблагопріятныя условія погоды, саперныя работы нашихъ и румынскихъ войскъ подъ Плевной продолжаются, и траншеи постепенно охватываютъ все большее пространство предъ непріятельскими позиціями, не встрѣчая, повидимому, серіознаго противодѣйствія со стороны турокъ, которые приберегаютъ доставленный имъ недавно изъ Орханіе запасъ снарядовъ ко дню рѣшительной атаки. За минувшую недѣлю былъ только одинъ случай, что турки произвели нападеніе на румынскія траншеи, но были отбиты съ большимъ урономъ.

«Одновременно съ веденіемъ постепенной атаки на Плевненскія позиціи, производятся также летучіе поиски на линіи сообщеній Османъ-паши, къ юго-западу отъ Плевны. 21 сентября, отъ нашего отряда расположеннаго у Ловчи, послана была на поискъ одна казачья сотня, которая совершила два смѣлыя набѣга въ районѣ верховьевъ р. Вида, разсѣяла на пути нѣсколько крупныхъ непріятельскихъ партій, уничтожила найденные ею въ м. турецкомъ Изворѣ склады продовольствія и проникла до гор. Тетевена, лежащаго въ балканскомъ ущельѣ того же имени и отстоящаго отъ Ловчи верстахъ въ 60. Найдя этотъ пунктъ занятыхъ отрядомъ черкесовъ съ горною артиллеріей, казаки безпрепятственно возвратились обратно.

«Дѣйствія обѣихъ воюющихъ сторонъ на рѣкѣ Ломѣ ограничиваются пока небольшими стычками передовыхъ отрядовъ. Вновь назначенный главнокомандующимъ турецкою дунайскою арміей, Сулейманъ-паша, отъ котораго оттоманское правительство ожидаетъ болѣе энергическихъ дѣйствій чѣмъ отъ его пред-

шественника, занятъ еще оріентировкой на новомъ для него театрѣ войны, и посредствомъ мелкихъ аванпостныхъ стычекъ, старается, какъ видно развѣдать относительную силу нашего расположенія. Главное вниманіе его направлено на лѣвый флангъ нашего восточнаго отряда, на которомъ, 25 и 26 сентября, турки произвели два неудачныя нападенія на наши передовые посты у Кошева и Кадыкіоя (на нижнимъ теченіи Лома), кончившіяся ихъ отраженіемъ. У послѣдняго пункта замѣтно сосредоточеніе большихъ турецкихъ силъ, что отчасти указываетъ на намѣреніе Сулейманъ-паши направить главный ударъ на Бѣлу съ сѣвера, тогда какъ предмѣстникъ его старался противоположный, прорвать правый, флангъ нашего фронта. Къ югу отъ Османъ-Базарской дороги, летучій отрядъ нашъ, высланный къ дер. Козлубегъ (въ семи верстахъ къ юго-востоку отъ Кесарева) для наказанія баши-бузуковъ за грабежи и убійства, имѣлъ 26 сентября удачное дѣло съ турками, которые, будучи застигнуты врасплохъ, понесли большія потери убитыми и плѣнными и были разсѣяны: нашъ же уронъ заключался лишь въ двухъ офицерахъ ранеными и нѣсколькихъ нижнихъ чинахъ выбывшими изъ строя.

«Затѣянная турками попытка переправы на Румынскую территорію противъ Силистріи не имѣла серіозныхъ послѣдствій и была предпринята, вѣроятно, съ демонстративною цѣлью. Въ ночь съ 25 на 26 сентября турки открыли со стороны Силистріи канонаду со своихъ батарей и парохода по нашимъ войскамъ, расположеннымъ на румынскомъ берегу, но убѣдившись, какъ видно, въ безрезультатности своихъ дѣйствій, рѣшились снять мостъ, наведенный было ими къ одному изъ островов Дуная.

«Турецкій флотъ, играющій, несмотря на свою боевую силу, весьма невидную роль въ настоящей войнѣ, снова потерялъ на дняхъ одно изъ своихъ большихъ судовъ, пытавшееся форсировать доступъ къ Тульчѣ въ Сулинскомъ рукавѣ Дуная. Большой трехмачтовый броненосецъ, принадлежавшій къ эскадрѣ Гобартъ-паши, блокирующей входъ въ устья Дуная, вошелъ 27 сентября въ Сулинское гирло, но при дальнѣйшемъ своемъ движеніи наскочилъ на наши минныя загражденія и взлетѣлъ на воздухъ. Это уже третій броненосецъ окончательно погибшій для турокъ въ теченіе настоящей кампаніи не считая другихъ военныхъ судовъ болѣе или менѣе сильно поврежденныхъ нашими выстрѣлами или минами, и часть которыхъ захвачена нами.

«На малоазіятскомъ театрѣ дѣйствій двухдневная битва 20 и 21 сентября въ Карсской равнинѣ не осталась безъ вліянія на относительное положеніе обѣихъ армій. Значительныя потери понесенныя турками въ этихъ бояхъ и простирающіяся до 6.000 человѣкъ, а также занятіе нашими войсками новыхъ позицій (не обозначенныхъ въ офиціальной телеграммѣ) побудили побѣдоноснаго Мухтаръ-пашу очистить въ ночь на 27-е сентября большую часть своихъ позицій и начать отступленіе. Наши войска, энергически преслѣдуя непріятеля, заняли къ ночи того же числа линію Кульверанъ, Суботанъ и Хадживали. Пункты эти показываютъ, что правый флангъ и центръ анатолійской арміи отодвинуты, по крайней мѣрѣ, на 12 верстъ отъ прежней линіи ея фронта, но лѣвый

флангъ ея вѣроятно еще удерживается на Ягнинскихъ высотахъ. Надо ожидать что послѣдующія извѣстія опредѣлительнѣе выяснятъ обстановку, при которой совершилось отступленіе турецкой арміи и дальнѣйшія намѣренія ея главнокомандующаго, который еще на дняхъ доносилъ о блистательной побѣдѣ, одержанной имъ надъ Русскими; послѣдняя, однако, плохо гармонируетъ съ извѣстіемъ объ отступательномъ движеніи оттоманскихъ войскъ.»

Изъ лагеря. *).

Около Большой Тикмы много ауловъ (Веранкала, Каны-Кей, Сусусы, Мусатъ, Ардостъ, Тамра, Дюзъ-Веранъ, Ханзрикъ, Возгала, Когалы и др.); жители изъ нихъ не выбрались, и между ними и нами существуютъ постоянныя сношенія. Для насъ требуется фуражъ, требуются разные продукты. Подвоза изъ Россіи, изъ Александрополя въ достаточномъ количествѣ быть не можетъ. Приходится промышлять самому. Поэтому мы ищемъ всего по ауламъ и тамъ покупаемъ ячмень, сѣно, саманъ, чурокъ, скотъ, птицу, молоко, яйца и пр. Населеніе мирное насъ не боится совсѣмъ: всѣ спокойно занимаются своимъ дѣломъ. На первыхъ порахъ, правда, при появленіи солдатъ всѣ прятались и крѣпко запирались. Большаго труда стоило ихъ вызвать и еще большаго труда уговорить что-либо продать. На всѣ вопросы: есть ли то или другое? получается одинъ отвѣтъ: «іохъ» (нѣтъ). Мнѣ разъ пришлось искать фуража, и я больше часа уговаривалъ что-либо продать мнѣ, предлагая хорошую цѣну. Неизмѣнное «іохъ» и болѣе ничего. Все, говорятъ, ушло въ отрядъ, все Мухтаръ взялъ. Наконецъ я догадался, вынулъ деньги, подалъ и сейчасъ же нашлось все. Притащилъ мнѣ турокъ и ячменя, и сѣна. Это при первомъ появленіи военнаго въ аулѣ. Черезъ пять дней попадаю я опять въ этотъ же аулъ, и уже сами турки спрашиваютъ, не нужно ли чего, и предлагаютъ то и другое. При первомъ нашемъ появленіи они боялись (какъ послѣ они мнѣ сами сказали) что ихъ перерѣжутъ и всѣхъ ограбятъ. Этимъ объясняется и запираніе, и неизмѣнный отвѣтъ: «іохъ». Но нужно честь отдать нашей арміи: ни одного случая грабежа или насилія. При приближеніи войска къ аулу, въ немъ ставится караулъ съ цѣлью предупредить безпорядки и оберегать мирныхъ жителей. Этотъ караулъ остается все время, пока войска вблизи аула. Въ аулахъ каждый имѣетъ право покупать себѣ, что можетъ и что найдетъ. Принужденія къ продажѣ нѣтъ вовсе, цѣна добровольная, дѣло исключительно взаимнаго соглашенія. При такихъ мѣрахъ понятно, что и турки скоро дѣлаются довѣрчивы и перестаютъ прятаться. Объясняемся мы, или съ помощью нашихъ же солдатиковъ (изъ Татаръ), или съ помощью разосланныхъ книжекъ *Турецкій Проводникъ*. Конечно, объясняться трудно, но если прибѣгнуть къ мимикѣ и жестикуляціи, дѣло кое-какъ сходитъ. Продажа идетъ на наши деньги. Наши бумажки ходятъ от-

---

*) При Большой Тикмѣ въ Азіат. Турціи отъ 16 октября 1877 г. Статья. Г. Спсобина.

личпо по номинальной цѣнѣ, ихъ берутъ даже охотнѣе серебра; и въ серебрѣ, впрочемъ, здѣсь нѣтъ недостатка. Въ главномъ казначействѣ всегда на лицо большой размѣнный фондъ. Наши деньги турки знаютъ хорошо: рубль зовутъ монетой, 20 к. абазомъ, 5 к. шауромъ. Турецкихъ денегъ въ обращеніи нѣтъ совсѣмъ. У турокъ мы достаемъ многое. Ячмень имѣемъ по 10 р. самари (16 пуд.), сѣно по 35—60 к. пудъ, куры по 20 к., яйца по 15 к. десятокъ, бараны по 2—6 р. за штуку, смотря по величинѣ, и пр. Сравнительно, цѣны невелики. Хлѣба у турокъ нѣтъ, есть тонкія ячменныя лепешки (чурекъ) по 5 к. лепешка. Вкуснаго мало, но съ голода и это хорошо. Живутъ турки вообще почти зажиточно. Есть скотъ, есть посуда, есть запасы сѣна и ячменя, есть и домашняя птица. Домашній обиходъ ихъ подходящъ къ обиходу нашихъ крестьянъ. Сначала странна внѣшняя обстановка ауловъ; она поражаетъ видомъ бѣдности: подъѣзжаешь и видишь какія-то безобразныя невысокія мазанки изъ дикихъ необдѣланныхъ камней, связанныхъ бѣлою глиной; крыши плоскія, засыпаны землей или камнемъ. Отдѣльныя сакли не выше двухъ аршинъ. Нѣтъ ни симметріи въ постройкахъ, ни слѣда архитектурныхъ пріемовъ. Собакъ множество, лай и вой безобразный. Но особенно-то плохо съ виду только. Внутри построенъ (входъ черезъ ворота) чистый убитый дворъ, крытый и теплый. Освѣщеніе сверху. Этотъ дворъ имѣетъ нѣсколько перегородокъ, толстыхъ каменныхъ; за одною—складъ фуража, за другою—нѣчто въ родѣ чулана, за третью—жилое помѣщеніе. Гдѣ побогаче, жилое отдѣленіе держится въ чистотѣ. Полъ убитъ плотно или устланъ коврами весь. По бокамъ у стѣнъ нѣчто въ родѣ тюфяковъ, стѣны выбѣлены. Выходитъ ново и недурно. Кто побѣднѣе, живетъ вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ. Одѣваются турки бѣдно. Турки-мущины одѣты въ куртки и шаровары (матерія въ родѣ такой изъ какой наши мужики дѣлаютъ себѣ армяки), въ большинствѣ рваныя и съ пестрыми заплатами; на ногахъ штиблеты и то не всегда; на головѣ чалма изъ пестрыхъ тряпокъ. Въ общемъ костюмъ и бѣденъ, и пестръ. Нѣкоторые брѣются, нѣкоторые носятъ бороды. Женщины старыя безобразны до нельзя, молодыя есть красавицы. Костюмъ ихъ трудно описать; надѣто что-то много, и выходитъ некрасиво. Есть и длинная юбка, и что-то въ родѣ передника; на головѣ кусокъ цвѣтной матеріи (чадра), закрывающій всю голову, такъ что лицо можно разсмотрѣть заставъ турчанку невзначай. Женщины насъ боятся страшно. И по закону онѣ обязаны избѣгать взглядовъ мущины, но къ этому, кажется, присоединяется и особый страхъ къ гяуру. Я разъ нечаянно попалъ въ жилую половину, гдѣ на коврахъ, поджавъ ноги, сидѣли вмѣстѣ три женщины за какою-то работой. Господи! какъ онѣ быстро вскочили и побѣжали! Какой пронзительный крикъ, пожалуй, ужаса! Я самъ даже испугался; на шумъ явился старый турокъ, и очень, очень косо посмотрѣлъ на меня.

Теперь турки обжились съ нами совсѣмъ. Продаютъ намъ все что нужно и что есть у нихъ, страха нѣтъ и слѣда, ухитряются какъ-то даже бесѣдовать съ нашими солдатами. На этотъ разъ нашъ солдатъ очень хитеръ и искусенъ. Не понимая ни слова по-турецки, какъ и турокъ по-русски, солдатъ однако раз-

сказываетъ что на Руси живется лучше, какой Русскій Царь добрый и могучій, какъ туркамъ надо намъ покориться, что Карсъ скоро сдастся и т. п. Оказывается что турокъ его понялъ и только руками разведешь какъ увидишь, напр.; такую картину: на крышѣ сакли сидитъ какой-нибудь Терентій Сидоровъ и ораторствуетъ; языкъ, руки, ноги, мускулы лица—весь въ движеніи; кругомъ его на корточкахъ какъ галки сидятъ съ дюжину турокъ всѣхъ возрастовъ, сидятъ и слушаютъ. Очевидно понимаютъ, ибо вдругъ разомъ всѣ загалдятъ, отвѣчая что-либо оратору, или объясняя въ свою очередь. Все это идетъ такъ мирно, ладно, что словно земляки толкуютъ.

Индифферентность турокъ къ судьбѣ своихъ поразительна. То ли что имъ плохо достается отъ своихъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, то ли что вообще нѣтъ связи у населенія со своимъ гнилымъ государствомъ, но кажется имъ еще пріятно, что мы къ нимъ явились. Нынѣ они намъ продаютъ, получаютъ деньги, отъ насъ нѣтъ обидъ и притѣсненій; свои же ихъ бьютъ и рѣжутъ, грабятъ какъ могутъ. Серіозно говорю, я не видалъ ни въ одномъ сожалѣнія о послѣднихъ страшныхъ пораженіяхъ, равно вообще о томъ, что на ихъ землѣ непріятель. Это я видѣлъ съ самаго начала, еще съ Гюли-булаха и Ахъ-булаха. Страдай они душой за родину, видно бы было; было бы уныніе или что подобное. Оказывается ничего этого нѣтъ, и имъ безразлично, гдѣ ихъ войска и въ какомъ положеніи.

Уровень образованія, какъ можно заключать по многимъ даннымъ, крайне низокъ. Книги не видывали; вещи наши разсматриваютъ съ любопытствомъ дикарей.

Раненые Турки, взятые въ плѣнъ, находятся на излѣченіи въ нашихъ лазаретахъ, наравнѣ съ нашими солдатами. Ихъ одѣли въ чистое бѣлье, халаты и проч. Санитары наши относятся къ нимъ даже, пожалуй, еще съ большимъ сожалѣніемъ. И нужно видѣть, какъ благодарны эти Турки! Со слезами онъ кланяется и прикладываетъ руку къ сердцу и ко лбу.

Что бы ни было говорено, а всегда придется сказать что нѣтъ добродушнѣе солдатъ на свѣтѣ, какъ нашъ Русскій солдатикъ.

—

Войска стоятъ пока на тѣхъ же позиціяхъ кругомъ Карса, какъ сообщалъ я въ прошломъ моемъ письмѣ. Парламентеру Турки сообщали, что Карсъ не сдастся, а пусть придутъ и возьмутъ. Слѣдовательно, намъ приходится или навѣ правильную осаду, закончать штурмовъ, или блокировать. Турки, видно, готовятся къ упорнѣйшей оборонѣ.

Войска наши стали на мѣстѣ, кажется, прочно. Саперы сдѣлали намъ печи и начинается хлѣбопеченіе, вещь чрезвычайно важная. Холода стоятъ изрядные, дожди слава Богу пріостановились. У солдатъ начались ученья во время свободное отъ караульной и аванпостной службы. 13-го числа вечеромъ получена телеграмма о побѣдѣ на Дунаѣ, и встрѣчена громкимъ и радостнымъ *ура!* 14-го утромъ мы отпраздновали эту побѣду.

При Главной Квартирѣ имѣется теперь базаръ—явились торговцы изъ Алек-

сандрополя. Цѣны, правда, велики, но лучше имѣть что-либо, чѣмъ ничего. Теперь, напримѣръ, цѣны такія: сахаръ 65—70 к. фунтъ, свѣчи 60—65 к. фунтъ, чёрный хлѣбъ вѣсомъ фунта въ два 15—20 к., бѣлый хлѣбъ 25 к., мясо 10 к. фунтъ. Привезли немного теплыхъ рубашекъ, носковъ, перчатокъ и пр. Это продается страшно дорого, но лучше опять-таки хоть что нибудь.

Жизнь въ лагеряхъ пошла по будничному. Интереснаго, выдающагося нѣтъ, за исключеніемъ того что, то Турку изловятъ на аванпостахъ, то поймаютъ шпіона. Послѣ недавнихъ лихорадочныхъ передвиженій, страшнаго напряженія, битвъ,—теперь какъ то все стихло, словно замерло. Скучно стоять въ блокирующихъ войскахъ.

Въ заключеніе сообщу кое-что о Карсѣ. Не всѣмъ извѣстно что это за крѣпость. Карсъ состоитъ изъ старой крѣпости, уже негодной внутри, ея цитатели и одиннадцати отдѣльныхъ укрѣпленій, или точнѣе группъ укрѣпленій. *) Отдѣльныя укрѣпленія расположены кругомъ, радіусъ котораго равенъ 1.300 саженямъ. По начертанію, впрочемъ, укрѣпленія въ совокупности имѣютъ фигуру, неправильную, примѣненную къ мѣстности, холмы, по срединѣ ущелье, по которому течетъ рѣка Карсъ-Чай. Всѣ почти укрѣпленія въ горахъ имѣютъ каменныя казармы, приспособленныя къ ружейной оборонѣ. Толщина бруствера укрѣпленій въ верху отъ 20—40 футовъ, высота брустверовъ 12—14 фут.; рвы шириной 25—46 фут., глубина вездѣ 20 ф. Во всѣхъ укрѣпленіяхъ подъ валганками имѣются пороховые погреба, едва ли съ полнымъ запасомъ пороха. Всѣ казармы обезпечены отъ навѣснаго огня каменнымъ сводомъ въ 3—4 фута толщины. Все вооруженіе крѣпости должно состоять изъ 150 орудій. Общее протяженіе линіи огня укрѣпленій 9.500 шаговъ; по тактическимъ даннымъ для надлежащей стороны такой обширной линіи огня нужно имѣть не меньше 23.000 человѣкъ гарнизона.

Самое важное изъ отдѣльныхъ укрѣпленій (по причинѣ командованія надъ окружающею мѣстностію) есть Тихъ тепеси на Шорахскихъ высотахъ (на западной сторонѣ). Противъ этого укрѣпленія теперь стоитъ, въ Бозгала, Ростовскій полкъ.

Урусило.

Предъ выступленіемъ отряда въ походъ прибыла въ Шуру толпа конной сборной милиціи, доставившая сюда 24 значка отбитые войсками князя Накашидзе у мятежниковъ въ бояхъ, происходившихъ на дняхъ въ Даргинскомъ округѣ. Между этими значками два были съ надписями на рускомъ языкѣ: на одномъ фигурировалъ двуглавый орелъ,—это кажется знамя данное Агаларъ хану Казыкумухскому. По выступленіи отряда, спустя нѣсколько часовъ, подъ конвоемъ Самурцевъ доставлена въ Шуру изъ той же колонны партія плѣнныхъ мятежниковъ во 130 человѣкъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и пятисотенный,

*) Вотъ ихъ названія: Канлы, Сувари, Хафизъ-паша, Карадагъ, Арабъ, Инглизъ, Мухлисъ, Лазъ-Тепеси, Вели-паша, Тихъ-Тепеси, Тохмасъ.

огромнаго роста, богатый *Чохецъ*—нѣкто *Урусило*, бывшій содержатель почты отъ Шуры до Гуниба. Узнавъ его, я крикнулъ: «Урусило, ты-ли это?—Я, такимъ.—Чего тебѣ недоставало; зачѣмъ ты пошелъ на Русскихъ?—Аллахъ язганъ!« (Богомъ писано), и махнувъ отрывисто рукой зашагалъ за конвойнымъ гремя кандалами. Такъ и каждый изъ мятежныхъ мусульманъ отвѣтитъ, или прибавитъ еще—«мы ничего не знали; насъ послали старшіе. А старшіе отвѣчаютъ: «насъ никто не слушается; народъ дѣлаетъ что хочетъ. Толпа кричитъ иди съ нами, иначе мы разгромимъ домъ, разграбимъ, и убьемъ.. Ну пойдешь». «Такъ отчего же сыръ боръ загорѣлся? Кто тому вина?

На оффиціальнымъ допросѣ того же пятисотеннаго, отвѣты его складывались слѣдующимъ образомъ: «Притѣсняли васъ? почему вы подняли бунтъ?» «Нѣтъ, притѣсненій не было, но въ народѣ распространили слухъ что Урусъ хочетъ уничтожить мусульманъ, и для этого всѣ солдаты ушли на хункера (на султана). Въ Дагестанѣ солдатъ немного осталось и придти имъ неоткуда.

— Чего же вы хотѣли добыть бунтомъ?

— Востановить въ Дагестанѣ шаріатъ. А шаріатъ непризнаетъ владычества немусульманъ надъ мусульманами...

— Кто началъ заводить бунтъ и распространяетъ его въ народѣ?

— Изъ «Сogратля»,—старый кадій *Абдуррахманъ-хаджи* (народъ считаетъ его святымъ) и сынъ его *Магометъ-хаджи*, объявленный «векилъ» (уполномоченнымъ) Абдуррахманъ-хаджи, по его дряхлости. Магометъ хажди народъ считаетъ за имама (хранителя вѣры), онъ сдѣлалъ меня пятисотеннымъ и разсылаетъ письма за большою печатью, съ приказаніемъ идти на гяуровъ.

— Сколько ты платишь подати въ годъ?

— Одинъ рубль.

— Во сколько ты оцѣниваешь твое имущество?

— Имущество мое считаю въ 30 тысячъ рублей слишкомъ.

— Для чего же тебѣ понадобилось вмѣшиваться въ бунтъ? Вѣдь ты рисковалъ и отерять свое имущество?

— Э! Аллахъ данъ болду (отъ Бога было),—и при этомъ взволнованный горецъ куснулъ по обычаю ноготь большаго пальца и махнулъ рукой.

Костемеревскій.

Полковой праздникъ лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка за Дунаемъ.

Ежегодно, 4 октября, въ память блистательнаго дѣла подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, лейбъ-гвардіи Казачій Его Величества полкъ празднуетъ свой полковой праздникъ. Въ обыкновенное, мирное время этотъ день празднуетъ дивизіонъ, постоянно находящійся въ Петербургѣ, и рѣдко на долю лейбъ-казаковъ выпадаетъ счастіе видѣть въ этотъ день среди себя Августѣйшаго своего Шефа, Государя Императора, такъ какъ это время совпадаетъ большею частью со

временемъ отсутствія Его Величества изъ столицы. Въ нынѣшнемъ же году празднованіе лейбъ-казаками своего полковаго праздника было, какъ пишутъ въ *Русскій Инвалидъ*, обставлено было особенною торжественностью: предъ праздникомъ, къ 1-му дивизіону, находившемуся уже въ Дѣйствующей Арміи, присоединился прибывшій изъ Петербурга 2-й дивизіонъ.

Въ день полковаго праздника, къ 10-ти часамъ утра, полкъ, въ составѣ наличныхъ двухъ дивизіоновъ, имѣя на правомъ флангѣ Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, тоже празднующаго 4 октября свой праздникъ, былъ выстроенъ въ пѣшемъ строю, впереди полевой церкви, и ожидалъ прибытія Государя Императора.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра прибылъ къ полку Августѣйшій Главнокомандующій, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка. Поздравивъ полкъ съ праздникомъ, Его Высочество занялъ свое мѣсто для встрѣчи Его Величества. Ровно въ 11 часовъ изволилъ прибыть Государь Императоръ, въ лейбъ-казачьемъ мундирѣ, окруженный блестящею свитой и иностранными представителями. Его Высочество, объѣхавъ ряды, сталъ впереди фронта и въ слѣдующихъ милостивыхъ словахъ обратился къ полку:

«Поздравляю васъ съ полковымъ праздникомъ; въ этотъ день полкъ оказалъ такое блистательное отличіе подъ Лейпцигомъ, что исторія этого не забудетъ».

Громкое, восторженное *ура* было отвѣтомъ на милостивое поздравленіе возлюбленнаго Монарха. Затѣмъ, по повелѣнію Государя Императора, военный министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, прочиталъ только-что полученную телеграмму отъ Главнокомандующаго Кавказскою арміей слѣдующаго содержанія:

«Счастливъ что могу порадовать Ваше Императорское Высочество съ блистательною побѣдой, одержанною нашими войсками надъ турками. Мухтаръ-паша разбитъ на голову и отрѣзанъ отъ Карса. О потеряхъ и о взятыхъ орудіяхъ будетъ дополнительно; наши войска стоятъ въ 16-ти верстахъ отъ Карса».

По окончаніи чтенія, Его Величество, обратясь къ полку, произнесъ: «Поздравляю васъ съ побѣдой. *Ура*!» Громкое, неумолкаемое *ура* раздалось не только по фронту, но и по всему биваку.

Послѣ этого, было скомандовано «на молитву», и начался молебенъ. Во время многолѣтія Государю Императору былъ сдѣланъ, тутъ же расположенною 1-ю Донскою конно-горною баттареей, 21 выстрѣлъ изъ орудій; во время молитвы за упокой павшихъ за Вѣру, Царя и Отечество воиновъ, Его Величество и всѣ присутствовавшіе стояли на колѣнахъ. По окончаніи божественной службы, Государь Императоръ вновь обратился къ полку со слѣдующими милостивыми словами.

«Благодарю 1-й дивизіонъ за блистательную службу, которую онъ уже на дѣлѣ доказалъ и явилъ себя достойнымъ своихъ предковъ. Надѣюсь что, если случай представится, то 2-й дивизіонъ покажетъ себя такими же молодцами какъ ихъ товарищи.»

Пропустивъ полкъ церемоніальнымъ маршомъ повзводно, Его Высочество изво-

лилъ затѣмъ отправиться къ накрытымъ между бараками столамъ. Надобно сказать, что, несмотря на походную жизнь, обѣдъ для нижнихъ чиновъ вышелъ вполнѣ праздничнымъ: на бѣлыхъ скатертяхъ, разостланныхъ на землѣ, красовались бутылки съ мѣстнымъ виномъ и водкой, яйца, жареные гуси и утки, бѣлый хлѣбъ и прочія яства. Его Величество подошелъ къ столику возлѣ лейбъ-эскадрона и, взявъ чарку, произнесъ:

«Пью за здоровье Своего молодецкаго полка».

Громкимъ и дружнымъ *ура* огласился бивакъ. Его Величество, вторично взявъ чарку, произнесъ:

«Пью за здоровье вашего Атамана и Втораго Шефа полка, Наслѣдника Цесаревича».

Послѣ того, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ старшій изъ лейбъ-казаковъ, провозгласилъ тостъ: «За драгоцѣнное здоровье Государя Императора, Нашего Августѣйшаго Шефа». Тогда Его Величество, поднявъ чарку, изволилъ сказать:

«Пью за здоровье Главнокомандующаго, нашего однополчанина».

Эти тосты были встрѣчены лейбъ-казаками восторженно. Послѣ этого, Его Величество изволилъ подойти къ накрытому для нижнихъ чиновъ столу, чтобы попробовать пищу. Но тутъ вышелъ слѣдующій эпизодъ; на столѣ, около котелковъ со щами, не было ложекъ: обыкновенно нижніе чины имѣютъ ихъ при себѣ.

— Ребята, дайте ложку! крикнулъ Его Высочество Главнокомандующій.

Казаки переминаются.

— Э, эхъ! да у нихъ и ложки то нѣтъ, милостиво сказалъ Государь.

Это заставило близь стоящаго казака полѣзть за голенище и достать ложку. Вынувшій ложку казакъ вытеръ ее своими пальцами и подалъ Государю. Всемилостивѣйшій Монархъ, видя все это, милостиво улыбаясь, взялъ у казака ложку и началъ ею кушать казачьи щи. По окончаніи всего, Государь Императоръ осчастливилъ офицеровъ приглашеніемъ къ Себѣ на завтракъ. Когда Государь Императоръ изволилъ сѣсть на лошадь, офицеры верхами сопровождали Его Величество до Императорской ставки.

За завтракомъ, Его Высочество вновь осчастливилъ полкъ милостивымъ вниманіемъ; поднявъ стаканъ съ виномъ, произнесъ: «За здоровье славнаго Моего полка».

Вечеромъ, въ 6 часовъ, офицеры полка удостоились обѣдать у Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Главнокомандующаго.

Въ этотъ день лейбъ-казаки получили слѣдующія телеграммы:

Отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ дер. Трестеника:

«Отъ души поздравляю казаковъ Его Величества съ полковымъ праздникомъ. Сожалѣю что полкъ не у меня и что такъ давно не видѣлъ его. Пьемъ за здоровье полка».

Цесаревичъ Александръ.

На эту телеграмму командующій флигель-адъютантъ, полковникъ Жеребковъ, имѣлъ счастіе отвѣчать Его Высочеству:

«Лейбъ-казаки Его Величества приносятъ Вашему Высочеству сердечную благодарность за особое милостивое вниманіе Августѣйшаго Атамана и втораго Шефа полка.

«Усердно молились за здравіе и долгоденствіе Государя Императора и Ваше, прося Всевышняго о дарованіи Вашему Высочеству побѣды».

Отъ войсковаго атамана войска Донскаго:

«Отъ имени войска Донскаго поздравляю съ полковымъ праздникомъ Донцовъ-молодцовъ-гвардейцевъ; да поможетъ вамъ Богъ въ честной и славной службѣ вашей.»

На эту телеграмму былъ посланъ слѣдующій отвѣтъ:

«Лейбъ-казаки, въ лицѣ вашего превосходительства, благодарятъ тихій Донъ за память, и помня завѣтъ предковъ, пьютъ во здоровье ваше и славу Войска Донскаго.»

Лейбъ-казаки завершили праздникъ на своемъ бивакѣ, куда часовъ около восьми собралась вся полковая семья и съѣхались младшіе братья — Терцы и Кубанцы, съ представителемъ ихъ, генераломъ Скобелевымъ 1-мъ, а также многіе гости изъ свиты и военные агенты: шведскій и американскій. Всѣ усѣлись у зажженныхъ костровъ. Явилось вино и шашлыкъ, и тутъ вся семья дружно пила за Царя и славу полка, за все дорогое Дону, Тереку, Кубани, за отсутствующихъ товарищей лейбъ-казаковъ и Кубанцевъ Собственнаго Его Величества конвоя, въ этотъ день праздновавшихъ свой праздникъ подъ выстрѣлами непріятеля, находясь на рекогносцировкѣ на Софійской дорогѣ.

Долго и дружно бесѣдовала казачья семья, и только восходящее солнце напомнило ей что 4 октября прошло, и полковому празднику конецъ.

Обзоръ военныхъ дѣйствій.

(Со 2 по 9 октября.)

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатанъ слѣдующій обзоръ военныхъ дѣйствій:

«Полученныя въ теченіе минувшей недѣли извѣстія о положеніи воюющихъ сторонъ на Балканскомъ полуостровѣ прибавили весьма мало новаго. На всѣхъ участкахъ театра войны господствуетъ выжидательное спокойствіе, нарушаемое лишь гуломъ орудій подъ Плевной и предпринимаемыми, по временамъ, небольшими набѣгами или рекогносцировками со стороны обоихъ противниковъ. Но такое положеніе кажется не болѣе, какъ переходнымъ, которымъ каждая армія пользуется для подготовленія своихъ силъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

«Работы западнаго русско-румынскаго отряда, направленныя противъ турецкихъ позицій подъ Плевной и значительно затруднявшіяся ненастьемъ, дѣятельно подвигаются впередъ. Баттареи наши, поддерживавшія лишь рѣдкую канонаду противъ непріятеля, открыли съ 5-го октября сосредоточенный огонь залпами

по укрѣпленіямъ и мѣстамъ расположенія турецкихъ войскъ, постепенно перенося всю массу дѣйствующей своей силы съ одного намѣченнаго пункта на другой. Подобный способъ производства огня, служащій, какъ бы введеніемъ къ новой фазѣ нашихъ дѣйствій противъ Плевны, представляетъ громадныя преимущества предъ одновременнымъ обстрѣливаніемъ всѣхъ позицій, и его страшная, губительная сила, по свидѣтельству Великаго Князя Главнокомандующаго, видимо даетъ себя чувствовать непріятелю.

«Къ числу нашихъ дѣйствій подъ Плевной относится также тревожное сообщеній арміи Османъ-паши посредствомъ летучихъ поисковъ, направленныхъ къ верхнему теченію рѣки Вида. Два послѣдніе поиска произведены были небольшими казачьими частями изъ Ловчинскаго отряда къ городу Тетевену и къ селенію Торосу, причемъ непріятельскіе отряды, ими встрѣченные, были разсѣяны, захваченъ весь продовольственный турецкій скотъ и освобождено нѣсколько сотъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей, содержавшихся Турками въ заточеніи.

«Въ восточной Болгаріи главное вниманіе попрежнему приковано къ Нижнему Лому, гдѣ новый главнокомандующій турецкою Дунайскою арміей сосредоточилъ большія силы противъ лѣваго фланга отряда Государя Наслѣдника Цесаревича, но до сихъ поръ еще не рѣшился на какое-либо наступательное движеніе, котораго отъ него ожидаетъ Оттоманское правительство. Желая предварительно ознакомиться съ силой нашего расположенія, Сулейманъ-паша выслалъ 3-го октября на рекогносцировку четыре небольшіе пѣхотные отряда, которые переправились черезъ Ломъ верстахъ въ 20-ти къ юго-востоку отъ Рущука, но были остановлены огнемъ нашихъ передовыхъ постовъ. Высланный противъ Турокъ самостоятельный отрядъ уже не нашелъ ихъ на лѣвомъ берегу Лома: они отступили ко своимъ позиціямъ.

«Въ Балканахъ едва ли можно ожидать возобновленія такихъ упорныхъ дѣйствій Турокъ противъ Шипкинскаго перевала, какими отличался Сулейманъ-паша: съ одной стороны, позднее время года, а съ другой, значительное ослабленіе турецкихъ силъ къ югу отъ Шипки, какъ вслѣдствіе громадныхъ потерь въ предшедшихъ бояхъ, такъ и отдѣленія части войскъ въ Орханіевскій отрядъ, должны, по всей вѣроятности, побудить новаго главнокомандующаго, Реуфъ-пашу, ограничиться преимущественно наблюдательнымъ характеромъ дѣйствій. По иностраннымъ извѣстіямъ, онъ, повидимому, намѣренъ занять достаточно сильными отрядами выходы изъ Балканъ въ долину Тунджи, а главную часть своихъ войскъ сосредоточить на зиму въ Казанлыкѣ и Филиппополѣ, укрѣпивъ оба эти пункта. Что касается другихъ занятыхъ нами проходовъ, то въ самомъ восточномъ изъ нихъ, Еленскомъ, произведенъ былъ, 1-го октября, большою партіей баши-бузуковъ набѣгъ на деревню Маренъ, который былъ отраженъ частію нашего отряда, съ чувствительною потерей для непріятеля.

«Пока на европейскомъ театрѣ войны царствовало временное затишье, въ Малой Азіи совершилось событіе огромной важности, круто измѣнившее взаимное положеніе воюющихъ противниковъ. Дѣла 20-го и 21-го сентября, указывавшія на переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ со стороны нашего кавказскаго

корпуса, хотя и не имѣли непосредственнаго результата, но служили, тѣмъ не менѣе, какъ бы подготовкой къ послѣдующимъ операціямъ, судить о которыхъ, за неполученіемъ подробностей, пока невозможно. Извѣстно лишь что, семь дней спустя послѣ произведенной нами аттаки на лѣвый флангъ турецкихъ позицій, Мухтаръ-паша оказался вынужденнымъ подать свой центръ и правый флангъ назадъ и перейти съ равнины, гдѣ до того была расположена его армія, на Аладжинскія и Визинкевскія высоты, заранѣе имъ укрѣпленныя; на лѣвомъ флангѣ турецкій главнокомандующій удержалъ за собою горы Ягны, близь Карсо-Александропольской дороги, обезпечивавшія его сообщенія съ Карсскимъ гарнизономъ, и подъ прикрытіемъ которыхъ онъ могъ, въ случаѣ надобности, совершить отступленіе къ Карсу. Но отступательный маневръ Мухтаръ-паши былъ разстроенъ энергическимъ преслѣдованіемъ его арміи нашими войсками, которыя заняли, 28-го сентября, оставленную Турками гору Кизилъ-Тапа и утвердились на Большой Ягнинской высотѣ, немедленно приведенной въ оборонительное положеніе. Сознавая, что съ занятіемъ Большой Ягны мы угрожаемъ, въ извѣстной мѣрѣ, ближайшему его сообщенію съ Карсомъ, Мухтаръ-паша пытался выбить насъ оттуда, и 1-го октября направилъ для аттаки возведеннаго нами на Большой Ягны редута значительныя силы съ горы Малая Ягны и Визинкевскихъ высотъ. Однако всѣ аттаки Турокъ были отбиты и непріятель обращенъ въ бѣгство; надо полагать, что тогда же оставлена Турками и гора Малая Ягны.

«Съ потерей Ягнинскихъ высотъ, фронтъ позиціи Анатолійской арміи отодвинулся еще болѣе назадъ, занимая своимъ лѣвымъ флангомъ сѣверные скаты Визинкевскихъ горъ, центромъ — Орлокскія высоты и впереди ихъ укрѣпленную гору Авліаръ, а правымъ флангомъ удерживая свои прежнія позиціи на Аладжѣ. Не давая времени непріятелю опомниться, кавказскія войска приступили къ довершенію указаннаго имъ плана дѣйствій, имѣвшаго цѣлью отрѣзать армію Мухтаръ-паши отъ Карса. Послѣ того, какъ направленная въ обходъ колонна генералъ-лейтенанта Лазарева аттаковала, 2 октября, Орлокскія высоты и отбросила оттуда Турокъ, часть непріятельской арміи оказалась уже обойденною, и потому на слѣдующій день произведена была общая аттака на весь фронтъ расположенія Мухтаръ-паши. Главный ударъ направленъ былъ на укрѣпленную гору Авліаръ, прикрывавшую центръ непріятельскихъ позицій, и къ полудню она взята была штурмомъ колонной генералъ-лейтенанта Геймана изъ трехъ полковъ и стрѣлковаго баталіона. Такимъ образомъ центръ Турецкой арміи былъ прорванъ, и она разрѣзана на двѣ части: лѣвое крыло ея, бросившееся къ Карсу, было встрѣчено во флангъ войсками генерала Лазарева и, преслѣдуемое съ тыла штурмовою колонной генерала Геймана, было къ 5 часамъ пополудни совершенно разсѣяно, съ потерей множества убитыхъ, нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ и четырехъ орудій. Другая часть арміи, въ составѣ трехъ дивизій, державшаяся еще на правомъ флангѣ, была одновременно сбита съ Аладжинскихъ высотъ, окружена со всѣхъ сторонъ, и понеся громадныя потери принуждена была къ вечеру положить оружіе. Здѣсь взята масса плѣнныхъ, съ семью пашами, 32 ору-

діями и огромнымъ количествомъ военнаго матеріала. Самъ главнокомандующій Анатолійскою арміей, Мухтаръ-паша, бѣжалъ въ Карсъ.

«Послѣдствія этой блестящей побѣды кавказскимъ войскъ не опредѣлились еще полностью въ данную минуту, такъ какъ они будутъ зависѣть отъ болѣе или менѣе энергичнаго и искуснаго воспользованія ея плодами. Но уже теперь можно признать, что спасшіеся остатки Анатолійской арміи едва ли оправятся въ настоящемъ году отъ нанесеннаго имъ пораженія, и потому, если климатическія, или какія либо другія непредвидимыя условія не остановятъ дальнѣйшихъ операцій въ Турецкой Арменіи, войскамъ нашимъ трудно ожидать серіознаго сопротивленія со стороны непріятеля въ полѣ. Турецкій же отрядъ Измаила-Хакки-паши, дѣйствовавшій на границахъ Эриванской губерніи, долженъ будетъ, послѣ пораженія Мухтаръ-паши, спѣшить отступленіемъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Эрзерума, если только онъ не предпочтетъ базироваться на Ванъ.

«Съ военной точки зрѣнія, послѣднія битвы на Карской равнинѣ представляются однимъ общимъ стратегическимъ маневромъ, начатымъ 20 сентября и кончившимся 3 октября поголовнымъ пораженіемъ турецкой Анатолійской арміи. Въ этихъ дѣйствіяхъ ясно обнаруживаются послѣдовательность и энергія въ исполненіи задуманнаго плана, въ соединеніи съ искуснымъ выборомъ главнаго пункта атаки, на который и были направлены соразмѣрныя силы, не развлекая ихъ побочными, второстепенными задачами. Въ тактическомъ смыслѣ характеръ битвы 3 октября выразился въ прорывѣ непріятельскаго центра, за которымъ лежалъ, хотя и окружный, путь отступленія къ Карсу; такъ что съ занятіемъ нами этого важнаго ключа турецкихъ позицій, правый флангъ непріятеля, несмотря на сильное оборонительное значеніе Аладжинскихъ высотъ съ фронта, оказался отрѣзаннымъ отъ Карскаго укѣпленнаго лагеря, и не имѣя удобныхъ путей отступленія ни къ Эрзеруму, ни къ Кагызману, долженъ былъ сдаться. Полный успѣхъ сраженія пріобрѣтаетъ еще большую цѣну въ томъ отношеніи, что благодаря искусно исполненному плану атаки, блистательная побѣда достигнута съ невеликими, сравнительно, потерями.»

Приводимъ первую депешу спеціальнаго корреспондента газеты *Daily News* при русской главной квартирѣ изъ Караяла, отъ 15 (3) октября, о пораженіи «побѣдоноснаго» Мухтара:

«9 октября (27 сентября) генералъ Лазаревъ началъ отсюда обходное движеніе съ 26 баталіонами пѣхоты, при 40 орудіяхъ, позади Аладжадага къ Авліару и Визинкеву. Вчера вечеромъ онъ прислалъ чрезъ полевой телеграфъ депешу изъ деревни Базарджика, что «побѣдоносный» Мухтаръ-паша стоитъ предъ нимъ со значительными силами, и потому просилъ подкрѣпленій.

«Вотъ почему сегодня же утромъ наши войска начали атаку турецкихъ позицій и, послѣ сильной канонады на лѣвомъ флангѣ съ батарей на Аладжи, приступили къ серіозному штурму Авліарскаго холма и редута. Противъ центра турецкой позиціи прекрасно дѣйствовала артиллерія, бросая на разстояніе двухъ верстъ исключительно шрапнель, съ отличнымъ успѣхомъ. Къ полудню кавказскіе гренадеры, подъ командой генерала Геймана, штурмовали Авліарскій холмъ

и редутъ, и заняли его, овладѣвъ тремя Крупповскими орудіями. Турки, отступивъ въ безпорядкѣ со своихъ позицій, повсюду были горячо преслѣдуемы.

«Одинъ изъ полковъ, занявъ Аладжадагъ, бросился на турецкій лагерь и овладѣлъ имъ. Непріятель отступилъ въ безпорядкѣ въ трехъ направленіяхъ, отрѣзанный въ своемъ тылу отъ Карса. Число убитыхъ и раненыхъ, пока еще неизвѣстно. Завтра преслѣдованіе будетъ продолжаться.

Обходное движеніе генерала Лазарева и штурмъ 2 октября укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій на высотахъ Шатыръ-оглы.

Какъ извѣстно, Байрахтарскій отрядъ, названный потомъ *Карсскимъ*, выступилъ 27 сентября, но только не въ часъ пополудни, какъ сказано въ диспозиціи, а въ 8 часовъ вечера, и прибылъ черезъ Кигачъ на Камбинскій постъ 28 сентября, а 30-го весь отрядъ сосредоточился у селенія Дигоръ, имѣя кавалерію, подъ начальствомъ генералъ маіора Лорисъ-Меликова, въ селеніи Акрякъ. Въ Дигорѣ, подъ прикрытіемъ 3 баталіоновъ 40-й дивизіи, были оставлены тяжести, ранцы и подвижной лазаретъ. Прикрытію дано приказаніе укрѣпить вагенбургъ траншеями. 1 октября войскамъ дана дневка въ Дигорѣ, главнымъ образомъ съ цѣлью дать возможность стянуться обозу. Въ этотъ же день наша кавалерія, дѣлая развѣдки, захватила большой транспортъ скота, соли и другихъ припасовъ, слѣдовавшихъ въ лагерь Мухтаръ-паши.

На слѣдующій день, то-есть утромъ 2 октября, генералъ Лазаревъ произвелъ кавалеріей рекогносцировки къ сторонѣ Базарджика и Хаджи-Халиля. Убѣдившись въ присутствіи силъ непріятеля въ укрѣпленныхъ позиціяхъ надъ Базарджикомъ, Лазаревъ рѣшился немедленно овладѣть высотами Шатыръ-оглы, дававшими ему возможность взять во флангъ Базарджикскую позицію, и открывавшими путь на Визинкевъ, къ послѣднимъ тыльнымъ позиціямъ непріятеля, тѣмъ болѣе, что другой путь проходилъ близъ укрѣпленнаго Базарджикскаго лагеря.

Турки, оцѣнивъ важность высоты Шатыръ-оглы, направили на нее бѣгомъ два баталіона изъ Базарджикскаго лагеря и три съ Визинкевскихъ высотъ.

Наша передовая колонна, 154-й пѣхотный Дербентскій полкъ и двѣ роты саперъ, подъ начальствомъ генерала Цытовича, тоже была направлена туда форсированнымъ маршемъ. Однако, несмотря на быстроту движенія нашихъ войскъ, турки (три Визинкевскіе баталіона) успѣли предупредить насъ, и гора была ими занята. Тотчасъ по занятіи горы, они стали поспѣшно приводить ее въ оборонительное положеніе. Генералъ Лазаревъ приказалъ, во что бы то ни стало овладѣть высотой, иначе турки превратили бы ее въ крѣпость и тѣмъ окончательно преградили бы намъ путь къ Визинкевскимъ высотамъ. Генералъ Цытовичъ лично повелъ Дербентцевъ и саперъ на штурмъ. Мѣстность весьма затрудняла движеніе, но Дербентцы шли молодцами. Въ разстояніи вѣрнаго ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля полкъ былъ нѣсколько пріостановленъ для отдыха. Цѣпь

открыла учащенную мѣткую пальбу. Горныя орудія и Терская казачья батарея, занявъ позиціи въ линіи цѣпи, наносили значительный вредъ непріятелю. Вслѣдъ за тѣмъ наступленіе было возобновлено съ большею противъ прежняго быстротой.

Въ то время, когда Дербентцы поднялись уже на половину возвышенности, колонна, направленная изъ Базарджикскаго лагеря и бывшая недалеко отъ атакованной нами высоты, обнаружила намѣреніе ударить Дербентцамъ во флангъ; но видя ихъ настойчивое наступленіе, не рѣшилась даже взойти на гору, а остановилась у подошвы. Между тѣмъ Дербентцы, несмотря на градъ пуль, сыпавшійся съ вершины Шатыръ-оглы и съ боковъ ея, смѣло двигались впередъ и, наконецъ, грянувъ *ура,* бросились на непріятеля. Турки бѣжали, преслѣдуемые нашимъ огнемъ. Вся поверхность горы и склоны ея были усѣяны трупами и ранеными турками, что ясно выражало сильное пораженіе противника. Бѣжавшіе турки собрались на высотѣ, лежащей къ сѣверу отъ взятой. Къ нимъ же присоединились шесть баталіоновъ, прибывшіе изъ отряда Измаилъ-паши.

Надо замѣтить, что одновременно съ началомъ нашей аттаки на Шатыръ-оглы Мухтаръ, кромѣ двухъ баталіоновъ, прежде высланныхъ на эту высоту, направилъ туда еще шесть баталіоновъ изъ Базарджикскаго лагеря.

Генералъ Лазаревъ, видя опасное положеніе Дербентцевъ, приказалъ свиты Его Величества генералъ-маіору Гурчину направиться со своею колонной бѣгомъ на перерѣзъ пути слѣдованія турецкихъ баталіоновъ; но такъ какъ колонна Гурчина начала только подходить и, не успѣла бы пожалуй во время остановить движеніе турокъ, то генералъ Лазаревъ приказалъ полковнику Маламѣ съ дивизіономъ Нижегородскихъ драгунъ и четырьмя казачьими сотнями во что бы то ни стало не допустить подкрѣпленій противника до Шатыръ-оглы. Малама повелъ кавалерію на рысяхъ, и въѣхавъ на возвышенность, спѣшилъ драгунъ и казаковъ и занялъ быстро густою цѣпью крѣпкую позицію по пути слѣдованія турокъ. Едва цѣпь успѣла залечь, какъ подошелъ головной баталіонъ непріятеля. Драгуны и казаки, хорошо укрытые мѣстностью, открыли частый и мѣткій огонь. Непріятель, неожиданно поражаемый нашимъ огнемъ во флангъ, не выдержавъ огня, повернулъ вправо, и, выславъ цѣпь, завязалъ перестрѣлку. Турки скоро повернули назадъ, считая, вѣроятно, противъ себя гораздо болѣе значительныя силы нежели какія были на самомъ дѣлѣ. Полковникъ Малама, пользуясь этимъ, приказалъ перейти въ наступленіе, чему особенно благопріятствовали пересѣченная мѣстность и приближеніе 4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, который, смѣнивъ цѣпь, понудилъ турокъ ускорить отступленіе къ Визинкевскимъ высотамъ.

По занятіи Дербентцами первой высоты, предстояло еще взять другую, къ сѣверу отъ нея, которая командуетъ надъ всею окрестною мѣстностью до Визинкева, Визинкевскихъ и Базарджикскихъ горъ.

Высота эта, съ переходомъ въ наши руки, давала намъ ключъ къ тыльнымъ позиціямъ непріятеля. Турки, понимая важность этой высоты, опоясали ее цѣлымъ рядомъ траншей и ложементовъ. Время клонилось къ вечеру, было уже 5 часовъ; медлить аттакой до прибытія остальныхъ войскъ было поздно, от-

кладывать ее до утра значило дать противнику возможность сосредоточить на ней большія силы и еще болѣе усилить высоту новыми укрѣпленіями. По этимъ соображеніямъ, аттака была рѣшена безотлагательно.

Для этой рѣшительной операціи назначенъ былъ генералъ Цытовичъ съ Дербентскимъ полкомъ, двумя ротами саперъ и 20 орудіями. Стрѣлковый же баталіонъ долженъ былъ удерживать отступавшихъ къ Визинкеву. Наша артиллерія, занявъ близкую позицію, открыла по этой возвышенности учащенный огонь, преимущественно картечными гранатами.

Послѣ получасоваго артиллерійскаго обстрѣла, ген. Цытовичъ двинулъ своихъ молодцовъ на приступъ, по чрезвычайно крутой покатости. Солдаты дружно, не останавливаясь, стали карабкаться къ вершинѣ.

Траншеи непріятеля окутались дымомъ, и масса свинца съ воемъ и визгомъ понеслась на атакующихъ. И тутъ взятый турками, по привычкѣ, высокій прицѣлъ облегчилъ наступленіе; иначе, еслибы тысячная пуля изъ выпущенныхъ турками поражала наступающихъ, то ни одинъ изъ нашей колонны не достигъ бы вершины. Трескъ непріятельскихъ выстрѣловъ превратился въ сплошной гулъ или, вѣрнѣе, рокотъ. Дербентцы и саперы удивляли своимъ безстрашіемъ и твердостью нервовъ. Они шли твердымъ шагомъ, теряя многихъ изъ товарищей, но ни на минуту не останавливаясь. Такое грозное и спокойное движеніе нашихъ солдатъ видимо наводило ужасъ на враговъ. Съ приближеніемъ нашихъ къ траншеямъ огонь сдѣлался рѣже. Тогда передніе ряды, предводимые офицерами, бросились на *ура*. Здѣсь палъ неустрашимый подпоручикъ Менигъ, пораженный девятью пулями.

Взявъ первую линію траншей, наши мододые солдаты сдѣлались неодолимы: они съ необыкновеннымъ безстрашіемъ и силой бросились на слѣдующія траншеи и всюду поражали непріятеля, объятаго паникой и обратившагося въ безпорядочное бѣгство.

Пораженіе турокъ на этомъ пунктѣ было полное. Они бросили оружіе, патроны, оставили раненыхъ и разбѣжались въ разбродъ. Преслѣдованіе турокъ не было продолжительно, вслѣдствіе сильнаго утомленія людей и наступленія ночи. Кавалерія же наша ранѣе того была послана на лѣвый флангъ, къ Орлоку, чтобы пресѣчь бѣгущимъ путь, но по причинѣ слишкомъ пересѣченной мѣстности не успѣла въ этомъ. Выйдя же на равнину, кавалерія настигла только хвостъ колонны, который былъ изрубленъ, и захватила значительное количество вьюковъ.

Когда совершенно стемнѣло и войска наши, окончивъ преслѣдованіе, собрались на высотахъ взятыхъ штурмомъ, музыка Дербентскаго полка исполнила «Коль славенъ» и народный гимнъ. Затѣмъ въ честь побѣды войска крикнули дружное *ура*!, далеко огласившее окрестности. Потери наши при штурмѣ высотъ не велики; убито: 1 офицеръ и 17 нижнихъ чиновъ, ранено: 5 офиц. и 72 нижн. чиновъ.

Рѣшительный успѣхъ поставилъ насъ прочно въ тылъ непріятельской арміи и положилъ главное начало 3-му октября.

Дѣйствіями турокъ въ этой битвѣ руководилъ лично муширъ *) Ахмедъ-Мухтаръ-паша.

На утро ожидался новый, рѣшительный бой, но на нашихъ бивакахъ долго шли оживленные разговоры о впечатлѣніяхъ дня. Санитары хоронили убитыхъ и подбирали раненыхъ.

—

День 2 октября ознаменовался еще однимъ замѣчательнымъ кровавымъ эпизодомъ. Начальникъ авангарда, ген.-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, отдѣлилъ утромъ отъ своей колонны часть кавалеріи (3-й эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка, двѣ сотни казачьяго Кизляро-Гребенскаго полка и конно-иррегулярный Дагестанскій полкъ), подъ командой маіора Витте, и приказалъ ему произвести развѣдку къ Хаджи-Халилю, такъ, какъ получено было извѣстіе, что нѣсколько баталіоновъ турецкой пѣхоты, слѣдующіе отъ корпуса Измаилъ-паши на присоединеніе къ арміи Мухтаръ-паши, находятся въ окрестностяхъ этого селенія. Лихой кавалеристъ, маіоръ Витте во время своей развѣдки замѣтилъ въ лощинѣ незначительную часть непріятелькой пѣхоты. Обрадовавшись случаю подраться, онъ быстро устремилъ свой отрядъ на противника. Въ это время пять турецкихъ баталіоновъ перерѣзываютъ ему путь отступленія и обходятъ фланги, а съ фронта баталіонъ открылъ по немъ огонь. Комбинировать тутъ было нечего, онъ очертя голову несется въ аттаку на баталіонъ и прорѣзываетъ себѣ дорогу впередъ шашками. Естественно, эта отчаянная аттака не обошлась безъ большихъ жертвъ; онъ понесъ потерю: убито 2 оберъ-офицера и 57 нижнихъ чиновъ, ранено 15 нижнихъ чиновъ.

Въ послѣдствіи на мѣстѣ этой схватки найдены обожженные трупы; это турки предавали раненыхъ Дагестанцевъ истязанію и мучительной смерти на огнѣ.

Донесеніе отъ генерала Лазарева о битвѣ 2 октября получено въ $2^1/_2$ часа полуночи на Караялѣ, гдѣ ждалъ въ это время Его Императорское Высочество Главнокомандующій. Было очевидно, что настала минута для нанесенія окончательнаго удара арміи Мухтара, вслѣдствіе чего немедленно же былъ отданъ приказъ о совокупной аттакѣ турокъ всѣми нашими силами 3 октября.

Волховской.

Среди страшной борьбы за Авліаръ семь турецкихъ таборовъ стали заходить во флангъ первому батальону Эриванцевъ. Командиръ этого батальона, флигель-адъютантъ маіоръ Фонъ-деръ Нонне, замѣтивъ появленіе у себя на флангѣ турецкихъ колоннъ, быстро оттянулъ свой правый флангъ отъ Авліара и, построивъ его параллельно къ непріятелю, бросился къ нему на встрѣчу и смѣло выдвинулся далеко впередъ. Турки, разсыпавъ густую цѣпь, наступали, но вскорѣ мѣткій бѣглый огонь 1-го баталіона остановилъ въ нѣсколько разъ превосходящаго силами непріятеля. Баталіонъ упорно удерживалъ за собою занятую позицію, ни шагу не подаваясь назадъ. Однако скоро обнаружился у насъ недостатокъ въ патронахъ, а турки все болѣе усиливали боевую линію. Положеніе ба-

*) Муширъ—Маршалъ.

таліона было критическое. Нонне сталъ разыскивать патронные ящики, но ихъ вблизи не оказалось; къ счастію, онъ замѣтилъ въ лощинахъ 1-й Кавказской стрѣлковой баталіонъ, стоявшій въ резервѣ. Стрѣлки, по просьбѣ Нонне, не ожидая приказанія свыше, почти бѣгомъ бросились на выручку своимъ. Вслѣдъ за тѣмъ высланъ еще въ подкрѣпленіе 1-й Кавказскій саперный баталіонъ. Эти три баталіона дружнымъ натискомъ заставили семь непріятельскихъ баталіоновъ отступить.

Въ данномъ случаѣ особенно отличилась Государева рота; она, предводимая своимъ молодымъ офицеромъ, поручикомъ Вольскимъ, бросилась на *ура*, сбила турокъ съ холма и открыла огонь во флангъ непріятелю. Дорого обошелся первому баталіону этотъ далеко неравный бой, но баталіонъ съ честью отстоялъ свои позиціи. Маіоръ Нонне, раненый въ руку, оставался въ бою, пока непріятель не дрогнулъ и не отступилъ.

Эпизодъ съ Эриванскимъ баталіономъ, обнаружившій возможность перехода непріятеля въ наступленіе, побудилъ генерала Геймана поспѣшить развязкой на Авліарѣ. Не сомнѣваясь въ результатахъ, произведенныхъ огнемъ нашей артиллеріи, ген. Гейманъ въ полдень отдалъ приказаніе идти на штурмъ, тѣмъ болѣе что огонь турецкихъ траншей сталъ видимо ослабѣвать.

Густая цѣпь трехъ баталіоновъ Эриванцевъ стала подыматься на Авліаръ, а Грузинскій полкъ, лѣвѣе его, на нижнія траншеи.

Огонь нашихъ баттарей разомъ затихъ. За то всѣ непріятельскіе ложементы и траншеи покрылись мгновенно сильнымъ дымомъ ружейнаго огня; но наши кавказскіе гренадеры не колеблясь лѣзли впередъ, теряя по дорогѣ многихъ изъ своихъ храбрыхъ товарищей. Болѣе получаса наши молодцы шли въ сферѣ убійственнаго огня, наконецъ передніе ряды, предводимые достойнѣйшими офицерами, бросились на *ура* и овладѣли траншеями. Чрезъ полчаса всѣ скаты Авліара были очищены молодецкими штыками нашихъ солдатъ, и пять знаменъ,— три Эриванскаго полка и два Пятигорскаго,—развѣвались на вершинѣ горы.

Первыми взошли на Авліарскую баттарею штабсъ-капитанъ Савоніусъ и капитанъ Яковлевъ со своими стрѣлковыми ротами Эриванскаго полка. Честь и слава героямъ Авліара! Съ переходомъ этого пункта, ключа всей непріятельской позиціи, въ наши руки, турки были окончательно поражены, и путь отступленія къ Карсу былъ отрѣзанъ защитникамъ Аладжи.

По взятіи Авліара, бой на минуту какъ будто пріостановился, и восторженное русское *ура* пронеслось по всей линіи въ честь побѣды. Давившее какъ кошмаръ сомнѣніе въ нашемъ успѣхѣ исчезло; всѣ повеселѣли.

При штурмѣ Авліара убитъ штабсъ-капитанъ Рославлевъ, только что поступившій въ Эриванскій полкъ. Офицеры, зная что онъ человѣкъ богатый, дѣйствительный статскій совѣтникъ и камеръ-юнкеръ двора Его Величества, спрашивали зачѣмъ онъ поступилъ въ строй на старости лѣтъ. Рославлевъ отвѣтилъ: «Хочу съ Эриванцами заслужить Георгіевскій крестъ или умереть». Послѣднее его желаніе сбылось. Онъ палъ впереди роты.

Турки на Авліарѣ бросили три орудія и множество боевыхъ запасовъ; резер-

вы ихъ быстро стали отступать къ Орловско-Визинкевскимъ высотамъ, преслѣдуемые войсками Геймана, которыя были усилены двумя гренадерскими полками 1-й дивизіи: Несвижскимъ и Перновскимъ.

Едва эти войска двинулись впередъ, какъ съ западныхъ высотъ стали также раздаваться крики *ура*: то были передовыя колонны отряда Лазарева. Услыхавъ съ утра канонаду подъ Авліаромъ, Лазаревъ приказалъ колоннамъ Шелковникова и Цытовича атаковать Визинкевскія высоты съ тыла. Артиллерія наша, 20 орудій, открыла замѣчательно мѣткій огонь, а штурмующія колонны, предводимыя храбрыми генералами, смѣло двинулись на нижній рядъ траншей и выбили оттуда турокъ штыками. Въ это время Нижегородскій драгунскій полкъ и Кизляро-Гребенской, выдвинутые впередъ на высоту, взяли непріятеля во флангъ и окончательно обратили въ бѣгство по высотамъ къ сел. Визинкевъ. Нижегородцы и казаки молодецки врубались въ массы турокъ, множество изрубили и до 300 человѣкъ захватили въ плѣнъ; здѣсь же взяты брошенныя непріятелемъ 4 орудія и знамя взводомъ Нижегородскаго полка поручика Панчулидзе.

Въ минуту сбитія турокъ съ Визинкевскихъ высотъ и встрѣчи колонны Геймана съ войсками Лазарева къ нимъ прибылъ корпусный командиръ. Осмотрѣвъ положеніе дѣлъ и увидѣвъ, что центръ непріятеля уже прорванъ, но Аладжа, укрѣпленный лагерь у сел. Визинкевъ и Малая Ягны еще держатся, онъ приказалъ Гейману продолжать наступленіе на Визинкевскій лагерь, войскамъ Лазарева окружить высоты Чифтъ-тепеси съ западной стороны, а задними своими эшелонами занять Базарджикскія укрѣпленія и всѣ пути, по которымъ непріятель могъ бы отступить къ Аладжѣ. Кавалеріи князя Щербакова ставилась задачей до прибытія пѣхоты окружить Малую Ягну и пресѣчь отступленіе къ Карсу.

Операція эта была исполнена такъ: Пока развозились приказанія, кавалерія: Нижегородцы, Гребенцы и два Волжскіе полка, поддерживаемые Дербентскимъ пѣхотнымъ полкомъ, ворвались въ Визинкевскій, сильно укрѣпленный лагерь. Турки, объятые паникой, бѣжали къ Карсу, преслѣдуемые по пятамъ нашею кавалеріей почти до Карсскаго укрѣпленія Хафисъ-паша, съ котораго открытъ былъ огонь, причинившій, впрочемъ, болѣе вреда своимъ, чѣмъ нашей кавалеріи. При этомъ взято еще 500 человѣкъ въ плѣнъ, и все пространство отъ Визинкева до укрѣпленія Хафисъ паша было усѣяно трупами, ружьями и патронташами бѣгущаго непріятеля.

Въ Визинкевскомъ лагерѣ найдены большіе запасы патроновъ, фуража, пшеницы и галетъ, а равно весь лагерь, болѣе 150 палатокъ.

Дѣйствія наши противъ Аладжи начались одновременно съ движеніемъ на Авліаръ.

Турки съ утра очистили фортъ Инахъ-тапу и перешли на Аладжу, гдѣ ихъ войска до того скрытно размѣстились по траншеямъ что одно время казалось будто Аладжа ими брошена: нигдѣ ни одного человѣка не было видно. Однако вскорѣ обнаружилось противное: лишь только наша цѣпь двинулась съ фронта на Аладжу, какъ они разомъ открыли бѣглый ружейный огонь и тѣмъ обнаружили, что позиція занята большими силами. Цѣпи было приказано остановиться. При

такихъ условіяхъ рѣшительный натискъ двумя полками былъ бы несвоевременнымъ: нужно было до поры до времени ограничиться перестрѣлкой. Артиллерія непріятели (18 орудій) учащенно дѣйствовала противъ нашей 3-й батареи 38-й артиллерійской бригады и по выдающимся частямъ пѣхоты; нѣсколько снарядовъ было пущено имъ по свитѣ командующаго корпусомъ, когда онъ выѣхалъ впередъ Суботана.

Со взятіемъ Авліара, наши дѣйствія противъ Аладжи сдѣлались энергичнѣе. Генералъ Роопъ, выдвинувъ изъ резерва лейбъ-Екатеринославскій полкъ и двѣ батареи, ударилъ бой къ атакѣ. Турки, напрягая послѣднія усилія, участили огонь до высшей степени, но уже было поздно: Владикавказскій пѣхотный полкъ и часть кавалеріи, подъ начальствомъ г.-л. князя Чавчавадзе, обхватили его правый флангъ, а съ другой стороны стали обходить траншеи Екатеринославцы и дивизіонъ Сѣверскихъ драгунъ съ 4 конными орудіями. Артиллерія же наша, 28 орудій, громила ихъ позиціи съ фронта. Вскорѣ вся наша линія надвинулась на непріятеля и обратила его въ безпорядочное бѣгство. Елисаветпольскимъ и Владикавказскимъ полками отрѣзана часть турецкой пѣхоты и взята въ плѣнъ а остальная спѣшила укрыться на южныхъ склонахъ Аладжи, преслѣдуемая нашею кавалеріей.

Битва близилась къ развязкѣ: по всему полю сраженія разрозненныя арміи Мухтара, выбиты изъ своихъ крѣпкихъ позицій, находились въ бѣгствѣ, или въ полномъ отступленіи. Наши войска повсемѣстно доканчивали пораженіе турокъ и все тѣснѣе окружали ихъ на Чифтъ-Тепеси и Базарджикскихъ высотахъ. На штурмъ Базарджикскихъ укрѣпленныхъ высотъ, послѣдняго турецкаго оплота, были направлены колонны. г.-л. Шатилова, свиты Его Величества генерала Гурчина и полковника Панкратьева. Гурчинъ открылъ мѣткій огонь изъ 16 орудій. Лишь только наши колонны стали подыматься по крутому скату занятой турками возвышенности, овладѣніе которой съ боя стоило бы большихъ жертвъ, турки, видя грозныя массы нашихъ войскъ, готовыя двинуться на штурмъ, перестали стрѣлять и выставили бѣлый парламентерскій флагъ, а вслѣдъ за тѣмъ прибылъ къ генералу Гурчину маіоръ турецкаго генеральнаго штаба, съ поручикомъ и трубачомъ, съ предложеніемъ отъ имени старшаго паши о сдачѣ. Гурчинъ предложилъ имъ безусловную сдачу и для этого потребовалъ немедленно свезти орудія и обезоруженные баталіоны свести на равнину. Предложеніе было принято безъ отговорокъ.

Радостная вѣсть эта мгновенно облетѣла наши войска.

«Главнокомандующій со своимъ штабомъ вечеромъ двинулся мимо Авліара на Визинкевскія высоты, изрытыя турецкими траншеями и батареями. 3 октября, вечеромъ, писалъ корреспондентъ *Новаго Времени*, на всѣхъ этихъ холмахъ разгоралось великое пламя костровъ; вокругъ огня собирались наши солдаты. Объѣзжая войска. Великій Князь благодарилъ храбрецовъ, поздравлялъ съ побѣдой,—тысячеголосное *ура* перекатывалось съ холма на холмъ и повторялось гдѣ-то далеко въ горахъ и лощинахъ. Ночь совсѣмъ опустилась. Отъ юго-запада къ сторонѣ Карса подвигалась большая черная туча и вспыхивала

далекая медлительная молнія... Проѣхавъ верстъ 10, наконецъ мы остановились на пунктѣ, гдѣ надѣялись встрѣтить корпуснаго командира; но неутомимый и заботливый Михаилъ Таріеловичъ не могъ сидѣть на мѣстѣ—онъ объѣзжалъ баталіоны, расположенные по ту сторону, къ Орлоку. Генералъ Гейманъ явился къ Главнокомандующему, рапортуя о состояніи своего отряда, поздравляя съ побѣдой. Горячее задушевное «спасибо тебѣ, спасибо! Ну цѣлуй же, цѣлуй!»—повторялъ Великій Князь, обнимая боеваго генерала, котораго угловатая подвижная фигура и рѣзко-сморщенное лицо, обросшее коротенькою сѣдою бородкой, въ эту минуту выражало какое-то трогательное добродушіе.

— А какъ потери наши? спросилъ Великій Князь.

— Благодаря Бога невелики, Ваше Высочество. Больше другихъ пострадалъ 4-й баталіонъ Эриванцевъ, очень ужъ увлекся.

«Заговорили о подробностяхъ Авліарскаго штурма. Едва ли не впервые въ настоящую войну артиллерія была въ такой массѣ сосредоточена на одномъ пунктѣ; оттого и дѣйствіе ея, помимо удивительной мѣткости прицѣла, было подавляющее.

«Вокругъ пылающаго костра расположился Главнокомандующій съ свитой.

«Часовъ съ 8 начали являться посланные изъ разныхъ частей арміи съ донесеніями о числѣ взятыхъ орудій и плѣнныхъ, которые сдавались толпами. Извѣстій сходилось такъ много, при томъ извѣстій спѣшныхъ, отрывочныхъ, что трудно было вдругъ привести ихъ въ надлежащую точность; одно стало безусловно ясно, что разгромъ непріятельской арміи былъ полнѣйшій.

«Пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ. Встрѣча Великаго Князя съ своимъ ближайшимъ сподвижникомъ была восторженна, но эта натуральная восторженность оттѣнялась какою-то теплою, чисто-военною простотой, которая такъ шла къ окружающей бивачной обстановкѣ. На поздравленіе Михаила Таріеловича Его Высочество отвѣтилъ тоже поздравленіемъ,—сдача 26 турецкихъ баталіоновъ была новостью, еще неизвѣстною генералу. Немедленно были отправлены телеграммы—и первая, конечно, на Дунай къ Государю, Котораго и мысль и сердце во весь этотъ день были здѣсь, съ Его славными Кавказцами...»

Его Высочество Главнокомандующій, получивъ здѣсь положительное извѣстіе о готовности Омеръ-паши, начальствовавшаго въ этотъ день арміей, капитулировать, — приказалъ состоящему при немъ полковнику Петерсу войти въ соглашеніе относительно капитуляціи.

Условія капитуляціи къ 2 часамъ ночи, съ разрѣшенія Его Высочества, были утверждены командующихъ корпусомъ и подписаны уполномоченными.

Турецкимъ офицерамъ, въ уваженіе мужества оказаннаго ими въ день битвы 3 октября, оставлены сабли и все имущество въ томъ числѣ и лошади.

Итакъ, армія Мухтара понесла полнѣйшій погромъ: 7 пашей, 23 штабъ-офицеровъ, 204 оберъ-офицеровъ и 6.084 нижнихъ чиновъ сдались военно-плѣнными, 36 орудій, множество оружія, снарядовъ и патроновъ были нашими трофеями.

Части турецкой арміи заблаговремено разбѣжавшіяся съ поля битвы были

настолько объяты страхомъ и деморализованы, что 5 октября 250 человѣкъ съ тремя орудіями, настигнутые сотней Хоперскаго полка, сдались въ плѣнъ.

Въ этой достопамятной битвѣ всѣ наши войска покрыли себя неувядаемою, историческою славой, но вѣнецъ этой славы безспорно долженъ принадлежать лейбъ-Эриванцамъ, Грузинцамъ и Дербентцамъ. Эти полки дрались львами.

Къ сожалѣнію, Эриванцамъ эта побѣда стоитъ тяжелыхъ жертвъ — почти четвертой части наличнаго состава; а именно, выбыло изъ строя 15 офицеровъ и 405 нижнихъ чиновъ.

Вся наша потеря:

Въ отрядѣ ген. Геймана убито: офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 96; ранено и контужено: офицеровъ 31, нижнихъ чиновъ 818; въ отрядѣ ген. Роопа убито: офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 30; ранено: офицеровъ 4 нижнихъ чиновъ 120; въ отрядѣ ген. Лазарева убито: офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 97; ранено: офицеровъ 14, нижнихъ чиновъ 224. Всего выбыло изъ строя 2 и 3 октября 56 офицеровъ и 1.385 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ убитыми 6 офицеровъ и 223 нижнихъ чина.

На перевязочномъ пунктѣ у Суботана раненые вовсе не походили на раненыхъ 20 сентября у Кабахъ тапы: многіе изъ нихъ шутили и разсказывали, какъ они били бусурманъ. Лица молодыхъ героевъ, несмотря на боль раны, выражали радость; въ головѣ у нихъ шевелилась мысль: *Турка* разбитъ, побросалъ пушки и сдался съ пашами въ плѣнъ, то-то обрадуются Нашъ Царь и матушка Россія!...

На другой день послѣ пораженія арміи Мухтара, отрядъ генерала Геймана былъ двинутъ въ тылъ Карса къ селенію Большая Тикма, расположенному на большой Эрзерумской дорогѣ. Въ составъ этого отряда вошла вся Кавказская гренадерская дивизія, Елисаветпольскій пѣхотный полкъ и 1-й Кавказскій саперный баталіонъ.

Его Высочество Главнокомандующій арміей пропустилъ мимо себя выступающія войска и милостиво благодарилъ каждую часть за доблестную побѣду, одержанную надъ врагами. Восторженное *ура* было отвѣтомъ на слова Августѣйшаго Главнокомандующаго.

Въ этомъ неумолкаемомъ *ура* слышалась безпредѣльная любовь къ Царскому брату и могучая сила. способная на всякій великій трудъ, на всякое геройское самоотверженіе для своего Государя и своей родины. Это *ура*, не дальше какъ вчера, на этихъ самыхъ высотахъ, наводило цѣпенящій ужасъ на враговъ, сегодня же оно гремѣло на другой мотивъ, и въ немъ слышались другіе звуки.

Отрадно было смотрѣть на румяныя, веселыя лица нашихъ молодыхъ солдатъ. Они, несмотря на сырую, холодную погоду и безъ сна проведенную ночь послѣ дневнаго боя, шли молодцами, съ увѣренностью въ дальнѣйшемъ успѣхѣ.

Побѣда имѣла для насъ важныя послѣдствія. Къ нашимъ войскамъ возвратилась прежняя самоувѣренность въ своихъ силахъ. Остатки же разбитой непріятельской арміи, ускользнувшіе съ поля битвы, вездѣ навели на своихъ панику и страхъ. Имя Русскихъ опять сдѣлалось грознымъ для враговъ. Куртинскія

(Курдскія) общества стали изъявлять намъ покорность. Мусульманскіе народы, живущіе на нашей территоріи, поприжались, а горцы стали терять надежду на приходъ Кази-Магомы (сына Шамиля) съ турецкимъ войскомъ къ нимъ въ горы для войны съ невѣрными-русскими. Измаилъ-паша, грозно стоявшій на нашей границѣ, сталъ поспѣшно отступать во глубь своей страны. Отступленіе Измаила переходило мало-по-малу въ бѣгство. Онъ жегъ и бросалъ по дородѣ тяжести и запасы. Вотъ плоды пораженія арміи Мухтаръ-паши.

Въ полдень, 4 октября, Его Высочество осматривалъ эшелонъ военно-плѣнныхъ Турокъ, оцѣпленный лейбъ-Екатеринославцами. При этомъ случаѣ турецкіе офицеры были вызваны впередъ и имъ передано: какое содержаніе они будутъ получать въ плѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ предупрежденія, имъ сказано, что они, находясь въ плѣну, должны будутъ себя держать достойно имени военныхъ людей и то же внушить своимъ солдатамъ.

Большинство военно-плѣнныхъ имѣло обмундированіе ветхое, изодранное, въ особенности обувь у нихъ была совсѣмъ плоха.

Паши были размѣщены въ палаткахъ возлѣ ставки командующаго корпусомъ, а эшелонъ отправленъ на ночлегъ въ Хаджи-Вали. Старшій изъ пашей, Омеръ, приписывалъ свое пораженіе неудачнымъ распоряженіямъ Мухтара; сверхъ того, военно-плѣнные высказывали что они вѣрили въ неприступность Авліара и были убѣждены, что его открытою силой взять нельзя: «вы же взяли, значитъ такъ угодно было Аллаху. Съ паденіемъ Авліара наши солдаты потеряли надежду на успѣхъ, и мы не могли ихъ удержать на остальныхъ позиціяхъ.»

На слѣдующій день, 5 октября, послышались частые орудійные выстрѣлы со стороны отряда Геймана; сначала полагали, что Турки изъ Карса сдѣлали на него наступленіе, но вскорѣ дѣло объяснилось. Гейманъ праздновалъ побѣду съ кавказскими гренадерами.

6 октября, несмотря на сильный дождь и холодный вѣтеръ, Главная Квартира и колонна ген. Роопа перешла изъ Визинкевскихъ высотъ на позицію къ Магарджику. Черезъ два дня, разработавъ дорогу чрезъ скалистый Магарджикскій оврагъ, колонна Роопа и Главная Квартира соединились съ отрядомъ Геймана у Большой Тикмы.

По прибытіи на новую позицію, Его Высочество изволилъ остановиться возлѣ ставки генерала Геймана, куда были собраны наиболѣе отличившіеся нижніе чины въ дѣлѣ 3 октября. Герои были, какъ будто на подборъ, молодецъ къ молодцу. Главнокомандующій поблагодарилъ героевъ битвы за ихъ молодецкую службу и поздравилъ съ георгіевскими крестами. Въ ротахъ привѣтствовали молодыхъ кавалеровъ крикомъ: *ура!*

Его Высочество, навѣстивъ командира Эриванскаго полка, изволилъ вмѣстѣ съ корпуснымъ командиромъ расположиться на бивакѣ въ открытой коляскѣ. Обозъ съ палатками прибылъ на позицію поздно ночью.

По прибытіи провіантскаго транспорта, отрядъ генерала Геймана, получивъ провіантъ на пять дней съ приказаніемъ растянуть его на 8 дней, выступилъ

на Саганлугъ, для совокупныхъ дѣйствій съ отрядомъ генерала Тергукасова противъ корпуса Измаилъ-паши.

Въ составъ Саганлугскаго отряда вошли 21 баталіонъ, 54 орудія, 4 эскадрона и 13 сотенъ казаковъ. Гейману ставилось задачей, принявъ начальство надъ обоими отрядами, стараться отрѣзать путь отступленія войскамъ Измаила къ Эрзеруму.

Войска, оставшіяся блокировать Карсъ, были размѣщены такъ: на Чалгаурской позиціи, близъ Мацра, у Визинкева—у Магарджика и у сел. Б. Тикма, часть войскъ оставлена на сообщеніяхъ у Кюрюкъ-Дара. Сверхъ того, притянутъ Ардаганскій отрядъ Комарова, который 20 октября расположился у селенія Самаватъ.

Съ окончательнымъ установленіемъ тѣсной блокады вокругъ Карса, жителямъ занятой нами турецкой территоріи объявлено устно и письменно, что всякаго рода сношенія обывателей съ Карсомъ прекращаются, и что нарушители этого приказа будутъ подвергаться всѣмъ строгостямъ военныхъ законовъ. Сверхъ того, жителямъ деревень, находящихся между линіей нашего обложенія и Карсомъ, приказано немедленно переселиться съ ихъ имуществомъ, а главное со скотомъ и запасами хлѣба, во внутренность страны, дабы пространство между крѣпостью и нами было совершенно свободно отъ населенія.

Коменданту крѣпости Карса предлагалось сдать ее на капитуляцію, но онъ предложилъ невозможныя условія. Пришлось опять взяться за бомбардировку, только въ данномъ случаѣ наши главныя баттареи устроены уже не въ Мацрѣ, а впереди Магарджика, для дѣйствія по укрѣпленіямъ города и цитадели.

15 октября, дальнобойная баттарея открыла канонаду. Турки съ ближайшихъ укрѣпленій, Хафизъ-паша и Канлы, стали отвѣчать, но ихъ снаряды далеко не долетали до нашей баттареи. Съ этихъ поръ число нашихъ баттарей каждую ночь увеличивалось, и онѣ не прекращали стрѣльбы ни днемъ, ни ночью.

Жители, а въ особенности жительницы Карса, не находятъ мѣста гдѣ укрыться отъ снарядовъ. Лазутчики показываютъ что горожане уже нѣсколько разъ обращались къ коменданту съ просьбой, чтобъ онъ или сдалъ крѣпость, или выходилъ съ войскомъ въ поле.

23 октября, комендантъ, для успокоенія жителей, попытался сдѣлать вылазку частью гарнизона противъ нашихъ Магарджикскихъ баттарей. Подъ прикрытіемъ страшнаго огня изо всѣхъ укрѣпленій, Турки двинулись впередъ, но встрѣченные огнемъ нашихъ баттарей и 158-мъ Кутаисскимъ полкомъ, повернули въ безпорядкѣ назадъ. Два баталіона Кутаисцевъ съ полковникомъ Ѳаддѣевымъ, преслѣдуя по пятамъ бѣгущихъ ворвались въ укрѣпленіе Хафизъ-паша и заняли его. Полковникъ Ѳаддѣевъ первымъ вскочилъ на валъ; здѣсь былъ перебитъ почти весь захваченный гарнизонъ, взято въ плѣнъ 10 офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ, остальные заперлись въ казармѣ, ворота которой не было возможности разбить. Затѣмъ Кутаисцы сняли замки, прицѣлы и винты съ орудій и, зарывъ ихъ въ землю, благополучно отступили.

Жаль что наши резервы и блокирующіе отряды находились на далекомъ разстояніи, а то результаты могли бы быть другіе.

Сколько разъ ни случалось мнѣ бесѣдовать со строевыми офицерами о боѣ, они всѣ единогласно заявляютъ, что при современномъ способѣ войны разсыпнымъ строемъ необходимо въ день боя увеличить число патроновъ на людяхъ, а также имѣть непремѣнно позади цѣпи вьюки съ патронами.

Наши патронные ящики, по своей громоздкости и тяжести, не могутъ двигаться по пересѣченной мѣстности за цѣпью, а остаются далеко, иногда верстахъ въ пяти и болѣе за боевою линіей. Выпрягать же лошадей изъ патронныхъ ящиковъ и навьючивать ихъ патронами отниметъ много времени, да и патронные ящики, въ случаѣ отступленія, легко могутъ остаться безъ лошадей. При дѣйствіи разсыпнымъ строемъ на ровной мѣстности патронные ящики, представляя большую цѣль противнику, тоже не могутъ подъѣзжать близко. Эти выводы мы можемъ подтвердить фактами; такъ напримѣръ, подъ Зивиномъ, 13 іюня, Тифлисцы и Грузинцы болѣе часу оставались безъ патроновъ, находясь на близкій выстрѣлъ отъ непріятеля. 6 августа, подъ Большою Ягной, въ отрядѣ Комарова не хватило патроновъ при отступленіи. 20 сентября, Несвижскій гренадерскій полкъ не могъ удержать натиска противника лишь потому, что остался безъ патроновъ. 3 октября, подъ Авліаромъ, 1-й баталіонъ Эриванскаго полка, такъ молодецки удерживавшій семь турецкихъ баталіоновъ своею мѣткою стрѣльбой, остался въ критическую минуту боя безъ патроновъ. Всѣ эти факты краснорѣчиво говорятъ о непригодности нашихъ патронныхъ ящиковъ.

Опытами современной войны дознано, что часть, разъ введенная въ дѣло, должна въ немъ оставаться до конца битвы. Между тѣмъ огневой бой, начатый утромъ, теперь зачастую длится до ночи. На столь продолжительное время боя, какъ нашъ солдатъ ни берегъ патроны, у него ихъ далеко не хватитъ, тѣмъ болѣе, когда мы имѣемъ противниками Турокъ, обвѣшанныхъ патронами и большею частью укрытыхъ за траншеями, гдѣ у нихъ патроновъ вволю.

При наступательномъ образѣ дѣйствій у Турокъ за цѣпями слѣдуютъ вьюки и легкія двухколесныя арбы съ патронами.

На это весьма важное обстоятельство наше артиллерійское вѣдомство да обратитъ серіозное вниманіе, тѣмъ болѣе, что замѣна патронныхъ ящиковъ вьюками не должна повести за собою большихъ издержекъ.

На Кавказѣ есть покойное, трудолюбивое, выносливое и сильное животное, *катеръ* (мулъ, лошакъ). Онъ легко подымаетъ вьюкъ до 8 пудовъ. Два такіе вьюка совершенно обезпечили бы роту патронами.

Волховской.

Прибытіе Великаго Князя Главнокомандующаго съ Главною Квартирой подъ Плевну.

Корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника* въ письмѣ изъ Богота, отъ 13 октября, писалъ:

«9 октября, лица принадлежащія къ Главной Квартирѣ Великаго Князя Главнокомандующаго, стали покидать Горный Студень и отдѣльными партіями, а то и порознь, направлялись къ нашей Плевненской позиціи, куда въ этотъ же день выступилъ и обозъ Его Высочества. Ночлегъ обоза, при которомъ слѣдовали часть адъютантовъ и ординарцевъ Великаго Князя, комендантъ Главной Квартиры и нѣкоторыя другія лица, былъ назначенъ въ болгарской деревнѣ Лижанъ. Населеніе этой деревни уже нѣсколько лѣтъ какъ перешло въ римско-католическую вѣру, и потому здѣсь находится прекрасный костелъ съ высокою башней, одинъ видъ которой невольно наводитъ мысль на сравненіе костела съ мѣстными православными церквами: костельная башня гордо красуется на всю окрестность, еще издали заявляя себя каждому путнику; а православная церковка, безъ которой здѣсь нѣтъ почти ни одной деревни, стоитъ словно пришибленная къ землѣ и ровно ничѣмъ не отличается отъ любаго хлѣбнаго амбара. Рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтишь на такой церковкѣ даже маленькій крестикъ. А что за бѣдность внутри!... Глинобитый полъ, досчатый, тесаный иконостасъ, шерстяныя или ситцевыя ризы, мѣдная или оловянная чаша... Можно смѣло сказать и не ошибиться, что въ Россіи нѣтъ того бѣднѣйшаго села, гдѣ церковь не показалась бы благолѣпною и богатою въ сравненіи съ любою сельскою церковью въ Болгаріи.

«Итакъ, переночевавъ въ Лижанѣ, обозъ Главной Квартиры, подъ прикрытіемъ конвойнаго баталіона и дивизіона лейбъ-казаковъ, пришелъ въ сел. Порадимъ, причемъ лейбъ-казаки и нѣкоторыя лица остановились болѣе впереди, въ д. Сгалевичъ. 11 октября, часовъ въ десять утра, прибыли на позицію. Погода стояла прекрасная, небо было совершенно ясное, какъ бываетъ на сѣверѣ въ іюнѣ, хотя въ ночь и пришибъ порядочный морозецъ, покрывшій всю траву обильнымъ инеемъ. Впереди, направо и налѣво, изрѣдка гремѣли отдѣльные орудійные выстрѣлы на земляныхъ баттареяхъ, за которыми сѣрѣли линіи лагерей и биваковъ; костры тамъ и сямъ дымились; глухой смѣшанный гулъ людскаго говора стоялъ въ воздухѣ, и доносился скрипъ болгарскихъ колесъ. Бивакъ Главной Квартиры раскинулся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Великій Князь останавливался и въ послѣднюю свою поѣздку подъ Плевну. Мѣсто это находится на бывшей нашей центральной баттареѣ, съ которой двѣнадцать осадныхъ орудій въ августовскіе дни неумолкно громили турецкіе редуты. На баттареѣ уже кипѣла работа: нѣсколько десятковъ пѣхотныхъ солдатъ, подъ руководствомъ инженеръ-капитана Александропольскаго, копали землянки на 6 и 8 человѣкъ каждая; устанавливали по краямъ туры, насыпая ихъ по верху землей; на туры накладывались лиственные плетни, и все это съ верху и съ боковъ засыпалось тоже землей. Такимъ об-

разомъ, наскоро готовились помѣщенія для лицъ Главной Квартиры, а среди этихъ построекъ тѣ же солдаты, подъ руководствомъ казака-Киргиза, устанавливали двѣ войлочныя юрты для Великаго Князя и для начальника штаба Дѣйствующей Арміи. Позади Великокняжеской юрты копали довольно обширную столовую, рядомъ съ которою стояла карета подвижнаго телеграфа, а нѣсколько ниже расположилась на открытомъ воздухѣ походная кухня. Юрта Его Высочества довольно удобна, если вообще понятіе объ удобствѣ можетъ быть сколько-нибудь примѣнимо къ осеннему бивачному существованію. Здѣсь главное удобство въ осеннюю пору заключается въ погодѣ: сухо—значитъ удобно, а въ ненастье—такъ отвратительно, что и словъ нѣтъ для выраженія. Кромѣ того, въ послѣднее время въ Горномъ Студнѣ одолѣвали еще змѣи изъ породы виперъ и мѣдяницъ. Дня не проходило безъ того чтобъ ихъ не убивали по нѣскольку штукъ на бивакѣ и въ селеніи; эти гадины не только забирались въ хаты и палатки, но иногда заползали даже въ постели, прячась отъ вечерняго холода подъ байковыя одѣяла.

«Внутри юрты Великаго Князя поставили небольшую палатку и складную желѣзную печку; въ палаткѣ постлали войлочный коверъ, на которомъ раскинули желѣзную кровать, складной столикъ и два складные же табурета. На этомъ столикѣ у Его Высочества всегда помѣщаются походный образный складень и письменныя принадлежности.

«Лѣвѣе бывшей центральной баттареи расположился конвойный баталіонъ, а еще лѣвѣе, по ту сторону проселочной дороги, ведущей въ дер. Радишево, стали лейбъ-казаки, составивъ пирамидами свои красныя пики. Вправо отъ баттареи, въ нѣсколькихъ шагахъ бѣлѣютъ палатки артиллерійскаго осаднаго управленія, гдѣ временно расположился начальникъ артиллеріи Дѣйствующей, Арміи князь Масальскій со своимъ штабомъ, и гдѣ постоянно живетъ генералъ-маіоръ Моллеръ, завѣдующій осадною артиллеріи подъ Плевной.

«Часовъ около трехъ пополудни на баттарею пріѣхалъ принцъ Арнульфъ Баварскій со своимъ адъютантомъ, препровожденный сюда флигель-адъютантомъ, ротмистромъ барономъ Унгернъ-фонъ-Штернбергомъ. Принцъ Арнульфъ—молодой человѣкъ, круглолицый блондинъ, росту немного выше средняго, плотнаго сложенія, явно показывающаго въ немъ хорошо развитую физическую силу. Онъ носитъ постоянно свѣтло-голубой драгунскій мундиръ съ серебряными петлицами на красномъ воротникѣ и можетъ неутомимо проводить по нѣскольку часовъ сряду на конѣ; очень любитъ военное дѣло и при каждомъ боевомъ случаѣ стремится постоянно быть впереди со стрѣлковою цѣпью. За отсутствіемъ Главнокомандующаго, начальника штаба и походнаго гофмаршала Его Высочества, молодой принцъ былъ принятъ комендантомъ Главной Квартиры, генералъ маіоромъ Штейномъ, какъ временно-старшимъ лицомъ въ данномъ районѣ позиціи, Въ исходѣ пятаго часа, далеко позади Великокняжескаго бивака, послышались привѣтственные крики, которые съ каждой минутой раздавались все ближе и ближе. Это Великій Князь съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ приближался къ позиціи, слѣдуя мимо линій парковъ, обозовъ и резервовъ. Вскоре

показалась открытая коляска Его Высочества, которая, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лейбъ-казаковъ съ пиками на перевѣсъ, па быстрой рыси перерѣзывала лощину, приближаясь къ бывшей осадной батареѣ. Казаки, конвойные пѣхотинцы и всѣ лица Главной Квартиры высыпали на линію противъ своихъ биваковъ для встрѣчи Его Высочества. Поздоровавшись со всѣми и мелькомъ осмотрѣвъ бивачное мѣсто и свою юрту, Великій Князь прошелъ впередъ и сѣлъ на брустверѣ осадной батареи. Вся свита нѣсколькими группами окружила здѣсь Его Высочество. Съ этого пункта очень ясно виднѣлись на противолежащей высотѣ турецкіе ложементы и одинъ изъ центральныхъ редутовъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *нумера перваго.* Онъ лежитъ какъ разъ противъ одной изъ нашихъ баттарей, продвинувшейся съ прежняго мѣста впередъ на 800 саженъ, такъ что теперь разстояніе между ними равняется лишь 1.300 саженямъ. Здѣсь же на брустверѣ, рядомъ со свитой, появился вдругъ какой-то Англичанинъ въ пробковомъ шлемѣ и статскомъ пальто гороховаго цвѣта. Говорятъ, что онъ членъ парламента, пользующійся вакаціоннымъ временемъ для составленія корреспонденцій «съ мѣста военныхъ дѣйствій» въ одну изъ большихъ лондонскихъ газетъ (*Times*); другіе увѣряютъ что онъ просто любитель, а третьи что онъ другъ Россіи. Пускай все оно такъ, но нельзя не замѣтить что этотъ «другъ Россіи» ведетъ себя нѣсколько эксцентрично: сидитъ, напримѣръ, въ присутствіи Великаго Князя, въ то время, когда стоятъ всѣ, не исключая даже и Его Высочества; за обѣдомъ встаетъ когда ему вздумается изъ-за стола, гдѣ сидитъ Великій Князь, а въ этотъ день обратился даже къ одному незнакомому офицеру съ предложеніемъ натянуть на него въ рукава гороховое пальто: офицеръ окинулъ его съ ногъ до головы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ, улыбнулся, слегка пожалъ плечами и безпрекословно помогъ надѣть пальто. Конечно, болѣе ничего и не оставалось сдѣлать. Англичанинъ въ отвѣтъ слегка приложился рукой къ своему пробковому шлему.

«Надо сказать, что съ того времени, какъ генералъ Тотлебенъ взялъ на себя руководство осадой Плевны, мы каждое утро, ровно въ пять часовъ, посылаемъ туркамъ привѣтствіе сосредоточеннымъ залпомъ изъ девяноста осадныхъ и дальнобойныхъ орудій, выбирая для этого каждый разъ какой-нибудь изъ редутовъ, но всегда такъ, что турки никакъ не могутъ разчитать заранѣе, куда именно будемъ мы въ такой-то день направлять наши залпы. Точно такое же прощальное привѣтствіе посылается имъ и вечеромъ, между пятью и шестью часами, послѣ чего до пяти часовъ утра слѣдующаго дня съ баттарей раздаются лишь одиночные и довольно рѣдкіе выстрѣлы, съ цѣлью мѣшать противнику исправлять поврежденія въ его редутахъ.

«Великій Князь, сидя на брустверѣ, дожидался «прощальнаго» залпа, который, какъ говорили, долженъ былъ раздаться черезъ двѣ минуты. На протяженіи всей нашей позиціи, въ эти приготовительныя мгновенія, царствовала мертвая тишина. Замолкли даже звуки рожковъ и барабановъ, подъ музыку которыхъ гдѣ-то назади дѣлалось какой-то части «ученье». Впереди все болѣе и болѣе тускнѣла противолежащая возвышенность, принимая сиповато-сѣрый ко-

лорить и все рѣзче выдѣляясь своими темными очерками на фонѣ яснаго неба, окрашеннаго пурпуромъ заката. Видны были на ней и редутъ, и ложементы; но все это какъ-то стушевывалось и на первый взглядъ вовсе не напоминало собою чего-либо воинственнаго, смертоноснаго; напротивъ, грозная возвышенность казалась совершенно смирнымъ холмомъ и какъ нельзя болѣе гармонировала съ этимъ тихимъ вечеромъ и яснымъ закатомъ. И вотъ, вправо отъ насъ, съ ближайшей баттареи разомъ сверкнуло нѣсколько молній, разомъ выкатилось кверху нѣсколько громадныхъ клубовъ лиловатаго дыма, и черезъ двѣ-три секунды вдругъ раздался потрясающій грохотъ. Въ то же мгновеніе подобный грохотъ повторился впереди на новой нашей центральной баттареѣ, затѣмъ лѣвѣе ея на слѣдующей, а тамъ еще лѣвѣе, и—вотъ вся наша линія отъ праваго до лѣваго фланга, на полукружномъ протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, загремѣла на одно мгновеніе такъ что земля задрожала и словно глухой стонъ дала. Весь воздухъ наполнился роковымъ, зловѣщимъ шипѣніемъ, и вслѣдъ затѣмъ на противолежащей высотѣ, въ редутѣ № 1-го, поднялись исполинскіе букеты дымовъ и фонтаны девяноста гранатныхъ взрывовъ. Можно вообразить каково это тамъ, въ редутѣ, пережить минуту подобнаго ада!.. Большинство снарядовъ легло чрезвычайно удачно: они попопались въ редутѣ и въ ближайшихъ къ нему ложементахъ. На одномъ изъ послѣднихъ видиѣлась группа стоящихъ людей—человѣкъ въ двадцать. Снарядъ упалъ какъ разъ въ эту самую кучку —и въ одно мгновеніе она вся исчезла... Но первое, что обратило на себя общее вниманіе непосредственно вслѣдъ за залпомъ—это гороховый Англичанинъ, который, сидя за брустверомъ, хлопалъ въ ладоши и цѣдилъ сквозь зубы: «*Oh, bravo, bravo, bravo*!..» Минуты двѣ ждали мы со стороны турокъ отвѣта—отвѣта не послѣдовало. Вообще, съ 1-го сентября турки почти совсѣмъ не отвѣчаютъ ни на наши одиночные выстрѣлы, ни даже на самые ужасные залпы. Одни предполагаютъ, что имъ отвѣчать уже нечѣмъ, другіе же думаютъ что они сберегаютъ снаряды для дѣйствительно критической минуты. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе.

«Великій Князь сошелъ съ бруствера и отправился обѣдать. Небольшой продолговатый столъ былъ по обыкновенію скромно сервированъ на открытомъ воздухѣ. За недостаткомъ мѣста, обѣдали въ двѣ смѣны. Въ концѣ обѣда пріѣхалъ изъ Порадима генералъ Тотлебенъ, въ сопровожденіи небольшой свиты, и тотчасъ же удалился вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ въ юрту для совѣщаній. Между лицами той и другой свиты шепотомъ и довольно смутно передавался слухъ, что кажись на завтра что-то такое готовится. Что? гдѣ? когда именно? въ которомъ часу?—никому не было извѣстно, но общее убѣжденіе составилось такое что будетъ что-то, и скоро, и непремѣнно...

«Всѣ разошлись—кто по землянкамъ, кто по телѣгамъ и фургонамъ, кто по наскоро поставленнымъ палаткамъ. Всѣ предполагали что на этой позиціи придется провести по крайней мѣрѣ нѣсколько сутокъ, но около девяти часовъ вечера было сообщено что лейбъ-казачій конвой снимается съ бивака въ три часа ночи и идетъ въ деревню Каракіой, гдѣ ожидаютъ прибытія Великаго Князя

Главнокомандующаго, долженствующаго выѣхать туда же въ шесть часовъ утра; лицамъ Главной Квартиры было предоставлено отправиться вмѣстѣ съ лейбъ-казаками. На утро ожидался бой—и бой горячій—гдѣ-то въ тылу Плевны, за Видомъ. Гдѣ именно—у одного ли изъ Дубняковъ? или у Телиша?—объ этомъ не было еще извѣстно. Знали только что за Видомъ».

Общій обзоръ военныхъ дѣйствій.

Отъ 10 по 16 октября.

Приводимъ изъ *Русскаго Инвалида* слѣдующій обзоръ военныхъ дѣйствій съ 10 по 16 октября:

Среди извѣстій о послѣднихъ военныхъ успѣхахъ нашихъ войскъ на обоихъ театрахъ войны, телеграфъ принесъ намъ печальную вѣсть, что одинъ изъ членовъ Русской Царственной Семьи заплатилъ своею жизнью за участіе въ великомъ дѣлѣ, которому призвана теперь служить наша славная армія. 12 октября, во время одной изъ рекогносцировокъ на лѣвомъ флангѣ отряда Государя Наслѣдника Цесаревича, убитъ пулей въ голову Его Императорское Высочество Князь Сергій Максимиліановичъ Романовскій.

Положеніе дѣлъ подъ Плевной начинаетъ, повидимому, принимать болѣе рѣшительный характеръ, приближающій насъ къ развязкѣ на этомъ участкѣ европейскаго театра войны. Веденіе траншейныхъ подступовъ къ Плевненскимъ передовымъ укрѣпленіямъ съ восточной стороны дѣятельно подвигается впередъ, и часть румынскихъ войскъ, составляющихъ правый флангъ общаго расположенія нашего западнаго отряда, пыталась даже завладѣть штурмомъ Буковскимъ редутомъ, до котораго доведена уже четвертая параллель. Атака эта, два раза повторенная 7 октября, не удалась, несмотря на мужество нашихъ союзниковъ: страшный ружейный огонь Турокъ съ близкой дистанціи и необычайныя трудности въ овладѣніи укрѣпленіемъ весьма сильныхъ размѣровъ заставили Румынъ отступить, съ потерей свыше 900 чел., выбывшихъ изъ строя.

Одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха нашихъ дѣйствій противъ Плевны—полное блокированіе турецкой арміи, пресѣченіе подвоза къ ней продовольствія и боевыхъ припасовъ, а также возможности пополненія ея убыли въ людяхъ,—не могло быть до сихъ поръ достигнуто съ помощью одинхъ кавалерійскихъ отрядовъ, высланныхъ на лѣвую сторону р. Вида, въ тылъ сообщеній Османъ-паши. Сознавая какую цѣну имѣетъ для Плевненской арміи своевременная доставка необходимыхъ предметовъ довольствія, Турки сопровождали всегда свои транспорты подъ прикрытіемъ значительныхъ отрядовъ, преимущественно изъ пѣхоты и артиллеріи, состязаться съ которыми было весьма трудно нашей кавалеріи. Такъ, еще въ концѣ сентября, въ ночь съ 23 на 24 число, турецкая колонна изъ 4.000 чел. пѣхоты, съ пятью орудіями и нѣсколькими сотнями Черкесовъ, атаковала наблюдательный кавалерійскій отрядъ полковника Левиза у дер. Радомирце, на Софійскомъ шоссе. Атака произведена была одновременно

со стороны Плевны и Софіи, и хотя кавалерія наша, сражаясь въ пѣшемъ строю на два фронта, успѣла отбиться отъ превосходныхъ силъ непріятеля, но къ утру должна была отступить на сѣверъ, вдоль р. Искра. Такимъ образомъ, путь сообщенія между Орханіевскимъ и Плевненскимъ укрѣпленными лагерями оставался болѣе или менѣе свободнымъ для Турокъ, и, для полнаго обезпеченія тыла арміи Османъ-паши, они устроили сильно укрѣпленую позицію, верстахъ въ 17-ти къ юго-западу отъ Плевны, между Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ; судя же по иностраннымъ извѣстіямъ и на всемъ протяженіи Плевно-Софійскаго шоссе Турки возвели цѣлый рядъ оборонительныхъ пунктовъ, оставивъ въ нихъ необходимые гарнизоны.

Съ прибытіемъ нашихъ подкрѣпленій на болгарскій театръ войны явилась возможность принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ уединенію турецкой арміи Османъ-паши въ Плевнѣ, и, по послѣднему извѣстію, цѣль эта достигнута съ блестящимъ успѣхомъ. 12 октября, отрядъ генералъ-адъютанта Гурко, въ составъ котораго вошла и часть гвардіи, аттаковалъ упомянутую турецкую позицію между Дубнякомъ и Телишемъ и, послѣ ожесточеннаго десятичасоваго боя, овладѣлъ ею, утвердившись на Софійской дорогѣ. Пораженіе турокъ должно было быть полное, такъ какъ, кромѣ значительныхъ потерь убитыми и ранеными, они лишились плѣнными: до 3,000 человѣкъ пѣхоты, цѣлаго кавалерійскаго полка, до 80 офицеровъ и въ томъ числѣ Ахмедъ-Евзи (Хивзи?) паши съ его начальникомъ штаба; нами взяты также два знамени, четыре орудія, много оружія и патроновъ. Другихъ подробностей объ этомъ дѣлѣ еще нѣтъ. Потери наши весьма чувствительны и простираются до 2,500 человѣкъ; но онѣ окупаются важнымъ стратегическимъ значеніемъ успѣха, если имъ вполнѣ достигнута цѣль боя—совершенное обложеніе турецкой арміи и безповоротное уничтоженіе ея сообщеній съ Софіей.

Со времени назначенія Сулейманъ-паши Главнокомандующимъ турецкою Дунайскою арміей, на линіи рѣки Лома не произошло до сихъ поръ никакихъ крупныхъ военныхъ событій; соприкосновеніе обоихъ противниковъ проявлялось лишь въ рекогносцировкахъ и незначительныхъ стычкахъ между передовыми частями. Въ одной изъ такихъ рекогносцировокъ и палъ, сраженный турецкою пулей, Князь Сергій Максимиліановичъ. О наступательныхъ планахъ Сулейманапаши противъ лѣваго фланга отряда Наслѣдника Цесаревича теперь уже не слышно, а напротивъ иностранныя извѣстія сводятся къ тому что турецкій главнокомандующій, въ виду трудностей снабженія своей арміи на ея позиціяхъ по Лому и холоднаго времени года, рѣшилъ отвести главную часть своихъ силъ къ Разграду, оставивъ противъ нашего фронта расположенія одни лишь самостоятельные авангарды.

Въ Балканахъ господствуетъ также относительное затишье, и ничто не указываетъ на намѣреніе турокъ приняться снова за ихъ безплодныя аттаки на Шипку. Скорѣе можно допустить, что цѣль Реуфъ-паши есть лишь удержаніе выходовъ изъ проходовъ и тревожить, по временамъ, наши позиціи мелкими нападеніями. Одно изъ нихъ было предпринято 5 октября, двумя турецкими ро-

тами и баши-бузуками на передовые посты наши у Ханкіоя, но было отбито съ ничтожною для насъ потерей.

Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашего Нижне-Дунайскаго отряда упоминаютъ лишь о двухъ удачныхъ поискахъ казаковъ, изъ которыхъ въ одномъ захваченъ былъ турецкій продовольственный транспортъ на Черноводо-Силистрійской дорогѣ, а въ другомъ—разсѣяны два эскадрона непріятельской регулярной кавалеріи. Подъ Силистріей турки опять приступили къ прежней своей демонстраціи съ постройкой моста черезъ Дунай, которая вѣроятно будетъ имѣть такую же участь какъ и первая ихъ попытка.

Взятіе укрѣпленной позиціи у Горнаго Дубняка *).

Планъ аттаки укрѣпленныхъ позицій Горнаго Дубняка и расположеніе мѣстности и ея укрѣплеиій.—А) Аттака укрѣпленной позиціи у Горнаго Дубняка.—Б) Дѣйствія подъ Телишемъ.—Любопытныя эпизоды при взятіи этой позиціи.

Выходъ гвардейскаго корпуса на Софійское шоссе назначенъ былъ 12 октября, одновременно съ занятіемъ Рыжей Горы отрядомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го. Горный Дубнякъ былъ выбранъ пунктомъ выхода, потому что мѣстность возлѣ этой деревни представляла наиболѣе выгодныя тактическія условія и лежала ближе всего къ коммуникаціонной линіи корпуса. Позиція турокъ у Горнаго Дубняка была сильно укрѣплена и составляла одно изъ звеньевъ длинной цѣпи укрѣпленныхъ пунктовъ, защищавшихъ коммуникаціонную линію Плевненской арміи.

Предварительныя рекогносцировки выяснили слѣдующее: на самомъ возвышенномъ мѣстѣ позиціи турки построили довольно обширный редутъ съ высокимъ кавальеромъ внутри. Къ востоку отъ этого редута они возвели другой. Оба редута были окружены цѣлымъ рядомъ передовыхъ ложементовъ, вынесенныхъ довольно далеко впередъ. Къ сѣверу отъ укрѣпленій мѣстность совершенно ровная, открытая и понижающаяся едва замѣтнымъ склономъ къ сторонѣ Дольняго Дубняка. Къ востоку мѣстность тоже понижается легкимъ склономъ и вся заросла молодымъ, очень густымъ лѣсомъ; между его опушкой и восточнымъ редутомъ около 200 саженъ. Къ югу и западу позиція турецкая спадаетъ крутымъ склономъ въ узкую лощину, не болѣе 250 шаговъ шириной. Въ разстояніи саженъ около 800 отъ восточнаго редута, по направленію къ Чиркову, въ лѣску находится довольно обширная поляна, которую турки тоже укрѣпили.

Эти результаты предварительныхъ рекогносцировокъ ясно свидѣтельствовали, что турки придавали позиціи у Горнаго Дубняка весьма большое значеніе и готовили на ней упорное сопротивленіе. Въ послѣдствіи оказалось что здѣсь находился дивизіонный генералъ Ахмедъ-Хивзи-паша, командовавшій войсками въ обоихъ Дубнякахъ и въ Телишѣ.

*) Изъ донесенія генерала Гурко и корреспонденціи.

Но кромѣ сопротивленія, котораго слѣдовало ожидать на самый позиціи, операція выхода гвардейскаго корпуса на Софійское шоссе усложнялась еще тѣмъ, что въ весьма близкомъ разстояніи отъ Горнаго Дубняка, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ при Телишѣ и Дольнемъ Дубнякѣ, были другіе турецкіе отряды, которые могли подать руку помощи горно-дубнякскому гарнизону. Хотя въ вышеупомянутыхъ пунктахъ отряды были и не столь многочислены, но въ весьма близкомъ разстояніи за ними были: съ одной стороны вся армія Османа, а съ другой стороны къ югу отъ Телиша собиралась армія Шефкетъ-паши, силы котораго опредѣлялись около 25 баталіоновъ.

Подобная обстановка дѣлала необходимымъ выставленіе въ обѣ стороны болѣе или менѣе сильныхъ заслоновъ и быстрое веденіе аттаки Горно-Дубнякской позиціи.

Въ виду этого, планъ аттаки былъ слѣдующій: для непосредственной аттаки позиціи я назначилъ 16 баталіоновъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, четыре баталіона гвардейской стрѣлковой бригады, 40 орудій 2-й гвардейской артиллерійской бригады и восемь орудій лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя и четыре сотни Донскаго № 4-го полка; всего же 20 баталіоновъ, шесть эскадроновъ и сотенъ и 48 орудій. Войска эти должны были окружить позицію съ трехъ сторонъ и вести аттаку съ сѣверной, восточной и южной сторонъ. Для того же, чтобы гарнизонъ не могъ никуда уйти, съ западной стороны позиціи была двинута Кавказская казачья бригада съ двумя румынскими кавалерійскими полками калараши и съ шестью конными орудіями.

Для заслона со стороны Дольняго Дубняка предназначались 12 баталіоновъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 32 орудіями лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя и одна сотня Донскаго № 4-го полка. Сверхъ того, для заслона съ этой стороны предназначалась и 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ двумя конными баттареями. Всего въ сторонѣ Дольняго Дубняка, а слѣдовательно и къ сторонѣ Плевны—12 баталіоновъ, 11 эскадроновъ и 44 оружія.

Для заслона съ южной стороны неназначено было четыре баталіона лейбъ-гвардіи Егерскаго полка съ восемью орудіями лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады; 1-ю и 2-ю бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ 12-ю конными орудіями и одну сотню Донскаго № 4-го полка. Всего: четыре баталіона, 16 эскадроновъ и 20 орудій.

Сверхъ того, такъ, какъ со стороны Плевны предстояла довольно большая опасность, то я произведена была противъ Дольняго Дубняка большая кавалерій демострація, съ цѣлью удержать на мѣстѣ гарнизонъ этого укрѣпленнаго пункта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ ваше высокопревосходительство произвести бомбардировку Плевны со всѣхъ осадныхъ баттарей съ цѣлью удержать въ Плевнѣ всю армію Османъ-паши.

Въ кавалерійской демонстраціи противъ Дольняго Дубняка принимали участіе въ эскадрона, три конныя орудія и семя баталіоновъ румынской пѣхоты.

Послѣ взятія позиціи у Горняго Дубняка, я говорилъ ген. Гурко въ своемъ донесеніи г. Тотлебену, предполагалъ немедленно приступить къ укрѣпленію позиціи фронтомъ къ Плевнѣ войсками 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подъ прикрытіемъ войскъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Вслѣдствіе этого, ко 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи былъ приданъ лейбъ гвардіи саперный баталіонъ.

Такимъ образомъ, выходъ гвардейскаго корпуса на Софійское шоссе сопровождался цѣлымъ рядомъ дѣйствій, начиная отъ Телиша и кончая Плевной.

Чтобы нагляднѣе представить это дѣло, позволю себѣ еще разъ напомнить вамъ о расположеніи турецкихъ укрѣпленій у Горняго Дубняка. Если вы станете на Софійскомъ шоссе обратясь спиной къ Плевнѣ и Дольнему Дубнику, а лицомъ—къ югу, то близъ селенія Горній Дубникъ вы замѣтите значительную возвышенность, холмъ, ставшій вамъ поперекъ дороги. Шоссе проходитъ почти посрединѣ этого холма, ближе къ лѣвому его склону. Взобравшись по шоссе на холмъ, на самую возвышенную точку шоссе, и сохраняя прежнее положеніе —спиной къ Плевнѣ, вы увидите что справа отъ васъ вершина холма поднимается еще выше, что тутъ, справа отъ васъ,—самая высокая точка холма. Тутъ же, на этомъ высочайшемъ мѣстѣ холма, расположенъ большихъ размѣровъ турецкій редутъ, обнесенный глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Это тотъ самый знаменитый редутъ, который составлялъ предметъ десятичасоваго боя 12 октября и былъ объектомъ непрерывно повторявшихся въ теченіе дня штурмовъ. Доступъ къ этому редуту со всѣхъ сторонъ—крутой и вмѣстѣ съ тѣмъ открытый, такъ какъ вся возвышенность совсѣмъ голая, безъ деревьевъ или кустарника. Слѣва отъ васъ (и это самая интересная для настоящаго письма сторона холма) вершина холма понижается и отлого спускается въ лощину На этой отлогой сторонѣ холма расположенъ другой турецкій редутъ, меньшихъ размѣровъ, съ менѣе глубокимъ рвомъ и менѣе высокимъ валомъ. Такимъ образомъ шоссе проходитъ по вершинѣ холма между обоими турецкими редутами и ближе къ меньшимъ размѣрамъ лѣвому редуту. Около самаго шоссе отъ васъ близъ большаго турецкаго, стоитъ маленькій домикъ, съ черепичною крышей, окрашенный бѣлою краской; это родъ караулки, служившей туркамъ мѣстомъ для склада провіантскихъ запасовъ; между этою караулкой и большимъ редутомъ есть еще нѣсколько разбросанныхъ тамъ и самъ предметовъ: стогъ соломы, нѣсколько турецкихъ палатокъ, пять-шесть шалашей, построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей и соломы. Эти предметы: караулка, стогъ соломы и шалаши, играли между прочимъ огромную роль при штурмѣ главнаго редута.

Итакъ, описанный холмъ съ двумя редутами на немъ и съ шоссе проходящимъ между редутами — таковъ общій видъ главныхъ укрѣпленій турокъ близъ селенія Горній Дубникъ. Но чтобы сдѣлать понятнѣе штурмъ, произведенный Гренадерскимъ полкомъ, необходимо прибавить еще нѣсколько замѣчаній о мѣстности, окружающей непріятельскій холмъ. Сохраняя прежнее положеніе, то-есть продолжая стоять спиной къ Плевнѣ, на шоссе, на вершинѣ холма и между турецкими редутами, обратите главное ваше вниманіе на лѣвую вашу сторону, такъ какъ съ этой стороны шли на атаку гренадеры. Лѣвая сторона холма,

какъ я замѣтилъ выше, отлого спускается въ лощину: на отлогости расположенъ редутъ меньшихъ размѣровъ; въ лощинѣ виднѣются первыя группы невысокаго кустарника; лощина переходитъ далѣе въ новую возвышенность или большой холмъ, идущій параллельно шоссе. Этотъ холмъ поросъ дубовымъ кустарникомъ въ перемѣшку съ лѣсомъ, мѣстами довольно густымъ. Съ этого-то холма долженъ былъ идти Гренадерскій полкъ на атаку турецкихъ укрѣпленій, въ то время какъ съ другихъ сторонъ наступали въ свою очередь другіе полки. Гренадерскому полку предстояло спуститься съ вершины холма черезъ кустарники въ лощину; изъ лощины кинуться на приступъ малаго турецкаго редута и, овладѣвъ, имъ идти далѣе черезъ шоссе на штурмъ главнаго укрѣпленія или большаго редута.

А) Атака укрѣпленной позиціи у Горняго Дубняка.

Войска, назначенныя для атаки позиціи у Горняго Дубняка, были раздѣлены на три колонны: въ теченіе ночи они переведены черезъ р. Видъ и размѣщены слудующимъ образомъ:

Правая колонна, свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса 1-го, состоявшая изъ гвардейской стрѣлковой бригады, 6-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, 6-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, двухъ эскадроновъ. Собственнаго Его Величества конвоя и одной сотни Донскаго № 4-го полка (всего четыре баталіона, три эскадрона и сотенъ и 16 орудій), была поставлена на дорогѣ изъ Чирикова въ Крушевицу, въ двухъ верстахъ отъ Чирикова.

Средняя колонна, свиты Его Величества генералъ-маіора барона Зедделера, состоявшая изъ 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, 1-й и 2-й батарей лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады и одной сотни Донскаго № 4-го полка (всего восемь баталіоновъ, одна сотня и 16 орудій), тоже въ теченіе ночи была переведена на лѣвый берегъ Вида и поставлена недалеко отъ дороги изъ Чирикова въ Чумаковцы, въ разстояніи около полуверсты отъ Чирикова.

Лѣвая колонна, свиты Его Величества генералъ-маіора Розенбаха, состоявшая изъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 4-й и 5-й батарей лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады (восемь баталіоновъ и 16 орудій), въ пятомъ часу пополуночи, пройдя р. Видъ, расположилась около $2^1/_2$ верстъ отъ нея въ называемой Свинарской балкѣ.

Отдѣльный кавалерійскій отрядъ полковника Черевина, состоявшій изъ 12-ти сотенъ Кубанскаго и Владикавказскаго полковъ и двухъ полковъ каларашей, при шести конныхъ орудіяхъ, собрался въ теченіе ночи къ д. Абаскіой.

Всѣ эти колонны выступили изъ мѣстъ своего предварительнаго расположенія въ $6^1/_4$ часовъ утра, за исключеніемъ средней, двинувшейся получасомъ позже, такъ какъ ей предстоялъ самый кратчайшій путь. Правая и лѣвая колонны нѣсколько опоздали въ своемъ движеніи и подошли къ позиціи у Гор-

няго Дубняка почти получасомъ позже средней колонны, завязавшей дѣло съ непріятелемъ около $8^1/_2$ часовъ утра.

Расположеніе войскъ въ средней колоннѣ было слѣдующее: въ центрѣ двѣ батареи, налѣво отъ нихъ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, имѣвшій 4-й баталіонъ въ первой линіи, а 3-й и 2-й баталіоны—во второй; лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, вправо отъ батареи, въ такомъ же порядкѣ; наконецъ, въ резервѣ—1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ.

Около $8^1/_2$ часовъ утра обѣ батареи средней колонны заняли позицію на полянѣ, о которой уже упоминалось выше, и открыли весьма удачную стрѣльбу по непріятельской позиціи, съ разстоянія около 800 саж. Въ это время лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, шедшій густымъ лѣсомъ, принялъ нѣсколько влѣво и, отойдя отъ первоначально даннаго ему направленія, зашелъ въ расположеніе лѣвой колонны. Вслѣдствіе этого, свиты Его Величества генералъ-маіоръ баронъ Зеддлеръ приказалъ ему вернуться назадъ и, принявъ вправо, приблизиться къ батареѣ, а для заполненія промежутка, образовавшагося между полкомъ и батареей, вдвинулъ изъ резерва 1-й баталіонъ лейбъ-гренадеръ.

Командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, исполняя данное ему приказаніе, отвелъ свой полкъ нѣсколько назадъ, и затѣмъ войдя въ лѣсъ вышелъ на опушку, обращенную къ восточному редуту. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ оставался все время немного впереди и вправо отъ батареи Въ это время подошли правая и лѣвая колонны и начали обстрѣливать непріятельскую позицію. Вслѣдъ затѣмъ подошла и колона флигель-адъютанта полковника Черевина, которая открыла огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ съ четвертой стороны. Такимъ образомъ, около $9^1/_2$ часовъ утра вокругъ непріятельской позиціи образовалось кольцо артиллерійскаго огня, причемъ концентрическая стрѣльба 54 орудій наносила непріятелю страшный уронъ.

Въ началѣ 11 часа утра флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій воглавѣ своего полка двинулся на штурмъ восточнаго редута. Турки встрѣтили атаку самымъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ какъ изъ восточнаго редута, такъ и изъ главнаго. Но несмотря на этотъ губительный огонь, лейбъ-гренадеры стремительно бросились впередъ и пробѣжавъ пространство отдѣлявшее ихъ отъ редута съ криками *ура* ворвались въ него. Турки не выдержали удара и бросились въ главное укрѣпленіе. Лейбъ-гренадеры хотѣли было преслѣдовать, чтобы по пятамъ ихъ ворваться въ главный редутъ, но изъ него послѣдовалъ такой губительный огонь что они не могли идти впередъ и остановились во взятомъ редутѣ.

Желая поддержать атаку лейбъ-гренадеръ, генералъ-маіоръ баронъ Зеддлеръ двинулъ впередъ обѣ батареи по-эшелонно, а также и лейбъ-гвардіи Московскій полкъ. 1-я батарея лихо вынеслась впередъ на дистанцію менѣе 400 саж. отъ главнаго редута, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; но она не могла долго оставаться на этой позиціи и, сдѣлавъ нѣсколько очередей, вернулась на первоначальную. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ подошелъ на одну высоту съ лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ и залегъ за укрѣпленіями вправо отъ восточнаго редута.

Въ этотъ періодъ боя были ранены: генералъ маіоръ баронъ Зеддлеръ и флигель адъютанты, полковники: Любовицкій и Скалонъ. Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій на восточной фасѣ было очищеніе непріятелемъ всѣхъ линій передовыхъ укрѣпленій и отступленіе его въ главный центральный редугъ.

Пока все это происходило въ средней колоннѣ, правая начавъ свое движеніе ровно въ $6^1/_4$ часовъ утра, двинулась па шоссе въ промежутокъ между Горнимъ и Дольнимъ Дубняками. Кубанскіе эскадроны Собственнаго Его Величества конвоя, шедшіе въ головѣ колонны, очистили всю мѣстность отъ черкесовъ и занявъ шоссе испортили телеграфную линію. Когда пѣхота правой колонны начала подходить по шоссе, она была встрѣчена артиллерійскимъ огнемъ изъ укрѣпленій Дольняго Дубняка. Оставивъ временно лейбъ-гвардіи 2-й стрѣлковый батальонъ въ видѣ заслона противъ Дольняго Дубняка, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ 1-й завелъ свою бригаду правымъ плечомъ впередъ и, вызвавъ на шоссе обѣ баттареи, построилъ боевой порядокъ. На правомъ флангѣ шелъ баталіонъ Императорской фамиліи, на лѣвомъ лейбъ-гвардіи Финскій, а баталіонъ Его Величества въ резервѣ.

Подойдя на разстояніе около 850 саж. къ главному редуту, обѣ баттареи снялись съ передкомъ и открыли огонь по центральному редуту; стрѣлковые же баталіоны двинулись впередъ. Такъ какъ въ это время, вслѣдствіе дѣйствій лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, линія передовыхъ укрѣпленій была уже очищена Турками, то оба стрѣлковые баталіона заняли ихъ и залегши за оставленными ложементами открыли огонь съ разстояній отъ 750 до 900 шаговъ. Такъ какъ линія передовыхъ турецкихъ укрѣпленій съ того мѣста откуда стрѣляли баттареи сливалась съ линіей главнаго редута и трудно было слѣдить за мѣстами разрывовъ нашихъ снарядовъ, вслѣдствіе чего являлась опасность, по ошибкѣ, поражать своихъ же, то велѣно было обѣимъ баттареямъ подъѣхать поближе къ укрѣпленіямъ. Несмотря на самый убійственный огонь, баттареи подъѣхали почти къ самой линіи передовыхъ турецкихъ укрѣпленій и начали стрѣлять съ дистанціи около 400 саженъ.

Такъ какъ до сихъ поръ въ дѣло были введены только два баталіона а остальные два держались въ резервѣ, въ видѣ заслона отъ Дольняго Дубняка, то, желая усилить боевую линію, я послалъ приказаніе 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи стать на шоссе фронтомъ къ Дольнему Дубняку, а обоимъ стрѣлковымъ баталіонамъ (1-му и 2-му) идти впередъ на усиленіе боевой линіи. Сдѣлавъ это распоряженіе, я самъ подъѣхалъ къ передовымъ турецкимъ ложементамъ чтобы съ болѣе близкаго разстоянія осмотрѣть главный турецкій редутъ и общее положеніе дѣлъ.

Здѣсь, около 12 часовъ дня, я получилъ донесеніе объ отбитой аттакѣ колонны генерала Розенбаха и о ранахъ полученныхъ генералами: барономъ Зедделеромъ и Розенбахомъ. Тутъ же я увидѣлъ тѣ трудности, которыя предстояло превозмочь средней колоннѣ.

Вправо отъ того мѣста гдѣ я находился отдѣлялась лощина впадавшая въ долину, на днѣ которой находилось селеніе Горній Дубнякъ. Всѣ три стрѣлко-

вые баталіона шедшіе вправо отъ баттареи, ища укрытія отъ свинцоваго дождя турецкихъ пуль, принимали этою лощиной вправо и, выйдя въ долину, выходили противъ западнаго фронта главнаго редута. Вслѣдствіе этого, между баттареей и стрѣлковыми баталіонами мало по малу образовался довольно большой промежутокъ. Необходимо было заполнить этотъ промежутокъ. Съ другой стороны, я нашелъ нужнымъ поддержать уже понесшія большія потери среднюю и лѣвую колонны. Вслѣдствіе этого я послалъ приказаніе Измайловскому полку идти на поле сраженія, причемъ направить два баталіона на фронтъ обращенный къ Плевнѣ въ упомянутый выше промежутокъ; одинъ баталіонъ отправить для поддержанія средней колонны и одинъ—для поддержанія лѣвой колонны. Сдѣлавъ эти распоряженія, я переѣхалъ на баттарею средней колонны, въ концѣ втораго часа пополудни.

Лѣвая колонна, также как и правая, выступила изъ мѣста своего расположенія, изъ Свинарской балки, ровно въ $6^1/_4$ часовъ утра, и направилась на шоссе въ промежутокъ между Телишемъ и Горнимъ Дубнякомъ. Во время слѣдованія по балкѣ, колонна была задержана переходомъ черезъ неширокую, но очень глубокою канаву, вслѣдствіе чего она пробыла болѣе чѣмъ получасомъ позже средней колонны. Подойдя къ шоссе, колонна слѣдовала захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ и вызвавъ обѣ батареи открыла огонь по главному турецкому редуту. Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ шелъ влѣво отъ шоссе, лейбъ-гвардіи Павловскоій—вправо отъ него. Финляндскому полку пришлось идти по весьма густому молодому лѣску. Павловскій же полкъ шелъ по мѣстности открытой Батареи открыли огонь первоначально съ дистанціи нѣсколько болѣе 900 саженъ, но вскорѣ переѣхали на дистанцію около 750 сажень. Впослѣдствіи къ этой баттареѣ пристроилась 5-я батарея гвардейской конной артиллеріи.

Увидавъ штурмъ восточнаго редута лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, оба полка пошли впередъ и пройдя лощину подъ сильнымъ огнемъ Турокъ взобрались на гору и пошли на штурмъ главнаго редута. Но, встрѣченные сильнымъ, убійственнымъ огнемъ, остановились, причемъ Финляндскій полкъ прилегъ въ мервтвомъ пространствѣ на скатѣ горы, а Павловскій полкъ—въ различныхъ укрытіяхъ къ югу отъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка.

Во время этихъ дѣйствій были ранены: командиръ бригады, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Розенбахъ, на полянѣ въ лѣсу, и полковникъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, флигель-адъютантъ Руновъ.

Какъ же сказано выше, около двухъ часовъ я прибылъ на батарею средней колонны. Въ это время редутъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками, которыя подошли уже на очень близкое разстояніе. Сильный артиллерійскій огонь безустанно громилъ защитниковъ редута со всѣхъ четырехъ сторонъ, начиная съ $8^1/_2$ часовъ утра.

Въ это же время я получилъ свѣдѣніе что лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ отступилъ отъ Телиша, вслѣдствіе чего являлась опасность прихода подкрѣпленій съ южной стороны; очевидно что надо было кончать дѣло поскорѣе. Вслѣдствіе этого я рѣшилъ, по приходѣ баталіоновъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, дви-

нуть всѣ войска на штурмъ единовременно со всѣхъ сторонъ; время рѣшительной атаки я предполагалъ около трехъ часовъ пополудни. Вслѣдствіе этого я передалъ соотвѣтственныя приказанія лично генералу Броку, вступившему въ командованіе 1-ю бригадой 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и пославъ письменное приказаніе свиты Его Величества генералъ-маіору Эллису 1-му.

При этомъ для того чтобы штурмъ всѣми войсками былъ одновременный, я установилъ слѣдующій условный сигналъ; когда всѣ распоряженія будутъ отданы, я велю производить три залпа съ батарей лѣвой колонны; послѣ этихъ залповъ произвести три залпа съ батарей средней колонны; наконецъ, послѣ этихъ залповъ, произвести три залпа съ батарей правой колонны. Послѣ послѣдняго залпа правой колонны всѣ войска должны броситься на штурмъ. Я разсчитывалъ что единовременная атака со всѣхъ сторонъ, и притомъ съ разстоянія очень небольшихъ (отъ 100 до 400 шаговъ) увѣнчается успѣхомъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, я поѣхалъ въ лѣвую колонну и, объѣхавъ расположеніе всѣхъ войскъ, прибылъ на батарею, гдѣ лично передалъ соотвѣтственныя распоряженія начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанту графу Шувалову. Но прежде чѣмъ графъ Шуваловъ успѣлъ передать войскамъ свои распоряженія, раздались три послѣдовательные залпа съ батарей правой колонны и войска этой колонны пошли на штурмъ. Такимъ образомъ условленный сигналъ не былъ исполненъ и мои предложенія объ единовременной атакѣ рушились.

Я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за послѣдовавшими дѣйствіями, потому что вмѣсто единовременнаго штурма со всѣхъ сторонъ, должны были послѣдовать единичные и разновременные штурмы различными частями войскъ, успѣхъ которыхъ былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Чтобы какъ-нибудь исправить дѣло и выручить войска правой колонны, уже начавшія атаку, я послалъ во всѣ стороны ординарцевъ, чтобы войска, не дожидаясь сигнала, поддержали атаку правой колонны. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ атакъ. Всѣ части, встрѣчаемыя въ высшей степени губительнымъ огнемъ, немогли дойти до редута. Но, за исключеніемъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, ни одна часть не отошла назадъ, а продвинувшись впередъ залегли за разными укрытіями, причемъ нѣкоторыя части дошли на 40 шаговъ къ редуту. Что же касается Финляндцевъ, то не встрѣчая впереди себя рѣшительно никакого укрытія, они были вынуждены вернуться назадъ и опять залечь на скатѣ горы, въ мертвомъ ея пространствѣ.

Во время этой атаки былъ смертельно раненъ командиръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, генералъ-маіоръ Лавровъ, который съ полнымъ, достойнымъ удивленія, геройствомъ бросился впередъ во главѣ своего полка.

Послѣ этого ряда атакъ, окончившихся около 4 часовъ пополудни, всѣ батареи должны были прекратить огонь, потому что части подошли такъ близко къ укрѣпленію, что огонь батарей наносилъ вредъ своимъ собственнымъ войскамъ. Отводить же войска для того, чтобъ обстрѣливать редутъ, было положительно невозможно въ виду тѣхъ жертвъ, которыя они неминуемо понесли бы при этомъ движеніи, а главное, въ виду дурнаго дѣйствія этого отступательнаго движенія на духъ войскъ.

Поэтому я рѣшилъ оставить войска въ занятыхъ ими позиціяхъ съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ сумерокъ начать новую атаку. Сдѣлавъ соотвѣтственныя распоряженія, я вернулся на холмъ возлѣ деревни Горняго Дубняка и ожидалъ наступленія сумерокъ,

Наступило грозное, гробовое молчаніе. Съ началомъ наступленія сумерокъ нѣкоторыя части войскъ подолши еще на болѣе близкое разстояніе отъ редута. Такъ, два баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, со своимъ полковымъ командиромъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Эллисомъ 2-мъ во главѣ, кроползли на колѣнахъ еще шаговъ около 150 и очутились не болѣе какъ въ 50 шагахъ отъ редута. Войска сразу бросились впередъ, и почти со всѣхъ сторонъ ворвались въ редутъ. Огромное пламя вспыхнувшаго внутри редута пожара освѣтило мѣстность и возвѣстило о паденіи редута, такъ долго и упорно защищаемаго Турками.

Комендантъ гарнизона, дивизіонный генералъ ферикъ Ахмедъ-Хивзи-паша, видя что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, со всѣмъ своимъ отрядомъ положилъ оружіе.

Трофеями побѣды подъ Горнимъ Дубнякомъ были: одинъ паша, 53 офцера. 2.235 нераненыхъ нижнихъ чиновъ, большое полковое знамя, четыре Крупповскія дальнобойныя орудія и огромное количество ружей и боевыхъ припасовъ. Особенно много взято металлическихъ патроновъ.

Б) Дѣйствія подъ Телишемъ.

Для удержанія непріятеля, могущаго оказать со стороны Телиша содѣйствіе турецкимъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Горняго Дубняка, а если возможно, то и для завладѣнія Телишемъ, были двинуты къ этому укрѣпленному пункту: лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, 3-я баттарея лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады съ 5-ю баттареей гвардейской конной артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ командующаго л.-г. Егерскимъ полкомъ, флигель-адъютанта полковника Челищева.

Въ теченіе ночи колонна эта была переведена черезъ р. Видъ и помѣщена въ Свинарской балкѣ, верстахъ въ трехъ къ югу отъ Чирикова.

Согласно диспозиціи, колонна двинулась въ $6^1/_4$ часовъ утра. Выйдя изъ балки, начальникъ колонны выслалъ л.-гв. Драгунскій полкъ съ двумя конными орудіями на Ракитанскія высоты, для обезпеченія лѣваго фланга и тыла колонны, а л.-гв. Гусарскій полкъ, съ четырьмя орудіями, былъ оставленъ впереди л.-гв. Егерскаго полка, для прикрытія его дебушированія изъ балки; послѣ чего гусары должны были принять влѣво, для дѣйствія противъ тыла Телишской позиціи Л.-гв. Егерскій полкъ подошелъ къ укрѣпленной Телишской позиціи въ $9^1/_2$ час. утра и начальникъ колонны, подъ прикрытіемъ гусаръ, произвелъ рекогносцировку позиціи. При этомъ оказалось что укрѣпленія состояли: изъ большаго редута, черезъ который проходило шоссе, раздѣлявшее его на двѣ почти равныя части; изъ другаго редута, расположеннаго къ западу отъ главнаго, по

другую сторону лощины, и изъ нѣсколькихъ ложементовъ, вынесенныхъ впередъ. Для аттаки былъ выбранъ восточный фасъ редута.

Третья баттарея л.-гв. 1-й артиллерійской бригады была вызвана на позицію и, пристроившись къ четыремъ коннымъ орудіямъ, уже дѣйствовавшимъ по укрѣпленію, открыла огонь съ дистанціи нѣсколько большей 500 саженъ. Въ это время л.-гв. Егерскій полкъ построился въ боевой порядокъ, имѣя 3-й и 4-й баталіоны въ первой, а 1-й и 2-й баталіоны во второй линіи. Такъ какъ мѣстность была ровная и не представляла никакихъ укрытій отъ выстрѣловъ, то огонь непріятеля, направляемый изъ двухъ передовыхъ ложементовъ, наносилъ войскамъ довольно чувствительный уронъ. Чтобъ отдѣлаться отъ этихъ выстрѣловъ, оба баталіона первой линіи получили приказаніе овладѣть ложементами Приказаніе это было скоро исполнено. Двинувшись впередъ въ 10 ч. утра, роты штыками выгнали непріятеля изъ ложементовъ, но, къ сожалѣнію, не нашли въ нихъ никакого укрытія отъ огня турокъ, который началъ наносить еще большія потери.

Желаніе выдти скорѣе изъ-подъ столь сильнаго огня побудило роты головныхъ баталіоновъ двинуться впередъ на штурмъ главнаго редута. Видя начало штурма головныхъ баталіоновъ и желая содѣйствовать ихъ аттакѣ, баталіоны второй линіи, по своей собственной иниціативѣ, тоже бросились на штурмъ редута. Но необыкновенно сильный огонь удержалъ ихъ натискъ и заставилъ залечь за укрытіями, въ разстояніи около 100 шаговъ отъ главнаго вала. Вслѣдъ а этимъ, турки попытались сдѣлать вылазку, но встрѣченные залпами были отбиты.

Въ это время было получено донесеніе отъ л.-гв. Драгунскаго полка что съ юга обнаружено движеніе нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты съ артиллеріей. Видя что овладѣніе главнымъ редутомъ не можетъ быть скоро исполнено и опасаясь появленія свѣжихъ непріятельскихъ силъ, флигель-адъютантъ полковникъ Челищевъ приказалъ колоннѣ отойти назадъ. Это движеніе было исполнено медленно и съ полною стройностью.

Хотя укрѣпленія Телиша и не были взяты, но отрядъ исполнилъ свое назначеніе. Во время всего дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ турки не двинулись изъ Телиша и не оказали никакого содѣйствія защитникамъ Горняго Дубняка. Къ сожалѣнію, потери л.-гв. Егерскаго полка были очень велики и состояли изъ семи штабъ-и оберъ-офицеровъ убитыми, 19 штабъ-и оберъ-офицеровъ ранеными и 907 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

В) По диспозиціи на 12 октября, отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Арнольди—34 эскадрона, семь баталіоновъ (румынской пѣхоты), 34 конныхъ и пѣшихъ орудій—долженъ былъ произвести демонстрацію къ Дольнему Дубняку и воспрепятствовать выходу войскъ у Плевны и Дольняго Дубняка на помощь къ позиціи Горняго Дубняка.

Во исполненіе этого назначенія отрядъ былъ распредѣленъ такъ: 1) пять баталіоновъ пѣхоты, семь сотенъ и 12 орудій, подъ начальствомъ генерала Чернозубова, занимали позицію у Дольняго и Горняго Этрополя; назначеніе от-

ряда было воспрепятствовать движенію войскъ изъ Плевны по шоссе къ Дольнему Дубняку; 2) отрядъ изъ 19 эскадроновъ, 16 орудій и двухъ баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Арнольди, долженъ былъ ночью на 12 октября направиться изъ Трестеника къ Дольнему Дубняку, куда прибыть въ $7^1/_2$ часовъ утра 12-го же. Назначеніе отряда было произвести демонстрацію на Дольній Дубнякъ, а въ случаѣ выхода изъ этого селенія турецкихъ войскъ къ Горнему Дубняку, воспрепятствовать ихъ движенію во что бы то ни стало; наконецъ отряду предстояло возстановить связь съ 9-ю кавалерійскою дивизіей, полки которой дѣйствовали на Дольній Дубнякъ, въ направленіи отъ Медована; 3) отрядъ флигель-адъютанта полковника Черевина (12 сотенъ и шесть орудій) къ утру 12 октября долженъ былъ занять позицію къ западу отъ Горняго Дубняка, въ видахъ содѣйствія гвардейской пѣхотѣ въ ея аттакѣ на этотъ пунктъ, а также для перехвата турокъ, которые бы вздумали отступать на юго-западъ; 4) бригада калярашей Формака должна была двинуться отъ Магалеты, частью черезъ Девеницу на Червенабрегъ, для демонстраціи въ этомъ направленіи, гдѣ находились части турецкихъ войскъ, частью же по лѣвому берегу Искера на Чумаковцы въ видахъ освѣщенія въ этомъ направленіи, а также для перехвата турокъ на случай ихъ отступленія на западъ.

Всѣ упомянутые отряды исполнили поставленныя имъ цѣли, причемъ въ отрядѣ генерала Чернозубова все дѣло ограничилось канонадой въ направленіи моста черезъ рѣку Видъ и возведеніемъ фортификаціонныхъ построекъ въ теченіе ночи на 12-е октября.

Колонна, бывшая подъ начальствомъ генерала Арнольди, развернувъ боевой порядокъ верстахъ въ трехъ отъ Дольняго Дубняка, двинулись около 7 часовъ утра въ направленіи къ югу отъ этого селенія. На пути она была встрѣчена сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ изъ двухъ редутовъ, бывшихъ у селенія Дольній Дубнякъ и ружейнымъ огнемъ съ лѣвой стороны, съ высоты, поросшей кукурузой. Немедленно конная баттарея росшіоровъ снялась съ передковъ и завязала перестрѣлку съ непріятелемъ; для выбитія же стрѣлковъ былъ посланъ спѣшенный 4-й Екатеринославскій драгунскій полкъ. Подъ покровительствомъ выставленнаго влѣво заслона отрядъ продолжалъ движеніе, нѣсколько отклонившись къ югу. Затѣмъ опять, повторяя тотъ же маневръ, отрядъ, по выходѣ, на слѣдующую поляну, былъ встрѣченъ огнемъ изъ третьяго редута; наша конная баттарея снялась съ передковъ и завязала перестрѣлку съ непріятелемъ, Вслѣдъ за этимъ баттарея росшіоровъ прекратила огонь и потомъ присоединилась къ нашей баттареѣ. Около $8^1/_2$ часовъ утра. 4-й драгунскій полкъ выбивалъ непріятеля изъ кукурузы и наступалъ къ Горнему Дубняку въ юго-западномъ направленіи; 12 орудійная баттарея, подъ прикрытіемъ гусаръ и росшіоровъ, поддерживала огонь съ турецкими редутами, имѣя фронтъ на сѣверъ; Харьковскій уланскій полкъ съ четырьмя конными орудіями, подъ начальствомъ полковника Эртеля, подъ покровительствомъ этихъ заслоновъ, на полныхъ рысяхъ былъ двинутъ на шоссе изъ Дольняго Дубняка на Горній съ цѣлью наступленія къ Горнему въ направленіи съ юга. Почти одновременно, къ 9 часамъ утра

драгуны выбили турокъ изъ кукурузы и тѣмъ обезпечили лѣвый флангъ баттареи, которая послѣдовательно эшелонами была двинута впередъ и заняла высоту командовавшую редутами, турецкою позиціей и путями отъ нея въ Горній Дубнякъ, и съ которой редуты брались во флангъ; уланы произвели энергичное наступленіе съ юга къ Дольнему Дубняку, но были встрѣчены пѣхотой, засѣвшею въ ложементахъ и принуждены отойти изъ-подъ выстрѣловъ. Запоздавшіе два баталіона румынской пѣхоты смѣнили нашихъ драгунъ въ кукурузномъ полѣ и немедленно начали укрѣплять позицію на лѣвомъ флангѣ баттареи. Затѣмъ до поздняго вечера отрядъ подхерживалъ оживленную артиллерійскую канонаду по турецкой позиціи и по редутамъ, изрѣдка дополнявшуюся огнемъ турецкой пѣхоты, встрѣчавшей всякую попытку частей отряда продвинуться впередъ.

Такимъ образомъ, день 12 октября закончился утвержденіемъ на позиціи, командующей надъ непріятельскою и удержаніемъ непріятеля, силой около шести баталіоновъ пѣхоты съ четырьмя орудіями, прикованнымъ къ своей позиціи.

Одновременно съ упомянутыми дѣйствіями отряда генерала Арнольди, Кіевскій гусарскій полкъ, съ дивизіономъ Казанскаго драгунскаго полка и 16-ю конною баттареей, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника барона Корфа, произвелъ наступленіе отъ Медована къ Горнему Дубняку; приблизившись на пушечный выстрѣлъ, отрядъ былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ изъ редутовъ и пѣхотой изъ ложементовъ. По условіямъ мѣстности, позиція отряда была крайне невыгодна для поддержанія перестрѣлки, почему отрядъ нѣсколько отошелъ назадъ и затѣмъ дѣйствія его ограничились наблюденіемъ между Виддомъ и Софійскимъ шоссе и поддержаніемъ связи съ кавалеріей генерала Арнольди, съ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіей и отрядомъ генерала Бремзена, стоявшимъ на Медованской горѣ.

Въ заключеніе считаю своимъ священнымъ долгомъ засвидѣтельствовать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, что всѣ войска вели себя съ такимъ мужествомъ и геройскою храбростью, что заслужили удивленіе и полное, и глубокое уваженіе. Всѣ, отъ высшихъ начальниковъ до нижнихъ чиновъ, соревновали другъ съ другомъ въ честномъ исполненіи своихъ обязанностей. Стойкость и упорство непріятеля, съ честью выдержавшаго губительный концентрическій огонь 60 орудій, только возбуждали духъ нашихъ войскъ и побуждали ихъ овладѣть редутомъ во что бы то ни стало.

Здѣсь не мѣсто говорить о проявленіи частныхъ примѣровъ геройства и мужества, но я считаю себя обязаннымъ представить вслѣдъ за симъ болѣе подробное изложеніе всего дѣла, гдѣ я донесъ объ этихъ частныхъ подвигахъ. Если и можно было бы сдѣлать какой либо упрекъ, то это въ слишкомъ большомъ презрѣніи опасности и въ проявленіи необыкновеннаго геройства.

При такомъ духѣ войскъ и при силѣ взятыхъ штурмомъ укрѣпленій потери не могли не быть великими. Но важность добытыхъ усиліями войскъ гвардіи Его Величества стратегическихъ результатовъ: паденіе, безъ дальнѣйшихъ потерь, чрезвычайно сильной оборонительной линіи турокъ отъ Плевны до Ябло-

ницы, возвышеніе до крайнихъ предѣловъ духа нашихъ войскъ и паники въ войскахъ непріятеля—вполнѣ искупаютъ и оправдываютъ эти потери.

Много было страшныхъ минутъ въ битвѣ у Горнаго Дубняка.

Чѣмъ далѣе подвигались батальоны, тѣмъ рѣже становился кустарникъ и тѣмъ сильнѣе жужжали пули.

Первые раненые изъ гренадеръ явились тутже у опушки и однимъ изъ первыхъ былъ раненъ полковникъ Любавицкій, который однако-же не оставилъ своего поста и продолжалъ командованіе. Еще не было видно непріятельскихъ редутовъ, какъ ежеминутно, кто нибудь изъ солдатъ выбывалъ изъ строя. Ай! охъ ай! раздавались кругомъ восклицанія; кто хватался рукой за щеку, кто за ногу, а кто просто валился на землю безмолвнымъ.

Честь первыми вскочить на малый непріятельскій редутъ, принадлежала поручикамъ Шейдеману и Мачеваріанову, причемъ Шейдеманъ выстрѣлилъ въ упоръ изъ пистолета на бросившагося на него съ саблею въ рукахъ турецкаго офицеръ и убилъ его на повалъ. Шейдеманъ тутже былъ раненъ.

Среди солдатъ привлекалъ всеобщее вниманіе одинъ гренадеръ, унтеръ-офицеръ Ильченко, который, получивъ сквозныя раны въ обѣ ноги, продолжалъ лежа стрѣлять изъ за насыпи, бранить турокъ и увѣрять окружающихъ сослуживцевъ въ томъ, что быть раненымъ вовсе не страшно и нисколько не больно.

Во время движенія 1-го батальона былъ тяжело раненъ въ животъ на вылетъ командиръ этаго батальона, полковникъ Аспелундъ 1-й, который вскорѣ скончался въ Боготскомъ госпиталѣ.

Желая еще разъ попытать аттаку большаго редута съ фронта, полковникъ Любовицкій, взявъ съ собою барабанщика Рындина и выйдя впереди малаго редута, приказалъ барабанщику бить аттаку, но Рындинъ едва поднялъ къ верху барабанные палки для удара въ аттаку, упалъ убитый на мѣстѣ турецкою пулей.

Любовицкій кинулся къ нему, схватилъ барабанъ и, надѣвъ себѣ на плечо хотѣлъ было самъ бить въ аттаку; но неуспѣлъ сдѣлать и перваго удара по барабану, какъ былъ снова раненъ къ плечо на вылетъ.

Бросивъ тогда барабанъ полковникъ Любовицкій подошелъ ко рву малаго редута и приказалъ одному изъ лежавшихъ во рву за прикрытіемъ барабанщику бить аттаку, не покидая мѣста а между тѣмъ самъ поспѣшилъ на превязочный пунктъ, чтобы затѣмъ опять возвратиться на мѣсто дѣйствія.

«Изъ многихъ разсказовъ относительно раненій приведу два, очень характерные, такъ какъ изъ нихъ видно каковъ былъ огонь и какъ къ нему относятся офицеры.

«Когда подпоручикъ Шильдбахъ былъ раненъ въ руку, къ нему бросились перевязывать, но не успѣли разорвать рукавъ мундира какъ онъ получилъ вторую рану—въ ногу; спустя минуту—третью, въ животъ, осколкомъ гранаты. Шильдбахъ успѣлъ только сказать: «Ну, копайте мнѣ яму», и впалъ въ безчувственное состояніе. И что же? Сверхъ этихъ трехъ ранъ, онъ получилъ еще четвертую, въ голову, и эта четвертая покончила юную жизнь отличнаго офицера! Тотъ кто перевязывалъ раны Шильдбаха былъ самъ раненъ, а полковникъ Столица, при-

сутствовавшій при перевязкѣ, раненъ пулей въ правый глазъ. По этому можно судить каковъ былъ огонь; а вотъ какъ къ нему отнесся одинъ изъ офицеровъ: когда капитанъ Базилевскій 3-й упалъ, къ нему бросился подпоручикъ Лундъ съ вопросомъ «что съ вами?» и получилъ въ отвѣтъ: «не ваше дѣло; ведите роту впередъ; иначе всѣхъ перестрѣляютъ». О собственной ранѣ забывается—лишь бы рота шла впередъ.

«Послѣ взятія ложемента люди были страшно заморены, и дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля было невозможно. Тутъ, по крайней мѣрѣ, люди передохнули немного, такъ какъ, вслѣдствіе бѣгства Турокъ, непріятельскій огонь прекратился. Впереди люнета, шагахъ во 100—150, виднѣлась лощина склонявшаяся къ деревнѣ Телишъ; въ 20-ти шагахъ отъ люнета—нѣсколько построекъ, которыя издали всѣ принимали за стоги соломы и которыя оказались непріятельскими шалашами: каркасы изъ вѣтвей покрытые кукурузною соломой; каждый шалашъ въ полторы сажени высоты и до пяти въ длину, и каждый прозраченъ какъ рѣшето.

«Про эти шалаши, продолжаетъ корреспондентъ, мнѣ разказывали слѣдующій случай, указывающій, что они дѣйствительно рѣшето: батальонный адъютантъ, поручикъ баронъ Ребиндеръ, верхомъ перескочилъ ложементъ и поѣхалъ въ ближайшій шалашъ, надѣясь, вѣроятно, что шалашъ послужитъ для него прикрытіемъ; но едва онъ подскакалъ къ шалашу, какъ лошадь зашаталась и упала, пронзенная нѣсколькими пулями. Люди, кажется 2-й роты, стоявшіе за шалашомъ, понесли большія потери: унтеръ-офицеръ Рубцовъ получилъ три раны — въ животъ, грудь и плечо; унтеръ-офицеру Попову перебило обѣ ноги съ раздробленіемъ костей и т. д.

«Очевидно, закрытіе шалаша было ненадежно. Приказано было залечь за ложементъ, а баронъ Ребиндеръ долженъ былъ идти къ начальнику отряда и просить поддержать аттаку, которую егеря рѣшились возобновить какъ только люди немного оправятся и вздухнутъ свободнѣе. Баронъ Ребиндеръ, стоя на колѣняхъ предъ своею лошадью, съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ вынулъ пистолетъ, чтобы покончить ее, но лошадь была уже мертвою; за нею тотчасъ же залегли смѣльчаки какъ за траверзомъ, а Ребиндеръ снялъ спокойно сѣдло и уздечку, взваливъ все себѣ на голову и, подъ ужаснымъ огнемъ, спокойно пошелъ исполнять данное ему приказаніе. Значительная убыль людей вынуждала на новую аттаку. Штабсъ-капитаны Подвальнюкъ и Ольдерогге, поручикъ Камерациновъ, и подпоручикъ Тигерштедтъ съ крикомъ *ура* бросились впередъ, пробѣжали 50 шаговъ и, потерявъ болѣе половины своихъ храбрецовъ, залегли въ лощинку, въ виду самаго люнета, причемъ укрылись за трупами Турокъ. При этомъ новомъ движеніи впередъ егеря понесли значительную потерю; поручикъ Камерациновъ убитъ на поваль пулей въ лобъ.

«Вслѣдъ за этимъ началась стрѣльба нашей артиллеріи шрапнелевыми гранатами съ новой позиціи, но не по люнету, а по густому облаку дыма, который происходилъ отъ стрѣльбы Турокъ по храбрымъ егерямъ. Случайностей на войнѣ вообще много, но та, которую мнѣ передавали особенно обидная: осколокъ на-

шей же гранаты ранилъ штабсъ-капитана Ольдерогге: осколокъ попалъ въ глазную кость, выше виска, что заставило лихаго офицера, оглушеннаго ударомъ, оставить свой постъ, причемъ онъ получилъ новую рану въ правую ногу. Добравшись до ложемента, Ольдерогге просилъ полковника Савицкаго перевязать ему рану, что конечно тотчасъ же было сдѣлано и значительно успокоило раненаго, такъ какъ оказалось что кость не повреждена: пуля прошла въ мягкихъ частяхъ, на вылетъ. Ольдерогге не хотѣлъ оставлять ложемента, но сильная головная боль отъ контузіи принудила его отправиться на перевязочный пунктъ. Угрожаемый кавалеріей и выстрѣлами въ тылъ изъ Телиша, Лундъ началъ отступать, причемъ два раза былъ окружаемъ баши-бузуками, но молодецки отбросилъ ихъ и съ небольшими потерями присоединился къ ротѣ устроенной Перепелицынымъ. Вскорѣ за Лундомъ прибыли Подвальнюкъ и Тигерштедтъ, возбудившіе общій восторгъ въ людяхъ: они были положительно оборваны непріятельскими пулями: у штабсъ-капитана Подвальнюка пробита шинель на груди, лѣвый рукавъ мундира, сапогъ и слегка контужена ляжка; у подпоручика Тигерштедта—три пули въ свернутой солдатской шинели, рукавъ на вылетъ черезъ рубашку съ легкою контузіей, въ колѣнѣ легкая контузія съ опухолью, легкая рана въ колѣнѣ, и на плечѣ оборванъ мундиръ осколкомъ гранаты! Послѣднимъ вернулся съ ротой капитанъ Цеттерманъ, совершивъ отступленіе въ полномъ порядкѣ, разсыпаннымъ строемъ, и потерявъ менѣе всѣхъ людей. Честь этимъ героямъ и слава!

«Честь и слава всему Егерскому полку. Онъ задержалъ 6,000 турецкій отрядъ въ Телишѣ и тѣмъ помогъ 2-й гвардейской дивизіи аттаковать Горній Дубникъ и къ вечеру принудить къ сдачѣ съ пашой, орудіями, знаменами.

Между солдатами Гренадерскаго полка, лежавшими за прикрытіями малаго редута, начинали появляться мало-по-малу одиночные смѣльчаки, которые отваживались выйти изъ за прикрытія и подъ градомъ пуль перебѣжать впередъ поближе къ главному редуту за какое-нибудь новое прикрытіе. Такимъ новымъ прикрытіемъ, хотя весьма неполнымъ, служили сначала маленькія канавки по обѣимъ сторонамъ шоссе. Запрятавшись въ канавку, перебѣжавшій туда солдатъ продолжалъ стрѣлять въ главный турецкій редутъ. Многіе платились жизнью за свою отважность, но многимъ удавалось благополучно добѣжать до шоссе, прилечь за канавку и стрѣлять оттуда по редуту. За немногими смѣльчаками послѣдовали, какъ обыкновенно водится, многіе; офицеры къ тому же поощряли эти перебѣжки изъ малаго редута, и сами показывали примѣръ; такъ, во время перебѣжки изъ малаго редута къ шоссе, убиты: капитанъ Гаммеръ и штабсъ-капитанъ Сероцинскій. Нечего и говорить о томъ, что въ канавкѣ на шоссе лежать приходилось между жизнью и смертью. Стоило высунуть изъ канавки руку или поднять голову, турки направляли туда сейчасъ же цѣлые залпы огня. Между прочимъ солдатики наши даже и тутъ не удержались, чтобы не потѣшиться надъ туркой. Замѣтивъ, какъ турки сторожатъ малѣйшее движеніе въ канавкахъ на шоссе, солдаты надѣвали на штыки своихъ ружей шапки и съ крикомъ *ура*! высовывали ружья съ шапками изъ канавокъ: турки въ первую

минуту не понимали, что означаютъ эти сотни поднявшихся шапокъ и принимая ихъ за готовыхъ кинуться въ аттаку русскихъ солдатъ встрѣчали шапки новыми, усиленными залпами, а солдаты наши въ канавкахъ покрывали турецкіе залпы по шапкамъ взрывомъ дружнаго хохота, довольные тѣмъ, что успѣли надуть турка. Но канавки на шоссе не были еще послѣднею станціей солдатъ на дорогѣ къ большому редуту. Если вы припомните, я упомянулъ въ началѣ этого письма о караулкѣ, стогѣ соломы, и турецкихъ шалашахъ, находившихся между шоссе и большимъ редутомъ. Изъ канавокъ на шоссе солдаты стали въ одиночку перебѣгать за караулку, за стогъ соломы прикрываясь за которыми стрѣляли по возможности въ редутъ. Мало по малу кучка солдатъ за караулкой и стогомъ соломы увеличилась до того, что караулка и солома перестали служить прикрытіемъ для вновь прибывающихъ перебѣжчиковъ. Сюда прибывали не одни гренадеры, а солдаты и другихъ полковъ. Вновь прибывшіе, замѣтивъ что за караулкой и копной соломы все мертвое пространство уже занято людьми и что прикрытія для нихъ болѣе нѣтъ, бѣжали далѣе къ самому редуту и соскакивали въ глубокій ровъ, окружающій редутъ. Тутъ они нападали на неожиданное открытіе: оказывалось что ровъ редута есть самое безопасное мѣсто, наиболѣе защищенное отъ турецкихъ пуль. Турки, правда, пытались прогнать изъ рва успѣвшихъ добѣжать туда нашихъ солдатъ, но для этого турки должны были высовываться изъ за насыпи и стрѣлять въ ровъ сверху внизъ. Едва появлялись турки съ подобнымъ намѣреніемъ на поверхности насыпи редута, они были встрѣчаемы отовсюду, съ малаго редута, съ шоссе, изъ за караулки градомъ русскаго свинца и принуждены были быстро прятаться снова за свою насыпь. Между тѣмъ находившіеся уже во рву солдаты, замѣтивъ, что они тутъ совершенно защищены отъ непріятельскаго огня, стали громко кричать сотоварищамъ: «ребята! бѣгите сюда къ намъ, тутъ тебя никакая пуля не беретъ». На этотъ зовъ изъ караулки и съ шоссе бѣжали новыя кучки солдатъ и такимъ образомъ во рву турецкаго редута мало по малу набралось такое число солдатъ, которое могло уже влѣзши на насыпь вступить съ непріятелемъ въ рукопашный бой. Между прочимъ при описанныхъ перебѣжкахъ изъ малаго редута на шоссе, за караулку и оттуда въ ровъ редута,—перебѣжкахъ, стоившихъ не мало потерь, особенно отличился барабанщикъ (въ Гренадерскомъ полку), Татаринъ по происхожденію, Бакшишъ Барановъ. Онъ перебрался за другими къ караулкѣ и видя безполезность своего единственнаго орудія—барабана, отложилъ его въ сторону и занялся тѣмъ, что изъ за караулки бѣгалъ на шоссе къ убитымъ солдатамъ, съ которыхъ снималъ сумки съ патронами и возвратившись къ караулкѣ раздавалъ патроны тѣмъ изъ солдатъ, у которыхъ ощущался въ нихъ недостатокъ. Путь изъ за караулки на шоссе и обратно Барановъ совершилъ три раза подъ градомъ залповъ, причемъ остался совершенно цѣлымъ, чѣмъ и заслужилъ у солдатъ большое уваженіе.

Полковника Скаллона ранили пулей въ бедро, отъ гудившихъ пуль некуда было укрыться и только благодаря непонятному счастію въ штабѣ генерала Гурко не было раненыхъ, но не мало контузіи, прострѣленныхъ шинелей и т. п.

У адъютанта Беккера вышибло пулей бинокль изъ рукъ, у генерала Леонова въ трехъ мѣстахъ прострѣлило пальто и т. д.

Генералъ Гурко рѣшилъ провести ночь на курганчикѣ. Межу тѣмъ было уже совсѣмъ темно; на турецкомъ редутѣ горѣлъ большой пожаръ; тамъ пылали подожженные нашимъ артиллерійскимъ огнемъ турецкія палатки и шалаши; трескъ ружейной пальбы не умолкалъ ни на минуту. У насъ на курганчикѣ всѣ приготовлялись къ тревожной, безсонной ночи; у всѣхъ на сердцѣ лежалъ тяжелый камень. Вдругъ фигура всадника, лежащаго отъ редута къ курганчику во весь опоръ привлекла всеобщее вниманіе. Еще генералъ Нагловскій не докончилъ писать своей диспозиціи какъ подскакавшій всадникъ осадилъ коня противъ генерала Гурко. То былъ ординарецъ генерала, ротмистръ Скалонъ. «Редутъ въ нашихъ рукахъ», доложилъ онъ генералу взволнованнымъ голосомъ. «Что?» переспросилъ генералъ: «нашъ? редутъ нашъ?» «Сію минуту войска ворвались и заняли редутъ; оставшіеся турки сдались.» *Ура!!* вырвалось у генерала. *Ура!* подхватили всѣ на курганчикѣ. Всѣ, какъ ошеломленные, повскакали со своихъ мѣстъ. «Коня!» закричалъ генералъ. За генераломъ всѣ въ секунду были на коняхъ. «А что же значатъ неумолкающіе частые ружейные выстрѣлы на редутѣ?» «Это лопаются съ трескомъ въ огнѣ разбросанные турками патроны.» Мы всѣ неслись во весь опоръ за генераломъ отъ курганчика къ редуту, какъ опьянѣлые, крича *ура*, перескакивая черезъ ровики, черезъ кучи мертвыхъ тѣлъ. Редутъ былъ озаренъ краснымъ широкимъ заревомъ, на которомъ рисовались темные силуэты нашихъ солдатъ. Собравшись кучами на редутѣ и вокругъ него, солдаты подхватили *ура*! мчавшагося къ нимъ генерала Гурко. Шапки полетѣли вверхъ: другіе надѣвали шапки на штыки. Оглушительное, опьяняющее *ура!* стояло въ воздухѣ. Солдаты кинулись на встрѣчу генерала; словно живое море окружило генерала и его свиту со всѣхъ сторонъ. «Молодцы—дѣти!» проговорилъ генералъ взволнованно; «спасибо, молодцы!» И въ суровомъ голосѣ генерала зазвучала трогательная нота. *Ура! ура!* повторялось и разносилось вдаль. Вся картина была освѣщена однимъ яркимъ, краснымъ заревомъ пожара, въ которомъ трещали, какъ въ сильной перестрѣлкѣ, лопавшіеся патроны. Плѣнные, положившіе оружіе на редутѣ, были уже выведены и стояли кучей оцѣпленные нашими солдатами. Плѣнныхъ было до двухъ тысячъ человѣкъ: остальные турки всѣ полегли на мѣстѣ во время сраженія. Къ генералу Гурко подвели взятаго въ плѣнъ турецкаго генерала Ахмедъ-Февзи-пашу. Лицо паши было грустно и убито. Онъ низко поклонился генералу Гурко и сталъ опустивъ голову. Генералъ Гурко протянулъ ему руку и сказалъ: «уважаю въ васъ храбраго противника!...»

Надо было видѣть на другой день картину поля сраженія, позы валявшихся труповъ, число убитыхъ, чтобы понять какую трудность одолѣла наша гвардія... Подробности я оставляю до слѣдующаго письма: скажу только что день 12 октября имѣлъ своимъ результатомъ завладѣніе шоссейною дорогой, взятіе одной изъ наиболѣе укрѣпленныхъ на этой дорогѣ позицій, которая нынѣ обратится противъ самыхъ же турокъ. Дѣломъ у Горняго Дубника Османъ-паша оконча-

тельно запертъ въ Плевнѣ, и всякій подвозъ къ нему какихъ бы то ни было припасовъ прекращенъ отнынѣ вовсе. Въ ту же ночь войска наши прикрылись рядомъ укрѣпленій противъ Плевны и Телиша.

«Какая радость, какое торжество охватило всѣ воинскія части, когда узнали онѣ что Горній Дубнякъ взятъ и гарнизонъ его сдается военнопленнымъ! Тысячи шапокъ полетѣли вверхъ или очутились на штыкахъ высоко поднятыхъ ружей; *ура*, какъ буря, носилось по всей окрестности; гвардейцы привѣтствовали, поздравляли другъ друга съ первымъ своимъ боемъ и первою гвардейскою побѣдой въ нынѣшнюю войну. Когда генералъ Гурко въѣхалъ въ толпу, кишившую въ редутѣ, солдаты, словно дѣти, въ радостномъ восторгѣ кинулись къ нему и хватали его стремя, колѣни, поводья.

«—«Скажите Государю, что мы сдержали свое слово... Пущай не сумлѣвается!... Поддержимъ старую славу!» кричали они со всѣхъ сторонъ генералу.

«Вдругъ появляется какой-то павловскій дѣтина, верхомъ на сѣрой маленькой турецкой лошадкѣ, ноги чуть не по землѣ волочатся, шапка на затылкѣ, курносое лицо осклаблено широчайшею улыбкой, мундиръ изорванъ въ клочья, въ рукѣ окровавленный штыкъ.

«—*Урра-а!* ваше превосходительство, *ур-ра!* кричитъ онъ, потрясая своимъ штыкомъ въ то время какъ маленькая лошаденка упрямится, брыкается подъ нимъ, бьетъ передомъ и задомъ, тщетно стараясь сбросить съ себя рьяпаго дѣтину.

«—Ты что? Откуда? спрашиваютъ его.

«—А я, ваше превосходительство я, значитъ, шабашевалъ!

«—Какъ шабашевалъ?

«—А все его же! Тѣхъ, значитъ, которые сдаваться не желали и стрѣляли въ нашихъ... Я ихъ сначала прикладомъ—ну, раскололся... сейчасъ этто отомкнулъ штыкъ и пошелъ имъ шабашевать.... Осталися очепно довольны!

«Общій веселый смѣхъ и *ура* товарищей привѣтствовали этого молодчину.

«Вотъ гурьба Измаиловцевъ, и впереди ихъ кучка офицеровъ—они подводятъ къ генералу какого-то рядоваго, въ рукахъ котораго развѣвается турецкое знамя —розовое съ бахромою, кистями и золотыми надписями изъ Корана;—докладываютъ что этотъ рядовой съ бою взялъ знамя у непріятеля.

«—Какъ зовутъ? спрашиваетъ генералъ.

«—Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 2-й роты рядовой Иванъ Овчинниковъ.

«—Молодецъ!... Спасибо!... Доложу Главнокомандующему и Государю Императору.

«И опять побѣдное *ура* гремитъ въ воздухѣ, и толпы гвардейцевъ заранѣе поздравляютъ будущаго георгіевскаго кавалера.

«Когда подвели плѣннаго пашу, генералъ Гурко протянулъ ему руку и черезъ переводчика выразилъ, что ему пріятно пожать руку противника, который защищался столь рѣшительно и храбро. Въ отвѣтъ на это Ахметъ-Хивзи слегка развелъ руками и нѣсколько грустно улыбнулся. Онъ видимо былъ очень взволнованъ и подавленъ горемъ. Вслѣдъ за пашой былъ представленъ начальникъ его штаба, назвавшійся Австрійцемъ. Но впослѣдствіи оказалось что онъ вовсе не

Австріецъ, а только жилъ въ Вѣнѣ въ послѣднее время предъ войною, въ качествѣ одного изъ состоящихъ при военной турецкой агентурѣ; происхожденія же сомнительнаго, чуть ли не изъ Евреевъ; хотя позднѣе и увѣрялъ, что онъ Венгерецъ.

«Вмѣстѣ съ пашой сдались до восьмидесяти офицеровъ (въ томъ числѣ одиннадцать регулярныхъ кавалерійскихъ), цѣлый кавалерійскій полкъ и до трехъ тысячъ пѣхотинцевъ. Взято четыре орудія, знамя, свыше пяти тысячъ ружей и множество патроновъ. Чтобы судить, до какой степени изобилія доходитъ у Турокъ снабженіе патронами, достаточно сказать, что большія коробки и ящики, наполненные ими, мы находили повсюду: и въ ложементахъ, и въ землянкахъ, въ домахъ, сараяхъ и на улицахъ; кромѣ того по всѣмъ ближайшимъ дорогамъ они были растеряны, или просыпаны цѣлыми кучами словно щебень, такъ что двигаться между ними верхомъ было даже не безопасно до нѣкоторой степени, для лошади. На всѣхъ патронахъ англійскія клейма. Большинство плѣнныхъ—народъ очень видный, бравый, одѣтый довольно порядочно, хотя и очень легко относительно осенняго времени; впрочемъ, въ средѣ ихъ является не малая смѣсь: есть шестнадцатилѣтніе мальчики, есть и старики чуть не шестидесяти лѣтъ, и таковыхъ не мало. Эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка окружилъ своимъ конвоемъ всю эту толпу и повелъ ее изъ Горняго Дубняка.

Русскій Міръ передавалъ, что турецкое знамя, взятое 12 октября рядовымъ 2-й роты Измайловскаго полка, Иваномъ Овчинниковымъ, на одномъ изъ укрѣпленій при Горнемъ Дубнякѣ, на дняхъ привезено въ Петербургъ. Платъ знамени величиной нѣсколько болѣе 4-хъ квадратныхъ аршинъ, сдѣланъ изъ прочной шелковой матеріи розоваго цвѣта и весь расшитъ золотомъ, такъ, что промежутки шитья образуютъ рядъ изреченій изъ Корана. Кругомъ знамя обшито золотою бахрамой, у древка висятъ на шелковыхъ розовыхъ шнурахъ тяжелыя такого же цвѣта кисти. Верхній конецъ древка оканчивается копьемъ. Къ древку прикрѣплено мѣдное изображеніе полумѣсяца. Край знамени оборванъ. Знамя находится теперь въ зданіи Главнаго Штаба.

Ахметъ-Хивзи-паша въ Русской Главной Квартирѣ.

Корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника* писалъ между прочимъ, что 13-го числа въ сумерки въ Главную Квартиру, въ селеніе Боготъ, были привезены подъ конвоемъ нѣсколькихъ гвардейскихъ уланъ Его Величества плѣнные паша Ахметъ-Хивзи и начальникъ его штаба. Паша, одѣтый въ короткое теплое пальто изъ верблюжьяго сукна и красную феску, сдвинутую на затылокъ, сидѣлъ на конѣ, что называется, молодцомъ, сохраняя гордую и полную достоинства осанку. На видъ—это довольно плотно сложенный, средняго роста мущина, лѣтъ около 50, съ весьма пріятными чертами лица, обрамленнаго русою бородой съ просѣдью. Типъ этого лица скорѣе славянскій или вообще сѣверно-европейскій, но никакъ не турецкій, хотя паша и увѣряетъ, что онъ кровный и искон-

ный Турокъ. Манеры его плавны, даже довольно изящны и при общей ихъ скромности, исполнены достоинства. Вообще, паша этотъ съ перваго же взгляда производилъ впечатлѣніе никакъ не отталкивающаго свойства и невольно возбуждаетъ участіе къ своему положенію военно-плѣннаго. Что же касается начальника его штаба, закутаннаго въ какую-то лисью шубейку полуженскаго покроя, то это маленькая, чернявенькая, тщедушная личность, обращающая на себя вниманіе только своимъ положительно европейскимъ типомъ, хотя, по увѣренію всѣхъ знающихъ его, онъ оказывается прирожденнымъ османлисомъ.

Паша Ахметъ-Хивзи не говоритъ ни на какомъ языкѣ кромѣ турецкаго. Онъ былъ очень любезно принятъ комендантомъ Дѣйствующей Арміи, генералъ-маіоромъ Штейномъ, который отвелъ ему особое помѣщеніе въ нарочно приготовленной юртѣ. Вмѣстѣ съ пашей приведенъ былъ и его слуга-солдатъ, раненый въ руку, которому немедленно было оказано медицинское пособіе. Плѣнные офицеры, все время, что они находились въ Боготѣ, получали пищу отъ стола Великаго Князя, и вообще плѣнныхъ старались содержать здѣсь по возможности удобно. На слѣдующее утро, 14-го числа, паша былъ представленъ Его Высочеству для необходимаго допроса, который шелъ чрезъ посредство состоящаго при Главнокомандующемъ драгомана, статскаго совѣтника Макѣева. По словамъ Ахметъ-Хивзи, у Османъ-паши въ Плевнѣ находится до 60 тысячъ разнаго войска; большая часть Черкесовъ и баши-бузуковъ уже нѣсколько недѣль выслана оттуда вонъ какъ лишніе рты; равно высланы и жители турецкаго происхожденія, Болгары же оставлены; въ началѣ сентября Ахметъ-Хивзи, въ качествѣ бригаднаго генерала, находился при войскахъ Шефкета въ Орханіе, а за удачный проводъ большаго транспорта въ Плевну (10 сентября) произведенъ въ чинъ *ферика* (дивизіоннаго генерала) и назначенъ начальникомъ Горно-Дубницкаго укрѣпленнаго этапа. По его словамъ, разные турецкіе транспорты, начиная съ 25 августа, все время проходили въ Плевну партіями различной величины, и послѣдній изъ нихъ, въ 260 повозокъ, прошелъ въ самый день боя, 12 октября, рано утромъ. Дабы уменьшить линію протяженія транспортныхъ колоннъ, Турки соединяли ихъ вплотную, по четыре повозки рядомъ, и вели такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія, отъ этапа къ этапу, избирая для одновременнаго слѣдованія двухъ параллельно идущихъ транспортовъ два пути: Софійское шоссе и прибрежную Видскую дорогу, выходящую на шоссе у Горняго Дубняка. Шли подводы также и со стороны Виддина. Конечно, на эти показанія не во всемъ можно полагаться, и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ относиться къ нимъ съ нѣкоторою критическою осторожностію, въ виду того что каждому плѣнному почти всегда, болѣе или менѣе, свойственно преувеличить предъ врагомъ силы и средства своей стороны, прибавивъ къ этому иногда и нѣкоторую мѣру самохвальства, что въ данномъ случаѣ, напримѣръ замѣчалось относительно *постояннаго* и *безпрепятственнаго* подвоза транспортовъ, какъ будто у насъ за Видомъ не было ни одного кавалериста или всѣ до одного были слѣпые. Что касается злоупотребленія бѣлымъ флагомъ, то паша заявилъ что онъ не знаетъ, было ли нѣчто подобное, а если и было, то это не болѣе

какъ прискорбное недоразумѣніе, самъ же онъ не отдавалъ на это приказанія и присовокупилъ, что вообще турецкимъ офицерамъ почти нѣтъ возможности сдерживать своихъ солдатъ при нынѣшнемъ смѣшанномъ ихъ составѣ и особенно въ такія критическія минуты какъ штурмъ; но что онъ, увидя продолженіе борьбы, не остановился предъ рискомъ броситься самому съ бѣлымъ флагомъ впередъ, въ самую свалку.

По окончаніи аудіенціи у Великаго Князя, паша Ахметъ-Хивзи высказалъ г-ну Макѣеву непритворное свое удивленіе, что «Братъ Русскаго Падишаха» говорилъ съ нимъ такъ просто и ласково и даже пригласилъ его сѣсть въ своемъ присутствіи. На вопросъ, что же его въ этомъ такъ удивляетъ, паша объяснилъ что у нихъ, въ Турціи, не только на братьевъ падишаха, но и на сердарь-экрема никто изъ старшихъ даже пашей не смѣетъ глазъ поднять, и при пріемѣ, подойдя къ сердарь-экрему для поклона, долженъ, не поворачиваясь назадъ, отпятится къ дверямъ и отвѣчать на вопросы стоя съ потупленною головой, а если сердарь-экремъ будетъ столь несказанно милостивъ, что пригласитъ пашу садиться, то паша можетъ присѣсть не иначе, какъ у двери, на самый кончикъ стула или табурета.

Паша провелъ въ Главной Квартирѣ около двухъ съ половиною сутокъ: въ это время Н. Д. Макѣевъ видѣлся съ нимъ довольно часто и, между прочимъ, имѣлъ одинъ очень интересный разговоръ. Дѣло коснулось войскъ хедива, которыя участвовали въ войнѣ Сербской и участвуютъ въ нынѣшней.

— Скажи, паша, спросилъ г. Макѣевъ, сколько Египтянъ было противъ Сербовъ?

— Не менѣе девяти тысячъ, было ему отвѣтомъ.

— А теперь, у принца Гассана, въ Добруджѣ?

— Отъ восемнадцати до двадцати тысячъ, а ожидаются еще значительныя подкрѣпленія.

— Но кромѣ того мы знаемъ изъ своихъ источниковъ, а также изъ иностранныхъ газетъ, что есть египетскія войска и противъ Шипки, и въ Софіи, и въ Салоникахъ, и въ Константинополѣ.

— Есть, есть, подтвердилъ паша.

— Но вѣдь хедиву надо же еще держать наблюдательный корпусъ и противъ Абиссиніи?

— О, конечно! это необходимо.

— А кромѣ того надо содержать гарнизоны и по крѣпостямъ, и вообще для внутренней службы?

— Да, и это необходимо.

— Но откуда же у хедива берутся такія значительныя, даже болѣе, чѣмъ значительныя силы?

Паша пожалъ плечами и отвѣчалъ уклончиво, что вамъ де долженъ быть извѣстенъ контингентъ Египта.

— Вотъ потому-то я и спрашиваю, пояснилъ г. Макѣевъ.

Паша исподлобья посмотрѣлъ на него, внимательнымъ, пытливымъ взглядомъ.

— То-есть, кажется, ты хочешь спросить меня: ужь не изъ Индіи ли они? спросилъ Ахметъ-Хивзи съ улыбкой.

— Нѣтъ, я желалъ бы только знать, откуда они берутся, отвѣчалъ г. Макѣевъ:—хотя, признаюсь, въ газетахъ уже не разъ приходилось наталкиватся на намеки, что, пожалуй, и изъ Индіи.

Паша улыбнулся и пожалъ плечами.

— Откуда они, я не знаю, сказалъ онъ: знаю только что ихъ привозятъ откуда-то въ Портъ-Саидъ и въ другія мѣста на пароходахъ какихъ-то частныхъ компаній; въ Египтѣ они получаютъ оружіе, обмундированіе и красные фесы, а затѣмъ ихъ перевозятъ въ Европу. Они по нашему не говорятъ, мы тоже не понимаемъ по ихнему, и потому не могу я сказать тебѣ откуда они берутся. Мусульманскій міръ великъ, прибавилъ Ахмедъ-Хивзи,—и въ немъ, во имя Пророка, тоже не мало найдется своихъ добровольцевъ, а кому-нибудь и гдѣ нибудь, можетъ быть и не безвыгодно избавиться отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ отчаянныхъ головъ, всегда готовыхъ на возстаніе.

Относительно патентованныхъ «друзей Турціи» паша не особенно выгоднаго мнѣнія, и думаетъ что еслибы не «друзья», то у Турціи никогда не дошло бы дѣло до войны съ Россіей, а друзья эти потому только и «друзья», что стерегутъ ближайшимъ образомъ, какъ бы захватить себѣ изъ турецкаго наслѣдства львиную долю.

15 октября Главную Квартиру посѣтилъ Государь Императоръ, пріѣхавшій въ Боготъ изъ Порадима, гдѣ нынѣ находится мѣсто пребыванія Его Величества. Послѣ завтрака у Великаго Князя Главнокомандующаго, Государь посѣтилъ здѣшніе госпитали, гдѣ разспрашивая лично каждаго раненаго, раздавалъ георгіевскіе кресты наиболѣе отличившимся и наиболѣе израненымъ нижнимъ чинамъ; а послѣ посѣщенія госпиталей, Его Величеству во дворѣ Главнокомандующаго былъ представленъ паша Ахмедъ-Хивзи, удостоенный нѣсколькими вопросами со стороны Государя Императора, по окончаніи чего онъ, по турецкому обычаю, приблизился къ стремени Государя и почтительно коснулся края одежды Его Величества.

Взятіе Телиша.

Занявъ съ боя 12 октября турецкія позиціи у Горняго Дубняка и укрѣпившись въ нихъ, генералъ Гурко рѣшилъ завладѣть Телишемъ, лежащимъ въ семи верстахъ отъ Горняго Дубняка на югъ, по Софійскому шоссе. Укрѣпленія Телиша расположены на самомъ шоссе, въ томъ мѣстѣ гдѣ оно поднимается значительно въ гору; укрѣпленія эти пересѣкаютъ шоссе поперечно и имѣютъ видъ большаго редута, обнесеннаго вокругъ рвомъ и валомъ. Правѣе этого редута возвышенность, на которой расположенъ редутъ, круто нисходитъ въ лощину; въ лощинѣ лежитъ самое селеніе Телишъ; за лощиной поднимается вправо другая возвышенность, на которой расположенъ другой турецкій редутъ меньшихъ размѣровъ, но также, какъ и первый, обнесенный рвомъ и валомъ. Сло-

вомъ, все то же что и въ Горнемъ Дубнякѣ, что и повсюду у турокъ,—система окоповъ, система, какъ у крота зарываться въ землю и оттуда сторожить непріятеля. Зарывшись въ землю, точно уйдя въ нору, турокъ страшенъ тѣмъ что, самъ скрытый отъ взоровъ непріятеля, причиняетъ аттакующему слишкомъ много потерь, пока солдатъ нашъ успѣетъ добраться до норы, гдѣ засѣлъ турокъ и штыкомъ выгнать его оттуда. Едва турокъ принужденъ выскочить изъ за окопа, онъ сдается, кладетъ оружіе и проситъ пощады.

На этотъ разъ, генералъ Гурко, озабоченный тѣмъ, чтобы при взятіи Телишскихъ укрѣпленій наивозможно болѣе щадить русскую кровь, рѣшилъ для взятія Телиша предоставить главную роль гвардейской артиллеріи, и прибѣгнуть къ аттаку только въ послѣднюю минуту, какъ къ послѣднему, рѣшающему удару. Такой образъ дѣйствій былъ тѣмъ болѣе возможенъ, что генералу Гурко не приходилось слишкомъ спѣшить взятіемъ Телиша, такъ какъ въ нашихъ рукахъ уже имѣлась укрѣпленная позиція на шоссе у Горняго Дубника, и самое наступленіе на Телишъ было предпринято только въ видахъ расширенія и большаго укрѣпленія этой, уже занятой нами позиціи. Въ дѣлѣ 12 октября у Горняго Дубняка приходилось дѣйствовать иначе; тамъ нельзя было медлить изъ опасенія что Османъ-паша выйдетъ на насъ изъ Плевны, что съ юга изъ Орханіе подойдутъ турецкія войска: приходилось брать турецкія укрѣпленія съ налету; приходилось рѣшительно и быстро сѣсть верхомъ на шоссе и осѣдлать его. Съ Телишемъ, наоборотъ, можно было имѣть дѣло, хотя бы въ продолженіе двухъ дней. Поэтому и рѣшено было подвергнуть турецкіе редуты у Телиша продолжительному дѣйствію артиллерійскаго огня. Для этой цѣли генералъ Гурко распорядился выдвинуть 16 октября противъ Телишскихъ высотъ шесть пѣшихъ и четыре конныя баттареи, то есть 48 орудій пѣшихъ и 24 конныхъ баттарей, итого 72 орудія, и, кромѣ того, съ сѣверо-западной стороны Кавказскую бригаду генерала Черевина съ Донскою баттареей.

Въ прикрытіе баттареямъ назначены были Московскій и Гренадерскій полки, причемъ придано къ каждой баттареѣ по полуротѣ гвардейскаго саперпаго баталіона для постройки окоповъ впереди орудій; на флангѣ нашихъ позицій поставлены двѣ кавалерійскія бригады—Гродненскій гусарскій, лейбъ-гвардіи Уланскій, Драгунскій лейбъ-Гусарскій и Конно-Гренадерскій полки, чтобы преслѣдовать непріятеля въ случаѣ отступленія; наконецъ у Дольняго Дубняка, чтобъ отвлечь вниманіе сосредоточенныхъ тамъ турокъ, рѣшено было произвести сильныя демонстраціи: одну отрядомъ генерала Арнольди, другую—Кіевскимъ гусарскимъ полкомъ съ придачею къ нему двухъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка, при одной баттареѣ.

Въ 9 часовъ утра, 16 октября, генералъ Гурко выѣхалъ изъ Горняго Дубняка въ сопровожденіи штаба и конвоя на мѣстѣ предполагаемаго сраженія подъ Телишемъ. У Дубняка уже началась демонстрація. Тамъ грохотали пушки и трещали уже ружейные выстрѣлы. Но подъ Телишемъ назначено было начать сраженіе въ 11 часовъ утра, и мы двигались за генераломъ по шоссе, обгоняя баттареи и войска, которыя еще только шли занимать боевыя позиціи. При видѣ

черной наступающей массы нашего войска, цѣпь турецкихъ аванпостовъ стала немедля отступать къ турецкому редуту, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, если не считать маленькой стычки, происшедшей на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, гдѣ десятокъ черкесовъ открыли было огонь по Гродненскому гусарскому полку и затѣмъ тотчасъ же ускакали. Одною изъ пущенныхъ этими черкесами пуль былъ сильно контуженъ принцъ Саксенъ-Альтенбургскій, командиръ полка, ѣхавшій впереди. Пуля ударила ему въ металлическую папиросницу и, не имѣвъ силы пробить, согнула ее и ушибла принцу ногу. Между тѣмъ баттареи въѣхали на позиціи и расположились широкимъ полукругомъ въ виду главнаго турецкаго редута, помѣщавшагося на самомъ шоссе. Генералъ Гурко со своею свитой остановился вблизи одной изъ баттарей нашего центра. Генералъ сидѣлъ на складномъ стулѣ и принималъ безпрестанно со всѣхъ концовъ привозимыя къ нему донесенія. Мы всѣ полулежали вокругъ генерала на травѣ, уже сухой и порыжѣвшей отъ холодовъ. Ровно въ 11 часовъ утра раздался на баттареѣ лѣваго фланга первый пушечный выстрѣлъ, и первая наша граната, взвизгнувъ при вылетѣ изъ орудія, зарокотала въ воздухѣ по направленію къ турецкому редуту. Генералъ снялъ шапку, и мы всѣ перекрестились. «Снова битва!» думалось каждому; «снова неизвѣстность, чѣмъ кончится день!» Снова застукало и защемило сердце, и кровь взволновалась. Первая минута боя—тяжелая минута! Скоро привыкаешь къ шуму и реву сраженія, но въ началѣ его словно стоишь предъ чѣмъ то неизвѣстнымъ, безотчетно страшнымъ, которое готово обрушиться, подавить васъ, уничтожить. А тутъ, подъ Телишемъ, невольно приходилъ на умъ цѣлый день недавно пережитый подъ Горнымъ Дубнякомъ, день 12 октября, когда и здѣсь, подъ Телишемъ, цѣлый полкъ Егерскій геройски осаждалъ Телишскія укрѣпленія и не въ силахъ былъ одолѣть того редута, куда какъ вызовъ понеслась сейчасъ наша первая граната. За нашимъ первымъ выстрѣломъ зазвучалъ второй, третій, и вотъ весь полукругъ, занятый нашими баттареями, заревѣлъ, задымился, застоналъ отъ пушечной пальбы. Турки принялись было энергично отвѣчать намъ изъ редута и направили свои первые снаряды на наши центральныя позиціи. Намъ съ генераломъ Гурко такое ужъ счастье: всегда попадать первыми подъ огонь непріятеля. Турецкіе снаряды стали ложиться впереди, позади насъ, сбоку, врывались въ землю, лопались, и осколки ихъ со звономъ разлетались во всѣ стороны. По тому же непонятному счастію, что и въ дѣлѣ 12 октября, въ штабѣ генерала не было раненыхъ или убитыхъ. Но турки не долго угощали насъ своими снарядами; черезъ часъ канонады, выстрѣлы ихъ начали становиться все рѣже, а наши орудія все усиливали, все учащали огонь; въ редутъ стрѣляли уже не отдѣльными выстрѣлами, а залпами, не только изъ простыхъ гранатъ, но изъ шрапнели. Ежесекундно появлялись высоко надъ редутами круглыя маленькія яблочки дыму, обозначавшія лопнувшую надъ ними шрапнель. То были шрапнели какой то новой системы, съ діафрагмой, лопнувъ надъ непріятелемъ, онѣ обсыпали его сверху градомъ пуль, разлетавшихся вѣерообразно. Не весело было туркамъ въ редутѣ сидѣть подъ градомъ такой шрапнели! Наша артиллерія должна была производить на турокъ подав-

ляющее впечатлѣніе. Это чувствовалось какъ то всѣми. «Мы теперь пристрѣлялись», говорилъ намъ одинъ изъ артиллеристовъ. «Мы попадаемъ теперь безъ промаха въ намѣченную точку.» «Не завидую я туркамъ!» высказалъ кто то громко общую нашу мысль—мысль эта вѣроятно пришла и въ голову генерала Гурко. Послѣ двухъ съ половиной часовъ непрерывнаго артиллерійскаго огня изъ 72 орудій, генералъ Гурко задумалъ попробовать съ турками новое средство, а именно послать къ нимъ парламентера съ предложеніемъ сдаться. Не медля привели пять человѣкъ плѣнныхъ, захваченныхъ ранѣе, въ дѣлѣ 12 октября подъ Горнымъ Дубнякомъ, и передали имъ подписанное самимъ Гурко письмо къ пашѣ, начальнику турецкихъ войскъ подъ Телишемъ, слѣдующаго содержанія.

«Вы окружены со всѣхъ сторонъ русскими войсками; 100 орудій направлены на васъ и уничтожатъ ваши окопы со всѣми ихъ гарнизонами. Во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія предлагаю вамъ положить оружіе.» Вручивши плѣннымъ туркамъ это письмо, генералъ Гурко приказалъ трубить по всей линіи отбой, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ оглушительнаго грохота пушекъ внезапно водворилась тишина по всей линіи. Отвести парламентеровъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ генералъ Гурко поручилъ своему ординарцу, хорунжему князю Цертелеву. Князь Цертелевъ отправился впередъ съ плѣнными турками, и сдѣлавъ изъ своего носоваго платка нѣчто похожее на парламентерскій флагъ, вручилъ этотъ флагъ плѣннымъ туркамъ. Между тѣмъ, едва прекратился нашъ артиллерійскій огонь, на редутѣ вдругъ открылось для насъ любопытное зрѣлище. Турецкій редутъ, казавшійся до той минуты рядомъ земляныхъ насыпей, вдругъ усѣялся тысячами красныхъ шапочекъ: то выглянули изъ своихъ земляныхъ норъ турецкіе солдаты, не понимавшіе что означаетъ такое неожиданное прекращеніе смертоноснаго огня съ нашей стороны. Тутъ завидѣли они пятерыхъ высланныхъ ихъ парламентеровъ, турокъ, махавшихъ носовымъ платкомъ князя Цертелева. Парламентеры дошли до редута и скрылись за его насыпями. Прошло нѣсколько томительныхъ, длинныхъ минутъ, въ которыя паша вѣроятно разбиралъ письмо къ нему генерала Гурко и совѣщался со своимъ штабомъ. Затѣмъ изъ редута вышелъ на шоссе какой-то турокъ и замахалъ бѣлымъ платкомъ Цертелеву, ожидавшему развязки на шоссе, вблизи турецкихъ укрѣпленій. Князь Цертелевъ, завидя турецкаго парламентера, поскакалъ къ нему на встрѣчу, а наши войска, Московскій и Гренадерскій полки, лежавшіе впереди нашихъ батарей и ожидавшіе той минуты, когда ихъ двинутъ на атаку редута, въ огонь и на смерть, полки эти, завидя вышедшаго изъ редута парламентера, вскочили на ноги и бросивъ шапки къ верху закричали *ура!* На батареяхъ это *ура* подхватила артиллерія, и *ура* пронеслось изъ конца въ конецъ по всей нашей боевой линіи. «Неужели сдача? Неужели конецъ?» думалось намъ; «ужели безкровная побѣда?» Какъ-то боялись мы повѣрить въ это. Между тѣмъ генералъ Гурко выѣхалъ съ батареи, съ которой наблюдалъ за ходомъ сраженія, на шоссе и тамъ ожидалъ турецкаго парламентера. Слѣдуя за генераломъ, я видѣлъ, между прочимъ, какъ на только-что покинутой нами

батареѣ, наводчикъ-артиллеристъ обнималъ, цѣловалъ и нѣжно гладилъ рукой большое 9-ти фунтовое орудіе: «Родная ты моя, повторялъ онъ, матушка, глядико что надѣлала! показала себя.» Подъѣхавшій къ генералу Гурко турецкій парламентеръ оказался турецкимъ полковникомъ, говорившимъ по-французски, и генералъ Гурко обратился къ нему на французскомъ языкѣ. Вся фигура генерала дышала въ ту минуту строгостью и импонирующимъ достоинствомъ. «Я требую,» зазвучалъ при наступившей тишинѣ голосъ генерала Гурко, — «я требую чтобы ваши солдаты сложили оружіе у выхода изъ редута по обѣимъ сторонамъ шоссе, и чтобы безоружные шли за нашу цѣпь. Даю вамъ времени полчаса. Иначе снова открываю огонь и буду атаковать васъ своими войсками.» Турецкій полковникъ, очутившись предъ повелительною фигурой генерала Гурко и предъ многочисленною и блестящею свитой генерала, сконфузился, задрожалъ и, не сказавъ ни одного слова, поѣхалъ назадъ передавать пашѣ предъявленныя требованія. Все еще не вѣрилось въ возможность такой удачи, такого счастія завладѣнія Телишемъ безъ пролитія крови. «Не ловушка ли это? быть-можетъ турки только пользуются минутой? Быть можетъ они уже бѣгутъ изъ своихъ укрѣпленій по дорогѣ въ Софію.» И дѣйствительно, съ того мѣста гдѣ стояли на шоссе, мы замѣтили турецкую кавалерію, скакавшую изъ редута черезъ деревню въ поле; замѣтили также, какъ изъ другаго турецкаго редута, расположеннаго за селеніемъ, уходила также въ поле турецкая пѣхота: но уланскій полкъ на нашемъ правомъ флангѣ уже скакалъ во весь опоръ въ обходъ къ этимъ бѣжавшимъ туркамъ. За то впереди насъ, на шоссе, изъ главнаго редута показались первыя колонны сдавшихся турокъ: они клали оружіе и выстраивались по-баталіонно въ порядкѣ на шоссе. За ихъ выходомъ и движеніемъ наблюдали князь Церетелевъ и генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій. Между сдавшимися нашелся одинъ татаринъ, хотя и плохо, но говорившій порусски. «Русскій хорошъ?» обратился онъ къ кн. Церетелеву; «Турокъ нѣтъ хорошъ, я хочу къ Русскимъ!» — «Оно и вѣрнѣе теперь,» замѣтилъ ему Церетелевъ. Вышелъ изъ редута вмѣстѣ съ турками какой-то иностранецъ, съ бѣлою повязкой и красною луной на ней. «Вы Англичанинъ?» спросилъ его одинъ изъ нашихъ офицеровъ. — «Нѣтъ, Французъ! отвѣтилъ иностранецъ чувствительнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. — «Вѣроятно изъ Пешта?» переспросилъ его офицеръ. Показались у выхода также трое Англичанъ съ бѣлыми повязками на рукавахъ и съ красною луной. «Мы здѣсь съ гуманитарными цѣлями,» поспѣшили заявить они первые: «мы только при больныхъ и при раненыхъ». Наконецъ выѣхалъ и самъ паша—Измаилъ-Хаки-паша. Толстенькій, круглый, маленькаго роста, на маленькой лошадкѣ, паша вертѣлся ежеминутно на сѣдлѣ и улыбался во всѣ стороны. Заботился онъ всего болѣе, чтобы какъ-нибудь не пропали его вещи; онъ былъ видимо счастливъ и доволенъ своею судьбой. Впечатлѣніе производилъ онъ болѣе героя изъ Оффенбаховской оперетки «*la belle Hélène*», чѣмъ начальника 4,000 гарнизона. Иначе выглядывалъ Ахмедъ-Февзи-паша, взятый въ плѣнъ въ Горнемъ Дубнякѣ. Послѣ десятичасоваго боя, усталый и задуманный, тотъ паша былъ очень симпатиченъ, и производилъ впечатлѣніе дѣль-

наго и умнаго генерала. Сожалѣлъ онъ всего болѣе о томъ что, остался живъ и говорилъ, положа руку на сердце, что исполнилъ свой долгъ до конца.

Между тѣмъ колонны положившихъ оружіе турокъ проходили мимо генерала Гурко, по баталіонно. Всего было семь баталіоновъ, неполнаго состава. Переднею колонною проходилъ низамъ въ синихъ курткахъ и болѣе щегольскихъ фескахъ, чѣмъ у остальныхъ войскъ. За нимъ шелъ редифъ въ рыжихъ куртках, и далѣе мустахафизъ; лица проходили всѣхъ цвѣтовъ, отъ бѣлаго до чернаго, какъ уголь у Негра, и со всевозможными оттѣнками цвѣта.

Плѣнный паша и на генерала Гурко произвелъ, повидимому, невыгодное впечатлѣніе. Генералъ сухо поклонился пашѣ и сейчасъ же поручилъ своему ординарцу, улану Сухомлинову, отвести пашу въ Горній Дубникъ и озаботиться отысканіемъ ему помѣщенія. Пропустивъ мимо себя весь, положившій оружіе гарнизонъ турецкаго войска, генералъ Гурко поѣхалъ въ редутъ и отдалъ строжайшее приказаніе собрать все имущество турокъ и возвратить его собственникамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ не медля положить турецкихъ раненыхъ на носилки и нашимъ солдатамъ нести ихъ въ русскій, ближайшій перевязочный пунктъ. Приказаніе было исполнено тутъ же, и вереницы носилокъ потянулась по шоссе. «Тяжелые какіе!» говорили солдаты про раненыхъ турокъ, которыхъ несли.— «Благодарите Бога что своихъ-то не пришлось таскать,» замѣчали на это проѣзжавшіе офицеры.

«Своего-то не въ примѣръ тяжелѣе нести,» отвѣчали солдаты.

Сдача Телишскихъ укрѣпленій (16 октября) дала намъ возможность собрать тѣла офицеровъ и солдатъ Егерскаго полка, убитыхъ и раненыхъ въ дѣлѣ 12 октября подъ Телишемъ и остававшихся доселѣ неприбранными. Какъ вамъ известно, Егерскому полку поручено было во время штурма турецкихъ редутовъ у Горнаго Дубняка аттаковать турокъ въ Телишѣ, чтобы воспрепятствовать имъ придти оттуда на помощь къ осаждаемымъ въ Горнемъ Дубнякѣ. Егерскій полкъ геройски и успѣшно въ теченіе цѣлаго дня 12 октября исполнялъ ввѣренную ему тяжелую задачу; онъ окружилъ укрѣпленія Телиша, занялъ нѣсколько турецкихъ ложементовъ, а передовые цѣпи полка въ теченіе многихъ часовъ лежали въ этихъ ложементахъ у самаго рва Телишскаго редута. Но, когда въ концѣ дня, турки, получивъ подкрѣпленіе, перешли въ наступленіе, и Егерскій полкъ, исполнивъ свою задачу, принужденъ былъ отступить, то много нашихъ раненыхъ и убитыхъ осталось въ рукахъ турокъ. Въ настоящую минуту, по сдачѣ Телишскихъ укрѣпленій, тѣла эти были найдены въ обезображенномъ видѣ; въ живыхъ не оказалось никого; турки не взяли въ плѣнъ нашихъ раненыхъ; много мундировъ Егерскаго полка мы нашли разбросанными по землѣ въ сдавшемся турецкомъ лагерѣ; много видѣли надѣтыхъ на плечахъ турецкихъ солдатъ. Но съ обладателями ихъ, ранеными въ бою, турки поступили по своему жестокому, звѣрскому обыкновенію. Отъ 300 до 400 тѣлъ офицеровъ и солдатъ Егерскаго полка были найдены валявшимися у самаго турецкаго редута совершенно голыми, обобранными до нитки. Между ними, всѣ тѣла убитыхъ во время сраженія сохранились неприкосновенными отъ турецкаго поруганія; тѣла же тяжело-ра-

неныхъ, не имѣвшихъ силы отползти во время отъ турокъ, носили слѣды разнообразныхъ видовъ утонченнаго изувѣченія. У однихъ были отрѣзаны носы и уши, у другихъ вырѣзаны ремни на спинѣ, на груди и на ногахъ, у третьихъ вырѣзаны правильные кружечки на сердцѣ, и кожа снята. У всѣхъ егерей, имѣвшихъ на погонахъ призовый, продольный галунъ за отличную стрѣльбу, турки дѣлали крестообразный надрѣзъ кожи на вискѣ. Наконецъ, много валялось по землѣ отрубленныхъ рукъ и ногъ и нѣсколько отсѣченныхъ головъ. Доктора, по количеству вытекшей крови и другимъ признакамъ, констатировали, что всѣ сказанныя изувѣченія были произведены надъ живыми еще офицерами и солдатами. Этихъ, заживо изувѣченныхъ, турки собрали вмѣстѣ и прикрыли тонкимъ слоемъ земли, для того, вѣроятно, чтобы содѣланное звѣрство не слишкомъ бросалось глаза въ случаѣ новаго прихода Русскихъ. Что же касается убитыхъ въ бою, то тѣла ихъ турки оставили лежать голыми па тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застала ихъ смерть, и не прикрыли землей. Позы этихъ убитыхъ въ бою —обыкновенныя позы убитыхъ: кто лежитъ свернувшись пичкомъ, кто на спинѣ съ поднятыми вверхъ руками, застывшими въ томъ видѣ, въ какомъ, въ моментъ смерти, солдатъ, прицѣливаясь, держалъ ружье. Что же касается позъ изувѣченныхъ заживо тѣлъ, то позы эти до крайности неспокойно, вытянуты; тѣла лежатъ сильно раскидавшись руками и ногами, и на лицахъ замѣчается часто ясно выраженная печать муки: стиснутые зубы, застывшая судорога на лицѣ, рука поднятая съ пальцами сложенными для крестнаго знаменія....

Допрошенный по поводу этихъ звѣрствъ, паша, взятый въ плѣнъ при сдачѣ Телиша показалъ, что то было дѣломъ убѣжавшихъ черкесовъ и баши-бузуковъ, распорядившихся безъ его вѣдома съ русскими ранеными, но тутъ же проговорился сказавъ, что принужденъ былъ стрѣлять изъ пистолета въ своихъ солдатъ, желая этимъ предупредить звѣрство. Англичане, взятые въ плѣнъ въ Телишѣ послѣ 12 октября, по прибытіи въ главную квартиру составили и подписали актъ о фактѣ изувѣченія раненыхъ русскихъ бойцовъ подъ стѣнами турецкаго редута. Тѣла эти всѣ подобраны теперь и предаются землѣ съ военными почестями. Проходя вчера по нашему лагерю у Горняго Дубняка, я встрѣтился съ одною изъ часто бывающихъ у насъ теперь грустныхъ процессій. Хоронили четырехъ офицеровъ Егерскаго полка, флигель-адъютанта полковника Мебеса, командира 1-го баталіона, и ротныхъ командировъ Шильдбаха, Перепелицына и Базилевскаго 2-го, убитыхъ къ дѣлѣ 12 октября подъ Телишемъ. Негромко и печально звучали аккорды похороннаго марша. Офицеры несли четверо носилокъ съ покойными товарищами, павшими въ бою за вѣру и отечество. Весь Егерскій полкъ, подъ ружьемъ, медленно двигался въ тактъ музыки за носилками; изъ окрестныхъ лагерей вышло много солдатъ безъ шапокъ, глядѣли на церемонію и крестились. На одномъ изъ курганчиковъ была вырыта одна большая яма, глубиной въ $1^1/_2$ аршина для всѣхъ четверыхъ вмѣстѣ. При замолкнувшей музыкѣ, священникъ прочелъ короткую молитву и помянулъ шесть именъ; вѣроятно тѣла двоихъ изъ помянутыхъ не были отысканы среди убитыхъ подъ Телишемъ. Принесли два снопа и набросала въ яму соломы, на

которую, снявъ трупы съ носилокъ, положили покойниковъ, завернутыхъ въ бѣлыя простыни. Музыка заиграла на этотъ разъ гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»... Солдатъ-егерь, стоявшій рядомъ со мною, видимо растроганный печальною сценой и музыкальными аккордами, урывкомъ обдергивалъ обшлагомъ рукава навернувшуюся слезу. На положенныхъ рядомъ покойниковъ накинули сверху тоже соломы, и въ минуту солдаты зарыли яму, сдѣлали насыпь, и воткнули въ нее заранѣе приготовленный простой деревянный крестъ. Молча перекрестившись, всѣ начали расходиться въ разныя стороны. «На плечо!» командовалъ егерямъ офицеръ. Полкъ зашагалъ, удаляясь отъ могилы, и осталась тутъ въ сторонкѣ одна безыменная насыпь съ деревяннымъ крестомъ.... А завтра, быть можетъ, новый бой, скомандуютъ выступленіе, и могилка останется на вѣки одна одинешенька, въ сторонѣ отъ дороги, близь селенія Горній Дубнякъ. Невольно приходили на умъ слова похороннаго марша: «прости же товарищъ»!...

Мы здѣсь оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой....

Вчера цѣлый день у насъ на глазахъ были печальныя и трогательныя сцены. Отправившись съ похоронъ въ селеніе Чириково на нашъ перевязочный пунктъ, я и художникъ Верещагинъ застали тамъ выносимые изъ соломеннаго шатра останки полковника Эбелинга, командира 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона. Сестра милосердія Полозова плела изъ дубовыхъ листьевъ вѣнокъ покойному. Офицеры толпой стояли у шатра, и одинъ изъ нихъ, показывая на покойнаго, сказалъ: «то былъ истинный джентльменъ въ жизни, джентльменъ на службѣ, джентльменомъ велъ себя во время сраженія и умеръ истиннымъ джентльменомъ». Полковникъ Эбелингъ былъ раненъ 12 октября при штурмѣ редута подъ Горнимъ Дубнякомъ въ то время, какъ впереди своего баталіона первымъ подбѣжалъ къ редуту. Пуля попала ему въ ногу выше колѣна и раздробила ему кость. Полковникъ упалъ и, благодаря тому, что былъ слишкомъ близко отъ непріятеля, оставался долгое время безъ всякой помощи. Раненый, онъ пролежалъ у турецкаго редута съ 8 часовъ утра до 10 часовъ вечера. На другой день онъ былъ въ бодромъ и разговорчивомъ настроеніи духа и охотно согласился на ампутацію ноги; но операція эта не въ состояніи была предупредить быстро развившейся гангрены, отъ которой и скончался полковникъ Эбелингъ.

Отъ шатра, гдѣ одѣвали покойнаго, мы пошли по палаткамъ перевязочнаго пункта въ сопровожденіи доктора Экка. Большинство раненыхъ было уже отправлено въ слѣдующіе госпитали, въ палаткахъ оставались одни тяжело раненые, не могущіе вынести передвиженія; «этому», говорилъ намъ докторъ, по-французски, указывая на одного изъ лежавшихъ на койкѣ солдатъ, «этому остается одна ночь жизни. Гангрена у него поднялась до желудка».

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, голубчикъ? обратился къ нему докторъ.

— Много лучше, в—діе, животъ маленько, словно каменный; а то слава Богу!

— Этому—много день, два, продолжалъ докторъ, указывая на другаго.

— А что, страшно было первый разъ идти въ огонь? спросилъ я одного изъ солдатъ-гренадеръ.

— Страшновато, ваше б—діе.

— А назадъ воротиться не хотѣлось?

— Какъ можно назадъ? Господа впередъ идутъ, нашъ офицеръ, ротный командиръ, впереди, *«ура!»* кричитъ, «ребята», мы за нимъ *ура!* А *онъ* сыплетъ въ тебя энтими пулями словно горохомъ. Никакого граду такого не бываетъ какъ онъ въ тебя сыплетъ.

— Я покажу вамъ куріознаго субъекта, сказалъ докторъ, выводя насъ изъ палатки и указывая на крупныхъ размѣровъ солдата, лежавшаго на соломѣ у выхода. Солдатъ этотъ съ небритою бородой и съ густыми усами, закрученными вверхъ, сильно напоминалъ унтера старыхъ временъ; принадлежалъ онъ къ Гренадерскому полку и по имени прозывался Мочаловъ.—У него, сказалъ докторъ, не больше ни меньше какъ 23 раны, причиненныя ему 17-ю пулями, изъ которыхъ шесть на вылетъ, а одиннадцать сидятъ въ немъ.

И въ доказательство своихъ словъ, докторъ приподнялъ Мочалова за руку, поднялъ рубашку и показалъ намъ спину солдата, гдѣ зіяли 7 черныхъ отверстій; одно изъ нихъ, по объясненію доктора, была сквозное и выходило въ груди; кромѣ того, двѣ раны въ груди и 7 ранъ въ ногахъ, всѣ навылетъ.

— Ну, какъ тебѣ сегодня? спросилъ докторъ, опуская потихоньку Мочалова, два раза при этомъ крякнувшаго.

— Хорошо, ваше высокоблагородіе, явственно и отчетливо, не то ironически, не то серіозно проговорилъ раненый.

Верещагинъ набросилъ карандашомъ профиль солдата въ свою записную книжку.

— Видишь! сказалъ докторъ, снова обращаясь къ Мочалову:—какъ тобой интересуются, портретъ съ тебя написали.

— Ну! проговорилъ Мочаловъ:—ужь мнѣ одинъ портретъ—на тотъ свѣтъ! добавилъ онъ слабымъ голосомъ.

Отъ нашихъ раненыхъ мы перешли къ раненымъ туркамъ. Эти помѣщались вокругъ дерева, въ тѣсной кучѣ, на открытомъ воздухѣ, такъ какъ палатки всѣ были еще заняты нашими ранеными. Сестры милосердія и фельдшерицы, стоя на колѣняхъ посреди этой пестрой группы, дѣлали перевязки; гвалтъ и шумъ тутъ стоялъ страшный. Каждый хотѣлъ, чтобъ имъ занялись раньше другаго; каждый лѣзъ впередъ, толкалъ своего раненаго товарища. Стоило принести ведро воды, у ведра между ранеными затѣвалась драка; стоило явиться солдату съ мѣшкомъ для раздачи хлѣба, раздача становилась невозможною, ибо всѣ лѣзли къ мѣшку и рвали мѣшокъ изъ рукъ. Приставленная для порядка стража безнадежно разводила руками, не зная какъ тутъ быть. «Чистые звѣри!» говорилъ солдатъ, глядѣвшій на кричащую, стонущую и ревущую группу:—на нихъ конвоя-то нужно больше чѣмъ ихъ самихъ есть».—«Нашихъ егерей-то какъ порѣзали!» замѣчалъ другой. «Переколоть бы ихъ всѣхъ!» слышалось въ третьемъ

мѣстѣ. Но то были только слова. Наши же солдаты собрали всѣхъ этихъ раненыхъ на полѣ сраженія и принесли на перевязочный пунктъ. Въ самую возбужденную минуту, въ минуту взятія редута, рѣдкій штыкъ поднимался, чтобы приколоть раненаго турка. На дѣлѣ русскій солдатъ показалъ себя высоко великодушнымъ, хотя турки и сдѣлали съ своей стороны все, чтобы возбудить въ нашемъ солдатѣ чувства раздраженія и злобы.

Мы отошли отъ группы раненыхъ турокъ, въ которой всего пять-шесть человѣкъ тяжело-раненыхъ были симпатичнѣе другихъ, лежа спокойно и видимо страдая; между этими послѣдними, одинъ, раненый въ грудь, очень напоминалъ собою одну изъ тѣхъ восковыхъ фигуръ, которыя показываютъ въ музеяхъ подъ именемъ раненаго зуава. Онъ тяжело поднималъ и опускалъ грудь, открывалъ медленно большіе черные глаза и выказывалъ два ряда бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ; онъ былъ при послѣднемъ издыханіи. Мы отошли отъ группы при звукахъ похороннаго марша, какой слышали поутру; то несли Эбелинга, положеннаго въ дубовый гробъ, къ запряженной волами телѣгѣ, съ тѣмъ, чтобы тѣло покойнаго переправить въ Россію. . . . .

Князь *Л. Шаховской.*

Два эпизода изъ дѣла при Телишѣ.

Спеціальный корреспондентъ *National-Zeitung,* въ письмѣ изъ Богота, отъ 2 ноября (21 октября), о боѣ при Телишѣ, передаетъ между прочимъ слѣдующіе два эпизода:

«При капитуляціи Телиша, въ числѣ другихъ турецкихъ войскъ находились два эскадрона Черкесовъ. Они уже готовились выдать свое оружіе и лошадей, какъ вдругъ 150 человѣкъ изъ нихъ снова схватились за свои винтовки, вскочили въ сѣдла и погнали лошадей: они хотѣли попытаться спастись бѣгствомъ. Стоявшій по близости полкъ гвардейскихъ уланъ тотчасъ же бросился за ними и весьма скоро нагналъ. Черкесы стали защищаться, но всѣ до одного были изрублены. Я объясняю себѣ эту безумную, безнадежную попытку къ бѣгству только ужасомъ предъ стыдомъ вернуться позднѣе домой безъ оружія. Потеря оружія, которое у Черкесовъ переходитъ обыкновенно по наслѣдству, отъ отца къ сыну, и въ числѣ котораго встрѣчаются поэтому весьма цѣнные старые экземпляры, считается у нихъ величайшимъ позоромъ. Всѣ презираютъ лишившагося оружія, и даже собственное семейство перестаетъ считать его своимъ членомъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ передавали».

Тотъ же корреспондентъ продолжаетъ далѣе:

«Привожу интересный примѣръ до какой степени неизвѣданнымъ путемъ слѣдуютъ часто осколки разрывающихся гранатъ. Этотъ случай разсказывалъ мнѣ одинъ офицеръ гвардейской артиллеріи, сопровождавшій взятыя у турокъ въ Телишѣ три орудія въ Порадимъ. Огонь русской артиллеріи, само собою разумѣется, особенно безпокоилъ турокъ, и вотъ они довольно продолжительное время сосредоточивали огонь своихъ трехъ орудій исключительно на однѣхъ русскихъ

баттареяхъ. Они стрѣляли хорошо; около 50 гранатъ попали какъ разъ въ баттареи и разорвались, а между тѣмъ изъ русскихъ артиллеристовъ не было ни одного убитаго, ни раненаго».

Взятіе Дольняго Дубняка.

Дольній Дубнякъ былъ взятъ 20 октября 1877 г. генераломъ Гурко безъ потери хотя бы одного человѣка. Въ 6 часовъ пополудни генералъ Гурко двинулъ въ аттаку турецкой позиціи 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и часть 1-й, при 64 орудіяхъ. Дольній Дубнякъ былъ прекрасно укрѣпленъ и занятъ отрядомъ числомъ до 5.000, подъ командою паши. Послѣ двухчасовой сильной канонады съ русской стороны и ружейнаго огня съ довольно близкой дистанціи, турки бросили свою позицію и побѣжали къ Плевнѣ. Такъ какъ Дольній Дубнякъ не былъ окруженъ русскими войсками, такъ какъ не было на лицо достаточной кавалеріи, кромѣ конвоя, и такъ какъ прямая дорога въ Плевну лежала открытою предъ турками, которымъ предстояло пройти всего шесть миль, то и невозможно было задержать ихъ отступленіе. За овладѣніемъ Русскими Телишемъ 29 (17) октября, Горнимъ Дубнякомъ 24 (12) числа, и наконецъ вчера Дольнимъ Дубнякомъ, обложеніе Плевны можно считать полнымъ. Софійская дорога теперь положительно закрыта для Османа. Если силы Османъ-паши все еще надо полагать въ 70.000 человѣкъ, включительно съ больными,—а этою именно цифрой и опредѣляютъ его силы, даже за вычетомъ 12 баталіоновъ взятыхъ Русскими на послѣдней недѣлѣ въ плѣнъ,—то несомнѣнно что вскорѣ онъ почувствуетъ серіозныя затрудненія въ продовольствіи войскъ. Предполагаютъ что въ его распоряженіи имѣется еще на одинъ мѣсяцъ провіанта, но уже и теперь, послѣ каждаго большаго дождя, турецкіе дезертиры являются въ русскій лагерь толпами. По ихъ словамъ, имъ нечего ѣсть, одѣты они нищенски и не въ состояніи выдерживать холодъ и голодъ вмѣстѣ. Дезертиры главнымъ образомъ принадлежатъ къ редифу или ополченію; линейныя же войска, или низамъ, какъ лучше одѣтыя, и держатся лучше. Какъ на выдающійся признакъ всеобщей деморализаціи въ турецкихъ войскахъ, обнаружившейся впервые въ этой войнѣ, по крайней мѣрѣ въ Европейской Турціи, можно указать что семь турецкихъ баталіоновъ въ Горнемъ Дубнякѣ и пять въ Телишѣ положили оружіе не сдѣлавъ даже попытки пробиться черезъ непріятельскія линіи. При Телишѣ имѣлъ мѣсто забавный казусъ: одинъ турецкій баталіонъ, рано отступившій съ поля битвы и уже обезпечившій себѣ путь отступленія, узнавъ часъ спустя объ общей капитуляціи остальныхъ силъ, занимавшихъ позиціи, повернулъ назадъ и положилъ оружіе вмѣстѣ съ остальными товарищами».

Взятіе города Врацы.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатанъ слѣдующій рапортъ генералъ-маіора Леонова командующему войсками гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда, отъ 28 октября.

26 октября, вечеромъ, посредствомъ рекогносцировки штабсъ-капитана лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка Вилламова, а также и по показаніямъ мѣстныхъ жителей, я убѣдился что городъ Врацa занятъ одною пѣхотой и что въ немъ собраны большіе продовольственные запасы.

Вслѣдствіе этого я рѣшился овладѣть этимъ городомъ, и 27 октября, утромъ выступилъ со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ двумя колоннами.

Правая—изъ одного лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка, двинулась по Раховской дорогѣ.

Лѣвая—въ составѣ полковъ лейбъ гвардіи-конно-гренадерскаго и драгунскаго, при четырехъ орудіяхъ (по одному возводу отъ 2-й и 5-й гвардейскихъ конныхъ батарей), подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Клота, по трудно горной дорогѣ, черезъ Вробежницу.

Сдѣлавъ 27 октября около 40 верстъ, обѣ колонны въ сумеркахъ подошли на разстояніей трехъ часовъ пути отъ Врацы: правая—къ Мраморени, лѣвая—къ Вробежницѣ.

По прибытіи въ эти пункты я узналъ что гарнизонъ Врацы состоитъ изъ 800 человѣкъ регулярной пѣхоты и 300 Черкесовъ, что артиллеріи тамъ нѣтъ, что Черкесы, раненые въ стычкѣ съ лейбъ-гвардіи гусарскимъ Его Величества полкомъ, такъ напугали мѣстное турецкое населеніе, что оно, самовольно расхватавъ подъ свозъ своего имущества казенныя подводы, бѣжало въ горы, что во Врацу свезены большіе запасы продовольствія изъ четырехъ казъ (уѣздовъ), предназначенные къ отправкѣ въ Орханіе, что, наконецъ, серіозныхъ укрѣпленій у Врацы нѣтъ, а лишь незначительные окопы.

Чтобы не обнаруживать нашего присутствія, я запретилъ зажигать ночью костры.

28-го отрядъ выступилъ: лѣвая колонна въ 7, а правая въ $7^1/_2$ часовъ утра. Обѣ колонны подошли ко Врацѣ въ $10^3/_4$ часовъ утра: правая—съ сѣверной, лѣвая—съ южной стороны. Послѣдняя, благодаря закрытой мѣстности и принятымъ для скрытія движенія мѣрамъ, подошла къ городу такъ неожиданно для Турокъ, что они тотчасъ пришли въ смятеніе. Окопы ихъ были обращены фронтомъ къ сѣверу, то-есть въ ту сторону, съ которой подходилъ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ; между тѣмъ конно-гренадеры и лейбъ-драгуны подошли съ южной стороны и открыли артиллерійскій огонь. Услыша выстрѣлы у себя въ тылу, Турки бросили окопы и побѣжали занимать городъ.

Канонада съ нашей стороны была непродолжительна. Лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ, быстро спѣшившись, сразу ворвался въ городъ. Въ то же время 3-й эскадронъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка и 4-й эскадронъ лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка, также спѣшившись, бросились на перерѣзъ непріятелю: первый—съ южной, второй—съ сѣверной стороны, съ цѣлію преградить Туркамъ путь отступленія въ горы. 1-й дивизіонъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка еще съ утра, отъ Вробежницы, былъ направленъ влѣво на Дорманце, чтобы перехватить Орханіевскую дорогу. Дивизіонъ этотъ встрѣтилъ партію Черкесовъ около 300 человѣкъ, которую и оттѣснилъ къ деревнѣ Лютый Доль.

Бой въ городѣ продолжался до $12^1/_2$ часовъ пополудни. Турки вели его, впрочемъ, не съ цѣлью отстоять городъ, а чтобы прикрыть свое отступленіе; неожиданность нашего появленія рѣшила дѣло въ нашу пользу сразу. Благодаря гористой мѣстности, непріятелю удалось спастись въ разныя стороны по труднодоступнымъ горнымъ тропинкамъ, по которымъ мы его преслѣдовать не могли, а только провожали, пока было возможно, ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Въ $3^1/_2$ часа пополудни я въѣхалъ въ городъ, радостно встрѣченный жителями.

Въ городѣ захвачены большіе продовольственные запасы, часть коихъ въ мукѣ; а близь города большой транспортъ пустыхъ запряженныхъ повозокъ, въ которомъ привозилось продовольствіе изъ Виддина въ Орханіе.

Размѣры запасовъ приведу въ извѣстность завтра, а 30 октября отправлю, что можно, на захваченныхъ повозкахъ, подъ конвоемъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка, въ Дубнякъ. 30-го же дипу по назначенію лейбъ-драгунскій полкъ при двухъ конныхъ орудіяхъ, а лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ съ остальными двумя орудіями оставлю, здѣсь.

Потери наши незначительны. Такъ, лейбъ-гвардіи въ конно-гренадерскомъ полку ранены семь нижнихъ чиновъ и шесть лошадей убито. Изъ офицеровъ не раненъ никто.

Подлинный подписалъ: командующій 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіей, генералъ-маіоръ *Леоновъ*.

Дѣло втораго Владимірскаго полка съ арабистанцами.

2-й Владикавкаскій казачій полкъ находился, какъ извѣстно, въ составѣ Кавказской дѣйствующей арміи и въ началѣ сентября 1877 года считалъ уже въ своихъ рядахъ 60 Георгіевскихъ кавалеровъ. Есаулъ этого полка, г. Борисовъ, въ письмѣ въ *Терскія Вѣдомости* отъ 15 сентября, изъ Кюрюкъ-Дара слѣдующимъ образомъ описываетъ молодецкое кавалерійское дѣло, которое имѣлъ въ тотъ день полкъ съ пресловутою Арабистанскою кавалеріей:

»Получивъ приказаніе, въ сказанный часъ колонна наша, подъ командой подполковника Андреева, выступила. Пройдя сел. Малый Паргетъ и Муртабекъ, при входѣ въ сел. Узунъ-Ахмедъ, около 9 часовъ утра, передовымъ разъѣздомъ были замѣчены конныя шайки, отъ 3 до 5 человѣкъ, шныряющія по селенію. Не обращая никакого вниманія на нихъ, колонна наша шла по дорогѣ, мимо сел. Худжала, Кабаджи, къ Порцухли, и только что мы дошли до послѣдняго селенія, какъ съ лѣвой стороны, на горѣ, раздались выстрѣлы по нашимъ дозорнымъ. Взводъ, назначенный отъ первой сотни, подъ командой урядника Жукаева, не медля открылъ по непріятелю огонь и не допустилъ его къ себѣ; партія непріятеля, втрое сильнѣе нашего взвода, нѣсколько разъ бросалась на дозорныхъ, но поражаемая огнемъ не могла ничего сдѣлать; колонна преспокойно

перешла сел. Порцухли. По выходѣ изъ него, передовой разъѣздъ нашъ далъ знать что невдалекѣ показалась въ двухъ мѣстахъ кавалерія и спускается въ балки. Ускоривъ шагъ, мы дѣйствительно увидѣли непріятельскую конницу, далеко впереди насъ, По разспросамъ у жителей оказалось, что это былъ эскадронъ Арабистанцевъ, прибывшій за ячменемъ, но еще не успѣвшій ничего взять, какъ было дано знать о приближеніи казаковъ, и они во всѣ лопатки бѣжали. Завидя ихъ а тѣмъ болѣе узнавъ, что это Арабистанцы, съ которыми намъ еще не приходилось имѣть дѣла, такъ какъ ихъ еще не пускали въ бой, сберегая какъ отчаянное войско, всѣхъ насъ заинтересовало это прославленное воинство, эти чуждой намъ стороны вояки. Я и сотникъ Кубатіевъ попросили у начальника колонны, подполковника Андреева, позволить намъ обхватить ихъ. Андреевъ долго не рѣшался, опасаясь, чтобъ они не завлекли насъ въ какую-нибудь ловушку, что по скрытой мѣстности было легко сдѣлать, но просьба наша взяла верхъ, приходилось имѣть дѣло—съ кѣмъ же?—съ Арабистанцами.. Это вѣдь шикъ,—линейцамъ драться съ Арабистанцами... Ну, и пошли мы. Кубатіевъ взялъ прямо по долинѣ, а я въ гору, правѣе его; друзья наши стали подаваться впередъ и впередъ. Въ особенности моя доля была трудная: что ни дальше, то выше. Думалъ я,—какъ вы, милые, ни лѣзьте въ гору, а я васъ не оставлю. Долго не думая, я приказалъ хорунжему Луценкѣ съ первымъ взводомъ поспѣшить опередить ихъ слѣва, заскочить въ балку, въ которую они хотѣли спуститься, и отрѣзать имъ путь; самъ же я, двумя взодами, разсыпавъ людей, сталъ, взбираться то на гору, то спускаться въ овраги и перелѣзать чрезъ склады; не разъ приходилось вскарабкиваться вверхъ изъ овраговъ. Наконецъ, часа чрезъ три, я сталъ нагонять ихъ; между тѣмъ вторая сотня начала перестрѣлку и вскорѣ бросилась въ шашки, а я все еще лѣзу въ гору. Непріятель, видя себя отрѣзаннымъ снизу, тоже подавался шажкомъ въ гору; наконецъ правый флангъ моей цѣпи вскарабкался выше непріятеля и погналъ друзей внизъ; остальные казаки, видя спускающагося къ нимъ непріятеля и убѣдясь въ усталости ихъ клячъ, гикнули и на нихъ; тутъ Арабистанцы совершенно потерялись, разбились на самыя дробныя части, бросились кто куда, направляясь къ засадѣ хорунжаго Луценко, который и принялъ незваныхъ гостей такъ лихо, что бѣдняги, потерявшись окончательно, просили уже не боя, а пощады; тутъ и я подоспѣлъ на помощь, и участь храбрыхъ и хваленыхъ Арабистанцевъ рѣшилась подъ ударами молодцовъ казаковъ.

«Въ дѣлѣ этомъ достались обѣимъ сотнямъ трофеями: 1 эскадронный командиръ и 6 человѣкъ нижнихъ чиновъ, много оружія, 1 значекъ и 19 лошадей съ сѣдлами. Изъ эскадрона ихъ очень мало спаслось, у насъ ни одного ни ранено и ни убито, кромѣ одного солдата Тверскаго драгунскаго полка, и то въ резервѣ,—бѣдняка застукала шальная пуля,—попала прямо въ ротъ и свалила съ коня. Вотъ вся убыль изъ нашей кавалерійской колонны. Но неизлишнимъ считаю сказать, что коренные Турки и наши переселенцы съ Кавказа—Черкесы куда далеко храбрѣе дерутся: будь на этомъ мѣстѣ Турки или Черкесы, застукали бъ меня съ моею сотней, такъ что съ трудомъ бы выбрался, говорю это

не скрывая. Мѣстность была неудобна, и дѣло вообще было слишкомъ смѣло, такъ что нами, въ такомъ отважномъ предпріятіи, руководила только увѣренность въ храбрости товарищей-казаковъ,—увѣренность что они не выдадутъ, не ударютъ лицомъ въ грязь.

«На другой день, съ ранняго утра, народъ массами толпился у палатокъ нашего казачьяго лагеря, одни уходили, другіе приходили—посмотрѣть на плѣнныхъ Арабистанцевъ и на трофеи: поздравляли насъ съ побѣдой, расспрашивали о дѣлѣ.

«Въ 10 часовъ утра, къ намъ прибылъ начальникъ кавалеріи, генералъ Шереметевъ. Поздоровавшись и поздравивъ съ побѣдой, нижнимъ чинамъ подарилъ по чаркѣ водки, по такой же далъ и командиръ полка, полковникъ Панинъ.

«Безцѣнные гости наши, расправшавшись съ нами, пошли взглянуть на плѣнныхъ, а затѣмъ и на трофеи, и кому что понравилось, было предложено сотнями принять отъ казаковъ; ружья, сабли, револьверы, ятаганы, живо были разобраны по рукамъ, а одно ружье 16-ти зарядное было отправлено начальника отряда генералу Гейману. Всѣ эти подарки не остались со стороны принявшихъ безъ благосклоннаго вознагражденія.

«Читатель навѣрно поинтересуется знать, что за воины эти Арабистанцы? какая форма ихъ одежды? Пожалуй, можно удовлетворить этотъ вопросъ такъ: люди вялые, невзрачные, просто какія-то чучела, и только. Мундиры на нихъ — суконная куртка однобортная, съ мѣдными пуговицами, на которыхъ выбита выпуклая луна, шаровары тоже солдатскаго чернаго сукна съ красными широкими лампасами на манеръ донскихъ, порванные и почти безъ подошвъ сапоги, въ родѣ штиблетъ, со шпорами драгунскаго образца, на головѣ, вмѣсто феса, платки обвязны по бабьему, какъ у насъ носятъ хохлушки, а чтобъ они не слетали съ головы, обвиты кругомъ головы два раза шерстянымъ толстымъ жгутомъ, въ родѣ кабардинскаго аркана, которымъ ловятъ лошадей. Вотъ и вся обмундировка этого знаменитаго воинства. Вооруженіе же, какъ и прочей турецкой кавалеріи,—сабли и револьверы ни къ чорту не годяіщеся; только и хороши одни ружья—магазинныя, о 16-ти зарядахъ, а лошади такія клячи что ужасъ!»

Взятіе Тетевена.

Корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника* сообщалъ слѣдующія подробности о взятіи Тетевена:

«19-е октября ознаменовалось новымъ и весьма существеннымъ, въ стратегическомъ смыслѣ, успѣхомъ нашего оружія, дѣйствіями нашихъ ловчинскихъ партизанскихъ отрядовъ, которые оперировали на Таросъ, Турскій-Изворъ и Тетевенъ. Послѣдняя рекогносцировка, произведенная казаками, показала, что Тетевенъ не только занятъ частію регулярныхъ турецкихъ войскъ, но и укрѣпленъ нѣсколькими баттареями и ложементами. Между тѣмъ стратегическое положеніе его, какъ пункта прикрывающаго собою одинъ изъ важныхъ балкан-

скихъ проходовъ, лежащихъ въ пути къ Плевнѣ, необходимо требовало съ нашей стороны овладѣнія этимъ мѣстечкомъ. Генералъ Карцевъ, начальникъ Сельви-Ловчинскаго отряда, хорошо оцѣнилъ значеніе этого пункта, тѣмъ болѣе что турки поспѣшили укрѣпить его; но, къ сожалѣнію, отсутствіе достаточно сильныхъ кавалерійскихъ частей лишало генерала Карцева на нѣкоторое время возможности занять Тетевенъ прочнымъ образомъ. Казачьи набѣги производились блистательно, но не приносили намъ никакихъ стратегическихъ выгодъ, а лишь обнаруживали съ каждымъ разомъ что Тетевенъ имѣетъ для турокъ весьма немаловажное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ до генерала Карцева съ каждымъ днемъ доходили свѣдѣнія, что турецкія партіи, выходящія изъ Тетевена въ Плевну, наполняютъ окрестности его грабежомъ Болгаръ и убійствами; равнымъ образомъ новая рекогносцировка произведенная 3 ноября войсковымъ старшиною Антоновымъ, убѣдила, что отрядъ, охраняющій Тетевенъ, усилился (до 500 чел.) регулярными частями и что вокругъ мѣстечка, а въ особенности съ сѣверной стороны, возведены еще новыя укрѣпленія. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ побудила генерала Карцева взять, наконецъ, это мѣстечко, съ тѣмъ чтобы, занявъ его частію своего отряда, удержать за собою по возможности прочнымъ образомъ.

«Съ этою цѣлію была снаряжена особая экспедиція, въ составъ которой вошли семь ротъ пѣхоты, дивизіонъ казанскихъ драгунъ, пять казачьихъ сотенъ и взводъ Донской № 19 баттареи, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Орлова. Нападеніе должно было дѣлаться съ двухъ сторонъ; отъ Трояна и отъ Ловчи; но Троянскій отрядъ 19 октября, въ восемь часовъ утра, подойдя къ Тетевену съ восточной стороны, былъ нечаянно открытъ турецкимъ разъѣздомъ, который далъ знать о его приближеніи и повелъ на него непріятельскую пѣхоту, не только завязавшую съ нимъ дѣло, но начавшую окружать его, что и вынудило нашъ Троянскій отрядъ къ отступленію. Между тѣмъ, Ловчинскій отрядъ (флигель-адъютанта Орлова) еще наканунѣ (18-го числа) вечеромъ занялъ частью своихъ силъ гору Биволъ, въ пяти верстахъ отъ Тетевена. 19 октября, въ условленный часъ для одновременной аттаки, туманъ былъ такъ силенъ, что даже въ десяти шагахъ ничего не было видно, и это обстоятельство вынудило флигель-адъютанта Орлова отсрочить свою аттаку до полудня, а отвлеченіе части непріятельскихъ силъ на Троянскій отрядъ облегчило ему нападеніе съ сѣвера. Около часу туманъ началъ разсѣиваться на столько, что Орловъ счелъ возможнымъ начать свое наступленіе. Впереди шли 40 охотниковъ изъ стрѣлковыхъ ротъ *). Всѣ передовыя пѣхотныя части были отданы подъ начальство Великолуцкаго полка маіора Беатера, который, не смущаясь сильнымъ огнемъ перваго укрѣпленія, мимо коего должно было ему проходить, сумѣлъ во время оцѣнить, что ключь непріятельской позиціи составляетъ высокая гора, командующая всѣми укрѣпленіями, и двинулся въ обходъ этой позиціи. Около двухъ съ половиною часовъ солдаты его карабкались вверхъ, по страш-

*) Когда были вызваны охотники, то обѣ стрѣлковыя роты 9-го и 12 пѣхотныхъ полковъ до единаго человѣка вышли впередъ.

ной крутизнѣ, не останавливаясь ни на минуту и не имѣя отсталыхъ. Наконецъ, достигнувъ вершины, охотники открыли сильную перестрѣлку съ непріятелемъ, стрѣлявшимъ изъ за бруствера редута, а стрѣлковыя роты, скрытыя туманомъ, который вновь окуталъ горы, подошли безъ выстрѣла на самое близкое разстояніе къ редуту и бросились на приступъ. 2-я стрѣлковая рота Староингерманландскаго полка въ одну минуту, совершенно неожиданно для турокъ, ворвалась въ укрѣпленіе, имѣя во главѣ своего командира, штабсъ-капитана Яковлева, который съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ, первымъ вскочилъ на брустверъ. Пошла штыковая работа. Турки спѣшили бѣжать въ слѣдующій редутъ, но такъ какъ укрѣпленіе, взятое Староингерманландцами, господствовало надъ всѣми остальными, то наши выстрѣлы вскорѣ заставили противника бѣжать и отсюда, въ самое мѣстечко. Туманъ и сумерки лишили нашихъ стрѣлковъ возможности довершить пораженіе противника, который, хотя и развелъ на своихъ позиціяхъ костры, но въ два часа ночи бѣжалъ по горнымъ тропинкамъ за Видъ, къ Карлову и Орханіе, забравъ съ собою и всѣхъ своихъ раненыхъ, увезенныхъ—по словамъ Тетевенскихъ жителей—на ста подводахъ. Рогатый скотъ, патронные ящики и шанцевый инструментъ были брошены. Это бѣгство было столь поспѣшно, что турки, противъ своего обыкновенія, не успѣли совершить надъ горожанами-Болгарами ни одного звѣрства, ограничась только поджогомъ за Видомъ одной попутной деревни, которая и сгорѣла.

«Стрѣлковыя роты, проведя ночь во взятыхъ укрѣпленіяхъ, окруженныхъ нашею сторожевою цѣпью, съ разсвѣтомъ двинулись впередъ, но уже не нашли непріятеля въ Тетевенѣ. Въ десять часовъ утра (20 октября), отрядъ флигель-адъютанта Орлова вступилъ въ мѣстечко, при звонѣ чугунныхъ досокъ, замѣняющихъ колокола въ православныхъ церквахъ Болгаріи. Жители, съ духовенствомъ во главѣ, высыпали на встрѣчу войскамъ, вмѣстѣ съ которыми возвратилось въ свои семьи нѣсколько Болгаръ, находившихся въ изгнаніи, тогда какъ другіе были освобождены Орловымъ изъ темныхъ подваловъ турецкихъ тюремъ. Въ соборѣ былъ тотчасъ отслуженъ благодарственный молебенъ и, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Тетевенъ, своды его храма огласились молитвою за Русскаго Царя и о дарованіи побѣды русскому войску.»

Нечаянное нападеніе на Эрзерумъ 28 октября.

Корреспондентъ *Новаго Времени*, описывая дѣло 28 октября, вотъ что говоритъ между прочимъ о дѣйствіи главной изъ нашихъ колоннъ:

«Одна изъ причинъ неудачи была та, что колонны, не имѣя проводниковъ, спустились въ ночной темнотѣ, хотя противъ этого и были приняты мѣры: всѣ офицеры колонны Амираджибова скрыто подъѣзжали днемъ къ Азизіе, и начальникъ штаба объяснялъ имъ какъ двигаться... Два баталіона подъ начальствомъ Крузенштерна (Крымскій и 3-й стрѣлковый), которые должны были взять Ахали, свернули куда-то въ сторону, наткнулись, какъ говорятъ, на стадо ишаковъ

и приняли ихъ за непріятеля. Крымцы, бывшіе сзади стрѣлковъ, думая что впереди ихъ непріятель, начали кричать: «Алла!» чтобы вовлечь его въ обманъ. Стрѣлки повернулись и дали по Крымцамъ залпъ, который, по счастію, перелетѣлъ черезъ головы. Бакинцы подошли къ Азизіе, но находившіеся у нихъ въ резервѣ Елисаветпольцы свернули куда-то и сбились съ пути. Одинъ баталіонъ наткнулся на аванпосты. которые открыли по нимъ огонь, и пріостановился. Бакинцы, между тѣмъ, скрыто зашли въ тылъ лѣвому форту Азизіе и только шагахъ въ 50 и во 100 были обнаружены часовымъ, который, завидѣвъ черную массу и услышавъ шумъ, крикнулъ «Алла!» и выстрѣлилъ.

Бакинцы гаркнули на это «ура!» бросились съ горжи укрѣпленія въ штыки и въ нѣсколько минутъ взяли его и перекололи гарнизонъ.

«Въ это время началась страшная стрѣльба со всѣхъ верковъ, отъ которой Балканцы потеряли только 6 человѣкъ, потому что турки стрѣляли не туда куда слѣдовало.

«Со среднимъ фортомъ наши молодцы покончили не менѣе скоро; тамъ человѣкъ 800 гарнизона побросали оружіе, а старшій офицеръ даже бросился цѣловать руки баталіонному командиру, прося пощады. Оставивъ тутъ 2 или 3 роты для присмотра за плѣнными, Бакинцы двинулись къ отдѣльно-стоявшей казематированной казармѣ, которая оказалась сомкнутою сзади горжевою стѣнкой. Тутъ уже пошли въ ходъ штурмовыя лѣстницы. Выбили калитку, или что-то въ этомъ родѣ, и бросились въ казематы. Одинъ казематъ былъ освѣщенъ, а другіе нѣтъ, и вотъ въ этихъ освѣщенныхъ и темныхъ казармахъ загуляли русскіе штыки. Все было завалено трупами... Было уже свѣтло, когда Бакинцы пошли къ послѣднему, правому форту Азизіе (всѣ три, надо сказать, очень не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго) и открыли ружейный огонь по стоявшимъ на валахъ солдатамъ. Но какой-то турецкій офицеръ вскочилъ на брустверъ и, приказавъ своимъ солдатамъ не отвѣчать на огонь, поднялъ на саблѣ бѣлый платокъ.

«Итакъ, на двухъ фортахъ уже развѣвались славныя русскія знамена; а третій капитулировалъ. Саперныя и артиллерійскія команды уже двигались, чтобы повернуть и установить орудія на взятыхъ фортахъ для стрѣльбы по Меджидіе. Меджидіе, находящійся всего саженяхъ въ 600 отъ Азизіе, между тѣмъ молчалъ, вѣроятно боясь при стрѣльбѣ по нашимъ перестрѣлять и своихъ. Но вотъ большія массы непріятельской пѣхоты начали выходить изъ этого укрѣпленія. Тутъ необходима была свѣжая поддержка, но Елисаветпольцы, заблудившіеся ночью, были далеко и опоздали. Нечего дѣлать, пришлось отступать. Забравъ знамена, молодцы Бакинцы начали отходить назадъ. Плѣнные, видя что идетъ помощь начали было хорохориться, но ихъ успокоили и погнали тоже къ намъ.

«Въ это время турки, имѣя громадный перевѣсъ въ силахъ, начали сыпать на Бакинцевъ цѣлыя тучи свинцу; фортъ, выкинувшій бѣлый флагъ—тоже. Пользуясь замедленіемъ въ отступленіи, которое, говорятъ, произошло вслѣдствіе того, что приходилось въ огнѣ выносить изъ фортовъ знамена, турки разсыпали густую боковую цѣпь, съ цѣлью отрѣзать нашихъ.

«Ну, тутъ, ваше благородіе,—разказывалъ одинъ солдатикъ,—всякій кто около цѣпи проходилъ, тотъ ей накладывалъ въ зашей, такъ что они и сами не рады были что эвту цѣпь разсыпали.» «Вообще поведеніе Бакинцевъ въ этомъ дѣлѣ—выше всякихъ похвалъ. Подъ адскимъ огнемъ, неся громадныя потери, они умудрились все-таки доставить 540 плѣнныхъ турокъ и 19 офицеровъ. Съ нашей стороны тамъ попались въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ раненый капитанъ Тамаевъ. Затѣмъ, послѣ отступленія Бакинцевъ, цѣлый день со стороны Топъ-Дага производилась демострація, чтобы дать возможность безпрепятственно отступить отряду Авинова».

Разсказъ священника.

Одинъ изъ уведенныхъ изъ Этрополя турками священниковъ воротился сегодня изъ плѣну, успѣвъ спастись отъ турокъ бѣгствомъ. Священникъ этотъ показываетъ, что едва русскія войска стали приближаться къ Балканамъ, завладѣвъ Врацей, Осиковымъ и производя демонстраціи въ горахъ, мирное турецкое населеніе Этрополя обратилось въ безпорядочное бѣгство въ направленіи къ Софіи. При этомъ губернаторъ Этрополя, Назифъ-эфенди, призвавъ къ себѣ лучшихъ Болгаръ граждапъ города, уговоривалъ бѣжать вмѣстѣ съ турецкимъ населеніемъ и побудить къ бѣгству всѣхъ остальныхъ Болгаръ жителей Этрополя; губернаторъ обѣщалъ даже озаботиться доставкой телѣгъ для облегченія бѣгства Болгарамъ. Цѣлью подобнаго подстрекательства Болгаръ было желаніе губернатора и военныхъ властей показать Русскимъ несочувствіе Болгаръ къ Россіи и ихъ преданность туркамъ. Мазифъ-эфенди клялся Болгарамъ, что едва Русскій вступятъ въ Этрополь, они перерѣжутъ и переколютъ всѣхъ Болгаръ. Но когда Болгары объявили туркамъ наотрѣзъ, что никуда не пойдутъ отъ своихъ домовъ и своихъ церквей, то Назифъ-эфенди назвалъ ихъ друзьями Русскихъ, шпіонами и слѣдовательно открытыми врагами турокъ; онъ приказалъ схватить 15 лучшихъ граждапъ, всѣхъ священниковъ, дувушекъ и женщинъ изъ болѣе богатыхъ болгарскихъ семействъ въ качествѣ заложниковъ, говоря: —посмотрю я теперь какъ вы не пойдете за своими вожаками? А если не пойдете, то я прикажу дорогой переколоть всѣхъ заложниковъ. Схваченныхъ такимъ образомъ Болгаръ привели въ Орханіе, гдѣ священниковъ помѣстили всѣхъ четырехъ вмѣстѣ, съ остальными же плѣнными; разсказчику неизвѣстно, какъ поступили. Въ Орханіе въ особенности сильно безчинствовали черкесы; они грабили болгарскіе дома, рѣзали женщинъ, дѣтей, поджигали болгарскіе кварталы города, поощряемые Шефкетъ-пашой, присутствовавшемъ лично при этихъ безчинствахъ. Поведеніе черкесовъ было до того возмутительно, что даже другіе паши стали уговаривать Шефкетъ-пашу обуздать свою дикую кавалерію; но Шефкетъ-паша объвилъ другимъ пашамъ, что считаетъ Болгаръ шпіонами, врагами турокъ и полагаетъ поэтому всякое звѣрство надъ Болгарами вполнѣ дозволеннымъ. Между Шефкетъ-пашой и остальными начальниками частей турец-

каго войска въ Орханіе существовала издавна уже нѣкоторая рознь, и наши придравшись къ небоузданному поведенію черкесъ, послали въ Константинополь доносъ на Шефкета о томъ, что онъ распустилъ турецкое войско; это и было якобы причиной смѣны Шефкетъ-паши и его отзыва въ Константинополь. Въ Орханіе турки не ждали наступленія русскаго войска, и потому мирное турецкое населеніе города до послѣдней минуты, то-есть до атаки Правцы, оставалось спокойно въ своихъ домахъ. За то едва раздались первые пушечные выстрѣлы изъ русскихъ орудій въ горахъ окрестныхъ къ Правцѣ, мирные турки обратились въ такое поспѣшное бѣгство, что въ Клиссурѣ (изъ Орханіе во Врачешти) столпилась масса телѣгъ, гурты скота, занявшіе собой все узкое ущелье. Вновь прибывающія толпы турокъ, видя дорогу загроможденною и боясь наступленія Русскихъ, начали сталкивать въ пропасть телѣги и скотъ; у прибывшихъ завязалась наконецъ междуусобная драка въ ущельѣ, въ которой до 50 человѣкъ мирныхъ турокъ были убиты своими же гражданами. Во время этого переполоха въ городѣ и въ ущельѣ священники успѣли спастись бѣгствомъ, и одинъ изъ нихъ, именно передавшій все вышесказаное, вернулся сегодня благополучно въ Этрополь.

Князь *Левъ Шаховской.*

Аттака Шандорникскаго укрѣпленія.

Укрѣпленный турками перевалъ Балканъ на горѣ Шандорникъ (хребетъ *Strigla Balkan*) осаждается съ двухъ сторонъ русскими силами, занимающими противъ непріятеля двѣ позиціи, извѣстныя подъ именемъ позицій генераловъ Рауха и Дандевиля. Дорога къ нимъ изъ Этрополя проходитъ по ущелью до бивака Екатеринославскаго драгунскаго полка, гдѣ она сворачиваетъ въ гору и раздѣляется на два пути: одинъ подымается правѣе къ генералу Дандевилю, другой, лѣвѣе, къ генералу Рауху. Оба пути пролегаютъ по крутой горѣ, поросшей сплошнымъ и высокимъ лѣсомъ, за которымъ не видать ни своего, ни непріятельскаго лагеря; только выползающій мѣстами между вершинами деревьевъ и стелящійся надъ ними синеватый дымъ указываетъ на мѣсто гдѣ расположены на горѣ наши войска. Судя по дыму кажется на видъ, что до позицій нашихъ совсѣмъ недалеко, но на дѣлѣ до генерала Дандевиля верстъ 8 тяжелаго пути въ гору, а до генерала Рауха верстъ около шести. Въ лѣсу между тѣмъ на дорогѣ къ ген. Дандевилю, слышатся громкіе крики, понуканья; гоготъ усиленный эхомъ горъ и лѣсной чащи: тамъ поднимаютъ вверхъ по кручѣ два девятифунтовыя орудія. Шесть паръ воловъ въ ярмахъ запряжены попарно, гуськомъ къ передку орудія; у каждаго вола по Болгарину съ палкой, которою онъ пихаетъ вола въ животъ и въ спину, издавая при этомъ пронзительные крики на всевозможные тоны и лады. Отъ передней пары воловъ тянется длинный канатъ за который взялись наши солдаты въ перемѣшку съ Болгарами и пагнувшись тоже, тянутъ впередъ, помогая воламъ; но канатъ еще слишкомъ коротокъ по числу

помощниковъ. Уцѣпившись за край каната, два Болгарина подали руки двумъ Финляндцамъ, которые въ свою очередь протянули свои руки впередъ и за нихъ ухватилось еще двое, составляя такимъ образомъ живую цѣпь, человѣкъ изъ тридцати, продолженіе каната. Самаго орудія и не видать вовсе: оно исчезаетъ за кучей людей облѣпившихъ его со всѣхъ сторонъ и съ натугой подвигающихъ его: человѣкъ по шести уцѣпилось за колеса надавливая руками и ногами на спицы; толпа Болгаръ и солдатъ навалилась на самую пушку; словно густой муравейникъ, изъ людей галдящихъ, понукающихъ другъ друга криками: го, го, го; гдѣ за общимъ гвалтомъ не различишь отдѣльныхъ голосовъ. Пять минутъ отдыха. «Эй! дубинушку,» кричитъ кто-то изъ толпы, «ходчей пойдетъ! Затягивай.» Худенькій, маленькій солдатъ начинаетъ выводить тонкимъ голосомъ: «Эй дубинушка ухнетъ!» «Эй зеленая сама пойдетъ,» подхватываютъ хоромъ остальные, наваливаясь снова на орудіе. Го! го! го! кричатъ передніе, «ну, ну, ну, матушка!» кричатъ задніе, и пѣсня пропадаетъ за поднявшимся общимъ гвалтомъ. Орудіе между тѣмъ подвигается впередъ съ медленностью черепахи, по липкой и густой грязи, покрывающей неширокую, каменистую тропу, круто идущую въ гору. Изъ грязи торчатъ по дорогѣ камни то острыми углами, то большими гладкими поверхностями преграждая дорогу. Обойти эти камни некуда, надо тащить орудіе черезъ нихъ; мѣстами черезъ толстые корни деревъ, пересѣкшихъ тропу цѣлою сѣтью развѣтвленій. Работа тяжелая, медленная, въ которой дай Богъ въ часъ сдѣлать четверть версты пути, да сколько времени еще надо потратить на отдыхъ. А время въ обрѣзъ! Гигантскій трудъ, своего рода война мышцами и и мускалами; открытый бой физическихъ усилій съ Балканскими горами. 14 орудій уже встащены такимъ порядкомъ на позицію Дандевиля и 14 на позицію Рауха. Снаряды доставляются на лошадяхъ навьюченныхъ мѣшками и ящиками.

Генералъ Гурко полагалъ въ теченіе одного дня поднять всѣ орудія на горы, но на дѣлѣ потребовалось цѣлыя трое сутокъ непрерывной работы днемъ и ночью для исполненія этого гигантскаго предпріятія.

Холодный вѣтеръ между тѣмъ ходитъ по лѣсу и шумитъ между вершинами высокихъ оголѣлыхъ деревьевъ; онъ несется съ обледенѣлыхъ горныхъ гребней, бросаясь въ лицо то мелкими брызгами дождя, то порошинками снѣга. Пронизывающая сырость лежитъ въ воздухѣ и пробирается къ тѣлу. Солдаты тянутся въ гору, съ трудомъ выворачивая ноги изъ липкой грязи. У солдата, начиная съ ногъ все покрыто грязью, шинель, самое лицо забрызгано вплоть до шапки и башлыка. Тяжела съ ружьемъ простая ходьба по этимъ горамъ, не говоря уже о подъемѣ орудій. Мнѣ говорили, что трое солдатъ умерли на дняхъ отъ того, что надорвались надъ орудіями. Силы, однимъ словомъ, раздвояются въ Балканахъ для борьбы съ двумя врагами: Турками и природой, стоящей во все оружіе еле доступныхъ скалистыхъ высотъ и сыраго зимняго времени. Въ особенности тяжелы солдатамъ длинныя и темныя ночи въ дикомъ лѣсу, гдѣ огонь отъ костра берется съ завывающимъ вѣтромъ и освѣщаетъ вокругъ лишь мшистыя подошвы дерева да огромные покрытые мохомъ камни.

Проѣхавъ нѣсколько впередъ по дорогѣ, я замѣтилъ въ сторонѣ между деревьями три рядкомъ лежащіе трупа. Они одѣты были въ мундиры Великолуцкаго полка, мундиры были растегнуты и на одномъ изъ труповъ на груди виднѣлось красное пятно; другіе два были ранены въ головы. Лица съ открытыми глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ и рядомъ бѣлыхъ зубовъ, какая-то усмѣшка на лицахъ. Вѣроятно то были убитые въ дѣлѣ 15 ноября, когда Турки насѣдали съ теперешней позиціи Дандевиля въ надеждѣ отбить у насъ первыя орудія поднимавшіяся въ то время по этой дорогѣ вверхъ на позицію. Вѣроятно не всѣ трупы успѣли еще убрать съ тѣхъ поръ и эти три положены рядомъ ожидая своей очереди быть преданными землѣ. «Спасители наши!» раздался позади меня голосъ солдата-артиллериста, подошедшаго тоже взглянуть на убитыхъ. «Кабы не Великолуцкіе, безпременно бы нашимъ орудіямъ пропасть; такая его сплища лѣзла; стрѣляетъ, бѣжитъ съ горы; пули вотъ словно рой вокругъ такъ и жужжатъ. Великолуцкія двѣ роты; резервы не подошли еще; Великолуцкіе супротивъ *него* побѣжали какъ есть на встрѣчу: вотъ на горѣ и задержали пока весь баталіонъ сталъ наступать.» «Царство небесное!» проговорилъ солдатъ еще разъ взглянувъ на трупы «и помянуть тутъ не кому!» прибавилъ онъ.

«Не бось, не забудутъ!» сказалъ другой подошедшій солдатъ Финляндскаго полка. «Коли убьютъ, продолжалъ онъ, по всей Россійской Европѣ, по всѣмъ церквамъ поминать станутъ.»

Узнавъ солдатъ что генералъ Гурко только что проѣхалъ на позицію генералъ Рауха, я направился туда. спустившись сначала съ горы до бивака Екатеринославскихъ драгунъ и оттуда снова поднимаясь въ гору по дорогѣ забиравшей влѣво отъ бивака. Дорога эта до настоящей минуты была еле замѣтною тропой проходившею по руслу ручья протекавшаго съ горъ въ дождливую пору. Теперь когда по ней царитъ безпрестанное движеніе, провезено 14 орудій. прошли войска, тропинка обратилась въ широкую дорогу покрытую жидкою грязью перемѣшанною пополамъ съ крупными и мелкими каменьями. Недавно еще снѣгъ лежалъ тутъ повсюду, и на тропѣ, и въ лѣсу, но нѣсколько сырыхъ дней растопили снѣгъ и размягчили почву. Подъемъ по дорогѣ чрезвычайно крутой и трудный: лошадь уходитъ ногами въ жидкую грязь и на днѣ ея хруститъ подковами по камню. зацѣпляясь шипами за острые гребни камней. скользя, ежеминутно спотыкаясь. На встрѣчу съ горы спускается по сторонамъ дороги сѣрая масса солдатъ, эта масса течетъ, течетъ безъ конца въ однообразныхъ сѣрыхъ шинеляхъ съ однообразною позой ружья. По мундиру судя спускаются съ горы Преображенцы. «Куда это вы ведете вашу часть,» любопытствую я у офицера проходящаго мимо. «Насъ посылаютъ на Софійское шоссе графу Шувалову, тутъ два баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; два другіе баталіона остаются на позиціи генерала Рауха. Тамъ у Шувалова завязалось кажется серіозное дѣло. Цѣлое утро слышна была горячая перестрѣлка.» Графъ Шуваловъ, надо замѣтить, назначенъ генераломъ Гурко командовать отрядомъ на нашемъ правомъ флангѣ; задача его вести по Софійскому шоссе со стороны Орханіе на-

Арабъ-Конакъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ охранять правый флангъ нашихъ войскъ въ Балканахъ.

Далѣе по дорогѣ вверхъ тянутся вереницы ословъ, лошадей, тяжело нагруженныхъ мѣшками съ сухарями, съ патронами, манерками съ водой. Боевые и продовольственные припасы приходится доставлять снизу изъ Этрополя на позицію генерала Рауха.

На одной изъ площадокъ между деревьями расположено нѣсколько палатокъ, много лошадей, стоитъ кавалерійскій постъ—это этапный пунктъ по дорогѣ къ генералу Рауху. Тутъ мѣняютъ усталыхъ коней, чтобы скорѣе доставлять снаряды на верхъ и быстрѣе перевозить сверху донесенія въ Этрополь къ ген. Гурко. У самой дороги сидитъ верхомъ на деревянномъ ящикѣ офицеръ-драгунъ съ кускомъ хлѣба въ одной рукѣ и съ кускомъ мяса въ другой. «Дайте лошади вздохнуть», обращается онъ ко мнѣ, «закусить не хотите ли?» Я слѣзаю съ лошади, присаживаюсь къ драгуну, который начинаетъ разсказывать длинную исторію о томъ какъ драгуны по самой этой тропѣ гнали отступавшихъ изъ Этрополя турокъ. Разсказъ не лишенъ хвастливости, такъ какъ изъ него оказывается что шесть человѣкъ охотниковъ изъ спѣшившихся драгунъ преслѣдовали три табора турокъ. Разскащикъ конечно былъ въ числѣ шестерыхъ. Преслѣдованіе происходило ночью, и непріятель предполагалъ что большія силы гонятся по его пятамъ. Турки бросали по дорогѣ свой обозъ и все отступали. Только когда драгуны увидали что у непріятеля впереди есть три орудія, тогда дали знать остальнымъ драгунамъ, стоявшимъ у подошвы горы; прибылъ тогда цѣлый эскадронъ драгунъ на помощь, который и завладѣлъ орудіями. «Паника турокъ, продолжалъ разскащикъ, была до того велика что непріятель не рѣшился даже попытаться отбить у насъ свои орудія, которыя всю ночь стояли въ виду турецкихъ редутовъ, куда спрятались бѣжавшіе турки.»

— А въ редутъ вы пытались ворваться?

— Какже, пытались, но были встрѣчены оттуда такимъ огнемъ, что командиръ нашъ рѣшилъ не терять людей напрасно и не раздражать турокъ, имѣя уже въ рукахъ такую добычу какъ три орудія.

По сторонамъ дороги дѣйствительно много брошенныхъ турецкихъ ящиковъ съ патронами и изломанныхъ телѣгъ; мѣстами были разсыпаны на землѣ снаряды горныхъ орудій. По дорогѣ попадалась также часто падаль замореныхъ коней и воловъ.

Поднявшись еще версты двѣ къ верху я увидалъ расположенный по склону горы бивакомъ л.-гв. Семеновскій полкъ; множество палатокъ между деревьями: офицеры и солдаты собраны кучей; сегодня у Семеновцевъ полковой праздникъ и вмѣстѣ раздача наградъ за дѣло у селенія Правецъ. Генералъ Гурко поздравляетъ ихъ и съ праздникомъ, и съ наградами. Густое, повторенное нѣсколько разъ эхомъ *ура* раздается въ лѣсу; еще разъ громкое *ура!* и раздирающій воздухъ пронзительный пискъ на половину со свистомъ и звукъ «баммъ!» около полка разорвавшейся гранаты.

«Подлецы! какъ мѣтко стрѣляютъ, это они на голоса пустили!» говорятъ

между тѣмъ офицеры. Третій разъ еще болѣе густое *ура* разносится и гудитъ по лѣсу на поздравленіе генерала Гурко. «И часто къ вамъ залетаютъ» спрашиваю я одного изъ офицеровъ. «Бываетъ», отвѣчаетъ онъ. «Представьте себѣ, сегодня одна граната влетѣла на кухню какъ разъ въ миску съ супомъ, разорвалась и никого не задѣла. Совсѣмъ безъ супу остались. «Отъ Семеновцевъ и не видать еще за деревьями непріятельской позиціи; для этого надо подняться еще съ четверть-версты въ гору на нашу батарею. Наша батарея изъ 8 орудій расположена въ лѣсу на высшей точкѣ горы и стрѣляетъ по непріятелю снизу вверхъ. Непріятельская позиція господствуетъ надъ нашею со стороны ген. Рауха и находится отъ нашей батареи на разстояніи 650 саженъ; по крайней мѣрѣ таковъ прицѣльный выстрѣлъ нашихъ орудій. Позиція непріятеля представляется здѣсь горой, вершина которой поднялась надъ нами: гора эта также вся поросла лѣсомъ; только гребень ея лысый и кажетъ желтымъ пятномъ, мѣстами покрытымъ другими бѣлыми пятнами—снѣга. Всего гребня намъ не видно, такъ какъ мы стоимъ близко къ непріятельской горѣ и смотримъ на ея вершину снизу вверхъ. Мы видимъ поэтому только часть лысины обращенную къ намъ, точно также намъ не видно всѣхъ редутовъ настроенныхъ непріятелемъ; видна только одна стѣна редута такъ сказать его профиль. За эту стѣну мы направляемъ наши снаряды. Изъ стѣны на насъ стрѣляютъ въ свою очередь три орудія непріятеля.

Едва генералъ Гурко, поздравивъ Семеновцевъ, вошелъ на батарею, онъ приказалъ не въ очередь (такъ какъ на батареяхъ соблюдается извѣстный порядокъ стрѣльбы) открыть по непріятелю огонь залпами изо всѣхъ орудій. Раздалась команда «къ орудіямъ!» Восемь выстрѣловъ слились въ одинъ оглушающій звукъ, и черезъ секунду съ непріятельской горы долетѣлъ гулъ отъ разрыва нашихъ снарядовъ. Залпомъ съ нашей батареи былъ данъ какъ бы сигналъ къ открытію огня со другихъ батарей. Съ позиціи генерала Дандевиля понеслись къ туркамъ 16 гранатъ, а надъ нашими головами летѣли снаряды изъ шести орудій расположенныхъ позади насъ двухъ бат. Ильина и Ореуса на болѣе высокихъ гребняхъ той же Рауховской позиціи и потому стрѣлявшихъ въ турецкій редутъ черезъ наши головы. Турки стали тотчасъ же отвѣчать изъ своихъ трехъ орудій, и вотъ поднялся въ лѣсу цѣлый адъ шипящихъ, свистящихъ и воющихъ звуковъ, удесятеряемыхъ эхомъ лѣса и горъ. «Своя! чужая!» спорили двое офицеровъ слушая полетъ гранатъ надъ головами. «Чужая!» съ увѣренностью прибавилъ одинъ изъ нихъ, когда въ пяти шагахъ граната разломала въ щепы какой то ящикъ и забрызгала землей говорившихъ. Генералъ Гурко, съ биноклемъ въ рукахъ, переходилъ ежеминутно съ мѣста на мѣсто, выбирая пунктъ, съ котораго было бы лучше видѣть дѣйствіе нашихъ снарядовъ. Но кромѣ бѣлыхъ дымковъ надъ лысиной непріятельской горы и надъ профилемъ редута ничего видно не было. (Съ позиціи ген Рауха стрѣляютъ только шрапнелями, съ позиціи генер. Дандевиля только гранатами). Сколько за этой стѣной ...окъ, попадаютъ ли въ нихъ наши снаряды, все это, глядя на непріятельскую позицію снизу вверхъ, нельзя было опредѣлить. «Къ Семеновцамъ

попала!» говорилъ межъ тѣмъ какой-то фейерверкеръ опредѣляя полетъ непріятельскаго снаряда. «Говядину у нихъ отобьетъ,» острилъ на это наводчикъ орудія намекая на разбитую у Семеновцевъ по утру миску съ супомъ. «Куда это вы?» спрашиваю я знакомаго офицера поспѣшно взбирающагося на сѣдло. «Къ генералу Дандевилю посылаютъ кратчайшимъ путемъ, отвѣчаетъ онъ, а знаете этотъ кратчайшій путь все время идетъ опушкой лѣса на виду у турокъ. Вчера по генералу Гурко, когда онъ переѣзжалъ отсюда къ ген. Дандевилю по этому пути турки выпустили 15 гранатъ; онѣ ложились то впереди, то позади генерала всю дорогу; они каждаго всадника провожаютъ такъ.» Брр! прибавилъ онъ пришпоривая лошадь и исчезая за деревьями.

«Три дня Ваше Высочество не умывался, не раздѣвался», говоритъ, обращаясь къ принцу Ольденбургскому генералъ Раухъ, сильно похудѣвшій и пожелтѣвшій въ послѣдніе дни.

Генералъ Гурко, простоявъ около двухъ часовъ на батарѣе потребовалъ коня чтобы вернуться въ Этрополь до наступленія темноты. Офицеры Семеновскаго полка, когда генералъ проѣхалъ мимо нихъ, умоляющимъ голосомъ обращались къ свитѣ генерала: «Ради Бога! Если вамъ письма есть въ штабѣ, посылайте сейчасъ же ихъ сюда.» На этомъ Іерихонѣ, такъ называли они свою гору, письма единственное утѣшеніе.

Вообще говоря, позиція ген. Рауха расположена весьма невыгодно сравнительно съ непріятельскою, находясь значительно ниже непріятеля, который въ каждую данную минуту можетъ обсыпать ее пулями сверху. Кромѣ того, съ Рауховской позиціи, за исключеніемъ одной стѣны турецкаго редута, торчащей надъ головой изъ-за деревьевъ, не видать ничего болѣе; такъ что все назначеніе позиціи генерала Рауха сводится къ тому, чтобы тревожить непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, не отдавая себѣ даже яснаго отчета о количествѣ вреда наносимаго этимъ огнемъ непріятелю. Атака Шандорника со стороны генерала Рауха едва ли возможна, ибо подступъ къ редуту весьма крутой и продолжительный и самый редутъ представляется укрѣпленіемъ болѣе внушительнымъ чѣмъ было укрѣпленіе у Горнаго Дубняка. Въ прошломъ моемъ письмѣ я упоминалъ уже, что три роты Псковскаго полка, составляя аванпостную цѣпь впереди линіи генерала Рауха, ворвались 16-го ноября совершенно случайно въ редутъ, заняли его, но не могли по своей малочисленности держаться въ немъ до тѣхъ поръ пока успѣли подойти подкрѣпленія. Турки съ того времени еще болѣе окопались, и по свѣдѣніямъ собраннымъ изъ допроса плѣнныхъ они значительно усилили гарнизонъ Шандорника. Атака Шандорника въ настоящую минуту сопряжена была бы съ огромными потерями. Вообще турецкія укрѣпленія, оберегающія перевалы Балкановъ и путь на Софію, очень сильны и многочисленны: ихъ тутъ цѣлая цѣпь расположена по вершинамъ горъ. Видимый съ позиціи Рауха одинъ профиль турецкаго редута составляетъ только начало, первое кольцо продолжительной цѣпи укрѣпленій, заключающейся Арабъ-Конакомъ. Эти укрѣпленія видны и обстрѣливаются съ другихъ нашихъ позицій — генерала Дандевиля и со стороны шоссе графа Шувалова.

Путь ведущій на позицію генерала Дандевиля еще болѣе труденъ и недоступенъ чѣмъ путь ведущій къ генералу Рауху. Это настоящая лѣсная трущоба на крутой горѣ, трущоба, въ которой нога человѣка и животнаго на каждомъ шагу то ступаетъ на острый камень, то уходитъ въ грязь по самое колѣно. Кажется невѣроятно какъ могли протащить тутъ 16-ти девятифунтовыхъ орудій! какого труда это стоило! когда на сильномъ конѣ надо три часа времени чтобы взобраться верхомъ четыре версты наиболѣе крутаго пути въ гору. Ѣдешь тутъ до того медленно что словно топчешься на одномъ и томъ же мѣстѣ; одна нога лошади уперлась о камень, другая глубоко ушла въ грязь; задняя нога срывается съ камня и скользитъ; лошадь ищетъ равновѣсія и качается всѣмъ тѣломъ. Невозможная дорога. Между тѣмъ по ней безпрестанно двигаются солдаты, направляющіеся то къ верху, то спускающіеся въ низъ; лошади и ослы тащатъ сѣтки съ сѣномъ, мѣшки съ сухарями и мясомъ. На каждомъ шагу видишь упорную, напряженную борьбу человѣка и животнаго съ неприступною лѣсною трущобой. Вотъ партія Болгаръ съ усиліемъ выворачиваетъ ноги изъ грязи и камней; у каждаго Болгарина въ рукахъ по двѣ палки скрещенныхъ на затылкѣ и по привѣшанной къ этому кресту большой гранатѣ, они несутъ в вверхъ снаряды, четверо солдатъ конвоируютъ партію. Болгары переступаюсъ согнувшись, тяжело дышатъ и не смотрятъ даже по своему обыкновенію по сторонамъ и не кричатъ встрѣчному офицеру: «здравствуй братушь!» Солдаты не унываютъ: «Эка—воинъ!» слышу я разсужденіе на дорогѣ, въ землю закопался пуфъ! пуфъ! и все тутъ. Ты въ поле выходи на-ка попробуй....» разсужденіе очевидно касающееся Турка.» Говорили тожъ» раздается позади другой голосъ задыхающійся отъ усталости: «Антраноль возьмемъ—войнѣ конецъ. Вотъ и Антраноль взяли—все миру нѣтъ».

—«Антрополь, да не этотъ, тотъ Антрополь, разказываютъ, за горами», возражаетъ кто-то говорящему.

Чѣмъ выше подымаешься въ гору, тѣмъ хуже становится дорога; лѣсъ рѣдѣетъ, мало-по-малу уступая мѣсто громаднымъ камнямъ, покрытымъ мохомъ, а на самой вершинѣ горы нѣтъ вовсе деревьевъ. Это зеленый холмъ изъ топкой земли и каменьевъ, мѣстами лежащихъ кучей, мѣстами—одиночными каменьями. Сегодня густое облако покрываетъ вершину и какъ на зло не видать за туманомъ ни турецкой позиціи, ни всего контура нашей. Надо близко подойти къ батареѣ, чтобъ увидать ее; батарей тутъ двѣ: одна смотритъ 8-ю орудіями въ одну сторону, другая, тоже 8-ю, въ другую, по обѣ сегодня молчаливо глядятъ въ туманное пространство; куда же стрѣлять, когда въ десяти шагахъ отъ себя не отличишь человѣка отъ дерева. Зато между батареями и по склонамъ вершинъ, обращенныхъ къ непріятелю, идетъ усиленная работа. Подъ прикрытіемъ облака солдаты роютъ землю, строятъ люнетъ, копаютъ ложементы, обносятъ батарею валомъ; генералъ Гурко издалъ приказаніе укрѣпить наши позиціи такъ, чтобы были больше турецкихъ неприступными.

Я направился къ палаткѣ генерала Дандевиля, расположенной на опушкѣ лѣса и засталъ генерала заносившимъ ногу въ стремя, чтобъ ѣхать къ генералу Рауху.

Очень красивый собою, еще молодой на видъ, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, генералъ Дандевиль, сидя на сѣдлѣ, раздавалъ по сторонамъ приказанія: «копію съ секретнаго приказа не забудьте разослать немедленно по всѣмъ постамъ!... а кроки позицій до сихъ поръ не готовы! Какъ же вамъ не стыдно! Послать мнѣ сюда вѣстоваго, эй народъ! А генералъ Красновъ гдѣ? Озаботьтесь пожалуста, продолжалъ Дандевиль, обращаясь къ Краснову: вернусь только къ вечеру; все оставляю на вашемъ попеченіи. Едва туманъ разсѣется, открыть немедля огонь...»

Генералъ Красковъ—старый знакомый по первому походу за Балканы. Онъ въ отрядѣ генерала Дандевиля командовалъ въ то время кавалерійскою бригадой (Екатеринославскимъ и Астраханскимъ драгунскими полками). По происхожденію онъ простой казакъ и выслужился до генерала изъ простыхъ урядниковъ. Мы усаживаемся съ нимъ рядомъ на толстое полѣно и протягиваемъ ноги къ костру. Разговоръ начинается съ воспоминаній: «Помните какъ послѣ перевала у Далбоии подъ Уфлапли, въ долинѣ Тунджи, вы угощали ген. Гурко и штабъ супомъ изъ сливъ? Веселое было время», и т. д. «Разскажите какже вамъ удалось отбить у турокъ эту вершину?» «Калужскіе молодцы-съ», говоритъ Красновъ, называя почему-то Великолуцкій полкъ Калужцами, «вовлеклись! Поглядѣть тошмаренки—маленькіе, худенькіе, курносые-съ, а вовлеклись! Тѣлъ 200 въ одномъ мѣстѣ наложили! Ужасное положеніе! Орудія навели, да и стоимъ въ грязи по колѣно, а калужскіе—молодцы! А-а-а! хорошее дѣло съ!» Такъ характеризуетъ Красновъ занятіе настоящей позиціи Дандевиля Великолуцкимъ полкомъ и защиту первыхъ поднимавшихся сюда нашихъ орудій, на которыя насѣли было турки. Этихъ орудій было два и прикрывавшіе ихъ солдаты Великолуцкаго полка прозвали ихъ «батюшкой и матушкой». Дѣло, по общимъ отзывамъ, было молодецкое: двѣ роты задерживали въ теченіе многихъ часовъ наступленіе турокъ съ вершины, и затѣмъ, когда подоспѣлъ еще баталіонъ Великолуцкаго полка, наши перешли въ свою очередь въ наступленіе и прогнали турокъ съ вершины, втащили туда орудія и съ этой минуты образовалась тутъ русская позиція противъ непріятельской горы Шандорника, позиція извѣстная нынѣ подъ именемъ Дандевиля.

Съ этой позиціи въ ясную погоду открывается видъ на всѣ турецкія укрѣпленія, защищающія линію Шандорникъ—Арабъ-Конака и даже видны, говорятъ, вдалекѣ верхушки минаретовъ Софіи. Гора Шандорникъ, обращенная однимъ фасомъ къ Рауху, смотритъ сюда другимъ своимъ фасомъ и другою профилью того же турецкаго редута, противъ котораго находится позиція Рауха. Но редутъ на горѣ Шандорникъ составляетъ только первое звено, начало продолжительной линіи турецкихъ укрѣпленій. Отъ Рауха этихъ укрѣпленій не видать вовсе, ибо они тянутся, такъ сказать, за Шандорникомъ направляясь къ Софійскому шоссе. Зато отъ Дандевиля, находящагося отъ Рауха значительно правѣе, видно какъ гребень горы Шандорникъ извивается то поднимаясь, то опускаясь и образуя нѣсколько вершинъ. На каждой изъ этихъ вершинъ вплоть до Арабъ-Конака построено по редуту и каждая вершина представляетъ сильное

и неприступное укрѣпленіе. Число орудій, направленныхъ турками съ этихъ редутовъ на позицію Дандевиля, простирается отъ 12 до 15, причемъ три направлены съ того же редута, съ котораго другія три направлены на Рауха. Дандевиль занимаетъ вершину, надъ которою турки господствуютъ и которую обстрѣливаютъ весьма мѣтко артиллерійскимъ огнемъ. Положеніе Дандевиля даже менѣе выгодно чѣмъ положеніе Рауха, такъ какъ вся позиція представляется открытою мѣстностью, которую непріятель обстрѣливаетъ сверху внизъ; тогда какъ у Рауха мѣстность закрыта лѣсомъ, и кромѣ того позиція Рауха расположена до того близко подъ самымъ непріятелемъ, что туркамъ приходится чуть ли не перпендикулярно къ ней наклонять дула своихъ орудій, между тѣмъ какъ Дандевиля турки обстрѣливаютъ на разстояніи 1.400 саженъ и потому наклонъ орудій здѣсь болѣе для нихъ выгодный.

Турки стрѣляютъ мѣтко. До сей минуты даже брустверъ нашихъ баттарей служилъ недостаточнымъ прикрытіемъ противъ турецкаго огня. По крайней мѣрѣ на дняхъ оторвало гранатой голову фейерверкеру, сидѣвшему спокойно за брустверомъ и засыпало землей офицера и нѣсколько человѣкъ прислуги при орудіяхъ. Разсказываютъ при этомъ что первымъ изъ земли вылѣзъ офицеръ и на вопросъ, обращенный имъ къ остальнымъ засыпаннымъ солдатамъ, вылѣзавшимъ другъ за другомъ изъ земли, «что, тебя ранило?» получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «не могу знать, ваше благородіе; чѣмъ то ушибло!»

Турки обстрѣливаютъ у Дандевиля всю лысую вершину горы и часть обрамляющаго кругомъ лѣса; орудія у нихъ стальныя, дальнобойныя, но малаго калибра. Обыкновенно они чередуютъ направленіе своихъ снарядовъ, одинъ выпускаютъ на наши баттареи, другой направляютъ въ лѣсъ, угадывая приблизительно мѣсто нахожденія расположеннаго въ лѣсу отряда Дандевиля. На баттареѣ турки успѣли до сихъ поръ подбить колесо одного орудія, убить одного фейерверкера и ранить двухъ другихъ. Что же касается всего отряда, то несмотря на частую перемѣну мѣста солдатскаго бивака, убыль въ немъ отъ турецкаго огня простирается отъ 6 до 8 человѣкъ среднимъ числомъ въ сутки. Нашихъ баттарей на позиціи Дандевиля двѣ. Одна, 8 орудійная, направлена на крайнюю къ намъ вершину Шандорника, именно на профиль того редута, по которому стрѣляетъ и Раухъ съ своей стороны. Другая баттарея дѣйствуетъ въ сторону дальнѣйшихъ турецкихъ укрѣпленій, идущихъ къ Арабъ-Конаку.

Вообще говоря, двѣ выше описанныя позиціи Рауха и Дандевиля осаждаютъ линію турецкихъ укрѣпленій, Шандорникъ-Арабъ-Конакъ, со стороны только Шандорника. Значительно правѣе этихъ двухъ позицій расположенъ отрядъ графа Шувалова, осаждающій турецкую линію со стороны Арабъ-Конака. Авангардъ этого отряда, подъ начальствомъ полковника Гриппенберга, занялъ 21 ноября на Софійскомъ шоссе командующую надъ Арабъ-Конакомъ высоту. Подробности этого дѣла, также какъ и описаніе позицій графа Шувалова, оставляю до слѣдующаго письма; замѣчу только что оба конца турецкой линіи укрѣпленій Шандорникъ—Арабъ-Конакъ суть рѣшающіе пункты: если турки очистятъ Шандорникъ, то въ Арабъ-Конакѣ они не могутъ держаться долѣе, ибо Шандорникъ

есть ключь всей линіи со стороны Эгрополя. Также если они очистятъ Арабъ-Конакъ, то не могутъ болѣе держаться на Шандорникѣ.

Если считать позицію графа Шувалова нашимъ правымъ флангомъ въ Балканахъ, то лѣвымъ флангомъ можно назвать укрѣпленный нами Златицкій перевалъ. На Златицкомъ перевалѣ три дня тому назадъ нѣсколько ротъ лейбъ-гвардейскаго полка, спустившись въ долину, заняли два селенія, Челопецъ и Классикіой.

Кн. Левъ Шаховской.

Дѣло 14 ноября подъ Мечкой и Трестеникомъ.

Дѣло 14 ноября заслуживаетъ особаго вниманія, какъ имѣвшее большое значеніе на ходъ военныхъ дѣйствій всего Рущукскаго отряда. Принималъ въ немъ участіе исключительно 12-й корпусъ, и до сихъ поръ, т. е. до 14 ноября, 12-й корпусъ не участвовалъ ни въ одномъ болѣе серіозномъ и рѣшительномъ дѣлѣ....

Рано утромъ, 14 ноября, первая сотня казачьяго № 37 полка, стоявшая и аванпостахъ впереди деревни Пиргосъ, донесла что по направленію къ этой деревнѣ движутся турецкія силы въ составѣ 19 таборовъ пѣхоты при артиллеріи и со значительнымъ числомъ кавалеріи. Аванпосты отступили къ авангарду нашему, расположенному у деревни Пиргосъ и состоящему всего изъ одного баталіона Днѣпровскаго полка. Въ виду наступленія такихъ значительныхъ силъ противника, баталіонъ не рѣшился принять боя и, въ свою очередь, отступилъ къ деревнѣ Мечкѣ, гдѣ на сильной позиціи располагались наши силы лѣваго фланга въ составѣ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріей и 1-й сотни казачьяго № 37 полка, которая, отступая цѣпью, все время поддерживала перестрѣлку съ наседавшими на нее Черкесами.

Турки стремительно атаковали наши позиція подъ Мечкой, но встрѣченные сильнымъ огнемъ нашихъ баттарей и дружными залпами засѣвшихъ въ ложементахъ стрѣлковъ, принуждены были умѣрить свой пылъ и, отступивъ, разсыпали вторую линію цѣпи, сгустивъ первую, и начали перестрѣлку, имѣя намѣреніе сильнымъ огнемъ подготовить себѣ вторичную атаку. Вслѣдствіе донесенія изъ Мечки генералъ-маіора Цыклядцева, ему изъ деревни Трестеника послано въ видѣ подкрѣпленія два баталіона Одесскаго полка, которые, подойдя къ Мечкѣ, съ крикомъ *ура* бросились на турокъ, ударивъ имъ въ лѣвый флангъ. Одессцы, поддержанные съ фронта нашею бригадой изъ Мечки, заставили турокъ отступить. Это было переходомъ нашихъ силъ въ наступленіе. Несмотря на свое превосходство въ силахъ, ни на адскій огонь своихъ нибоди, турки не выдержали дружнаго натиска и, бросая ружья и массу патроновъ, начали быстро отступать. Командиръ 1-й сотни № 37 полка, сотникъ Логиновъ, съ подоспѣвшими Стародубскими драгунами лихо врѣзался въ отступавшихъ и довершилъ пораженіе турокъ...

Дѣло 14 ноября казалось конченнымъ... Но въ то время начала доноситься страшная канонада со стороны деревни Трестеникъ. Въ виду этого генералъ-маіоръ Цыклядцевъ остановилъ свои войска и занялъ вновь прежнія свои позиціи, дабы не прервать связи съ центромъ, лежащимъ у деревни Трестеника. Дѣло въ томъ что почти одновременно съ наступленіемъ на Мечку, турки въ количествѣ 20 слишкомъ таборовъ, стремительно бросились на Трестеникъ. Два баталіона Украинскаго полка, составлявшіе авангардъ центра, расположенные на разстояніи 4—5 верстъ отъ нашихъ Трестеникскихъ позицій, остановили на время наступленіе турокъ и, не отступая, имѣли неосторожность сами принять бой. Храбро держались эти тѣснимые со всѣхъ сторонъ два баталіона Украинцевъ; сами ударяли нѣсколько разъ въ штыки и отбрасывали турокъ, но при такомъ страшномъ перевѣсѣ въ силахъ со стороны непріятеля, все-таки должны были подъ конецъ отступить. Украинцы и потеряли тутъ больше всего. Благодаря своей изумительной стойкости и хладнокровію, они отступали шагъ за шагомъ, подбирая при томъ всѣхъ своихъ раненыхъ. Занявъ свою передовую позицію, лежащую по восточному склону деревни Трестеникъ, эти два баталіона Украинцевъ присоединились здѣсь къ оставшемуся одному своему баталіону и еще баталіону Одессцевъ (два были посланы къ Мечкѣ). Такимъ образомъ силы нашего центра состояли изъ четырехъ баталіоновъ, которымъ и пришлось выдержать на себѣ весь натискъ турецкихъ таборовъ.

Несмотря на свои силы, несмотря на рядъ самыхъ стремительныхъ аттакъ, турки не могли взять ни одного ложемента. Правда, благодаря распорядительности начальника штаба корпуса, генералъ-маіора Косича, у насъ на позиціи было выдвинуто до 40 орудій, стрѣлявшихъ безпрерывными залпами и наносившихъ туркамъ такой страшный уронъ, что понятна станетъ побѣда 4 баталіоновъ противъ 20.

Поддерживаемые огнемъ своихъ баттарей, турки все-таки не теряли надежды овладѣть нашими позиціями. Отбрасываемые выдержанными залпами изъ нашихъ ложементовъ и разрывавшимися надъ ихъ головами нашими гранатами, оставляя груды тѣлъ, турки отступали, сгущали цѣпь и, послѣ страшной трескотни изъ своихъ Пибоди, снова бросались въ аттаку, и снова отступали съ тѣмъ же урономъ. Такъ длился бой почти до 5 часовъ. Къ этому времени начинали уже подходить изъ Дамогилъ баталіоны 33-й дивизіи, а цѣпь наша обходить лѣвый флангъ турокъ. Въ то же время выѣхавшая на позицію на нашемъ правомъ флангѣ № 5 Донская баттарея открыла фланговый огонь по непріятелю, который началъ отступать. Быстро наступавшія сумерки, а главное, сильный при томъ дождь, помѣщали нашимъ храбрымъ баталіонамъ преслѣдовать турокъ, которые, подобравъ часть своихъ раненыхъ, ушли на свои прежнія позиціи за Ломъ. Часть ихъ, по причинѣ страшной темноты и дождя, осталась по эту сторону Лома, но къ разсвѣту наступавшая кавалерія наша уже не нашла ихъ на мѣстѣ: они успѣли занять свои прежнія позиціи.

Пришедшая изъ Дамогилъ 33-я дивизія потеряла не болѣе 30 человѣкъ убитыми и ранеными. Вся же тяжесть боя выпала на долю Украинскаго полка и

баталіона Одессцевъ; эти потеряли до 700 человѣкъ выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 14 офицеровъ ранеными, 1 убитымъ и 1 попавшимся въ плѣнъ. Во время отступленія Украинцевъ, одного изъ ихъ офицеровъ (Колесникова) ранило въ обѣ ноги: онъ упалъ; подскочившіе было къ нему два солдата тутъ же были ранены и тоже упали. Двое другихъ солдатъ взяли офицера на руки, но не пронесли и трехъ шаговъ: одинъ изъ носильщиковъ упалъ замертво. Тогда Колесниковъ сказалъ оставшемуся при немъ солдату: «Ступай, братъ, спасайся скорѣе; все равно одинъ не донесешь». Вскорѣ за тѣмъ подскочили турки и взяли его въ плѣнъ.

Такъ кончилось дѣло 14 ноября, дѣло, повторяю, имѣвшее громадное значеніе. Нужно принять во вниманіе что въ тылу нашихъ позицій подъ Трестеникомъ лежитъ Батинъ и недавно устроенный новый мостъ черезъ Дунай. Цѣль турокъ, какъ и предполагалось, была овладѣть мостомъ и деревней Батиномъ и, пользуясь сильными позиціями у Батина, стать крѣпкою ногой на нашемъ лѣвомъ флангѣ, а это отразилось бы на расположеніи всего Рущукскаго отряда. Изъ показаній плѣнныхъ видно что они получили приказаніе во что бы то ни стало прорвать нашу линію у Трестеника, и демонстрація у Мечки была сдѣлана съ цѣлью оттянуть наши войска изъ Трестеника. Турки были увѣрены въ успѣхѣ и даже получили трехдневный запасъ сухарей.

Наши потери покажутся ничтожными въ сравненіи съ потерями непріятеля, а главное съ результатомъ всего дѣла. Да и могутъ ли быть маловажныя потери, гдѣ вводится въ бой нѣсколько баталіоновъ, при страшномъ количествѣ выпускаемыхъ патроновъ, въ особенности со стороны турокъ. Какія массы ихъ выпустятъ они при стрѣльбѣ, какія массы побросаютъ при отступленіи, и сколько еще силой отбираютъ у нихъ! Удивляешься только какъ успѣваютъ нейтральные Англичане подвозить ихъ. Деревня Трестеникъ, лежащая за нашею передовою позиціей, представляла во время боя удивительный видъ: Всѣ турецкія пули, пролетавшія чрезъ наши ложементы, падали въ Трестеникъ и далѣе, на западный склонъ деревни. Въ Трестеникѣ всѣ дома прострѣлены; буквально всѣ. Пули сыпались какъ градъ, не оставляя ни одного мертваго пространства; изъ массы собакъ, бывшихъ въ деревнѣ, не осталось ни одной. Вчера, 17-го числа, раздавались нижнимъ чинамъ награды. Его Величество Государь Императоръ пожаловалъ на 12-й корпусъ, за дѣло 14 ноября, 150 знаковъ военнаго ордена.

Общій перечень военныхъ дѣйствій.

(Съ 21-го по 27-е ноября).

Успѣшныя операціи войскъ нашего Западнаго отряда противъ Мехмеда-Али-паши въ Этропольскомъ Балканѣ совершенно разстроили планъ турецкаго главнокомандующаго, главною задачею котораго было спѣшить на выручку Плевны и заставить насъ снять блокаду этого пункта и запертыхъ въ немъ войскъ Ос-

мана-паши. Теперь же, послѣ овладѣнія нами правецкой позиціи у Орханіе и городомъ Этрополемъ, роль Мехмеда-Али изъ наступательной превратилась въ оборонительную, и усилія его должны быть направлены уже не на Плевну, а на сохраненіе своихъ собственныхъ сообщеній съ Софіей и Филиппополемъ. Сбитый у Правеца передовой турецкій отрядъ дивизіи Шакира-паши не рискнулъ удерживаться въ Орханіе и ближайшихъ къ нему сѣверныхъ селеніяхъ, а отступилъ къ мѣстечку Врачешъ, при входѣ въ ущелье р. Бебреша, гдѣ въ укрѣпленной позиціи расчитывалъ преградить дальнѣйшее наступленіе нашей правой колоннѣ по софійскому шоссе. Разсчетъ этотъ, однако, не удался. Въ то время какъ правая колонна генералъ-маіора Эллиса, укрѣпившись на правецкой позиціи, наблюдала за Врачешомъ, лѣвая колонна генерала Дандевиля, занимавшая Этрополь, двинулась черезъ Стриглъ-Балканъ, въ юго-западномъ направленіи, въ обходъ врачешской позиціи. Не смотря на страшныя трудности движенія по горамъ, безъ дорогъ и въ ненастное зимнее время, маневръ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: 16 ноября лѣвая колонна наша овладѣла съ боя Гретскою высотою, лежащею верстахъ въ четырехъ къ востоку отъ главнаго пути отступленія турокъ, что и заставило ихъ очистить Врачешъ. На другой день генералъ Дандевиль еще болѣе приблизился къ софійскому шоссе у подъема его на Балканскій перевалъ, и войска его, занявъ сосѣднюю съ Гретомъ высоту, приступили къ втаскиванію на нее артиллеріи. Съ другой стороны, и генералъ Эллисъ, тотчасъ по оставленіи непріятелемъ врачешской позиціи, двинулся вслѣдъ за отступившими турками по шоссе и, пройдя перевалъ, занялъ, 19 ноября, къ западу отъ дороги позицію въ виду непріятельскаго расположенія у Арабконака. 20 число употреблено было на подъемъ на горы артиллеріи, а на другой день, 21 ноября, какъ только передовыя войска колонны генерала Эллиса взобрались на высоты, господствующія надъ турецкой арабконакской позиціей, они встрѣчены были отчаянной аттакой 12 непріятельскихъ таборовъ. Въ продолженіи слишкомъ четырехъ часовъ наши четыре баталіона выдерживали ожесточенныя нападенія турокъ и, наконецъ, окончательно отбили ихъ съ громаднымъ урономъ и прочно утвердились на занятыхъ высотахъ, примкнувъ своимъ лѣвымъ флангомъ къ колоннѣ генерала Дандевиля. Къ вечеру новая позиція наша была уже сильно укрѣплена, и въ тотъ же день, съ прибытіемъ къ нашему отряду подкрѣпленій, открыто бомбардированіе непріятельскаго расположенія у Арабконака.

Результатомъ искусно выполненнаго наступленія отъ Правеца и Этрополя было совершенное очищеніе сѣверныхъ склоновъ Этропольскаго Балкана отъ непріятеля, отброшеннаго за перевалъ и лишившагося, такимъ образомъ, всѣхъ плодовъ его продолжительныхъ усилій, направленныхъ къ освобожденію Плевны. Къ этому стратегическому значенію нашего успѣха надо присоединить еще и чувствительный матеріальный ущербъ, нанесенный туркамъ, которые, при поспѣшномъ оставленіи Орханіе и врачешской позиціи, отдали въ наши руки огромные склады оружія, патроновъ, теплой одежды, продовольствія и фуража; какъ извѣстно, Орханіе былъ складомъ всѣхъ запасовъ, собиравшихся турками въ адріанопольскомъ вилайэтѣ для арміи Османа-паши. Другой, не менѣе цѣн-

ный трофей, доставшійся побѣдителямъ, это полный турецкій понтонный паркъ изъ 25 желѣзныхъ понтоновъ со всѣми принадлежностями. Только суматохою поспѣшнаго отступленія, вызваннаго обходомъ лѣвой нашей колонны, и можно объяснить оставленіе турками въ цѣлости такого богатаго военнаго матеріала, такъ какъ, при иныхъ условіяхъ, всякій предусмотрительный начальникъ постарался бы уничтожить его и не дать имъ воспользоваться противнику. За все время дѣйствій обѣихъ нашихъ колоннъ, съ 16 по 21 ноября, потери состояли изъ двухъ раненыхъ офицеровъ и около 50 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя.

Одновременно съ наступленіемъ нашихъ войскъ по софійскому шоссе къ Кемарційской котловинѣ, направлены были двѣ другія колонны, одна изъ Этрополя, а другая изъ Тетевена, къ большому селу Златицѣ, у южнаго подножія Балкановъ, въ долинѣ р. Топольницы, куда обѣ колонны уже и спустились; при этомъ первая колонна овладѣла съ боя двумя деревнями къ западу отъ Златицы и заставила турокъ отступить въ Златицкій укрѣпленный лагерь, гдѣ, по свѣдѣніямъ, находится до пяти непріятельскихъ таборовъ. Появленіе нашихъ колоннъ передъ Златицей, въ то время, какъ другія войска стоятъ уже у выхода изъ Арабконакскаго ущелья, угрожаетъ турецкому отряду, расположенному въ Мирковѣ, на половинѣ пути между упомянутыми двумя пунктами, отрѣзаніемъ его отъ Софіи, если онъ только заблаговременно не поспѣшитъ присоединиться къ главнымъ силамъ Мехмеда-Али на арабконакской позиціи.

Съ постепеннымъ расширеніемъ сферы дѣйствій русско-румынскихъ отрядовъ въ сѣверной полосѣ Западной Болгаріи, все большее пространство ея очищается отъ непріятеля, такъ что въ настоящее время наши летучіе отряды проникли за р. Огостъ и, войдя въ связь съ румынами въ Ломъ-Паланкѣ и съ нашимъ отрядомъ у Врацы, направились къ Берковецу и Бѣлградчику. Оба эти пункта имѣютъ важное значеніе: первый лежитъ на сѣверномъ склонѣ Балкановъ, на пути изъ Софіи въ Ломъ-Паланку, по которому могла бы дебушировать часть войскъ Мехмеда-Али въ тылъ нашимъ отрядамъ, а второй—на шоссе изъ Пирота въ Виддинъ, въ двухъ переходахъ отъ послѣдняго и въ одномъ переходѣ отъ сербской границы; занятіе Бѣлградчика нашими войсками совершенно прервало бы сообщенія Виддина съ Нишемъ и Софіей.

Послѣ неудавшейся аттаки 14 ноября на лѣвый флангъ нашего восточнаго операціоннаго фронта, Сулейманъ-паша старался занять наше вниманіе демонстративными передвиженіями своихъ частей отъ средняго теченія Лома къ Рущуку, а между тѣмъ, какъ оказалось, подготовлялъ серіозное испытаніе для нашихъ храбрыхъ войскъ на совершенно противоположномъ театрѣ дѣйствій, именно, въ Балканахъ. Самый восточный изъ занятыхъ нами горныхъ проходовъ, Еленскій, неоднократно уже подвергался нападеніямъ иррегулярныхъ непріятельскихъ партій, при содѣйствіи небольшихъ частей регулярныхъ турецкихъ войскъ; въ половинѣ ноября, противъ нашей передовой маренской позиціи показался было даже значительный турецкій отрядъ въ 5,000 человѣкъ регулярной пѣхоты, который, однако, не перешелъ въ наступленіе, а ограничился одною демон-

страціею. Убѣдившись въ невозможности прорваться къ Янтрѣ, на сѣверѣ, Сулейманъ-паша рѣшилъ, вѣроятно, повторить тотъ же маневръ на югѣ, избравъ для этого направленіе отъ Османъ-Базара чрезъ Елену, къ Тырнову; успѣшное выполненіе этого плана представляло, безъ сомнѣнія, важныя для турокъ выгоды, и потому турецкій главнокомандующій, для обезпеченія успѣха, двинулъ противъ мареиской позиціи слишкомъ 20 тысячъ человѣкъ, надѣясь массою раздавить нашъ слабый отрядъ. Утромъ 22 ноября турки энергически аттаковали занимавшіе Марень Орловскій и Сѣвскій пѣхотные полки, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Святополкъ-Мирскаго, и принудили ихъ отойти къ Еленѣ; здѣсь, окруженные съ трехъ сторонъ, геройскіе полки, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, отбивались отъ вшестеро сильнѣйшаго непріятеля, но, понеся чувствительныя потери, отступили съ боемъ на яковицкую позицію, въ пяти верстахъ къ западу отъ Елены, по дорогѣ въ Тырновъ. На другой день непріятель возобновилъ нападеніе, но аттаки его были отбиты, и къ вечеру князь Мирскій удержалъ свои позиціи въ виду большихъ турецкихъ массъ, расположившихся къ югу отъ Елены. Одновременно съ аттакой Мареня и Елены, турки направили особый отрядъ на Златарицу (верстахъ въ 18 къ сѣверу отъ Елены), который и занялъ это селеніе. На выручку мужественныхъ защитниковъ Еленскаго прохода подоспѣли, утромъ 24 ноября, достаточныя подкрѣпленія, между тѣмъ какъ высланный изъ окрестностей Тырнова отрядъ выбилъ турокъ изъ Златарицы и, преслѣдуя ихъ, двинулся по направленію къ Беброву. Въ 2 часа по полудни непріятель вновь повелъ аттаку на яковоцкую позицію, но вскорѣ прекратилъ бой, узнавъ, вѣроятно, о движеніи нашего отряда изъ Златарицы къ Бебровѣ, въ обходъ праваго фланга и тыла турокъ, наступавшихъ отъ Елены.

По послѣдней телеграммѣ отъ 25 ноября видно, какъ дорого обошелся орловцамъ и сѣвцамъ первый день боя, 22 числа, когда, подавленный непріятельскими массами, отрядъ нашъ долженъ былъ отступать отъ Елены. Потери его заключалось въ 50 офицеровъ и 1800 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, и сверхъ того, въ 11 орудіяхъ, изъ которыхъ четыре подбиты, а семь были оставлены на мѣстѣ боя и достались въ руки непріятеля, такъ какъ, за убылью лошадей, не возможно было увести ихъ. Согласно той же телеграммѣ силы турокъ противъ нашей яковицкой позиціи исчисляются до 30,000 чел., а непріятельскаго отряда, наступавшаго къ Златарицѣ—въ 10,000 человѣкъ. Въ день отправленія этой телеграммы изъ Богота, 25 ноября, турки вновь завязали бой у Яковицы, но черезъ два часа прекратили его.

Очевидно, въ Елененскомъ проходѣ повторился тотъ же маневръ Сулеймана-паши, которымъ онъ заявилъ себя въ дѣйствіяхъ противъ Шипки, съ тою разницею, что мѣстныя и стратегическія условія въ данномъ случаѣ были болѣе благопріятны для него: Елененскій проходъ не представлялъ такихъ естественныхъ препятствій для наступленія турокъ какъ Шипкинскій, и притомъ самое расположеніе лѣваго фланга арміи Сулеймана-паши впереди Османъ-Базара облегчало турецкому главнокомандующему постоянную связь съ войсками, направленными

противъ Елены, и давало ему возможность дѣйствовать одновременно въ тылъ нашему Еленескому отряду на Златарицу, вверхъ по теченію Златарской рѣки. Хотя до сихъ поръ, благодаря геройскому самоотверженію двухъ доблестныхъ полковъ, имъ удалось удержаться у выхода изъ Еленескаго ущелья, тѣмъ не менѣе устраненіе грозящей намъ съ этой стороны опасности можетъ быть достигнуто болѣе дѣйствительнымъ образомъ лишь наступленіемъ противъ линіи фронта Сулеймана-паши, который, вѣроятно, значительно ослабленъ отдѣленіемъ такой значительной массы войскъ на Беброво и Елену.

Изъ событій на Нижнемъ Дунаѣ, независимо продолжающейся, по прежнему, перестрѣлки между нашими журжевскими и рущукскими баттареями, обращаетъ на себя вниманіе новая попытка вторженія турокъ на румынскую территорію, близъ Калафата. Дѣло въ томъ, что около мѣсяца тому назадъ небольшой турецкій отрядъ переправился изъ Силистріи на низменность лѣваго берега Дуная и, занявъ старинную нашу баттарею—остатки минувшей войны, устроилъ тамъ сильный редутъ. Не видя крайней необходимости выбивать непріятеля изъ этой низменности, лежащей въ сферѣ ближайшаго огня силистрійскихъ орудій, мы ограничивались лишь наблюденіемъ за расположившимися тамъ турками, съ цѣлью не допускать вылазокъ ихъ изъ дунайской низменности. 17 ноября, подъ прикрытіемъ сильнаго огня съ крѣпостныхъ верковъ Силистріи и стоящихъ тамъ военныхъ судовъ, непріятель усилилъ свой отрядъ въ передовомъ редутѣ на 500 чел. пѣхоты и двинулся оттуда въ аттаку на лѣсъ къ западу отъ Калараша. Попытка турокъ кончилась для нихъ неудачею, такъ какъ, отбитые нашими двумя ротами и частью кавалеріи, они должны были отступить въ свой редутъ, бросивъ на мѣстѣ боя своихъ убитыхъ. Наши потери ограничились ничтожною цифрою.

Единственно важное извѣстіе, полученное съ мало-азіятскаго театра войны послѣ паденія Карса, сообщило объ очищеніи, въ ночь на 15 ноября, корпусомъ Дервиша-паши его укрѣпленной хацубанской позиціи, которая слѣдующимъ утромъ была занята нашимъ передовымъ отрядомъ, выбившимъ оставленныя тамъ слабыя турецкія силы. Причины такого внезапнаго отступленія непріятельскаго корпуса остаются пока необъясненными, и хотя Дервишъ-паша, какъ видно, занялъ послѣ того высоты Самеба и Цихисдзири, отстоящія еще верстъ на 20 отъ Батума, но можно предполагать, что онъ не станетъ долго удерживать и эти позиціи. Если только турецкое правительство не рѣшилось совершенно отозвать свои войска изъ батумскаго округа, то причину отступленія Дервиша-паши можно, вѣроятнѣе всего, искать въ ослабленіи численности его силъ, отозванныхъ на другіе театры дѣйствій, и въ невозможности турецкимъ судамъ, въ настоящую бурную погоду на Черномъ морѣ, держаться у открытыхъ береговъ его для поддержки лѣваго фланга Дервиша-паши.

Донесеніе начальника Еленинскаго отряда о боѣ 22 ноября при гор. Еленѣ.

Въ ночь съ 21 на 22 ноября передовые кавалерійскіе посты донесли, что за дер. Ахмедли, въ 16 верстахъ отъ гор. Елены, видны большіе огни, на основаніи чего сдѣлано было предположеніе что непріятель сосредоточиваетъ свои силы у названной деревни.

Въ виду этого отдано приказаніе разъѣздамъ возможно бдительнѣе наблюдать мѣстность, а дежурнымъ частямъ быть готовыми на случай тревоги.

Въ $6^1/_2$ часовъ утра, 22 ноября, со стороны дер. Ахмедли раздалось два пушечные выстрѣла, и, вслѣдъ затѣмъ, изъ аванпостной цѣпи пришло донесеніе что непріятель большими массами наступаетъ на передовую Маренскую позицію.

Маренская позиція была занята десятью ротами 1-го и 3-го баталіоновъ 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка, четырьмя орудіями 20-й конной баттареи и тремя эскадронами 13-го драгунскаго Военнаго Ордена полка.

По первому же выстрѣлу всѣ ложементы были заняты высланными ротами и отрядъ приготовился для встрѣчи противника. Въ 7 часовъ на гребнѣ высотъ противъ центра и лѣваго фланга Маренской позиціи показалась густая непріятельская цѣпь, поддерживаемая большими сомкнутыми колоннами и нѣсколькими сотнями конныхъ черкесовъ. Вслѣдъ затѣмъ противъ центра, на вершинѣ горы, открыла огонь непріятельская батарея изъ двѣнадцати орудій дальняго боя. Дружно встрѣтили храбрыя роты Сѣвскаго полка первый натискъ непріятеля, и по всей линіи открытъ былъ сильный огонь.

Турки, слабо атакуя фронтъ, большими силами двинулись противъ лѣваго фланга позиціи; тогда взводъ 4-й батареи 9-й артиллерійской бригады, стоявшій на этомъ флангѣ подъ командой капитана Полетковскаго, несмотря на направленный на него убійственный огонь непріятельской артиллеріи, встрѣтилъ непріятельскія колонны мѣткими выстрѣлами изъ своихъ орудій, дѣйствуя преимущественно шрапнелью безъ установки трубокъ; въ то же время роты, занимавшія лѣвые ложементы, частыми залпами старались остановить натискъ атакующихъ.

Первая атака на центръ позиціи была отражена ротами Сѣвскаго полка, руководимыми своимъ баталіоннымъ командиромъ, подполковникомъ Улагаемъ, который тутъ же палъ смертельно раненый.

Послѣ первой неудачи турки, получивъ значительныя подкрѣпленія, съ новою силой налегли на центръ отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ стало замѣтно, что густыя непріятельскія колонны движутся со стороны дер. Буйновцы, съ цѣлью охватить правый флангъ и ударить въ тылъ Маренской позиціи.

Между тѣмъ на лѣвомъ флангѣ кипѣлъ ожесточенный бой. Одно орудіе капитана Полетковскаго было подбито, ряды въ ротахъ быстро рѣдѣли; непріятель все больше и больше охватывалъ флангъ.

Спѣшенные драгуны мѣткимъ огнемъ отражали смѣлыя попытки черкесовъ пробраться въ тылъ нашей позиціи.

Однако, несмотря на мужество и стойкость нашихъ войскъ, на энергію и хладнокровіе начальниковъ, послѣ двухчасоваго жестокаго боя противъ вчетверо сильнѣйшаго противника, угрожавшаго совершенно отрѣзать отрядъ, держаться болѣе не было возможности. Тогда начальникъ позиціи, командиръ 13-го драгунскаго Военнаго Ордена полка, полковникъ Лермантовъ, приказалъ отряду, отступая съ боемъ, отойти на главную позицію у города Елены.

Въ это время подошелъ высланный изъ резерва 1-й баталіонъ 36-го пѣхот-

наго Орловскаго полка. Едва баталіонъ этотъ вступилъ въ линію войскъ Маренскаго отряда, какъ командиръ его, полковникъ Линдстремъ, былъ раненъ.

Видя что передовыя части начали отступать, командиръ Орловскаго полка лично принялъ начальство надъ баталіономъ, и несмотря на убійственный огонь непріятельской пѣхоты, смѣло повелъ его въ атаку. Дружно ударили въ штыки молодцы-Орловцы; въ рядахъ турокъ показалось смятеніе и, вслѣдъ затѣмъ, они въ ужасѣ обратились въ бѣгство, будучи жестоко преслѣдуемы атакающими. Во время этой атаки командиръ Орловскаго полка, полковникъ Клевезаль, былъ тяжело раненъ въ грудь и ноги. Сказазъ въ послѣдній разъ слова благодарности и одушевленія своему храброму баталіону, онъ приказалъ отнести себя въ ближайшую избу въ дер. Рухавцахъ.

Между тѣмъ, наступавшія со стороны Буйновецъ турецкія колонны съ массами черкесовъ успѣли обойти правый флангъ геройскихъ защитниковъ Мареца и старались совершенно отрѣзать путь отступленія отряду.

1-я и 4-я линейныя и 1-я стрѣлковая роты 36-го Орловскаго полка, которыхъ велъ въ атаку полковникъ Клевезаль, занимали правый флангъ и, удерживаясь до послѣдней крайности, были отрѣзаны и окружены черкесами. Изъ этихъ ротъ одинъ только офицеръ и нѣсколько рядовыхъ успѣли пробиться и присоединиться къ отряду, а остальные легли съ полковникомъ Клевезалемъ на мѣстѣ.

Къ этому времени на подкрѣпленіе Маренскаго отряда высланы были еще три роты 3-го баталіона Орловскаго полка и 3-я рота 14-го стрѣлковаго баталіона, при двухъ орудіяхъ 5-й баттареи 14-й артиллерійской бригады, составлявшія послѣдній свободный резервъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было командиру 34-го Сѣвскаго полка, полковнику Жиржинскому, какъ старшему, принять начальство надъ Маренскимъ отрядомъ и немедленно перейти въ наступленіе.

Еще разъ наши храбрецы, послушные энергической волѣ начальника, съ новою силой бросились на непріятеля, еще разъ заволновалась и подалась назадъ непріятельская линія, но перевѣсъ боя явно клонился на сторону Турокъ. Несмотря на безпримѣрное дѣйствіе нашей артиллеріи, которая, подъ руководствомъ командира 4-й баттареи 1-й артиллерійской бригады, полковника Пржевальскаго, смѣло занимала одну позицію за другою, встрѣчая непріятеля почти въ упоръ убійственнымъ огнемъ, — войска наши, охваченныя со всѣхъ сторонъ и подавляемыя численнымъ превосходствомъ противника, снова начали медленно отступать, пользуясь каждою канавкой, каждою складкой мѣстности для задержанія противника, и дорого стоилъ непріятелю каждый шагъ: каждая пядь земли отдавалась съ боя.

Не могу при этомъ не упомянуть о 3-й ротѣ 14-го стрѣлковаго баталіона, случайно попавшей въ Еленинскій отрядъ. Руководимая своимъ мужественнымъ командиромъ, капитаномъ Кобеляковымъ, эта безпредѣльно храбрая рота, будучи окружена и потерявъ послѣдовательно всѣхъ своихъ начальниковъ, держалась до послѣдней крайности, много способствуя порядку отступленія другихъ частей. Наконецъ, къ 12 часамъ утра Маренскій отрядъ отступилъ на Еленинскую по

зицію. Драгунскому полку приказано стать за правымъ флангомъ; пѣхота и артиллерія заняли устроенныя на Еленинской позиціи укрѣпленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было Новачскому отряду (изъ трехъ ротъ 2-го баталіона 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка и двухъ орудій 4-й баттареи 9-й артиллерійской бригады, подъ командой маіора Пржецлавскаго) въ виду возможности быть отрѣзаннымъ, отойти къ правому флангу Еленинской позиціи.

Бой закипѣлъ съ новою силой. Артиллерія непріятеля выѣхала на взятыя съ бою высоты Марена и направила весь огонь свой на Еленинскія баттареи, осыпая храбрыхъ защитниковъ градомъ снарядовъ. Отступавшій Новачскій отрядъ остановился на полпути, стараясь фланговымъ огнемъ удержать непріятеля.

Между тѣмъ, еще въ 10 часовъ утра замѣтны были значительныя колонны турокъ, двигавшихся по горамъ въ обходъ нашего лѣваго фланга; въ 11 часовъ показались такія же колонны съ кавалеріей, направлявшіяся изъ Миковецъ и Буйновецъ въ обходъ праваго фланга Еленинской позиціи; къ 12 часамъ послѣднія уже заняли всѣ близь лежащія высоты, выдвинули на нихъ шесть горныхъ орудій, изъ которыхъ открыли огонь во флангъ и тылъ нашихъ войскъ. Тогда Новачскій отрядъ отступилъ къ гор. Еленѣ, въ построенныя заранѣе траншеи. Одновременно непріятель повелъ атаку и на нашъ лѣвый флангъ.

На Еленинской позиціи оставались семь свѣжихъ ротъ Орловскаго полка и двѣ Сѣвскаго, занимавшихъ передовыя траншеи позиціи; отступившія затѣмъ части занимали ложементы второй линіи. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ занимала траншею полурота 11-го резервнаго баталіона, мужественно выдержавшая свою роль до конца. Лѣвая высота защищалась девятью орудіями, правая—пятнадцатью.

Когда стало замѣтно что непріятельскія колонны, сопровождаемыя нѣсколькими колоннами конныхъ черкесовъ, двигались намъ въ тылъ, то приказано было тремъ эскадронамъ 13-го драгунскаго полка съ двумя орудіями 20-й конной батареи выйти имъ на встрѣчу и не допускать отрѣзать путь отступленія. Лихо бросались драгуны нѣсколько разъ въ атаку, но подавляемые численностью непріятеля и притомъ дѣйствуя на мѣстности, невозможной для кавалерійскихъ схватокъ, не могли удержать напора силъ противника.

Между тѣмъ на Еленинской позиціи кипѣлъ жестокій бой; непріятельскіе снаряды производили страшное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Къ двумъ часамъ пополудни обходившія нашъ лѣвый флангъ колонны турокъ появились на высотахъ со стороны Златарицы и, поставивъ четыре горныя орудія, продольнымъ огнемъ обстрѣливали всю Еленинскую позицію. Наши ряды ежеминутно рѣдѣли; пять орудій съ ящиками, дѣйствовавшія на лѣвомъ флангѣ, остались совершенно безъ лошадей; на правомъ флангѣ четыре орудія потеряли $^{3}/_{4}$ всего числа лошадей; у двухъ изъ этихъ орудій, 4-й батареи 9-й артиллерійской бригады, подъ командою поручика Перлика, защищавшихъ нашъ крайній флангъ, перебита была вся прислуга. Поручикъ Перликъ долго еще держался,

набравъ людей изъ пѣхоты, пока, наконецъ, у него осталось всего три лошади: на которыхъ невозможно было увезти орудія.

Въ то время, какъ храбрыя войска наши геройски отстаивали позицію, непріятель все больше и больше охватывалъ наши фланги; вдали со стороны Твардицы прибывали къ нему новыя подкрѣпленія. Къ тремъ часамъ противникъ уже проникалъ въ самый городъ, въ тылу нашихъ войскъ. Несмотря на всю стойкость, на всю беззавѣтную храбрость защитниковъ Елены, стало ясно что держаться дольше невозможно: послѣ восьмичасоваго упорнаго боя, отрядъ былъ окончательно обойденъ. Тогда, дабы сберечь послѣднюю горсть героевъ оставшихся въ живыхъ, и ясно сознавая неизбѣжность быть отрѣзаннымъ отъ единственнаго пути отступленія, приказано отряду отходить на Яковецкую позицію. Артиллерія взяла въ передки 9 орудій; тѣ же орудія у которыхъ почти всѣ лошади были перебиты и выведена изъ строя большая часть прислуги, не могли быть вывезены и должны были остаться на мѣстѣ; замки отъ нихъ и прицѣлы были захвачены съ собою, но, при отступленіи подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, почти всѣ несшіе ихъ люди были перебиты. Прикрывая артиллерію, подъ убійственнымъ огнемъ, медленно и въ полномъ порядкѣ снимались пѣхотныя части. Только первымъ орудіямъ удалось свободно выйти изъ Елены; затѣмъ, путь отступленія былъ отрѣзанъ. Пѣхота непріятеля, поддерживаемая массами черкесовъ, до трехъ тысячъ, заняла правыя высоты надъ дорогой и густымъ огнемъ старалась задержать отступающія войска. У двухъ нашихъ орудій тутъ же, послѣднія лошади были перебиты; такимъ образомъ еще два орудія пришлось оставить за невозможностью ихъ увезти. Чтобъ удержать натискъ противника и прикрыть отступленіе отряда, приказано драгунамъ идти въ атаку, а двумъ орудіямъ снова открыть огонь съ высоты у д. Яковцы. Смѣлое движеніе драгунъ и мѣткій огонь артиллеріи остановили дальнѣйшее преслѣдованіе противника. Отрядъ въ порядкѣ продолжалъ отходить. Прикрываемая драгунами артиллерія къ 6 часамъ вечера заняла батареи на заранѣе укрѣпленной мѣстности у д. Яковцы, а къ 8 часамъ и пѣхота, подобравъ своихъ раненыхъ, въ полномъ порядкѣ прибыла на позицію, гдѣ заняла траншеи и ложементы.

Отрядъ снова былъ готовъ встрѣтить непріятеля: храбрые защитники Елены не пали духомъ; но Турки не преслѣдовали.

Силы непріятеля, аттаковавшаго Еленинскій отрядъ, простирались свыше двадцати тысячъ регулярныхъ и восьми тысячъ баши-бузуковъ и Черкесовъ при двадцати орудіяхъ, изъ которыхъ большая часть дальняго боя.

Непріятель понесъ громадныя потери, по свѣдѣніямъ отъ захваченныхъ плѣнныхъ и по показанію прибѣжавшихъ послѣ дѣла Болгаръ убыль въ его рядахъ простирается свыше четырехъ тысячъ.

Назвать отличившихся въ этомъ дѣлѣ, это значитъ назвать всѣхъ. Всѣ исполнили свой долгъ, всѣ готовы были умереть, дрались и умирали какъ слѣдуетъ храброму русскому солдату.

Взятіе Плевны.

Четыре съ половиною мѣсяца тому назадъ, въ то время когда Россія съ восторгомъ, а Европа съ изумленіемъ слѣдили за безостановочнымъ и быстрымъ движеніемъ нашей арміи къ Адріанополю, когда войска наши, почти не встрѣчая сопротивленія, въ теченіе немногихъ дней не только переправились за Дунай, но и перешли за Балканы, когда не только съ каждымъ днемъ, но и съ каждымъ часомъ мы, казалось, приближались къ цѣли, и испуганная Англія судорожно металась, ища союзниковъ, чтобы положить предѣлъ нашему торжественному шествію,—вдругъ совершенно неожиданно получено было извѣстіе что слабый числомъ отрядъ генерала Шильдеръ-Шульднера потерпѣлъ 8 іюня неудачу въ городѣ *Плевнѣ*.

Имя Плевны было произнесено, но никому и въ голову не проходило, что съ этимъ именемъ на долгій срокъ будутъ связаны всѣ наши помыслы и ожиданія. Наша неудача казалась отдѣльнымъ эпизодомъ, неизбѣжныхъ во всякой войнѣ, и только постепенныя разъясненія дали почувствовать серіозность дѣла: оказалось что на правомъ флангѣ нашей арміи, въ сорока верстахъ отъ главнаго пункта сообщеній, выросла многочисленная армія, превосходно вооруженная, съ замѣчательнымъ генераломъ во главѣ, и исполнявшая хорошо обдуманный планъ.

Продолжать движеніе впередъ, не покончивъ съ этимъ новымъ факторомъ войны, было невозможно; но противникъ, съ кѣмъ приходилось намъ имѣть дѣло, еще неясно обозначался для насъ послѣ дѣла 8 іюля. Османъ-паша не воспользовался своимъ успѣхомъ, какъ можно было ожидать. Онъ не пошелъ на Систово какъ поступилъ бы всякій полководецъ во главѣ европейской арміи. Османъ-паша основалъ свой планъ на стойкости Турокъ, въ оборонѣ за укрѣпленіями и на новыхъ условіяхъ, внесенныхъ въ военную тактику усовершенствованьемъ огнестрѣльнаго оружія, которымъ такъ обильно и хорошо снабжена турецкая армія.

Восьмнадцатаго іюля рѣшено было аттаковать укрѣпившуюся армію Османа. Съ этою цѣлью, въ подкрѣпленіе незначительныхъ силъ 9-го корпуса, состоявшихъ подъ командою генерала Криденера, передвинутъ былъ съ лѣваго фланга нашего расположенія корпусъ князя Шаховскаго, и этимъ соединеннымъ войскамъ въ количествѣ тридцати тысячъ человѣкъ предстояло штурмовать страшно укрѣпленныя позиціи. Была увѣренность въ успѣхѣ, основанная на прирожденной русскому солдату удали и храбрости, столь много разъ покрывавшей славою русскія знамена.

Но силы непріятеля оказались гораздо значительнѣе чѣмъ ихъ предполагали, а усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и богатое снабженіе патронами давали Туркамъ возможность, скрываясь за земляными укрѣпленіями, осыпать штурмующія колонны массой свинца. Русскія войска все-таки смогли не только овла-

дѣть двумя линіями турецкихъ укрѣпленій на лѣвомъ флангѣ, но и проникнуть въ самую Плевну подъ начальствомъ храбраго генерала Горшкова. Сдѣлать болѣе было невозможно: малочисленность и условленная тѣмъ разрозненность обоихъ фланговъ принудили наши войска къ отступленію, ослабивъ ихъ на 6,000 человѣкъ выбывшихъ изъ строя.

Первымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ второй Плевненской неудачи было сознаніе съ нашей стороны въ недостаточной численности войскъ, выдвинутыхъ нами на театръ войны, и на другой же день послѣ отбитаго Турками штурма послѣдовало Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи Гвардейскаго корпуса и Гренадерскихъ дивизій.

Наступилъ долгій, томительный періодъ—періодъ сознанной нами временной слабости и ожесточенныхъ нападеній непріятеля, увлеченнаго успѣхомъ. Подъ Плевной все затихло, только со всѣхъ сторонъ направлялись къ ней свободныя русскія войска, ослабляя тѣмъ лѣвый флангъ нашего расположенія. Наступила страшная Шипкинская недѣля, наступило время сосредоточенія Рущукскаго отряда съ линіи Кара-Лома на Янтру.

Слухи о посредничествѣ затихли. Туркофилы уже торжествовали побѣду. Ежедневно, по ихъ сказаніямъ, русскія войска терпѣли пораженія, и вычисленныя туркофилами потери наши превосходили вдвое все число нашихъ войскъ, находившихся въ Болгаріи.

Но не смущалось сердце Царево, не дрогнула вѣра Русскаго народа въ успѣхъ предпринятаго дѣла.

Намъ пришлось, однако, понести подъ Плевною еще одну неудачу, и притомъ самую чувствительную. Обстоятельства на театрѣ войны понуждали нашу Главную Квартиру перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ прежде, чѣмъ могли подоспѣть всѣ вызванныя изъ Россіи подкрѣпленія. Въ концѣ августа, усилившись доставленными изъ-подъ Силистріи осадными орудіями, содѣйствіемъ Румынской арміи и пополнивъ убыль въ войскахъ маршевыми баталіонами, мы рѣшили въ третій разъ аттаковать открытою силой укрѣпленія подъ Плевной. У всѣхъ свѣжи въ памяти событія этого кровопролитнаго дѣла.

Почти нетревожимый съ западной стороны за малочисленностью осаждающаго войска, Османъ-паша быстро пополнялъ свои потери какъ въ людяхъ, такъ и въ военныхъ запасахъ, ограждая себя вмѣстѣ съ тѣмъ съ фронта и съ фланговъ рядами грозныхъ укрѣпленій, заслужившихъ похвалу такого авторитета въ инженерномъ дѣлѣ какъ генералъ Тотлебенъ.

Послѣдняя недѣля августа, включительно съ потерями во время штурма, обошлась Русско-Румынской арміи подъ Плевной въ 16.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Посреди изумительныхъ подробностей этого необычайнаго для нашего времени боя выросла предъ цѣлымъ міромъ слава *молодаго* русскаго солдата.

Съ этого момента вопросъ о Плевнѣ пересталъ быть вопросомъ исключительно военнымъ, онъ сталъ вопросомъ народнымъ. Каждый русскій человѣкъ

сознавалъ что покончить съ Плевной полумѣрой невозможно, что только плѣнъ всей арміи, засѣвшей въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Плевной, можетъ-быть удовлетворительнымъ концомъ этой исторіи.

Такъ и понято было дѣло въ нашей Главной Квартирѣ. Всѣ подходившія подкрѣпленія обращались къ Плевнѣ. На мѣсто дѣйствій приглашенъ былъ знаменитый защитникъ Севастополя, чтобы противопоставить его испытанное искусство достойному сопернику; и скоро, окруженный со всѣхъ сторонъ, Османъ-паши почувствовалъ на себѣ обхватъ непобѣдимой силы.

Отрѣзанный и сжатый Османъ-паша держался храбро. Потерявъ надежду освободиться собственными силами, онъ терпѣливо выжидалъ движенія своихъ товарищей; но движенія эти претыкались благодаря заблаговременно принятымъ мѣрамъ; ближайшая надежда на Софійскую армію исчезла, благодаря превосходно обдуманному движенію гвардейскаго отряда, и едва ли могла достигнуть Плевны вѣсть о движеніи Сулеймана, когда, доведенный до крайности, Османъ рѣшился на отчаянную попытку пробиться сквозь наши линіи.

Попытку эту сторожили давно. Вокругъ Плевны не оставалось ни одного свободнаго промежутка, и послѣ пятичасоваго горячаго боя съ нашими гренадерами Турки были отброшены. «Окруженный надвинувшимися на него войсками нашими, говорила телеграмма, Османъ-паши сдался въ плѣнъ со всею своею арміей.»

Таково рѣшеніе было Плевнинскаго вопроса. Кошемаръ исчезъ, и наши войска теперь свободно двигались впередъ...

Подробности взятія Плевны *).

Я видѣлъ Плевну съ двухъ сторонъ, съ нашихъ ближайшихъ позицій, гдѣ стоятъ наши орудія различныхъ калибровъ. Нѣсколько разъ удавалось быть на нихъ въ то время, когда артиллерійскій огонь доходилъ до *maximum'a* своего величія, когда отдѣльныя батареи, располагаясь семействами, извергали залпами огромныя облака дыма и производили оглушительный трескъ на большое разстояніе. Особенно пріятно было видѣть наши осадныя орудія, которыхъ значительное число установлено на возвышенныхъ и болѣе неприступныхъ мѣстахъ. По всему видно что они не очень пріятны сосѣдямъ, особенно ночью, когда каждому хочется отдохнуть и забыться сномъ. А ночи темныя, облачныя, и, кромѣ того, съ охлажденіемъ ночнаго воздуха, уже начиная съ 6 часовъ, вся мѣстность занятая войсками и Плевной, покрывается густымъ туманомъ, будто облака сходятъ съ неба чтобы на время закрыть поля сраженія и дать покой человѣку. Воздухъ бываетъ такъ насыщенъ парами, что за три шага не видно

*) Изъ корреспонденціи Сущинскаго.

никакого предмета, и когда пришлось возвращаться съ позицій къ лазарету,—это версты четыре,—то осталось только отдаться на произволъ лошади, которая по протоpенной дорожкѣ везетъ своего сѣдока, окутаннаго флеромъ. А между тѣмъ, въ этой то мглѣ и царствуетъ военный геній: войска съ обѣихъ сторонъ сходятся между собою на самое близкое разстояніе, пользуясь полною темнотой выходятъ изъ своихъ траншей чтобы размять свои члены, днемъ почти неподвижно прикованныя къ землѣ. Слышится между тѣми и другими тихая рѣчь, конечно враждебная своимъ противникамъ. Войска не спятъ, идетъ усиленная дѣятельность, дѣлаютъ разныя изысканія для нанесенія вреда противнику, чтобы при появленіи зари и проблеска Божьяго свѣта доставить врагу непріятный сюрпризъ и поразить его неожиданностью. Работа по ночамъ происходитъ ежедневная, и особенно въ темныя ночи. Тысячи человѣкъ при закатѣ дня наряжаются и отправляются по разнымъ направленіямъ съ лопатами въ рукахъ, топорами и ружьями. Работы идутъ безъ малѣйшаго шума и огня, иногда недалеко отъ непріятеля, впереди своей цѣпи стрѣлковъ, и уже на другой день эта передовая цѣпь, или даже цѣлая батарея, оказываются на другомъ мѣстѣ, приблизившись къ непріятелю на нѣсколько десятковъ сажень. Вся мѣстность, занятая нами и Турками, покрыта разными насыпями въ родѣ небольшихъ крѣпостей на болѣе выдающихся буграхъ и склонахъ, и перерѣзана обширною и частою сѣтью рвовъ, по которымъ двигаются войска отъ одной позиціи къ другой. Такіе рвы и есть такъ называемые ложементы и траншеи; судя по ихъ длинѣ и положенію они носятъ то или другое названіе. Иногда одинъ такой ровъ, огибая склонъ возвышенности, тянется на цѣлую версту, и вы издали видите только что тамъ и сямъ, по извѣстному протяженію, показываются дымки и слышатся ружейные выстрѣлы. Одна сторона этого рва, именно обращенная къ непріятелю, имѣетъ всегда насыпь той земли, которая выбрасывается при копаніи рва; такимъ образомъ солдатъ бываетъ защищенъ отъ непріятельской пули этимъ земляныкъ гребнемъ, окаймляющимъ траншеи. По нашимъ позиціямъ видно что мы все болѣе приближаемся къ турецкимъ позиціямъ. Каждая пядь земли защищается съ отчаянною храбростію, и потому единственная возможность устроивать это дѣло представляется ночью; наши передовые ложементы или рвы находятся отъ турецкихъ на вѣрный ружейный выстрѣлъ. Въ нихъ-то и находятся постоянно наши солдатики, которые цѣпью окружаютъ непріятеля. Здѣсь они стерегутъ цѣлый день, не покажется ли съ противоположной стороны красная феска, не высунется ли какая-нибудь часть тѣла, чтобъ имѣть возможность мѣткимъ выстрѣломъ отличиться предъ товарищами. Ружья ихъ, всегда заряженныя, лежатъ обыкновенно на земляной насыпи, и чуть представляется возможность выстрѣла, солдатъ только прицѣливается и спускаетъ курокъ. На этихъ насыпяхъ, въ виду постоянной стрѣльбы, солдаты ухищряются дѣлать разныя приспособленія, продѣлываютъ въ насыпи разныя отверстія или же ровики, въ которыхъ помѣщается дуло ружья, и солдатъ всегда готовъ къ выстрѣлу. Смѣна людей изъ этихъ траншей производится только ночью, самымъ осторожнымъ образомъ. Служба трудная, особенно когда наступаетъ не-

настная погода, и вмѣстѣ опасная служба. Турки стрѣляютъ отлично, и ружья ихъ лучше нашихъ. Но на все есть привычка. Раненыхъ бываетъ немного, и большею частію попадаются тѣ солдаты, которые или еще неопытны, т.-е. недавно прибыли изъ Россіи, или же люди оплошные. Старый и смѣтливый солдатъ не дастъ себя въ обиду, онъ ухитрится скорѣе убить, но не быть убитымъ; на все есть своя сноровка, и здѣсь тоже. Молодые солдаты платятся часто за любопытство: едва высунетъ кто-нибудь изъ нихъ голову, чтобы посмотрѣть, или отправиться зачѣмъ-нибудь, по забывчивости, и его какъ дичь сваливаетъ турецкая пуля.

Въ этихъ траншеяхъ даже потѣшаются другъ надъ другомъ привычные противники: напримѣръ возьметъ шапку и выставитъ ее на палочкѣ изъ-за насыпи, —и пуля тотчасъ пробиваетъ ее. Такимъ же образомъ обманываютъ и турецкіе солдаты. Время родитъ героевъ, и у насъ образовались небольшіе летучіе отряды изъ солдатъ-охотниковъ, старающіеся наносить непріятелю неожиданный вредъ и нападать на него какъ только представляется удобный случай. Эти отрядики отчаянныхъ головъ должны приносить громадную пользу. Для нихъ пуля не страшна; въ темную ночь или крайне ненастное время, они нападаютъ на непріятеля въ его же собственныхъ позиціяхъ, подползая къ врагу неожиданно. Цѣль та чтобы какъ можно болѣе безпокоить и утомлять турецкія войска и принудить ихъ къ скорѣйшей сдачѣ.

Расположеніе нашихъ осадныхъ и полевыхъ баттарей вокругъ Плевны и турецкихъ позицій образуетъ почти непрерывную линію. Устроено такимъ образомъ, что изъ одной и той же баттареи, повертывая орудіе направо и налѣво, можно обстрѣливать нѣсколько пунктовъ. Такъ иногда и бываетъ. Едва только покажется выстрѣлъ съ одного изъ турецкихъ редутовъ, какъ наши баттареи съ разныхъ сторонъ начинаютъ бросать ядра въ одно мѣсто. Въ этомъ и заключается все достоинство установки баттарей. Турецкія баттареи отличаются весьма разумнымъ расположеніемъ, и мы чуть ли не позаимствовали отъ нихъ знаніе и опытность въ этомъ дѣлѣ. Разстояніе нашихъ орудій отъ турецкихъ весьма недалекое: начиная отъ $1^1/_2$ версты до 6 верстъ. Осадныя орудія съ баттарей, на которыхъ я былъ, не только бросаютъ свободно свои ядра въ Плевну, но даже обстрѣливаютъ противоположный край города, такъ что Туркамъ укрыться отъ выстрѣловъ можно только въ немногихъ мѣстахъ, именно по параллели, идущей отъ Гривицкаго редута, на очень возвышенномъ гребнѣ горы, господствующей надъ всѣми позиціями. Здѣсь, говорятъ, проживаетъ и Османъ-паша. Что же касается города, то его можно громить со всѣхъ пунктовъ нашихъ баттарей; но Турки живутъ большею частію внѣ города, въ ложементахъ и редутахъ, какъ и наши войска. Дѣйствіе нашей артиллеріи почти постоянное. Турецкія же баттареи почти всегда молчатъ. Есть-ли эта экономія въ зарядахъ, признакъ недостатка ихъ или же боязни—такъ какъ на одинъ ихъ выстрѣлъ слѣдуетъ въ отвѣтъ 100 изъ нашихъ баттарей—неизвѣстно. Артиллерія наша, также какъ и пѣхота, старается дѣлать Туркамъ разные сюрпризы появленіемъ своимъ на новыхъ позиціяхъ. Но это исполняютъ, конечно, небольшія ору-

дія. Одна изъ такихъ нашихъ баттарей ночью перебралась на новое мѣсто, откуда могла свободно обстрѣливать турецкія кухни. Три орудія, которыя были перевезены незамѣтно для Турокъ, были тщательно окопаны и спокойно ожидали утра. Едва Турки начали утолять свой голодъ, какъ имъ стала подносить свой дессертъ наша баттарея. Турки всячески старались сбить несносную баттарейку, но она удержалась на своемъ мѣстѣ и, кажется, прогнала кухни на другое мѣсто.

Итакъ, все ближе и ближе къ Плевнѣ. Всѣ подобные подступы соединены, конечно, съ жертвами; но эти жертвы ничто въ сравненіи со штурмомъ, когда войска идутъ по открытой мѣстности, чему мы уже были очевидцами. Приведу въ примѣръ послѣднее дѣло Скобелева: ему удалось завладѣть Кудрявою горой, съ прямою цѣлію захватить часть земли и стать ближе къ непріятелю. Названіе Кудрявой получено горой отъ присутствія на ней деревьевъ, между тѣмъ какъ вся окрестность представляетъ непрерывное поле отъ вырубки лѣса на топливо. Дивизія Скобелева была расположена на возвышенности въ виду этой Кудрявой горы, которая скрывала отъ нашихъ глазъ расположеніе Турокъ. Нашей артиллеріи приходилось дѣйствовать на непріятеля черезъ гору, между тѣмъ какъ турецкія траншеи, вырытыя по хребту горы, крайне безпокоили наши войска съ двухъ сторонъ, прямо—позиціи Скобелева и влѣво, черезъ оврагъ—другія позиціи. Если приходилось намъ идти къ Скобелеву, то нужно было дѣлать обходъ черезъ деревню Тученицу, такъ какъ прямаго пути не было. Гора, однимъ словомъ, вдвигалась между двумя нашими позиціями, съ одной стороны раздѣляя насъ, а съ другой—закрывая дѣйствія Турокъ отъ Скобелева. Пріобрѣтеніемъ этой позиціи округлялась граница нашихъ войскъ, сокращался расходъ людей на занятіе значительнаго протяженія. Вообще этимъ пріобрѣтеніемъ 2-я и 16-я дивизіи подали одна другой руку. Это было для насъ весьма важно тѣмъ болѣе, что съ Кудрявой горы какъ пѣхота, такъ и артиллерія могутъ наблюдать за движеніями непріятеля и свободно дѣйствовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ турецкія пули отдалились отъ баттарей на полуверстное разстояніе. Со стороны Турокъ этотъ клочекъ земли могъ быть отданъ лишь съ большими жертвами. Съ нашей стороны жертвы должны были быть еще больше. Намъ слѣдовало взять эту гору штурмомъ, то-есть идти прямо противъ турецкихъ траншей, гдѣ передовыя цѣпи встрѣтили бы насъ залпами. Въ виду всего этого, Скобелевъ выбралъ вечернее время и воспользовался темнотой и туманомъ. Турки не могли и думать чтобы въ страшную темь было сдѣлано нападеніе. Я получилъ о немъ увѣдомленіе въ 4 часа вечера, и сдѣлалъ тотчасъ же распоряженіе отправить 100 человѣкъ съ носилками и 12 каретъ къ деревнѣ Брестовацъ для пріема раненыхъ и транспортировки ихъ. Къ сожалѣнію, самъ не могъ ѣхать, получивъ приказаніе немедленно прибыть на позицію. Уже въ 5 часовъ туманы, какъ густыя облака, образовались въ долинахъ и ползли на вершины горъ. Въ половинѣ шестаго все пространство покрыто было туманомъ. Приступъ назначенъ былъ ровно въ 6 часовъ. Мы ожидали съ тревогой знакомой намъ ружейной стрѣльбы. Мы разсуждали что Скобелевымъ выбрано время опасное, и вышли изъ землянки посмотрѣть что дѣлается на нашемъ би-

вакѣ. Землянки солдатъ, расположенныя въ нѣсколькихъ шагахъ, едва были видны въ неясныхъ очеркахъ, людей совсѣмъ не было видно, даже свѣтъ костровъ едва пробивался сквозь окружающую мглу. Невольно щемило сердце. 2-я дивизія должна была, въ случаѣ надобности, немедленно отправиться на помощь. Но какъ идти въ такую темь и какъ дѣйствовать? Часы были вынуты; лишь нѣсколько секундъ отдѣляло отъ роковой минуты. Прежде всего загрохотали наши орудія по всему пространству артиллерійской цѣпи. Съ каждою минутой усиливались выстрѣлы и перешли въ непрерывные залпы. Такъ было условлено чтобъ отклонить вниманіе турокъ. Выбрасываемый изъ орудій дымъ, разстилаясь по пространству, окончательно покрылъ собою все существующее; только и видно было какъ мерцаютъ на баттареяхъ огни, за которыми слѣдовали залпы. Но не прошло и нѣсколько минутъ, какъ послышалась ужасная пальба со стороны Скобелева. Привычный слухъ отличаетъ наши выстрѣлы отъ турецкихъ. У насъ звукъ протяжный при одиночномъ выстрѣлѣ, а у турокъ короткій, обрывистый. Пальба стала учащаться и скоро перешла въ нескончаемую дробь: всѣ орудія повидимому уступили свое первенство ужасному шуму и трескотнѣ ружейнаго огня. Непрерывность этихъ выстрѣловъ неподражаема: мнѣ кажется что она производитъ на человѣка такое же могучее, подавляющее душу впечатлѣніе, какое можетъ производить стадо ревущихъ тигровъ и львовъ гдѣ-нибудь въ Африкѣ, въ первобытныхъ лѣсахъ, еслибы пришлось тамъ быть и заблудиться. Мы затихли по неволѣ и приковали свой слухъ къ доносящимся до насъ недалекимъ звукамъ. Что то Богъ дастъ, думалось каждому изъ насъ, и чѣмъ все это кончится? Такъ прошли цѣлые полчаса, когда ружейная перестрѣлка начала затихать, и конечно всѣ интересовались знать объ успѣхѣ предполагаемаго занятія Кудрявой горы. Утромъ наши траншеи съ курящимися въ нихъ маленькими кострами уже заняты были солдатами изъ дивизіи Скобелева. Ночью приказано было укрѣпиться, т.-е. нарыть траншей и образовать передовую цѣпь. Турки, какъ оказалось, были поражены неожиданностію и должны были уступить намъ Кудрявую гору. Что имъ дорогъ былъ этотъ кусочекъ земли, видно изъ того что послѣ они нѣсколько ночей сряду дѣлали съ своей стороны нападеніе, но конечно были приняты всѣ мѣры къ ихъ отраженію.

Плевна отчетливо видна съ возвышенности, на которой расположены Ревельскій и Эстляндскій полки. Надъ головами этихъ двухъ полковъ стоятъ осадныя и другія баттареи, а ниже баттарей идутъ террасами траншеи и впереди всего передовая цѣпь. Городъ лежитъ въ лощинѣ по берегамъ оврага и небольшой рѣченки, которая идетъ отъ насъ изъ Тученицъ. Равнымъ образомъ и оврагъ Плевнинскій есть продолженіе Тученицкаго оврага. Лазаретъ стоитъ какъ разъ на этомъ оврагѣ, и когда будетъ взята Плевна, то это будетъ прямой путь въ городъ, всего около 8 верстъ. Оврагъ замѣчателенъ тѣмъ, что его края обрывистые, почти отвѣсные и на всемъ протяженіи изъ дикаго камня, будто вся площадь этого широкаго, съ ровнымъ дномъ, оврага искусственно высѣчена изъ камня. Городъ довольно большой, видны пять мечетей и церковь. Зданій большихъ нѣтъ, какъ и во всѣхъ азіятскихъ городахъ.

Итакъ, мы наканунѣ взятія Плевны, если Богъ поможетъ и не случится какихъ-нибудь переворотовъ. Мы устроились очень хорошо; я имѣю теплый уголъ. У меня есть столикъ и два стула кромѣ кровати, даже столъ накрытъ салфеткой, купленною въ Кіевѣ. Ночью онъ у меня стоитъ у кровати, а днемъ переносится къ окошечку, гдѣ я пишу. Даже самоваръ стоитъ на столѣ, вотъ и теперь я пью чай въ $7^1/_2$ утра. Сижу одѣтымъ. Мы всѣ сознаемъ что жизнь наша хорошая, сыты, покойны и даже довольны.

«Вечеромъ 27 ноября ружейный огонь изъ турецкихъ траншей, обыкновенно не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью противъ позиціи генерала Скобелева, вдругъ прекратился. Проходитъ полчаса, проходитъ часъ и болѣе, а не слыхать ни одного выстрѣла, ни одна пуля не пропоетъ надъ нашими окопами. Что это значитъ?... Ужъ не готовятся ли къ новой аттакѣ?... Тишина у непріятеля невольно наводила на разныя сомнѣнія, и потому генералъ Скобелевъ рѣшился командировать особый секретъ, приказавъ ему высмотрѣть что дѣлается у противника. Секретъ отправился, заложивъ ружья за спину; подползаетъ онъ крадучись къ турецкой траншеѣ, прислушивается—мертвая тишина... Не слышно ни голоса людскаго, ни шаговъ, ни вообще какого-либо изъ тѣхъ случайныхъ звуковъ и шороховъ, которые всегда служатъ признакомъ хотя бы самаго сдержаннаго присутствія людей. Ползетъ секретъ далѣе, на самый гребень траншеи, глянулъ за него по ту сторону—пусто! Соскочили наши внутрь траншеи, прошли нѣсколько шаговъ, заглянули въ одну, въ другую, въ третью землянку—нигдѣ ни души. Очевидно, вся траншея была уже покинута. Но есть ли кто-нибудь еще въ Кришинскомъ редутѣ?—Идутъ къ редуту. Тамъ—насколько можно судить на слухъ—люди еще копошатся, но уже покидаютъ укрѣпленіе; кажись орудія увозятъ; слышны шаги и голоса по дорогѣ къ шоссе, немазанныя колеса гдѣ-то скрипятъ; огней тоже не видать по всей линіи. Секретъ возвратился къ генералу Скобелеву и донесъ о всѣхъ своихъ наблюденіяхъ. Генералъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ по телеграфу Великаго Князя Главнокомандующаго въ Боготѣ и генерала Тотлебена въ Тученицѣ. Послѣдній не замедлилъ сообщить то же и генералу Ганецкому, командующему гренадерскимъ корпусомъ и всѣмъ за-Видскимъ или «тыловымъ Плевнинскимъ» отрядомъ. Вскорѣ послѣ полуночи Великій Князь отправилъ за Видъ полковника Моравскаго—узнать, не замѣчается ли тамъ какихъ-либо приготовленій турокъ къ выходу изъ Плевны.

«Генералъ Ганецкій, получивъ телеграмму изъ Тученицы, отдалъ распоряженіе по всему тыловому отряду—быть наготовѣ. Наши кавалерійскіе аванпосты окаймляли все передовое пространство за-Видской позиціи, и часть изъ нихъ стояли не подалеку отъ самаго моста. Ночь была такъ темна и туманна, что слѣдить глазомъ не представлялось ни малѣйшей возможности; тѣмъ не менѣе сторожевые посты исполнили свою обязанность вполнѣ исправно: они слѣдили за непріятелемъ на слухъ, и замѣчательно что по всей линіи нашихъ аванпостовъ въ эту ночь не было дано ни одного выстрѣла, хотя нѣкоторые посты

приближалось почти вплотную къ непріятелю; они не хотѣли безпокоить его преждевременной тревогой и только заботились о томъ чтобы слушать какъ можно чутче и внимательнѣе. Время отъ времени они посылали донесенія къ генералу Ганецкому, и эти «донесенія на слухъ» сводились къ тому что на непріятельскомъ (правомъ) берегу Вида, около моста, слышенъ скрипъ громадныхъ обозовъ, что часть повозокъ спускается съ высотъ къ берегу и въ одномъ мѣстѣ входитъ въ самую рѣку, но на противный берегъ не переправляется, а остается въ рѣкѣ; что вмѣстѣ съ тѣмъ слышенъ глухой шумъ отъ скопляющихся большихъ массъ людей и животныхъ, хотя огней нигдѣ не замѣтно. Генералъ Ганецкій высказывалъ полное удовольствіе по поводу этой прекрасной сторожевой дѣятельности нашихъ кавалеристовъ, и дѣйствительно: больше этого, при подобныхъ условіяхъ, невозможно требовать и ожидать ни отъ какой кавалеріи.

«Поздній зимній разсвѣтъ и туманная мгла долго не позволяли разглядѣть что дѣлается за мостомъ; но вотъ легкій морозецъ, покрывшій обильнымъ инеемъ всю землю, уничтожилъ туманъ, и вскорѣ слабо заалѣло небо на востокѣ. Тогда предъ сторожевыми нашими постами открылась широкая низина, лежащая между Опонецкими и Терновскими высотами и выходящая къ Виду. Вся эта низина и всѣ склоны предмостныхъ возвышенностей покрыты были сплошными массами людей и обозовъ. Неподалеку отъ каменнаго моста оказался другой, устроенный изъ составленныхъ попарно повозокъ, поверхъ которыхъ наскоро накинута была досчатая и фашинная настилка. Теперь уже сдѣлалось ясно что тутъ собрана вся армія Османа, и дѣйствительно, въ восемь часовъ утра, быстро спускаясь съ высотъ, потянулись по обоимъ мостамъ на нашу сторону густыя массы турецкой пѣхоты. Сторожевые наши посты медленно стали отходить на линіи своихъ окоповъ, пославъ предварительно въ Дольній Дубнякъ къ генералу Ганецкому извѣстіе о выступленіи непріятеля. Какъ только генералъ прочелъ донесеніе, тотчасъ же какъ бѣлая игла взвилась въ небо сигнальная ракета, и по всему длинному и широкому пространству нашей тыловой позиціи барабаны зарокотали тревогу. Какъ на простыхъ мирныхъ маневрахъ, спѣшно, но безъ малѣйшей суеты, становились гренадеры въ ружье и строились поротно въ шеренги на линейкахъ предъ шалашами; фельдфебели и «ротные» повѣряли своихъ людей и сводили ихъ въ баталіоны. Не прошло и десяти минутъ, какъ все уже стояло на своихъ мѣстахъ, сплотившись въ столь же стройныя, сколько и грозныя колонны.

«Но генералъ Ганецкій не сталъ дожидаться пока соберутся и построятся его баталіоны: пяти минутъ не минуло еще съ того момента какъ зашипѣла ракета, и еще барабаны продолжали гремѣть по линіи, перенимая одинъ отъ другого энергически быстрый бой «тревоги», а онъ, вскочивъ на коня, уже мчался въ карьеръ къ передовымъ траншеямъ, расположеннымъ въ разстояніи около трехъ верстъ отъ моста и занятымъ въ этотъ день, по очереди, Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ, шефомъ котораго, какъ извѣстно, числится Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.

«Турки бѣгомъ выстраивали свою боевую линію на обширной за-Видской

равнинѣ и стремительно бросились въ наступленіе, не подумавъ даже о необходимости обстрѣлять предварительно артиллерійскимъ огнемъ нашу укрѣпленную позицію. Надо отдать имъ полную справедливость если наши гренадеры приготовлялись къ бою, по тревогѣ, какъ на маневрахъ, то турки тоже какъ на маневрахъ вели на нихъ безъ выстрѣла свою стремительную атаку. Нужды нѣтъ что изъ нашихъ траншей осыпали ихъ ружейнымъ огнемъ, что губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвались надъ ихъ головами,—они шли со склоненными штыками молча и только старались учащать быстрый темпъ своего шага. Атаку велъ самъ Османъ-паша. Едва прошли какіе нибудь полчаса, какъ турки были уже предъ нашими траншеями. Съ одушевленными криками «Алла!» кинулись они въ штыки на окопы и въ одно мгновеніе смѣшались въ нихъ съ Сибирцами. Ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не оставилъ передовой траншеи: всѣ полегли тамъ подъ турецкими штыками, и когда на другой день боя объѣзжали эти мѣста, то видѣли груды нашихъ и турокъ, застывшихъ вмѣстѣ въ предсмертной борьбѣ. Овладѣвъ траншеей, турки бросились на нашу земляную батарею, гдѣ стояли шесть полевыхъ орудій 2-й батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады. Большая часть прислуги была переколота. Долѣе прочихъ оборонялся артиллеристъ Карабановъ, который билъ враговъ своимъ банникомъ и, уложивъ имъ нѣсколько человѣкъ, вышелъ невредимо изъ неравной схватки.

«Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ втораго ряда нашихъ траншей. Но здѣсь подоспѣлъ Малороссійсхоій гренадерскій графа Румянцева-Задунайскаго полкъ, который поддержалъ Сибирцевъ, и тогда началось горячее стрѣлковое, а вскорѣ потомъ и штыковое дѣло.

«Въ это время генералъ Ганецкій замѣтилъ что турки видимо хотятъ пробиться къ Дунаю, потому что, подъ прикрытіемъ своей атаки на наши ложементы, спѣшно направляютъ на сѣверъ головы своихъ обозовъ. Понятно поэтому что наибольшія усилія Османа были направлены на лѣвый флангъ Сибирцевъ, который наконецъ и сталъ подаваться назадъ, послѣ упорнаго, но слишкомъ неравнаго боя. Были нѣкоторыя роты которыя выводили изъ боя не болѣе какъ по пятнадцати человѣкъ, потерявъ всѣхъ офицеровъ. На помощь лѣвому флангу должна была подойти 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, но до ея прихода генералъ Лашкаревъ находившійся тутъ съ 9-ю кавалерійскою дивизіей, выстроилъ свои полки въ боевой порядокъ и приготовился встрѣтить непріятеля въ случаѣ прорыва. Подъ Лашкаревымъ упала лошадь, пронзенная двумя пулями, и въ то же время до пятнадцати коней и всадниковъ выбыли изъ строя. Турки между тѣмъ ломили на нашъ лѣвый флангъ, пока не наткнулись на 1-ю бригаду 6-й пѣхотной дивизіи, расположенную въ траншеяхъ идущихъ къ Виду подъ тупымъ угломъ отъ лѣваго фланга Сибирцевъ. Полки этой бригады Архангелогородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рыкачева, приведенные сюда на смѣну Румынъ дня за три до 28-го числя, неожиданно встрѣтили противника изъ-за окоповъ такимъ огнемъ что турки сразу оставили всякія дальнѣйшія покушенія противъ лѣваго фланга, но за то всѣ свои усилія сосредоточили противъ центра нашей позиціи. Генералъ Ганецкій все время разъѣзжалъ по войскамъ первой линіи и ободрялъ ихъ.

«— Кукурузники, не отступать и не смѣй думать объ этомъ —съ веселымъ видомъ, грозя кулакомъ, кричалъ онъ нѣсколькимъ Сибирскимъ ротамъ, предъ которыми въ одномъ мѣстѣ разстилалось кукурузное поле.

«— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! Разстрѣляли уже всѣ патроны, отвѣчали ему изъ ложементовъ солдаты, показывая пустыя подсумки.

«— Ну, и наплевать, коли нѣтъ! Такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ турнутъ непріятеля, да и батарею свою назадъ отберутъ!

«— Ради стараться, ваше превосходительство! Прикажите впередъ идти!

«— Не торопись, братцы, будетъ время—прикажу! Не бойсь, назади не останетесь! А патроны вотъ уже подводятъ!

«Въ то время турки успѣли переправить за Видъ семь орудій, которыя приблизились къ намъ настолько что гранаты ихъ летѣли черезъ обѣ линіи нашихъ окоповъ и лопались около резервовъ. Все это, въ соединеніи съ отчаянными усиліями непріятеля противъ центра, побудило Ганецкаго послать находившагося въ его распоряженіи свиты генералъ маіора Струкова къ начальнику 2-й гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенанту Свѣчину, который уже шелъ отъ Дольняго-Дубника къ мѣсту боя. Ганецкій приказалъ Струкову вести эту дивизію въ направленіи того пункта гдѣ турки сосредоточивали наибольшія свои усилія и указать ей мѣсто назначенное для нея въ боевой линіи.

«Между тѣмъ раненые у насъ все прибывали и прибывали: на носилкахъ, пѣшкомъ и ползкомъ тащились они кое-какъ къ перевязочному пункту, но не раздавалось въ средѣ ихъ ни громкаго стона, ни ропота. Всѣ они, отъ старшихъ офицеровъ до послѣдняго солдата, сознавали что на этомъ полѣ идетъ теперь рѣшительное дѣло, а тутъ уже не до личныхъ страданій того или другаго!...

«Ганецкій все еще продолжалъ разъѣзжать по боевымъ линіямъ и ободрять солдатъ. Его сопровождали начальникъ отряднаго штаба полковникъ Маныкинъ-Неустроевъ, генеральнаго штаба полковникъ Фрезе, адъютанты и ординарцы. Начальники обѣихъ гренадерскихъ дивизій, генералъ-лейтенанты Свѣчинъ и Даниловъ, съѣхались на нѣсколько минутъ съ генераломъ Ганецкимъ и среди боя держали съ нимъ непродолжительное совѣщаніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

«Спѣшнымъ шагомъ и въ образцовой стройности проходилъ мимо корпуснаго командира Астраханскій гренадерскій Наслѣдника Цесаревича полкъ.

«— Помните, Астраханцы, чье имя вы носите! — крикнулъ имъ Ганецкій послѣ обычнаго привѣтствія.

«Рядомъ съ Астраханцами, но нѣсколько правѣе ихъ, двигались въ томъ же направленіи Самогитскіе гренадеры. Оба эти полка, вспомнивъ боевую сноровку своихъ доблестныхъ Суворовскихъ дѣдовъ, дружнымъ ударомъ въ штыки *на ура* насѣли на противника, поддержавъ изнемогавшихъ въ продолжительномъ и неравномъ бою Сибирцевъ. Вышвырнувъ изъ траншеи турокъ, они отбили у нихъ захваченныя русскія пушки. Но мало того, здѣсь же были взяты съ бою и семь турецкихъ орудій, вмѣстѣ съ ящиками, между которыми нашлись и на-

ши, русскіе (5-й артиллерійской бригады), захваченные подъ Плевной въ несчастливомъ для насъ дѣлѣ 7 іюля, а рядовой Астраханскаго полка Егоръ Ждановъ съ бою взялъ турецкое знамя. Одно изъ турецкихъ орудій замѣчательнымъ образомъ было отнято однимъ человѣкомъ. Лейбъ-казакъ 4-го эскадрона, Арсеній Нефедьевъ, наряженный въ качествѣ вѣстоваго къ генералу Каталею, былъ посланъ этимъ послѣднимъ съ Тернинской позиціи на поле сраженія узнать что тамъ дѣлается. Нефедьевъ верхомъ примкнулъ къ охотникамъ штурмовавшимъ отбитую у насъ траншею и когда турки, не выдержавъ удара, дали тылъ и спѣшили увозить свои пушки, Нефедьевъ погнался за крайнимъ орудіемъ, свалилъ ударами своей берданки двухъ ѣздовыхъ и, взявъ подъ-устцы одну изъ упосныхъ лошадей, повернулъ орудіе назадъ и привезъ его къ ложементамъ, уже занятымъ гренадерами.

«Съ отбитіемъ траншеи успѣхъ сраженія склонился на нашу сторону. Это было въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Турки заколыхались и,поддерживая перестрѣлку, отбѣжали на разстояніе ближняго ружейнаго выстрѣла, откуда открыли частый огонь по нашимъ ложементамъ. Тутъ завязался ожесточенный стрѣлковый бой, которому вторила артиллерійская канонада. Наши орудія стрѣляли изъ-за окоповъ, а турецкія съ высоты мостовыхъ укрѣпленій и съ Опонецкихъ редутовъ. Гранаты противника рвались среди нашихъ войскъ, и такимъ образомъ ружейная и орудійная пальба безъ умолку гремѣла по всей линіи войскъ, нашихъ и турецкихъ. Въ это время подъ Османъ-пашою была убита его рыжая лошадь, и самъ онъ раненъ пулею въ лѣвую икру на вылетъ. Преувеличенная молвою вѣсть о ранѣ и (благодаря паденію коня) даже о смерти Османа быстро пронеслась по рядамъ его арміи. И вотъ что значитъ подобная случайность, тамъ гдѣ все дѣло держится не на собственныхъ нравственно-боевыхъ качествахъ войска, а единственно лишь на волоскѣ личности и авторитета самого главнокомандующаго! Тѣ же самые баталіоны, которые полчаса назадъ съ такою отчаянною рѣшимостью лѣзли на наши окопы и послѣ отбитаго штурма все еще осыпали насъ огнемъ съ совершенно-открытаго поля, теперь, чуть лишь разнеслась между ними роковая вѣсть, шарахнулись назадъ къ Виду, въ самомъ крайнемъ безпорядкѣ. Наши гренадеры, съ барабаннымъ боемъ, тотчасъ же по всей линіи перешли въ общее наступленіе. Турки съ каждою минутой разстраивались все болѣе, такъ что въ полдень вся Плевненская армія бѣжала уже въ разбродъ отовсюду, сплошь заполнивъ собою все раздольное пространство открытаго и широкаго поля. Представьте себѣ нещадно разоренную муравьиную кучу, изъ которой миріады обитателей ея поползли вдругъ въ одномъ направленіи, обгоняя, переползая одинъ черезъ другаго и опрокидывая другъ друга,—вотъ только съ чѣмъ можно сравнить это единственное въ своемъ родѣ бѣгство. Люди, казавшіеся издали сѣрыми и синими точками, именно какъ муравьи двигались по равнинѣ, и сплошными темными массами толпились у обоихъ мостовъ на Видѣ, а въ это время наши гранаты то и дѣло разрывались посреди нихъ въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь полегло множество турокъ... Но хуже всего было имъ у Вида. Въ крайнемъ безпорядкѣ кидались эти мас-

сы на мосты и прямо въ рѣку, сталкивая одинъ другихъ цѣлыми кучами; несчастные раненые, военные обозы, орудія, зарядные ящики, обывательскія арбы съ имуществомъ и хозяевами стремглавъ летѣли въ воду послѣ того, какъ перила на каменномъ мосту обломались. Наконецъ, большая часть всего этого успѣли кое-какъ перебраться на тотъ берегъ столпились, па шоссе въ полугорѣ и поползли въ разныхъ направленіяхъ на глинистыя вершины. Но множество турокъ оставались еще около мостовъ и по нашу сторону Вида. Артиллерійская бригада флигель-адъютанта полковника Щеголева, памятнаго всей Россіи еще съ прошлой восточной войны по героской оборонѣ Одессы, вынеслась далеко впередъ подъ гранатнымъ огнемъ турецкихъ редутовъ и сыпала картечью въ смятенныя толпы непріятеля. Генералъ Ганецкій счелъ умѣстнымъ даже пріостановить нѣсколько лихое наступленіе этой бригады, изъ опасенія что если неравно турки вздумаютъ вдругъ воспользоваться ея черезчуръ изолированнымъ расположеніемъ и бросятся съ отчаянія на нее въ атаку, то орудія наши пожалуй и не успѣютъ уйти, благодаря вязкой, разбухшей отъ дождей почвѣ.

«Наконецъ, сквозь пороховой дымъ, въ свитѣ генерала Ганецкаго замѣтили что на мосту, среди всей этой толчеи и суматицы, широко машетъ кто-то бѣлымъ флагомъ. Вскорѣ послѣ этого изъ нашей передовой цѣпи привезли къ генералу турецкаго офицера съ завязанными глазами. Но Ганецкій, зная неоднократно уже испытанное нами вѣроломство въ этомъ отношеніи турокъ, отказался принять парламентера и приказалъ трубачу проводить его обратно къ мосту. Перестрѣлка между тѣмъ продолжалась. Но не прошло и четверти часа какъ пріѣхалъ новый парламентеръ, не говорящій впрочемъ ни на какомъ языкѣ кромѣ турецкаго. Этотъ послѣдній точно также не былъ допущенъ къ переговорамъ нашимъ генераломъ, который, подозвавъ къ себѣ Струкова, просилъ его написать на французскомъ языкѣ записку къ самому Осману. «Ваше превосходительство, писалъ карандашомъ на клочкѣ генералъ Струковъ «командующій отрядомъ генералъ Ганецкій поручилъ передать вамъ что онъ приметъ для переговоровъ только лицо, замѣняющее вашу особу, такъ какъ генералу извѣстно что сами вы ранены.»

Вручивъ эту записку турецкому посланцу, Ганецкій приказалъ Струкову ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ мосту и тамъ ожидать отвѣта.

Въ недоумѣніи многія тысячи турокъ толпились на правомъ берегу Вида, томясь еще неизвѣстностію о своей участи, тогда какъ на нашей сторонѣ уже гремѣло могучими раскатами отъ баталіона къ баталіону побѣдное *ура*, во славу Русскаго Государя!

—

Затѣмъ тридцать или сорокъ изъ насъ, съ генераломъ Скобелевымъ во главѣ который сегодня утромъ былъ поставленъ на Софійской дорогѣ, поѣхали по дорогѣ къ мосту, подъ выстрѣлы турецкихъ ружей, еслибы турецкіе солдаты, толпившіеся на дорогѣ за мостомъ, вздумали открыть огонь по насъ. Около 20 саженъ отъ моста, въ 30 саженяхъ отъ толпы турокъ по другую сторону, мы остановились. Генералъ Скобелевъ и два или три другіе офицера замахали бѣ-

лыми платками. На этотъ дружественный сигналъ турки отвѣтили махая кускомъ бѣлой кисеи, привязаннымъ къ древку. Выѣхали два всадника, каждый съ бѣлымъ флагомъ, переѣхали мостъ и приблизились къ намъ. Они поговорили съ переводчикомъ генерала Скобелева, затѣмъ было возвѣщено что идетъ самъ Османъ, и всадники ускакали назадъ.

«— Самъ Османъ идетъ! воскликнули всѣ мы съ удивленіемъ. Вотъ была неожиданность!

«— Во всякомъ случаѣ мы встрѣтимъ его почтительно, воскликнулъ въ истинно рыцарскомъ духѣ одинъ русскій офицеръ.

«— Это такъ, сказалъ другой.—Мы всѣ салютуемъ ему, а солдаты пусть сдѣлаютъ на караулъ.

«— Онъ, конечно, великій воинъ, воскликнулъ еще другой,—и онъ геройски защищался.

«— Онъ великій генералъ, сказалъ генералъ Скобелевъ,—потому что онъ поддержалъ честь своей страны. Я протяну ему руку и скажу ему это.

«Похвалы были единодушны, а избіенія русскихъ раненыхъ, совершенныя турецкою арміей въ Плевнѣ, были забыты (увы!).

«Все поле вокругъ меня было покрыто печальными слѣдами битвы. Тамъ и сямъ земля была разворочена взрывомъ гранатъ. Дороги и ея окраины были усѣяны мертвыми и ранеными турецкими солдатами, быками, лошадьми, поломанными повозками, а въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ дороги, поле, черезъ которое наступавшая колонна Османъ-паши геройски ринулись въ атталу, было буквально завалено мертвыми и ранеными. Русскіе врачи уже расхаживали по полю, разыскивая раненыхъ и накладывая имъ временныя перевязки въ ожиданіи подъѣзда походныхъ лазаретовъ.

«Все это я замѣтилъ во время наступившей паузы, которая наконецъ была прервана криками: «Вотъ онъ! Идетъ, идетъ!»—и я поѣхалъ впередъ къ пункту главнаго интереса. Приближались два всадника съ бѣлымъ флагомъ, который несъ повидимому простой солдатъ. На немъ была феска, длинная, грязная, темная шинель и совершенно оборванная обувь. Другой всадникъ, въ ярко-красной фескѣ и синей офицерской шинели, былъ чисто одѣтъ и въ свѣжихъ перчаткахъ. Онъ былъ сравнительно молодъ; его круглое розовое лицо было гладко выбрито; у него были свѣтлые усы, прямой носъ и голубые глаза. Онъ казался не старше 35 лѣтъ.

«Это не можетъ быть Османъ-паша! воскликнули всѣ. Дѣйствительно, это былъ не онъ, а Тевфикъ-бей, его начальникъ штаба. Возможно ли было чтобъ это юношеское лицо принадлежало человѣку, который былъ правою рукой Османа, который долженъ былъ играть такую важную роль въ организаціи и поддержаніи крѣпкой защиты Османа? Это была правда, какъ ни казалось странно. Турки по крайней мѣрѣ имѣютъ достоинство не пугаться молодыхъ людей. Я не видалъ ни одного дряхлаго сѣдобородаго офицера въ этой плѣнной арміи. Съ нашей стороны всѣ салютовали какъ только Тевфикъ-бей подъѣхалъ. Онъ остановился и съ минуту помолчалъ. Потомъ онъ заговорилъ по французски, хорошимъ акцентомъ, но медленно, какъ бы подбирая слова.

«Онъ сказалъ: «Османъ-паша»—потомъ промолчалъ цѣлыя десять секундъ прежде чѣмъ продолжалъ—«раненъ».

«Въ первый разъ узнали мы объ этомъ. Всѣ выразили сожалѣніе.

«— Не серіозно, мы всѣ надѣемся, воскликнулъ генералъ Скобелевъ.

«— Не знаю, былъ отвѣтъ, съ паузой между каждымъ словомъ.

«— Гдѣ его превосходительство? спросили затѣмъ.

«— Тамъ,—отвѣчалъ Тевфикъ-бей, указывая на небольшой домикъ, выглядывавшій на дорогѣ какъ разъ за мостомъ.

«Затѣмъ наступило молчаніе, во время котораго мы разглядывали нашего страннаго посѣтителя, а онъ осматривалъ насъ, какъ казалось мнѣ, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, но съ очевиднымъ любопытствомъ. Молчаніе становилось неловкимъ. Турокъ не торопился говорить, а Русскихъ, очевидно, деликатность удерживала спросить пріѣхалъ ли онъ сдаться; кромѣ того, тутъ не было и офицера, который имѣлъ бы право вести съ нимъ переговоры. Положеніе было критическое и, при забавномъ элементѣ въ немъ, отчасти затруднительное. Оба арміи наблюдали насъ въ какихъ-нибудь двухстахъ саженяхъ другъ отъ друга, съ оружіемъ въ рукахъ, потому что русская пѣхота постепенно приближалась къ мосту. Наконецъ генералъ Скобелевъ проговорилъ: «Не желаете ли вы кого видѣть? (молчаніе). Съ кѣмъ вы желаете говорить? (молчаніе). Въ чемъ дѣло (молчаніе). Чортъ знаетъ что съ этимъ человѣкомъ? Почему онъ не говорилъ?» отрѣзалъ генералъ по англійски, обращаясь ко мнѣ. Тевфикъ-бей остатался невозмутимъ. Я видѣлъ его не разъ послѣ, и нахожу что онъ замѣчательно молчаливъ по привычкѣ, но я полагаю что его полное безмолвіе при этомъ случаѣ отчасти зависѣло отъ волненія, несмотря на его твердый, непреклонный видъ.

«— Генералъ Ганецкій здѣсь командуетъ. Онъ сейчасъ будетъ сюда, въ случаѣ если вы желаете говорить съ нимъ, наконецъ замѣтилъ генералъ Скобелевъ.

«Тевфикъ-бей только кивнулъ головой.

«— Османъ-гази защищался самымъ блестящимъ и славнымъ образомъ, сказалъ одинъ офицеръ.—Мы всѣ уважаемъ его воинскій характеръ.

«Турокъ неподвижно смотрѣлъ прямо предъ собою и не подалъ и признака что слышалъ.

«— Мы всѣ смотримъ на него какъ на великаго генерала, сказалъ другой офицеръ.

«Нѣтъ отвѣта. Глаза Турка были обращены въ сторону Софіи, какъ будто ожидая оттуда Мегемеда-Али. Очевидно, было безполезно стараться заговорить съ этимъ упорно-безмолвнымъ человѣкомъ. Къ счастію, вскорѣ прибылъ генералъ Струковъ, изъ Императорскаго штаба, съ полномочіями для переговоровъ. Онъ спросилъ Тевфика уполномоченъ ли онъ для этого Османомъ. Оказалось нѣтъ. Я не разслыхалъ всего что онъ сказалъ, но въ окончательномъ результатѣ Тевфикъ поклонился намъ и ускакалъ назадъ черезъ мостъ.

«Мы еще продолжали ждать. Нѣкоторые изъ турокъ на мосту выступили впередъ и подошли къ намъ, иные съ ружьями, повѣшенными за плечами, дру-

гіе съ ружьями въ рукахъ. Они расхаживали около насъ и любопытно насъ разсматривали. Тысячи турокъ были на утесахъ, всего въ двадцати саженяхъ разстоянія, и спокойно глядѣли на насъ, всѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Одинъ хорошо направленный залпъ произвелъ бы весьма чувствительную пустоту въ нашихъ русскихъ кадрахъ по сю сторону Вида, потому что въ это время здѣсь собралось до сотни офицеровъ, а капитуляція отнюдь еще не была улажена. На высотахъ справа мы видѣли какъ Русскіе подвигались къ редуту съ одной стороны, между тѣмъ какъ турки оставляли его съ другой. Вотъ прибылъ генералъ Ганецкій, а дорога загромождена повозками, павшими лошадьми и быками.

«Мы двигаемся осторожно по мосту чрезъ поломанныя повозки и трупы павшихъ лошадей и скота, и вотъ мы очутились посреди турокъ. Нѣсколько труповъ людей валяются во рву около дороги. Иные раненые влачатся вслѣдъ за нами, Богъ вѣсть куда, и два часовые стоятъ на стражѣ въ траншеѣ надъ рѣкой, какъ будто ежеминутно ожидая аттаки.

«По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся, толпа становится гуще, турецкіе солдаты, съ ружьями и штыками въ рукахъ, глядятъ на насъ нахмурясь, иные съ дикимъ выраженіемъ; но есть также пріятныя и умныя лица, которыя смотрятъ на насъ прямо ясными, любопытными глазами. Генералъ Скобелевъ старшій припомнилъ эпизодъ изъ Венгерскаго возстанія, сходный съ настоящимъ, когда было пріостановка военныхъ дѣйствій и большое число австрійскихъ офицеровъ переѣхали черезъ мостъ къ Венгерцамъ, какъ это мы сдѣлали здѣсь, и когда венгерскій командующій офицеръ открылъ ряды своихъ солдатъ и выпалилъ въ Австрійцевъ изъ своей пушки, заряженной картечью. Будемъ надѣяться что эти два случая не во всемъ будутъ сходны.

«Когда генералъ проѣхалъ саженъ сорокъ за мостомъ, давка стала такъ сильна что мы не могли двигаться далѣе, да и не желали, потому что въ этомъ маленькомъ домикѣ у дороги лежалъ раненый Османъ-гази. Генералы Ганецкій, Струковъ и нѣсколько другихъ отправились его видѣть. Я не могъ пробраться по причинѣ давки. Совѣщаніе продолжалось не долѣе немногихъ минутъ.

«Условія капитуляціи были легко улажены. Сдача безусловная. Османъ согласился сразу. Если удивятся что такъ вдругъ согласился, то необходимо сказать что онъ и не могъ поступить иначе. Чтобы попытаться на вылазку, онъ долженъ былъ оставить всѣ позиціи, въ которыхъ такъ долго сопротивлялся Русскимъ, и сосредоточить армію внизу у Вида. Эти позиціи, разъ потерянныя, были потеряны навсегда, потому что Русскіе заняли ихъ почти тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ. Онъ находился въ долинѣ, они на окружающихъ высотахъ, съ арміей втрое многочисленнѣйшею. Ему оставалось сдаться безъ замедленія, ибо каждую минуту кругъ стягивался все уже. Его положеніе было похоже на положеніе Наполеона III при Седанѣ. Неравенство силъ было еще больше, а онъ не имѣлъ даже прикрытія деревни.

«Мы повернули назадъ и поѣхали черезъ мостъ, а Османъ-паша сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ Плевну. Нѣсколько минутъ спустя прибылъ Великій Князь

Николай Николаевичъ со своимъ штабомъ и произвелъ смотръ войскамъ. Онъ былъ встрѣченъ криками *ура*! Тогда мы снова повернули и поѣхали черезъ мостъ.

«Теперь была иная сцена: нигдѣ не было видно ни одного вооруженнаго турка. Свиданіе съ Османъ-пашей происходило около втораго часа пополудни. Теперь на часахъ было три, и всѣ турки уже положили оружіе. Они буквально исполнили отданное имъ приказаніе, положивъ свои ружья прямо на грязь, въ которой стояли. Земля покрылась оружіемъ, тѣми самыми Пибоди и Мартини, которыя причинили столько опустошеній въ рядахъ русскихъ войскъ въ іюлѣ и сентябрѣ. Ружья лежали грудами по дорогѣ, мы ѣхали по нимъ, лошади попирали ихъ ногами и перепортили ихъ цѣлыя сотни. Армія Османа не была, впрочемъ, вся вооружена ружьями Пибоди: я замѣтилъ нѣсколько ружей Снайдера и ружей Крынка, очевидно забранныхъ турками съ полей битвъ въ іюлѣ и сентябрѣ.

«Медленно подвигались мы въ направленіи къ Плевнѣ. Вскорѣ мы наѣхали на массу повозокъ, запряженныхъ волами, составлявшихъ тотъ обозъ который назначенъ былъ сопровождать вылазку Османа. Повозокъ было отъ 500 до 600 и въ числѣ ихъ я замѣтилъ значительное число такихъ которыя, повидимому, должны были принадлежать частнымъ лицамъ, такъ какъ онѣ были набиты разными домашними пожитками, и въ нихъ сидѣли турецкія женщины и дѣти. Страшно представить себѣ что эти нѣжные малютки могли попасть въ страшную сферу дѣйствія огня; но мысль успокоивалась тѣмъ соображеніемъ что ни одна изъ этихъ частныхъ повозокъ не успѣла вѣроятно добраться даже до моста. Одна безобразная старуха, сидя въ повозкѣ, провожала насъ самою недвусмысленною бранью и очевидно смотрѣла на насъ съ ненавистью. Никто, конечно, не обратилъ вниманія на ея крики, но въ то время какъ она выходила изъ себя, осыпая насъ бранью, кучка турецкихъ солдатъ отыскала въ ея повозкѣ кусокъ сыра, овладѣла имъ и принялась жадно уплетать его, чѣмъ и отвлекла на себя брань старухи.

«Но вотъ раздался крикъ: «Османъ». Дѣйствительно Османъ-паша, узнавъ что Великій Князь ѣдетъ въ этомъ направленіи, повернулъ назадъ свою карету, къ нему на встрѣчу. Османъ-пашу конвоировали 50 казаковъ, за которыми ѣхали 25—30 турецкихъ офицеровъ на маленькихъ турецкихъ лошадкахъ. Всѣ они или почти всѣ были молодые люди. Едва ли кому изъ нихъ можно было дать болѣе 30 лѣтъ. У большинства изъ нихъ были чисто юношескія лица. «Неужели же съ такими ребятами, подумалъ я, могъ Османъ-паша совершить такія чудеса?» Великій Князь подъѣхалъ къ каретѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ оба вождя смотрѣли въ лицо одинъ другому, не произнося ни одного слова. Затѣмъ, Великій Князь протянулъ свою руку, дружески пожалъ руку Османа и сказалъ: Защита Плевны—одинъ изъ самыхъ блестящихъ военныхъ подвиговъ въ исторіи.» Османъ-паша болѣзненно улыбнулся, привсталъ съ усиліемъ на ноги, несмотря на свою рану, сказалъ что-то чего я не могъ разслышать, и снова опустился. Всѣ русскіе офицеры закричали: «браво! браво!» Не было ни

одного изъ нихъ, во взглядѣ котораго на героя Плевны не выражалось бы чувство удивленія и сочувствія. Князь Румынскій, подъѣхавъ сюда же, повторилъ, не зная того, слово въ слово привѣтствіе Великаго Князя и подобно ему пожалъ руку Османа. Этотъ также приподнялся на ноги, но на этотъ разъ въ суровомъ молчаніи.

«Османъ былъ одѣтъ въ распахнутый синій казакинъ, на которомъ не было никакихъ внѣшнихъ знаковъ отличія его сана, и имѣлъ на головѣ красную феску. Онъ высокій, крѣпкосложенный человѣкъ, съ короткою черною бородой, безъ одного сѣдого волоска. У него большой римскій носъ и темные глаза. Лицо серіозное, каждая черта его запечатлѣна энергіей и рѣшимостью, но истомлено, помято, съ морщинами, которыя едва ли такъ глубоко обозначались мѣсяцевъ пять тому назадъ. Взглядъ его черныхъ глазъ болѣзненный, сосредоточенный, задумчивый....»

Вотъ имена слѣдующихъ турецкихъ генераловъ, взятыхъ въ плѣнъ при овладѣніи Плевной: Главнокомандующій, муширъ Османъ, ферикъ Адиль-паша, лива; (генералъ-лейтенантъ) начальникъ штаба Тарихъ-паша, начальникъ инженеровъ Тевфикъ-паша (временами также исполнялъ обязанности начальника штаба), начальникъ Ахмедъ-паша, Атыфъ-паша, Садыкъ-паша, Таиръ-Омеръ-паша, Гусейнъ-Весери-паша, Эгемъ-паша.

Какъ получилъ Государь Императоръ извѣстіе о сдачѣ Османъ-паши *).

Въ то время какъ Османъ-паша пытался проломить себѣ дорогу къ Виддину, всѣ начальствующія лица арміи отправились къ Плевнѣ. Выѣхалъ изъ Тученицы генералъ Тотлебенъ, направился туда же Великій Князь Главнокомандующій изъ Богота; наконецъ, изъ Порадима на Радишевскія позиціи выѣхалъ Государь Императоръ. Здѣсь, на своемъ обычномъ пунктѣ наблюденія, Его Величество оставался до исхода событій, нежданно нагрянувшихъ на насъ 28 ноября. Понятно каждому, какія чувства волновали теперь Государя, терпѣливо выжидавшаго въ грязномъ болгарскомъ селеніи, вдали отъ всякихъ удобствъ жизни, въ теченіе долгихъ, безконечныхъ мѣсяцевъ того дня, въ которомъ должно было восторжествовать русское оружіе!...

«Проходили минуты и часы, исполненные надеждъ и тревоги. Наконецъ, усиленная канонада за Видомъ стала смолкать. Наступила непонятая тишина. Можно было догадываться что все кончено, но какъ кончено—объ этомъ не было свѣдѣній. Получались извѣстія что занятъ Гривицкій редутъ, что остальныя позиціи, одна за другою, переходили въ наши руки, что войска проникаютъ въ Плевну: но ничего не было извѣстно съ той стороны гдѣ сосредоточивался главнѣйшій интересъ дѣла, ничто не говорило еще объ окончательной судьбѣ арміи Османъ-паши.

*) Корреспонденція „Голоса" изъ Порадима.

«Вдругъ, съ Радишевскихъ позицій замѣченъ былъ всадникъ во весь опоръ скачетъ въ ту сторону, гдѣ находился Государь. Всадникъ не скачетъ, а летитъ. Онъ безъ шапки, она у него въ рукахъ; онъ машетъ ею во всѣ стороны, доносится, наконецъ, все яснѣе и яснѣе радостное *ура*. Это полковникъ Моравскій: онъ скачетъ съ важнымъ донесеніемъ. Къ нему спѣшатъ на встрѣчу, его окружаютъ; онъ соскочилъ съ замученной лошади, подбѣгаетъ къ Государю и говоритъ запыхавшись отъ усталости и волненія:

«—Плевна, Османъ-паша, вся его армія у ногъ Вашего Императорскаго Величества!

«Государь переспросилъ.

«—Самъ видѣлъ, ей Богу, самъ видѣлъ, Ваше Величество! восклицаетъ полковникъ Моравскій, едва переводя духъ.

«Можно представить какое радостное, какое задушевное громкое *ура* огласило Радишевскія позиціи. *Ура* это, какъ электрическая искра, разнеслось по всѣмъ линіямъ и огласило всѣ Плевненскія высоты. Телеграфъ не замедлитъ передать его въ Петербургъ, въ Москву, во всѣ уголки Россіи; скоро онъ донесся уже до всей Европы.

«Государь Императоръ поздравилъ полковника Моравскаго флигель-адъютантомъ; его никто не посылалъ, онъ по собственному почину прискакалъ къ Государю съ радостною вѣстью.»

29 ноября, въ $12^1/_2$ часовъ дня, совершено въ Высочайшемъ присутствіи благодарственное молебствіе на турецкой баттареѣ № 5, близь Плевны, на Гривицкомъ шоссе, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла палатка Османа. Государь былъ встрѣченъ Главнокомандующимъ во главѣ своей свиты и многихъ представителей храбрыхъ войскъ, при звукахъ гимна и оглушительномъ *ура*. Его Величество бросился въ объятія Великому Князю и собственноручно возложивъ на него ленту Георгія первой степени. Затѣмъ Государь пожаловалъ генераламъ Непокойчицкому, Тотлебну и Милютину тотъ же орденъ второй степени, князю Имеретинскому третьей, Левицкому четвертой; дежурнаго флигель-адъютанта послалъ вручить Ганецкому Георгія третьей, а начальникамъ гренадерскихъ дивизій Свѣчину и Данилову—четвертой. Потомъ Государь сѣлъ верхомъ, скомандовалъ на караулъ и возгласилъ *ура*, подхваченное всѣми войсками. Благодарственный молебенъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое съ половины іюля приковывало все наше вниманіе, которое остановило наше шествіе и $4^1/_2$ мѣсяца тяготѣло надъ нами и надъ всею Россіей, произвело неизъяснимо сильное впечатлѣніе: оно не изгладится изъ памяти тѣхъ, кто удостоился присутствовать при этомъ.

Послѣ молебна Государь поблагодарилъ войска и, сопровождаемый восторженными *ура*, поѣхалъ въ Плевну, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Послѣ завтрака Его Величество потребовалъ къ себѣ Османъ-пашу, подалъ ему руку, хвалилъ за доблестную защиту и удостоилъ его милостивымъ разговоромъ, причемъ сказалъ что въ знакъ уваженія къ его блистательной храбрости возвращаетъ ему саблю. Когда Османъ шелъ къ Государю, поддерживаемый подъ руку и опираясь на одну правую ногу, всѣ присутствующіе офицеры отдали ему честь и кричали: «браво! Османъ-паша.»

Торжество побѣды.

Телеграмма Государя Императора.

Въ разосланномъ 30 ноября въ Петербургѣ особомъ прибавленіи къ *St.-Petersburger-Zeitung* напечатана была слѣдующая телеграмма Государя Императора къ Государынѣ Императрицѣ, отъ 28 ноября:

«*Ура!* Полная побѣда! Османъ-паша сдѣлалъ сегодня утромъ попытку прорваться сквозь наши линіи по направленію къ Виддину, но былъ отброшенъ къ занятой уже нами Плевнѣ и вынужденъ сдаться безо всякихъ условій со всею своею арміей. Тебѣ понятны Моя радость и наполняющая Мое сердце благодарность къ Богу. Я только лишь въ 6 часовъ вернулся съ нашихъ баттарей. Желалъ бы чтобы въ большой церкви (Зимняго Дворца) былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

«Александръ.»

Дѣло при Мечкѣ 30 ноября. *)

«Сегодня утромъ (30 ноября), въ день великомученика апостола Св. Андрея Первозваннаго, уже съ пяти часовъ утра, турецкіе аванпосты надъ Ломомъ открыли огонь по нашимъ кавалерійскимъ разъѣздамъ, которые, по данному приказу, медленно стали отступать, отстрѣливаясь отъ значительныхъ силъ наступающихъ турокъ. Къ 7 час. утра замѣчены уже по всей линіи отъ самаго Рущука до Кошавы сильные колонны турецкой пѣхоты, которой могло быть отъ 46—50 баталіоновъ, и которыя быстро, въ нѣсколько линій, наступали противъ нашихъ позицій, тянувшихся отъ Пиргоса, Мечки, Хана-Голъ-Чесме и дальше за шоссе между Трестеникомъ и Дамогилой.

«Это та мѣстность, на которой войска 12 корпуса имѣли извѣстныя удачныя дѣла съ войсками Сулейманъ-паши 7-го, славное дѣло 14 ноября, въ которомъ войска этого корпуса такъ доблестно дрались противъ Турокъ, далеко превосходившихъ ихъ въ числѣ. Турки тогда должны были бѣжать, оставивъ до 2.500 мертвыхъ тѣлъ на полѣ битвы. Эти мѣста наши войска хорошо уже знаютъ. Это именно большая лощина, тянущаяся по обоимъ покатостямъ незначительной рѣчки, которая идетъ близъ шоссе съ юга на сѣверъ, гдѣ и впадаетъ подъ Пиргосомъ въ Дунай. Хребетъ горъ между рѣкой Ломомъ и этою рѣчкой занятъ былъ нашими аванпостами почти отъ Дамогилы, между Тамошникомъ и Трестеникомъ надъ Кошавой, Іованъ-Чифтликомъ, Бузнчной, Красной до самаго Пиргоса, за которымъ на сѣверъ также стояли наши аванпосты. Укрѣпленныя главныя наши позиціи находятся на западъ отъ шоссе надъ упомянутою рѣчкой и тянутся отъ деревни Мечки на югъ черезъ Трестеникъ почти до самой

*) Корреспонденціи газеты „Русскій Міръ“.

Дамогилы на протяженіи почти двадцати верстъ. Мѣстность эта голая; около рѣчки есть тутъ и тамъ высокіе овраги, надъ которыми построены земляныя укрѣпленія для баттареи и траншеи для пѣхоты. Всѣ эти многочисленныя инженерныя работы образцово, прекрасно исполнены и позиціи выбраны очень удачно, хотя казалось что также слѣдовало бы укрѣпить позиціи и надъ Ханомъ-Голъ-Чесме. По позиціи наши были, впрочемъ, довольно крѣпки, такъ какъ онѣ на лѣвомъ берегу рѣчки могли обстрѣливать всѣ возвышенности предъ ними къ востоку и осыпать ихъ снарядами, еслибы на нихъ показался непріятель.

«Утромъ около 7 часовъ началась сильная пушечная и ружейная пальба почти по всей линіи при юго-восточномъ вѣтрѣ, который туркамъ опять, какъ и 14 ноября, гналъ въ глаза дымъ, что всегда, конечно, очень невыгодно для аттакующихъ. За первою боевою линіей турокъ, въ которой участвовало до четырехъ турецкихъ дивизій, были замѣчены еще сильные резервы, по крайней мѣрѣ изъ двухъ или трехъ другихъ дивизій и много артиллеріи, разставленной противъ войскъ первой боевой линіи; кавалерія съ нагайками стояла за первою линіей и гнала войска впередъ въ наступленіе.

«Турки все сильнѣе наступали на возвышенности, а наши ихъ подпускали впередъ на позиціи, гдѣ артиллерія уже хорошо пристрѣлялась, зная наизусть разстоянія. Турецкая артиллерія и пѣхота имѣютъ ту невыгодную особенность, что онѣ всегда высоко стрѣляютъ, а тутъ еще и позиціи ихъ были значительно выше нашихъ. Наша артиллерія стрѣляла гранатами, шрапнелями и картечью, какъ будто въ мишень, и не было выстрѣла нашихъ баттарей, который не косилъ бы какъ косой въ турецкихъ рядахъ. Турки, казалось, хотѣли, во что бы то ни стало пробиться близъ нашего сильнаго укрѣпленія надъ Мечкой,—къ Дунаю, чтобъ оттуда идти дальше къ нашему новому мосту при Батинцѣ и конечно его уничтожить. Въ этихъ видахъ они предпринимали одинъ другаго смѣлѣе и отчаяннѣе приступы противъ нашихъ укрѣпленій на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, но едва они сформировали штурмовую колонну и подвели ее подъ наши выстрѣлы Мечкинскаго редута, какъ колонна была обсыпана шрапнелями и картечью нашихъ баттарей и убійственнымъ градомъ пуль нашей пѣхоты, такъ что скоро должна была показать тылъ и спасаться бѣгствомъ на прежнія позиціи. Турецкіе офицеры однако составили вторую штурмовую колонну, сами стали во главѣ и храбро повели ее на наши пушки, но и они нашли здѣсь, въ этомъ дѣлѣ, смерть, и только небольшая часть аттаковавшихъ колоннъ воротилась назадъ. Черкесы, ѣхавшіе за колоннами съ нагайками, били турецкихъ солдатъ и гнали ихъ на третій штурмъ на Мечку, но и эта аттака была отбита мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи и пѣхоты. Стрѣльба вообще пѣхоты и артиллеріи была удачна. Такимъ образомъ были отбиты штурмы *четвертый, пятый* и *шестой* турецкихъ войскъ на Мечку, гдѣ подъ редутомъ легли цѣлыя груды турецкихъ тѣлъ.

«Великій Князь Владиміръ Александровичъ, командиръ 12 корпуса, лично со своимъ штабомъ находился въ сраженіи и распоряжался войсками. Онъ былъ нѣсколько разъ подъ сильнымъ турецкимъ огнемъ, и возлѣ Его Высочества былъ

раненъ его шталмейстеръ и переводчикъ, а вблизи были убиты нѣсколько офицеровъ. Главнокомандующій Рущукскимъ отрядомъ, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, какъ только былъ извѣщенъ о начавшемся серіозномъ наступленіи турокъ, тотчасъ же отправился верхомъ на мѣсто сраженія съ начальникомъ корпуснаго штаба и со своими адъютантами изъ Брестовца черезъ Яли-Абланово и лично слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій. Его Высочество со своимъ штабомъ находился близь мѣста боя и доскакалъ до убитыхъ турокъ въ оврагѣ близь рѣчки между Трестенникомъ и Краснымъ, гдѣ происходила сильная кровавая схватка. Благодаря присутствію упомянутыхъ Высочайшихъ лицъ и начальника штаба П. С. Ванновскаго, которые сами слѣдили непосредственно за ходомъ военныхъ дѣйствій и на мѣстѣ принимали нужныя мѣры, отправлена была одна бригада 33-й дивизіи (кажется Тираспольскій 133-й полкъ и Бендерскій 132-й полкъ), отъ Мечки, въ обходъ непріятеля. Со стороны Лома также направлена была одна бригада 35-й дивизіи въ обходъ къ Красному, вмѣстѣ съ отрядомъ казаковъ. Эти двѣ бригады успѣли удачными маневрами дѣйствительно по молодецки исполнить возложенную на нихъ задачу, и вмѣстѣ съ частями конной артиллеріи и кавалеріи аттаковали турокъ съ фланговъ.

«Между тѣмъ, артиллерія наша 12-й и 32-й артиллерійской бригады и 19-я конная баттарея полковника барона Мейделя и 5-я Донская казачья баттарея направили мѣткій огонь противъ турецкой многочисленной артиллеріи и подбивали одну баттарею за другою, такъ что турецкая артиллерія, около двухъ часовъ пополудни, уже начинала умолкать, а отчасти и оставлять поле сраженія. Дѣйствія же нашей артиллеріи оказывались все болѣе губительными для непріятеля, который упорно, послѣдовательно все еще наступалъ противъ нашихъ баттарей, и шелъ прямо, неустрашимо на штыки нашей пѣхоты (Азовскаго, Днѣпровскаго, Украинскаго, Херсонскаго, Бессарабскаго и Одесскаго пѣхотныхъ полковъ). Также и наша кавалерія отличилась въ частыхъ стычкахъ и аттакахъ. Именно Ахтырскому гусарскому е. к. в. принца Фридриха-Карла Прусскаго полку выпало на долю показать необыкновенную быстроту движенія и храбрость. Наши Донцы также отличились въ этомъ дѣлѣ. Цѣлый эскадронъ турецкихъ Черкесовъ остался на мѣстѣ, отчасти изрубленный шашками, отчасти павшій подъ шрапнелями нашей артиллеріи.

«Фланговый обходъ двухъ бригадъ 33-й и 35-й дивизій и ихъ неожиданная аттака турецкихъ фланговъ были самыми удачными моментами дня; потрясающее ихъ *ура* произвело такую панику въ турецкихъ рядахъ, что турки, боровшіеся до той минуты отчаянно, въ минуту опрокинуты были штыками нашихъ Тираспольцевъ и Украинцевъ и въ безпорядкѣ стали отступать и бѣжать такъ что и думать нельзя было турецкимъ начальникамъ и Черкесамъ удержать ихъ револьверами и нагайками въ порядкѣ. Войска турецкія, видя себя окруженными съ трехъ сторонъ наступающими рядами нашей арміи, не выдержали огня нашихъ ружей и повернули къ Лому, преслѣдуемыя сначала только пѣхотой и казаками, а затѣмъ и остальною нашею кавалеріей—гусарами, драгунами и уланами, кавалерійской дивизіи барона фонъ-Дризена.

«Артиллерія турецкая, въ часъ пополудни, почти совсѣмъ замолкла и перебиралась еще заблаговременно черезъ Ломъ, такъ что не было нами взято ни одной пушки. Но за то были взяты въ плѣнъ: одинъ бимбаши (маіоръ), нѣсколько офицеровъ и нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ, точное число еще не приведено въ извѣстность.

«Преслѣдованіе непріятеля нашими войсками послѣ ихъ отступленія было таково что турки никогда, я думаю, не позабудутъ своего бѣгства отъ Мечки къ Лому и аттаки нашей бригадной пѣхоты при Красномъ. Вода въ Ломѣ была довольно высока, такъ что множество турокъ, бросившись въ бродъ черезъ Ломъ утонули.

«Поле битвы отъ Мечки и Трестеника до рѣки Лома и Краснаго покрыто было тѣлами убитыхъ турокъ и черкесовъ и на многихъ мѣстахъ лежатъ цѣлыя груды ихъ тѣлъ. Потеря турокъ ужасная—убитыми, ранеными и утонувшими. Предполагаютъ что до 6—7,000 выбыли изъ строя турецкой арміи. Наши войска покрылись новыми лаврами. У насъ потери до 600—700 убитыхъ и раненыхъ и между ними есть до 20—25 нашихъ храбрыхъ офицеровъ. Говорятъ что и одинъ полковникъ раненъ, но я не могъ узнать котораго полка.

«Плѣнные турецкіе офицеры разсказывали намъ интересныя подробности про Сулейманъ-пашу, который самъ лично руководилъ въ этомъ сраженіи войсками. Онъ получилъ вѣроятно извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Османа-гази съ его арміей въ Плевнѣ, передалъ своимъ войскамъ будто Османъ-паша разбилъ нашихъ при Плевнѣ наголову; что Тырново взято Ахмедъ-Эюбъ-пашой и что наши войска, вслѣдствіе этихъ неудачъ, бросили свои позиціи на Ломѣ, отступая медленно къ Бѣлѣ и Свищову (Систову), откуда русская армія думаетъ де спасаться за Дунай. Вотъ средства, которыми пришлось Сулейманъ-пашѣ одушевлять свои войска въ бою послѣ чувствительныхъ неудачъ 7 и 14 ноября. Турецкія плѣнные еще разсказывали что мушиmръ Сулейманъ собралъ всѣ дивизіи; изъ Рущука двѣ дивизіи Мустава-Зефи-паши и Аарифъ-паши, кромѣ того дивизію Неджибъ-паши и Фуадъ-паши на Ломѣ. Еще двѣ другія дивизіи Ассафъ-паши изъ Кадыкіоя и Забитъ-паши изъ Соленика стояли резервами за Ломомъ, чтобъ и онѣ въ случаѣ удачной аттаки на Мечку, могли слѣдовать за главною арміей впередъ и заняли бы мостъ при Батинцѣ, взяли Брестовацъ и Бѣлую и всю мѣстность до рѣки Янтры. Это и прежде было задушевнымъ желаніемъ сердарь-экремовъ Абдулъ-Керимъ-паши и Мегеmедъ-Али-паши, и надъ этимъ же трудился напрасно уже въ третій разъ и муширъ Сулейманъ-паша. Турецкія войска изъ Разграда стояли въ резервѣ, готовыя для наступленія на Баницкій Ломъ, въ случаѣ удачнаго движенія къ Бѣлой.

«По разсказамъ плѣнныхъ, Сулейманъ-паша поставилъ за своею пѣхотой артиллерію и угрожалъ стрѣлять, еслибы стали отступать. Черкесы были также, разставлены за пѣхотой чтобы нагайками гнать ее на приступъ. Вотъ способъ которымъ Сулейманъ хотѣлъ себѣ обезпечить успѣхъ отчаянной аттаки на наши позиціи. Этими показаніями плѣнныхъ объясняется, какъ могли турки шесть разъ бросаться безъ успѣха на Мечку и потерять напрасно столько войскъ.

Такія средства Сулейманъ уже прежде практиковалъ и противъ нашихъ войскъ на Шипкѣ, гдѣ напрасно погубилъ до 22—23,000 войскъ. Всѣхъ турецкихъ войскъ въ бою, вмѣстѣ съ резервомъ, за Ломомъ было до 80 баталіоновъ; изъ нихъ до 46—50 баталіоновъ дѣйствовали противъ одной нашей дивизіи, которой на помощь подоспѣла одна бригада 13 корпуса.

«Наши войска безъ исключенія и въ наступленіи и въ отраженіи показали себя героями. Офицеры наши вездѣ были впереди своихъ ротъ и отрядовъ. Турки сначала превосходно маневрировали, но въ послѣдствіи, казалось, словно вдругъ упали духомъ. Тогда уже нужно имъ было употреблять такія искусственныя средства для ихъ передвиженія войскъ, о какихъ такъ безцеремонно разсказываютъ турецкіе плѣнные. Въ карманахъ у многихъ убитыхъ турокъ находились записки на турецкомъ языкѣ, которыя на передовыхъ нашихъ постахъ, вѣроятно, были подброшены по приказанію кого-нибудь изъ нашихъ болѣе находчивыхъ полковыхъ командировъ. Записки эти сообщали извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Османа-гази и его арміи, что произвело, вѣроятно, на турецкихъ солдатъ извѣстное впечатлѣніе.

«Сраженіе длилось цѣлыхъ 12 час.: съ 5 ч. у. до 7 в., и съ 7 у. до 3 ч. поп. продолжалась страшная пальба, безъ всякихъ интерваловъ, словно изъ одной картечницы, и вся турецкая армія была постоянно въ густомъ дыму, что ей также много причинило вреда. Изъ нашихъ войскъ пострадали всѣхъ больше Тираспольскій и Украинскій полки.»

Общій перечень военныхъ дѣйствій

съ 1 по 27 числа декабря 1877 г.

1-го декабря на восточномъ фронтѣ были лишь незначительныя аванпостныя перестрѣлки и Журжевскія баттареи перестрѣливали съ Рущукомъ, причемъ нашими выстрѣлами подбито одно орудіе на Казарменной баттареѣ и повреждена баттарея зашоссейная.

2 декабря, жители Плевны были вторично осчастливлены пріѣздомъ Государя Императора. Жители встрѣтили Его съ хоругвями и крестами, дѣти пѣли гимнъ, народъ усыпалъ путь Государя миртовыми вѣтвями, депутація женщинъ привѣтствовала Государя прочувствованною рѣчью на русскомъ языкѣ. Въ память незабвеннаго пребыванія Его Величества въ пострадавшемъ городѣ, жители Плевны постановили основать гимназію и особымъ адресомъ просятъ позволенія наименовать ея священнымъ именемъ Царя-Освободителя.

4 декабря, въ 7 часовъ утра, Государь Императоръ со своею свитой изволилъ выѣхать изъ Порадима. Плевненскій отрядъ разсортировывается. Тотлебенъ съ лицами своего штаба принятъ былъ Карломъ Румынскимъ въ прощальной аудіенціи и затѣмъ откланялся князю. Турки усиливаются у Златицы, по ту сторону западныхъ Балканъ. Городъ Елена вновь занятъ нашими войсками.

Боготъ, 5 декабря. Тотлебенъ назначается начальникомъ Рущукскаго от-

ряда по случаю отъѣзда Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича; князь Имеретинскій назначается начальникомъ штаба Рущукскаго отряда. Тотлебена сопровождаютъ полковники: Пфейферъ, флигель-адъютантъ Шильдеръ, князь Кантакузенъ, Тихменевъ, Разгоновъ, инженеръ генералъ-маіоръ Мельницкій. Всѣ эти лица входили въ составъ штаба Плевненскаго отряда. Османъ отправляется въ Россію черезъ Кишиневъ. Здоровье его хорошо. Тотлебенъ посѣтилъ Османа. Въ разговорѣ съ Тотлебеномъ Османъ заявилъ что турки, осажденные въ Плевнѣ, желали штурма русскихъ, будучи увѣрены что успѣютъ его отразить. Система выжиданія, проведенная Тотлебеномъ, была, по словамъ Османа, губительна для турокъ. Османъ отправилъ письмо къ Риза-бею, секретарю великаго визиря, въ которомъ сообщаетъ о хорошомъ обращеніи съ нимъ и плѣнными турками, о милостивомъ пріемѣ, оказанному ему Государемъ Императоромъ и Главнокомандующимъ и объ уваженіи, отданномъ Русскими его арміи. Въ Балканахъ морозъ 12 градусовъ. Въ Боготѣ сегодня полградуса тепла, ночью была изморозь; здоровье нашихъ войскъ превосходно; войска, облагавшія Плевну, отдохнули, укомплектовались и организовались.

5 декабря пошелъ снѣгъ, 7-го началась мятель при двухъ, четырехъ, пяти и семи градусахъ мороза. Болѣе или менѣе, но всѣ страдаютъ отъ холода. Въ Главной Квартирѣ, у Великаго Князя Главнокомандующаго, въ юртѣ 5 градусовъ тепла; у многихъ ниже нуля. Обѣдъ былъ вчера въ шатрѣ при четырехъ, а сегодня при семи градусахъ мороза. Въ землянкахъ войскамъ тепло, но на позиціяхъ и въ походѣ невыразимо трудно, особенно въ горахъ, на Шипкѣ и противъ Аракъ-Конака. На переходахъ орудія и тяжести вывозятся лошадьми на дорогу только при отчаянныхъ крикахъ погонщиковъ. Снѣгу выпало выше колѣна. Теплой одежды не напасемся.

По донесенію изъ Врацы, отъ 4 декабря, турки послѣ этого очистили Берковацъ и отступили къ Софіи, оставивъ въ Берковцѣ одно орудіе. Вслѣдъ за непріятелемъ вступилъ въ городъ нашъ уланскій Его Величества разъѣздъ подъ командой флигель-адъютанта ротмистра графа Берга. Теперь городъ долженъ уже быть прочно занятъ.

Очищая Берковацъ, турки теряютъ всякую надежду удержать западную Болгарію; черезъ Берковацъ ведетъ удобнѣйшая дорога въ Софію; непріятель повидимому сосредоточивается за Балканами.

7 декабря, 7 ч. 10 м. полд. Наши передовые войска генерала Деллингсгаузена занимаютъ Джулунъ, Златарицу, Елену, имѣя авангарды въ Кесаревѣ, Бебровѣ и Буйновцахъ. Ахметли занято непріятельскимъ отрядомъ всѣхъ родовъ оружія.

Румыны заняли 10 декабря Орце-Паланку, которую турки очистили безъ боя, и начали укрѣпляться. 11 декабря на восточномъ фронтѣ дивизіонъ Чугуевскихъ уланъ съ двумя орудіями, посланный на развѣдку, встрѣтилъ у Сида турецкій транспортъ, захватилъ 100 лошадей, 400 быковъ и 600 барановъ, изрубилъ 26 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ 18, а остальное прикрытіе преслѣдовалъ почти до Аяслара. У насъ два улана ранены, офицеръ и два нижніе чина контужены.

Въ прочихъ пунктахъ новаго ничего нѣтъ, морозъ продолжается. Рукава Дуная у Куржевскаго берега замерзли, въ Орханской долинѣ морозъ дошелъ вчера до 18 градусовъ, а въ горахъ больше 20.

Плѣнные турки уже всѣ отсюда отправлены. По точному счету численность взятой въ плѣнъ арміи Османъ-паши оказалась 44,000, не считая убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ день боя, 28 ноября; теперь еще осталось въ Плевнѣ 3,600 раненыхъ и больныхъ турокъ на нашемъ попеченіи.

11 декабря, 8 час. 30 мин. пополудни. Съ декабря все тихо, и столкновеній съ непріятелемъ нигдѣ не было. Вездѣ глубокій снѣгъ и морозъ. На Дунаѣ у Зимницы показался ледъ; дороги трудно проходимы, особенно въ горахъ. На восточномъ фронтѣ замѣчено что турки вездѣ отступили на правый берегъ Лома. Въ оставшихся лагеряхъ замѣтно лишь весьма небольшое движеніе.

14 декабря, 9 часовъ 50 минутъ вечера. Сербскія войска обложили Нишъ, Пиротъ и Акъ-Паланку, выдвинули отрядъ на дорогу изъ Бѣлградчика въ Берковацъ къ Чупрену и вошли въ связь съ нашими войсками, а наши съ Сербами на дорогѣ къ Пироту.

На восточномъ фронтѣ наши разъѣзды ходили вчера до Бушизмы, Иванъ-Чифтлика и Костанцы. За послѣднею деревней замѣтили довольно большой лагерь.

При отбитіи турецкаго транспорта 12 декабря отрядомъ командовалъ полковникъ Полторацкій. Настоящее дѣло не у Сида, а у Ясляра, гдѣ и взятъ транспортъ, а прикрытіе разбито и обращено въ бѣгство. У Сида были только отбиты лошади. Особую похвалу заслужилъ взводъ 18-й конной батареи штабсъ-капитана Андреянова. У насъ контуженъ Чугуевскаго уланскаго полка поручикъ Енъ.

На Дунаѣ сильный и сплошный ледоходъ; переправа у Систова прекращена. Сегодня 14 декабря въ три часа пополудни приступлено къ разводу мостовъ; сообщеніе будетъ возстановлено при первой возможности.

14 декабря. Генералъ Арнольди доноситъ что по занятіи Берковца былъ выдвинутъ на дорогу къ Бѣлградчику эскадронъ Маріупольскихъ гусаръ, который 9 декабря вошелъ въ связь съ Сербами, выдвинувшими небольшой отрядъ отъ Св. Николая къ Чупрену. На другой день, 10 декабря, эскадронъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка и эскадронъ Харьковскихъ уланъ двинулись отъ Берковца чрезъ Чупровецъ и Чупренъ къ Пироту и теперь должны быть тамъ. Въ Бѣлимірѣ встрѣченъ сербскій разъѣздъ при офицерѣ, отъ котораго получено свѣдѣніе что Моравскій отрядъ Лешанина обложилъ Нишъ, Тимокскій отрядъ Хорватовича обложилъ Пиротъ, а Шумадійскій отрядъ Бѣлимарковича подступилъ къ Акъ-Паланкѣ.

17 декабря, 8 часовъ 19 минутъ пополудни. На восточномъ фронтѣ турки повидимому вездѣ отступили оставивъ, лишь заслоны изъ небольшихъ отрядовъ войскъ и вооруженныхъ жителей; послѣдніе, уходя въ лѣсъ, зажигаютъ деревни. Разъѣзды наши видѣли какъ турецкая пѣхота разбирала строенія Иванъ-Чифтлика и нашли Аясляръ уже въ пламени; и между Сарна-Суфляромъ и Кобиръ-

Эникіоемъ видѣли транспортъ подъ сильнымъ прикрытіемъ. У Мехметъ-мера нашъ разъѣздъ почти увязъ въ глубокомъ снѣгу. Всѣ горныя рѣчки сперва разлились, а потомъ стали покрываться льдомъ; мосты на нихъ почти всѣ снесены. Разъѣздъ, ходившій къ Ахметли, былъ встрѣченъ оттуда выстрѣлами, ходившій же по Твардицкому пути имѣлъ въ 12 верстахъ впереди дер. Кисла стычки съ черкесами и потерялъ въ ней двухъ человѣкъ ранеными.

Сербы взяли 7 декабря проходъ Св. Николая съ потерею трехъ убитыми и 13 ранеными. 11 декабря атаковали Куршумле, занятое 400 низами и 2.000 Арнаутовъ и баши-бузуковъ, выбили ихъ и овладѣли пунктомъ, взявъ лагерь, оружіе, боевые припасы и лошадей. 12 декабря, послѣ 8 часоваго боя, Сербы взяли Акъ-Паланку и отбросили турокъ на Лесковацъ и овладѣли при этомъ тремя орудіями. Потери незначителяны, благодаря тому что Сербамъ удалось, пользуясь туманомъ, перейти Нишаву незамѣтно и обойти турецкую позицію.

17 декабря, 6 часовъ 37 минутъ пополудни. Послѣ неимовѣрно труднаго похода черезъ снѣжныя горы по оледенѣлымъ тропинкамъ, при жестокомъ морозѣ и вьюгѣ, таща на своихъ плечахъ девятифунтовыя орудія и пролагая новыя дороги, авангардъ войскъ западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ Балканъ между Арабъ-Конакомъ и Софіей, а кавалерія стала уже на Софійскомъ шоссе. Благодаря тому что непріятель былъ захваченъ врасплохъ, мы потеряли при дебушированіи изъ горъ только пять человѣкъ ранеными, двухъ въ Преображенскомъ полку и троихъ изъ Кавказской казачьей бригады.

Насколько труденъ переходъ чрезъ Балканы въ настоящее время года, видно уже изъ того что отъ Врачеша до Негошева, Елашницъ и Желявы пришлось идти почти три дня. Дальнѣйшихъ подробностей еще не получено.

20 декабря, 9 ч. 40 м. пополудни. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ сообщаетъ что 19 декабря разъѣзды наши, ходившіе къ Костанцѣ, Іеникіою, Гагову, Карахасанкіою, Хайдаркіою и Аяслару нашли эти пункты занятыми и имѣли небольшія перестрѣлки съ турецкими постами. Мосты черезъ Кара-Ломъ и дорога въ Шумлу сильно и бдительно охраняются турками. У Карахасанкіоя и Хайдаркіоя замѣчено много шалашей и протоптанныхъ дорогъ.

Въ отрядѣ Цесаревича были 20 декабря небольшія аванпостныя перестрѣлки у Гагова, Соленика и Костанцы; у послѣдней Пигуши и казаки взяли 6 турокъ въ плѣнъ, потерявъ сами троихъ раненыхъ. 21 декабря двѣ роты Охотскаго полка со взводомъ казаковъ ходили въ экспедицію къ сторонѣ Новосела, выбили баши-бузуковъ изъ деревни Сланцъ и сожгли ее, потерявъ одного убитымъ. На постѣ впереди Беброва въ перестрѣлкѣ раненъ одинъ гусаръ.

Морозы продолжаются; ледъ на Дунаѣ сильно идетъ, а между Румынскимъ берегомъ и островомъ Боатинъ сталъ. Сообщеніе у Боатина вчера поддерживалось паровыми катерами и понтонами.

Еще во время обложенія Плевны отрядъ генерала Гурко, имѣвшій цѣлью оттѣснить за Балканы вспомогательную турецкую армію, готовившуюся къ выручкѣ Османъ-паши, послѣдовательно овладѣлъ важными непріятельскими позиціями

у Правца, Врачеша и Этрополя, отбросивъ противника къ Бабаконакскому перевалу, на Софійскомъ шоссе. Успѣхъ этотъ былъ достигнуть безъ значительныхъ потерь, благодаря искусно соображеннымъ обходнымъ движеніямъ, выполненнымъ, при неимовѣрно трудныхъ препятствіяхъ, нашими молодецкими, ни предъ чѣмъ не останавливающимися войсками. Такимъ образомъ турецкой арміи Мехмедъ Али-паши была отрѣзана всякая надежда на возможность движенія къ сѣверу, въ тылъ нашимъ войскамъ, облегавшимъ Плевну; но съ другой стороны, немедленное форсированіе отрядомъ генерала Гурко выхода изъ Орханійскаго ущелья на Софійскую равнину поставлено было въ зависимость отъ рѣшенія участи Плевненской арміи Османъ-паши и полученія необходимыхъ подкрѣпленій для рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. Поэтому съ 21 ноября дѣйствія нашего отряда ограничивались удержаніемъ занятыхъ въ этотъ день позицій противъ турецкаго расположенія у Арабъ-Конака и Шандорника; непріятель пытался было оттѣснить наши передовыя части, но безуспѣшно, а наступившіе затѣмъ туманы и жестокіе морозы до 20 градусовъ вскорѣ принудили обоихъ противниковъ къ относительному бездѣйствію.

Паденіе Плевны и освобожденіе облегавшихъ ее войскъ, какъ и слѣдовало ожидать, не замедлили отразиться на положеніи дѣлъ въ западномъ Балканѣ. Съ усиленіемъ его отряда свѣжими войсками, генералъ Гурко, несмотря на предстоявшія трудности движенія съ артиллеріей по снѣжнымъ и обледенѣлымъ скаламъ, возобновилъ наступательныя дѣйствія, съ намѣреніемъ и въ данномъ случаѣ, посредствомъ обходнаго маневра, заставить непріятеля очистить его позиціи у выхода въ Комарційскую котловину. Авангардъ назначеннаго для этой операціи отряда направленъ былъ изъ Врачеша, гдѣ повидимому расположены были наши главныя силы, въ обходъ лѣваго фланга турецкой арміи, на селенія Негошево, Елешницы и Желявъ, лежащія къ западу отъ Арабъ-Конака, на южныхъ предгорьяхъ Софійскаго Балкана. Это обходное движеніе, такъ сказать, напрямикъ черезъ хребетъ, безо всякихъ дорогъ, по кое-какимъ тропинкамъ, при вьюгахъ и морозахъ, можетъ быть по справедливости отнесено къ одному изъ самыхъ выдающихся подвиговъ высокаго мужества и выносливости русскаго солдата. Перетаскивая все время на рукахъ 9-ти фунтовыя орудія и зарядные ящики, расчищая тропинки и прокладывая новыя дороги, авангардъ Западнаго отряда долженъ былъ употребитъ цѣлые три дня чтобы пройти какія-нибудь 20—25 верстъ отъ Врачеша до поименованныхъ выше селеній. Наконецъ, послѣ страшныхъ усилій, войска наши преодолѣли всѣ препятствія и блистательно исполнили свою многотрудную задачу: Балканы были перейдены въ такое время года, когда рѣдко кто изъ военныхъ людей рѣшился бы допустить возможность какихъ бы то ни было дѣйствій въ горахъ, и кавалерія наша заняла Софійское шоссе, отрѣзавъ сообщенія Софіи съ турецкими силами на Арабъ-Конакѣ. Непріятель, не ожидавшій опасности съ этой стороны, былъ застигнутъ врасплохъ, чѣмъ и объясняется что вся наша потеря при выходѣ въ упомянутомъ направленіи на Софійскую равнину ограничилась только пятью ранеными.

Еще съ большими трудностями пришлось бороться Этропольскому отряду ге-

перела Дандевиля, направленному въ обходъ Шандорникской позиціи турокъ, черезъ Баба-Гору. Въ ночь съ 16-го на 17-е декабря отрядъ этотъ былъ застигнутъ грозными снѣжнымъ бураномъ разразившимся на высотахъ слишкомъ $5^1/_2$ тысячъ футовъ; орудія и люди были буквально засыпаемы снѣгомъ, такъ что ихъ съ трудомъ откапывали. Насколько велики были страданія войскъ въ эту ужасную ночь, видно изъ того что 10 офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ заболѣли и обморозились, а 53 нижніе чина совершенно замерзли. Только благодаря самоотверженнымъ усиліямъ генерала Дандевиля и врачей могли быть предотвращены еще болѣе гибельныя послѣдствія.

Результаты обходнаго маневра генерала Гурко были рѣшительные: единственный пунктъ, остававшійся еще въ рукахъ турокъ на сѣверномъ склонѣ Балкановъ, Лютиково, къ сѣдеро-западу отъ Врачеша, очищенъ ими 17 декабря, отрядъ же нашъ, вышедшій на Софійское шоссе, направился частью въ тылъ непріятельскимъ позиціямъ на Арабъ-Конакѣ, въ то время какъ съ фронта противъ нихъ двинулась главныя силы, а другая часть выставлена была въ видѣ заслона къ сторонѣ Софіи у сел. Бугарова. Турки, получивъ извѣстіе объ угрожающей имъ съ тыла опасности, поспѣшили, какъ видно, укрѣпиться у деревни Ташкисенъ, лежащей на шоссе, верстахъ въ десяти къ юго-западу отъ Конака. 19 декабря генералъ Гурко атаковалъ ихъ на этой позиціи и, послѣ упорнаго боя овладѣлъ ею, потерявъ при этомъ до 700 чел. убитыми и ранеными; опасаясь быть окруженнымъ, непріятель въ ту же ночь бросилъ всѣ свои позиціи на Арабъ-Конакѣ. Шандорникѣ и Дольнихъ Комарцахъ, занятыя утромъ, 20-го нашими войсками, и сталъ отступать къ Петричеву (верстахъ въ 25-ти къ юго-востоку отъ Комарцовъ); на Шандорникѣ турки оставили, между прочими трофеями, еще не приведенными въ извѣстность, десять стальныхъ орудій. Часть пѣхоты преслѣдовала турокъ по пятамъ, а кавалерія направлена къ Петричеву на перерѣзъ, въ обходъ лѣваго фланга непріятеля; въ тотъ же день боковые отряды наши, Этропольскій и Челопецкій должны были соединиться вмѣстѣ и стараться также, по возможности, отрѣзать противника отъ Петричева. Главный начальникъ Западнаго отряда, генералъ Гурко, съ остальными войсками направился къ Софіи, которая, какъ сообщаетъ послѣдняя телеграмма, послѣ незначительной перестрѣлки съ непріятелемъ у сел. Врачдевна, 22 декабря, занята нашими войсками.

Въ то время когда часть западнаго отряда двинута была для преслѣдованія турокъ отступавшихъ къ Петричеву, у сел. Бугарова, въ 20 верстахъ къ востоку отъ Софіи, произошло горячее столкновеніе между выставленнымъ тамъ отрядомъ изъ пяти баталіоновъ казачьей бригады и шести орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, съ 12 турецкими таборами, съ кавалеріей и восемью орудіями, вышедшими изъ Софіи. 21-го декабря турки окружили съ трехъ сторонъ наши пять баталіоновъ и, обстрѣлявъ ихъ сильнымъ огнемъ, стремительно бросились въ атаку. Но отрядъ генерала Вильяминова блистательно исполнилъ свое назначеніе—служить прикрывающимъ заслономъ для остальныхъ войскъ дѣйствовавшихъ у Арабъ-Конака и Ташкисена:

подпустивъ непріятеля почти въ упоръ, баталіоны наши дали по немъ залпъ и бросились въ штыки; послѣ жестокаго рукопашнаго боя турки были обращены въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ болѣе тысячи тѣлъ и лишившись одного знамени. Наша потеря въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ заключалась въ 200 человѣкахъ выбывшими изъ строя.

Переходъ через Балканы, вмѣстѣ съ боями у Ташкисена и Бугарова стоилъ намъ около 1.700 человѣкъ выбывшими изъ строя; но за то ворота въ Румелію теперь открыты для нашей арміи. Отступленіе турокъ на Петричево, въ долину Топольницы, позволяетъ предполагать что главная цѣль ихъ скорѣе достигнуть Татаръ-Базарджика чтобы соединиться съ передовыми войсками Сулейманъ-паши. Что же касается Ихтиманской позиціи, на главномъ пути изъ Софіи въ Базарджикъ, гдѣ непріятель могъ бы оказать серіозное сопротивленіе нашему наступательному движенію, то, при настойчивомъ его преслѣдованіи, онъ можетъ быть совершенно отрѣзанъ отъ Ихтимана.

Съ другихъ районовъ Балканскаго театра не получено важныхъ извѣстій. На восточномъ фронтѣ турки, повидимому, совершенно очистили лѣвый берегъ Чернаго Лома на всемъ протяженіи его теченія, оставивъ лишь заслоны изъ небольшихъ отрядовъ войскъ и вооруженныхъ жителей, которые, при отступленіи, жгутъ деревни. Во второй половинѣ декабря происходили стычки между нашими передовыми войсками и непріятельскими партіями у Гагова на Ломѣ и въ верховьяхъ Янтры, къ сѣверу отъ Бебровой, не имѣвшія особеннаго значенія. И здѣсь погода крайнѣ затрудняетъ военныя дѣйствія, вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, а на Дунаѣ ледоходъ достигъ такихъ размѣровъ, что сообщеніе черезъ него прервано.

Во время перестрѣлки, происходившей между нашими, журжевскими и рущукскими батареями, выяснился, между прочимъ фактъ свидѣтельствующій о томъ какъ турки злоупотребляютъ флагомъ Женевской конвенціи въ пользу своихъ военныхъ цѣлей: 17 декабря, въ одинъ изъ рущукскихъ домовъ, подъ флагомъ красной луны случайно попалъ снарядъ съ журжевской батареи, причемъ изъ дома выбѣжала значительная часть вооруженныхъ людей. Такъ какъ этимъ доказано было что турки имѣютъ обыкновеніе прикрывать женевскимъ флагомъ казарменныя помѣщенія своихъ войскъ, то на слѣдующій день журжевскимъ батареямъ приказано было направить свои выстрѣлы именно на это зданіе.

Почти одновременно со смѣлымъ набѣгомъ парохода *Россія* къ Пендеракліи, на другомъ пунктѣ Чернаго моря, именно въ Батумскомъ рейдѣ, моряки наши произвели первую въ настоящую войну попытку взорвать непріятельское судно, посредствомъ самодвижущейся мины. 15 декабря пароходъ Константинъ, уже не разъ пускавшійся на рискованныя морскія предпріятія, узнавъ что въ Батумскомъ рейдѣ стоятъ два турецкіе броненосца, направился туда и въ полночь спустилъ четыре минные катера для нападенія на одно изъ непріятельскихъ судовъ. Два катера аттаковали большой трехмачтовый броненосецъ, послѣдовательно направивъ противъ него двѣ самодвижущіяся мины: обѣ взорвались удачно подъ

броненосцемъ, но результаты взрыва остались неизвѣстными, такъ какъ катеры, встрѣченные съ берега сильнымъ ружейнымъ огнемъ, должны были спѣшить убраться съ рейда. Потери при этомъ у насъ не было, и пароходъ *Константинъ*, принявъ свои катеры, благополучно вернулся въ Севастополь.

Сообщенное иностранными телеграммами извѣстіе о взятіи Сербами Пирота впослѣдствіи подтвердилось официально слѣдующими подробностями объ этой побѣдѣ. Турецкія войска, защищавшія Пиротъ, въ составѣ 12 баталіоновъ, занимали сильно укрѣпленный лагерь къ сѣверу отъ города, у Будиндола, по обоимъ берегамъ Нишавы. Въ виду трудностей фронтальной аттаки лагеря, сербскій отрядъ, наступавшій отъ Бабиной-Главы, былъ раздѣленъ на двѣ колонны, изъ которыхъ правая направлена была на Акъ-Паланку (въ 22 верстахъ къ западу отъ Пирота), а лѣвая должна была производить демонстраціи съ фронта противъ Будиндола. 12 декабря дѣйствія начались аттакой Акъ-Паланки, которая и была взята правою колонною; затѣмъ 14 числа послѣдняя двинулась къ Пироту, вышла противъ лѣваго фланга турецкой укрѣпленной позиціи и 15 декабря овладѣла двумя пунктами ея. Въ тотъ же день и лѣвая колонна, взявъ съ боя одну деревню на фронтѣ турецкаго расположенія, вошла въ связь съ правою колонной. 16 числа утромъ началась общая аттака съ фронта и фланга; правая колонна первая вступила въ Пиротъ, а лѣвая успѣла выбить Турокъ изъ укрѣпленнаго лагеря лишь тогда, когда они узнали что городъ, въ тылу у нихъ, уже занятъ Сербами.

Такимъ образомъ бой подъ Пиротомъ длился пять дней и стоилъ Сербамъ болѣе 700 человѣкъ убитыми и ранеными; трофеи, взятые побѣдителями, заключались въ 24 орудіяхъ, въ томъ числѣ нѣсколько Крупповскихъ и разныхъ запасахъ, боевыхъ и продовольственныхъ. Турецкій отрядъ, оборонявшій Пиротъ, отступилъ на Софію, куда за нимъ послѣдовали и Сербы. По дальнѣйшимъ иностраннымъ свѣдѣніямъ, сербскій отрядъ находился у Цареброцкаго ущелья, верстахъ въ 22 отъ Пирота, по Софійскому шоссе. 25 декабря Его Императорское Высочество Главнокомандующій Дѣйствующею Арміей доносилъ Государю Императору по телеграфу что Софія занята нашими войсками 22 декабря, послѣ незначительной перестрѣлки съ непріятелемъ у деревни Врачдевно, съ потерею съ нашей стороны 24 нижнихъ чиновъ.

Эпизоды изъ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ.

Въ *Русскомъ Мірѣ* были напечатаны слѣдующіе разказы о нашихъ солдатахъ:

«Подъ Ябловицей, 30 августа, два солдата изъ стрѣлковой бригады отправились изъ деревни Ябловицы, гдѣ стояла ихъ бригада, на фуражировку за сѣномъ. Зайдя очень далеко,—версты три впередъ,—они совершенно неожиданно наткнулись на пять человѣкъ Турокъ, которые не замедлили открыть по нимъ стрѣльбу. Долго не думая, солдаты схватили ружья и съ крикомъ *ура* бросились на нихъ въ аттаку. Понятно, тѣ до того растерялись что, оставивъ одно

ружье, сами обратились въ постыдное бѣгство. Побѣдители же, захвативъ ружье и набравъ сѣна, вернулись домой, явились къ своему начальнику и отрапортовали что разбили Турокъ и, какъ трофей, захватили еще и ружье.»

—

«Во время дѣла подъ Горнимъ Дубникомъ, рядовой Павловскаго полка, необращая вниманія на градъ сыпавшихся пуль, все выходилъ изъ-за закрытія и къ чему-то зорко присматривался. Бывшій здѣсь офицеръ подошелъ къ нему и сдѣлалъ ему замѣчаніе: «Что ты все высовываешься? Сядь!»

«Ваше благородіе,» взмолился солдатъ, «дозвольте: хочу опредѣлить разстояніе до ихъ артиллеріи.»

«Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, ему удалось угодить что называется въ самую середину. У непріятеля произошло смятеніе.

«Попалъ-таки!» обрадовался солдатъ, и тутъ же выпустилъ изъ рукъ ружье и мертвый свалился къ своимъ: вражья пуля ударила его прямо въ лобъ.»

—

«12-го числа (тоже подъ Горнимъ Дубнякомъ), во время аттаки на редутъ, нѣсколько солдатъ бросились въ ровъ, и изъ нихъ рядовые Архиповъ и Внуковичъ, Павловскаго полка, 1-й стрѣлковой роты, и нѣкоторые другіе, взобрались на берму и тамъ залегли. Турки, находившіеся на брустверѣ, высовывали головы и, наклонивъ штыкъ, такимъ образомъ стрѣляли въ солдатъ. Не имѣя уже силъ больше держаться, солдаты придумали слѣдующее: они бросили ружья и схватились за лопаты. Едва Турокъ выглядывалъ изъ-за бруствера и протягивалъ ружье, какъ солдаты мигомъ засыпали ему глаза приготовленнымъ на лопатахъ пескомъ; затѣмъ бросались къ брустверу и вырывали ружье. Такимъ куріознымъ маперомъ они взяли съ боя нѣсколько десятковъ ружей.»

—

«31 августа, во время непріятельской аттаки на взятый нами редутъ, находящійся на лѣвомъ флангѣ (подъ Плевной), вся прислуга у одного орудія, за исключеніемъ рядоваго 4-й баттареи 2-й артиллерійской бригады, была перебита. Этотъ молодецъ не покинулъ орудія и одинъ, безъ посторонней помощи, бѣгалъ за снарядами, заряжалъ орудіе, наводилъ его и стрѣлялъ довольно мѣтко въ наступающія колонны.

«Ваше превосходительство!» кричалъ онъ, между дѣломъ, сидящему на траверсѣ генералу:—«отойдите-съ въ сторону,—Турки цѣлятъ сюда!»

«И дѣйствительно, едва генералъ успѣлъ отойти, какъ граната угодила на указанное мѣсто.

«Молодцы, хорошо!» одобрялъ ихъ лихой артиллеристъ. —«А ну, испробуй теперь нашего гостинца: диварцію въ привѣтъ посылаю—ѣшь!»

«Раздавался выстрѣлъ, и въ рядахъ противника замѣчалось смятеніе. Въ то время когда наводчикъ несъ зарядъ, молодой солдатикъ пригнулся, заслышавъ свистъ гранаты.

«Не гнись», тресвувъ его по затылку, внушительно замѣтилъ артиллеристъ: —«коли свистнула,—значитъ пролетѣла.»

«Въ это самое мгновеніе взлетаетъ на воздухъ зарядный ящикъ; молодецъ-артиллеристъ и тутъ не смутился: онъ быстро подбѣгаетъ къ орудію и, съ прибауточками зарядивъ его въ послѣдній разъ картечью, ахнулъ что называется въ самую средину. Затѣмъ, видя что въ редутѣ почти уже никого не осталось, онъ бросился къ орудіямъ, у всѣхъ повытаскивалъ замки и разбросалъ ихъ по сторонамъ. Затѣмъ снова вернулся къ орудіямъ и, не обращая вниманія на близость противника, собралъ ото всѣхъ орудій кольца Вродвеля, навязалъ ихъ на руку и послѣднимъ вышелъ изъ редута. За столь геройскій подвигъ онъ награжденъ знакомъ Св. Георгія.»

2-го октября было небольшое кавалерійское дѣло, въ которомъ участвовали казаки и Нижегородцы-драгуны. Около двухсотъ человѣкъ наткнулись на шесть полныхъ баталіоновъ турецкихъ, два раза пробили себѣ сквозь ряды ихъ дорогу, потеряли до ста человѣкъ и спаслись быстрымъ отступленіемъ.

На другой день, одинъ изъ драгунъ приходитъ къ сотенному командиру.

— Что тебѣ?

— Я, ваше б—іе, пришелъ заявить что одинъ казакъ вашъ спасъ мнѣ жизнь.

— Какъ такъ?

— А какъ мы назадъ-то бѣжали, лошадь у меня убили, я слышу Турки за нами, бѣгу что только есть мочи, а силъ какъ будто не хватаетъ; только слышу позади меня справа кто-то кричитъ мнѣ: «Землякъ, а землякъ!» Я гляжу: какъ разъ справа камень, а за камнемъ лошадь стоитъ; подхожу: казакъ лежитъ, значитъ раненый, да крѣпко стонетъ. Онъ меня, значитъ, подмѣтилъ, да и говоритъ мнѣ: «Бери, землякъ, мою лошадь, и скачи, потому Турки нагонятъ и убьютъ.» Я брать не хочу, совѣстно. «Тебѣ, казакъ, пригодится», говорю. Онъ меня торопитъ: «скорѣй, говоритъ, слышишь Турки ѣдутъ. Обо мнѣ не заботься, я ужъ убитый, а ты спасайся.» Я и беру, значитъ, лошадь, напередъ помолившись Богу, сѣлъ на нее, пожавши казаку руку, а онъ все меня торопитъ чтобъ я ѣхалъ, и только сказалъ: помяни душу казака Николая Сирова. Такъ я и спасся.

Крупныя слезы полились по щекамъ драгуна.

Прослезился и офицеръ, слушая этотъ чудный разказъ. Казакъ этотъ былъ изъ Кизляро-Гребенскаго полка. Это дѣло 2 октября еще разъ доказало что такое Турки и что звѣрства надъ нашими ранеными производятъ не одни Черкесы, баши-бузуки, а самое регулярное ихъ войско.

Въ этомъ дѣлѣ погибъ казначей казачьяго Кизлярскаго полка Ушиковъ. Замѣчательно что какъ казначею ему никогда не приходилось быть въ дѣлѣ, а тутъ неизвѣстно почему полковой командиръ назначилъ его. Когда они ѣхали, Ушиковъ былъ очень грустенъ и задумчивъ.

— Что это ты такъ пріунылъ? спрашиваетъ его товарищъ.

— Да на смерть ѣду.

— Ну вотъ еще вздоръ, отвѣчаетъ товарищъ разсмѣявшись.

— А вотъ увидишь, предчувствіе есть: уже не даромъ меня назначили.

Затѣмъ онъ высказалъ нѣсколько распоряженій на случай смерти.

Товарищъ все смѣялся.

— Смѣйся, смѣйся, увидишь что я правъ, досадно умирать когда жить хочется. И съ чего это именно меня назначили; я такой мирный человѣкъ, занятъ своимъ дѣломъ.

Черезъ полчаса бѣдный Ушаковъ, раненый, падалъ съ лошади...

У бѣдныхъ казаковъ, участвовавшихъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, осталось семьдесятъ человѣкъ, но остались они безъ ничего, при носильномъ платьѣ, все потерявъ на мѣстѣ схватки. Я поспѣшилъ предложить разсказывавшему мнѣ офицеру послать казакамъ изъ имѣющихся у меня вещей, что онъ и принялъ съ большимъ удовольствіемъ.

О переходѣ генерала Гурко чрезъ Балканы.

Какъ уже извѣстно, храбрый генералъ Гурко перешелъ Балканы у Этрополя и сдѣлалъ обходное движеніе у Арабъ-Конака и Камирли. Войска прошли по мало извѣстной окольной дорогѣ, оставленной безъ вниманія самими турками. Дорога эта поднимается отъ Врачеша въ горы, проходитъ мимо бѣдныхъ горныхъ мѣстечекъ Куріака и Потопа и при Стольникѣ переходитъ въ большую дорогу, ведущую отъ Златицы къ Софіи. Эта тропинка идетъ на всемъ своемъ протяженіи на западъ отъ главной дороги, запиравшей турецкія позиціи у Арабъ-Конака и Камирли. Когда 30 декабря генералъ Гурко дебушировалъ у Стольника на Софійскую дорогу, то онъ могъ двинуться по двумъ различнымъ направленіямъ. Во первыхъ къ западу, къ самой Софіи, гдѣ, по словамъ болгарскихъ шпіоновъ, стояла довольно сильная турецкая армія; во вторыхъ къ востоку на Ташкисенъ по направленію къ Златицѣ, чтобы напасть съ тылу на турецкіе отряды, стоявшіе у Арабъ-Конака и Камирли, отрѣзать имъ пути сообщенія и принудить ихъ къ капитуляціи. Генералъ рѣшился взять послѣдній путь, чтобы очистить его отъ турецкихъ войскъ, все еще стоявшихъ у него въ тылу и затѣмъ спокойно идти прямо на Софію. Вечеромъ 30 декабря онъ повелъ войска къ Ташкисену, высоты котораго турки занимали у Арабъ-Конака и Камирли. Такъ какъ сѣверный выходъ этого прохода охранялся русскими войсками, все еще стоявшими у Орханіе, то можно было надѣяться, что турки будутъ поставлены между двухъ огней и у нихъ будетъ отнята всякая возможность къ отступленію. Планъ былъ составленъ превосходно. Генералъ Гурко опасался только одного. Во время его движенія къ Ташкисену и нападенія на турокъ у Арабконакскаго прохода отряды, стоявшіе у Софіи, могли двинуться за нимъ къ Ташкисену и такимъ образомъ напасть на него съ тылу. Нужно было помѣшать этому. Съ этою цѣлью генералъ Гурко поставилъ въ тылу у себя, по дорогѣ къ Софіи, между мѣстечками Горный Бугаровъ и Дольный Бугаровъ, находящіяся въ 12 километрахъ отъ Софіи, одинъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова, который долженъ былъ выстроиться по обѣимъ сторонамъ дороги, фронтомъ къ Софіи. Этотъ отрядъ состоялъ изъ пяти орудій. Уже его расположеніе ясно указывало, какую цѣль онъ имѣлъ въ виду. Онъ долженъ былъ отбросить турокъ отъ Софіи, въ случаѣ если они вздумаютъ сдѣлать вылазку и зайти въ тылъ генералу Гурко во время его дѣйствій при Ташкисенѣ.

Когда опасеніе подвергнуться нападенію съ тыла было устранено, то генералъ Гурко двинулся около полудня 30 декабря къ Ташкисену. Онъ прибылъ сюда уже въ сумерки, и такъ какъ лазутчики сообщили, что турки занимаютъ въ этомъ мѣстѣ сильно укрѣпленную позицію, то генералъ Гурко рѣшилъ отложить аттаку до слѣдующаго дня. Рано утромъ 31 декабря аттака дѣйствительно была начата. Турки сражались необыкновенно стойко. Многократныя аттаки русскихъ были отражены. Бой продолжался цѣлый день до шести часовъ вечера. Послѣ полудня положеніе турокъ сдѣлалось болѣе критическимъ, такъ какъ они потеряли свой передовой шанецъ. Отсюда русскіе, бросившіеся въ штыки, могли видѣть вторую линію турецкихъ позицій. Сопротивленіе османовъ дѣлалось все слабѣе и слабѣе; къ шести часамъ они потеряли послѣдній шанецъ, и послѣдній турецкій баталіонъ бѣжалъ въ горы, по направленію къ Арабъ-Конаку и Камирли. Въ этотъ день и русскіе потерпѣли значительныя потери. На полѣ сраженія лежало около 700 человѣкъ убитыми и ранеными. Послѣ такого жаркаго дѣла для солдатъ необходимъ былъ отдыхъ. Вслѣдствіе этого генералъ Гурко двинулся въ тотъ же вечеръ далѣе впередъ, къ турецкому блокгаузу, находящемуся на сто метровъ выше за Ташкисеномъ и замыкающему дорогу, по которой должны были спуститься турки, стоявшіе у Арабъ-Конака и Камирли, если они питали еще надежду прорваться. Съ этого блокгауза должна была открыться на слѣдующее утро, перваго января, аттака на Арабъ-Конакъ. Но турки предупредили ее. Лишь только начало разсвѣтать, и въ русскомъ лагерѣ заиграли зорю, турки бросились съ яростью на русскія позиціи, чтобы проложить себѣ свободный путь изъ того мѣшка, въ который они попали. Ихъ нападеніе было такъ отчаянно, что не было никакой возможности отразить его. Туркамъ дѣйствительно удалось прорваться, но только отдѣльными отрядами и въ различныхъ направленіяхъ, такъ что они не составляли болѣе компактной массы; это были небольшія разбросанныя шайки. Но и изъ этихъ шаекъ многіе попали въ плѣнъ. Это были по большей части тѣ, которые прорвались въ западномъ направленіи и очевидно выбрали это направленіе потому, что имъ не было извѣстно о расположеніи резервнаго отряда въ тылу Гурко. Они попали прямо въ объятія отряда генерала Вельяминова, находившагося у Бугарова и были обезоружены безъ особенныхъ усилій. Другіе отряды перешли у Дольнаго Камирли большую дорогу, бѣжали въ долину по направленію рѣчки Малински и пытались добраться чрезъ Ботлово и Черкескіой до городка Раковицы, откуда идетъ тропинка въ знаменитое Ихтиманское ущелье. Для преслѣдованія этой партіи бѣглецовъ была отправлена гвардейская кавалерія, и ей дѣйствительно удалось поймать на дорогѣ многихъ турокъ. Третья партія турокъ бросилась къ востоку отъ большой дороги, по направленію къ Златицѣ, но затѣмъ оставила ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ эту дорогу перерѣзываетъ рѣчка Маркова, и бѣжала къ Петричеву, откуда тоже идетъ дорога къ Ихтиманскому проходу. Преслѣдованіе этихъ бѣглецовъ поручено было части русской пѣхоты. Она исполнила данное ей порученіе такъ же хорошо, какъ и гвардейская кавалерія. Что же касается главной турецкой силы, прорвавшейся изъ Арабъ-Конака и находившейся подъ

начальствомъ Бекеръ-паши, то она направилась прямо къ Златицѣ и хотя она понесла довольно значительныя потери, но ей удалось прорваться.

Подробности перехода чрезъ Балканы.

Рано утромъ въ первый день Рождества (по новому стилю) началось долго отсрочившееся движенiе черезъ большiе Балканы въ Софiйскую долину. Планъ его былъ очень зрѣло обдуманъ, каждая подробность обсуждена самымъ тщательнымъ образомъ, почва изучена съ математическою точностью, и только недостатокъ въ надлежащемъ количествѣ войска препятствовалъ осуществленiю этого плана раньше.

Уже нѣсколько времени тому назадъ сдѣлалось очевидно, что генералу Гурко надо выбрать одно изъ двухъ: или отступить съ позицiй, занятыхъ имъ на горахъ около Баба-Конакскаго прохода, или перейти гребень во что бы то ни стало,—потому что измѣненiе погоды сдѣлало почти невозможнымъ подвозъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, и бивуачная жизнь на горѣ становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительною. Жертвами ночныхъ морозовъ дѣлались очень многiе... До начала мятелей горныя тропинки представляли изъ себя рѣки грязи, а когда эти послѣднiя замерзли, уничтожилась всякая возможность движенiя по нимъ, и пришлось прорубать ступени топорами. Полотняныя палатки, которыя каждую минуту грозилъ сорвать вѣтеръ, были замѣнены грубыми шалашами, крытыми бревнами и дерномъ, и ямами, вырытыми между деревьями. Подвоза теплаго платья нельзя было ожидать раньше, чѣмъ черезъ нѣсколько недѣль, и солдатамъ приходилось довольствоваться укутываньемъ ногъ шкурами барановъ и овецъ, изъ которыхъ они устроивали себѣ также нѣчто въ родѣ фуфаекъ; люди же въ траншеяхъ постоянно подвергались не только ужасному дѣйствiю мороза, но и пулямъ непрiятеля, находившагося въ самомъ близкомъ разстоянiи отъ нихъ.

Безспорно, что турецкiе солдаты страдаютъ невыразимо, но они далеко превосходятъ русскихъ искусствомъ не только сооруженiя земляныхъ укрѣпленiй, но и устройства себѣ помѣщенiй, и вы нерѣдко увидите за брустверами самаго оборваннаго турецкаго пѣхотинца, прiютившимся въ комфортабельномъ шалашѣ изъ бревенъ и соломы, гдѣ небольшой огонь поддерживаетъ живительную теплоту; на такой прiютъ онъ все то время, пока остается въ немъ, смотритъ, какъ на свое постоянное жилище. Напротивъ того, русскiй пѣхотинецъ рѣдко считаетъ себя въ траншеяхъ какъ дома, послѣ чего его смѣняютъ и отправляютъ въ другое мѣсто... Траншеи въ Плевнѣ очень наглядно доказали разницу, существующую между русскими и турками. Такъ и здѣсь въ Балканахъ: въ то время какъ русскiе терпятъ на горныхъ вершинахъ всевозможныя невзгоды, я не сомнѣваюсь, что непрiятель, при точно такихъ же условiяхъ, пользуется сравнительно удобнымъ положенiемъ...

Картины, которыя я видѣлъ въ Орханiе во время мятелей и сильнаго холода,

превосходятъ всякое описаніе. Генералы, помѣщенные въ нетопленныхъ комнатахъ и посреди всяческой грязи, солдаты, кое-какъ пріютившіеся за сугробами снѣга или тѣснящіеся кучками вокругъ скудныхъ огней,—всѣ они терпѣливо ожидали день за днемъ. Офицеры прибывали во всѣ часы дня и ночи; многіе изъ нихъ приходили изъ Осикова пѣшкомъ, потому что верхомъ невозможно было проѣхать по дорогѣ, загроможденной пушками,—приходили изнеможенные, полу-замерзшіе, ища пріюта, котораго нельзя было купить ни за какія деньги. Запасъ соли истощался, хлѣбъ тоже; при мнѣ одинъ офицеръ заплатилъ 15 франковъ за небольшой ломоть. Дрова сдѣлались почти недоступнымъ предметомъ роскоши, потому что хотя лѣса окружали насъ во всѣхъ направленіяхъ, но всѣ телѣги были заняты подвозомъ топлива для госпиталей.

Вышеупомянутый планъ движенія впередъ составленъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ, сколько мнѣ извѣстно, генераломъ Нагловскимъ, начальникомъ штаба ген. Гурко. Онъ отличается точностью математической задачи, и для каждаго отряда отдѣльно выработаны всѣ подробности. Но физическія затрудненія переправы черезъ высокій хребетъ, раздѣляющій долины Софійскую и Орханье, до такой степени увеличились вслѣдствіе появленія льда, что осуществить всѣ эти подробности оказалось невозможнымъ. Поэтому я наложу здѣсь только общее основаніе плана.

Армія была раздѣлена на девять отрядовъ. Три изъ нихъ должны были составить колонну, которой предстояло переправиться къ западу отъ Арабъ-Конака и спуститься въ деревни Куріакъ, Потокъ и Стольнокъ. Командованіе авангардомъ этой колонны, состоявшимъ изъ 2 баталіоновъ стрѣлковой бригады Преображенскаго и Измайловскаго полковъ, одной бригады кубанскихъ казаковъ и шестнадцати орудій, было возложено на генерала Рауха. Вся колонна заключала въ себѣ 31 пѣхотный баталіонъ при 40 орудіяхъ, кубанскій казачій полкъ, одинъ эскадронъ черкесовъ и пять драгунскихъ эскадроновъ. Вторая колонна, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, состоявшая изъ одной бригады 31 пѣхотной дивизіи, двухъ бригадъ гвардейской кавалеріи, одной полевой баттареи и одной конной, должна была переправиться въ томъ мѣстѣ, которое на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба обозначено подъ названіемъ Урмажа. Третьей колоннѣ, отданной въ распоряженіе генерала Дандевиля, поручалось обойти турецкую позицію на вершинахъ къ востоку отъ перевала, переправившись для этого въ пунктѣ, значащемся на картѣ подъ именемъ Баты, и спустившись затѣмъ въ долину у Мирхова. Четвертой колоннѣ, подъ начальствомъ ген. Шильдера-Шульднера, предназначалось демонстрировать противъ Лютикова. Пятая колонна, въ которую входили одинъ гренадерскій полкъ, полтора баталіона линейнаго полка, двѣ казачьи сотни и два орудія, должна была оставаться на позиціи около Златицы для наблюденія за Камарлы.

На разсвѣтѣ въ первый день Рождества раздались трубные сигналы, и черезъ нѣсколько минутъ улицы города наполнились пѣхотою. Было страшно холодно. Туманъ спустился такой густой, что до полнаго восхожденія солнца господствовала глубокая темнота, да и послѣ того предметы въ этихъ улицахъ пред-

ставлялись въ неясномъ видѣ. Туманъ приставалъ къ домамъ, деревьямъ, мундирамъ и тамъ замерзалъ, покрывая все это блестящимъ серебрянымъ инеемъ. Въ девять часовъ генералъ Гурко и его штабъ выѣхали изъ города къ драгунскому бивуаку, расположенному на шоссе какъ разъ позади тамошнихъ позицій.

Оригинальнѣйшее зрѣлище представляла эта группа всадниковъ въ то время, когда они медленно подвигались вдоль вымощеннаго гладкимъ льдомъ шоссе. Адъютанты были одѣты въ самые фантастическіе костюмы; на нѣкоторыхъ красовались дубленые полушубки съ вышитыми узорами и металлическими пуговицами; другіе облеклись въ черкесскіе кафтаны; на головахъ у всѣхъ были башлыки или что нибудь въ этомъ родѣ. Генералъ Гурко, ѣхавшій впереди группы, былъ одинъ одѣтъ въ простой сюртукъ, безъ всякихъ добавочныхъ прикрытій; онъ, повидимому, и не замѣчалъ, что морозъ совсѣмъ побѣлилъ его бороду и покрывалъ, какъ его самого, такъ и лошадь ледяными сосульками. Группа походила больше на маскарадную кавалькаду, чѣмъ на поѣздку генерала и его штаба, и эффектъ увеличивался присутствіемъ живописныхъ кубанскихъ казаковъ съ ихъ бараньими шапками и оригинальнымъ вооруженіемъ.

Часа черезъ полтора мы въѣхали въ дефилей; густой туманъ окружалъ насъ и взорамъ нашимъ представлялись только окаймлявшія дорогу, покрытыя снѣгомъ, деревья. Солдаты начинали отставать, многіе спотыкались на льду и получали ушибы. Скоро послѣ того какъ мы миновали Врачешъ, туманъ началъ расходиться, и при свѣтѣ солнца передъ нами заблистали вдалекѣ горныя вершины, точно вися въ воздухѣ, такъ какъ подножія ихъ оставались закрытыми мглою. Прошло еще нѣсколько минутъ—и мы очутились подъ лучами яркаго солнца, и теплый южный вѣтеръ повѣялъ намъ въ лицо... Драгунскій бивуакъ куда мы направлялись, былъ расположенъ въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣка, текущая къ востоку отъ Этропольскихъ Балканъ, встрѣчается съ рѣкою, протекающею вдоль шоссе. Здѣсь дорога сворачиваетъ черезъ горы къ Куріаку; она называется старою Софійскою дорогою и до сооруженія этого шоссе служила главнымъ путемъ къ Этрополю. Затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ ею не пользовался рѣшительно никто, и она оставалась заброшенною, узкою дорогою. Нѣсколько дней тому назадъ, два баталіона Преображенскаго полка принялись отдѣлывать ее; кое-какъ выровняли, расширили почти на всемъ ея протяженіи и въ наиболѣе крупныхъ мѣстахъ горы вырубили ступеньки. Часть этой дороги оставалась совершенно на виду изъ турецкихъ редутовъ къ востоку отъ Арабъ Конака. Поэтому работать можно было только ночью, и когда армія генерала Гурко двинулась впередъ, результатъ работъ былъ уже таковъ, что казалось возможнымъ перевозить по этой дорогѣ пушки и лошадей. Драгунскаго бивуака мы достигли въ то время, когда часть авангарда уже прошла черезъ дефилей по направленію къ западу. Погода снова сдѣлалась холодною, и ожидать въ снѣгу было не особенно пріятно. Въ этомъ мѣстѣ одно изъ отдѣленій Краснаго Креста установило свою главную квартиру и устроило шесть кибитокъ, которыя начинали уже наполняться людьми, пострадавшими отъ паденія на льду. Почти весь день простояли мы тутъ безъ всякаго движенія.

Я, наконецъ, рѣшился отправиться на вершину и пустился въ путь за два часа до захожденія солнца. Дорога была загромождена артиллеріею и пѣхотой. Солдаты разложили вдоль ея костры и варили себѣ ужинъ; ни въ одномъ изъ нихъ не было замѣтно малѣйшаго унынія и недовольства. Съ большимъ трудомъ добрался я до перваго затруднительнаго пункта на этой дорогѣ и тутъ увидѣлъ причину промедленія. Четыре орудія съ ихъ зарядными ящиками были втащены наверхъ руками. Передки были коротки, такъ что ухватиться за нихъ могло не болѣе 60 человѣкъ, да и это количество работало ужасно медленно. Тащить первую пушку отрядили линейныхъ солдатъ. Это были ребята небольшаго роста, непривычные къ подобной работѣ, и послѣ долгой ходьбы изъ Плевны въ нихъ не осталось той энергіи и силы, которая была здѣсь необходима. Генералъ Раухъ находился тутъ же, ободряя солдатъ, возбуждая офицеровъ. Я медленно подвигался среди наступившей темноты отъ одной группы солдатъ къ другой. Промежутки между орудіями становились все длиннѣе и длиннѣе, и когда я достигнулъ передоваго орудія, то засталъ всѣхъ солдатъ, отдыхавшихъ тутъ же такъ спокойно, какъ будто въ планъ этого похода не входило, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій, чтобы всѣ отряды взобрались на верхъ горы раньше слѣдующаго утра. Офицеры лежали на землѣ и спали. Солдаты раскладывали костры. Нѣкоторые расчищали мѣсто въ снѣгу, и черезъ нѣсколько минутъ уже безмятежно храпѣли. Крики, которые раздавались въ то время, когда солдаты втаскивали тяжелые зарядные ящики, наконецъ замолкли, и повидимому все погрузилось въ глубокій сонъ.

Но на горѣ находился одинъ человѣкъ, вполнѣ бодрственный и ясно сознававшій необходимость самыхъ энергическихъ усилій,—этотъ человѣкъ былъ генералъ Раухъ. Всю ночь онъ то взбирался, то спускался по этой скользкой дорогѣ, стараясь сообщить хоть часть своей энергіи солдатамъ и офицерамъ. Все пространство по горѣ составляло можетъ быть четыре мили, и вся окраина дороги была усѣяна людьми или спавшими на льду, или грѣвшимися вокругъ небольшихъ, разложенныхъ въ снѣгу огней. Когда ихъ будили и приказывали имъ идти впередъ, они не выказывали ни малѣйшаго нетерпѣнія, но съ своимъ неподражаемымъ хладнокровіемъ вставали, дѣлали нѣсколько шаговъ и потомъ засыпали, падая какъ мертвые... Около полуночи выѣхалъ на горную дорогу генералъ Гурко съ своимъ штабомъ. Онъ не могъ далѣе выносить промедленій, и его неустанная энергія не позволяла ему оставаться бездѣйственнымъ въ тылу. Встрѣтивъ на пути казачій постъ, генералъ и штабъ улеглись вокругъ двухъ костровъ и заснули, какъ простые солдаты. Преображенскій полкъ подвинулся до деревни Куріакъ, уже за нѣсколько дней до того занятый драгунскими аванпостами, а съ нимъ ушла и часть вьючныхъ лошадей, вслѣдствіе чего на этомъ снѣжномъ бивуакѣ и пища оказалась весьма скудная и комфорта очень немного. Офицеры и солдаты лежали вмѣстѣ вокругъ огней, стараясь подвинуться къ нимъ какъ можно поближе, потому что ледяной вѣтеръ дулъ немилосердно, и морозъ все больше и больше усиливался.

Взошедшее солнце освѣтило необыкновенно живописную картину, и велико-

лѣпный пейзажъ. Генералъ и адъютанты, одни въ буркахъ и мѣховыхъ полушубкахъ, другіе въ простыхъ пальто безъ всякихъ теплыхъ добавленій, лежали въ снѣгу, тѣсно прижавшись другъ къ другу, вокругъ костровъ. Казаки и драгуны уже принялись готовить кушанье; сотни лошадей, привязанныхъ къ деревьямъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бивуака, нетерпѣливо топтали землю. Къ югу отъ насъ разстилалась широкая софійская долина; чистая бѣлизна ея снѣжной поверхности только изрѣдка нарушалась темными полосами въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были расположены деревни, а позади, полуокутанныя въ густой туманъ, высились болѣе южныя горы и громадная вершина Витосъ, господствующая надъ Софіею. Сквозь деревья, къ востоку, мы ясно различали большую обнаженную вершину около Била-Конакскаго прохода; а линія турецкихъ редутовъ рисовались на снѣжномъ фонѣ также отчетливо, какъ чернильныя пятна на бѣлой бумагѣ. Генералъ Раухъ, неутомимо остававшійся на ногахъ, забрался на бивуакъ, чтобы отдохнуть нѣсколько минутъ и посовѣтоваться съ генераломъ Гурко и начальникомъ его штаба—душою всего предпріятія. Вслѣдъ за тѣмъ оба—и Гурко, и Раухъ—отправились торопить солдатъ.

Здѣсь я долженъ на минуту остановиться, чтобы сказать нѣсколько словъ вполнѣ заслуженной похвалы генералу, который принялъ на себя страшную отвѣтственность переправы черезъ Балканы въ самомъ разгарѣ зимы съ цвѣтомъ русской арміи. Ни на одну минуту не видѣлъ я его потерявшимъ присутствіе духа или обнаружившимъ хотя малѣйшій признакъ унынія. Всегда подавая собою примѣръ энергіи и выносливости, всегда превосходя дѣятельностью всѣхъ своихъ офицеровъ, храбрый и рѣшительный, онъ соединялъ въ себѣ рѣдкія качества, дѣлающія его воиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова и поселяющія полное довѣріе къ нему въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ ведетъ на битву. Неся на себя все тяжелое бремя отвѣтственности, онъ не переставалъ работать физически больше своихъ офицеровъ, и восторженная энергія, обнаруженная имъ въ этомъ трудномъ переходѣ черезъ горы, вызываетъ полнѣйшее изумленіе...

Пловдиво (Филиппополь).

Городъ Пловдиво или Пловдивъ, по турецки Фелибе, въ Европѣ извѣстный подъ именемъ Филиппополя, лежитъ почти на полпути между Средецемъ (Софіею) и Адріанополемъ, на шоссейной дорогѣ ведущей изъ Бѣлграда въ Константинополь. Пловдивъ сперва назывался *Eumolpias*, позднѣе *Poneropolis* и наконецъ былъ названъ по имени Филиппа Македонскаго, отца Александра Великаго, который его расширилъ, украсилъ и укрѣпилъ. Пловдивъ въ настоящее время большой городъ, но нѣкогда онъ былъ еще больше и многолюднѣе, такъ какъ изъ исторіи извѣстно что въ 250 г. по Р. Х. Готѳы перебили въ его стѣнахъ до 100,000 жителей.

Пловдивъ лежитъ на правомъ берегу рѣки Марицы, занимая три довольно высокіе холма, по которымъ Римляне и называли его *Trimontium*. Мѣстоположеніе Пловдива чрезвычайно красиво и только Терново превосходитъ его въ этомъ отношеніи.

Живописный видъ представляетъ Пловдивъ, если подходить къ нему отъ Татаръ-Базарджика богатыми рисовыми полями. Сначала видно предмѣстье, названное по турецки «Каршіякъ». Его соединяетъ съ городомъ большой мостъ, перекинутый черезъ Марицу. За мостомъ начинается главная улица «Булюкъ Чарши». Тутъ находятся лучшія гостинницы, лавки и болѣе ста купеческихъ товарныхъ складовъ. Главная улица широка и длинна; по обѣимъ ея сторонамъ разбѣгаются большія и малыя улицы, почти исключительно съ турецкими домами.

Въ нижней части города дома христіанъ и турокъ перемѣшаны между собою. Здѣсь же стоитъ «Джумая-джамиси». Это древній христіанскій храмъ, который турки обратили въ мечеть.

Изъ главной улицы направо поворачиваетъ другая меньшая, ведущая къ станціи желѣзной дороги. Примыкающая къ Пловдиву желѣзная дорога проектирована изъ Константинополя на Средецъ (Софію) и Нишъ, но до сихъ поръ проведена только до селенія подъ Татаръ-Базарджикомъ. Во время войны безъ сомнѣнія она разрушена.

Холмы, на которыхъ расположенъ Пловдивъ, называются Джамбазъ-Тепе, Небетъ-Тепе и Джильданъ-Тепе. Дома на холмахъ исключительно принадлежатъ христіанамъ, т. е. Болгарамъ, Армянамъ и Грекамъ. Они больше и красивѣе турецкихъ домовъ и свидѣтельствуютъ что ихъ владѣльцы гораздо образованнѣе своихъ турецкихъ сосѣдей.

Самый замѣчательный холмъ Джамбазъ-Тепе, гдѣ находятся хорошо устроенная болгарская школа, архіерейскій домъ, нѣсколько церквей, и т. д.

Съ холмовъ открывается прекрасный видъ на окрестности. На западѣ виднѣется Рыло-Планина, на юго-западѣ гора Доспатъ, на сѣверѣ Стара-Планина. Балканъ и рѣка Марица, которая извивается будто большой серебряный поясъ, заканчивая собою красивый видъ Пловдивскихъ окрестностей.

Пловдивъ имѣетъ до 70,000 жителей, большею частію Болгаръ, потомъ турокъ, Армянъ, Грековъ и др. Онъ служитъ постояннымъ мѣстопребываніемъ паши, православнаго и католическаго епископовъ. Въ немъ 9 православныхъ церквей, одна католическая и 20 джамій. Учебныя заведенія въ Пловдивѣ отличаются предъ прочими болгарскими городами. Какъ извѣстно, Болгары заботятся о школахъ насколько позволяетъ ихъ несчастное положеніе. Въ Пловдивѣ сверхъ того есть болгарская гимназія, греческая гимназія и какое-то среднее училище для католическаго юношества, гдѣ особенное вниманіе обращено на изученіе французскаго языка. Пловдивъ далъ Болгаріи, въ особенности Македоніи и Өракіи, очень много учителей и вообще людей образованныхъ; поэтому можно полагать что въ исторіи возрожденія Болгаріи онъ займетъ важное мѣсто.

Въ распряхъ Болгаръ съ Фанаріотами Пловдивъ выказалъ необыкновенную

дѣятельность, и это очень понятно, потому что просвѣщеніе быстро распространяется изъ него по окрестнымъ мѣстностямъ. Смѣло можно допустить что 60% населенія Пловдива и его окрестностей знаетъ грамотѣ, и эта цифра при турецкихъ порядкахъ очень замѣчательна. Но если взять процентъ грамотныхъ людей исключительно между Болгарами, то конечно онъ оказался бы не менѣе 90%. Нѣтъ надобности говорить что 40% населенія не умѣющаго ни читать, ни писать, исключительно относятся къ туркамъ.

Отъ запада къ югу отъ Пловдива простирается амфитеатромъ горный хребетъ, названный «Деспотова-Планина» (Родопе). Въ этихъ горахъ живетъ до 50,000 Болгаръ магометанскаго исповѣданія, которые называются «Помаками». Археологъ Верковичъ собралъ между ними наибольшее число народныхъ пѣсенъ. Помаки сохранили не только свой языкъ и свои обычаи, но и народное сознаніе, которое побудило ихъ сберечь отъ искаженія и истребленія множество драгоцѣнныхъ памятниковъ старины, находящихся въ огромномъ числѣ въ ихъ странѣ.

Отуреченные Болгары своею храбростію и воинственнымъ духомъ представляютъ намъ характеръ народа какимъ онъ былъ прежде нежели азіятскій варваръ покорилъ и поработилъ его. Помаки ненавидятъ Османліевъ и Грековъ и сочувствуютъ своимъ христіанскимъ соплеменникамъ.

Пловдивскіе магометане, какъ и въ другихъ болгарскихъ городахъ, суть переселенцы изъ Азіи, Османлики, предки которыхъ были оставлены въ завоеванной землѣ въ видѣ гарнизона. Эти азіятскіе турки сильно вымираютъ. Намъ неизвѣстно число умершихъ на югѣ Балкана, но на сѣверѣ, по показаніямъ англійскаго консула Найльза, въ каждыя десять лѣтъ вымираетъ примѣрно 100,000 Османликовъ.

Кстати припомнимъ что разсказываютъ англійскіе путешественники Эрби (*Irby*) и Маккензи (*Makenzie*) о Болгарахъ, населяющихъ города и о ихъ сосѣдяхъ Грекахъ, которые уже нѣсколько вѣковъ живутъ вмѣстѣ съ ними, нисколько не утрачивая своего народнаго характера. Грекъ вполнѣ преданъ торговлѣ, находчивъ и говорливъ, но не ищите въ немъ ни чести, ни опрятности, ни нравственности. Болгаринъ охотнѣе занимается земледѣліемъ нежели торговлей; онъ угрюмъ, неразговорчивъ, но честенъ, опрятенъ и данное имъ слово хранитъ свято. Грекъ сплетничаетъ, клевещетъ и съ особеннымъ удовольствіемъ распространяетъ всякую скандальную исторію, между тѣмъ какъ отъ Болгарина никогда не услышишь дурнаго и непріятнаго слова. Несмотря на все желаніе, Грекъ не можетъ ни обмануть, ни провести Болгарина, ни передѣлать его на свой ладъ. Грековъ меньше, и ошибся бы тотъ кто счелъ бы ихъ народомъ развитымъ и совершенствующимся. Грека скорѣе можно назвать дерзкимъ нежели стойкимъ.

Болгаринъ изъ города и Болгаринъ изъ села значительно разнятся между собою. Болгарскіе поселяне всѣ исповѣдуютъ христіанскую вѣру. Они ходятъ медленно, смиренно, согнувшись, смотрятъ въ землю и кажутся до того тупоумными какъ будто насильно лишили ихъ и души и сердца. Но какъ только пред-

ставится имъ случай, то они обнаруживаютъ прекрасныя качества души и вмѣстѣ желаніе образовываться, хотя и опасаются что турки за это будутъ ихъ преслѣдовать и доведутъ ихъ до разоренія.

Нужно замѣтить что въ Пловдинѣ и его окрестностяхъ считается до 8,000 католиковъ, которые называются Павликіанами и ревностно поддерживаются французскимъ правительствомъ. Въ Пловдинскомъ санджакѣ, особенно на Балканѣ, находится много селеній называемыхъ «Павликіанъ-Кей», хотя Павликіане и не живутъ въ нихъ. Тѣмъ не менѣе это служитъ доказательствомъ что они въ нихъ жили, и нѣкогда были многочисленнѣе чѣмъ теперь.

Въ Пловдинѣ есть также небольшое число евангеликовъ, обращенныхъ въ недавнее время американскими миссіонерами.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи этотъ городъ испыталъ два великія бѣдствія: въ 1818 году въ немъ было землетрясеніе, въ 1846 онъ погорѣлъ.

Занятіе Филиппополя.

(Подробности.)

День клонился къ вечеру, холодъ ощущался болѣзненнѣе. Огонь у Кадыкіоя и въ окрестностяхъ курганчика не унимался до наступленія темноты. Ночь каждымъ въ отрядѣ ожидалась съ нетерпѣніемъ. Длинный, томительный день на холоду, подъ непрерывнымъ гудѣніемъ пуль, звономъ въ воздухѣ осколковъ гранатъ, визгомъ шрапнелей—становился невыносимъ.

Къ курганчику, гдѣ сидѣлъ Гурко, подъѣхалъ капитанъ Бураго и доложилъ генералу что 2-й эскадронъ Драгунскаго полка перевезъ на ту сторону Марицы 1.500 человѣкъ пѣхоты, что Бугскій уланскій полкъ пришелъ къ нему на смѣну. Лошади измучились, люди иззрогли. «Ожидаю дальнѣйшихъ приказаній вашего превосходительства», докладывалъ Бураго.

— Приказаній? переспросилъ Гурко.—Займите Филиппополь, прибавилъ онъ полушутя, полусеріозно.

— Прикажете?

— Да, сорвалось у генерала.

— Слушаю-съ, приложилъ Бураго руки къ козырьку, и черезъ минуту мчался уже на полныхъ рысяхъ со своимъ эскадрономъ къ Филиппополю, еще занятому непріятелемъ. Подъ прикрытіемъ ночи Бураго переправился черезъ Марицу у самаго города и, незамѣченный турками, въѣхалъ въ улицы Филиппополя. Орудійная пальба изъ города прекратилась съ наступленіемъ темноты; турокъ не попадалось на улицахъ города. Встрѣчались только вооруженные Болгары и вооруженные жители Филиппополя. Дома всѣ были заперты. Между прочимъ, въ одномъ изъ переулковъ попался на встрѣчу Бураго греческій консулъ, который, увидавъ Русскихъ, остановилъ Бураго и попросилъ его на минуту зайти въ его домъ.

— Сколько васъ? спросилъ консулъ Бураго, когда они очутились наединѣ.

— Очень много, отвѣтилъ Бураго.

— Нѣтъ, сколько именно Русскихъ вступаетъ въ городъ въ настоящую минуту?

— Много: эскадронъ драгунъ, т.-е. 80 человѣкъ подъ моимъ начальствомъ.

— Такъ спѣшите скорѣй назадъ, спасайтесь! заговорилъ консулъ испуганнымъ голосомъ; — у васъ со всѣхъ сторонъ турки; ихъ было сегодня до 12 тысячъ въ Филиппополѣ, часть уже ушла; но тысячи три—пять сейчасъ находятся у станціи желѣзной дороги.

Но что же было дѣлать? Городъ приказано было занять, и Бураго, спѣшивъ свой эскадронъ, повелъ его на край города, къ станціи желѣзной дороги. Тутъ, у станціи, происходило огромное движеніе, вокзалъ былъ ярко освѣщенъ, дальше, въ полѣ, горѣли костры; турки шумѣли, кричали, суетились у костровъ, скрипѣли телѣги, везомыя на волахъ. Бураго, наткнувшись близь станціи на неглубокій ровъ съ насыпью, приказалъ эскадрону залечь во рву, кричать громче *ура*, не сходя съ мѣста и стрѣлять изъ ружей елико возможно чаще по туркамъ, шумѣвшимъ у костровъ. Едва раздалось *ура* и зазвучали выстрѣлы, турки открыли не медля съ своей стороны огонь. Но въ темнотѣ, стрѣляя на угадъ, хотя и очень частымъ огнемъ, они не попадали въ нашихъ; ихъ пули перелетали чрезъ ровъ, не причинивъ никому изъ драгунъ вреда. Да турки и не собирались защищаться на станціи. Частымъ огнемъ они прикрывали лишь свое отступленіе. Массы ихъ, собранныя у станціи, стали быстро уходить отъ пылавшихъ костровъ въ темноту, не подозрѣвая что всего 80 человѣкъ драгунъ кричатъ *ура* и стрѣляютъ по нимъ изъ рва. Лишь только скрылись въ темнотѣ послѣднія колонны бѣжавшаго непріятеля, Бураго вошелъ въ вокзалъ и засталъ тамъ накрытый столъ съ винами, закусками, отлично сервированный; буфетчикъ-Италіянецъ объяснилъ Бураго что у него на кухнѣ готовится ужинъ, заказанный полчаса тому назадъ Сулейманъ-пашой, и что этотъ ужинъ онъ счастливъ предложить первымъ Русскимъ, вступившимъ въ Филиппополь. «Сейчасъ тутъ въ вокзалѣ было трое пашей, прибавилъ Италіянецъ, вы захватите ихъ въ десяти минутахъ разстоянія отъ города.» Между тѣмъ ужинъ заказанный Сулейманомъ, оказался великолѣпнымъ: онъ состоялъ изъ почекъ на мадерѣ, отварнаго языка съ рисомъ и т. п. вкусныхъ блюдъ. Въ городѣ однако оставалась еще, на одномъ изъ холмовъ, турецкая батарея изъ двухъ орудій, защищаемая небольшимъ числомъ турецкой пѣхоты. На эту батарею влетѣлъ со своимъ взводомъ поручикъ графъ Ребиндеръ и завладѣлъ орудіями, перебивъ всѣхъ защищавшихъ орудія турокъ. Городъ такимъ образомъ былъ занятъ, по приказанію Гурко, 2-мъ эскадрономъ л. гв.-Драгунскаго полка въ ночь съ 3 на 4 января. Турки изъ Филиппополя отступили по шоссе на Адріанополь; часть ихъ еще наканунѣ была отправлена къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ. Для Гурко этотъ отрядъ находился уже внѣ преслѣдованія. За то отряды генерала Скобелева и Радецкаго, двигающіеся съ Шипки черезъ Ени-Загры на Германлы, могли еще поспѣть выйти на шоссе между Филиппополемъ и Адріанополемъ и отрѣзать этихъ турокъ отъ Адріанополя.

На другой день, 4 января, Гурко вступилъ въ Филиппополь и помѣстился въ бывшемъ домѣ русскаго консульства, надъ которымъ былъ немедленно поднятъ флагъ. Но бой въ окрестностяхъ Филиппополя не стихалъ и 4 января, не прекратился и на слѣдующій день, 5-го. Близь Кадыкіоя и Станимака, Шуваловъ, Шильдеръ-Шульдперъ, Вельяминовъ, третья гвардейская дивизія продолжали тѣснить и напирать на Самоковскій отрядъ турокъ на правомъ берегу Марицы. Отрядъ этотъ былъ захваченъ со всѣхъ сторонъ: и хвостъ, и середина, и головная часть его не ушли отъ нашего преслѣдованія. До 30 тысячъ турецкаго войска были остановлены въ своемъ движеніи, отрѣзаны отъ своего пути. За то отбивалось это турецкое войско какъ львы, какъ герои они не хотѣли положить оружія и сдаться въ плѣнъ Русскимъ. Почувствовавъ себя окруженными, они стали кидаться во всѣ стороны, пробиваясь, отыскивая себѣ свободнаго выхода. То взбирались они на скалы и гребни горъ, втаскивали туда орудія и съ горъ осыпали наши колонны картечью и пулями; то дико бросались съ горъ въ атаку и снова были прижаты къ горамъ; рвались и метались во всѣ стороны въ теченіе трехъ сутокъ.

Вчера только къ вечеру прекратился бой и подробности его еще неизвѣстны вполнѣ. Число нашихъ потерь не приведено еще въ ясность. Но сегодня уже ходятъ по городу нѣсколько разсказовъ изъ трехдневнаго боя на правомъ берегу Марицы. Между прочимъ разсказываютъ много о старомъ генералѣ Красновѣ, благодаря энергіи коего не ушла отъ преслѣдованія головная часть Самоковскаго отряда. Въ ночь съ 4-го на 5-е, Красновъ перехватилъ эту часть, чуть-чуть что не выскользнувшую изъ рукъ. Взялъ ночью же, съ боя, 24 орудія близь Станимака, и все время боя разъѣзжалъ шажкомъ, хладнокровно, подъ пулями въ передовой цѣпи, повторяя одну и ту же фразу на всѣ вопросы и обращенія къ нему за приказаніями: «Разбить турка! Никакихъ другихъ приказаній не будетъ!» Видъ этого стараго генерала подъѣзжавшаго спокойно, шажкомъ, на самыя горячія мѣста сраженія и говорившаго только: разбить турка, приперетъ его хорошенько», необыкновенно какъ вдохновлялъ солдатъ, которые съ криками *ура*, при каждомъ приближеніи къ нимъ Краснова, кидались въ атаку на турокъ, превосходившихъ по числу подъ Станимакомъ. Разсказываютъ также нѣсколько эпизодовъ о томъ какъ сопротивлялись турки. Между прочимъ разсказываютъ о какомъ то эскадронѣ арабской кавалеріи который, засѣвъ въ лѣсу, отстрѣливался не слѣзая съ лошадей цѣлые часы отъ наступавшаго на него баталіона нашей пѣхоты. Благодаря магазиннымъ ружьямъ, этотъ эскадронъ Арабовъ производилъ жестокій огонь и задержалъ нашъ баталіонъ до того, что пришлось выдвинуть противъ этихъ Арабовъ два орудія, которыя открыли огонь картечью. Но Арабы не отступили и предъ орудіями: перебили и переранили всѣхъ лошадей при орудіяхъ, и перешли еще сами въ наступленіе. Подоспѣвшіе, наконецъ, еще одинъ баталіонъ нашей пѣхоты и эскадронъ нашей кавалеріи разогнали этихъ отважныхъ Арабовъ. Подъ Станимакомъ былъ убитъ турецкій паша, неизвѣстно еще какой, но сопротивлявшійся отчаянно. Раненый, онъ сидя на лошади отбивался саблей отъ стремившихся взять его живьемъ

нашихъ солдатъ. Одному изъ нихъ онъ отсѣкъ саблей обѣ руки, другому исполосовалъ все лицо; многихъ переранилъ, и защищаься до тѣхъ поръ пока не былъ снятъ штыками съ сѣдла.

Трехдневный бой на правомъ берегу Марицы, подъ Филиппополемъ, закончился вчера вечеромъ тѣмъ что турки, бросивъ весь обозъ и всѣ орудія, разбрелись по горамъ. Самоковскій отрядъ былъ такимъ образомъ разсѣянъ, разбитъ. Безъ обозовъ и орудій въ дикихъ горахъ его нельзя считать уже болѣе отрядомъ. До сей минуты число отбитыхъ у непріятеля и брошенныхъ имъ орудій насчитывается до 56.

Быстрымъ движеніемъ изъ Софіи къ Филиппополю, генер. Гурко догналъ отступавшій изъ Самокова на Адріанополь турецкій отрядъ, пересѣкъ ему путь отступленія, разсѣялъ его колонны, отнявъ у него всѣ орудія и весь обозъ. Преслѣдованіе и уничтоженіе бѣжавшаго врага было какъ нельзя болѣе полное. Но гнались мы за непріятелемъ изъ-подъ самой Софіи вплоть до Филиппополя безъ отдыха, шли, по выраженію Гурко, *подобно вихрю,* и едва-едва успѣли захватить турокъ въ долинѣ рѣки Марицы, между Базарджикомъ и Филиппополемъ.

Послѣ двойнаго перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы, у Араба-Конака и на Шипкѣ, Сулейманъ-паша не могъ долѣе держать свою армію въ Малыхъ Балканахъ, или оперировать въ долинѣ Марицы; иначе онъ рисковалъ быть отрѣзаннымъ отъ Адріанополя отрядами Скобелева и Радецкаго, шедшими съ Шипки прямою дорогой на Адріанополь; ему оставалось быстро отвести свою армію изъ Малыхъ Балканъ къ Адріанополю, чтобы спасти ее отъ двойной грозы. Въ Адріанополѣ Сулейманъ былъ бы уже какъ у себя дома, расположивъ свою армію въ заранѣе приготовленныхъ рвахъ и укрѣпленіяхъ Адріанополя. Но чтобы поспѣть сдѣлать это, Сулейману необходимо было задержать по возможности движеніе русскихъ силъ впередъ. И вотъ онъ выслалъ двухъ парламентеровъ съ предложеніемъ о перемиріи: одного, своего собственнаго адъютанта, Зеки-бея, къ Его Высочеству Великому Князю Главнокомандующему, другаго, турецкаго офицера,—къ ген. Вельяминову. Оба парламентера пріѣхали къ намъ въ ту минуту, когда Скобелевъ уже двигался на Германлы, а въ отрядѣ Гурко ген. Вельяминовъ аттаковалъ позицію Турокъ близь Самокова, Шуваловъ подходилъ къ Трояновымъ Воротамъ, Криденеръ и Шильдеръ-Шульднеръ шли въ обходъ Трояновыхъ Воротъ къ Базарджику. При этихъ условіяхъ положеніе арміи Сулеймана, сосредоточенной въ Самоковѣ и Трояновыхъ Воротахъ, ежеминутно могло стать критическимъ, и время чтобъ отвести ее на Адріанополь могло быть легко потеряннымъ. Тѣмъ не менѣе, выславъ парламентеровъ, Сулейманъ-паша рѣшился елико возможно быстрѣе уйти со своими войсками къ Адріанополю, надѣясь что парламентеровъ у насъ примутъ, начнутъ съ ними переговоры, остановятъ движеніе войскъ, а онъ межь тѣмъ успѣетъ ускользнуть отъ насъ и сосредоточиться въ Адріанополѣ. 29 декабря прибылъ первый турецкій парламентеръ, именно къ ген. Вельяминову, аттаковавшему наканунѣ Турокъ у Самокова. Вельяминовъ завладѣлъ наканунѣ нѣсколькими ложементами Турокъ и прекратилъ атаку за

наступившею темнотой. На утро 29-го, Вельяминовъ приступилъ было къ продолженію аттаки; но едва войска его колонны двинулись въ дѣло и артиллерія открыла огонь, на сторонѣ непріятеля раздались трубные звуки, появились бѣлые флаги, и выѣхалъ на встрѣчу нашимъ солдатамъ, шедшимъ въ аттаку, парламентеръ съ объявленіемъ что между правительствами воюющихъ сторонъ заключено перемиріе.

— Стрѣляйте въ насъ, мы не будемъ отвѣчать вамъ; мы заключили перемиріе и не хотимъ драться, говорилъ парламентеръ.

— Такъ сдавайтесь! предложилъ ему Вельяминовъ.

— Мы не можемъ сдаваться, ибо въ перемиріе постановлено условіе что каждая сторона остается на занимаемыхъ ею позиціяхъ.

— Я не имѣю никакихъ свѣдѣній и инструкцій относительно перемирія и продолжаю аттаку: защищайтесь или сдавайтесь, возражалъ Вельяминовъ.

— Вы не успѣли быть-можетъ получить извѣстій отъ вашего правительства о перемиріи; но вотъ вамъ доказательство, говорилъ парламентеръ,—телеграмма турецкаго военнаго министра изъ Константинополя, предписывающая вамъ прекратить военныя дѣйствія и, наконецъ, добавилъ парламентеръ, я самъ остаюсь у васъ заложникомъ въ подтвержденіе моихъ словъ.

Генералъ Вельяминовъ, занявшій еще наканунѣ выгодныя позиціи противъ непріятеля, согласился пріостановить аттаку и отправилъ турецкаго парламентера къ ген. Гурко, испрашивая у генерала дальнѣйшихъ распоряженій. Турки между тѣмъ вышли изъ своихъ редутовъ и ложементовъ, составили ружья въ козлы и разгуливали взадъ и впередъ въ виду нашей цѣпи; нѣкоторые подходили къ самой цѣпи и угощали нашихъ солдатъ табакомъ и ракіей, изъявляя знаками радость о прекращеніи войны. Но когда наступила ночь съ 29-го на 30-е, они засвѣтили огромные яркіе костры по всей занимаемой ими линіи, оставили на виду у насъ небольшую цѣпь, и всѣми своими силами стали отступать ночью изъ Самокова на Баню и далѣе къ Адріанополю.

Гурко получилъ донесеніе обо всемъ этомъ 30 декабря въ Ихтиманѣ, гдѣ онъ остановился на ночлегъ по дорогѣ къ Трояновымъ Воротамъ, куда двигался вмѣстѣ съ колонной Шувалова. Генералъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе. «Преслѣдовать непріятеля, гнаться за нимъ по пятамъ, не дать ему уйти,» писалъ онъ генералу Вельяминову. Но Вельяминовъ самъ уже понялъ турецкую хитрость и, не дожидаясь приказаній Гурко, съ разсвѣтомъ 30 декабря побѣжалъ слѣдомъ за Турками на Баню; турецкій парламентеръ, присланный ген. Вельяминовымъ, остался въ свитѣ Гурко. Одновременно съ отступленіемъ изъ Самокова, Турки отступили и изъ Трояновыхъ Воротъ, направляясь по шоссе на Филиппополь и оттуда далѣе къ Адріанополю. Единственною ихъ цѣлью было успѣть въ цѣлости спастись отъ преслѣдованія ихъ генераломъ Гурко и отъ идущаго имъ наперерѣзъ къ Адріанополю ген. Скобелева. Чтобы задержать по возможности наше движеніе въ погоню за ними, Сулейманъ-паша продолжалъ посылать къ намъ парламентеровъ съ предложеніями о немедленномъ заключеніи перемирія. Вторымъ турецкимъ парламентеромъ былъ адъютантъ Сулейманъ-паши, Зеки-

бей, который прибылъ 30 же декабря въ Ихтиманъ и объявилъ генералу что Турки желаютъ вести переговоры о мирѣ и потому просятъ прекратить военныя дѣйствія. Этотъ второй парламентеръ оказался очень образованнымъ и весьма умнымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ старо-турецкой консервативной партіи. Пріѣхалъ онъ къ намъ предубѣжденный противъ Русскихъ, и первый день, проведенный съ нами, велъ себя крайне сдержанно, видимо взвѣшивая каждое свое слово. Но принятый нами радушно, очарованный добродушіемъ и привлекающею любезностью гвардейской свиты и ординарцевъ генерала Гурко, Зеки-бей сталъ на другой же день совсѣмъ инымъ въ обхожденіи съ нами. Онъ иначе не называлъ насъ какъ «мои дорогіе враги» (*mes chers ennemis*), и признался откровенно что единственная армія уцѣлѣвшая у Турокъ отъ разгрома, это нынѣ отступающая предъ нами на Адріанополь. Если этой арміи не удается благополучно добраться до Адріанополя, то у Турціи не останется ровно ничего подъ ружьемъ. «Мы спасаемъ нашу честь въ настоящую минуту», прибавилъ Зеки-бей, «чтобы встрѣтить переговоры о мирѣ имѣя въ Адріанополѣ хоть какую-нибудь армію.» Слова эти Зеки-бей подтверждалъ тѣмъ нервнымъ состояніемъ и испуганнымъ видомъ, который невольно принималъ каждый разъ когда раздавались впереди глухіе удары орудій или звуки ружейной пальбы. «Вы догоняете насъ,» говорилъ Зеки-бей, вслушиваясь тревожно въ даль при каждомъ грохотѣ пушки: «Но вамъ не догнать насъ; вы опоздали на цѣлыя сутки,» прибавлялъ онъ въ утѣшеніе себѣ. Гурко между тѣмъ усиливалъ марши своего отряда, предполагая не только догнать непріятеля, но перегнать его, забѣжать ему впередъ и стать поперекъ дороги. Отрядъ нашъ двигался черезъ Малые Балканы «*подобно вихрю*» со всею тяжелою артиллеріей и забиралъ въ плѣнъ попадавшихся на пути отсталыхъ Турокъ. Этихъ отсталыхъ было много. До Базарджика мы набрали до трехъ тысячъ человѣкъ плѣнныхъ. Только лѣнивый, можно сказать, не приводилъ плѣнныхъ къ Гурко. Въ Базарджикѣ даже одинъ полковой священникъ представилъ къ Гурко двухъ турецкихъ солдатъ, лично схваченныхъ имъ съ оружіемъ въ рукахъ. Случай этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ. Проходя по улицамъ Базарджика со 2-ю гвардейскою дивизіей (съ колонной Шувалова), священникъ зашелъ въ пустой домъ, чтобы на скорую руку развести тамъ огонь и напиться чаю. Пока кипятилась вода, священникъ замѣтилъ въ комнатѣ плотно притворенныя дверцы шкафа, вдѣланнаго въ стѣнѣ. Любопытствуя узнать нѣтъ ли чего въ этомъ шкафу съѣдобнаго, священникъ отворилъ дверцы и, къ ужасу своему, увидалъ Турка сидящаго въ шкафу съ ружьемъ въ рукахъ. Нѣсколько мгновеній оба, и священникъ и Турокъ, испуганно смотрѣли другъ на друга. Наконецъ Турокъ началъ первый: «Аманъ, аманъ!» сталъ восклицать онъ.

— Положи оружіе! проговорилъ тогда священникъ повелительнымъ голосомъ. «Аманъ, аманъ,» повторилъ Турокъ, самъ протягивая ружье священнику и сдаваясь военноплѣннымъ.

Въ комнатѣ находился другой шкафъ, подобный первому, и въ немъ также сидѣлъ спрятавшійся отъ русскаго преслѣдованія турецкій солдатъ, который тоже не замедлилъ положить оружіе предъ священникомъ и безусловно сдаться военноплѣннымъ.

Преслѣдуемый отрядомъ Гурко, непріятель отмѣчалъ между тѣмъ путь своего отступленія пожарами и кровью мирнаго христіанскаго населенія. Предъ нами впереди и по сторонамъ дороги стояли въ воздухѣ столбы чернаго дыма надъ пылающими деревнями и селами. На встрѣчу намъ выбѣгали обезумѣвшіе отъ страха Болгары и цѣловали руки генерала, называя его «благодѣтелемъ и спасителемъ ихъ.» Прикрывавшіе отступленіе турецкаго войска Черкесы и башибузуки свирѣпствовали на прощаніе по деревнямъ и рѣзали жителей. Между Базарджикомъ и Филиппополемъ драгуны наткнулись въ одномъ изъ селеній на процессію, состоявшую изъ ряда носилокъ, несомыхъ Болгарами съ плачемъ и воемъ. На носилкахъ лежали изуродованныя тѣла только-что зарѣзанныхъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей. Всего часъ тому назадъ изъ этого селенія ушли Черкесы.

Въ продолженіе всей дороги мы не теряли изъ виду отдалявшейся по мѣрѣ нашего приближенія турецкой кавалеріи и за нею темныхъ массъ поспѣшно отступавшаго турецкаго войска. Къ вечеру 3 января, мы уже настолько обогнали Самоковскій отрядъ Турокъ, что рѣшено было съ разсвѣтомъ 4-го приступить къ аттакѣ непріятеля. Для этого вечеромъ, 3 января, колонна Шувалова перешла въ бродъ рѣку Марицу, сдѣлавъ 27 часовъ пути безъ отдыха, лишь съ небольшими передышками въ полчаса и часъ. Первою перешла въ бродъ гвардейская стрѣлковая бригада: баталіонъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи и баталіонъ стрѣлковъ Его Величества, которые, послѣ 27 часовъ безостановочнаго движенія сначала по горамъ, затѣмъ по равнинѣ, продолжали движеніе, наконецъ, по горло въ водѣ, въ боевомъ порядкѣ сомкнутымъ строемъ, и перейдя рѣку, несмотря на морозъ и рѣзкій вѣтеръ, стали тотчасъ же на позиціи противъ непріятеля, и съ этой минуты непрерывно, въ теченіи трехъ сутокъ, дрались съ Турками!

Въ предыдущемъ письмѣ я сообщилъ уже вамъ въ общихъ чертахъ исторію трехдневнаго боя на правомъ берегу Марицы и гибель арміи Сулеймана, оставившей намъ 115 орудій и разсѣявшейся по дикимъ горамъ Родопскаго Балкана, въ ущельяхъ и высотахъ Деспото-дага.

Гибелью этой арміи завершается цѣлый періодъ дѣятельности отряда ген. Гурко. Непріятель, бывшій предъ нами съ самаго Горняго Дубняка въ Балканахъ и за Балканами, не существуетъ болѣе, разсѣянный, послѣдовательно уничтоженный длиннымъ рядомъ то кровавыхъ дѣлъ, то тяжелыхъ, но успѣшныхъ маневровъ въ горахъ, наконецъ послѣднимъ усиленнымъ преслѣдованіемъ его въ равнинѣ р. Марицы. Съ прибытіемъ въ Филиппополь отрядъ Гурко вступилъ уже въ соединеніе съ остальными силами русской арміи, перешедшими Балканы на Шипкѣ. Въ связи съ ними, Гурко двигается далѣе къ Адріанополю. Болгары, граждане Филиппополя, предложили обѣдъ генералу Гурко, на которомъ было провозглашено здоровье Государя Императора, Великаго Князя Главнокомандующаго, и затѣмъ одинъ изъ гражданъ предложилъ тостъ за генерала Гурко. Графъ Шуваловъ произнесъ послѣ этого тоста короткую рѣчь, въ которой сказалъ что безъ энергіи и настойчивости Гурко мы не сдѣлали бы того, что за-

вершили нынѣ, и быть-можетъ съ другимъ начальникомъ стояли бы и по сію минуту предъ твердынями Араба-Конака. «Проходя мысленно все что преодолѣла русская армія,» прибавилъ Шуваловъ обращаясь къ Гурко, «я говорю прямо что она преодолѣла невозможное, но я глубоко и искренно убѣжденъ что преодолѣла она всѣ трудности и препятствія только благодаря вашему высокопревосходительству, вашей настойчивой энергіи, благодаря тому что для васъ не существовало слова — невозможно. Позвольте же офицерамъ имѣвшимъ счастіе быть руководимыми вами на славные подвиги, поднять тостъ за ваше высокопревосходительство.» Гурко отвѣтилъ на это словами: «Вы привели меня въ смущеніе. Я ли виновникъ всего что достигнуто нами? Слушая васъ я подумалъ было что въ самомъ дѣлѣ я имѣю такое значеніе. Но я обратился къ своей совѣсти, и совѣсть моя говоритъ мнѣ что во всемъ этомъ я—ничтожество. Я — только счастливая случайность. Богъ помогъ намъ. Богъ былъ моею защитой въ теченіе всего прошлаго года; да, скажу по правдѣ, Богъ былъ моею защитой. Я же — только счастливая случайность. Мнѣ выпала на долю высокая честь—командовать русскою арміей, и всякій на моемъ мѣстѣ достигъ бы того же, что достигнуто теперь нами. Съ другою арміей ни я, ни кто не были бы здѣсь. Но съ русскими солдатами я намѣчалъ только путь; все дѣлали богатыри-солдаты. Да здравствуютъ русскіе солдаты!»

Русскіе въ Адріанополѣ. *)

11 января, Гурко выступилъ изъ Филиппополя къ Адріанополю, уже занятому наканунѣ войсками отряда генерала Скобелева. Многочисленная армія Сулейманъ-паши, долженствовавшая встрѣтить насъ подъ стѣнами Адріанополя, не существовала болѣе, разсѣянная, уничтоженная еще въ окрестностяхъ Филиппополя войсками нашего отряда. Ничтожный гарнизонъ турецкаго войска находившійся въ Адріанополѣ, не могъ представить сопротивленія, да и не хотѣлъ сопротивляться; онъ покинулъ городъ немедля, едва только дошла до него вѣсть о гибели арміи Сулейманъ-паши. Вмѣстѣ съ гарнизономъ уѣхали въ Константинополь по желѣзной дорогѣ и всѣ турецкія гражданскія власти, оставивъ городъ на произволъ судьбы. Все это произошло 6 января. 8 января приблизился къ Адріанополю авангардъ отряда генерала Скобелева, двигавшагося прямою дорогой къ Адріанополю изъ Ески-Загры на Германлы; авангардъ былъ встрѣченъ въ окрестностяхъ Адріанополя депутаціей гражданъ города, состоявшею изъ представителей четырехъ національностей: греческой, болгарской, армянской и еврейской. Депутація привѣтствовала Русскихъ и призывала ихъ поспѣшить вступленіемъ въ покинутый турецкими властями городъ, для скорѣйшаго водворенія въ немъ русской власти и порядка. 10 января въ Адріанополь вошелъ ген. Скобелевъ и занялъ городъ войсками своего отряда. 14 января предполагалъ прибыть въ Адріанополь изъ Ески-Загры Великій Князь Главнокомандующій со своимъ штабомъ.

---

*) Изъ корреспонденціи „въ Москов. Вѣд." князя Льва Шаховскаго.

Гурко спѣшилъ изъ Филиппополя въ Адріаполь, чтобы пріѣхать раньше Великаго Князя и встрѣтить Его Высочество въ древней столицѣ Турціи. Мы выступили изъ Филиппополя 11 января, и выйдя изъ лабиринта узкихъ улицъ Филиппополя, снова очутились на просторѣ. Голубоватыя цѣпи горъ потянулись вдали, увѣнчанныя на вершинѣ снѣгомъ. По равнинѣ струились и бѣжали со всѣхъ сторонъ ручьи, бурлилъ иногда потокъ съ бѣлою пѣной, кидаясь къ Марицѣ. Почва была мягкая, влажная, мѣстами на ней еще лежалъ снѣгъ, но въ холодномъ вѣтрѣ уже чувствовались по временамъ теплыя теченія воздуха. Природа находилась въ томъ переходномъ состояніи отъ зимы къ веснѣ, въ какомъ бываетъ въ Россіи пора таянія снѣга. На небѣ, по утрамъ и къ вечеру, нѣжныя краски; деревья еще голыя, но съ сизоватымъ отливомъ; повсюду шумъ воды, сѣрая топкая земля; въ мѣстахъ прикрытыхъ тѣнью затвердѣлый снѣгъ.

Непріятеля уже не было болѣе предъ нами, но во всю длину дороги не покидали насъ еще свѣжіе слѣды войны, картины одна ужаснѣе другой; непрерывныя картины бѣдствія и разоренія сопровождали насъ на 150 слишкомъ верстъ пути отъ Филиппополя до Адріанополя. На этотъ разъ то были не картины поля сраженія, къ которому невольно привыкъ уже глазъ и чувство притупилось. Тутъ на дорогѣ и по сторонамъ ея лежали на каждомъ шагу яркіе свидѣтели иного, болѣе разнообразнаго страданія.

Настоящая война замѣчательна въ особенности поголовнымъ исчезновеніемъ съ лица Болгаріи мусульманскаго населенія, которое бѣжало отовсюду, куда только приближались русскія войска. Сознаніе ли того что пришелъ конецъ господству мусульманъ на Балканскомъ полуостровѣ, или же чувство виновности въ злодѣяніяхъ прошлаго года и страхъ мести Болгаръ руководили населеніемъ Турціи? Но грозная судьба стряслась надъ Востокомъ въ настоящую войну, судьба, которой мы были только посторонними зрителями. Мы пришли въ Болгарію воевать съ турецкимъ войскомъ и застали выселеніе цѣлаго народа. Пока еще длилась война и турки задерживали у Плевны наступательное движеніе русской арміи, жители городовъ и деревень выселялись постепенно, имѣя время собраться въ путь, отобрать вооруженною рукой у Болгаръ все что имъ было нужно на дорогу и подвигаться не спѣша на югъ. Но когда, послѣ паденія Плевны, военныя событія послѣдовали одно за другимъ съ неожиданною, неимовѣрною быстротой, когда Гурко съ одной стороны въ 6 дней изъ-подъ Софіи очутился у Филиппополя, а Скобелевъ съ другой быстро шелъ прямо на Адріанополь, все не успѣвшее уйти мирное населеніе, собравшееся массами въ Филиппополѣ и по дорогѣ къ Адріанополю, было застигнуто этими событіями врасплохъ. Болѣе или менѣе правильное выселеніе превратилось внезапно въ паническое, безпорядочное бѣгство. Слѣды этого бѣгства мы увидѣли впервые по выходѣ изъ Филиппополя по пути къ Адріанополю. Весь этотъ путь буквально усѣянъ трупами стариковъ, женщинъ, грудныхъ дѣтей, падалью буйволовъ, воловъ, собакъ и лошадей, тысячами брошенныхъ телѣгъ, грудами всякаго рода имущества. Мы двигались цѣлые часы по шоссе по затоптаннымъ въ грязь коврамъ, одѣяламъ, подушкамъ; копыта нашихъ лошадей то и дѣло натыкались

на трупы то старика мусульманина съ чалмой на головѣ, съ сѣдой бородой, обрамлявшею благообразное худое лицо съ патріархальнымъ видомъ, то на трупъ женщины лежавшей ничкомъ, закутавшейся въ разноцвѣтныя ткани, то на трупъ младенца въ одной рубашечкѣ. Близь Хаскіоя, въ одномъ мѣстѣ картина этого бѣдствія приняла грандіозные размѣры. Тутъ все валявшееся на землѣ можно было считать тысячами. Все пространство, доступное взору, было усыпано пестрыми красками, сливавшимися въ одинъ сѣроватый оттѣнокъ. Словно сама земля тутъ взошла какимъ-то особымъ посѣвомъ.

По разказамъ, этотъ громадный обозъ, голова котораго приходилась въ Константинополѣ а хвостъ только еще выходилъ изъ Филиппополя, двигался по шоссе подъ прикрытіемъ небольшаго числа черкесовъ и нѣсколькихъ ротъ турецкой пѣхоты. Наша кавалерія, державшая разъѣзды уже съ 4 января за Филиппополемъ, натолкнулась на этотъ обозъ и своимъ появленіемъ въ тылу у него и по сторонамъ довершила тотъ паническій страхъ, съ которымъ стремились мусульмане къ Константинополю. Завидѣвъ русскую кавалерію, часть переселенцевъ бросилась отъ обоза бѣжать въ горы и разсыпалась по равнинѣ; женщины кидали своихъ дѣтей чтобъ облегчить собственное бѣгство; другая часть переселенцевъ осталась при обозѣ. Черкесы и турецкая пѣхота открыли огонь по нашей кавалеріи; вооруженные мусульмане также приняли участіе въ перестрѣлкѣ. Наша кавалерія въ свою очередь отвѣчала на огонь черкесовъ и турокъ. Завязалось дѣло у обоза, кончившееся поспѣшнымъ бѣгствомъ Черкесовъ, турецкой пѣхоты и всѣхъ способныхъ бѣжать переселенцевъ. Но въ этомъ дѣлѣ много мусульманъ, женщинъ и дѣтей было ранено и убито; потери нашей кавалеріи простирались до 40 человѣкъ. Въ обозѣ остались кромѣ того слабые, больные, старики и грудныя дѣти, неспособныя двигаться. Ночи 4 и 5 января были холодныя, морозныя, и множество этихъ переселенцевъ оставшихся по слабости и болѣзни на дорогѣ среди разломанныхъ телѣгъ и убитыхъ воловъ, закоченѣли у обоза или умерли отъ голода. Этимъ и объясняется та масса труповъ, которую мы видѣли на нашемъ пути отъ Филиппополя къ Адріанополю. Кромѣ того, почти одновременно съ появленіемъ нашей кавалеріи за Филиппополемъ, показались у Германлы первые всадники авангарда генерала Скобелева, и тотъ же самый обозъ былъ застигнутъ на другомъ концѣ паническимъ страхомъ и брошенъ переселенцами, бѣжавшими въ разныя стороны.

Какъ бы то ни было, одна и та же раздражающая картина смерти и разоренія тянулась непрерывно на 150 верстъ пути, и чѣмъ далѣе подвигались мы къ Адріанополю, тѣмъ живѣе и ярче становились слѣды той неумолимой судьбы которая обрушилась нынѣ на мусульманское населеніе. Стали попадаться на пути, между мертвыми, и живые еще переселенцы, отставшіе отъ своихъ семействъ. Вотъ женщина крѣпко обвившая руками телеграфный столбъ и плотно прижавшаяся къ нему; она еще дышетъ. Мы предлагаемъ ей хлѣба и вина. Она напрягаетъ послѣднія силы чтобы спрятать поглубже въ фату свое лицо, и съ усиліемъ отрываетъ руку отъ столба чтобъ отмахнуться отъ нашего хлѣба и вина. Она всецѣло отдалась судьбѣ и къ завтрему умретъ отъ

голода или закоченѣетъ въ ночь у телеграфнаго столба. Тамъ, далѣе, мы видимъ среди труповъ, разломанныхъ телѣгъ, лошадиной падали, мальчугана лѣтъ трехъ или четырехъ. Онъ сидитъ одиноко, поджавъ ноги, и наклонился надъ остатками потухающаго костра; тутъ же около костра валяется трупъ старика въ чалмѣ; тощая собака обнюхиваетъ трупъ. Казакъ-Кубанецъ подъѣзжаетъ къ мальчугану и, не спрашивая его согласія, беретъ его къ себѣ на сѣдло, завертываетъ въ бурку отъ холода и продолжаетъ путь. Наши казаки подобрали много брошенныхъ на дорогѣ малыхъ дѣтей. Принцъ Ольденбургскій нагрузилъ санитарныя фуры и обозы своей бригады сотнею подобранныхъ на пути старцевъ, дѣтей у женщинъ. Но эти голодные и умирающіе на дорогѣ мусульмане сами ни единымъ знакомъ, ни единымъ взглядомъ не молятъ о помощи и не ищутъ состраданія. Вчера они были тутъ господами, сегодня устилаютъ здѣсь путь своими трупами; но спокойно, безъ ропота, отдаются они постигающему ихъ року.

Мы видимъ по временамъ партіи Болгаръ, шныряющихъ между разломанными телѣгами. Болгары роются въ брошенномъ турецкомъ имуществѣ, выбираютъ себѣ годные куски: тащутъ одѣяла, посуду, одежды и навьючиваютъ этимъ добромъ воловъ и лошадей; увозятъ уцѣлѣвшія телѣги. Минутами насъ возмущаетъ эта картина. Мы подъѣзжаемъ къ Болгарамъ съ угрозой, приказываемъ бросить награбленныя вещи. Но Болгаринъ, всегда застѣнчивый и пугливый, обнаруживаетъ внезапно энергію, увѣренность. «То мое!» отвѣчаетъ онъ твердо на наше приказаніе, «то отняли у меня турки.»

Еще далѣе по дорогѣ попадаются цѣлыя группы еле передвигающихъ ноги старцевъ, женщинъ съ грудными дѣтьми за спиной; они дѣлаютъ пять шаговъ впередъ и присаживаются въ изнеможеніи на землю. Еще далѣе группы становятся многочисленнѣе: все восточные типы, пестрые цвѣта, все усталыя, убитыя лица. Разбѣжавшись въ первую минуту нашего появленія за Филиппополемъ, они мало-по-малу собираются снова близь Адріанополя и выходятъ на дорогу, чтобы продолжать свой путь на Истамбулъ. За Германлы мы нагоняемъ уже цѣлый движущійся обозъ: арбы и телѣги скрипятъ, въ нихъ лежатъ больные и слабые; остальное идетъ по бокамъ, пѣшкомъ, женщины отворачиваются отъ насъ прячутъ свои лица въ фатѣ или просто обращаются къ намъ спиной. Чѣмъ дальше, тѣмъ обозъ становится многочисленнѣе: арбы двигаются въ четыре, пять и шесть рядовъ подъ рядъ, народу идутъ массы, словно рѣка колыхающаяся разноцвѣтными, пестрыми волнами. Эта рѣка течетъ не обращая на насъ вниманія, занятая лишь своимъ собственнымъ теченіемъ, не смѣшиваясь съ нами, не обращаясь къ намъ. Это—переселеніе народа, нечаянно застигнутое нами. Оно продолжаетъ на глазахъ у насъ свое отдѣльное теченіе. Его волны уже нахлынули въ Константинополь. Дальнѣйшій ихъ путь еще неизвѣстенъ. Мы застали на своей дорогѣ только слѣды этого отлива мусульманскаго міра изъ его прежняго ложа.

Гурко прибылъ 12 января въ Германлы, гдѣ остановился на ночлегъ. Отъ Филиппополя до Германлы турки сожгли всѣ мосты на желѣзной дорогѣ, и

поѣзда могутъ двигаться къ Адріанополю только начиная съ Германлы. На станціи желѣзной дороги оказалось нѣсколько вагоновъ и локомотивовъ, и 13-го Гурко продолжалъ путь къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ. Послѣ многихъ дней, проведенныхъ на просторѣ и непрерывной верховой ѣзды, вагонъ кажется намъ тѣснымъ и душнымъ ящикомъ, въ которомъ насъ заперли на нѣсколько часовъ. Изъ оконъ вагона мы видимъ съ одной стороны холмистую мѣстность, переходящую вдали въ высокія горы, съ другой тянется влажная низменность, поросшая рощами кипарисовыхъ деревьевъ. По ней шумитъ Марица зеленоватыми волнами, то пропадая за деревьями, то вновь выходя на просторъ. День стоитъ солнечный, теплый. На всемъ лежитъ золотистый блескъ. Мелькаютъ на шоссе фуры, зарядные ящики, орудія, обозы, казачьи сотни, солдаты идущіе въ колоннахъ по-ротно, по-баталіонно, съ ружьями на плечахъ, словно движутся правильные, сѣрые квадраты, ощетинившіеся тысячами штыковъ. У полотна желѣзной дороги течетъ все та же тѣсно сплоченная, пестрая масса переселенцевъ. Вотъ промелькнули грозныя укрѣпленія, возведенныя турками на естественныхъ и искусственно насыпанныхъ холмахъ. Раздаются звуки военной музыки, барабанный бой. Почетный караулъ на станціи отдаетъ честь подъѣзжающему генералу Гурко. Поѣздъ остановился.

Генералъ Скобелевъ встрѣчаетъ Гурко на станціи; они обмѣниваются привѣтствіемъ, и мы направляемся всѣ черезъ минуту верхомъ въ городъ. До города три-четыре версты. Мечеть «султанъ Селимъ» высится своими четырьмя минаретами и подавляетъ своею громадой остальныя постройки. Вотъ и узкія улицы, и дома съ навѣсами. Толпа любопытныхъ смѣшанной національности: Грековъ, Болгаръ, Армянъ, Евреевъ, нѣсколько Турокъ, наполняетъ улицы, раздвигается и тѣснится чтобы дать дорогу. Изъ оконъ выглядываютъ женщины. Всѣ смотрятъ на Гурко. «Гурко, Гурко,» слышится постоянно въ толпѣ. Гурко останавливается на минуту, чтобы выслушать привѣтствіе и короткую молитву произносимую то болгарскимъ епископомъ, то армянскимъ, то еврейскимъ раввиномъ, наконецъ греческимъ митрополитомъ Діонисіемъ. Этотъ Діонисій, извѣстный туркофилъ, благословившій не такъ давно турецкія войска, шедшія на войну съ Сербіей, теперь благословляетъ насъ.

Адріанополь былъ занятъ отрядомъ ген. Скобелева безъ выстрѣла, хотя турки и приготовили вокругъ Адріанополя 72 укрѣпленныя позиціи для встрѣчи Русскихъ перекрестнымъ огнемъ. Эти позиціи были разчитаны на помѣщеніе въ нихъ 150 тысячной арміи, но армія эта, какъ извѣстно, не дошла до Адріанополя. Часть ея положила оружіе на Шипкѣ, часть уничтожилъ Гурко у Филиппополя. Небольшой гарнизонъ Адріанополя, въ шесть тысячъ человѣкъ солдатъ, покинулъ городъ 6 января, едва только услыхалъ о пораженіи Весселя и Сулеймана пашей. Вали адріанопольскій, Джемиль-паша, со всѣми гражданскими властями уѣхалъ въ Константинополь тоже 6 января, вечеромъ. Гарнизонъ и власти скрылись изъ Адріанополя до того поспѣшно, что бросили на станціи желѣзной дороги 26 орудій, воображая что Русскіе уже близко и что орудія не поспѣютъ увезти. По отъѣздѣ властей, городъ остался на попеченіи

иностранныхъ консуловъ. Въ городѣ началась тревога. Никто изъ жителей не проводилъ ночи спокойно у себя дома. Хотя пять шестыхъ мусульманскаго населенія и покинули Адріанополь, въ городѣ еще оставались вооруженные мусульмане; множество переселенцевъ проходили мимо города, могли ворваться въ городъ черкесы и баши-бузуки. Джемиль-паша оставилъ, по требованію консуловъ, 72 солдата для охраненія Адріанополя. Эти солдаты держали патрули въ городѣ, но ихъ было слишкомъ мало. Жители вооружались сами и проводили тревожные часы въ страхѣ возможнаго нашествія баши-бузуковъ и черкесовъ. Русскихъ они ждали съ нетерпѣніемъ и рѣшили выслать депутацію на встрѣчу Русскимъ. Депутація эта дошла до мѣстечка Мустафа паша, куда вступала въ то время кавалерія подъ начальствомъ генерала Струкова, составлявшая авангардъ отряда Скобелева. Депутація поднесла Струкову хлѣбъ-соль и ключи, какъ символъ сдачи Адріанополя, и просила Струкова поспѣшить занятіемъ города,—Это было 8 января. 10-го вошелъ въ городъ Скобелевъ; 13-го пріѣхалъ Гурко.

14 января, въ Адріанополь прибылъ Его Высочество Великій Князь Главнокомандующій и совершилъ свое вступленіе въ древнѣйшую столицу Турціи.

Станція желѣзной дороги разукрашена флагами. Блестящіе мундиры военныхъ тѣснятся на платформѣ. Великій Князь выходитъ изъ вагона, здоровается, обнимаетъ Гурко и Нагловскаго. Говоритъ тому, другому привѣтливыя слова. Садится верхомъ. По всей дорогѣ шпалерами выстроены войска. *Ура* гремитъ и перекатывается по всей линіи войскъ, сливаясь съ барабаннымъ боемъ и звуками военной музыки. Въ воздухѣ стоитъ цѣлый хоръ оглушающихъ звуковъ *ура*, барабанный бой и музыка сопровождаютъ Великаго Князя всю дорогу до города. У входа въ городъ воздвигнута тріумфальная арка изъ мирта и лавра; на ея верху, окаймленный лавровымъ вѣнкомъ, портретъ Государя Императора. Развѣваются хоругви; блестятъ иконы и кресты, ризы духовенства. Звучитъ церковное пѣніе. Женщины поднимаютъ на рукахъ дѣтей протягивающихъ маленькими ручонками букеты цвѣтовъ побѣдителю. Улицы Адріанополя затоплены народомъ. Балконы и окна домовъ разукрашены флагами, переполнены женщинами. Оттуда сыплется цѣлый дождь зеленыхъ вѣтокъ лавра и мирта. Красивая, стройная фигура Великаго Князя двигается одна впереди, надъ шумящею и гудящею толпой. За Великимъ Княземъ плотнымъ строемъ подвигаются блестящіе мундиры военныхъ, среди тѣсно столпившихся по сторонамъ красныхъ фесокъ, тюрбановъ, восточныхъ лицъ, тысячъ народа махающаго платками, шапками, кричащаго привѣтствія каждый на своемъ языкѣ.

Бой у Костендиля 13 января.

12 января, турецкій отрядъ изъ трехъ таборовъ съ полкомъ кавалеріи и тремя орудіями подошелъ отъ Эгри-Паланки и занялъ Костендиль, оттѣснивъ эскадронъ Харьковскихъ уланъ. который отошелъ къ Радоміру, потерявъ одного уби-

114

таго и одного раненаго. Софійскій губернаторъ, генералъ Арнольди, на другой же день послалъ въ Радоміръ свиты Его Величества генералъ-маіора барона Мейендорфа съ однимъ баталіономъ Измайловцевъ, двумя баталіонами Лейбъ-Егерей, четырьмя орудіями баттареи первой артиллерійской бригады и 8-ю конную баттарею съ дивизіономъ Харьковскихъ уланъ.

16 января, уланскіе разъѣзды отбросили передовые посты непріятеля за Струму, а Измайловскій баталіонъ, послѣ сорокаверстнаго труднаго горнаго перехода, занялъ мостъ Бродъ, на рѣкѣ Струмѣ, у Копева, и прикрылъ переправу ложементами.

17 января, генералъ-маіоръ баронъ Мейендорфъ направилъ Измайловскій баталіонъ съ тремя конными орудіями и взводомъ уланъ въ обходъ черезъ Скинычму и Лозну, чтобъ отрѣзать путь отступленія изъ Костендиля въ Эгри-Паланку. Остальную кавалерію послалъ на Дубицкое шоссе для атаки турецкаго праваго фланга, а съ прочими войсками намѣревался аттаковать съ фронта одновременно съ обходными колоннами, но получилъ донесеніе командира Измайловскаго баталіона, флигель-адъютанта Кришевицкаго, что обходъ можетъ окончиться только вечеромъ, и видя что Турки увозятъ артиллерію, слѣдовательно собираются отступать, генералъ-маіоръ баронъ Мейендорфъ въ четыре часа приказалъ первому баталіону Лейбъ-Егерей съ 8-ю конною баттареей аттаковать Костендиль съ фронта, а дивизіону Харьковскихъ уланъ — правый флангъ Турокъ. Это было исполнено быстро и отлично. Мѣткій огонь конной баттареи подполковника Кобелецкаго и 1-го баталіона Лейбъ-Егерей, въ связи съ быстрымъ наступленіемъ уланъ на флангъ, заставилъ Турокъ начать отступленіе отъ передовыхъ ложементовъ къ Костендилю. Уланы, подъ личнымъ начальствомъ полковаго командира полковника Эртеля, стремительно аттаковали Турокъ и вмѣстѣ съ ними ворвались въ Костендиль. Въ то же время ворвался въ городъ, по пятамъ непріятеля, первымъ капитанъ Базилевскій съ однимъ баталіономъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка и штыками выбилъ Турокъ изъ домовъ. Непріятель бѣжалъ, оставивъ одно знамя, одинъ значокъ, около 150 тѣлъ и до 100 плѣнныхъ. Уланы преслѣдовали Турокъ на Эгри-Паланку, пока не получили приказанія остановиться, вслѣдствіе наступившей темноты. Наша потеря ничтожна. Убитъ: одинъ уланъ, ранено девять человѣкъ, въ томъ числѣ пять уланъ, трое лейбъ-егерей и одинъ артиллеристъ.

Въ часъ пополуночи прибылъ сюда турецкій уполномоченный Савфетъ-паша.

*) *Тифлисъ*, 2 февраля. *Офиціально.* 22 января, утромъ, отрядъ генерала Комарова, до извѣстія о перемиріи, атаковалъ непріятеля у Тальгома и послѣ упорнаго боя успѣлъ достигнуть значительныхъ успѣховъ. Прибытіе вечеромъ турецкаго парламентера съ извѣстіемъ о перемиріи прекратило дѣйствія. Полученное ночью приказаніе Его Высочества о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій застало отрядъ въ Тальгомѣ. Нашихъ убито. подпоручикъ Ставропольскаго полка Косякинъ, 7 нижнихъ чиновъ; ранены: одинъ офицеръ и 64 нижнихъ чина.

---

*) Чрезъ Международное Телеграфное Агентство.

Занятіе Гіурмурджина 25 января 1878 г.

25 января, также еще до полученія извѣстія о перемиріи, генералъ Чернозубовъ съ Казанскимъ драгунскимъ и 30-мъ Донскимъ полками занялъ Гіурмурджину на берегу Эгейскаго моря, въ то время, когда въ сосѣднемъ портѣ Карагачѣ садились на суда остатки арміи Сулеймана. Подполковникъ генеральнаго штаба Сухомлиновъ, съ трубачемъ и двумя казаками, въѣхалъ въ Гіурмурджину и потребовалъ отъ каймакама сдачи города еще тогда, когда на дворѣ каймакана стояло около полусотни кавалеристовъ конвоя Сулеймана. Каймакамъ, пораженный неожиданнымъ появленіемъ нашего офицера, безпрекословно покорился, а турецкіе всадники ускакали въ Карагачъ. Отрядъ нашъ занималъ Гіурмурджину около 24 часовъ, а затѣмъ получилъ черезъ Галлиполи и Константинополь телеграмму генерала Шиптникова изъ Чорлу о перемиріи и отошелъ за демаркаціонную линію въ Местанлы. Самъ Сулейманъ-паша находился въ то время въ Галлиполи. Посланные въ Черногорію, для проведенія демаркаціонной линіи, полковникъ генеральнаго штаба баронъ Каульбарсъ 1-й и ординарецъ поручикъ князь Платонъ Оболенскій проѣхали туда черезъ Константинополь, гдѣ были встрѣчены чрезвычайно привѣтливо какъ турецкими офицерами и властями, такъ и населеніемъ. На станцію за ними прислали придворные экипажи, имъ показывали городъ, и они катались по Босфору на каикѣ военнаго министра.

27 января они выѣхали изъ Константинополя въ Рагубино на пароходѣ вмѣстѣ съ назначенными для проведенія демаркаціонной линіи турецкими офицерами.

Бой 18 января въ долинѣ Кинтриши. *)

Долина Кинтриши — Ріонская долина въ миніатюрѣ. Рѣка Кинтриши, какъ и всѣ горные потоки, имѣетъ весьма быстрое теченіе. Приближаясь къ морю, она дѣлаетъ большіе повороты и изгибы и имѣетъ параллельное съ Ріономъ теченіе съ востока на западъ. Къ лѣвой сторонѣ рѣки подходятъ подъ косыми углами весьма короткіе отроги Аджарскаго хребта и оканчиваются у самой рѣки почти отвѣсными обрывами; только ниже Хуцубани, между рѣкой и обрывами, собственно говоря въ прогалинахъ образованныхъ сильными изгибами рѣки, тянется узкою лентой долина.

Наканунѣ страшной аттаки 16 января, генералъ Комаровъ раздѣлилъ свои силы, въ числѣ $14^1/_2$ баталіоновъ съ 36-ю орудіями, на три части. Лѣвою колонной командовалъ генералъ-маіоръ Шелеметьевъ. Онъ со своими войсками, въ составѣ $5^3/_4$ баталіоновъ и восьми орудій, долженъ былъ собраться, въ пять часовъ утра, 18 января, на правомъ берегу Кинтриши, быстро переправиться черезъ рѣку, оттѣснивъ передовыя цѣпи Турокъ, ударить на Столовую Гору

*) Изъ корреспонденціи „Голоса“.

слѣва. Въ это же самое время центральная колонна генерала Деннбегова, въ составѣ $5^1/_2$ баталіоновъ и двадцати орудій, должна была перейти Кинтриши и ударить справа и съ центра на Столовую Гору и на Квирике. Начальникъ же правой колонны, генералъ Шаликовъ, долженъ былъ остаться на правомъ берегу Кинтриши, занявъ своими силами, въ размѣрѣ трехъ баталіоновъ и восьми орудій, оконечности холмовъ Хуцубанскихъ Горъ, ближе къ морю, и долженъ былъ демонстрировать со стороны Цихидзири, охраняя въ то же время нашъ правый флангъ отъ обходнаго движенія со стороны Кобулетъ.

Была половина шестаго часа утра когда раздался первый выстрѣлъ на Самебскихъ высотахъ. Генералъ Шелеметьевъ началъ гнать турокъ съ одной балки на другую и почти въ полчаса занялъ всю Самебу. Наши 9 фунтовыя орудія пристрѣлялись; отъ гранаты загорѣлась даже одна сакля на Самебской высотѣ, откуда турки особенно жестоко обстрѣливали нашу наступающую лѣвую колонну. Въ этотъ моментъ мы узнали что въ теченіе всей ночи войска тащились по трущобамъ, и все-таки болѣе четырехъ орудій нельзя было втащить на баттарею правой колонны. Было около восьми часовъ, когда огонь съ турецкихъ крытыхъ траншей на Столовой Горѣ сталъ особенно жестокъ. Командующій отрядомъ приказалъ Деннбегову поспѣшить переправой черезъ рѣку и поддержать лѣвую колонну. Деннбеговъ пустилъ свои войска со свойственною ему стремительностью и, еще не переправившись черезъ рѣку, заставилъ ихъ огласить воздухъ криками *ура*.

— Слишкомъ рано *ура*, проговорилъ генералъ Комаровъ, и лицо его подернулось нѣсколько непріятно.

Дѣйствительно, эти крики были роковыми для колонны Деннбегова. Войска бросились черезъ рѣку, которая пришлась выше пояса. Снѣгъ стаялъ, и рѣка оказалась въ разливѣ; солдаты, отъ сильнаго теченія не имѣя возможности держаться на ногахъ, стали поддерживать другъ друга и такъ переходить на слѣдующій берегъ. Часть колонны, переправившись, оставалась на равнинѣ безо всякаго прикрытія; другая же часть достигла острова и, подъ жестокимъ огнемъ непріятеля, такъ и застряла тамъ. Вотъ тутъ то и начали нашихъ жарить съ ярусныхъ траншей, устроенныхъ на высотахъ Квирике и Столовой Горы. Закатальцы выдерживали здѣсь въ теченіе битыхъ $1^1/_2$ часа убійственный огонь непріятеля. Наконецъ, передовыя части колонны кое-какъ перебѣжали открытую поляну и собрались у подошвы Столовой Горы. Стрѣлки, пластуны и двѣ роты Закатальцевъ успѣли залечь у подошвы горы; часть ихъ пробралась даже за Кинтриши. Тамъ они подверглись еще болѣе убійственному отвѣсному и перекрестному огню съ двухъ высотъ. Наши стрѣлки засѣли въ рѣчку Кинтриши, чтобы найти какое-нибудь прикрытіе у болѣе возвышеннаго лѣваго берега. Такимъ образомъ они отстрѣливались долго, помѣстивъ головы ниже лѣваго берега рѣчки и засѣвъ въ воду по грудь. Чуть кто-нибудь поднималъ голову выше берега, тотчасъ былъ поражаемъ непріятельскою пулей.

На правомъ флангѣ стояла полубатарея полковника Шаврова. Она стрѣляла мѣтко. Выстрѣлы ея ложились почти всѣ въ нижній ярусъ ложементовъ Кви-

рике, такъ что турки принуждены были вскорѣ оставить его и быстро перебѣжали въ верхній ярусъ. Непріятельская баттарея на высотахъ Квирике замѣтила это и начала обстрѣливать Шавровскую баттарею. Она пристрѣлялась очень скоро. Изъ трехъ выстрѣловъ, два непремѣнно ложились или на брустверъ или въ самый редутъ. Въ это время пріѣзжаетъ начальникъ штаба, г. Казбекъ, и объявляетъ что генералъ Деникеговъ не имѣетъ возможности двинуться впередъ, что генералъ Шелеметьевъ смертельно раненъ. Настала критическая минута.

Командующій войсками поскакалъ быстро на Хуцубани, захватилъ первый баталіонъ Ленкоранскаго полка, двѣ сотни Грузинской дружины и отправился съ ними на подмогу лѣвой колоннѣ и центру. Когда мы переправлялись черезъ Кинтриши, пули сыпались вокругъ какъ крупный дождь. Мы подъѣхали къ подошвѣ Самебскихъ высотъ и подождали тамъ, пока собрались всѣ части резерва.

Въ это время явился къ намъ генералъ Денибеговъ, нѣсколько разстроенный, со своимъ адъютантомъ.

Вскорѣ въ свитѣ Комарова пронеслось извѣстіе что генералъ Шаликовъ тоже раненъ.

— Нѣтъ возможности штурмовать высоты Квирике, замѣтилъ Денибеговъ.

— Генералъ, ведите колонну, сказалъ съ нетерпѣніемъ Комаровъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ поручилъ начальнику штаба, г. Казбеку, отправиться на правый флангъ, и если Шаликовъ дѣйствительно раненъ, принять начальство надъ правою колонной, отступить къ аулу гдѣ была баттарея Шаврова, и расположиться тамъ.

Я послѣдовалъ за начальникомъ штаба. Только что мы прибыли въ аулъ, показался и генералъ Шаликовъ со своими войсками. Оказалось что подъ нимъ убили лошадь.

Былъ полдень. Вдругъ Закатальцы являются въ безпорядкѣ, крича что турки наступаютъ. Дѣйствительно, турки настолько пріободрились, что стали спускаться съ горъ по ту сторону Кинтриши. Генералъ Шаликовъ быстро расположилъ войска и сталъ въ оборонительную позицію; начальникъ штаба отправился на горку, откуда жарила девятифунтовая баттарея. Онъ остался тамъ, чтобы лучше слѣдить за общимъ ходомъ битвы. Стоя тутъ же на пригоркѣ, я наблюдалъ издали какъ Комаровъ распоряжался, чтобъ установить нѣкоторую связь между лѣвою колонной и частями войскъ центральной колонны на Столовой Горѣ. Онъ лѣзъ впередъ и подставлялъ себя подъ ужасный огонь съ противоположныхъ траншей. Онъ хотѣлъ утвердиться окончательно на Столовой Горѣ: но не было никакой возможности это исполнить съ тѣми силами, какія имѣлись у него подъ рукой. Къ туркамъ стали подходить постепенно подкрѣпленія. Они открыли съ господствующихъ высотъ такой огонь, что ружейная пальба походила простона-просто на бой въ барабанъ. Съ другой стороны, три броненосца и одинъ фрегатъ открыли по нашимъ войскамъ фланкирующій огонь 7-ми пудовыми зарядами. Изъ баталіона стрѣлковъ выбыла половина людей, пластунскій баталіонъ лишился трети своихъ людей, Закатальцы также были побиты порядкомъ...

Не было возможности держаться долѣе. Подали сигналъ къ отступленію. Начальникъ штаба, г. Казбекъ, какъ только замѣтилъ что наши отступаютъ, приказалъ производить выстрѣлы изъ девятифунтовой баттареи залпами.

Турки, увидѣвъ что наши дали тылъ, пріободрились. Они усилили ружейный огонь, стали быстро огибать высоты и обстрѣливать насъ съ трехъ сторонъ. При отступленіи приходилось идти по крутому и скользкому спуску. Нечего было и думать объ отстрѣливаніи. Особенно много погибло при обратной переправѣ черезъ рѣку. Турки перебили даже нашихъ санитаровъ, такъ что масса раненыхъ осталась на томъ берегу неубранною. Ихъ крики: «Братцы, не оставляйте насъ, лучше добейте насъ», раздирали душу. Въ три часа кончилась битва.

Въ тотъ день, не знаю почему, не былъ высланъ парламентеръ съ бѣлымъ флагомъ, чтобъ устроить переговоры объ уборкѣ раненыхъ, оставшихся на томъ берегу. Нашъ парламентеръ выѣхалъ на другой день, въ 9 часовъ, и вскорѣ затѣмъ начали убирать раненыхъ; турки подвозили ихъ къ самому берегу. Они, между прочимъ, объявили что тѣхъ изъ нашихъ раненыхъ, которые остались въ траншеяхъ, они будто бы сами перевязали и отправили въ Батумъ, за исключеніемъ лежавшихъ на поляхъ. Они не убрали ихъ потому будто бы, что боялись выстрѣловъ съ нашей стороны. Сегодня третій день, но уборка раненыхъ все еще продолжается. Большая часть изъ нихъ достались намъ мертвыми!

Протоколъ о принятіи предварительнаго мира и условій перемирія, отъ 19 января 1878 г.

5 февраля. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатанъ протоколъ о принятіи предварительныхъ основаній мира и условій перемирія. Вслѣдствіе затруднительности сообщеній документы эти были доставлены Государю Императору только 3 февраля. Вотъ нѣкоторыя подробности подписанія ихъ: Турецкіе уполномоченные, не получивъ 18 января отвѣта отъ Порты на просьбу объ окончательныхъ инструкціяхъ, которыхъ они испрашивали еще изъ Казанлыка, просили дозволенія послать письмо въ Константинополь чрезъ линію нашихъ аванпостовъ. Позволеніе было дано, причемъ уполномоченныхъ пригласили дать отвѣтъ не позже 21 января.

18 января, получивъ депешу изъ Константинополя отъ 12-го, уполномоченные испросили свиданіе съ Великимъ Княземъ. Тогда-то они объявили что, не имѣя болѣе средствъ сопротивляться, Турція согласится подписать всѣ наши условія, и выразили живѣйшее желаніе о скорѣйшемъ прекращеніи непріятельскихъ дѣйствій. Главнокомандующій немедленно назначилъ военныхъ уполномоченныхъ, которымъ поручено опредѣлить, совмѣстно съ турецкими уполномоченными, подробности демаркаціонной линіи и условія перемирія. Въ тотъ же день начались переговоры о протоколѣ предварительныхъ основаній мира и относительно условій перемирія.

19 января, въ 6 часовъ вечера, эти два документа были скрѣплены подписями, придающими имъ окончательную силу, и тотчасъ даны приказанія о пріостановленіи военныхъ дѣйствій. Скобелевъ, котораго отрядъ находился ближе

всѣхъ къ Константинополю, получилъ это приказаніе въ тотъ же самый вечеръ. Не безъ труда подписались турецкіе уполномоченные подъ этими документами. Они поняли что въ томъ положеніи, въ которое Турція была поставлена войной, миръ для нея сталъ единственнымъ спасеніемъ. Взявъ перо для подписанія своего имени, престарѣлый Намыкъ не могъ удержать слезъ. Когда Его Высочество протянулъ ему руку съ выраженіемъ надежды, что отнынѣ Россія и Турція останутся въ дружественныхъ отношеніяхъ, Намыкъ долго жалъ эту честную руку, не имѣя силъ выговорить ни одного слова. Будущность докажетъ что осуществленіе этой надежды будетъ соотвѣтствовать истиннымъ пользамъ какъ Турціи, такъ равно Россіи и Европы. Въ протоколѣ, подписанномъ Великимъ Княземъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ Порты Серверъ-пашой и министромъ двора султана Намыкъ-пашой, содержатся условія уже обнародованныя относительно Болгаріи, Черногоріи, Румыніи, Сербіи, Босніи и Герцоговины, вознагражденія Россіи за военныя издержки, очищеніе крѣпостей.

Условія перемирія между россійскими войсками, ихъ союзниками и турецкими войсками.

Вслѣдствіе предложенія Порты и заявленнаго уполномоченными Серверомъ и Намыкомъ пашами согласія принять предъявленныя Россіей основанія для заключенія мира между воюющими, Главнокомандующій Россійскою арміей изъявилъ согласіе прекратить военныя дѣйствія для заключенія перемирія. Назначены уполномоченными Непокойчицкій и Левицкій. Со стороны уполномоченныхъ Порты: генеральнаго штаба дивизіонный генералъ Неджибъ-паша и бригадный генералъ Османъ-паша. Лица эти согласились на слѣдующія условія: 1) Перемиріе заключается между русскими, сербскими, румынскими, турецкими вооруженными силами на все время веденія переговоровъ о мирѣ, впредь до благопріятнаго ихъ окончанія или перерыва. Въ послѣднемъ случаѣ, возобновленія военныхъ дѣйствій, каждая сторона обязана предупредить другую за трое сутокъ. Россійское правительство предложитъ Черногоріи прекратить военныя дѣйствія и примкнуть къ условіямъ перемирія. 2) Перемиріе вступаетъ въ силу въ минуту подписанія условій. Войска той и другой стороны, переступившія послѣ этого срока указанную ниже демаркаціоную линію, должны отойти назадъ и возвратить захваченную при этомъ добычу. 3) Турецкія войска, кромѣ очищенія крѣпостей: Виддина, Рущука, Силистріи, оставляютъ Бѣлградчикъ, Разградъ, Хаджи-Оглу, Базарджикъ. На этомъ основаніи, между русскими, румынскими, сербскими, турецкими войсками устанавливается слѣдующая демаркаціонная линія: отъ Бальчика и Хаджи-Оглу-Базарджика по прямому направленію на Разградъ съ нейтральною полосой шириной въ 5 километровъ впереди этой линіи; далѣе отъ Разграда прямо на Эски-Джуму, отъ Эски-Джумы на Османъ-Базаръ и Котелъ (Казанъ), которые занимаются россійскими войсками; нейтральная полоса проходитъ на пять километровъ впереди этой линіи. Затѣмъ демаркаціонная линія пролегаетъ по рѣкамъ Медвану, Деликамчику, Богазъ-Дере, чрезъ селеніе Огланъ-Кіой и Хаджи-

Дере до Месемвріи, причемъ нейтральная полоса въ пять верстъ шириной пролегаетъ по обѣ стороны этихъ рѣкъ, достигаетъ Чернаго моря, доходитъ вдоль берега до Деркосскаго озера; однако русскія войска занимаютъ на берегу Чернаго моря лишь Бургасъ и Мидію, для облегченія доставки продовольствія войскамъ, за исключеніемъ военной контрабанды. Далѣе, демаркаціонная линія проходитъ отъ Деркосскаго озера отъ Чекмеджика черезъ Карджали по прямому направленію, пересѣкая желѣзную дорогу, на правый берегъ Карасу, вдоль теченія котораго она спускается до Мраморнаго моря. Турецкія войска очищаютъ линію укрѣпленій, точно также какъ и Деркосъ, Хадемъ-Кіой и Буюкъ-Чекмедже. Демаркаціонная линія оттоманскихъ войскъ проходитъ отъ Кучукъ-Чекмедже по прямому направленію черезъ Св. Георгія и Абкунаръ на берегу Чернаго моря. Пространство между русскою и турецкою линіями составитъ нейтральную полосу, гдѣ нельзя будетъ воздвигать, усиливать и исправлять укрѣпленія во все время перемирія. Отъ Мраморнаго моря демаркаціонная линія проходитъ перешейкомъ Галлипольскаго полуострова по линіи Шаркіой Урша, далѣе берегомъ Эгейскаго моря до Деде-Агача и Макри включительно, зятѣмъ водораздѣломъ между притоками рѣкъ Марицы, въ томъ числѣ и Арды, и рѣками впадающими въ Егейское море до Джумы. Послѣ, по линіи на Кюстендиль, Враныю Планину-Голякъ, дер. Меслицу, Планину-Грапашницу и дер. Любче, до границы Новобазарскаго санджака, и отъ нея до границы Сербіи, до мѣста называемаго Копаоникъ-Планина. Джума, Кюстендиль и Вранья занимаются русскими или сербскими войсками, Приштина турецкими. Установленіе демаркаціонной линіи между турецкими и черногорскими войсками должно быть произведено особою коммисіей уполномоченныхъ Турціи и Черногоріи, при участіи уполномоченнаго отъ Россіи. Войска обѣихъ враждующихъ сторонъ, которыя до времени подписанія условій будутъ находиться внѣ означенной линіи, должны немедленно быть отведены назадъ. 5) Турецкія войска, оставляющія указанные параграфоръ 3-мъ укрѣпленные пункты, отходятъ съ оружіемъ, со всѣмъ боевымъ снаряженіемъ и со всѣмъ имуществомъ по слѣдующимъ направленіямъ: изъ Виддина и Бѣлградчика черезъ проходъ Св. Николая на Акъ-Паланку, Нишъ, Лесковацъ, далѣе черезъ Приштину или Вранью, для ближайшаго выхода на желѣзную дорогу въ Ускюбь. Изъ Рущука и Силистріи, Хаджи-Оглу, Базарджика и Разграда—на Варну или Шумлу. Военное боевое имущество крѣпостей, военныя казенныя суда со всѣмъ имуществомъ могутъ быть увезены или оставлены по описи на попеченіе русскаго военнаго начальства для сохраненія его впредь до заключенія мира. Что касается провіанта, подверженнаго порчѣ, то онъ можетъ быть проданъ или уступленъ русскому военному начальству за вознагражденіе по взаимному соглашенію. Частное имущество остается неприкосновеннымъ. Оставленіе названныхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ должно быть исполнено не позже семидневнаго срока со времени полученія приказанія о томъ мѣстнымъ начальствомъ. 6) Турецкія войска и военныя суда оставляютъ въ трехдневный срокъ Сулину. Русское начальство сниметъ на Дунаѣ всѣ загражденія и откроетъ свободное плаваніе. 7) Въ провин-

ціяхъ занимаемыхъ русскими и союзными войсками, въ которыхъ во время подписанія условій будутъ находиться турецкія административныя власти, на нихъ должно остаться исполненіе обязанностей охраненія спокойствія и порядка въ населеніи. Онѣ будутъ исполнять требованія русскихъ военныхъ властей. 8) Желѣзно-дорожныя линіи, которыя отойдутъ въ районъ расположенія русскихъ войскъ, остаются неприкосновенными какъ всякая частная собственность, и дозволяется свободное движеніе на протяженіи всѣхъ линій. Движенію частныхъ лицъ и грузовъ допускается полная свобода. Переѣздъ черезъ демаркаціонную линію отдѣльныхъ военныхъ лицъ допускается по взаимному соглашенію. Движеніе въ расположеніи каждой воюющей стороны производится подъ надзоромъ ея военныхъ агентовъ. 9) Порта во все время перемирія снимаетъ блокаду портовъ Чернаго моря. 10) Больные и раненые турецкой арміи, которые останутся въ районѣ расположенія русскихъ, румынскихъ и сербскихъ войскъ, принимаются на попеченіе русскаго союзнаго военнаго начальства, но при турецкомъ медицинскомъ персоналѣ; они не считаются военноплѣнными.

Для азіятскаго театра войны опредѣленіе подробностей перемирія имѣетъ быть произведено уполномоченными Главнокомандующаго Азіятскою дѣйствующею арміей.

Приказъ Главнокомандующаго Дѣйствующею арміей.

(Отъ 24 января 1878 г.)

Великій Князь Главнокомандующій отдалъ по арміи слѣдующій приказъ:

«Доблестные вожди и воины ввѣренной мнѣ арміи! Когда перешагнули вы черезъ Балканы, я, несмотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ еще новыхъ усилій, и вы не пошли, а полетѣли: менѣе нежели въ мѣсяцъ вы перенеслись почти черезъ всю Турціею и подошли чуть ли не къ стѣнамъ Царьграда.

«По пути, какъ бы мимоходомъ, вы разнесли цѣлую армію турокъ у Филиппополя, отнявъ у нея всю артиллерію, налетомъ захватили вторую столицу непріятеля, Адріанополь, и появились на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей. Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣдную голову: онъ согласился на всѣ наши требованія, и я остановилъ васъ.

«Такіе блистательные, небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и беспримѣрною храбростію, но въ особенности вашею беззавѣтною готовностью перенести всѣ труды и лишенія: васъ не остановили ни невылазная грязь, ни непогода, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки, по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ. Не нахожу словъ чтобы благодарить васъ, герои! Отъ самыхъ старшихъ начальниковъ до послѣдняго погонщика въ обозѣ, всѣ вы исполнили свято свой долгъ, всѣ вы перенесли то что подъ силу богатырямъ.

«Отдыхайте же теперь и приготовьтесь возвратиться со славою домой. Но

если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира, будьте готовы снова ринуться въ бой, чтобы доконать его. А пока мы будемъ отдыхать, докажите что русскіе богатыри, не имѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твердою охраной для мирныхъ жителей, какой бы народности и вѣроисповѣданія они ни были, ихъ имущества и чести, и покажемъ что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли бы наложить и малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровью новую славу русскаго оружія».

Изъ писемъ В. В. Верещагина.

*) В. В. Верещагинъ писалъ изъ Казанлыка, 2 января:

«Послѣ битвы подъ Шипкой, гдѣ, какъ вы вѣроятно знаете, Скобелевъ разбилъ и полонилъ командующаго всею этою позиціей генерала, ѣду я по полю битвы. Чѣмъ ближе къ деревнѣ Шейново, тѣмъ болѣе встрѣчаю нашихъ и турецкихъ тѣлъ. Въ редутѣ что на нашемъ лѣвомъ, а на турецкомъ правомъ флангѣ, масса побитыхъ турокъ. «Казанцы», посланные сюда Скобелевымъ въ аттаку, плѣнныхъ не брали... и мертвыми турками буквально былъ напичканъ и редутъ и ровъ. Только одинъ «Одесскій» какъ-то очутился между тѣлами молодой, хорошенькій мальчикъ, вольно-опредѣляющійся, лежалъ раскинувшись навзничь. Выраженіе лица его трудно передать. Оно какъ бы говорило: «Больно, очень больно! Что-то не хорошее со мной случилось!!!... На груди, противъ самаго сердца, большая рана съ обжогами. Видно было что выстрѣлили въ него близко. Сапоги съ малаго были сняты, на груди золотой крестъ съ маленькимъ медальономъ, пощаженные грабителями, кругомъ его обшарившими и разбросившими бывшія въ карманахъ письма. Я велѣлъ казаку, бывшему при мнѣ, собрать то что было поцѣлѣе и посылаю теперь вамъ—перешлите родителямъ, да разскажите имъ какъ умеръ ихъ сынъ. А умеръ онъ молодецки, какъ разсказывалъ подвернувшійся солдатикъ, видѣвшій какъ малаго убили. Онъ стоялъ браво, впереди своей части, какъ вдругъ наскочили черкесы, подхватили его подъ руки и маршъ-маршемъ уволокли къ редуту, гдѣ приставили дуло къ сердцу... Крестикъ я, разумѣется, оставилъ на немъ, медальонъ хотѣлъ снять съ груди и вмѣстѣ съ письмомъ отослать роднымъ, но тамъ былъ не портретъ, а образъ Богоматери—съ нимъ его и зарыли... Письма я просматривалъ со слезами на глазахъ...»

Въ другомъ письмѣ изъ Адріанополя, отъ 9 января, В. В. Верещагинъ пишетъ:

«Представьте себѣ меня сидящаго въ вагонѣ между Серверъ и Намыкъ-пашами, и этихъ господъ обращающихся ко мнѣ со словами: «*Monsieur le secrétaire*». Генералъ Струковъ, начальствовавшій передовымъ отрядомъ и первый при-

---

*) Изъ корреспонденціи „Новаго Времени“.

нявшій этихъ пословъ, представилъ меня имъ въ ту минуту какъ своего секретаря. Ихъ отправили въ Казанлыкъ къ Великому Князю, а мы сами тѣмъ временемъ впередъ, хотя и съ небольшими силами. Два съ половиною полка кавалеріи (драгуны и уланы), да и тѣ очень неполные, направились къ Адріанополю, гарнизонъ котораго, при слухѣ о быстромъ приближеніи Русскихъ, бѣжалъ. Не будь дураки, мы сей главный городъ и заняли, хотя всего съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ и сотнею казаковъ.

«За то безпокойныя же сутки провели мы. Хотя народъ принялъ насъ восторженно, но скоро увидѣлъ что спасителей маловато, а кругомъ города грабили и рѣзали черкесы, баши-бузуки и отступавшія регулярныя войска. Трудно вамъ передать всѣ ужасы, которыхъ мы тутъ насмотрѣлись и наслышались. По дорогѣ зарѣзанныя дѣти и женщины, и болгары и турки, масса бродящаго и подохнувшаго скота, разбросанныхъ и разбитыхъ телѣгъ, хлѣба, платья и проч. Отовсюду бѣгутъ болгары съ просьбой защитить, а защищать нечѣмъ, не только ихъ, но и самихъ себя, еслибы встрѣтили мы пѣхоту и артиллерію. У меня цѣловали руку, крестясь; помѣшать этому нельзя было, подъ опасеніемъ потерять перчатку или быть укушенныхъ въ колѣно. Духовенство съ крестами и хоругвями, духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, депутаціи, народы разныхъ одеждъ и физіономій — все это гудѣло и орало. Женщины и старики крестились и плакали съ самыми искренними привѣтствіями и пожеланіями. Я настаивалъ впрочемъ чтобы не впускали солдатъ въ городъ, дабы восторгъ этотъ не обратился во что-либо противоположное... Какъ только подойдутъ силы, такъ мы двинемся по дорогѣ къ Константинополю и позащитимъ бѣдныхъ болгаръ, которыхъ, по правдѣ сказать, рѣжутъ какъ барановъ. Сегодня я цѣлый день рыскалъ по городу, искалъ турецкіе склады и смотрѣлъ мѣста гдѣ можно помѣстить подходящія войска. Даже некогда было рисовать—впрочемъ, послѣ наверстаю...»

Торжественное объявленіе мира русскимъ войскамъ въ С.-Стефано.

«16-е февраля было очень тревожнымъ днемъ.

«Савфетъ-паша, послѣ нашего движенія отъ Адріанополя въ С.-Стефано, ставшій мягкимъ какъ воскъ, вдругъ заартачился. Онъ соглашался на все для Болгаріи—и сталъ опять отказываться отъ уступокъ въ пользу Сербіи въ особенности и Черногоріи отчасти. Даже больше—онъ старался возбудить неудовольствіе между нашими дипломатами и представителями Сербіи, Катарджи и Лѣшанинымъ. Ставши болѣе русскимъ, чѣмъ мы сами, Савфетъ сталъ съ глубокимъ негодованіемъ разсказывать о томъ, какъ Ристичъ и Христичъ поносили Россію въ Константинополѣ. Когда Катарджи потребовалъ по этому поводу личныхъ объясненій, торжественно назвавъ разсказъ Савфета ложью—турецкій уполномоченный отвѣтилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ объясняться съ вассалами своего государя. Къ счастью, на эту удочку не поддались. На другой день—въ видѣ

демонстраціи, тридцать тысячъ войскъ были выстроены нами передъ Константинополемъ. Сдѣланы маневры, одинъ изъ которыхъ, «примѣрное движеніе» на Стамбулъ произвелъ особенный эффектъ. Въ тотъ же день Савфетъ подписалъ условіе относительно Сербіи и Черногоріи и пересталъ возмущаться происками Ристича въ Константинополѣ. Съ приближеніемъ рѣшительнаго дня всѣ удивительно страстно стали относиться къ дѣлу. Даже тѣ, которые еще наканунѣ желали мира во что бы то ни стало, точно испугались его. А вдругъ какъ условія, въ самомъ дѣлѣ, не соотвѣтствуютъ нашимъ жертвамъ!... Въ Константинополѣ—за то жажда мира пересиливала все остальное. Даже еще недавно фанатизированные мусульмане требовали спокойствія прежде всего. Маневры передъ городомъ произвели почти панику... Наканунѣ 19-го февраля все было возбуждено въ такой мѣрѣ, что изъ Стамбула масса народа въ ночь отправилась въ Санъ-Стефано, чтобы утромъ узнать, что принесетъ слѣдующій день. За два дня до того въ Константинополь собраны были войска, еще остававшіяся у Турціи. Проѣзжая по Стамбулу, на всѣхъ площадяхъ я видѣлъ стройные таборы, которымъ производили подъ музыку ученье. Реуфъ-паша самъ объяснилъ это желаніемъ правительства, во что бы то-ни стало поддержать упавшій духъ мусульманъ. Впрочемъ, дѣйствительность не оправдала этихъ ожиданій. Проходя мимо своихъ солдатъ, мусульмане горячились и требовали только одно—ведите войну или заключайте миръ, но устройте такъ, чтобы хлѣбъ былъ дешевле. Мои константинопольскія впечатлѣнія въ слѣдующій разъ. Скажу только, что во мнѣ узнавали русскаго и все-таки относились очень привѣтливо, а турецкіе офицеры даже обязательно.

Рѣшительнымъ часомъ долженъ былъ по программѣ быть второй пополудни 19-го февраля.

Между Санъ-Стефано и Константинополемъ есть громадный лугъ, на которомъ съ большимъ удобствомъ можетъ раскинуться до трехъ-сотъ-тысячъ войска. Къ востоку—у пологихъ береговъ съ шумомъ разбиваются голубыя волны Мраморнаго моря; бѣлый маякъ гордо высится въ массѣ пѣны, взбивающейся вокругъ него. Дальше въ голубомъ просторѣ сіяютъ красивые хребты Принцевыхъ острововъ, далеко-далеко за островомъ Мармора азіятскій берегъ чуть-чуть мерещится своими снѣговыми вершинами. Прямо передъ нами на сѣверъ очаровательное марево Константинополя съ его безчисленными мечетями и дворцами. Ближе, у самаго края Стамбула—военный лагерь, гдѣ стоитъ теперь Мухтаръ-паша съ своимъ отрядомъ. Налѣво—полотно желѣзной дороги, позади—высокіе дома Санъ-Стефано. Съ утра стояла сѣрая погода. Тучи низко нависли. Южный вечеръ гналъ ихъ больше и больше. Нѣсколько разъ принимался дождь. Близь самаго берега колыхались суда, изъ Константинополя то и дѣло шли пароходъ за пароходомъ, нагруженные пассажирами, стремившимися сюда посмотрѣть на объявленіе мира и на парадъ. Въ часъ пополудни всѣ войска были уже собраны передъ Санъ-Стефано. Всѣхъ выстроили въ три боевыя линіи, четвертую составляла кавалерія. Солдатъ было такъ много, что правый флангъ упирался въ берегъ, а лѣвый на насыпь желѣзнодорожнаго полотна. Передъ фронтомъ на-скоро

поставили походный алтарь съ иконой, когда-то слѣдовавшей въ походахъ М. И. Кутузова, подаренной имъ Ополчинину, а этимъ въ свою очередь поднесенной Великому Князю Николаю Николаевичу. Теперь она слѣдовала съ Главнокомандующимъ отъ Москвы до Константинополя. Войска производили сильное впечатлѣніе. Рослые гвардейцы пообчистились и обулись всѣ. Безсапожныхъ, какихъ я массами встрѣчалъ въ Адріанополѣ, здѣсь не было вовсе. Въ безмолвныхъ рядахъ недвижно стояли знамена, окуренныя пороховымъ дымомъ двѣнадцатаго года, а въ эту кампанію перенесенныя въ боевомъ огнѣ черезъ Балканы. Солдаты—были ветеранами Горнаго-Дубняка, Телиша, Орханіе, Этрополя, Шандорника, Софіи и Филиппополя. На многихъ красовались свѣжіе георгіевскіе кресты. Они ихъ получили только вчера за прежнія дѣла. Густою массой стояли кругомъ турки, армяне и греки, поражая непривычный взглядъ невообразимою пестротою костюмовъ. Въ толпахъ мелькали и женщины, явившіяся изъ Стамбула посмотрѣть на московъ-аскеръ. Все это возбужденное, любопытное, но отнюдь не враждебное намъ... Особенное любопытство ихъ возбуждали, разумѣется, Гурко-паша, Шуваловъ-паша и другіе генералы... Солдаты по обыкновенію обзывали ихъ «братушками,» не дѣлая въ этомъ случаѣ, разумѣется, никакого различія между турецкимъ, армянскимъ, греческимъ и болгарскимъ братушками. Въ началѣ третьяго часа, близко-близко у самаго берега, прошелъ англійскій военный корабль. На палубѣ стояла масса англичанъ въ мундирахъ. «Ишь тоже пришли... Полюбуйтесь — сладко-ли;»... слышалось въ рядахъ. Около получаса простояли войска, ожидая Главнокомандующаго, какъ послышалась команда «составь.» Ружья составили въ козлы и недавно еще недвижная масса солдатъ точно заколыхалась вся... Начался шумъ и гомонъ.

— Почему же остановка? спрашивали офицеры.

— Не отложили ли переговоровъ... Не отказался ли опять Савфетъ-паша подписать условія...

«Крайнее безпокойство охватывало всѣхъ въ эти рѣшительные часы. Тѣмъ не менѣе всѣ были увѣрены, что одно изъ двухъ: или мы сейчасъ двинемся впередъ на Константинополь, или войнѣ конецъ. Ружья у всѣхъ были заряжены, съ каждымъ солдатомъ было болѣе ста патроновъ... Многимъ, хотя впрочемъ очень рѣдкимъ, жаль было, что война оканчивается.

— Что толку! Вернемся въ Петербургъ. Опять будничные интересы, сѣренькая жизнь, сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня—тоска.

«Почему-то распространился слухъ, что Савфетъ согласился подписать и подписалъ все, только на уступку шести турецкихъ мониторовъ несогласенъ.

— И чего торгуются? Отдали бы имъ мониторы, да и наши поповки въ придачу уступили имъ!... острили въ толпѣ.

«Прошелъ часъ. Томленіе чувствовали всѣ. Нетерпѣніе охватывало самыхъ равнодушныхъ. Южный вѣтеръ, не смотря на свое греческое происхожденіе, былъ на этотъ разъ очень холоденъ. Солдаты уже со всѣми братушками переговорились и даже стали скучать, когда послышалось: «къ ружью». Моментально все опять выстроилось.. Но спустя четверть часа опять команда: «составь.»

— Должно быть не удастся сегодня!

— И чего они съ этимъ Салфетомъ церемонятся!

«Показалось открытое ландо—въ немъ пріѣхала сюда графиня Игнатьева, жена посла. Сегодня должно произойти или торжество или пораженіе ея мужа Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ и она ждала окончанія этого дѣла... Сидя въ коляскѣ, она нервно куталась въ сѣрую тальму и, разговаривая съ генеральнымъ консуломъ нашимъ въ Константинополѣ, Хитрово, пожимала плечами. Солдаты совсѣмъ разбились на кучки, группы, разошлись въ стороны...

— Должно турку опять усмирять пойдемъ!...

— Не ладится дѣло-то.

«Изъ Константинополя показался поѣздъ, состоявшій изъ локомотива и одного вагона съ нимъ. Въ вагонѣ былъ адъютантъ султана. Почему-то между солдатами сейчасъ же прошелъ слухъ, что султанъ присылаетъ свою дочь въ подарокъ Великому Князю, который ее окреститъ и опредѣлитъ за русскаго генерала замужъ.»

«Въ половинѣ пятаго послышалось опять «къ ружью» и потомъ опять «составь» и повторялось это до семи часовъ вечера, томительно, неоднократно... Стемнѣло. Горы азіатскаго берега и красивыя вершины Принцевыхъ островов точно стали уходить въ какую-то даль шумнѣе гремѣлъ прибой у береговъ, изъ Босфора потянулись пароходы за обратными пассажирами и многіе изъ послѣднихъ уѣхали, не дождавшись окончанія торжества.

«Наконецъ, въ семь часовъ, прискакалъ адъютантъ Великаго Князя, Мухановъ.

— Все кончено... Сейчасъ Великій Князь ѣдетъ.

— Миръ или война?

— Миръ, миръ...

«Слово миръ точно кругъ по водѣ стало расходится въ толпахъ. Зашумѣли всѣ, радостный гулъ стоялъ въ воздухѣ...

— Къ ружью...

«Не ожидая повторенія, тридцатитысячная масса моментально выстроилась и точно замерла... Наѣхало пропасть генераловъ. И откуда взялись нѣкоторые. Въ военное время я такихъ нигдѣ и не видывалъ, а тутъ точно изъ земли выросли. Наконецъ, пріѣхалъ Игнатьевъ, радостный, возбужденный...

«Къ нему разомъ кинулись толпою.

— Ну, что?...

— Миръ, господа, миръ... Тридцать пять тысячъ квадратныхъ верстъ у турокъ отняли... задыхаясь, счастливый, отуманенный, говорилъ онъ.—Сейчасъ только подписали все.

— А условія?

— Блестящія, господа, блестящія... Не стыдно вамъ будетъ домой вернуться!.. Черногорія въ четыре раза увеличена, Сербія получила территоріальное вознагражденіе. Устья Дуная отданы намъ, но Государь не желаетъ отнимать ихъ у Румыніи... Граница Болгаріи у Люле-Бургаса... Крѣпости сроются... Адріанополь

остается туркамъ, но вкрапленный среди Болгаріи... Мы получаемъ Карсъ, Батумъ часть Арменіи...

«И все это порывисто, точно поневолѣ срывалось съ губъ дипломата, а грудь дышала такъ радостно, и всѣ мы кругомъ точно разомъ въ одинъ моментъ забыли и лишенія, и усталость, и жертвы похода.

«Въ этотъ моментъ въ нашемъ кружкѣ у алтаря появился адъютантъ султана Абдулъ-Гамида. Высокій, красивый турокъ. На груди орденъ за черногорскую войну, на шеѣ Османіе 1-й степени. Видимо, ему неловко здѣсь на торжествѣ вчерашнихъ враговъ его родины, торжествѣ, возникшемъ изъ униженія и позора Турціи. Тѣмъ не менѣе онъ присланъ султаномъ присутствовать на молебнѣ и долженъ до конца выпить эту сладкую для насъ и горькую для него чашу. Съ нимъ стараются быть любезными. Онъ улыбается самъ, но въ уголкахъ рта что-то дергаетъ и все лицо, нѣтъ-нѣтъ да исказится судорогою. Видимо душитъ человѣка. Сообразили, что лучше всего оставить его въ покоѣ и освободить отъ любезностей...

«Черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то послышалось отдаленное ура и звуки музыки. И то и другое все росло и росло, пока перешло въ одинъ торжественный, радостный крикъ, сопровождаемый которымъ наконецъ показался на правомъ флангѣ Главнокомандующій во главѣ многочисленной и блестящей свиты, къ которымъ присоединились двое турецкихъ генераловъ и всѣ военные агенты, состоявшіе при русской главной квартирѣ. Съ полчаса Великій Князь объѣзжалъ войска и наконецъ подъѣхалъ къ алтарю. Всѣ, разумѣется, стѣснились вокругъ него. Всѣмъ офицерамъ приказано было собраться вокругъ...

— Господа, раздвиньтесь, приказалъ Великій Князь.

«Раздвинулись. Точно улица легла между нимъ и недвижимыми рядами войскъ, надъ которыми слегка колыхались подъ вѣтромъ ихъ славныя старыя знамена...

— Что же мои уланы... Гдѣ уланы? спросилъ Главнокомандующій:—что же они не ѣдутъ?

«Подскакали гвардейскіе и заняли мѣста по сторонамъ.

«Великій Князь снялъ фуражку, тотчасъ же обнажились всѣ головы.

— Богъ даровалъ намъ послѣ столькихъ усилій (голосъ Главнокомандующаго дрогнулъ) славный миръ. Ура! И онъ махнулъ фуражкой.

«Я не могу описать, что послѣдовало затѣмъ кругомъ, точно вздрагивало все отъ грома раздавшагося изъ тридцатипяти тысячъ грудей. За нѣсколько верстъ изъ турецкаго лагеря выбѣжали солдаты и стали тамъ, слушая эти крики, въ которыхъ точно сливались ликованія всей Россіи. Громъ росъ и росъ, казалось ему и конца не будетъ. У многихъ въ глазахъ стояли слезы. Точно въ свѣтлое Христово Воскресенье люди обнимались и цѣловались. Солдаты съ офицерами, зрители другъ съ другомъ. Первый разъ этотъ торжествующій побѣдный крикъ нашъ гремѣлъ на берегахъ Босфора, до сыта облитыхъ кровью христіанскихъ мучениковъ. Что-то странное послышалось за мною позади. Я оглянулся. Старый болгарскій воевода, стоя на колѣняхъ, рыдалъ какъ ребенокъ, про-

тягивая безсильныя теперь руки къ солдатамъ, цѣною своей жизни завоевавшимъ свободу его многострадальной родины.

«А въ Санъ-Стефано, на столѣ въ комнатѣ греческаго дома, одинокій и неподвижный теперь, лежалъ князь Черкасскій, только нѣсколько часовъ недожившій до этого радостнаго дня, до этого славнаго дѣла, за которое онъ положилъ свою душу. Печально мерцали свѣчи надъ его обострившимся и осунувшимся лицомъ и тоскливо отголоски боеваго «ура» звучали въ этой тѣсной ладономъ пропитанной кельѣ...»

Прелиминарный мирный договоръ

9 марта 1878 года.

Статья 1. Дабы положить конецъ непрестаннымъ столкновеніямъ между Турціей и Черногоріей, граница, раздѣляющая оба государства, будетъ исправлена слѣдующимъ образомъ: Отъ горы Доброшицы граница прослѣдуетъ по указанной Константинопольскою конференціей чертѣ чрезъ Билекъ до Корыта. Отсюда новая граница пройдетъ къ Гацко (Метохія-Гацко будетъ принадлежать Черногоріи), и къ сліянію рѣкъ Пивы и Тары, поднимаясь къ сѣверу по теченію Дрины до ея сліянія съ Лимомъ. Восточная граница княжества пойдетъ вдоль этой послѣдней рѣки до Присполья, направится черезъ Рожай къ Сухой Планинѣ (оставляя Бихоръ и Рошай Черногоріи). Охватывая Ругово, Плаву и Гусинье, пограничная черта будетъ слѣдовать по горной цѣпи чрезъ Шлебъ, Пакленъ и вдоль сѣверной границы Албаніи по хребту горъ Копривника, Баба-Юрха и Баръ-Юрха до высшей точки горы Проклети. Отсюда граница направится черезъ высоту Бискашика и по прямому направленію подойдетъ къ озеру Ижичени-Хоти. Прорѣзавъ Ижичени-Хоти и Ижичени-Кастрати, она пересѣчетъ Скутарское озеро и упрется въ Бояну, по руслу которой достигнетъ моря. Никшичъ, Гацко, Спужъ, Подгорица, Жаблякъ и Антивари останутся за Черногоріей. Установленіе окончательныхъ границъ княжества будетъ возложено на европейскую коммиссію, въ составъ которой войдутъ и представители Порты и черногорскаго правительства. Коммиссія эта подвергнетъ на мѣстѣ общее очертаніе границъ измѣненіямъ, какія сочтетъ необходимыми и справедливыми съ точки зрѣнія взаимныхъ выгодъ и спокойствія обоихъ государствъ, причемъ каждому изъ нихъ дано будетъ соотвѣтственное возмѣщеніе, признаваемое необходимымъ. Для судоходства по Боянѣ, дававшаго постоянно поводъ въ пререканіямъ между Портой и Черногоріей, будутъ опредѣлены особыя правила тою же европейскою коммиссіей.

Статья 2. Порта признаетъ окончательно независимость княжества Черногоріи. По соглашенію между Россійско-Императорскимъ правительствомъ, правительствомъ оттоманскимъ и княжествомъ Черногоріи будутъ опредѣлены впослѣдствіи характеръ и форма взаимныхъ отношеній между Блистательной Портой

и княжествомъ, именно, касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Оттоманской имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ, выдачи преступниковъ, бѣжавшихъ на ту или другую территорію, и подчиненія путешествующихъ по Оттоманской имперіи или проживающихъ въ ней Черногорцевъ оттоманскимъ законамъ и властямъ, сообразно основаніямъ международнаго права и обычаямъ, установленнымъ относительно черногорецъ. Особое условіе будетъ заключено между Портой и Черногоріей для разрѣшенія вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній жителей пограничныхъ мѣстностей обоихъ государствъ, а также военныхъ сооруженій на тѣхъ мѣстностяхъ. Вопросы, по которымъ послѣдовало бы соглашеніе, должны быть покончены третейскимъ рѣшеніемъ Россіи и Австро-Венгріи. Впредь же, если произойдутъ споры или столкновенія, за исключеніемъ случаевъ, возникающихъ изъ за территоріальныхъ требованій, Турція и Черногорія предоставятъ разрѣшеніе своихъ несогласій Россіи и Австро-Венгріи, которыя совмѣстно будутъ постановлять третейское рѣшеніе. Черногорскія войска должны будутъ очистить территорію, не вошедшую въ обозначенныя выше границы, въ десятидневный срокъ со времени подписанія прелиминарнаго мирнаго договора.

Статья 3. Сербія, признана независимою. Граница ея пойдетъ по руслу Дрины, оставляя княжеству Малый Зворникъ и Закаръ, направляясь далѣе по прежней границѣ до истоковъ ручья Дерево, близь Стоплака. Отсюда новая пограничная черта направится по теченію этого ручая, до рѣки Рашки, затѣмъ по теченію сей послѣдней до Новаго Базара, поднявшись вверхъ по ручью, который протекаетъ близь деревень Мекинье и Торговище до его истока, граница направится черезъ Босуры-Планину въ долину Ибара, спустится по теченію ручья, впадающаго въ эту рѣку близь селенія Рыбанича. Далѣе граница пойдетъ по теченію Ибара, Ситницы, Лабы и ручья Батинце до его истока (на Гранашницѣ-Планинѣ). Отсюда пограничная черта послѣдуетъ по водораздѣлу Кривы и Вѣтерницы, достигнетъ по кратчайшей линіи этой послѣдней рѣки при устьѣ ручья Міовацка, поднимется вверхъ по его теченію, пересѣчетъ Міовацку-Планину и спустится въ Моравѣ близь деревни Калимачи. Отъ сего мѣста граница спустится по Моравѣ до рѣки Влосины у селенія Стайковцы, затѣмъ, поднявшись вверхъ по теченію этой послѣдней, по Любораздѣ и по ручью Кукавице, пройдетъ чрезъ Суху-Планину по ручью Врыло до Нишавы и спустится по означенной рѣкѣ до деревни Крупацъ, оттуда кратчайшею линіею соединится къ юго-востоку отъ Караулъ-Баре съ прежнею сербской границей, по которой будетъ слѣдовать до Дуная. Ада-Кале будетъ очищена и срыта. Турецко-сербская коммиссія, при содѣйствіи русскаго коммиссара, установить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ окончательное очертаніе границъ и окончательно разрѣшитъ вопросы, касающіеся острововъ Дрины. Болгарскій делегатъ будетъ допущенъ къ участію въ трудахъ коммиссіи, когда она будетъ проходить границу между Сербіей и Болгаріей.

Статья 4. Мусульмане, владѣющіе поземельною собственностью въ присоединенной къ Сербіи территоріи и желающіе выселиться изъ княжества, могутъ

сохранить за собою въ его предѣлахъ недвижимыя имущества, сдавъ оныя въ аренду или поручивъ управленіе имѣніями другимъ лицамъ. На турецко-сербскую коммиссію, съ участіемъ въ ней русскаго коммисара, будетъ возложено постановить въ теченіе двухъ лѣтъ окончательныя рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся признанія правъ на такія недвижимыя имущества, въ коихъ замѣшанъ интересъ мусульманъ. На ту же коммиссію будетъ возложено установленіе, въ трехлѣтній срокъ, способа отчужденія имуществъ, принадлежащихъ правительству или духовнымъ учрежденіямъ, а также разрѣшеніе вопросовъ, которые касаются частныхъ интересовъ, могущихъ быть при этомъ затронутыми. До заключенія между Турціею и Сербіею непосредственнаго договора, установляющаго характеръ и форму взаимныхъ отношеній между Блистательною Портою и княжествомъ Сербскимъ, подданные, путешествующіе по Оттоманской имперіи или проживающіе въ ней, будутъ пользоваться положеніемъ, сообразнымъ съ общими началами международнаго права. Сербскія войска должны будутъ очистить мѣстности, не включенные въ обозначенныя выше границы, въ пятнадцатидневный срокъ со времени подписанія прелиминарнаго мирнаго договора.

Статья 5. Порта признаетъ независимость Румыніи, которая предъявитъ свои права на вознагражденіе, имѣющее быть опредѣлено обѣими сторонами. До заключенія непосредственнаго договора подданные ея будутъ пользоваться въ Турціи всѣми правами, которыя обезпечены за подданными другихъ европейскихъ державъ.

Статья 6. Болгарія образуетъ самоуправляющееся, платящее дань княжество, съ христіанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ. Окончательныя границы Болгаріи будутъ установлены особою русско-турецкою коммиссіею до очищенія Румеліи россійскою арміею. При измѣненіяхъ на мѣстѣ общаго очертанія границъ, коммиссія, согласно основаніямъ мира, приметъ во вниманіе начала народности большинства пограничныхъ жителей, а также топографическія условія и практическія нужды мѣстнаго населенія, касающіяся удобства сообщеній. Размѣры княжества Болгаріи опредѣлены въ общихъ чертахъ прилагаемою картой, долженствующею служить основаніемъ для окончательнаго разграниченія. Отъ новой границы сербскаго княжества пограничная черта направится по западному рубежу казы Враньи до цѣпи Карадага. Повернувъ на западъ, граница пройдетъ по западнымъ предѣламъ казы Куманово, Качаникъ, Калканделенъ до горы Корабъ, отсюда по рѣкѣ Вележицѣ до сліянія ея съ Чернымъ Дриномъ, направляясь на югъ по Дрину. Затѣмъ по западной границѣ казы Охриды къ горѣ Липасъ пограничная черта пойдетъ по западнымъ предѣламъ казъ Горчы и Старово до горы Граммосъ. Далѣе, пограничная черта чрезъ озеро Касторію дойдетъ до рѣки Магляницы, и спустившись по ея теченію, пройдетъ южнѣе Яницы и направится чрезъ устье Вардара и Погалико къ селеніямъ Парга и Сарайкей. Отсюда чрезъ середину озера Бешикъ-Геля къ устьямъ рѣкъ Струма и Карасу и по морскому берегу до Буругеля; затѣмъ, повернувъ къ сѣверо-востоку къ горѣ Чалтепе, по цѣпи Родопа, до горы Крушово, по горамъ Ешекъ-Кулачи, Чепелію, Караколасъ и Ишиклaръ, до рѣки Арды. Отсю-

да пограничная черта будетъ проведена по направленію города Чормена, оставляя Адріанополь. На югѣ она пройдетъ чрезъ села: Сугутліу, Кара-Хамза, Арнаутъ-Кей, Акарджи и Енидже до рѣки Теке-Дересси. Слѣдуя по теченію Теке Дересси и Чорлу-Дересси до Луле-Бургаса и далѣе по рѣкѣ Суджакъ-Дере до селенія Сергена, пограничная черта пойдетъ по возвышенностямъ прямо къ Хакимъ-Табіаси, гдѣ она примкнетъ къ Черному морю. Граница покинетъ морской берегъ близь Мангаліи, направится по южнымъ предѣламъ Тульчинскаго санджака и примкнетъ къ Дунаю выше Рассова.

Статья 7. Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ царствующихъ династій великихъ европейскихъ державъ не можетъ быть избранъ княземъ. Въ случаѣ, если званіе князя останется не замѣщеннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ. Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Филиппополѣ или Тырновѣ, выработаетъ до избранія князя, подъ наблюденіемъ россійскаго Императорскаго коммиссара, въ присутствіи коммиссара оттоманскаго, уставъ будущаго управленія по примѣру того, какъ было сдѣлано въ 1820 году, послѣ Адріанопольскаго мира, въ Придунайскихъ княжествахъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгарское населеніе перемѣшано съ турецкимъ, греческимъ, валашскимъ или другими, при выборахъ или выработкѣ органическаго устава, будетъ обращено должное вниманіе на права и потребности этихъ народностей. Введеніе новаго образа правленія въ Болгаріи и наблюденіе за его примѣненіемъ будутъ поручены въ теченіе двухъ лѣтъ россійскому коммиссару. По прошествіи перваго года со времени введенія новаго порядка, европейскіе кабинеты, въ случаѣ если это будетъ признано нужнымъ и если по сему предмету послѣдуетъ соглашеніе между ними, Россіей и Блистательною Портой, могутъ присоединить особыхъ уполномоченныхъ къ россійскому Императорскому коммисару.

Статья 8. Оттоманскія войска не будутъ болѣе находиться въ Болгаріи, всѣ прежнія крѣпости будутъ срыты на счетъ мѣстнаго правительства. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему усмотрѣнію военными припасами и другими принадлежащими ей предметами, оставленными въ Дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ въ силу перемирія 19 января, а равно и тѣми военными припасами и предметами, которые оказались въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ до полнаго образованія земскаго войска, достаточнаго для охраны порядка, безопасности и спокойствія и численность коего будетъ впослѣдствіи опредѣлена по соглашенію между оттоманскимъ правительствомъ и россійскимъ кабинетомъ. Русскія войска будутъ занимать страну и въ случаѣ надобности оказывать содѣйствіе коммиссару. Военное занятіе Болгаріи будетъ однако ограничено приблизительнымъ срокомъ въ два года. Численность оккупаціоннаго русскаго корпуса, составленнаго изъ шести дивизій пѣхоты и двухъ кавалеріи, который останется въ Болгаріи, по очищеніи турецкою императорскою арміей, не будетъ превосходить пятидесяти тысячъ человѣкъ. Этотъ корпусъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой страны. Русскія войска, которыя будутъ зани-

мать Болгарію, сохранять сообщенія съ Россіей не только чрезъ Румынію, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ, гдѣ они могутъ учредить на время занятія необходимые склады.

Статья 9. Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарія будетъ платить сюзеренному двору, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указанъ впослѣдствіи Портой, опредѣлится соглашеніемъ между Россіей, оттоманскимъ правительствомъ и прочими кабинетами. По истеченіи перваго года дѣйствія новыхъ учрежденій, дань эта будетъ установлена сообразно средней доходности всей территоріи, которая войдетъ въ составъ княжества. Болгарія заступитъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ Рущуко-варнской желѣзной дорогѣ, на основаніи особаго соглашенія между Блистательною Портою, правительствомъ княжества и управленіемъ означенной дороги. Рѣшеніе вопросовъ касательно другихъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ по княжеству, предоставляется также соглашенію между Блистательною Портою, учрежденнымъ правительствомъ Болгаріи и правленіями заинтересованныхъ компаній.

Статья 10 я. Блистательная Порта будетъ имѣть право пользоваться проходомъ чрезъ Болгарію для перевоза по опредѣленнымъ путямъ войскъ, военныхъ припасовъ и провіанта въ области, находящіяся за предѣлами княжества, и обратно. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени ратификаціи настоящаго акта, во избѣжаніе затрудненія и недоразумѣній въ примѣненіи сказаннаго права, условія пользованія имъ будутъ опредѣлены по соглашенію Блистательной Порты съ управленіемъ въ Болгаріи особымъ уставомъ, обезпечивающимъ, между прочимъ, военныя нужды Блистатательной Порты. Само собою разумѣется, что вышеозначенное право распространяется исключительно на оттоманскія регулярныя войска; иррегулярныя же—баши-бузуки и черкесы—безусловно будутъ исключены изъ него. Блистательная Порта предоставляетъ себѣ также право провозить чрезъ княжество свою почту и содержать въ немъ телеграфную линію, относительно чего будетъ также сдѣлано соглашеніе вышеупомянутымъ способомъ въ одинаковый срокъ.

Статья 11. Землевладѣльцы вѣроисповѣданія мусульманскаго и другихъ, которые пожелали бы избрать мѣсто жительства внѣ княжества, могутъ сохранить за собою въ его предѣлахъ недвижимую собственность, отдавъ оную въ аренду или поручивъ управленіе ею другимъ лицамъ. Турецко-болгарскія коммиссіи, подъ наблюденіемъ русскихъ коммиссаровъ, будутъ засѣдать въ центрахъ населенія и поставлять въ теченіе двухъ лѣтъ окончательныя рѣшенія по всѣмъ вопросамъ о признаніи правъ собственности на движимыя имущества, въ которыхъ замѣшаны интересы мусульманъ и лицъ другихъ исповѣданій. На подобныя же коммиссіи будетъ возложено окончательное устройство, въ теченіе двухъ лѣтъ, всѣхъ дѣлъ, касающихся способовъ отчужденія, эксплоатаціи и употребленія въ пользу Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ правительству и духовнымъ учрежденіямъ — вакуфъ. По истеченіи сказаннаго двухлѣтняго срока, всѣ имущества, на которыя не будетъ предъявлено требованій,

будутъ проданы съ публичнаго торга, вырученная отъ сего сумма обращена на содержаніе вдовъ и сиротъ, какъ мусульманъ, такъ и христіанъ, жертвъ послѣднихъ событій. Жители княжества Болгаріи, путешествующіе или пребывающіе въ другихъ частяхъ Оттоманской имперіи, будутъ подчинены оттоманскимъ законамъ и властямъ.

Статья 12. Всѣ крѣпости на Дунаѣ будутъ срыты. Впредь на берегахъ этой рѣки не будетъ болѣе укрѣпленій, не будетъ также въ водахъ румынскаго, сербскаго и болгарскаго княжествъ военныхъ судовъ, кромѣ обычныхъ стаціонеровъ и мелкихъ судовъ для надобностей рѣчной полиціи и таможеннаго управленія. Права, обязательства и льготы международной Нижне-дунайской коммиссіи остаются неприкосновенны.

Статья 13. Порта принимаетъ на себя возстановленіе судоходства Сулинскаго рукава и вознагражденіе частныхъ лицъ, коихъ имущества пострадали отъ войны вслѣдствіе прекращенія плаванія по Дунаю, назначая этотъ двойной расходъ, въ пятьсотъ тысячъ франковъ, изъ суммъ, которыя дунайская коммиссія должна оттоманскому правительству.

Статья 14. Въ Босніи и Герцоговинѣ будутъ немедленно введены сообщенныя оттоманскимъ уполномоченнымъ въ первомъ засѣданіи Константинопольской конференціи предложенія европейскихъ державъ, съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ установлены по взаимному соглашенію между Портой и русскимъ и австро-венгерскимъ правительствами. Недоимки не будутъ взыскиваемы и текущіе доходы этихъ провинцій до 1-го марта 1880 года будутъ исключительно обращены въ вознагражденіе семействъ бѣглецовъ и жителей, пострадавшихъ отъ послѣднихъ событій, безъ различія ихъ народности и вѣроисповѣданія, а равно и на мѣстныя нужды страны, сумма, которая по истеченіи сказаннаго срока должна будетъ ежегодно причитываться центральному правительству и имѣетъ быть опредѣлена соглашеніемъ между Турціей, Россіей и Австро-Венгріей.

Статья 15. Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года, сообразуясь съ желаніями, уже выраженными мѣстнымъ населеніемъ. Подобный уставъ, примѣненный къ мѣстнымъ потребностямъ, будетъ введенъ въ Эпирѣ, Өессаліи и другихъ частяхъ Европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не предусмотрѣно настоящимъ актомъ. Разработка подробностей устава будетъ поручена въ каждой области особымъ коммисіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе. Результаты этихъ трудовъ будутъ представлены на разсмотрѣніе Порты, которая, прежде чѣмъ примѣнить ихъ, посовѣтуется съ россійскимъ правительствомъ.

Статья 16. Въ виду того, что очищеніе русскими войсками занимаемыхъ ими въ Арменіи мѣстностей, которыя должны быть возвращены Турціи, могло бы подать тамъ поводъ къ столкновеніямъ и усложненіямъ, могущимъ вредно отразиться на добрыхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ, Блистательная Порта обязуется осуществить безъ замедленія и улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями, въ областяхъ, населенныхъ армянами, и оградить безопасность послѣднихъ отъ курдовъ и черкесовъ.

Статья 17. Полная и безусловная амнистія даруется Портой всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ событіяхъ, и всѣ лица, вслѣдствіе сего подвергнутыя заключенію или отправленныя въ ссылку, будутъ немедленно освобождены.

Статья 18. Порта обратитъ особенное вниманіе на мнѣніе, выраженное коммиссарами посредствующихъ державъ по вопросу о правѣ владѣнія городомъ Которуромъ, и обязуется привести въ исполненіе работы къ окончательному проведенію турецко-персидской границы.

Статья 19. Вознагражденіе за войну, а равно убытки, причиненные Россіи, которые Его Величество Императоръ Всероссійскій требуетъ и которые Порта обязалась ему уплатить, заключаются: а) Въ девятистахъ милліонахъ рублей военныхъ издержекъ на содержаніе арміи, возмѣщеніе припасовъ и военные заказы; б) въ четырехстахъ милліонахъ рублей убытковъ, причиненныхъ южному побережью государства, отпускной торговлѣ и промышленности и желѣзнымъ дорогамъ; в) во ста милліонахъ рублей убытковъ, причиненныхъ Кавказу вторженіемъ; г) въ десяти милліонахъ рублей проторей и убытковъ русскимъ подданнымъ и учрежденіямъ въ Турціи. Итого тысяча четыреста десять милліоновъ рублей. Принимая во вниманіе финансовыя затрудненія Турціи и сообразуясь съ желаніемъ султана, Императоръ Всероссійскій соглашается замѣнить уплату большей части исчисленныхъ въ предъидущемъ параграфѣ суммъ слѣдующими территоріальными уступками: а) Тульчинскій санджакъ, то-есть уѣзды (казы): Киліи, Сулины, Махмудіе, Исакчи, Тульчи, Мачина, Бабадага, Гирсова, Кюстенджи и Меджидіе, а равно острова Дельты и Змѣиный островъ. Не желая присоединять себѣ означенной территоріи острова и Дельты, Россія предоставляетъ себѣ промѣнять ихъ на отчужденную отъ нея трактатомъ 1856 года часть Бессарабіи, граничащую съ юга русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго Стамбула. Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловлей имѣетъ быть рѣшенъ русско-румынскою коммиссіей въ годовой срокъ времени съ ратификаціи мирнаго трактата; б) Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязидъ и территорія до Саганлуга. Въ общихъ чертахъ граница отъ берега Чернаго моря направится по хребту горъ, служащихъ водораздѣломъ притоковъ рѣкъ Копы и Чароха, по горной цѣпи къ югу отъ города Артвина до рѣки Чароха близь селеній Алата и Бешагета. Затѣмъ граница направится по вершинамъ горъ Дервеникъ, Пеки, Хорчезора и Беджигинъ-Дага по хребту, раздѣляющему притоки рѣкъ Тортумъ-Чая и Чароха и по высотамъ близь Яйлы-Вихина, до селенія Вихинъ-Килиса на рѣкѣ Тортутъ-Чаѣ. Отсюда пограничная черта направится по цѣпи Саври-Дага до перевала того же имени, проходя на югъ отъ селенія Норикапъ. Далѣе граница повернетъ къ юго-востоку, послѣдуетъ къ Зивину, откуда, пройдя на западъ отъ дороги изъ Зивина въ селенія Ардостъ и Хорассанъ, направится на югъ къ Саганлугской цѣпи до селенія Гилличманъ; затѣмъ по хребту Шаріанъ-Дага достигнетъ въ десяти верстахъ къ югу отъ Хамура Мурадчайскаго ущелья; потомъ граница пройдетъ вдоль по хребту Алладага по вершинамъ Хори и Тандурекъ, и пройдя на югъ отъ Баязидской долины, примкнетъ къ прежней турецко-пер-

сидской границѣ къ югу отъ Казли-Геля. Окончательныя границы присоединенной къ Россіи территоріи, обозначенныя въ прилагаемой при семъ картѣ, будутъ установлены коммиссіей изъ русскихъ и оттоманскихъ делегатовъ. Коммиссія эта приметъ во вниманіе какъ топографію мѣстности, такъ и необходимыя условія для хорошей администраціи и для обезпеченія спокойствія страны, в) территоріи, означенныя въ параграфахъ *а* и *б*, уступаются Россіи взамѣнъ суммы тысячи ста милліоновъ рублей. Что касается остальной части вознагражденія, за исключеніемъ десяти милліоновъ рублей, слѣдующихъ русскимъ учрежденіямъ и подданнымъ въ Турціи, то-есть трехсотъ милліоновъ рублей, способъ ихъ уплаты и предназначенныя къ тому обезпеченія будутъ опредѣлены послѣдующими соглашеніями между россійскимъ правительствомъ и правительствомъ султана. г) Десять милліоновъ рублей, выговоренныхъ въ видѣ вознагражденія подданнымъ и учрежденіямъ русскимъ въ Турціи, имѣютъ быть уплачиваемы по мѣрѣ того, какъ требованія заинтересованныхъ лицъ и учрежденій будутъ разсмотрѣны россійскимъ посольствомъ въ Константинополѣ и переданы Портѣ.

Статья 20. Блистательная Порта приметъ дѣйствительныя мѣры къ полюбовному окончанію нерѣшенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тяжебныхъ дѣлъ русско-подданныхъ, къ вознагражденію тяжущихся, если есть на то достаточный поводъ, и къ безотлагательному приведенію въ исполненіе произнесенныхъ судебныхъ рѣшеній.

Статья 21. Жители уступленныхъ Россіи мѣстностей, желающіе поселиться внѣ ихъ предѣловъ, могутъ удалиться, продавъ свои недвижимыя имущества, на что даруется трехлѣтній срокъ со дня ратификаціи настоящаго акта. По прошествіи сказаннаго срока, жители, не покинувшіе страны и не продавшіе недвижимыхъ имуществъ, останутся въ русскомъ подданствѣ. Недвижимыя имущества, принадлежащія правительству или духовнымъ учрежденіямъ, находящимся внѣ предѣловъ поименованныхъ выше мѣстностей, имѣютъ быть проданными въ тотъ же трехлѣтній срокъ по способу, который будетъ установленъ особою русско-турецкою коммиссіею. Этой же коммиссіи будетъ поручено опредѣлить способъ вывоза оттоманскимъ правительствомъ военныхъ боевыхъ припасовъ, провіанта и другихъ предметовъ, принадлежащимъ правительству и которыя оказались бы въ укрѣпленіяхъ, городахъ и мѣстностяхъ, уступленныхъ Россіи и не занятыхъ въ настоящее время русскими войсками.

Статья 22. Русскія духовныя лица, паломники и иноки, путешествующіе или пребывающіе въ Европейской и Азіатской Турціи, будутъ пользоваться тѣми правами, преимуществами, льготами, какъ и иностранныя духовныя лица другихъ народностей. За Императорскимъ посольствомъ и русскими консульствами въ Турціи признается право оффиціальной защиты какъ вышеозначенныхъ лицъ, такъ и ихъ имуществъ, а равно духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ учрежденій во Святыхъ Мѣстахъ и другихъ мѣстностяхъ. Аѳонскіе монахи русскаго происхожденія сохранятъ свои имущества и прежнія льготы и будутъ продолжать пользоваться въ трехъ монастыряхъ, имъ принадлежащихъ, и въ зависящихъ отъ нихъ учрежденіяхъ тѣми же правами и преимуществами, которыя

обезпечены за другими духовными учрежденіями и монастырями Аѳонской горы.

Статья 23. Всѣ договоры, конвенціи и обязательства, прежде сего заключенныя между обѣими высокими договаривающимися сторонами касательно торговли, подсудности и положенія русскихъ подданныхъ въ Турціи, утратившіе значеніе вслѣдствіе войны, снова вступятъ въ силу за исключеніемъ условій, измѣненныхъ настоящимъ актомъ.

Статья 24. Босфоръ и Дарданеллы будутъ открыты какъ во время войны, такъ и во время мира для торговыхъ судовъ нейтральныхъ державъ, приходящихъ изъ русскихъ портовъ или отправляющихся въ оные. Вслѣдствіе сего Порта обязуется впредь болѣе не установлять недѣйствительной блокады портовъ Чернаго и Азовскаго морей, какъ не соотвѣтствующей точному смыслу декларацін, подписанной въ Парижѣ 4-го апрѣля 1856 года.

Статья 25. Полное очищеніе россійскою арміей Европейской Турціи, за исключеніемъ Болгаріи, произойдетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ заключенія окончательнаго мира между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и его величествомъ султаномъ. Дабы выиграть время и избѣжать продолжительнаго пребыванія русскихъ войскъ въ Турціи и Румыніи, часть Императорской арміи можетъ быть направлена къ портамъ Чернаго и Мраморнаго морей для посадки на суда, принадлежащія русскому правительству или зафрахтованныя на этотъ случай. Очищеніе войсками Азіатской Турціи произойдетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня заключенія окончательнаго мира. Русскимъ войскамъ будетъ предоставлена возможность сѣсть на суда въ Трапезундѣ для возвращенія чрезъ Кавказъ или Крымъ. Немедленно по обмѣнѣ ратификаціи будутъ приняты мѣры къ выводу войскъ.

Статья 26. До тѣхъ поръ, пока россійскія Императорскія войска будутъ находиться въ мѣстностяхъ, имѣющихъ быть, въ силу настоящаго акта, возвращенными Блистательной Портѣ, управленіе и существующій порядокъ въ нихъ останутся въ томъ же видѣ, какъ во время занятія. Блистательная Порта не должна будетъ принимать никакого участія въ правленіи въ теченіе всего этого времени до окончательнаго выхода всѣхъ русскихъ войскъ. Оттоманскія войска могутъ вступить въ мѣстности, возвращаемыя Блистательной Портѣ, а послѣдняя приступить въ нихъ къ отправленію своей власти тогда лишь, когда для всякаго мѣста и всякой области, очищаемыхъ русскими войсками, начальникъ этихъ войскъ поставитъ о семъ въ извѣстность назначеннаго Блистательною Портою на этотъ случай офицера.

Статья 27. Блистательная Порта принимаетъ обязательство не преслѣдовать никоимъ образомъ и не дозволять преслѣдовать турецкихъ подданныхъ, которые были бы замѣшаны въ сношеніяхъ съ русской арміей во время войны. Въ случаѣ, еслибы нѣкоторыя лица пожелали удалиться съ своими семействами вслѣдъ за русскими войсками, оттоманскія власти тому не воспротивятся.

Статья 28-я. Немедленно по ратификаціи прелиминарнаго договора военноплѣнные будутъ взаимно возвращены при посредствѣ назначенныхъ съ той и другой стороны особыхъ коммиссаровъ, которые отправятся съ этою цѣлью въ

Одессу и Севастополь. Оттоманское правительство уплатитъ, въ восемнадцать равныхъ сроковъ, въ теченіе шести лѣтъ, согласно счетамъ, составленнымъ вышеупомянутыми коммиссарами, всѣ расходы по содержанію военно-плѣнныхъ, которые будутъ возвращены сему правительству. Обмѣнъ плѣнныхъ между оттоманскимъ правительствомъ и правительствами Румыніи, Сербіи и Черногоріи произойдетъ на такихъ же основаніяхъ; при этомъ, однако, въ денежныхъ разчетахъ число возвращаемыхъ оттоманскимъ правительствомъ плѣнныхъ будетъ вычитаемо изъ числа плѣнныхъ, которые будутъ ему возвращаемы.

Статья 29. Настоящій актъ будетъ ратификованъ Ихъ Императорскими Величествами Императоромъ Всероссійскимъ и императоромъ оттомановъ и ратификаціи будутъ обмѣнены въ пятнадцати-дневный срокъ или ранѣе, буде то возможно, въ Петербургѣ, гдѣ также произойдетъ соглашеніе относительно мѣста и времени, въ какомъ мѣстѣ и когда условія настоящаго акта будутъ облечены въ торжественную форму, обычную для мирныхъ трактатовъ. Пребываетъ однако вполнѣ установленнымъ, что высокія договаривающіяся стороны считаютъ себя формально связанными настоящимъ актомъ и приложили къ нему свои печати.

Условія подписаны графомъ Игнатьевымъ, Нелидовымъ, Савфетомъ и Садуллахомъ.

Берлинскій мирный трактатъ.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Александръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новогорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе, что вслѣдствіе взаимнаго соглашенія между Нами и Его Величествомъ Императоромъ Германскимъ, Королемъ Прусскимъ, Его Величествомъ Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Богемскимъ и проч. и Апостолическимъ Королемъ Венгерскимъ, Президентомъ Французской республики, Ея Величествомъ Королевою Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрицею Индіи, Его Величествомъ Королемъ Италіи и Его Величествомъ Императомъ Оттомановъ, полномочанные Наши заключили и подписали въ Бер-

линѣ, 1-го (13-го) Іюля 1878 года мирный трактатъ, который отъ слова до слова гласитъ тако:

Во имя Бога Всемогущаго.

Его Величество Императоръ Всероссійскій, Его Величество Императоръ Германскій, Король Прусскій, Его Величество Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и пр. и Апостолическій Король Венгріи, Президентъ Французской республики, Ея Величество Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи, Его Величество Король Италіи, Его Величество Императоръ Оттомановъ, желая разрѣшить, въ смыслѣ европейскаго строя, согласно постановленіямъ Парижскаго трактата 30-го марта 1856 года, вопросы возбужденные на востокѣ событіями послѣднихъ лѣтъ и войною, окончившеюся Санъ-Стефанскимъ прелиминарнымъ договоромъ, единодушно были того мнѣнія, что созваніе конгресса представляло бы наилучшій способъ для облегченія ихъ соглашенія.

Вслѣдствіе сего, вышепоименованныя Величества и Президентъ Французской республики назначили своими уполномоченными, а именно:

Его Величество Императоръ Всероссійскій:

Князя Александра Горчакова, Своего Государственнаго Канцлера,

Графа Петра Шувалова, генерала отъ кавалеріи, Своего генералъ-адъютанта, члена Государственнаго Совѣта и Своего чрезвычайнаго и полномочнаго Посла при ея Великобританскомъ Величествѣ

и Павла Убри, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Величествѣ Императорѣ Германскомъ, Королѣ Прусскомъ.

Его Величество Императоръ Германскій, Король Прусскій:

Князя Оттона Бисмарка, своего президента совѣта министровъ Пруссіи, государственнаго канцлера,

Бернарда Эрнеста Бюлова, своего государственнаго министра и государственнаго секретаря въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ

и Клодвига Карла Виктора, князя Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, князя Ратиборскаго и Корвейскаго, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Французской республикѣ, оберъ-камергера Баварскаго двора.

Его Величество Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и Апостолическій Король Венгріи:

Графа Юлія Андраши, Чикъ-Шентъ-Кирали и Крашна-Горка, Испанскаго гранда 1-го класса, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, своего министра Императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, фельдмаршала-лейтенанта своихъ армій,

Графа Луи Каролія Наги Кароли, камергера и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Величествѣ Императорѣ Германскомъ, Королѣ Прусскомъ,

и Барона Генриха Хеймерле, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Величествѣ Королѣ Италіи.

Президентъ Французской республики:

Вилліама Генриха Ваддингтона, сенатора, члена института, министра статсъ-секретаря въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ,

Карла Реймонда де-ла-Кроа-де-Шевріера, графа де-Сенъ-Валье, сенатора, чрезвычайнаго и полномочнаго посла Франціи при Его Величествѣ Императорѣ Германскомъ, Королѣ Прусскомъ

и Феликса Ипполита Депре, государственнаго совѣтника, полномочнаго министра 1-го класса, завѣдывающаго департаментомъ политическихъ дѣлъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Ея Величество Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи:

Высокопочтеннаго Веньямина Дизраэли, графа Биконсфильда, виконта Гюгенденъ, пэра парламента, члена тайнаго совѣта Ея Величества, перваго лорда казначейства Ея Величества и перваго министра Англіи,

Высокопочтеннаго Роберта Артура Талбота Гаскойнь Сесиль, маркиза де-Салисбюри, графа де-Салисбюри, виконта Криnборна, барона Сесиль, пэра парламента, члена тайнаго совѣта Ея Величества, главнаго статсъ-секретаря Ея Величества въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ

и Высокопочтеннаго лорда Одо Вельяма Леопольда Росселя, члена тайнаго совѣта Ея Величества, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Величествѣ Императорѣ Германскомъ, Королѣ Прусскомъ.

Его Величество Король Италіи:

Графа Луи Корти, сенатора, своего министра иностранныхъ дѣлъ

и Графа Эдуарда де-Лонней, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Величествѣ Императорѣ Германскомъ, Королѣ Прусскомъ,

и Его Величество Императоръ Оттомановъ:

Александра Каратеодори-пашу, своего министра публичныхъ работъ,

Мегемеда-Али-пашу, мушира своихъ армій

и Садулла-бея, своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла при Его Величествѣ Императорѣ Германскомъ, Королѣ Прусскомъ,

кои, вслѣдствіе предложенія австро-венгерскаго двора и по приглашенію германскаго двора, собрались въ Берлинѣ, снабженные полномочіями, найденными въ надлежащей и установленной формѣ.

Вслѣдствіе счастливо установившагося между ними согласія, они постановили нижеслѣдующія условія:

Статья I. Болгарія образуетъ изъ себя Княжество самоуправляющееся и платящее дань, подъ главенствомъ Его Императорскаго Величества Султана; она будетъ имѣть христіанское правительство и народную милицію.

Статья II. Болгарское Княжество будетъ заключать въ себѣ нижеслѣдующія территоріи:

Граница слѣдуетъ на сѣверѣ по правому берегу Дуная, начиная отъ старой границы Сербіи до пункта, который будетъ опредѣленъ европейскою коммиссіею, къ востоку отъ Силистріи и оттуда направляется къ Черному морю, на югъ отъ Мангаліи, которая присоединяется къ румынской территоріи. Черное море обра-

зуетъ восточную границу Болгаріи. На югъ граница поднимается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго находятся деревни Ходжа Кіей, Селамъ-Кіей, Айваджикъ, Кулибе, Суджулукъ; пересѣкаетъ косвенно долину Дели-Камчика, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемгалика и къ сѣверу отъ Хаджимагале, перейдя черезъ Дели Камчикъ въ $2^1/_2$ километрахъ выше Ченгея; достигаетъ гребня въ пунктѣ лежащемъ между Такенликомъ и Айдосъ-Бреджа и слѣдуетъ по оному чрезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Граница эта продолжается по главной цѣпи Большаго-Балкана и слѣдуетъ по всему ея протяженію до вершины Косица.

Здѣсь она оставляетъ хребетъ Балкана, спускается къ югу между деревнями Пиртопъ и Дужанцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріею, а вторая за Восточною Румеліею, до ручья Тузлу-Дере, слѣдуетъ по его теченію до сліянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до соединенія ея съ Смовскіо-Дере, близь деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліею пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскіо-Дере и Каменица, слѣдуя по линіи водораздѣла; затѣмъ, на высотѣ Войньяка, поворачиваетъ къ юго-западу и достигаетъ по прямому направленію пункта 875, обозначеннаго на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи верхній бассейнъ ручья Ихтиманъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ линіи водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Хаджиларомъ, слѣдуетъ по этой линіи по вершинамъ Велина Могилы чрезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чадыръ-Тепе.

Отъ Чадыръ-Тепе граница, направляясь къ юго-западу, слѣдуетъ по линіи водораздѣла между бассейнами Места Карасу съ одной стороны и Струма-Карасу съ другой, пролегаетъ по гребнямъ Родопскихъ горъ, называемыхъ Демиръ-Капу, Искофтепе, Кадимесаръ-Балканъ и Аджи-Гедюкъ, до Капетникъ-Балкана и сливается такимъ образомъ съ прежнею административною границею Софійскаго санджака.

Отъ Капетникъ-Балкана граница обозначается линіею водораздѣла между долинами Рильска-рѣка и Бистрица-рѣка и слѣдуетъ по отрогу, называемому Воденица-Планина, спускается въ долину Струмы, при сліяніи этой рѣки съ Рильска-рѣкою, оставляя деревню Баракли за Турціею. Она поднимается за симъ къ югу, отъ деревни Іелешница, достигаетъ по кратчайшей линіи цѣпи горъ Голема-Планина у вершины Гидка и тутъ примыкаетъ къ прежней административной границѣ Софійскаго санджака, оставляя однако за Турціею весь бассейнъ Сухой-рѣки.

Отъ горы Гидка западная граница направляется къ горѣ Црни-Врхъ по горамъ Карвена-Ябука, слѣдуя по старой административной границѣ Софійскаго санджака въ верхнихъ частяхъ бассейновъ Егрису и Лепницы, достигаетъ вмѣстѣ съ нею гребней Бабиной Поляны и оттуда горы Црни-Врхъ.

Отъ горы Црни-Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмою и

Моравою по вершинамъ Стрешера-Вилоголо и Мешидъ-Планина, далѣе чрезъ Гачину Црна-Трава, Дарковска и Драйница-Планина и чрезъ Дашчани-Кладанецъ достигаетъ водораздѣла Верхняго-Суково и Моравы, идетъ прямо на Столъ и спускаясь оттуда пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ въ разстояніи 1.000 метровъ къ сѣверо-западу отъ деревни Сегуша; она поднимается потомъ по прямой линіи на Видличъ-Планину и оттуда на гору Радочина, въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіею деревню Дойкинци, а за Болгаріею деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина граница направляется къ западу по гребню Балканскихъ горъ чрезъ Чипровецъ-Балканъ и Стара-Планина до прежней восточной границы Сербскаго Княжества, возлѣ Кулы-Смилеева-Чука и оттуда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Это разграниченіе будетъ установлено на мѣстѣ европейскою коммиссіею, въ которой державы, подписавшія трактатъ, будутъ имѣть своихъ представителей. Само собою разумѣется:

1. Что эта коммиссія приметъ во вниманіе необходимость для Его Величества Султана быть въ состояніи защитить границы Балканъ въ Восточной Румеліи.

2. Что въ районѣ 10-ти километровъ вокругъ Самакова не могутъ быть воздвигаемы укрѣпленія.

Статья III. Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ династій, царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ, не можетъ быть избираемъ Княземъ Болгаріи.

Въ случаѣ, если званіе Князя Болгарскаго останется не замѣщеннымъ, избраніе новаго Князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ.

Статья IV. Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Тырновѣ, выработаетъ, до избранія Князя, органическій уставъ Княжества.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгары перемѣшаны съ населеніями турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими, будутъ приняты во вниманіе права и интересы этихъ населеній по отношенію къ выборамъ и выработкѣ органическаго устава.

Статья V. Въ основу государственнаго права Болгаріи будутъ приняты слѣдующія начала:

Различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ болгарскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть также дѣлаемы какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья VI. Временное управленіе Болгаріи до окончательнаго составленія

органическаго устава Болгаріи будетъ находиться подъ руководствомъ Россійскаго Императорскаго коммиссара. Для содѣйствія ему, съ цѣлію наблюденія за ходомъ временнаго управленія, призваны императорскій оттоманскій коммиссаръ и консулы, для сего назначенные прочими державами подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства—съ Императорскимъ Россійскимъ коммиссаромъ или съ императорскимъ оттоманскимъ коммиссаромъ, представители въ Константинополѣ державъ, подписавшихъ трактатъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе.

Статья VII. Временное управленіе не можетъ быть продолжено болѣе срока девяти мѣсяцевъ отъ дня размѣна ратификацій настоящаго трактата.

Когда органическій уставъ будетъ оконченъ, немедленно послѣ сего будетъ приступлено къ избранію Князя Болгаріи. Какъ только Князь будетъ водворенъ, новое управленіе будетъ введено въ дѣйствіе и Княжество вступитъ въ полное пользованіе своею автономіею.

Статья VIII. Трактаты о торговлѣ и судоходствѣ, а равно всѣ конвенціи и отдѣльныя соглашенія, заключенныя между иностранными державами и Портою и нынѣ дѣйствующія, сохраняютъ свою силу въ Княжествѣ Болгаріи и въ нихъ не будетъ сдѣлано никакого измѣненія по отношенію къ какой бы то ни было державѣ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то согласія съ ея стороны.

Никакихъ транзитныхъ пошлинъ не будетъ взиматься въ Болгаріи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Княжество.

Подданные и торговля всѣхъ державъ будутъ пользоваться въ ней совершенно одинаковыми правами.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ права консульской юрисдикціи и покровительства, въ мѣрѣ, какъ они были установлены капитуляціями и обычаями, останутся въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ измѣнены съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

Статья IX. Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарское Княжество будетъ платить верховному правительству, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ впослѣдствіи времени Блистательною Портою, будетъ опредѣленъ по соглашенію между державами, подписавшими настоящій трактатъ, къ концу перваго года дѣйствія новаго управленія. Эта дань будетъ исчислена по разсчету средней доходности Княжества.

Болгарія будетъ обязана нести на себѣ часть государственнаго долга Имперіи; державы, при опредѣленіи дани, примутъ въ разсчетъ ту часть долга, которая должна будетъ пасть на долю Княжества по справедливому распредѣленію.

Статья X. Болгарія заступаетъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ обществу рущукско-варнской желѣзной дороги со времени обмѣна ратификаціи настоящаго трактата. Сведеніе прежнихъ счетовъ предоставляется соглашенію между Блистательною Портою, правительствомъ Княжества и управленіемъ этого общества.

Равнымъ образомъ Болгарское Княжество заступаетъ, въ соотвѣтственной долѣ,

Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Турціи по окончанію соединенія и эксплуатаціи желѣзно-дорожныхъ линій, находящихся на его территоріи.

Конвенціи, необходимыя для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, будутъ заключены между Австро-Венгріею, Портою, Сербіею и Болгарскимъ Княжествомъ немедленно послѣ заключенія мира.

Статья XI. Оттоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болгаріи; всѣ старыя крѣпости будутъ срыты на счетъ Княжества по истеченіи года или раньше, если можно; мѣстное правительство приметъ немедленно мѣры къ ихъ уничтоженію и не можетъ сооружать новыхъ. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему желанію военнымъ матеріаломъ и другими предметами, принадлежащими оттоманскому правительству, которые остались въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ войсками въ силу перемирія 31-го января, равно какъ и тѣми, которые найдутся въ крѣпостяхъ въ Шумлѣ и Варнѣ.

Статья XII. Собственники-мусульмане или другіе, которые поселятся внѣ Княжества, могутъ сохранить въ немъ свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или въ управленіе другимъ лицамъ.

На турецко-болгарскую коммиссію будетъ возложено окончательное рѣшеніе въ теченіи двухъ лѣтъ всѣхъ дѣлъ, касающихся способа отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты какъ государственными имуществами, такъ и принадлежащими духовнымъ учрежденіямъ (вакуфы), равно какъ и вопросовъ, касающихся до могущихъ быть замѣшанными въ нихъ интересовъ частныхъ лицъ.

Уроженцы Болгарскаго Княжества, путешествующіе или проживающіе въ другихъ частяхъ Оттоманской Имперіи, будутъ подчинены властямъ и законамъ оттоманскимъ.

Статья XIII. На югъ отъ Балканъ образуется провинція, которая получитъ наименованіе «Восточной Румеліи» и которая останется подъ непосредственною политическою и военною властью его императорскаго величества Султана, на условіяхъ административной автономіи. Она будетъ имѣть генералъ-губернаторомъ христіанина.

Статья XIV. Восточная Румелія граничитъ къ сѣверу и сѣверо-западу съ Болгаріею и вмѣщаетъ въ себѣ территоріи, заключающіяся въ слѣдующемъ очертаніи:

Начиная съ Чернаго моря, пограничная линія поднимается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго ручья находятся деревни Ходжакіей, Селамъ-Кіёй, Айваджикъ, Кулибе, Суджулугъ, косвенно пересѣкаетъ долину Дели-Камчика, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемгалика и къ сѣверу отъ Хаджимагале, перейдя черезъ Дели-Камчикъ въ $2^1/_2$ километрахъ выше Ченгея, достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа, и слѣдуетъ по оному черезъ Карнабатъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Касанъ-Бал-

капъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Она продолжается по главной цѣпи Большаго-Балкана и слѣдуетъ по всему ея протяженію до вершины Косица.

Въ этомъ мѣстѣ западная граница Румеліи оставляетъ гребень Балкана, спускается къ югу между деревнями Пиртопъ и Дужанцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріей, а вторая за Восточною Румеліею, до ручья Тузлу-Дере, слѣдуетъ по его теченію до сліянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до слiянія ея съ Смовскіо-Дере, близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліею пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія, поднимается между ручьями Смовскіо-Дере и Каменица слѣдуя по водораздѣлу, затѣмъ на высотѣ Войньяка поворачиваетъ къ юго-западу и достигаетъ въ прямомъ направленіи пункта 875 карты австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи верхній бассейнъ ручья Ихтиманъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Хаджиларомъ, слѣдуетъ по этой линіи по вершинамъ Велина-Могилы, чрезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы, и примыкаетъ къ административной границѣ Софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чатыръ-Тепе.

Граница Румеліи отдѣляется отъ границы Болгаріи у горы Четыръ-Тепе, слѣдуя по водораздѣлу бассейновъ Марицы и ея притоковъ съ одной стороны и Места-Карасу и ея притоковъ съ другой, и беретъ направленія юго-восточное и южное по гребню горъ Деспото-Дагъ къ горѣ Крушева (исходной точкѣ граничной черты Санъ-Стефанскаго договора).

Отъ горы Крушева граница совпадаетъ съ границей, опредѣленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ, т. е. идетъ по цѣпи Черныхъ Балканъ (Кара-Балканы), по горамъ Кулаши-Дагъ, Эшекъ-Чепеллю, Караколасъ и Ишикларъ, откуда она спускается прямо къ юго-востоку на соединеніе съ рѣкою Ардою, по руслу которой идетъ до пункта, лежащаго близъ деревни Ада-Чали, которая остается за Турціею.

Отъ этого пункта граничная линія поднимается до гребня Бештепе-Дагъ, по которому тянется и спускается, пересѣкая Марицу въ пунктѣ, лежащемъ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паши; за симъ она направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли-Дере и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Баира, откуда идетъ на востокъ къ Сакаръ-Баиру, потомъ пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверѣ, также какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дербента она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ, на высотѣ Кайбилара, которая остается за Восточною Румеліею, приходитъ къ югу отъ В. Алмалю между бассейномъ Марицы на югѣ и разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море, между деревнями Белевринъ и Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Караклика по гребнямъ Восны и Сувака, по линіи, отдѣляющее воды Дуки отъ водъ Карагачъ-Су и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія.

Статья XV. Его величеству Султану предоставляется право заботиться о

защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая укрѣпленія на этихъ границахъ и содержа въ нихъ войско.

Внутренній порядокъ охраняется въ Восточной Румеліи туземною стражею, при содѣйствіи мѣстной милиціи.

При формированіи какъ стражи, такъ и милиціи, коихъ офицеры назначаются Султаномъ, будетъ принято во вниманіе, смотря по мѣстностямъ, вѣроисповѣданіе жителей.

Его императорское величество Султанъ обязуется не употреблять въ пограничныхъ гарнизонахъ иррегулярныхъ войскъ, какъ-то: баши-бузуковъ и черкесовъ. Регулярныя же войска, назначаемыя для этой службы, ни въ какомъ случаѣ не будутъ размѣщаться по обывательскимъ домамъ. При переходѣ чрезъ область, войска эти не будутъ дѣлать въ ней остановокъ.

Статья XVI. Генералъ-Губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска въ случаѣ, если бы внутреннему или внѣшнему спокойствію области угрожала какая-либо опасность. Въ данномъ случаѣ Блистательная Порта обязана поставить въ извѣстность представителей державъ въ Константинополѣ о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ, его вызвавшихъ.

Статья XVII. Генералъ-Губернаторъ Восточной Румеліи будетъ назначаемъ Блистательною Портою, съ согласія державъ, на пяти-годичный срокъ.

Статья XVIII. Немедленно послѣ обмѣна ратификацій настоящаго трактата, будетъ назначена европейская коммиссія для разработки, совмѣстно съ Портою Оттоманскою, устройства Восточной Румеліи. На коммиссіи этой будетъ лежать обязанность опредѣлить въ трехъ-мѣсячный срокъ кругъ власти и аттрибуты генералъ-губернатора, а также образъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія области, принимая въ основу его различныя узаконенія о вилайетахъ и предложенія, внесенныя въ 8-е засѣданіе константинопольской конференціи. Собраніе постановленій относительно Восточной Румеліи послужитъ содержаніемъ для императорскаго фирмана, который будетъ обнародованъ Блистательною Портою и сообщенъ ея державамъ.

Статья XIX. На европейскую коммиссію будетъ возложена обязанность завѣдывать вмѣстѣ съ Блистательною Портою финансами области, впредь до окончательнаго устройства новой организаціи.

Статья XX. Трактаты, конвенціи и международныя соглашенія, какого бы они ни были свойства, заключенные или имѣющіе быть заключенными между Портою и иностранными державами, будутъ примѣнятся въ Восточной Румеліи какъ и во всей Оттоманской Имперіи. Льготы и привилегіи, предоставленныя иностранцамъ, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, будутъ уважаемы въ этой провинціи. Блистательная Порта принимаетъ обязательство наблюдать въ этой области надъ исполненіемъ общихъ законовъ Имперіи относительно религіозной свободы въ примѣненіи ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Статья XXI. Права и обязательства Блистательной Порты по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ въ Восточной Румеліи остаются неизмѣнными.

Статья XXII. Русскій оккупаціонный корпусъ Болгаріи и Восточной Руме-

ліи будетъ состоять изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій и не превзойдетъ 50,000 человѣкъ. Онъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Оккупаціонныя войска сохранятъ сообщенія съ Россіею не только чрезъ Румынію, въ силу соглашенія, имѣющаго быть заключеннымъ между обоими государствами, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ, въ которыхъ имъ предоставлено будетъ право устроить на все продолженіе занятія необходимые склады.

Срокъ занятія Восточной Румеліи и Болгаріи Императорскими Россійскими войсками опредѣляется въ девять мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата.

Императорское Россійское Правительство обязуется окончить въ послѣдующій трехъ-мѣсячный срокъ проведеніе своихъ войскъ чрезъ Румынію и совершенное очищеніе этого Княжества.

Статья XXIII. Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года, съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примѣненные къ мѣстнымъ потребностямъ, за исключеніемъ однако изъ нихъ льготъ въ податяхъ, предоставленныхъ Криту, будутъ также введены и въ другихъ частяхъ Европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не было предусмотрѣно настоящимъ трактатомъ.

Разработка подробностей этихъ новыхъ уставовъ будетъ поручена Блистательною Портою въ каждой области особымъ коммиссіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе.

Проекты организацій, которые будутъ результатомъ этихъ трудовъ, будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты.

Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта посовѣтуется съ европейскою коммиссіею, назначенною для Восточной Румеліи.

Статья XXIV. Въ тѣхъ случаяхъ, когда между Блистательною Портою и Греціею не послѣдуетъ соглашенія относительно исправленія границъ, указаннаго въ тринадцатомъ протоколѣ берлинскаго конгресса, Германія, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія и Россія предоставляютъ себѣ предложить обѣимъ сторонамъ свое посредничество для облегченія переговоровъ.

Статья XXV. Провинціи Босвія и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріею. Австро-Венгерское правительство не желаетъ принять на себя управленіе Новибазарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербіею и Черногоріею по направленію на юго-востокъ за Митровицу; оттоманское управленіе останется въ немъ въ дѣйствіи по прежнему. Но для того, чтобы обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право содержать гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговыя на всемъ протяженіи этой части прежняго Боснійскаго вилайета.

Съ этою цѣлью правительства Австро-Венгріи и Турціи предоставляютъ себѣ условиться о подробностяхъ.

Статья XXIV. Независимость Черногоріи признается блистательною Портою и всѣми тѣми высокими договаривающимися сторонами, которыя еще ея не признавали.

Статья XXVII. Высокія договаривающіяся стороны условились о слѣдущемъ:

Въ Черногоріи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ, либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ, въ какой бы то мѣстности ни было.

Всѣмъ черногорскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія: не могутъ быть дѣлаемы какія-либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ обществъ и въ сношеніи ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья XXVIII. Новыя границы Черногоріи опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Граничная черта, начиная отъ Илинобрдо, къ сѣверу отъ Клобука, спускается по Требинчице къ Гранчарево, которое останется за Герцеговиною; потомъ поднимается вверхъ по теченію этой рѣки до пункта находящагося въ разстояніи одного километра ниже сліянія Чепелицы, и оттуда достигаетъ по кратчайшей линіи высотъ, окаймляющихъ Требинчицу. Далѣе она направляется къ Пилатову, оставляя эту деревню за Черногоріей, тянется по высотамъ въ сѣверномъ направленіи, по возможности не удаляясь больше чѣмъ на 6 километровъ отъ дороги Билекъ-Корито Гацко до перевала, находящагося между Сомина-Планиною и горою Чурило; оттуда она идетъ на востокъ чрезъ Вратковичи, оставляя эту деревню за Герцеговиною, до горы Орлинъ. Отъ этого мѣста граница, оставляя Равно Черногоріи, направляется прямо на сѣверо-востокъ, переходя чрезъ вершины Леберсника и Волуяка, потомъ спускается по кратчайшей линіи на Пиву, пересѣкаетъ ее и примыкаетъ къ р. Тарѣ, пройдя между Церквицею и Недвиною. Отъ этаго пункта она поднимается вверхъ по Тарѣ до Мойковца, откуда тянется по гребню горнаго отрога до Шишкоезеро. Отъ этой мѣстности она сливается съ прежнею границею до дер. Шекуляре. Отсюда новая граница направляется по гребнямъ Мокрой-Планины, оставляя за Черногоріею деревню Мокра, и достигаатъ пункта 2.166 карты австрійскаго генеральнаго штаба, слѣдуя по главной цѣпи и по водораздѣлу между Лимомъ съ одной стороны и Дриномъ, а также Ціевною (Земъ) съ другой.

Далѣе пограничная черта сливается съ существующей нынѣ границею между племенемъ Кучей-Дрикаловичей съ одной стороны, Кучкою-Крайнею и племенами Клементи и Груди съ другой, до равнины Подгорицкой, откуда она направляется на Плавницу, оставляя за Албаніею племена Клементи, Груди и Хоти.

Отсюда новая граница пересѣкаетъ озеро близъ островка Горица-Топалъ и отъ Горица-Топалъ достигаетъ по прямому направленію вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ, оставляя Мрковичъ за Черногоріею и примыкая къ Адріатическому морю въ В. Кручи.

На сѣверо-западѣ границу образуетъ линія, идущая отъ берега между деревнями Шушаны и Зубцы и примыкающая къ крайнему юго восточному пункту нынѣшней границы Черногоріи на Вршута-Планинѣ.

Статья XXIX. Антивари и его территорія присоединяются къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣстности, лежащія къ югу отъ этой территоріи, согласно вышеизложенному разграниченію, до р. Бояны, включая Дульциньо, будутъ возвращены Турціи.

Община Спицы до сѣверной границы территоріи, обозначенной въ подробномъ описаніи границъ, будетъ включена въ составъ Далмаціи.

Черногоріи предоставляется полная свобода судоходства по р. Боянѣ. Никакія укрѣпленія не будутъ воздвигаемы на протяженіи этой рѣки, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты Скутарской крѣпости, каковыя не могутъ простираться далѣе шести километровъ разстоянія отъ этого города.

Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага.

Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Укрѣпленія, находящіяся между озерами и прибрежьемъ, на черногорской территоріи будутъ срыты и никакія новыя не могутъ быть возводимы въ этой чертѣ.

Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ производить Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ.

Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ Далмаціи морскія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны, обязуется оказывать чрезъ своихъ консуловъ покровительство черногорскому торговому флагу.

Черногорія должна войти въ соглашеніе съ Австро-Венгріею касательно права постройки и содержанія дороги и рельсоваго пути чрезъ новую черногорскую территорію.

Полная свобода сообщеній будетъ обезпечена на этихъ путяхъ.

Статья XXX. Мусульмане и другія лица, владѣющія недвижимою собственностію въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Черногоріи, которыя пожелали бы поселиться внѣ Княжества, могутъ сохранить за собой свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или управляя ими при посредствѣ другихъ лицъ.

Ни у кого не можетъ быть отчуждена недвижимая собственность иначе, какъ законнымъ порядкомъ, ради общественной пользы и за предварительное вознагражденіе.

На турецко-черногорскую коммиссію будетъ возложено окончательное устройство въ трехлѣтній срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи и пользованія, за счетъ Блистательной Порты, имуществъ, принадлежащихъ государству, богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопро-

совъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ помянутыхъ дѣлахъ.

Статья XXXI. Княжество Черногорія войдетъ въ прямое соглашеніе съ Блистательною Портою касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополь и въ другія мѣстности Оттоманской Имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ.

Черногорцы, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской Имперіи, будутъ подчинены турецкимъ законамъ и властямъ, согласно общимъ принципамъ международнаго права и обычаямъ, установившимся относительно черногорцевъ

Статья XXXII. Черногорскія войска будутъ обязаны очистить въ двадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата, или же прежде, буде возможно, территорію, занимаемую ими нынѣ внѣ новыхъ предѣловъ Княжества.

Оттоманскія войска очистятъ уступленныя Черногоріи территоріи въ тотъ же двадцати-дневный срокъ. Имъ, однако же, будетъ данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XXXIII. Такъ какъ Черногорія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей мирнымъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ опредѣлятъ, вмѣстѣ съ Оттоманскою Портою, размѣръ этой части на справедливомъ основаніи.

Статья XXXIV. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Сербскаго Княжества при условіяхъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

Статья XXXV. Въ Сербіи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми сербскими уроженцами, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья XXXVI. Сербія получаетъ территоріи, заключающіяся въ нижеслѣдующихъ границахъ:

Новая граница слѣдуетъ по нынѣшней пограничной чертѣ, поднимаясь вверхъ по руслу Дрины отъ сліянія ея съ Савой, и оставляя за Княжествомъ Малый Зворникъ и Сахаръ, продолжается вдоль прежней границы Сербіи до Копаоника, отъ котораго отдѣляется на вершинѣ Канилуга. Оттуда она идетъ сначала вдоль западной границы Нишскаго санджака, по южному отрогу Копаоника, по гребнямъ Марицы и Мрдаръ-Планины, образующимъ водораздѣлъ бассейновъ Ибa-

ра и Ситницы съ одной стороны и Топлицы съ другой, оставляя Преполакъ за Турціею. Затѣмъ она поворачиваетъ къ югу, по водораздѣлу Брвеницы и Медведжи, оставляя весь бассейнъ, Медведжи за Сербіею, идетъ по хребту Гольякъ-Планины (образующему водораздѣлъ между Крива-Ріекою съ одной стороны и Польяницей, Ветерницей и Моравой съ другой) до вершины Польяницы. Потомъ она направляется по отрогу Карпина-Планины до слiянія Коиска съ Моравой переходитъ эту рѣку, поднимается по водораздѣлу между ручьемъ Коиска и ручьемъ, впадающимъ въ Мораву близъ Нерадовца и достигаетъ Планины Св. Иліи выше Трговишты. Отсюда она идетъ по гребню Св. Иліи до горы Ключъ и пройдя чрезъ означенные на картѣ пункты 1516 и 1547 и чрезъ Бабину-Гору, примыкаетъ къ горѣ Черный-Врхъ.

Начиная отъ горы Черный-Врхъ, новая пограничная черта сливается съ пограничною чертою Болгаріи, а именно:

Отъ горъ Черный-Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмой и Моравой по вершинамъ Стрешера, Вилоголо и Мешидъ-Планины чрезъ Гачину, Чрна-Траву, Даркосвку, Драйницу-Планъ и чрезъ Дескани Кладанецъ достигаетъ водораздѣла Верхней-Суковы и Моравы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь оттуда, пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ; въ разстояніи 1.000 метровъ къ сѣверо-западу отъ деревни Сегуша поднимается потомъ по прямой линіи на Видличъ-Планину и оттуда на гору Радочину въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіею деревню Дойкиничи, а за Болгаріею деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина граница направляется къ сѣверо-западу по гребню Балканскихъ горъ чрезъ Цыпровецъ-Балканъ и Стару Планину до прежней восточной границы Сербскаго Княжества, возлѣ Кулы-Смиліова-Чука, и оттуда этою же границею Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Статья XXXVII. Впредь до заключенія новыхъ соглашеній въ Сербіи никакихъ измѣненій не послѣдуетъ въ нынѣ существующихъ условіяхъ коммерческихъ сношеній Княжества съ иностранными государствами.

Никакой транзитной пошлины не будетъ взиматься съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Сербію.

Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ и права консульской юрисдикціи и покровительства, останутся, какъ онѣ нынѣ существуютъ, въ полной силѣ, пока не будутъ измѣнены съ общаго согласія Княжества и заинтересованныхъ державъ.

Статья XXXVIII. Княжество Сербія заступаетъ въ соотвѣтственной долѣ Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и относительно общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ Европейской Турціи, по окончанію, соединенію, а также по эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ быть проведенными на вновь пріобрѣтенной Княжествомъ территоріи.

Необходимыя для разрѣшенія этихъ вопросовъ конвенціи будутъ заключены немедленно по подписаніи настоящаго трактата между Австро-Венгріею, Сербіею и Княжествомъ Болгаріи въ границахъ его компетентности.

Статья XXXIX. Мусульмане, владѣющіе недвижимою собственностью въ присоединенныхъ къ Сербіи территоріяхъ и которые пожелали бы избрать мѣстожительство внѣ Княжества, будутъ имѣть право сохранить въ Княжествѣ свои недвижимыя имущества, отдавая ихъ въ аренду или же поручая управленіе ими другимъ лицамъ.

На турецко-сербскую коммиссію будетъ возложено окончательное устройство въ опредѣленный срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ государству и богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшенія вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ этихъ дѣлахъ.

Статья XL. До заключенія трактата между Турціею и Сербіею сербскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Турецкой Имперіи, будутъ пользоваться правами, согласно основнымъ началамъ международнаго права.

Статья XLI. Сербскія войска будутъ обязаны очистить въ пятнадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата мѣстности, не включенныя въ новыя границы Княжества.

Оттоманскія войска очистятъ въ тотъ же пятнадцатидневный срокъ территоріи, уступленныя Сербіи. Имъ будетъ однако же данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XLII. Такъ какъ Сербія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей настоящимъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Блистательной Портой, опредѣлятъ размѣръ этой части на справедливыхъ основаніяхъ.

Статья XLIII. Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Румыніи при условіяхъ, изложенныхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Статья XLIV. Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы ни было мѣстности.

Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми уроженцами Румынскаго государства, такъ и за иностранцами и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами. Подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ.

Статья XLV. Княжество Румынія уступаетъ обратно Его Величеству Императору Всероссійскому часть Бессарабской территоріи, отшедшей отъ Россіи по

Парижскому трактату 1856 года, ограниченную съ запада русломъ Прута, съ юга русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго Стамбула.

Статья XLVI. Острова, составляющіе дельту Дуная, а также островъ Змѣиный, Тульчинскій санджакъ, вмѣщающій округи (казы) Килію, Сулину, Махмудіе, Исакчу, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстендже и Меджидье, присоединяются къ Румыніи. Княжество, кромѣ того, получаетъ территорію, лежащую на югъ отъ Добруджи, до черты, начинающейся къ востоку отъ Силистріи и оканчивающейся у Чернаго моря къ югу отъ Мангаліи.

Очертаніе границы будетъ опредѣлено на мѣстѣ европейскою коммисіею, установленною для разграниченія Болгаріи.

Статья XLVII. Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловляхъ будетъ предложенъ посредничеству европейской дунайской коммисіи.

Статья XLVIII. Никакая транзитная пошлина не будетъ взимаема въ Румыніи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Княжество.

Статья XLIX. Конвенціи могутъ быть заключаемы Румыніею для установленія привилегіи и круга дѣйствій консуловъ въ дѣлѣ оказыванія ими покровительства въ Княжествѣ. Пріобрѣтенныя права останутся въ силѣ, пока не будутъ измѣнены по общему согласію Княжества съ заинтересованными сторонами.

Статья L. До заключенія трактата между Турціею и Румыніею, установляющаго привилегіи и кругъ дѣйствій консуловъ, румынскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской Имперіи, и оттоманскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Румыніи, будутъ пользоваться правами обезпеченными за подданными прочихъ державъ.

Статья LI. Во всемъ, что касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода, Румынія на всей уступленной ей территоріи заступитъ Блистательную Порту въ ея правахъ и обязанностяхъ.

Статья LII. Для увеличенія гарантій, обезпечивающихъ свободу судоходства по Дунаю, за которой признается общеевропейскій интересъ, высокія договаривающіяся стороны постановляютъ, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по теченію рѣки отъ Желѣзныхъ Воротъ до ея устья будутъ срыты и что новыхъ возводимо не будетъ. Никакое военное судно не можетъ впредь плавать по Дунаю внизъ отъ Желѣзныхъ-Воротъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, предназначаемыхъ для рѣчной полиціи и таможенной службы. Стасіонеры державъ въ устьяхъ Дуная могутъ однако подниматься до Галаца.

Статья LIII. Европейская дунайская коммиссія, въ коей Румынія будетъ имѣть представителя, сохраняетъ свой кругъ дѣйствій, который отнынѣ распространяется до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей. Всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязательствъ подтверждаются.

Статья LIV. За годъ до истеченія срока, опредѣленнаго для дѣятельности европейской коммиссіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или объ измѣненіяхъ, которыя онѣ признаютъ необходимымъ сдѣлать.

Статья LV. Правила о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ отъ Желѣз-

ныхъ-Воротъ до Галаца будутъ выработаны европейскою коммисіею при содѣйствіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ и будутъ согласованы съ тѣми, которыя были или будутъ изданы для участка рѣки внизъ отъ Галаца.

Статья LVI. Европейская дунайская коммиссія войдетъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ соглашеніе для обезпеченія содержанія маяка на Змѣиномъ островѣ.

Статья LVII. Выполненіе работъ къ устраненію препятствій, которыя представляютъ судоходству Желѣзныя-Ворота и пороги, поручается Австро-Венгріи. Прибрежныя государства этой части рѣки окажутъ всѣ облегченія, которыя могутъ потребоваться для успѣха работъ.

Постановленіе 6-й статьи лондонскаго договора 13-го марта 1871 года касательно права взиманія временной таксы для покрытія расходовъ по выполненію вышеозначенныхъ работъ остаются въ силѣ въ пользу Австро-Венгріи.

Статья LVIII. Блистательная Порта уступаетъ Россійской Имперіи въ Азіи территоріи Ардагана, Карса и Батума, съ портомъ послѣдняго, равно какъ и всѣ территоріи, заключающіяся между прежнею русско-турецкою границею и слѣдующею пограничною чертою:

Новая граница, направляясь отъ Чернаго моря, согласно пограничной линіи, опредѣленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ, до пункта къ сѣверо-западу отъ Хорды и къ югу отъ Артвина, продолжается по прямой линіи до рѣки Чоруха, пересѣкаетъ эту рѣку и проходитъ къ востоку отъ Ашмишена, слѣдуя по прямой линіи къ югу, на соединеніе съ русскою границею, обозначенною въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, въ пунктѣ на югъ отъ Нарнмана, оставляя городъ Ольти за Россіею. Отъ пункта, обозначеннаго близъ Нарнмана, граница поворачиваетъ къ востоку, проходитъ чрезъ Тебренекъ, остающійся за Россіею, и доходитъ до Пенекъ-Чая.

Она идетъ по этой рѣкѣ до Бардуза, потомъ направляется къ югу, оставляя Бардузъ и Іоннкіей за Россіею. Отъ пункта, находящагося на западъ отъ деревни Карауганъ, граница направляется на Меджингертъ, продолжается по прямому направленію до вершины горы Кассадагъ и слѣдуетъ по водораздѣлу притоковъ Аракса на сѣверѣ и Мурадъ-Су на югѣ, до прежней русской границы.

Статья LXI. Его Величество Императоръ Всероссійскій объявляетъ, что Его намѣреніе сдѣлать Батумъ порто-франко по преимуществу коммерческимъ.

Статья LX. Долина Алашкерта и городъ Баязетъ, уступленные Россіи статьею XIX Санъ-Стефанскаго договора, возвращаются Турціи.

Блистательная Порта уступаетъ Персіи городъ и территорію Котуръ, соотвѣтственно тому, какъ она была опредѣлена смѣшанною англо-русскою коммисіею по турецко-персидскому разграниченію.

Статья LXI. Блистательная Порта обязуется осуществить, безъ дальнѣйшаго замедленія, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями, въ областяхъ, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ черкесовъ и курдовъ. Она будетъ періодически сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ.

Статья LXII. Такъ какъ Блистательная Порта выразила твердое намѣреніе

119

соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе.

Ни въ какой части Оттоманской Имперіи различіе вѣроисповѣданія не можетъ подавать повода къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія свободныхъ занятій и ремеслъ.

Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданій, свидѣтельствовать въ судахъ.

Свобода и внѣшнія отправленія всякаго богослуженія обезпечиваются за всѣми, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ назличныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ Европейской или Азіятской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями.

Право оффиціальнаго покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами державъ въ Турціи какъ по отношенію вышепоименованныхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ, на Святыхъ Мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются за нею, и само собою разумѣется что *statu quo* на Святыхъ Мѣстахъ не можетъ подвергнуться никакому нарушенію.

Иноки Аѳонской горы, изъ какой бы они ни были страны, сохраняютъ свои имущества и будутъ пользоваться безъ всякихъ исключеній полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ.

Статья LXIII. Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года, а также лондонскій договоръ 13 го марта 1871 года сохраняютъ свою силу во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены вышеприведенными статьями.

Статья LXIV. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификаціи послѣдуетъ въ Берлинѣ въ трехнедѣльный срокъ, а буде возможно и ранѣе.

Въ силу чего всѣ уполномоченные подписали его, съ приложеніемъ герба своихъ печатей.

Въ Берлинѣ, іюля тринадцатцаго дня тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмаго года.

(м. п.) Подписали: Горчаковъ.
(м. п.) » Шуваловъ.
(м. п.) » П. Убри.

(м. п.) » Ф.-Бисмаркъ.
(м. п.) » В. Бюловъ.
(м. п.) » Гогенлоэ.

(м. п.) » Андраши.
(м. п.) » Кароли.
(м. п.) » Хеймерлэ.

(м. п.) » Ваддингтонъ.
(м. п.) » Сенъ-Валлье.
(м. п.) » Н. Депре.

(м. п.) » Биконсфильдъ.
(м. п.) » Салисбюри.
(м. п.) » Одо Россель.

(м. п.) » Л. Корти.
(м. п.) » Лонэй.

(м. п.) » А. Каратеодори.
(м. п.) » Мехемедъ-Али.
(м. п.) » Садуллахъ.

Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего трактата, Мы приняли его за благо, подтвердили и ратификовали, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его содержаніи, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ, Наслѣдниковъ и Преемниковъ Нашихъ, что все въ томъ трактатѣ постановленное соблюдаемо и исполняемо будетъ ненарушимо. Въ удостовѣреніе чего Мы сію Нашу Императорскую ратификацію Собственноручно подписавъ, повелѣли утвердить Государственною Нашею печатью. Дано въ Царскомъ Селѣ, іюля пятнадцатаго дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмое, Царствованія же Нашего въ двадцать четвертое.

Подлинная подписана Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

(м. п.)

Контрасигнировалъ: Государственный Канцлеръ князь *Горчаковъ*.

Объясненія Правительственнаго Вѣстника по поводу ратификаціи Берлинскаго трартата *).

Берлинскій трактакъ ратификованъ.

Настало время обсудить этотъ европейскій актъ, вѣнчающій войну, предпринятую Россіею не по расчету, не изъ матеріальныхъ выгодъ или честолюбивыхъ политическихъ замысловъ, но въ силу чувства, заглушающаго всякія постороннія побужденія, изъ чувства христіанскаго, чувства человѣколюбія, того

*) Правит. Вѣстн. № 167, 1878 г.

чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго человѣка, при видѣ вопіющаго зла.

Русскій народъ и доблестныя русскія войска, явившіе такъ много самоотверженія, имѣютъ нынѣ полное основаніе отдать себѣ отчетъ въ результатахъ понесенныхъ ими жертвъ. Но для правильной оцѣнки этихъ результатовъ, оцѣнки чуждой всякой страстности, всякаго предубѣжденія и недовѣрія, должно прослѣдить событія послѣдняго времени въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, начиная отъ породившихъ ихъ причинъ до окончательнаго исхода.

Съ первыхъ же дней нынѣшнихъ смутъ на востокѣ, Императорскій Кабинетъ предвидѣлъ, что это есть только начало весьма серьезныхъ усложненій. Герцеговинское возстаніе, довольно незначительное само по себѣ, было именно тою каплею, отъ которой чаша переполнилась. Наше Правительство, стремясь предотвратить всякое столкновеніе на востокѣ и въ Европѣ, приняло на себя почипъ переговоровъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, и выразило ему полную готовность поддержать всякую комбинацію, которая была бы придумана съ согласія всѣхъ великихъ державъ для успокоенія смутъ и предотвращенія кризиса.

Послѣдствіями такого образа дѣйствій были попытки соглашенія консульской коммиссіи и нота графа Андраши отъ 30-го декабря 1875 года, принятая всѣми державами. Нота графа Андраши заключала въ себѣ цѣлый рядъ преобразованій и улучшеній, которыя кабинеты, подписавшіе трактатъ 1856 и 1871 годовъ, рекомендовали Портѣ, съ цѣлью водворенія спокойствія и въ видахъ исполненія Портою ея обязательствъ по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ Султана.

Но всѣ эти добрыя намѣренія не привели ни къ какому результату, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія гарантій. Не будучи ничѣмъ гарантированы, усташи отказались сложить оружіе и возвратиться въ свои дома, а между тѣмъ Порта дѣлала заявленія, что до тѣхъ поръ, пока они не положатъ оружія, она не въ состояніи осуществить реформы, признанные ею въ принципѣ. Турецкое правительство пошло даже дальше ноты Андраши и обнародовало программу заключавшую въ себѣ еще болѣе широкія и либеральныя учрежденія. Но всѣ эти реформы на бумагѣ, лишенныя всякой серьезной санкціи, не могли внушить никакого довѣрія народамъ, терпѣніе которыхъ уже такъ долго подвергалось испытанію.

Это было тяжелое положеніе, изъ котораго необходимо было найти выходъ. Нужно было рѣшиться, въ дѣлѣ умиротворенія, сдѣлать еще лишній шагъ противъ того, чѣмъ ограничивались европейскіе кабинеты. Только авторитетъ всей Европы могъ представить предположеннымъ улучшеніямъ необходимую гарантію сдѣлать ихъ дѣйствительными и внушить довѣріе христіанамъ.

Такова была цѣль берлинскаго меморандума (апрѣль 1876 г.). Составленный съ согласія князя Бисмарка и графа Андраши, онъ былъ сообщенъ представителямъ великихъ державъ въ Берлинѣ для совмѣстнаго обсужденія. Въ немъ былъ поставленъ принципъ совокупныхъ дѣйствій всей Европы, который дол-

женъ былъ гарантировать предложенныя европейскими кабинетами реформы. По мнѣнію нашего кабинета, эти совокупныя дѣйствія должны были состоять въ демонстраціи соединенныхъ флотовъ какъ передъ Константинополемъ, такъ и вдоль береговъ Европейской и Азіятской Турціи и въ портахъ, въ коихъ спокойствіе не было достаточно обезпечено. Цѣль демонстраціи должна была заключаться: во первыхъ въ томъ, чтобы побудить Порту исполнить общее требованіе Европы и во вторыхъ, чтобы успокоить христіанское населеніе и блюсти за его безопасностію.

Принятое большею частію кабинетовъ, это предложеніе встрѣтило отпоръ со стороны Англійскаго правительства, которое полагало, что мѣры давленія несовмѣстимы съ трактатомъ, гарантирующимъ Портѣ независимость ея внутренней администраціи.

Съ этой минуты потокъ событій направлялся къ исходу, который легко было бы предвидѣть. Напряженное состояніе, проявлявшееся на границахъ Сербіи и Черногоріи, повело къ открытому разрыву между этими княжествами и Портою. Можно было опасаться, что пожаръ распространится на всемъ востокѣ.

Несмотря на затруднительность положенія, нашъ кабинетъ не ослабилъ однако своихъ усилій, чтобы соединить всѣ великія державы для общаго дѣйствія, необходимость котораго чувствовалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Съ этою цѣлью мы предложили въ Вѣнѣ и Лондонѣ совокупную военную демонстрацію; Россіи—въ Болгаріи, Австріи—въ Босніи и европейскихъ эскадръ—въ Константинополѣ и вообще въ водахъ Леванта. Подобно предъидущему и вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, это предложеніе не было принято.

Константинопольская конференція, собравшаяся на основаніи предложенныхъ лондонскимъ кабинетомъ началъ, была послѣднею попыткою поддержать миръ. Европа во имя своихъ интересовъ, связанныхъ съ сохраненіемъ мира, рѣшилась на вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи, но на вмѣшательство только моральное. Портѣ былъ предложенъ и совмѣстно съ нею подвергнутъ обсужденію цѣлый планъ реформъ, имѣющихъ цѣлью согласить права власти Султана съ условіями благоденствія его христіанскихъ подданныхъ. Не были забыты и матеріальныя гарантіи, которыя, не имѣя принудительнаго характера, несогласнаго съ трактатами, казались достаточными для практическаго осуществленія реформы. Порта отвѣчала новымъ отказомъ.

Между тѣмъ война съ Сербіей и Черногоріей шла своимъ чередомъ. Убійства, совершенныя въ Болгаріи и возбудившія негодованіе всей Европы, доказали, до какихъ крайностей эта жестокая борьба можетъ довести мусульманскій фанатизмъ.

Послѣ всѣхъ усилій, которыя Императорскій Кабинетъ дѣлалъ съ цѣлью предотвратить столь печальное положеніе дѣлъ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ происходящаго. Борьба, разыгравшаяся на Балканскомъ полуостровѣ, слишкомъ близко затрогивала интересы Россіи и какъ великой европейской державы, сосѣдней съ Турціею, и какъ страны единовѣрной и единоплеменной съ христіанскими подданными Порты. Стало вполнѣ очевиднымъ, что

до тѣхъ поръ, пока турецкое правительство, основываясь на трактатѣ 1856 года, будетъ увѣрено въ полной безнаказанности, невозможно будетъ добиться отъ турецкой администраціи, способной только на акты насилія, никакихъ реформъ. Приходилось согласиться, либо на полное подавленіе христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, что было несогласно съ интересами Европы и возмутительно съ общечеловѣческой точки зрѣнія, либо ожидать и впредь періодическихъ взрывовъ, опасныхъ для общаго мира.

Императорскій Кабинетъ не считалъ возможнымъ согласиться на такое положеніе вещей. Ему уже пришлось однажды остановить посредствомъ рѣшительнаго ультиматума турецкія войска, готовыя возобновить въ Сербіи такія же убійства, какъ и въ Болгаріи. Если постановленія константинопольской конференціи оставались бы лишенными всякой обязательной для турокъ санкціи, то это могло только укрѣпить въ нихъ противудѣйствіе общимъ желаніямъ Европы.

Въ этихъ видахъ, Его Величество Государь Императоръ повелѣлъ мобилизировать на южныхъ границахъ Имперіи извѣстную часть своей арміи. Но въ виду неудачи, постигшей константинопольскую конференцію, раньше чѣмъ перейти къ рѣшительнымъ мѣрамъ, Его Величество повелѣлъ освѣдомиться у всѣхъ кабинетовъ, принимавшихъ участіе въ виду рѣшительнаго отказа Порты подчиниться совѣтамъ и желаніямъ Европы. На этотъ вопросъ не было получено опредѣленнаго отвѣта. Не трудно было замѣтить, что европейскія правительства не рѣшаются прибѣгнуть ни къ какимъ энергическимъ мѣрамъ и готовы возложить все упованіе на время, на благонамѣренность Порты и на исключительно нравственное давленіе со стороны европейскихъ кабинетовъ.

Даже при обыкновенныхъ условіяхъ, такая уступчивость должна была бы укрѣпить въ умахъ турецкихъ министровъ убѣжденіе, что Европа связала себѣ руки трактатомъ 1856 года, и что они могутъ съ полнѣйшею безопасностью пренебрегать ея постановленіями, оставаясь при своихъ старыхъ порядкахъ. Но при данной обстановкѣ, при ожесточеніи борьбы, возбужденіе страстей и фанатизма, слѣдовало разсчитывать, что слабость, выказанная Европою, повлечетъ за собою нетолько продолженіе на неопредѣленное время прежней системы административнаго террора, но что насилія и злоупотребленія дойдутъ до еще большихъ размѣровъ и кончатся либо полнѣйшимъ порабощеніемъ всѣхъ христіанъ, либо ихъ истребленіемъ.

Въ Лондонѣ была сдѣлана еще одна послѣдняя попытка, долженствовавшая послужить Портѣ серьезнымъ предостереженіемъ. Составленный по этому случаю протоколъ имѣлъ цѣлью поддержать выразившееся на константинопольской конференціи участіе Европы къ турецкимъ реформамъ, засвидѣтельствовать обѣщанія турецкаго правительства, перечислить тѣ пункты, по которымъ оно приняло на себѣ извѣстныя обязательства, и пригласить его добросовѣстно вступить на указанный державами путь преобразованій. Въ противномъ случаѣ, державы, признавая, что существующій порядокъ вещей несовмѣстимъ съ всеобщими интересами, должны были бы сами подумать о способахъ, чтобы обезпечить улучшеніе быта христіанскихъ подданныхъ Порты. Императорскій Кабинетъ

прибавилъ къ этому декларацію, что если указанный протоколъ будетъ принятъ Портою, если будетъ заключенъ миръ съ Черногоріею, если турецкое правительство заявитъ своими дѣйствіями рѣшимость привести въ исполненіе реформы, и если убійства не будутъ больше возобновляться, то Россія охотно вступитъ въ соглашеніе съ уполномоченнымъ Султана, относительно демобилизаціи и разоруженія.

Отъ вниманія Порты, конечно, не могъ укрыться недостаточно рѣшительный характеръ протокола. Державы не рѣшались прибѣгнуть къ какому-нибудь давленію или къ какому бы то ни было общему дѣйствію по отношенію къ турецкому правительству; онѣ ограничились предоставленіемъ себѣ права только подумать о способахъ къ обезпеченію участи христіанъ. Сверхъ того, Лондонскій кабинетъ счелъ нужнымъ заявить, что если протоколъ не вызоветъ общаго умиротворенія, то онъ потеряетъ всякую силу. При подобныхъ условіяхъ нельзя было надѣяться, чтобы Порта отнеслась къ протоколу съ большимъ уваженіемъ чѣмъ къ предъидущимъ заявленіямъ кабинетовъ. Въ это то время Его Императорское Величество, не признавая возможнымъ оставаться долѣе въ положеніи, которое не было ни миромъ, ни войною, которое оскорбляло чувство всякаго русскаго и налагало на Россію обязательство безъ соотвѣтственнаго вознагражденія и безъ всякихъ видимыхъ результатовъ, Самъ рѣшилъ принять на Себя примѣненіе понудительныхъ мѣръ, безъ коихъ не было возможности найти никакого выхода. Государь Императоръ повелѣлъ сообщить всѣмъ европейскимъ кабинетамъ причины, въ силу которыхъ Онъ берется за оружіе и указать на цѣли войны.

Общая цѣль заключалась исключительно въ томъ, чтобы положить конецъ прискорбному порядку вещей, благодаря коему востокъ оставался постоянною угрозою для всеобщаго мира, и предотвратить такой порядокъ на будущее время, предоставивъ христіанскимъ подданнымъ Султана такія гарантіи, которыя могли бы дѣйствительно ихъ обезпечить отъ своеволія турецкой администраціи.

Императорскій кабинетъ ни на минуту не уклонился отъ этой цѣли. При самомъ открытіи военныхъ дѣйствій были постановлены условія, на которыхъ мы примемъ миръ, если Турція будетъ его просить *до* перехода нами Балканъ. Означенныя условія были сообщены въ іюнѣ 1878 года кабинетамъ Лондонскому и Вѣнскому, наиболѣе заинтересованнымъ въ вопросѣ, и обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. Читая ихъ въ настоящее время, не трудно убѣдиться, что они не отличаются существенно отъ постановленія берлинскаго конгреса.

Во время войны, пока войска наши стояли еще подъ Плевною, Императорскій кабинетъ снова сообщилъ кабинетамъ Берлинскому и Вѣнскому основанія, на которыхъ мы могли бы согласиться начать мирные переговоры, если бы Султанъ обратился къ намъ до открытія зимней компаніи. Наши требованія были почти тѣ же самыя, какъ и въ началѣ войны; они же послужили основаніемъ для заключенія перемирія уже послѣ того, какъ наши побѣдоносныя войска перешагнули черезъ Балканы и, пользуясь полнымъ разгромомъ турецкихъ силъ, дошли до Адріанополя, а въ Азіи, взявши Карсъ, достигли уже Эрзерума.

Такимъ образомъ основная, руководящая мысль политики Императорскаго кабинета выдѣляется сама собою и изъ предшествовавшихъ войнѣ негоціацій и изъ переговоровъ, которые велись во время военныхъ дѣйствій и послѣ нихъ. Можно сказать, что эта мысль находилась въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ ходомъ нашей политики въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Наша политика никогда не задавалась цѣлью разрушить оттоманскую Имперію. Хотя это мусульманское нашествіе въ Европу дѣйствительно представляется явленіемъ ненормальнымъ, не имѣющимъ другихъ оправданій, кромѣ силы оружія, но въ теченіе своего четырехвѣковаго существованія оно пустило слишкомъ глубокіе корни для того, чтобы прекращеніе его не вызвало общаго сотрясенія на востокѣ и въ Европѣ. Нашъ кабинетъ задавался исключительно цѣлью положить рѣшительный конецъ возмутительному, съ человѣческой точки зрѣнія, угнетенію христіанъ—постоянной причинѣ смутъ и опасностей для общаго мира.

Въ то время, когда всякое сопротивленіе турокъ было уже немыслимо и Турецкое правительство должно было подчиниться всѣмъ рѣшеніямъ войны, наши арміи снова пріостановили подъ самыми стѣнами Константинополя свое побѣдное шествіе и явили тѣмъ еще разъ доказательство, что наше Правительство столь же твердо въ своихъ принципахъ умѣренности, какъ и въ своихъ христіанскихъ симпатіяхъ. Постоянно обращаясь, въ теченіе настоящаго кризиса, къ содѣйствію великихъ державъ, Императорскій кабинетъ подтвердилъ, что онъ нисколько не намѣревается подчинить рѣшеніе восточнаго вопроса видамъ личнаго честолюбія, что вопросъ долженъ быть разрѣшонъ въ Европѣ, а не въ Турціи всѣми державами и согласно общимъ интересамъ. Но въ то же время было желательно, чтобы результаты были на этотъ разъ серьезно гарантированы, дабы потраченныя усилія не обратились снова лишь въ тягостный опытъ. Взявшись за оружіе для достиженія этихъ цѣлей и выдержавъ упорную борьбу, Россія конечно имѣла несомнѣнное право обезпечить себя и взятые ею подъ свою защиту народы отъ возобновленія подобныхъ же бѣдствій въ будущемъ.

Таковы были руководящія побужденія при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора. Предварительный характеръ этого акта ясно указывалъ, что мы не имѣемъ въ виду рѣшать вопросъ самолично. Постоянныя заявленія нашего кабинета, что все, затрогивающее интересы Европы, будетъ подвергнуто общему обсужденію, доказываетъ въ достаточной мѣрѣ рѣшимость нашу остаться вѣрными въ восточномъ вопросѣ солидарности съ великими державами, которой мы постоянно добивались въ теченіе 20 лѣтъ.

Санъ-Стефанскій договоръ преслѣдовалъ двѣ цѣли: опредѣлить точнымъ образомъ спеціально-военные пункты, разрѣшенные въ предварительныхъ условіяхъ мира только въ общихъ чертахъ, и связать Турцію извѣстными обязательствами передъ Россіею относительно тѣхъ основаній, на которыхъ должна была отнынѣ покоиться организація Балканскаго полуострова. Проникнутый чувствами солидарности съ Европою, нашъ кабинетъ согласился на созваніе конгреса, дабы упрочить умиротвореніе востока санкціею великихъ державъ. Онъ первый поддержалъ идею собранія представителей кабинетовъ, дабы придать вопросу боль-

шее значеніе и рѣшеніямъ Европы большую обязательность. Дѣйствительно, никогда еще въ политической жизни Европы не было столь торжественнаго случая для цивилизованныхъ народовъ созвать мудрымъ и примирительнымъ актомъ новую эру въ лѣтописяхъ мирнаго развитія человѣчества.

Исторія скажетъ свое слово о томъ, насколько Берлинскій конгрессъ оправдалъ эти ожиданія, насколько широки были его замыслы и до какой высоты доходили его сужденія; она покажетъ, съумѣли ли участники его отрѣшиться отъ эгоистическихъ заботъ и завистливаго соперничества; однимъ словомъ, она раскроетъ на сколько нашли отголосокъ въ этомъ собраніи великодушныя чувства Россіи, запечатлѣнныя русскою кровію. Плоды укажутъ, каково было древо.

Нынѣ мы ограничиваемся только констатированіемъ результатовъ конгресса.

Турки потеряли свое владычество на большей части Балканскаго полуострова. Независимость Сербіи и Румыніи была объявлена, независимость же Черногоріи подтверждена формальнымъ образомъ. Границы этихъ княжествъ расширены. Боснія и Герцеговина изъяты изъ-подъ вѣдѣнія турецкой администраціи и избавлены отъ ея злоупотребленій. Болгарія къ сѣверу отъ Балканъ организована въ видѣ отдѣльнаго автономнаго княжества, связаннаго одною только данью. Большая часть южной Болгаріи, подъ названіемъ Восточной Румеліи, соединена въ одну провинцію съ административною автономіею и губернаторомъ изъ христіанъ, подъ контролемъ Европы. Остальнымъ провинціямъ Турціи будутъ даны учрежденія, въ созданіи и примѣненіи которыхъ примутъ участіе делегаты великихъ державъ. Что касается собственно Россіи, то въ Европѣ ей возвращена та часть территоріи, которая была отъ нея отрѣзана послѣ Крымской войны, вслѣдствіе чего она вновь достигла Дуная. Въ Азіи мы пріобрѣтаемъ цѣлую новую территорію съ портомъ и важными стратегическими позиціями, которыя обезпечиваютъ нашу безопасность и наше развитіе на будущее время.

Было бы неправильно преувеличивать значеніе этихъ результатовъ, но столь же несправедливо было бы ихъ умалять.

Дѣйствительно, они далеки отъ того, на что Россія имѣла бы право разсчитывать послѣ столькихъ жертвъ и послѣ славной войны; они даже не вполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ востока и Европы, которые выиграли бы, если бы этотъ кризисъ кончился болѣе радикальнымъ и нормальнымъ рѣшеніемъ. Берлинскій трактатъ имѣетъ несомнѣнно слабыя стороны. Одна изъ наиболѣе подверженныхъ критикѣ заключается въ томъ, что все разграниченіе основано на соображеніяхъ географическихъ и политическихъ, безъ всякаго вниманія къ этнографическому элементу. Императорскій кабинетъ предлагалъ другое основаніе для разграниченія, болѣе раціональное и справедливое—принципъ національности большей части населенія, принципъ, который давалъ бы полную свободу развитія всѣхъ народовъ въ ихъ естественныхъ границахъ. Къ сожалѣнію, отъ этого принципа пришлось отказаться.

Тѣмъ не менѣе все зависитъ отъ того, какимъ образомъ будутъ исполнены постановленія конгресса.

Нельзя не сказать еще разъ: затрудненія, съ коими связано рѣшеніе восточнаго вопроса, заключаются не въ Турціи, а въ Европѣ. Каковы бы ни были представляемыя ими компликаціи, онѣ естественно не могутъ превосходить размѣра тѣхъ силъ, коими располагаютъ цивилизованные народы Европы. Но вліяніе Европы на востокѣ всегда бывало парализовано чувствами взаимнаго недовѣрія и соперничества кабинетовъ. Если бы державы соединились въ общихъ усиліяхъ для упроченія зачатковъ, положенныхъ конгрессомъ, дабы сдѣлать изъ нихъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія народовъ востока, то дѣло конгреса конечно не было бы безплоднымъ ни для Европы, ни для востока. Императорскій кабинетъ, убѣдившійся долгимъ опытомъ, что солидарность и согласіе суть единственные залоги благополучія и общаго мира для всего христіанскаго востока, явилъ крайнее миролюбіе. Нынѣ его задача—блюсти, чтобы всѣ прежнія усилія не пропали даромъ.

Въ этомъ отношеніи мы достигли существеннаго результата. Трактатъ 1856 года, этотъ памятникъ политическихъ страстей, которыя вызвали несправедливую войну и такой же миръ, этотъ актъ, который поставилъ Россію въ положеніе, недостойное великой державы, и который связывалъ въ теченіе 22 лѣтъ руки какъ Россіи, такъ и Европѣ, обезпечивалъ турецкому правительству полную безнаказанность и вызывалъ постоянные безпорядки, послужившіе, между прочимъ, причиною и настоящей войны; этотъ трактатъ, который всѣми нарушался и отъ котораго отрекались даже его создатели—не существуетъ больше. Побѣдоносныя русскія войска разорвали его, а Берлинскій конгрессъ вычеркнулъ изъ исторіи. Россія пріобрѣла полное право блюсти за результатами своихъ усилій; она не позволитъ ихъ уничтожить.

То, что совершается на нашихъ глазахъ теперь, сопровождало впрочемъ и всѣ прежнія наши войны на востокѣ. Несмотря на всѣ наши успѣхи, мы никогда не могли разрѣшить задачу кореннымъ образомъ. Намъ приходилось всегда останавливаться передъ непреоборимыми трудностями задачи, передъ сплоченной стѣной интересовъ и страстей, которые вызывались нашими успѣхами. Но со всякою послѣдующею войною мы дѣлали новый шагъ къ достиженію нашей окончательной цѣли. Это есть та кровавая и славная черта, которая проведена черезъ всю нашу исторію и которая должна привести неизбѣжно къ выполненію нашей исторической миссіи—освобожденію христіанскаго востока.

Какъ бы ни были несовершенны результаты Берлинскаго конгреса, они все-таки представляютъ новый шагъ по прежнему пути, шагъ весьма важный, хотя и пріобрѣтенный дорогою цѣною. Остается только ихъ укрѣпить и затѣмъ дать имъ возможность развиваться. Такова задача ближайшаго будущаго.

Оттоманская имперія вступила въ новую фазу отношеній къ христіанской и цивилизованной Европѣ. Если она пойдетъ по открывающемуся передъ нею пути съ полною откровенностію и желаніемъ точно исполнять условія, гарантирующія автономію ея христіанскихъ подданныхъ, передъ нею можетъ открыться счастливое будущее. Россія, имѣющая на своей обширной территоріи многіе милліоны подданныхъ мусульманъ, религію коихъ она охраняетъ, также какъ и

ихъ благоденствіе, не будетъ угрожать Турціи; напротивъ, можетъ стать ея лучшимъ союзникомъ. Въ противномъ случаѣ, Порта сама подпишетъ свой приговоръ. Императорскій кабинетъ не перестанетъ прилагать всѣ усилія, чтобы удержать ее на томъ пути. Онъ будетъ продолжать притягивать Европу къ общему дѣлу и съ своей стороны будетъ точно исполнять лежащія на немъ обязанности.

Во всякомъ случаѣ, Россія исполнила то, что считала своею задачею, честно и мужественно. Она не дѣлала торга ни изъ своихъ жертвъ, ни изъ своихъ успѣховъ. Связанная съ своимъ Монархомъ тѣснѣйшими узами преданности, она черпала въ этомъ неразрывномъ союзѣ непобѣдимую силу, которая обезпечила за нею побѣду и которая поможетъ ей вознаградить свои потери. Эти узы долга свойственны только великимъ націямъ.

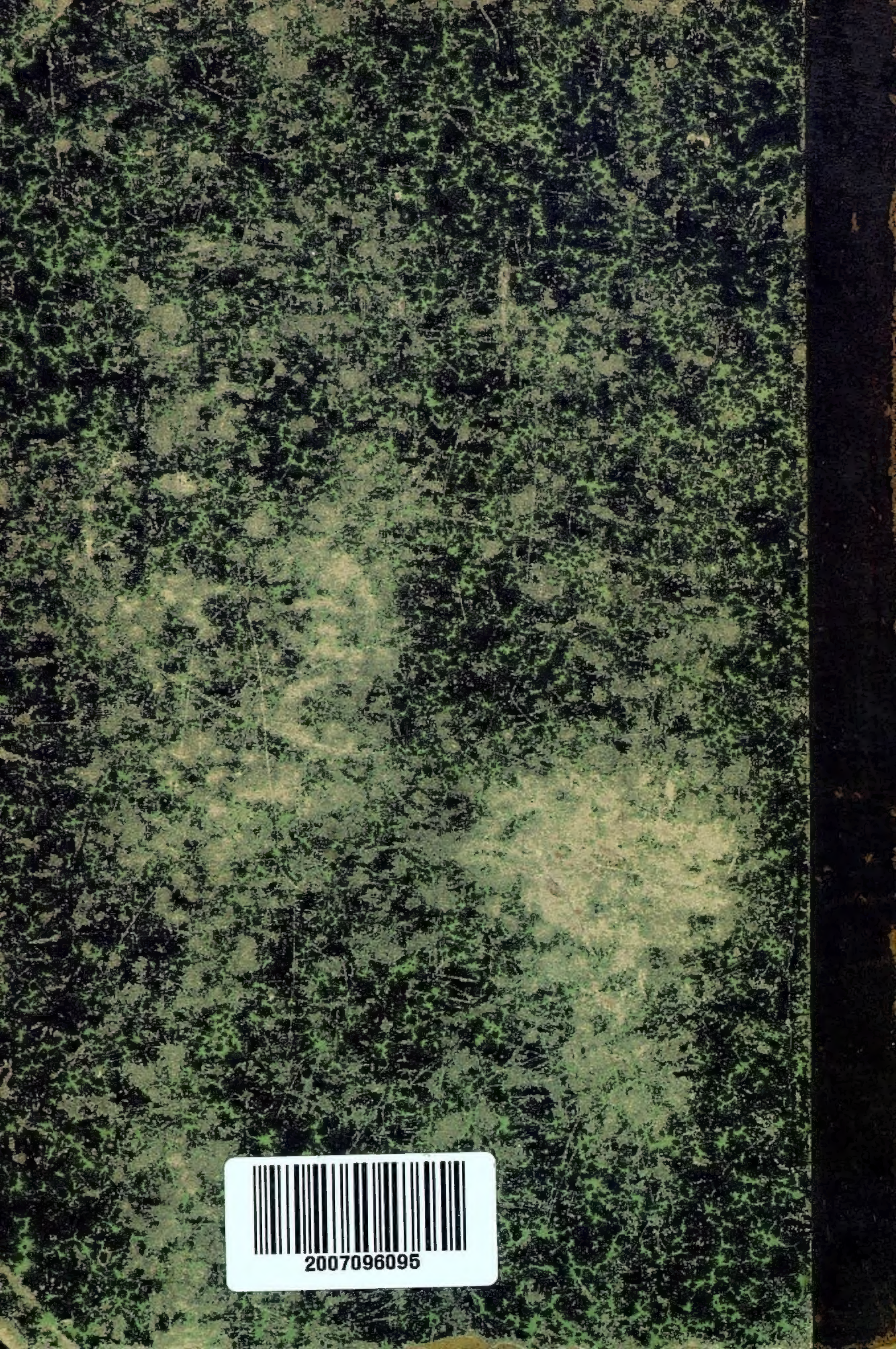
И такъ не напрасно лилась кровь этихъ храбрыхъ воиновъ на поляхъ сраженій въ Болгаріи и Арменіи, на валахъ Плевны и Карса, въ тѣснинахъ Шипки и на равнинахъ Румеліи; не напрасно русскій народъ безропотно несъ бремя войны и отъ мала до велика представилъ такъ много доказательствъ самоотверженія, черпающаго свои силы въ религіи, въ патріотизмѣ и гуманности; не напрасно, наконецъ, умѣренный въ своей побѣдѣ, онъ подчинилъ права побѣдителя высшимъ интересамъ общаго мира и солидарности народовъ.

Жертвы эти уже принесли плоды и принесутъ ихъ еще больше въ будущемъ Милліоны людей получили свободу, новый міръ, міръ христіанскій, призванъ къ жизни и направленъ по пути цивилизаціи. Новый свѣтъ озарилъ самыя мрачныя глубины восточнаго царства, скрывавшія въ себѣ столько неизвѣстныхъ бѣдствій, столько непомѣрныхъ страданій, исцѣленіе которыхъ, задержанное въ теченіе многихъ столѣтій, есть въ настоящее время небольше какъ вопросъ времени.

Если не все еще сдѣлано, если въ дѣло вмѣшались и недовѣріе, и предубѣжденіе, и политическая зависть, эгоистическіе разсчеты матеріальнаго характера и борьба партій, то все-таки нужно признать, что многое уже исполнено. Россія можетъ гордиться сознаніемъ, что она не мало содѣйствовала успѣшному концу общаго дѣла своимъ великодушнымъ и рѣшительнымъ вчинаніемъ, а потомъ своею умѣренностію. Она можетъ быть убѣждена, что въ лѣтописяхъ все мірной исторіи дѣло ея заслужитъ славную страницу, что не смотря на временныя препоны, порождаемыя страстями, пороками и слабостями людей, человѣчество идетъ къ тѣмъ же неуклоннымъ цѣлямъ, которыя предначертаны ем у Провидѣніемъ.

Берлинскій конгрессъ былъ только роздыхомъ, остановкою на этомъ трудномъ пути. Оцѣнивая его съ этой точки зрѣнія, Россія находитъ въ прошедшемъ вѣру въ будущее.

КОНЕЦЪ.

2007096095